

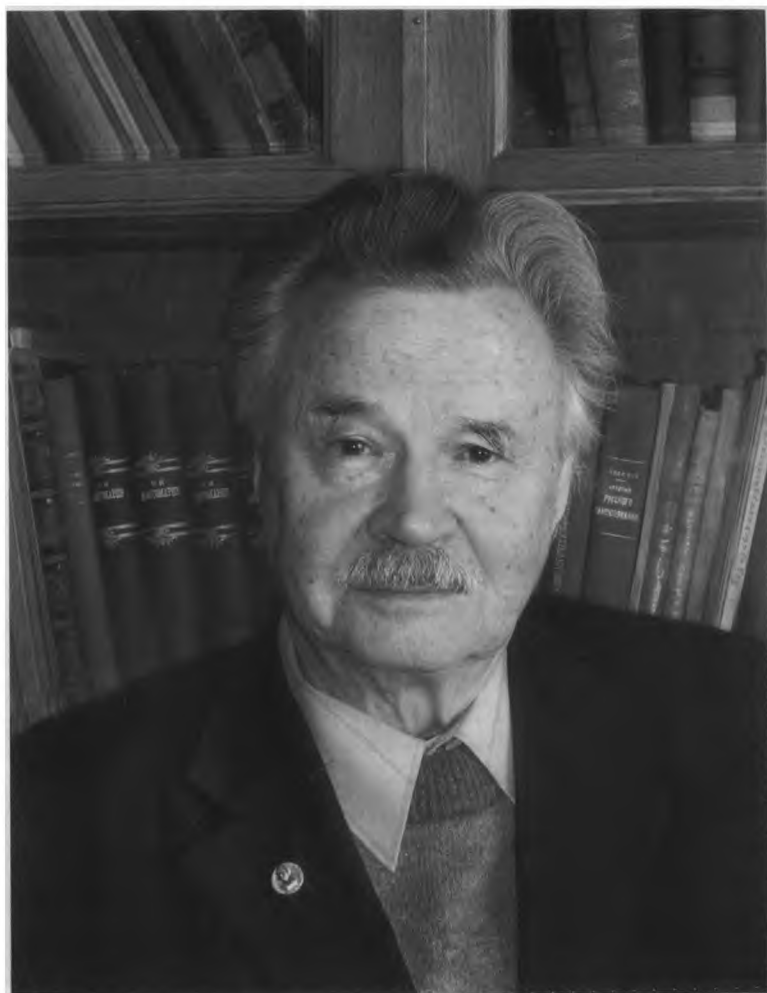

Л.В. Милов

По следам
ушедших
эпох

НАУКА

Shmoo

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Л.В. Милов

По следам ушедших эпох

Статьи и заметки

МОСКВА НАУКА 2006

Милов Л.В.

По следам ушедших эпох : статьи и заметки / Л.В. Милов ; Отделение историко-филологических наук РАН. – М. : Наука, 2006. – 730 с. – ISBN 5-02-035129-6 (в пер.).

В книгу вошли работы по истории Древнерусского государства, касающиеся изучения исторических текстов. Среди них – заметка об уцелевших в Правде Ярослава XI в. следах древнейшей процедуры судебных разбирательств в лице так называемых «послухатаев»; исследование особенностей создания уникальной пергаменной рукописи XIV в., сохранившей тексты конца X–XII в.; исследование о времени создания Пространной Русской Правды, а также работа об особенностях протографа Ипатьевской летописи, содержавшей словесные портреты князей XII в. К ним примыкает и статья об атрибуции трехтомной анонимной «крестьянской энциклопедии» конца XVIII в. и некоторые другие источниковедческие разработки. Ряд статей автора посвящен применению методов математической статистики в решении важных проблем аграрной экономики XIX в., а также о сравнительной эффективности поместья и вотчины XVII в. В числе общих проблем можно отметить статьи о причинах возникновения крепостничества, о российском типе генезиса капитализма, о роли природно-климатического фактора в истории России, о некоторых специфических формах собственности в средневековье, новом и новейшем времени, об общем и особенном российского феодализма, о социальной природе творческой интеллигенции и др.

Для историков, историков экономики, историков древнерусской литературы и всех, кто интересуется историей нашей страны.

По сети «Академника»

ISBN 5-02-035129-6

© Отделение историко-филологических наук РАН, 2006

© Милов Л.В., 2006

© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2006

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый читателю сборник избранных трудов был подготовлен к 75-летнему юбилею его автора – академика РАН, профессора, заведующего кафедрой истории России до начала XIX в. Исторического факультета Московского государственного университета Леонида Васильевича Милова.

Вклад Л.В. Милова в отечественную историческую науку огромен. Трудно переоценить значение разработанной им и изложенной в монографии «Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса» концепции исторического развития России, суть которой заключается в выявлении масштабов воздействия природно-климатического фактора на формирование и развитие российского социума. Основываясь на огромном источниковом материале, зачастую по крупницам разбросанному в документах разных эпох, Л.В. Миллов показал каким образом природно-климатические условия Восточной Европы обусловили особенности становления и развития социально-экономических и политических институтов феодальной России и специфики генезиса капитализма. Л.В. Миллову удалось доказательно раскрыть конкретно-исторический и экономический механизмы воздействия географических и климатических особенностей Восточной Европы на труд крестьянина-земледелца – основного производителя общественного богатства в феодальном обществе, механизмы ограничения возможностей интенсификации хозяйства и опосредованного влияния этого фактора на формирование «общества с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта» и отсюда – появление «компенсационных механизмов выживания» в социальной и политической структурах российского общества.

Создание этой концепции стало возможным благодаря редким даже для самых маститых ученых-историков чертам

научного творчества Л.В. Милова: широта тематического и хронологического охвата, неизменный и глубокий интерес к основополагающим вопросам русской истории, стремление понять причины и корни явлений и процессов, определявших социальное, экономическое и политическое развитие России, наконец, доскональный и всесторонний источниковедческий анализ и применение не только традиционных, но и количественных методов исторического исследования.

Каждая из принадлежащих Л.В. Милову книг открывала что-то новое в изучаемой теме и становилась неординарным событием в науке. Написанная на основе кандидатской диссертации монография «Исследование об “Экономических примечаниях” к Генеральному межеванию второй половины XVIII – начала XIX в. (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.)» (1965) до сих пор остается единственным по своей полноте исследованием этого фундаментального корпуса исторических материалов о социальной и хозяйственной жизни России второй половины XVIII – начала XIX в., а написанная на материалах докторской диссертации совместно с акад. И.Д. Ковальченко монография «Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа» (1974) стала важным рубежом в изучении внутреннего рынка страны. В разделах книги «Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источник, компьютер и методы исследования» (1986, в соавт. с М.Б. Булгаковым и И.М. Гарсковой), написанных Л.В. Миловым, ученому удалось поставить точку в длительной дискуссии о сути налоговой реформы 1620-х годов, а также показать наличие не только юридических, но и хозяйственно-экономических различий между поместьем и вотчиной. Наконец, интереснейшее исследование было проделано в спецсеминаре Л.В. Милова, результаты которого были опубликованы в коллективной монографии Л.В. Милова и его учеников «От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства» (1994): на основе специально разработанной методики с помощью процедур контент-анализа исследовались тексты, относительно авторства которых в литературе существуют неоднозначные мнения. Это и «Повесть временных лет», и «Слово о законе и благодати», и «Слово о полку

Игоре́ве», и тексты посланий Ивана Грозного, и сочинения А.Т. Болотова и мн. др.

Монографические работы, однако, не отражают всего того, что на сегодняшний день создано Л.В. Миловым. Результаты многих исследований и размышлений ученого были опубликованы в статьях, разбросанных в разных изданиях и также составляющих заметное явление в историографии. Так, вышедшая в 1963 г. работа «О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.» по сути дела пересматривала существовавшие представления об эволюции систем земледелия в феодальную эпоху, показывая значительную роль «неклассических» их видов в хозяйстве русского крестьянства. Статья 1981 г. с «немодно» звучащим ныне названием «Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. (некоторые проблемы теории)» содержала резкую полемику с господствовавшими в те годы тезисами о высокой степени организованности крестьянских движений, их «антифеодальной» направленности. Рецензия на труд «Аграрная история Северо-Запада России», написанная совместно с Н.А. Горской, превратилась в веху на пути изучения новгородского крестьянства рубежа XV–XVI вв. Тончайшее понимание исторического контекста и умение проникнуть вглубь сухих, подчас непонятных нашему современнику, терминов и понятий далекого прошлого позволили раскрыть особенности новгородской единицы налогообложения (обжи), что, в свою очередь, разрешило проблему расслоения крестьянства для периода конца XV – начала XVI в. Работа «О причинах возникновения крепостничества в России» (1985) уводила споры о происхождении крепостного права, ранее замыкавшиеся на противостоянии сначала тезисов об «указном» или «безуказном» закрепощении, а затем о вытекании крепостничества из барщины или барщины из крепостничества, в рассмотрение этого явления как закономерно образующегося в рамках модели общественного строя, сформировавшегося в средневековой Руси, в понимание фундаментальных оснований этого института. В опубликованной в 1992 г. статье «Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса» автором впервые была сформулирована концепция воздействия географических условий Восточноевропейской

равнины на тип общественного и государственного устройства России в средние века и новое время.

Такой же большой вклад в историческую науку являют собой и работы, посвященные проблемам Киевской Руси. Статья «О происхождении Пространной Русской Правды» (1989) выводит исследование датировки крупнейшего законодательного памятника средневековой Руси на качественно новый уровень – сочетания текстологического и кодикологического анализа, что позволило доказать гипотезу о возникновении Пространной редакции Русской Правды в начале XII в. В работе «Византийская Эклога и “Правда Ярослава” (к рецепции византийского права на Руси)» (1999) проведены сопоставительный анализ древнерусских нарративных и юридических памятников и исследование перевода и бытования на Руси текста Эклоги, что позволило пролить свет на «загадочные» реформы князя Владимира Святославича и их отражение в начальной части Русской Правды, что в целом изменило представление об уровне правового развития Киевской Руси.

Перечисленные выше и другие статьи Л.В. Милова, опубликованные в разное время и в разных изданиях, вошедшие в этот юбилейный сборник, дают представление о разностороннем научном творчестве крупнейшего историка современности.

Академик В.Л. Янин

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ОБ «ИЗВОДЕ ПРЕД 12 ЧЕЛОВЕКА» ПРАВДЫ ЯРОСЛАВА

В Краткой Русской Правде (Правде Ярослава) ст. 15 давно вызывает разногласия в той своей части, которая касается «извода пред 12 человека» (мужа), хотя общий смысл статьи понимается более или менее однозначно («Аже где възищеть на друзе проче, и он ся запирати почнетъ, то ити ему на извод пред 12 человека [мужа], да аще будетъ обидя не вдал (будеть) достоинт ему свои скот, а за обиду 3 гривне»). Уточним лишь, что некоторые историки (Н.М. Карамзин, А.А. Зимин, Я.Н. Щапов) предпочитают видеть в статье 15 не процедуру возврата займа, а процедуру возврата похищенного имущества, причем той его части, которая при возврате утаена. От себя же заметим, что эта статья логически связана с двумя предыдущими в один блок и касается пропажи обнаруженной у кого-то (друзе) вне (проче) «своего мира»¹. Иначе говоря, речь должна идти не об «остальном» имуществе, а вообще о похищенном в целом.

Что же касается «извода пред 12 человека», то разноречия в литературе, на наш взгляд, весьма существенны. В.Н. Татищев, в частности, полагал, что речь должна идти о суде «пред 12 человека». И.Ф.Г. Эверс считал, что 12 человек были избраны всей округой и выступают по сути как своего рода присяжные². Примерно той же позиции придерживался Н.М. Карамзин (присяжные «разбирали обстоятельства дела по совести, оставляя судье определить наказание и пеню»)³. А.И. Загоровский вполне откровенно оценил материал источника явно недостаточным для четких суждений (он пишет просто о «каких-то 12 человеках»)⁴. Н. Ланге склонялся к тому, что «извод пред 12 человека» — это просто очная ставка с 12 свидетелями⁵. Очень близка к этой позиции точка зрения Н.А. Максимейко. Он считает, что 12 человек — это свидетели, это «способ доказывания», «а не тот компетентный суд, к которому надо обращаться за решением спора»⁶.

Из современных исследователей к подобной точке зрения склоняется Я.Н. Шапов: «12 мужей фигурируют здесь в качестве свидетелей доброй славы – послухов». Такое решение подкрепляется, по мнению ученого, и ст. 47 Пространной Правды⁷. В. Удинцов, наоборот, писал о том, что роль 12 мужей «недостаточно ясная», «во всяком случае, это не свидетели, так как перед ними присягают истец и ответчик». Вместе с тем, как бы размышляя, он считает наиболее похожей на процедуру извода формулу договора Новгорода с Немцами 1195 г. («Оже емати скот варяги на русине или русину на варязе, и ся его заприть, то 12 муж послухы идеть рота, возметь свое»)⁸. Кстати, В. Удинцов отмечает сходство процессуальных принципов ст. 15 с Вестготской и Салической правдами, объясняя это «общностью происхождения народов и общностью праворазвития». Однако М.Н. Тихомиров настаивает на том, что обычай свидетельства 12 мужей «был постоянным явлением в славянских землях», приводя в пример текст из Закона Судного людем и Законника Стефана Душана. В договоре Новгорода с Немцами 1195 г. М.Н. Тихомиров видит прямое тождество со ст. 15⁹. Из современных исследователей такую общность пытается проследить М.Б. Свердлов, проводя, в частности, параллель ст. 15 Краткой Правды с Баварской Правдой (при краже имущества от 12 солидов и больше, или краже лошади, или раба в случае отрицания содеянного подозреваемый должен дать клятву с 12 помощниками из своего рода или двух бойцов для судебного поединка)¹⁰.

Среди иных мнений важно отметить суждение И. Грыцько, считающего извод «перед 12 человек» повальным обыском в уголовном процессе о татьбе. К этой позиции близко и мнение Гетца об «изводе перед 12 мужами» как общинном суде¹¹.

Наконец, весьма интересны суждения П. Мрочека-Дроздовского и М.Ф. Владимирского-Буданова. Первый из них размышляет о 12 мужах, которые, по его мнению, «очевидно и решают тяжбу: следовательно, это и есть судьи, вероятно, земляки сторон или ответчика. Судьи судят по изводу; известися... истцу перед судьями значит отстоять свои требования, доказать им правду – как и чем бы то ни было, следовательно, извод есть общее понятие судебного доказательства»¹². М.Ф. Владимирский-Буданов считает, что «комиссия 12-ти состоит из послухов свидетелей заключенной сделки, которые в то же время были судьями относительно этой сделки. Не только в исках, возникающих из договоров, но и уголовных, «послухи должны рассудить», как выражается Эклога Льва и Константина (зач. 16, ст. 7)»¹³.

Оба мнения ученых заслуживают внимания, ибо правота их отчасти подтверждается терминологией древнерусских перево-

довз византийских юридических текстов. Речь идет, в частности, о подборке новелл Юстиниана, известной как Собрание постановлений в 87(93) главах, составленное Иоанном Схоластиком. Наиболее ранний список этого собрания дошел до нас в древнейшей на Руси Кормчей книге в числе статей, идущих вслед за текстом Новомоканона XIV титулов без толкований¹⁴. Традиционный взгляд на перевод этой Кормчей книги как древнеболгарский был, на наш взгляд, аргументированно пересмотрен в пользу его древнерусского происхождения¹⁵. Тем самым была поддержана давняя точка зрения А.С. Павлова, а также солидарных с ним Н.Н. Дурново и М.Н. Сперанского.

Таким образом текст Ефремовской Кормчей, равно как и недосягающий конец его, сохранившийся в Соловецком и Троицком списках, мы можем рассматривать в качестве наиболее раннего текста первой половины XI в. (Ефремовский список датируется концом XI – началом XII в.).

Рассмотрим, в частности, весьма важный для данного случая фрагмент 123-й новеллы (§ 21). Приведем его наиболее интересную часть: «Аще кѣто на коего клирика, или мѣниха, или на слоужьбѣницу, или на чѣрноризицу имать коую прю, да наоучить пѣрвѣ пр(е)п(о)д(о)бного еп(и)с(ко)па, емоу же кѣиждо подѣлезжитъ; он же вещь межю ими да соудитъ; и аще каяждо чѣсть соуужеными оумѣлчить, повелѣваемъ кѣняземъ сѣя въ изведе-ние прѣдаяти; аще ли кѣто от(ъ) прѣящихъся мѣне десяти дѣновъ противоу речеть соуди бывѣшихъ, тѣгда соущи на мѣстѣ кѣнязь въщъ да испытаетъ и, аще обрящетъ соудъ право бывающъ, и развѣ причѣта своего сѣи да извѣститъ и изведениу прѣдасть соууженая, и не подобаетъ вѣторое въ таковѣи вещи поодвигъшися повѣдати пѣрю...»¹⁶.

Как видно из текста, при возникновении каких-либо обвинений (претензий) к духовным лицам прежде всего привлекается к рассмотрению епископ, ибо он (должен) разбирать тяжбы между ними. В случае, если судящиеся ничего не говорят по сути дела, то князь (местный) передает дело «въ изведение», что в данном контексте может быть понято как расследование, причем ведут его судьи. Если по прошествии определенного срока дело не сдвинулось с места, тяжбу рассматривает сам князь и, в случае правоты позиции суда, передает судящихся «изведению», т.е. дознанию. Причем о способах его и о том, кто его ведет, ничего не говорится.

В § 27 той же 123-й новеллы дано еще более тонкое определение «изведения»: «Аще кѣгда вина вѣзискаеть вѣспомяновения или изведение принести о винѣ каковааго имѣния, или о лнудѣстѣмъ, или о своемъ клирикоу, или мѣнихоу, или чѣрноризи-

ци каковааго манастиря и паче женьскааго, лицемѣрия развѣ съ подобною чѣстїю повелѣваемъ въспоминание и изведению быти...»¹⁷. Примерный перевод этого текста может быть следующим: «Если когда обвинение требует припоминание или дознание (узнавание) произвести об обвинении какой-либо мзды (?) в адрес мирского (человека) или клирика, или монаха, или монахини какого-либо монастыря, особенно женского, повелеваем с должным уважением, без оскорбления провести припоминание и узнавание (дознание)».

Таким образом из текста вполне очевидно следует, что дознание не сводится к простым припоминаниям. Это, видимо, своего рода следствие.

Наконец, в § 28 той же 123 новеллы процедура извода обогащена новыми функциями. Вот фрагмент этого текста: «Мънихомъ же подобаетъ или повелѣвающими своя пѣря или манастирскы повелѣвати, вѣдоущю си прѣстоупающю соуду или изводъники, яко пояса обнажитися и казнѣ пяти литр злата сътворити отъ вельлѣпааго комита приватъ, рекше сановъ, изводъникоу явѣ, яко и моуки приимающе и въ изгнание поущаемо...»¹⁸. Примерный смысл изложенного состоит в следующем: «Монахам же подобает [быть] решающими свои споры или по-монастырски приказывать; когда [же] заведомо нарушают [действия] суда или изводников, [тогда], в частности, изводнику открыто, от [имени] великолепного «комита приват», то есть сановника, совершить обнажение [от] пояса и наказание [штрафом] пятью литрами злата, или, например, применить муки и отправить в изгнание...». Вполне очевидно, что здесь изводник выступает и как ведущий дознание, и как исполнитель приговора (εκβιβαστον)¹⁹.

Разумеется, в переводе с греческого термины, взятые из практики древнерусского общества, применены с некоторой условностью. Тем не менее, их главные ипостаси отражены, скорее всего, вполне достоверно. «Изведение» – это дознание, расследование, и ведут его не судьи, а «изводники».

Кто же выступает в этой роли? На это тексты 123-й новеллы Юстиниана ответа не дают. Однако есть возможность привлечь другие древнерусские переводы византийских юридических текстов. Здесь, в частности, речь должна идти о древнерусском переводе византийского свода VIII в., известном под названием «Эклога законов» (Эклога)²⁰. Автором этих строк был в свое время также пересмотрен традиционный для литературы взгляд на славянский перевод (а использовался он лишь в редакции Печатной Кормчей 1650 г.) как на болгарский. На самом деле более ранние списки с очевидностью обнаруживают его древнерусское

происхождение (в частности, список Троицкого Мерила Праведного третьей четверти XIV в.)²¹.

В данном случае древнерусский перевод ценен тем, что в нем своеобразно интерпретированы исходные греческие лексемы, обозначающие «судью» (οἱ δικάται; οἱ ἀχροαταί)²². Если первая лексема – это главный в Эклоге термин, означающий судью, то вторая встречается довольно редко (около десятка раз). Буквальный перевод этого термина с греческого ἀχροαομαι – «слушать». Самое же, на наш взгляд, интересное заключается в том, что второй термин в семи случаях из девяти переведен древнерусским словом «послухатаи»²³. Этот термин уникален и единственный случай его употребления известен И.И. Срезневскому только по списку Златоструя XVI в. Своим применением в полном переводе Эклоги он, видимо, обязан чрезвычайной древности этого перевода. Автор этих строк датирует его периодом крещения Руси (в пределах нескольких лет после 988 г.)²⁴.

Термин ἀχροαταί в Эклоге применен преимущественно в тех текстах, где юридически суть дела требует не столько решения судей, сколько выяснения обстоятельств дела, что явно сближает эту практику с процедурой «изведения» (извода). В этой связи приведен ряд фрагментов Эклоги в русском и древнерусском переводах.

Фрагмент из XVII титула Эклоги (§ 47) в переводе Е.Э. Липшиц гласит: «Если в результате происшедшей схватки случилась смерть, то пусть судьи рассудят (οἱ ἀχροαταί καὶ τρεῖς ὄντες) и обследуют оружие, которым была причинена смерть»²⁵. В древнерусском тексте это выглядит следующим образом: «Аще распря, межю нѣкимъ бываючи, приключить(ся) см(е)рти проити, да расудятъ послухатаи, и да хранять, имъ же см(е)рть сдѣяна быс(ть)»²⁶. Л. Бургманн перевел ключевой момент так: «Sollen die Richter eine Ermittlung anstellen» (судьи должны предпринять дознание, распознавание и т.п.)²⁷. Иначе говоря, речь идет о самостоятельном дознании, «изведении» *послухатаев*. Однако в других фрагментах тот же оборот греческого текста (τρεῖς ὄντες οἱ ἀχροαταί)²⁸ в древнерусском тексте передан иначе: «да соблюдутъ послухатаи». Приведем эти фрагменты.

Перевод Е.Э. Липшиц

Тит. V, § 5. «Если завещание выполнено полностью так, как было указано выше, и если родители опускают при составлении завещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело»²⁹.

Древнерусский перевод

«(Аще) завѣ ту же, яко же речено бысть, отинудъ бывающю. Аще родителя своя присная чада и едино от нихъ оставять бес памяти, да соблюдутъ послухатаи»³⁰.

Тит. XI, § 1. «Если же получивший вклад ссылается на какой-либо несчастный случай – пожар или кражу, случившиеся у него, при котором вместе с его собственными погибли и чужие, пусть судьи произведут расследование»³¹.

Тит. X, § 1. «Если только не докажет, как положено, (что оно погибло и) что чужие вещи погибли вместе с его собственными, и тогда, следовательно, это расследуют судьи»³³.

«(Аще) ли прилучить(ся) напасти нѣкои или от(ъ) крадения наити на нь со своими его погибнути, и сия да сблюдутъ послухатаи»³².

«Аще не явить, когда такову яко правду нашедши напасть и съ своими погибнути чюжимъ, яко же речено ест(ь), о том сблюдутъ послухатаи»³⁴.

Как явствует из сравнения текстов, при передаче таких выражений, как «пусть судьи рассудят», «пусть судьи расследуют» (а в Тит. XI, § 1 у Л. Бургманна это выражение переведено лучше: «Dann sollen die Richter dies überprüfen», т.е. «перепроверить»³⁵), древнерусские переводчики лишь однажды дали точный эквивалент: «рассудять», но чаще прибегали к не вполне точному «сблюдутъ», что скорее обозначает «исполнят» (а может быть и «отстоят правду»). Впрочем, перевод здесь настолько древний (конец X в.), что в более поздних памятниках семантика этого глагола, возможно, сохранилась не полностью.

Выражение «да сблюдутъ же послухатаи» в Эклоге употреблено и в иных ситуациях. Так, в XVII титуле (§ 27) есть следующий текст: «Совершивший же прелюбодеяние не разлучается со своею женой, хотя у него отрезан нос. И расследование дела о прелюбодеянии должно быть проведено с большой тщательностью и судьи должны рассмотреть, что из себя представляют обвинители в этом процессе»³⁶. Древнерусский перевод его выглядит так: «Прелюбодейнику же от своя жены не отлучитис(я), аще он окорненъ естъ. Со многим же опасениемъ, еже о прелюбодѣяньи, да взискана будет глава, да сблюдутъ же послухатаи, огл(агол)авшия таковыя вины»³⁷. Наконец, в тексте древнерусского перевода встречаются фрагменты, из которых наиболее очевидно, что за «послухатаями» была функция дознания, «изведения». Это, в частности, фрагмент из § 41 XVII титула Эклоги: «Если же кто-либо, намереваясь выжечь солому или терновник на своем возделанном участке, заложил туда огонь, а огонь распространился дальше и сжег чужие возделанные участки или чужой виноградник, то судье надлежит заняться этим делом» (перевод Л. Бургманна греческого *δεῖ τὸν ἐριεργαξέοντα τὸν ἀχροατὴν* более точен: *muß der Richter eine Untersuchung anstellen* – судья должен предпринять расследование)³⁸. Древнерусский же текст

гласит: «(Аще) ли кто тростыи своя нивы или терны хотя поже- щы вътверженъ огонь на ня, огонь же болма паче проиде и поже- щы чюжая нивы или чюжь виноград, подобаетъ испытати послуха- таи»³⁹. Иначе говоря, послухатаи должны напрямую заниматься дознанием, перепроверкой, следствием и т.д.

Оговоримся, что переводчики в двух случаях отступили (по не вполне ясным причинам) от принятых ими же установок и пере- ве- ли *ахроатѡν* просто как «послухъ» и даже использовали кальку *пара ахроатаио* – «при послушавшихъ» («и се при послушавшихъ явиться», что означает: «и это доказал перед судьями»)⁴⁰. Подобная деталь, на наш взгляд, довольно важна. Древнерусский перевод Эклоги, предпринятый в период крещения Руси, сохранил следы глубокой архаики, когда еще действовали некоторые институты разлагающегося родоплеменного строя. В этот период и был обы- чай судебного «изведения» (дознания, следствия) с помощью осо- бой разновидности послухов «послухатаев». Византийские юриди- ческие тексты позволяют в итоге полагать, что акроаты – это су- дебные эксперты (Г.Г. Литаврин считает, что смысл греческого эквивалента лучше всего передать как «знатоки»), имевшие функ- ции следствия и иногда принимавшие судебные решения.

Таким образом «извод пред 12 человека» Правды Ярослава еще имел, скорее всего, мужей в качестве особой категории по- слухов – «послухатаев», т.е. людей, ведущих следствие и даже решающих судебные дела. Но, видимо, уже в конце X в. этот про- цессуальный институт под воздействием активизирующихся механизмов княжеской власти уже исчезал. Ведь в текстах Дре- нейшей Правды термина «послухатаи» нет, а функции их в даль- нейшем быстро сузились до роли простых послухов.

¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по пись- менным памятникам. СПб., 1893. Ст. 1608.

² Татищев В.Н. Русская Правда: предизвещение и примечания В.Н. Тати- щева // Продолжение Древней Российской вивлиофики. Т. I. СПб., 1786; Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право. СПб., 1835. С. 332–333.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. 5-е изд. СПб., 1842. Т. II. С. 37.

⁴ Загоровский А.И. Исторический очерк займа по русскому праву до кон- ца XII ст. Киев, 1875. С. 11–12; см. также Дубенский Д. Об Ярославовой Правде XI в. // Чтения Общества истории и древностей российских. 1846. Кн. 2. С. 15–16.

⁵ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив ис- торических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859–1860. Кн. 1–3, 5, 6. С. 177–178.

⁶ Максимейко Н.А. Опыт критического исследования Русской Правды. Харьков, 1914. Вып. 1. С. 30–32.

- ⁷ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1: Законодательство Древней Руси / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Л. Янин. Комментарий. Я.Н. Шапова. М., 1984. С. 56–57.
- ⁸ Удинцов В. История займа. Киев, 1908. С. 10, 11, 17, 51, 62.
- ⁹ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 70.
- ¹⁰ Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988. С. 62–63.
- ¹¹ Грыцько И. Участие общины в суде по Русской Правде // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России: 1860–1861. Кн. 5. С. 107; Goetz. Das Russische Recht (Русская Правда). Stuttgart, 1912–1913. T. I. S. 176.
- ¹² Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде // Чтения Общества истории и древностей российских (далее – ОИДР). М., 1917. Кн. III. С. 94.
- ¹³ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия по истории русского права. Изд. 5-е. Киев, 1899. Вып. 1. С. 28. Примеч. 19.
- ¹⁴ Срезневский И.И. Обзорение древних русских списков Кормчей книги. Спб., 1897. Прил. II (далее – Срезневский И.И. Обзорение). С. 67–103, 104–134.
- ¹⁵ Милов Л.В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5.
- ¹⁶ Срезневский И.И. Обзорение. С. 92.
- ¹⁷ Там же. С. 96.
- ¹⁸ Там же. С. 97.
- ¹⁹ В более поздних по времени сербских памятниках XIV в. термин «извод» однажды отмечен в значении судебного исполнителя. См.: Monumenta serbica. S. 561–566. Stephanes Uros II Serbine rex, fundat ecclesiam in Cjaćanica (6830–1322 г.).
- ²⁰ Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V / Hrgb. von Ludwig Burgmann. Löwenklau – Gesellschaft E.V. Frankfurt am Main, 1985; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965 (далее – Эклога).
- ²¹ Подробнее об этом см.: Милов Л.В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; Он же. Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1984. № 3.
- ²² Создатель русского, в целом прекрасного перевода Е.Э. Липшиц как и подготовивший великолепное «академическое» издание греческих текстов эклоги Л. Бургмани, не делают различий между этими терминами, считая их, видимо, синонимами (впрочем, Е.Э. Липшиц, опираясь на мнение Цахариз фон Лингенталля, считает акроатов местными судьями) Между тем на основе Книги Эпарха (конец X в.) Христофилопулос предположил, что акроаты являются лицами, присутствующими при разборе дела или разбирающими данное дело. М.Я. Сюзюмов, продолжая эти мысли, полагает, что речь может идти «об особом третейском суде из наиболее влиятельных ремесленников данной профессии» (см. Византийская Книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 261)
- ²³ Подробнее об этом см.: Милов Л.В. Византийская Эклога и Правды Ярослава (к рецепции византийского права на Руси) // Gennadios. М., 1998.
- ²⁴ Милов Л.В. Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // Jus Antiquum. Древнее право. 1996. № 1.

- ²⁵ *Эклога*. С. 72; *Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V.* S. 243.
²⁶ Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 382.
²⁷ *Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V.* S. 243.
²⁸ Там же. С. 190, 206, 208.
²⁹ *Эклога*. С. 52.
³⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 357.
³¹ *Эклога*. С. 60.
³² Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 373.
³³ *Эклога*. С. 59.
³⁴ Мерило Праведное по рукописи XIV в.. С. 371.
³⁵ *Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V.* S. 209.
³⁶ *Эклога*. С. 70.
³⁷ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 383.
³⁸ *Эклога*. С. 72; *Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V.* S. 240.
³⁹ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 389.
⁴⁰ Там же. С. 369, 359; *Ecloga. Das Gesetzbuch Leone III und Konstantinos V.* S. 202, 218; *Эклога*. С. 65.

Опубл.: Культура славян и Русь.
Сб. ст. к 90-летию акад. Б.А. Рыбакова.
М., 1998. С. 196–202.

О «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

(палеография и археография рукописи, чтение «русичи»)

За последние три десятилетия огромнейшая литература о «Слове о полку Игореве» пополнилась рядом важнейших исследований. Среди них труды известных ученых – В.П. Адриановой-Перетц, Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и других, а также коллективные работы, посвященные анализу идейного и художественного содержания, жанровой природы произведения, источниковедческих проблем, в том числе и текстологии¹. Новым этапом в изучении «Слова о полку Игореве» стали фундаментальные монографии Б.А. Рыбакова, в которых герои «Слова о полку Игореве», события и факты, описанные в поэме, впервые подверглись системному анализу и были вписаны в огромный исторический фон летописного материала². Громадное значение имеет коллективный труд «“Слово о полку Игореве” и памятники Куликовского цикла»³. Важнейшим событием в историографии «Слова» явилось издание Словаря-справочника «Слова о полку Игореве», составленного В.Л. Виноградовой (вып. 1–5. Л., 1965–1978).

С новой силой вспыхнул интерес и к проблемам, связанным с рукописью «Слова о полку Игореве», последним владельцем которой был граф А.И. Мусин-Пушкин. Оживленная дискуссия 60-х годов вокруг «Слова» вызвала появление целого ряда исследований, среди которых нужно прежде всего назвать работы Г.Н. Моисеевой, О.В. Творогова и Ф.Я. Приймы⁴. Г.Н. Моисеева изучала ярославский период местонахождения сборника Мусина-Пушкина, с большой долей вероятности доказав изъятие рукописи из монастырской библиотеки, сопровождавшееся подозрительными манипуляциями с описью, где был зафиксирован сборник. Г.Н. Моисеева подтвердила мнение О.В. Творогова, что в мусин-пушкинском сборнике был Хронограф распространенной редакции 1617 г., а следовательно, по крайней мере часть рукописи относилась по времени написания не ранее чем к XVII в.⁵ Тем не менее исследовательница не отвергла версию о том, что вторая часть сборника, куда входили текст Новгородской первой летописи младшего извода, «Повесть об Акире Премудром», «Сказание об Индийском царстве», «Девгениево деяние» и «Слово о полку Игореве», датируется XV–XVI вв. Таким образом, мнение о том, что сборник представлял собой конволют, т.е. сброшюрован из разновременных частей, выдвинутое впервые Е.В. Барсовым и развитое А.С. Орловым, остается и поныне признанным⁶.

Острый интерес вызывает исследование О.В. Творогова о датировке мусин-пушкинского сборника временем не позднее конца XVI в. Ученый заново пересмотрел основные принципы правописания рукописи и с учетом этого, а также практики изданий древних исторических и литературных памятников пришел к выводу, что важнейшие недостатки и особенности первого издания «Слова о полку Игореве» присущи были общей издательской практике XVIII в. Выявив около 300 различий в тексте Екатерининской копии (Е) «Слова о полку Игореве» с текстом издания 1800 г. (П), О.В. Творогов дал их сводную классификацию. Разночтения сгруппированы им по семи основным типам: 1) расхождения в написании *ъ* и *ь* в конце и середине слов (121 случай), 2) различия в постановке глухого после плавных *р* и *л* (60), 3) разноречием в употреблении *ѣ* и *е* (49), 4) разноречием в употреблении *ы* и *и* (27), 5) различия в написании *а* и *я* после шипящих (15), 6) разноречием в окончаниях типа *-аго*, *-ого* (6) и 7) и различия в суффиксах *-в-* и *-вл-* (6)⁷. Установив своего рода закономерности этих расхождений, О.В. Творогов пришел, на наш взгляд, к однозначному решению, что большинство расхождений объективно отражает лишь типичную практику изданий XVIII в., что «орфография подлинника представлялась им (издателям. — Л.М.) чем-то мало существенным сравнительно с его содержанием и вопросу о точном ее воспроизведении (или единообразном изменении) не придавалось значения»⁸.

Тем не менее сопоставление разночтений Екатерининской копии «Слова о полку Игореве» и первого издания 1800 г. дает возможность не ограничиваться подобными выводами⁹. Как известно, как раз обилие разночтений издания и копии, неясность происхождения многих из них, наличие резких орфографических непоследовательностей в тексте «Слова» — все это сыграло определенную роль в формировании точки зрения скептиков о неподлинности «Слова о полку Игореве». Этому способствовали и факты странного молчания издателей под натиском вопросов о внешних параметрах текста рукописи, погибшей в московском пожаре 1812 г., о правилах его транскрипции и т.п.

Стало быть, изучение палеографических и археографических аспектов издания 1800 г. должно не просто констатировать факт небрежного отношения издателей к тонкостям орфографии и археографии и их следования традициям археографической практики XVIII в., а включать более широкий круг вопросов. Так, можно ли, например, извлечь из чисто археографических материалов издания «Слова» прямые или косвенные свидетельства, дополняющие уже имеющиеся разнообразные и неопровержимые доказательства подлинности гениального памятника древне-

русской поэзии? Можно ли, в частности, найти какие-либо объяснения той нервной обстановке, которая сложилась после гибели памятника вокруг А.И. Мусина-Пушкина и участников издания «Слова», в археографических особенностях опубликованного текста? В настоящей статье делается попытка наметить некоторые пути к решению этих вопросов.

Необходимо сказать, что взятые в целом разночтения Екатеринбургской копии и текста издания 1800 г.¹⁰, дополненные вариантами чтений, сохранившихся в бумагах А.Ф. Малиновского (М), а также некоторыми выписками Н.М. Карамзина (К), приводят к выводу, что важнейшей их причиной была прежде всего уникальность самого памятника и особый подход публикаторов к его изданию. Обратимся к фактам.

Издание «Слова» отражает все-таки большей частью нетипичные приемы в археографии XVIII в., хотя, разумеется, оно в достаточной мере обнаруживает, как об этом писал Д.С. Лихачев, и типичную для этого времени археографическую практику¹¹. По словам А.Ф. Малиновского, оно было сделано «буква в букву». Напомним, что это означало в практике лучших изданий 70–80-х годов XVIII в. В частности, в предисловии подготовленного с величайшей тщательностью издания Новгородской первой летописи старшего извода оговаривалось, что на «трудные и делающие речь невразумительною литеры и слоги... и на самые речения и смысл, во многих местах также темный и невразумительный», в подстрочном примечании даны «изъяснения и примечания»¹². Вместе с тем «некоторые от писцова незнания, а иные от употребления... особливых наречий, другия же... получившие темность места, которых к истолкованию... дойти было не можно, оставлены на суд читателя без всякого объяснения»¹³. Иначе говоря, издатели должны были точнейшим образом передать текст летописи. Однако при печатании орфография памятника все-таки подверглась существенным исправлениям¹⁴. Во-первых, удалены все полугласные в так называемой слабой позиции (редуцированные *ъ* и *ь*). Вместо *дѣчь* издатели всюду ставили *дчрь*, вместо *възя* – *взя*, вместо *скопѣца* – *скопца*, вместо *Мсьтиславѣ* – *Мстиславѣ*, вместо *половьце* – *половцѣ*, вместо *рѣжи* – *ржи*, вместо *раздѣра* – *раздра*, вместо *въземѣше* – *вземше*, вместо *вънукѣ* – *внукѣ* и др. Полугласные *ъ* и *ь* оставлены лишь в сильной позиции, т.е. там, где они переходили в *о* и *е* (например, *бѣрзо*, *мѣлвляше*, *тѣгда*, *въсь*, *одѣрень*, *свѣргоша*, *дѣтинѣцѣ* и т.п.). Во-вторых, почти всюду удалено *я* после шипящих (вместо *почѣша* – *почаша*, вместо *избиѣша* – *избиша* и т. д.). В-третьих, не обозначена мягкость всюду, где она не звучала в XVIII в. (вместо *имуть* – *имутъ*, вместо *множествомъ* – *множе-*

ствемъ, вместо съ нимъ – съ нимъ, вместо братомъ – братомъ и т. д.). В-четвертых, все предлоги типа в, с, з, к, бес и т.п. поставлены с ъ при одновременной замене с на з (вместо ис–изъ, вместо бес–безъ, вместо с–съ, вместо к–къ и т. д.). Наконец, издатели сами заявили о введении в текст источника «нужного правописания» таких букв, как ѣ, в, і, и, поскольку летописцы «не наблюдали» правильного правописания. Поэтому в издании заменено: *сгоре* на *сгорѣ*, *Федоре* на *Федорѣ*, *Всѣслав* на *Всеславѣ*, *Михаилъ* на *Міхаилѣ*, *Гюргя* на *Гюргія* и т.д. По своему усмотрению издатели восстанавливали и буквы, сокращенные в связи с выносом букв поверх строки (так называемых надстрочных букв), сделанном в середине и особенно в конце слов (подведенные под титло). Здесь всюду четко действовали правила правописания, современные издателям 70–80-х годов XVIII в.¹⁵

Такой же практики придерживался и Н.Н. Бантыш-Каменский – один из издателей «Слова»¹⁶. Д.С. Лихачев убедительно показал, что и А.И. Мусин-Пушкин в издании «Поучения Владимира Мономаха» целиком следовал тем же принципам издания¹⁷.

Разумеется, тщательно подготовленное издание «Слова о полку Игореве» не могло избежать многих из вышеперечисленных приемов передачи в XVIII в. орфографии древнего текста*. Больше того, думается, что они здесь получили свое дальнейшее логическое развитие. В этой связи стоит вернуться к анализу некоторых, уже известных в литературе особенностей палеографии и археографии рукописи «Слова о полку Игореве».

Существует довольно определенное мнение о том, что орфография рукописи «Слова о полку Игореве» не имела южнославянского характера¹⁸, т. е. четких черт так называемого второго южнославянского влияния на русскую орфографию XV – первой половины XVI в. Признаки южнославянской орфографии носили в рукописи лишь характер пережитка, и ее правила применялись непоследовательно. Возможно, что это обстоятельство имел в виду А.И. Мусин-Пушкин, когда говорил, что в рукописи «не было правописания». Это крайне осложнило процедуру транскрипции орфографии рукописи при подготовке к печати и заставило публикаторов частично следовать традициям археографии XVIII в., а частично идти дальше, прибегая к экспериментам.

Исследования Д.С. Лихачева и М.В. Щепкиной показали, что издатели «Слова», так же, как и в случаях с «Поучением Владимира Мономаха», с Новгородской летописью и др., привнесли в тексты церковнославянское правописание XVIII в. и-десятирич-

* В данной статье мы не касаемся грамматического строя языка «Слова», глубокая древность которого ни у кого не вызывает сомнений.

ного. М.В. Щепкина считает, что в 82 случаях в самой рукописи в действительности было и-восьмиричное, и только в 12 случаях – и-десятиричное печатного издания, возможно, соответствовало орфографии рукописи. Д.С. Лихачев полагает, что последних было два. Сейчас это является общепризнанным¹⁹.

Как известно, характер разночтений Екатерининской копии и печатного издания (а также пометок А.Ф. Малиновского) свидетельствует также и о том, что издатели пытались по-своему «реконструировать» и правописание *ѣ* и *е* [П – *слѣтѣста*, Е – *слетѣста*; П – *пом'ѣркоста*, Е – *померкоста*; П – *златовръсѣмъ*, Е – *златовръсемъ*; П – *синѣмъ*, Е – *синемъ*; П – *Всѣволоде*, Е – *Всеволоде* и т.д.)²⁰.

Вместе с тем осознание издателями необычайной важности древнего памятника и особенно того, что в их распоряжении находился лишь сравнительно поздний список, заставили их дорожить каждой деталью текста. Поэтому, если обычно археографы XVIII в. избавлялись, например, от глухих *ѣ* и *ѥ* в слабой позиции, принимая их за писцовые ошибки (как это было при издании Новгородской первой летописи), то в издании редуцированные *ѣ* и *ѥ*, наоборот, сохранялись, хотя орфография рукописи «Слова о полку Игореве» лишь изредка оставляла их в тексте (*въста*, *въстала*, *въшумѣ* и др.). Гораздо чаще встречаются примеры их полного исчезновения (*втроскоташа*, *ползоша*, *створисте*, *лжу*, *вступиста*, *дѣдней*, *простре*, *дотчеса*, *затче* и т. д.).

В соответствии с археографической практикой XVIII в. издатели, вероятно, восстанавливали предлоги с *ѣ* там, где его не было или вместо него стоял паерок (вместо *с* – *сѣ*, вместо *в* – *въ* и т.д.). Это предположение можно отчасти подтвердить тем обстоятельством, что во всех случаях, когда в издании все-таки были предлоги без *ѣ*, в Екатерининской копии они были даны с ним (*в моемъ теремѣ*, Е – *въ*; *бес щитовъ*, Е – *бесѣ*; *с тугою*, М – *сѣ*)²¹. В одном случае издатели явно приняли за предлог без *ѣ* приставку (подставив *ѣ*, публикаторы получили – *изѣострены*). Вместе с тем при подготовке Екатерининской копии был сохранен вариант – *изострены*. В вариантах этой копии косвенно отразилась и практика публикаторов в замене в предлогах *с* на *з* (*изъ Киева*, Е – *исѣ*; *чрезъ море*, Е – *чресѣ*).

На современном этапе изучения истории подготовки рукописи «Слова» к печати уже вряд ли стоит полагать, что А.И. Мусин-Пушкин, снимая копию для Екатерины II, придерживался одних правил орфографии, а А.Ф. Малиновский, готовя первое издание, соблюдал иные правила. Видимо, прав Д.С. Лихачев, подчеркивая, что уже подготовка копии, а особенно ее так называемого протографа, являлась определенным этапом коллективной рабо-

ты над изучением рукописи «Слова о полку Игореве»²². Несомненно коллективный характер работы и над первым изданием. Больше того, наблюдения над разночтениями изданного текста и Екатерининской копии, заметками А.Ф. Малиновского и Н.М. Карамзина говорят о коллективной, с точки зрения замысла, работе археографов на всех этапах изучения и транскрипции рукописи Мусина-Пушкина²³. Большинство разночтений печатного текста «Слова о полку Игореве» и Екатерининской копии свидетельствует об их альтернативном характере, отражающем длительные раздумья издателей над вариантами прочтения. В этом плане и Екатерининская копия и печатный текст первого издания представляют собой единый комплекс. При подготовке издания археографы несомненно учитывали копию, точнее, ее так называемый протограф, и, в конечном счете, стремились зафиксировать все потенциально возможные вариации чтений.

Разночтения печатного текста, касающиеся редуцированных *ѣ* и *ь*, носят явно альтернативный характер по отношению к Екатерининской копии: 1) *солнце ему тѣмоу*, Е – *тьмоу*; 2) *Тьмотораканьскѣи блѣван*, Е – *тъмотораканьскѣи*; 3) *мѣгла поля покрьла*, Е – *мѣгла*; 4) *уже дѣскы безѣ кнѣса*, Е – *дѣскы* и др. Во всех этих примерах – вынос поверх строки *м* и *т* как начальных букв того или иного слова маловероятен, хотя выносы делались, видимо, безотносительно к словам. В полууставе (и даже беглом полууставе) этого обычно не бывает. Следовательно, можно предположить, что в данных случаях после *м* и *т* стоял паерок. Поскольку в первых трех фрагментах в Екатерининской копии в интересующих нас словах соответственно обозначены – *ѣ*, *ѣ* и *ь*, то издатели, на наш взгляд, выбрали для них иные чтения (соответственно – *ѣ*, *ь* и *ѣ*). Что касается варианта *дѣскы* – *дѣскы*, то наиболее вероятно, что здесь был вынос буквы *д* поверх строки и редакторы зафиксировали и в копии, и в издании лишь все потенциально возможные варианты глухого, т. е. в конечном счете в издании был также выбран другой вариант по сравнению с Екатерининской копией.

Мысль о том, что в мусин-пушкинской рукописи было «господство паерка, особенно в предложениях и словах, сложенных с предложениями», была высказана наиболее обстоятельно еще Е.В. Барсовым²⁴. Изучая бумаги А.Ф. Малиновского и иные материалы, он пришел к выводу, что Малиновский в тексте издания всюду вместо паерка ставил редуцированные *ѣ* или *ь*²⁵. Необходимо добавить, что, действуя таким образом, Малиновский и Н.Н. Бантыш-Каменский²⁶ неправомерно архаизировали орфографию и графику рукописи XVI в., поскольку к XVI в. паерок уже давно стал лишь рудиментом этих глухих гласных.

Другая группа примеров может быть интерпретирована как более сложный случай применения в рукописи паерка, когда паерок ставился очень небрежно и несколько дальше той буквы, которая обычно следует перед паерком. Такая практика письма, в частности в беглом полууставе, переходящем в скоропись, встречается нередко, не говоря уже о полууставе конца XVI–XVII в. А в Екатерининской копии И.Н. Болтин и И.П. Елагин первоначально вообще не учитывали паерка или исходили из того, что это всего лишь надстрочный знак. В издании же, и особенно в бумагах Малиновского, четко видны итоги размышлений о справедливости такой транскрипции, так как в конечном итоге паерки были осмыслены как таковые и соответственно реконструированы в ъ и ь.

Вот ряд примеров: 1) *струны въскладаше*, М – *вскладаше*; 2) *чи ли въспѣти было*, М – *вспѣти*; 3) *под шеломы възлелѣяни*, М – *влелѣяни*; 4) *конецъ копия въскрѣмлени*, М – *вскрѣмлени*; 5) *тогда въступи Игорь*, Е – *вступи*; 6) *жены руския въсплакашась*, М – *всплакашась*; 7) *красныя дѣвы въспѣша*, К – *вспѣша*; 8) *Инѣгварь*, Е, К – *Ингварь*; 9) *въ градѣ Тмутороканѣ*, Е – *Тмутороканѣ*; 10) *поискати града Тмутороканя*, Е – *Тмутороканя* и т.д. Весьма интересно, что есть и обратный пример, когда у Малиновского виден пропущенный в издании паерок (*вступила дѣвою на землю Трояню*, П, Е – *вступилъ*, М – *въступилъ*).

Разбирая графику и орфографию рукописи «Слова», нельзя не иметь в виду, что вторая группа примеров состоит почти исключительно из слов с начальной буквой *в*. Между тем в полууставе, а еще чаще в беглом полууставе, переходящем в скоропись, буква *в* – одна из тех, что ставится и как выносная в начале слова (наряду с *з* и др.). Следовательно, возможна ситуация, когда ъ и ь восстанавливались после выносной в начале слова. Однако и в том, и в другом случае издатели объективно архаизировали орфографию исходной рукописи. В тех условиях это, видимо, было естественным ходом развития археографических навыков издания древних текстов. А издатели «Слова» были первыми, кто применил эти приемы.

Большие затруднения у публикаторов вызвала необходимость восстановления букв ъ и ь после «затитлованных» окончаний слов с выносом конечной поверх строки. Широкое применение этого графического приема в рукописи «Слова» было выявлено еще Е.В. Барсовым²⁷. В XVIII в. археографы обычно поступали в таких случаях по современным им правилам, ставя выносную в конце слова в строку, а после нее ъ. Влияние этого правила особенно четко сказалось на публикации первой части «Собрания государственных грамот и договоров», подготовленных И.Н. Бантыш-Каменским.

Видимо, так же поступали и публикаторы «Слова о полку Игореве». Вместе с тем они все же стремились проникнуть в строй правописания памятника и поэтому в восстановлении *ѣ* и *ѥ* после конечной выносной иногда отступали от археографической практики XVIII в.

Особенно интересно отношение издателей к передаче глаголов в 3-м лице (ед. и мн. ч. наст. вр.). В изданном тексте «Слова» примерно в 24 случаях эта форма глаголов завершается написанием *ѣ* и все они точно соответствуют написанию Екатерининской копии (*не леполи ны бяшетъ; плѣкы ущекоталъ; Игорь ждетъ мила брата; крычатъ тѣлѣгы, къ Дону вои ведетъ; лишици брешутъ; ночь мръкнетъ* и др.). Точно так же примерно в 25 случаях и Екатерининская копия, и первое издание «Слова» дают одинаковое написание этих же глагольных форм с редуцированным *ѥ* в конце слова (*пущашетъ 10 соколовъ, комони ржутъ, звенить слава, трубы трубятъ, стоятъ стязи; Кончакъ ему следъ править; трепещутъ синици млънии; погибашетъ жизнь Дажь-Божа внука; ратаевѣ кикахутъ, врани гряхутъ* и др.). Из этих наблюдений прежде всего следует вывод, что писец мусин-пушкинской рукописи в равной мере употреблял в глаголах этих форм и *ѣ* и *ѥ*, не делая особого различия между ними. Вместе с тем совершенно очевидно, что ни подготовители Екатерининской копии, ни издатели «Слова» там, где графика и орфография рукописи были предельно ясны, не прибегали к какой-либо унификации правописания, не навязывали тексту «Слова» какую-либо свою «систему».

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда, как уже говорилось, археографы должны были сами восстанавливать «затитлованные» окончания глаголов при выносе конечной буквы поверх строки. В 43 случаях окончания с глухим в глаголах 3-го лица настоящего времени в Екатерининской копии и издании «Слова» различаются между собой. В 39 случаях в Екатерининской копии стоят глаголы с *ѥ*, а в издании они, наоборот, оканчиваются на *ѣ* (Е – *кличеть*, П – *кличетъ*; Е – *пасеть*, П – *пасетъ*; Е – *всѣрожать*, П – *всѣрожатъ*; Е – *дремлетъ*, П – *дремлетъ*; Е – *бѣжитъ*, П – *бѣжитъ*; Е – *идутъ*, П – *идутъ*; Е – *гримлютъ*, П – *гримлютъ* и др.). Выбор противоположного варианта окончания был обусловлен в каждом конкретном случае исходным для издателей «Слова» чтением Екатерининской копии. Итак, во всех случаях, когда графика рукописи Мусина-Пушкина давала возможность выбора одного из редуцированных (*ѣ* или *ѥ*), подготовители первого издания выбирали вариант редуцированных, альтернативный варианту Екатерининской копии.

Особенный интерес вызывает четкая последовательность подготовителя Екатерининской копии. Восстанавливая утраченные при применении выносных в конце слов буквы, ученый интерпретатор (а Д.С. Лихачев справедливо полагает, что им, вероятно, был И.Н. Болтин) придерживался норм древнерусского правописания. Что же касается издателей «Слова», то они склонялись к правописанию XVIII в. Таким образом, налицо различие орфографических принципов, осуществленных в копии и в издании только в тех случаях, когда графика рукописи давала к этому повод.

Но вот в пяти случаях (возможно, и по недосмотру) Екатерининская копия дает названные глагольные формы на *ъ* (*помняшетъ бо, сами скачутъ, рѣкы мутно текутъ, каютъ князя, зоветъ князи на побѣду*). Казалось бы, издатели «Слова» должны были эти реконструкции принять, поскольку эти формы отвечают их принципу восстановления глухих. Однако они поступают наоборот и дают иной вариант – с окончанием на *ь*.

Столь скрупулезно соблюдаемый принцип в выборе варианта можно на первый взгляд расценить как личное неприятие издателями «Слова» любых ученых интерпретаций орфографии и графики текста «Слова», отраженных в Екатерининской копии. Однако на самом деле это не так. Исследуя историю подготовки к изданию мусин-пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве», Д.С. Лихачев доказал, что между Екатерининской копией и изданным текстом «Слова» гораздо больше сходства, чем различий. По его мнению, издатели с большим вниманием и бережностью отнеслись к тексту Екатерининской копии, точнее к протографу этой копии²⁸.

Чем же тогда объяснить такой подход издателей к выбору вариантов рассмотренной группы глаголов? Решающим, на наш взгляд, обстоятельством при этом явился установленный Д.С. Лихачевым факт существования в период подготовки первого издания «Слова» так называемого протографа Екатерининской копии²⁹. Разумеется, изначально или в период подготовки к изданию он кое в чем был отличен от копии, но в целом представлял вариант именно Екатерининской копии «Слова»³⁰. Издатели не только отталкивались от этой копии (а также и самой рукописи) при изучении текста «Слова о полку Игореве». Выбирая один из двух возможных вариантов чтения тех или иных фрагментов «Слова» в протографе Екатерининской копии, они создавали таким образом материал для дальнейших размышлений, а возможно, и для нового пересмотра текста «Слова», осмысления его орфографии и графики. Это дает нам все основания предполагать, что подготовители первого издания «Слова»

не исключали вероятности второго, более тщательного издания текста.

В самом деле, ведь если вникнуть в характер выбора того или иного варианта глагольного окончания на *ъ* или *ь*, то на первый план выступает чисто палеографический аспект. В ряде моментов издатели даже не подвергали свою реконструкцию орфографии смысловому анализу. Так, в фрагменте «*кличеть и зоветъ князи на побѣду*» – издатели в двух одинаковых глагольных формах поставили разные окончания редуцированных (*ъ* и *ь*), учитывая лишь то, что в Екатерининской копии в этих формах окончания даны, так сказать, «наоборот»: *кличеть и зоветъ князи на побѣду*. В издании сделан, таким образом, не выбор лучшего, с точки зрения логики текста, варианта, а зафиксированы лишь «альтернативные раздумья» по поводу реконструкции палеографических сокращений глагольных окончаний. Тот же подход обнаруживается и в фрагментах «плача» Ярославны. В трех однородных зачинах «плача» (*Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ; Ярославна рано плачетъ Путивлю городу; Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ*) в двух случаях в издании принято чтение *плачетъ* (в Е – *плачеть*), а в одном – *плачеть* (в Е – *плачетъ*), хотя по смыслу конструкции окончания всюду должны были быть однородными. Третий пример такого же порядка с разнобоем в написании местоимения *им* (*имь* – *имъ*) можно видеть во фрагменте: *пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми* (в Е – *пути имъ вѣдоми, яругы имъ знаеми*).

Логику такого приема можно понять только предположив, что издатели рассматривали публикацию «Слова» как первую (пробную) и ряд деталей, связанных с тонкостями орфографии и графики рукописи, откладывали на будущее издание, в равной мере оставляя для этого будущего издания и материал в лице так называемого протографа Екатерининской копии для суждений о тех или иных прочтениях.

В первом издании встречаются неясные, с точки зрения избранной издателем системы орфографии, реконструкции в существительном редуцированного *ь* после конечного выносного, но они непременно противоположны Екатерининской копии, и, видимо, ее протографу (по *былинамъ, 10 соколовъ, не 10 соколовъ, Велесовъ, имъ, умъ* – дважды; *человѣкомъ, Святъславъ* – дважды; *трудоу, щитовъ, Всеволоужъ, Дивъ*). То же самое можно сказать и о вариантах с реконструкцией редуцированного *ъ* в тех случаях, когда они противопоставлены глухому *ь* в Екатерининской копии (*яругамъ, чръленъ, забывъ, отецъ, похытимъ, подѣлимъ, умъ, Донецъ* и др.).

Вероятно, это одно из наиболее ярких проявлений необычайной скрупулезности издателей, впервые в науке всерьез столк-

нующихся с труднейшей проблемой транскрипции опускаемых в древних рукописях редуцированных ѣ и ѥ при выносе поверх строки конечной буквы слова.

Можно было бы предположить также, что альтернативы мягкости и твердости в конце слов продиктованы не выносом конечных букв в словах текста рукописи, а неразличимостью графики ѣ и ѥ. Однако такое предположение маловероятно. Если у писца начертания ѣ и ѥ сходны, то обычно это прослеживается по всей рукописи. В случае же с текстом «Слова» мы видим, что, как правило, издатели четко и верно различали ѣ и ѥ. Следовательно, скорее всего, трудности были связаны с выносами согласных в конце слов.

Только исходя из этих наблюдений, можно понять принцип принятия решений издателями «Слова» даже в тех случаях, которые вообще трудно поддаются объяснению. В рукописи «Слова», вероятнее всего, не было обозначения мягкости после шипящих, так как лишь в двух случаях из 38 в издании после ш поставлено я (*рассуиашь стрѣлами; начаши мосты мостити*). Однако в издании в девяти случаях после ч поставлено я, что несомненно отражало чтение мусин-пушкинской рукописи (*тучя, Брячяслава, начяти, давечя, потручяти, поскочяше, сыновчя, начяша, начясте*). В Екатерининской копии во всех этих случаях в соответствии с традициями археографии XVIII в. и в порядке «подравнивания» под общий характер «правописания» рукописи я заменено на а (*начаша. Брячаслава, начати* и т.д.). Вместе с тем в Екатерининской копии однажды все-таки поставлено после ч – я (*полочяномъ*). Казалось бы, издатели должны были это повторить в печатном тексте, но они этого не сделали: там стоит – *полочаномъ*. Таким образом, здесь наиболее наглядно проявился принцип противопоставления чтения Екатерининской копии, которого, как мы убеждаемся, строго придерживались издатели.

Как известно, особо примечательной чертой орфографии рукописи «Слова о полку Игореве» является употребление сочетания «плавный + глухой» типа *рѣ, лѣ* вместо русского написания *ор, ол, ер, ел* (*волкъ – влѣкъ, черлень – чрѣлень* и т. д.)³¹. Будучи одним из наиболее ярких признаков так называемого второго южнославянского влияния на русскую орфографию, указанные варианты выглядят в мусин-пушкинской рукописи довольно странно своим обилием и наиболее четкой последовательностью применения. И действительно, сочетания, например, в конце слов гласных типа *-аа, -иа*, будучи одним из важнейших признаков влияния южнославянской орфографии, вместе с тем встречаются в рукописи всего лишь в семи случаях (*вѣщица прѣсты; трупия себе деляче; съ зараниа до вечера, копиа харалужныя, копиа*

поютъ, врани граахуть, руской земли веселиа). Большой же частью в рукописи даются русские написания *-ая, -ия* и т. д. (*поля широкая, конецъ копия, русская земле, съ зарания, посвѣчивая, молодая месяца, жадни веселия, храбрая дружина* и т. д.).

Исследуя вопрос о применении сочетания «плавный + глухой», М.В. Щепкина пришла к выводу о том, что в 45 из 70 с лишним случаев сочетания *рѣ, лѣ* являются плодом несомненно редакторского вмешательства³². Вместе с тем в рукописи имеются и случаи (правда, редкие) типично русской орфографии гласных *о, е* в сочетании с плавными *р, л*: *яко вихрь выторже; подперѣ горы; Игорь възрѣ на свѣтлое солнце; солнце ему тѣмоу; хотятъ прикрыти 4 солнца; два солнца помѣркоста; утрѣпѣ солнцю свѣт* и только однажды: *свѣтлое и тресвѣтлое слѣнце*. Глагол в имперфекте двойственного числа *помѣркоста* в Екатерининской копии имеет вариант – *померкоста*. Наконец, отметим разноречие в транскрипции некоторых однокоренных (*Чрънигова, Черниговѣ, Черниговъ, Черниговскими былями, чръный воронѣ, чръныя тучя, чръна земле, чръною наполюмоу* и т. д.).

Таким образом, наличие в рукописи «Слова» хотя и немногочисленных случаев чисто русской орфографии в сочетаниях гласного с плавным не дает повода предполагать, что издатели механически подправляли всюду тексты под «древнюю», южнославянскую орфографию. Несомненно, они были далеки от такой привитивизации.

Полагаем, что во многих случаях «реконструкции» групп *рѣ, лѣ* сама орфография и графика рукописи давали к этому существенный повод³³. Ведь при условии совершенно четкого написания слов с группой *рѣ, лѣ, рѣ, лѣ* в рукописи они точно воспроизводились и в Екатерининской копии, и в первом издании (*вѣщца прѣсты, претрѣгоста бо своя... комоня; пожрѣши чужи ручьи; Хрѣсови; под чрѣлеными щиты; врѣже Всеславѣ требы, притопта хлѣми, сулицы своя поврѣгоша; подпрѣся о кони; врѣжеся Дивѣ; чрѣпахуть ми синее вино; в... теремѣ златоврѣсемѣ; конецъ копия въскрѣмлени; врѣху древа, тѣмотораканѣскими блѣван и др.*)³⁴.

Итак, лишь в тех случаях, когда графика рукописи была неясной и допускала возможность нескольких орфографических осмыслений, в издании появлялись слова с сочетаниями *рѣ, лѣ, рѣ, лѣ*, тогда как в копии в этих словах даны иные окончания.

В некоторых случаях четкое написание в рукописи сочетаний «плавный + глухой» служило образцом для транскрипции подобных же слов в разных местах текста. Так, при восстановлении в *Е* полного написания *чрѣлеными* и *чрѣлень* во фрагментах:

«русици... поля чрълеными щиты прегородища», «чрълен стягъ» – образцом явно было полное написание в рукописи: *под чрълеными щиты на кровавъ травѣ*. Правда, вынос поверх строки плавного *p*³⁵ с одновременным исчезновением под пером писца рукописи глухого (члеными, где *p* – выносное над *ч*) дал возможность подготовителям Екатерининской копии восстановить по образцу после выносного плавного *p* глухой *ъ*, а издателям позже выбрать иной, столь же вероятный вариант – глухой *ь*. Во втором случае в *Е* также по образцу после выносного *p* восстановлен *ъ*, а в издании – *ь*. В слове *чрълень*, видимо, вообще было два выноса (*p* и *н*), поэтому и в окончании слова издатели выбрали также иной по сравнению с копией вариант – *с ъ* (*Е – чрълень*).

Варианты Екатерининской копии к таким фрагментам, как *чрълена чолка* (*Е – чръвлена*), *русици преградиша чрълеными щиты* (*Е – чръвлеными*), дают основание предположить, что здесь вынос плавного *p* поверх слова трактовался подготовителями копии и как одновременное сокращение слова под знаком титла, поскольку восстановлен не только *ъ*, но и *в*. При подготовке Екатерининской копии вообще была тенденция видеть сокращения слов по принципу подведения под знак титла там, где в действительности был либо вынос буквы, либо даже, как будет ясно из дальнейшего изложения, просто паерок. Думается, что подведение первой части слова *тльковинъ* под титло имело место во фрагменте: *сыпахуть ми... тулы поганых тльковинъ* (*Е – тльковинъ*).

Вообще говоря, сокращения под знаком титла для одних и тех же слов могут иметь несколько вариантов. Например, слово *вопрос* сокращается: а) *впро*, где *с* – выносное в конце слова; б) *впр*, где *с* – выносное в конце слова.оборот *того же* может быть сокращен: а) *того*, где *ж* – выносное в конце слова; б) *тог*, где *ж* – выносное в конце слова над буквой *г*; в) *то*, где *г* – выносное над буквой *о*. Слово *троица* сокращается как: *трца*, где над словом *о*-выносное; или просто – *трца*, без выносного и без знака титла. Даже слова, наиболее часто встречающиеся в письменных источниках и имеющие, казалось бы, твердые штампы сокращений, под рукой одного и того же писца могли сокращаться по-разному в зависимости от контекста. Например, слово *толк* сокращалось следующими способами: а) *т* в строке, а над ним буква *л* под знаком титла, б) *то* и над ними *л* – выносное под титлом, в) в южнославянском правописании – *тлъ*, где над буквой *ъ* стоит выносное *к* (*тлъкъ*) или – *тль*, где над буквой *ь* стоит также *к*-выносное (*тлькъ*). В падежных вариациях неизбежен еще один тип сокращения. Например, *толкомъ* сокращается: *токомъ*, где

л – выносное над буквой о (а *тъломъ* сокращается: *тъкомъ*, где л-выносное стоит над *ъ*). В южнославянском варианте (*млѣкомъ*) сокращение усложняется (*ткомъ*, где л-выносное стоит над буквой *т*, а *ъ* исчезает). В очень редких случаях, трактуемых, скорее, как ошибки писцов, глухой *ъ* может оставаться в строке (*тъкомъ*, где л – выносное над буквой *т*). В этом случае сокращение, например, слова *безъмльвно* выглядит так: *безъмъвно*, где л-выносное стоит над буквой *м*. В тексте и вариантах «Слова о полку Игореве» видны в ряде случаев следы затруднений в транскрипции слов с титлованием аналогичного характера. В фрагменте «С *тоя же Каялы Святоплѣкъ*» в рукописи, по всей видимости, значилось *Стоплѣ*, где над началом слова был знак титла, а в конце над буквой *ѣ* стояло к-выносное. Издатели верно раскрыли и начальную (*Свято*) и конечную части слова, поставив *к* с реконструированным *ь* после букв *лѣ*, т.е. раскрыв эту часть по типу *млѣкъ*. Подготовители Екатерининской копии ошибочно решили, что буква *ѣ* в строке должна быть в конце слова после возвращенного в строку *к*, а между буквами *п* и *л* восстановили исчезнувшую, по их мнению, при сокращении букву *о* (*Святополкъ*). Раскрытие сокращения здесь сделано по типу титлования таких слов, как: *молити* (*мити*, где л-выносное стоит над буквой *м*, а буква *о* исчезает), *молва* (*мва*, где л-выносное стоит над *м*, а буква *о* также исчезает) и т.д. Н.М. Карамзин, раскрывая *Стоплѣ* (с к-выносным), не восстановил *о*, а к-выносное тоже ошибочно поставил перед *ѣ*, приняв последний как глухой в конце слова. Можно предположить, что по типу сокращений *молити*, *молва* в рукописи «Слова» были затитлованы такие слова, как *молнии* (*трѣпещуть синии млѣнии*), *молвити* (*се великое млѣвити*), *молвить* (*млѣвить Гзакъ*), *помолкоша* (*галици помлѣкша*) и др. Подготовители Екатерининской копии раскрыли их в рамках сочетаний *ол*, *ор* русского правописания, а издатели «Слова» – в рамках более «древнего», как им казалось, южнославянского правописания, по типу сочетаний *лѣ*, *рѣ*.

В рукописи «Слова о полку Игореве», видимо, почти не сохранилась архаичная (древнерусская) орфография с *ъ* или *ь* в сильной позиции, т.е. там, где они звучали как *о* и *е*. Но такие случаи, судя по изданию, все же есть (*тъщими тулы*, *врани възгряху*, *жены въсплакашась*, *а въстона бо...* *Киевъ тугою*, *Игорь възре*, *чи ли въспѣти было* и др.), хотя некоторые из них не бесспорны. В этой связи можно полагать, что в падежных вариациях слова *полкъ* (*плѣкъ*), как минимум в трех случаях из 17, могло сохраниться архаичное, переданное изданием написание (*о пѣлку* – дважды, *предѣ пѣлки*), т.е. с глухим полным звучанием. Вместе с тем в заголовке памятника и в ряде иных мест написание падежных форм

слова *полкъ* (*плѣкъ*) могло быть с выносом л над глухим полным звучания (*пѣку*, где л – выносной над ъ, *пѣками*, где снова л – выносной над ъ и т.д.). Аналогична ситуация со словами: *волкъ* (*влѣкъ*), *борзъ* (*брѣзъ*), так как в Е дважды стоит – *бѣрзья*, *бѣрзыи* и один раз – *вѣлци*. Видимо, в большинстве случаев, когда Екатерининская копия давала падежные вариации слов типа *борзыи*, применялся паерок, а не ъ перед плавным или после него. В итоге южнославянского влияния паерок, как известно, стал лишь рудиментом ъ и ь, свидетельством их почти полного исчезновения в тех положениях, где он вместо них фигурировал. Вполне вероятно, что подготовители Екатерининской копии так его и оценивали, большей частью не обращая на него внимания. В то же время пропуск при этом гласного осмысливался ими как признак сокращения слова (под титлом, а для XVI в. – даже без титла). Поэтому такие написания в рукописи Мусина-Пушкина, как: *пл'кы*, *бр'зыи*, *вл'ци*, *пл'ками*, *вл'комъ* и т.п., они воспринимали как затитлованные слова и раскрывали традиционно в рамках чисто русского правописания (*полкы*, *борзыи*, *волци*, *полками*, *волкомъ* и т. п.). Таких слов в тексте «Слова о полку Игореве» около 40. Не исключено, что в Екатерининской копии (не в ее протографе!) к тому же было совершено и некоторое «подравнивание», или унификация в написании этих слов и им подобных (например, *пр'выи*, *чр'ныи* и их падежные вариации).

Что касается издателей «Слова», то они, как уже говорилось, всюду заменяли паерки буквами ъ и ь, сильно архаизируя тем самым графику и орфографию рукописи. Конечно, можно предполагать, что во всех приведенных примерах был не плавный с паерком, а выносной плавный с пропуском букв ъ и ь. Однако наиболее общие тенденции в подходе к восстановлению выносных в строках в середине слов с таким предположением не согласуются. У издателей «Слова», в тех случаях, когда в рукописи Мусина-Пушкина был вынос согласного перед согласным же (в середине слова), большей частью наблюдается практика чисто механической вставки выносного в строку (*салтани*, где л – выносное; *Святславъ*, где т – выносное; *готские*, где т – выносное; *Киевскаго*, где в – выносное; *Святславлича* – дважды, где т – выносное; *иноходцы*, где д – выносное и т.д.). В Екатерининской копии в этих случаях вслед за выносным восстанавливаются ъ и ь (*сал[ъ]тани*, *Свят[ъ]славъ*, *гот[ъ]ские*, *киев[ъ]скаго*, *Свят[ъ]славличи*, *иноход[ъ]цы* и т.д.).

В числе немногих исключений фигурирует фрагмент: *орѣтьмами* и *япончицами*. В Екатерининской копии дан вариант – *орѣтьмами*, а у Малиновского стоит – *орѣтьмами*. Столь удивительный разноречивый показывает, что в рукописи не было глухих:

плавный *p* был выносным, а после *m* стоял паерок. Издатели «Слова», как всегда, выбрали иной, чем в Екатерининской копии, вариант.

Во всех разобранных типах сокращенных написаний издатели «Слова» последовательно придерживались этого принципа. Таким образом, перед нами снова стремление опробовать (в копии и в издании) все потенциально возможные прочтения графически и орфографически трудных мест текста.

Весьма важным представляется вопрос о «реконструкции» (после выноса над словом плавного или какого-либо иного согласного) полного гласного. В «Слове» есть примеры такого рода. В частности, в фрагменте рукописи: «*по Роси и по Сули*», очевидно, буква *p* была выносной, а гласная *o* в силу этого исчезла под пером писца. Подготовители Екатерининской копии, поставив *p* в строку, восстановили гласный *o* (*по Роси* и...). Издатели «Слова» просто вставили *p* в строку (*по Рсии*). Вообще говоря, вынос согласной практиковался писцами, только когда она стояла в слове перед другой согласной. Однако в практике письма беглого полуустава вынос согласной перед последующим гласным звуком с одновременным пропуском его все же встречается. Нередки такие написания, как: *старець*, с выносом вверх *p* и сокращением при этом гласного *e*; *золотой* и *золото* – с выносом *л* и опущением последующего гласного *o* и т.д.³⁶

Частота выносов такого типа зависела в большой мере от индивидуальных склонностей писца.

Некоторые из подобных сокращенных написаний при выносе поверх строки согласной были реконструированы издателями «Слова о полку Игореве» не вполне точно и до сих пор не обсуждены.

* * *

Речь идет, в частности, о тех фрагментах «Слова о полку Игореве», где фигурирует термин «русичи». Напомним эти тексты: 1) «Съ вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шелоомъ Дону»; 2) «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша ишучи себ'ѣ чти, а князю – славы»; 3) «Дѣти бѣсови кликом поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты»; «Ту кроваваго вина не доста, ту пирь докончаша храбрии русичи».

В литературе принято за основное чтение – *русичи*, а вариант *русици* многие считают коррекцией псковского переписчика³⁷. Поэтому вся существующая в литературе аргументация сосредоточена на доказательстве истинности чтения *русичи*.

Проблема «русичей» наиболее подробно была изучена в начале 60-х годов XX в. А.В. Соловьевым³⁸. Он резко выступил против утверждений А. Мазона и Б. Унбегауна, что термин «русичи» является «беспримерной аномалией» и это словообразование противоречит правилам русского языка. А.В. Соловьев привлек обширный лексический материал, опровергающий эти утверждения³⁹. Согласно мнению ученого, племенные имена и имена народов могут выступать как чисто собирательные (литва, чудь, весь и т.д.), так и в форме с окончанием на *-ичи*, *-ане* (вятичи, радимичи, древляне и т. д.). В то же время в ряде случаев собирательные термины типа «пермь», «вымь», «ермола» и др. могут выступать наряду с формой на *-ичи*, *-ане* (пермичи, вымичи, ермоличи). Форма на *-ичи*, *-ане* – весьма древняя и прослеживается в летописях X–XII вв. (древляне, кривичи и т.д.). Форма «берендичи» встречается в Ипатьевской летописи с 1097 по 1185 г. 35 раз⁴⁰.

А.В. Соловьев название племен на *-ичи* справедливо считает патронимной формой (всегда имеющей единственное число). «Это имена племен или родов, образованные от имени их предка – Эпонима» (лютичи – потомки Люта)⁴¹. Ученый приводит в качестве примера целую серию родовых хорватских названий (гусичи, снатици, катичи и др.). В этом же аспекте А.В. Соловьев рассматривает и термин «русичи». Больше того, ученый нашел в далматинских актах Сплита (1364 г.) употребление термина «русич»⁴².

И все-таки в доводах А.В. Соловьева имеются слабые моменты. Основной из них заключается в том, что, хотя форма «русичи» безусловно отвечает закономерностям словообразования в русском языке терминов данного типа, такого термина в известных нам источниках нет. Не исключено, что данная вариация названия отдельной группы или множества представителей народа Русь просто не получила сколько-нибудь широкого распространения. В реальной действительности так могло быть, несмотря на все правила словообразования. Видимо, поэтому этот термин и отсутствует в источниках, а правильность его чтения в «Слове о полку Игореве» подлежит обсуждению.

Для выявления сущности предлагаемого нами иного подхода к чтению «русичи» необходимо еще раз вернуться к некоторым особенностям палеографии рукописи Мусина-Пушкина.

Начнем с того, что более точным, опорным чтением, реализованным издателями «Слова», представляется вариант «русичи», а не «русичи». Истоки аргументации в пользу такого выбора кроются, на наш взгляд, в определении характера рукописной традиции, отраженной в мусин-пушкинском списке «Слова о пол-

ку Игореве». В свое время Е.В. Барсов наиболее детально разобрал вопрос о датировке этого списка. Несмотря на большую разноречивость мнений современников А.И. Мусина-Пушкина по поводу даты списка, Е.В. Барсов убедительно доказал, что список датировался наиболее опытными археографами и историками периодом не ранее XVI столетия. Опорой в этом суждении явилось для ученого мнение Е. Болховитинова, который, не доверяя опыту Мусина-Пушкина, подчеркивал, что рукопись, «по уверению других очевидцев, не старше XVI в.; мнение Н.М. Карамзина, склонявшегося как к самой ранней грани памятника – к концу XV в.; мнение самого А.Ф. Малиновского, заявившего в письме к Н.П. Румянцеву о том, что «Слово о полку Игореве» «издано было в 1800 году... с рукописи XVI века»⁴³.

Что касается типа графики, то большое значение имеет здесь ссылка К.Ф. Калайдовича в письме к А.И. Мусину-Пушкину от 3 января 1814 г. на мнение А.Ф. Малиновского: «Сей важный памятник писан был, как уверял меня Алексей Федорович Малиновский, полууставом, переходящим в скоропись»⁴⁴. В исследовании палеографических особенностей мусин-пушкинского списка сам Е.В. Барсов довольно убедительно показал, что почерк писца рукописи был действительно беглым полууставом, либо полууставом, переходящим в скоропись, что в почерке полууставные буквы смешивались со скорописными, а это, скорее всего, вело ко второй половине XVI в.⁴⁵ Многие из его конъектур, исходящих из гипотезы именно такого типа графики, приняты современной наукой, например, вместо *свивая славю оба полы – свивая славы оба полы*, где были слитно написаны *ы* и *о*, принятые издателями за *ъ* и *ю*; гипотеза Барсова о написании буквы «ук» (*у*) в необычном виде, из-за чего она могла читаться издателями как *о* (подобию вместо подубию), поскольку верхняя часть буквы выводилась как отдельно стоящая галочка над нижней частью буквы и могла быть принята за надстрочный знак над буквой *о* и т.д.⁴⁶

Количество палеографических деталей, свидетельствующих о том, что почерк мусин-пушкинской рукописи был отнюдь не каллиграфическим, что действительно, вероятнее всего, это был беглый полуустав, переходящий в скоропись, можно умножить. В частности, отражение этой ситуации легко увидеть в разночтениях фрагмента «отвори врата Новугороду». В издании стоит *оттвори*, а в Екатерининской копии – *отвори*. Начертание в П могло быть, скорее всего, оттого, что во всей рукописи преобладало написание *т*-выносного без «ножки», причем настолько, видимо, небрежное, что его можно было спутать с надстрочным знаком. Аналогична ситуация и с чтением фрагмента: «Грозы

твоя по землямъ текуть, отворяеши Киеву врата». Здесь в П – *оттворяеши*, а в Е – *отворяеши*, т.е. повторена ошибка неразличения *т*-выносного и надстрочного знака. Интересен пример в фразе: «Съ зараня въ пяткъ потопташа...». В слове *пяткъ* букву *т* издатели увидели в небрежном знаке титла над выносным *к*, так как в Е стоит – *въ пѣкъ*, что буквально воспроизводит рукопись⁴⁷.

О преобладании выносного *т* без «ножки», которое иногда путалось издателями с надстрочными знаками, свидетельствует ошибочное прочтение в П и Е *притрепеталъ* вместо *притрепалъ*⁴⁸ (*бѣцетъ притрепалъ своими сильными плѣки*), причем подготовители копии и издатели, вероятно, вообще произвольно поставили перед предполагаемым *т* – *е*.

О довольно небрежном быстром письме свидетельствует чтение фрагмента: «тугою къ земле прѣклонилося»⁴⁹. В П и Е читается: *преклонило* (с разницей *е* – ѣ). Игнорирование *с*-выносного с титлом могло быть, вероятнее всего, в случае, когда оно в быстром письме сместилось на предыдущую букву и даже к букве *и* и было принято за надстрочный знак. Аналогичны разночтения в фразе: «Не бысть ту брата Брячеслава». В П затитлованный глагол *бысть* передан как *бысь*, а в Е вместо *бысть* стоит *бы*. Видимо, вначале издатели сочли выносное *с* с вертикальным титлом слева за надстрочный знак.

Вероятно, в ряде случаев очень небрежно в рукописи ставилось *и*-выносное в виде двух косых черточек или одной вертикальной извилистой линии. В пользу этого предположения говорит разноречивая в передаче написания *тѣи* (*тѣи клюками подпрѣся о кони, тѣи пѣсни по былинам*). В обоих случаях в П стоит *тѣи*, а в Е – *тѣ*. Это можно объяснить, допуская, что *и* обоих типов издатели иногда считали надстрочными знаками и не принимали их при транскрипции во внимание⁵⁰. Коснемся разночтения в слове *которою* в фразе: «Которою бы бѣше насилие отъ земли Половецкый». В П и Е вместо *которою*, т.е. из-за свар, усобиц, дано *которое* – определительное местоимение. Ошибка, на наш взгляд, вновь может быть определена близостью к *е* (или неясностью для издателей) скорописного *ю*, графически выглядевшего как *о* с крючком вправо наверху буквы. Скорописное *ю* появляется в беглом полууставе уже в XVI в.⁵¹

Целый ряд разночтений текстов П и Е свидетельствует о том, что писец рукописи Мусина-Пушкина широко пользовался выносными, сообразуясь, как отмечала М.В. Щепкина, с длиной строки в целом, а не с длиной тех или иных слов. При этом выносные могли ставиться и в начале, и в середине, и в конце слов. Выносные могли быть и в самых коротких словах. В фрагменте:

«Пуги имъ ведомы, яруги имъ знаемы» в местоимении *им* в обоих случаях имелись выносные *м*: 1) в П – *имъ*, в Е и М – *имъ*; 2) П – *имъ*, в Е – *имъ*. Конечные выносные были в слове *нимъ* («съ нима молодая мѣсяца»), так как в П, Е – *нимъ*; в слове *Дивъ* («Збися Дивъ, кличетъ врѣху древа»), так как в П стоит *Дивъ*, а в Е – *Дивъ* и т.д.

В фрагменте: «Уже намъ своихъ милыхъ ладъ» слово *нам* имело конечный выносной: *намъ* (Е – *намъ*). В обороте «свистъ звѣринъ вѣста, збися Дивъ» издатели сделали расстановку слов, образовав слово *стазби*. Поэтому, вероятнее всего, глагол *збися* начинался с выносного *з*, поставленного над последней буквой слова *вѣста*. Не исключено, что в словах *вѣста збися* было целых три выноса вверх (*в*, *з* и *с*). Во всяком случае, в обороте: «Вступила дѣвою на землю» варианты в П, Е и у Малиновского (П, Е – *вступилъ*, М – *въстоупилъ*) могут дать основание предполагать, что в слове *вступила* было два выноса (*в* и *л*).

Не исключено наличие двух выносов вверх и в слове *подпрѣся* в фрагменте «подпрѣся о кони» (с выносом *д* и *р* и восстановлением *ъ*).

Приведенные примеры, многие из которых известны в литературе, на наш взгляд, вполне убеждают в обилии выносных в рукописи Мусина-Пушкина⁵², которое сочеталось со слитным письмом всех слов текста подряд, видимо, без намека на какие-либо разделительные знаки. Все это, думается, говорит о том, что почерк рукописи не был полууставом XV в., как свидетельствует А.Х. Востоков, ссылаясь на А.И. Ермолаева⁵³, а, скорее всего, беглым полууставом, возможно, переходящим в скоропись.

Пометки и реплики А.И. Ермолаева на печатном экземпляре первого издания «Слова о полку Игореве», так тщательно изученные Ф.Я. Приймай⁵⁴, служат убедительным свидетельством того, что острый интерес Ермолаева к рукописи до издания не был удовлетворен. Он видел ее лишь мельком и только после издания впервые читал и анализировал текст. О.В. Творогов вообще считает маловероятным, что Ермолаев видел рукопись⁵⁵. В пользу беглого полуустава, переходящего в скоропись книжного типа, на наш взгляд, прямо свидетельствуют слова самого А.И. Мусина-Пушкина, сказанные в ответ на вопросы К.Ф. Калайдовича: рукопись, «хотя довольно ясным характером была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни деления слов»⁵⁶. В любом книжном полууставе есть так называемое правописание, т.е. орфография, но лишь в беглом полууставе и в полууставе, переходящем в скоропись, могут быть произвольные, в отличие от традиционных словотитлов, сокращения слов при выносе

одной или нескольких букв над строкой. Таким образом, в каком-то отношении действительно правописание здесь отсутствует. Вместе с тем частично присутствуют следы и древнерусского извода, и более поздние. Помимо этого, как указывалось выше, правописание было расстроено и непоследовательным соблюдением норм орфографии второго южнославянского влияния.

Все это вместе взятое создало огромные трудности транскрипции текста мусин-пушкинской рукописи и заставило издателей прибегнуть к целому ряду новаций в передаче орфографии рукописи. Громадное число расхождений печатного текста с Екатерининской копией отнюдь не вызвано пренебрежением издателей к вопросам графики и орфографии. Наоборот, новаторские приемы археографии текста неизбежно сопровождались обсуждениями, раздумьями и, как следствие их, стремлением в принципе обеспечить возможность неоднозначной передачи орфографии памятника. Пожалуй, наиболее точна в оценке этой стороны работы публикаторов «Слова» М.В. Щепкина, которая писала о необычайной тщательности подготовки издания, имевшего целых три корректуры и перенабор четырех листов уже готового издания⁵⁷. Видимо, слова А.Ф. Малиновского о том, что издание сделано «буква в букву», следует принять всерьез.

Установленные факты графики рукописи «Слова о полку Игореве» как беглого полуустава, переходящего в скоропись, необходимо поставить в органическую связь с наличием так называемых «темных мест» в тексте самого памятника. Характер графики рукописи дает возможность сделать предположение о том, что специфичность списков «Слова о полку Игореве», предшествующих мусин-пушкинскому, в том, что они уже издавна были связаны с традициями беглого полууставного письма, к тому же в XVI в. вобравшего в себя отдельные элементы скорописных начертаний⁵⁸. В силу этого в мусин-пушкинской рукописи «Слова» были своего рода «накопления» ошибочных прочтений, пропусков, графических искажений.

К числу последних можно отнести «накопление» графических неточностей, обычно принимаемых за чередование ч и ц. В XV в. в небрежных почерках нередко были начертания ч и ц настолько близкие, что их можно было спутать и читать вместо ц – ч и наоборот. Думается, что в мусин-пушкинской рукописи в ряде мест довольно четко ощущаются именно такие «накопленные» ошибки прочтения.

Учитывая версию такого рода, мы увидим, что некоторые места текста «Слова» можно читать иначе, чем это принято. Так, в известной фразе «были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля» читается вѣчи, хотя, казалось бы, возможно и чтение вѣци (на-

пример: «въ княжихъ крамолахъ вѣци челоуѣкомъ скратишася»). Если учесть, что в одной из предшествующих рукописей графика ч и ц была слабо различима, то описка вполне объяснима. Второе: чтение касается фразы: «Луце жь бы потяту быти неже полонену быти». Здесь традиционная версия – *луце*, хотя можно читать: *луче* (*лоуче ны естъ оумрети оу Цесаряграда, нежели съ сраломъ от[о]ити* – Новгородская летопись, 6712 год; *Лоуче оубо естъ мимотеци сладости чревьныя* – Пандекты Антиоха, XI в.)⁵⁹. Третье чтение касается места: «Нощь стонуши ему грозоко птичь убуди». Чтение *птичь*, думается, неточно именно из-за названной особенности графики. Ведь в самом тексте «Слова» достаточно примеров, где в аналогичном окружении читается *птиць* (*уже бѣды его пасеть птиць по дубию; О, далече заиде, соколъ, птиць бѣя; коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птиць възбываетъ*). Возможно, и в конце «Слова» обращение Гзы (Гзака) к Кончаку: «Аже соколъ к гнѣзду летить, соколича роострѣляевъ...» в рукописи имело чтение *соколица*. Такое чтение, как известно, встречается далее дважды в том же диалоге полловцев. Думается, что описка такого же типа кроется и в обороте: «Заря свѣтъ запала, мѣгла поля покрыла, щекоть славии успе, говор галичь убудися» – вполне вероятно чтение *галиць*.

В связи со сказанным, думается, не лишено смысла предположение, что в чтении русичи следует видеть вместо ч – ц. Разумеется, само чтение *русици*, в свою очередь, условно и неточно – и вот почему.

На наш взгляд, следовало бы предположить, что в мусинпуушкинской рукописи стояло – *русци* (*русчи*), где *с* было выносным. При выводе выносного из-под титла в строку издатели сами воосстановили гласный *и* после *с*-выносного. В самом тексте «Слова» есть примеры того, как после выносной (и даже плавной!) издатели восстанавливали не глухие (ѣ, ѝ), а другие гласные. Уже упоминался пример чтения: *по Роси и по Сули грады*, где издатели прямо после *р*-выносного поставили *с* (*Рсии*), а между тем в Е верно была восстановлена сокращенная при выносе буква *о* (*по Роси*). Особенный интерес с этой точки зрения представляет фрагмент: «Нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы, нѣ розно ся имѣ хоботы пашуть». В П и Е слова: *нѣ роозно ся* – были переданы как *нѣ рози нося*. Такая интерпретация издателей была возможна при условии, что выносными буквами являлись: *з* – в горизонтальном положении над строкой и *ксонечная с* (*рогнос[я]*). При этом публикаторами произвольно воосстанавливались гласные *и* и *я*. Наконец, фрагмент «въ дрѣзе тѣлѣ» издатели прочли как *въ друзе тѣлѣ*. Здесь трудно однозначно предположить, что было в рукописи. Возможны два вари-

анта. В слове *дръзе* мог после плавного *р* стоять паерок, причем в таком начертании, что был сходен со скорописным *у*. В равной мере можно предположить, что плавный *р* был выносным, а гласный *у* реконструирован при вводе выносной в строку.

Поскольку в мусин-пушкинской рукописи в итоге «накопленных» ошибок дважды стояло совершенно четко *ру[с]чи*, где буква *с* была выносной и чтение слова в этом виде, вероятно, выглядело довольно странно, издатели приняли свои варианты транскрипции, вставив после *с* гласный *и*⁶⁰. Так, думается, и родилось известное чтение *русичи*. Психологически оно было воспринято за единственно правильное, поскольку имело сходство с патронимическими летописными названиями (вятичи, радимичи, кривичи, лютичи и т. д.).

А.В. Соловьев много внимания уделил и термину «русин», означавшему индивида, отдельно взятого представителя народа Русь. При этом чувствуется прямая попытка «увидеть» преемственность в паре *русин* – *русич* как патронимных вариантов от легендарного Руся.

Действительно, источники древнейшего периода уже хорошо знают термин «русинъ». Он многократно фигурирует в договорах с греками 912 и 945 гг. «Русин» в значении древнерусский человек есть и в краткой редакции Русской Правды, точнее, в Правде Ярослава – памятнике права, сложившемся уже в начале XI в. (*русин, любо словенин*). «Русин» есть, как известно, и в тексте договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами 1189–1199 гг. «Русин» повторен в Пространной Русской Правде, основа которой была уже в начале XII в. Наконец, многократно этот термин фигурирует в договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 1229 г. (35 упоминаний). Знает термин «русин» и Лаврентьевская летопись. Одно из употреблений встречается под 6559 (1057) г.: «Поставил Ярослав Лариона митрополином русина»⁶¹, еще одно – под 6791 (1283) г. в фрагменте: «Бесурмена... вставиша на сани Чернысѣ русину и поидоша от Ворогла...» Термин «русин» был в дипломатических документах даже в начале XVI в. (например, в шертной грамоте Абдыл Лети-фа вел. кн. Василию Ивановичу от 1508 г.)⁶².

Казалось бы, столь широко зафиксированное в подлинных документах X–XIII вв. прочное бытование термина «русин» должно было бы неминуемо отразиться в поэме XII в. «Слово о полку Игореве». И тем не менее этого не случилось. Ведь в «Слове» всюду употреблена форма множественного числа в значении определенного множества, группы людей народа «Русь». Формы множественного числа от «русин» в источниках нет. Что же касается летописей, то в них в этом значении фигурирует традици-

онно лишь термин «Русь». Разумеется, летопись как документ важнейшего политического значения могла и не учитывать иную, нетрадиционную терминологию. Поэтому не исключено, что в реальной жизни Древней Руси в этом значении употреблялись и другие словоформы от «Русь», и в частности – «русьци». В реальности такой словоформы могут убедить названия типа: «тиверьци», «немьци» и т.д.

В несколько искаженной форме впервые термин встречается у баварского географа (середина IX в.) – «Ruzzi»⁶³. Есть этот термин в Анналах Ламперта (вторая половина XI в.). В описании Ламперта посольства Ольги к Оттону I фигурируют послы народа Руси (*legati Rusciae gentis*)⁶⁴. Этот термин употреблен и Титмаром Мерзебургским (XII в.), когда он сообщает о так называемом назначении Адальберта епископом на Русь («*Rusciae prius ordinatum*»)⁶⁵. Наконец, следует указать, что термин «русьци» известен и Ипатьевской летописи. Под 1287 г. описан эпизод, когда князь Владимир Василькович Волынский передает свое княжение луцкому князю Мстиславу Даниловичу. В частности, в летописи сказано: «Мъстиславъ... се же ся дѣяшеть Федоровы нед[ели], взем же рядъ с братом, поѣха до Володимѣря и приѣха Володимѣрь; ѣха во [е]п[и]с[ко]пью ко с[вя]тѣ(и) Б[огороди]ци и созва бояры володимѣрьскыя брата своего и мѣстичъ: *роусци* и нѣмцѣ и повелѣ передо всеми чести грамоту братноу о даньи земле и всѣх(ъ) городовъ и столного города Володимѣря и слышаша вси от мала и до велика»⁶⁶. В тексте, таким образом, фигурируют *роусци* как просто *русские*, в отличие от немцев. В свое время точно так же понял этот текст и С.М. Соловьев. «Мстислав, – пишет он, – поцеловал крест, после чего поехал во Владимир, в Богородничную церковь, куда созваны были бояре и граждане, русские и немцы; перед ними прочли Владимирову духовную, в которой отказана была вся земля Мстиславу»⁶⁷. Представляется чрезвычайно важным, что в Ермолаевском списке Ипатьевской летописи чтение *роусци* сохранилось, хотя в Хлебниковском и Погодинском списках стоит – *роус*. Таким образом, редчайший, уникальный на страницах летописи термин не является случайным, и он, возможно, был в протографе Ипатьевской летописи.

Больше того, Ипатьевский список сохранил до нас и, видимо, очень древние чтения, имеющие прямое отношение к словоформе *роусци*. Речь идет о некоторых вариантах орфографии широко бытовавшего определения: «русский» – «русские». Ипатьевская летопись содержит интересный материал, свидетельствующий о неустойчивости написания определения «русский» в эпоху Древней Руси вплоть до XV в. При этом явно преобладают, видимо, наиболее поздние написания этого слова, незначительно от-

клоняющиеся от современного (*русский, рускии, руськии, русьскии, руськии, рускои, русьскии, руськи, рускъѣ* и т.п.). Отличается от них вариант *рустии* (*рустии, русѣи, русьтии, рустеи* и т.д.), вообще довольно распространенный в древнерусской письменности вплоть до XVI в. Наконец, Ипатьевский список дает нам наиболее интересные примеры бытования, правда, очень редко, орфографии определения «русский» в варианте «*русьции*». Под 970 г. читаем: «и рече царь: да гл[агол]ють сли рус[ь]ции». Под 1115 г.: «совокупишася братья русьции князи»⁶⁸. Под тем же годом летописец, характеризуя политическую роль Вышегородской церкви, пишет далее: «иже еста похвала князем нашим и заступника земли Русѣи». Под 1183 г.: «князи бо роусции далѣ бяхоуть на передѣ ѣздити в Роуской земли». Под 1274 г.: «зимѣ же приспевшѣ и начата ся пристравати князи роусѣи». Под 1277 г.: «ако поидоша князи роусции». Под 1282 г.: «тогда бо бяхоуть князи роусции»⁶⁹. Под 1287 г.: «Посла богъ на нас мѣчъ свои... идоущу же Телебоузѣ и Алгоуеви с ним в силѣ тяжьцѣ и с ними роусѣи князи Левъ и Мьстиславъ и Володимѣръ и Юрьи Лвовичъ, инии князи мнозии. Тогда бяхоуть вси князи роусции в воли татарьской покорени гнѣвомъ божиимъ»⁷⁰.

Несомненно, что вариант орфографии «*русьции*» Ипатьевского списка не имеет отношения к северорусскому смешению *ч* и *ц* (вероятнее чередование наиболее древнего типа: *рускы – русци, руськии – русции*). Скорее всего, перед нами орфография, идущая от летописания более древнего времени, чем дата Ипатьевского списка (начало XV в.), чудом уцелевшая среди безраздельно господствовавших и привычных для переписчиков написаний типа *руськии, рускии, рустии* и т.п. В Ермолаевском списке Ипатьевской летописи, очень позднем по времени (конец XVII – начало XVIII в.), эта орфография сохранилась уже только в части вышеприведенных фрагментов («да глаголють сли рус[ь]ции», «заступника земли Русѣи», «князи бо роусции», «тогда бо бяхоуть князи роусции», «и с ними роусѣи князи») ⁷¹. А в трех фрагментах уже фигурирует написание *рустии*. В Хлебниковском и Погодинском списках вариант *русьции* совсем отсутствует. Таким образом, эволюция термина имеет следующие основные звенья: *Русь – русьци (русьции) – руськи – русьские – русские*. В «Слове», в частности, преобладает вариант *русьские, русский* (наиболее архаичный по сравнению с *русский, руские* и т. д.)

Приведенные нами наблюдения позволяют предположить с большой долей уверенности, что часть списков Ипатьевской летописи сохранила древнейшую орфографию определения *русский (рус[ь]ции)*.

В связи с этим гораздо более уверенно можно говорить о конъектуре *рус[с]ци* в тексте «Слова о полку Игореве».

Подчеркнем, что реконструкция этого термина могла бы быть предложена и в ином варианте. Он предполагает написание *рус[ь]ции*, при котором в рукописи был сделан вынос поверх строки не одной, а двух букв: *с* и *и*-конечного. Причем *с*-выносное, вероятно, стояло с вертикальным титлом слева от буквы, а в таких случаях вся выносная буква часто смещалась вправо. В конце же слова стояло *и*-выносное в виде двух косых или одной извилистой черточки. В скорописи XVI в. нередки случаи сдвоенного выноса букв с непременным *и*-выносным (*ди, ли, ти* и т.д.) в качестве одной из них. Писались они, как правило, не слитно. В беглом полууставе второй половины XVI в. встречаются «произвольные» двойные выносы (например, идущих подряд букв *з* и *с* в слове *безсловесных* с одновременным выносом конечной буквы *х*)⁷². В этом случае можно было бы вообще предполагать о существовании в эпоху «Слова о полку Игореве» прилагательного *русский* – *рус[ь]ции* в функции субстантивированного прилагательного для обозначения русского человека. Обсуждение предложенной конъектуры, на наш взгляд, имеет глубоко принципиальное значение, ибо позитивное решение этого вопроса будет означать, что история современного самоназвания русского народа восходит непосредственно к временам Киевской Руси (*Русь* – *русьци*).

* * *

Разбор некоторых особенностей палеографии и археографии мусин-пушкинской рукописи «Слова о полку Игореве» дает возможность четче представить, что издатели «Слова» в значительной мере следовали традиционным для археографии XVIII в. приемам транскрипции текста древних рукописей. Среди них важное место занимали безоговорочные раскрытия титлов и выносных с восстановлением исчезающих под рукою древнего писца букв, в том числе и конечных букв *ъ* и *ь*, по современному издателям правописанию XVIII в. Издатели «Слова» были среди археографов XVIII в. далеко не первыми, когда ввели в текст употребление *и*-десятеричного и *ѣ* по современным им правилам. Вместе с тем издатели «Слова», проявив необычайную тщательность и скрупулезность в адекватном отражении текста мусин-пушкинской рукописи, впервые прибегли к ряду новых приемов. Среди них важнейшее значение имеет передача буквами *ъ* и *ь* паерков, реконструкция этих же глухих после выведения из-под титла плавных *р* и *л* в середине слов, а в отдельных случаях – и перед

ними. Новаторские приемы издателей «Слова», продиктованные стремлением уловить «древнее» написание, объективно привели к существенной архаизации орфографии памятника, к созданию аномалий в частотах встречаемости южнославянских орфографических приемов (рѣ, лѣ, рь, ль) и, в конечном счете, к резкому ухудшению «правописания». Не исключено, что издатели хотели «преодолеть» обстоятельства, вынуждавшие их публиковать памятник XII в. по явно позднему списку и по возможности действительно «реконструировать» какие-то древние черты правописания. Косвенным свидетельством в пользу такого предположения служит отсутствие в предисловии издания «Слова о полку Игореве» указаний на время написания мусин-пушкинской рукописи. Ведь глухое замечание, что рукопись «по своему почерку весьма древна» (с. VII), явно не отвечало квалификации ни Н.Н. Бантыш-Каменского, ни А.Ф. Малиновского. Они, видимо, уступили давлению А.И. Мусина-Пушкина, стремившегося к возможно более ранней датировке (конец XIV – начало XV в.).

Многие новации археографии были проведены издателями с явной осторожностью и даже с неуверенностью. Вместе с тем все разночтения текста «Слова», сохранившиеся до нашего времени и взятые в едином комплексе, позволяют раскрыть важный принцип работы издателей, сущность которого можно выразить как стремление максимально точно зафиксировать равную вероятность (с их точки зрения) возможных чтений графически и орфографически трудных мест памятника. В этом проявилась научная добросовестность издателей, и именно это обстоятельство, в конечном счете, лежит в основе принципиальной возможности реконструкции максимально близкой к подлиннику орфографии и графики памятника. Фиксация ряда чтений как равновероятных альтернатив в протографе Екатерининской копии и первом издании «Слова», существование этого протографа как материала для дальнейшего размышления над орфографией текста рукописи «Слова» дают основание предполагать, что издатели «Слова» не исключали в будущем возможности нового издания «Слова о полку Игореве» уже с учетом этих равновероятных вариантов. Больше того, выбор чтений, четко альтернативных протографу Екатерининской копии, делался издателями текста иногда явно не лучшим образом. Это еще раз подтверждает предположение о том, что издатели могли рассматривать свое издание (1800 г.) как пробное. О том же свидетельствует судьба распространения экземпляров этого издания.

Наконец, необходимо подчеркнуть, что альтернативность многих орфографических разночтений протографа Екатерининской копии и издания отчетливо просияет, насколько серьезна

была палеографическая и археографическая работа подготовителей копии и издателей «Слова» над рукописью. Тщательное изучение ее шло от этапа к этапу, от одних ученых редакторов к другим, причем одни практически проверяли других, раздумывая над справедливостью той или иной транскрипции. Столь строгая атмосфера критики палеографии рукописи исключает, делает нелепым всякое предположение о возможности какого-то подлога.

Вместе с тем возможно, что археографическим новациям издателей «Слова» ученые-филологи лишь спустя очень долгое время дали бы весьма критическую оценку, если бы не внезапная гибель «Слова о полку Игореве» мусин-пушкинского списка и материалов издания в московском пожаре 1812 г. Научные круги с удесытеренным вниманием обратили взоры к уцелевшим экземплярам издания 1800 г. Гибель рукописи объективно способствовала постановке таких, казалось бы, частных и детальных вопросов относительно способов передачи текста, о которых в обычной обстановке, пожалуй, и не вспомнили бы. Особенно бросающимися в глаза стали и неудачи прочтения отдельных фрагментов, загадочных и причудливых слов, оборотов и т.п. Ведь уже в феврале 1814 г. Р.Ф. Тимковский поручал К.Ф. Калайдовичу добиться ответа у А.И. Мусина-Пушкина на серию следующих вопросов: «Верно ли напечатана рукопись, и не сделано ли каких перемен, ибо замечено, что в ней не соблюдено правописания? Как поступали издатели при знаках препинания? Почему слово «Олег» поставлено в скобках?»⁷³ Несколькими месяцами раньше (30 октября 1813 г.) сам К.Ф. Калайдович запрашивал у Мусина-Пушкина о рукописи «Слова»: «На чем, как и когда она написана? Где найдена? Кто был участником в издании? Сколько экземпляров напечатано?» и т.д.⁷⁴ Разумеется, настороженность ученых была вызвана только некоторыми странными особенностями археографии и транскрипции текста сгоревшей рукописи, хотя, конечно, эта настороженность была невольно обострена недоброжелательными толками дворянских просвещенных обывателей. Ведь именно К.Ф. Калайдович, наиболее упорно донимавший издателей «Слова» и владельца рукописи довольно бесцеремонными вопросами, писал А.И. Мусину-Пушкину в декабре 1813 г.: «Кто верит словам завистников, дерзающих говорить, что песнь Игорева подделана? Кто мог с такими познаниями в истории и языке не сделать анахронизмов, живши в XVIII веке и кто опять отказался бы от чести сочинения такого памятника...»⁷⁵ Молодой филолог был, следовательно, бесконечно далек от всех кривотолков, касающихся подлинности рукописи.

К.Ф. Калайдович несомненно является центральной фигурой среди ученых-словесников, поднявших проблему качества изда-

ния «Слова о полку Игореве». И лучше всего круг его претензий к издателям раскрывает характер его археографической деятельности в период сразу же после Отечественной войны 1812 г.

Как известно, К.Ф. Калайдович входил в число наиболее активных членов Румянцевского кружка и комиссии при Архиве Коллегии иностранных дел, деятельность которой проявилась, в частности, в издании «Собрания государственных грамот и договоров». Первую часть этого издания готовил (еще до войны 1812 г.) Н.Н. Бантыш-Каменский, один из издателей «Слова о полку Игореве». Весьма характерно, что археографические правила издания документов этой части, как уже говорилось, шли в русле практики XVIII в., т. е. с максимальным упрощением орфографии древних текстов. Вышедшая в 1819 г. вторая часть СГГид резко отлична и являет собой полный переворот в археографической практике XVIII – начала XIX в.

К.Ф. Калайдович уже в 1813 г. в письме к Н.Н. Бантыш-Каменскому предлагал коренным образом изменить правила издания СГГид. Он выступал за «вернейшее соблюдение правописания, по коему знаток может судить о времени писания подлинников», т. е. за так называемый дипломатический тип издания. В сущности, это звучало прямым упреком издателям «Слова», археографические приемы которых, зафиксированные в тексте 1800 г., сделали весьма затруднительной, если не невозможной, более или менее точную датировку подлинника.

Калайдович предлагал ввести в гражданский шрифт (поскольку Синодом было запрещено употребление церковнославянского шрифта при публикации гражданских документов древности) такие буквы, как *е-широкое*, *е-йотированное*, *ук*, *оу*, *омега*, *зело*, *а-йотированное*, *кси*, *пси*, *юсы малый и большой*, *ижица* и др. Больше того, Калайдович предлагал ввести в набор даже надстрочные знаки, а важнейшие документы вообще выгравировать⁷⁶. Н.П. Румянцев полностью разделял эту позицию и был, пожалуй, наиболее активен в ее реализации. Недаром во введении ко второй части СГГид ее редактор А.Ф. Малиновский вынужден был специально подчеркнуть, что «по воле государственного канцлера... все подлинные здесь грамоты, старинные с них списки изданы со всевозможною верностию, так что везде удержаны сокращения, или титулы, и даже самые буквы, ныне из употребления вышедшие»⁷⁷. Во второй части СГГид с титулами, паерками, с соблюдением выносных букв в конце и середине слов изданы даже документы начала XVII в. (см. № 152, 185, 187, 194, 199, 201, 204, 207, 217, 223, 267 и др.). Такая скрупулезность в точности передачи орфографии и даже графики текстов может быть расценена только как непосредственная и даже болезненная реакция на не-

удачи издания текста «Слова о полку Игореве». Поистине молодая русская археография, «ожегшись на молоке, дула на воду».

Следы аналогичной реакции видны и в первых после 1812 г. попытках выработать правила издания летописей. А.И. Ермолаев и А.Н. Оленин на первых порах также заняли позицию сторонников буквального воспроизведения текста. Оленин в «Кратком рассуждении об издании полного собрания дееписателей»⁷⁸ считал необходимым точное воспроизведение текста летописей с введением в гражданский шрифт таких букв, как *зело*, *от*, *и*-йотированное, *е*-йотированное, *юсы малый* и *большой* и т.д. В практике, по его мнению, должны были быть употреблены особые знаки, указывающие сокращения в подлиннике слов под титлом. Даже знаки препинания при издании летописей археографы должны были, по мысли Оленина, ставить в точном соответствии с подлинником, против чего восстал даже К.Ф. Калайдович⁷⁹.

Подобный ход развития русской археографии дает твердые основания полагать, что издателей «Слова» прежде всего упрекали в вольной передаче графики и орфографии текста мусин-пушкинской рукописи.

Нужно ли удивляться тому, что издатели «Слова» были просто поражены неожиданным поворотом событий. Что касается владельца рукописи «Слова о полку Игореве», то, видимо, его больше всего смущали вопросы, связанные с обстоятельствами появления самой рукописи, что теперь тщательно выяснено трудами Г.Н. Моисеевой. Непосредственных же публикаторов «Слова» ошеломили дотошные вопросы о транскрипции текста. Весь объем новаторских реконструкций, еще недавно казавшихся вполне естественными, теперь обернулся непосильным грузом тяжких ошибок. Отвечать на вопросы о дате списка стало еще сложнее. Н.Н. Бантыш-Каменский, А.Ф. Малиновский и все причастные к изданию «Слова» оказались в ложном положении. В свете проведенного анализа понятно их нежелание высказываться по этому сюжету. В итоге К.Ф. Калайдович вынужден был с упорством добиваться у А.И. Мусина-Пушкина не только имен тех, кто готовил рукопись к печати, но и просить «наименовать особ, видевших подлинник песни Игоревы»⁸⁰.

Можно понять то предельное отчаяние А.Ф. Малиновского, убежденного в подлинности рукописи и в частности своей археографической работы, когда он незадолго до смерти заявил, что «подлинная рукопись, с которой печатали первое издание, буква в букву принадлежала к концу XIV в.»⁸¹.

Такова, на наш взгляд, внутренняя логика драматических событий, вызванных не только гибелью подлинника «Слова», но и обстоятельствами его публикации.

- ¹ См.: Головенченко Ф.М. Слово о полку Игореве. Библиографический очерк / Пер., поясн. к тексту и пер. проф. А.В. Позднеева. М., 1963; *Бегунов Ю.К.* «Слово о полку Игореве» в зарубежной литературе // Рус. лит. 1974. № 2; *Творогов О.В.* «Слово о полку Игореве» в советской филологической науке (1968–1977) // Рус. лит. 1978. № 4; *Адрианова-Перетц В.П.* «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI–XIII вв. Л., 1968; *Лихачев Д.С.* Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1955; Он же. «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978; *Дмитриев Л.А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960.
- ² *Рыбаков Б.А.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971; Он же. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- ³ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. Сб. ст. / Под ред. Д.С. Лихачева и Л.А. Дмитриева. М.; Л., 1966; см. также: Слово о полку Игореве. Сб. исслед. и ст. / Под ред. В.П. Андриановой-Перетц; Слово о полку Игореве – памятник XII века. Сб. ст. М.; Л., 1962.
- ⁴ *Моисеева Г.Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». К истории сборника А.И. Мусина-Пушкина со «Словом». Л., 1977; *Творогов О.В.* К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 31. Л., 1976; *Прийма Ф.Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980.
- ⁵ То, что Хронограф «по своему письму» был составлен «не ранее XVII в.», впервые предположил Е.В. Барсов. См.: Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Ч. I. М., 1887. С. 64.
- ⁶ *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 65; *Орлов А.С.* Слово о полку Игореве. 2-е изд. М.; Л., 1946. С. 51–52.
- ⁷ *Творогов О.В.* Указ. соч. С. 150.
- ⁸ Там же. С. 142.
- ⁹ Свод вариантов разночтений Екатерининской копии, А.Ф. Малиновского и Н.М. Карамзина. См.: Барсов Е.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 69–70, 71–75.
- ¹⁰ Далее всюду текст «Слова о полку Игореве» цит. по: Слово о полку Игореве / Вступ. ст. Д.С. Лихачева, примеч. О.В. Творогова и Л.А. Дмитриева. Л., 1967.
- ¹¹ *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. XIII. М.; Л., 1957. С. 69, 75, 77–79. Четко проявившуюся у издателей тенденцию приближения текста памятника к рукописи Хронографа отмечает Г.Н. Моисеева (Моисеева Г.Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 118).
- ¹² Летописец Новгородский, начинающийся от 6525 (1017) году и кончающийся 6860 (1352) годом. М., 1781. С. 1.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ См.: Новгородская харатейная летопись / Издано под наблюдением акад. М.Н. Тихомирова. М., 1964.
- ¹⁵ Г.Ф. Миллер, издавший в 1775 г. «Степенную книгу», положил в основу «древний и верный список» и старался, «чтоб... ни в чем от подлинника не разнилась». Тем не менее в издании паерок – особый знак, заменяющий в равной мере ъ и ь – не учтен, мягкость в конце слов не сохранена, без огорок вставлены в строку выносные и раскрыты титла, и-десятеричное и

- ъ даны по принятому в 70-х годах XVIII в. правописанию // Степенная книга царского родословия.... Ч. 1. М., 1775. С. VII–VIII.
- ¹⁶ См.: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература.... С. 122–123; Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 1. М., 1813.
- ¹⁷ *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 68–69, 76, 80 и др.
- ¹⁸ *Щепкина М.В.* К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. 13. М.; Л., 1957. С. 95.
- ¹⁹ Там же. С. 95, 96, 100; *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 69–74.
- ²⁰ Об этом см.: *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 68–73 и др. По мнению Д.С. Лихачева, в первом издании «Слова» много свидетельств колебаний между правописанием рукописи и «церковнославянским» правописанием XVIII в.
- ²¹ Об этом см. также: *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 70–72.
- ²² Д.С. Лихачев доказывает факт существования такого протографа, использовавшегося в ходе подготовки первого издания, рядом весьма убедительных аргументов. (*Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 71, 79 и др.).
- ²³ Коллективный характер работы на всех этапах признает Г.Н. Моисеева (см.: *Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература. С. 110–111, 118).
- ²⁴ *Барсов Е.В.* Указ. соч. Т. 1. Ч. 1. С. 71.
- ²⁵ Там же. С. 76–77. Барсов полагает при этом, что в начале своей работы Малиновский не придавал значения паеркам и в своих черновых записях их не учитывал. Видимо, прав Барсов, говоря и о том, что Н.М. Карамзин был «не строг» с паерками и, вероятно, не учитывал их в своих выписках.
- ²⁶ Г.Н. Моисеева считает Н.Н. Бантыш-Каменского основным лицом, готовившим текст издания, и ссылается при этом на письмо А.И. Мусина-Пушкина к К.Ф. Калайдовичу (*Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература. С. 119–122). Однако на наш взгляд, в письме идет речь лишь о сверке с подлинником перевода «Слова».
- ²⁷ *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 80–81.
- ²⁸ *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 85–86.
- ²⁹ Там же. С. 71–78.
- ³⁰ Г.Н. Моисеева считает, например, что орфография XVIII в. применена в копии главным образом из-за предназначения ее для Екатерины II (*Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература. С. 117–118).
- ³¹ Об этом писал, в частности, еще Е.В. Барсов, рассуждая о моде в XVI в. «грамотеев заменять гласные о и е глухими ъ и ь, стремившихся к восстановлению древнерусского правописания... там, где того не терпит русская речь» (см.: *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 2. С. 125).
- ³² Г.Н. Моисеева, полемизируя с О.В. Твороговым, считает такой вывод неверным (*Моисеева Г.Н.* Древнерусская литература. С. 123).
- ³³ См.: *Лихачев Д.С.* История подготовки к печати... С. 74–75.
- ³⁴ В выписках Н.М. Карамзина зафиксированы южнославянизмы такого типа и по другим произведениям сборника (в Повести об Акире – *прѣст*, в Девгениевом деянии – *дрѣзость*, *чрьленою*, *крѣмилици*). См.: *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 65–66.
- ³⁵ Буква *р* – одна из наиболее часто встречающихся выносных букв полуустава и тем более беглого полуустава.
- ³⁶ См., напр.: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 791. 4°. Л. 64; № 280. 1°. Л. 504 и др.

- ³⁷ Соловьев А.В. Русичи и Русовичи // Слово о полку Игореве – памятник XII века / Отв. ред. Д.С. Лихачев. М.; Л., 1962. С. 284. В литературе есть сторонники псковской орфографии рукописи Мусина-Пушкина со «Словом», есть и противники. К первым принадлежат, в частности, Н.М. Каринский, Л.А. Творогов (*Каринский Н.М.* Мусин-пушкинская рукопись «Слова о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. М., 1917; *Творогов Л.А.* Новое доказательство псковского происхождения непосредственного оригинала мусин-пушкинского списка текста «Слово о полку Игореве». Псков, 1949). Позицию Н.М. Каринского в свое время резко критиковали В.В. Виноградов и С.П. Обнорский (см.: *Виноградов В.В.* Исследования в области северно-великорусского наречия. Вып. 1 // Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук за 1919 год. 1922. Т. XXIV, кн. 1. С. 217–218; *Обнорский С.П.* Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л., 1946. С. 134–137 и др.).
- ³⁸ Соловьев А.В. Указ. соч. См. также: Гординский С. Назви «Русич» и «Русович» // Українська вільна Академія наук. Сер. Назвознавство / За ред. Яр. Рудницького. Ч. 25. Вінніпег, Канада, 1963.
- ³⁹ Соловьев А.В. Указ. соч. С. 291.
- ⁴⁰ Там же. С. 284–286.
- ⁴¹ Там же. С. 278.
- ⁴² Там же. С. 284–286. Термин фигурирует, правда, как фамилия.
- ⁴³ Барсов Е.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 46–50.
- ⁴⁴ Там же. С. 49; *Калайдович К.Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды Общества истории и древностей российских при Московском университете. М., 1824. Ч. 2. С. 35–41.
- ⁴⁵ Барсов Е.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 55, 66; Ч. 2. С. 123–126, 188 и др. См. также: Щепкина М.В. О палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. Т. IX. М.; Л., 1953. С. 16; *Творогов О.В.* Указ. соч. С. 163.
- ⁴⁶ Барсов Е.В. Указ. соч. Ч. 2. С. 154, 158. Такой тип буквы был популярен в южнославянской письменности.
- ⁴⁷ См. также: Щепкина М.В. О палеографических особенностях. С. 12.
- ⁴⁸ Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 50.
- ⁴⁹ Там же. С. 49.
- ⁵⁰ Еще Е.В. Барсов отмечал, анализируя список с летописной повести похода Игоря, сделанный самим А.Ф. Малиновским, что основной редактор издания «Слова» иногда не справлялся с трудностями чтения древних текстов, путал буквы с надстрочными знаками, делал ошибки в расстановке слов и т. д. (См.: *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 93–94).
- ⁵¹ В небрежном полууставе, переходящем в книжную скоропись, встречаются скорописные начертания: б, в, д, з, е, Ъ, ю, р, и, ы и др. букв (см.: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 144. 1°). В беглом полууставе, а также книжной скорописи в XVI в. долго сохраняется практика применения лигатур полууставного типа таких сочетаний, как *тр*, *тв* (см.: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 791. 4°. Л. 53об.). Иногда они развиваются в лигатуры *тро*, *тво* и др. (см.: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 144. 1°. Л. 123об., 154, 66 и др.). В полууставных рукописях XVI в. и особенно второй его половины нередко встречается о-очное, т.е. двойное (см.: ГИМ. ОР. Синод. собр. № 645. 1°).

- Л. 162об. и др.). Таким образом, наличие в издании «Слова» свидетельств применения в мусин-пушкинской рукописи *тр* и *о*-очного не может отвести гипотезу о выполнении рукописного текста «Слова» беглым полууставом XVI в. или полуустановом, переходящим в скоропись. См. также: Щепкина М.В. О палеографических особенностях. С. 8.
- ⁵² Возможный вариант такого письма может быть представлен сборником (ГИМ. ОР. Синод. собр. № 144. 1?), написанным полуустановом XVI в., переходящим в скоропись.
- ⁵³ Срезневский В.И. Заметки А.Х. Востокова о его жизни. СПб., 1901. С. 32.
- ⁵⁴ Прийма Ф.Я. Указ. соч. С. 86–88.
- ⁵⁵ Творогов О.В. Указ. соч. С. 161.
- ⁵⁶ Калайдович К.Ф. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа А.И. Мусина-Пушкина. С. 36–37. Думается, что Ф.Я. Прийма не доказателен, когда высказывает мысль о том, что Мусин-Пушкин «сгустил краски» (Прийма Ф.Я. Указ. соч. С. 28).
- ⁵⁷ Щепкина М.В. К вопросу о правописании рукописи «Слова о полку Игореве». С. 92.
- ⁵⁸ Вообще в сборниках XVI в. нередки примеры, когда основная часть написана каллиграфическим размеренным полуустановом, а произведения, располагающиеся ближе к концу книги и в конце ее, написаны беглым небрежным полуустановом, переходящим в скоропись. См., напр.: ГИМ. ОР: 1) Синод. собр. № 645. 1° (где последнее произведение – «Повесть о белом клобуке» – написано, в отличие от всего сборника, полуустановом, переходящим в скоропись); 2) Синод. собр. № 791. 4° (большая часть рукописи написана полуустановом, а остальная – полуустановом, переходящим в скоропись, и книжной скорописью). Данные сборника были любезно указаны нам Л.М. Костюхиной.
- ⁵⁹ См.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. С. 57.
- ⁶⁰ Аргументы, приведенные нами, остаются в силе, если предположить, что в обоих местах *ру[с]чи* читалось с *ч* в силу псковской или вообще северо-западнорусской замены *ц* на *ч*.
- ⁶¹ В Ипатьевской летописи – «Руси».
- ⁶² Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. II. Л. 32.
- ⁶³ Цит. по: Novy R. Die Anfänge des böhmischen Staates, 1. Praha, 1968. Т. 1. Р. 140–141.
- ⁶⁴ Monumenta Germaniae historica. Scriptores. Т. III. Р. 60–61.
- ⁶⁵ Titmari Merseburgensis episcopi. Chronicon. Berlin, 1966. Р. 56.
- ⁶⁶ ПСРЛ. Т. 2. Ст. 904–905.
- ⁶⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Общественная польза. Т. 3, кн. 1. С. 893.
- ⁶⁸ ПСРЛ. Т. 2. Ст. 60, 280.
- ⁶⁹ Там же. Ст. 280, 628, 872, 876, 888.
- ⁷⁰ Там же. Ст. 897.
- ⁷¹ Там же. Приложение. Ст. 5, 22, 50, 75, 77, 68.
- ⁷² ГИМ. ОР. Синод. собр. № 791. 4°. Л. 62об.
- ⁷³ Барсов Е.В. Указ. соч. Ч. 1. С. 37.
- ⁷⁴ Там же. С. 35–36.
- ⁷⁵ Там же.

- ⁷⁶ *Шмидт С.О.* Малоизвестное письмо К.Ф. Калайдовича // Труды Московского историко-архивного института. М., 1954. Т. 7. С. 225.
- ⁷⁷ Собрание государственных грамот и договоров. М., 1819. Ч. II. С. VI.
- ⁷⁸ *Оленин А.Н.* Краткое рассуждение об издании полного собрания деесписателей. СПб., 1814.
- ⁷⁹ *Калайдович К.Ф.* Записки и важные и мелочные // Летописи русской литературы Тихонравова. 1861. Т. III, кн. 6. С. 95–96.
- ⁸⁰ *Барсов Е.В.* Указ. соч. Ч. 1. С. 37.
- ⁸¹ *Дубенский Дм.* Слово о полку Игореве, объясненное по древним письменным памятникам магистром Дмитрием Дубенским // Русские достопамятности, изданные Обществом истории и древностей российских. М., 1844. Ч. 3. С. VIII.

Опубл.: История СССР. 1983. № 5. С. 82–106.

ТВЕРСКАЯ ШКОЛА КНИЖНОГО ПИСЬМА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIV в.

(из истории Троицкого Мерила Праведного)

Древнерусский юридический сборник Мерило Праведное давно привлекает внимание ученых¹. Древнейший из сохранившихся экземпляров – Троицкий список Мерила Праведного (ГБЛ, Троицк, № 15)². Датируется список в пределах XIV в. Так, И.И. Срезневский датировал Троицкий список Мерила Праведного около 1350 г. М.Н. Сперанский, Е.Ф. Карский и В.П. Любимов датировали этот же список второй половиной XIV в. Н.В. Калачев и Арсений относили его к концу XIV в. М.Н. Тихомиров считал вероятным датировать этот список серединой века, так же, как и Н.Б. Тихомиров. В.М. Данилова полагает, что Троицкое Мерило создано в конце XIII – первой половине XIV в. (хотя этот автор опирается на палеографию памятника, аргументы в пользу названной датировки выглядят неубедительными)³.

Замечательная рукопись Троицкого Мерила Праведного вызвала интерес и как памятник культуры книжного письма. В частности, автором этих строк была предпринята работа по изучению в рукописи Троицкого Мерила следов обучения каллиграфическому письму. В тексте рукописи были выявлены разделы, выполненные только писцами-каллиграфами, и разделы, в которых писцы-каллиграфы, ведя переписку текста, одновременно обучали писцов-учеников. Была обнаружена целая серия «уроков» разной величины, выполненных писцами-учениками. В свою очередь, в пределах текстов, написанных учениками, были обнаружены вкрапленные в текст каллиграфические образцы письма в одну-две строки (чаще с начала какой-либо страницы, а иногда в середине ее или в конце)⁴.

Соотношение почерков рукописи Троицкого Мерила было полностью подтверждено исследованиями А.А. Зализняка, дополнившего серию выявленных «уроков» рядом новых примеров. Кроме того, А.А. Зализняк обнаружил, что фрагменты и разделы, написанные писцами-учениками имеют ряд характерных графико-орфографических отличий от разделов, выполненных писцами-каллиграфами. Орфографические нормы учителей и учеников различны и, как считает А.А. Зализняк, учителя принадлежали к более новаторской школе письма⁵. Больше того, диалектные особенности системы письма учеников, по мнению ученого, чисто «великорусские»⁶. В то же время у некоторых учителей-каллиграфов имеются, по мнению А.А. Зализняка, черты

юго-западных говоров⁷. Столь своеобразная ситуация в отношении диалектологического разнообразия текстов рукописи Троицкого Мерила может быть прояснена новыми палеографическими наблюдениями.

Следы обучения каллиграфии в Троицкой рукописи Мерила Праведного свидетельствуют, что рукопись эта не была парадной, роскошной рукописью, выполнением дорогого заказа, несмотря на наличие в начале рукописи миниатюры «Вседержитель как Праведный судья» и прекрасной заставки тератологического орнамента. Это была рядовая, деловая рукописная книга. И все-таки остается непонятным кричащее противоречие изысканнейшего почерка писцов-каллиграфов того типа, который палеографы действительно видят лишь в парадных роскошных рукописях, и корявого, неустойчивого письма учеников. Неясно, что за причины свели в одну книгу разные уровни письма, несомненно, разделенные и социально. В рукописи оставлены не ликвидированными грубейшие небрежности техники переписки книг. Одна из них, наиболее очевидная, присутствует на л. 68–70.

Троицкое Мерило отличается особенностью, которая, на первый взгляд, может привести к выводу, что оригинал, с которого снималась копия, был отличен от протографа других уцелевших списков Мерила Праведного (СП, СП, К-Б)⁸. Дело в том, что во всех списках Мерила Праведного рубеж вводной и основной частей отличен от Троицкого Мерила. Вводная часть нравоучительного характера заканчивается всюду тремя статьями, первая из которых имеет заглавие: «Афонасия Александрийского къ Евлогию», а тексты двух других («того же к Генадью» и «Василия ко Амфилохию») даны без заголовков. Сразу же за ними идет оглавление 30 глав по второй части Мерила Праведного, а далее, где с небольшим чистым пространством, а где без него, идет первая статья юридической тематической подборки, начинающей собственно юридический сборник. Ее название во всех трех экземплярах одинаково: «Образ винам. Слово а». В экземпляре Троицкого Мерила иначе. Вводная часть, казалось бы, также заканчивается названными тремя статьями (л. 69) с той лишь разницей, что все они даны с заголовками («Афонасия Александрийского к Евлогию», «того же к Генадью», «Василия ко Амфилохию»)⁹. Отличие этого списка лишь в том, что перед текстом этих статей примерно полторы страницы оставлены чистыми. Далее оборот л. 69 заполнен убористо оглавлением второй части сборника, которое все поместилось на одной странице. На следующем л. 70 в первой же строке новым почерком под заголовком «Разум о винахъ Слово. а» идет повтор тех же трех статей («Афонасия Александрьского к Евлогью»; «того же к Генадью»;

«Васильево ко Амфилофью»), переписанных явно из того же источника, притом с чисто писцовыми отклонениями. И только за этим текстом идет уже заголовок «Образ винам. Слово. В», т.е. нумерация статьи здесь изменена с первой на вторую. Дальше текст всех четырех списков Мерила Праведного совпадает.

Думается, что причиной описанных неувязок могло быть решение первого писца-редактора второй части сборника перенести последние три статьи Введения в начало юридической подборки второй части Мерила. Поэтому при окончании Введения было оставлено 1,5 страницы чистыми для оглавления 30 глав второй части сборника и место для киноварного заголовка «Разум о винах. Слово. а». Затем на нижней половине л. 69 были убористо помещены три вышеназванные статьи с тем, чтобы продолжить далее переписку уже текстом статьи «Образ винам. Слово. В». Однако в организации работы произошел сбой, из-за которого на обороте л. 69 вместо статьи «Образ винам» по ошибке, а точнее, из-за порядка статей протографа, с которого списывалось Троицкое Мерило, было написано оглавление 30 глав. Писцы или писец, видимо, забыли, что для оглавления уже было оставлено место. Эту ошибку исправил писец-редактор второй части сборника, который после оглавления снова осуществил начальный замысел и вверху л. 70 поместил статью «Разум о винах. Слово. а» и уже вслед за ней статью «Образ винам», изменив ее номер с первой на вторую¹⁰. Расчет был, видимо, на то, чтобы потом оглавление все-таки перенести на чистый л. 68 об., а л. 69 удалить, вырезав его. Однако по каким-то причинам, о которых частично пойдет речь позднее, это не было осуществлено, и в тексте Троицкого Мерила осталась эта грубейшая небрежность писцов-книжников. Рукопись Троицкого Мерила Праведного, скорее всего, позднее должны были сверить по другим спискам, так как для ряда фрагментов текста, отсутствующих в протографе, с которого делался Троицкий список, оставлено было чистое место для последующих дополнений (л. 188 об.–189, 191 об.). Все это еще раз свидетельствует о том, что Троицкий список не изготовлялся как парадная, дорогая рукопись.

Почему же к созданию ее оказались причастными весьма искусные мастера-каллиграфы?

Думается, что ответ на этот вопрос можно получить, изучая некоторые аспекты палеографии Троицкого списка XIV в.

Как известно, к концу XIV в. в каллиграфии устава прослеживаются две основные тенденции. Первая из них связана с исторической перспективой развития и господства полууставного письма и выражена появлением переходного устава и так называемого русского полуустава с потерей геометрии букв, с увели-

чением роли взмахов пера вверх и вниз, с появлением упрощенных начертаний. Вторую тенденцию можно назвать консервативной. Ее основной нитью является стремление к изысканному манерному уставному письму. В рамках этой тенденции иногда видно желание каллиграфов (наряду с традиционной сигнальной линией) уместить все буквы в границах строки. Отсюда развивается манера тончайших «волосных» хвостов у «р», «у» и т.д. Думается, что рукопись Троицкого Мерила иллюстрирует именно эту тенденцию, эту линию развития художественного стиля в каллиграфии устава.

Дело в том, что, на наш взгляд, каллиграфия изучаемой Троицкой рукописи отличается рядом сугубо индивидуальных особенностей. Так, в рукописи почеркам всех писцов свойственно специфическое, практически почти не встречающееся начертание буквы «х» без опущенных ниже строки одной или обеих косых линий. Вся буква «х», как бы современного нам упрощенного начертания, уместается в строке.

Чрезвычайно редок в практике уставного письма и другой отличительный момент. В рукописи повсюду употреблено «у» без опущенной вниз вертикальной линии (т.е. «хвоста»). Точная аналогия, по наблюдениям Л.М. Костюхиной, встречается в большом фрагменте Евангелие Апракос (ГИМ, Муз., № 3450). Вообще сходство графики этой рукописи с графикой Троицкого Мерила очень сильное, и возможно предположить принадлежность обеих рукописей одной школе письма. Знакомство с палеографией рукописей последней четверти XIV в. дает основание считать, что особые признаки каллиграфического стиля Троицкого Мерила служат прямым логическим завершением тех тенденций, которые присущи графике рукописей, выполненных манерным уставом второй половины – последней четверти XIV в., т.е. речь идет о так называемой консервативной тенденции в развитии уставного письма. Общей для этого класса рукописей является тенденция избавиться от взмахов вверх и вниз и сделать строку устава четкой ровной линией. Отсюда стремление писцов делать спуски вертикалей у «р», «у» и т.д. незаметными, и как следствие этого стремления – широко применяется «волосные» тончайшие линии, резко контрастирующие с толщиной основных штрихов буквы, и поэтому малозаметные. Далее, при плотном построении листа рукописи, т.е. когда письмо убористое и строки стоят очень близко друг к другу, появляется тенденция к укорочению спусков вертикалей и косых у «з», «х», «р», «у» и т.д. Так, явно укороченные «х» и «у» местами встречаются в Евангелии Апракос конца XIV в. (ГИМ, Увар., № 268). Больше того, «у» иногда совсем не имеет «хвоста» (л. 30об., 51, 52, 60, 130 и др.).

Те же тенденции в Апостоле Апракос конца XIV в. (ГИМ, Увар., № 327), где иногда «у» без хвоста (л. 2, 7, 10 об., 38, 51, 53 об., 64 об.), а «х» со слегка опущенными косыми (л. 55, 72 и др.), в Служебнике Варлаама Хутынского (ГИМ, Син., № 600), в Уставе Студита 1398 г. (ГИМ, Чуд., № 333), Прологе 1406 г. (ГИМ, Успен., № 3, перг.) и некоторых других. Начертание «у», буквально совпадающее с Троицким Мерилом, замечено также в отдельных южнославянских рукописях (Евангелие Норова, вторая четверть XIV в. ГИМ, Увар., № 381/289/). Близкое написание «у» изредка встречается в Шестодневе 1263 г. (ГИМ, Син., № 32).

Менее четко прослеживаемая каллиграфическая особенность Троицкого Мерила заключается в начертании буквы «м» с характерным прогибом перемычки под строку. У части писцов эта манера прослеживается стабильно, а у другой части заметны колебания и часто встречается написание обычного «м». Тем не менее «м» с перемычкой, сильно спущенной под строку, может фигурировать в числе особенностей каллиграфии Троицкой рукописи Мерила Праведного¹¹.

Таким образом, все вышеуказанные особенности графики некоторых букв, если и встречаются в отдельных рукописях, то изредка и к тому же поодиночке (то «м», то «у» и т.д.). В Троицком Мериле Праведном сочетание названных особенностей является уникальным. Вследствие этого, на наш взгляд, эта рукопись демонстрирует редкий, необычайный, нетрадиционный для XIV в. каллиграфический стиль явно не московского происхождения.

Изучение почерков Троицкого Мерила дает возможность предположить, что указанные выше признаки особого каллиграфического стиля еще не носят характер твердо усвоенных, ставших его органическим элементом. Но все писцы довели до автоматизма специфические начертания «х» и особенно «у». Так, писцы первой вводной части «Мерила» работают практически безошибочно. На листах этой части видны лишь позднейшие наведения, в частности буквы «х» традиционной формы (л. 3 об. – 4 об.). Больше всего ошибается третий писец – каллиграф, исполнивший текст на л. 70–125 об. Так, на л. 104 в 11-й строке он внезапно в словах «оу цесаря» букву «у» пишет с хвостом, спускающимся ниже строки, т. е. делает «у» традиционной формы. Ту же ошибку он делает в 12-й строке («да будеть»). Точно так же этот же писец-каллиграф ошибается на л. 115 об., где в 3-й строке сверху делает хвост у «у» в слове «друга» и в 10-й строке в слове «ему». Вполне возможно, все ошибки были им сделаны в один-два дня, так как он и дальше делает промахи с буквой «у» на ближайших страницах: на л. 117 в 22-й строке в словах «к нему», на

л. 117 об. в 9-й строке снизу в словах «иному п(и)с(ко)пу», на л. 118 в конце 12-й строки в слове «правилу», на л. 121 об. в последней строке в последнем слове «будет» (тут даже перо дрогнуло), и, наконец, на л. 124 об. в 11-й строке в слове «оумреть» и в последней строке страницы в слове «противу». Всего им 9 раз написано «у» в традиционном, а не в заданном стиле. В рамках этой части рукописи на нижней половине л. 90 об. киноварный заголовок «Кюрила архиепископа Алексадрьского. Правило. Г» и 9 строк ниже него записаны особым почерком. В этой вставке в самом заголовке «х» написано традиционно с косыми, уходящими ниже строки. Тот же промах сделан дважды в 6-й строке текста.

Четвертый писец-каллиграф, исполнивший текст рукописи «Мерила» в пределах л. 126–274 об., сделал очень мало промахов. Почти все они ближе к середине его части работы (т.е. до раздела л. 208 об.–239, где он обучал учеников). Так на л. 187 в последней строке он также пишет традиционное «у» с хвостом в слове «таоуларии». На л. 193 в 8-й строке снизу он делает такую же ошибку в слове «осуждается» и на л. 198 об. во 2-й строке снизу в слове «оуоставление». В этой же части рукописи на л. 195 об. есть описка в виде традиционного «х» с косыми, уходящими ниже строки. В той части текста, где этот писец-каллиграф вел обучение, сделан лишь один промах на л. 226 (в 5-й строке сверху в слове «единому» «у» написано традиционно с хвостом). Таким образом, навык четвертого писца-каллиграфа, видимо, прочнее, чем у третьего. Но в целом традиционные написания у обоих писцов носят характер случайных описок.

Еще один, на наш взгляд, немаловажный момент сводится к следующему. Как уже говорилось, характернейшей особенностью орфографии памятника является отсутствие *е*-широкого, в модификации, известной как *е*-якорное, появившегося, как известно, в русских рукописях с середины XIV в. Поскольку рукопись по другим признакам датируется примерно концом третьей – началом четвертой четверти XIV в., отсутствие *е*-широкого в варианте написания, известного как *е*-якорное, может вызвать либо недоумение, либо передатировку памятника. Между тем есть основание полагать, что время написания рукописи «Мерила» было временем, когда *е*-широкое или *якорное* практиковалось не только в конце строки, что характерно для середины и третьей четверти XIV в., а по всей строке в форме *е*-якорного. Дело лишь в том, что, придерживаясь данной каллиграфической манеры, писцы, видимо, намеренно избегали употреблять *е*-якорное. Основанием для подобного предположения служит текст рукописи на л. 132 об. Здесь с 3-й по 7-ю строку *е*-якорное фигурирует подряд целых семь раз (в словах «еп(и)с(ко)пъ», «е» в значе-

нии «его», «искупление», «исходящееся» и «имѣние» и др. Эта серия написаний (причем, не в какой-либо вставке, а в почерке писца-каллиграфа) служит явным свидетельством того, что, во-первых, четвертый писец-учитель отлично владел этой орфографией и, во-вторых, что наличие серии написаний *е*-якорного есть результат ослабления внимания писца, т.е. его описка, ошибка¹². Такую же ошибку сделал и третий писец-каллиграф. На л. 81 об. в 9-й строке в слове «другое» им также употреблено *е*-якорное примерно того же типа, как у четвертого писца¹³.

Изложенные выше наблюдения, на наш взгляд, убеждают в том, что перед нами не просто образец особой каллиграфической модели, а рукопись, запечатлевшая одну из стадий выработки нового каллиграфического стиля, когда часть писцов (два первых) овладела навыком нетрадиционных написаний и довела их до автоматизма, а другие писцы-каллиграфы в забывчивости и при ослаблении внимания допускают, чаще или реже, традиционные написания.

Эта мысль еще более наглядно подтверждается материалом письма писцов-учеников. Приведем несколько примеров. Отработка нетрадиционного написания «у», «х» и отчасти «м» ярче видна не на первичных, очень небольших по объемам уроках, а там, где объем урока больше, видно, как внимание ученика сосредотачивается то на одном написании, то на другом. В небольшом уроке на л. 73 (с 2-й по 9-ю строки) видно, как ученик традиционное по форме «х» с изогнутой косой, идущей справа вниз налево, просто уместает в рамках строки и не усваивает новое «х» из четких прямых линий, располагающихся в строке. В большом по объему уроке на л. 73 об. (с 17-й по 25-ю строки) – 74 (с 1-й по 8-ю строки) в двух встретившихся ему буквах «х» ученик вновь делает традиционное написание, спуская косые ниже строки. Стремление опустить перемичку «м» четче реализуется в первом уроке и хуже во втором. В обоих случаях ученику удастся без ошибок выполнить традиционное «у» без хвоста. Возможно, по своей инициативе ученики стремятся сделать короче хвост у «з» и «р». В двух уроках на л. 75 об.–76 ученики вполне справляются с «у», отчасти с «м», но делают спуски косых линий у «х». На л. 225 об. после двух строк образца каллиграфии со слова «рекъше» идет 11 строк урока, разбиваемого на две части киноварным каллиграфическим заголовком. В этом уроке ученик всюду пишет «у» в традиционном стиле (т.е. с хвостом), хотя хвост сильно укорочен, что все-таки свидетельствует о стремлении подражать образцу. В этом фрагменте особенно заметно, как ученик невольно укорачивает хвост у «р», который едва опущен за уровень строки. Не получается у него и «м», хотя и в образце

и в тексте, следующим сразу за уроком, перемычка у «м» резко опущена ниже строки.

Интересен урок на л. 216. В начале урока писец в букве «у», начиная делать вертикальный хвост вниз, тут же обрывает его. С таким очень небольшим кончиком «у» есть в словах «вдовствующая», «ему», «вѣру», «праву». Однако дальше он уже не делает этого промаха, и в словах «оутвержени», «будуть» и других буква «у» пишется абсолютно так, как у каллиграфов-учителей. В этом же уроке буква «м» сначала пишется с перемычкой в рамках строки, а со слов «имѣ многи» перемычка резко уходит за нижний край строки. Почти всюду далее ученик реализует такое начертание. Буква «х» в этом уроке всюду имеет нужное нетрадиционное написание. В уроке на л. 217 писец-ученик на первых порах однажды делает букву «у» с небольшим хвостиком, но больше этой ошибки уже не допускает. Характерно вновь стремление ученика укоротить ножку у «р». Нормальные хвосты у «р» очень редки. Ему не удается «м», так как перемычка всюду уместается в рамках строки. Все эти моменты характерны и для продолжения этого урока на л. 218 об.–219 (1–8-я строки) и урока на л. 219 об.–220 об. (1–11-я строки). Лишь на л. 219 об. в 18-й строке ученик чуть было не сделал хвост у «у».

Весьма интересен с точки зрения приспособления к нетрадиционному каллиграфическому стилю урок на л. 231–238 об., когда писцу-ученику уже поручают весьма большой текст. Он начинается после восьми строк образца, затем ученик пишет семь строк, потом снова две строки образца каллиграфии. Далее текст ученика на л. 232 прерывается двумя строками образца, на л. 232 об. неполная первая строка образца, л. 234 начинается с двух строк образца и т.д. Поначалу у ученика буква «х» на листе 231 дана традиционно, на л. 231 об. во 2-й строке она уже уместена в строке, но в нижней половине страницы писец-ученик снова дает «х» традиционные, с косыми, спускающимися ниже строки. На л. 232 «х» уместается в строке в трех случаях, но в трех же «х» традиционно, на л. 233 соотношение то же, на л. 233 об. традиционное написание в четырех случаях, а нетрадиционное в пяти и т.д. Точно также число написаний «м» с перемычкой ниже строки постепенно нарастает, хотя писец-ученик часто снова и снова пишет «м» в строке. Иногда перемычка исправляется дополнительным удлинением ее (например, л. 235 об., строки 12, 19, 21, 25-ая и др.). В этом разделе – уроке «у» всюду пишется в новой манере. Лишь на л. 237 в 8-й строке видна попытка сделать у буквы хвост (в слове «могутъ»). Для урока на л. 260 об. характерно старательное выполнение учеником буквы «м» с перемычкой, спущенной вниз. Писец-ученик, выполнивший под руководством каллигра-

фа, периодически дававшего образцы, большой раздел книги на л. 275–331, все особенности осваиваемой каллиграфической манеры здесь уже вполне усвоил. Лишь «х» выдается своей традиционной формой и частым спуском косых линий ниже строки. Наконец, в рукописи есть целая серия уроков писцов-учеников, которые, строго говоря, уже не ученики, так как их почерки выглядят довольно сложившимися. Именно их уроки и проясняют конечную задачу обучения как обучения новой каллиграфической манере¹⁴.

Наблюдения над почерками и палеографией Троицкого Мерила Праведного являются важными аргументами для вывода, что перед нами рукопись, запечатлевшая не просто редкий каллиграфический стиль уставного письма явно не московской школы, а один из этапов создания такого каллиграфического стиля. Именно потому, что этим стилем овладели не все писцы-каллиграфы, участвовавшие в создании троицкой рукописи Мерила Праведного, и именно потому, что данному стилю обучали неопытных, начинающих писцов, в рукописи и отразилось столь необычное и даже невероятное сочетание писцов-каллиграфов с писцами, владевшими лишь примитивными навыками уставного письма.

В рукописи, на наш взгляд, отразилось не только обучение. Есть фрагменты текста, которые можно понять как пробу тех или иных каллиграфических деталей. Так, л. 70–73, т.е. начало второй части сборника, исполнены писцом-каллиграфом, который писал л. 70–125 об., и отличается от большей части написанного им же особым начертанием манерного «р» с маленькой головкой и ножкой, уместающейся в строке. Только в конце л. 73 этот же писец переходит к обычному начертанию. Лучше всего это можно объяснить «пробой пера».

В связи с тем, что перед нами интереснейшее явление в истории искусства книжного письма, особо важно попытаться датировать эту замечательную рукопись возможно более точно и попытаться определить место ее написания.

Не останавливаясь на общих для XIV в. палеографических признаках (таких как высокая сигнальная линия, косые перекладины в верхней трети высоты букв и др.), обратим внимание лишь на некоторые более существенные. В их числе начертание буквы «ч». У разных писцов оно разное, начиная от архаического «ч» с округлой чашей, манерного «ч» с высокой ножкой и кончая начертаниями, типичными для второй половины XIV в., с небольшой ножкой и крупной конической чашей. Наиболее важны, на наш взгляд, спорадически встречающиеся начертания с крупной треугольной чашей и очень короткой ножкой. Больше

того, можно встретить «ч», сильно напоминающее «ч» расщепом так называемого русского полуустава последней четверти XIV в. Такое «ч» можно встретить на л. 100 в слове «причетникъ»; на л. 100 об. в словах «научи», «нечистыхъ», «что», «человекомъ», «причетникомъ»; на л. 106 об. в слове «причетники», на л. 107 об. в слове «отлучиться»; на л. 110 об. в словах «чревъ», «чрева» и др.; на л. 112 в слове «честь», на л. 112 об. в словах «отрочати», «воинича», «сочетать», на л. 133 об. – «честнымъ домомъ»; на л. 137 об. – «чадомъ», «чтець»; на л. 146 об., 154 об., 158 об., 173, 290 об. и т.д. Эта особенность сближает рукописи с русским полууставом последней четверти XIV в. В почерках учеников (л. 275–331) встречается «ж» с практически исчезнувшей головкой, что также встречается в последней четверти XIV в. в переходном уставном письме и русском полууставе.

С середины XIV в. встречается, как известно, *е*-якорное, с общим наклоном влево, в положении, которое В.Н. Щепкин называл «полулежачим». Сначала это «е» встречается к концу строк и в конце их в порядке экономии места. И только позднее употребляется повсеместно. В рукописи Троицкого Мерила *е*-якорного практически нет ввиду специфических обстоятельств, которые уже разобраны выше. Однако в качестве исключения оно все же встречается и может служить датирующим моментом, так как употребляется и в начале строки и в середине ее, что ведет нас ко времени позже середины столетия. На л. 83 об. в киноварном заголовке в слове «епископ» *е*-йотированное выполнено так, что язычок «е» идет резко вверх, что характерно для конца XIV в. Наконец, датирующим признаком может отчасти быть и конфигурация буквы «м», которая, как уже говорилось, в большинстве своем имеет перемычку ниже строки. В ряде почерков этот прогиб ниже строки по всей глубине почти равен высоте самой буквы (например, л. 13, 13 об., 89, 91, 99 об., 100, 100 об., 101, 102 об., 103, 132 об., 178 об., 182, 182 об., 200, 221 об., 222, 223, 230, 230 об., 246 об., 248 об., 254, 255, 257 об., 258 об., 259, 334 и др.).

Подобное написание, насколько нам известно, в русских рукописях не встречается. Аналогии встречаются лишь в уставных и полууставных южнославянских рукописях в основном с третьей четверти XIV в. Вполне возможно, что эти каллиграфические особенности и были взяты писцами Троицкой рукописи Мерила Праведного из южнославянских образцов¹⁵.

Таким образом, наиболее вероятное время написания Троицкой рукописи Мерила Праведного – конец третьей – начало четвертой четверти XIV в.

Немаловажным в этой связи является вопрос о месте создания Троицкого списка Мерила Праведного. Надо отметить, что

твердых мнений на этот счет в литературе нет, так как проблема эта необычайно трудная. Многие исследователи ключевым моментом в решении этого вопроса считают прочтение исчезнувших княжеских имен из Троицкого списка Мерила Праведного. Так, А.А. Зализняк приводит устное мнение В.А. Кучкина о том, что в Троицкой рукописи читалось имя тверского князя Михаила Александровича. М.Н. Тихомиров считал, что на л. 5 рукописи читалось имя Дмитрия и полагал, что в Троицком Мериле и первое посвящение было в адрес великого князя Дмитрия Александровича, т.е. относил посвящение к концу XIII в.

И действительно, для локализации изучаемого памятника имена князей, фигурирующие в первых строках Мерила и в первом его разделе, носящем характер посвящения-похвалы, имеют первостепенное значение. В изучении этого текста, а также решении проблемы происхождения всей первой части сборника наиболее важные наблюдения и разыскания были сделаны М.Н. Тихомировым в фундаментальном труде, до сих пор являющимся ценнейшим руководством по истории древнерусского права¹⁶. М.Н. Тихомировым было блестяще доказано, что первый раздел вводной части Мерила представляет собой недошедшее до нас и, возможно, самостоятельно существовавшее произведение киевского митрополита Никифора (1104–1121) типа Поучения¹⁷. В основе аргументации ученого лежит ряд тонких наблюдений над общностью стиля известных в литературе посланий Никифора (в первую очередь Владимиру Всеволодовичу Мономаху) и текста первого раздела вводной части Мерила Праведного, проявившейся прежде всего во фразеологических особенностях сравниваемых текстов. М.Н. Тихомиров пришел к выводу, что все дошедшие до нас четыре списка Мерила Праведного сохранили в текстах различные имена князей современников Никифора (Владимира Мономаха, Ярослава Святославича Муромского, Святополка-Михаила)¹⁸. Предполагая, что гипотетически восстанавливаемое Поучение Никифора было первоначально самостоятельным произведением, М.Н. Тихомиров видит подтверждение этому в дословных заимствованиях из текста Поучения в таких памятниках, как «Послание Иякова черноризца ко князю Дмитрию Борисовичу», которое С.И. Смирнов передатировал концом XIII в.¹⁹, и известные «Правила церковного собора 1274 г.» (компилятивное сочинение, иногда приписываемое митрополиту Кириллу II)²⁰. С другой стороны, ученый подметил, что собственно заголовок Мерила Праведного носит следы заимствования из того же Поучения Никифора. Отсюда М.Н. Тихомиров сделал вывод, что заголовок собственно Мерила Праведного сделан позже и не исключено, что это было совершено при последней редак-

ции и доработке состава этого сборника в конце XIII в. В этой редакции текст Мерила Праведного посвящался, по мнению ученого, великому князю Дмитрию Александровичу²¹. Вместе с тем М.Н. Тихомиров считал, что ранний вариант Мерила Праведного уже существовал в XII в.

Разыскания М.Н. Тихомирова могут быть уточнены лишь в деталях. В частности, нуждается в дополнительной аргументации утверждение, что в одном из списков Мерила Праведного (или в Поучении) фигурирует имя Святополка-Михаила. Думается, что имя (Михаил) все-таки подразумевает другого князя.

Напомним, что в СII и К-Б в первом посвящении фигурирует одно и то же имя («...добро бо от бога к божию слуге начати великому князю Ярославу Святославичу»)²². В то же время в обоих списках несколько дальше по тексту упомянуто одно и то же имя Владимира («тебе мудраго нашего кормчию благочестивого князя Владимира»). Этот фрагмент текста следовало бы точнее называть похвалой князю Владимиру²³.

Таким образом, в рамках одного и того же текста оказались разные имена князей, а это может быть лишь свидетельством того, что в обоих списках мы имеем дело со следами какого-то сводного текста, к которому в конечном счете восходят и СII и К-Б. Эта ситуация может свидетельствовать, вероятнее всего, о том, что перед нами случай сводного текста, включавшего и начальное посвящение и первый раздел введения, т.е. текста раннего варианта Мерила Праведного. А если сводный текст объединил и начало Мерила Праведного и его первый раздел, то становится ясным, что сводным он стал на основе сведения разных списков, но не Поучения, а Мерила Праведного. Слишком невероятно, чтобы в основу Мерила Праведного при его создании был положен текст Поучения Никифора уже в искаженном, т.е. сводном варианте (т.е. когда в нем уже слились в одном тексте разные первичные князья-адресаты). Правдоподобнее, что уже ранний вариант Мерила Праведного имел в разных списках разных князей-адресатов, которые потом слились в сводном тексте Мерила Праведного. Это, в свою очередь, дает возможность предполагать, что вероятным автором раннего варианта Мерила Праведного мог быть сам митрополит Никифор. Посвящение могло быть, следовательно, первоначально сделано только Владимиру Всеволодовичу, великому князю киевскому.

Остальные имена – лишь след дальнейшей судьбы списков с оригинала раннего варианта Мерила Праведного. В одном из них первое посвящение возможно было переделано, в связи с начавшейся вскоре практикой распространения этого юридического сборника. Так появились списки на имя князя-современника Яро-

слава Святославича (ум. 1129), муромского князя, бывшего короткое время (1123–1127) и черниговским князем. При этом имя Владимира в контексте похвалы этому князю могло остаться без изменения, так как этот фрагмент при первом прочтении воспринимается как второстепенный, поскольку князь не поименован отчеством.

Вполне возможно, что распространение вновь созданного юридического сборника началось уже при Никифоре. В пользу такого предположения свидетельствуют особенности посланий того же митрополита Никифора против латинян, списки которых сохранились до наших дней. Еще Макарием и А. Поповым был установлен сводный характер «Послания ко Ярославу князю Муромскому»²⁴ Святославличу сына Ярославля». Послание имеет ряд мест, где соединен текст «Послания» Никифора к Владимиру Всеволодовичу, а также текст «Послания к неизвестному князю»²⁵. А. Поповым был обнаружен в списке XVI в. текст послания Никифора к Ярославу Святополковичу владимиристо-волинскому, который по словам ученого, есть первообраз «Слова к неизвестному князю» и «Послания ко Ярославу князю Муромскому Святославличу сына Ярославля». Сводные тексты, разумеется, результат позднейших манипуляций редакторов-книжников. Вместе с тем перед нами явное доказательство того, что при жизни Никифора его послания адресовались (или копировались с перемены адресата) разным князьям-современникам. А на то, что, например, «земля Лядская», равным образом фигурирующая и в «Послании Ярославу Святополковичу» и в «Послании Ярославу Святославовичу», не могла быть ни во владении, ни в соседстве с территорией княжества Ярослава Святославовича, писцы, видимо, не обращали внимания.

Думается, что вряд ли был прав А. Попов, считавший, что адресат послания – Ярослав Святославович – получился из Ярослава Святополковича. То обстоятельство, что имя Ярослава Святославовича фигурирует и в Послании против латинян, и в Поучении князю (т.е. в раннем варианте Мерила Праведного), несомненно, случайным быть не могло. Таким образом, может быть прямая аналогия с ранним вариантом Мерила Праведного, когда текст, созданный первично для Владимира Мономаха, вероятно еще при жизни последнего, переписывался с посвящением Ярославу Святославовичу, хотя тот не был великим князем, и наравне с ним в тексте продолжало фигурировать имя Владимира, хотя и без полного титула.

С двумя остальными списками Мерила Праведного (Троицким и Синодальным III, № 524) дело обстоит сложнее. Видимо оба списка дают нам уже более позднюю рукописную традицию.

В Синодальном III списке в начальном посвящении фигурирует следующая фраза: «Добро бо отъ бога къ божию слуге начата великому князю православному рус(ь)кому»²⁶. Исследователи до сих пор не обращали внимания на конец фрагмента, а ведь слова «православному руському» могут быть объяснены лишь как осмысление какого-то пропуска, аналогичного тому, что имеется в Троицком Мериле Праведном, где имя и отчество князя выскоблено. Не исключено, что писцы рукописи СIII снимали в 1587 г. свою копию с оригинала, где имя князя так же, как в Троицком списке, было уже удалено, а при переписке чистое место (пропуск слов) заполнено безобидными и вполне правдивыми эпитетами²⁷. Подобная интерпретация позднейшей конъектуры дает возможность уяснить, во-первых, что экземпляр Троицкого Мерила с выскобленным именем князя был не единственным; во-вторых, что имя князя оказалось счищенным уже ко второй половине XVI в. Следовательно, еще явственнее и очевиднее проступает политическая окраска подчисток. Но все дело в том, что в СIII в другом месте текста первого раздела введения имя князя уцелело, и оно читается как Михаил («тебе мудрого нашего кормчию благочестивого князя Михаила»²⁸). Таким образом, политическая цензура, которая была, скорее всего, осуществлена в том же XVI в. и хорошо известна историографии русского летописания, совершила оплошность и пропустила имя князя. Думается, что им был не Святополк-Михаил, а один из тверских князей (либо Михаил Ярославич, либо Михаил Александрович), так как цензура XVI в. часто направляла свое острие именно на памятники Тверского княжества.

Эти предположения подтверждает и еще одно важное обстоятельство. Дело в том, что историки (в частности, М.Н. Тихомиров) давно обратили внимание на присутствие во вводной нравственно-поучительной части Мерила Праведного статьи явно местного происхождения – «Семена епископа тферьскаго наказание»²⁹. Присутствие этой статьи в Мериле Праведном дало некоторым ученым повод полагать, что в полном составе этот юридический сборник возник не позже конца XIII в. в пределах тверского княжества. Вполне возможно, что так оно и есть. Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что до нас сохранился один из списков Мерила Праведного, где этой, явно местной статьи нет: это Мерило Праведное в Кирилло-Белозерском списке середины XVI в. После статьи «Наказание князем, иже дают власть и суд небогобоиным и лукавым мужем» сразу же идет статья «Евангелие толкованое Златоустаго, ко обидному терпети...»³⁰. Это означает, что до нас дошли списки Мерила Праведного преимущественно лишь тверской редакции (TI, СIII, и СII).

Однако в каком-то виде юридический сборник Мерило Праведное в полном составе существовал и в иной, вероятно, более ранней редакции. Поскольку в состав общего протографа обеих редакций сборника Мерило Праведное входили разделы из Новгородской Кормчей 1280 г., то эта ранняя редакция была составлена не ранее этой даты (не ранее собора 1273–1274 гг.).

Как уже упоминалось, все остальные списки Мерила Праведного имеют в своем составе «Наказание тверского епископа Семена», хотя из них к собственно тверской редакции можно отнести лишь Троицкий список XIV в. и СIII. Что касается списка СII, то он носит сводный компилятивный характер, т.е. был, видимо, редактирован по какому-то списку тверской редакции. В этом можно убедиться, сопоставляя нравственно-поучительные тексты Мерила.

Сопоставление всех четырех списков этого сборника, в частности, в пределах текста посвящения-похвалы Владимиру Мономаху (Михаилу) дало интересные результаты. Был взят следующий фрагмент: «Нѣ переблагии богъ нашъ всепромышленъ творить нашему спасению по невѣдомымъ судбамъ его не презрѣ насъ беспомощенъ во вся роды житъя сего поприщъ, противу въставляя великому сему всего мира кораблю хранитель Христос, тебе мудраго нашего кормчию благочестиваго князя (Владимира) заступника во истину въстави, оустраивающа словеса на суде, храняща истину въ вѣки, творяща судъ и правду посредѣ земля. Его же мудрость порождши и съблюдши добродѣтелями въспита и оукраси, законоположении, аки нѣкими стѣнами чюдными, свое стадо крестьянское огради и камень твердости тебе во основою вложи и аки камень солонъ тебе Христос стаду своему положи. Да вси събираяся к тобѣ, аки нѣ мыи скотъ лижуще тучни будутъ; крестьянский сбор, аки риза господня отъ многихъ странъ собрана и истъкана и мы, немощнии, аки утокъ сдержимъся тобою: аки невидимую душею видимое тѣло носитъся. Сеи еще трудъ есть предъ мною к тобѣ, великому князю и ко всѣмъ сыномъ твоимъ русьскимъ княземъ» (л. 5–5 об.).

Разумеется, в первую очередь следует отметить случаи, когда список К-Б имеет особые разночтения в отличие от трех остальных списков. Это чтение в К-Б «тебе», в то время как в остальных читается «тобе». Это пропуск строки: «и аки камень солонъ тебе къ стаду своему положи» (в остальных списках она есть)³¹. Это, наконец, перестановка слов: «будутъ туч(ь)нии» вместо «туч(ь)нии будутъ», как в остальных списках. Есть и чтения, характерные только для списка СII («вставляя» вместо «въставляя», «въстави въ истину» вместо «во истину въстави»; «немы» вместо «немые», как во всех других списках). Самое важное за-

ключается в разночтениях, характерных только для списков СII и К-Б. Так, чтение «истъкано» в обоих списках дано как «исткана» (без паерков). Чтение, «по невѣдомым» в обоих списках дано ошибочно: в К-Б «по м, вѣдомым», а в СII «по влвѣдомым». Наконец, чтение «воспита и украси» также в обоих списках дано с ошибками: в К-Б «всеми тя украси», а в СII «вси ти оукраси». Вполне очевидно, у списков К-Б и СII в каком-то отдаленном звене был общий протограф. Думается, что именно поэтому в обоих списках есть и имя Ярослава Святославича, и имя Владимира. В равной мере ясно, что список СII был вместе с тем скорректирован по тверской редакции, в нем появилось, в частности, «Наказание тверского епископа Семена».

Вышеприведенные наблюдения, на наш взгляд, могут быть аргументами в пользу гипотезы о существовании двух редакций юридического сборника Мерило Праведное полного состава, одна из которых четко определяется как тверская редакция.

Вопрос о времени этой редакции тесно связан с именем князя, которое в XVI в. усердно счищали с экземпляров юридического сборника, служившего руководством для судов (когда-то княжеских судов). Вероятнее всего, это был тверской князь Михаил Александрович, получивший в долгом и упорном единоборстве с московским великим князем Дмитрием Ивановичем Донским в 1370, 1371 и 1375 гг. ярлык на великое княжение. Думается, что, напротив, имя Михаила Ярославича не могло бы столь решительно счищаться со страниц деловых документов, хотя бы потому, что он был, как известно, канонизирован русской церковью.

Итак, на наш взгляд, линия палеографических разысканий и линия текстологического исследования в конечном счете могут подтвердить одна другую. Видимо, Тверь, этот единственно серьезный соперник Москвы в конце XIV в. в борьбе за политическое главенство над русскими княжествами, была тем центром, где развивались интереснейшие и интенсивные культурные процессы. Изученная в настоящей работе история создания оригинального каллиграфического стиля в книжном деле может быть иллюстрацией этих процессов, субъективное содержание которых, вероятно, не отстояло столь далеко, как казалось бы, от проблем политического соперничества. Особенно важно подчеркнуть форсированный характер создания новой школы книжного каллиграфического письма с ее ярко выраженной оригинальностью. Предположение А.А. Зализняка о том, что учителя-каллиграфы были людьми, приглашенными в Тверь, не местными, совпадает с данными, полученными в настоящей работе. Компоненты новой школы каллиграфии, в целом шедшей в русле основной тенденции в развитии манерного устава, как видно

НАПИСАНЪ БЫВАНЪ ЗАВѢТЪ БЖИИ
ПОТОЖЕ БЕРЕМА. ѿ. З. ДОСТОВѢРНЫ
ХЪ ПОСЛОУХЪ. НАТО ПРИЗВАНЫ МЛАН
НАПИСАН МЛА. ЗАВѢТОКУЩЕ МОШЕВО
ЮМГОМКОЮ. ХЕОН МАН СЛАДНИКА НА
ЗНАМЕНОВАТИ. ГЛА. Г.

НЕ НАПИСАНЪ ДА БѢТЪ ТЕОРА. И ТЕОРИТА
СВОЕ СЕ БѢТЪ. СЕ НА ПОСАХЪ ХОЛМЪ БЫ КИ ПЪО
БРѢТАНЦА ЦА. ГЛА. Д

ОУН СЛѢ ПОСЛОУХЪ НА ДѢДЪ БѢТОУ
ЩЕ КТО НА КОМУ СЛѢ БѢ. ДА БѢЩА КТѢ
О СЕБѢ ПИСАНЬИ СЛѢ И ПИСАНЬИ СЛѢ
И СЛѢ И СЛѢ ОБРѢТАЮЩИ СЛѢ ПОСЛУ
ХОУ СЛѢ. И ПРѢ. И. И. АЩЕ И ПРѢ. Г. И. И.
ТѢ: ДОКЕ БѢ И СЛѢ БѢТОУ. ГЛА. 5

АЩЕ НАРАТИ ОУМЪ АННА ПУТИХОДА.
КЪ СМЪРТИ ПРИБЛИЖИТЬСЯ. ИХЪЩЕ
О СЕБѢ ОУСТАВЪ ТВОРИТИ. И НЕ ОБРАЩЕ
ТЫ КЪ КНИГЪМЪ ТЪМЪ. ПРІСЛАВЬ АН ПРІ.
Е. И. АН. Г. М. П. С. Л. К. Х. И. С. В. О. Н. Б. Е. Т. Ъ
ДА ТВОРИТЬ. ПОНИМЪ. И. Б. ОБРАЩЕ ТАСЯ.
С. И. Н. Я. В. А. Я. К. О. П. О. С. Л. А. Ж. А. Т. И. Н. С. К. И. Ш. А. Н.
М. К. П. Р. Е. Ж. Е. П. Р. И. Н. Я. Т. Ъ. ѿ. Д. А. У. А. Г. Л. А. А.

ПЛАТАНТЫ: АБЕ: БОБ: Ж: Н: Н: О: Б:

Аще драбѣ кто напишетъ плѣнника
на слѣдниканѣ ннѣ своею. и при
идеть на слѣдникѣ ннѣ. и грады кн
строители. и не алтегражилище н
мѣяше. и стѣшита енанскы плѣн
е плѣнныи. или цѣнѣ вещи нѣ
кнхъ. или сѣдаше енанскы ннѣ
ннхъ. ѿ сѣлѣ не охдѣржаще при бытка
да не повлауи днѣ охдоу тѣ долговъ.
но бѣтнѣ. аще кто добрѣ напишетъ
на слѣдникѣ. и не рѣтнѣ не некоторы
я. страна не при дннѣ. то го града.
и при дѣтнѣ кѣнѣ. и ѿ продани
я не го кѣнѣ потрѣбна. аще же мно
ги страна не при дннѣ бѣтѣ вѣ гра. оу
бѣжаниши. и страна не при дннѣ. и
и да вѣзѣтѣ. снѣ же стѣроушнѣ ннѣ
таюшю. о ннхъ кѣнѣ. и кѣнѣ ннѣ
мѣ при уетнѣ кѣнѣ. аще же не ннѣ
тѣ страна не при дннѣ а гра. да рѣдѣ
нѣтнѣ мѣнѣ ѿ ннѣ. или ѿ ннѣ
дннѣ ннѣ. или ннѣ кѣнѣ трѣбѣюшн
мѣ. не охдѣржаще ннѣ утѣ. аще же
ннѣ ннѣ не ннѣ ннѣ ннѣ ннѣ.
или утнѣ ннѣ ннѣ ннѣ ннѣ.

Фото № 3. «Л. 132 об. Ошибка писца в написании е-широкого с наклоном влево на 3, 5, 6, 7 строках».

из приведенных материалов, были итогом большой и продуманной работы. Были подмечены и развиты различные тенденции в начертаниях ряда букв, встречавшиеся как в русской практике книжного письма, так и в южнославянской. Возможно, писцы-учителя были из южной Руси, где были более частые контакты с практикой книжной каллиграфии южных славян.

За счет инициативы писцов возможно привнесение в чисто русскую графику письма Троицкой рукописи Мерила Праведного южнославянского «м» с сильно опущенной под строку перемычкой. Но было бы неправомерно думать, что пришлые в Тверь каллиграфы принесли с собой все особенности каллиграфического стиля. Из наблюдений видно, что тон задавал кто-то другой и писцы-каллиграфы вынуждены были сами переучиваться по ряду буквенных начертаний.

Таким образом, комплекс признаков нового каллиграфического стиля книжного письма был делом местным. Именно в силу последнего обстоятельства столь интереснейшее явление в развитии художественной культуры Твери второй половины XIV в. может встать в связь с обстоятельствами политического соперничества с Москвой. Наиболее точный признак такой связи – указанный выше спешный характер работы, отразившийся в рукописи Мерила Праведного. Не исключено, что такого рода работа могла быть предпринята вскоре после Куликовской битвы, когда ведущая роль Москвы стала еще более очевидной.

¹ *Розенкамф Г.А.* Обозрение кормчей книги в историческом виде. М., 1829. С. 199–200; *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. С. 383; *Калачев Н.В.* О значении Кормчей в системе древнего русского права. М., 1850. С. 18; *Калачев Н.В.* Мерило Праведное // Архив историко-юридических сведений, относящихся к России. Кн. 1. Отд. третье. СПб., 1876; *Павлов А.С.* «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы... СПб., 1885. С. 16; *Сперанский М.Н.* Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности. М., 1904. С. 316 и др.; *Бенеманский М.* Градской закон. М., 1917. С. 38; *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. М., 1940; *Он же.* Воссоздание русской письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // Вестн. мировой культуры. 1917. № 3; *Милов Л.В.* К истории древнерусского права XIII–XIV вв. // Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963; *Смирнов И.И.* Уставление татбы // Исследования по отечественному источниковедению. Сб. статей, посв. 75-летию С.Н. Валка. М.; Л., 1964; *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского свода законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1 и др.

² Мерило Праведное по рукописи XIV века. Изданию под наблюдением и со вступ. ст. акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961.

- ³ *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка X–XIV вв. 2-е изд. СПб., 1898; *Сперанский М.Н.* Указ. соч. С. 318; *Карский Е.Ф.* Русская Правда. IV. АН СССР. Л., 1930. С. 22; Правда Русская. Т. I. Тексты. М.; Л., 1940. С. 89–103; *Калачев Н.В.* Мерило Праведное. С. 30; *Иларию, Арсений.* Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Ч. I. М., 1878. С. 10; *Тихомиров М.Н.* [Введение к изданию] // Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961; Предварительный список славяно-русских рукописей XI–XIV вв., хранящихся в СССР // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966; *Данилова В.М.* Палеографические наблюдения над рукописью Мерило Праведное (ГБЛ, Троицк. № 15) // Вопр. языкознания и рус. яз. Ч. 1. Учен. зап. МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1969. № 326; *Она же.* Палеографическое и фонетическое описание рукописи Мерило Праведное (Троицкое собрание, № 15). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1969.
- ⁴ *Милов Л.В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV века (палеографические наблюдения) // Вестн. МГУ. Сер. 9, История. Вып. 3. 1963.
- ⁵ *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XIV–XVII вв. с различием двух фонем «типа 0» // Сов. славяноведение. 1978. № 3. С. 78, 81 и др.
- ⁶ Думается, что даже условное употребление терминов «великорусский», «украинский» для XIV в. явно неисторично.
- ⁷ *Зализняк А.А.* Указ. соч. С. 84–85; *Он же.* Противопоставление букв *o* и *ω* в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное» // Сов. славяноведение. 1978. № 5. С. 42, 68 и др.
- ⁸ СII – Синодальный второй список Мерила Праведного конца XV в. (ГИМ, Син., № 525); СIII – Синодальный третий список Мерила Праведного 1587 г. (ГИМ, Син., № 524); К-Б – Кирилло-Белозерский список Мерила Праведного, середины XVI в. (ГПБ, Кир.-Бел., № 145 (1222)).
- ⁹ Отсутствие двух последних заголовков в СII, СIII, К-Б резонно объяснить тем, что в их протографах при переписке они были сняты из экономии места для лучшей стыковки обеих частей сборника.
- ¹⁰ Впрочем, вполне возможно и другое предположение. Из-за несогласованности писцов первой (вводной) и второй части произошла ошибка в распределении стыковочных листов: писец второй части начал работу на лист раньше.
- ¹¹ Написание «м» со слегка спущенной ниже строки перемычкой известно еще с XI в. Оно есть в Изборнике 1076 г., в Чудовской Псалтири XI в. (ГИМ, Чуд., № 7), в Пандектах Антиоха XI в. (ГИМ, Воскрес., № 30) и др. Вновь оно появляется в XIV в., чаще в южнославянских рукописях, но есть и в русских рукописях. По свидетельству В. Мошина, постоянным явлением упомянутое начертание «м» в южнославянских рукописях становится лишь с третьей четверти XIV в.
В русских летописях как постоянный элемент каллиграфии оно прослеживается в 80–90-е годы XIV в. Это написание «м», с округлой перемычкой, лишь слегка опущенной ниже строки (например, Евангелие Кошки, Евангелие Хитрово, так называемая Онежская Псалтирь 1395 г., Евангелие 1393 г., так называемая Киевская псалтирь и др.).
- ¹² Заметим попутно, что в этой серии *е*-якорное бугует на всей строке и даже начинает строку. Кроме того сам тип буквы относится к *е*-якорному полулежащему, что ведет скорее к последней четверти XIV в.

- ¹³ На л. 188 об.–189 в поздней вставке конца XIV в. на чистых страницах рукописи «Мерила» в почерке фигурирует *е*-якорное, почти лежащее на строке.
- ¹⁴ Координаты этих уроков каллиграфии см.: *Милов Л.В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV века. С. 28 (примеч.); *Зализняк А.А.* Новые данные о русских памятниках XVII в. с различием двух фонем «типа о». С. 80 (так называемая зона Б).
- ¹⁵ В южнославянских рукописях небольшой прогиб перемычки «м» ниже уровня строки встречается sporadически с начала XIV в. (например, Рашская Кормчая 1305 г., Евангелие 1329 г. и др.). Заметный спуск перемычки характерен и для середины XIV в. (например, Сборник 1348, Оливерова минея 1342 г., Псалтирь Бронка Младеновича 1346 г., Манасиева летопись середины XIV в.) и конца XIV в. (Октоих Синадина 1371 г., Амартол 1386 г., Амартол 1387 г., Амартол 1389 г., Служебная минея 1388, и др.). См.: Палеографические снимки с югославских рукописей болгарского и сербского письма. Вып. 1. XI–XIV вв. / под ред. П.А. Лаврова. СПб., [б. г.] С. 214, 139–142, 153–157 и др.
- ¹⁶ *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М., 1940. К сожалению, эта крупнейшая работа ученого, не потерявшая актуальности в наше время и давно ставшая библиографической редкостью, до сих пор остается не переизданной.
- ¹⁷ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 92; М.Н. Сперанский считает, что это произведение принадлежит митрополиту Кириллу II или является «памятником его времени». См.: *Сперанский М.Н.* Указ. соч. С. 319.
- ¹⁸ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 92–93.
- ¹⁹ *Смирнов С.И.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины // Чтения ОИДР. М., 1916. Кн. 3. С. 189–194, 431–446.
- ²⁰ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 96.
- ²¹ Там же. С. 97.
- ²² ГИМ. Син. № 525. Л. 3; ГПБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 145.
- ²³ ГИМ. Син. № 525. Л. 6 об.; ГПБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 146 об.
- ²⁴ То есть Муромскому (чтение «мурьскому» фигурирует в Успенском списке макарьевских Миней четых).
- ²⁵ *Макарий.* История русской церкви. 2-е изд. СПб., 1868. Т. 2. С. 192; *Попов А.* Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875. С. 117–118.
- ²⁶ ГИМ. Син. № 524. Л. 7 об.
- ²⁷ Число букв имени Михаила Александровича и вставных эпитетов совпадает полностью (21 буква).
- ²⁸ ГИМ. Син. № 524. Л. 10 об.
- ²⁹ М.Н. Сперанский считал ее единственной русской статьей. См.: *Сперанский М.Н.* Указ. соч. С. 319.
- ³⁰ ГПБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 183–184.
- ³¹ ГПБ. Кир.-Бел. № 145 (1222). Л. 147.

Опубл.: Древнерусское искусство XIV–XV вв.
 Отв. ред. О.И. Подобедова. М.: Наука, 1984.
 С. 118–127.

RUZZI «БАВАРСКОГО ГЕОГРАФА» И ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «РУСИЧИ»

Появление интересной статьи В.В. Седова «Русский каганат IX века»¹ несомненно будет способствовать оживлению полемики вокруг проблемы возникновения термина «Русь», историографически неразрывно связанного с решением вопроса о характере становления древнерусской государственности². Весьма примечательно, что столь известный специалист в области славянской археологии, в исследовательской традиции которого непременно присутствует использование итогов лингвистических изысканий, четко выразил свое скептическое отношение к реанимированной в последнее десятилетие гипотезе об этимологии этнонима *русь* от древнескандинавского **(h)gōþR* (плавание, поход, гребля) > *guotsi/rootsi* > *русь*³. Выделив факт строительства хазарами в 830–840-х годах на салтовско-волынцевском рубеже близ р. Тихая Сосна и в верховьях Северского Донца семи крепостей того же типа, что и построенный византийцами Саркел (хотя об их роли существуют разные мнения), В.В. Седов вычленяет обширное пространство на северо-запад от этой крепостной линии вплоть до Днепра и Десны в качестве территории «Русского каганата». Важнейшим моментом, укрепляющим эту концепцию, является факт фиксации непосредственного соседства в перечне народов и племен в «Баварском географе» (840–870-е) двух народов: CAZIRI (козаре) и RUZZI (*русь*).

Между тем проблема происхождения *Ruzzi* как аллографа этнонима «*русь*» в историографии все еще не решена. А.В. Назаренко, наиболее обстоятельно исследовавший блок проблем, связанных с *Ruzzi*, различает две группы аллографов этнонима **русь*: одна из них с *z* (*Ruzi*, *Ruzzi* и др.), а вторая с *c* (*Ruci*, *Rusci* и т.д.). Первую А.В. Назаренко территориально связывает с верхненемецким (древнебаварским) ареалом, вторую – с нижненемецким (древнесаксонским). Вместе с тем, полагает ученый, «нижненемецкие формы с *C* обнаруживают свою вторичность по отношению к формам с *Z*»⁴. Но «камнем преткновения», по словам А.В. Назаренко, «является вариант с геминированным (парным. – Л.М.) согласным – RUZZI», так как «из-за геминаты он не поддается удобному объяснению как заимствование из восточнославянского *Русь*»⁵. В конечном счете ученый склонен считать, что форма с двойным *z* есть следствие простой непоследовательности средневековой графики, хотя такое объяснение довольно условно. Итог размышлений А.В. Назаренко очень трезв: «Древ-

неверхненемецкое RUZZ- продолжает оставаться проблемой, ждущей удачного решения»⁶. При этом исследователь в целом уверен, что «Баварский географ» свидетельствует о «весьма раннем проникновении» этнонима *русь* в древневерхненемецкие диалекты⁷.

О. Притцак, опираясь на исследования А.В. Назаренко, пришел к выводу, что исходным моментом для формы с сибиллянт-ом *Ruzz-/Russ-/Rus-* был кельтский этноним *Rut(h)eni* с корнем **Rut*/**Rut-en*. Соответственно двум «культурно-военно-экономическим зонам» (Дунайской и Рейнской) произошли и две формы этого названия. Южногерманская (дунайская) форма *Ruzz-/Ruz* (фонолог. /*руцц*/, /*руц*/) имела корень **Rut*/**Rut-en* «из кельтско-вульгарнолатинского незадолго до 600 г.»⁸. Франки же Рейнланда в силу того, что в их диалекте не было аффрикаты /*ts*/ (=ч/), перенимая южногерманские слова, использовали свистящий /*s*/ для передачи несвойственного им /*z*/ (=ц/), т.е. *Ruzz-/Ruz* переходило там в *Russ-/Rus*-⁹. По мнению О. Притцака, «источником для славянских форм РУС-Ь и РУС-ИН послужили субституты RUSS/RUS- кельтской формы (**RUT*-, *RUT-EN*). Они были принесены в Восточную Европу рутено-фризско-норманнской торговой компанией, действовавшей там в последней четверти VIII в.»¹⁰.

Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин сочли подобные выводы вполне возможными. Кроме того, поддерживая А.В. Назаренко в том, что древневерхненемецкий термин вовсе не обязательно должен быть заимствован из древнерусского и что оба они могли возникнуть независимо друг от друга, эти исследователи подчеркивают: «Нет языковых данных и для предположения о заимствовании др.-в.-нем. > др.-рус.»¹¹

Между тем кое-какие материалы в источниках есть. Более полутора десятков лет тому назад автор этих строк попытался восстановить некоторые особенности палеографии мусин-пушкинского списка «Слова о полку Игореве», сгоревшего в московском пожаре 1812 г.¹² Основой для такого исследования был анализ более 300 разночтений «Екатерининской копии» и издания 1800 г. В ходе работы выяснилось, что участники издания, будучи не столь опытными палеографами, иногда допускали не вполне корректные приемы передачи текста подлинника. Опуская подробности восстановления системы графики сгоревшего списка, коснемся главного для нашей темы. Речь идет о том, что издатели в ряде случаев неправомерно восстанавливали после выносной согласной в середине слова гласные звуки (вместо полугласных). Наиболее выразителен с этой точки зрения фрагмент: «Нынѣ стаха стязи Рюриковы, а друзии – Давидовы, нъ

розно ся имъ хоботы пашуть». В печатном издании и в «Екатерининской копии» слова *нъ розно ся* были переданы как *нъ рози нося*. Такое прочтение было возможно лишь при условии, что буква *и* отсутствовала, а выносными буквами здесь являлись: *з* – в горизонтальном положении над строкой и конечное *с*, также над строкой. При этом публикаторы вполне правомерно восстановили после *с* конечное *я* и неправоммерно – гласный *и* после возврата в строку выносного *з*. Видимо, похожая ситуация была и при чтении фрагмента «въ дрѣзе тѣлѣ». Издатели прочли его: *въ друзе тѣлѣ*. В этом случае трудно однозначно предположить, что же было в рукописи. Возможны два варианта. В слове *дрѣзе* после плавного *р* мог стоять вместо *ѣ* паерок, причем в таком начертании, что он был сходен со скорописным *у* (это в рукописях бывает). Можно также предположить, что плавный *р* был выносным, а гласный *у* восстановлен издателями при вводе выносного *р* в строку¹³. Аналогичная некорректность была, на наш взгляд, допущена при прочтении слова, обретшего в итоге форму «русичи».

Напомним фрагменты «Слова о полку Игореве», где фигурируют русичи: 1) «Съ вами, русици, хошу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону»; 2) «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша ищучи себѣ чти, а князю – славы»; 3) «Дѣти бѣсови кликом поля прегородиша, а храбрыи русици преградиша чрълеными щиты»; 4) «Ту кровавого вина не доста, ту пирѣ докончаша храбрии русичи».

Несмотря на то, что в «Слове» чтения «русичи» и «русици» равноправны (по частоте встречаемости), в литературе принято за основное чтение – *русичи*, так как вариант с *ц* многие исследователи считают коррекцией псковского переписчика¹⁴. Кроме того, чтение *русичи* было воспринято и психологически как единственно правильное, поскольку этот вариант имел сходство с летописными племенными наименованиями: вятичи, радимичи, кривичи, лютичи и т.п. Между тем в мусин-пушкинской рукописи с в гипотетическом «русичи» был выносным и при возвращении его в строку необходимо было восстановить неизбежно исчезавший при такой системе письма редуцированный *ь* (а может, и *ѣ*), но не гласный *и* (как это сделали издатели): *ру[сь]/ци* и *ру[сь]/чи*¹⁵. Причем последнее чтение (*ру[сь]/чи*) можно отнести за счет «накопленных» графических неточностей, не имеющих отношения к чередованию *ч* и *ц*. Так, в XV в. в небрежных почерках нередко были начертания *ч* и *ц*, настолько близкие, что их можно было спутать. В реальности же бытования словоформы «русьци» могут убедить названия типа «тиверьци», «немьци» и т.п.¹⁶

Придя к кратко изложенным здесь выводам, автор этих строк в поисках подтверждения такого предположения обратился к тексту южнорусской Ипатьевской летописи и под 1287 г. обнаружил описание передачи князем Владимиром Васильковичем Волынским права на свое княжение луцкому князю Мстиславу Даниловичу. Заключительный момент этого акта изложен следующим образом: «Мстиславъ (...) се же ся дѣяшеть Федоровы нед[ели], взем же рядъ с братом, поѣха до Володимѣря, и приѣха Володимеръ, ѣха во [е]п[и]с[ко]пью ко с[вя]тѣ(и) Б[огороди]ци и созва бояры володимѣрьскыя брата своего и мѣстичъ: роусци и нѣмцѣ; и повеле передо всеми чести грамоту братною о данье землѣ и всѣх(ъ) городовъ и столного города Володимѣря и слышаша вси от мала и до велика»¹⁷. Таким образом, перед нами уникальный случай, когда летопись сохранила редчайший термин лишь благодаря тому, что во Владимире Волынском заметной компонентой населения были иностранцы, скорее всего, являвшиеся купцами и ремесленниками. В данном фрагменте текста *местиче* является существительным (это по смыслу текста – жители «мяста»). Поэтому гипотетически предлагаемый вариант текста типа «жители русские» – представляется просто нелепым. Не менее нелепым выглядел бы и вариант чтения «русские немцы» (*русьции нѣмцѣ*). Это становится совершенно очевидным по прочтении описания горя владимирцев, узнавших о страшной болезни и смерти Владимира Васильковича, которое помещено под 1288 г., т.е. чуть дальше по тексту. Летописец, в частности, говорит там следующее: »...И тако плакавшеся над нимъ все множество володимерчевъ: моужи, и жены, и дѣти. Нѣмци, и соурожьбѣ, и новгородци и жидове плакоуся (...) и ниции оубо разниі и чернорисчи, и черничи, бѣ бо м[и]л[о]ст[и]вѣ на вся ниция»¹⁸. Здесь помимо основных жителей города более подробно описан состав жившего в нем купечества и ремесленников, в том числе и немцев, ничем не отличавшихся от других. Таким образом, чтение *русьции нѣмцѣ* не обосновано чисто фактически. Да и сама мысль о возможности существования таковых довольно странная¹⁹. Кстати, обсуждаемое место из летописи, как бы подтверждая правоту автора этих строк, в свое время изложил и С.М. Соловьев. «Мстислав, – писал он, – поцеловал крест, после чего поехал во Владимир, в Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане, русские и немцы; перед ними прочли Владимирову духовную, в которой отказана была вся земля Мстиславу»²⁰.

В качестве еще одного аргумента в пользу того, что языковой фонд реальной жизни прошедших веков отразился в письменных источниках весьма и весьма относительно, можно приве-

сти следующий факт. В первой половине XVII в., когда стали ощутимы итоги многовековой изоляции западнорусского населения от населения остальных русских княжеств, а потом и русского населения Московского государства, русские люди, дотоле называвшие себя преимущественно *рускими* или *русинами*, а иногда по имени тех или иных локальных центров, мало-помалу стали обретать названия новой генерации. Не затрагивая в целом этот сложный вопрос, коснемся лишь некоторых деталей. В частности, речь идет о появлении в источниках первой половины XVII в. термина *белорусцы* (*-русцы!*), под которым А. Потемня, М.С. Грушевский, Б.Н. Флоря понимают восточнославянское население Речи Посполитой. Наиболее ранний документ – соборное изложение от 16 декабря 1620 г.: «Указ, како изыскивати и о самех белорусех, приходящих от Польского и Литовского государства в православную веру греческого закона»²¹. По решению церковного собора всех, крещенных обливанием или однократным погружением в купель, следовало вновь крестить троекратным погружением²². Причем в указе не делается различий между жителями будущей Белоруссии и будущей Украины. Б.Н. Флоря приводит ряд выразительных фрагментов, датируемых 20-ми годами XVII в., касающихся непосредственно Киева («а в Киеве, де, только у белорусцов служба в Печерском монастыре»; «а веры, де, крестьянские в Киеве и по иным городом, где живут белорусцы, ещо не отымают»... и т.д.)²³. В равной мере тем же термином обозначается вся совокупность восточных славян, живущих на территории Речи Посполитой, и в середине XVII в. Так, в донесении русского гонца Г. Кунакова (июль 1649 г.) можно прочесть следующее: «А белорусцы, де, государь, всякие черные люди всех городов и уездов, которые за казаками, стоят против поляков с казаками заодно, а которые, де, государь, белорусцы в литовских городех поветные люди и те, де, неволею слушают Литвы»²⁴. Думается, что это немаловажное свидетельство непрерывной традиции бытования термина *русьцы*, но теперь уже относящегося к более позднему времени.

Итак, гипотеза о том, что в «Слове о полку Игореве» вместо мифического *русичи* более корректно читать *русьцы*, на наш взгляд, вполне подтверждается.

Как уже говорилось, жесткая и однозначная (особенно у О. Притцака) ориентация в трактовке проблемы происхождения *Ruzzi/Rusci* на истоки, восходящие к древневерхнемецкому и даже кельтскому *Rut- (а О. Притцак идет еще дальше, к исходному *(h)rōþR), создала немалые проблемы чтения производных этнонимов. Так, О. Притцак написание -zz- и -z- трактует как /ц/: *Ruzz-/Ruz-* (фонологич. /руцц/, /руц/). Соответственно и рейнландское

написание *-sc-* читается как /ц/. Написание *-s-* А.В. Назаренко иногда читает как /ш/ и т.д.

Думается, что вышеизложенные материалы о наличии в древнерусской письменной (но большей частью не дошедшей до нас) традиции бытования этнонима *русьци* позволяет поставить перед лингвистами вопрос о прочтении латинских вариантов типа *Ruzzi/Rusci*, кардинально изменив сам подход. А именно: не является ли этноним *Ruzzi/Rusci* просто немецкой латиноязычной транслитерацией древнерусского *русьци* (*русьци*)? Ведь древнее написание «Баварского географа» *Ruzzi* (*рус[ъ]ци*, *рус[ъ]ци*) можно в таком случае объяснить «непоследовательностью средневековой графики» (А.В. Назаренко)²⁵. Хотя эта непоследовательность и нашла продолжение (только лишь у Адама Бременского в «*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*», около 1070 г., написание *Ruzzi* встречается дважды, а написание *Ruzzia* – 12 раз)²⁶. А.В. Назаренко при транслитерации этнонимов «Баварского географа» в русском переводе исходил, как он сам пишет, «из норм древневерхненемецкого произношения, насколько оно известно»²⁷. Например, *Sebbirozi* – Шеббирасы; *Dadosesani* – Дадощешане; *Prissani* – Пришаны; *Besunzane* – Бешунцане; *Seravici* – Шеравицы; *Sleenzane* – Шленцане; *Golensizi* – Голеншицы и т.п.²⁸ Следовательно, *s* всюду читается в русской транслитерации как /ш/. Что же касается *z*, то здесь нет единства: *Zabrozi* – Сабросы; *Chozirazi* – Хосирасы; *Lendizi* – Лендицы; *Zerivani* – Сериваны; *Thafnezi* – Тафнеци и т.п.²⁹ Иначе говоря, *z* в русской транслитерации читается и как /с/, и как /ц/. Впрочем, *Surbi* А.В. Назаренко читает как сурбы, а не шурбы, что, видимо, справедливо – в тексте скорее всего мы имеем дело с немецкой латиноязычной транслитерацией (иногда и произвольной) иноязычного термина – однако автор этих строк не далек от соблазна согласиться, что в слове *Ruzzi* есть и /с/, и /ц/.

Думается, что простая транслитерация присутствует и в варианте *Ruzi* – ведь в летописях, хотя и господствует собирательная форма *русь*, однако изредка встречается и форма *руси* (мн. ч.). Так, в частности, под 1229 г. в Ипатьевской летописи можно прочесть: «...И приѣха Кондратови, и створи Кондрат с ними мир, и поя оу нихъ таль»³⁰. Роуси бо бѣахоу полонилѣ многу челядь...»³¹. Здесь четко видна форма им.п. мн. числа (*руси* – они).

К сказанному стоит добавить, что и рейнские тексты (или тексты древненижненемецкой традиции), видимо, также дают латиноязычную транслитерацию исходного *русьци/русьци*, а также *руси*. А.В. Назаренко признает: «*RUSZI* – форма этнонима... употребляемая преимущественно в памятниках нижненемецкого происхождения»³². При этом в общем контексте исходная транс-

литерация подвергалась изменениям в рамках латиноязычных традиций нижненемецкого.

Как известно, в наиболее ранней части *Анналов Альтайхского монастыря* встречаются написания *Ruscia* (в древней части, основанной на источниках и содержащей описание посольства Ольги в 959 г.: *Venere Rusciae gentis legatis*), а также *Ruscones* (в более поздней части *Анналов*, рассказывающей о посольстве Ярослава Мудрого в 1043 г. к императору Генриху III). В *Херсфельдских анналах Ламперта* (Ламберта) написание *Rusci*, извлеченное, как пишет О. Притцак, «из более древних источников», повторено трижды, под 960, 973 и 1043 гг. (о посольстве Елены–Ольги: «...*Venerunt legati Rusciae gentis ad regem Ottonem*...»; о посольстве Ярополка в 973 г.: «...*Venerunt legati plurimarum gentum, id est Sclavorum, Bulgariorum atque Ruscorum, cum magnis muneribus*...»; и о посольстве 1043 г.: «...*Legati Ruscorum tristes redierund*...»)³³. В *Хронике Титмара Мерзебургского* (время создания – примерно 1012–1018 гг.) в трех случаях употребляется форма *Ruscia* (II.22; VI.95; VIII.31); в трех случаях – *rex Russorum* и *rex Ruscorum* (VII.65; VII.72; VIII.31)³⁴; в двух – *Rusci*, по одному – *Ruszi* и *Rucia*³⁵. Число подобных транслитераций древнерусского *русь-ци* и производных от данной лексемы форм и поздних искажений можно было бы умножить. Вместе с тем существо вопроса, видимо, становится более ясным. Разумеется, автор этих строк далек от каких-либо окончательных утверждений и надеется лишь на полезность приведенного материала, по-видимому, незамеченного в 1983 г.

Наконец, в заключение не лишне еще раз напомнить, что у восточных славян в канун частичной их миграции на Балканский полуостров (т.е. при самой грубой ориентировке по письменным источникам – до VI – начала VIII в.) были реальные социальные основания для формирования первых примитивных политических образований. Источником для таких суждений служат материалы праславянского лексического фонда³⁶. Помимо большого блока лексики, характерной для наиболее раннего периода бытования относительного диалектологического единства праславян, учеными четко выделяется дальнейшее размежевание пластов лексики по оси «запад – восток» (по Т. Лер-Сплавинскому), хотя благодаря исследованиям В.Л. Янина и А.А. Зализняка можно считать, что завершение этого процесса нужно относить к периоду вплоть до VIII в. Особый интерес в данном случае представляет размежевание пластов лексики по условной оси «север – юг», когда, в частности, значительная масса восточных славян мигрировала на Балканы, так сказать, унеся с собой слой важнейших лексем, позволяющий ориентироваться в уровне (на тот

период) социального развития восточных славян собственно Среднего Поднепровья и соседствующих с ним территорий.

Уже в эпоху праславянского относительного единства общеславянскими были такие лексемы-индикаторы социального развития, как *князь* (предводитель, вождь и др.), *дружина*, *господин* (вероятно, представитель племенной знати), *бездомный* – *бездомовный*, *беден* (в значении бедный, скудный, несчастный), *худоба* (бедность), *беда* (беда, нужда, несчастье, скудость и т.п.), *голо-та* (бедность, нищета и т.п.), *купец*, *купля*, *цена* (стоимость), *истьба* (дом, землянка, помещение, погреб и т.п.), *халупа*, *калуба* (хижина, лачуга, хибара, домишко и т.п.), *хыжа* (дом, землянка, хижина, комната и т.п.)³⁷. К этому перечню следует добавить общеславянский термин *дань* в значении «подать, повинность, налог»³⁸. По давней научной традиции подобный компонент социальной структуры уже должен ассоциироваться с классовым обществом, с ранней государственностью (а это приближает праславянское относительное диалектологическое единство к первым столетиям первого тысячелетия нашей эры). Лишь в нижнелужицком языке сохранилась, видимо, наиболее ранняя функция лексемы *дань*: в значении «дар», т.е. добровольный взнос. Вполне естественно, что в праславянском были и такие понятия, как *крадение*, *красть*, *грабеж* и т.д.³⁹ Иначе говоря, даже в праславянский период общество в социальном плане было уже довольно сложным. Наряду с родоплеменной верхушкой (господин, купец, дружина) здесь был, вероятно, немалый (судя по числу синонимичных лексем) слой бедноты.

В период же, ближайший к перемещению части славян на Балканы, лексический фонд восточных славян пополнился рядом понятий и терминов, фиксирующих резкие, качественно важные сдвиги в социальной структуре социумов.

Прежде всего у южных и восточных славян фиксируется наличие денежной единицы, называемой *цята* (прасл. – *četa*)⁴⁰. По М. Фасмеру, возможна этимология словоформы *цята* от лат. *centim*. Однако в польском языке эта лексема имеет единственное значение – «крапинка, цветное пятнышко». И, наоборот, термин *гривна* в значении денежно-весовой единицы раннефеодального общества Древней Руси генетически связан только с западным славянством.

Среди новых понятий чрезвычайно существен социальный термин *имовит* (прасл. – *jъmovitъ*) в значении «состоятельный, зажиточный»⁴¹. Слово это фиксируется в болгарском (древнеболгарском), македонском, сербохорватском, словенском и древнерусском языках. Таким образом, в канун огромного периода – VI – начала VIII в. – мы имеем дело уже не только с праславян-

ским социумом с его вариациями стадий прежде всего бедности, но также с таким явлением, как выделение племенной (военной) верхушки. Здесь уже зафиксирован, видимо, слой состоятельных людей, богатеев. Логическим подтверждением этому служит появление в сербохорватском, македонском, словенском и древнерусском языках термина *gospóda* (прасл. — *gospóda*) в собирательном значении «господá»⁴². Любопытна деталь: в этом значении лексема не фигурирует ни в болгарском, ни в старославянском. В старославянском *gospóda* означает «гостиница», что полностью совпадает с функцией этого слова в западнославянских языках (чеш. — «гостиница, постоялый двор»; словц. — «жилье, гостиница, постоялый двор»; в.-луж. — «пристанище, гостиница, трактир»; польск. — «корчма, постоялый двор, гостиница, временное пристанище»; словен. — «постоялый двор, корчма, гостиница» и т.д.). Можно, вероятно, предположить, что в старославянский (древнеболгарский) эта лексема вошла на моравской основе, т.е. она позднего происхождения. Для более раннего периода Древней Болгарии можно допустить вытеснение из практики собирательного «господá» задолго до IX в., поскольку утвердившаяся с конца VII в. господствующая верхушка общества была тюркской.

Резкий социальный контраст демонстрирует еще одна лексема — *glota* (прасл. — *glota, glotъ*)⁴³. В западнославянских языках ее нет совсем, но она есть в болгарском, македонском, сербохорватском, словенском языках, а также в древнерусском. В последнем это слово означает «толпа». В южнославянских языках эта лексема (болг. — «толпа, стая, мусор, сор в зерне»; макед. — «стадо, мусор, соринка»; сербохорв. — «толпа, беднота, домохозяева, сорняк, сор»; словен. — «сброд, чернь, толпа, сорняк») представлена, как видим, в двух функциях: первичная — «мусор» и вторичная, с оттенком социального пренебрежения — «толпа, чернь, сброд» и т.д.

Наши общие, хотя и приблизительные наблюдения над социальными структурами восточных славян в канун их миграций на Балканы можно завершить осмыслением лексемы *держава* (прасл. — *državъ, drъžava*)⁴⁴. Этот термин означал главным образом «владение» (сербохорв., словен., чеш., словц., польск. и др.-русс.). Кроме того, в болгарском языке он означал «недвижимое имущество», а в польском — «аренду». При этом только в старославянском, македонском, сербохорватском и древнерусском языках термин *держава* сохранился, видимо, в самой позднейшей функции — «власть, сила, господство» и даже «государство». Что касается Древней Руси, то здесь необходимо уточнение. Вплоть до начала XI в. (а может, и в более позднее время) в древнерусском социуме даже при наличии государственной структуры само

понятие «государство», скорее всего, терминологически еще не выкристаллизовалось. Во всяком случае, в древнерусском переводе Эклоги (конец X в.) ср.-греч. *πολίτεια* осмыслено как «люди» (*της πολιτεας* – «за люди»)⁴⁵. Вместе с тем другие значения лексемы *держава* (власть, сила, господство), видимо, были реальностью уже в VI – начале VIII в. Это предположение подтверждается, на наш взгляд, тем, что лишь болгарскому, сербохорватскому и древнерусскому языкам свойственен термин *данник* (прасл. – *danъnik*) в значении «дающий дань, вассал» (ср. *λαττωται* в гл. 9 сочинения Константина Багрянородного). Констатация подобной функции лексемы *данник* означает, что в лице подчиненных этнос-победитель уже имел социумы с таким уровнем развития производительных сил, который позволял получать совокупный прибавочный продукт. Впрочем, это лишь подтверждение того масштабного факта, о котором свидетельствуют вышеназванные термины *господа*, *имовит* и др.

Таким образом, задолго до фиксации «Баварским географом» *русьцов* в качестве западных соседей «козар» и свидетельства Людовика Благочестивого (839) о существовании народа *Rhos*, во главе которого стоит *каган* (*chaganus vocabulo*)⁴⁶, в Среднем Поднепровье и его левобережных просторах вполне могли существовать ранние политические объединения славян и даже примитивные государственные образования. Факт фиксации «Баварским географом» *русьцов* как народа, даже если принять более позднюю датировку этого памятника 70-ми годами IX в., настолько масштабен, что просто несопоставим с фактом вторжения примерно в это же время военного формирования скандинавов.

В этой связи можно и более критично подойти к своего рода неувязкам текста Константина Багрянородного. Ведь в гл. 42 он довольно четко заявляет, что русы обитают в верховьях Днепра («в верховьях реки Днепр живут росы»)⁴⁷. Так, если это народ, обитавший на некой территории, но говоривший, так сказать, на *ρωσιоти*, то где же тогда археологически исследованная материальная скандинавская культура этого региона?! Не логичнее ли предположить, что речь идет снова лишь о представителях народа *Rhos*. Что же касается соотношения названий, то полезно иметь в виду, что в это время, видимо, уже бытовали племенные союзы, а их названия могли меняться в зависимости от политического главенства того или иного племени или его вождя. Кроме того, возможно и варьирование самих племенных названий. Ведь даже наши летописные *поляне* у Константина Багрянородного вероятнее всего фигурируют как *лендзанины* (а польское племенное объединение, видимо, здесь не при чем: ведь *ляда*, *лядина* – это тоже поле).

В качестве подтверждения очень раннего присутствия славян в Поднепровье можно привести любопытный, на наш взгляд, факт. Дело в том, что только у южных и восточных славян термин *год* в значении промежутка времени, равного периоду обращения Земли вокруг Солнца, бытовал уже в канун частичных миграций VI – начала VIII в. на Балканы. У западных же славян лексемы *год*, *годы* фигурировали лишь в своей наиболее ранней, общеславянской функции, суммированной О.Н. Трубачевым – «случай, повод, срок, подходящее время»⁴⁸. В несколько измененной форме это уцелело в чешском («праздник, пир, угощение»), словенском («праздник, подходящее время, зрелость»), словацком («праздник, стол, пир»), нижнелужицком («повод, время, случай»; *годы* – «Рождество»), верхнелужицком (*годы* – «Рождество»), польском («свадебный пир, свадьба»; *годы* – «время после Рождества»), словинском (*годы* – «Рождество»). В прямой зависимости от первичной праславянской функции, видимо, стоит и польское «година» – час (срок, подходящее время). В первичной функции лексема *годы* уцелела и в русском вплоть до конца XVIII в. Однако лишь в старославянском, болгарском, сербохорватском, македонском и древнерусском языках термин *год* означал цикл времени, который делится на 12 месяцев. Семантический анализ открытого М.А. Тихановой орнамента на венчике ритуального трехручного сосуда № 2 из с. Лепесовка, представляющего собой 12 прямоугольных секций с неповторяющимися рисунками каждой из секций, позволил Б.А. Рыбакову уверенно трактовать его как изображение 12-месячного годового цикла⁴⁹. А совпадение функции орнамента с функцией термина *год* как цикла из 12 месяцев дает возможность предполагать славянскую принадлежность населения этой части региона материальной культуры «черняховцев» уже в IV в. н.э. (ведь если бы указанное понятие *года* было бы заимствовано от иранцев или, скажем, готов, то и сам термин неизбежно был бы иным). Причем даже допуская полиэтничность «черняховцев» и существование готского варианта понятия «год», мы никак не можем игнорировать это знаменательное совпадение археологической находки и лексемы, появившейся в Среднем Поднепровье. Между прочим, Г.Г. Литаврин высказал предположение о том, что анты уже в IV в. н.э. были социально-политической организацией («славинией»)⁵⁰.

Таким образом, отдельные наблюдения, сами по себе имеющие вроде бы частный характер, рассмотренные как проявления некоего целого, делают это целое вполне определенным: восточнославянская государственность, несомненно, зарождалась задолго до появления варяжских «находников».

- ¹ Седов В.В. Русский каганат IX века // Отечественная история. 1998. № 4. С. 3–15.
- ² См.: Горский А.А. Проблема происхождения названия Русь в современной советской историографии // История СССР. 1989. № 3.
- ³ Седов В.В. Указ. соч. С. 15. Примеч. 52.
- ⁴ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991 год. М., 1994. С. 29.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI вв.: Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1993. С. 42.
- ⁸ Прицак О.И. О происхождении названия RŪS/RUS' // Вопр. языкознания. 1991. № 6. С. 129.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. Данное предположение не опирается на источники.
- ¹¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989. С. 304 (коммент. I к гл. 9).
- ¹² Милов Л.В. О «Слове о полку Игореве» (Палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. 1983. № 5.
- ¹³ Подробнее об этом см.: Там же. С. 84–95, 99.
- ¹⁴ Поэтому некоторые филологи и настаивают на том, что сгоревший список был от XV в. Ипатьевский список летописи дает немало примеров бытования, в частности, чтения «русские» в варианте «рус(ь)ции» (подробнее см.: Милов Л.В. Указ. соч. С. 101–102).
- ¹⁵ Подробнее см.: Там же. С. 99–102 (на с. 102 в реконструкции написания рус(ь)ции и рус(ь)ци в верстке, которую автор не держал, появилось ошибочно рус(с)ции и рус(с)ци).
- ¹⁶ В южнорусской летописи встречаются и иные варианты с ц. Например: «и начаша ся пристраивати князи русцѣи и Лев Мстиславль Володимерь идеша же с ними князи пиньсции и тоуровьсцей», а чуть дальше по тексту: «тии князи заднѣпрѣсции» (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 872, 873).
- ¹⁷ Там же. Стб. 904–905.
- ¹⁸ Там же. Стб. 920.
- ¹⁹ См. рассуждения об этом В.Н. Шапошникова в статье «Русичи» в недавно вышедшей «Энциклопедии Слова о полку Игореве» (Т. 4. СПб., 1995. С. 242). Впрочем, издатели «Энциклопедии», видимо, не рискнули принять во внимание столь необычные соображения, высказанные в небольшой по объему статье. Ведь чтение «русичи» прочно вошло не только в научную литературу, но и в историко-культурное сознание нашего социума.
- ²⁰ Соловьев С.М. Соч. Кн. II. Т. 3. М., 1988. С. 201.
- ²¹ См.: Флоря Б.Н. О некоторых особенностях развития этнического самосознания восточных славян в эпоху средневековья и раннего нового времени // Россия и Украина: История взаимоотношений. М., 1997. С. 22–23; см. также: Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 6. С. 289.
- ²² Макарий, митр. Указ. соч. С. 289–290.
- ²³ Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 22.
- ²⁴ Цит. по: Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 22.

- ²⁵ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. С. 42. Примеч. 47.
- ²⁶ Притцак О. Указ. соч. С. 119–120.
- ²⁷ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. С. 54.
- ²⁸ Он же. Немецкие латиноязычные источники... С. 13–15.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Видимо, правильное: таль.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 757.
- ³² Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. С. 32–33.
- ³³ См.: Притцак О. Указ. соч. С. 120.
- ³⁴ См.: Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половина XII в. / Сост., перевод, коммент. М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 60–64.
- ³⁵ Притцак О. Указ. соч. С. 121.
- ³⁶ Работы такого рода в последние годы в значительной своей части основываются на материалах «Этимологического словаря славянских языков» под ред. О.Н. Трубачева. М., 1974. (далее: ЭССЯ).
- ³⁷ ЭССЯ. Вып. 13. С. 200; Вып. 5. С. 134–135; Вып. 2. С. 19, 57; Вып. 8. С. 110; Вып. 2. С. 54; Вып. 6. С. 213; Вып. 13. С. 116, 109–110, 113; Вып. 3. С. 182; Вып. 8. С. 243–244, 15–17.
- ³⁸ Там же. Вып. 4. С. 188.
- ³⁹ Там же. Вып. 12. С. 10; Вып. 7. С. 96.
- ⁴⁰ Там же. Вып. 3. С. 194.
- ⁴¹ Там же. Вып. 8. С. 228–229.
- ⁴² Там же. Вып. 7. С. 58.
- ⁴³ Там же. Вып. 6. С. 138.
- ⁴⁴ Там же. Вып. 5. С. 231.
- ⁴⁵ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrsg. von L. Burgmann. Frankfurt-am-Main, 1983. В. 212; Мерило Праведное по рукописи XIV в. М., 1961. С. 375.
- ⁴⁶ Обычно обращают внимание на тот фрагмент Бертинских анналов, где речь идет о том, что подозрительный Людовик Благочестивый дознался, что послы хакана народа *Rhos* были *свеонами* (*esse Sueonum*). Однако, если бы они оказались даже эфиопами, это обстоятельство не изменило бы их функции *послов хакана народа Rhos*.
- ⁴⁷ Константин Багрянородный. Указ. соч. С. 172–173.
- ⁴⁸ ЭССЯ. Вып. 6. С. 191–192.
- ⁴⁹ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 320, 322, 324–325; см. также: Он же. Календарь IV века из Земли полян // Вопр. истории. 1962. № 4.
- ⁵⁰ Литаврин Г.Г. Проблема славиний как социально-политической организации славян в современной цивилизации // Русско-български връзки пред вековете. София, 1986. С. 10.

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЭКЛОГА И «ПРАВДА ЯРОСЛАВА»

(к рецепции византийского права на Руси)

Система судебных наказаний в первые века древнерусской государственности прошла, стремясь к византийским образцам, сложный путь развития. Складывающемуся государственному механизму на первых этапах становления пришлось опираться на традиции обычного права разлагавшегося родо-племенного общества, применявшего, как известно, в качестве наказания за различного рода преступления систему денежных штрафов. В Древней Руси традиция штрафов была особенно прочной. Но, тем не менее, крещение Руси в конце X в. поставило общество перед возможностью принять не только христианские религиозно-идеологические догматы, но и тщательно разработанную обширную систему церковного права и переплетающегося с ним светского права, правовые нормы, касающиеся не только церковных людей, но и мирян (особенно в области семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.). Это вызвало огромные сложности. Ведь византийские традиции церковного и светского права были сопряжены не только с практикой наказаний пенитенциарного типа, но и с широким применением системы физических наказаний (начиная с побоев и кончая жестоким членовредительством).

Однако историки практически не знают, как на деле решалась эта задача. В дореволюционной, да и советской литературе вот уже в течение целого столетия считается, что основной памятник византийского церковного права (Номоканон XIV титулов) рано попал на Русь из Болгарии, где был переведен с греческого в конце IX – начале X в.¹ Что же касается византийского свода законов VIII в., известного под названием Эклога («избранные законы»), то до недавних пор считалось, что он также пришел к нам из Болгарии или Сербии, хотя время его проникновения на Русь было, по существу, неизвестно². Вместе с тем единственный текст Эклоги, которым многие десятилетия пользовались исследователи, это текст Печатной Кормчей 1650 г., весьма существенно модернизированный издателями. Почти неизвестным был список XIV в. из юридического сборника «Мерило Праведное» (о нем знал Н.В. Калачев и о нем же мимоходом упомянул в курсе лекций В.О. Ключевский³. В XIX в. о сборнике «Мерило Праведное» установилось господствующее мнение как о памятнике, возникшем на основе Сербской Кормчей не ранее конца XIII в. Виднейший канонист А.С. Павлов категорично

утверждал, что сборник Мерило Праведное «весь составлен уже из готового славянского материала, взятого из Кормчей Софийской редакции»⁴. В 50-х годах XX в. с текстом Эклоги из «Мерила Праведного» ознакомился болгарский историк М. Андреев, продолжавший следовать традиционной точке зрения.

Между тем автору этих строк удалось доказать, что текст Эклоги сборника «Мерило Праведное» под названием «Леонъ и Константина върная цесаря» представляет собой полный перевод византийского свода законов VIII в., сделанный не в Болгарии, а в Древнерусском государстве⁵. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода памятника послужил характер лексики. В ней содержится довольно солидная группа чисто древнерусских юридических терминов, т.е. таких языковых явлений, которые возникли в период после миграции восточнославянских племен из Среднего Поднепровья на Балканы (VI – начало VIII вв.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина «заднѣца» в значении выморочного или незавещанного имущества, а иногда и наследства. Этот термин встречается в переводе ряда статей (V, 6б, 76; VII, 1; XVI, 5). В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское «задница» в первичном понятии «седалище», т.е. место, которым человек сидит.

К числу важных особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII в. на язык гораздо менее развитого общества. Так, в серии статей Эклоги, посвященной проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик употребил термин «заднѣца» (VI, 7, 11, 12 и др.)⁶. Иначе говоря, переводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием «оставшегося после умершего имущества» и «посмертного дара», которым в Византии распоряжался основной наследник. К числу чисто русских приемов работы переводчика относится и передача термина «легатарий» словом «заднѣца», что, возможно, было новообразованием.

Одним из наиболее важных аргументов в пользу древнерусского происхождения перевода Эклоги является применение весьма древнего термина «господа» (жен. р.) в значении «полная собственность». Сам по себе термин «госпѣда» очень архаичный и, видимо, праславянский (в значении «гостиница» он сохранялся у всех славянских народов). Но в значении «власть, господство» он известен только историческим текстам Древней Руси. Первоначально эта «власть» понималась как совокупность «господ»

(«господа» – собирательное). Об этом свидетельствует ряд текстов (Хроника Георгия Амартола, л. 146 об.; Сказание о Борисе и Глебе, л. 131; Новгородская летопись под 6906 г.; Псковская судная грамота и др.). Древнерусский переводчик Эклоги, столкнувшись с необходимостью передать понятие «полная собственность» (XVII, 12: «...Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»), прибег к термину «госпѣда». В древнеболгарских текстах такого термина в значении «власть, господство» нет, там встречается «госпѣда» лишь в значении «гостиница», как и в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицком языках (гостиница, постоялый двор и т.д.).

Перевод Эклоги содержит и ряд других немаловажных свидетельств, подтверждающих древнерусское происхождение текста под названием «Леонъ и Константина върная цесаря». Причем о глубокой древности этого перевода свидетельствует наличие в тексте архаичных, редко встречающихся слов и речевых оборотов («усобъ», «пристрой», «семь», «присъда», «своить» и др.)⁷. Особое внимание привлекает употребление в переводе термина «старейшина» в значении «опекун», на которого ложатся функции воспитания и содержания осиротевших детей. Ведь даже в древнейших памятниках южнославянского извода в значении опекуна фигурирует термин «приставник». Это обстоятельство свидетельствует о глубоком архаизме перевода.

Одним из первых в литературе, кто признал гипотезу о древнерусском переводе Эклоги, был Ю.Г. Алексеев. Правда, ученый считал возможным писать об этом так, как будто вопрос о древнерусском переводе Эклоги давно решен и является общим местом в литературе⁸. Вместе с тем он подверг критике предложение автора этих строк, касающееся одного из проявлений специфичности древнерусского перевода. Речь идет о сделанном мною предположении, что древнерусский переводчик ряд сюжетов, касающихся расследования дел судьями, интерпретировал как расследования, ведущиеся послухами, а не судьями, притом тайно⁹. В основе такого предположения лежит часто встречающийся в переводе оборот «послухи таи». Основания для такого понимания вроде бы были – термин «таи» в значении «тайно» встречается в том же сборнике «Мерило Праведное» («таи преписавъ»)¹⁰, как и в ряде памятников древнерусской письменности. Отвергая предложенное в статье понимание, Ю.Г. Алексеев предположил, что оборот «таи» есть не что иное, как буквальное копирование окончания греческого термина *οἱ ἀκροταί*. Все дело сводилось, таким образом, к чудовищной неграмотности переводчиков¹¹.

Между тем такое суждение не обосновано фактами. Ведь из девяти случаев употребления термина *ἀκροαταί* в четырех этот термин употреблен не в N.Pl. (V, 5, X, 1, XI, 1, XVII, 27, 47 – *οἱ ἀκροαταί*), а в других падежах: Gen.Pl. (V, 8, VIII, 2 – *τῶν ἀκροατῶν*), Dat.Pl. (XV, 3 – *παρά ἀκροαταῖς*), Acc.S. (XVII, 41 – *τὸν ἀκροατήν*)¹². Тем не менее во всех этих случаях в древнерусском переводе стоит неизменное «послуха тай», невзирая на падеж и число (из-за порчи текста в древнерусском переводе нет текста XVII, 27). Кроме того, в греческом тексте есть много других существительных с подобным окончанием (*οἱ δικάσταί* – судьи и т.п.). Однако переводчик обращается здесь с греческими терминами вполне нормально. Стало быть, версия Ю.Г. Алексеева явно не выдерживает критики.

И тем не менее Ю.Г. Алексеев прав, когда отвергает чтение «послухи тай» (тайно). И главный аргумент здесь: присутствие «а» перед «тай» («послуха тай», а не «послухи тай») во всех вариантах текстов. Следовательно, это единое слово, аналогичное целому ряду однотипных ему в русском языке (оратаи, глашатаи, ходатаи, завсегдатаи и т.п.). Предметное содержание статей и их перевод дают возможность считать, что мы, видимо, имеем дело с особой разновидностью послухов, ведавших на Руси какими-то судебными функциями. В других источниках этот термин практически не встречается (единственный случай в словаре И.И. Срезневского – «послухатаи» из Златоструя по списку XVI в., переводимое как «слушатель», что похоже на буквальный перевод с греческого – слушатель). Исходный греческий термин *ὁ ἀκροατής* обычно переводят как судья¹³, хотя в тексте Эклоги фигурируют два термина, обозначающие судью (*δικάστης*, *ἀκροατής*). Е.Э. Липшиц полагает, что акроаты были местными судьями, опираясь при этом на краткое суждение Цахариэ фон Лингенталя¹⁴. Между тем, основываясь на более поздних византийских юридических памятниках, ряд исследователей пытаются составить более четкое представление об институте акроатов. Так, опираясь на Книгу Эпарха (конец X в.), Христофилопулос предполагает, что акроаты – это лица, присутствующие при разборе дела или разбирающие данное дело. При этом ученый в своем суждении отталкивается от 25 новеллы Юстиниана (535 г.)¹⁵ М.Я. Сюзюмов, развивая идею Христофилопулоса, считает возможным говорить об акроатах, как «об особом третейском суде из наиболее влиятельных ремесленников данной профессии»¹⁶.

Таким образом, древнерусский переводчик, вероятнее всего, четко улавливал разницу между дикастами (переводя всюду *δικάστης* как судья) и акроатами. Впрочем, в ряде случаев *ἀκροαταί* переводится не только как «послухатаи». В XV,3 выра-

жение καὶ τοῦτο παρὰ ἀκροαταῖς ἀποδείχθῃ он перевел: «Власть ему есть перед судьями византи...»¹⁷. В VIII,2(6) выражение δηλονότι ὑπὸ ἀκροατῶν τοῦ ὀφείλοιστος переведено: «Заповѣдая явь яко послух должному...»¹⁸. Оба случая лишь подтверждают, что «послухатаи» не является калькой с греческого.

Следовательно, есть все основания предполагать, что древнерусский перевод Эклоги донес до нас архаическую юридическую процедуру расследования, проводимую особой разновидностью послухов-судей. Возможно, в более позднем памятнике, каким можно считать Русскую Правду, есть отдаленный отзвук института «послухатаев» в так называемом «изводе перед 12 человека». Но это всего лишь предположение.

Первоначально автор этих строк проявил известную осторожность и определил время древнерусского перевода Эклоги периодом не позже XI в.¹⁹ Между тем установить более точную дату представляется вполне возможным.

В древнейшей летописи есть текст, относящийся к эпохе крещения Руси, где речь идет о том, что, собравшись вместе, церковные иерархи, «епископы», предложили Владимиру Святославичу ввести за «разбой» наказание в виде «казни» (причем имеется в виду не только смертная казнь, а казнь как телесное наказание). Летописная статья, повествующая об этом, условно помещена под 996 г., т.е. отнесена ко времени сразу же после создания митрополичьей кафедры в Киеве и, вероятно, начавшейся процедуры образования епископий²⁰. Иначе говоря, основная структура церкви была уже сформирована, и можно полагать, что были готовы и средства, реализующие юрисдикцию церкви.

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, сделанное епископами, многие из которых были, видимо, греками, диктовалось, скорее всего, целостным восприятием системы церковно-светского права Византии и ее особым вниманием к охране лиц из числа священнослужителей, что для вновь формирующейся русской православной иерархии было далеко немаловажным обстоятельством. Кстати, еще в конце 60-х годов нашего века польский русист А. Поппе резонно полагал, что применение казни за «разбой», предложенное Владимиру, подразумевало введение в практику норм византийского права²¹. Теперь эта версия удивительно логично подтверждается фактом существования древнерусского перевода Эклоги, сделанного, скорее всего, в Киеве под патронатом церкви на основе новейшей модификации этого византийского свода, созданной в конце X в. (*Ecloga privata*). Архаический характер перевода вполне соответствует эпохе конца X – начала XI в. Ведь, делая предложение перейти на новую систему уголовных наказаний, епископы должны

были опираться на материал конкретных переводов византийских юридических текстов. Таким текстом, вероятнее всего, и был исследованный нами перевод Эклоги, сохранившийся в сборниках «Мерило Праведное».

Далее следует заметить, что дата (996 год) должна восприниматься как достаточно условная, ибо изложение событий под этой датой не носит погодного характера. Здесь изложена история довольно протяженного периода действия византийских норм права. Тем не менее в той же статье 996 г. сразу же повествуется и о неудаче этого нововведения: «епископы» вместе со «старцами» через какой-то период времени (пять или десять лет – об этом можно только гадать) подняли вопрос о том, что «госбюджет» терпит крах и не на что содержать княжеское войско, для которого оружие и кони раньше приобретались на средства, полученные от денежных штрафов («рать многа, оже вира – то на оружьи и на конях буде»)²². В итоге Владимир вернулся к системе штрафов. Судя по «Русской Правде», такие штрафы за убийство свободного мужа и должностных лиц были прежде очень большими. Однако вряд ли можно было содержать княжескую дружину только на платежи виры. Скорее всего, под собирательным понятием «разбой» имелись в виду все типы убийств и другие «разбойные» преступления (стычки, драки, оскорбления действием и т.п.), следовательно, казна пополнялась не только за счет вир, но и продаж.

В тексте Эклоги уголовные преступления и назначаемые за них наказания сосредоточены в XVII титуле²³. Причем довольно большая группа преступлений связана с различного рода убийствами (XVI, 45, 46, 47, 48), а более поддесятка преступлений могут квалифицироваться как «разбой» (XVII, 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24, 30). За все эти преступления полагались не только смертная казнь, но и членовредительство (отсечение руки, языка), а также изгнание, наказание плетью и т.д. Можно полагать, что многие санкции из этих статей пытались применять на Руси конца X – начала XI в. Таким образом, при Владимире Святославиче была предпринята попытка практического применения в судопроизводстве целой серии статей из византийского свода законов, именуемого Эклогой²⁴.

Однако, видимо, довольно быстро практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах, ибо в обществе, где рента-налог играла жизненно важную роль для функционирования государственного механизма (и прежде всего – содержания дружины), отказ от практики судебных штрафов был невозможен. Можно полагать, что и общество той эпохи чисто психологически не восприняло наказание членовредительством.

Если признать достоверным факт практического применения норм наказаний Эклоги, и прежде всего ее XVII титула «О казнях», то события конца X – начала XI в. обретают некий контекст, а в его рамках вполне четкую и новую мотивацию обретает факт появления так называемой «Правды Ярослава» (древнейшей части Краткой редакции Русской правды).

В свое время еще М.Н. Тихомиров указывал, что статья 1016 г. в Новгородской первой летописи младшего извода, согласно которой Ярослав после победы над Святополком одарил за участие в борьбе за киевский стол новгородцев деньгами, «дав имъ правду и устав списавъ»²⁵, уже давно «подозревается в достоверности» и является, по его словам, «каким-то новообразованием»²⁶. Напомним, что этому событию предшествовал практический эпизод, когда наводненный по распоряжению Ярослава варягами-наемниками Новгород испытал от них буквальный погром.

Есть в литературе и исследователи, усматривающие прямую взаимосвязь варяжской расправы с новгородцами, помощи новгородцев Ярославу в борьбе за Киев и статьи 1016 г., где говорится о пожаловании новгородцам «Правды Ярослава». Из историков послевоенной эпохи это, в первую очередь, Л.В. Черепнин, писавший, что «Правда Ярослава была предназначена для защиты местного новгородского населения от вооруженных варяжских дружинников»²⁷. Больше того, Л.В. Черепнин считал, что, по сути, «Правда Ярослава» является договором («рядом») новгородского общества и корпорации варягов²⁸. Против такой трактовки резко возражает Б.А. Рыбаков, считающий, что никаких элементов двустороннего договора в «Правде Ярослава» нет, хотя, в целом, трактовка Л.В. Черепниным «Древнейшей Правды» как способа защиты новгородцев от варягов-наемников у исследователя возражений не вызывает²⁹.

Между тем интерпретации такого рода страдают, прежде всего, отсутствием фактической аргументации. Ведь в самой «Правде Ярослава» есть всего лишь две отнюдь не самые важные статьи, где упоминаются варяги и колбяги. Да и сам факт временного присутствия наемников трудно соотнести с возможностью отражения их лихого поведения в законодательном акте государства. В этой связи М.Н. Тихомиров справедливо заметил, что «при таком понимании Древнейшей Правды резко снижается ее значение как памятника русского законодательства. Самим варягам придается чрезмерно большое значение как главной княжеской опоры. Варяги-воины как бы противопоставляются мирному новгородскому населению, что совершенно не соответствует действительности»³⁰.

Думается, что после исследования проблемы «славянского» перевода Эклоги, установления древнерусского происхождения

этого перевода можно предложить иную мотивацию появления «Древнейшей Правды». Оно по-прежнему связано с именем Ярослава (и важнейшим фактом здесь служит традиционное именование первой части Пространной Русской Правды «Суд Ярослава Володимерича. Правда Русская»). Но вместе с тем новая мотивация отнюдь не ограничивается ролью «правды» для нозгородцев. Дело в том, что после какого-то, видимо, довольно продолжительного периода применения на Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний (в виде отсечения носа, руки, языка, избия плетью,стрижения, изгнания и смертной казни) вернул юридическую практику к старым нормам платежей виры и продажи. Каков был по форме отказ от норм Эклоги, мы не знаем. Тем не менее, вероятнее всего, что после этого отказа все-таки создавалась ситуация неопределенности, дававшая почву для своеволия в практике наказаний со стороны тиунов и волостелей (ведь традиция нарушена!). В целях преодоления этой своего рода юридической нестабильности, возможно, и была создана «Правда Ярослава».

Первая статья ее, как известно, гласит: «Оубьеть моужь мору, то мстити брату брата, или сынови отца, либо отцу сына, или братоучадоу, либо сестриноу сынови. Аще не боудеть кто мсты, то 40 гривен за голову. Аще боудеть роусинь, либо гридинь, либо коупчин, либо ябетникъ, либо мечникъ, аще изгой боудеть, либо словенинь, то 40 гривен положить за нь». Тема кровной мести, с которой начинается «Древнейшая правда», никак не связана ни с варягами, ни даже с новгородцами. Первая статья касается древнерусского общества в целом. Вместе с тем она всегда молчаливо ставила многих исследователей в тупик: почему становящееся на ноги Древнерусское государство в своем древнейшем законодательном памятнике утверждает в качестве важнейшего положения многовековой, если не гораздо более длительный, обычай кровной мести, который спустя примерно шесть десятков лет вообще навсегда отменяется сыновьями Ярослава («отложиша оубиение за голову»).

Между тем смысл первой статьи может быть понятным только в случае прямой и тесной взаимосвязи с отказом Владимира от практики уголовных наказаний из XVII титула Эклоги. Ведь византийская практика карала за убийство человека казнью мечом, т.е. смертной казнью (XVII, 45, 46). Следовательно, институт кровной мести «автоматически» прекращал свое действие, как и сама практика вирных платежей. Первая статья «Правды Ярослава» возвращает нас к традиции и именно поэтому декларирует общее положение о праве кровной мести. Но одновременно,

поскольку целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания вир и продаж, в статье максимально подробно устанавливается система вир. Виру платят, если нет мстителя, и это общее положение. Также выделен целый класс лиц, смерть которых, видимо, не может сопровождаться обычаем кровной мести и карается лишь платежом в казну виры. Скорее всего, в первой статье присутствуют как восстановленные традиции, так и нововведения.

Отдельные статьи «Древнейшей правды», видимо, рассматривают «мягкие» формы «разбоя» (стычки, драки, оскорбления действием и т.д.)³¹. М.Н. Тихомиров допускал, что первые десять статей, кончающиеся двумя статьями о варягах и колбягах, составляют более ранний памятник. Заметим в связи с этим, что остальные семь статей «Правды Ярослава» так или иначе связаны с типами преступлений, фигурирующих в XVII титуле Эклоги (статьи о краже коня, оружия, топора, о краже и перепродаже челядинина, о заимствовании коня, о порче чужого воинского имущества и т.д.). И это позволяет все статьи до слов: «Правда оуставлена Роусьской земли» воспринимать как единый памятник.

Итак, «Правда Ярослава», скорее всего, была направлена на исправление последствий опрометчивой реформы Владимира. Думается, что для реализации столь болезненного для честолюбия Владимира Святославича возврата к старой практике, в конечном счете, был выбран наиболее удобный момент смены княжеской власти в Киеве.

Добавим и еще одну немаловажную деталь, укрепляющую высказанную гипотезу. Вновь возврата к старой системе штрафов потребовали не только «старцы», но и «епископы», которые инициировали эту реформу. Разгадка состоит, видимо, в том, что Владимир при введении санкций Эклоги затронул и сферу деятельности церковного суда. Устав, созданный Владимиром для «устроения» церкви, определил лишь типы преступлений, подлежащих ведению церкви. А XVII титул Эклоги «О казнях» содержал санкции почти на все эти типы преступлений, предписывая для них различного вида физические расправы. Если в силу реформы Владимира, по нормам Эклоги стали действовать и церковные суды, то становится очевидным, что конечная реакция и светской, и церковной властей была единой: все они потребовали возврата к штрафам.

Вместе с тем задачи христианизации Руси поставили перед церковью более сложную, чем перед светской судебной властью, задачу. Она была решена много лет спустя созданием церковного устава Ярослава Мудрого в середине XI в. На этот раз система наказаний была сконструирована очень осторожно, в духе ранне-

христианских судебныхников типа Закона Судного людем. Суть этих судебныхников в том, что они назначают за одно и то же преступление альтернативные наказания. В частности, в Законе Судном людем дается возможность выбора либо церковного покаяния с соблюдением строгого поста (епитимья), либо византийской нормы наказания (усекновение руки, носа, битье плетью, изгнание и штраф).

В Уставе Ярослава также предложено сразу несколько принципов наказания за те или иные прегрешения или преступления³². Во-первых, устав, на основе традиционных норм права оставляя в компетенции церкви определенные типы судебных дел, устанавливает размеры денежных штрафов, идущих в пользу церкви. Однако помимо денежной системы наказаний в нем присутствуют и альтернативные наказания епитимьей, в одних случаях сформулированные четко (ст. 14, 15, 18, 19 и др.), а в других – менее определенно (ст. 32, 33, 34, 35, 36)³³. В отличие от Закона Судного людем в Уставе Ярослава нет сколько-нибудь конкретных описаний характера той или иной епитимьи. Объясняется это тем, что, создавая Закон Судный людем, Кирилл-Константин, не имея славянского перевода Кормчей, должен был давать конкретное изложение процедуры той или иной епитимьи. Устав Ярослава, в отличие от Закона Судного людем, создавался в то время, когда на Руси уже был свой, древнерусский перевод Номоканона XIV титулов без толкований³⁴. Для создателей Устава представлялось достаточным в начале текста и в конце его торжественно заявить, что все наказания должны соответствовать Номоканону и «правилам святых отец». Да и конкретное изложение процедур церковного наказания по Кормчей книге дело крайне сложное. Выбор его, таким образом, целиком возлагался на духовного иерарха («а епископу – в вине», «а во епитимии и в казни по закону» и т.д.). Таким образом, чрезмерный лаконизм Устава Ярослава в нормах альтернативных наказаний вполне объясним³⁵.

Помимо Номоканона XIV титулов одним из юридических источников тех или иных альтернативных наказаний была, вероятно, и Эклога. Дело в том, что в Уставе альтернативные церковные наказания предусмотрены не повсюду, а, в основном, в статьях о нравственных преступлениях и проступках, и выступают они как средство вовлечения в лоно христианской религии. Мягкость этих норм сильно контрастирует с непомерно высокими нормами денежных штрафов (в большинстве списков Устава, дошедших до нас почти всегда в искаженном поздними редакциями виде). В ряде других случаев наряду с денежным штрафом стоит санкция: «а князь казнит» (ст. 2, 3, 4, 7, 8, 13, 14, 25, 26)³⁶. Эта третья

разновидность наказания чаще всего стоит там, где речь идет о наиболее тяжких, с точки зрения христианской морали, преступлениях, хотя в расположении этой санкции по статьям в большинстве списков памятника есть много позднейших искажений. Вполне возможно, что в лице этой системы наказаний мы вновь имеем дело с попыткой применить юридические нормы византийской Эклоги. Ведь за похищение светской девушки и ее обещание Эклога карает отрезанием носа и изгнанием сообщников (XVII, 24), отрезанием носа карается и изнасилование (XVII, 30, 31) и т.п. Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в ст. 8 Устава Ярослава о блудящем муже (19 XVII титула предусматривает наказание в 12 «смен» ударов), в ст. 16 Устава Ярослава о двоеженце, где повторное преступление влечет санкцию: «казнию казнить его» (в 35 XVII титула за это следует наказание плетью и изгнание второй жены) и т.д.

Использование Эклоги при применении Устава Ярослава столь же логично, сколь логично и применение епитимийных наказаний по Номоканону XIV титулов без толкований. Заметим, однако, что использование санкций Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно – лишь как один из возможных вариантов наказания.

¹ Подробнее об этом см.: *Щанов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

² *Saturnik Th.* Příspěvky k šírení byzantského práva u slovanů. Praha, 1922; *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // Труды Васильевского. Л., 1930. Т. IV; *Андреев Мих.* Римского право и славянската Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римского право) // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. 1959. Т. 1(50); *Ганев В.* Закон Соудный людемъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959 и др.

³ *Калачев Н.В.* Архив историко-юридических сведений, относящихся до истории России. М., 1850. Кн. 1. С. 21; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. Лекция XIV // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 227.

⁴ *Павлов А.С.* Книги законные. СПб., 1885. С. 16. Такого же мнения придерживался и М. Бенеманский (см.: *Бенеманский Мих.* Закон Градской, М., 1927. С. 88).

⁵ *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1; *Он же.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1984. № 3.

⁶ *Мерило Праведное по рукописи XIV века* / Издано под наблюдением акад. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 346, 348, 357, 359, 362, 364, 365, 366 и др.

⁷ *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века. С. 155–156 и др.

- ⁸ Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV–XV вв. Л., 1980. С. 48. Примеч. 21; С. 50. Примеч. 27; С. 52. Примеч. 33.
- ⁹ Милов Л.В. Указ. соч. С. 162–163.
- ¹⁰ Мерило Праведное по рукописи XIV в. С. 210.
- ¹¹ Алексеев Ю.Г. Указ. соч. С. 54. Примеч. 41.
- ¹² См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V / Hrgb. von Ludwig Burgmann. Frankfurt am Main, 1985. S. 188–242.
- ¹³ См.: Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V; Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965.
- ¹⁴ См.: Эклога. Византийский законодательный свод. С. 141; Zachariae von Lingenthal K.E. Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Berlin, 1877. S. 330 («delegierte Richter»). См.: Мерило Праведное по рукописи XIV века. С. 357, 359, 373, 382, 389 (XVII, 27 – нет).
- ¹⁵ Χριστοφίλόπουλος Α. Τό ἐπαρχικόν βιβλίον Λέοντος τοῦ Σοφοῦ καί αἱ συνέχειαι ἐν Βυζαντίῳ. Αθήναι, 1935, σ. 92.
- ¹⁶ Византийская книга епарха / Вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962. С. 261.
- ¹⁷ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 202; Мерило праведное по рукописи XIV века. С. 369.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Милов Л.В. Указ. соч. С. 163. Автор счел необходимым отметить, что датировка перевода заслуживает особого рассмотрения.
- ²⁰ ПСРЛ. Т. 1. М., 1962. С. 126–127.
- ²¹ Porpe A. Państwo i kościół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968. S. 222; *Idem*. Le prince et l'Eglise en Russie de Kiev depuis le fin du X siècle et jusqu'au début de XII siècle // Acta Poloniae historica. 20. 1969. Wrocław; Warszawa; Krakow. S. 105.
- ²² ПСРЛ. Т. 1. С. 127.
- ²³ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. S. 226–244; Эклога. С. 69–75.
- ²⁴ В этой связи необходимо отметить, что из русских историков В.О. Ключевский наиболее удачно осветил основные моменты рецепции византийского церковного и светского права (См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. 1. Лекции XIII–XV // Соч. М., 1956. Т. 1). Однако даже он писал: «Церковь не пыталась перестроить ни формы, ни основания государственного порядка, какой она застала на Руси, хотя пришедшей церковной иерархии, привыкшей к строгой монархической власти и политической централизации, русский государственный порядок, лишенный того и другого, не мог внушать сочувствия» (Там же. С. 265).
- ²⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 175–176.
- ²⁶ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953. С. 19–20.
- ²⁷ Черепнин Л.В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. С. 245.
- ²⁸ Там же. С. 246.
- ²⁹ Рыбаков Б.А. Остромирова летопись // Рыбаков Б.А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984. С. 78. Примеч. 27.

- ³⁰ Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. С. 77.
- ³¹ На возможность подобного толкования «разбоя» указывает Псковская судная грамота, где под разбоем понимается и грабеж, и злостное избиение с грабежом, и т.д.
- ³² Милов Л.В. Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.
- ³³ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976. С. 110–113.
- ³⁴ Милов Л.В. О древнейшей истории Кормчих книг на Руси // История СССР. 1980. № 5. В статье развита аргументация в пользу мнения А.С. Павлова о переводе протографа Ефремовской Кормчей на Руси в первой половине XI в. В публикации 1993 г. Я.Н. Шапов нашел аргументы автора этих строк в пользу древнерусского происхождения перевода Ефремовской Кормчей «важнейшими» (см.: Шапов Я.Н. Некоторые новые исследования рецепции византийского права на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти чл. -корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Тез. докл. М., 1993. С. 82).
- ³⁵ Милов Л.В. Устав Ярослава. С. 86–87.
- ³⁶ Там же. С. 90.

Опубл.: Геннадийос.
К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина.
М., 1999. С. 129–142.

ПРОБЛЕМЫ РЕЦЕПЦИИ ВИЗАНТИЙСКОГО ПРАВА В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Система судебных наказаний в первые века древнерусской государственности прошла, стремясь к византийским образцам, сложный путь развития. Складывающемуся государственному механизму на первых этапах становления пришлось опираться на традиции обычного права разлагавшегося родоплеменного общества, применявшего, как известно, в качестве наказания за различного рода преступления систему денежных штрафов. В Древней Руси традиция взимания таких штрафов была особенно прочной. Столь грандиозное событие в истории, как крещение Руси в конце X в., всегда вызывало у исследователей вопрос: ведь принятие христианства должно было означать восприятие не только христианских религиозно-идеологических догматов, но и тщательно разработанной обширной системы церковного права, касающейся не только церковных людей, но и мирян (особенно в области семейно-брачных отношений, наследственного права и т.п.).

Однако историки практически не знают, решалась ли в реальности такая задача, применялись ли на Руси византийские нормы права. В дореволюционной, да и советской, литературе в течение вот уже целого столетия считается, что основной памятник византийского церковного права (Номоканон XIV титулов без толкований) попал на Русь из Болгарии, где был переведен с греческого в конце IX – начале X в.¹ Что же касается византийского свода законов, известного под названием Эклога («избранные законы»), то до недавних пор считалось, что он также пришел к нам из Болгарии, хотя время его проникновения на Русь было, по существу, неизвестно². Единственный текст Эклоги, которым пользовались исследователи, это текст Печатной Кормчей 1650 г. Практически неизвестным был Троицкий список XIV в. из юридического сборника «Мерило Праведное»³. О нем мимоходом упомянул в курсе лекций В.О. Ключевский⁴. Еще в XIX в. об этом сборнике установилось господствующее мнение как о памятнике, возникшем на основе Сербской Кормчей не ранее конца XIII в. Иначе говоря, возможность наличия в нем более древних текстов и не предполагали⁵. В 50-х годах XX в. с текстом Эклоги из «Мерила Праведного» ознакомился болгарский историк М. Андреев, снова оценивший его как древнеболгарский перевод.

Между тем автору этих строк удалось доказать, что текст Эклоги из Троицкого сборника «Мерило Праведное», как и все сохранившиеся списки «Мерила Праведного» и Кормчей в соеди-

нении с «Мерилом Праведным», представляет собой полный перевод византийского свода законов 20–30-х годов VIII в., сделанный не в Болгарии, а в Древнерусском государстве⁶. Основным аргументом в пользу древнерусской принадлежности перевода памятника послужил характер лексики. В нем содержится довольно солидная группа чисто древнерусских юридических терминов, т.е. таких языковых явлений, которые возникли в среде восточных славян в период после миграции части племен из Среднего Поднепровья на Балканы (VI – начало VIII в.). В частности, речь идет о широком употреблении в полном переводе Эклоги термина «*задница*» в значении выморочного или незаветанного имущества, а иногда и наследства. Этот термин встречается в переводе ст. 6 и 7 пятого титула, первой статьи седьмого титула, пятой статьи шестнадцатого титула Эклоги. В старославянских (древнеболгарских) текстах такого термина нет. Там есть лишь праславянское «*задница*» в первичном понятии «*седалище*», т.е. место, которым человек сидит.

К числу особенностей древнерусского перевода Эклоги относятся и его неточности, свидетельствующие о невозможности адекватного перевода богатой юридической терминологии Византии VIII в. на язык гораздо более отсталого, малоразвитого общества. Так, в серии статей Эклоги, посвященной проблеме легатов (посмертных даров) и легатариев (тех лиц, которым легаты завещаны), древнерусский переводчик также употребил термин «*задница*» (ст. 7, 11, 12 шестого титула и др.). Иначе говоря, переводчик не стал (не мог!) делать различие между понятием «оставшегося после умершего имущества» и «посмертного дара», которым в Византии распоряжался основной наследник. К числу чисто русских приемов работы переводчика относится передача термина «*легатарий*» словом «*задничник*», что, возможно, было новообразованием.

Вторым очень важным моментом в пользу сугубо древнерусского происхождения перевода Эклоги является применение весьма древнего термина «*госпѡда*» (жен.р.) в значении «полная собственность». Сам по себе термин «*господа*» очень архаичный и, видимо, праславянский (в значении «гостиница» он сохранился у всех славянских народов). Но в значении «власть, господство» он известен только историческим текстам Древней Руси. Первоначально эта «власть» понималась как совокупность «*господ*» («*госпѡда*» – собирательное). Об этом свидетельствует ряд текстов (Хроника Георгия Амартола, л. 146 об.; Сказание о Борисе и Глебе, л. 131; Новгородская летопись под 6906 г.; Псковская Судная грамота и др.). Древнерусский переводчик Эклоги, столкнувшись с необходимостью передать понятие «полная собствен-

ность» (титул XVII, ст. 12: «...Если же не захочет получить своего раба, то пусть отдаст его в полную собственность тому, кто подвергся краже»), прибег к термину «*госпѣда*». В древнеболгарских текстах такого термина в значении «власть, господство» нет, там встречается «*госпѣда*» лишь в значении «гостиница», как и в сербохорватском, словенском, чешском, словацком, польском, лужицких языках (гостиница, постоялый двор и т.д.).

Между прочим, предшествующие поколения исследователей становились сторонниками древнеболгарского происхождения перевода Эклоги из-за текста XVIII титула Эклоги. Во всех сохранившихся текстах славянского (древнерусского) перевода греческого варианта текста, известного под названием *Ecloga privata*, этот титул содержит сугубо южнославянский термин «*жюпан*» в значении «полководец», «глава области» и т.п. Однако автором этих строк было доказано, что текст XVIII титула, стоящий во всех списках, сохранившихся в России, перед XVII титулом Эклоги, представляет собой результат более позднего (может быть, в конце XIII в.) исправления дефектного текста архетипа, от которого ведут происхождение все известные нам тексты⁷. В архетипе вторая часть XVIII титула «О разделении добычи» была просто утрачена. Древнерусские юристы, обладавшие обширными познаниями в области рецепции византийского права, использовали для восстановления утраченного текста древнеславянскую компиляцию из Эклоги, известную под названием «Закон Судный людем» (судя по новейшим работам, создателем ее был один из славянских первоучителей Кирилл-Константин). Так, в полном переводе Эклоги во второй части XVIII титула появился текст, заимствованный из статьи «О полоне» «Закона Судного людем». В нем в неприкосновенности сохранился ряд дополнений и изменений, внесенных в греческий текст создателем «Закона Судного людем», которых нет ни в одном греческом списке Эклоги (в частности, фраза: «Тако бо и глаголахо и писано от пророка Давыда»). Все это понималось как зависимость ряда фрагментов славянского перевода Эклоги от «Закона Судного людем», как свидетельство общей среды (В. Ганев), в которой появились оба памятника.

Вот это место, попав в текст Печатной Кормчей (а также ряд терминов и редакторских искажений, сделанных при подготовке Печатной Кормчей в XVII в. в Москве), и способствовало рождению легенды о древнеболгарском переводе Эклоги.

Важнейшей задачей является установление времени создания древнерусского перевода Эклоги.

В древнейшей летописи есть текст, относящийся к эпохе крещения Руси, где речь идет о том, что, собравшись вместе, церков-

ные иерархи, «епископы» предложили Владимиру Святославичу ввести за разбой наказание в виде казни (причем имелась в виду не только смертная казнь, а и казнь как телесное наказание). Летописная статья Ипатьевской и Лаврентьевской летописей, повествующая об этом, помещена под 996 г., т.е. отнесена ко времени сразу же после создания митрополичьей кафедры в Киеве и, вероятно, начавшейся процедуры образования епископий. Иначе говоря, основная структура церкви была уже сформирована, и можно полагать, что были готовы и средства, реализующие юрисдикцию церкви.

Предложение круто изменить систему традиционных наказаний, сделанное епископами, было, вероятнее всего, подготовлено изучением норм византийского права. Еще в конце 60-х годов XX в. польский историк А. Поппэ предположил, что применение казни за «разбой», предложенное Владимиру, подразумевало введение в практику норм византийского права. Эта версия удивительно логично подтверждается исследованием полного перевода Эклоги, сделанного, скорее всего, в Киеве под патронажем церкви. Архаичный характер перевода вполне соответствует эпохе конца X – начала XI в. Ведь епископы должны были предложить конкретные юридические пособия, и этим пособием, вероятнее всего, и был исследованный нами перевод Эклоги.

Далее следует заметить, что в той же статье 996 г. сразу же отмечена и неудача нововведения: ведь те же епископы вместе со старцами через какой-то период времени подняли вопрос о том, что для большого войска необходимо оружие и кони, которые раньше приобретались на средства, полученные от денежных штрафов.

Епископы Владимира, предложившие ему отказаться от взимания вирных платежей и ввести в действие византийские законы, вероятнее всего, использовали дошедший до нас древнерусский текст Эклоги, включенный затем на каком-то этапе в юридический сборник «Мерило Праведное», ибо в Эклоге содержались нормы наказаний за убийство и за ряд правонарушений, граничащих с убийством, чреватых убийством и т.п.

Наказания эти сосредоточены главным образом в XVII титуле Эклоги (ст. 45, 46, 47, 48, 49, 50), а более полудесяток преступлений, предусмотренных Эклогой, могут квалифицироваться как «мягкие формы» разбоя (XVII, ст. 1, 4, 5, 13, 14, 16, 24, 30)⁸. За все эти преступления полагалась не только смертная казнь, но и другие виды «казни» (отсечение носа, руки, языка), а также изгнание, наказание плетью и т.п.

Ряд наблюдений, позволяющих подтвердить высказанную гипотезу, можно увидеть в самом тексте собственно древнерусско-

го перевода Эклоги. Перевод этот в точности повторяет основную структуру греческих текстов (в варианте *Ecloga privata*) как по порядку титулов («зачатков»), так и по разбиению их на отдельные статьи или параграфы. В частности, варианту *Ecloga privata* четко соответствует перестановка XVI титула в текст между V и VI титулами. Вместе с тем в отличие от греческих списков в русских текстах в VIII титуле нет ст. 8 и 9, а о том, что XVIII титул слит с XVII титулом и поставлен впереди него, мы уже упоминали.

Важным отличием древнерусской редакции Эклоги является стремление переводчика-юриста дать титулам Эклоги более подробные, чем в оригинале, заголовки. Больше того, он ввел особые заголовки к отдельным статьям почти всех титулов или к целым группам статей, объединенных в целостные новые разделы тех или иных титулов.

Больше того, вполне вероятно, что древнерусский юрист подобрал для XVII титула специальный вариант греческого списка, где в начале расположены наиболее важные для древнерусского социума статьи титула. В традиционном официальном тексте теперь следовали лишь три первые статьи (1 – о праве провинившегося субъекта укрыться в церкви и праве иерея обеспечить законное расследование в отношении его; 2 – о ложной клятве на евангелии; и 3 – о заговорщиках и поднимающих восстание против императора)⁹. Однако потом сразу же идут статьи 45, 46, 47, 48 и 49. В новой редакции им присвоены теперь номера глав: 4, 5, 7, 8 и 6. Последующие главы текста (9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20 и 21) взяты из самых разных мест текста (это статьи официальной Эклоги 27, 30, 32, 24, 31, 33, 36, 29, 19, 20, 21, 22, 38 и 39)¹⁰.

На наш взгляд, такой порядок статей в XVII титуле Эклоги соответствовал их актуальности и прямому практическому назначению в контексте реформ Владимира Святославича. Иначе говоря, он связан с двумя важнейшими моментами: а) крещением населения страны и б) резким обострением преступности (так называемого «разбоя»). Именно поэтому вслед за первыми статьями, направленными на мощную поддержку новой религии и борьбу с выступлениями против нее и государственной власти вообще, в использованном варианте данного титула Эклоги сразу же следуют ст. 4 и 5 (ст. 45, 46) о карах за предумышленное убийство, за удар мечом, повлекший смерть или ранение потерпевшего. В 6-й главе (ст. 49) разбирается факт смерти раба от плетей или палочных наказаний (что, кстати, не карается), а также от отравления ядом, истязаний или пыток огнем, т.е. в тех случаях, когда смерть раба наказывается той же карой, что и убийство. В главе 7 (ст. 47) предусмотрена кара за драку, в итоге которой была смерть от удара дубиной или тяжелыми камнями или от удара но-

гой, за что отсекалась рука. В особой главе 8 (ст. 48) речь идет о смерти от удара рукой в драке.

Эта серия статей удивительно созвучна по духу своему, по своей, так сказать, «идеологии» легендарному тексту «Повести временных лет» («И умножишася зело разбоеве. И реша епископы Володимеру: се умножишася разбоеве, почто не казниши их?»).

Вслед за статьями о различного рода убийствах в принятом древнерусскими юристами варианте титула «О казнях» идет не менее актуальная (в связи с принятием христианства) серия статей, направленная на укрепление семьи и новой христианской морали в отношениях мужчины и женщины. Это глава 10 (ст. 30, о карах за изнасилование девушки), глава 11 (ст. 32, о бесчестии чужой невесты), глава 12 (ст. 24, о похищении девушки или монахини), глава 14 (ст. 33, о кровосмешении и нарушениях отношений свойства в рамках большой патриархальной семьи), глава 15 (ст. 36, о жене, забеременевшей от другого), глава 16 (ст. 29, о связи с девушкой с ее согласия), глава 17 (ст. 19 и 20, о женатом и неженатом развратнике), главы 18 и 19 (ст. 21, 22, о связи женатого со своей или чужой рабой). Несохранившиеся главы 20 и 21 соответствовали ст. 38 и 39 о мужеложстве и скотоложстве. Под номером 22 идет ст. 51 о клеветниках, а под номером 23 – статьи официальной Эклоги 42, 43 и 44, об отравлении жены мужем или наоборот, о карах за колдовство, знахарство и амулеты. Глава 24 посвящена соблазнению монахини (ст. 23), глава 25 (ст. 34) наказывает за связь мужчины с женщинами, являющимися матерью и дочерью, а глава 26 (ст. 35) наказывает за двоеженство. Наконец, глава 27 соответствует ст. 50 официального текста Эклоги и посвящена она собственно разбойникам.

Таким образом, в позднейшей редакции Эклоги вслед за серией разбойных дел идет целая серия статей (ст. 10–26), в которой сконцентрированы меры пресечения правонарушений в области христианской морали, наиболее актуальных для общества, только что принявшего новую религию.

Вместе с тем и в остальных статьях XVII титула, поставленных во вторую половину титула, есть также немало сюжетов, касающихся отношений мужчины и женщины (по официальной версии греческого текста это ст. 4, 6, 14, 15, 25, 28, 37 и 52). Остальные же 13 статей можно отнести к области чисто светского права.

Итак, из приведенных выше наблюдений может быть сделан довольно уверенный вывод о том, что за глухим летописным легендарным сказанием о мерах против «умножения разбоев» скрывалась бывшая в реальности крупная правовая реформа, представлявшая собой не только введение системы жестоких наказаний за предумышленные убийства и разбойные нападения,

но и практику внедрения византийского правового обеспечения норм христианской морали, охраны церкви и служителей культа. Реальным средством осуществления этой политики должен был стать прежде всего комплекс статей, сосредоточенных в XVII титуле Эклоги¹¹.

Однако практика стремительного перехода к принципам византийских наказаний потерпела крах. В рассказе летописи о событиях, связанных с отменой вир и введением «казни», в сжатом виде несомненно отражается довольно протяженный период действия византийских норм права. И через какое-то время (пять или десять лет – об этом можно только догадываться) те же видные деятели государства забили тревогу в связи со стремительным истощением казны («И реша епископы и старцы: “Рать многа, оже вира-то на оружьи и на коних буде”. И рече Володимер: “Тако буди!” И живеше Володимер по устроенью отню и дедню»¹²). Следовательно, с прекращением поступлений в казну «вир», а возможно, и «продаж» образовался острый «бюджетный дефицит». В итоге стало очевидным, что отмена системы судебных штрафов невозможна, и вследствие этого Древнерусское государство вновь вернулось к традиционным порядкам.

Открытие столь интересного факта неудавшейся правовой реформы Владимира Святославича создает новый исторический контекст, позволяющий по-новому объяснить и причины появления Правды Ярослава, и причины существования в составе ее, наряду с правовыми новациями, элементов глубокой архаики в лице знаменитой первой статьи, утверждающей законность и неизбежность кровной мести.

Дело в том, что византийские законы XVII титула Эклоги карали за убийство человека казнью мечом, т.е. смертной казнью (ст. 45, 46). Следовательно, с вводом Эклоги в действие институт кровной мести на Руси, так сказать, «автоматически» прекратил свое существование, как и сама практика вирных платежей и продаж за действия, влекущие смерть или чреватые смертью пострадавшего. После какого-то, вероятно, довольно протяженного по времени периода применения в Руси санкций Эклоги вынужденный отказ Владимира от византийских норм физических наказаний (отсечения носа, руки, языка, избияния плетью,стрижения, изгнания и смертной казни) тем самым вернул юридическую практику судопроизводства к старым нормам. Причем, каков был по форме этот отказ, мы не знаем. Можно лишь предположить, что отказ этот создал на какой-то период ситуацию неопределенности, дававшей почву для своеволия в текущей практике наказаний. В целях преодоления этой

своего рода нестабильности, возможно, и была создана Правда Ярослава¹³.

Первая статья Правды Ярослава возвращает общество к прежней традиции, и именно поэтому создатель ее вынужденно декларирует общее положение о кровной мести. Но поскольку основной целью реставрации была не сама кровная месть, а возвращение к практике взимания вир и продаж, то древнерусские юристы прежде всего резко ограничили круг родственников-мстителей.

Таким образом, перед нами факт тесной, хотя и, так сказать, обратной взаимосвязи бытования норм права Эклоги и первой статьи Древнейшей Правды. Больше того, факт замещения византийских правовых норм нормами древнерусскими можно увидеть и в довольно большом сходстве отобранных древнерусскими юристами типов наказуемых Правдой преступлений. Иначе говоря, сама тематика установлений Эклоги была в существенной мере использована, и отвергнутый византийский свод послужил основой для разработки местными киевскими юристами уже своих законов с применением традиционных наказаний (Закона Русского). Схож даже порядок следования сюжетов преступлений.

Таким образом, при всей неясности деталей процесса возврата к старой практике борьбы с грабежами и убийствами вполне очевидно, что именно Древнейшая Правда была здесь наиболее кардинальным шагом, причем ведущим не только к прошлому, но и к будущему.

Впрочем, довольно загадочной вехой на этом пути, вероятно, был еще и Церковный устав Владимира.

Представляется немаловажным и многозначительным, что Древнейшая Правда, состоящая из 16 статей, совсем не касалась внедрения христианских норм половой нравственности. А ведь древнерусский перевод Эклоги уделял этим вопросам большое внимание. Думается, что разрешить это своего рода противоречие помогает именно Церковный устав Владимира. Его текст в наиболее архаичном варианте Оленинской редакции очень сложен и, возможно, является итоговым текстом, суммирующим несколько разновременных постановлений. Упоминание же в тексте имени княгини Анны позволяет полагать, что первые льготы церкви были даны в конце X – начале XI в. (до смерти Анны в 1011 г.).

При этом вполне возможно, что византийские санкции в отношении нарушения норм новой христианской морали и половой нравственности Владимиром не были отменены. В этой связи становится понятным, почему в Церковном уставе Владимира лишь перечислены виды преступлений и нет самих конкретных видов наказаний. Однако в то же время наказания были в Эклоге¹⁴: 1. «Роспусы» – титул II, ст. 14, 15; 2. «Смильное» – титул

XVII, ст. 19, 20; 3. «Заставание» – титул XVII, ст. 19, 20; 4. «Умыканье» – титул XVII, ст. 24 (но это не обрядовое похищение); 5. «Пошибание» – титул XVII, ст. 24, 30; 6. «Промежи мужем и женою о животе» – титул XVII, ст. 9, 11; 7. «О племени или о сватовстве поимуться» – титул XVII, ст. 33; 8. «Ведовство» – титул XVII, ст. 43; 9. «Урекание» – титул XVII, ст. 51 (клевета могла быть ложным обвинением в виде оскорбления); 10. «Узлы» – титул XVII, ст. 44; 11. «Зелье» – титул XVII, ст. 42, 43; 12. «Еретичество» – титул XVII, ст. 52; 13. «Иже истяжуются о заднице» – титул XVI, ст. 1, 2, 4, 5 и др.

Итак, лишь в трех случаях в Эклоге нет соответствия в фиксации преступлений, на которые распространяется юрисдикция церковных судов Руси («зубоядение», «иже отца и мать бьют», «или сын и дочи бьется»).

В связи с этим стоит подчеркнуть, что в подавляющем большинстве случаев преступления, названным в Церковном уставе Владимира, соответствуют строго определенные одна–две статьи Эклоги. Иначе говоря, практическая ситуация была, с точки зрения выбора церковным судом санкции, максимально упрощена. И это является еще одним аргументом, убеждающим в том, что Устав Владимира составлял как бы целостный комплекс с действующими нормами Эклоги, хотя уже передавал часть судопроизводства церкви.

Следующим важнейшим и известным нам шагом в процессе рецепции византийского права в Древней Руси было создание Церковного устава Ярослава Мудрого в середине XI в. На этот раз система наказаний была сконструирована очень осторожно, в духе раннехристианских судебныхников типа «Закона Судного людем»¹⁵. Суть этих судебныхников в том, что они назначают за одно и то же преступление альтернативные наказания. В частности, в «Законе Судном людем» дается возможность выбора либо церковного покаяния с соблюдением строгого поста (епитимия), либо византийской нормы наказания (усекновение руки, носа, битье плетью, изгнание и штраф). В Уставе Ярослава предложено сразу несколько принципов наказания за те или иные прегрешения или преступления,

Во-первых, Устав на основе традиционных норм права, оставляя в компетенции церкви определенные типы судебных дел, устанавливает размеры денежных штрафов, идущих в пользу церкви. Однако помимо денежной системы наказаний в нем присутствуют и альтернативные наказания епитимией, в одних случаях сформулированные четко (ст. 14, 15, 18, 19 и др.), а в других – менее определенно (ст. 32, 33, 34, 35, 36). В отличие от «Закона Судного людем» в Уставе Ярослава нет сколь-нибудь конкретных описаний характера той или иной епитимии.

Объясняется это тем, что, создавая «Закон Судный людям», Кирилл-Константин, не имея славянского перевода Кормчей, должен был давать конкретное изложение процедуры той или иной епитимии. Устав Ярослава в отличие от «Закона Судного людям» создавался в то время, когда на Руси уже был свой, древнерусский перевод Номоканона XIV титулов без толкований. Для создателей Устава представлялось достаточным в начале текста и в конце его торжественно заявить, что все наказания должны соответствовать Номоканону и «правилам святых отец». Да и конкретное изложение процедур церковного наказания по Кормчей книге дело крайне сложное. Выбор его, таким образом, целиком возлагался на духовного иерарха («а епископу — в вине», «а во епитимии и в казни по закону» и т.д.). Таким образом, чрезмерный лаконизм Устава Ярослава в нормах альтернативных наказаний вполне объясним.

Помимо Номоканона XIV титулов, одним из юридических источников тех или иных альтернативных наказаний, возможно, была уже упомянутая здесь Эклога. Дело в том, что в Уставе альтернативные церковные наказания предусмотрены не повсюду, а в основном в статьях о нравственных преступлениях и поступках, и выступают они как средство вовлечения в лоно христианской религии. Мягкость этих норм сильно контрастирует с непомерно высокими нормами денежных штрафов (в большинстве списков Устава, дошедших до нас почти всегда в искаженном виде). В ряде других случаев наряду с денежным штрафом стоит санкция: «а князь казнит» (ст. 2, 3, 4, 7, 8, 13, 14, 25, 26). Эта, третья, разновидность наказания чаще всего стоит там, где речь идет о наиболее тяжких с точки зрения христианской морали преступлениях, хотя в расположении этой санкции по статьям в большинстве списков памятника много позднейших искажений. Вполне возможно, что в лице этой системы наказаний мы вновь имеем дело с попыткой применить юридические нормы византийской Эклоги. Ведь за похищение светской девушки и ее обещание Эклога карает отрезанием носа и изгнанием сообщников (§ 24, XVII), отрезанием носа карается и изнасилование (§ 30, 31, XVII) и т.п. Возможно, что санкции Эклоги имеются в виду в ст. 8 Устава Ярослава о блудящем муже (§ 19 XVII титула предусматривает наказание с 12 «смен» ударов), в ст. 16 Устава Ярослава о двоеженце, где повторное преступление влечет санкцию: «казнию казнить его» (в § 35 XVII титула за это следует наказание плетью и изгнанием второй жены) и т.д.

Использование Эклоги при применении Устава Ярослава столь же логично, сколь логично и применение епитимийных наказаний по Номоканону XIV титулов без толкований. Заметим,

однако, что использование санкции Эклоги в Уставе Ярослава проведено эпизодически и весьма гибко и осторожно – лишь как один из возможных вариантов наказания.

Во втором десятилетии XII в. появляется новый «свод» законов – «Русская Правда Пространной редакции». Не исключено, что в выборе ряда юридических проблем древнерусские юристы-кодификаторы, работавшие над ней, ориентировались на Эклогу как на своего рода образец собрания важнейших установлений. Так, статьи Пространной Правды об ограничении ростовщических процентов, серия статей о долговых работниках («закупах»), о купеческих кораблекрушениях, о средневековом ломбарде («о поклаже») и т.п. могут быть соотнесены с тематикой IX, X, XI, XIII, XV титулов Эклоги. Серия статей Пространной Правды о правах наследования вдов и сирот находит параллели в статьях II, III, IV, V, VI, VII титулов Эклоги. Автор этих строк попытался доказать, что серия статей о наследственных правах вдов и сирот появилась в древнерусском «своде» как итог внимательного изучения и творческой переработки материала византийской Эклоги¹⁶. Эта серия статей Пространной Правды может быть названа «Уставом о наследстве». Статьи этого устава отражают главный итог социального развития общества в X–XI вв. – превращение малой семьи в социальную ячейку общества, хотя о полном ее выделении из рамок более крупной ячейки говорить еще слишком рано. Стимулирование развития малой семьи опиралось прежде всего на сужение круга наследников вдовой и детьми, резким усилением роли матери-вдовы. Этим акцентом на роль вдовы статьи Пространной Правды отличаются от санкций Эклоги, но отличаются только уменьшением внимания к вдовцу и его правам. В ряде случаев древнерусская переработка норм Эклоги не подлежит сомнению.

Необходимо отметить, что восприятие греко-римских норм права после Владимира Святого совершалось более гибко и осторожно.

В целом же традиционные нормы наказаний в древнерусском праве уступали место новым санкциям чрезвычайно медленно. Лишь с началом эпохи единого Русского государства (примерно с XV в.) процесс рецепции византийского права стал заметно более активным.

¹ См. об этом: *Шапов Я.Н.* Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.

² Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961.

³ См., напр.: *Saturnik Th.* Píspevky k írehi byzantského práva u slovanu. Praha, 1922; *Васильевский В.Г.* Законодательство иконоборцев // Труды В.Г. Васильевского. Т. IV. Л., 1930; *Андреев Мих.* Римского право и сла-

- вянская Еклога (за някои отклонения на славянската Еклога от римско-го право) // Годишник на Софийския университет. Юридически факултет. Т. 1 (50). 1959; *Ганев В.* Закон Соудный людемъ: Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959 и др.
- ⁴ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. Лекция XIV // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 227.
- ⁵ *Павлов Л.С.* Книги законные. Спб., 1885. С. 16. Такого же мнения придерживался и М. Бенеманский (см. *Бенеманский Мих.* Закон Градской. М., 1917. С. 88).
- ⁶ *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1.
- ⁷ *Он же.* О происхождении Пространной Русской Правды // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1989. № 1. С. 9–10.
- ⁸ Эклога: Византийский законодательный свод VIII в. / Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1963 (далее – Эклога). См. также: *Ecloga: Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V* / Hrsg. L. Burgmann. Frankfurt am Main, 1983 (далее – Ecloga).
- ⁹ Еще на первом этапе исследования нами было установлено, что архетип всех сохранившихся ныне текстов древнерусского перевода Эклоги имел в титуле XVII дефект, заключающийся в отсутствии (утрате) текста первых двух статей и начала третьей статьи. См.: *Милов Л.В.* О древнерусском переводе... С. 143–144.
- ¹⁰ Эклога. С. 69–72; Ecloga. S. 230–236. На эти изменения в общей форме указывал еще В.Г. Васильевский, который судил о тексте лишь по Печатной Кормчей 1650 г. В.Г. Васильевский обратил внимание только на то, что этим изменениям нет аналогов ни в одном известном ему греческом списке Эклоги. См.: *Васильевский В.Г.* Указ. соч. С. 185–186. Опираясь на это наблюдение, автор этих строк расценил порядок статей XVII титула Эклоги как итог редактуры в самом Киеве, в то время как новейшая публикация текстов Эклоги Л. Бургманом показывает, что такая структура свойственна уцелевшим греческим спискам Ecloga privata. Следовательно, возможно, что именно из-за этой особенности порядка статей XVII титула Ecloga privata и была взята для киевского перевода.
- ¹¹ Впервые в качестве предположения этот вывод был сделан в 1986 г. См.: *Милов Л.В.* Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси (о книге Б.А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки») // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1986. № 6. С. 36–37.
- ¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 126–127.
- ¹³ Подробнее об этом см.: *Милов Л.В.* Легенда или действительность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Jus antiquum. Древнее право.* М., 1996. № 1.
- ¹⁴ Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 139–140; Эклога. С. 44–73; см. также: Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. / Изд. подгот. Я.Н. Шапов. М., 1976.
- ¹⁵ См.: *Милов Л.В.* Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // Русско-български връзки през вековете. София, 1986.
- ¹⁶ *Милов Л.В.* О происхождении Пространной Русской Правды. С. 18–24.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПРОСТРАННОЙ РУССКОЙ ПРАВДЫ

250 лет назад, в 1738 г., историк В.Н. Татищев нашел первый список Русской правды

Пространная Русская Правда (ПРП) имеет сравнительно большую источниковедческую литературу, где основное внимание обращено на прочтение и толкование статей этого законодательного свода. Хотя вопросам о месте и времени появления ПРП уделялось сравнительно меньше внимания, тем не менее они вызвали немало разноречий во мнениях ученых.

Разнообразие точек зрения на время появления ПРП было свойственно еще дореволюционной историографии. Так, И.Ф. Эверс датировал ПРП XIII в., а П. Мрочек-Дроздовский считал, что текст ПРП (по Синодальному списку) относится ко времени «от конца XI до половины XII в.»¹ Если Н.А. Рожков полагал, что древнейшая редакция ПРП (по Троицкому списку) может быть отнесена к первой половине XII в., то В.О. Ключевский утверждал, что законченный состав ПРП относится ко второй половине XII или началу XIII в. К началу XII в. относил ПРП В.И. Сергеевич².

Среди советских исследователей также нет единства взглядов на время появления ПРП. Так, Б.Д. Греков, С.В. Юшков и А.А. Зимин относят ПРП к началу XII в.³, а М.Н. Тихомиров и Л.В. Черепнин считают, что в целом ПРП возникла лишь в начале XIII в., и связывают это событие с антиростовщическими волнениями 1209 г. в Новгороде⁴.

Неоднозначны и мнения о составе ПРП. Еще И.Н. Болтин выделял из ПРП ее вторую часть – Устав Владимира Мономаха. Э.С. Тобин считал, что ПРП состоит из древнейшей части с добавленными к ней более поздними установлениями и, в частности, Уставом Мономаха. Некоторые поздние статьи Э. Тобин относит к XIII в.⁵ Близостью к этой позиции отличается труд Н. Ланге, который первую часть ПРП относил к законодательству Изяслава с братьями, а вторую – к дополнениям Владимира Мономаха. П. Мрочек-Дроздовский считал первую часть сводом, появившимся не позднее конца XI в.⁶

В советской историографии часть исследователей подвергла состав ПРП наиболее пристальному анализу, хотя и в этот период взгляды ученых не были едиными. М.Н. Тихомиров, впервые в исторической литературе привлечший огромный материал по происхождению списков Русской Правды и тщательно изучив-

ший сопутствующие ей тексты, полагал, что ПРП сложный памятник, вобравший в себя к началу XIII в. и Краткую Правду, и Устав Владимира Мономаха, и ряд иных источников⁷. С.В. Юшков считает ПРП не единым памятником, а двумя различными сводами правовых норм, объединенных писцами в одно произведение. Первый из них имеет в основе Краткую Правду конца XI в., пополненную в конце XI – начале XII в. новыми нормами. Всю вторую часть ПРП С.В. Юшков считает Уставом Владимира Мономаха, датируемым им 1113 г.⁸ А.А. Зимин полагает, что ПРП в целом появилась около 1116 г., а в основу ее первой части был положен самостоятельный памятник, не дошедший до нас, – Правда Ярославичей, которая, по мнению ученого, отлична от Устава Ярославичей. Позднее, при Святополке Изяславиче, появились ст. 47–52⁹.

Таким образом, едва ли не единственный метод датирования ПРП и ее частей, применяемый всеми исследователями, может быть определен как историко-социологический метод. В основе его лежит трактовка целых совокупностей статей ПРП как своего рода социально-правовых отзвуков на социальные и классовые движения или волнения, зафиксированные в летописных известиях. Важным компонентом этого метода является поиск в летописи следов реформаторской деятельности отдельных князей в тех областях внутренней политики, которые находят какие-либо аналоги в тематике статей ПРП.

В литературе полнее всего эта методика отразилась в работе Л.В. Черепнина. Развивая идеи Э.С. Тоби́на и П. Мрочек-Дроздовского, Л.В. Черепнин выделяет первую часть ПРП в качестве так называемого Кодекса 1097 г., дополненного ст. 47–52 при Святополке Изяславиче. Как в первую, так и во вторую часть ПРП вошли статьи так называемого Домениального устава Святослава Ярославича (ст. 8, 32, 33, 34, 35, 37, 39, 67, 72, 75, 78, 79, 81, 82)¹⁰. Вторая часть ПРП создавалась путем постепенного приращения материала. В основе ее лежит Устав Владимира Мономаха (ст. 53–66)¹¹. В 1136–1146 гг. были созданы ст. 67–73, 75–85, составлявшие Устав Всеволода Ольговича Черниговского. Примерно в это же время ПРП пополнилась статьями Устава по наследству (ст. 90–95, 98–106)¹². В 70-х годах XII в. появилась ст. 74 «О накладах» (Л.В. Черепнин полагает, что она создана во Владимиро-Суздальской земле). Наконец, ст. 110–111, составляющие Устав о холопстве, были созданы, по мнению ученого, при владимирском князе Всеволоде Юрьевиче в 70-х годах XII в.¹³ Ряд дополнительных статей был присовокуплен к ПРП уже в 1209 г., когда состав статей ПРП получил свое завершение¹⁴.

Однако историко-социологические подходы к определению времени появления ПРП отличаются неизбежным субъективизмом, который явно прослеживается в разноречивых оценках места и времени происхождения ПРП.

В основе такого подхода лежит, на наш взгляд, недостаточность внимания к проблемам текстологии. Так, например, большинство исследователей отмечают чрезвычайно сильную, буквально уникальную архаичность Троицкого I списка (Т I) ПРП из юридического сборника второй половины XIV в., известного под названием Мерила Праведного. Однако, пожалуй, никто не объяснил, чем обусловлена эта необычайная архаичность и близость к архетипу ПРП и почему древнейший Синодальный список ПРП конца XIII в. отстоит сравнительно дальше от этого архетипа.

В числе препятствий, мешающих правильному объяснению архаичности Т I, можно назвать традиционную методику оценки и классификации списков ПРП. На ее основе можно лишь в грубом виде выделить ряд изводов (видов) и более точно определить крупномасштабные группы списков.

Между тем для Синодально-Троицкой группы списков ПРП, включающей в себя около 70 списков, наиболее важно уяснить соотношение изводов друг к другу. Но сделать это можно, только построив генеалогическое древо списков группы на основе учета всей суммы наиболее значимых различий. Подобную работу можно сделать лишь с помощью ЭВМ.

Однако на основе новейшей методики создание такой стеммы с применением ЭВМ по «методу групп», разработанному французскими текстологами для религиозно-канонических текстов, и его модификация для текстов ПРП оказывается невозможным. Причина тому в сложном механизме напластований в списках ПРП различий, когда один и тот же список мог унаследовать варианты различий не только со своего непосредственного протографа, но и целого ряда иных протографов ПРП. Таким образом, в списках ПРП слишком много так называемых сводных текстов, в то время как современная машинная обработка различий рассчитана на однозначный вариант постепенного накопления изменений текста по принципу: «от каждого предыдущего к каждому последующему».

И тем не менее воссоздание общей структуры стеммы для текстов ПРП, хотя и косвенным путем, все-таки возможно. Для получения ее целесообразно использовать тексты произведений, составляющих, по выражению Д.С. Лихачева, своеобразный «конвой» для ПРП. Текстом «конвоя» является такое произведение, которое непременно помещалось в тех же сборниках, что и ПРП. Благодаря общим принципам редактирования или пе-

реписывания таких сборников типы разночтений общи как ПРП, так и текстам из «конвоя». Для ПРП эту особенность разночтений выявил в свое время М.Н. Тихомиров¹⁵. Таким образом, благодаря своего рода эффекту внутреннего единства систем соотношения списков разных текстов друг к другу мы можем восстановить в общих чертах стемму ПРП, пользуясь таким текстом из «конвоя», разночтения которого удовлетворяли бы требованиям их обработки на ЭВМ.

Такая работа была проделана с текстами древнейшего памятника славянского права – Закона Судного людем (ЗСЛ)¹⁶. Полученная на ЭВМ стемма ЗСЛ полностью совпала с классификацией списков ПРП Синодально-Троицкой группы, сделанной в академическом издании Русской Правды¹⁷, не только в своих основных компонентах, но даже в деталях¹⁸. Следовательно, были созданы веские основания считать генеалогические соотношения списков ЗСЛ характерными в основных чертах и для ПРП¹⁹.

Исключив из нашей стеммы всего три списка, не содержащие текстов ПРП (Устюжский, Варсонофьевский и Иоасафовский), получим стемму непосредственно для списков Синодально-Троицкой группы ПРП. В нее не вошли лишь два сравнительно поздних и не столь существенных для истории текстов ПРП вида или извода (Рогожский и Мясниковский).

Из анализа стеммы следует важнейшая оценка сравнительной близости к протографу ПРП древнейших списков ПРП (Троицкого I (Т I) и Синодального). Она заключается в том, что Троицкий список в стемме гораздо ближе к протографу ПРП, чем Синодальный, несмотря на то, что последний датируется очень ранним временем (1280 г.). Эти выводы нельзя сделать традиционным путем.

В этой связи особого внимания заслуживает не только собственно Т I ПРП, но и сама рукопись Троицкого Мерила Праведного, датируемая нами концом третьей – началом четвертой четверти XIV в.²⁰

Наиболее обстоятельно в литературе этот юридический сборник был изучен академиком М.Н. Тихомировым. Он доказывал, что сборник был создан в итоге переработки какого-то древнего сборника, содержащего, в частности, текст Поучения митрополита Никифора, современника Владимира Мономаха, обращенного к этому великому князю²¹. Авторство Никифора определено, на наш взгляд, вполне убедительно. М.Н. Тихомиров обнаружил в конце Поучения своеобразное «оглавление» к древнему сборнику («заповеданая от святых духовных труб прехвальных апостол и всея вселенныя шести сбор и поместных святых собравшихся, святых отец наших, подавая в них повеления и

благочестивых наших цесарь и правоверных князей»). Ученый считал, что, судя по «оглавлению», в древнем сборнике были извлечения из апостольских правил, памятники, «подобные градскому закону, церковные Уставы русских князей»²². В состав этого сборника входили и назидательные тексты, составлявшие его первую часть (до статьи «О исправлении суда») ²³.

Между тем более пристальный анализ текстов Мерила Праведного приводит к выводу, что текст Поучения Никифора на самом деле является лишь Предисловием, или Введением, к древнему сборнику, изначально создававшемуся как древнейший вариант Мерила Праведного. Создан он был при Владимире Мономахе и посвящен ему («сей еще труд есть пред мною к тебе, великому князю и ко всем сыном твоим русским князем») ²⁴. Копии этого древнейшего сборника Мерило Праведное посылались с посвящением другим князьям – современникам Владимира Мономаха. В одном из позднейших вариантов Мерила Праведного сохранилось посвящение Ярославу Святославичу – муромскому князю (ум. 1129), бывшему некоторое время (1123–1127) и черниговским князем ²⁵.

В древнейшем сборнике действительно находились памятники, «подобные градскому закону», т.е. светские, «гражданские» законы византийских императоров ²⁶. Таким законодательным сводом является византийская «Эклога» – свод середины VIII в. В древнейшем составе сборника Мерила Праведного был и сохранился дошедший до нас полный не славянский, а древнерусский перевод этого свода законов ²⁷.

Состав древнейшего сборника Мерило Праведное был подвергнут кардинальному дополнению в конце XIII – начале XIV в., ибо дошедшие до нас сборники Мерило Праведное имеют уже тексты, перешедшие в них из Кормчей 1280 г. (Новгородской), и тексты из Сербской Кормчей, созданной в начале XIII в. попечением архиепископа Саввы ²⁸. Несмотря на это, в дошедших до нас сборниках сохранились довольно обширные составные части древнейшего сборника Мерило Праведное первой четверти XII в.

В частности, в сборнике сохранились тексты свода законов, которые М.Н. Тихомиров назвал «подобными градскому закону». «Подобные» потому, что сам полный текст Прохирона, или Градского закона, попал в Мерило Праведное лишь в конце XIII – начале XIV в. из Сербской Кормчей (на самой последней стадии работы над обновленным Мерилом Праведным). Об этом ученый несомненно знал.

В конце «Оглавления» древнейшего сборника начала XII в. прямо указывалось на цесарей и правоверных князей, которым «по человеколюбию» поручена власть, а они «градские законы

уставиша». Термин «градские» в контексте означает «гражданские», т.е. светские, законы («им же по своему человеколюбию область поручи – градские законы уставиша»)²⁹. Текст «Оглавления» дает основание полагать, что из византийских «градских» законов были прежде всего «Новеллы Юстиниана», ибо текст 137-й новеллы начинается с фразы, буквально совпадающей с вышеприведенной («В гражданьстем законе, его же область нам богъ по своему человеколюбию поручи...»)³⁰. Однако в сборнике Мерило Праведное, переработанном и дополненном в конце XIII – начале XIV в., «Новеллы Юстиниана» (Собрание 87–93 гл.) даны уже в комбинации древнерусского и сербского перевода³¹. Зато, как уже говорилось, в неприкосновенности сохранился другой «гражданьстей закон» – полный древнерусский перевод Эклоги, т.е. византийский свод законов середины VIII в. Поскольку Эклога действительно относится к «повелениям благочестивых наших цесарь», постольку содержание «Оглавления» подтверждается фактами. Отсюда следует еще один важный вывод: мы можем теперь считать, что к «повелениям... правоверных князей» относятся не только церковные уставы русских князей, как полагал М.Н. Тихомиров, но и русский «гражданьстей закон» – Правда Русская.

В подкрепление этого вывода нам придется привести еще ряд текстологических наблюдений.

Троицкая рукопись Мерила Праведного третьей четверти XIV в. имеет множество интереснейших и уникальных палеографических особенностей³². Однако сейчас нас интересует лишь одна – чистые места, т.е. пробелы, оставленные, в частности, в тексте XVII «зачала» (титула) древнерусского перевода византийской Эклоги³³. Первый из них, размером в две полные страницы (л. 188 об.–189), чуть позже времени создания рукописи был заполнен посторонним текстом³⁴, а два других так и остались незаполненными (л. 191 об., 194). На л. 194 даны лишь заголовок и начало главы 40 и не хватает примерно трех строк текста (т.е. оставлен пробел)³⁵. Иными словами, дефект является чисто механическим. Но произошел он, и это особенно важно, не потому, что в протографе был сделан обычный пропуск при переписке. В оригинале, видимо, был просто угасший текст, и писец Троицкого списка Мерила Праведного оставил место, чтобы восстановить его по другим каким-либо спискам.

Эта особенность для нас чрезвычайно существенна. Можно предположить, что редакторам нового сборника Мерило Праведное, создававшегося в конце XIII – начале XIV в., было просто необходимо реконструировать или восстановить по другим спискам угасшие места древнего сборника начала XII в. Ведь на л. 191 об.

оставлено место для целых двух глав (по нумерации Троицкого списка это 20-я и 21-я главы).

Заметим, что уже в других, более поздних по времени списках Мерила Праведного (С II, С III, К-Б)³⁶, а также Чудовской Кормчей 1499 г.³⁷ и Печатной Кормчей середины XVII в.³⁸ пробелы для угасших текстов уже не оставлены, хотя сами эти тексты остались не восстановленными. Иначе говоря, с течением времени надежда на восстановление текстов была потеряна, и с пропусками смирились. Больше того, в Чудовском списке перевода Эклоги 1499 г., как и в более поздней Печатной Кормчей 1650 г., пропущенные главы уже не учитывались в общей нумерации глав титулов («зачал»), как это было еще в Троицком списке Мерила Праведного и более поздних списках (С II, С III, К-Б).

Пробел на л. 188об.–189 Троицкого списка Мерила Праведного имел более сложную судьбу. Он здесь больше, чем пропуск угасших текстов в других списках Мерила Праведного (С II, С III, К-Б), а также Кормчей 1499 г. и Печатной Кормчей, где еще есть (или уже восстановлен) полный текст четвертой главы («О боях волных») и текст третьей главы. Правда, третья глава начинается в них с полуфразы («съ иными кленется на нь или крестьянское житие творя...»)³⁹. Здесь нет ее начала («Поднимающего восстание против императора или злоумышленника или...»)⁴⁰. Таким образом, по С II, С III, К-Б и ПК пробел касался текста только первых двух глав XVII титула (если они в древнерусской редакции шли именно в начале этого титула – «зачала») и начала третьей главы.

Но этим пробел в протографе не исчерпывался. В наличествующих текстах обнаруживается, что размер его первоначально был больше, но часть пробела была восстановлена по другим текстам. Речь идет о том, что обнаруженный нами пробел начинается сразу же после текста XVIII титула Эклоги, поставленного в древнерусском переводе впереди XVII титула («зачала»).

Однако анализ древнерусского перевода XVIII титула византийской Эклоги («О разделении корысти») показывает, что в его тексте есть более поздняя вставка, призванная восполнить часть указанного нами пробела⁴¹.

Дело в том, что стилистически и содержательно статья Эклоги «О разделении корысти» делится на две разные части. Первая (примерно до слов: «та же богу даюшу...») представляет собой точный древнерусский перевод XVIII титула византийской Эклоги, а вторая (примерно со слов «победу шестую часть...») взята из третьей главы Закона судного людем («О полоне»)⁴², где, между прочим, есть и текст, соответствующий первой части XVIII титула. Сравнение обоих вариантов переводов первой части с очевидностью выявляет, что это абсолютно разные переводы одного и то-

го же греческого текста. Юристы-редакторы обновленного Мерила Праведного конца XIII – начала XIV в., стремясь реконструировать угасший текст древнего оригинала Мерила Праведного XII в., привлекли для этого текст второй части статьи «О полоне» ЗСЛ.

Факт привлечения текста ЗСЛ для восстановления одного из угасших текстов древнего протографа вполне объясним, так как при создании обновленного сборника Мерило Праведное проводилась большая работа по формированию тематических подборок юридических норм из разных законодательных памятников. Такой кодификации подверглось, например, законодательство о свидетелях и свидетельстве, о правах епископов и т.д.⁴³ Работали над этим эрудированные юристы, хорошо знающие законодательные памятники. Думается, что именно такой юрист, зная (и притом дословно) юридические нормы византийского и югославянского происхождения, четко представлял себе суть ЗСЛ как компиляции с частичной переработкой ряда титулов и параграфов византийской Эклоги. Не имея под руками греческого текста Эклоги, он привлек для восстановления части ее текста (XVIII титула «О разделении корысти») соответствующую статью из ЗСЛ.

Вставленный в начало нашего пробела текст из ЗСЛ вовсе не имеет характер точного (а весь древнерусский перевод – это точный перевод с греческого) перевода. Больше того, здесь (как и в ЗСЛ в целом) есть ряд оригинальных дополнений греческого закона. Они в литературе хорошо изучены, и нет смысла останавливаться на этом. Отметим лишь главное. По тексту византийской Эклоги шестая часть военной добычи идет в казну. Древнерусский переводчик перевел греческое *δημόσια* (казна) как «людское», т.е. дал буквальный перевод. В других местах Эклоги термин «казна» также переводится как «людское», или «часть людская», т.е. общее, общественное, народное⁴⁴. Сделано это было, видимо, потому, что в языке переводчика еще не было древнерусского эквивалента термину «казна». В ЗСЛ, откуда был взят текст для реконструкции XVIII титула, вместо «казны» шестая часть добычи отчисляется «князю» (как главе государства). Кроме того, в ЗСЛ текст 3-й главы «О полоне» завершается фразой: «Тако бо и глаголено, и писано от пророка Давыда». Такой формулы в греческих списках Эклоги нет⁴⁵. Зато в указанной вставке в древнерусский перевод она имеется, так как была механически списана с текстом из ЗСЛ. Таким образом, разница с греческим текстом столь кардинальна, что мысль о том, что реконструированный, восстановленный фрагмент XVIII титула является не вставкой, а первичным текстом, принадлежащим древнерусскому переводчику византийской Эклоги, представляется абсолютно не обоснованной⁴⁶.

Итак, наблюдения над пробелами Троицкой рукописи Мерила Праведного приводят нас к заключению, что древнейший сборник Мерило Праведное был дефектным, в нем плохо сохранились тексты, а местами и вовсе угасли. Если это было свойственно не только тексту Эклоги, а сборнику в целом, то пробелы или плохо читаемые фрагменты могли быть и в других разделах сборника. Эта мысль подтверждается, в частности, состоянием текста 9-й главы Пандекта Антиоха⁴⁷. Древнерусский перевод этого произведения был предпринят еще в XI в., и поэтому логично предположить, что текст этой главы в обновленное Мерило Праведное конца XIII – начала XIV в. попал из древнейшего сборника первой четверти XII в. Предположение это подтверждается тем, что в Троицком Мериле Праведном (как и в его копиях) помещен тот же самый известный нам перевод Пандекта Антиоха по Воскресенскому списку XI в.⁴⁸

Сравнение обоих текстов показывает, что текст в Мериле Праведном третьей четверти XIV в. и в более поздних списках (С II, С III) сохранился с большими потерями. Прежде всего нет начала главы 9 «О мздоимании» (со слов «Мьздоимецъ, ти лихоимецъ, ти сребролюбьць...» и до слов «Тожде же и апостоль: блаженнее есть даяти, неже възимати»)⁴⁹. Это составляет примерно 760 букв сплошного текста или страницу рукописи в 4°, написанную некрупным уставом. Текст имеет много мелких нарушений⁵⁰. Наконец, в тексте Мерила XIV в. есть обширный пропуск в речи Давыда со слов «нечъстивы безаконины...» до слов «за безвѣстие плътьнааго жития» (примерно 230 букв). Отсутствует и конец текста (со слов «безумие в сию мощь», это примерно 92 буквы).

Поскольку в тексте Пандекта Антиоха XIV в. есть и превышения по сравнению с Воскресенским списком XI в. (например, «не приде мьзда в руце мои» или «бес правды от праведного» вместо «от праведника»), то вполне очевидно, что в древний сборник Мерило Праведное текст попал не с Воскресенского списка XI в., а в конечном счете с его протографа. В то же время оба списка различаются массой мелких разночтений, а список Мерила XIV в. содержит и осмысления ряда мест, видимо, плохо читавшихся в его протографе⁵¹.

Все эти наблюдения о разночтениях, свойственных, с одной стороны, Воскресенскому списку Пандекта Антиоха XI в., а с другой – Троицкому списку Мерила Праведного XIV в., а также спискам С II, С III, позволяют, на наш взгляд, говорить о том, что протограф, с которого списан текст Пандекта Антиоха, был с дефектами и, в частности, с фрагментами угасшего текста, поскольку отсутствующие фрагменты расположены так, что не позволяют говорить о специальном сокращении для Мерила Праведного текста гл. 9 Пандекта Антиоха.

Необходимо отметить, что в сборнике Мерило Праведное XIV в. и его поздних списках (С II, С III, К-Б) помещено еще одно произведение, которое, как и Пандект Антиоха, входило в первую назидательно-поучительную часть древнего Мерила Праведного начала XII в. – «Слово Василия Великого о судиях и клеветах»⁵². Весьма важно, что это произведение дано в Мерило Праведном в том же переводе, и в том же объеме, как и в Юридическом сборнике Мусина-Пушкина (или Пушкинского сборника, МП), а также других сборниках этого типа⁵³. Это обстоятельство, отмечавшееся еще В.Н. Калачаевым и М.Н. Тихомировым, прямым образом свидетельствует о том, что юридические сборники Пушкинского типа, с постоянно меняющимся составом, видимо, вообще ведут свое происхождение от сборников Мерило Праведное первой четверти XII в. Это лишь чисто практическо-юридическая его модификация, а текст Слова Василия Великого в юридических сборниках типа МП есть лишь остаток бывшей когда-то в них вводной назидательной части. По всей вероятности, эта модификация освободилась от престижных византийских памятников, ввиду необходимости включения в них текстов, более необходимых в практике.

Сопоставление Слова Василия Великого по трем спискам Мерила Праведного и Пушкинскому сборнику выявляет, что в целом текст МП наиболее поздний: в нем много явно позднейших искажений и осмыслений. Вместе с тем ряд мест здесь сохранился лучше, чем в сборниках Мерило Праведное. Это также свидетельствует о дефектности и плохой сохранности того экземпляра древнейшего сборника Мерила, который был взят за основу для кардинального обновления его состава в конце XIII в.⁵⁴

Теперь закономерно предположить, что ко времени создания обновленного Мерила Праведного в конце XIII – начале XIV в. в древнем и, как мы выяснили, довольно дефектном сборнике Мерило Праведное начала XII в. мог быть дефектным и текст ПРП (если он действительно там был). В таком случае для восстановления плохо читаемых или угасших мест в тексте ПРП должен был быть привлечен какой-то иной список ПРП. Предполагаемая ситуация весьма вероятна, ибо, как доказал М.Н. Тихомиров, в конце XIII в. была начата огромная работа по восстановлению традиций древнерусской письменности, сломленных нашествием Орды⁵⁵. Создание нового сборника Мерило Праведное, кардинально обновленного и расширенного, было, видимо, частью этой работы, поскольку он был подготовлен после Владимирского собора 1274 г. и появления Синодальной Кормчей книги 1280 г.

Вполне очевидно, что для проверки, т.е. считывания, текста ПРП не могли быть использованы какие-либо списки дошедшей до нас Синодально-Троицкой группы, поскольку в конце XIII в.

такой группы списков просто еще не существовало. Вероятнее всего, могли иметь хождение лишь списки разного рода практически-юридических модификаций Мерила Праведного, далекие «предки» Пушкинского сборника XIV в.

Если это так, то угасшие фрагменты и дефектные чтения ПРП из древнего сборника Мерило Праведное начала XII в. восстанавливались по сборнику Пушкинского типа. В этом случае ряд ошибочных чтений, изначально свойственных спискам ПРП Пушкинского типа, мог перейти в списки Мерила Праведного.

Для выявления реальности именно такого хода событий необходимо в разночтениях списков ПРП выделить наиболее древний их слой.

М.Н. Тихомиров считал, в частности, что Синодальный список близок Пушкинскому списку и спискам всей Пушкинской группы⁵⁶. Ученый недооценил при этом близость к Пушкинскому списку не Синодального, а Троицкого I списка, т.е. из Троицкого Мерила Праведного третьей четверти XIV в. Хотя он допускал, что первоначальный текст ПРП лучше сохранился в Троицком I списке, а не в Синодальном, тем не менее значение последнего (видимо, как самого древнего из уцелевших) он постоянно подчеркивал⁵⁷.

На самом деле в сравнительно немногих случаях, когда чтения Синодального списка сближают его с Пушкинским, практически речь должна идти лишь о наиболее поздних искажениях, свойственных только изводу Мерила Праведного (т.е. спискам Т I, С II, С III и К-Б).

Уверенность в этом дает нам, во-первых, охарактеризованная выше стемма списков Синодально-Троицкой группы, во-вторых, наблюдения над разночтениями. Ведь во всех наблюдавшихся М.Н. Тихомировым случаях к Пушкинскому списку близок не только один Синодальный список, но и все остальные списки Синодально-Троицкой группы. А это означает, что к Пушкинскому списку был близок не столько ближайший протограф Синодального, сколько наиболее отдаленный от него. Исключение составляет лишь извод Мерил Праведных обновленного типа.

Приведем ряд разночтений Троицкого I списка и извода, с одной стороны, и Синодального извода, Новгородско-Софийского извода (Н-С), Рогожского извода (РЛ), Мясниковского извода (М), Чудовского (Р), Ферапонтовского (ФМ) изводов, а также Пушкинского извода (МП)⁵⁸, с другой. Это ст. 20 («а от виры помечного» вместо «помочнаго» во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и Пушкинском изводе); ст. 47 («не даль ему кун за много летъ» – во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и Пушкинском изводе слова «кун» нет); ст. 53 («созва дружину» – «созвав дружину»); ст. 54 («чии то товар» – «чыи куны»);

ст. 69 («то по верви искати татя» – «искати в себе татя»); ст. 74 («на мехъ» – «за мехъ»); ст. 83 («зажгутъ гумно» – «зажжеть гумно»); ст. 102 («то творити всяко» – «то творити еи всяко»); ст. 108 («который детский» – «то который детский»); ст. 114 («а платитъ в то никто же» – «а не платить»). В ст. 66 в Троицком I списке после заголовка «О послушстве» идет начало текста «А послушства на холопа...» (вместо «На послушство холопа» во всех других списках). Данное разночтение могло появиться в процессе переписки. Писец, не заметив недорисованного в оригинале инициала «Н», сразу сделал свой инициал «А», но, вовремя увидев оплошность, исправил ее, поставив «на холопа», вместо «холопа», и сохранил тем самым смысл текста. Однако при этом явно позднее происхождение этого разночтения извода Мерил Праведных вполне очевидно. В ст. 98 в Троицком изводе есть тоже позднее искажение («но свобода им смертию» вместо «с материю», как в остальных списках), хотя в некоторых списках Пушкинского извода (СМ V) вновь появляется «смертию», как и в Карамзинской группе (Т IV, К, ВА, ТБ V), что, скорее всего, плод некомпетентной правки. В ст. 106 в Троицком изводе стоит «перваго ли, другаго ли» вместо «перваго ли мужа, другаго ли» в Пушкинском изводе и Карамзинской группе. В Синодальном списке фрагмента «перваго ли мужа, другаго ли» нет совсем, однако в Н-С, РЛ, М, РМ, ФМ стоит именно это выражение. Следовательно, в общем протографе Синодально-Троицкой группы слово «мужа» было, а ошибка Троицкого извода также является поздней ошибкой обновленных Мерил Праведных. Таким образом, в тех случаях, когда обнаруживается близость Синодального и Пушкинского списков, на самом деле мы имеем дело с близостью Пушкинского и всей Синодально-Троицкой группы, кроме извода Мерил Праведных.

Больше того, в Синодальном списке наблюдаются разночтения чисто индивидуального характера, причем не отражающих чтение его основного протографа. Примеров тому достаточно много⁵⁹. Следовательно, Синодальный список 1280 г. имеет неповторимые чтения. Иначе говоря, он не использовался для «тиражирования» текста Русской Правды, а функционировал лишь как сокровище (книжный «клад»).

Наоборот, разночтения Троицкого извода и Пушкинской группы свидетельствуют о неоднократных правках одного списка РРП по другому.

Прежде всего, это самый поздний по времени слой общих чтений, с одной стороны, Троицкого извода, а с другой – Пушкинского списка, что свидетельствует о возможной правке одного из протографов Троицкого извода по протографу Пушкинского списка (или наоборот). Например, в ст. 9 в Троицком изводе нет заголов-

ка, а есть лишь текст, причем текст древний, явно играющий одновременно и роль заголовка («А се покони вирнии были при Ярославе»). Точно так же начинается ст. 9 и в Пушкинском списке. А в Археографическом изводе, входящем в Пушкинскую группу, есть специальный заголовок «А се покони вирнии», который есть и во всех остальных списках Синодально-Троицкой группы. В ст. 63 в Троицком изводе и в Пушкинском списке нет заголовка «О холопе». В то же время он есть во всех остальных изводах Синодально-Троицкой группы и в Археографическом изводе.

Другой, более ранний, слой общих чтений обнаруживается и у Троицкого извода, с одной стороны, и всей Пушкинской группы в целом (т.е. правка протографа Пушкинской группы по протографу Троицкого извода или наоборот). Так, в ст. 31 в изводе Мерил Праведных (Троицком) и Пушкинской группе стоит «попхнеть мужь мужа» вместо «пхнеть мужь мужа» во всех остальных списках Синодально-Троицкой группы. В той же статье в изводе Мерил Праведных и Пушкинской группе стоит «не имати тому» вместо «то тому не имати» во всех списках Синодально-Троицкой группы. В ст. 64 в Троицком изводе и Пушкинской группе стоит «аже закуп выведеть что» вместо «аже закуп уведеть что», как в списках Синодально-Троицкой группы. В ст. 23 в Троицком изводе, как и в Пушкинской группе, отсутствует заголовок «Оже кто ударить мечемь», а в остальных изводах Синодально-Троицкой группы он есть.

Хотя заголовки, обычно писанные киноварью, были наиболее подвижным элементом юридического текста и вследствие этого менее надежны как аргументы, но в ряде случаев (например, в вышеприведенном) они весьма показательны.

Во всех указанных примерах правился, видимо, текст Мерила Праведного, так как практические пособия для судей (а тексты типа Пушкинского находились именно в них) были, очевидно, более надежны.

Выяснив это, можно поставить задачу вскрыть самые архаичные слои взаимосвязей ПРП Троицкого извода и Пушкинской группы. Для чего необходимо поднять более древний пласт различий, пласт того времени, когда не было не только сохранившегося до нас Троицкого извода, но и всех изводов Синодально-Троицкой группы. Естественно, что при этом нельзя использовать и тексты Пушкинской группы.

В таких условиях список, близкий к архетипу ПРП, мог иметь синхронные списки только из практических юридических руководств, причем очень отдаленных протографов Пушкинской группы. Следы такого сборника можно искать в другой крупной группе списков, наиболее отдаленной не только от Синодально-Троицкой

группы, но даже от Пушкинской группы. На наш взгляд, для этой цели наиболее подходящим является древнейший и лучший список Карамзинской группы – Троицкий IV список (Т IV) начала XV в.

Все исследователи обычно отмечают сводный характер Троицкого IV списка⁶⁰. Наиболее внимательно он был изучен М.Н. Тихомировым, который пришел к выводу, что источником для Т IV были по крайней мере три текста⁶¹. Причем основным протографом ученый считал протограф Археографического и Пушкинского изводов, т.е. протограф Пушкинской группы, к которому был сделан ряд корректировок по другим спискам (Троицкого извода, Синодального извода, списка Мясниковского извода). Важно отметить и оценку М.Н. Тихомировым большой полноты и исправности Т IV⁶², хотя, в свою очередь, отметим, что в этом списке есть и следы поздних попыток комментировать, пояснить лаконичные обороты древнего памятника. Все это тем не менее не исключает того, что в Т IV сохранились и архаичные, близкие к архетипу чтения. Пользуясь ими, можно было бы выявить ошибочные чтения протографа Пушкинской группы, а также протографа Синодально-Троицкой группы. При реальности такой ситуации это означало бы, что при восстановлении дефектных мест древнего сборника Мерило Праведное начала XII в. по отдаленному протографу Пушкинской группы от последнего, в свою очередь, действительно могли бы перейти ошибки, присущие ему.

Поиск более древних, чем в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах, чтений не столь уж безнадежен.

Начнем с того, что в группе статей «Оже кто ударить мечем» в ст. 26 вместо «не терпя ли противу тому оутнеть мечемъ» (Т IV) в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах всюду написано «не терпя ли противу тому оударить мечемъ», что, на наш взгляд, неверно. Ведь в статьях этой группы четко различаются две ситуации: когда мечом действуют, как палкой, т.е. ударяют, не вынув меча из ножен, или бьют рукояткой и т.д., и второй случай – когда бьют обнаженным мечом. В этом случае в тексте употреблен термин «тнуть», «утнуть» (т.е. ткнуть, уткнуть). Именно эту ситуацию охватывает текст «оже ли вынезь мечь, а не оутнеть». Поэтому, когда пострадавший от удара батоном или рогом и т.п. (ст. 25), не стерпев, отвечает ударом меча (причем обнаженного меча), то протограф несомненно употреблял термин «тнуть», как это дано в Т IV. Следовательно, этот список сохранил древнее чтение.

В ст. 7 «Оже станеть безъ вины на разбои» во фрагменте «но выдадять *и* всего с женою и с детми на поток и на разграбление» должно читаться не «и всего» (его всего), а «и самого» (его самого), что более соответствует логике и стилю древнего текста. Троицкий IV список, будучи сводным, объединяет в данном случае

чтение протографа Пушкинской и Синодально-Троицкой групп с чтением какого-то наиболее древнего текста ПРП. Именно поэтому указанное место Т IV дает так – «но выдать и самого всего с женою и с детьми». Здесь перед нами механическое объединение двух вариантов (одного из списков Синодально-Троицкой и Пушкинской групп, а другого – из наиболее древнего протографа, датируемого не позже 70-х годов XIII в.). К древнейшему варианту и принадлежит выражение «его самого» («и самого»). Можно сказать, что древнейшим чтением в Т IV является и дополнение в конце ст. 2 («А судным кунам ростов нету»), чего нет ни в Синодально-Троицкой, ни в Пушкинской группе⁶³. Также предположительно можно считать, что в Т IV наиболее древним является и название второй части Пространной Правды: «А се уставил Володимер князь Всеволодичь по Святопольце, созвав дружину свою на Берестовем». Чтение Троицкого извода носит скорее летописный характер («Володимер... созва дружину свою... и уставили до третьяго реза...»). Пушкинская же группа дает по сравнению с Т IV лишь редакторское оформление, привнеся только лишний заголовок «Устав Владимира князя. А се уставил ...». Скорее всего, этот заголовок, как и многие из статейных заголовков, появился в силу усиления справочной функции самого заголовка (для быстрой ориентации в сборниках на практике). Не исключено, что вообще число заголовков со временем возросло.

Наконец, еще одно наиболее древнее чтение Т IV. Речь идет о расположении заголовка «А се уроци скоту», относящегося к перечню штрафов за пропажу различного рода мелкого и крупного скота. В списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп этот заголовок вторгся в перечень скота между указанием штрафа за пропажу (кражу, фиксированную без поличного) княжьего коня и пропажу рабочей лошади (кобылы). В академическом издании Русской Правды эта ошибка большинства текстов замечена. При публикации сводных текстов начало ст. 4) отнесено (и вполне логично) к фразе «Паки ли лица не будет, и будет был князь конь»⁶⁴.

Дело в том, что в группе статей, посвященных краже скота, сначала изложены нормы размеров «продажи» за сам факт кражи с учетом того, что краденое возвращено (ст. 37, 38). Затем идет статья о краже снопов из скирда на гумне и зерна жита из зерновых ям. Здесь также прежде всего фиксируется размер «продажи» как наказания за кражу (3 гривны 30 кун). Далее, после оговорки, что если найдут наличное зерно, то пострадавший берет его обратно, идет уже фиксация возмещения ущерба за погибшее (исчезнувшее) зерно по возрасту зернового запаса («а за лето возметь по полугривне»). И только потом

идут статьи об «уроках» – в данном случае штрафах, возмещавших ущерб в пользу потерпевших за пропавший в итоге кражи скот. Эта серия статей и начинается со слов «Паки ли лица не будет»⁶⁵.

Таким образом, почти все тексты Синодально-Троицкой и Пушкинской групп имеют вполне очевидную общую ошибку.

Иная ситуация с Троицким IV списком и с Мясниковским списком конца XIV в. В Мясниковском списке заголовок «Уроци скоту» начинает ст. 42 («Оуроци скоту. Иже крадутъ скот на поле...»)⁶⁶. В Т IV он точно так же поставлен перед ст. 42. Поскольку Троицкий IV список имеет сводный характер, то в нем оказались объединенными чтения Синодально-Троицкой и Пушкинской групп, с одной стороны, и протографа Т IV, с другой. Возможно, что Мясниковский список также правлен по одному из протографов Т IV. В итоге в Т IV ст. 42 имеет заголовок «О татьбе же, оуроци скоту». О том, что заголовок «А се оуроци скоту» в Троицком I и других списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп должен был стоять по крайней мере точно так же, как в Т IV, т.е. в начале ст. 42, свидетельствует и поздняя поправка в Троицком Мериле Праведном (Т I): над киноварным «О татьбе же» сверху приписано «Иже кто скота взищеть»⁶⁷, что отдаленно напоминает о том, что именно здесь должен быть заголовок «А се оуроци скоту».

На наш взгляд, в Т IV заголовок тоже стоит не на месте, ибо, как уже говорилось, его место в ст. 43 перед «Паки ли лица не будеть...». Но если считать заголовок ст. 42 «О татьбе же» своего рода промежуточным ориентиром, то присутствие в Т IV двойного заголовка представляется более точным.

Во всяком случае, неопровержимо одно: в Синодально-Троицкой и Пушкинской группах заголовок «А се оуроци скоту» является следствием ошибки и *отсутствие его* в данном месте в Т IV подтверждает это. Вопрос лишь в том, откуда и куда перешла эта ошибка: из протографа Синодально-Троицкой группы в протограф Пушкинской группы или наоборот.

Предпринятый нами выше экскурс в палеографические особенности Троицкой рукописи Мерила Праведного третьей четверти XIV в. дает, на наш взгляд, достаточно веские основания считать следующее. В очень ранний период (возможно, еще до создания обновленного Мерила Праведного) текст древнего списка ПРП, как и всего сборника Мерило Праведное первой четверти XII в., был восстановлен (а не сверен!) в своих угасших фрагментах по тексту одного из протографов дошедших до нас юридических сборников Пушкинского типа, как единственных носителей действующего текста ПРП. Эта работа не была свер-

кой или правкой, а лишь восстановлением угасшего, пропавшего текста. Однако в ходе ее указанная ошибка в расположении заголовка «А се оурази скоту» из протографа Пушкинской группы перешла в текст протографа ПРП, предшествовавшего обновленному Мерилу Праведному, где на этом месте был угасший текст примерно в 300 букв (от заголовка «О татьбе же» и до заголовка «А се оурази скоту»). Отсюда она попала позже в Синодальную Кормчую, в Мерило Праведное обновленного типа и списки его извода, а также в Кормчие Новгородско-Софийского, Чудовского и Ферапонтовского изводов.

Таким образом, приведенные наблюдения несомненно доказывают, на наш взгляд, что в Мериле Праведном XII в. был текст ПРП. Видимо, этот сборник впервые дал официальный текст нового «свода» законов. Честолюбивый Владимир Мономах с помощью своих юристов создал юридический сборник, где ПРП была в одном ряду с памятниками мирового (по тогдашним понятиям) уровня. Одним из них несомненно была византийская Эклога в древнерусском переводе, который был сделан, вероятнее всего, при Владимире Святославиче в конце X в.⁶⁸

Больше того, есть весьма веские основания полагать, что при разработке тематики статей второй части ПРП («Устава Володимера Всеволодовича») юристы киевского князя отталкивались от текстов византийской Эклоги. В частности, речь идет о параграфах второго и отчасти десятого титулов Эклоги, посвященных вопросам имущественных прав супругов, их детей и других наследников. О близости содержания этих статей Эклоги статьям ПРП «О заднице» (ст. 90–95, 98–106) писали еще дореволюционные историки русского права (прежде всего это В. Никольский, В.И. Сергеевич, а также К.А. Неволин, В.О. Ключевский)⁶⁹. В данной работе нас интересует одно обстоятельство. Почему из всего комплекса материалов об имущественных правах супругов, их детей и иных наследников параллели с Эклогой имеют лишь статьи ПРП «О вдовах и сиротах»? Анализ содержания соответствующих статей ПРП показывает, что эта тема была действительно ведущей, главной темой статей о «заднице». О положении вдовца-мужа ПРП говорит очень редко, да и то в чрезвычайно сжатой форме. Постараемся показать это на фактах.

Так, § 7 титула II Эклоги гласит: «Если жена, имеющая детей, умрет раньше своего мужа, то есть их отца, то муж становится владельцем и всего ее приданого и всего ее имущества, не входящего в состав приданого»⁷⁰. Поскольку в параграфе речь идет прежде всего о правах мужа-вдовца, юристы ПРП не затронули этот вопрос. Зато окончание § 7 нашло отклик в ПРП, ибо в нем

речь шла о втором браке отца и правах детей от первого брака на материнское имущество:

Эклога. Тит. II, § 7	Пространная Правда
...Если же ему случится вступить во второй брак, когда дети его еще малолетние, то у него сохраняется материнское имущество без какого-либо уменьшения; если же дети достигли уже законного возраста, то, если они пожелают, отец должен им беспрекословно возвратить это их имущество ⁷¹ .	ст. 94. ... Будут ли дети, то что первое жены, то то возмуть дети матери своей ⁷² .

§ 6 титула II Эклоги, наоборот, начинается с текста, охраняющего права вдовы матери после смерти мужа и это находит отклик в ПРП:

Эклога. Тит. II, § 6	Пространная Правда
Если при наличии детей муж умрет раньше своей жены, то жена, то есть мать его детей, является владелицей всего своего приданого и всего мужнего имущества. И она несет все заботы по управлению... Если же она имеет (что-либо) сверх приданого, то она обязана доказать... И не имеют права ее дети противостоять ей и требовать от нее отцовское имущество... ей надлежит давать им приданое, какое пожелает. Если же случилось бы ей вступить во второй брак, то ее дети имеют право оставить ее и взять на себя все распоряжение отцовским имуществом... Приданое и... дар передается ей ⁷³ .	ст. 93. Аже жена сядет по мужи, то на ню часть дати. А что на ню мужъ възложить, тому же есть госпожа. ст. 103. А матерня часть не надобе детем, но кому мати дастъ, тому же взяти. Дастъ ли всем – а вси розделять. ст. 102. Не хотети ли начнуть дети еи ни на дворе, а она начнетъ всяко хотети и седети, то творити всяко волю(ее. – Л.М.), а детем не дати воли... ст. 101. Аже жена ворчеться седи по мужи, а ростеряет добыток и поидеть замужъ, то платити ей все детем ⁷⁴ .

Отличия в положении женщины в том и другом обществе вполне очевидны. В Византии середины VIII в. жена-мать занимала весьма почетное место, а вдовы-матери обладали всей полнотой имущественных прав владения. Иное дело в Древней Руси, где вдо-

ва, имея детей, без завещания получала лишь определенную долю (причем не оговорено, возвращается ли к ней приданое и предбрачный дар мужа – «то на ию часть дати»). Впрочем, видимо, в более ранний период, у вдовы-матери в недрах патриархальной семьи не было и этих прав. По Пространной Правде полнота прав вдовы на владение всем имуществом целиком зависела от воли умирающего мужа («что на ню мужь возложить, тому же есть госпожа»). Иначе говоря, муж по завещанию мог, на наш взгляд, сделать свою жену полновластной единоличной владелицей всего наследства. Вдовья же часть наследства охраняется от посягательства детей. Ее права тем более охраняются при получении во владение и имущества мужа. Все эти нововведения имеют большое принципиальное значение, укрепляя статус малой семьи⁷⁵. Как видно из сопоставлений, эти законоположения Эклоги и Пространной Правды совпадают. В том и другом памятнике вдова имеет право делить свое имущество среди детей. При вторичном выходе замуж и в Эклоге, и в Пространной Правде имущество переходит к детям. Причем в ПРП находят отражение и нюансы Эклоги:

Эклога. Тит. II, § 11	Пространная Правда
<p>Мужу, вступающему во второй брак, не разрешается ничего брать от своей первой жены. Если же имеются малолетние дети, то отец должен охранять их имущество до того времени, как они станут совершеннолетними. Если же дети уже достигли совершеннолетия, то отец обязан уже с этого времени передать им полностью имущество матери⁷⁶.</p>	<p>ст. 94. Будут ли дети, то что первое же ны, то то возмуть дети матери своея; любо си на (вторую. – Л.М.) жену возложил обаче матери своей возмуть⁷⁷.</p>

Следовательно, и по Эклоге, и по ПРП муж не имеет права передавать второй жене имущество своей покойной супруги. Заметим, что в ПРП эта норма сформулирована гораздо четче, чем в Эклоге, но сформулирована так, что внешне речь идет только о женах, отец присутствует лишь между строк, т.е. по существу дела. Обратим внимание и на то, что древнерусские юристы поместили в ПРП особую статью, не имеющую параллели в Эклоге, о судьбе имущества матери-вдовы, умершей без завещания (ст. 103 «...Без языка ли оумреть, то оу кого будет на дворе была и кто ю кормил, то тому взяти»)⁷⁸.

Особенно ярко четкая направленность в разработке имущественных прав вдов и сирот видна в следующей текстовой параллели Эклоги и ПРП:

Эклога. Тит. II, § 11	Пространная Правда
<p>...И если у отца будут дети и от второго брака и случится ему умереть, то и дети от первого брака и от второго брака имеют право унаследовать имущество своего отца, как равно и матери⁷⁹.</p>	<p>Ст. 104. Аже будут двою мужю дети а одиное матери, то онем своего отца задниця, а онем своего.</p> <p>Ст. 105. Будет ли потерял своего иночима что, а оных отца, а умрет, то возвратит брату. На не же и людье вылезуть, что будет отец его истерял иночимля. А что ему своего отца, то держить⁸⁰.</p>

Как следует из сопоставления, ситуация Эклоги, где разобранны имущественные права детей одного отца и двух матерей на отцовское наследство, в ПРП превращается в другую ситуацию – прав детей одной матери и двух отцов по поводу материнского имущества, ибо такая постановка вопроса, по мысли законодателей, больше отвечала целям нового закона об имущественных правах вдов и материнских сирот.

Акцент на круг материнских прав по сохранению и приращению имущества ее детей, унаследованного от отца, четко просматривается на ст. 99 ПРП. Здесь параллель с Эклогой ограничивается лишь общими, весьма кратко сформулированными установками:

Эклога. Тит. II, § 12	Пространная Правда
<p>...Жена, вступающая во второй брак, если она имеет от первого брака детей, должна найти до вступления во второй брак опекуна для своих детей...</p> <p>...Если же этого не будет, то она несет и своим имуществом и имуществом своего второго мужа ответственность за возврат причитающегося детям отцовского имущества⁸¹.</p>	<p>ст 99. Аже будуть в дому дети мали, а не д(ю)жися будуть сами собою печаловати, а мати им поидеть за мужь, то кто им ближи будеть, тому же дати на руце и с добыткомь, и с домом, донеле же возмогут. А товар дати перед людьми; А что срезить, товаром тем ли пригостить, то то ему себе. А истый товар воротить им. А прикуп ему себе, зане кормил и печаловался ими.</p> <p>Яже от челяди плод или от скота, то то все поимати лицемь. Что ли будеть ростерял, то то все ему платити детям тем.</p> <p>...Аче же и отчим прииме дети с задницею, то тако же есть ряд.</p> <p>Ст. 100. А двор без дела отень всяк меньшему сынову⁸².</p>

На первом плане в ПРП тонко и глубоко разработанные юристами правовые аспекты опеки матери-вдовы над отцовским наследством детей, хотя, судя по Эклоге, в центре этой статьи должен был быть текст только о поиске опекуна для детей перед вторым замужеством и текст об ответственности за отцовское наследство, если дети первого мужа переходят в новую семью. Этим ПРП существенно отлична от Эклоги. И это отличие вновь продиктовано главной темой «Устава о наследстве» – темой вдов-матерей и сирот. Примечательно, что лишь лаконичным тезисом освещены права и обязанности отчима по отношению к имуществу пасынков и падчериц. Напомним, что в Эклоге, правда, очень скупое, но все же освещена ситуация, когда муж обладает имуществом умершей жены, т.е. материнским наследством своих детей. В этом случае он обязан к его «безущербному и полноценному сохранению и сбережению, естественно, вместе с тем приростом, который произойдет», и передаче его совершеннолетним детям (тит. II, § 4)⁸³. Вполне логично, что этот аспект в ПРП отражение не нашел.

Наконец, отметим, что даже в тех случаях, когда в Эклоге юридические санкции сформулированы в равной мере к правам и обязанностям и матери и отца, т.е. речь идет о родительских правах и обязанностях, то в ПРП это вновь трансформируется весьма однозначно, т.е. на первый план ставятся интересы матери-вдовы. В частности, можно привести в пример статьи памятников, где оговаривается возможность произвольного выбора наследников-детей:

Эклога. Тит. V, § 5	Пространная Правда
Если завещание выполнено полностью и если родители опускают при составлении завещания своих законных детей или одного из них, то пусть судьи расследуют дело. И если они установят, что дети часто оскорбляли своих родителей или наносили им удары другого характера, да останется распоряжение родителей нерушимым... ⁸⁴	ст. 106. А матери которой сын добр; первого ли, другого ли (мужа. – Л.М.) – тому же дать свое. Аче и вси сынове ей будут лиси ⁸⁵ , а дчери может дати, кто ю кормить ⁸⁶ .

Выявление в составе статей ПРП о «заднице», в особенностях организации самого их текста четкого стремления юристов Древней Руси осветить круг имущественных прав и обязанностей вдов

и сирот позволяет более определенно толковать и лаконичные формулировки ряда статей о «заднице», носящих более общий характер. В первую очередь здесь речь должна идти о ст. 92 ПРП («Аже кто умирая разделить дом свои детем, на том же стояти. Паки ли без ряду умереть, то всем детем, а на самого часть дати души»)⁸⁷. В связи с вышеизложенным вполне очевидно, что обе ситуации передачи «задницы» (без завещания и при его наличии) имеют в виду отсутствие в семье жены. Последовательное отстаивание законодателем имущественных прав вдов и сирот позволяет обратить внимание на акцент статьи («на том же стоять»). Эта деталь подтверждает явную новизну правопорядка, стремление ограничить переход имущества отца-вдовца только в пользу детей, а не родственников в рамках большой семьи⁸⁸. Переход «задницы» к детям в равной мере законен и без составления завещания, что особенно важно (в этой части ст. 92 имеет точную параллель в Эклоге: «Если кто-либо умирает без завещания и у него остаются дети или внуки, то все они наследуют»)⁸⁹. В то же время в отличие от византийских правопорядков в ПРП наследуют имущество лишь сыновья («аже будеть сестра в дому, то тои заднице не имати, но отдадять ю замужь братия, како си могутъ»)⁹⁰. Дочери получают, как правило, лишь приданое («како си могутъ»).

В общем контексте имущественных прав членов малой семьи, прежде всего вдов-матерей и детей, должны быть рассмотрены и ст. 90, 91 ПРП, устанавливающие статус «задницы» смердов и привилегированной знати в лице дружинников и бояр. Важно отметить сопряженность этих статей, хотя и отдаленную, с Эклогой. В них реализуются с учетом конкретных условий Древней Руси идеи конфискации выморочного имущества:

Эклога. Тит. VI, § 6	Пространная Правда
Если же у умершего нет родственников, но имеется жена, то она наследует половину всего (его) имущества. Другая же половина поступает в фиск. Если же нет жены у умершего, все его имущество как безнаследованное поступает в фиск.	ст. 90. Аже смерд умереть, то задница князю. Аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не. Аже будуть за мужем, то не даяти части им. ст. 91. Аже в боярех, любо в дружине, то за князя задница не идеть.
Эклога. Тит. II, § 10 ...Если кто либо связан законным браком с бедной женщиной и (муж) умрет, не имея детей и не	Но оже не будеть сынов, а дщери возмуть ⁹² .

Эклога. Тит. VI, § 6

оставив завещания, то жена получит четвертую часть его состояния до 10 литров. Если же состояние мужа превышает 10 литров, то она не имеет права получить что-либо еще, и оставшееся переходит либо к наследникам по закону, либо... в фиск⁹¹.

Совершенно очевидно, что в юридических нормах здесь сходства нет, т.е. нет прямого заимствования. В то же время вполне допустимо, что материал Эклоги мог быть для древнерусских юристов образчиком того, как эти вопросы решались в византийском обществе VIII в. В Пространной Правде по сравнению с Эклогой принцип передачи в фиск выморочного имущества введен в практику с очень большими различиями. В Эклоге строго различается право наследования бездетной жены с приданным и бесприданницы, а бесприданница имеет право лишь четвертой доли имущества при максимуме в 2,5 литра. При этом во всех случаях та или иная доля имущества идет в казну.

Иное положение установлено Пространной Правдой. В сопоставлении с Эклогой выявляется, на наш взгляд, полная очевидность того, что институт конфискации выморочного имущества на Руси делал лишь первые шаги, поскольку он не затрагивал основные прослойки господствующего класса (дружину и бояр)⁹³. В Эклоге принцип конфискации выморочного имущества распространялся на все слои населения. На Руси государственный аппарат, видимо, был на такой стадии развития, когда реализовать подобное было еще не под силу. Достаточно обратить внимание на резкое различие в терминологии, означающей понятие казны, фиска. В первом памятнике фигурирует *δημόσιον* (фиск), а во втором – «князь». Объяснение такому различию нужно, на наш взгляд, искать в политических особенностях системы государственного феодализма в Древней Руси. Здесь фигура князя как главы государства еще, так сказать, синкретична. Особая казна, как и казенное (государственное) хозяйство, в начале XII в., вероятно, еще не дифференцировалась от князя как частного лица, т.е. феодала⁹⁴. Поэтому неточностей за счет перевода Эклоги, использованной при создании юристами ПРП, здесь быть не может. Древнерусский переводчик византийской Эклоги перевел термины «казна», «фиск» в доступном ему аспекте, т.е. буквально как «людское». Но ре-

ального, политического понятия «людское» как казны еще не было.

Поэтому широко известная и издавна вызывающая споры ученых статья «Аже смерд умереть, то задница князю» вряд ли может быть расценена как указ о конфискации выморочного имущества, имеющий действие для всего сельского населения страны (т.е. смерд в этом случае понимается как крестьянин-общинник, иначе говоря, сельский житель). Под смердом здесь, скорее всего, следует понимать особую категорию населения, находящуюся под непосредственной юрисдикцией князя как главы государства. Об этом давно писали В. Никольский, П. Цитович и др.⁹⁵ Оригинальное толкование, развивающее позиции названных ученых, было недавно предложено Б.А. Рыбаковым, и думается, что оно ближе к истине. Б.А. Рыбаков считает, что смерды XI–XII вв. являлись низшим звеном госаппарата, звеном, где слиты воедино и государственные функции (участие в военных походах, обслуживание погостов как центров сбора ренты-налога), и функции непосредственного производителя (смерды «живут по селам», имеют хозяйство, пашут пашню, платят дань князю)⁹⁶.

Итак, выморочное имущество смерда идет «князю». Судя по Эклоге, его бездетная жена при отсутствии завещания имеет право на долю имущества мужа (не говоря о возврате приданого). Во всяком случае, так можно понять ст. 93 («Аже жена сядет по муже, то на ню часть дати»). Остальная часть «смердьею задницы», видимо, также идет в казну («князю»).

Думается, что проведенные наблюдения демонстрируют довольно своеобразную связь обоих памятников. Юридические разработки византийской Эклоги по наследственному праву были весьма творчески использованы в Уставе о наследстве ПРП. Этот Устав справедливо должен быть квалифицирован как «Устав об имущественных правах вдов и сирот», ибо их интересы прежде всего и соблюдает ПРП⁹⁷. Как уже говорилось, статьи этого Устава отражают главный итог социального развития основной массы населения – превращение малой семьи в основную социальную ячейку соседской общины. Стимулирование ее развития опиралось прежде всего на сужение круга наследников вдовой с детьми, резким усилением роли матери-вдовы и т.п. Эти тенденции были новыми для общества, им оказались созвучными правопорядки раннесредневековой Византии середины VIII столетия. Если бы ПРП закрепляла и фиксировала всего лишь древние, традиционные тенденции в развитии обществ, то в высшей мере странно было бы излагать их формулировками, весьма близкими к формулировкам Эклоги.

Вместе с тем чрезмерный лаконизм Пространной Правды может быть преодолен именно с помощью подробных и детальных установлений Эклоги. Византийский свод помогает понять и чрезвычайную дробность и «автономию» статей Пространной Правды.

Тематическая заданность «Устава об имущественных правах вдов и сирот» делает, на наш взгляд, неоспоримой версию о причастности к созданию этого Устава Владимира Мономаха.

В знаменитом «Поучении к детям» Владимир Мономах ставит себе в заслугу именно эту законодательную инициативу («убогие вдовице не дал есмы сильным обидети») ⁹⁸. Данный аспект назидания детям является одной из ведущих идей Поучения («всего же паче убогих не забывайте, но елико могуще по силе кормите и придавайте сироте и вдовицу оправдаите сами»). Этот же мотив социальной политики получает наибольшее развитие (уже с явным оттенком назойливости) и во Вводном назидательном разделе Мерила Праведного.

Этот раздел, хотя и в меньшем объеме, несомненно был и в древнейшем варианте Мерила Праведного (первой четверти XII в.), открывавшемся своего рода Похвалой Владимиру Мономаху, ибо в нем есть явные параллели одних и тех же цитирований (т.е. Поучения Владимира Мономаха и назиданий Мерила Праведного). Так, в Поучении фигурирует широко известная в средневековые цитата из пророка Исайи: «Избавите обидима, судите сироте, оправдаите вдовицу» ⁹⁹, а в Мериле Праведном помещен большой фрагмент «От пророчества Исаина», где, в частности, также говорится: «Положю судъ во оупование и милость в Мерила. Людие правду створше... просящъ у мене суда праведна. Останетеся от злобъ вашихъ, научитеся добро творити, взищите суда, избавите обидима, судите сироту, оправдаите вдовицъ, придеде да стяжимся» ¹⁰⁰. Чуть ниже во фрагменте «От второго закона» снова читаем: «...И заповедахъ судьямъ вашимъ: послушайте межю братье вашею, судите праведно межю мужем и межю братом его и межю пришьельцемъ, сироты и вдовицы. Не познаеши лица на суде, ни приимеши мзды...» ¹⁰¹. За ним снова идут строки из «Слова пророка Исайи к немилостывым князьям и злым судьям» («судите и милости и щедроты кождо искрьнему своему, вдовица и сироты, пришьельца убога не насильствуйте.... Не послушайте закона моего – грабите дома вдовицъ, насильствуете убогимъ, взопиють ко мне, – и услышу я и пошлю на вы мечъ ярости») ¹⁰². А через несколько страниц помещен целый раздел «О вдовах и сиротах: да не обидите их» («Рекии: азъ есмь отецъ сиротам и мститель вдовицъ») ¹⁰³.

Думается, что цитированные тексты были в том или ином виде и в древнейшем сборнике Мерило Праведное, т.е. в его вводной назидательной части. Их назначение прямым образом было связано с усилением политического авторитета законов Владимира Мономаха о «заднице».

Твердая уверенность в причастности Владимира Мономаха к «Уставу об имущественных правах вдов и сирот» дает возможность более пристального сопоставления тематики византийской Эклоги, с одной стороны, и ПРП (ее второй части) – с другой. Ведь Устав о вдовах и сиротах сопоставим с довольно широким материалом Эклоги. Титулы II–VII посвящены главным образом имущественным отношениям в семье (титул II – О браках и наследовании жены, мужа и детей; титул III – О приданом; титул IV – О дарениях; титул V – О не имеющих права завещания; титул VI – О наследниках без завещания; титул VII – О сиротах и опеке над ними)¹⁰⁴.

Если перейти к более широким сопоставлениям, то становится ясным, что творческая переработка в ПРП параграфов византийской Эклоги по семейному праву, сопровождающаяся в отдельных случаях почти буквальным следованием ее текстам, представляет собой лишь частный момент. В целом же речь должна идти о том, что Эклога ориентировала юристов Владимира Мономаха в выборе наиболее существенных, актуальных для начала XII в. сюжетов в законодательной области.

Упомянем, в частности, о том, что с рядом титулов византийской Эклоги (титул X – О займах, титул IX – О продаже и покупке, титул XIII – О наймах-арендах, титул XV – О мировых сделках)¹⁰⁵ могут быть соотнесены законы Владимира Мономаха об ограничении резов (ростовщических процентов), законы о закупничестве, ст. 54 «Аже который купец истопиться». Даже ст. 49 «О поклаже», т.е. о сдаче на хранение имущества, находит соответствие в небольшом титуле XI Эклоги «О вкладах»¹⁰⁶.

Упорядочение законов о ростовщических процентах, займах, долговых обязательствах и т.п. отразилось в тогдашней публицистике как защита Владимиром Мономахом «убогих» от «сильных». Этот мотив есть в Поучении¹⁰⁷, есть он и в назидательной части Мерила Праведного¹⁰⁸.

Цикл статей о «заднице», в целом характеризующий семейные правоотношения по поводу имущества среди свободного населения, имеет и статью «О робких детях», где дети свободного человека от рабыни лишаются права на «задницу» («Аже будут робьи дети от мужа, то задници им не имати, но свобода им с матерью»). Еще в дореволюционной историографии указыва-

лось, что в лице этой статьи (В. Никольский)¹⁰⁹, ст. 66 «О послушестве» (В.О. Ключевский)¹¹⁰ и других (сюда можно добавить ст. 89 «А в холопе и робе виры нетуть») ПРП сводила на нет древние традиции патриархального рабства, когда «робичич» Владимир мог стать в конечном счете великим киевским князем. В этой связи привлекает внимание, что параграфы титула VIII Эклоги («Об освобождении рабов и возврате в рабство») перекликаются со статьями ПРП 110–121, условно называемыми в литературе «Уставом о холопах». Статус холопа становится адекватным рабскому статусу. Вместе с тем юридическая разработка «Устава о холопах» глубоко самобытна и может в известной мере соперничать с юридической разработкой византийской Эклоги¹¹¹.

Столь четкое соответствие структур обоих юридических сводов и оригинальность разработки большинства статей второй части ПРП делают весьма прозрачным стремление создателей ПРП противопоставить этот новейший юридический «свод» Древнерусского государства византийской Эклоге как свод такого же уровня.

Вместе с тем соответствие структур обоих юридических сводов является, на наш взгляд, дополнительным аргументом в пользу тезиса о существовании в составе древнего Мерила Праведного (первой четверти XII в.) Пространной Русской Правды. Существенно усиливают аргументы в пользу данного тезиса и идеи защиты вдов, сирот, убогих и слабых, последовательно и даже навязчиво проводимые в назидательной части сборника Мерило Праведное.

Вместе с тем важным отличием ПРП от византийской Эклоги является полное невнимание ПРП к преступлениям в области семейной и половой морали, магии и колдовства, хотя в Эклоге этому уделено (в титуле XVII) достаточно места. Объяснение этому следует искать, видимо, в том, что эта область правонарушений на Руси еще со времени Владимира Святославича и Ярослава Мудрого была полностью в сфере церковной юрисдикции. Впрочем, еще М.Н. Тихомиров полагал, что в древнем сборнике XII в. (под которым мы разумеем Мерило Праведное) были и основные церковные уставы русских князей¹¹².

Последняя особенность, о которой необходимо напомнить, это подмеченная М.Н. Тихомировым (вслед за К.Л. Гетцем) смесь в ПРП конкретных юридических формул и моральных сентенций¹¹³. На наш взгляд, это обстоятельство лишний раз свидетельствует о том, что ПРП как свод была создана именно для такого сборника, как древнее Мерило Праведное, где мо-

ральные сентенции играют выдающуюся роль¹¹⁴. Точнее можно было бы сказать, что Мерило Праведное создано было как «форма обнародования» нового русского юридического «свода» законов.

Поместив Пространную Правду Русскую в сборник постановлений, включающий выдержки из апостольских правил, правил «вселенских» и региональных соборов христианской церкви и памятники законодательства византийских императоров, митрополит Никифор и окружение Владимира Мономаха поставили новый «свод» русских законов на уровень тогдашних мировых эталонов. Сборник этот был размножен в виде копий с персональными посвящениями тем или иным русским князьям.

Так была создана своего рода первая публикация ПРП, так был создан юридический сборник, в центре которого были древнерусский перевод византийской Эклоги и новый «свод» законов Древнерусского государства. Этот «свод» законов был отражением сравнительно быстрого процесса развития в стране феодальных правопорядков. ПРП подвела итоги целому столетию (начиная с 1015 г.) усилий древних юристов в области законодательства. Создание Пространной Русской Правды завершало период становления практических, функциональных основ юридической надстройки в процессе развития Древнерусского государства, период, характернейшей чертой которого было отмирание остатков традиционализма первобытнообщинного строя. Крепнувший господствующий класс в условиях становления феодального строя, прежде всего как общества «государственного феодализма», увеличивал долю прибавочного продукта через налогово-фискальные рычаги государственной машины. В этих условиях традиционность санкций старого суда уже, вероятно, уходила в прошлое, а черты нового проявляли себя, пожалуй, лишь в растущей произвольности приговоров. Эти черты эпохи с ярким лаконизмом и некоторой односторонностью были охарактеризованы в знаменитом Предисловии к «Начальному своду» 90-х годов XI в.: «...За наше несытство навел бог на ны поганья, а и скоты наши, и села наши, и имѣния за тѣми суть, а мы своих злых дѣл не останем... Отсѣле, братия моя возлюбленная, останемся от несытства своего, но довольны будете уроки вашими»¹¹⁵.

Однако правительство Владимира Мономаха в отличие от призывов Предисловия «Начального свода», согласно которым «древнии князи и мужи их... ни творимых вир, ни продаж въскладу (на) люди, но оже будяше правая вира, а ту возмя, дааше дружинѣ на оружье»¹¹⁶, ставило во главу угла новые задачи, в цент-

ре которых было создание так называемого «праведного суда» по наиболее сложным и актуальным правовым конфликтам. В Похвале Владимиру Мономаху создатели древнего сборника Мерило Праведное писали о нем, как о «мудром кормчем», который «заступника во истину въстави, устрашающа словеса на суде, храняща истину во веки, творяща суд и правду посреде земля»¹¹⁷. По словам создателей сборника, Владимир Мономах «добре добродетelmi въспита и украси, законоположении, аки некими стенами чудными, свое стадо крестьянское огради и камень твердости в основу вложи...»¹¹⁸. Новый «Свод» актуальных законов в лице Пространной Правды и был призван быть этими «чудными стенами», ограждающими общество от социальной эрозии и бесправия.

Вместе с тем «Свод» законов Киевской Руси не создавался изолированно от тогдашних эталонов в области кодификации феодального права. Лишь обстоятельная системность работы древнерусских юристов по созданию справочников, которая не обходила вниманием юридическое римско-византийское наследие, обеспечила древнерусскому феодальному обществу многообразное и в конечном счете весьма стремительное развитие государственно-правовой надстройки.

ПЕРЕЧЕНЬ

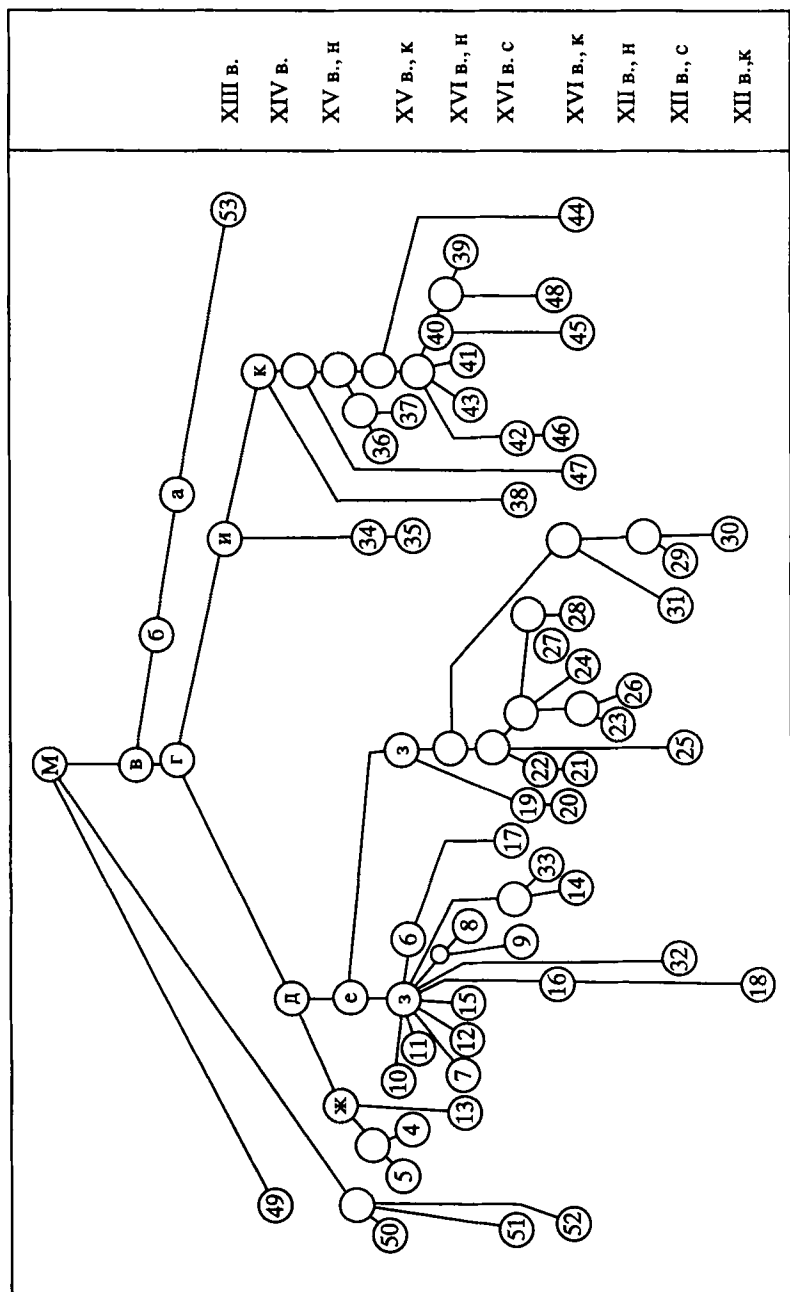
списков Пространной Русской Правды Синодально-Троицкой группы

3. Чудовский	1499 г.
4. Розенкампфовский	XV в., конец
5. Троицкий V	XVI в., конец
6. Список РНБ	XV в., конец
7. Соловецкий II	XVI в., начало
8. Троицкий II	XVI в., начало
9. Царского II список	XVI в., вторая половина
10. Крестининский	XV в., конец
11. Овчинниковский I	XV в., конец
12. Академический II	XVI в., начало
13. Антониево-Сийский	XVI в., начало
14. Ионовский	XVI в., конец
15. Троицкий III	XVI в., начало
16. Музейский I	XVI в., вторая половина
17. Возмицкий	1533 г.

18. Забелинский	XVII в., конец
19. Ферапонтовский	XVI в., середина
20. Толстовский II	XVI в., вторая половина
21. Фроловский I	XVI в., конец
22. Соловецкий IV	XVI в., вторая половина
23. Егоровский IV	XVI в., конец – XVII в., начало
24. Архивский II	XVI в., конец
25. Румянцевский II	1620 г.
26. Рогожский II	XVII в., начало
27. Кирилло-Белозерский I	XVI в., вторая половина
28. Кирилло-Белозерский II	1590 г.
29. Погодинский II	XVII в., первая половина
30. Погодинский III	XVII в., вторая половина
31. Царского III список	XVII в., первая половина
32. Хлудовский	XVII в., первая половина
33. Никифоровский	XVI в., вторая половина
34. Софийский	1470–1490 гг.
35. Румянцевский	XV в., конец
36. Вязниковский	XV в., вторая половина
37. Ярославский	XV в., конец
38. Прилуцкий	1534 г.
39. Соловецкий III	1519 г.
40. Архивский I	XV в., начало – XVI в., конец
41. Егоровский I	XVI в., начало
42. Царского I список	XVI в., середина
43. Овчинниковский II	1518 г.
44. Хворостининский	XVI в., конец
45. Толстовский III	XVI в., конец
46. Егоровский II	XVI в., вторая половина
47. Годуновский II	XVI в., вторая половина
48. Фроловско-Браиловский	XVI в., вторая половина
49. Троицкий	XIV в.
50. Синодальный II	1467–1481 гг.
51. Кирилло-Белозерский	XVI в., середина
52. Синодальный III	1587 г.
53. Новгородский	1280 г.

Элементы стеммы с арабской нумерацией – реально сохранившиеся списки.

Элементы стеммы, помеченные буквенной нумерацией – наиболее древние, ключевые для генеалогии протографы. Из них элемент «М» – основной протограф извода Мерил Праведных, элементы «Ж», «Е» – основные протографы Чудовского

Генеалогическое древо списков Пространной Русской Правды Синодально-Троицкой группы

(Розенкамповского) извода, элемент «З» – основной протограф Ферапонтовского извода, элементы «И», «К» – основные протографы Новгородско-Софийского извода.

Пустые элементы стеммы – остальные протографы, вычисленные на ЭВМ.

- ¹ *Эверс И.Ф.* Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / Пер. И. Платонова. СПб., 1835. С. 229, 358–359; *Мрочек-Дроздовский П.Н.* Исследования о Русской Правде. М., 1885. Вып. II. С. XXXVI.
- ² *Рожков Н.А.* Из русской истории. Очерки и статьи. Пб., 1923. Т. 1. С. 24–130; *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1 // Соч. М., 1956. Т. 1. С. 219, 216, 232; *Сергеевич В.И.* Русская Правда и ее списки // ЖМНП. 1899. Янв. С. 8, 12.
- ³ *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 87; *Юшков С.В.* Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 1950. С. 90; Памятники русского права. Вып. 1. Памятники права Киевского государства X–XII вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1952. С. 76.
- ⁴ *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). М.; Л., 1941. С. 219–223; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* и др. Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 276–278.
- ⁵ *Болтин И.* Правда Русская или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1792; *Tobin E.* Sammlung kritisch bearbeiteter Quellen der Geschichte der Russischen Rechtes. В. I. Pravda Russkaja und ältesten Tractate Russlands. Dorpat, 1844. S. 20.
- ⁶ *Ланге Н.* Исследование об уголовном праве Русской Правды // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1858. Кн. 1. С. 4–10, 25; *Мрочек-Дроздовский П.* Исследования о Русской Правде. Вып. II // Уч. зап. Моск. ун-та. Отд. юрид. Вып. 4. М., 1885. С. XXXVI.
- ⁷ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 62–70.
- ⁸ *Юшков С.В.* Правда Русская. М., 1950. С. 293–303.
- ⁹ *Зимин А.А.* Памятники права Киевского государства X–XII вв. М., 1952. С. 76.
- ¹⁰ *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В.* и др. Указ. соч. С. 197–203.
- ¹¹ Там же. С. 236–237.
- ¹² Там же. С. 258.
- ¹³ Там же. С. 272, 274.
- ¹⁴ Там же. С. 276–278.
- ¹⁵ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч.
- ¹⁶ *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* О некоторых аспектах автоматизации текстологического исследования (Закон Судный людем) // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях. М., 1977.
- ¹⁷ Правда Русская / Под ред. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1940. Т. 1. Тексты.
- ¹⁸ *Бородкин Л.И., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 260–279.

- ¹⁹ См. приложение к статье.
- ²⁰ *Милов Л.В.* Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Древнерусское искусство XIV–XV вв. М., 1984. С. 124.
- ²¹ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 91–93.
- ²² Там же. С. 94–95.
- ²³ Там же. С. 94.
- ²⁴ Мерило Праведное по рукописи XIV века. М., 1961. С. 10 (л. 5 об.) (далее – Мерило Праведное).
- ²⁵ *Милов Л.В.* Указ. соч. С. 124–125.
- ²⁶ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Труд В.Н. Бенешевича. СПб., 1906. Т. 1, вып. I–III. С. 795 (л. 308); ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 132. Л. 423 об.; Мерило Праведное. С. 262 (л. 130 об.). В последнем случае «градским законом» названо «Собрание 87 глав», включающее в себя Новеллы Юстиниана.
- ²⁷ *Милов Л.В.* О древнерусском переводе Византийского кодекса законов VIII века (Эклоги) // История СССР. 1976. № 1.
- ²⁸ Мерило Праведное. С. 262, 393, 399, 427, 463 и др.
- ²⁹ Там же. С. 16 (л. 8–8об.).
- ³⁰ Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Л. 308.
- ³¹ Мерило Праведное. С. 262–288.
- ³² *Милов Л.В.* Из истории древнерусской книжной письменности XIV в. (палеографические наблюдения) // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1963. № 3; *Зализняк А.А.* Противопоставление букв о и ѿ в древнерусской рукописи XIV в. «Мерило Праведное» // Сов. славяноведение. 1978. № 3, 5; *Милов Л.В.* Тверская школа книжного письма.
- ³³ Мерило Праведное.
- ³⁴ См.: *Милов Л.В.* К истории древнерусского права XIII–XIV вв. // Археологический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 55–58.
- ³⁵ Интересно, что в Чудовском списке этот пропуск еще больше по размеру.
- ³⁶ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525, 524; ГПБ. Отд. рук. Собр. Кирилло-Белозерского монастыря. № 145 (1222).
- ³⁷ ГИМ. Отд. рук. Чудовского собр. № 167.
- ³⁸ Книга глаголемая греческим языком номоканон, словенским же сказаемая закона правило. Изд. 1650 г. (далее – Печатная Кормчая, ПК).
- ³⁹ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525. Л. 214.
- ⁴⁰ Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. Вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц (далее – Эклога). М., 1965. С. 68.
- ⁴¹ ГИМ. Отд. рук. Синод. собр. № 525. Л. 214–215.
- ⁴² Закон Судный людям Краткой редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. М., 1961. С. 36, 42, 47–48, 59, 70–71, 91. Первоначально автор этих строк придерживался другого мнения (см.: *Милов Л.В.* К истории текста ЗСЛ краткой редакции // Сов. славяноведение. 1978. № 6. С. 97–107).
- ⁴³ *Милов Л.В.* Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1984. № 3.
- ⁴⁴ Мерило Праведное. С. 348, 353, 361, 375 и др.
- ⁴⁵ Ecloga. Das Gesetzbuch Leons III und Konstantinos V. Herausgegeben von Ludwig Burgmann. Lowenklaus – Gesellschaft E.V. Frankfurt am Main, 1983. S. 244.

- ⁴⁶ Подобную мысль отстаивает, например, Я.Н. Шапов (см.: *Шапов Я.Н.* ЗСЛ и Славянская Эклога. К истории краткой редакции Закона на Руси // *Byzantino-slavica*. Т. XLVI. 1985. Fasc.I. S. 137–138). То обстоятельство, что вторая часть текста статьи «О разделении корысти» является вставкой из ЗСЛ, в литературе отмечено давно. Например, что перевод «Эклоги ни по стилю, ни по языку, ни по особенностям содержания не служил прообразом ЗСЛ» (*Ганев Б.* Законъ Соудный людѣмъ. Правно-исторически и правно-аналитически проучвания. София, 1959. С. 87 и др.). Автор этих строк, сравнивая тексты статей «О разделении корысти» в ЗСЛ, древнерусском переводе Эклоги, а также Прохироне и Земледельческом законе, также пришел к аналогичному выводу (*Милов Л.В.* К истории текста ЗСЛ краткой редакции. С. 97–101). Я.Н. Шапову эта работа осталась неизвестной, как, впрочем, и работа о древнерусском переводе Эклоги (см.: *Милов Л.В.* О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги)).
- ⁴⁷ Мерило Праведное. С. 92–93.
- ⁴⁸ Пандект монаха Антиоха. По рукописи XI в., принадлежавшей Воскресенскому монастырю. Под наблюдением О.М. Бодянского. М., 1913.
- ⁴⁹ Там же. С. 49–50.
- ⁵⁰ Это, в частности, замена слов: «не исправи» вместо «не оправди»; «судьяхъ» – «людехъ»; «оправляющему» – «оправдающему»; «ни» – «не»; «вашея» – «чьея»; «Самоиль» – «Амось» и т.д. Это ряд искажений: «праведного» – «праведника»; «губитель» – «гоубиться»; «надра» – «нядра» и т.д. Это пропуск слов и словосочетаний: «и оукаряя, рече», «и инь дарове и мъзды ослепляють очи мудрыхъ», «и паки», «и съ мужи крови и живота моего. Ихъ же во роукахъ безакония».
- ⁵¹ Так, вместо «не направляет ся на пути» в Мериле Праведном читаем «исправится пред богом», «И Исаия пособуя рече» – «Исаия же оукаряя град глаголетъ», причем «оукаряя» взято из идущего после, строкой ниже текста с ликвидацией этого последнего фрагмента («И оукаряя, рече»).
- ⁵² Мерило Праведное. С. 39–42 (л. 20–21 об.).
- ⁵³ Русские достопамятности, издаваемые Имп. Обществом истории и древностей российских, учрежденным при Имп. Московском университете. М., 1843. Ч. II. С. 1–3. В сборнике Мусина-Пушкина нет лишь 2–4 строк начала текста, видимо, из-за дефекта первого листа протографа.
- ⁵⁴ В частности, это выявляют такие разночтения, как: «ближняго» вместо «близнего своего» в МП; «блогосвесте» – «благосвящен»; «Подобаеть же судимаго» – «подобаетъ же судимого испытати»; «или преподобен» – «или праведень»; «и от ложа чиста» – «и чисть ото лжа»; «истяжеть» – «богъ истяжеть»; «его» – «есте»; «в повеленьи» – «ни в повеленьи»; «яко» – «яко судъ»; «терпениемъ» – «долготерпениемъ» и др.
- ⁵⁵ *Тихомиров М.Н.* Воссоздание письменной традиции в первые десятилетия татарского ига // *Вестн. истории мировой культуры*. 1957. № 3.
- ⁵⁶ *Тихомиров М.Н.* Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). С. 104.
- ⁵⁷ Там же. С. 102–103.
- ⁵⁸ Правда Русская. Т. 1.
- ⁵⁹ Вот ряд разночтений такого типа. Это, во-первых, пропуск целых двух статей (18 и 19). Далее в ст. 27 стоит «полвиры» вместо «полувирия», как во всех списках Синодально-Троицкой и Пушкинской групп. В ст. 38 нет

- заголовка «О челядине»; в ст. 57 стоит «кову» вместо «купу»; в ст. 59 описки: «7 кун» – «60 кун»; в ст. 64 «нъ оже господинъ инде налезуть» – «но оже где и налезуть»; в ст. 69 «борть» – «бобрь»; в ст. 80 «а за вервь гривна кун» – «а господину за вервь гривна кун»; в ст. 83 «исплатити» – «исплатившу»; в ст. 92 «разделить дом» – «разделить дом свои детем»; «то то задница не надобе» – «то тои задница не имати»; в ст. 99 «что поимал будеть или истерялъ» – «что ли будеть ростерял»; в ст. 105 «то возворотять братья» – «то възворотить брату»; в ст. 106 пропуск слов: «перваго ли мужа, другаго ли»; в ст. 107 «мятельнику» – «метельнику»; в ст. 108 «дечький дети и их делит» – «детьский идеть их делить»; в ст. 111 «а даче» – «а в даче»; «вязебное» – «ввязебную», пропуск слов: «и гоня а»; в ст. 115 «или вести» – «или повесть»; в ст. 120 «поемлетъ» – «пойметъ».
- ⁶⁰ Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). С. 170.
- ⁶¹ Там же. С. 174–176.
- ⁶² Там же. С. 176.
- ⁶³ Поэтому в литературе обычно считают это позднейшей дополнительной статьей.
- ⁶⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 420.
- ⁶⁵ Исследователи в этих текстах не всегда отличают продажи (ст. 41–42) от уроков (ст. 44–45). См., напр.: Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 213.
- ⁶⁶ Правда Русская. Т. 1. С. 191.
- ⁶⁷ Мерило Праведное. С. 672 (л. 335 об.).
- ⁶⁸ Милов Л.В. Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси (о книге Б.А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки») // Вестн. МГУ. Сер. 8. История. 1986. № 6. С. 36–38.
- ⁶⁹ Никольский В. О началах исследования по древнему русскому праву. М., 1859. С. 255, 317, 320–321, 351, 354 и др.; Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903. С. 542–543, 545–546, 553–555; Неволин К.А. Полн. собр. соч. В 6 т. Т. 3. С. 350–353; Ключевский В.О. Указ. соч. С. 211 и др.
- ⁷⁰ Эклога. С. 46–47.
- ⁷¹ Там же. С. 47.
- ⁷² Правда Русская. Т. 1. С. 444.
- ⁷³ Эклога. С. 46.
- ⁷⁴ Правда Русская. Т. 1. С. 442, 448.
- ⁷⁵ Об этом в общих чертах писал еще В. Никольский. См.: Никольский В. Указ. соч. С. 286, 340, 371.
- ⁷⁶ Эклога. С. 48.
- ⁷⁷ Правда Русская. Т. 1. С. 444.
- ⁷⁸ Там же. С. 448.
- ⁷⁹ Эклога. С. 48.
- ⁸⁰ Правда Русская. Т. 1. С. 448.
- ⁸¹ Эклога. С. 48.
- ⁸² Правда Русская. Т. 1. Тексты. С. 446.
- ⁸³ Эклога. С. 46.
- ⁸⁴ Там же. С. 52–53. См. также титул VI. § 13. С. 55.
- ⁸⁵ То есть недобры, злонамеренны.
- ⁸⁶ Правда Русская. Т. 1. С. 450.
- ⁸⁷ Там же. С. 442.

- 88 В общем плане тенденцию принципиальной новизны комплекса статей «о заднице» справедливо отмечает Ю.Г. Алексеев (*Алексеев Ю.Г.* Псковская судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 94–95). Раньше его новые нормы статей о «заднице» квалифицировал как «распад общинных норм под влиянием развития частной собственности» А.А. Зимин (*Зимин А.А.* Феодальная государственность и Русская Правда // Исторические записки. Т. 76. М., 1965. С. 268).
- 89 Эклога. С. 47.
- 90 Правда Русская. Т. 1. С. 442–444.
- 91 Эклога. С. 54, 47–48.
- 92 Правда Русская. Т. 1. С. 442.
- 93 Возможно, как полагают В. Никольский и Б.А. Рыбаков, в более древний период имущество дружинников вообще шло в пользу князя. Но, вероятнее всего, то был иной институт, уходящий корнями в догосударственную эпоху, в эпоху военной демократии.
- 94 Еще Н. Дювернуа считал, что здесь отражается не вотчинное право князя, а «князь является представителем общественного интереса» (*Дювернуа Н.* Пособие к лекциям по гражданскому праву. Вып. 1. СПб., 1899. С. 125–126).
- 95 *Никольский В.* О началах исследования по древнему русскому праву. М., 1859. С. 351–361; *Цитович П.* Исходные моменты в истории русского права наследования. Харьков, 1870. С. 34–53.
- 96 *Рыбаков Б.А.* Смерды // История СССР. 1979. № 1. С. 52–53, 57; № 2. С. 36–37, 54–57.
- 97 В литературе между тем есть тенденция оценивать совокупность статей ПРП «о заднице» как вообще Устав по наследственному праву. См.: *Черепнин Л.В.* Указ. соч. С. 252; *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч. С. 92.
- 98 ПСРЛ. Т. 1. С. 251.
- 99 Там же. С. 243.
- 100 Мерило Праведное. С. 30 (л. 15 об.).
- 101 Там же. С. 34–36 (л. 17 об. – 18).
- 102 Там же. С. 35 (л. 18).
- 103 Там же. С. 46–47 (л. 23 об. – 24).
- 104 Эклога. С. 41–74.
- 105 Там же. С. 58–60, 62, 63.
- 106 Там же. С. 60.
- 107 «И худого смерда... не дал есм сильным обидети», «всего же паче убогих не забывайте... не вдавайте сильным погубити человека, ни права, ни крива не убивайте...» (ПСРЛ. Т. 1. С. 251, 245–246). Упоминание о защите смердов также может дать основание считать Владимира Мономаха причастным к созданию статей о смердах во второй части ПРП.
- 108 «Слово от приточъ» – «суди все добро, суди в правду, расужая убога и немощна... Мужь яръ притваряеть свары, а терпеливи гордаго укротить и угасить суд»; «От пророчества Иоанна» – «горе примешающимъ домъ к дому и село к селу... горе разумивымъ о себе... и худого насильствующимъ...» (Мерило Праведное. XIV в. С. 20, 31).
- 109 *Никольский В.* Указ. соч. С. 351–352.
- 110 *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 211.
- 111 О принадлежности законов о закупничестве Владимиру Мономаху в литературе по существу нет расхождений, как и, впрочем, об Уставе о хо-

лопстве. Пожалуй, лишь Л.В. Черепнин датировал Устав о холопстве, хотя и не очень убедительно, семидесятыми годами XII в. На наш взгляд, в данном случае такая датировка скорее была обусловлена общей позицией Л.В. Черепнина о времени происхождения ПРП в целом в начале XIII в. См.: *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 274.*

¹¹² *Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде (Происхождение текстов). С. 95.*

¹¹³ Там же. С. 217–219.

¹¹⁴ На характер сборника Мерило Праведное повлияла, в свою очередь, византийская Эклога, где сухие изложения юридических норм перемежаются с многочисленными назиданиями.

¹¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 104.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Мерило Праведное. С. 9–10.

¹¹⁸ Там же.

*Опубл.: Вестн. МГУ
Сер. 8, История. 1989. № 1. С. 3–39.*

ТАТИЩЕВСКИЕ ПОРТРЕТЫ-ХАРАКТЕРИСТИКИ И «СИМОНОВА» ЛЕТОПИСЬ

Проблема «татищевских известий» – одна из старых источниковедческо-историографических проблем нашей историографии. Начало ее восходит к XVIII столетию. Уже тогда некоторые историки с недоверием отнеслись к происхождению ряда новых фактов политической истории Древней Руси, множества поразительных деталей и подробностей исторического повествования, которые отличают текст «Истории Российской» В.Н. Татищева и отсутствуют в летописях, известных науке со второй половины XVIII в. С тех пор вокруг «татищевских известий» ведутся оживленные споры, в ходе которых сформировались две точки зрения. Одна из них в конечном счете сводится к приписыванию авторства «татищевских известий» самому В.Н. Татищеву. Другая точка зрения отражает позицию историков, считающих, что в руках автора «Истории Российской» был ряд уникальных летописей, содержавших фактический материал, не дошедший в источниках, сохранившихся ко второй половине XVIII в. Различные аспекты сложной проблемы «татищевских известий» активно обсуждаются и в наше время.

В последние годы наиболее тщательно и глубоко изучению работы В.Н. Татищева были подвергнуты в фундаментальном исследовании академика Б.А. Рыбакова «Русские летописцы и автор “Слова о полку Игореве”»¹. Сплошное сличение текста В.Н. Татищева за XII столетие с уцелевшим до наших дней корпусом летописей позволило Б.А. Рыбакову прийти к ряду важных и принципиальных оценок природы «татищевских известий», являющихся одним из существенных исследовательских объектов его книги. За XII столетие ученый насчитал 186 «превышений» В.Н. Татищева над известными нам летописями². Их хронологическая систематизация и соотношение объема демонстрируют причудливую неравномерность концентрации их за отдельные годы³. Сопоставление соотношения объемов «татищевских известий» с годовыми статьями Ипатьевской летописи позволило Б.А. Рыбакову вскрыть закономерность хронологического распределения объемов татищевских «превышений»⁴. Оказалось, что наибольшая насыщенность «дополнительных» известий В.Н. Татищева падает не на периоды, слабо освещенные летописцами, а как раз на наиболее подробные хронологические слои Ипатьевской летописи. Фонд этих известий спаян, по мнению ученого, и концепционно, представляя собой так называемую «летопись Мстиславова племени». Таким образом, «тати-

щевские известия» – своего рода негативный итог когда-то принятых сокращений и редакций дошедших до нас более поздних летописных сводов. Это наблюдение Б.А. Рыбакова, сделанное на уровне системного анализа, на уровне н а у ч н о й а б с т р а к ц и и, имеет принципиальный характер и является крупным событием в изучении проблемы. По существу, впервые со времен А.Л. Шлецера и Н.М. Карамзина наша историография получила наиболее кардинальное доказательство достоверности массива «татищевских известий» в целом. Феномен В.Н. Татищева, вызывавший, как и всякий феномен, удивление и подозрение многих историков, получает на уровне современных знаний наиболее исчерпывающее объяснение.

Думается, что с выходом в свет работы Б.А. Рыбакова «татищевская проблема», в конце концов, изменит свое звучание и масштабы. Можно предположить, что из проблемы «татищевских известий» она постепенно будет переходить в плоскость изучения лишь частных случаев. На смену работам общего характера, исходящим из «презумпции виновности» В.Н. Татищева, с неизбежностью будут появляться исследования таких вопросов, как стиль работы первого русского историка, поиск и выявление текстов, представляющих осмысление В.Н. Татищевым исторических событий, их комментирование, мотивацию поступков тех или иных исторических деятелей⁵, исследования, целью которых будет определение хронологии и характера использованных в «Истории Российской» источников и т.п.

Одним из частных сюжетов цикла «татищевских известий» является вопрос о портретах и характеристиках русских князей XII – начала XIII в., фигурирующих в I и II редакциях «Истории Российской». Этот вопрос всегда был наиболее полемичным в историографии, посвященной «татищевским известиям». Поэтому неудивительно, что и после выхода в свет фундаментального исследования Б.А. Рыбакова, в силу своего рода инерции, вновь появляются утверждения о принадлежности авторства словесных портретов и характеристик князей XII – начала XIII в. В.Н. Татищеву⁶.

В связи с этим представляется целесообразным еще раз вернуться к данному вопросу. Поскольку основные моменты этой проблемы исчерпывающе исследованы Б.А. Рыбаковым, в настоящей статье мы затронем лишь аспект соотношения текста В.Н. Татищева с летописным текстом.

Прежде всего обратимся еще раз к хорошо известному тексту В.Н. Татищева, где, на наш взгляд, прямо говорится об авторе портретов и характеристик XII в. Это волянец или киевлянин, продолжатель Сильвестра в XII в. В.Н. Татищев пишет о нем: «Он же видимо, что искусен был в живописи, что едва не всех в его

время бывших князей лица и возраст описал, что во многих списках пропускано и сокращено, но видим многие древние манускрипты (в I редакции: многие древние копии. — Л.М.) с лицами находятся, и в его время, мнится, инаго писателя не было, ибо во всех, кроме сокращений, порядок сказаний един»⁷. Прежде всего отметим, что речь идет явно не о живописи в нашем понимании, так как живописный портрет можно опустить («пропустить») из текста, но никак не «сократить». В.Н. Татищев же прямо указывает, что во многих списках и пропущено, и сокращено. Следовательно, речь идет о словесных портретах и характеристиках, которые поддаются сокращению. На наш взгляд, это несомненно.

Далее, В.Н. Татищев говорит о волынско-киевском летописце, не имея в виду какую-то определенную летопись. Этот летописец — плод его научной реконструкции истории летописания. Портреты и характеристики в разных вариантах дошли до В.Н. Татищева в нескольких рукописях, сближающихся между собой общим «порядком сказаний». Фраза «многие древние манускрипты с лицами находятся» в контексте также читается так, что под лицами понимаются словесные портреты, поскольку чуть ранее термин «лица» употреблен для обозначения словесного портрета. Кроме того, интерпретировать термин «лица» как миниатюру невозможно по той причине, что с миниатюрами у В.Н. Татищева была из основных рукописей лишь «Кабинетская» и, вероятно, Никоновская. Радзивилловская летопись была у историка в копии с копии начала XVIII в. В.Н. Татищев же пишет о «многих древних манускриптах с лицами» (разрядка моя. — Л.М.).

Можно предположить, что в основу текста «Истории Российской» I редакции легли две рукописи: Кабинетская летопись и Раскольничья, приобретенные им в 1720–1721 гг. О последней В.Н. Татищев пишет: «Сий я с первым снес воедино»⁸, т.е. создал слитный текст. Это принципиально важный момент, так как перед нами свидетельство максимального использования текстов обеих летописей. В просторечии В.Н. Татищев называл свою историю «Собранием». Слитный текст двух летописей и есть основа такого собрания. Это наблюдение подтверждается тем, что в I редакции «Истории» В.Н. Татищев не сделал на Кабинетскую рукопись ни одной ссылки, а во II редакции всего одну. Надобности в этом, очевидно, не было, так как на ее основе первоначально строился текст «Истории»⁹. Несколько иначе обстоит дело с Раскольничьей летописью. Ее соотношение с Кабинетской было не в пользу последней. Раскольничья — древнее и подробнее, а в Кабинетской «до времени Егория II весьма кратко писано»¹⁰. Соединив «воедино» ту и другую, В.Н. Татищев явно не исчерпал материала Раскольничьей летописи и впоследствии вносил по

ней уточнения (об этом можно судить по пяти упоминаниям в примечаниях к I редакции и 16 упоминаниям в примечаниях ко II редакции). Вполне возможно, что эти уточнения вносились позднее, при одновременной работе над обеими редакциями. Косвенным показателем центра тяжести материалов Раскольничьей летописи может служить следующее наблюдение. Во II редакции из 16 упоминаний об этой летописи в примечаниях десять приходится на период до 1113 г. Что же касается материала по словесным княжеским портретам и характеристикам, то, думается, что Кабинетский «Временник» не содержал их, ввиду того, как уже говорилось, что до Юрия Долгорукого (скорее всего, до борьбы за Киев) изложение его было «весьма кратко», а далее только «пространнее и яснее»¹¹.

Б.А. Рыбаков прав, когда считает, что основная масса «избыточных татищевских известий», восходящих к летописанию Петра Бориславича и его современников, была взята В.Н. Татищевым из Раскольничьей летописи¹².

Тексты I редакции, несомненно, взяты из источников. Это выявляет анализ самой манеры работы В.Н. Татищева с текстом летописи. Для иллюстрации этого анализ текстов характеристики портретов удобнее начать с тех, которые имеют параллели в сохранившихся летописях. В числе последних фигурируют характеристики Святослава Ростиславича под 1172 г., Всеволода Святославича под 1196 г. и Давыда Ростиславича под 1197 г. в тексте Ипатьевской летописи. Сравним характеристику Всеволода Святославича:

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
«Понеже бо во Ольговичех всих удалее рожаем и воспитаемь и возрастом и всею добротою и можьственною доблестью и любовью имеяше ко всим». (ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. С. 696)	«Сей князь во всех Ольвовичех бе удалее, рожаем и возрастом и всею добродетелию и доблествию, мужественною любовию, милостию и щедротами. Сего дея плакашеся по нем братия вся и людие». (Татищев В.Н. Т. IV. С. 322)	«Сей князь во всех Ольговичах превосходил не токмо возрастом тела и видом, которому подобно не было, но храбростию и всеми добродетелями, любовию, милостию и сщедротами сиял и прославляем был всюду. Того ради плакали по нем братия и весь народ северский». (Татищев В.Н. Т. III. С. 162)

В первой редакции В.Н. Татищев в основном буквально следует источнику, не меняя ни терминов, ни оборотов. Некоторые различия в текстах зависят, без сомнения, от качества списка летописи. Вместе с тем В.Н. Татищев имел текст явно более пространный, чем в Ипатьевской летописи (речь идет о последней фразе). Во второй редакции автор «Истории Российской» отходит от буквы текста источника, делая вольный перевод («возрастом тела и видом, которому подобного не было» и др.). Есть и явные осмысления текста. Например, вместо термина источника «людие» В.Н. Татищев ставит «народ северский», т.е. выражение чисто авторское.

Не менее интересно текстуальное сопоставление вариантов характеристики Святослава Ростиславича, идущей у В.Н. Татищева под 1171 г.:

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
«Съи же благоверный князь Ростиславич Святослав бе украшен всякою добродетелью и бяше храбор на рати, и любовь имеяше ко всем; паче же милостыни прилежаще и монастыри набдя, и чернце утешевая, и мирския церкви набдя, и попы и весь святительский чин достойною чстью чтяше; имеяше дружину и именья не щадяше, не сбираше злата и сребра, но даваше дружине, ово правяще души своей приложися к отцам, отдав обьщий долг, его же вестъ убежати всякому роженному». (ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. С. 551)	«Сей же Святослав украшен бе многими добродетели, храбр на рати и любов имеяше ко всем, милостив и щедр, имения не щадяше, ни собираше злата и сребра». (<i>Татищев В.Н.</i> Т. IV. С. 279)	«Сей Святослав князь украшен был многими добродетели, в воинстве был храбр, в суде справедлив, любовь имел верну ко всем, милостив и щедр, не жалея имения, не собирал онаго неправо, учен был греческого языка и книги читал охотно». (<i>Татищев В.Н.</i> Т. III. С. 95)

Из сопоставления текстов Ипатьевской летописи и I редакции «Истории» сразу же видно, что текст летописи, которой пользовался В.Н. Татищев в этом фрагменте, очень близок к Ипатьевской. Поэтому можно предположить, что перед нами и исходный материал, и результат обработки его историком. Характеристика Святослава, приписываемая М.Д. Приселковым перу игумена Моисея, носит в значительной мере налет церковных мотивов. Больше того, не исключено, что они могли быть усилены под пером более позднего редактора за счет сокращения светской части характеристики. Следуя своему правилу изымать церковные сюжеты, В.Н. Татищев подверг текст сокращению. Сделано это бережно и почти без потерь. Разве, что исчезло отношение князя к дружине. Сохранены и языковые обороты. Текст II редакции резко отличается от I. Снова мы видим вольный перевод, иногда отдаляющийся от буквы (но не духа) текста I редакции. Так, в фрагменте I редакции текст: «Имения не щадяше, не сбираше злата и сребра» во II редакции передан: «Не жалея имения, не собирал онаго неправо». Смысл в целом остался прежним в том плане, что сребролюбцы праведными не бывают, хотя текстуальное отклонение велико. При полном сохранении всех основных моментов характеристики во II редакции мы видим добавления новых фактов. Соотношение всех трех текстов подсказывает наибольшую вероятность дополнения характеристики материалом нового источника. Это тем более вероятно, ибо текст какого-то отдаленного протографа Ипатьевской летописи мог быть сокращен. В добавлениях четко видна объективная зависимость от характера материала источника. Для разобранного выше портрета Всеволода Святославича таких материалов у В.Н. Татищева практически не было, соответственно и текст II редакции остался почти без изменений.

Коснемся еще одной характеристики, приписываемой игумену Моисею. Речь идет о словесном портрете Давыда Ростиславича под 1197 г.:

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
«Се же благоверный князь Давыд возрастом бе середний образом леп, всею добродетелью украшен, благонравен, христолюбив, любовь имея ко всем, ово же правяшеть души своим и	«Сей благоверный князь возрастом бе средний и всеми добродетелями украшен, много милостину дая, на рати всегда той сияше на великия дела, а злата и сребра не брег,	«Сей благоверный князь возрастом был средний, но добродетельми украшен, милостыню многую раздавал, не брегши имения; на войне довольно славы показал; был правосуден и на

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
<p>пережи милостыни прележашеть манастыря набдя и черньци утешивая и вси игумены с любовью приимая и взимая у них благословение и мирская церкви набдя и весь святительский чин достойною чествоу чествоу; бе бо крепок на рати всегда бо тосняшеться на великие дела; злата и сребра не собирает, но дает дружине, бе бо любя дружину; а злыя казня, яко же подобает цесарем творити*; сам бо сяков обычае имать по вся дни ходя ко церкви святого Архистратига божия Михаила, юже бе сам создал во княженьи своем. Такое же несть в полунощной стране и всим приходящим к ней дивитися изрядней красоте ея». (ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. С. 703).</p> <p>* Здесь и далее выделено мной. — Л.М.</p>	<p>но даяша дружине, а злыя казня, но паче с милостию, яко же князем достоин. Обычай имеяше по вся дни во церковь святого архангела Михаила ходити, юже сам созда и украси ю паче всех церквей, ей же не бе подобна во всей полунощной стране, и мнози иноязычни прихожаху зрети ю». (Татищев В.Н. Т. IV. С. 324)</p>	<p>злых зол, казнил без помилования злодеев; хотя не много учен был, но любил книги читать и память острую имел; по вся дни ходил в церковь св. Михаила, которую сам создал и украсил паче всех церквей, ей же не было подобной во всей полунощной стране и многие иностранные приходили для смотра оной». (Татищев В.Н. Т. III. С. 164).</p>

Характеристика, составленная игуменом Моисеем, трафаретна по своей структуре и во многих оборотах повторяет характеристику Святослава Ростиславича. Тем не менее и здесь В.Н. Татищев бережно подошел к тексту источника. Исключением служат вновь церковные мотивы, изложенные со всей краткостью: «много милостину дая». В остальном же характеристика сохраняет и язык, и стиль источника. Из текста I редакции отчетливо видно, что список летописи, используемой В.Н. Татищевым, древнее Ипатьевской летописи¹³. Так, вместо оборота Ипатьевской «яко же подобает цесарем творити» у В.Н. Татищева стоит явно более архаичное выражение «яко князем достоин», пере-

кликающееся с древнейшими переводами Закона Судного людем и Эклоги. Вместе с тем отчетливо видно, что В.Н. Татищев не все понял в тексте. В Ипатьевской летописи о воинских делах князя сказано: «*е бо крепок на рати, всегда бо тосняшеться (стремится. – Л.М.) на великие дела*». В.Н. Татищев не разобрал слова *тосняше*, по-своему осмыслив его как *той сияше*.

Вместе с тем чрезвычайно важно отметить, что обе характеристики, созданные игуменом Моисеем, в тексте Ипатьевской летописи сохранились уже в переработанном виде. Не исключено, что в них церковные мотивы резко увеличены, так как носят черты более позднего стиля. В характеристике Святослава Ростиславича 1171 г. есть и следы явных сокращений. Так, следы сокращения имеет фрагмент «имеяше дружину и имения не щадяше, не собирая злата и сребра, но даваше дружине». Первое упоминание о дружине здесь утратило смысловую основу. К сожалению, В.Н. Татищев уже в I редакции дает этот фрагмент в сокращенном виде и нельзя узнать, как он читался в его источнике. Во второй характеристике 1197 г. сходный фрагмент дошел в большей сохранности: «Злата и сребра не собирает, но даеть дружине, бе бо любя дружину». Обе характеристики были, видимо, когда-то сокращены и вновь дополнены по единому трафарету одним редактором. И не случайно В.Н. Татищев, пользуясь более полным текстом, при работе над II редакцией вносит в обе характеристики буквально одни и те же моменты, выпавшие при сокращении. В начале текста первой характеристики – «в суде справедлив», второй – «был правосуден». Далее в первой сделана вставка: «Учен греческого языка и книги читал охотно», во второй характеристике вставка аналогичного характера: «Хотя не много учен был, но любил книги читать и память острую имел». Следует подчеркнуть, что эти характеристики разделены в тексте В.Н. Татищева большим периодом – в 25 лет, при изложении событий которого историк приводит портреты и характеристики еще по крайней мере трех князей. Удивительное совпадение тематики дополнений второй редакции в характеристиках 1171 г. и 1197 г. могло быть продиктовано только логикой текста используемого летописного источника. Думается, что эти примеры убедительно свидетельствуют об известной упрощенности представлений некоторых историков о том, что вдруг при работе над II редакцией «Истории» В.Н. Татищев стал постоянно что-то измышлять.

Анализ этого фрагмента II редакции показывает, насколько внимателен и требователен был В.Н. Татищев к тексту своей «Истории». Мы уже упоминали, что в I редакции в фразе «всегда бо тосняшеться на великие дела» глагол был осмыслен им очень

приблизительно и явно неудачно. Во II редакции историк снова возвращается к этому месту и при всей модернизации перевода дает более правильное осмысление: «на войне довольно славы показал». Это весьма четкое свидетельство того, что при работе со II редакцией был привлечен н о в ы й и с т о ч н и к. Сложнее с фрагментом, который в Ипатьевской обозначен: «А злыя кажня, яко же подобаеть цесарем творити». В I редакции это место читается так: «А злыя казня, но паче с милостию, яко же князем достоин». На следы большей древности этого текста мы уже указывали. Однако сопоставив его, вероятно, с новыми чтениями, В.Н. Татищев отказывается от этого варианта, и во II редакции мы уже читаем: «На злых зол, казнил без помилования злодеев». Вполне возможно, что историк стремясь к большей ясности текста, изменил его под влиянием более позднего чтения.

Разительным контрастом с приведенными параллелями являются тексты-характеристики Ярослава Владимировича Галицкого под 1188 г.:

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
«Бе же князь мудр и речен языком и богоеин и честен в землях и славен полкы; где бо бяшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полки своими водами. Бе бо ростроил землю свою и милостыню силну раздавашеть, страныя любя и нищя кормя, черноризиский чин любя и честь подавая от силы своея; и во всем законоходя, и строя добре». (ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. С. 656)	«Сей князь бысть честен во всех землях, сам на воину не хождаше, но посылаше воеводы; всегда пребываше в совете и устрояше землю; войска более соседем, яко угром, ляхом и руским князем в помощь давая и себе охраня, а сам рати не начинал. И тако земля его процветаше и множаху людие, приходяху бо к нему от многих стран ученые и ремесленицы хитрии, и обогащающися земля его во всем. Он милостив бе и того деля людие от разных стран служаху ему. Изучен бе языком, многи книги читая, в церковном	«Сей князь был честен и славен во всех землях. Сам на воину не ходил, но войска его посылал в помощь другим, яко венграм, поляком и руским князем с воеводами. Со всеми князи жил в любви и совете, паче прилежал о устроении земли, и тако всем соседем был страшен. Никто не смел на него нападать, зане воеводы, непрестанно греком, венгром и чехом помогаая, искусны в воинстве и храбры в битве были. Земля же его во всем изобиловала, процветала и множилася в людех, зане ученые хитрецы и ремесленники от всех стран к нему

Ипатьевская летопись	I редакция	II редакция
	<p>чине многое управ- ляя и клирос добре устрояя». (Татищев В.Н. Т. IV. С. 308)</p>	<p>приходили и грады насеяли, которыми обогасчалась земля Галицкая во всем. По Дунаю грады укреп- пил, купцами насе- лил, торгующим чрез море во Греки и ре- месла устрояющим от своих имений помо- гал. Он счедр был, милостив, и правосу- ден, того ради мно- жество иноземцев ему служило. Изучен был языком, многие книги читал, в цер- ковном чине многое исправлял и, клирос устрояя и наставляя, зловерия искоренял, а мудрости и правой ве- ре наставлял и учить понуждал. Монахов же и их доходы к на- учению детей опре- делил». (Татищев В.Н. Т. III. С. 143)</p>

Прежде всего о тексте Ипатьевской летописи. Здесь ярче, чем в предыдущих примерах, видна поздняя переработка текста. Первая и вторая части характеристики написаны в совершенно различной манере. В первой части дана лаконичная и емкая фраза: *мудр, речен языком, богобоязнен, «честен в землях» и «славен полкы»*. Далее идет уточнение этих черт, но фраза явно сокращена. Так, *«где бо бяшетъ ему обида, сам не ходяшетъ полки своими водами»* имеет грубое искажение: *водами* вместо *воеводами*, от исправления которого текст яснее не становится¹⁴, так как потери более значительны (нет противопоставления: *но посылаше*). Далее присутствует только начало следующей конкретизации: *«бе бо ростроил землю свою»*, потом сразу же следует трафаретный текст поздней обработки (о милостыне, странниках, нищих, монахах и т.д.), очень напоминающий фрагменты в характе-

ристиках Святослава Ростиславича и Давыда Ростиславича. Фрагмент «к церковному чину сам приходя и строя добре» напоминает по смысловой емкости начальный текст, а предыдущий оборот («и во всем законе ходя божии») – явный повтор, так как в начале стоит емкое *богобоин*.

Татищевский текст I редакции на первый взгляд ничего общего не имеет с характеристикой из Ипатьевской летописи. Значит ли это, что он создан самим В.Н. Татищевым? Вышеприведенные параллели дают возможность считать, что это не так. Историк несомненно имел источник, и притом более исправный, чем Ипатьевская летопись и даже ее отдаленные протографы.

Обратим внимание на логичность текста. Князь «честен во всех землях». Этот тезис далее развивается: сам на войну не ходил, посылая воевод, так как сам всегда «в совете» и в устройстве «земли», войска давал на помощь соседям, а сам «рати не начинал». Стройность рассуждения, развивающего содержание понятия «честен во всех землях», сам средневековый тип мышления исключают какую-либо возможность компиляторства и стилизации этого текста непосредственно самим В.Н. Татищевым. В тексте I редакции, в отличие от Ипатьевской летописи, развернут и второй тезис о «строении земли», и в этом фрагменте много стилизованных оборотов подлинника. В целом же стиль текста I редакции в разбираемом фрагменте более вольный и ближе к стилю II редакции, В.Н. Татищев уже здесь многое поясняет («от многих стран учение», «в церковном чине многое управляя и клирос добре устроая»). Таким образом, несмотря на кажущееся, особенно по стилю, авторство самого В.Н. Татищева, внимательный анализ текста, сопоставление его даже с весьма отдаленным вариантом летописи четко выявляет его летописную основу.

Текст II редакции отличается от первой главным образом двумя вставками. Первая: «Никто не смел... в битве были», несмотря на некоторые детали (помощь грекам, чехам), является в целом повторением раннего текста в начале характеристики. Видимо, В.Н. Татищев, хотя иногда во II редакции он и прибегает к перекомпоновке материала, в данном случае не сумел (идя за источниками) «отжать» текст, освободив его от повторов. Это еще одно важное свидетельство зависимости автора от разных вариантов текстов источника. Второе дополнение («по Дунаю грады... имений помогал») имеет лишь повторный мотив о ремеслах. Изрядная вольность изложения текста летописи во II редакции местами переходит в явные неточности. Думается, что переделка первоначального чтения: «ученые и ремесленицы хитрии», т.е. искусные, во II редакции сделала смысл менее точным: «ученые хитрецы и ремесленники».

Прослеженные нами приемы работы В.Н. Татищева над портретами-характеристиками князей XII в., имеющими параллели текстов в Ипатьевской летописи, приобретают принципиальное значение. Этот стиль работы мы можем с полным основанием экстраполировать и на материалы, не сохранившие ныне параллельных текстов летописей. В противном случае мы неизбежно должны прийти к нелепому предположению, что «коварный» В.Н. Татищев, предвидя сохранность в будущем текста Ипатьевской летописи, работал с материалами, параллельными этой летописи, добросовестно, в отличие от работы над материалами текстов летописей, которые впоследствии не сохранились.

Попытаемся теперь проследить влияние текстов источника на материалах тех присутствующих у В.Н. Татищева характеристик и портретов князей XII в., которые не имеют параллелей в сохранившихся летописях. Для этого посмотрим на татищевские тексты под определенным углом зрения. Мы будем обращать внимание главным образом на те нюансы древних текстов, которые были лишь приблизительно осмыслены первым русским историком, а иногда даже неверно поняты. Эта работа была успешно начата Б.А. Рыбаковым, подметившим, в частности, в рассказе о развратной жизни Юрия Долгорукого под 1147 г. неверно понятый В.Н. Татищевым термин «на скомонех»¹⁵. Мы продолжим эту линию и сравним для этого тексты I редакции, которые часто даны, как известно, в непосредственном цитировании из источника с небольшими стилевыми модернизмами, со II редакцией, где В.Н. Татищев стремился осмыслить текст и дать его изложение в вольном переводе.

Сравним для начала тексты характеристики Мстислава Ростиславича¹⁶, мало отличающиеся друг от друга в обеих редакциях:

I редакция	II редакция
«Той Мстислав... бысть муж возрастом средний, лицом леп, власов на главе мало в тыле имея; живой богоугодно, всеми добродетели украшен, милостив, много отпущая винным, правосуден, казня не зря на лица, щедр не щадя имения, а паче на испкупленных и дружине, яко же и церквам божиим; воин храбрый; не много глагола, но егда нача	«Сей Мстислав... муж был возрастом средний, лицом леп, власов мало, токмо на затылке имел, жил благоугодно, украшен всеми добродетели, милостив и правосуден, многие вины отпускал и казнил, не зря на лица, щедр, не желел имения верно служащим, а наипаче на окупленных давал и церквам божиим; храбр в воинстве, немно-

I редакция	II редакция
<p>что глаголати, то его было слушати; терпелив на гнев и, егда паче кем раздражен бысть, разсмевая, рече: "Муж еси безумен влечет на ся зло" или "иди прочь", да не в ярость впадает. Егда же хотя кого словы казнити, лагодне рекий ему вину его и сожалея о нем». (<i>Татищев В.Н. Т. IV. С. 293</i>).</p>	<p>гоглаголив, но что говорил, все было достойно слышания; терпелив когда кем приведен был на гнев, часто разсмевая, сказал: "сей человек безумный сам на себя влечет зло" или, избегая ярости, сам вышел в другой покои и разсудил, что с ним сделать. Когда кого хотел простить, то, взяв его тихо, всю вину его объявил и, сожалея, увесчевал, дабы впредь стерегся; а когда кто тяжко преступил, отослал к судиям и смотрел, чтобы право судили и, осудя, наказывали». (<i>Татищев В.Н. Т. III. С. 121</i>).</p>

Текст II редакции можно считать татищевским переводом. Держась в целом строго своего источника, В.Н. Татищев в некоторых местах перевода явно небрежен. Так, фрагмент «терпелив на гнев... иди прочь» во II редакции приведен неточно. Вместо емкого выражения «терпелив на гнев» В.Н. Татищев дает его в искажении: «терпелив, когда кем приведен был на гнев». Далее в I редакции речь идет о поведении князя в моменты раздражения, а не гнева. Во II редакции этот оттенок исчез совсем. В I редакции приведены две реплики князя, а во II только одна. Термин «муж», т.е. *свободный человек*, В.Н. Татищев передает как *человек*, явно снижая историческую точность термина. Вместе с тем в I редакции фраза «да не в ярость впадает» оторвана от контекста ввиду явных сокращений, а во II редакции она читается вместе с восстановленными строками, пропущенными в I редакции (а, скорее всего, в первоначальном источнике). Наконец, В.Н. Татищев неточен в переводе последней фразы I редакции: «егда же хотя кого словы казнити, лагодне рекий ему вину его и сожалея о нем». Во II редакции перевод весьма вольный: «когда кого хотел простить» вместо – «когда хотел сделать выговор»; «взяв его тихо, всю вину его объявил» вместо – «сдержанно (легко. – Л.М.) говоря о вине его». В.Н. Татищев явно не уловил оттенка древнерусского *лагодити*. Последний фрагмент в I редакции дан в сокращении.

В отрицательной характеристике Всеволода Ольговича под 1146 г. есть фрагмент: «Многии наложници любяи и в веселии пребываше, сего дея киевлянам туга бе немала». В.Н. Татищев переводит *туга* в традиции церковных текстов как *тягость*. Но, вероятно, летописец имел в виду более сильное и яркое вы-

ражение: туга – горе, несчастье (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 201; Т. III. С. 112). В характеристике Рюрика Ростиславича под 1211 г. выражение «мало о устрое земном прилежа» В.Н. Татищев переводит вольно: «мало о правлении государства и своей безопасности прилежал» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 341; Т. III. С. 184). Включение в текст такого термина, как «государство», сильно модернизирует весь стиль, так как этого термина в Древней Руси еще не было. Поэтому не будь текста первой редакции, поверить в летописную основу фрагмента очень трудно. В некрологе Владимиру Мстиславичу под 1173 г. фрагмент I редакции «за свою вину, зане не стояще в крестном целовании и за то гоним бяше и никто его не любяше» В.Н. Татищев переводит явно неточно: «но все за свою вину и не п о с т о я н с т в о и никто из князей его не любил» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 281; Т. III. С. 98. Разрядка моя. – *Л.М.*). Термин «непостоянство» никак не отражает серьезнейшего обвинения в клятвопреступлении.

Аналогичная неточность передачи оттенков смысла текста встречается и в характеристике Святополка под 1113 г. Фрагмент I редакции: «к войне не бысть охотен, еще скоро гневаяся да вскоре престая», т.е. переставал, во II редакции изложен так: «К войне не был охотник и хотя на кого скоро осердился, но скоро и з а п а м я т о в а л» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 179; Т. III. С. 128. Разрядка моя – *Л.М.*).

Внимательное рассмотрение отдельных промахов в работе В.Н. Татищева, раскрытие некоторых особенностей стиля его работы отчетливо показывает, что в основе его труда неизменно находился текст источников¹⁷. Вместе с тем упрощенным было бы мнение, что В.Н. Татищев использовал лишь один какой-то текст со словесными портретами и характеристиками князей. Анализ и сопоставление I и II редакции «Истории» приводит нас к выводу, что при создании расширенного текста II редакции В.Н. Татищев имел дело с несколькими списками летописей, отличающимися разной полнотой и точностью текста характеристик. В.Н. Татищев выбирал наиболее, с его точки зрения, верные чтения, иногда колебался и был неуверен. Так, в описании внешности Святополка Изяславича под 1113 г. в I редакции сказано: «власы черны и просты». Пользуясь другим текстом при работе над II редакцией, В.Н. Татищев исправляет неточность первого источника: «волосы чермноваты (т.е. рыжеватые. – *Л.М.*) и прямы» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 179; Т. III. С. 128). В портрете Всеволода Ольговича под 1146 г. во II редакции вместо «глаза малые» В.Н. Татищев исправляет: «глаза немалые» и добавляет: «нос долгий». Как известно, больше всего исправлений в портрете было при описании внешности Юрия Долгоруко-

го. Думается, что разноречивость данных также была главным образом заложена уже в источниках. Об этом позволяет судить небольшая деталь. Во II редакции в характеристике Изяслава Мстиславича конец был, видимо, прямо перенесен из источника: «...Не мог обиды чести своей терпеть; владел 8 лет и 3 месяца...», т.е. был великим князем¹⁸. Лаконизм летописца остался здесь неуточненным («владел...»). Когда В.Н. Татищев заканчивал составление пространной характеристики Юрия Долгорукого, то во II редакции он снова имел дело с источником, так как после перечисления сыновей стал писать: «Владел...». Потом, зачеркнув это начало, аналогичное тому, что уцелело в характеристике Изяслава Мстиславича, В.Н. Татищев написал далее заново: «Был на великом княжении всей Руси 3 года»¹⁹. В первой же редакции им было с самого начала написано: «Великий князь был в Белой Руси 7, на всей Руси 3 лета»²⁰.

В руках В.Н. Татищева при работе над расширенным вариантом «Истории» явно были источники с более полными характеристиками и портретными чертами. Это видно хотя бы из сопоставления фрагментов предсмертной речи Ярослава Осмомысла Галицкого, составляющей единое целое с его характеристикой (1187г.):

I редакция	II редакция
<p>«...Аз бо должен бых доселе всем служить, нужным помогати, обидимыя обороняти, винныя смиряти и казнити, да некако безстрашием большее зло возрастет, воинство устроят, да безстрашна тем от враг наших будет». (Татищев В.Н. Т. IV. С. 308).</p>	<p>«Я должен был доднесь всем служить, каждодневно в суде и разправе упражняся, нужным помогать, обидимыя оборонять, винных смирять и наказывать, да не большее зло безстрашием возрастет, паче же всего от клеветников и вернейших мне охраняться, дабы кого невинно не оклеветали и недостойного не выхваляли, от которых государству вред приключается; войско устроить так, чтобы земля и подданные без опасности от неприятелей были». (Татищев В.Н. Т. III. С. 143).</p>

Вполне возможно, что во II редакции В.Н. Татищевым представлен более вольный перевод. Но в том, что этот перевод – пересказ источника, не приходится сомневаться. Тезис I редакции «аз бо должен бых доселе всем служить» во II редакции не про-

сто комментирован, а усилен важнейшим уточнением о каждодневном труде («каждодневно в суде и разправе упражняясь»). Далее, как и в первой, во II редакции этот тезис раскрывается. При этом четко обнаруживается, что во II редакции использован другой источник. В I редакции фрагмент «да некако безстрашием большее зло возрастет» означает: так как некоторым образом из-за бесстрашия большее зло возрастает. Во второй же редакции смысл изменен: «да не большее зло безстрашием возрастет» (дабы большее зло от бесстрашия не возрастало). В данном случае изменение текста невозможно адресовать вольному переводу В.Н. Татищева, так как фраза «да не большее зло безстрашием возрастет» имеет органичное развитие в мысли о том, что наибольшая опасность обстановки «безстрашия» таится в «клевветниках и вернейших». Последняя деталь представляет сугубо личный момент речи Ярослава Осмомысла. Следовательно, перед нами явно иной, отличный от первой редакции летописный источник, давший В.Н. Татищеву более полный текст «речи» князя.

Таким образом, мы имеем еще одно доказательство того, что при работе над II редакцией В.Н. Татищев привлекал тексты новых источников. Наблюдения над соотношениями параллельных текстов позволяют сделать предположение о том, что летописные источники, первоначально использованные В.Н. Татищевым для переписки характеристик князей в I редакции «Истории Российской», в некоторых случаях имели следы древней правки текста и его сокращений. Как правило, чаще они встречались в середине текстов и особенно в конце. Этот прием был обычным в редакторской работе книжников Древней Руси. Трудясь над расширенным текстом «Истории Российской», В.Н. Татищев привлек новые тексты источников, и это позволило ему в ряде случаев восстановить древние сокращения.

Вышеизложенные наблюдения в настоящей статье подкрепляются и другими доказательствами. Автор этих строк нашел свидетельство документальности княжеских характеристик и портретов «Истории Российской» В.Н. Татищева. Принадлежит оно Ивану Перфильевичу Елагину (1725–1794), видной фигуре придворных кругов Екатерины II, ее ближайшему сотруднику, человеку весьма образованному, много сил отдавшему организации театрального дела в России. Будучи обергофмейстером, на закате своей карьеры масон И.П. Елагин занялся историей России. Историком он был довольно слабым, а основная его работа «Опыт повествования о России» вышла в свет много лет спустя после его смерти²¹. Наиболее ценной чертой И.П. Елагина является для нас его несомненная широкая осведомленность.

В предисловии к «Опыту повествования о России» мы находим у И.П. Елагина интересное сообщение: «Симон, суздальский епископ, живший в XII и в начале XIII века, продолжал Несторову летопись и отличается от прочих вящим в писании искусством. Он оставил нам нравственные характеры и телесные виды многих князей российских. Но трудно иметь список с его летописи, каковой имел у себя Татищев. Я сколько ни старался, отыскать его не мог. И невероятно нахожу сказание г-на Львова, издателя при Горном училище Рускаго летописца, которого он Симоновой летописью называет, сколько без доказательств, столько и по тому, что не вижу в нем ни характера, ни видов князей»²².

Заявление это важно прежде всего потому, что И.П. Елагин был младшим современником В.Н. Татищева, человеком, знавшим такие подробности создания татищевского труда, какие до нас уже не дошли. Свидетельство Ив. Елагина тем более важно, что он называет конкретную летопись, использовавшуюся В.Н. Татищевым, где были «нравственные характеры и телесные виды многих князей российских». Это «Симонова» летопись в списке, доведенном до 1382 г., как нам сообщает о ней В.Н. Татищев²³.

Важно сразу же подчеркнуть: изучение текста «Истории Российской» показывает, что сведения И.П. Елагина не могли быть почерпнуты путем чтения труда В.Н. Татищева, хотя на «Симонovu» летопись В.Н. Татищев ссылается неоднократно. В связи с этим важно более пристально посмотреть, что она представляла собою.

Сведения об этой летописи у В.Н. Татищева очень противоречивы и неясны, на что обратил внимание С.Л. Пештич²⁴. Противоречивость объясняется в первую очередь смешением в труде В.Н. Татищева двух аспектов – в подходе к личности епископа Симона и к Симонову манускрипту.

Прежде всего на основании изучения всего комплекса бывших у него под рукой рукописей В.Н. Татищев выделил аналитически этап в истории летописания, связанный с суздальским епископом Симоном²⁵. Как известно, первый русский историк помимо Нестора отмечал его продолжателей, среди которых был летописец середины XII столетия «на Волыни или в Киеве», затем новгородский епископ Нифонт, который «сию историю дополнил»²⁶. Далее до 1203 г. В.Н. Татищев видел уже незначительные расхождения в летописях разных лет. Вместе с тем для Северо-Восточной Руси он выделяет епископа Симона как продолжателя летописания. Дата работы Симона определена очень неясно: «сего времени (т.е. с 1203 г. – Л.М.) и мало прежде», что, возмож-

но, означало конец XII в.²⁷ Основной критерий отнесения летописания этой поры к Симону также чисто аналитический: «просто русские или малорусские и Червенские Руси или Волыни дел весьма мало упоминается»²⁸. Как видим, в этих общих обоснованиях сама рукопись «Симоновой» летописи нигде не фигурирует. Больше того, в тексте «Истории Российской» в ряде случаев В.Н. Татищев видит следы работы Симона-летописца в полном отрыве от рукописи «Симоновой» летописи. Так, помещая под 1128 г. сказание о Рогнеде и Владимире, В.Н. Татищев в примечании рассуждает: «Сие, мнится, Нифонт или Симон по преданию внес»²⁹. С конкретной рукописью оба предположения не связываются, а продиктованы названной выше схемой истории летописания. В пятой главе «Истории Российской» В.Н. Татищев, говоря о предшественниках Нестора, приводит свидетельство «Симона епископа». Однако использует он при этом не «Симонову» летопись, а ссылается как на источник на какой-то текст Киприана (возможно, Степенную книгу)³⁰. Самый же поразительный факт заключается в том, что такое яркое и значительное событие, как Липицкая битва 1216 г., казалось бы, прямо относящаяся к периоду епископа Симона, в «Симоновой» летописи отсутствует. В примечаниях к II редакции «Истории Российской» В.Н. Татищев записал: «Симон так кратко, что и не упоминает бою, токмо Юрий по прозьбе князей отдал Владимир Константи-ну»³¹. В I редакции это же самое примечание наиболее интересно, так как, указав на то, что Липицкая битва дана не по «Симоновой» летописи, а по другому источнику, В.Н. Татищев замечает далее: «И сие видно, что некто, кроме Симона епископа описал, а Симоново сложение в Никоновском внесено, которой довольно себя изъясняет, что еще злоба его (Симона. — Л.М.) на Константина не весьма угасла»³². Таким образом, текст Симона В.Н. Татищев видит не в «Симоновой» летописи, а в «Никоновской». Под 1175 г. в «Истории Российской» дано пояснение термину «Белая Русь» (прим. № 515): «Белая Русь не во всех манускриптах всюду упоминаема, но более у Симона в Голицынском, а в прочих от неразумия от градов Суздальская и Ростовская область именована»³³. Здесь Симон изложен по Голицынскому манускрипту. Все это приводит нас к выводу, что для первого русского историка летописание епископа Симона не столько плод наблюдений над рукописью «Симоновой» летописи, сколько результат его научных реконструкций. Существеннейшей опорой в этой реконструкции В.Н. Татищеву служили его собственные представления о приверженности Симона Юрию Всеволодовичу, епископом суздальским и владимирским у которого он был, и вражда к Константину Всеволодовичу Ростовско-

му. Данное предположение находит прямое подтверждение в другом примечании В.Н. Татищева. При описании событий, непосредственно предшествовавших смерти Всеволода Юрьевича Большое Гнездо (1212 г.), в «Истории Российской» приводится эпизод, когда больной Всеволод созывает сыновей для распределения уделов, а Константин не является к отцу. В.Н. Татищев здесь делает следующее примечание: «Зде едва не во всех манускриптах с порицанием на Константина о противности его ко отцу написано, что довольно сложение Симона, епископа суздальского, обличает. Новгородский же говорит: “Константин, болезни ради, не можаше ко отцу идти»; как я здесь внес...”³⁴ Снова суждения о Симоне-летописце сделаны на основе наблюдений над многими рукописями, т.е. снова летописание Симона реконструируется. Наконец, еще один пример, где версия о вражде Симона к князю Константину отходит на второй план, а на первый план выступает тезис В.Н. Татищева: кроме Симона в Белой Руси в это время других летописцев не было³⁵. Речь идет об обширном и подробном в тексте «Истории Российской» эпизоде, взятом из Симонова манускрипта, в центре которого – речи Константина Всеволодовича на смертном одре в 1218 г. Несмотря на вражду и даже злобу к Константину, Симон-епископ, как считает В.Н. Татищев, был очевидцем этой сцены и описал ее в своей летописи. Однако прямых доказательств этого, кроме общего соображения, что в Белой Руси иных писателей больше не было, у В.Н. Татищева нет. Поэтому слова «аз бых при конце его и насладихся словесы мудрыми» В.Н. Татищев, противореча собственной версии о неукротимой ненависти Симона к Константину, приписывает тому же Симону-епископу³⁶.

Итак, мы видим, что, обращаясь к наиболее существенным для летописца-современника событиям 10-х годов XIII в., В.Н. Татищев практически не использует «Симонову» летопись, а Симон-летописец и факты его писательства реконструированы по другим манускриптам.

Что же в таком случае В.Н. Татищев использовал непосредственно из «Симоновой» летописи? Оказывается в основном это сведения по XII столетию. Во всяком случае, в примечаниях ко II редакции «Истории Российской» большинство ссылок на «Симонову» летопись падает на 70-е годы XII в. Под 1170 г. при описании посылки Андреем Боголюбским отряда на Белоозеро для сбора дани с «еми» (по В.Н. Татищеву) В.Н. Татищев упоминает о столкновении его с полтысячным отрядом Данислава, шедшего из Новгорода, и делает примечание о численности отряда великого князя: «В манускриптах едва не во всех числа войск Андреевых не положено. У Симона епископа и в Раскольничьем 150,

а инде 1500, умножа вдесятеро, чему обстоятельства не согласуют»³⁷. Другое упоминание «Симоновой» летописи идет под тем же годом при описании действий Андрея Боголюбского в союзе с рязанским и муромским князьями против новгородцев. В.Н. Татищев примечает, что события им описаны по Симону и по летописи новгородского попа Иоанна³⁸. Вероятнее всего, что «Симонова» летопись снова фигурирует под 1172 г. У В.Н. Татищева идет здесь наиболее пространный, чем в дошедших до нас летописях, текст филиппики летописца против новгородцев со ссылкой: «Сии точные слова Симона епископа суздальского в Никонском и Голицынском манускриптах точно положены»³⁹. В примечании № 195 В.Н. Татищев также ссылается на «Симонуву» летопись: город Владимир «Симон в 1175 году пригородом Суздальским именует»⁴⁰. Наконец, под 1177 г. при описании хода борьбы Всеволода Юрьевича с Глебом Рязанским В.Н. Татищев касается эпизода взятия в плен Всеволодом Глеба, его сына и шурина. Владимирцы требовали их ослепить. Всеволод обещал «им вскоре сыновцев ослепить», а Глеба содержать в темнице. Далее В.Н. Татищев описывает, как «того же дня пред вечером велел (Всеволод. – Л.М.) сыновцам своим сверх очей кожу надрезать и, довольно окровеня, объявил народу, что им глаза выколоты и тотчас, посадя в телегу, за город велел проводить, доколе от народа безопасны будут»⁴¹. В примечании к этому тексту (№ 522) автор «Истории Российской» уточняет, что «о сем ослеплении в Раскольничьем и Хрушова написано: “Помазав очи кровию”. В Симонове так, как здесь, точно положено. В Ростовском и Новгородском просто: «Отпусти»»⁴². Кроме этих упоминаний во II редакции автор затрагивает «Симонуву» летопись и Симона под 1149, 1174, 1224, 1227 гг. (прим. № 432, 513, 617, 625).

В итоге все приведенные наблюдения могут создать впечатление, что «Симонова» летопись дает больше всего сведений именно по периоду 70-х годов XII в. и носит владими́ро-суздальский характер. Однако есть основания полагать, что это совсем не так. У В.Н. Татищева мы находим такие суждения, которые позволяют думать, что «Симонова» летопись включала в себя не только и не столько владими́ро-суздальские известия. Больше того, эта летопись в цикле владими́ро-суздальских известий имела большие пробелы. При описании событий после смерти Андрея Боголюбского в «Истории Российской», в частности, говорится, что после убийства Андрея убийцы никого не хотели звать, хотя были предложения насчет Юрия Андреевича и брата Михалки Юрьевича как «по правости ближайших». В.Н. Татищев делает здесь важнейшее примечание: «О детях и внуках Юрия Второго,

а именно о рождениях, браках и кончинах их, писатели мало прилежали, особливо Симон епископ Суздальский, продолжатель Нестеровой и Сильвестровой летописей, весьма мало о том и о хронологии, яко о нужных обстоятельствах упоминал. Из всех детей о рождении токмо об одном Всеволоде упомянул, а Андрей при конце, что жил 63 или 65 лет. Других же писателей в Белой Руси до Симона знатно не было. Киевские же для многого отца его беспокойства или не знали или по злобе на него знать не хотели. Для того истории его мало нам ко известию осталось»⁴³. Это наблюдение общего характера несомненно относится и к «Симоновой» летописи. Как известно, суздальские известия в дошедших до нас владими́ро-суздальских летописях регулярно наблюдаются лишь с 1157 г., известия же о Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском сохранились в киевском летописании иногда в более подробном виде.

Пожалуй, единственная возможность сопоставить реальный текст «Симоновой» летописи в рамках XII в. с дошедшими до нас летописями представляется в маленьком фрагменте из описания под 1169 г. «чуда» с иконами богородицы в Новгороде, бывшего, по мнению летописца, в 1166 г. Описание «чуда» переходит в филиппику против новгородцев. Концовка ее есть в Лаврентьевской летописи:

Лаврентьевская летопись	«История Российская»
«То доколе богови терпети над нами, за грехы навел и наказал по достоянью рукою благоверного князя Андрея». (ПСРЛ. Т. I. Изд. 2. С. 362).	«Доколе, господи, терпиши злодеяние их, и асче навел на них наказание рукою благоверного великого князя Андрея и гладом многих изгубил, но вконец не погубил, ожидая их на покаяние». (<i>Татищев В.Н.</i> Т. III. С. 96).

Разумеется, очень сложно судить о сравнительной древности текстов по столь небольшому отрывку, тем более, что второй из них изложен В.Н. Татищевым (правда, в примечании подчеркнуто, что это «точные слова Симона епископа суздальского», т. III, с. 248). Но можно предположить, что текст «Симоновой» летописи более логичен и подробен, хотя он и носит следы поздней редакции («благоверного, великого князя»).

Второй фрагмент, сопоставимый с Лаврентьевской летописью, относится к части предсмертной речи Константина Ростовского под 1218 г. У В.Н. Татищева совет у Константина дан весьма подробно, и с Лаврентьевской летописью сопоставима лишь очень небольшая часть текста⁴⁴.

Лаврентьевская летопись

«Возлюблении мои чади! Будита межи собою в любви. Бога бойтася всею душою, заповеди его во всем соблюдающа, и моя нравы вся восприимете, яже мя видеста творяща: нищих и вдовиц не презрита, церкви не отлучайтася, иерейский и мнишьский чин любита и книжнаго поученья слушайта, и будита в любви межи собою и бог мира буди с вама, имейте послушания к старейшим ваю, иже вас на добро учат, понеже еще еста в младоденстве... поручаю вас богу и пречистой ею матери и брату и господину Гюргю, да то вы будеть в мене место». (ПСРЛ. Т. 2. Изд. 2. С. 442).

«История Российская»

«Вамо завещаю, во-первых, иметь страх божий и хранить заповедь его, послушайте учения церковного и поучайтеся в нем на всяко дело добро. Послушайте же старейшаго в вас, се ныне вамо в мене место стрый вам князь Юрий, ни в чем же не будите ему вопреки; а ач он вы обидит, не ищите мстить, но бог кроме ваю не оставит! Межи собой имейте любовь и поживите в мире. Со всеми князи будите в любви и совете...». (Татищев В.Н. Т. IV. С. 355).

Несмотря на разную композицию текста (а у В.Н. Татищева встречается перестановка отдельных фраз), несомненна их чрезвычайная близость. Отдельные выражения и их лексика почти тождественны: «иже вас на добро учат» – «поучайтеся в нем на всяко дело добро»; «послушайте же старейшего в вас» – «имейте послушания к старейшим ваю»; «да то вы будеть в мене место» – «се ныне вамо в мене место»; «будита в любви межи собою и бог мира буди с вама» – «межи собою имейте любовь и поживите в мире»; «бога боитася всею душою, заповеди его во всем соблюдающа» – «вамо завещаю... иметь страх божий и хранить заповедь его»; «книжнаго поучения слушайте» – «послушайте учения церковного и поучайтеся» и т.д. Это тождество было бы полнее, если бы не неизбежность «уяснения» текста в «Истории» В.Н. Татищева. Вместе с тем тексты имеют и различие. В Лаврентьевской летописи выделяется морально-религиозный момент («нищих и вдовиц не презрита...»). В.Н. Татищев такие фразы обычно сокращает. Правда, в данном случае не видно следов сокращения. Возможно, что этих мотивов в рукописи, бывшей у В.Н. Татищева, и не было. С другой стороны, в «Симоновой» летописи более подробно даны наставления по взаимоотношениям со «стрыем князем Юрием» и другие фразы, видимо, близкие к тексту источника («а ач он вы обидит, не ищите мстить, но бог кроме ваю не оставит»; «суд судите право, яко Правда руская ле-

жит»)⁴⁵. Во всяком случае, совершенно очевидно, что текст «Симоновой» летописи, судя по этим фрагментам, не более поздний, чем текст Лаврентьевской летописи, а, принимая во внимание несравненно большую подробность рассмотренных нами сюжетов, можно говорить, что он в пределах второй половины XII – начала XIII в. более ранний. Сам В.Н. Татищев относил Симона к продолжателям Несторовой летописи, а в конкретных примечаниях равным образом оценивал и «Симонову» летопись (манускрипт)⁴⁶. Однако, несмотря на типологическое сходство начальной части «Симоновой» летописи с Повестью временных лет, в ней, видимо, были и поздние наслоения. Так, приведя сказание о причинах крещения Ольги, В.Н. Татищев оговаривает в примечании, что этого нет ни в одном манускрипте кроме «манускрипта Симона», «чему Иоаким согласуте»⁴⁷. Подобное единодушие с летописью Иоакима свидетельствует не в пользу «Симоновой» летописи, на что в свое время обратил внимание М.Н. Тихомиров. Да и сам В.Н. Татищев вскользь заметил, что «История» Симона «многими баснями наполненная»⁴⁸. Несмотря на это, некоторые известия «Симоновой» летописи в пределах XI в. были В.Н. Татищевым использованы (о построении Новгорода на Волыни в 1044 г., о походе на Корсунь и битве у Кафы в 1095 г. и др.)⁴⁹.

Подводя итог, мы можем предположить, что «Симонова» летопись давала более подробные сведения по истории Владимиро-Суздальской Руси второй половины XII в. Приняв к сведению сообщение о наличии в ней серии княжеских портретов и характеристик XII – начала XIII в., мы можем также предполагать, что она содержала и Киевский свод 1198 г. в более полной редакции, чем та, что дошла до нас в Ипатьевской летописи. Учитывая подробнейшие сведения, относящиеся к Константину Ростовскому, и «проконстантиновский» характер этих известий (вопреки мнению самого В.Н. Татищева), мы можем предположить также наличие в ней следов Ростовского свода XIII в.⁵⁰

В данной статье было бы преждевременным делать какие-то более точные выводы о том, что же представлял собою «Симон» манускрипт. Для этого необходимы дополнительные материалы. Тем не менее вполне очевидно, что этот летописный свод конца XIV в. содержал Киевский свод конца XII в. и Ростовскую летопись начала XIII в.

Главное же состоит в том, что наши наблюдения не противоречат свидетельству о существовании в этой летописи серии словесных княжеских портретов и характеристик. Существенно отметить, что В.Н. Татищев не имел возможности использовать «Симонову» летопись целиком, как он использовал десяток манускриптов. Во II редакции он о ней пишет: «Сей его или с него

список, однако же, довольно старый, в и д е л я и в ы п и с ы - в а л у Артемия Волынского...»⁵¹. При работе над I редакцией «Истории Российской» из «Симоновой» летописи были сделаны лишь два примечания по древнейшей части текста. Да и те, вероятно, были внесены на заключительном этапе работы. Этот манускрипт привлекался весьма интенсивно только при работе над II редакцией. Среди рукописей, наиболее часто упоминаемых при работе над расширенным и популярным вариантом «Истории», на первом месте идут – Раскольничья летопись (16 раз, из них до 1113 г. – 10), «История Иоакима» (14 раз, из них до 1113 г. – все 14), «Новгородский манускрипт» (14 раз, из них до 1113 г. – 4), так называемая «Никоновская» летопись (11 раз, из них до 1113 г. – 3) и «Симонова» летопись (11 раз, из них до 1113 г. – 3). По этим косвенным показателям можно судить о том, что по древнейшему периоду наиболее интенсивно использовались «История Иоакима» и Раскольничья рукопись, остальные преимущественно по XII столетию. «Симонову» летопись в характеристике источников I редакции В.Н. Татищев не упоминает совсем. Об этой рукописи историк говорит лишь во II редакции в связи с историей летописания (в параграфе о продолжателях Нестора). Кроме того во II редакции в текст, повествующий о рукописях, частично им привлеченных к работе, он вносит правку. В I редакции этот текст гласит: «Сверх сих от разных снискательных о истории русской людей, яко весьма о том прилежно трудившихся, но в несчастье впадших советника Хрущова, архитекта Еропкина, которые читая мое собрание из древних русских летописцев, мне к дополнению сообщали, как в примечаниях показано»⁵². Во II редакции перед советником Хрущовым В.Н. Татищев вставляет фамилию Волынского⁵³. Думается, что эти коррективы отражают интенсивное использование этой летописи в начальный период переработки текста I редакции во вторую в 1739–1740 гг. Примерно за год до «дела А.П. Волынского» текст I редакции активно обсуждается. Вполне возможно, что в кругу знатных любителей истории, имевших специфический интерес к предмету истории, и было обращено внимание на более полную серию портретов и характеристик князей XII – начала XIII в., имевшуюся в манускрипте А.П. Волынского⁵⁴. Слава об этой рукописи и ее списках, вероятно, долго ходила в просвещенных кругах русского двора. И.П. Елагин как лицо, близкое к литературным и историографическим упражнениям Екатерины II, знал об этом манускрипте, как и о крекшинской «Истории Иоакима», и о других уникальных манускриптах, и, занявшись на склоне лет историей, предпринял розыски этой интересной рукописи. Здесь важно еще раз отметить, что сведения, приводимые И.П. Елагиным,

не могли быть извлечены непосредственно из анализа текста татищевской «Истории Российской». Они от нее не зависят.

Таким образом, внимательный анализ текстов В.Н. Татищева и привлечение новых фактов свидетельствуют о том, что знаменитая татищевская галерея портретов и характеристик имеет в целом прочную документальную летописную основу.

- ¹ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- ² Там же. С. 267.
- ³ Там же. С. 184–196.
- ⁴ Там же. С. 190.
- ⁵ Анализ мышления В.Н. Татищева как историка осложняется тем, что мотивировки и осмысления событий были свойственны и самим авторам летописей, и отделить их – трудность необычайного характера.
- ⁶ Так, Е.М. Добрушкин все еще склонен квалифицировать дополнения в портретах и характеристиках князей, сделанные в тексте второй редакции «Истории Российской», как стилиевой прием В.Н. Татищева (так называемый метод амплификации или стилистического расширения текста). См. Добрушкин Е.М. О методике изучения «татищевских известий» // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. М., 1977. С. 87.
- ⁷ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 122; Т. IV. С. 47 (далее – Татищев В.Н. Т. ...).
- ⁸ Татищев В.Н. Т. I. С. 124.
- ⁹ Как известно, впоследствии В.Н. Татищев многое заменил текстами Радзивилловской летописи.
- ¹⁰ Татищев В.Н. Т. I. С. 123. Вполне возможно, что «вычитанием» текстов Кабинетской и Радзивилловской летописей более четко проявится и текст Раскольниковского манускрипта.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 267–277, 362, 382 и др.
- ¹³ В.Н. Татищев, вероятно, имел не одну летопись, близкую к Ипатьевской, но древнее ее. В частности, отождествление Голицынского манускрипта с Ермолаевским списком Ипатьевской летописи, сделанное С.Л. Пештичем, ныне опровергнуто в работах Б.А. Рыбакова и В.А. Кучкина, доказавших большую древность и явные отличия от текста Ипатьевской летописи от Голицынского манускрипта (Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Л., 1961. Ч. I. С. 257–258; Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. // История СССР. 1971. № 1; Кучкин В.А. К спорам о В.Н. Татищеве // Проблемы истории общественного движения и историографии. М., 1971. С. 262).
- ¹⁴ В Ермолаевском списке мы встречаем явно более позднее и лишенное смысла чтение «не ходяше с полки своими в думы» (ПСРЛ. Т. 2. 2-е изд. С. 53. Прил.). Таким образом, неверное чтение было уже в отдаленных протографах Ипатьевской летописи.
- ¹⁵ Рыбаков Б.А. В.Н. Татищев и летописи XII в. С. 94–95.
- ¹⁶ Об этом князе у В.Н. Татищева см.: Рыбаков Б.А. Русские летописцы... С. 375–376.

- 17 Только полное пренебрежение к внимательному разбору текстов может привести к нелепому утверждению, что В.Н. Татищев намеренно искажал при переводе смысл источников.
- 18 *Татищев В.Н.* Т. III. С. 48.
- 19 Там же. С. 60 и прим.
- 20 Там же. Т. IV. С. 250.
- 21 О И.П. Елагине и его труде см.: *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1971. Ч. III. С. 87.
- 22 *Елагин И.* Опыт повествования о России: В 3 кн. М., 1803. Кн. 1. С. XXI.
- 23 *Татищев В.Н.* Т. I. С. 122.
- 24 *Пештич С.Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. I. С. 245–246, 259.
- 25 Мнение В.Н. Татищева о том, что епископ Симон был летописцем, было отвергнуто еще Н.М. Карамзиным (*Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. III. Примеч. 171). В.И. Корецкий высказал автору этих строк предположение о том, что В.Н. Татищевым были перепутаны разные епископы Симоны (XIII в. и XIV в.)
- 26 *Татищев В.Н.* Т. I. С. 122.
- 27 Там же.
- 28 Там же.
- 29 Там же. Т. II. С. 141, 264.
- 30 *Тихомиров М.Н.* О русских источниках «Истории Российской» // *Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 44.
- 31 *Татищев В.Н.* Т. III. С. 261.
- 32 Там же. Т. IV. С. 461. Интересно отметить, что в этом примечании об описании Липецкой битвы, использованном В.Н. Татищевым, сказано: «но в списке н. 2 так точно, как здесь» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 461). Этот же текст есть и в зачеркнутых строчках II редакции. Номер 2 – это Раскольничий манускрипт, о котором в главе об источниках заявлено, что «сия летопись кончилась в 1197-м году» (*Татищев В.Н.* Т. I. С. 123). В примечании к I редакции сказано менее определенно: «сим годом кончался манускрипт раскольничей н. 2, которого конец, видимо, что утрачен» (*Татищев В.Н.* Т. IV. С. 457). Разумеется, рукописи почти всегда не имеют последних листов, но если у В.Н. Татищева здесь какая-то неточность, и листы Раскольничей летописи были за более поздние годы, то гипотеза Б.А. Рыбакова о южном происхождении Повести о Липицкой битве в текстах новгородских летописей получит прямое подтверждение. Однако, скорее всего, в тексте копий примечаний – описка из-за постоянной путаницы (чередование) буквенной цифири и арабской в нумерации глав. Арабское 8 могло быть прочитано как славянское два. Под восьмым номером у В.Н. Татищева шел «Новгородский манускрипт» от Крекшина.
- 33 Там же. Т. III. С. 250.
- 34 Там же. Т. III. № 586.
- 35 Там же. С. 249. № 513. Сведения о Симоне В.Н. Татищев черпал из Киево-Печерского Патерики. См.: Там же. С. 266. № 622.
- 36 Там же. С. 262. № 600.
- 37 Там же. С. 245. № 501.
- 38 Там же. С. 247–248. № 502.
- 39 Там же. С. 248. № 503.
- 40 Там же. С. 235.

- ⁴¹ Там же. С. 119.
- ⁴² Там же. С. 250. № 522.
- ⁴³ Там же. С. 249. № 513.
- ⁴⁴ Еще раз подчеркнем, что известия эти вероятнее всего Симону не принадлежат, а сохранились от ростовского летописания. Однако сам текст взят В.Н. Татищевым из «Симоновой» летописи (манускрипта): «Сие написано точно из летописца Симонова». См. Там же. С. 262.
- ⁴⁵ Там же. Т. IV. С. 356. Во II редакции текст о Русской правде заменен: «Суд судите право, как законы русские написаны» (Там же. Т. III. С. 206).
- ⁴⁶ О походе Владимира Мономаха на Корсунь 1095 г. В.Н. Татищев пишет: «В манускриптах же Несторовых, кроме Симонова, бывшего у Волынского, ни похода не упомянуто» (Там же. Т. II. С. 252. № 312).
- ⁴⁷ Там же. С. 222.
- ⁴⁸ Там же. С. 260. № 586.
- ⁴⁹ Там же. Т. II. С. 79, 243, 103, 252.
- ⁵⁰ В только что опубликованной статье М.А. Клыша высказано сходное мнение (*Клыш М.А.* К вопросу о Симоновой летописи, бывшей у В.Н. Татищева // Вестн. МГУ. Сер. 9, История. 1978. № 1).
- ⁵¹ Татищев В.Н. Т. 1. С. 122. Разрядка моя. – *Л.М.*
- ⁵² Там же. Т. IV. С. 49.
- ⁵³ Там же Т. I. С. 125.
- ⁵⁴ С.Л. Пештич полагает, что В.Н. Татищев не ссылался в I редакции на «Симонов» манускрипт А.П. Волынского по политическим мотивам. Думается, что дело не в этом, а в чисто фактических обстоятельствах, так как знакомство с ним состоялось где-то в 1739–1740 гг., когда I редакция была практически готова (см. *Пештич С.Л.* Указ. соч. Ч. 1. С. 259).

Опубл.: История СССР. 1978. № 6. С. 76–94.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ПИСЦОВЫХ КНИГ (о концепции С.Б. Веселовского)

В историографии писцовых книг, этого уникального фонда массовых источников русского средневековья, создалась довольно необычная ситуация. Сложность состава источников, неясность технических обстоятельств измерения земель и принципов создания так называемого «сошного письма», отсутствие систематических данных о писцовом делопроизводстве – все это сделало вот уже на протяжении ста с лишним лет проблему достоверности писцовых книг одной из основных при изучении и использовании этого источника. Особенно активно обсуждалась она в русской дореволюционной историографии. Это обсуждение привело к постепенной поляризации точек зрения. И если одна из них была аргументирована в исследованиях, в основу которых легли писцовые книги как массовый статистический источник (например, работы Н.А. Рожкова и Ю.В. Готье)¹, то другая, скептическая точка зрения ярче всего отразилась в фундаментальном исследовании С.Б. Веселовского «Сошное письмо», где представления о писцовых книгах как русском поземельном кадастре были основательно пересмотрены². Согласно концепции С.Б. Веселовского, все «измерения» писцами площадей сельскохозяйственных угодий означали лишь условные компоненты условной системы фискального обложения.

В советской историографии писцовые книги и их разнообразности длительный период не привлекались в качестве источника, фиксировавшего площадь земельных владений, возможно, под влиянием трудов С.Б. Веселовского. Определенный поворот намечился лишь в последние годы. Однако странное дело: ни в одной из работ, использовавших писцовые материалы как данные земельных обмеров, до сих пор не была разобрана концепция С.Б. Веселовского. Даже в обширном коллективном труде по аграрной истории Северо-Западной России конца XV–XVI вв. взглядам С.Б. Веселовского не уделено ни строчки. Во многих работах молодых исследователей, затрагивающих вопросы достоверности различных категорий показателей писцовых книг, царит изрядная путаница. Некоторые из них находятся под влиянием скептических взглядов выдающегося историка.

И действительно, в монографии С.Б. Веселовского вопрос об условности статистических данных названного источника поставлен весьма серьезно и игнорировать его просто невозможно.

Отправным моментом в развитии его концепции послужило изучение вопроса о так называемой «живущей» или «дворовой четверти». До выхода работы С.Б. Веселовского эта категория рассценивалась историками как важный этап в переходе от поземельного принципа обложения налогами к подворному. Указы о «живущей чети» вышли целой серией – с 1620 по 1632 г. Нововведение, содержащееся в них, сводилось к тому, что за единицу обложения отныне бралась группа (определенное число) крестьянских и бобыльских дворов. В указах, предназначенных для разных районов Русского государства, численность этой группы дворов была неодинаковой. Известно около десятка вариантов сочетаний чисел крестьянских и бобыльских дворов, составлявших так называемую «живущую четверть». В конечном счете, преобладающими нормативами «живущей четверти» стали сочетания 8 крестьянских и 4 бобыльских дворов или 12 крестьянских и 8 бобыльских дворов для владений светских феодалов и сочетания 6 крестьянских и 3 бобыльских дворов или 9 крестьянских и 6 бобыльских дворов для владений духовных феодалов³. Конкретное применение нормативов неизбежно вызывало перерасчеты, при которых крестьянский двор являлся эквивалентным 2 бобыльским дворам, а иногда 1,5 бобыльским дворам. Таким образом, в основу налогообложения теперь было положено **д в о р о в о е ч и с л о**, а не пространственная категория каких-либо сельскохозяйственных угодий. Это была фаза перехода к подворному обложению. Основной целью этого перехода было продиктованное исторической необходимостью включение в подвижный налоговый оклад огромного количества разоренных крестьян – бобыльского населения⁴.

С.Б. Веселовский выступил против подобной трактовки «дворовой (живущей) четверти». «Мнение, что «живущая четь» служила переходом к подворному обложению, – писал он, – это досадный *lapsus linguae*, которому, однако, посчастливилось в литературе»⁵. Нормы «дворовой чети» не сумма дворов, а «отвлеченная норма оклада»⁶. Согласно С.Б. Веселовскому, «пашню паханую... стали определять (вычислять) по числу крестьянских и бобыльских дворов»⁷. Разумеется, зная типичный размер двора, т.е. хозяйства, можно вычислить примерное количество (норму) пашни, используемой им, и полученные расчеты распространить на группу дворов («дворовую четь»). Но, как только мы сопоставим ориентировочное количество пашни, необходимое одному двору или группе дворов, с буквальным значением четверти (чети) как 0,5 дес. в одном поле, то сразу выявится абсурдность этой идеи: получится, что от 9 до 20 крестьянских дворов, взятых вместе, могут быть на наделе пашни в 1,5 дес. в трех полях. Имен-

но поэтому С.Б. Веселовский настаивает на том, что «живущая четь» суть отвлеченная норма оклада. Таким образом, это и не «дворовое число», и не реальная пашня, и даже не доля ее.

Прежде всего С.Б. Веселовскому удается как будто бы убедительно доказать, что так называемая дворовая четверть составляет часть системы «сошного письма», образуя наиболее мелкую расчетную часть «сохи»⁸. «Эти дворовые чети, – пишет он, – суть чети доброй земли, т.е. в поместных землях их идет на соху 800, а в монастырских – 600»⁹. «Очень легко понять, – рассуждает далее С.Б. Веселовский, – почему по указам 128–140 гг. (1620–1632 гг. – Л.М.) дворы приравниваются не сохам, а четям. Это объясняется тем, что обложение очень сильно возросло и сошные оклады настолько измельчали, что оклады отдельных поместий и вотчин не было возможности выразить в употребительных дробях сошного письма» (т.е. в долях сохи)¹⁰. Следовательно, введение дворовой чети есть чисто техническое усовершенствование того же самого сошного письма. «Главная цель дворовой чети состояла не в каких-либо новшествах, а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма»¹¹.

Выводы из этого тезиса имеют принципиальное значение: если «дворовая четь» – лишь восьмисотая или шестисотая часть сохи доброй земли, то сама соха (или «большая соха») не имеет ничего общего с земельным измерением и представляет собой некий индекс, точнее, систему индексов, отражающую платежеспособность сельского и городского населения Русского государства XVII в. Отсюда и так называемая «четвертная земля», т.е. комплекс хозяйственных угодий в поместьях или вотчинах, не есть измерение площади этих угодий, а лишь их условное обозначение. Таким образом, писцовые книги XVII в. не содержат никакой реальной информации о размерах полевой пашни («пашни паханой»), пашни запущенной («перелoga»), поросших лесом земель, когда-то бывших пашней («пашня лесом поросла»), и т. д.

Именно эти идеи и доказывает С.Б. Веселовский в двух томах своего внутренне полемичного исследования. «Представление о посошном обложении как о чисто поземельном и о сохе, как об определенной мере пахотной земли, сильно мешали исследователям уяснить себе отношение дворовой чети к сохе... В действительности посошное обложение никогда не было чисто поземельным. Живущие сохи, выти и обжи суть условные величины, причем приемы определения их и характер условностей были разнообразны и изменялись с течением времени. Приравнение того или иного числа дворов этим величинам было одним из приемов установления этих условных величин»¹². «Безразлично, – пишет С.Б. Веселовский, – будем ли мы себе представлять дело

так, что живущая пашня в сошном окладе была частью действительной запашки, или что это было совершенно условное выражение тяглоспособности тяглых хозяйств, но несомненно, что ни в один период истории пососного обложения действительная запашка не совпадала вполне с пашней паханой, положенной в живущее»¹³.

Эта мысль неоднократно высказывается С.Б. Веселовским и подкрепляет его концепцию так называемой «посильности» обложения государственным тяглом. «Если бы за основу сошного оклада, – пишет он, – была принята пахотная или вся четвертная земля, то пососное обложение с некоторыми оговорками можно было бы признать поземельным, но в действительности так не случилось»¹⁴, «пашня паханая не была решающим объективным признаком при определении окладов, с которых тяглые люди должны тянуть тягло»¹⁵. «Основным принципом сошного тягла была его посильность, важнейшими признаками которой были пашня, угодья, животы, торги, промыслы и т.д. Число и качество дворов были признаками силы, а приравнение их к той или иной окладной единице было приемом фиксирования представления о силе, было нормой силы»¹⁶. Полагая, что в основе обложения лежал не один, а целый ряд признаков, С.Б. Веселовский вместе с тем не был склонен отводить и им роль объективных критериев. «Посильное тягло имеет, – писал он, – определенно выраженный субъективный характер: обложению подлежат не земли и угодья, не животы, не торги и промыслы и т.п., взятые порознь или в совокупности, сами по себе, а индивидуальная тягловая сила тяглеца-хозяина. «По человеку глядя», «по людям» – вот самое краткое и определенное выражение идеи индивидуально-посильного тягла»¹⁷. Следовательно, «живущие» (т.е. подлежащие обложению) четверти пашни «паханой» не индекс действительной запашки, а индекс, субъективно оценивающий целый ряд признаков тяглоспособности. Заняв такую позицию в отношении принципов налогообложения, С.Б. Веселовский неизбежно экстраполирует ее и на все периоды писцового описания земель. Таким образом, речь идет не просто о существовании живущей четверти пашни паханой, а обо всем комплексе угодий, в большей или меньшей мере вовлекаемых в хозяйственный оборот и представляющих, по писцовым книгам, так называемую четвертную землю (измеряемую в четвертях) и угодья (измеряемые десятинами). «Четвертная земля сама по себе, – подчеркивает С.Б. Веселовский, – была величиной условной. Условности исследованы выше: 1) условность счета земель в поле, а в дву потомуж, 2) дача и счет некоторых угодий «за четвертную пашню», 3) наделение четвертной землей, угодьями и 4) одабриванье земель по их каче-

ству и по угодьям, приписанным к ним. Пройдя через эти приемы, четь поместной дачи, вотчины или тяглового участка переставала быть реальной величиной и становилась условным техническим термином определения размеров служилых и тяглых участков»¹⁸. «Раз понятие живущей пашни паханой, положенной в тягло, с течением времени стало совершенно условным способом выражения тяглоспособности, то и все остальные части тяглых участков, входящие в состав пустого сошного письма, как-то: наезжая пашня, перелог, лесная поросль и т.п., становились в большей или меньшей степени условными»¹⁹. Наконец, еще более определенная формулировка: «чети земли пустого и живущего сошного и вытного письма были условным выражением действительных размеров тяглых и служилых участков»²⁰, «не следует представлять себе, будто писцы клали в живущее и пустое сошное письмо чети пахотной земли, взятые сами по себе»²¹. Таким образом, вышеприведенные положения С.Б. Веселовского сводятся в сущности к отрицанию писцовых книг XVII в. как поземельного кадастра, как исторического источника, регистрирующего площадь важнейших сельскохозяйственных угодий.

Наиболее общий тезис концепции С.Б. Веселовского об условности данных писцовых книг по величине земельных угодий вызывает возражения прежде всего общ исторического характера. Данные писцовых описаний XVII в. оценивались потомками именно как данные, фиксировавшие размеры площадей важнейших земельных угодий. Убедительный пример тому – так называемые «офицерские описи», представляющие собой описание монастырских владений (а также владений церковных иерархов), сделанное в канун секуляризации в конце 50-х – начале 60-х годов XVIII в. При регистрации земельных владений офицеры, проводившие описание, непременно привлекали данные писцовых книг, сверяя при этом не только границы владений, но и размеры земельных угодий, позднейшие изменения фиксировались, дополняя цифры писцовых материалов.

Писцовые книги как документы, дающие информацию о величине земельных угодий феодальных владений, использовались и в ходе Генерального межевания. Особенно важно подчеркнуть, что при этом в многочисленных спорных делах землемеры использовали данные писцовых книг о земельных площадях угодий. С.Б. Веселовский считал, что условности сошного письма ввели в заблуждение составителей Межевой инструкции 1766 г., которые почему-то переводили в пространственные измерения такие понятия, как «коробья» и «обжа», одновременно не принимая за реальную земельную величину «соху»²². На наш взгляд, ст. 19 инструкции просто предупреждала землемеров,

привлекавших в ходе споров данные писцовых книг, о необходимости различать четвертные измерения земельных угодий, а также измерения их в десятинах от сошного числа, чтобы не допускать их общего суммирования. Здесь нет и речи об отказе понимать «соху» как реальную величину.

Анализируя концепцию С.Б. Веселовского, нельзя не отметить непоследовательность позиции ученого. Отстаивая свой взгляд на условность существования норм сошного оклада и его исходных компонентов, он вместе с тем в ряде высказываний дает основание считать, что в XVI столетии система государственного фиска этой условности еще не приобрела. «С течением времени, — пишет С.Б. Веселовский, — живущая пашня, подлежащая тяглу, все более расходилась с действительной запашкой и становилась все более и более условным и формальным понятием»²³. Следовательно, все же допускается период, когда живущая пашня была реальным критерием поземельного кадастра. Возражая против поземельного характера системы фиска, С.Б. Веселовский подчеркивает, что прежде всего «незнакомство с п о з д н е й ш е й историей сошного письма и, в особенности, неправильное представление о п о з д н е й ш е м посошном обложении как о земельном помешали В. Владиславлеву и И.Н. Миклашевскому стать на прочную почву и выяснить сущность вопроса»²⁴. И здесь в основе рассуждения можно усмотреть предположение о том, что в истории сошного письма есть два разных периода и что лишь в позднейший период оно, по его мнению, приобрело субъективно-посильный характер. Эти оговорки ученого являются, на наш взгляд, невольным свидетельством неопровержимости представлений историков о характере организации податной системы середины XVI столетия. И в самом деле, при всей сложности эволюции и генезиса «сошного письма» невозможно себе представить «большую московскую соху» в момент ее декретирования ничем иным, как реальной в своей основе единицей земельной площади. Об этом свидетельствуют, в первую очередь, разряды земель. Частновладельческие, монастырские, черные и дворцовые владения различались между собой главным образом именно тем, что платили одну и ту же сумму налогов с разных площадей земли, учтенной как «четвертная пашня». На 800 чтв. в поле (1200 дес. в трех полях), составляющих соху, жило и хозяйствовало больше людей, чем на 600 чтв. в поле (900 дес. в трех полях), и поэтому обложение для поместий и вотчин «служилых людей» было более льготным, чем для монастырских феодальных владений. Система «одабривания земель», развившаяся преимущественно в XVII в., при всех осложняющих моментах могла опираться только на реальное измерение площа-

ди хозяйственных угодий. Думается, напрасно С.Б. Веселовский полагал, что «самая идея о среднем нормальном урожае для той или иной местности... была... недоступна приказным Московского государства»²⁵. Вероятно, это лишь оговорка ученого. Бесспорно, народный опыт хозяйствования выработал эти нормы для каждой местности, и писцы так или иначе опирались на этот опыт, подразделяя земли на «худые», «средние» и «добрые»²⁶.

Наконец, в основе суждения С.Б. Веселовского о том, что на протяжении XVI–XVII вв. происходил процесс измельчания норм окладов, несомненно, лежит допущение изначального соответствия оклада действительным размерам запашки. По собственному признанию ученого, «уменьшение окладов живущего и расхождение между действительными размерами запашки тяглых хозяйств и пашней паханой живущего сошного письма происходили медленно и одновременно для отдельных местностей»²⁷.

Итак, в основе системы государственного фиска («сошного письма») в момент ее организации преобладал поземельный принцип обложения. Данный тезис С.Б. Веселовский, в конечном счете, не отрицает. Но, если это так, то явным алогизмом выглядит стремление ученого доказать отсутствие поземельного принципа обложения в самой изначальной системе единой организации «сошного письма» (ранний период генезиса фискальной системы в счет не идет). Это серьезнейший изъян в концепции выдающегося историка.

Излишне напоминать, что отрицание поземельного характера единой государственной системы фиска в XVI–XVII вв. несостоятельно и методологически. Производственной базой феодального общества той поры было земледелие, в сравнении с которым значение промысла и торговли было несущественным. Следовательно, степень развития земледелия была единственным возможным критерием платежеспособности населения в общегосударственном масштабе. Обсуждая идею податной реформы середины XVI столетия, такие крупные публицисты, как Ермолай-Еразм и Иван Пересветов, мыслили эту реформу именно как поземельную систему обложения.

В труде С.Б. Веселовского отрицание идеи поземельного обложения иллюстрируется преимущественно материалами по черносозному Северу, где земледелие не было, за исключением некоторых районов, основой крестьянского хозяйства, а также материалами ранних этапов генезиса фиска. Если же взять данные по другим территориям в периоды относительно нормального состояния земледелия, то все встает на свои места. Приведем, в частности, материалы писцового описания дворцового с. Большое Мурашкино Нижегородского у. 1624–1626 гг., где сошный оклад

дан в вытях²⁸. Поземельный характер вытного обложения XVII в. резко проявляется при сопоставлении размеров вытного оклада поселения с ярко выраженным промысловым уклоном и второстепенной ролью земледелия, каким являлось Большое Мурашкино и соседнее с ним типично земледельческое поселение – Малое Мурашкино²⁹ (см. табл.).

Распределение вытных окладов в 1624–1626 гг.

Села	Размер вытного обложения (в %)				
	четыре	1/2 чети	1/4 чети	1/8 чети	итого
Б. Мурашкино	3%	24%	50%	23%	100%
М. Мурашкино	23%	72%	4%	1%	100%

Из данных таблицы со всей очевидностью следует, что в богатом промысловом селе максимальная норма оклада в «четыре выты» встречалась в 7 раз реже, чем в земледельческой деревне, оклад в полчети выты – в 3 раза реже. И, наоборот, мельчайший оклад в 1/8 чети в Б. Мурашкине составил 23% всех окладов, а в М. Мурашкине – только 1%. Разгадка подобного парадокса только в одном: вытное обложение носило прежде всего (как и сошное обложение в целом) поземельный характер. Поэтому в Б. Мурашкине, где издавна земледелие отошло на второй план и земельные угодья сократились, вытные оклады оказались ничтожными.

Такую же закономерность обнаруживают данные по другому промысловому селению Нижегородского края – с. Павлово. По сведениям отказной книги 1642 г., здесь на вытном окладе было 286 крестьянских дворов, а в окружающих село 20 деревнях было 298 крестьянских дворов. Крестьянские дворы с. Павлово были положены в 20 вытей, а примерно такое же число дворов 20 окружающих его земледельческих деревень было положено в 36 вытей, т.е. оклад их был почти вдвое выше³⁰. И вновь объяснение подобному соотношению кроется только в том, что в крупнейшем промысловом селении Нижегородского края, где был огромный процент бобыльского и даже просто непашенного населения, крестьянское население имело гораздо меньше пашенной земли и земельных угодий именно в силу того, что издавна было ориентировано на промысловый характер развития. Следовательно, и здесь сопоставление промыслового и земледельческого объектов фискального вытного обложения убедительно выявляет поземельный характер этого обложения.

Отрицая поземельный характер сошного обложения («сошного письма»), С.Б. Веселовский часто прибегает к материалам

писцовых книг русских городских посадов, словно забывая, что включение посада в сошный оклад есть лишь частный случай применения «сошного письма», причем такой случай, где смысл поземельного обложения к XVII столетию действительно исчезает и остается лишь довольно нелепая условная терминология. Так, в 1624 г. в Ржеве Володимеровой на посаде считалось «сошнаго письма в живущем полполчети сохи и 10 чети п а ш н и» (Разрядка моя. — Л.М.)³¹. Термин «пашня», как и счет на чети п а ш н и и сохи п а ш н и, реального значения здесь не имел, поскольку был механически применен, как и все «сошное письмо», к условиям города. Действительный учет платежеспособности городского населения опирался на общую зажиточность, на соотношение «лучших», «средних» и «молодых» дворов посада, а их конкретная норма оклада, приравниваемая к сохе, определялась в каждом случае особо.

На всей системе государственного «сошного письма» в целом нисколько не отражалось то обстоятельство, что из весьма солидного количества сох, строго соответствовавшего всей массе платежеспособного земледельческого населения страны, какое-то число отражает платежеспособность городского населения, подсчитанную по качественно иным признакам. Это станет вполне понятным, если вспомнить, что городское население Русского государства этой эпохи было крайне незначительным. Очевидно, что указанные отклонения, возникающие вследствие выбора критерия платежеспособности городского населения, не опровергают поземельного характера системы «сошного письма» в целом.

Как уже отмечалось, в основе всей концепции С.Б. Веселовского лежит мысль о том, что «под давлением тяжелых налогов сошные оклады отдельных боярщин и монастырских вотчин так измельчали, что их не было возможности выразить даже в самых мелких дробях сохи, бывших в употреблении в тогдашней сошной арифметике»³². Отсюда, по мнению ученого, и появление чисто технического изменения — перехода от счета на сохи к счету на четверти (т.е. доли сохи).

Прежде чем анализировать этот тезис, остановим внимание читателя на соотношении в «сошном письме» понятий «живущего» и «пустого». Как известно, соотношение это весьма условно: «живущее» — это то, что несет тягло, а «пустое» — то, что не может или не несет тягла. Подчеркнем, что оба понятия, с точки зрения системы «сошного письма», должны быть в одном измерении, в о д н о м м а с ш т а б е. Если какая-либо пашня зачисляется в «живущее», она становится «пашней паханой» и измеряется четвертями. Если какая-либо пашня запустела или стала

льготной, она зачисляется в «пустое» и также измеряется четвертями. В случае приравнивания одного рода земель к другому применялись определенные коэффициенты («переложную землю, где добре пашня заросла и земля не добра, в пашни место перелога давать перед лучшими землями в 1,5, а где буде добре худа, ино давать вдвое»³³). В писцовых книгах «пустое» фиксировалось не менее тщательно, чем «жилое». Сам С.Б. Веселовский отмечал, в частности, что описание «пустых» и «порозжих» земель «сошным письмом» «имело не только фискальное, но и очень важное гражданско-правовое значение»³⁴. Таким образом, с точки зрения фиксации земель в писцовых книгах, а также их измерения «живущее» и «пустое» были, так сказать, равноправны.

Теперь попытаемся представить себе соотношение этих земель в «сошном письме» при том, что с течением времени, как это утверждает С.Б. Веселовский, писцы клали в «живущее» все меньшую и меньшую долю действительной запашки³⁵. Если допустить, что в «живущее» зачислялась лишь какая-то часть действительной пашни, то логично предположить, что остальное соответственно зачислялось в «пустое». Общее же количество земли оставалось неизменным. Так, видимо, должно было бы быть, если бы писцовые описания были земельным кадастром, а оклад «живущего» и «пустого» брал за основу площадь пашенной земли³⁶.

Допустив, согласно С.Б. Веселовскому, чистую условность системы «сошного письма», мы должны были бы столкнуться с какой-то иной механикой соотношения «живого» и «пустого». По мысли ученого, рост налогообложения приводил к тому, что в государственном аппарате появлялись какие-то компенсационные акции. В ответ на рост налогов писцы уменьшали долю оклада. Скажем, если на соху сумма налога возросла с одного до десяти рублей, то доля оклада, приходящаяся на крестьянский двор, вместе с тем уменьшалась, и взамен одной сотой сохи на него теперь падала тысячная доля этой же сохи, т.е. реальная доля налога могла и не измениться. Разумеется, пример этот грубо условен, но суть процесса, предполагаемого С.Б. Веселовским, передает правильно. В связи с этим непонятны причины, приводившие в действие этот механизм, ведь не могли же писцы, видевшие нереальность новых норм налогообложения, самостоятельно или под влиянием подкупов снижать нормы оклада так, чтобы, в конце концов, прийти до применения доли «чети» (например, до полосмины чети, что равноценно 1/3200 доли сохи доброй земли). Главное же состоит в том, что при подобном резком снижении долей оклада неясна судьба общего количества сох как основы доходной части бюджета средневекового государства. Если на

соху раньше приходилось 100 дворов, а, допустим, через 50 лет – 1000 дворов, то при тогдашних темпах роста народонаселения оно увеличивалось за 50 лет не настолько, чтобы общее количество сох не изменилось: оно неизбежно должно сократиться! Таким образом, при увеличении роста налогообложения на соху общее количество сох сокращается, в известной мере нейтрализуя этот же рост. В таком самообмане приказных органов фиска не было никакой необходимости.

Введение в систему «живущего» понятия «пустой» сохи сильно осложняет картину и запутывает весь механизм. При увеличении «населенности» «живущей» сохи (со 100 до 1000 дворов) неясна судьба сохи «пустой». Если она оценивает запустение с тех же позиций, что и «жилая» соха (т.е. теперь «пустая» соха отражает размер земель, на которых могло бы жить до 1000 дворов), то число таких сох тоже неизбежно должно сократиться. А этот вариант, в сущности, аналогичен указанному выше.

С.Б. Веселовский подчеркивает и чисто техническую выгоду перехода на счет по четвертям (легче считать!), но и это не убеждает, так как в подобном случае можно было просто сохранить вытнй счет, не отягощенный сложными дробями. Не чувствуется логики в предполагаемых мотивах реформы и при допущении существования прежней «пустой» сохи, т.е. одного масштаба с «живущей».

Для пояснения этих рассуждений приведем выдержку из писцовой книги 1621–1623 гг. по Арзамасскому уезду: «И всего в Ычаловском стану в поместьях: четыре села, тридцать четыре деревни, шесть починков, 32 пустыни, два селища, а в селех и в деревнях 112 дворов помещиковых, 39 дворов людцких, 399 дворов крестьянских, 227 дворов бобыльских, а людей во крестьянских и в бобыльских дворах 795 человек, 82 двора пустых, 197 мест дворовых. Пашни паханные помещиковы 4095 чети с полуосминою, да наезжие пашни 1551 четь с осминою, да крестьянские пашни... живущего 148 чети с осминою, да перелогу и дикого поля и дубровы пашенные и что пашни лесом поросло 6141 четь бес полутретника. А всего пашни, и перелогу, и дубровы, и дикого поля, и лесом поросло 11 936 четверти и полполтретника в поле, а в дву потому ж. Земля добра. Сена... 16 557 копен. Да дубровы непашенные 87 десятин. А сошного письма в живущем пол чети и полполчети сохи и недошло в сошное письмо четверти с осминою пашни. А в пусе 14 сох с полусохою и полчети и полполчети и полполполтрети сохи и четыре чети с полуосминою пашни»³⁷.

Обратим внимание прежде всего на то, что сумму «пустого» составляет «пашня паханая помещикова» (4095 чत्व.), «наезжая

пашня» (1551 чтв.), «перелог», «дикое поле», «дубровы пашенные» и «пашня лесом поросла» (6141 чтв.) – всего 11 787 чтв. «Живущее» представлено 148 чтв. крестьянской пашни. Толкуя эти данные по С.Б. Веселовскому, мы допускаем условность всего счета на четверти, т.е. 148 чтв. «живущего» условно отражают земельные угодья, торговлю, промыслы, с которых платят налоги 399 крестьянских и 227 бобыльских дворов. Однако что же представляет собой «наезжая пашня», вошедшая в «пустые» сохи? Принимая одномасштабность измерения «живущего» и «пустого», мы вправе думать, что 1551 чтв. наезжей пашни, будь она в «живущем», отразила бы платежеспособность свыше 3 тыс. крестьянских и 2 тыс. бобыльских дворов. Однако дворов этих в книге нет. Нет и такого количества пустых дворов или дворовых мест. Кроме того, «наезжая пашня» – это пашня действующая, хотя нерегулярная и поэтому льготная. Стало быть, она обрабатывается, и притом реально фиксируемым в книге населением, в десятки раз меньшим, чем расчетное. Следовательно, предположение одномасштабности измерения «живущего» и «пустого» в данном случае приводит к абсурдным выводам. Что касается помещичьей пашни, также зачисленной в «пустое», то сама идея считать ее площадь не реальной, а условной, нелепа. Трудно даже вообразить мотивы этой условности. Если суть перехода к дворовой чети в чисто техническом приеме и «пашню паханую» «стали определять (вычислять) по числу крестьянских и бобыльских дворов»³⁸, то какой же метод подсчета достался на долю помещичьей пашни? Ведь «дворовым числом» ее не определить!

Таким образом, остается единственное – признать, что данные об измерениях угодий, вошедших в писцовой книге в состав «пустого», соответствовали их действительным размерам (о точности самого измерения сейчас речь не идет). Согласившись с этим выводом, читатель неизбежно придет к заключению, что тезис С.Б. Веселовского о переходе к так называемой «живущей дворовой четверти» как к чисто техническому приему вследствие уменьшения окладов, вызванных ростом налогообложения, является неправильным. Если же допустить, что счет «пустого» отражал реальные измерения запустевших угодий, а счет «живущего» был чисто условным индексированием степени платежеспособности населения, то утверждения С.Б. Веселовского о том, что «главная цель дворовой чети состояла не в каких-либо новшествах, а в обновлении и сохранении разрушавшегося сошного письма»³⁹, и что «указы 128–140 гг. (1620–1632 гг. – Л.М.)... только давали объективные нормы как класть в живущее сошное письмо»⁴⁰, также не выдерживают критики. Ведь в писцовых книгах счет «пустого» и «живущего» одномасштабен: то и другое, как

мы видели, в конечном счете выражается в сохах и долях ее. Если же «живущее» дается в одних величинах, а «пустое» — в иных, то единая система сошного письма от этого не укрепляется, а, наоборот, разрушается.

Здесь мы подходим к ключевому моменту, определившему ошибочность всей концепции двухтомного «Сошного письма» С.Б. Веселовского. Корень этой ошибки, на наш взгляд, состоял в том, что С.Б. Веселовский д о в е р и л с я источнику. Он поверил в существование в писцовых книгах, реализовавших указы о дворовой чети, е д и н о й с и с т е м ы с о ш н о г о п и с ь м а на том основании, что живущие чети включены в них в сошный счет.

Да, действительно, счет на дворовые четверти в писцовых книгах включен в систему сошного письма, и С.Б. Веселовский приводит многочисленные и убедительные тому примеры. Однако это не означает, что с введением «дворовой чети» единая система действительно сохранилась. На практике она разрушилась, и писцы давали счет «живущего» и «пустого» в сошном измерении чисто формально, пренебрегая несовместимостью того и другого. С.Б. Веселовский неоднократно в подтверждение своих мыслей приводит отрывок из указа 1632 г. о раскладе вытного счета в Заонежских погостах, где предписывается положить «в выти по 15 дворов крестьянских на выть, а в выть по 12 чети добрыя земли, а середняя и худшие земли класть по наказу, каков им (писцам. — *Л.М.*) дан, а в сошное письмо положить против вытей»⁴¹. На первый взгляд, действительно, выть одновременно считается и на четверти, и на дворы. Отсюда и делается вывод, что если дворы — единица реальная, то четверти являются мифическими, т.е. не отражают какую-либо действительную площадь земли. Между тем возможна и другая трактовка текста, по которой «дворовая четверть» предназначена для «живущего», а четвертное (пространственное) наполнение выти — для «пустых» земель (перелога, наезжей пашни и т.д.)⁴². Этот принцип разномаштабного измерения применен, по нашему мнению, во всех писцовых книгах, где реализованы указы о «живущей четверти». Отсюда становится понятным, что, например, в писцовой книге 1621–1628 гг. по Арзамасу в Тешском стану на 716 крестьянских и 312 бобыльских дворов приходится 4956 чтв. помещичьей запашки (без наезда) и эта запашка реальна по своим размерам, прежде всего потому, что соразмерна людским трудовым ресурсам, фиксированным в книге⁴³. В то же время за упомянутыми крестьянскими и бобыльскими дворами числится лишь 246 «живущих четвертей», что не отражает ни реальную пашню, ни даже часть ее. Это типичный счет на «дворовые чети», т.е. на сумму

дворов. Обстоятельством, усугубляющим трудность прочтения писцовых книг такого типа, является своего рода мимикрия: «живущая пашня» как «дворовое число» внешне предстает типичной пашней. Вот ординарный пример из писцовой книги по Чухломе 1628–1636 гг.: «И всего за боярином за Борисом Ивановичем Морозовым вотчины в Чухломском Окологороде сельцо да 3 деревни живущих, да 2 пустоши, а в них двор вотчинников, 16 дворов крестьянских, 8 дворов бобыльских, а людей в них 39 человек, пашни паханья вотчинниковы середняя земли 25 четьи, да крестьянские пашни 2 четьи, да перелогом 96 четьи, да лесом поросло 120 четьи. И всего пашни паханья и перелогом и лесом поросло середняя земли 243 четьи в поле, а в дву потому ж, сена 294 копны, лесу пашенного 29 десятин, да непашенного лесу 29 же десятин, да лесу же непашенного в длину на 5 верст, поперек 3 версты; сошного письма в живущем 2 четьи да в пусте полчетьи и полполтрети и полполполчетьи сохи и четь с осминою и с полполтретником пашни»⁴⁴. В цитированном отрывке наряду с реальной цифрой помещичьей запашки в 25 четвертей идет исчисление живущей пашни, которая представлена как «крестьянская пашня» (2 четверти). На самом деле цифра в 2 чети есть производная от расчета нормы «живущей четверти» в 8 дворов крестьянских и 4 двора бобыльских. Общая сумма дворов во владении Б.И. Морозова (16 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских) и образует ровно 2 «чети».

Иллюзия учета пашни усиливалась тем, что счет (дворовый счет!) на «живущие чети» включался в общий счет. В сошное письмо он включался точно так же, как обычно посадские сохи, исчисленные по своей особой системе, включались в общий сошный оклад страны, опиравшийся на принцип поземельного обложения. Разница состоит в том, что, если общее число посадских сох было незначительным и не слишком сильно искажало общую картину, то особые принципы исчисления дворовой чети кардинально нарушили общую систему сошного письма, объединившую теперь два совершенно различных подхода к определению тяглоспособности. Когда-то стройная система отныне рухнула.

Вот типичный пример подобного рода из книги по Чухломе: «И всего в волости в Великой Пустыне за помещики 53 1/2 деревни да пол деревни без жеребья да 3 починка живущих, да 2 деревни пусты да 48 пустошей, да пол пустоши с жеребьем, да четь пустоши, да 2 займища, а в них двор помещиков, 98 дворов крестьянских, а людей в них 190 человек, 50 дворов бобыльских, а людей в них 84 человека, 28 дворов пустых, пашни паханья середняя земли 12 чети с осминою да перелогом 2349 чети с четвери-

ком, да лесом поросло 515 чети без четверика в поле, а в дву потому ж, сена 11541/2 копны, лесу пашенного 263 1/2 десятины, да непашенного лесу 23 десятины, да лесу же непашенного в длину пол семы версты, поперег 4 версты; сошного письма в живущем и в пусте 2 1/2 сохи и треть полполтрети сохи и 2 чети без четверика, в живущем 12 чети с осминою пашни»⁴⁵. В приведенном итоге «пашня паханая» явилась результатом пересчета 100 дворов крестьянских и 50 дворов бобыльских в «живущие четверти» по норме 8 дворов крестьянских и 4 бобыльских, что округленно и дает 12,5 чत्व. Реальные же земельные измерения (четвертные) касаются перелого и пашни, поросшей лесом, что составляло 2864 чत्व. В пересчете сошного письма, исходя из расчета 1000 чत्व. средней земли в сохе, 2,5 сохи и треть и полполтрети сохи и 2 чети без четверика за вычетом «живущего» (12 чत्व.) составят примерно 2864,5 чети. Таким образом, эта реальная площадь суммирована в итоге книги с качественно инородной цифрой (12 чети), пользоваться которой невозможно.

Вместе с тем чисто практические функции писцовых книг, реализовавших указы о дворовой чети 1620–1632 гг., не пострадали, ибо вся система фиска в последующие десятилетия базировалась только на данных о «живущем»⁴⁶. «Пустое» могло проявить себя лишь в перспективе, при определенном валовом описании. Можно предположить, что «живущая четверть» оказалась той бомбой замедленного действия, которая, в конечном счете, определила неудачу писцового описания 70–80-х годов XVII в. Именно в то время и потребовалось, в частности, соотнести «пустые» сохи 20–30-х годов XVII в. с «живущими», что оказалось невозможным в силу названных выше обстоятельств. Будущим исследователям потребуется кропотливая работа для выявления слоев достоверного исторического материала в писцовых книгах середины и второй половины XVII в., являющих собой книги с «живущей четвертью» второго и третьего поколений, где сочетания реальности и фикции могли принять еще более причудливые формы.

Таким образом, утверждая, что «приказные всегда имеют в виду и говорят, что они кладут дворы в сошное письмо, а не в какую-то особую окладную единицу – живущую четь», С.Б. Веселовский глубоко ошибался⁴⁷. «Живущая четь» была как раз особой окладной единицей несмотря на то, что действительно приказные клали ее в сошное письмо.

Между прочим, конкретные случаи, когда писцы при описаниях земель одновременно применяли системы, основанные на разных принципах измерения платежеспособности, приведены самим С.Б. Веселовским. Так, в Никольской слободке Коряжем-

ского монастыря насчитывалось 222 крестьянских и бобыльских двора, что составляло в «дворовых вытях» «44 выти с полувытью без полполчети выти» или около 5 дворов в выти. В то же время в слободке было «пашни паханой худой земли 363 чети да наезжей... 2 чети», что составило «сошного письма в живущем худыя земли четь и полполполтрети сохи и 15 чети худыя ж пашни»⁴⁸. Перечисляя сошный счет на чети (исходя из того, что в сохе 1200 чтв. худой земли) получаем ровно 365 чтв., что в вытном исчислении составит 23 выти (по 16 чтв. худой земли в выти). Следовательно, мы имеем одновременно счет на «дворовые выти» и сошный счет, исходящий из реальной «живущей» земельной площади в четвертях. Аналогичный пример с вотчиной Андрея Строганова, где 60 половничьих дворов были положены в 12 «дворовых вытей» (по 5 дворов в выть), а «пашни паханой средней земли» насчитывалось 98 ств., да худой 46 чтв., что в сошном исчислении составило «полтрети и полполполтрети и четь без полуосмины пашни»⁴⁹. Принцип пространственного исчисления пашни здесь также вполне очевиден.

В приведенных примерах подчеркнем наиболее важное для обсуждаемой проблемы: счет на «живущие чети» (или выти) опирался только на дворовое число. Конкретное же содержание «живущей чети» предписывалось, как известно, специально учреждаемым тем или иным сочетанием числа крестьянских и бобыльских дворов.

Завершая анализ истоков ошибочных суждений С.Б. Веселовского о природе «живущей чети», об условности системы сошного письма и об условности понятия четвертной пашни, мы приведем самые, на наш взгляд, доказательные материалы, свидетельствующие о том, что условность «живущей чети», как способа измерения платежеспособности, не означала условности понятия «четвертная пашня». В недавно изданном третьем томе «Актów писцового дела», материалы которого так и не собрался опубликовать подготовивший их С.Б. Веселовский, есть подборка дел о неправильном посошном обложении иноземца Александра Гамильтона, получившего в счет корма в 1646 г. в поместье жребий сельца Красного Арзамасского уезда. В челобитии полковника Александра Гамильтона, в частности, указывалось, что «как де то поместье ему откащик отказывал и он в отказные книги и пустые дворы писал з жилыми дворами вместе, и бобыльские дворы со крестьянскими дворами порознь не росписывал, и писал все сряду жилыми крестьянскими дворами, а не пустыми и не бобыльскими дворами. И против тех отказных книг положено то его поместье в большом живущем окладе, больше 10 чети, а он иноземец, помесных дел и извычыв не разумел и того не

знал, что живущие чети»⁵⁰. Из приведенного отрывка с полной очевидностью явствует, что «живущие чети» комплектуются т о л ь к о на основе количества и качества д в о р о в. Из этого же текста видна любопытнейшая деталь: иноземец, незнакомый с «помесными извычьями», признается, что явно спутал обычные чети, означающие полдесятины земли и «живущие чети», ничего общего с первыми не имеющие. Иноземец полагал, что будет платить с 10 четей «четвертной земли», а оказалось все иначе. Сколько же у А. Гамильтона было четвертной пашни? Из доклада, составленного в Поместном приказе о посошном обложении иноземцев в Арзамасском уезде, мы видим, что в 1646 г. «отделено подполковнику Александру Гамельту в Арзамасском уезде в селе Красном, а в нем пашни 264 чети бес третника, 61 двор крестьянских». Тогда же поместье А. Гамильтона было положено в «живущие чети»: «...И только за подполковником за Олександром Гаментоном с товарищи те их помеся положить в живущую четь по государеву указу против Курмыша и Алатаря по 5 дворов крестьянских да по 3 двора бобыльских, и будет за подполковником за Александром в живущем 9 чети бес полуосмины и бес пол-полчетверика», (что в 1651 г. А. Гамильтон и обжаловал)⁵¹. Отсюда следует вполне обоснованный вывод, что четвертная земля поместья в писцовом делопроизводстве (в данном случае в акте отказа) все-таки и з м е р я л а с ь, что измерение велось в обычных четвертях в одном поле. Эти данные вносились в отказные, отдельные, писцовые и т.п. книги. Таким образом, природа «живущей чети» не имела ничего общего с природой четвертного измерения и измерения угодий в светских, духовных, дворцовых и черносошных категориях земель. Здесь особенно четко видна ошибочность рассуждений С.Б. Веселовского, который, усмотрев отсутствие поземельного характера такой категории оценки платежеспособности населения, как «живущая четь», перенес эту оценку на всю писцовую процедуру и отверг определение писцовых книг и их разновидностей как русского поземельного кадастра XVI–XVII вв. Подытоживая рассуждения, мы приходим к принципиальной оценке писцовых книг, созданных во исполнение указов 1620–1632 гг. о «живущей чети», как сложного и противоречивого источника. В писцовых книгах этого типа нет данных о крестьянской тягловой пашне ни в условной, ни в абсолютной форме. Сведения о ней являются лишь коварной иллюзией, многие десятилетия сбивавшие с толку некоторых исследователей и порождавшие ненужный скепсис. Все данные книг этого типа, касающиеся измерения тягла, включая и раскладку сошного (и вытного) письма, базируются исключительно на «дворовом числе» в самых различных его вариациях.

В то же время все пространственные измерения, не имеющие непосредственного отношения к тяглу (размер помещичьей пашни, наезжей пашни, пашни перелогом и лесом поросшей, леса пашенного, дикого поля, сенокоса и т.д.), можно считать вполне достоверными как прямые данные о размерах различных угодий. Сошное письмо в книгах этого типа приобретает искаженный характер в тех случаях, когда подытоживает «живущее» и «пустое» в одной итоговой сумме, ибо поступать так, как поступали писцы того времени, все равно, что складывать килограммы с метрами. Однако следует еще раз подчеркнуть, что на практике налогообложения упражнения такого рода отрицательно не сказывались и новая система прожила в XVII в. не одно десятилетие⁵². Таким образом, к этому же типу писцовых книг принадлежат и многие писцовые книги второй половины XVII столетия.

Что же касается писцовых книг более ранней поры, то распространение на них условностей системы налогообложения, имеющей в основе «живущую четь», не имеет никаких оснований. Эта группа памятников имеет все черты типично поземельного кадастра, включая и данные о крестьянской тягловой пашне. Эти черты свойственны и книгам конца XVI – начала XVII в., когда в тягле оставалась ничтожная часть пашни.

Непризнание С.Б. Веселовским за писцовым делопроизводством характера поземельного кадастра имеет принципиальное методологическое значение, ибо оно ведет к отрицанию объективного характера критерия платежеспособности, легшего в основу всей системы, породившей такой массовый источник, как писцовые книги и их разновидности. Отвергнув такой объективный критерий платежеспособности, как площадь действующей и потенциальной пашни, С.Б. Веселовский вольно или невольно перенес центр тяжести всей системы писцового описания на так называемый субъективно-посильный принцип, согласно которому вся система писцового описания зависела не от формального (и тем самым объективного) критерия, каким была площадь земли, а от правильности оценки писцом «силы» того или иного крестьянского двора, т.е. критерия чисто субъективного. Избрав этот момент в качестве ведущего, С.Б. Веселовский логикой вещей приходит к мысли о решающей роли в писцовых описаниях (и в оценке писцовых книг как источника) так называемой добросовестности писца. Не случайно многие и многие страницы «Сошного письма» посвящены деталям и обстоятельствам составления различных писцовых описаний. Отказав писцовым описаниям в объективном отражении действительности (размера действующей и потенциальной пашни), ученый неизбежно пришел к необходимости все проверять, наложив, таким образом табу на

все непроверенное. Отсюда лозунг тщательной критики, граничащей с гиперкритикой такого источника, как писцовое делопроизводство. В свое время слишком резкую, но в значительной мере правильную оценку этой тенденции, содержащейся в концепции С.Б. Веселовского, дал Г.Е. Кочин: «Агностицизм – подлинная основа глубоко критическому отношению к документам массовых явлений»⁵³. Объективный итог позиции С.Б. Веселовского – лишение историков возможности статистически обрабатывать писцовые книги. Ведь критически разобрать писцовые книги, сопоставить их с другими источниками историки могут в редких случаях, да и то лишь в какой-то, подчас незначительной части их материала, а все непроверенное подлежит запрету (!). Приходится заметить, что довольно много исследователей до сих пор добросовестно придерживаются точки зрения С.Б. Веселовского, явно преувеличивая значение проблемы достоверности писцовых книг и с удивительной пунктуальностью подмечая все существенные и несущественные неточности этого источника. Гиперболизация проблемы достоверности писцовых книг – прямой итог влияния концепции С.Б. Веселовского. Слов нет, проверять источник можно и нужно, но вместе с тем необходимо уяснить, что в основу писцовых описаний был положен формальный объективный критерий (площадь земли) и именно данное обстоятельство делает этот массовый источник в целом вполне приемлемым объектом статистической обработки.

¹ Рожков Н.А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899; Готье Ю.В. Замосковский край в XVII веке. Очерк по истории экономического быта Московской Руси. 2-е изд. М., 1937.

² Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. Т. I–II. М., 1915–1916.

³ На практике эти нормативы выполнялись с большими отклонениями. Так, в писцовой книге письма и меры Тимофея Васильева сына Измайлова с товарищи 1621–1625 гг. по Арзамасскому уезду «живущая четь» составляла: 1 кр. двор (с. 168), 1 кр. двор и 2 боб. двора (с. 181–182), 2 кр. двора и 1 боб. двор (с. 87), 2 кр. двора и 2 боб. двора (с. 139), 3 кр. двора (с. 77, 204), 3 кр. двора и 2 боб. двора (с. 105, 142), 3 кр. двора и 6 боб. дворов (с. 78), 4 кр. двора (с. 130, 132), 8 кр. дворов (с. 99) и т.д. (Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1915. Т. 15. Вып. 8 (далее – ДНГУАК)).

⁴ Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. К точке зрения А.С. Лаппо-Данилевского отчасти примкнул П.Н. Милюков (Милюков П. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. Рец. на кн. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». СПб., 1892).

⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. II. С. 483.

- ⁶ Там же. С. 484.
- ⁷ Там же. С. 482.
- ⁸ В этом С.Б. Веселовский отчасти повторяет мнение П.Н. Милюкова, который считал, что «живущая четь» произошла из сошного письма. См.: Милюков П. Указ. соч. С. 119–122.
- ⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. I. С. 13.
- ¹⁰ Там же. Т. I. С. 13; Т. II. С. 484.
- ¹¹ Там же. Т. II. С. 481; Т. I. С. 14.
- ¹² Там же. Т. I. С. 13.
- ¹³ Там же. С. 22.
- ¹⁴ Там же. Т. II. С. 352.
- ¹⁵ Там же. С. 343.
- ¹⁶ Там же. Т. I. С. 233.
- ¹⁷ Там же. Т. II. С. 79.
- ¹⁸ Там же. С. 403.
- ¹⁹ Там же. С. 415; см. также с. 379.
- ²⁰ Там же. С. 392.
- ²¹ Там же. С. 379.
- ²² Там же. С. 379.
- ²³ Там же. С. 404.
- ²⁴ Там же. С. 345. Разрядка моя. – Л.М.
- ²⁵ Там же. С. 356.
- ²⁶ Следует оговорить при этом, что подобная классификация земель всегда ограничена рамками того или иного региона страны и не действовала в масштабе всего государства. Поэтому «худая» земля одного района могла соответствовать «средней» земле другого.
- ²⁷ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. II. С. 301.
- ²⁸ Выть С.Б. Веселовский оценивал так же, как соху, и четвертную пашню: «живущая выть, с которой приходилось тянуть тягло, есть понятие совершенно условное» (Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. II. С. 464).
- ²⁹ Гейман В.Г. Боярин Б.И. Морозов и крупнейшие его вотчины села Мурашкино и Лысково Нижегородского уезда // Хозяйство крупного феодала-крепостника в XVII в. М.; Л., 1933.
- ³⁰ Ротштейн О.В., Шилова Н.И. Павлово в XVII вв. Минск, 1930. С. 37.
- ³¹ Акты писцового дела. М., 1917. Т. II, вып. 1. № 78. С. 169.
- ³² Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. II. С. 484.
- ³³ Там же. С. 395.
- ³⁴ Там же. С. 439.
- ³⁵ Там же. С. 464.
- ³⁶ В остро кризисные периоды конца XVI – начала XVII в. так и было. Льготы по обложению выключали пашню паханую из «живущего», но непременно включали ее в пустое. Были и крайности, когда в «живущем» почти ничего не оставалось. Это были аномалии и на них система не была рассчитана, однако, поземельный принцип обложения сохранялся и в этом случае.
- ³⁷ ДНГУАК. Т. 15. Вып. 8. С. 212.
- ³⁸ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. II. С. 482.
- ³⁹ Там же. С. 481.
- ⁴⁰ Там же. С. 486–487.
- ⁴¹ Там же. С. 475; Акты писцового дела. Т. II, вып. I. № 96. С. 213.

- ⁴² Среди прочих могут быть и такие случаи, когда в писцовые книги с дворовым счетом сохи или выти сведения о земле попали механически из приправочных книг.
- ⁴³ ДНГУАК. Т. 15. Вып. 8. С. 101.
- ⁴⁴ Материалы для истории города Чухломы и рода костромичей Июдиных (1613–1895 гг.). Т. 1. XVII в. Дозорная, писцовая и переписные книги. Красноярск, 1902. С. 88–89.
- ⁴⁵ Там же. С. 200–201.
- ⁴⁶ Это обстоятельство не вполне понял П.Н. Милюков. См.: Милюков П. Указ. соч. С. 119–121.
- ⁴⁷ Веселовский С.Б. Указ. соч. Т. 1. С. 13.
- ⁴⁸ Там же. С. 73.
- ⁴⁹ Там же. В недавно вышедшем посмертном издании третьего тома «Актос писцового дела» С.Б. Веселовского опубликована перечневая роспись с писцовых книг 1636–1637 гг. налогов по Соль-Вычегодскому у. В росписи данные писцовой книги, в частности по вотчине Андрея Строгонова, дополнены данными из приправочной книги Ивана Благова 1622 г., т.е. более ранними сведениями, еще не отягощенными условностями «живущей чети». По приправочной книге, четвертной пашне в 98 четей «средней» земли и 47 четей «худой» земли соответствовало вытное обложение в 10 вытей, что четко соответствует поземельному содержанию выти. В писцовой книге 1644/45 г. при той же четвертной пашне стало 32 выти (уже по числу дворов). Авторы росписи резонно фиксируют эту разницу: «И убыли по новому письму перед приправочными книгами денежных всяких доходов, oprичь нового оброку, 3 рубли 5 ден., а четвертные пашни средние и худые земли тож, что и по приправочным книгам, а вытного письма прибыло 2 выти и пол-пол-полтреть выти». В издании есть и другие примеры аналогичного характера. (Акты писцового дела. 1644–1661 гг. М., 1977. С. 48–49 и др.).
- ⁵⁰ Акты писцового дела (1644–1661 гг.). № 82. С. 213.
- ⁵¹ Там же. № 79. С. 209–211. В том же документе приведены аналогичные данные по дачам других иноземцев. Так, «маюр Юрий Англер получил в селе Красном 53 крестьянских двора и 249 чети бес полуосмины пашни, а «в живущих четьях» обложен 7 чети с осьминою и пол-полтретника»; «капитон Ондрей Ментур в селе Красном и деревне Васильеве Враге – 47 крестьянских дворов, пашни 199 чети бес четверика, а обложен 6 чети бес полуосмины и без пол-полчетверика»; прапорщик Иван Арфатов в том же селе Красном – «25 крестьянских дворов, пашни 101 четь бес полчетверика», а обложен в «живущих четьях» – 3 чети с осминою и бес пол-полтретника и т.д. (там же). Из документа с полной очевидностью следует, что чети пашни и «живущие чети» друг друга не заменяют и не имеют ничего общего. Четьями пашни измеряли земельные угодья.
- ⁵² В связи с этим важно отметить необходимость глубокого критичного подхода к подсчетам итогов писцовых книг XVII в., предпринятых в начале XVIII столетия. Тонкости в различии писцовых книг разных типов вряд ли улавливались канцеляристами Петровской эпохи. Между тем результаты этих подсчетов в последние годы активно вводятся в научный оборот.
- ⁵³ Кочин Г.Е. Писцовые книги в буржуазной историографии // Пробл. источниковедения. Т. II. М.; Л., 1936. С. 183.

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ*

На протяжении 70-х годов увидели свет три тома фундаментального исследования по аграрной истории Северо-Запада России XV–XVI вв.¹, созданного большим авторским коллективом ленинградских историков-аграрников под руководством А.Л. Шапиро. Появление этого труда знаменует собой новый этап в области исследований по аграрной истории, подготовленный всем ходом практической и теоретической деятельности историков-аграрников в течение 50–60-х годов, в частности опытом работы Симпозиума по аграрной истории. Приступая в середине 60-х годов к этому труду, его авторы и руководитель А.Л. Шапиро ясно осознавали необходимость осуществления в полном смысле слова коллективного исследования, создаваемого на основе единой, совместно вырабатываемой авторами в процессе работы методики (или методик) обработки материала источников. Именно так последовательно и строилась подготовка издания с организационной точки зрения². С другой стороны, четкое понимание того, что информация, извлекаемая из источников по периоду феодализма (большей частью уже введенных в научный оборот), оказывается ныне недостаточной для решения выдвинутых наукой новых проблем, заставило авторский коллектив максимально широко подойти к вопросу о выборе методик, представляемых современным уровнем развития источниковедения. В результате мы имеем первый монографический опыт применения для эпохи развитого феодализма на территории Русского государства методов математической статистики и моделирования к массовому статистическому материалу писцовых книг, позволяющий авторам выводить обобщенные показатели по ряду параметров сельскохозяйственного производства, служащие основанием для всесторонней характеристики аграрного строя региона и материалом для сравнительно-исторических построений³. Это несомненно новый шаг в аграрной историографии, дающий толчок научной мысли и представляющий широкие возможности для суждений о дальнейших путях совершенствования методики обработки массовых источников по аграрной истории эпохи феодализма.

В целом можно сказать, что в этом труде аккумулированы и поставлены на службу исследователей все достижения советско-

* В соавторстве с Н.А. Горской.

го источниковедения эпохи феодализма. Именно разнообразные источниковедческие приемы, приложенные к богатейшему материалу новгородских писцовых книг, позволили авторам создать фундаментальное исследование. Все дальнейшие разыскания в области аграрной истории русского средневековья должны будут учитывать данный труд. Излагаемые ниже раздумья (и сомнения) авторов данной статьи возникли также благодаря той многогранной и трудоемкой работе, которая была выполнена ленинградскими историками-аграрниками.

Созданный ими труд основан на сплошной обработке новгородских писцовых книг (опубликованных и неопубликованных), поэтому важным моментом исследования стало определение степени достоверности писцовых книг и сопоставимости их показателей на протяжении ряда столетий; еще одна существенная особенность исследования – широкие хронологические рамки изучения конкретных микрорайонов (по терминологии авторов – «вертикального»), сочетаемого с фронтальным изучением каждого хронологического «горизонта». Данные по сопоставимым территориям «сливались с данными по всей описанной в сохранившихся книгах территории» (т. II, с. 3). Таким образом, этот труд представляет большой самостоятельный интерес прежде всего с точки зрения развития методики источниковедческих исследований.

Проведенное в трех томах исследование позволило авторам подвести итоги экономического развития Северо-Запада России за два столетия. Однако в первом томе труда задачи исследования сформулированы применительно к более продолжительному этапу – XV–XIX вв. Авторы исходили из справедливого представления, что лишь «работы по аграрной истории, охватывающие длительные многовековые периоды, основанные на сопоставлении данных, касающихся одних и тех же районов, владений, даже деревень, и по возможности доведенные до количественных показателей» (т. I, с. 4), могут вскрыть специфические особенности аграрных отношений в разные периоды, а также особенности развития отдельных районов. По-видимому, возможности для таких сопоставлений еще не исчерпаны и материал более позднего времени (XVII–XVIII вв.) позволит авторам в дальнейшем соотнести выводы, сделанные на данном этапе работы, с более широкой исторической картиной.

Исходя из всего вышесказанного, представляется целесообразным внимательней остановиться на источниковедческо-методической стороне анализируемого труда, носящей непреходящий характер, а уже во вторую очередь – на конкретных результатах исследования аграрной истории Северо-Запада XV–XVI вв.

Как уже отмечалось, основой исследования служат новгородские писцовые книги, для первого тома – старое и новое письмо конца XV– начала XVI в. Истории создания и изучения и того и другого в работе, естественно, уделено большое внимание (т. I, с. 11–16). Жаль только, что в соответствующем разделе отсутствует параграф, содержащий четкое перечисление, по каким землям, волостям, погостам в источниках есть данные из книг нового письма и более поздних документов (например, сотных середины XVI в.), соответствующие старому письму 1470-х – начала 1490-х годов, которое позволяет судить о землевладении и повинностях на последнем периоде существования Новгородской республики. Правда, в т. II (с. 4) дана глухая таблица сохранности писцовых книг XVI в. (количество погостов по пятинам), но, к сожалению, лишь мельком (с. 3) сказано о «кропотливой работе» по выявлению «одних и тех же территорий и селений в сохранившихся частях писцовых книг». Хотелось бы знать, учтены ли исследователями и каким образом разные принципы описания владений в пятинах на разных этапах описаний (по территории и по владельцам), которые должны были влиять на производимые подсчеты. Описания по отдельным пятинам имеют такие своеобразия, что для сведения их данных авторам потребовалось проделать колоссальную аналитическую и классификационную работу, которая, к сожалению, из-за ограниченного объема, осталась за кадром. Поскольку полнее сохранились материалы по Деревской, Водской и Шелонской пятинам, по-видимому, имело смысл именно на них показать «исследовательскую лабораторию».

Принципиально важна гл. 3 раздела I первого тома, в которой последовательно описываются все отправные моменты подсчетов. Наиболее обстоятельно исследован вопрос о новгородской обжа. Уже до присоединения Новгорода к Москве обжа являлась единицей обложения государственными повинностями. По мнению авторов, обжа всегда соответствует определенному участку земли, представляя собой нормальный в данном районе и при данной системе земледелия крестьянский надел (т. I, с. 26–27). Оправданным представляется применение корреляционного метода при выяснении соотношения в конце XV в. между количеством обож и количеством людей – глав семейств (т. I, с. 24). Изучение эволюции обжи новгородских писцовых книг привело авторов к выводу: «...Живущая обжа писцовых книг 1580-х годов равнялась реальным 10 четвертям тяглой пахотной земли в поле (= 15 дес. в трех полях). А выраженный в четвертях и обжах перелог и лесом поросшая пашня не отражают сколько-нибудь точно их реальные размеры» (т. II, с. 13). Много внимания уделено реальному крестьянскому наделу и его динамике в виде запашки

на семью в коробьях. Авторы произвели пересчет размеров пахотных угодий двора на семью (1 человек писцовых книг) (т. I, с. 346–349 и др.) и вывели среднюю дневную норму на пахоте в XV–XVI вв., а также размер участка, который мог быть обработан в этот период крестьянином с однолошадной упряжкой: 9 дес. в трех полях (т. I, с. 347). Авторы сосредоточили внимание на однотипности коробей как мер сыпучих тел разных районов (т. I, с. 29–30).

Большие трудности возникают при попытке определить состав крестьянской семьи XV в. и общее число жителей пятины или погоста. Авторы руководствуются правильным принципом: учитывают количество семей во дворах и, соответственно, разные размеры семей в одно-, двух- и более семейных дворах. К сожалению, из-за отсутствия сведений для XV в. авторы делают это на основе «некоторых» указаний XVII – начала XVIII в., относящихся к тому же к владениям разной владельческой принадлежности (т. I, с. 18–20), при этом неясно, на каком основании брачный возраст для мужчин определен с 18 лет (т. I, с. 19). В историографии и для более раннего и для более позднего времени фигурирует обычно возраст 15 лет⁴.

Исходя из того, что ряд труднейших источниковедческих проблем, касающихся изучения новгородских писцовых книг, будет и впредь привлекать внимание ученых, научным фундаментом и отправной точкой для которых будет теперь служить колоссальная работа, проделанная авторами «Аграрной истории Северо-Запада России», мы позволим себе более подробно коснуться ряда аспектов, связанных со спецификой оценки новгородскими писцами конца XV – начала XVI в. производственной мощи крестьянского хозяйства для определения его платежеспособности. Как уже отмечалось, авторы трехтомника, в конечном счете, пришли к выводу, что писцы конца XV в. брали в основу этой оценки размер фактического высева озимой ржи в одном поле (отсюда счет в коробьях)⁵. При допущении господства паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом вся пашня исчисляется в итоге путем утроения площади высева ржи. Правомочность такого метода вполне доказана авторами сопоставлением материалов конца XV в. с данными середины XVI в. В оценке обжи исследователи «Аграрной истории Северо-Запада» придерживаются известной формулы 1478 г.: «обжа – один человек на одной лошади орет», – считая вместе с тем обжу неточной мерой земли, находящейся, однако, в некотором соответствии с дворовой запашкой (т. I, с. 29).

Именно в итоге реализации такого подхода к подсчету земельных наделов крестьян авторы «Аграрной истории» допускают бытование в конце XV – начале XVI в. весьма крупных наделов, об-

рабатываемых однолошадным крестьянином, настолько крупных, что они кажутся, на первый взгляд, нереальными. Возражая А.А. Кауфману, авторы считают, что крестьянин с одной лошадей мог обработать 8–10 дес. пахоты в трех полях (т. I, с. 346–347). Встречаются, как отмечалось, расчеты пахотного надела на м.д. в 9–15 дес. и более. Однако многочисленные наблюдения историков по более позднему периоду (XVIII–XIX вв.) доказывают, что предельный практический размер пашни в расчете на м.д. (а также и на тягло) был гораздо меньше. Н.Л. Рубинштейн, например, считал для второй половины XVIII в., что крестьянин вообще практически не мог обработать надел, равный 3 дес. на м.д.⁶ И.Д. Ковальченко для первой половины XIX в. предполагает практический максимум пашни на м.д. в нечерноземной зоне 3,5–4 дес., а в черноземной – 4,5–5 дес. в трех полях⁷ и т.д. Однако общая тенденция развития производительных сил позволяет полагать, что у крестьянина XVIII–XIX вв. были большие возможности в обработке земли как технически, так и агрономически.

Вновь подчеркнем, что вопрос весьма сложен. Лишь в порядке обсуждения можно предположить, что одной из причин завышения возможностей крестьянского хозяйства конца XV – начала XVI в. может служить буквальное восприятие формул писцовых книг. В свое время А.А. Кауфман полагал, что высев в коробьях ржи не следовало бы утаивать, сообразуясь с трехпольем. В «Аграрной истории Северо-Запада» ленинградские историки блестяще подтвердили бытование практики трехпольного севооборота. Это доказано и источниковедчески и, так сказать, агро-социологически. В частности, убедительно показано, что XV в. был периодом утверждения в севообороте таких культур, как рожь и овес, пришедших на смену прежде всего пшенице, просу и т.п. Переход в XV в. к менее ценным, но выносливым культурам, таким, как рожь и овес, был обусловлен практикой внедрения паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом, что давало в итоге огромную экономию труда в обработке земли, а следовательно, историческую перспективу развития производительных сил. Таким образом, завышение земельных наделов, вероятно, кроется не в утрате данных писцовых книг по посеву ржи.

На наш взгляд, возможности разных оценок крестьянских наделов потенциально заложены в трактовке самого понятия «обжа». Видимо, все-таки рискованно понимать формулу «один человек на одной лошади орет» в смысле объема простых физических возможностей лошади и крестьянина. Как справедливо отмечал Г.В. Абрамович, понятие «обжа» предполагает не теоретические (физические), а практические возможности однолошадного крестьянина, взятые в сложном сельскохозяйственном

цикле в целом. Напомним, что новгородская соха XV в. как мера обложения имеет в основе, как это верно почувствовал Г.В. Абрамович, не просто площадь трех обож, а самую тяжелую операцию сельскохозяйственного цикла – вспарывание целины. Именно эта операция объединяла два-три однолошадных двора – отсюда соха и состояла из трех обож и образовывала уже абсолютно автономную ячейку. Точно так же и комплексность понятия «обжа» позволяет трактовать ее как некую обобщенную единицу, символизирующую производственную мощность и платежеспособность однолошадного крестьянина. Не случайно Г.В. Абрамович, реконструируя обжу второй половины – конца XV в., вводил в нее и сенокосы «меж поль», и усадьбу с огородом и гуменником. Собственно пашня, т.е. пашня действующая, из 9 дес. обжи занимала, по его мнению, лишь около 5 дес. в трех полях⁸.

В этой связи необходимо обратить внимание на тот факт, что в расчете на обжу в писцовых книгах то и дело встречается разное количество «коробей ржи». Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» прекрасно знают это и полагают, что это лишнее свидетельство в пользу того, что обжа не была ни точной мерой земли, ни точной единицей обложения. Но наше внимание привлекает иное – в числе коробей на обжу на массовом материале проявляется определенная закономерность. Приведем ряд примеров на материале таблиц первого тома «Аграрной истории Северо-Запада России» (т. I, с. 108, 369, 149, табл. 38, 191, 72), раскрывающих характер имущественной дифференциации крестьянства однодворных деревень, репрезентирующих в большой мере процессы, свойственные крестьянским хозяйствам Северо-Запада России в целом (см. табл. 1, 2, 3 статьи).

Данные трех вышеуказанных таблиц трехтомника мы, как видно из текста, дополнили расчетом на обжу числа копен и коробей, а также расчетом числа коробей на «человека» (главу семьи) и на мужскую душу, используя при этом методику расчета населения двора, предложенную авторами коллективного труда, дополнив ее допущением примерного равенства мужской и женской половин населения.

Из расчета числа коробей на обжу выявляется, что во всех случаях с ростом запашки на двор и на «человека» растет и число коробей на обжу. Приняв обжу за единицу обложения, а коробью – за единицу площади посева, мы неизбежно пришли бы к выводу, что тяжесть обложения весьма существенно менялась, ибо в дворах с меньшей пашней на обжу как единицу обложения приходилось значительно меньшее количество пашни, чем во дворах с большим количеством пашни. По Деревской пятине разница составляет 1,7 раза, по Шелонской – 1,3, а по Новгородскому у. – 2,2 раза и т. д.

Таблица 1. Дифференциация крестьянства Деревской пятины в конце XV в.

Группа дворов по числу коробей посева	Дворов	«Людей»	Обеж	Коробей	Копен на обжу	Коробей		
						на обжу	на «человека»	на м.д.
1,0	91	93	52	89	14,8	1,7	0,96	1,2
1,5	174	189	155	261	15,8	1,7	1,38	1,7
2,0	881	968	879	1762	16,1	2,0	1,82	2,3
2,5	774	868	776	1935	16,0	2,5	2,2	2,8
3,0	657	775	670	1971	16,1	2,9	2,5	3,3
3,5	75	93	93	262	15,4	2,8	2,8	3,8
4,0–4,5	200	279	325	824	15,3	2,5	3,0	4,1
5,0 и более	108	194	224	593	14,9	2,7	3,1	4,7
Итого	2960	3459	3174	7697	15,85	2,42	2,23	

Таблица 2. Дифференциация крестьянства Шелонской пятины в конце XV в.

Группа дворов по числу коробей посева	Дворов	«Людей»	Обеж	Коробей	Копен на обжу	Коробей		
						на обжу	на «человека»	на м.д.
2–2,5	133	174	74,5	266	50,5	3,6	1,5	2,1
3–3,5	118	150	90	362	34,1	4,0	2,4	3,2
4–6,5	656	1038	751,5	3172	39,2	4,2	3,1	4,5
7–10	269	547	511	2167	35,5	4,2	4,0	7,4
11–20	39	109	111	536	33,2	4,8	4,9	8,7
Итого	1215	2018	1538	6503	37,8	4,23	3,22	—

На первый взгляд, интерпретируя это явление, можно было действительно прийти к выводу, что хозяйства с меньшей запашкой платили с обжи в конечном счете намного больше, чем дворы с неизмеримо большей запашкой. Однако такая систематическая льгота была, думается, невозможной; льгота вообще была исключением из правила. Между тем повинности увеличиваются в соответствии с ростом запашки лишь только в расчете на «человека» как главу семьи и в расчете на двор, но не в расчете на обжу. В чем же дело?

Видимо, в том, что в изменчивости числа коробей на обжу выявляется закономерность иного свойства. Если обжа не была строго определенной единицей земельной площади, то, вероятно,

Таблица 3. Дифференциация крестьянства Новгородского у. в конце XV в.

Группа дворов по числу коробей посева	Дворов	«Людей»	Обеж	Коробей	Копен на обжу	Коробей		
						на обжу	на «человека»	на м.д.
1–2,5	6	88	39,5	140,5	45,8	3,6	1,6	2,1
3–3,5		62	35	150	28,8	4,3	2,4	3,2
4–4,5	1	203	45,5	586,5	28,9	4,0	2,9	4,0
5–6,5	1	298	210	979	30,0	4,7	3,3	4,9
7–8		171	157,5	670	26,2	4,3	3,9	6,2
9–10		100	92	414	29,3	4,5	4,1	7,0
11–12	10	29	27,5	126	18,9	4,6	4,3	8,0
15–16	9	26	30	138	33,7	4,6	5,3	9,4
20		7	5	40	16,0	8,0	5,7	11,2
Итого	598	984	742	3244	29,3	4,37	3,3	–

она все-таки была вместе с тем достаточно точной единицей обложения. Тогда можно предполагать, что к обже как к примерному эталону сферы действия и производственных возможностей нормального однолошадного хозяйства могли быть приравнены эквивалентные ему по плодородию земельные комплексы того или иного хозяйства с пашней и в 1,5 коробы, и в 2, 3, 4, 5 и даже в 6 коробей в поле, а «в дву потому ж». Все, вероятно, зависело от качества земли. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» полагают, как нам кажется, что «одабривание» вошло в практику писцового дела в Новгородской земле лишь позднее, во второй половине XVI в. (т. II, с. 15–16). Однако представление о том, что вплоть до XVI в. в государственной практике совсем не существовало учета разных плодородных возможностей земель разного качества, вряд ли правомерно. Думается, что довольно стройная тенденция роста числа коробей на обжу при переходе от «малосеющих» дворов к «многосеющим» демонстрирует собой как раз архаичную систему «одабривания» земель. В книгах нового письма 1496–1505 гг. она выступает как весьма несовершенная, но это был элемент, видимо, наиболее раннего этапа развития писцового делопроизводства.

В составленных нами таблицах действительная разница в числе коробей на обжу по группам с разной запашкой, скорее всего, была сильнее, но ее в таблицах не видно, поскольку мы можем оперировать лишь групповыми средними того или иного размера запашки на двор.

Тем не менее по результатам нашего перерасчета ясно, что учет этой наиболее архаичной системы «одабривания» может изменить оценку степени дифференциации крестьянства. Если полярные группы по величине запашки в коробьях на м. д. (правда, авторы предпочитают ориентироваться на дворовую запашку) разнятся между собой примерно в 4–5 раз, то с учетом «одабривания» эта разница может уменьшиться.

«Одабривание» в обжи разным количеством коробей, зафиксированное в писцовых книгах конца XV – начала XVI в., на наш взгляд, свидетельствует об огромной и даже решающей роли в ту эпоху почвенных условий. Лишь много позже, во второй половине XVI–XVII вв., система «одабривания» стала проще. Объяснение этому, видимо, следует искать в том, что только к данному времени паровая система земледелия с трехпольным севооборотом стала давать реальную хозяйственную отдачу, что проявилось в значительно большей общей нивелировке окультуренных земель по качеству плодородия. За этим стояли многие десятилетия практики навозного удобрения полей. Что касается конца XV – начала XVI в., то, вероятно, пестрота в качестве земли имела решающее значение. И в середине XVI в., судя по книге 1551 г. Бежецкой пятины, цитируемой во втором томе исследования, разница качества земли, оцениваемой числом коробей пашни в одной обже, оставалась очень большой. Писцы этой книги, в частности, оговаривали: «Старые обжи положены по старому ж: пашни на обжу по 3 коробьи, и по пол-3 коробьи, и по 2 коробьи. А прибылые пашни положены в обжу по пол-8 коробьи в поле, потому что земля худа, камениста, песчата и безсенна, и безлесна, и безводна»⁹. В 60-х годах XVI в. в этой же пятине, по свидетельству авторов, на обжу клали и по 8 коробей и по 10 коробей худой земли (т. II, с. 11). Аналогичная практика «одабривания» была, вероятно, и в конце XV в. В обже с 2 коробьями пашни и в обже с 4 коробьями пашни урожайность была существенно разная.

При таком подходе к вопросу о соотношении обжи и коробейного счета возможен иной путь реконструкции крестьянских бюджетов. Целесообразнее, видимо, группировать данные о крестьянских дворах в два этапа. На первом – группировка по обжам с однородным числом коробей, в итоге были бы сформированы группы одного качества почвы и одной урожайности, и только потом внутри каждой категории земель группировать крестьянские дворы по величине запашки. Разумеется, это не решение вопроса, а лишь одно из размышлений, которое следовало бы проверить исследовательской практикой.

Знакомство с богатейшим материалом трехтомника, разработанным по многочисленным аспектам его авторами, наводит на мысль, что именно большая однородность качества земли лежит в основе того, что, в частности, по Порховскому у. число коробей в обже варьируется весьма незначительно (4–4,68 коробьи на обжу). В дворцовых волостях этого уезда разница еще меньше (от 3,9 до 4,46 коробьи на обжу); притом сравнительный максимум числа коробей на обжу отмечается в малосеющей группе дворов (до 1,5 коробей на двор). Разница обжи по пятинам, думается, в какой-то мере также обусловлена моментом «одабривания», хотя могут иметь место и местные традиции¹⁰.

При урожайности в сам-2 надо иметь пашни в 4 раза больше, чем при урожайности в сам-5; при урожайности в сам-2,3 соответственно в 3 раза больше пашни; при урожайности в сам-2,5 – в 2,7, при сам-3 – в 2, при сам-3,5 – в 1,6, при сам-4 – в 1,25 раза больше, чем при урожайности сам-5. Коробейный счет на обжу по Новгородским пятинам колеблется примерно в этом диапазоне: в Обонежье на обжу приходилось 1,5–2 коробьи; в Деревской пятине – 1,5–3 коробьи; в Бежецкой – 3–4 коробьи, в Шелонской – 3,5–5 коробей и т.д.

Если предположить, что там, где на обжу писцы накидывали 4–5 коробей, урожай был примерно сам-2, сам-1,6, то становится ясным, почему в этой группе крестьянских дворов запашка в расчете на м.д. была и 6, и 7, и даже 8 дес. в трех полях, т.е. настолько большой, что, с точки зрения привычных критериев обработки земли (двоение, троение и т.п.), характерных для XVIII–XIX вв., она кажется нереальной. Урожайность сам-2 и огромная площадь, обрабатываемая однолошадным крестьянином, могут иметь в основе лишь примитивную агротехнику поверхностной обработки земли, незначительное распространение унавоживания и т.д. В тех же случаях, когда на обжу накидывали по 6–8 коробей, вероятно, тяглая земля была практически бесплодной. С другой стороны, там, где на обжу приходилось по 1,5–2 коробьи урожайность была как минимум сам-3, сам-3,5 и более.

Авторы трехтомника при определении урожайности зерновых культур в Новгородской земле XV – начала XVI в. вынуждены обращаться к данным по центру Русского государства конца XVI – начала XVII в. (т. I, с. 36), дополняя их ссылками на установли правительственных органов, отразившиеся в дозорных книгах 90-х годов XVI в. (т. II, с. 27–28). Принятые в результате в расчетах авторов нормы урожайности – сам-4 для ржи и сам-3 для овса – весьма приблизительны и, скорее всего, завышены¹¹. Заведомо скинута со счетов возможность эволюции урожайности в течение целого столетия, тогда как именно на XVI в. приходится

такие важные сдвиги в области развития сельскохозяйственной техники и навыков сельскохозяйственного производства, как распространение сохи с полицей и навозного удобрения¹². Такое авторское допущение (сам-4) ставит крестьянина конца XV – начала XVI в. в гораздо лучшее положение, чем в XVII–XVIII вв., и, таким образом, предрешаются многие важнейшие проблемы аграрной и социальной эволюции региона. Количество неурожайных лет для XV–XVI вв. определено по аналогии с XI–XIII и XVIII столетиями (один год в семь лет) (т. I, с. 37). Однако именно в этом вопросе такие аналогии рискованны – по-видимому, именно первая половина XVI столетия отличалась благоприятными погодными условиями, способствующими успехам земледельческого труда на Руси в целом¹³. Местная специфика колебаний урожайности могла существенно влиять на судьбы региона. Следовательно, такое допущение ничего не дает и для выяснения своеобразия развития Северо-Запада в пределах XV–XVI вв.

В свете высказанной нами гипотезы об «одабривании» земли при обежном счете на коробы интересно отметить, что практически в расчетах авторов урожайность сам-3 фигурирует лишь для Обонежской пятины (урожайность сам-4 вообще ничем не обоснована), подкрепленная убедительными расчетами на основе самих писцовых книг 1495–1505 гг. Для этого использован перевод писцами издоля, т.е. натурального оброка хлебом из доли урожая, на денежные платежи. Итог расчета по трем погостам (т. I, с. 44) подтвердил, что средняя многолетняя урожайность (а только такая и могла быть учтена писцами) равна сам-3. Для нас самое существенное заключается в том, что при этой урожайности посев равнялся двум коробьям на обжу.

Используя этот ориентир и схему, предложенную нами, рассчитаем, во сколько раз должна быть больше посевная площадь ржи при разных урожайностях, чтобы получить столько же хлеба, сколько при урожае в сам-3 и площади посева в 2 коробы:

Урожай (в самах)	Площадь (в коробьях)	Чистый сбор (в коробьях)	Урожай (в самах)	Площадь (в коробьях)	Чистый сбор (в коробьях)
сам-5	1,0	4	сам-2,3	3,0	4
сам-4	1,25	4	сам-2,0	4,0	4
сам-3, 5	1,6	4	сам-1,9	4,45	4
сам-3	2,0	4	сам-1,8	5,0	4
сам-2,8	2,2	4	сам-1, 7	5,7	4
сам-2,5	2,7	4	сам-1,6	6,7	4

Разумеется, эта схема в большой мере условна, расчеты эти нельзя понимать буквально. В схеме разница в урожае при высе-ве на обжу 4-х или 5 коробей ржи составляет 0,2 сама, т.е. величину настолько условную, что в практике ее уловить невозможно. Да и, судя по писцовым книгам, расчет был гораздо грубее. Коробейный расчет обож не учитывал величины меньше 0,5 ко-робей. Таким образом, наша схема может дать лишь общий ори-ентир приближенного соответствия площади запашки на обжу и урожайности этой земли. Схема ориентирована на урожайность сам-3 при запашке в 2 коробьи на обжу. Однако в расчетах уро-жайности по Обонежской пятине в издолье семена не включа-лись, а при их включении урожай мог быть выше (сам-3,5, сам-4). Естественно, что при этом и схема будет несколько иной.

Единственные данные об урожайности, синхронные периоду конца XV – начала XVI в., это данные самих новгородских писцо-вых книг. Это не прямые, а косвенные свидетельства, получае-мые из весьма редко встречающихся в источнике случаев перево-да хлебного издолья на фиксированный оброк «поспом». Эти данные являлись объектом внимания Г.Е. Кочина, но были им отвергнуты. «К нашему разочарованию, – писал историк, – эти цифры урожайности таковы, что принять их невозможно»¹⁴. Авторы «Аграрной истории Северо-Запада России» солидаризи-ровались с Г.Е. Кочиным и пришли к выводу, что урожайность в писцовых книгах настолько низка, что ее нельзя принимать во внимание.

Посмотрим еще раз на свидетельства урожайности писцовых книг, так решительно отвергнутые исследователями. Однако примем во внимание при этом число коробей запашки на обжу в качестве ориентира уровня урожайности.

Пример перевода издолья (из трети урожая) на фиксирован-ный натуральный оброк дан, в частности, по волостке Лагновал-ка, где жили оброчные крестьяне на землях великого князя¹⁵. Посев в озимом клину равен 50 коробьям ржи или 50 дес. (т.е. примерно коробья на десятину). Качество земли низкое, так как на обжу начислялось 4 коробьи запашки в поле. Прежнее издо-лье равнялось «трети хлеба», «посп» – 26 коробей ржи, 26 ко-робей овса и 19,5 коробьи ячменя. Принимая «посп» эквивалент-ным «трети хлеба», получим валовой урожай в 78 коробей, а уро-жайность соответственно – сам-1,56, т.е. невероятно низкую. Невольно возникает вопрос: а точны ли данные книги (ведь в них есть ошибки в расчетах, да и просто могут быть описки – вместо трети – четверть издолья и т.д.)? Наконец, эквивалентен ли «посп» «третнему хлебу», собиравшемуся до «поспа»? Проверить это можно иным путем. Судя по числу коробей запашки на обжу

(4 коробьи), урожайность, по нашей схеме, должна быть примерно сам-2. Исходя из посева в 50 коробей и урожая в 100 коробей, «третний хлеб» мог быть 33,3 коробьи ржи. Разница с «поспом» (26 коробей), как видим, существенна, но не настолько, чтобы отвергнуть этот расчет. Ясно, что урожайность здесь была крайне низкой. Понять, что это именно так, помогает запись в писцовой книге: «А семян великого князя в той волости за христьяны» ржи 31,5 коробья, 32 коробьи овса, 5,5 коробьи ячменя. По количеству это почти треть от урожая в 100 коробей ржи (при урожайности сам-2). Пожалуй, это самый убедительный аргумент в пользу реальности урожайности сам-2. Ссуда великого князя на семена давалась не от хорошей жизни.

Разберем материал другого примера, использованного Г.Е. Кочиным¹⁶. Это данные по оброчной волостке Мегра. В волостке-15 обож, запашка – в 54 коробьи ржи в поле. Пятинный хлеб, т.е. издолье в 1/5 от урожая, писцы перевели в фиксированный оброк – 30 коробей ржи, 30 коробей овса и 7,5 коробей ячменя. Увеличив «посп» по ржи пятикратно и поделив на посев, получим урожайность сам-2,7. Проверим это иным расчетом, исходя из качества земли. В 5 обжах запашка была по 3 коробьи на обжу, а в 9 обжах – по 4 коробьи. Средневзвешенная равна примерно 3,7 коробьи на обжу. По нашей схеме, урожайность здесь могла быть около сам-2,2. При высеве в 54 коробьи ржи валовой урожай будет 118,8 коробьи, а пятая доля от него – 23,7 коробьи. Но к ней необходимо приплюсовать 7,75 коробьи ржи, так как в писцовой книге оговорено: «да за пятиною семь и три четвертки коробьи ржи», т.е. сверх пятой доли. Такого рода добавления довольно часто фигурируют в писцовой книге и связаны с тем, что реальный сбор издолья не укладывался в четкие традиционные доли: полове, треть, четверть, пята. Излишек или то, что «перешло» за долю, указывался конкретно в коробьях и даже долях коробьи. Итак, прибавим к пятине 7,75 коробьи и получим 31,45 коробьи ржи, т.е. примерно размер «поспа» (30 коробей ржи). Следовательно, первый расчет, дающий урожайность сам-2,7, неточен. Более точны расчеты, дающие урожайность сам-2,2. И это вновь, видимо, реальная действительность, так как снова в источнике указана ссуда семян от имени великого князя (31,5 коробьи ржи, 32 коробьи овса и 5,5 коробьи ячменя). Аналогичный результат получаем при расчете урожайности в волости Маселга и в Куйвошском погосте¹⁷. Самый приближенный расчет можно сделать для Ильменского погоста Шелонской пятины¹⁸, но и он показывает, что сведения писцовых книг, видимо, очень близки к реальным фактам¹⁹. Думается, что этот аспект интерпретации писцовых формулировок позволяет лучше по-

нять, почему с середины XVI в. в писцовом делопроизводстве появилась категория «перелог». Ошибочно было бы полагать, что в конце XV в. перелога не было. Несомненно, что та разновидность «одаб्रивания», которая отразилась в обежном счете, косвенно, видимо, пыталась учесть запуск земель в отдых. «Баллы плодородия», выраженные в коробях на единицу обжи, это не только оценка природного плодородия, но и оценка плодородия, достигаемого той или иной системой земледелия. Вместе с тем эта оценка не могла быть стабильной. Входявший все шире в практику трехпольный севооборот при низком уровне агротехники, видимо, быстро истощал земли, что вынуждало очень часто обновлять клин пахоты за счет вовлечения новых земель и запуска в перелог старых. Именно поэтому писцовое делопроизводство стало перед необходимостью для более стабильной оценки производственной потенции крестьянского хозяйства (или деревни, поместья и т.д.) учитывать и перелог, т.е. пашню потенциальную. Так, сам ход событий подвел писцов к необходимости выделения «пашни паханой» и учета таких категорий потенциальной пашни, как «перелог», «пашня, лесом поросшая» и т.п. Это совпало с введением с середины XVI в. системы поместных земельных окладов, что превращало обжу в земельную единицу измерения так называемой «четвертной пашни», т.е. совокупности пашенных угодий как действующих, так и потенциальных. При этом вновь необходимо подчеркнуть, что в феодальную эпоху писцовое делопроизводство, обслуживая систему фиска и систему поместных земельных окладов, никогда не измеряло земельную площадь как таковую. Измерение всегда было выборочным и целенаправленным. В системе окладов сумма избираемых к описанию хозяйственных угодий объединялась в понятие «четвертная пашня». Обжа сделалась низшей единицей выделения суммы угодий, объединенных понятием той же «четвертной пашни». Думается, поэтому обжа стала, как правило, 10-четвертной, хотя высевы зерна могли быть и меньше, как это выяснили авторы трехтомника для 70-х годов XVI в. (т. II, с. 117)²⁰. Однако вряд ли можно полагать, что описания 80-х годов XVI в. сопровождались произвольным «по мановению писцов» увеличением пустой земли (т. II, с. 12–13). При новом описании был учет не только «пашни паханой», но и всех видов потенциальной пашни, которая раньше могла быть учтенной очень опосредованно.

Система «одаб्रивания» стала, видимо, самостоятельной и отражалась в различии совокупной площади обжи. Наиболее четко это видно, как выяснили авторы «Аграрной истории», на примере Каргопольского у., где уже в 1560-х годах обжа доброй земли составляла 10 четвертей в поле, средней – 12–14, а худой –

14–16 четвертей. Это уже была фактически система, полностью аналогичная системе, введенной в центре страны. Процесс перехода к новой системе был очень сложен, и он все еще с трудом поддается изучению.

В работе предложен интересный метод выяснения при помощи коэффициента корреляции соотношения ржи и яровых культур в посевах и урожаях (непосредственно о посевах яровых культур источники сообщают очень редко) на основании их соотношения в оброках «посопным» хлебом (т. I, с. 37–40). Однако вряд ли можно признать корректной проверку этого метода сравнением с подобным соотношением в урожае конца XIX в. (т. I, с. 38–39, табл. 11). Не обнаружив значительной разницы между этими соотношениями, авторы делают вывод о доброкачественности своего источника – писцовых книг. Логика довольно неожиданная: собственно задача исследования – выявить разницу между XV в. и последующими эпохами, в том числе и по вопросу о соотношении культур в посевах и урожаях (в этом весь смысл изучения аграрной эволюции за длительные эпохи с целью выяснения специфики отдельных периодов), а тут заранее допускается, что разницы быть не должно!

Такая же логика присутствует при сравнительном исчислении средней населенности двора в конце XV и в середине XVII в. В первом случае писцовые книги упоминают только «людей» – семейных мужчин. Общую численность населения дворов авторы получают, умножая число дворов на 5 или на 2,5 (при наличии неотделившихся семей). Во втором случае в переписных книгах 1646–1648 гг. учтено все мужское население двора. Констатируя, что средняя населенность двора в середине XVII в. (реальная!) по всем пятинам близка к населенности конца XV в. (расчетной!), авторы приходят к выводу: «Все это указывает на то, что принятый нами метод исчисления населения Северо-Запада России дает сравнительно верные результаты» (т. III, с. 144).

С большими трудностями столкнулись авторы и при попытке рассчитать доходы и расходы крестьянского хозяйства конца XV – начала XVI в. Приведены все известные сведения о нормах потребления продуктов питания в крестьянских семьях (включая корм скоту) с XVI по начало XX в. и на этом основании выведены средние показатели, которые, естественно, не могут отразить специфику питания разных эпох. Так, в частности, вряд ли можно согласиться с утверждением, что в Северо-Западной России XV–XVI вв. огородные и садовые культуры не играли заметной роли в хозяйстве крестьян (т. I, с. 47). Данные XVI в., напротив, убеждают в очень важной роли растительной (но не зерновой) пищи в бюджете крестьянского хозяйства²¹. Таким образом, пе-

ренос на изучаемый период XV–XVI вв. соотношения процентной стоимости всех продуктов питания крестьян, получаемого по данным бюджетных обследований Новгородской губ. начала XX в., сопровождаемый целым рядом оговорок и допусков (например, дешевизна продуктов леса и реки в XV в. и т.п.), позволяет отдать должное авторам в изобретательности при получении расчетных показателей (т. I, с. 46–51). Но встает все тот же вопрос: что это дает для изучения этапов роста производительных сил, специфики процесса аграрного развития от XV к XX в.?

Таким образом, в рассматриваемой работе так называемое моделирование бюджетов крестьянского хозяйства по ряду основных аспектов осуществляется (хотели того авторы или нет) с позиций уровня развития земледелия во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Главное здесь – подход к пашне огромного Северо-Западного края как к окультуренной земле однородного качества. Вариация урожайности задается для всех земель одна и та же. Думается, такой подход не бесспорен. Во всяком случае, нужно опробовать и другие подходы, и это дело будущего.

Закономерно отмечая в историографии недостаток внимания к методам количественного анализа хозяйственной жизни, выдвигая статистические приемы как средство установления зигзагов, качественных рубежей в экономическом положении крестьян, в уровне их эксплуатации, авторы идут дальше и обращаются, как уже отмечалось, к методу моделирования, который они определяют как «условное воспроизведение изучаемых явлений общественной жизни, в нашем случае – доходов, повинностей и потребления» крестьянских (и других) хозяйств (т. I, с. 51).

Это определение нуждается в уточнении. Воспроизведение доходов, повинностей, потребления при наличии одних данных и отсутствии других это, строго говоря, не моделирование, а лишь реконструкция каких-то показателей – и только. Очевидно, авторы имеют в виду формально-количественное моделирование, при котором при посредстве математического аппарата через анализ количественных показателей адекватно воспроизводится сущностно-качественная модель (например, модель социально-экономического строя типового крестьянского хозяйства). Однако строить регрессивное уравнение – математическую модель среднего крестьянского хозяйства возможно, «если только в источниках приведены соответствующие данные»²². Совершенно очевидно, что именно от этих данных зависит адекватность любых построений. Поэтому-то и представляется дискуссионной целесообразность предлагаемой авторами «модели», в которую введены исключительно расчетные (в той или иной степени) по-

казатели: состав семьи, площадь высева, урожайность, соотношение культур в высеве, нормы потребления, доход от зерновых культур, доход от других отраслей (это уже вообще вторично-расчетные, прямо-таки гадательные данные). Реальную информацию несут только сведения о повинностях, которые и остаются по-прежнему единственным источником наших знаний об изменении в положении крестьянского хозяйства от периода к периоду.

Авторы совершенно правы, утверждая и показывая на деле плодотворность статистической обработки материалов писцовых книг, однако принципы и допустимые границы моделирования на основе «достатистических» по своему характеру источников требуют дальнейшего изучения²³. Пока представляется, что источники до XVII в. дают исследователям минимум таких возможностей, и труд ленинградских историков является ярким доказательством такого положения, что понимают, по-видимому, и они сами, подчеркивая относительность своих выкладок. В этом смысле последовательно выполненный авторами чрезвычайно трудоемкий эксперимент по моделированию на ранних материалах сам по себе имеет очень большое методическое значение для дальнейших поисков в этом направлении.

Важные методические выводы удалось сделать авторам при решении вопроса о соотношении в деревне крестьянских хозяйств разной степени материального обеспечения, который ставился и решался в связи с группировкой крестьянских дворов по величине запашки²⁴. Группировка по размерам запашки в конце XV – начале XVI в. отражает реальное разделение крестьянства по экономическому положению. Имущественное разделение этого времени (широкое распространение зажиточных многопосевных дворов, незначительное количество разорившихся крестьян, редкие спорадические случаи использования чужого труда) связано в значительной степени с давностью расселения, вообще характерно для феодального способа производства и не является признаком его распада (т. I, с. 368, 369). Не изменялся характер экономического разделения крестьянства и в течение всего XVI в.²⁵ Отметим здесь же, что на основании этих методических подходов авторами в «Аграрной истории Северо-Запада России» сделан общий вывод о том, что расслоение крестьян в конце XV в. «не носило капиталистический характер» (т. I, с. 371). Не вызывающий сомнения вывод сопровождается оговоркой: «...Хотя выделение богатой верхушки и могло при определенных условиях создать предпосылки для появления в будущем крестьянской буржуазии» (там же). Логика такая: раз крестьянин не мог уже превращаться в феодала (такие возможности авторы до-

пускают лишь до конца XV в.), он должен начать превращаться в буржуа! Однако замыкание сословий не ведет автоматически к капитализму, а определенные «условия», о которых пишут авторы, – понятие чрезвычайно емкое, подразумевающее прежде всего развитие капитализма в промышленности и т.п. Говорить об этом серьезно применительно к России рубежа XV–XVI вв. не приходится. В качестве аргумента авторы приводят такое общее рассуждение: «Там, где жизненный уровень крестьян был выше, а рента не поглощала прибавочный продукт, оставались возможности для крестьянского накопления. Они уже существовали в ряде случаев в XV–XVI вв. (а раньше не было? – Н.Г., Л.М.) и если бы они получили развитие, вступление на путь капиталистического расслоения произошло бы раньше, чем это фактически имело место» (т. I, с. 371). Не говоря о некорректности рассуждения по принципу «если бы» при выяснении реальных исторических закономерностей, приходится усомниться, что при феодализме любое накопление ведет к капиталистическому расслоению. Вряд ли стоит игнорировать то обстоятельство, что в процессе образования денежного богатства до его превращения в капитал накопление денег у крестьян не играет главной роли.

При характеристике аграрных отношений по районам Северо-Запада России (т. I, разд. II) авторы много внимания уделяют характеристике черной волости, следы которой лучше всего сохранились в Подвинье и Обонежье. Черные крестьянские земли трактуются как остатки древнего общинного землевладения (не патронимия, а территориальная община), внутри которого «с древних времен» стали развиваться «крестьянские аллоды» (т. I, с. 53–54). В источниках XIV–XV вв. авторы не находят оснований «для предположения о существовании в это время общинной обработки или общинных переделов земли.

Усадебные участки, пашня, а иногда и луга находились в собственности индивидуальных крестьянских семейств» (т. I, с. 54). Признаком собственности для авторов служат факты распоряжения землей вплоть до отчуждения (т. I, с. 53–55), то обстоятельство, что собственность – это распоряжение чужим трудом, т.е. получение прибавочного продукта (общественное отношение!), в данном случае не учитывается. Платежи в пользу государства при этом не рассматриваются, так как феодальное землевладение и «данническая система» эксплуатации в принципе противопоставлены друг другу как явления разного структурного порядка (т. I, с. 56). Поэтому снятие с крестьян, подвластных новгородским феодалам, платежа черной куны авторы трактуют однозначно – как превращение черной волости в полную их собственность (т. I, с. 57). Вопросы о перераспределении ренты внутри гос-

подствующего класса по мере развития и перехода в более зрелую стадию государства авторы не ставят.

При разборе вопроса о складывании крупного вотчинного землевладения (феодалное землевладение, по мнению авторов, прослеживается по источникам в районе Новгорода с XII в.) авторы категорически возражают против мнения Л.В. Черепнина, что уже в X в. «значительная часть общинных (у авторов ошибочно: «обширных». – *Н.Г., Л.М.*) земель перешла в государственную феодалную собственность» (т. I, с. 67), однако соглашались с тем, что в столетия, предшествующие XII и XIII вв. (т.е. в XI и X, а может быть и ранее?) шел процесс развития феодалных отношений и феодалного вотчинного хозяйства, в ходе которого «государственная власть накладывала лапу на общинные земли и все чаще распоряжалась ими» (т. I, с. 67). В X в. князья жаловали не земли, а доходы или части их (дани, полюдья, вир и продаж). Переход же «права сбора повинностей и суда... давал возможность для превращения черных земель в феодалную собственность» (т. I, с. 68). По мнению авторов, Юрьеву монастырю, например, на такое превращение потребовалось время с XII в., может быть, вплоть до XV в., когда крестьяне платили уже денежный и хлебный оброк и т. п., а не «собираемые наездом дань и полюдье даровное» (там же).

Возникает вопрос, где же качественное, классовое отличие этих видов получения прибавочного продукта эксплуататором? И до какого количества взимаемого продукта взимающий его – добрый дядя, или пошаливающий грабежом дружинник, а с какого – эксплуататор? Вряд ли здесь можно сводить дело к размерам поборов: в «силу традиции» монастырские власти в первое время взимали повинности со смердов с Витославицы в размерах, характерных для старой «вивирицы» (собирательное наименование государственного побора), но грамота Пантелеймонову монастырю «открывала перед землевладельцами возможность все шире пользоваться трудом зависимых смердов» и превратить угодья в средство для получения ренты (т. I, с. 68–69). Значит, пока «уже» пользовались трудом смердов (старая «вивирица») – это не феодалная рента, а когда «шире» – то уже она? Не логичнее ли предположить, что речь идет об усилении и усложнении феодалной эксплуатации, об ее реорганизации? И что путь превращения пожалования дани, вир и продаж в пожалование земли – всего лишь разные этапы феодализации, отличающиеся степенью приближения феодала (совокупного или персонального) к земле, степенью освоения территории со стороны феодалного государства.

Доказывая тезис о слабом развитии иерархической земельной собственности в Новгородской республике, авторы в конеч-

ном счете присоединяются к мнению В.Н. Бернадского об относительно большем распространении в Новгороде экономического принуждения, объясняемого авторами разорением части производителей и наличием денег у бояр (а в целом, вероятно, прежде всего спецификой Новгорода как торгового города) (т. I, с. 76–77). Однако вся система доказательств, приводимая авторами (т. I, с. 70–71 и др.), говорит о единстве внеэкономических и экономических факторов: пожалование, скупка, насильственный захват – все есть. К тому же авторы и непоследовательны в этом своем утверждении. Говоря о трех источниках возникновения феодальной ренты и феодального землевладения, они отмечают, что в Новгородской земле «явно превалировал» третий путь (т. II, с. 354), когда феодалами становились дружинники, «жившие ранее за счет полюдя, судебных пошлин и грабежа иноплеменников и соплеменников» (в этом случае феодальная рента выступала первоначально как продуктовая). Такой вывод никак не согласуется с высказанным ранее – о главной роли здесь именно экономического принуждения. Более убедительным в итоге представляется заключение авторов, что феодальная вотчина на Руси рождалась «не только и не столько из мелкого аллода или из хозяйства, основанного на рабском труде, сколько из кормлений, даней, вир и продаж» (т. II, с. 354). Таким образом, признается приоритет за формами, несущими в себе качество государственного феодализма.

Значительный вклад в представления о процессе складывания крупного вотчинного землевладения в Новгородской земле должны внести, на наш взгляд, новейшие исследования В.Л. Янина. В докладе «К проблеме происхождения вотчинной системы в Новгородской земле» (XVII сессия симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, 1978 г.) В.Л. Янин на основе анализа писцовых книг и сфрагистического материала привел убедительные свидетельства о процессе перехода от корпоративной системы собственности аристократии Новгорода к вотчинной, процессе, прослеживаемом от рубежа XI–XII вв. Им же сделаны заслуживающие внимания наблюдения о формировании первоначально именно крупных вотчин и широком наступлении новгородских вотчинников на черные земли с XII–XIII вв.²⁶

Одним из самых результативных итогов обработки новгородских писцовых книг следует считать полученные данные о населении Новгородских пятин. Большой интерес представляет доказательный вывод авторов об одно- и двудворности новгородских деревень конца XV в. (70,7% от общего их количества в Новгородских пятинах) и сосредоточении в таких деревнях 43% всех дворов (т. I, с. 321–327), а также вывод о том, что на XVI в.

«падает окончание длительного и значительного процесса возникновения новых поселений» (т. III, с. 153).

Таким образом, в течение XVI в. одновременно с созданием поместной системы на новгородских землях, трактуемым как «начало нового этапа аграрной истории России в целом» (т. I, с. 334), начался и шел процесс перестройки структуры населенных пунктов (от малодворных к многодворным) – менее отчетливый в первой и более отчетливый во второй половине столетия (т. III, с. 148). Главной причиной этого процесса, шедшего и в XVII в., авторы, как нам представляется, не без оснований, считают распространявшуюся все шире практику удобрения полей, совершенствование земледельческого производства и животноводства (т. III, с. 154). И с этой точки зрения XVI столетие следует рассматривать как серьезный рубеж в повышении производительности сельскохозяйственного труда, повлекшем за собой перестройку системы феодальной эксплуатации (распространение поместной системы), увеличение феодально-государственного обложения и т.п.

При всей скрупулезности проведенной авторами обработки данных писцовых книг о населении и поселениях, представляется, что исчерпаны не все возможности, заключенные в писцовых книгах, для суждения об изменении количественного соотношения эксплуататоров и эксплуатируемых на разных этапах развития феодализма.

Разбирая давно дискутируемый в исторической литературе вопрос о холопах на пашне и барской запашке вообще применительно к концу XV – началу XVI в., авторы концентрируют внимание на холопстве как укладе феодального общества (т. I, с. 358), подчеркивая, что именно холопий труд доминировал в это время на господской пашне в Северо-Западной Руси (т. I, с. 357). Поскольку холопьи дворы составляли всего 2,6% всех дворов (крестьянские – превышали 90%), такая убежденность проистекает прежде всего из представления о незначительности господской пашни. Авторы проводят интересное сопоставление доходов господина от участка, обрабатываемого оброчным крестьянином и холопом-страдником (не ясно только, сидящим на месячине или на наделе), получая при этом соотношение явно в пользу последнего (62 д.: 75–101 д.) (т. I, с. 357–358). Авторы безусловно показали, что перевод холопов на землю давал сначала больший эффект от их эксплуатации, чем крестьян-оброчников, и мог служить наглядным экономическим стимулом для усиления эксплуатации крестьян. По-видимому, именно такая роль холопства должна подчеркиваться в первую очередь сторонниками трактовки становления крепостничества через усиление барщины.

С наибольшей отдачей в книге исследованы рентные отношения и их развитие. Авторы убедительно показали процесс перехода от издоля к фиксированному оброку с конца XV в. на государственных и дворцовых землях (судьбы издоля в помещичьих владениях требуют дальнейшего изучения) и справедливо подчеркнули, что изживание издоля развязывало хозяйственную инициативу крестьян: «Связанное с конфискацией земель Иваном III сокращение издоля благотворно отразилось на состоянии крестьянского хозяйства» (т. I, с. 359). С другой стороны, напрашивается предположение, что повсеместное распространение и торжество фиксированной ренты вызвало к жизни и широкое распространение в течение XVI в., причем во владениях разных категорий, оброчных или «арендуемых» земель (оброк с которых в XVI в. также нередко исчислялся «из снопа»). Следует отметить, что авторы рассматривают «льготную арендную систему отношений», которая, по их мнению, возникает только в конце XVI в., как альтернативу «тяглу и крепостничеству» (т. I, с. 268) и не ставят вопроса об органической связи этих двух форм извлечения прибавочного продукта из крестьянского хозяйства периода развитого феодализма, обеспечивающей максимальное использование постоянно меняющихся хозяйственных возможностей крестьянского двора.

Авторы делают общий вывод о снижении размеров крестьянских платежей на государственных землях от старого к новому письму. Одновременно утверждается, что «на землях, ставших поместными, размеры повинностей либо оставались на прежнем уровне, либо повышались. Но повышение это нельзя считать значительным» (т. I, с. 362). Судя по таблицам 181 и 183 (т. I, с. 331 и 334) рост дохода помещика из расчета на коробью от старого к новому письму выражался в цифрах 16,5 и 19,4 деньги, т.е. увеличился примерно на 18%. При всей относительности подсчетов, такое увеличение нельзя, пожалуй, квалифицировать как незначительное для судеб крестьянского хозяйства. Подводя итоги исследованиям, проведенным на страницах первого тома своего труда, это признают и авторы, называя тенденции к увеличению размеров повинностей на помещичьих землях «опасными» (т. I, с. 373).

Остановимся специально на том, в чем же они усматривают эту «опасность». К концу XV в. в Новгородской земле упадка нет. Последствия ордынского нашествия преодолены. Насиженные места крестьянством, как правило, не забрасывались, передвижения не приводили к запустению земли (стимулов к запрещению переходов, к полному закрепощению у господствующего класса, следовательно, не было) и все это потому, что «материальные

условия жизни крестьянства не были столь тяжелыми», уровень эксплуатации оставлял большей части крестьян «достаточно средств для нормального поддержания жизненных сил семьи и для ведения традиционного хозяйства без перенапряжения» (т. I, с. 372–373). В то же время резервы крестьянского хозяйства, как утверждают авторы на основе своих расчетов (т. I, с. 367), были «сравнительно незначительны», и поэтому так «опасны» упомянутые тенденции к увеличению повинностей.

Вряд ли можно признать, что при таком умозаключении не страдает принцип историзма. Резервы крестьянского хозяйства, как показывает история, очень велики, если не понимать их как нечто статическое и неизменное, к чему невольно толкают многие сделанные в работе расчеты и допуски в количественных показателях, универсальных от XV до XX в. Именно поэтому в XVII в., который принес значительное усиление эксплуатации (факт, признаваемый всеми историками), крестьянство и восстанавливает хозяйство страны после разорения, и развивает его, и создает экономический потенциал для эпохи Петра I. И все это – в условиях дальнейшего существования феодальной системы эксплуатации, возможности развития которой в XVI в. были для России еще далеко не исчерпаны, в то время как условия для развития другой системы – капиталистической – созданы еще не были.

Для авторов рассуждение об «опасности» тенденций к увеличению повинностей неразрывно связано с представлением о существовании с конца XV в. двух путей развития феодального сельского хозяйства. Первый путь (намечался на государевых оброчных землях) – без помещика или частного вотчинника, способствовавший (как без оговорок считают авторы) развитию крестьянской инициативы, денежности крестьянского хозяйства, расслоению (но его-то, как показали авторы, и не было!) крестьян. «В перспективе он несомненно должен был привести к более быстрому переходу к капитализму» (т. I, с. 373). Второй путь – усиление и расширение поместного и вотчинного землевладения, увеличение уровня эксплуатации и связанного с ним закрепощения, приводившие (опять-таки однозначно!) к сковыванию хозяйственной инициативы производителя, развитию барщины, поддержке темпов экономического развития (там же). Во второй части своего труда авторы показывают, как одержал верх второй из этих путей. Причем перемены в землевладении Новгородских пятин на протяжении XVI столетия («обширный фонд великокняжеских оброчных и дворцовых земель, образовавшийся в конце XV в. ... быстро таял за счет раздач помещикам» – т. II, с. 270) наводят на мысль, что картина, фиксируемая автора-

ми на конец XV в., вряд ли позволяет говорить о наличии «двух путей», «двух тенденций»: государевы оброчные земли – эпизод в аграрной политике феодального государства, причем относительно краткий, эти земли – лишь фонд для раздач развивающегося феодального государства. Рассуждения же авторов о пути, который должен был бы привести к более быстрому развитию капитализма, к сожалению, сводятся к тому, что развитие шло бы скорее, если бы не было феодальных эксплуататоров, или они, по крайней мере, брали поменьше и находились подальше от непосредственного производителя.

Важнейшим вопросом, исследуемым во II томе разбираемого труда, является вопрос о размерах и роли барской запашки. Авторы приходят к выводу, что на монастырских и владычных землях Северо-Запада барская запашка в XVI в. еще не получила распространения. Средний уровень барщины для помещичьих крестьян XVI в. также, по-видимому, не был обременительным, хотя барщина и создавала для них, как справедливо утверждают авторы, определенные трудности, прежде всего вызываемые переселением с удобных земель, занимаемых под усадьбу или близких к ней (т. II, с. 284–285). Размеры таких «трудностей», вероятно, не стоит приуменьшать замечаниями, что они касались только «немногих» переселяемых дворов и носили «временный» характер, так как преодолевались в течение нескольких лет (т. II, с. 284). Первое замечание может быть справедливым лишь при условии полного отсутствия в XVI в., общинного землепользования. За «временностью» же неудобств, связанных с потерей обработанного крестьянином участка, стоят огромные новые производственные затраты: в XVII в. из-за 1–1,5 дес. ухоженной тяглой земли, прирезанной к барскому полю, крестьянский мир годами судился с землевладельцами. Большой вклад вносит рассматриваемый труд в выяснение причин и периодизации запустения и кризиса конца XVI столетия (т. II, с. 290–299). С одной стороны, авторы приводят аргументы в пользу того, что размеры запустения в писцовых книгах 1580-х годов несколько завышены, что связано с переходом на единую обжу (из 10 четей) и неучтенными писцами посевами и покосами на пустошах (т. II, с. 292–293). С другой стороны, они убедительно раздвигают рамки неблагополучия в хозяйстве страны (что, однако, не означает кризиса феодальной системы) со второй половины 60-х годов XVI в. и до начала XVII в. («кризис не был ликвидирован до голода 1601 г., повергшего страну в пучину еще большего разорения и опустошения») – т. II, с. 294–296). Высокая источниковедческая культура исследования отчетливо проявилась при изучении причин кризиса: при количественном анализе показаний ис-

точников о причинах пустоты, начиная с середины XVI в., авторы призывают не объединять источники разного времени и последовательно придерживаются этого принципа (т. II, с. 296–298). Такой подход позволил вычленить кроме традиционных (мор, голод, Ливонская война) временной ряд признаков, а также причин кризиса, находящихся в определенной взаимозависимости и действующих по нарастающей (сокращение сельского населения важнейших районов государства, еще более значительное сокращение посевных площадей и наделов крестьян, распространение более экстенсивных, чем трехполье, севооборотов за счет удаленных арендуемых и потайных участков и т. п.; рост и перевод на деньги государственных повинностей, стремление части помещиков в 1560-х годах увеличить общее бремя владельческих повинностей и др. – т. II, с. 294–298). Отметим лишь, что при подведении итогов изучения роли кризиса в процессе запрещения крестьянских переходов и прикрепления земледельца к земле (т. II, с. 399) авторам стоило еще раз вернуться к важнейшему наблюдению (т. II, с. 282) о том, что в середине XVI в. чистый доход помещика с обрабатываемой крестьянином коробы господской запашки в 1,5 раза превышал доход с коробы, обрабатываемой холопом (35 ден. против 23 ден.).

Подводя итоги изучения обложения крестьян и их материального положения в Новгородских пятинах и в Поморье второй половины XVI в., авторы отмечают тенденцию «к увеличению удельного веса обложения крестьян государственными податями за счет уменьшения удельного веса помещичьих оброков» (т. III, с. 180). Все сильнее отягощалась повинностями в течение XVI в. и черная земля. «Как бы мы не определяли юридическую природу этих повинностей, – пишут авторы, – мы должны учитывать, что в последние десятилетия XVI в. рента и налоги с десятины крестьянской пашни помещичьего крестьянина в Новгородских пятинах оказались ниже, чем налоги, взимаемые с десятины черносошного крестьянина Севера» (т. III, с. 183). В течение XVI же века наблюдается наступление церковных феодалов на крестьянские промыслы Севера (там же).

В заключение своего труда, отмечая общность хода развития земледелия всех стран, расположенных в нечерноземной полосе Восточной и Центральной Европы, авторы специально останавливаются на условиях, способствовавших устойчивости феодальных производственных отношений на Руси (ордынское завоевание и многовековое иго, укрепление политических позиций класса феодальных землевладельцев и феодального государства в борьбе с завоевателями, перемещение важнейших торговых путей, невыгодно повлиявшее на развитие русских городов, специ-

фические природные условия, делающие Россию XIV–XV вв. экспортером продуктов промыслового труда, втягивание в мировые рыночные связи путем поставки продуктов сельского хозяйства и охоты, территориальное распределение, плотность населения, темпы и уровень роста городов, связанные с историко-географическими особенностями колонизационных процессов, – т. III, с. 186–189), и одновременно на причинах развития самых жестких форм внеэкономического принуждения – крепостничества. Отдавая должное отдельным наблюдениям буржуазной историографии (заинтересованность правительства – диктатуры феодального класса – в обеспеченности служилых людей рабочими руками, тяжелое положение крестьян, выразившееся в росте их задолженности), авторы ставят под сомнение концепцию ряда советских исследователей, согласно которой, решающую роль в процессе закрепощения в России играло развитие внутреннего рынка, приводившего к росту барщины (т. III, с. 189–199). Проведенное авторами исследование, как нам представляется, убедительно свидетельствует, что закрепостительное законодательство появилось раньше, чем сформировалась барщинная система (т. III, с. 194), и барщину «никак нельзя считать основной или даже главной причиной тех мер против крестьянских переходов, которые были приняты в конце XVI в.» (т. III, с. 195–196).

Общую причину усиления колонизации и подвижности трудящихся масс («самая эффективная форма повседневной классовой борьбы крестьян в XVI в.») и направленных против нее закрепостительных мер авторы видят в «усилении диспропорции между растущими потребностями господствующего класса и государства, с одной стороны, и отстающими и даже сокращающимися доходами крестьянского двора – с другой» (т. III, с. 198–199).

На настоящий момент трехтомник содержит наиболее полный и обстоятельный в советской историографии анализ условий, в которых протекал процесс закрепощения в России. В связи с этим значение труда ленинградских историков для дальнейшего развития нашей аграрной (и не только аграрной) историографии чрезвычайно велико. Следует еще раз подчеркнуть, что, несмотря на ряд сомнений, вызываемых подсчетами авторов, перед нами – пример самого высокого по источниковедческому уровню на современном этапе развития науки проникновения в самый сложный материал источников XV–XVI вв., дальнейшее изучение которого, равно как и выдвижение новых рабочих гипотез, возможны лишь на основании и в силу существования труда, сделанного авторами.

- ¹ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л.: Наука, 1971. 402 с.; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Новгородские пятины. Л., 1974. 322 с.; Аграрная история Северо-Запада России XVI века. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада. Л., 1978. 221 с. (Далее в тексте при ссылках на издание указываются тома – I, II, III.)
- ² Следует отметить, что эта работа совершенствовалась от тома к тому. Если в первом томе коллектив работающих был чрезвычайно велик и, главное, состоял из исследователей, стоящих на разных ступенях мастерства, то третий том, написанный как бы на одном дыхании восемью авторами, действительно образец коллективной работы.
- ³ См. об этом в статье: Горская Н.А., Маньков А.Г., Панях В.М. и др. Советская литература 1970–1975 годов по истории сельского хозяйства и крестьянства IX–XVII веков // История СССР. 1977. № 3. С. 88–89.
- ⁴ См., напр.: Шапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопр. истории. 1970. № 10. С. 217.
- ⁵ Коробья = 2 четвертям, т.е. 7–7,5 пудам.
- ⁶ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М., 1957. С. 209–210.
- ⁷ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 279.
- ⁸ Абрамович Г.В. Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Пробл. источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 372–374.
- ⁹ ЛОИИ. Ф. 276. Оп. 1. № 12. Л. 34 об. Цит. по: Т. II. С. 10.
- ¹⁰ Весьма расплывчатым, но все же существенным показателем «одабривания» обжи может служить и расчет числа копен сена (входящего, по Г.В. Абрамовичу, в состав обжи).
- ¹¹ Уже отмечалось в печати (см. т. II, с. 27).
- ¹² Очерки русской культуры XVI века. М.: Изд-во МГУ, 1977. Т. 1. С. 98; Шапиро А.Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV–XVI вв. Л., 1977. С. 79; см. также т. III рецензируемого труда, с. 184. Недаром сами авторы трехтомника отмечают, что первая половина XVI в. характеризуется повсеместным ростом средней запашки на крестьянскую семью и увеличением посевных площадей (т. II, с. 267–268), а также увеличением числа малых семей как выделявшихся производственных ячеек-дворов (т. II, с. 9), что несомненно является показателем роста производительных сил.
- ¹³ См.: Очерки русской культуры XVI века. С. 44. «Мирной и спокойной» называют первую половину XVI в. и сами авторы (т. II, с. 291).
- ¹⁴ Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. Л., 1965. С. 185.
- ¹⁵ Переписная окладная книга Вотской пятины 7008 г., вторая половина (далее – Переписная книга Вотской пятины) // Временник ОИДР при Московском университете. М., 1852. Т. II, кн. 12.
- ¹⁶ Переписная книга Вотской пятины. С. 82–84.
- ¹⁷ Там же. С. 81–82. См. также: Временник ОИДР. Т. I, кн. 11. 1851. С. 143, 237–238.
- ¹⁸ Новгородские писцовые книги. Т. V. С. 175.

- ¹⁹ Признавая, что расчеты издоля ими завышены, авторы вынуждены были ввести поправочный коэффициент, который также достаточно условен (т. I, с. 40–45).
- ²⁰ Измерение площади земли как таковой, т.е. площади владения, принесло лишь Генеральное межевание второй половины XVIII в.; но и тогда технология отмежевания крестьянам вновь колонизируемых земель оперировала традиционной нормой душевого обеспечения землей в 15 дес. лишь как условной суммой совокупных долей всех сельскохозяйственных угодий.
- ²¹ См.: Очерки русской культуры XVI века. С. 80–90, 187, 222.
- ²² См.: Тарвел Э. О применении единиц землепользования в сравнительно-исторических исследованиях (по материалам Эстонии) // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 125.
- ²³ См.: Горская Н.А., Маньков А.Г., Панях В.П. и др. Указ. соч. С. 89.
- ²⁴ Как уже отмечалось, учет архаичной системы «одабривания» может изменить оценку степени дифференциации крестьянства в сторону его нивелировки (см. выше).
- ²⁵ Н.Н. Масленниковой скрупулезно прослежен процесс измеления хозяйств по Порховскому у. Шелонской пятины в XVI в. и сделаны ценные наблюдения над причинами появления бобыльства как феодального института (т. II, с. 91–95). Тот же тезис развивают авторы рассматриваемого труда и в других своих работах (см., напр.: Тимошенкова З.А. Деревня Северо-Запада России XVI – начала XVII в. Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Л., 1976).
- ²⁶ См.: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 200–256 и др.

Опубл.: История СССР. 1978. № 2. С. 66–85.

«СКАЗКИ» КРЕСТЬЯН КАК ИСХОДНЫЙ МАТЕРИАЛ ДЛЯ «ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИМЕЧАНИЙ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ»

В нашей исторической литературе, к сожалению, очень слабо ведется источниковедческая обработка документального материала по социально-экономической истории России второй половины XVIII в. Даже по отношению к ведомственному статистическому материалу, значение которого трудно переоценить, до сих пор не решены такие важнейшие источниковедческие вопросы, как степень их достоверности, специфика происхождения, изучение их исходного и подготовительного материала. Не ставились подобные вопросы и в отношении громадного комплекса документов, известных под названием «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», дающих краткое экономическое и географическое описание всей территории европейской России.

Это описание, как известно, составлялось по дачам, включавшим в себя одно или несколько селений. Существовали также и ненаселенные дачи – пустоши, сенокосы, отхожие угодья и т. п. Описание каждой дачи содержало основные цифровые данные о населении дачи и ее земельных угодьях (размеры пашни, сенных покосов, леса и т.п. в десятинах). В особом разделе собственно «Экономических примечаний» давалась краткая характеристика местоположения дачи, ее границ, качества почвы, пород леса, урожая хлебов, перечислялись также разновидности птиц, животных и т.п. Описание дачи содержало также сведения об имеющихся фабриках, крестьянских промыслах и т.д. «Экономические Примечания» составлялись в качестве приложений к «генеральным» уездным планам. Причем, в 80-х годах XVIII в. были созданы «Экономические примечания» двух видов: «Краткие экономические примечания», содержавшие минимум сведений и служившие кратким справочником к генеральным планам, и «Полные экономические примечания», дававшие гораздо больший объем сведений по экономике и географии того или иного уезда. «Экономические примечания» являются наиболее значительным и интересным документом Генерального межевания.

Поэтому представляется далеко немаловажным знать, как создавались «Экономические примечания», кто были их авторы, на основании каких материалов они составлялись. Источниковедческое изучение сохранившейся документации, связанной с «Экономическими примечаниями», направленное на решение этих вопросов, дает нам интересные результаты.

В литературе до сих пор существовало мнение, согласно которому вся работа по межеванию земель и сбору сведений для «Экономических примечаний» выполнялась исключительно межевыми землемерами. Это расценивалось историками Генерального межевания как глубоко порочная практика, давшая не менее порочные результаты¹, причем в качестве самого убедительного доказательства в пример приводились Краткие экономические примечания.

Краткие примечания, вплоть до самого последнего времени считавшиеся по существу единственным видом «Экономических примечаний», действительно не блещут объемом собранных в них сведений. Однако крайняя бедность фактического материала этих широко известных «Экономических примечаний» объясняется тем, что этот вид Экономических примечаний был специально составлен как их краткий вариант. Основными были «Полные экономические примечания», содержащие несравненно больший по объему экономический и географический материал по описанию дач².

Однако отсюда вовсе не следует, что землемеры одни справлялись с этой поистине непосильной работой. Дело обстоит иначе. Изучение журналов и протоколов межевых контор показывает, что создателями основной части исходных материалов к «Экономическим примечаниям» являются не землемеры, а поверенные от помещиков крестьяне. Землемер со своей партией производил всю работу, связанную с измерением дач и угодий, что же касается экономического и географического описания дач, то здесь роль землемера сводилась лишь к сбору и обработке заготовленного сырьевого материала, так называемых «сказок» к «Экономическому примечанию», которые составлялись поверенными от помещиков при межевании крестьянами.

Это доказывается большим числом документальных свидетельств. Так, в рапорте землемера Хрулева в Нижегородскую межевую контору говорится, что он «представил отобранные сказки к Экономическому примечанию». Рапорт землемера Афросимова из Княгининского у. той же губернии гласит, что «требуется им, Афросимовым, от самого владельца и его поверенных на ту дачу (полсела Строилова. — Л.М.) отвозной и к Экономическому примечанию сказок».

Можно, разумеется, продолжить список подобных примеров, но в нашем распоряжении находится около 300 подлинных сказок поверенных крестьян, найденных в фондах различных межевых контор³. Подлинность этих «сказок» доказывается наличием крестьянских подписей, а в большинстве документов — подписей по поручению автора «сказки»⁴. Грамотность многих поверенных при межевании крестьян интересна сама по себе, хотя не сле-

дует забывать, что поверенными от помещика были в большинстве случаев представители верхушки крестьянской общины и низовой администрации помещика. Кстати, об авторстве крестьян. Здесь, конечно, нельзя иметь в виду авторство в его обычном понимании. Ведь сама «сказка» являлась рядом ответов на разработанные заранее вопросы анкетного порядка, да и многие крестьяне – составители «сказок» – были неграмотны. Но несмотря на это, об авторстве крестьян все же можно говорить, имея в виду те живые факты, которые составляли существо всех «сказок».

Основная масса найденных «сказок» к «Экономическому примечанию» составлена по единой форме, поэтому все они имеют много сходных между собой мест. Среди них есть и довольно бесцветные документы, содержащие почти сплошь одни общие для всех «сказок» формулировки. Особенно много их за первые годы межевания. Однако большая часть «сказок» содержит интересные сведения по крестьянским промыслам, размерам оброка, величине помещичьей запашки и т.п. Датируются они главным образом 70–80-ми годами XVIII в.

Несмотря на многочисленные различия в форме и качестве «сказок» поверенных крестьян, их объединяет одна весьма существенная черта, отличающая их от «Экономических примечаний».

Дело в том, что «Полные экономические примечания», воплотившие в себе много элементов научного описания, являлись в конечном счете документом, составленным с позиций господствующего класса. Материалы, связанные с экономикой крестьянского хозяйства, присутствовали здесь лишь постольку, поскольку отвечали общему «камеральному» характеру «Примечаний». Даже по вопросу, непосредственно относящемуся к платежеспособности населения, «Экономические примечания» содержат сведения только лишь о денежном оброке и величине помещичьей запашки.

Что же касается крестьянских «сказок», то порой здесь освещается гораздо более широкий круг крестьянских повинностей, например, помимо денежного оброка, натуральный оброк, работы на помещика. Так, в одной из «сказок» по Дмитровскому у. повинности в пользу помещика ограничивались оброком в 804 руб. (по 1 руб. 30 коп. с души м. п.) и поставкой 3700 пудов сена⁵. В одной из кинешемских сказок дан наиболее подробный перечень оброка: «...Крестьяне состоят на оброке и платят помещику деньгами 150 рублей, сто пуд свинова мяса, сто говяжьих языков, двести аршин серого сукна, коровья масла десять пуд, да сорок куриц русских»⁶. Оброк в данном случае равнялся примерно 1 рублю с небольшим на душу.

В крестьянских «сказках» даже такие чисто описательные элементы, как характеристика леса на территории дачи, тесно

увязываются с крестьянским хозяйством. Вот, например, отрывок из «сказки» по Кадниковскому у.: «Лес имеется мелкой дровяной ельник, можжевельник и сосняк про удовольствие свое для топли изб и подсушки овинов тако ж и на огороды около поль. А строевой достают покупкою у разных помещичьих крестьян за Волгою рекою – из раменя и казенного въезжаго дворцового леса»⁷.

В «сказках» по Дмитровскому у. поверенные крестьяне часто перечисляют виды домашнего крестьянского скота: «Скот водится лошади, рогатый, овцы, свиньи, птиц – курицы русские»⁸. Причем, иногда встречаются интересные формулировки: «Скота большева не имеется, кроме того на двор по лошади, по корове, а протчева мелкова скота держуть по своей силе, тако же и птиц русских по возможности»⁹. Выгодно отличаются крестьянские «сказки» и в отношении освещения наиболее ценных сведений о размере денежного оброка и помещичьей запашки. В «сказках» эти сведения часто даются отдельно по крестьянам каждого помещика (в пределах одной дачи), что в томах «Экономических примечаний» бывает далеко не всегда.

Необходимо отметить, что такие подробности присущи именно «сказкам», в составлении которых активное участие принимали крестьяне. Поэтому вполне понятно, что во многих из них запечатлен образный язык их составителей – крестьян. Иные отрывки «сказок» представляют собой устную народную речь, лишь зафиксированную на бумаге либо со слов поверенного крестьянина, либо им самим. Вот ряд характерных выражений: «А родится хлеб, где ежели в летнее время унавозишь, а рож, пшеница, греча родится, – только собираются одни семена»¹⁰. Или, например, «и хлеб родию; егда дождевное лето, тогда плод бывает, а когда сухое, тогда хлеба и травы мало родится»¹¹ и т.п. В таких «сказках» чаще встречаются подробности, не предусмотренные общей формой «сказки». Например: «Хлеб родится не всегда. В благополучные летние времена посредственен, а в ынные годы от ненасных дождевых погод и очино бывает худ. И доволствуются крестьяне из собранного в магазины гарцовым хлебом и покупкою на стороне»¹².

Следует отметить, что большим разнообразием в форме и содержании отличаются не только крестьянские «сказки», но и «сказки» городского купечества. В качестве примера можно привести такой оригинальный документ, как «сказка» по городу Дмитрову.

Этот документ настолько сильно отличается от принятой схемы «сказки», что его легче принять за какого-либо рода прошение, доношение и т.п. Причины появления именно такой «сказки» по Дмитрову состоят в том, что в первой половине XVIII в. на р. Яхроме под Дмитровом были выстроены одна за другой две

мукомольные мельницы. Эти мельницы, перегородившие реку, явились причиной убытков дмитровского купечества, основным промыслом которого была хлебная торговля «водяною коммуникацией». Вместо обычного экономического и географического описания города в «сказке» поверенного от дмитровских купцов были изложены прежде всего обстоятельства дела о мельницах.

Начинается «сказка» сразу же, без обиняков, с рассказа о реке и мельницах. «Поверенной дмитровский купец Иван Рахманинов сказал: протекающая в городе Дмитрове река Яхрома выпала выше города Дмитрова из Московского у. разстоянием в 20 верстах, а. впала в реку Сестре в разстоянии от Дмитрова по реке ж Яхроме в 50 верстах и более. А водяной коммуникацией от самого города Дмитрова весною нагруженные барки, которые клалось хлебного припасу ста по четыре кулев, по оной реке Яхроме и по Сестре в Волгу даже и до Санкт-Петербурга на преж сего хаживали весьма свободно. А в лете наибольшие суда хаживали и до замерзания вод. Которому судовому ходу быть ныне препятствуют построенные на той реке Яхроме в прошлых годах 2 мельницы»¹³.

После упоминания о времени их постройки и об их владельцах составитель переходит к изложению прошения: «А ныне по той реке Яхроме судовому ходу быть весьма способно, которое всему дмитровскому купечеству тако ж и протчим всякого звания людей, было б в великую пользу»¹⁴. На утерю важнейшей жизненной артерии города в «сказке» указывается при всяком удобном и неудобном случае. Даже тогда, когда речь идет просто о глубине и ширине реки, поверенный купец не преминул вставить: «а в жаркое время летом глубина как бывает, того за спрудами оных мельниц ныне познать не можно»¹⁵.

Перед нами не материал к Экономическому примечанию, а прошение, где все подчинено одному вопросу и одной цели. Лишь в последней небольшой своей части «сказка» поверенного от дмитровского купечества имеет непосредственное отношение к «Экономическому примечанию», там, где упоминается о фабрике пестредей, о количестве ее станов и сортах готовой продукции.

Таким образом, на основании изучения «сказок» мы вправе прийти к заключению, что в качестве исходного материала «сказки» являются более подробным источником, чем готовые тома «Экономических примечаний».

К сожалению, большинство изученных материалов «сказок» не совпадает с имеющимися томами «Экономических примечаний». По тем уездам, на которые сохранились «Экономические примечания», не найдено «сказок», и наоборот, на уезды, имею-

щие крестьянские «сказки», не сохранилось «Экономических примечаний». Удалось обнаружить лишь несколько «сказок» поверенных крестьян по Дмитровскому у., сравниваемых с черновыми примечаниями, так называемыми Экономическими журналами¹⁶. Тем не менее для выяснения вопроса этого вполне достаточно.

По одной из дач с. Волгинскому графа П.В. Шереметева, сравнение «сказки» и Экономических примечаний выявляет наряду с редакторской обработкой, сделанной в черновике журнала, некоторые существенные искажения (например, вместо «оброка ценою от ста и до петисот рублей» в журнале поставлено – «от осми до петисот рублей»)¹⁷. К тому же примечание на дачу в журнале резко сокращено, либо не дописано. Вот как выглядят отрывки некоторых частей:

<i>Сказка поверенного</i>	<i>Журнал</i>
<p>«...А та река берега крутые пещаные вода чистая как для людей, так и скота здорова, запаху противного никакова нет. Как около той реки так и по другим лугам травы для скота здоровы. Грунт под водою во оной иловатой. Рыба в ней водится щуки, окуни, плотва, язи, а времяно заходят из р. Волги лещи. За мелкостию оной реки никакова судового ходу не имеетца. Земля принадлежащая к селу и деревням суглинок. На той земле хлеб сеют: рошь озимую, яровой хлеб: овес, ячмень а пшеницу, малое число гречи, конопли и лен простой. Из онаго хлеба полутчи всех родитца ячмень, ибо земля к плодородию не весьма способна. Рощи небольшие березовые, осиновые и ольховые, ис которых лес более не употребляетца, только на строение заборников и клетей. А в тех рощах грибы родятся подосинники... а ис зверей водятца... Глина удобная для делания кирпичей и для збивания крестьянских печей есть...»¹⁸.</p>	<p>«...Той реки берега крутые пещаные. Вода чистая. Грунт под водою иловатой. Рыба в ней водится: щуки, окуни, плотва, язи, а времяно заходят из р. Волги лещи. За мелкостию оной реки никакого судового хода не имеется. Земля, принадлежащая к селу и деревням к плодородию весьма не способная. Рощи не большие, березовые, осиновые, ольховые, ис которых лес более употребляется толико на строения заборников и клетей»¹⁹.</p>

Такие сильные сокращения, очевидно, не всегда имели место. Вполне допустимо, что в ряде «Полных примечаний» материал «сказок» использовался максимально. Но здесь важно подчеркнуть другое – материалы «сказок» по своей широте имеют несравненное преимущество перед «Краткими примечаниями».

Что же касается описаний уездных дач, то там разница еще более разительная. В балахнинских «сказках» на с. Гнилицы, Колосово, Черное, Козино, сельцы Харино, Нагулино, Воробыха, деревни Шишкина, Ивановская, Горшиха, Горбатовка, Петряевка, Стригина, Самыловка и др. отмечены разнообразные крестьянские промыслы, а в соответствующих местах «Краткого примечания» об этом нет ни одного упоминания²⁰.

Эти небольшие сравнения полноты содержания «сказок» поверенных крестьян с бедностью материалов «Кратких примечаний» должны подчеркнуть вполне реальную возможность использования этой документации как самостоятельного источника. «Сказки» поверенных крестьян могут с успехом заменить несохранившиеся экземпляры примечаний к Генеральным планам²¹ и даже «Полных примечаний».

Так, по Балахнинскому у. «Полного примечания» не обнаружено. Скорее всего, оно не сохранилось. Однако материалы его в значительной степени восстанавливаются по найденным «сказкам», хотя их и не так много. В общей сложности из 300 полевых записок по этому уезду обнаружено лишь 30 «сказок» поверенных (из них по селениям – 22 «сказки»).

Однако и то, что есть в нашем распоряжении, очень ценно и в сочетании с материалом «Краткого примечания» дает возможность составить представление о промысловом развитии уезда.

Балахнинский у. – приволжский. Он располагался вдоль реки с севера на юг, где границей его была водная артерия – Ока. Найдены главным образом «сказки» селений, концентрирующихся на юге уезда по берегам Оки и Волги. Основной промысел селений связан с Волгой и Окой – рыбная ловля, проводка и строительство судов, у некоторых хлебная торговля «водяною коммуникацией». Отъезд крестьян в Астрахань для рыбной ловли был, очевидно, наиболее распространенным промыслом, так как отмечается в девяти селениях из 17, где вообще отмечены какие-либо промыслы²². При этом в некоторых формулировках «сказок» заявляется весьма определенно о роли рыбного промысла: «Крестьяня промысел имеют хлебопашеством, а по большей части отъездом до Астрахани для рыбных ловель» (в сельце Нагулино); «крестьяня промысел имеют по большей части отъездом в Астрахань для рыбных ловель, а некоторые по написанным в писцовых книгах... водах... и хлебопашеством» (в с. Гнили-

ще); «крестьяне промысел имеют отъездом в город Астрахань для рыбных ловель, а прочия мимо протекающих рек рыбною же ловлею, а некоторые хлебопашеством»²³.

Проверить правильность этих суждений, сделанных на основании «сказок» поверенных, помогает так называемое «Экономическое примечание» к Атласу 1797 г. по Балахнинскому у.²⁴ Поскольку сведения этих «Экономических примечаний» по промыслам почти целиком заимствовались из «Полных примечаний» 1780-х годов, постольку, сравнивая материал «Экономических примечаний» 1797 г. со «сказками», мы можем представить весь реальный объем сведений по промыслам Балахнинского у., бывший в несохранившемся «Полном примечании».

Материалы «Экономического примечания» 1797 г. подтверждают, что наиболее распространенный промысел уезда – астраханские рыбные ловли, причем «сказки» поверенных дают нам почти весь объем материала, так как «Экономическое примечание» 1797 г. добавляет к девяти селениям лишь одно, где также был этот промысел²⁵. Что же касается общей картины промыслов уезда, то и здесь «сказки» дают довольно полные сведения. Материалы по промыслам в «павловском» «Примечании» представлены по 28 населенным дачам²⁶. «Сказки» же вместе с «Краткими примечаниями» освещают промыслы 26 населенных дач²⁷. Правда, «павловские» «Примечания» дают материал по 13 дачам, которые не имеют соответствия ни в «Кратком примечании», ни в «сказках»²⁸.

Остановимся еще на одном важном преимуществе «сказок» перед «Экономическими примечаниями». В томах «Экономических примечаний» нередко встречаются крупные дачи, объединяющие несколько сел с деревнями. На такие крупные дачи в томах «Примечаний» дается лишь одно общее описание. В «сказках» же поверенных крестьян иногда составлялись описания на каждое село одной дачи. Приведем отрывки из «Примечаний» 1797 г. по Балахнинскому у. и из «сказок» на ряд сел Коллегии экономии:

<i>Экономическое примечание 1797 г.</i>	<i>«Сказки» поверенных крестьян</i>
№ 7. Села Копосово, Черное и Козино. «...крестьяне состоят на положенном оброке, промышляют хлебопашеством, землю запахивают всю на себя без остатку; сверх того некоторые отходят в город Астрахань для рыбных ловель, а иные нанимаются на суда в работники...» ²⁹ .	Село Копосово. «...крестьяне промыслы имеют хлебопашеством, а прочия припровождением судов по реке Волге, а некоторые крашенинным промыслом...» ³⁰ . Село Черное, «... крестьяне промысел имеют отъездом в город Астрахань для рыбных ловель, а прочия мимо

Экономическое примечание 1797 г.	«Сказки» поверенных крестьян
	протекающих дач рек рыбною ж ловлею, а некоторые хлебопашеством...» ³¹ . Село Козино, «...крестьяне промысел имеют хлебопашеством, а протчие при провождении судов по реке Волге, а некоторые крашенинным промыслом...» ³² .

Из сравнения совершенно отчетливо видно, что по «сказкам» картина распространения промыслов дается более полно и более точно, в то время как в «Экономическом примечании» 1797 г. она искажена.

К сожалению, не всегда удастся обнаружить «сказки» в таком количестве, чтобы они с успехом могли заменить утраченный том «Примечаний». Но даже тогда, когда их количество определяется единицами, они могут быть полезным подспорьем в сочетании с материалами уцелевших «Примечаний» каких-либо соседних уездов, ибо частный материал «сказок» может с успехом сочетаться с обобщающими массовыми данными сводных томов Примечаний. Наконец, коснемся тех случаев, когда в нашем распоряжении наряду со «сказками» имеются либо черновики, либо готовые тома «Экономических примечаний» по одному и тому же уезду. Здесь «сказки» поверенных крестьян выступают уже как важнейшее средство источниковедческой критики «Экономических примечаний».

Поскольку «сказки» являются точно датированным исходным материалом к «Экономическим примечаниям», то в первую очередь представляется возможность выявления хронологически более поздних наслоений в готовых томах «Примечаний». Примером выделения таких наслоений может служить сравнение данных по размерам оброка 130 «сказок» поверенных по Кинешемскому у. Костромской губ. с соответствующими дачами тома «Экономических примечаний», в результате которого выясняется, что к материалам «Примечаний», собранных в 70-е годы XVIII в., в 80-е годы были собраны дополнительно сведения. Кроме того, сравнение готовых томов, либо черновики «Примечаний» со своим исходным материалом позволяет выявить наиболее слабые места в «Экономических примечаниях».

Начнем с характеристики почв. В «сказках» поверенных крестьян дается, как правило, очень пестрая картина почвенных условий, с большой точностью передающая качество почв в каж-

дой даче. Из 28 сказок поверенных в большинстве населенных дач показан «грунт земли иловатый с песком и глиною» (в 13 дачах)³³, в девяти дачах «земля иловатая з глиною»³⁴, «иловатая с песком» всего лишь в двух дачах³⁵. В одной из дач «пахатная земля находится с ылом, с песком и с глиною»³⁶, в двух дачах «иловатый з глиною» грунт еще и «каменистый»³⁷, и лишь в одной даче земля просто «иловатая»³⁸. В черновиках «Примечаний» всюду приводится одна формулировка, выделяющая лишь наиболее основное качество земли – «грунт земли иловатой». Из 15 черновиков она повторяется в 13³⁹, и только в двух сказано: «черноватый» и «глинистый» грунты⁴⁰. В этих случаях редакторская рука землемера оставила эти формулировки, как отмечающие, очевидно, необычные для местности почвы.

Но если черновики «Экономических примечаний», освещающие качество почв, сохранили главное, то в отношении культур, сеявшихся в уезде, дело обстоит иначе. Здесь авторы черновых примечаний и сказок довольно резко расходятся между собой. В крестьянских «сказках» в числе культур, которые «лутче родятся», перечисляются «овес, горох и чечевица» (в 8 из 28), и «овес и горох» (в 8 из 28). Наиболее распространенной урожайной культурой является овес (во всех 28)⁴¹, затем следуют горох (в 20)⁴², чечевица (в 11)⁴³, рожь (в 5)⁴⁴ и ячмень (в 3)⁴⁵. Пшеница «лутче родится» лишь в одной из 28 дач⁴⁶. Этот «лутчий» урожай понимается лишь сравнительно с другими видами хлебов. Что же касается действительного урожая, то в одной из крестьянских «сказок» дается на этот счет наиболее конкретная картина: «А родится хлеб, где ежели в летнее время унавозишь, а рошь, пшеница, греча родится – только собираются одни семена. Овес, горох, чачавица, лен, конопля – посредственно»⁴⁷.

Иная картина дается в черновиках землемеров. Здесь в результате редактирования оставлена следующая основная формулировка: «Лучше родится рож и овес». Из 16 черновиков такая формулировка дана в 15⁴⁸, и только в одном экономическом примечании – «лучше родится рож, овес, греча, пшеница»⁴⁹. Из наиболее урожайных культур выделены только две – рожь и овес, тогда как по «сказкам» выделяются овес, горох и чечевица. В условиях трехполья рожь, конечно, сеялась крестьянами. Но это не причина считать ее наиболее урожайной культурой. Тем более, что при этом исчезает возможность выявления тенденции развития крестьянского хозяйства. Даже на скудном материале крестьянских «сказок» видно, что в Юрьев-Польском у. не рожь, а овес был культурой, в первую очередь проникавшей на рынок. В этом случае «сказки» поверенных будут отражать более верную картину, чем примечания землемеров.

Перейдем к сравнению сведений по крестьянским промыслам. В материалах Юрьев-Польского у. ясно выделяется лишь один промысел – хлебная торговля крестьян. Но этот промысел совершенно по-разному отражен в «сказках» поверенных крестьян и в черновиках «Примечаний» по отдельным дачам, составленным землемерами. Начнем с последних. «Экономические примечания» ясно и определенно подчеркивают один промысел: «А промышляют хлебопашеством, ездят в разные города для продажи хлеба». Так с небольшими текстовыми изменениями сказано во всех одиннадцати черновиках примечаний, где вообще отмечены промыслы⁵⁰. Лишь в качестве добавления к этому в трех черновиках говорится о других промыслах (извоз, продажа сена и, наконец, покупка хлеба наряду с его продажей⁵¹). На основании этих материалов невольно складывается впечатление о развитом в уезде товарном крестьянском хозяйстве. Материал «сказок» поверенных крестьян ставит все на свое место. Хотя в «сказках» поверенных имеется тоже одна чаще всего употребляемая формулировка, но существо, ею передаваемое, выглядит совершенно по-иному: «Торгов и протчих промыслов никаких не имеют, кроме того, что времянно, по малому числу отвозят хлеб в города: в Москву, в Ерославль и в Юрьев Польский. А продают на собственные свои нужды»⁵². В одной из наиболее интересных крестьянских «сказок» эта хлебная торговля, еще более конкретизирована: «И аставшей овес продают и отвозят по малому числу в города Юрьев, в Москву, в Владимир, Ярослав, в Суждаль и продают для своих необходимых нужд – на платеж подушных и оброчных денег»⁵³.

Как и прежде, искажения получились при редактировании и обобщении материала. Таким образом, «сказки» поверенных крестьян более точно передают характер и масштаб хлебной торговли.

Перейдем к той части «Экономического примечания», в которой говорится о домашних промыслах. Освещение их в беловиках «павловских» «Примечаний» сводилось к многократному повторению однообразной формулировки.

Интересный материал дают обнаруженные нами «сказки» поверенных крестьян по Кинешемскому у. Костромской губ. Здесь мы имеем возможность сравнить со «сказками» уже не отдельные черновики «Экономических примечаний», а готовый том. О «женских промыслах» в томе «Экономических примечаний», как и в черновиках по Юрьев-Польскому у., во всех случаях говорится одинаково: «Женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен, шерсть, ткнут холсты и сукна для своего употребления и на продажу»⁵⁴. Иногда конец изменен:

«для своего употребления, а отчасти на продажу», либо просто «для своего употребления»⁵⁵.

Материалы «сказок» доверенных крестьян раскрывают довольно неожиданную картину. Достаточно сказать, что, судя по «сказкам», этот промысел отнюдь не только женский. Почти в половине всех найденных «сказок» говорится, что им занимается и мужское население: «Мущины и женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен и ткут холсты длиною до 30 аршин, шириною от 3 четвертей и до аршина и продают в городе Кинешме и в селе Вичюге в торговые дни от рубля и до двух рублей»⁵⁶. Эта формулировка, приводимая в 33 случаях, раскрывает перед нами несравненно более четкую и конкретную картину, чем застывший стандарт о женских промыслах, кочующий из тома в том Экономических примечаний⁵⁷.

Наряду с такой стереотипностью формулировки, «сказки» довольно четко отражают различные оттенки и изменения в специфике промысла. По 17 населенным дачам отмечается участие мужского населения лишь в пряже льна и продаже этой пряжи. Ткачество там – женский промысел: «Промыслу никакого не имеют только в зимнее время прядут лен и продают пятинки. Женщины сверх полевой работы прядут лен и ткут холсты шириною от трех четвертей и до аршина, длиною до 30 аршин и продают ценою от 3 рублей с полтиною»⁵⁸. В других 17 случаях формулировка менее определена: «Сверх же полевой работы упражняются в рукоделии, прядут лен, женщины ткут полотна для своего употребления и на продажу»⁵⁹. Иногда оттеняется и разделение труда – мужчины прядут, а женщины лишь ткут и т.п.⁶⁰ Широкое участие в ткацком промысле мужского населения естественно сказывается и на его масштабах. В «сказках» доверенных крестьян в противоположность готовому тому «Примечаний» дается материал не о патриархальной домашней промышленности крестьян, лишь частично обращающейся к рынку, а о промысле, уже прочно связанном с рынком. В связи с этим обратим внимание на то, что в большинстве кинешемских «сказок» в отличие от стандартной формулировки не случайно убраны слова «для своего употребления», «для себя» и упоминания о пряже шерсти и ткачестве сукна «для себя». Тем самым как бы подчеркнуто, что основная цель промысла – рынок⁶¹. Мелкотоварный характер промысла виден и в том случае, когда в нем не отмечено участие мужского населения: «Женщины сверх полевой работы упражняются в рукоделиях прядут лен и ткут холсты средней руки шириною до трех четвертей а длиною до 30 аршин и продают от рубля и до рубля 20 коп.»⁶²

Размеры товара и его цена отмечены почти в сотне «сказок». Во-первых, размеры ширины штуки холста при постоянной его длине различны, но четко выделяется основной товар – холст «средней руки», шириною от трех четвертей до аршина (в 69 населенных дачах из 92)⁶³. Широкие полотна и холсты производятся в двух-трех селениях. Наряду с этим в материалах «сказок» отмечается порой и период работы на ткацких промыслах.

Кроме постоянной формулы «сверх полевой работы» иногда встречаются и разъяснения. Например: «Питаютца от хлебопашества, а более покупкою. Женщины по малоимению земли, хотя в полевой работе упражняются, но токмо боле во употреблении бывают в пряже и ис которой ткут холсты шириною без 2 вершков аршин, длиною 30, ценою продают по даброте – рубли по три и более, а иногда и менее»⁶⁴. Или: «пропитание имеют от хлебопашества, такоже в зимнее время прядут лен для употребления на холсты»⁶⁵. Иногда указывается и место торговли: «в Вичюжской волости в торговые дни»⁶⁶, «в торговые дни в г. Кинешме и в селе Вичюге»⁶⁷, «в г. Кинешме в торговые дни»⁶⁸ и т.д.

Вышеприведенный анализ обнаруженных нами «сказок» дает основание утверждать, что перед нами весьма интересный и ценный источник. Это источник, во-первых, свидетельствует об участии крестьян в сборе материалов к «Экономическим примечаниям»; во-вторых, являясь важнейшим исходным материалом для Примечаний, он во многих случаях содержит более богатый, чем в «Примечаниях», фактический материал. В-третьих, являясь точно датированным источником, он может быть важнейшим средством для разнообразной источниковедческой проверки «Экономических примечаний». В-четвертых, «сказки» поверенных крестьян могут при достаточной многочисленности с успехом заменить несохранившиеся тома «Экономических примечаний», т.е. быть самостоятельным источником.

Необходимо коснуться вопроса сохранности «сказок». Основные межевые документы – полевые записки, межевые книги, планы дач, а также различные «сказки» поверенных – по межевому законодательству должны были сохраняться неприкосновенными. Однако «сказки» к «Экономическому Примечанию» явились, к сожалению, досадным исключением из этого. Судя по опыту работы Нижегородской межевой конторы, они собирались отдельно в особый «наряд к Экономическому Примечанию». Дальнейшая судьба их неизвестна: то ли они уничтожались, то ли хранились отдельно от прочей документации. Во всяком случае, все найденные нами «сказки» дошли до нас в составе полевых записок⁶⁹. Это дает основание предположить, что межевое законодательство о сохранении «сказок» поверенных в подлинниках – в составе поле-

вых записок, а в копиях – в межевых книгах, все же действовало. Однако в силу неизвестных причин таких «сказок» в полевых записках уцелело очень немного. Так, по Балахнинскому у. из 300 полевых записок «сказки» обнаружены в 30. По Юрьев-Польскому у. из 300 полевых записок обнаружено 40 сказок и 18 черновиков «Экономического примечания». Иначе говоря, в сравнении с общим числом полевых записок «сказки» составляют очень небольшой процент (от 10% до 20%), но следует учесть, что примерно половина всех полевых записок (если не более), составлена на пустоши. Следовательно, действительный процент «сказок» к числу селений уезда гораздо больший. Нами произведены были лишь частичные розыски. По Балахнинскому, Юрьев-Польскому и Кинешемскому у. они увенчались успехом. Но по Костромскому у., а также по некоторым уездам Новгородской и Вологодской губ. подобные розыски были бесплодны. Хотя поиски «сказок» к «Примечаниям» и не всегда успешны, их тем не менее следует искать, так как, вероятно, они сохранились в большом количестве по многим губерниям и уездам. Частичная проверка показала, что эти «сказки» сохранились в фондах полевых записок Дмитровского и Клинского у. Московской губ., Владимирского и Гороховецкого у. Владимирской губ. и др. При поисках «сказок» поверенных крестьян необходимо учитывать следующее обстоятельство. Многочисленная армия землемеров в ходе межевых работ часто отклонялась от предписанных правил и инструкций. Для сокращения объема работ с письменной документацией землемеры прибегали к различным способам. В качестве примера может служить объединение землемерами, работавшими в Кинешемском у. Костромской губ., двух различных документов в один. Так появилась на свет большая масса документов, представлявшая собой сочетание так называемого клятвенного обещания поверенных при межевании крестьян со «сказкой к Экономическому Примечанию». Выявление «сказок» в таких случаях очень затруднено, поскольку они помещены в самом конце документа⁷⁰. Однако подобные «комбинированные сказки» сохранились в больших количествах (по Кинешемскому у. 180 штук), так как клятвенные обещания тщательно оберегались хранителями межевых дел.

Таким образом, несмотря на плохую сохранность при обследовании архивных фондов, могут быть найдены многие сотни и даже тысячи «сказок» поверенных крестьян, являющиеся новым интересным источником по социально-экономической истории России второй половины XVIII в.

В заключение приведем для примера несколько образцов различных «сказок к Экономическому Примечанию», составленных на селения.

*Сказка к Экономическому примечанию
поверенного крестьянина Михайлы Осипова
землемеру генерального межевания премьер-майору Сверчкову
на дачу деревни Салтанихи Кинешемского уезда
Ярославской провинции владения М.И. Плещеева*

5 августа 1774 г.

1774 году августа 5 дня Киношемскаго уезду при межевых делах ведомства старшего первокласнаго землемера господина пример-майора Сверчкова того ж уезду Кинешемской волости деревни Салтанихи з деревнями посольства советника Михаила Иванова сына Плещеева поверенной крестьянин Михаила Осипов чрез сие объявляю, что состоящая означенной деревни Салтанихи з деревнями и с пустошми земли и всякие угоды отводит буду по самой сущей справедливости, где есть по прежним писцовым и межевым живым только урочищам и по владению происходящему до 765 году.

И, как точно ныне оных деревень крестьяня владеют, не захватывая чужих земель и не уступая своих в постороннее владение для получения от других, и в случае с соседями споров поступать буду со всякою тихостию и объявлю самую истину. При том отводе казенных засек, государственных порозжих земель и вымороченаго недвижимаго имения, где оныя найдутся, ни для чего, конечно, не утаю. Во время межевания на межу являтца стану непременно в указное время и с межи самовольно, без ведома землемера, не отлучюсь. И на межу больше требуемого числа землемером людей брать не буду. По требованию ж землемера как под команду, так под дела и инструменты надлежащее число подвод, равно живпонятыя, также сколько надобно будет работных людей давать должен без всякаго отрицания. К полевым межевым запискам и по окончании межевания к межевым книгам и планам руку прикладывать стану. Ссор, драк и никаких худых и противных указом поступок оказывать не буду. В противном же случае подвергаю себя всем предписанным в межевых инструкциях положениям. В означенной же деревне Салтанихе з деревнями по последне поданной к ревизии скаске состоит, а имянно: в Салтанихе дворов 14, в них мужеска полу 60, женска 48; в Огарихе дворов 13, в них мужеска полу 43, женска 37; в Мысах дворов 10, мужеска полу 37, женска 27. А всего в означенных деревнях крестьянских дворов 37, в них мужеска полу 140, женска 112 душ. Смежныя с означенными деревнями владельческая дачи: деревня Большаго Борятина вдовы Анны Ивановой дочери жены покойнаго подполковника Николая Степанова сына Лолу-

хина; деревня Сергеевская коллежского ассесора Николая Васильева сына Зубова; отхожая пустошь Терениха княжны Марьи Александровны Долгоруковой; пустошь Пасиралка прапорщика Михаила Ильина сына Сунбулова; пустошь Гороховка с пустошми госпож Нарышкиной, Сушковой и Румянцовой; пустошь Золиха означенного прапорщика Сунбулова. Означенные деревни лежат на берегу реки Волги, по течению ее на правой стороне. Оная река против тех деревень в самых мелких местах в жаркое летнее время глубиною бывает в сажень, шириною в 400 сажень. По ней судовой ход барками и стругами с хлебом, вином и другими продуктами из разных низовых городов. Во оной реке имеетца рыба: беларыбица, стерледи, щуки, язи, головли, окуни и платва. Вода для употребления людям и скоту здорова. Грунт земли суглинистой. Ис посеенного на ней хлеба лутче родитца рожь, а протчей еровой хлеб родитца средственно. Сенные покосы по реке травую против других жительство не лутче. Лесу кроме дровяного никакого неиметца, да и того очень мало. Крестьяня состоят на оброке и платят помещику деньгами 150 рублей, сто пуд свинова мяса, сто говяжьих языков, двести аршин серого сукна, каровья масла 10 пуд, да 40 куриц русских. Промыслов и торгов крестьяня никаких не имеют кроме хлебопашества. А сверх полевой работы упражняютца в рукоделии, прядут лен, а женщины ткут полотна для своего употребления и на продажу. К сей скаске церкви Николая чудотворца, что на еру, поп Иван Абросимов вместо поверенного крестьянина Михаила Осипова по ево прошению руку приложил.

РГАДА. Меж. отд. Костромская меж. контора. Кинешемский уезд. Полевые записки. № 6887. Л. 146, 193. Подлинник.

№ 2

*Сказка к Экономическому примечанию
поверенного крестьянина Григория Дементьева
землемеру генерального межевания секунд-майору Сукову
на дачу села Черного Балахнинского уезда
Нижегородской губернии ведомства Коллегии экономики*

10 октября 1784 г.

1784 года октября... дня при межевых делах ведомства первого класса землемера господина секунд-майора Сукова поверенной Экономического ведомства села Черного крестьянин Григорей Дементьев сказал, что состоящие объявленной вотчины село Черное, деревня Растяпина, деревня Бабино положение имеют

при Оке, а село Черное и при устье речки Черной, по течению реки на левой стороне. Та река глубиною в 3 и в 2 аршина, шириною в 250 сажен. В ней рыба: стерляди, щуки, ези, окуни, головы и плотва. По объявленной реке ходят судовой ход сверху от города Арла и с протчих гарадов до горада Нижнева стругами, барками с х(л)ебом, вином и железом, сверху от города Нижнева да разных городов с солью и протчими продуктами. Речка Черная глубиною в поларшина, шириною в две сажени; в ней рыбы неимеетца. На объявленной речке состоят 2 мучныя мельницы, первая – полевая – об одном поставе, вторая – селская – об одном поставе, которые действие имеют в летнее время. В объявленном селе церковь деревянная с колоколней во имя Сергия радунижского чудотворца. Деревня Бабушкина положение имеет при озерке Бездонке, в ней рыба кущи* и плотва. Деревня Колоткина положение имеет при озере Безымянном, в ней рыбы неимеется. Деревня Юрьеvec, Копенкино тож, положение имеет при озере Уршеве, в ней рыба щуки, караси и плотва. Деревня Игумново положение имеет на суходоле, а дачами простираетца па разным речкам, ручьям, по озерам и при речке Волосановке, на которой состоит мельница Волосановка об одном поставе, состоящая в общем владении брегадира Кругликова и коллежскаго асесора Алябьева, которая действие имеет во весь год. Земля вышеписанным села и деревень качество имеет пещаное и местами иловатое. Из посеянного на ней хлеба лутчи радитца рож и пшеница, а протчия семена неурожаемые за потоплением вешнею водою. Сенные покосы посредственны. Лес растет строевой и дровяной: сосновой, еловой, березовой, осиновой и ольховой, которой в отрубе в семь и шесть вершков, вишиною в 7 и 8 сажен. В нем звери: медведи, волки, зайцы, лисицы, птицы – тетерева, рябчики, скворцы, чижи, щеглы, синицы. Крестьяне промысел имеют отъездом в город Астрахань для рыбных ловель, а протчия мимо протекающих дач рек рыбною ж ловлею, некоторые и хлебопашеством. Женщины сверх полевой работы упражняютца в рукоделиях, прядут лен, шерсть, ткут холсты и сукна для своего употребления. Выше писаннаго села Чернаго, деревень Бабиной, и Ростяниной жители водою довольствуютца из реки Оки, а протчих деревень жители из колодизев и озер, которая как им так и скоту здорова. К сей скаске Экономического Ведомства села Чернаго поверенной крестьянин Григорий Дементьев руку приложил.

РГАДА. Меж. отд. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. № 1614. Л. 109–110. Подлинник.

* Щуки.

- ¹ Архив Межевой канцелярии (Гос. Меж. архив). М., 1868. С. 7–10.
- ² Подробнее об этом см. нашу статью «О вариантах Экономических примечаний во II половине XVIII в.» (История СССР. 1957. № 2).
- ³ При розыске этих материалов автору были оказаны содействие и помощь покойной В. Е. Здобновой, бывшей в то время заведующей межевым отделом РГАДА.
- ⁴ Кроме того, согласно межевому законодательству, подлинники всех «сказок» должны были храниться именно в полевых записках, сконцентрированных в межевом отделе РГАДА. См.: Собрание межевых законов. М., 1811. Ч. III. С. 91–92.
- ⁵ РГАДА. Меж. отд. Московская меж. контора. Полевые записки. Д. 4672. Л. 99 об.
- ⁶ Там же. Костромская меж. контора. Полевые записки. Д. 6887. Л. 146–146 об. См. прил. 1.
- ⁷ Там же. Д. 7519. Л. 10–10 об.
- ⁸ Там же. Московская меж. контора. Полевые записки. Д. 4669. Л. 5–5 об.; см. также Д. 4672. Л. 99 об.
- ⁹ Там же. Д. 4686. Л. 25–25 об.
- ¹⁰ Там же. Меж. отд. Владимирская меж. контора. Полевые записки. Д. 8363. Л. 8–8 об.
- ¹¹ Там же. Московская меж. контора. Полевые записки. Д. 4669. Л. 5–5 об.
- ¹² Там же. Костромская меж. контора. Полевые записки. Д. 7519. Л. 10–10 об.
- ¹³ Там же. Московская меж. контора. Полевые записки. Д. 4725. Л. 1–1 об.
- ¹⁴ Там же. Л. 1 об.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ «Экономический журнал», называвшийся к концу 70-х годов XVIII в. также «Экономическим примечанием», представлял собою черновик экономического примечания на отдельную дачу, составленный землемером на основании редактирования «сказки» поверенного при межевании крестьянина.
- ¹⁷ РГАДА. Московская меж. контора. Полевые записки. Д. 4671. Л. 60; Д. 4664. Л. 7.
- ¹⁸ Там же. Д. 4671. Л. 60.
- ¹⁹ Там же. Д. 4664. Л. 7 об.
- ²⁰ Там же. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Балахнинский уезд, соответственно Д. 1614. Л. 107, 109, 111, 113; Д. 1802. Л. 8; Д. 1678. Л. 8; Д. 1524. Л. 10; Д. 1816. Л. 4; Д. 1584. Л. 6; Д. 1540. Л. 9; Д. 1533. Л. 13; Д. 1739. Л. 9; Д. 1769. Л. 32; Д. 1771. Л. 14; Д. 1570. Л. 8; Там же. Экономические Примечания Нижегородской губ. Д. 21. Дачи № 26, 2, 119, 38, 120, 136, 35, 121, 34, 33, 59, 123, 92.
- ²¹ Экономические примечания к Генеральным планам составлялись до 1782 г., т.е. до появления Полных и Кратких примечаний. От Полных примечаний они ничем по существу не отличаются, за исключением того, что в них слабо освещалось состояние крестьянских промыслов.
- ²² РГАДА. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Д. 1570. Л. 8 об.; Д. 1614. Л. 107 об., 109 об., 112; Д. 1582. Л. 7; Д. 1533. Л. 13; Д. 1769. Л. 32; 1739. Л. 9; Д. 1678. Л. 8.
- ²³ Там же. Д. 1678. Л. 8; Д. 1614. Л. 107 об., 109 об.
- ²⁴ Экономические примечания к Атласу 1797 г. или просто Экономические примечания 1797 г. называют иногда «павловскими», поскольку составлялись они при Павле I по Указу, изданному в 1797 г.

- 25 РГИА Ф. 1350. Оп. 312. Д. 112. Л. 20 об.–21, № 40, дер. Княжиха.
- 26 Там же. Дачи № А, 7, 26, 34, 36, 38, 40, 41, 43, 69, 77, 78, 92, 119, 134, 138, 139, 148, 236, 253, 299, 383, 391, 392, 394, 416, 427.
- 27 РГАДА. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Д. 1570. Л. 8; Д. 1614. Л. 107–107 об., 111–111 об., 109–109 об., 112–112 об., 113–113 об.; Д. 1802. Л. 8–8 об.; Д. 1816. Л. 4–4 об.; Д. 1582. Л. 7–7 об.; Д. 1530. Л. 30–30 об.; Д. 1540. Л. 9–9 об.; Д. 1533. Л. 13; Д. 1524. Л. 10–10 об.; Д. 1771. Л. 14–14 об.; Д. 1769. Л. 32–32 об.; Д. 1739. Л. 9–9 об.; Д. 1678. Л. 8–8 об.; Мелочные дела. Кат. 398/1. Л. 113; Там же. Экономические примечания Нижегородской губ. Д. 21, А, 139, 213, 274, 358, 366, 367, 391, 402.
- 28 РГИАЛ. Ф. 1350. Оп. 312. Д. 112. Дачи № 40, 41, 43, 69, 77, 78, 134, 138, 148, 236, 253, 299, 313.
- 29 Там же.
- 30 РГАДА. Меж. отд. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Д. 1614. Л. 111 об.
- 31 Там же. Л. 109 об.–110.
- 32 Там же. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Д. 1614. Л. 113–114.
- 33 Там же. Владимирская меж. контора. Полевые записки. Д. 8249. Л. 7 об.; Д. 8270. Л. 10 об.; Д. 8364. Л. 4 об.; Д. 8391. Л. 6 об.; Д. 8286. Л. 4 об.; Д. 8318. Л. 3 об.; Д. 8340. Л. 15 об.; Д. 8388. Л. 2 об.; Д. 8440. Л. 3 об.; Д. 8446. Л. 4; Д. 8537. Л. 3; Д. 8532. Л. 5; Д. 8240. Л. 3 об.
- 34 Там же. Д. 8309. Л. 17 об.; Д. 8339. Л. 3 об.; Д. 8323. Л. 3 об.; Д. 8362. Л. 18; Д. 8356. Л. 7 об.; Д. 8385. Л. 7 об.; Д. 8476. Л. 18 об.; Д. 8425. Л. 3; Д. 8532. Л. 17.
- 35 Там же. Д. 8256. Л. 6 об.; Д. 8269. Л. 5 об.
- 36 Там же. Д. 8363. Л. 8 об.
- 37 Там же. Д. 8429. Л. 3; Д. 8517. Л. 5 об.
- 38 Там же. Д. 8427. Л. 8 об.
- 39 Там же. Д. 8237. Л. 4; Д. 8479. Л. 12 об.; Д. 8448. Л. 2; Д. 8420. Л. 3 об.; Д. 8428. Л. 4; Д. 8526. Л. 2; Д. 8255. Л. 2; Д. 8267. Л. 30; Д. 8268. Л. 14 об.; Д. 8291. Л. 13 об.; Д. 8325. Л. 9 об.; Д. 8464. Л. 4 об.; Д. 8482. Л. 11 об.
- 40 Там же. Д. 8289. Л. 5 об.; Д. 8328. Л. 19 об.
- 41 Там же. Д. 8249. Л. 7 об.; Д. 8256. Л. 6 об.; Д. 8269. Л. 5 об.; Д. 8270. Л. 10 об.; Д. 8364. Л. 4 об.; Д. 8391. Л. 6 об.; Д. 8286. Л. 4 об.; Д. 8309. Л. 17 об.; Д. 8339. Л. 3 об.; Д. 8318. Л. 3 об.; Д. 8323. Л. 3 об.; Д. 8662. Л. 18; Д. 8356. Л. 7 об.; Д. 8340. Л. 15 об.; Д. 8383. Л. 2 об.; Д. 8385. Л. 7 об.; Д. 8440. Л. 3 об.; Д. 8517. Л. 5 об.; Д. 8476. Л. 18 об.; Д. 8446. Л. 4; Д. 8425. Л. 3; Д. 8429. Л. 3; Д. 8537. Л. 3; Д. 8532. Л. 17; Д. 8531. Л. 5. Д. 8240. Л. 3 об.; Д. 8427. Л. 8 об.; Д. 8363. Л. 8 об.
- 42 Там же. Д. 8446. Л. 4; Д. 8425. Л. 3; Д. 8537. Л. 3; Д. 8532. Л. 17; Д. 8240. Л. 3 об.; Д. 8363. Л. 8 об.; Д. 8249. Л. 7 об.; Д. 8269. Л. 5 об.; Д. 8270. Л. 10 об.; Д. 8364. Л. 4 об.; Д. 8391. Л. 6 об.; Д. 8286. Л. 4 об.; Д. 8309. Л. 17 об.; Д. 8318. Л. 3 об.; Д. 8323. Л. 3 об.; Д. 8362. Л. 18; Д. 8356. Л. 7 об.; Д. 8340. Л. 15 об.; Д. 8385. Л. 7 об.; Д. 8440. Л. 3 об.
- 43 Там же. Д. 8270. Л. 10 об.; Д. 8364. Л. 4 об.; Д. 8286. Л. 4 об.; Д. 8309. Л. 17 об.; Д. 8323. Л. 3 об.; Д. 8362. Л. 18; Д. 8356. Л. 7 об.; Д. 8340. Л. 15 об.; Д. 8385. Л. 7 об.; Д. 8440. Л. 3 об.; Д. 8476. Л. 18 об.
- 44 Там же. Д. 8427. Л. 8 об.; Д. 8339. Л. 3 об.; Д. 8286. Л. 4 об.; Д. 8391. Л. 6 об.; Д. 8356. Л. 7 об.

- 45 Там же. Д. 8269. Л. 5 об.; Д. 8256. Л. 6 об.; Д. 8531. Л. 5.
- 46 Там же. Д. 8391. Л. 6 об.
- 47 Там же. Д. 8363. Л. 8 об.
- 48 Там же. Д. 8237. Л. 4; Д. 8479. Л. 12 об.; Л. 8448. Л. 2; Д. 8420. Л. 3 об.; Д. 8428. Л. 4; Д. 8526. Л. 2; Д. 8255. Л. 2; Д. 8267. Л. 30; Д. 2868. Л. 14 об.; Д. 8289. Л. 5 об.; Д. 8291. Л. 13 об.; Д. 8325. Л. 9 об.; Д. 8328. Л. 19 об.; Д. 8464. Л. 4 об.; Д. 8482. Л. 11 об.
- 49 Там же. Д. 8332. Л. 2 об.
- 50 Там же. Д. 8332. Л. 2 об.; Д. 8324. Л. 6; Д. 8479. Л. 12 об.; Д. 8448. Л. 2; Д. 8420. Л. 3 об.; Д. 8428. Л. 4; Д. 8526. Л. 2; Д. 8267. Л. 30; Д. 8325. Л. 9 об.; Д. 8482. Л. 11 об.
- 51 Там же. Д. 8332. Л. 2 об.; Д. 8267. Л. 30; Д. 8526. Л. 2.
- 52 Там же. Д. 8257. Л. 6 об.
- 53 Там же. Д. 8363. Л. 8 об.
- 54 Костромской гос. обл. архив. Ф. 138. Оп. 5. Д. 14. Дачи № 1, 101 и др.
- 55 Там же. Дачи № 221, 646 и др.
- 56 РГАДА. Костромская меж. контора. Полевые записки. Д. 7431. Л. 1 об.
- 57 Там же. Д. 7431. Л. 1 об.; Д. 7448. Л. 8; Д. 7451. Л. 2; Д. 6887. Л. 45; Д. 7244. Л. 1 об.; Д. 7250. Л. 1 об.; Д. 7251. Л. 1 об.; Д. 7281. Л. 1 об.; Д. 7296. Л. 2 об.; Д. 7410. Л. 2 об., 17; Д. 7411. Л. 1 об.; Д. 7414. Л. 1 об.; Д. 7520. Л. 23 об., 24, 40 об., 42, 44; Д. 2213. Л. 2; Д. 7085. Л. 1 об.; Д. 7098. Л. 1 об.; Д. 7119. Л. 2; Д. 7130. Л. 4; Д. 7138. Л. 3 об.; Д. 7172. Л. 14; Д. 7174. Л. 38 об.; Д. 7188. Л. 1; Д. 7193. Л. 2; Д. 7203. Л. 2; Д. 7201. Л. 18; Д. 7215. Л. 1 об.; Д. 7242. Л. 1 об.; Д. 7243. Л. 1 об.
- 58 Там же. Д. 7167. Л. 1, 6; Д. 7170. Л. 1 об.; Д. 7174. Л. 118; Д. 7073. Л. 2 об.; Д. 6903. Л. 13; Д. 6887. Л. 27 об., 36 об., 38 об., 50; Д. 6887. Л. 215; Л. 213 об.; Д. 7032. Л. 1 об.; Д. 7034. Л. 2; Д. 7045. Л. 1 об.; Д. 6872. Л. 2; Д. 7437. Л. 6 об.
- 59 Там же. Д. 6887. Л. 125; 214; 148 об.; 150; 190; 149; 189; 152; 187; 154; 195 об.; Д. 7016. Л. 4; Д. 7017. Л. 2 об.; Д. 6887. Л. 68, 273, 67 272, 85, 254, 87, 252, 88, 251, 144, 195, 145, 194; Д. 7068. Л. 1 об.
- 60 Там же. Д. 6887. Л. 144, 195, 145, 194 и др.
- 61 Это, конечно, не значит, что в крестьянском хозяйстве не ткали «для себя».
- 62 РГАДА. Костромская меж. контора. Полевые записки. Д. 7090. Л. 1 об.
- 63 Там же. Д. 7016. Л. 3–4; Д. 7017. Л. 2–3; Д. 7027. Л. 1 об.; Д. 7034. Л. 1–2; Д. 7045. Л. 1–2; Д. 7046. Л. 1–2; Д. 7068. Л. 1–2; Д. 7073. Л. 2 об. и др.
- 64 Там же. Д. 7077. Л. 1 об., 2.
- 65 Там же. Д. 7068. Л. 1 об.
- 66 Там же. Д. 7520. Л. 24.
- 67 Там же. Д. 7520. Л. 40 об.
- 68 Там же. Д. 7410. Л. 2 об., 17. Из других формулировок можно упомянуть и такие: «А в летнее время в земледельстве полевой работы, в зимнее время – прыдут лен и т.д.». Там же. Д. 6887. Л. 38.
- 69 Полевая записка как единица хранения включает в себя не только собственно полевую записку – журнал с протокольной записью землемера о ходе межевания той или иной дачи, но и ряд других документов: вероющие письма помещиков своим поверенным крестьянам, клятвенные обязательства, «сказки» поверенных крестьян и др.
- 70 См. документ № 1.

А.Т. БОЛОТОВ – АВТОР КРЕСТЬЯНСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ

В конце XVIII в. в России появилась интереснейшая книга¹, созданная специально для крестьян. В ней рассказывалось о том, как можно крестьянину достигнуть успехов в жизни и труде. Три части «Деревенского зеркала, или Общепольной книги» представляют собой что-то вроде энциклопедии крестьянской жизни. Правда, упор в ней сделан не на типичном, устоявшемся опыте работы, быта и т.п., хотя, несомненно, элемент этот есть, а на необходимых новациях и преобразованиях. Практически освещены все основные вопросы, связанные с улучшением земледелия, скотоводства, овощеводства, садоводства. Огромное внимание уделено домоводству, повседневной крестьянской жизни: гигиене, медицине (точнее, здравоохранению), питанию и даже нравственности и морали.

Важное отличие данной энциклопедии – сугубо популярная форма изложения материала. Многие сведения преподносятся в форме занимательных историй, сюжетная линия которых в ряде случаев проходит через несколько разделов. Следуя традициям классицизма, автор называет действующих лиц и места действия символическими именами. Главные персонажи – богатый помещик Велеслав, его управитель Правдинин, рачительный хозяин однодворец Кузьма Досужев, разумная и отменная хозяйка Маланья («какова Маланья – таковы и олады»), а также множество крестьян, задающих вопросы, вступающих в беседы друг с другом, делящихся своим опытом и т.д. Многим сценам присущи элементы сентиментальности, прямой назидательности (особенно при разоблачении пороков – пьянства, разврата и т.п.).

В основе «Деревенского зеркала» лежат идеи верности крепостных крестьян своим помещикам, а главное – предложена целая система мер, при условии реализации которых крестьянство должно достигнуть благополучия и расцвета. Есть все основания считать, что автор вслед за А.Н. Радищевым глубоко осознал, правда с крепостнических позиций, всю реальность кризисного состояния страны, и прежде всего крестьянского хозяйства.

Книга, обращенная непосредственно к крестьянству, – явление уникальное в литературе XVIII в. и заслуживает пристального внимания. Но, к сожалению, в историографии «Деревенскому зеркалу» не повезло. До сих пор был неизвестен даже автор этого оригинального сочинения.

Разумеется, в сочинении, созданном в духе классицизма и насыщенный символическими фамилиями, названиями сел, дере-

вень и т.д., автор не должен был следовать каким-либо точным реалиям. Вместе с тем и совершенно оторваться от них было невозможно, и задача исследователя – найти следы таких реалий.

Наряду с изобразительными названиями сел и деревень (села Недоходово, Дремучево, Слопутово, Спасибово, деревни Лентяево, Лежнево, Стоялово и др.)² в редчайших случаях в качестве неких оговорок в «Деревенском зеркале» встречаются и реальные топонимы. Например: «В одной волости, называемой Городищенно, страдали некогда... лихорадкою, которая и прозвана была городищенскою лихорадкою»³. Видимо, речь идет о Городищенской волости, что располагалась в Тульской губ. непосредственно возле Тулы. Еще в XVII в. здесь был основан А. Виниусом один из тульских железоделательных заводов – Городищенский. В другом месте автор замечает, что «в одном году в Тульской губернии в разных округах по случаю весьма мочливого лета хлеб во многих местах... пророс»⁴. Далее, пропагандируя идею занятых паров и многополья, автор, в частности, привязывает обсуждение этой проблемы к некоему с. Спасибову. В ходе обсуждения крестьяне из соседнего села едут смотреть, «как это заведено у почтенных дворян Тульской губернии». Наконец, в «Деревенском зеркале» фигурирует эпизод, в котором «некоторой пожилой помещик, живущий в городе Богородицке Тульского наместничества, по прозванию Трудюлюбов», вспоминает о принятой у древних жителей Испании и Африки практике строительства земляных домов и хозяйственных построек⁵.

Таким образом, вполне возможен вывод, что автор сочинения – житель Тульской губ. Поскольку автор «Деревенского зеркала» явно крупный специалист в области сельского хозяйства и домоводства и притом хорошо знающий и зарубежный (главным образом немецкий) опыт в этой области, то возникает предположение, что написать книгу могли такие жители Тульской губ., как В.А. Левшин и А.Т. Болотов. Оба известны как ученые, знатоки аграрной литературы, оба были практиками сельского хозяйства и, наконец, опытными литераторами, каждому из них принадлежит изрядное количество трудов, начиная с ученых по сельскому хозяйству и кончая чисто литературными сочинениями (вплоть до комедий).

Впрочем, против В.А. Левшина как возможного автора «Деревенского зеркала» есть возражения. Он родился в 1746 г. и, следовательно, не мог быть участником Семилетней войны (1756–1763). Между тем главное действующее лицо «Деревенского зеркала», некто Правдинин, – участник этой войны, и, возможно, это отражение реальности. Автор представляет Правдинина как отставного капитана, «который в Семилетнюю с пруссаками

войну в походах довольно пошатался и по многим в Померании, Бранденбурге и Шлезии деревням и местечкам насмотрелся тамошнего земледелия, скотоводства и хозяйства». А.Т. Болотов же действительно участвовал в Семилетней войне. Правда, всю войну он служил и воевал лишь в одном из регионов – в Пруссии, но определенное сходство с судьбой Правдинина тут несомненно. Кроме того, в «Деревенском зеркале» Правдинин вспоминает и о своей жизни именно в Пруссии («живши в Прусской земле, замечал я, как растят солода»)⁶. Более того, Болотов до Семилетней войны служил в Лифляндии, да к тому же и жил там еще мальчиком у отца – армейского офицера⁷. Служил в Лифляндии и Правдинин («Случилось во время моей службы в Лифляндии стоять с ротой солдат»).

Сходство судеб главного персонажа «Деревенского зеркала» и Болотова прослеживается и далее. Правдинин после ранения уходит в отставку в чине капитана и оказывается на службе товарищем воеводы. Болотов уже в Пруссии был отозван из полка в Кенигсберг, где стал служить переводчиком у военного губернатора Пруссии Н.А. Корфа (тоже своего рода «воеводы»). У обоих начальников есть даже некоторое сходство характеров. Воевода Правдинина «по прихотям своим тяжбы дела ломал, как чурки, и товарища ставил в ничто»⁸. О Корфе Болотов вспоминает: «Что касается до дел, принадлежащих до правления, а особливо письменных, то к оным по непривычке своей был он весьма неспособен... Теперь, когда я сие пишу, идет мне уже 60-й год моей жизни, и я в течении сих лет хотя многих людей видывал, но не случилось мне еще ни одного видеть и найти ему подобного и такого, который бы так много к гневу и к бранчивости был склонен, как сей человек... Я... тысячу раз тужил о том, что попал ему под команду»⁹.

Как уже говорилось, Правдинин в «Деревенском зеркале» уходит в отставку капитаном. Болотов после службы в Пруссии был отозван к Корфу в Петербург, где последний стал генерал-полицмейстером столицы, а Болотов у него – флигель-адъютантом, но вскоре вышел в отставку капитаном¹⁰.

В «Деревенском зеркале» Правдинина, отставного бедного капитана, живущего в Москве, приглашает на должность управителя имения богатый и знатный помещик Велеслав Честанов сын. Болотов, уйдя в отставку и поселившись в с. Дворенинове Алексинского у. Тульской губ., через несколько лет был приглашен управителем в дворцовую Киясовскую волость, которую Екатерина II незадолго до этого купила за 120 тыс. рублей¹¹. Велеслав назначает управителю «навсегда сверх домашних выгод нужды его столько рублей, сколько в году дней»¹², Болотову

назначен был примерно такой же годовой оклад: 400 руб. – да сверх того дано было право использовать казенных лошадей и еще полагалась «хлебная дача». Все эти дополнения, видимо, и есть «домашние выгоды нужды».

В Киясовской волости Болотов провел «почти полтретья года»¹³. Правдинин пробыл у Велеслава в должности управителя примерно тот же срок. При отъезде Велеслав, вернувшийся из длительной поездки, говорит ему: «В три года сделал ты больше, нежели другой в 10 лет успеть может»¹⁴, т.е. буквального совпадения сроков службы как будто нет. Однако в ряде других мест «Деревенского зеркала» фигурирует и другой срок работы Правдинина: «Года в два сделал он из ленивых прилежными, из непослушных повинующимися, из грубых учтивыми, из пьяниц трезвыми»; «года с два как живет он в нашем селе и научил нас добру»¹⁵. Конечно, Болотов провел в должности управителя дворцовых волостей Тульской губ. гораздо большее время. После недолгого пребывания в Киясовке его переводят в Богородицк, и там он служит с конца 1776 по 1796 г.

Однако дело в том, что, создавая «Деревенское зеркало», Болотов в основу сюжета книги взял именно свое короткое пребывание в Киясовке. То, что в «Деревенском зеркале» отразилась именно Киясовская волость, доказать почти невозможно, хотя, скажем, можно увидеть в с. Сытном, фигурирующем в «Деревенском зеркале», реальное с. Ситня Киясовской волости. С меньшей уверенностью можно говорить, что с. Спасибово – отражение реального названия с. Спасского.

Против авторства Левшина свидетельствует следующая существенная подробность: резко выраженная неприязнь автора «Деревенского зеркала» к охоте, в частности к псовой. А ведь Левшин был знатоком охоты. Он создал специальное руководство по охоте, вышедшее двумя изданиями¹⁶. Автор «Деревенского зеркала» недолюбливал не только псовую охоту, но и многих охотников. Сюжет «Общепародной книги» начинается со сцены смерти богатейшего и знатного дворянина Честана по прозвищу Малоум. Основной его порок – охота, поглощавшая все силы души этого барина. Характеризуя его крайне отрицательно, автор замечает: «Не охота сама по себе порочна, но злоупотребление оной. Несколько сотен свор, вскружив голову помещика, кружили головы и у тех сотней крестьян, кои к ним дятками приставлены были... Что нужды Малоуму, что земля того села... лежала впусе, без призрения и возделывания!.. Малоум имел всегдашнее удовольствие слышать лай и вой собак своих, рыскать с ними по полям и рощам и тем тщеславиться пред... соседними помещиками»¹⁷.

Управителя дворцовых волостей Болотова судьба также частенько сводила с такими безумцами-охотниками. Одним из них долгое время был начальник Болотова по дворцовым имениям Тульской губ. князь С.С. Гагарин, каждый год наезжавший в Богородицк для псовой охоты. Надменный, вспыльчивый, грубый, он срывал неудачи в охоте на подчиненных. «Было уже 23 сентября, и мы, – пишет Болотов в своих мемуарах, – встречали его (Гагарина. – Л.М.) не как благодетеля и любимого нами начальника, с спокойным и радостным духом, но как некакого змея или страшного медведя и с духом весьма смущенным и боялись, чтоб он уже при самой встрече не опрокинулся на нас по своему бешеному нраву». Поскольку «князь по безпредельной страсти своей к звериной ловле не восхотел и сего дня потерять... то молили и просили мы Бога, чтоб ему попалося тут на глаза несколько зайцев, дабы он тем сколько-нибудь был утешен, ибо ведали, что в противном случае неудачею он всего легче мог взбешен быть».

После одной из охотничьих неудач Гагарин обрушил свой гнев на Болотова: «Князь не успел войтить в комнаты, как и опрокинулся на меня, как лютейший зверь, и не только заорал во все горло, изливая на меня свой княжеский гнев, но и начал даже оскорблять... Я оцепенел даже от изумления... и не знал... чем заслужил от сего молодого барыча такой гнев, какого не можно было ожидать и от самого государя»¹⁸.

В «Деревенском зеркале» страсть Малоума к охоте привела к тому, что он «лишился чрез псовую охоту левого своего глаза», и это не остановило его. В одной из следующих псовых охот «снова в кустах лошадь его сбросила». Израненный, он сломал руку, вывихнул ногу, что и привело его в конце концов на смертный одр¹⁹. Сходная ситуация в реальной жизни была известна Болотову. Младший брат его зятя Шишкова погиб, по словам Болотова, «от собственной дурости», покалечив себя на охоте. «Будучи очень еще молодым человеком, – пишет Болотов, – подвержен был он двум бедственным страстям: игранию в карты и к псовой охоте. А как он, сверх того, очень страдал грыжею... то медики и все родные советовали ему колико можно от псовой охоты воздержаться. Но страсть его к тому была так велика, что он никак не хотел советам сим следовать, и... во время езды на охоте грыжа его выступила из недр с таким усилием, что привезли его почти замертво домой... и он принужден был в самых цветущих летах разстаться с жизнью»²⁰.

Если учесть, что гибель родственника произошла осенью 1795 г., т.е. незадолго до момента создания трехтомной «Общепородной книги», то вполне вероятно, что под влиянием ее и родился один из эпизодов жизни Малоума. К тому же добавим, что в

своих записках Болотов обронил весьма откровенное замечание: «Ненавидел я сию (псовую. —Л.М.) охоту»²¹.

Многие иные детали также говорят в пользу авторства Болотова. В частности, в книге вступление в должность управляющего Правдинина было озаглавлено своего рода «тронной речью» перед крестьянами. Болотов в своей жизни проделал это дважды: в с. Киясовке и в г. Богородицке. О Богородицке Болотов пишет: «Я проговорил наперед полюбовную речь со всеми старостами так, как сделал то при вступлении своего в управление Киясовской волостью, увещевал всех, чтоб жили хорошо и порядочно, исполняли бы все повелеваемое и удерживались бы от всего худого»²². В «Деревенском зеркале» речь управителя, который читал «письменный вид» Велеслава, дополнена еще и увещеванием священника²³. Больше того, в книге помещена иллюстрация: совместное выступление управителя Правдинина и священника.

Текст «Деревенского зеркала» вообще щедро сопровождается рисунками, тесно связанными с тем или иным сюжетом книги. Среди них много широко известных в литературе (но до настоящего времени анонимных) иллюстраций, многократно помещаемых в научных, учебных и популярных изданиях. Особенно широко известен рисунок с титула первой части «Деревенского зеркала». При чем часто издатели, несмотря на изображение фигуры управителя дворцового села в форменной одежде, именуют его: «Помещик на жатве»²⁴. Между тем иллюстрация эта, явно гравированная по рисунку Болотова, несет следы реального пребывания автора в Киясовке. В частности, в общий фон рисунка входят два здания, из которых левое, двухэтажное, очень напоминает господский дом в Киясовке, где временно жил поначалу сам Болотов, а второе здание — небольшой дом из пяти комнат, в котором он обитал впоследствии. Убедиться в сходстве этих домов позволяют и изображения, рисованные Болотовым для своих мемуаров и гравированные Л.А. Серяковым.

В действительности дом Болотова с прирубленной к нему сзади конторой стоял «в некотором от прежнего господского дома отдалении», за прудом, а на рисунке в «Деревенском зеркале» они условно поставлены рядом, хотя налицо приметы явного сходства с их прототипами. Возможно, Болотов рисовал их по памяти (вскоре после приезда в Киясовку господский дом был разобран)²⁵. И на другом рисунке Болотова, там, где священник и управитель при своем вступлении в должность увещевают крестьян, также фигурирует здание, очень похожее на господский дом в Киясовке²⁶. Рисунки эти, конечно, принадлежат самому Болотову. Хорошо известно, что он был прекрасным рисовальщиком и живописцем, смолоду увлекался этим и всю жизнь повышал свое мастерство²⁷.

Многим главам «Деревенского зеркала» предпосланы стихотворные эпиграфы, впрочем оставляющие с точки зрения мастерства желать лучшего. Так, первая глава первой части, где по сюжету умирает богатый Малоум-Честан, имеет следующий «эпиграф»: «Живущий в младости роскошно, невоздержно, под старость чувствует болезни неизбежно. Иль преждевременно живот кончает свой, влача свой грех в могилу за собой»²⁸.

Упражнения автора «Общепородной книги» в стихосложении отнюдь не исключают предположения о Болотове как создателе «Деревенского зеркала». Правда, в своих воспоминаниях он пишет: «Некоторые маленькие опыты сплетения стихов, предпринимаемые мною в молодые мои лета, и чувствуемое всегда великое затруднение в приискании рифм доказывали мне природную мою к тому неспособность». Однако в 90-е годы XVIII в. Болотов стал ощущать «превеликую охоту к стиховторству»²⁹. Страницы воспоминаний за этот период вплоть до 1795 г. имеют немало выдержек из его стихов³⁰. Таким образом, нет ничего неожиданно в том, что нехитрые стихи «Деревенского зеркала» сочинены самим Болотовым³¹.

В пользу авторства Болотова свидетельствуют и другие увлечения персонажей «Деревенского зеркала». Среди них важнейшее – интерес к медицине, и в частности к лечению травами. В «Экономическом магазине» Болотов дал обширную систематическую подборку сведений о лечебных травах, их свойствах и о новейших рецептурах. А в мемуарах о жизни в Киясовке он пишет: «Заохотило меня не только их (травы. – Л.М.) собирать, сушить и заготавливать впрок, но заготавливать из них разные порошки, крошечки и настойки... И велел я себе закупить множество разной величины стклянок, пузырьков, баночек, точеных деревянных стомушек и прочаго». Сразу же по вступлении в должность в Киясовке «не преминул я, – пишет Болотов, – при первых сходах всем крестьянам объявить, что у меня есть казенные лекарства и чтоб все страждущие какими-нибудь болезнями ко мне являлись и что я их охотно и безденежно лекарствами, какие есть, снабжать буду». Среди крестьян Болотов имел славу лекаря³².

В «Деревенском зеркале» высказаны абсолютно те же идеи: «Кому же свойственнее и приличнее быть таким врачом, как не сим особам (помещику или священнику. – Л.М.), и кому ж лучше болящему крестьянину себя не поверить, как не господину и как не духовному целителю души и тела? И так, доколе своеземные доктора и лекари русачки поприумножаться... попечительные помещики, читая лечебники и перенимая друг от друга слышанные действительные способы, сами себя, дворовых людей и крестьян лечат».

В книге фигурирует некто Сердоболов, устроивший у себя в с. Помогалове деревенскую больницу. Описано ее устройство, описана и сельская аптека, перечислены необходимые лекарства и травы. Правдинин, имея в селе лекарей, обучил «дворовых женок» в Москве профессии повивальных бабок. В основе знаний Сердоболова – лечебник Хр. Пекена и домашняя путевая аптека Р. фон Розенштайна (на немецком языке)³³. Многочисленные медицинские советы, рекомендации по гигиене содержатся в разделах, посвященных крестьянскому быту. В «Экономическом магазине» Болотов опубликовал очерк «О устройении человеческого тела»³⁴, а во второй части «Деревенского зеркала» (гл. 62) дано краткое популярное его изложение «О мудром устройении тела».

Среди примеров удачного лечения автор «Деревенского зеркала» приводит удивительный случай. «У некоторого помещика в Каширской деревне (напомним, что Киясовка находилась в 60 верстах от Москвы по Каширской дороге недалеко от Каширы. – Л.М.) взрослой малец Фарафошка пил из лужи и проглотил лягушек». Лекарь, не зная о том, но учитывая характер жалоб больного, дал ему рвотное, и у мальчика в конце концов выскочили три маленькие лягушки³⁵. Болотов сам наблюдал нечто подобное в 1773 г. в Киясовке. Молодая баба жаловалась, что сосед ее испортил: «Произвел в животе ее что-то ползущее и производящее внутри ровно как несносное кусанье». После месяца размышлений и опытов лечения волостной лекарь в конце концов «отважился наконец дать ей наудачу рвотное» (корень ипекакуаны). В итоге в таз упало нечто такое, что поразило лекаря: «Кусок сей... как нечто живое двигался». Живой, подвижный тончайший пузырь при прикосновении к нему «треснул и обнаружил... превеликую живую лягушку»³⁶. Поразительное сходство этих сюжетов также является аргументом в пользу того, что автором «Деревенского зеркала» является именно Болотов.

В «Общепородной книге» Правдинин выступает знатоком такого явления, как электрический ток. Он спасает от громового удара любимого хлебопашца Сидора Еремеича. Он объясняет крестьянам суть явления в самой популярной форме: «Большой кусок сургуча, серы горючей, смолы или стекла, также и очень высухшее дерево, когда будет натерт, еще сильнее к себе притягивает. И когда к нему в это время прикоснешься пальцем, выскочит из него с треском огненная искра»³⁷.

Между тем и Болотов проявлял живейший интерес к этому явлению. В «Экономическом магазине» немало его статей об «электрической силе»³⁸. Причем объяснения сути явления очень сходны с тем, что дано в «Деревенском зеркале». Больше того, Правдинин объясняет крестьянам, что «это свойство узнали че-

рез особливые махины, которые называются махинами электрическими». «Когда я получу из Москвы такую махину, – говорит он, – то увидите много чудных явлений, которые эту махиною пред глазами вашими производить буду»³⁹. В мемуарах же Болотов неоднократно упоминает об электрических машинах, о желании писать о них «или уведомить о том публику чрез Экономическое общество». Он ставил лечебные опыты с электрической машиной. Одно время Болотов задумывал сделать такую машину, а в дальнейшем проводил сеансы лечения электричеством⁴⁰.

Для сходства интересов Болотова и персонажей «Деревенского зеркала» характерен следующий пример. В 1781 г. Болотов помещает в «Экономическом магазине» заметку «О том, как возвращать жизнь замерзлым людям (из сочинений иностранных)». В основе небывалого для той поры метода лежит положение: холод из замерзшего вытянуть может только холод же. В качестве примера приводится замерзшее яблоко, которое нужно положить в холодную со льдом воду, и минут через 15 оно будет совершенно свежим. Замерзшего человека ни в коем случае нельзя вносить в теплое помещение. Рекомендуются положить его «в холодное жилье» на слой снега толщиной на две ладони, снять всю одежду и «насыпать толсто сверху снега», плотно прижав его. Шею и голову тоже покрыть снегом, оставив лишь глаза и рот. При появлении в теле «теплоты», «а в членах движения» необходимо переложить тело в несколько более теплую воду. Потом обтирать «несколько нагретыми платками». И только после этого положить в «излегка нагретую» постель, однако «в не топлёном покое». Постепенно, с величайшей осторожностью повышать степень «наружной теплоты». Массаж продолжать, а если нет дыхания, возможно и принудительное вентилирование легких (вдувать ртом воздух в ноздри или в рот пострадавшего), массаж грудной клетки и т.д. Пришедшему в себя давать бузинный чай или чай с лимонной коркой, мелиссой и т.д. Дают нюхать также хрен, лук, нашатырь и т.д.⁴¹

В одной из глав «Деревенского зеркала» излагается именно этот способ спасения замерзших, причем совпадает буквально все, начиная со снежной постели «в два кулака толщиной» и кончая бузинным чаем. Приведен даже пример с замерзшим яблоком. Разница лишь в том, что в «Общепризнанной книге» все это дано как сцена из «крестьянской жизни». Нашелся знаток этого метода спасения – управительский писец и одновременно цирюльник, некто Тарас, «в таких делах смышленной»⁴². Когда «око-стенелого мертвеца с надворья в теплую избу нести хотели»: «Стой! закричал он! Бога ради, стой! Вы его уморите, буде он еще жив. И так, оттолкнув людей, сам вскорости в сенцах разло-

жил снегу в два кулака вышиною. Тогда велел он раздеть донага». Далее все излагается в том же порядке, как в статье из «Экономического магазина».

Разумеется, из журнала этот материал мог взять и использовать любой другой автор. Да и сам Болотов для «Деревенского зеркала» пользовался не только своими материалами. Но в данном случае этот пример органически включается в контекст целой серии свидетельств, твердо обосновывающих авторство Болотова.

Таким образом, можно утверждать, что перед нами сочинение выдающегося русского ученого-агронома, которое позволяет резко раздвинуть рамки наших представлений прежде всего о социальных взглядах Болотова⁴³. Три тома «Деревенского зеркала, или Общепонородной книги» позволяют судить, в частности, и о том, как он мыслил себе улучшение крестьянского (а не помещичьего, о чем мы знали до сих пор) хозяйства.

Решение завершить период управительской деятельности в дворцовых имениях созданием книги, в которой он смог бы в какой-то мере обобщить опыт своей многолетней работы с крестьянством, видимо, приходится именно на 1796–1797 гг., когда Болотов ушел в почетную отставку. К этому его толкала и явная неудовлетворенность своей деятельностью по пропаганде герецового сельскохозяйственного опыта среди помещичьего дворянства. Подводя итоги своему десятилетнему подвижническому труду по созданию «Экономического магазина», Болотов писал: «Опытность столь многих лет доказала, что публика наша наполнена была еще невежеством и не умела и не привыкла еще ценить труды людей и отечество совсем было неблагодарное», «лучшею наградою... было для меня собственное сознание, что я трудился не в пустом, а в полезном... деле».

Подлинный патриотизм выдающегося ученого вдохновляет его обратиться в конце концов непосредственно к крестьянству. Это была, в сущности, последняя литературная попытка Болотова способствовать улучшению земледелия и скотоводства в России («усердие патриотическое к общей пользе возродилось вновь»)⁴⁴.

Как уже говорилось, автор «Деревенского зеркала» убежденный сторонник крепостного строя. В этой книге богатый, унылый и, можно думать, прогрессивный помещик Велеслав Честанович первым долгом «очистил дом от порочных наемников». Стронник экономного домоводства, он «всех своих крепостных излишних служителей превратил без обиды и огорчения в полезных художников и рукодельников, доставая им нужных учителей», он же «уничтожил многостоящую псовую охоту и людей, служивших собачкам, возвратил земледелию»⁴⁵. При плохом управле-

нии помещьем все разваливается, как это было при отце Велеслава, Честане (Малоуме). Не случайно главный герой Болотова – управитель, а не сам помещик.

Грамотному, профессиональному управлению хозяйством автор придавал огромное значение, считая, что помещики, как правило, отнюдь не лучшие хозяйственники. В мемуарах он, в частности, довольно трезво размышляет о печальной участи основной массы дворян-помещиков: «Роскоши и непомерное мотовство большей части наших дворян скоро произведет то, что большая часть наших сел и деревень принадлежать будут фабрикантам, купцам, подьячим, секретарям, докторам и лекарям и не мы, а они господами и владельцами будут»⁴⁶.

В «Деревенском зеркале» Велеслав хотел «совершенно преобразовать дух своих крестьян и вместо непокорливых, ленивых и развратных людей сделать их послушными властям и начальствам, прилежными, добрыми и честными крестьянами»⁴⁷.

Крепостнические взгляды Болотова хорошо известны по его мемуарам. Он, вступая в должность в с. Киясовке, сразу стал «железной рукой» наводить порядок. Двое крестьян, например, воровали муку, и один из них был пойман. Для того чтобы узнать, кто был сообщником, Болотов подверг пойманного жесточайшей порке («и чем и чем я его уже не сек», устроив наконец «третичное жесточайшее истязание»). Дело кончилось тем, что пытаемого поместили в жарко натопленную баню, давая в пищу одну лишь соленую рыбу и лишая его питья до тех пор, пока он в конце концов не выдал настоящего сообщника. В заключение их обоих раздели донага, вымазали в дегте и провели в таком виде по всей деревне⁴⁸.

Со временем Болотов, видимо, стал мягче, однако долго еще оставался сторонником воспитания кнутом и розгой. Вот, например, путевые наблюдения Болотова, сделанные во время поездки в его владения под Шацком. Проезжая с. Лысые Горы, что возле Раненбурга, где жило около 4 тыс. однодворцев, он замечает: «Все дома в них крыты дранью. Жители все вольные, никакой работы господской не отправляющие, владеющие многими тысячами десятин». Однако село основано не по плану, нет строгих улиц. «Там двор, здесь другой, инде дворов пять в куче, инде десяток. Те туда глядят, сии сюда, иной назад, другой наперед, иной боком, иной исковерканный стоит... Дворы их истинно грех и назвать дворами. Обнесены кой-каким плетником, и нет ни одного почти сарайчика, ни одной клетки». Вывод Болотова однозначен: «Хлеба стоит у вас скирдов целыя тысячи, а живете вы так худо, так бедно, так беспорядочно... Некому вас перепороть, чтоб вы были умнее и строились и жили бы порядочно»⁴⁹.

Лишь в 90-е годы XVIII в., будучи в пожилом возрасте, Болотов начинает проявлять сочувствие к простому люду. Чаше эти мотивы звучат в его поэтических произведениях⁵⁰. А в «Деревенском зеркале» он уже твердо заявляет, что «деревенские жители суть такие же человеки, как и в городах граждане... Они имеют иногда догадки, какие и гражданину на ум не впадут... Недостает им только лучшего воспитания, просвещения, сведения и познания обращать в употребления те полезные вещи, которые уже выдуманы... Примеры здравого понятия, остроты и разума премудрого природою как боярину, так и крестьянину неисповедимым нам путем с рождением уделаемый, доказывают сельские их доспехи»⁵¹.

В 90-е годы XVIII в. Болотов выступает, хотя и анонимно, за создание условий для улучшения жизни крестьян. В «Общениродной книге» он резко возражает против злоупотреблений богатеев-крестьян по отношению к своим бедным соседям. Правдинин начинает с подушного уравнивания наделов: «По мере семейств уравнил он между ними пашни и луга и на селян-богачей, порабощавших оскудалых собратий, наложил узду, удерживающую их от наглых притяжений». Далее Правдинин «завел по селам школы для обучения грамотных крестьянских детей, учредил общия хлебныя запасницы для нужной помощи, сараи с разными сбруями и хлебопашенными орудиями, которыя зажиточным крестьянам отпускал за настоящую цену, а бедным – безденежно, доколе могут впредь заплатить»⁵². Он даже стал строить для крестьян просторные прочные избы на сухом возвышенном месте «стройно в ряд, а не закоулками», ввел моду на крыши «из глиняных гонтин» (черепицы)⁵³.

Болотов впервые в литературе XVIII – начала XIX в. выдвинул и развил идею государственной политики попечительства, которая в широком масштабе была реализована именно в дворцовой деревне (а потом и в государственной), но лишь со второй половины 20-х – середины 30-х годов XIX в., когда кризис крепостничества вступал в свою завершающую стадию⁵⁴.

Он предложил систему материальных поощрений за прогрессивные, на его взгляд, достижения крестьян. Прежде всего, это – владение навыками чтения и счета. Велеслав в «Деревенском зеркале» устанавливает ежегодную награду священнику за каждых десять парней, обученных грамоте, – 100 руб., за 3 года – 300 руб., учителям за 10 парней, выучивших арифметику, также 100 руб., а самим парням – «Святцы», хозяйственная книга и нарядный кафтан с парой обуви. За знание наизусть главных молитв и 10 заповедей полагалось каждому по новому платью. За согласие между мужем и женой и успехи в хозяйстве – 25 руб.

Также 25 руб. выдавалось крестьянину, который впал в разорение, но затем сумел восстановить свое хозяйство. Особая награда – 10 руб. – крестьянину, достигшему успехов в хлебопашестве и домоводстве.

За внедрение картофеля в качестве полевой культуры – награда в 20 руб., за наибольшее число ульев – 20 руб., за хмелевый огород – 20 руб.; крестьянину, скосившему (а следовательно, посеявшему) наибольшее количество клевера (дятловины) и других кормовых трав, – 10 руб., за сбор 30 пудов крапивы – 3 руб. Крестьянской хозяйке за лучшее домоводство, скотоводство и птицеводство Велеслав назначил 20 руб., да в придачу лучшую корову, две овцы, по две пары гусей, уток и кур. А незамужней крестьянке полагался еще к свадьбе полный подвенечный наряд. Награды назначались и за умение печь хлебы, делать квас, за опрятность и чистоту. Поощрялись и промысловые занятия: молодому парню, например, за вязание чулок была награда в 5 руб.⁵⁵ Практика таких поощрений сохранялась не только в 20–50-х годах XIX в., но и после реформы 1861 г.

Как ученый-агроном Болотов, создавая крестьянскую экономическую энциклопедию, оказался в очень сложном положении, поскольку основные направления развития сельского хозяйства обычно связывал все же с «боярским» (помещичьим) хозяйством. Как, например, могли крестьяне в условиях чересполосицы и малоземелья реализовать идею семипольного севооборота, которая предполагала комбинацию трехполья с запуском четырех других полей в перелог? В свое время эта новация была удостоена медали Вольного экономического общества, но сам Болотов полагал уже в 1778 г., что «без согласия соседей нет никакой возможности четырех полей делать», а для степных мест она вообще непригодна⁵⁶. Таким образом, даже для помещиков внедрение новой, экономически более рациональной системы севооборота было не вполне реально.

Применительно же к крестьянскому хозяйству Болотов в «Деревенском зеркале» даже и не ставит о ней вопрос. Здесь он по-иному пытается выйти за рамки трехполья (пар, озимь, ярь). В «Деревенском зеркале» преуспевающий однопорец Кузьма Досужев ведет образцовое хозяйство, активно практикует посевы дятловины (клевера), применяет различные варианты многополья, и в частности семипольный севооборот: 1) пар, 2) озимая пшеница, 3) ячмень с красной дятловиной, 4) дятловина с ячменем, 5) дятловина на сено, 6) рожь, 7) овес; или восьмипольный севооборот: 1) пар, 2) репное семя, 3) озимая пшеница, 4) горох, капуста или репа и т.п., 5) ячмень или яровая пшеница с дятловиной, 6) дятловина, 7) рожь, 8) овес. Дятловину в ячменном поле

Болотов рекомендует сеять, когда уже засеян и запахан ячмень или когда он уже вышел «в палец». После жатвы ячменя клевер отрастет и годится и на сено, и на зелень. Кроме дятловины, автор «Общенародной книги» советует сеять также люцерну и эспарцет (петуший гребень)⁵⁷.

Болотов отдает себе отчет в том, что крестьянам крайне трудно применить многопольный севооборот. С многопольем ничего не выйдет, пишет он, «если крестьяне целого селения единодушно не согласятся отменить старой обычай... Всего же невозможнее – в разнобоярщине и чересполосном владении».

Самый сильный аргумент в устах Болотова в пользу многополья с травосеянием: «Чтоб скотина не мерла, когда луга закажут (под сенокос. – Л.М.), а паровой клин (на котором позже паслась скотина. – Л.М.) вспашут». Эта действительно страшная по своей безысходности ситуация стала в конце XVIII в. преобладающей прежде всего в пределах старого Черноземного центра. Здесь от ранней пастбы на молодой траве лугов оголодавшие коровы «получают понос и приходят еще в большее безсилие». Когда же травы «уматерекуют» и могут давать «прочное питание», тут бы коровам и «оправиться», но, увы, приходит время «заказывать» луга, готовить их к сенокосу. Остается возможность лишь меньше месяца использовать зеленый корм на пару, а когда его вспашут, «тогда повергнуться оне совершенному голоду до самого августа, пока луга скосят и сожнут рожь». «От самого же этого, – горестно заключает автор “Деревенского зеркала”, – порода коров у нас худая, малорослая и слабая... и лучшее время годовое голодуют».

Выход из этого кризисного состояния крестьянского хозяйства Болотов видит не только в многополье с травосеянием, но и в одновременном переходе к стойловому содержанию скота за счет дятловины и иных кормовых трав (1 дес. дятловины, например, заменяет 3–4 дес. обычного покоса)⁵⁸. Автор рекомендует крестьянину сначала отвести под дятловину одну треть конопляника, т.е. на усадебной земле, и засеять ее или дятловиной с ячменем, или «луцерной». Это обеспечит стойловое содержание в течение года двух коров (на корм и сено). Но это всего лишь полумера, и дальше Болотов уже кривит душой. Ведь весь расчет его только на то, что крестьяне-соседи сразу последуют хорошему примеру и все селение перейдет на многополье, травосеяние и стойловое содержание скота! В «Деревенском зеркале» воодушевленные этим примером крестьяне с. Спасибова едут смотреть образцы передовых способов ведения хозяйства к «почтенным дворянам» Тульской губ.⁵⁹ Увы! На деле все было иначе...

Болотов убежден, что система многополья и травосеяния резко повысит уровень скотоводства, увеличит количество навоза и тогда появится возможность применять его значительно больше не только в полеводстве, но и в огородничестве, что позволит крестьянину разорвать узкий круг обычных огородных культур (капуста, репа, свекла, огурцы, морковь). Получая теперь их в полном достатке, «для перемены естве (еды. – Л.М.) и приправы оных» он может отныне «садить лук, чеснок, горох, бобы простые и турецкие, сеять петрушку, пусторнак, кервель, брюкву земляную и сверх земляную (кольраби. – Л.М.) и разныя капусты»⁶⁰. Таким образом сильный импульс получило бы и огородничество.

В «Деревенском зеркале» уделено немало внимания и луговодству. Болотов исходит из того, что идет повсеместное истощение луговых земель: «Трава растет на земле, а земля... истощится, точно как пашня выпашется и добрых трав выращивать будет не в силах». Поэтому запущенные луговины сплошь поросли звонцом, чемеркой и мхом («У нас на Руси луга приходят в истощение... от того, что об них нимало не пекутся»). Луга надо унавозить (на 1 дес. 50 возов, и это немного), собирать травяную труху и сеять семена трав. Среди рекомендаций есть и полив навозной жижей, рассыпание золы, алебаstra, рухляка-мергеля и т.п. В итоге урожаи трав могут возрасти с 20 до 100 возов с 1 дес. (примерно с 200 до 300 ц).

Но и эта идея разбивается о суровую реальность. В «Деревенском зеркале» крестьяне с. Недоходова так объясняют невозможность этой практики: «Мы каждое лето делим их (луга. – Л.М.) по жребью, потому что тяглы прибывают и убывают, к тому ж на ином лугу... хорошо, а на другом худо». И автор вынужден принять их доводы: «Конечно, не можно вам согласиться удобрять луга общие общими силами, потому что не одной матки детки: иной рад трудиться, другой ленив, третий упрям, а тот безтолков и сочтет удобрения лугов за вздор». Столь же трудновыполнима была и идея периодической вспашки лугов под хлеб⁶¹.

Словно чувствуя это, Болотов идет даже на советы отнюдь не новаторского характера, а всего лишь пропагандирующие опыт отдельных регионов. Вот, например, один из них: «Можно... в подспорье сему сеять «ивановскую рожь», взяв для того обыкновенную рожь, в конце июня. Когда на четверть аршина вырастет, скоси ее на корм, а осенью еще раз. От сего ржаная жатва (будущего года. – Л.М.) не будет хуже». Более интересен совет сеять травы на паровом клину («осенними семенами или смесью ячменя, гороха или сочевицы») на зеленый корм в июне – июле⁶².

Подробны и весьма интересны изложенные в «Деревенском зеркале» с максимальной простотой советы по обработке почвы, унавоживанию, севу, по возделыванию картофеля, льна, хмеля, дятловины. Причем Болотов не только основывается на зарубежной литературе и личном опыте, но и учитывает достижения агрокультуры и агротехники в России XVIII в.

Много внимания уделяется автором пропаганде новых земледельческих орудий и разного рода приспособлений, на каждое из которых дана иллюстрация, выполненная по его рисункам. Это, в частности, так называемая мекленбургская косуля, рассчитанная на воловью парную тягу и имеющая плотную скользящую по грунту подошву. Это тяжелая борона в виде массивной рамы формы усеченного треугольника, снабженная по периметру огромными толстыми железными гвоздями-зубьями (вариант так называемого глыбодроба). Кузьма Досужев наряду с этими орудиями демонстрирует и грохот с подножкой, и льняной подсевальник, и гипсовую мельницу, и каменную мельницу, и сечку для обрезания колосьев, и луговой скобель, и луговую соху, и мялку для льна и т.д.⁶³

В основу экономической стратегии крестьянского хозяйства Болотов ставил все-таки корма для скотоводства. Среди «крестьянских правил» Кузьмы Досужева главное гласило: «Итак, когда хочешь разбогатеть, начинай хозяйство свое тем, чтоб завести для скотов своих много доброго корма... После того заводи больше скотины и... еще больше корма».

Однако к этому ведет долгий путь жесточайшей экономии: «Ешь то, чем можно быть сыту, пей то, чем можно утолить жажду, одевайся так, чтоб не быть нагу. Так твои расходы не будут выше приходов». Досужев «во всю жизнь свою не пролакомился ни гроша, не ел ничего покупнова, сам с детьми не носил ни нитки, кроме наряденова и вытканова ево женою и дочерьми». Его девиз: 1. «От жареного не сытее наешься, как и щами с кашею»; 2. «Тонкое сукно не лучше греет сермяги»; 3. «Наработавшись, столько ж сладко уснешь на соломе, как на перинах».

Вместе с тем рациональный путь развития крестьянского хозяйства – не путь натурализации: «Домоводство без денег стоять не может, и для тово надобно хозяину деньги в запас копить», «Умной расход приносит больше, нежели безрассудная скупость», «Не купи, чего хочется, покупай, без чево обойтись нельзя», «Что сам можешь сделать, за то денег не плати», «Береги денежку про черный день» и т.д.⁶⁴

Перспективы каждой семьи Болотов связывает с ее трудовыми ресурсами: «Дети у крестьянина богатство. Ково Бог благословил детьми – будет богат. Но смолоду приучай их к трудам,

чтобы были добрые хлебопашцы, а не лежаки... Крестьянская жизнь потовая: труды-то нас и кормят!», «Трудись до поту – после слюбится», «Ленивый хотя желает, да не получит». Нормальным рабочим днем крестьянина Болотов считал 12–14 часов в любое время года: «Работник должен летом вставать поутру в 4 часа и идти на работу. В 7 часов надобно завтракать; между 11 и 12 часов обедать, в пятом часу полдничать, а в вечеру в 8 часов – ужинать. После можно еще что-нибудь поделывать до 9 часов, а потом ложиться спать, Таким образом можно зимою и летом поступать особливо, когда есть работа»⁶⁵. С точки зрения питания этот распорядок для огромного числа крестьян, недостижимый идеал (особенно в Нечерноземье, где ели, как правило, лишь дважды в день). Что касается затрат труда, то здесь они, может, и меньше реальных в горячую пору сельскохозяйственных работ.

Итак, корма, скот, рабочие руки и трудовое усердие, жесткая экономия, разумный расход денег – вот, по Болотову, залог успеха. В условиях крепостной России с ее надельным землевладением основную ставку он делает на максимум вложения в надел «капитала»: «Не поле кормит – нива. Не тот богат, у ково много земли, тот, чья земля приносит больше урожая... Чтoб малое дело земли урожало много хлеба – надобно пашню много унавоживать... Удобрый десятину за десятиной лучшим навозом и не оставляй ни бороздки земли лежать в праздности» и т.д.

И все-таки Болотов вынужден признать неизбежность покупки и аренды земель: «Когда подрастут дети твои и счет работников в семье прибавится, старайся земельки прокупить или по способности принанимать в годы столько, сколько своими работниками обнять можешь; навозь ее, хотя она и чужая: труды не пропадут»⁶⁶. Итак, богатей, укрупняй хозяйство, но строго по числу трудовых рук! О найме в «Деревенском зеркале» – ни слова! А ведь сама логика развития крестьянского хозяйства объективно и неизбежно вела к использованию посторонней рабочей силы...

Вот тут и видна непоследовательность позиции Болотова. Как экономист-аграрник, он понимает тормозящую роль феодальной системы землевладения в ее помещичьем и даже в общинном вариантах. Возможно, он считает, что экономический и социальный прогресс лежит на пути развития индивидуального крестьянского хозяйства, на пути не только имущественной, но и социальной дифференциации крестьянства, приводит массу агротехнических и хозяйственных способов ускорения именно этого процесса. Но в то же время он не доводит свои рассуждения до конца, останавливается на полпути, стремясь все-таки сохранить крепостное право, рекомендуя одновременно целую систему мер

политики «обновления», попечительства, имевшего целью вывод крепостничества из начавшегося кризиса, отмеченного подавленностью и нищетой народных масс.

Поэтому главное внимание Болотов сосредоточивает лишь на ближайших средствах выхода из того кризисного положения, в которое зашло крестьянское хозяйство к концу XVIII века. В другой своей работе он, подводя своего рода итог екатерининской эпохи, уточняет свое понимание этого кризиса: «Крестьянство... едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»⁶⁷.

«Деревенское зеркало» было последним актом энергичной, самоотверженной деятельности Болотова на ниве просвещения. Отход от нее мог быть продиктован его общим разочарованием в ходе событий, косностью дворян, безнадежностью положения крестьян, да и подписка на «Общенародную книгу» оказалась невелика, а из крестьян ее заказали лишь жители нескольких волостей Вятского края. После «Деревенского зеркала» Болотов целиком сосредоточивается на создании своих воспоминаний («Жизни и приключений»). Правда, долгие годы он еще работает, но лишь как ученый-агроном...

¹ Деревенское зеркало, или Общенародная книга, сочиненная не только, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять (далее – ДЗ). Ч. I–III. СПб., 1798–1799.

² ДЗ. Ч. I. С. 45, 47, 56, 199; Ч. II. С. 121, 129, 198.

³ Там же. Ч. III. С. 54.

⁴ Там же. Ч. I. С. 39–40, 151.

⁵ Там же. Ч. II. С. 261.

⁶ Там же. Ч. I. С. 4, 288.

⁷ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738–1795 гг. (далее – *Болотов А.Т. Записки*): В 4 т. СПб., 1871–1873. Т. I. С. 34, 45, 332, 339, 371, 376, 378, 390 и др.

⁸ ДЗ. Ч. I. С. 31–32, 273.

⁹ *Болотов А.Т. Записки*. Т. I. С. 751–754.

¹⁰ Там же. Т. II. С. 260.

¹¹ Там же. Т. III. С. 414.

¹² ДЗ. Ч. I. С. 33.

¹³ *Болотов А.Т. Записки*. Т. III. С. 365, 602.

¹⁴ ДЗ. Ч. III. С. 207.

¹⁵ ДЗ. С. I. С. 34, 223.

¹⁶ *Левшин В.А.* Совершенный егерь, или Знания о всех принадлежностях к ружейной и прочей полевой охоте: В 3 ч. СПб., 1779; *Он же.* Совершенный егерь, стрелок и псовый охотник. СПб., 1791.

¹⁷ ДЗ. Ч. I. С. 6–7.

¹⁸ *Болотов А.Т. Записки*. Т. III. С. 964–965, 976.

- ¹⁹ ДЗ. Ч. I. С. 7–8.
- ²⁰ Болотов А.Т. Записки. Т. III. С. 1295.
- ²¹ Там же. Т. II. С. 639.
- ²² Там же. Т. III. С. 627.
- ²³ ДЗ. Ч. I. С. 27.
- ²⁴ См., напр.: Из неизданного литературного наследия Болотова // Т. 9–10. М., 1933. С. 175, 177 и др.; Очерки истории СССР. Период феодализма. М., 1956. С. 55. При Екатерине II управление дворцовыми волостями было передано в руки местных государственных учреждений. Поэтому управитель, находясь на государственной службе, носил форменную одежду. Так было при жизни Болотова в Киясовке и Богородицке. Таким он и изображал управителя на рисунках «Деревенского зеркала», забыв, между прочим, что по сюжету его книги действие происходит в простом помещичьем имении.
- ²⁵ Болотов А.Т. Записки. Т. III. С. 427, 461, 483.
- ²⁶ ДЗ. Ч. I. С. 27.
- ²⁷ Искусству рисования и живописной технике много уделял он внимания в своих статьях в «Экономическом магазине» (далее – ЭМ.), 1780. Ч. II. С. 25; Ч. IV. С. 124; 1781. Ч. VII. С. 182; 1784. Ч. XVIII. С. 332, 369; 1785. Ч. XXII. С. 209, 331, 353, 385.
- ²⁸ ДЗ. Ч. I. С. 1.
- ²⁹ Болотов А.Т. Записки. Т. IV. С. 850, 1091.
- ³⁰ Там же. С. 825, 850, 1039, 1209–1210 и др.
- ³¹ Вот один из типичнейших эпиграфов к IX главе: «Как у меня есть двор, да пашенка и луг, / Да добра женушка, овца, лошадка и коровушка для собственных услуг, / Так будем счастливы мы общими трудами, / И наживать добра рачения плодами» (ДЗ. Ч. I. С. 77).
- ³² Болотов А.Т. Записки. Т. III. С. 456, 506.
- ³³ ДЗ. Ч. III. С. 83, 84.
- ³⁴ ЭМ, 1784. Ч. XVII. С. 65, 81.
- ³⁵ ДЗ. Ч. III. С. 122.
- ³⁶ Болотов А.Т. Записки. Т. III. С. 706, 708. В своей заметке об этом случае, помещенной в «Экономическом магазине» (ч. XXXVII, с. 146), Болотов предположил, что головастик мог попасть при питье воды из лужи.
- ³⁷ ДЗ. Ч. III. С. 4.
- ³⁸ ЭМ, 1780. Ч. III. С. 273; Ч. IV. С. 321; 1781. Ч. VII. С. 241, 401; Ч. VIII. С. 369.
- ³⁹ ДЗ. Ч. III. С. 3, 6, 273–276.
- ⁴⁰ Болотов А.Т. Записки. Т. IV. С. 869, 934, 1028. В «Деревенском зеркале» повторяются очень многие материалы «Экономического магазина» (или даются аналогичные им), начиная с приемов обработки пашни, способов удобрения почвы и кончая разного рода мелочами. В частности, заметка «О репном семени», опубликованная в 24-й части «Экономического магазина» (1785, с. 263–264) с замечанием, что за рубежом из семени давят масло «для лампад», совпадает с наизиданием в «Деревенском зеркале» о том, что в немецких землях не жгут лучин, вредных для здоровья, а сеют в яровом поле репное семя «для ночников» (ДЗ. Ч. II. С. 103).
- ⁴¹ ЭМ, 1781. Ч. VIII. С. 17–25.
- ⁴² ДЗ. Ч. III. С. 130–134.
- ⁴³ Наиболее полный перечень работ Болотова см.: Андрей Тимофеевич Болотов (1738–1833). М., 1984, а также: Бердышев А.П. Андрей Тимофее-

- вич Болотов. 1738–1988. М., 1988; *Любченко О.Н.* Андрей Тимофеевич Болотов. Тула, 1988; *Глаголева О.Е.* Болотов – ученый, писатель, энциклопедист // *Вопр. истории.* 1988. № 11.
- ⁴⁴ *Болотов А.Т.* Записки. Т. IV. С. 586, 906.
- ⁴⁵ ДЗ. Ч. I. С. 15.
- ⁴⁶ *Болотов А.Т.* Записки. Т. IV. С. 967.
- ⁴⁷ ДЗ. Ч. I. С. 18.
- ⁴⁸ *Болотов А.Т.* Записки. Т. III. С. 474, 475, 745–746.
- ⁴⁹ Там же. С. 78, 79.
- ⁵⁰ Там же. Т. IV. С. 1210.
- ⁵¹ ДЗ. Ч. II. С. 62, 63.
- ⁵² Там же. Ч. I. С. 32, 33.
- ⁵³ Там же. Ч. II. С. 13–14.
- ⁵⁴ В реализации этой политики в удельной деревне ведущую роль сыграли Л.А. Перовский и князь П.М. Волконский (см. *Горланов Л.Р.* Удельные крестьяне России (1797–1865 гг.). Автореф. М., 1988. С. 27–28).
- ⁵⁵ ДЗ. Ч. I. С. 20–23.
- ⁵⁶ *Сельский житель.* 1778. Л. 18. С. 16; Л. 8. С. 5.
- ⁵⁷ ДЗ. Ч. I. С. 89, 114, 124–125. Вполне возможно, что Болотов здесь корректирует свои взгляды под влиянием критики. И.И. Комов, в частности, писал: «Вместо того чтобы оставить поле 3 года в пустоте, держать его время сие в траве», «лучше под овощем, нежели в парении сделать можно...» (см. *Комов И.И.* О земледелии. М. 1788. С. 210–211). Свой вариант семиполья Болотов предложил под влиянием Комова, хотя он и не был буквальным повторением комовских севооборотов, разработанных на основе английского опыта.
- ⁵⁸ ДЗ. Ч. I. С. 128–130, 134, 140.
- ⁵⁹ Там же. С. 148–150.
- ⁶⁰ Там же. Ч. II. С. 66.
- ⁶¹ Там же. Ч. I. С. 47, 49–52, 74, 126.
- ⁶² Там же. Ч. II. С. 180.
- ⁶³ Там же. Ч. I. С. 16–23.
- ⁶⁴ Там же. С. 80, 81, 153, 154.
- ⁶⁵ Там же. Ч. II. С. 118–119.
- ⁶⁶ Там же. Ч. I. С. 80, 81.
- ⁶⁷ Из неизданного литературного наследия Болотова. С. 175.

Опубл.: Вопр. истории. 1991. № 7–8. С. 13–25.

КЛИОМЕТРИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЛИЯНИЯ УРОЖАЙНОСТИ НА ДИНАМИКУ ХЛЕБНЫХ ЦЕН

(к вопросу о корреляционной модели рынка)

В многообразном комплексе проблем, связанных с изучением закономерностей перехода России от феодальной формации к капитализму, одно из самых важных мест принадлежит проблеме формирования всероссийского рынка. Этой теме посвящена большая литература, демонстрирующая разнообразные аспекты изучения генезиса рынка, этапов его развития. Немало работ посвящено и качественной характеристике процесса формирования всероссийского рынка, причем в последнее десятилетие наиболее четко определились полярные точки зрения на социальную природу зарождающегося рынка: одни исследователи считают его капиталистическим по своему характеру с первых шагов развития, другие же подчеркивают лишь товарный характер на первых этапах его формирования. В последние годы наметился новый подход к решению проблемы формирования всероссийского рынка. Этот подход связан с применением в качестве инструмента исследования методов математической статистики. В частности, автор этих строк совместно с И.Д. Ковальченко предпринял попытку изучения процесса формирования всероссийского аграрного рынка в XVIII – начале XX в., положив в основу исследования корреляционный анализ цен на основные виды продукции земледелия и основные средства производства¹. Однако применение этого метода потребовало разработки ряда специфических для подобного аспекта исследования методических вопросов, одному из которых и посвящена настоящая статья.

Конечным итогом всего комплекса работ по изучению процесса формирования аграрного рынка количественными методами исследования является целый ряд структурных моделей аграрного рынка, отражающих степень воздействия на динами-

ку цен закона стоимости на различных этапах исторического развития. В частности, роль структурных моделей играют матрицы парной корреляции либо натуральных цен, либо их случайных отклонений, взятых с длиной динамического ряда в десять лет. Вместе с тем специфическая черта корреляционного анализа – фиксация и оценка лишь тесноты взаимосвязи между теми или иными явлениями, в то же время корреляция не анализирует качественный характер связи, она не может ответить на вопрос: носит эта связь причинно-следственный характер или какой-то иной. При изучении корреляции цен на продукты земледелия мы сталкиваемся в конечном счете с двумя основными причинами, определяющими тесноту сопряженности колебаний цен в двух или более районах. Это либо действие закона стоимости, либо влияние колебаний урожайности². В последнем случае вполне допустима такая ситуация, когда синхронность в колебаниях цен будет служить не следствием высокого уровня развития рыночных отношений, не следствием действия закона стоимости, а простым отражением синхронных колебаний урожаев, поскольку они всегда оказывают важное воздействие на движение хлебных цен. Разумеется, следует подчеркнуть, что подобная ситуация может возникнуть только лишь в тех случаях, когда в наличии есть целый регион согласованных колебаний урожайности.

При этом представляется обязательной следующая структура взаимосвязей. В основе всей системы взаимосвязей лежит высокий уровень синхронности колебаний урожаев в пределах какого-либо единого региона. Таким образом, колебания урожайности в любой из губерний данного региона будут находиться в тесной сопряженности с колебаниями урожайности в любой другой губернии того же региона. В свою очередь, колебания местных урожаев в каждой из этих губерний решающим образом воздействуют на динамику местных цен в каждой из этих же губерний. Это означает, что движение урожаев в какой-либо губернии А находится в тесной сопряженности с движением цен той же губернии А. Наконец, еще один момент. Поскольку колебания урожаев в любой, взятой наугад паре губерний этого региона находятся в тесной взаимной сопряженности, а в каждой из этих пар каждая из губерний порознь имеет тесную сопряженность в движении урожаев и цен на хлеб, то в итоге и колебания цен любой пары губерний данного региона будут демонстрировать полную синхронность своих колебаний, хотя в действительности между ними может обнаружиться полное отсутствие даже элементарных торговых связей. Больше того, поскольку подобная ситуация в принципе должна быть характерна для любой пары губерний

избранного нами региона, то в регионе в целом колебания хлебных цен всех губерний будут синхронны и пропорциональны, т.е. движения их будут строго согласованы между собой. Как следствие подобной ситуации мы непременно должны наблюдать, с одной стороны, тесную сопряженность динамики цен какой-либо губернии А с динамикой урожаев всех остальных губерний региона, с другой – тесную сопряженность динамики урожаев какой-либо губернии А с динамикой хлебных цен во всех остальных губерниях региона.

Таким образом, тесная взаимосвязь в движении местных цен и местных урожаев в губерниях какого-либо региона в сочетании с высокой синхронностью и сопряженностью урожаев в пределах этого же региона в целом могут создать иллюзию существования в данном регионе единого рынка на хлеб, поскольку движение хлебных цен в рамках этой территории будет представлять собой стройный, согласованный механизм, двигателем которого предполагается закон стоимости.

Все указанные выше соотношения полностью иллюстрируют наш пример только в том случае, если: а) все они присутствуют одновременно без единого исключения, б) уровень этих соотношений одинаков по своей интенсивности.

Доказательства того, что синхронность и пропорциональность в динамике цен какого-либо региона являются простым отражением синхронного и пропорционального движения урожайности в этом регионе, будут несостоятельны, если, например, мы будем иметь высокий уровень тесноты и сопряженности в колебаниях хлебных цен региона и одновременно будем не во всех губерниях региона наблюдать тесную зависимость движения местных цен на хлеб от движения местных урожаев. Далее, эти доказательства будут также несостоятельны, если мы будем иметь высокий уровень сопряженности урожаев в данном регионе, столь же высокий уровень сопряженности в динамике хлебных цен, но одновременно будем наблюдать различный уровень взаимосвязи в колебаниях урожая какой-либо губернии А с колебаниями цен во всех остальных губерниях региона или различную степень сопряженности в колебаниях хлебных цен губерний А с колебаниями урожайности во всех остальных губерниях региона. Наши доказательства будут также несостоятельны, если помимо материала строго определенного количества губерний, входящих в данный, рассматриваемый нами регион, мы будем обнаруживать какие-либо из названных взаимосвязей, захватывающих и ряд иных территорий, не входящих в данный регион, существование которого обусловлено согласованным движением урожаев. Поскольку нашу, теоретически вполне допустимую ситуа-

цию, когда синхронность и пропорциональность колебаний хлебных цен какого-либо региона служат простым отражением синхронности и пропорциональности в движении урожаев этого региона, обнаружить в конкретно-исторической действительности очень трудно, да и вряд ли возможно³, мы будем касаться далее тех случаев, которые иллюстрируют обстоятельства, в силу которых названная ситуация нереальна.

Для проверки этих структурных взаимосвязей нами были привлечены материалы о колебаниях урожайности озимых по трем различным периодам. За 1808–1819 гг. такие данные были обнаружены по восьми губерниям Европейской России. Обработка их путем корреляционного анализа не обнаружила сколь-либо существенных комплексов, где наблюдалась бы заметная синхронность и пропорциональность колебаний урожайности. Для середины XIX в. были подвергнуты корреляционному анализу материалы о колебаниях урожайности озимых за 1845–1855 гг. по 29 губерниям Европейской России⁴. При этом в районе Северо-Запада и Прибалтики был обнаружен довольно значительный регион согласованных колебаний урожайности. Наконец, по пореформенному периоду были обработаны материалы по 16 губерниям Центра Европейской России (1890–1900 гг.) и был также обнаружен регион согласованных колебаний урожайности, охватывающий десять губерний⁵. Для анализа и выявления механики воздействия синхронности колебаний урожаев на синхронность динамики хлебных цен возьмем для начала случай, когда в аграрной экономике налицо несомненное воздействие закона стоимости, явившееся следствием высокого уровня развития товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве. Наиболее удачной иллюстрацией такой ситуации являются материалы конца XIX столетия, когда высокий уровень воздействия закона стоимости на колебания хлебных цен не вызывает сомнений. Больше того, закон стоимости играет здесь решающую роль в механизме движения цен. Вместе с тем для анализа должен быть выбран такой материал, где бы одновременно присутствовал и другой фактор, роль которого в становлении синхронности колебаний хлебных цен теоретически также несомненна. Иначе говоря, нужно взять район с четко прослеживаемой синхронностью в колебании урожаев. Для этой цели нами были взяты материалы по динамике цен ржи и урожаев озимых за 90-е годы XIX в. по ряду губерний Черноземного центра и Среднего Поволжья. Здесь в 90-е годы прослеживается довольно высокий уровень синхронности в динамике урожаев озимых, главное место среди которых, безусловно, занимала рожь (см. табл. 1).

В приведенной таблице зафиксированы данные об уровне синхронности и пропорциональности колебаний урожаев двоякого рода. Прежде всего это данные по натуральным динамическим рядам, во-вторых, это данные по так называемым отклонениям от прямой, т.е. материалы о случайных колебаниях урожайности. Как явствует из таблицы, разницы между ними практически нет (средний коэффициент матрицы, полученной в итоге корреляции натуральных динамических рядов, 0,78, а матрицы, полученной путем корреляции случайных колебаний, 0,75). Это вполне объяснимо, ибо, оперируя таким материалом, как колебания урожайности, мы лишь в минимальной степени имеем дело с влиянием эволюторных факторов, ведущих к завышению показателей коэффициента корреляции. Следовательно, в данном случае особого значения не имеет, выберем мы натуральные показатели урожайности, либо так называемые случайные колебания.

Взятые нами по тем же самым губерниям и годам данные о колебаниях цен на рожь также не обнаруживают особого различия между сопряженностью колебаний по натуральным рядам и сопряженностью колебаний отклонений от прямой (см. табл. 2)⁶. Однако теоретически существенное значение эволюторных факторов при использовании данных натуральных цен не вызывает никаких сомнений⁷. Поэтому, для того чтобы избежать влияния тренда на величину коэффициента корреляции, целесообразнее использовать данные так называемых случайных колебаний цен. То же самое следует сказать и по поводу использования данных, иллюстрирующих сопряженность и тесноту колебаний урожаев озимых и цен на рожь. Для такого рода данных наличие в динамическом ряду некоторой обусловленности каждого члена ряда от предыдущего по части материалов о ценах также не вызывает сомнений. Таким образом, в нашем анализе целесообразнее использовать не данные натуральных рядов, а лишь так называемые случайные отклонения.

Итак, перед нами регион, охватывающий десять смежных губерний Среднего Поволжья и Черноземного центра, в котором прослеживается высокий уровень синхронности и пропорциональности в случайных колебаниях урожайности озимых ($r = 0,75$) и гораздо более высокий уровень синхронности и пропорциональности случайных колебаний цен на рожь ($r = 0,97$). Несмотря на то что уровень коэффициентов корреляции, отражающих синхронность и пропорциональность в колебаниях хлебных цен, выше, чем соответствующие коэффициенты, отражающие тесноту и сопряженность колебаний урожаев, и практически достиг максимальных размеров, теоретически мы мо-

жем предположить, что в основе сопряженности в колебаниях цен лежит общность тенденций в динамике урожаев. Однако, чтобы доказать это, необходимо рассмотреть все разобранные нами выше аспекты взаимосвязей в колебаниях урожаев и хлебных цен.

В табл. 3 систематизированы коэффициенты корреляции, отражающие уровень тесноты взаимосвязи случайных колебаний цен ржи, с одной стороны, и урожаев озимых как за текущий, как и за предыдущий годы – с другой, ибо только так можно вполне надежно выявить степень влияния колебаний урожайности на движение цен. Прежде всего рассмотрим наш основной исходный момент – взаимосвязь случайных колебаний местных урожаев с местными ценами. Начнем с колебаний цен и урожаев текущего года. По Нижегородской губ. сопряженность этих колебаний равна $-0,25$, т.е. практически отсутствует⁸. Точно такое же положение в Орловской, Тамбовской и Симбирской губ. (r соответственно равно $-0,36$; $-0,43$; $-0,39$). Однако лишь этого наблюдения достаточно для того, чтобы с полным основанием отвергнуть предположение о том, что синхронность колебаний цен в пределах данных десяти губерний обусловлена движением урожайности. Однако нам еще необходимо рассмотреть и взаимосвязь случайных колебаний цен со случайными колебаниями урожаев предыдущего года. Как видно из данных второго раздела таблицы, здесь сопряженность движения местных цен и местных урожаев заметно выше. Хотя вновь мы видим и здесь в двух губерниях практическое отсутствие этой сопряженности (по Орловской губ. $-0,45$, а по Тамбовской $-0,49$), что опять-таки в принципе снимает вышеуказанное предположение.

Помимо этого показателем и чрезвычайно низкий уровень тесноты и сопряженности в колебаниях местных урожаев и местных цен. По Нижегородской, Тульской, Рязанской, Курской, Воронежской, Пензенской и Симбирской губерниям он колеблется от $-0,52$ до $-0,61$ и лишь в одной Казанской губернии достигает существенного значения ($-0,73$)⁹. Столь низкий уровень сопряженности в колебаниях местных цен и местных урожаев дает нам весьма веский аргумент, свидетельствующий о том, что высокий уровень корреляции хлебных цен в данных десяти губерниях отнюдь не является простым отражением движения урожаев в этих же губерниях. Этот вывод действителен и по отношению к материалам о колебаниях цен и урожаев текущего года. В этом случае наличие высокого уровня взаимосвязи в колебаниях урожаев, например, Пензенской губ. с движением хлебных цен ряда других губерний региона (в частности, ценами Тульской губ. – $r = -0,71$, Орловской $-0,71$, Рязанской $-0,62$ и т.п.) объясняется уже иными

причинами и в первую очередь действием рыночных связей, наличием в данном регионе единого хлебного рынка, т.е. действием в конечном счете закона стоимости. Именно наличием единого рынка ржи, куда входили территории всех названных десяти губерний, можно объяснить тот факт, что урожайность в Казанской губ. самым существенным образом влияла в рассматриваемое десятилетие (если анализировать данные по ценам текущего года и по урожайности предыдущего года) на движение цен во всех остальных девяти губерниях. Парная корреляция случайных колебаний урожаев этой губернии с колебаниями цен Нижегородской губ. дает $-0,76$; Тульской губ. $-0,72$; Рязанской губ. $-0,75$; Курской губ. $-0,74$; Воронежской губ. $-0,72$; Симбирской губ. $-0,73$; Тамбовской губ. $-0,70$; Пензенской губ. $-0,67$; Орловской губ. $-0,66$. В меньшей степени, но тем не менее заметно выявляется (по большинству губерний) и влияние урожайности Пензенской и Симбирской губ., а если учитывать влияние урожаев текущего года, то и Воронежской губ. Таким образом, из десяти названных выше губерний ведущую роль в ценообразовании региона играла урожайность лишь четырех губерний. При этом самое важное состоит в том, что эта ведущая роль была реализована лишь благодаря наличию единого аграрного рынка, охватившего в данном случае и территорию наших десяти губерний.

Сила действия единого рынка проявляется и в ином плане, обнаруживая, так сказать, обратную закономерность. В ряде губерний динамика местных урожаев, наоборот, не имеет никакого значения для ценообразования в остальных девяти губерниях. Так, в частности, урожайность Тульской губ. едва заметно прослеживается лишь в местном движении цен (при ценах и урожаях текущего года $r = -0,52$; при текущих ценах и урожаях предыдущего года $r = -0,52$). Что же касается ценообразования в других губерниях, то роль колебаний урожаев Тульской губ. для них практически отсутствует (в первом случае r по горизонтали соответственно равно $-0,31$; $-0,43$; $-0,49$; $-0,39$; $-0,41$; $-0,38$; $-0,34$; $-0,36$; $-0,33$; средний коэффициент $-0,40$; во втором случае r равно соответственно $-0,43$; $-0,51$; $-0,38$; $-0,38$; $-0,50$; $-0,41$; $-0,39$; $-0,32$; $-0,40$; средний коэффициент $-0,42$). Наоборот, когда мы рассматриваем колебания цен в той же Тульской губ. (см. графу 2 по вертикали), видим, что в ценообразовании этой губернии заметную роль играют колебания урожайности целого ряда губерний. Так, по текущим ценам и текущему урожаю здесь можно отметить влияние случайных колебаний урожайности Пензенской губ. ($-0,71$), Рязанской ($-0,66$), Воронежской ($-0,66$), Казанской ($-0,63$) и т.д. По текущим ценам и урожаям предыдущего

года также заметна роль урожайности ряда губерний (в первую очередь Казанской и Пензенской губ.). Взаимодействия такого типа могут быть объяснены только наличием единого рынка, наличием в пределах территории названных губерний условий, способствующих реальному проявлению действий закона стоимости¹⁰.

Перейдем теперь к анализу характера взаимодействия урожайности и движения цен на материалах более сложных и разберем случай, когда факт наличия рыночных связей и сферы действия закона стоимости не является столь бесспорным, существование этого фактора как бы нуждается в доказательстве. Для этого нами были использованы сопоставимые по ценам ржи и урожайности озимых по 29 губерниям Северо-Запада, Запада, Юго-Запада и Центра России за 1845–1856 гг.¹¹ Эти данные обрабатывались по двум массивам. Первый из них включал территорию Вологодской, Тверской, Ярославской, Костромской, Псковской, Новгородской, Петербургской, Лифляндской, Эстляндской, Виленской, Ковенской, Витебской, Смоленской, Калужской, Черниговской, Киевской и Бессарабской губ.¹² Корреляция сведений об урожайности озимых дала в итоге следующие результаты (см. табл. 4).

Из 17 губерний высокий уровень синхронности и пропорциональности случайных колебаний урожайности характерен лишь для десяти губерний. Это Вологодская, Петербургская, Псковская, Эстляндская, Лифляндская, Ковенская, Виленская, Витебская, Смоленская и Киевская губ. Выделив их в отдельную матрицу, мы получим средний коэффициент корреляции по этим губерниям +0,84 (см. табл. 5). Однако, дав по той же группе губерний корреляционную матрицу случайных колебаний цен ржи (см. табл. 6), мы получим средний коэффициент, заметно более низкий (+0,63). Причина этого снижения состоит в том, что колебания цен ржи Вологодской и Киевской губ. практически не имеют никаких общих тенденций с колебаниями цен ржи остальных восьми губерний (средние коэффициенты корреляции по губерниям 0,25 и 0,31). Таким образом, наше первое и весьма важное наблюдение сводится к тому, что синхронность случайных колебаний урожайности в пределах данного региона не сопровождается столь же полной синхронностью в случайных колебаниях цен. Объяснить подобную ситуацию, сохранив тезис, провозглашающий синхронность случайных колебаний цен простым отражением синхронности колебаний урожайности, не удастся. В самом деле, ведь этот тезис был бы оправдан лишь при наличии высокого уровня синхронности в движении цен всех десяти губерний без исключения. Если же исключения есть, то

они свидетельствуют только об одном: а) отсутствие синхронности в случайных колебаниях цен по Вологодской и Киевской губ., с одной стороны, и по восьми губерниям – с другой, при одновременном существовании синхронности в колебаниях урожайности по всем десяти губерниям дает возможность сразу же заявить о том, что здесь мы имеем дело вовсе не с механическим отражением в синхронности колебаний цен на рожь действий четко слаженного синхронного движения урожайности; б) отсутствие в случайных колебаниях цен по Вологодской и Киевской губ. общих тенденций с колебаниями цен по остальным восьми губерниям в этих условиях свидетельствует о принадлежности их к иным региональным рынкам, чем указанные восемь губерний. Правда, на первый взгляд может показаться убедительным объяснение отсутствия рыночных связей на том основании, что Вологодская и Киевская губ. не составляют с восемью остальными губерниями единого территориального комплекса. Однако суть модели механического отражения в синхронных колебаниях цен все тех же синхронных колебаний урожайности вовсе не обусловлена таким непременно условием, как единство территории. Синхронность колебаний урожайности вызывается в этом случае общностью природно-климатических условий, но последнее вовсе не обусловлено непременно единством территории, ее, так сказать, непрерывностью. Что же касается движения цен, то синхронность их колебаний обуславливается лишь совпадениями с колебаниями урожайности; единство территории здесь даже в принципе не является необходимым. Вследствие этого мы с уверенностью можем заявить, что полное совпадение в динамике урожайности данных по десяти губерниям и полный разлад с механизмом движения цен по двум из них (Вологодской и Киевской) позволяют нам опровергнуть предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с простым отражением в движении цен закономерностей движения урожайности.

Однако продолжим наш анализ и перейдем к выявлению взаимосвязей случайных колебаний цен и урожайности. Начнем с рассмотрения взаимосвязей случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожайности того же текущего года по 18 губерниям названного массива (см. табл. 7)¹³. Как и прежде, обратим внимание на основной исходный момент: соотношение динамики местных урожаев с динамикой местных цен¹⁴. Корреляция достигает здесь существенно значимого уровня лишь по трем губерниям (Ковенская $-0,88$; Ярославская $-0,71$; Черниговская $-0,71$). Более низок уровень коэффициентов корреляции по пяти губерниям (Новгородская $-0,63$; Псковская $-0,58$; Курская $-0,67$; Киевская $-0,52$; Бессарабская $-0,54$).

Из названных восьми губерний, как мы знаем, в район с высоким уровнем синхронности случайных колебаний урожаев входят лишь Псковская, Ковенская и Киевская губ. Что же касается таких губерний, как Вологодская, Петербургская, Эстляндская, Лифляндская, Виленская, Витебская, Смоленская, Тверская, Костромская и Калужская, то взаимосвязь колебаний местных цен с колебаниями местных урожаев здесь практически отсутствует. Таким образом, отсутствует основной фактор, который мог бы обусловить в дальнейшем синхронность колебаний цен на основе синхронности колебаний урожайности.

Материалы таблицы по колебаниям цен и урожайности текущего года дают, таким образом, возможность сделать прямые наблюдения того, что в основе общности случайных колебаний цен и урожайности различных губерний лежат рыночные отношения. Так, на ценообразование Псковской, Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Витебской, Смоленской, а отчасти и Петербургской губ.¹⁵, т.е. того самого района, где общность в колебаниях урожаев достигает максимального уровня ($r = +0,87$), влияет движение урожайности таких губерний, как Тверская (парная корреляция с Лифляндской губ. $-0,60$; с Ковенской $-0,57$; с Виленской $-0,60$; с Витебской $-0,55$; со Смоленской $-0,54$), Ярославская (парная корреляция с Петербургской губ. $-0,60$; с Псковской $-0,85$; с Эстляндской $-0,84$; с Лифляндской $-0,85$; с Ковенской $-0,79$; с Виленской $-0,73$; с Витебской $-0,79$; со Смоленской $-0,75$), Костромская (парная корреляция с теми же губерниями на уровне от $-0,67$ до $-0,88$), Калужская (парная корреляция с теми же губерниями, исключая Эстляндскую, на уровне от $-0,60$ до $-0,81$), Курская (парная корреляция с теми же губерниями, исключая Псковскую и Виленскую, на уровне от $-0,52$ до $-0,81$), Черниговская (парная корреляция с теми же губерниями на уровне от $-0,56$ до $-0,85$), Киевская (парная корреляция с теми же губерниями, исключая Петербургскую, на уровне от $-0,61$ до $-0,90$) и, наконец, Бессарабская (парная корреляция с теми же губерниями, исключая Петербургскую, от $-0,52$ до $-0,81$). Таким образом, на движение цен Прибалтийского региона влияет урожайность большой группы довольно отдаленных губерний, движение урожайности в которых не имеет никаких общих тенденций с движением урожайности Прибалтийского региона. Само собой разумеется, что в основе взаимосвязей такого рода могут лежать только рыночные отношения и рыночная конъюнктура.

Когда мы переходим к анализу аналогичных данных по динамике цен текущего года и урожайности предыдущего года, то картина получается на первый взгляд более сложной. В табл. 8

фигурируют те же 18 губерний с той лишь разницей, что здесь прослеживается взаимосвязь случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожайности предыдущего года. Сразу же обращает на себя внимание высокий уровень взаимосвязи колебаний местных урожаев с колебаниями местных цен на рожь¹⁶. В восьми губерниях теснота взаимосвязи этих колебаний весьма существенна (по Псковской губ. $-0,91$; по Эстляндской и Лифляндской по $-0,71$; по Ковенской $-0,96$; по Виленской $-0,82$; по Смоленской $-0,80$; по Ярославской $-0,93$; по Черниговской $-0,78$). Из них к Прибалтийскому региону синхронных колебаний урожая относятся шесть губерний, а это могло бы означать принципиальную возможность того, что синхронность динамики цен является простым отражением синхронности в колебаниях урожая. В рамках этих шести губерний формально такую ситуацию можно было бы и видеть. Однако если мы припомним, что в Прибалтийский регион согласованных колебаний урожайности входят Вологодская, Петербургская, Псковская, Эстляндская, Лифляндская, Ковенская, Виленская, Витебская, Смоленская и Киевская губ., то сразу же становится ясным, что, несмотря на то, что по большинству губерний названного региона наблюдается высокий уровень зависимости случайных колебаний урожая каждой данной губернии и случайных колебаний хлебных цен во всех остальных губерниях региона и, наоборот, случайных колебаний в ценообразовании каждой данной губернии и случайных колебаний урожайности во всех остальных губерниях региона, все же здесь есть весьма важные исключения. В частности, если урожайность по Петербургской губ. находится в тесной взаимосвязи с ценообразованием Псковской, Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Витебской и Смоленской губ. (парная корреляция от $-0,83$ до $-0,96$ ¹⁷), то, наоборот, ценообразование в Петербургской губ.¹⁸ никоим образом не зависит от колебаний урожайности в названных губерниях (парная корреляция колеблется в пределах от $-0,15$ до $-0,48$, за исключением Ковенской губ., где $r = -0,71$). Отсюда следует вывод: Петербургская губ., входя в Прибалтийский регион согласованных колебаний урожайности, в то же время в области рыночных связей принадлежит другому региональному рынку ржи. Это ясно видно хотя бы из того, что парная корреляция с Калужской, Ярославской, Костромской губ. достигает очень высоких показателей (r от $-0,79$ до $-0,84$). То же самое можно сказать о Вологодской губернии. Колебания урожайности в этой губернии теснейшим образом взаимосвязаны с колебаниями цен на рожь в Псковской ($r = 0,85$), Эстляндской ($r = 0,81$), Лифляндской ($r \approx -0,80$), Ковенской ($r = -0,84$), Виленской ($r = -0,80$), Витеб-

ской ($r = -0,84$) и Смоленской губ. ($r = -0,84$). Однако колебания цен самой Вологодской губ. не находятся во взаимосвязи с колебаниями урожайности ни одной из названных губерний, за исключением Ковенской ($r = -0,65$). Вновь перед нами четкое свидетельство того, что Вологодская губ. в области аграрного рынка ржи принадлежит другому региональному рынку. Столь же убедителен и материал по Киевской губ. Во-первых, в рамках собственно Киевской губ. уровень взаимосвязи колебаний местного урожая с колебаниями местных цен чрезвычайно низок ($r = -0,38$), что само по себе опровергает тезис о простом отражении колебаниями цен колебаний урожайности. Во-вторых, хотя здесь и прослеживается тесная взаимосвязь с колебаниями цен в Новгородской, Петербургской, Псковской, Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Витебской и Смоленской губ., наоборот, в динамике цен той же губернии не обнаруживается никаких взаимосвязей с колебаниями урожайности в названных губерниях (r от $-0,03$ до $-0,43$). Таким образом, и здесь четко видна принадлежность Киевской губ. в области рыночных отношений к иному региональному рынку. Наличие подобного рода примеров ясно показывает, что суть разбираемых нами синхронных колебаний цен основана прежде всего на экономической общности, на общности сферы рыночных отношений. Если мы убедительно продемонстрируем это на части губерний, принадлежащих Прибалтийскому региону согласованных колебаний урожайности, то мы будем вправе утверждать, что и суть синхронных колебаний цен остальных семи губерний этого региона (Псковской, Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Витебской и Смоленской) основана также на экономической общности, на общности сферы рынка.

Еще один аргумент в пользу утверждаемого тезиса. Точно так же, как и при анализе данных по текущим ценам и текущей урожайности, здесь мы снова встречаемся с влиянием случайных колебаний урожайности целого ряда губерний, не входящих в Прибалтийский регион согласованных колебаний урожайности, на ценообразование всех губерний, входящих в этот регион. Парная корреляция случайных колебаний урожаев по Ярославской губ. и случайных колебаний цен по Новгородской губ. достигает $-0,91$; по Ярославской и Петербургской губ. $-0,83$; по Ярославской и Лифляндской $-0,64$; по Ярославской и Витебской $-0,69$; по Ярославской и Смоленской $-0,54$. Соответственно парная корреляция Костромской и Псковской губ. $-0,70$; Костромской и Петербургской $-0,84$; Костромской и Эстляндской $-0,69$; Костромской и Лифляндской $-0,91$; Костромской и Ковенской $-0,80$; Костромской и Виленской $-0,61$; Костромской и Ви-

тебской $-0,85$; Костромской и Смоленской $-0,78$. Данные табл. 8 подтверждают аналогичные взаимосвязи на высоком уровне по Калужской, Черниговской, Киевской и другим губерниям. Таким образом, мы видим совершенно четкое влияние на ценообразование губерний, входящих в Прибалтийский регион, со стороны губерний, в этот регион не входящих, что обусловлено только наличием рыночных отношений. Стало быть, и с этой точки зрения синхронность случайных колебаний цен губерний, входящих в Прибалтийский регион согласованных колебаний урожайности, имеет, несомненно, экономическую основу, олицетворяющуюся в общей сфере рыночных отношений.

Весь данный нами выше анализ взаимосвязей колебаний урожайности и цен исходил из доказательств отсутствия любых поводов для толкования региональных образований в области аграрного рынка как простого механического отражения синхронных колебаний урожайности на той или иной территории. Однако читатель вправе задать вопрос: если случайные колебания цен не являются производной от случайных колебаний цен урожайности на 100%, то, может быть, это влияние сказывается частично и в какой-то мере влияет на уровень коэффициента корреляции, отражающего синхронные колебания цен. На это мы можем заявить лишь следующее. Специфика коэффициента корреляции состоит в том, что, хотя в данном случае и применяется парная корреляция, в целом измеряется сопряженность колебаний каждого члена нашей подборки с каждым из остальных членов этой же подборки. В итоге подобной операции совокупный коэффициент корреляции устанавливает, как мы уже неоднократно подчеркивали, долю общих факторов, влияющих на механизм колебаний цен в том или ином регионе в целом. Кроме того, территории обнаруженных нами регионов с согласованными колебаниями урожайности совершенно не совпадают ни с границами рынков середины XIX в., ни с границами рынка конца XIX в., поэтому фактор синхронных колебаний урожайности не может быть отнесен к числу факторов, общих для территории того или иного рынка. Отсюда следует весьма важный вывод: коэффициенты корреляции при обработке данных по ценам не могут учитывать этот фактор, а, следовательно, синхронные колебания урожайности в рамках конкретно выявленных нами региональных рынков не могут влиять на уровень r .

Материалы корреляционного анализа свидетельствуют о том, что влияние фактора сопряженности колебаний урожайности фактически ничтожно даже в том случае, если в качестве объекта исследования берутся не целые регионы, а отдельные пары губерний. Чтобы наглядно продемонстрировать этот тезис,

мы привлекли материалы второго массива из общей совокупности данных по 29 губерниям Европейской России за 1845–1855 гг. Это 16 губерний, охватывающих территорию Промышленного и Черноземного центров, Среднее Поволжье и Юго-Запад. По этому региону были обработаны данные по урожайности озимых и ценам на рожь (1845–1855 гг.). Корреляционный анализ случайных колебаний урожайности свидетельствует о полном отсутствии каких-либо тенденций к синхронности и пропорциональности этих колебаний (см. табл. 9). Средний коэффициент корреляции $+0,18$, т.е. намного ниже уровня значимости ($+0,52$). Однако материалы этой матрицы чрезвычайно интересны в сопоставлении с итогами корреляционного анализа взаимосвязи случайных колебаний урожайности и случайных колебаний цен, взятых, как всегда, в двух вариантах: а) текущие цены и текущий урожай и б) текущие цены и урожай предыдущего года (см. табл. 10 и 11). Сопоставление этих данных свидетельствует о том, что в большинстве случаев единичные примеры высокого уровня парной корреляции случайных колебаний урожайности не соответствуют столь же высокому уровню корреляции случайных колебаний урожайности и случайных колебаний цен (или, наоборот, цен и урожайности). Для проверки подобного несоответствия возьмем серию самых неблагоприятных для нас случаев, когда возможности для реализации указанного несоответствия, казалось бы, совсем отсутствуют. Для этого нужны примеры с максимально высоким уровнем корреляции случайных колебаний урожайности каких-либо двух губерний. Подобным примером может служить взаимосвязь колебаний урожайности Казанской и Симбирской губ. ($r = +0,99$). В табл. 10 ей соответствуют коэффициенты $-0,94$ (влияние колебаний урожаев текущего года Казанской губ. на симбирские цены текущего года) и $-0,96$ (влияние колебаний урожая текущего года Симбирской губ. на казанские цены текущего года). В табл. 11 ей соответствуют коэффициенты $-0,56$ (влияние колебаний урожаев предыдущего года Казанской губ. на симбирские цены текущего года) и $-0,65$ (влияние колебаний урожаев предыдущего года Симбирской губ. на казанские цены текущего года). Здесь, как видно из текста, очень высокая взаимосвязь случайных колебаний урожаев соседних губерний (она почти функциональная) отражается на взаимосвязи колебаний урожаев и цен по материалам текущего года, но уровень этого отражения резко падает при увеличении временной дистанции на один год. Следующий максимальный коэффициент матрица случайных колебаний урожаев дает по паре Пензенская и Нижегородская губ. ($r = +0,97$). В табл. 10 ему соответствуют коэффициенты $-0,88$ и $-0,72$, а в табл. 11 соответственно $-0,52$ и $-0,70$. Таким образом,

здесь уже уровень взаимосвязи колебаний цен и урожаев в обоих вариантах значительно ниже, чем собственно корреляция колебаний урожаев этой пары губерний. Третий максимальный коэффициент матрицы случайных колебаний урожаев падает на пару Казанская – Киевская губ. ($r = +0,92$). В табл. 10 ему соответствуют коэффициенты $-0,23$ и $0,60$, а в табл. 11 соответственно $0,20$ и $0,42$. Следовательно, три из четырех коэффициентов положительны и означают всякое отсутствие взаимосвязей, отрицательный коэффициент также незначим и не может быть принят в расчет. На этом примере особенно ярко видно, что синхронность в колебаниях урожаев в сущности имеет весьма отдаленное отношение к взаимосвязи случайных колебаний урожаев и цен. Всего из 17 коэффициентов матрицы корреляции случайных колебаний урожайности, имеющих уровень существенной значимости ($>0,72$), находят более или менее соответствующий им уровень значимости коэффициентов при корреляции случайных колебаний цен и урожаев в общей сложности лишь в 22 случаях (из 68). В подавляющем же большинстве случаев такого соответствия не наблюдается. Если, скажем, взаимосвязь случайных колебаний урожайности по Киевской и Симбирской губ. находится на очень высоком уровне ($r = +0,89$), то одновременно в табл. 10 ей соответствует крайне низкий уровень взаимосвязи случайных колебаний цен и урожаев ($r = -0,25$ и $r = +0,49$). На том же уровне и коэффициенты табл. 11 ($0,22$ и $0,34$). Из 68 коэффициентов, соответствующих вышеназванным 17 случаям существенного уровня корреляции случайных колебаний урожаев, незначимыми являются 29. Таким образом, теоретически принимая во внимание возможность влияния синхронности случайных колебаний урожаев на колебания цен в отдельных конкретных случаях, практически мы видим, сколь ничтожна эта возможность.

Вместе с тем все сказанное выше не должно оставить у читателя впечатления, что урожайность вообще не влияет на движение цен. В исторической действительности это влияние было огромным, однако оно осуществлялось только в условиях наличия рыночных связей, только на основе существования постоянной сферы действия закона стоимости. И это уже иной аспект анализа проблемы. Взаимосвязь случайных колебаний цен и колебаний урожайности, взятая как единое целое в рамках периода в десять лет, осуществлялась, как правило, при полном отсутствии синхронности и пропорциональности в случайных колебаниях урожаев каких-либо территориальных комплексов. По материалам табл. 9–11 можно, в частности, заметить, как при полном отсутствии всяких признаков общности в колебаниях урожайно-

сти со всеми 15 губерниями (средний коэффициент +0,01) урожайность текущего года Орловской губ. более или менее существенно влияет на ценообразование текущего года в десяти губерниях этого региона (коэффициент корреляции в парах с Московской губ. равен -0,53; с Костромской -0,73; с Ярославской -0,68; с Калужской -0,57; с Тульской -0,78; с Курской -0,81; с Пензенской -0,69; с Полтавской -0,55; с Бессарабской -0,55; с Черниговской -0,54). Подобная ситуация может возникать только на основе рыночных отношений, в условиях постоянного присутствия сферы действия закона стоимости. Чем глубже проникает эта сфера в экономику страны, тем глубже и разнообразнее действие механизма влияния колебаний урожайности на динамику хлебных цен. Из наших же материалов вполне очевидно (см. табл. 9) почти полное отсутствие синхронности в колебаниях урожаев Ярославской губ. с колебаниями урожайности остальных губерний избранного региона (исключая Калужскую и Костромскую губ.). Не видим мы и сколь-либо заметного влияния случайных колебаний урожайности текущего года Ярославской губ. на ценообразование текущего года в остальных 15 губерниях рассматриваемого массива. Однако при анализе соотношений случайных колебаний урожайности предыдущего года с колебаниями цен текущего года это влияние прослеживается весьма рельефно (коэффициент корреляции в парах с Московской губ. равен -0,65; с Нижегородской -0,55; с Костромской -0,92; с Калужской -0,87; с Тульской -0,85; с Орловской -0,86; с Курской -0,69; с Пензенской -0,68; с Бессарабской -0,55; с Черниговской -0,70). Так осуществляется своего рода заказ промышленных территорий на зерновые потребности. Справедливости ради следует сказать, что механизм влияния колебаний урожайности на движение цен с «дистанционным действием» или лагом в один год и более не являлся сколь-либо преобладающим или заметным. Ему существенным образом противостояли тенденции иного рода. В частности, анализ итогов корреляции по той же Орловской губ. показывает, что при корреляции данных по динамике цен с колебаниями урожайности с лагом в один год все наблюдавшиеся нами выше взаимосвязи исчезают (см. табл. 11). Следовательно, применяя лаги, мы получаем возможность лишь детализировать действие сложного механизма влияния урожайности на динамику цен.

Таковы вкратце итоги методической разработки проблемы влияния колебаний урожайности на динамику хлебных цен, позволяющие с уверенностью использовать корреляционный анализ цен как весьма мощный инструмент для изучения эволюции аграрного рынка.

**Таблица 1. Теснота колебаний урожаев озимых
(90-е годы XIX в.)**

Губерния	Корреляция натуральных динамических рядов										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская		74	78	63	82	60	52	73	87	66	0,71
Тульская	74		96	94	87	80	76	82	87	83	0,84
Рязанская	78	96		88	93	83	84	78	93	75	0,86
Орловская	63	94	88		88	83	81	75	77	75	0,80
Тамбовская	82	87	93	88		88	89	70	89	63	0,83
Курская	60	80	88	83	88		86	56	80	47	0,74
Воронежская	52	76	84	81	89	86		58	74	54	0,73
Казанская	73	82	78	75	70	56	58		81	96	0,78
Пензенская	87	87	93	77	89	80	74	81		78	0,83
Симбирская	66	83	75	75	65	47	54	96	78		0,72
Итого в среднем по 10 губерниям											0,78

Губерния	Корреляция случайных отклонений										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская		69	74	58	79	54	49	66	82	57	0,65
Тульская	63		96	93	85	78	75	79	85	80	0,82
Рязанская	74	98		86	91	87	84	74	93	71	0,84
Орловская	58	93	86		87	81	80	72	75	72	0,78
Тамбовская	79	85	91	87		87	90	65	88	59	0,81
Курская	54	78	87	81	87		86	50	79	40	0,71
Воронежская	49	75	84	80	90	86		55	76	51	0,72
Казанская	66	79	74	72	65	50	55		78	95	0,70
Пензенская	82	86	93	75	83	79	76	78		72	0,81
Симбирская	57	80	71	72	59	40	51	95	72		0,66
Итого в среднем по 10 губерниям											0,75

**Таблица 2. Теснота взаимосвязи колебаний цен ржи
(90-е годы XIX в.)**

Губерния	Корреляция натуральных динамических рядов										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская		96	97	98	99	95	96	99	99	99	0,98
Тульская	96		99	99	98	98	97	97	93	96	0,97
Рязанская	97	99		98	99	99	99	98	97	98	0,98
Орловская	98	99	98		99	96	96	98	99	98	0,98
Тамбовская	99	98	99	99		97	98	1,0	1,0	1,0	0,99
Курская	95	98	99	96	97		99	97	96	97	0,97
Воронежская	96	97	99	96	98	99		99	97	98	0,98
Казанская	99	97	98	98	1,0	97	99		1,0	1,0	0,99
Пензенская	99	96	97	99	1,0	96	97	1,0		99	0,98
Симбирская	99	96	98	98	1,0	97	98	1,0	99		0,98
Итого в среднем по 10 губерниям											0,98

Губерния	Корреляция случайных колебаний цен										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская		95	96	97	98	93	94	98	98	99	0,96
Тульская	95		99	98	97	98	96	95	94	95	0,96
Рязанская	96	99		98	93	99	98	97	93	97	0,97
Орловская	97	98	98		99	95	95	97	98	97	0,97
Тамбовская	98	97	98	99		97	98	99	1,0	99	0,98
Курская	93	98	99	95	97		99	93	94	96	0,96
Воронежская	94	96	98	95	98	99		98	96	98	0,97
Казанская	98	95	97	97	99	95	98		99	1,0	0,97
Пензенская	98	94	96	98	1,0	94	96	99		99	0,97
Симбирская	99	95	97	97	99	96	98	1,0	99		0,98
Итого в среднем по 10 губерниям											0,97

**Таблица 3. Теснота взаимосвязей урожайности озимых и цен ржи
(90-е годы XIX в.)**

Губерния	Сопряженность случайных колебаний цен текущего года и случайных колебаний урожая текущего года										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская	-25	-41	-30	-40	-25	-23	-15	-17	-22	-17	-0,26
Тульская	-31	-52	-43	-49	-39	-41	-38	-34	-36	-33	-0,40
Рязанская	-48	-66	-57	-63	-53	-54	-50	-47	-49	-46	-0,53
Орловская	-18	-35	-27	-36	-26	-25	-25	-22	-25	-20	-0,26
Тамбовская	-39	-52	-44	-54	-43	-33	-37	-37	-41	-36	-0,42
Курская	-45	-61	-56	-59	-53	-56	-55	-49	-49	-47	-0,53
Воронежская	-60	-66	-62	-70	-64	-59	-62	-63	-64	-61	-0,63
Казанская	-54	-63	-56	-66	-57	-50	-48	-53	-57	-53	-0,56
Пензенская	-57	-71	-62	-71	-61	-57	-55	-54	-58	-54	-0,59
Симбирская	-40	-48	-40	-51	-43	-35	-34	-39	-43	-39	-0,41
Итого в среднем по 10 губерниям											-0,46

Губерния	Сопряженность случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожая предыдущего года										
	коэффициент корреляции 0,...										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	\bar{r}
Нижегородская	-57	-50	-53	-45	-50	-51	-49	-55	-50	-56	-0,52
Тульская	-43	-52	-51	-38	-38	-50	-41	-39	-32	-40	-0,42
Рязанская	-45	-54	-55	-40	-42	-56	-48	-44	-36	-44	-0,46
Орловская	-43	-53	-54	-45	-41	-53	-44	-40	-34	-40	-0,45
Тамбовская	-48	-61	-60	-48	-49	-62	-55	-50	-43	-50	-0,53
Курская	-40	-57	-55	-44	-41	-56	-46	-40	-34	-40	-0,45
Воронежская	-37	-58	-57	-42	-43	-63	-54	-42	-35	-42	-0,47
Казанская	-76	-72	-75	-56	-70	-74	-72	-73	-67	-73	-0,72
Пензенская	-68	-72	-75	-63	-66	-75	-69	-68	-61	-69	-0,69
Симбирская	-63	-61	-64	-53	-57	-63	-61	-61	-54	-61	-0,60
Итого в среднем по 10 губерниям											-0,53

Таблица 4. Теснота случайных колебаний урожайности (1845–1854 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0....																	\bar{r}
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	
Вологодская		40	90	76	73	77	88	69	68	76	63	71	86	58	30	63	22	0,66
Новгородская	40		33	34	01	24	47	05	16	32	66	45	49	68	42	33	68	0,38
Петербургская	90	33		87	89	88	92	87	83	83	44	68	82	35	23	64	12	0,66
Псковская	76	34	87		80	97	83	88	92	98	64	40	81	38	16	47	22	0,65
Эстляндская	73	01	89	80		88	82	92	87	78	27	48	77	24	15	63	10	0,58
Лифляндская	77	24	88	97	88		83	95	96	96	48	42	81	33	06	44	21	0,64
Ковенская	88	47	92	83	82	83		73	71	79	63	78	92	62	51	78	30	0,72
Виленская	69	05	87	88	92	95	73		97	88	24	33	68	12	-12	35	10	0,54
Витебская	68	16	83	92	87	96	71	97		94	37	22	73	23	-09	35	25	0,57
Смоленская	76	32	83	98	78	96	79	88	94		62	30	83	44	14	46	29	0,65
Калужская	63	66	44	64	27	48	63	24	37	62		32	67	69	72	60	44	0,53
Черниговская	71	45	68	40	48	42	78	33	22	30	32		57	43	48	59	05	0,45
Киевская	86	49	82	81	77	81	92	68	73	83	67	57		78	52	79	50	0,72
Бессарабская	58	68	35	38	24	33	62	12	23	44	69	43	78		69	65	75	0,50
Ярославская	30	42	23	16	15	06	51	-12	-09	14	72	48	52	69		83	29	0,33
Костромская	63	33	64	47	63	44	78	35	35	46	60	59	79	65	83		29	0,55
Тверская	22	68	12	22	10	21	30	10	25	29	44	0,5	50	75	29	29		0,30
Итого в среднем по 17 губерниям																		0,55

Таблица 5. Теснота случайных колебаний урожайности (1845–1854 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,...											\bar{r}
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Вологодская		90	76	73	77	88	69	68	76	86		0,78
Петербургская	90		87	89	88	92	87	83	83	82		0,87
Псковская	76	87		80	97	83	88	92	98	81		0,87
Эстляндская	73	89	80		88	82	92	87	78	77		0,83
Лифляндская	77	88	97	88		83	95	96	96	81		0,89
Ковенская	88	92	83	82	83		73	71	79	92		0,82
Виленская	69	87	88	92	95	73		97	88	68		0,84
Витебская	68	83	92	87	96	71	97		94	73		0,85
Смоленская	76	83	98	78	96	79	88	94		83		0,86
Киевская	86	82	81	77	81	92	68	73	83			0,80
Итого в среднем по 10 губерниям												0,84

Таблица 6. Взаимосвязь случайных колебаний цен ржи (1846–1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,...										r
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	
Вологодская		54	21	25	39	20	10	26	19	13	0,25
Петербургская	54		62	79	72	67	42	78	69	26	0,61
Псковская	21	62		87	87	87	87	84	89	09	0,68
Эстляндская	25	79	87		87	87	80	89	82	09	0,69
Лифляндская	39	72	87	87		97	86	98	91	45	0,78
Ковенская	20	67	87	87	97		91	99	91	47	0,76
Виленская	10	42	87	80	86	91		85	82	43	0,67
Витебская	26	78	84	89	98	99	85		91	47	0,77
Смоленская	19	69	89	89	91	91	82	91		39	0,73
Киевская	13	26	09	09	45	47	43	47	39		0,31
Итого в среднем по 10 губерниям											0,63

Таблица 7. Взаимосвязь случайных колебаний цен текущего года с колебаниями урожайности текущего года (1846–1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,...																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Вологодская	12	-22	-12	-53	-44	-30	-24	-32	-25	-52	23	-01	09	-12	40	37	-09	49
Новгородская	-36	-63	-54	-57	-37	-64	-55	-42	-58	-77	-35	-47	-29	-69	-21	-48	-46	-34
Петербургская	-21	12	-09	-30	-23	11	14	03	13	-11	19	36	37	35	78	44	72	74
Псковская	25	25	15	-58	-23	-14	-18	-37	-10	-39	43	45	68	28	72	41	36	64
Эстляндская	45	27	-01	-51	-45	-14	-22	-44	-18	-26	55	45	54	49	72	23	39	54
Лифляндская	47	26	17	-60	-29	-22	-32	-54	-63	-44	62	49	70	30	67	18	12	47
Ковенская	03	-48	-50	-89	-82	-84	-88	-91	-85	-94	06	-28	-05	-42	-05	-46	-36	-08
Виленская	66	-41	25	-33	-15	04	-09	-35	-01	-18	72	70	78	50	76	21	21	55
Витебская	55	43	27	-39	-09	-03	-14	-42	-04	-25	71	63	79	42	68	22	07	45
Смоленская	15	41	35	-39	-05	08	09	-15	16	-13	42	49	67	45	78	61	52	69
Тверская	-26	-28	-25	-43	-25	-60	-57	-60	-55	-54	-07	-40	-22	-40	-39	-54	-79	-69
Ярославская	-61	-57	-60	-85	-84	-87	-79	-73	-79	-75	-45	-71	-45	-49	-35	-18	-12	-19
Костромская	-21	-32	-46	-88	-85	-71	-67	-76	-65	-71	-03	-31	-09	-14	-12	-06	10	15
Калужская	-44	-32	-24	-81	-51	-70	-66	-68	-60	-74	-23	-36	-41	-40	-11	02	-17	-03
Курская	-65	91	-81	-35	-56	-65	-52	-22	-62	-55	-78	-94	-91	-85	-67	-56	-28	-43
Черниговская	-07	-85	-85	-63	-82	-76	-76	-56	-83	-83	-31	-55	-51	-68	-25	-71	-28	-21
Киевская	06	-30	-28	-80	-61	-78	-82	-90	-76	-82	23	-27	01	-35	-12	-45	-52	-23
Бессарабская	-46	-48	-42	-68	-52	-81	-72	-70	-71	-73	-21	-67	-41	-57	-44	-47	-58	-54

Таблица 8. Взаимосвязь случайных колебаний цен текущего года с колебаниями урожайности предыдущего года
(1845—1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции ρ_{ij} ...																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18
Вологодская	-07	-48	-02	-85	-81	-80	-84	-80	-84	-84	-27	-08	-40	-26	-30	-11	03	-17
Новгородская	-01	-55	-56	-23	-54	-50	-60	-40	-62	-37	-41	-45	-57	-36	-43	-34	-51	-39
Петербургская	-63	-36	-52	-96	-90	-86	-88	-90	-86	-83	-31	-05	-23	-11	-19	00	03	-05
Псковская	-01	-40	-48	-91	-86	-72	-76	-75	-73	-82	-19	05	-08	12	-24	-02	18	29
Эстляндская	-18	-24	-28	-95	-71	-79	-78	-87	-72	-82	-27	07	-09	-16	-22	08	06	01
Лифляндская	06	-29	-35	-93	-79	-71	-76	-82	-70	-83	-10	17	-08	03	-20	12	21	28
Ковенская	-14	-65	-71	-92	-91	-95	-96	-87	-96	-96	-51	-29	-54	-34	-53	-15	-18	-24
Виленская	09	-05	-15	-90	-67	-62	-68	-82	-59	-71	02	34	10	08	02	28	32	31
Витебская	04	-11	-17	-88	-68	-62	-68	-77	-59	-71	00	31	13	12	-06	17	27	35
Смоленская	-02	-37	-48	-89	-79	-69	-73	-70	-69	-80	-15	10	-03	14	-24	-04	21	31
Ярославская	-60	-91	-83	-29	-47	-64	-51	-19	-69	-54	-93	-92	-70	-43	-87	-74	-69	-64
Костромская	-65	-76	-84	-70	-69	-91	-80	-61	-85	-78	-88	-67	-53	-45	-72	-59	-55	-59
Черниговская	01	-54	-67	-55	-71	-73	-75	-82	-79	-66	-45	-40	-78	-55	-33	-04	-27	-52
Киевская	-29	-69	-69	-87	-82	-92	-92	-82	-91	-96	-52	-29	-46	-38	-64	-34	-27	-23
Калужская	-32	-84	-79	-50	-71	-64	-61	-33	-67	-65	-65	-60	-43	-03	-70	-58	-37	-09
Тверская	00	-35	-13	-16	-14	-39	-49	-32	-44	-36	-27	-17	-40	-53	-52	-20	-52	-36
Курская	-11	-58	-61	22	-11	-18	-15	10	-27	-09	-49	-72	-83	-53	-50	-39	-54	-72
Бессарабская	-23	-81	-70	-39	-47	-66	-67	-40	-71	-70	-56	-50	-71	-58	-83	-52	-53	-49

Таблица 9. Взаимосвязь случайных колебаний урожайности озимых (1845—1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,...																\bar{r}
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	
Московская		0,6	-23	10	54	28	-34	-02	32	37	18	-45	-13	-03	28	-47	0,18
Нижегородская	0,6		-46	-16	-55	82	-30	35	88	86	97	59	53	-74	-25	-35	0,04
Костромская	-23	-46		83	60	-11	05	31	-75	-76	-35	-06	-10	79	85	59	0,22
Ярославская	10	-16	83		72	23	14	66	-39	-43	-05	01	10	52	69	48	0,09
Калужская	54	-55	60	72		-11	05	25	-52	-51	-39	-42	-25	67	69	32	0,07
Тульская	28	82	-11	23	-11		-20	58	59	59	90	56	70	28	33	-17	0,31
Орловская	-34	-30	05	14	05	-20		36	-33	-43	-40	24	38	21	22	52	0,01
Курская	-02	35	31	66	25	56	36		10	00	33	61	77	04	45	57	0,36
Казанская	32	88	-75	-39	-52	59	-33	10		99	82	26	35	92	50	60	0,10
Симбирская	37	86	-76	-43	-51	59	-43	00	99		82	20	27	89	49	68	0,08
Пензенская	18	97	-35	-05	-39	90	-40	38	82	82		58	55	-60	-08	-32	0,27
Полтавская	-45	59	-06	01	-42	56	24	61	26	20	58		76	17	11	47	0,30
Харьковская	-13	58	-10	16	-25	70	38	77	35	27	55	76		20	26	29	0,22
Киевская	-08	-74	79	52	67	28	21	04	92	89	-60	17	20		78	57	-0,02
Бессарабская	26	-25	85	69	69	33	22	45	50	49	-08	11	23	78		43	0,24
Черниговская	-47	-35	59	48	32	-17	52	57	60	68	-32	47	29	57	43		0,31
Итого в среднем по 16 губерниям																	0,18

Таблица 10. Взаимосвязь случайных колебаний цен текущего года с колебаниями урожайности текущего года (1846–1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,...															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Московская	-22	-31	11	-08	-17	-17	-02	-13	-34	-32	-18	-01	-09	-13	-08	31
Нижегородская	-75	-80	-73	-55	-50	-74	-73	-81	-75	-81	-83	-87	-85	-67	-86	-68
Костромская	46	59	-09	-31	-14	01	-01	12	80	79	34	44	65	10	15	-06
Ярославская	05	17	-45	-71	-49	-46	-39	-35	41	40	-09	17	37	-12	-19	-18
Калужская	05	25	-01	-36	-40	-19	-17	-11	37	34	03	18	34	-17	-03	02
Тульская	-54	-79	-81	-79	-58	-83	-70	-74	-55	-64	-88	-62	-42	-57	-84	-54
Орловская	-53	-44	-73	-68	-57	-78	-79	-81	-37	-35	-69	-55	-44	-41	-55	-54
Курская	-57	-43	-91	-94	-85	-84	-82	-67	-19	-23	-58	-28	-10	-28	-48	-56
Казанская	-71	-85	-35	-13	-16	-42	-32	-49	-97	-94	-63	-54	-79	-23	-43	-10
Симбирская	-64	-82	-24	-03	-06	-32	-21	-41	-96	-93	-58	-52	-77	-25	-42	-04
Пензенская	-73	-72	-74	-62	-62	-78	-80	-84	-62	-72	-89	-93	-81	-85	-96	-79
Полтавская	-61	-42	-73	-60	-66	-64	-80	-64	-28	-41	-56	-78	-60	-69	-76	-96
Харьковская	-69	-68	-86	-76	-76	-88	-90	-78	-51	-56	-86	-69	-57	-54	-66	-73
Киевская	21	45	01	-27	-35	-13	-29	-12	60	49	0	-19	23	-52	-23	-45
Бессарабская	-06	-07	-41	-67	-57	-55	-54	-44	21	09	-42	-31	07	-58	-54	-47
Черниговская	-26	19	-51	-55	-68	-35	-57	-25	38	27	-08	-16	03	-28	-21	-71

Таблица 11. Взаимосвязь случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожайности предыдущего года (1845–1855 гг.)

Губерния	Коэффициент корреляции 0,....															
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Московская	-37	-14	-15	-01	-14	-09	-10	-08	-29	-18	05	15	-13	39	30	14
Нижегородская	-34	-67	-06	16	21	-15	-06	-30	-81	-78	-52	-54	-68	-24	-38	-01
Костромская	-30	-22	-67	-88	-72	-68	-65	-55	03	-03	-44	-26	01	-45	-59	-53
Ярославская	-65	-55	-92	-93	-87	-85	-86	-69	-28	-39	-68	-47	-32	-43	-64	-70
Калужская	-39	-01	-60	-65	-70	-50	-59	-37	13	11	-15	-01	04	-03	-09	-43
Тульская	-75	-76	-34	-14	-26	-43	-44	-56	-88	-90	-67	-76	-89	-49	-59	-36
Орловская	-01	27	09	15	-20	22	-07	32	35	18	16	-15	02	-18	06	-50
Курская	-62	-56	-72	-49	-50	-54	-64	-54	-43	-56	-64	-72	-65	-53	-72	-83
Казанская	-13	-45	14	41	45	13	23	02	-65	-56	-18	-15	-42	20	07	31
Самбирская	-12	-42	19	43	46	14	25	02	-65	-54	-15	-12	-39	22	10	37
Пензенская	-46	-70	-16	04	08	-28	-20	-45	-85	-81	-60	-62	-75	-33	-47	-09
Полтавская	-22	-26	-10	02	-03	-15	-27	-34	-29	-39	-46	-79	-63	-74	-67	-59
Харьковская	-47	-44	-20	04	-09	-08	-20	-18	-47	-60	-37	-63	-69	-46	-53	-53
Киевская	-18	28	-29	-52	-64	-31	-45	-27	42	34	0	-07	12	-38	-23	-46
Бессарабская	-69	-19	-50	-56	-83	-53	-72	-53	-13	-23	-36	-50	-41	-58	-49	-71
Черниговская	-02	17	-40	-45	-39	-27	-44	-27	40	24	-19	-37	-04	-55	-52	-78

¹ Подробнее об этом см.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII–XX вв.) // История СССР. 1969. № 1; Ковальченко И.Д. Аграрный рынок и характер аграрного строя Европейской России в конце XIX – начале XX в. // История СССР. 1973. № 2.

² В литературе есть ряд работ, рассматривающих вопросы влияния урожаев на динамику цен, однако все они отличаются постановкой проблемы с органичным включением рынка и рыночных связей как само собой разумеющихся (Четвериков Н.С. Связь хлебных цен с урожаями // Статистические исследования. М., 1963; Бухман Е.Н. Урожай и цены // План. хоз-во. 1924. № 7–8; и др.).

³ Следует оговориться, что в других областях исторического исследования взаимосвязи подобного типа вполне возможны. Характерным примером здесь могут служить некоторые побочные итоги корреляционного анализа писцовых книг начала XVII в. Корреляция признаков по писцовой книге Арзамасского у. в части, охватывающей около 200 владений Иржинского, Ичаловского и Подлесного станов, дала, в частности, необычайно высокий коэффициент парной корреляции, равный +1,00, между такими факторами, как сошное обложение и площадь крестьянской пашни. Благодаря тому, что взаимосвязь между этими показателями в данном случае носит по существу функциональный характер, с необычайной легкостью выявляется эффект ложной корреляции по линии соприкасающихся с названной парой признаков других взаимосвязей. Так, в известной сопряженности с площадью крестьянской пашни находится феодальная запашка ($r = +0,63$), что обусловлено всей совокупностью социально-экономического развития. Но точно такую же сопряженность показывает и корреляция таких факторов, как феодальная запашка и сошный оклад ($r = +0,63$). Коэффициенты совпадают до сотых долей, хотя историки отлично знают, что помещичьи поля в сошный оклад никогда не включались. Перед нами, таким образом, ложная корреляция в чистом виде. Сошный оклад, коррелируя с крестьянской пашней на уровне функциональной зависимости, выступает в сущности ее «двойником» и имитирует ее корреляционные связи. Корреляция сошного оклада и помещичьей пашни является в сущности простым отражением корреляции помещичьей пашни с крестьянской пашней.

⁴ За 1844–1855 гг. были использованы любезно предоставленные нам И.Д. Ковальченко данные об урожайности из губернаторских отчетов по Вологодской, Новгородской, Петербургской, Псковской, Эстляндской, Лифляндской, Ковенской, Виленской, Витебской, Смоленской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Московской, Калужской, Тульской, Орловской, Курской, Казанской, Симбирской, Пензенской, Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской, Бессарабской и Екатеринославской губ. (РГИА. Ф. 1281, Совет министра внутренних дел. Оп. 4–6, дела по соответствующим губерниям за 1844–1856 гг.).

⁵ Данные об урожайности ржи с 1891 по 1900 г. по Московской, Владимирской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, Тверской, Калужской, Тульской, Рязанской, Орловской, Тамбовской, Курской, Воронежской, Казанской, Пензенской, Симбирской губ. взяты по изданию: «Свод урожайных сведений за годы 1883–1915». М.: ЦСУ. 1928.

- ⁶ Данные о годовых ценах ржи за 1891–1900 гг. были получены на основе ежегодных сведений об осенних и весенних среднегубернских ценах, ежегодно публиковавшихся в издании «...год в сельскохозяйственном отношении». СПб., 1891–1900 гг.
- ⁷ См. *Четвериков Н.С.* О ложной корреляции // Применение методов корреляции в экономических исследованиях. Сб. ст. М., 1969.
- ⁸ Уровень значимости коэффициента корреляции здесь и в последующих таблицах +0,52.
- ⁹ Уровень существенной значимости коэффициента корреляции здесь и в последующих таблицах +0,72.
- ¹⁰ В условиях сложившегося рынка (а таким был рынок конца XIX в.) механизм взаимодействия колебаний урожайности и колебаний цен имеет еще одну важную специфическую черту. Внешне эта специфичность выглядит следующим образом. Взяв, например, для изучения тесноты взаимосвязей случайных колебаний урожайности предыдущего года со случайными колебаниями цен текущего года какую-либо одну из 16 губерний Центра России, по которым обработаны данные за 90-е годы XIX в., мы обращаем внимание на довольно заметную закономерность: уровень зависимости колебаний цен во всех 16 губерниях от колебаний урожайности взятой нами губернии примерно один и тот же. В частности, уровень зависимости колебаний цен в 16 губерниях от колебаний урожайности в Московской губ. выражается следующими коэффициентами: 0,22; 0,26; 0,23; 0,34; 0,21; 0,39; 0,16; 0,20; 0,22; 0,20; 0,23; 0,21; 0,20; 0,19; 0,22; 0,21. Здесь нет резкой разницы между влиянием на колебания цен ближайших районов и наиболее отдаленных. То обстоятельство, что в данном случае перед нами низкие величины коэффициентов, не имеет значения, ибо если коэффициенты высокие, то они высокие по всем губерниям без единого исключения. Так, по Казанской губ. (в том же аспекте, что и по Московской губ.) они равны: –0,79; –0,74; –0,76; –0,66; –0,73; –0,66; –0,73; –0,72; –0,75; –0,66; –0,70; –0,74; –0,72; –0,73; –0,67; –0,73. На первый взгляд такая удивительная монотонность кажется странной, ибо в реальной действительности всегда существуют районы наибольшей и наименьшей взаимосвязи. Можно было бы допустить силу влияния колебаний урожайности какой-либо губернии, действительно имеющей решающее значение для ценообразования обширного региона. Но почему же столь завидная монотонность и с низкими коэффициентами?... Думается, что ответ на это может быть только один: столь удивительное единообразие коэффициентов является результатом воздействия системы единого рынка с высокоразвитым механизмом действия законов товарного обращения. В условиях единой системы движения цен колебания урожайности какой-либо губернии А отражаются не на ценообразовании губерний В, Г, Д и т.д. (причем на ценообразовании губернии В сильнее, чем на ценообразовании просто губернии Д и т.д.), а на ценообразовании в рамках единой системы цен в целом. Если это влияние ничтожно, оно всюду будет ничтожным, и наоборот. В такой ситуации даже трудно говорить в полной мере о влиянии урожайности на цены, поскольку резонанс единой системы цен, ее воздействие гораздо сильнее.
- ¹¹ Исходные материалы к годовым (средняя из шести осенне-весенних месяцев) ценам на рожь см. в ежемесячных публикациях цен на съестные

припасы «Журнала Министерства внутренних дел» (№ 1–12 за 1847–1855 гг. и № 5–6, 8–11 за 1846 г.).

¹² О втором массиве речь пойдет ниже.

¹³ Здесь добавлена Курская губ.

¹⁴ См. в табл. показатели на пересечении одноименных граф.

¹⁵ См. в табл. эти губернии по вертикали.

¹⁶ См. в табл. пересечения одноименных граф.

¹⁷ См. в табл. графы с ценообразованием губерний по вертикали.

¹⁸ См. в табл. эту графу по вертикали.

Опубл.: История СССР. 1973. № 5. С. 49–72.

**СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ АГРАРНОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.
И ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ
ФЕОДАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
(многомерный анализ писцовых книг)***

Настоящая статья суммирует некоторые итоги применения многомерного (факторного) анализа массивов информации, извлеченных из фонда писцовых книг Российского государства 20–40-х годов XVII в. Методика предлагаемого здесь факторного (компонентного) анализа более сложна, чем разновидности корреляционного анализа, высокая эффективность и плодотворность которых уже испытана на материалах названных источников¹.

Напомним, что применение корреляционного анализа (в частности, парной корреляции и корреляционного отношения) позволило получить важные результаты при исследовании типов феодального хозяйства в 20–30-х годах XVII в. Было обнаружено, например, что углубленный анализ двух важнейших форм феодального землевладения – вотчины и поместья – показывает сильные различия их хозяйственных и социальных характеристик на материалах Лихвинского и Угличского у. В поместьях резко ощущается нехватка рабочих рук, слаба или почти незаметна активность феодала-помещика как организатора производства. Господская запашка уже достигла рубежа, за которым ее развитие шло в ущерб размерам крестьянской пашни. Запущение наложило печать на весь хозяйственный облик поместья и явно тормозит развитие. В вотчинах при весьма высокой степени эксплуатации крестьянства его положение несколько лучше, чем в поместьях. При этом в вотчине на господской пашне эксплуатируется даже бобыльство. Гораздо интенсивнее используются в качестве рабочей силы деловые и задворные люди, среди которых, видимо, был большой процент холопов. Больше того, в вотчине весьма ощутимы тенденции превращения этих элементов в крестьянство. В вотчинах четко просматривается тенденция к расширению основных производственных площадей, заведению нерегулярных пашен, расчистке перелогов и т.д. Здесь развитие крестьянского клина пашни не встречает препятствий со сто-

* В соавторстве с М.Б. Булгаковым и И.М. Гарсковой.

роны господского сектора. Наконец, хозяйственное влияние феодала-вотчинника прослеживается гораздо сильнее, чем в поместье.

Разница полученных наблюдений с известными до сих пор в науке представлениями состоит в том, что итоги корреляционного анализа не просто показывают поместье и вотчину как разные по своему юридическому статусу формы феодального землевладения, а фиксируют их как экономически различные типы хозяйства.

Методика применения корреляционного анализа рассчитана на анализ уже заранее выделенных, готовых типов феодального хозяйства. Поэтому для корреляционного анализа формировалось два обособленных массива информации: отдельно по поместьям и отдельно по вотчинам. В настоящей работе ставится задача получения классификации типов феодального хозяйства наиболее объективными методами. При этом в основу исследования закладывается единый массив информации, где в общей массе слиты и поместья, и вотчины. Анализ же ведется путем выявления единого набора факторов, по-разному проявляющихся в вотчинах, с одной стороны, и в поместьях – с другой, что, собственно, и обуславливало бы сущность их типологического различия как хозяйств, а не как форм землевладения.

Важнейшей целью применения факторного анализа является в данном случае выявление скрытых от глаз исследователя глубинных особенностей феодального землевладения и хозяйства XVII в. Подобные методы позволяют обобщить (так сказать, «сжать») информацию исходных показателей, непосредственно содержащихся в источнике, и выделить небольшое число факторов, определяющих основные черты развития феодального хозяйства этой эпохи. Взвешенный учет всех без единого исключения элементов массива информации в их реальных взаимоотношениях позволяет с полным основанием назвать такой подход к изучению массовых явлений и процессов в аграрном развитии России первой половины XVII в. системно-структурным подходом.

Для решения задачи определения обобщенных характеристик, скрытых за набором исходных признаков, описывающих отдельные объекты, можно выбрать какой-либо из методов факторного анализа, например, метод главных компонент – разновидность метода главных факторов. Этот метод позволяет выделить те факторы (главные компоненты), по которым происходит наибольшая дифференциация (разброс) объектов².

Дифференциация объектов характеризуется таким показателем, как суммарная дисперсия признаков. Поэтому в качестве

первой главной компоненты посредством этого метода находят в многомерном пространстве признаков такое направление, по которому совокупность точек, изображающих объекты, имеет наибольший разброс. При этом суммарная дисперсия признаков раскладывается на дисперсию, обусловленную первой главной компонентой, и остаточную дисперсию. Затем находится вторая главная компонента, ортогональная первой и объясняющая максимальную часть остаточной дисперсии, и т.д. Процесс завершается после нахождения всех главных компонент, число которых равно числу исходных признаков, после чего суммарная дисперсия оказывается представленной в виде суммы дисперсий, обусловленных отдельными главными компонентами. Остаточная дисперсия после выделения последней главной компоненты оказывается равной нулю, т.е. задача имеет точное математическое решение, хотя на практике обычно ограничиваются несколькими первыми компонентами, объясняющими достаточно большую часть суммарной дисперсии (70–80%).

Математически направление, соответствующее главной компоненте в пространстве исходных признаков, можно выразить нормированной линейной комбинацией этих признаков:

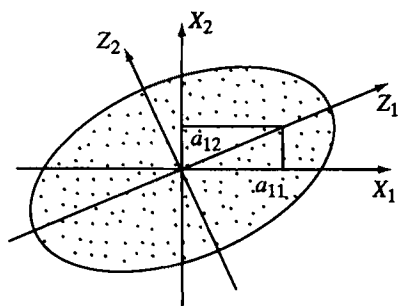
$$Z_j = \sum_{i=1}^n a_{ji} X_i,$$

где Z_j – j -я главная компонента; X_i – i -й признак (центро-нормированный, т.е. со средним значением 0 и дисперсией 1); n – количество признаков; a_{ji} – коэффициент, с которым i -й признак входит в j -ю компоненту (эти величины в факторном анализе называют факторными нагрузками).

Геометрически величина a_{ji} – это проекция вектора, соответствующего j -й компоненте, на ось i -го признака. Величины a_{ji} по модулю не превышают 1; чем ближе к ± 1 , тем более значимым является i -й признак в «построении» j -й компоненты. Признаки со значениями a_{ji} , близкими к 0, практически не влияют на данную компоненту. Например, в случае двух признаков, сильно коррелирующих между собой, главные компоненты могут быть расположены так, как показано на рис. 1. X_1, X_2 – исходные признаки, Z_1, Z_2 – главные компоненты, a_{11} и a_{12} – проекции компоненты Z_1 на оси признаков X_1 и X_2 соответственно (проекции Z_2 на оси X_1 и X_2 не показаны).

Из рис. 1 видно, что Z_1 соответствует направлению наибольшей дифференциации объектов. Так как $a_{11} > a_{12}$, то вклад признака X_1 в первую главную компоненту выше, чем вклад признака X_2 .

Поскольку главные компоненты строятся как взаимно ортогональные направления в пространстве признаков, они не

Главные компоненты
в случае двух признаков

коррелируют между собой, т.е. являются линейно независимыми. Из этого следует, что компонентный анализ целесообразно использовать при изучении набора признаков, сильно коррелирующих между собой, так как этот набор заменяется системой линейно независимых факторов, что существенно для их содержательной интерпретации.

Факторы интерпретируют с содержательной точки зрения, опираясь на те признаки, которые имеют по этим факторам наибольшие по абсолютной величине факторные нагрузки (a_{ji}). Хотя в компонентном анализе один и тот же признак может входить в разные (вообще говоря, во все) факторы, что иногда затрудняет их интерпретацию, достоинством этого метода является то, что полученные факторы не влияют друг на друга и их можно рассматривать как вместе, так и порознь.

Помимо факторных нагрузок метод главных компонент дает факторные веса объектов, определяющие их положение на оси каждого фактора. Чем выше по модулю факторный вес объекта, тем сильнее проявляется у него то качество, которое описывает данный фактор, а знак факторного веса говорит о положительном или отрицательном его проявлении. Близкие к нулю факторные веса свидетельствуют о средней силе проявления фактора.

В целях наиболее тщательной отработки методики факторного анализа в качестве предмета исследования был взят относительно небольшой массив информации, извлеченный из писцовой книги 1626–1628 гг. по Воротынскому у.³ Выбор уезда не случаен, ибо для эксперимента был наиболее полезен материал, отражающий экстремальные условия аграрного развития. Именно такие условия способствуют лучшему выявлению внутренних специфических свойств того или иного типа феодального хозяйства.

Уровень хозяйственного разорения и запустения в Воротынском у., расположенном недалеко от Калуги, в 20-х годах XVII в. был очень высок. В табл. 1 приведен перечень средних по уезду показателей в расчете на владение, на поместье и на вотчину.

Сразу же видны громадные масштабы разорения. Процент покинутых и разрушенных дворов (пустых дворов) в среднем по уезду достигает 71,8%, снижаясь по вотчинам до 68,9% (по

Таблица 1

Класс абсолютных показателей	Всего владений – 67		Всего помещений – 37		Всего вотчин – 30	
	в среднем на владение		в среднем на поместье		в среднем на вотчину	
	абс.	коэффициент вариации, %	абс.	коэффициент вариации, %	абс.	коэффициент вариации, %
Дворы господские	0,88	37,1	0,92	30,1	0,83	45,5
Дворы людские	0,66	141,6	0,41	158,8	0,97	116,8
Дворы крестьянские	1,33	90,2	1,05	97,3	1,67	79,3
Дворы бобыльские	1,81	72,9	1,84	63,5	1,77	85,0
Дворы пустые (и дворовые места)	7,97	86,2	8,27	101,1	7,60	59,3
Всего «людей» во дворах	5,31	79,7	4,73	78,1	6,03	79,3
Пашня господская, дес.	21,09	64,4	19,26	60,3	23,34	66,7
Перелог при селениях, дес.	43,15	71,2	45,22	80,3	40,60	55,2
Пашня, лесом поросшая, при селениях, дес.	57,73	66,9	60,35	73,9	54,50	55,2
Пашня крестьянская (тягловая), дес.	20,43	71,3	18,28	67,8	23,07	172,4
Перелог и лесом поросшая пашня в пустошах, дес.	74,62	134,5	116,47	98,9	23,00	166,9
Сенокос, дес.	11,51	118,5	10,3	117,5	13,00	118,5
Сошный оклад «в живущем», чтв.	0,10	87,5	0,09	87,5	0,12	86,6
Лес пашенный и непашенный, дес.	5,17	138,7	5,92	116,7	4,25	176,6
Сошное письмо (сумма «живущего» и «пустого»), чтв.	144,91	54,4	173,08	51,9	110,17	39,0
Общая площадь всех хозяйственных угодий, дес.	233,69	53,3	275,79	52,2	181,76	37,0

поместьям – 74,1%). Процент тяглоспособных крестьянских дворов от общего числа крестьянских, бобыльских и пустых дворов равен в среднем по уезду всего лишь 12%. Правда, при этом катастрофически низком среднеуездном уровне численности тяглоспособного населения для вотчин он почти вдвое выше, чем для поместий (15,1% против 9,4%). Доля бобыльских дворов в поместьях и вотчинах одинакова (16,2% – в среднем по уезду, 16,5 – в поместьях, 16% – в вотчинах). Чрезвычайно велики запустевшие пашенные угодья. Доля тяглой крестьянской пашни в среднем по уезду достигает только 8,8% от общей площади хозяйственных угодий. По поместным владениям доля крестьянской пашни в среднем на таком же уровне (8%), а для вотчин почти в полтора раза выше (14%). Точно такое же соотношение и уровней господской пашни (в среднем по уезду – 9%, для поместий – 8, для вотчин – 14%). Общая доля запустевших угодий, включая перелог и пашню, поросшую лесом, в среднем по уезду составляла 72,7% (для поместий – 79%, для вотчин – 65%). Доля переложных, сравнительно недавно заброшенных пашенных земель при селениях, т.е. в непосредственном соседстве с полевой пашней, составляла в среднем по уезду 18,4% (для поместий – 17%, для вотчин – 22%), а в пустошах – наоборот: в вотчинах 14%, в поместьях 37% и т.д.

Таким образом, в целом хозяйственное развитие Воротынского у. находилось в глубоком кризисе. Его глубина отразилась в налоговой политике государства. Если величина «дворовой», или «живущей», четверти для большинства районов государства составляла 8 дворов крестьянских и 4 двора бобыльских (10 дворов крестьянских, считая 2 бобыльских за 1 крестьянский) или 12 дворов крестьянских и 8 дворов бобыльских (т.е. 16 дворов крестьянских), то по Воротынскому у. в 1626–1627 гг. «живущая», или «дворовая», четверть составляла:

1) по 23 жилым поселениям из расчета 16 дворов крестьянских или 32 двора бобыльских; 2) по 15 жилым поселениям из расчета 32 двора крестьянских или 64 двора бобыльских; 3) по жилым поселениям из расчета 20 дворов крестьянских или 40 дворов бобыльских; 4) по 8 жилым поселениям из расчета 24 двора крестьянских или 48 дворов бобыльских; 5) по одному поселению из расчета 48 дворов крестьянских или 96 дворов бобыльских; 6) по одному поселению из расчета 64 двора крестьянских или 128 дворов бобыльских⁴. В благополучных районах «живущая» четверть составляла всего 6 дворов крестьянских и 3 двора бобыльских и даже 4 двора крестьянских и 2 двора бобыльских. Разница, как видим, весьма внушительная.

При всей глубине общего хозяйственного кризиса в уезде средние показатели тем не менее свидетельствуют о том, что и

здесь в вотчинах положение дел было заметно лучше, чем в поместьях. Населенность крестьянских и бобыльских дворов в них была почти на 30% выше, чем в поместьях (127,5%, беря населенность поместий за 100%), а доля людских дворов выше почти вдвое. Таким образом, вотчины уезда были гораздо лучше, чем поместья, обеспечены людскими ресурсами. Это преимущество сказалось и на степени восстановления хозяйства. Как отмечалось выше, доля крестьянской тягловой пашни⁵ в вотчинах была 14%, а в поместьях 8%, доля господской пашни соответственно 14% и 9%. Правда, средние показатели очень приближенно выявляют те или иные тенденции развития, поскольку коэффициенты вариации, приведенные в табл. 1 по каждому показателю, дают чрезвычайно высокий процент дисперсии, т.е. отклонений от средней цифры. Так, коэффициент вариации по размерам господской пашни превышает 60–67% по обоим типам землевладений. Коэффициент вариации размера крестьянской пашни для вотчин равен 172,4%, что вообще говорит о хаотичности в колебаниях их размеров. Грубая приближенность средних показателей сильно ограничивает возможность получения сколько-нибудь точных выводов. В рамках традиционной методики компенсировать этот изъян в принципе может выделение из общей массы объектов различных по величине групп землевладений. Но это ведет, в свою очередь, к резкому сокращению числа наблюдений в рамках каждой группы, что снова влияет на степень определенности каких-либо выводов. Следовательно, пользуясь традиционной методикой, мы не можем выявить в источнике большой слой скрытой информации, не можем добиться детализированных и твердых результатов. Таким образом, вполне логичен переход к более совершенным методам анализа.

Как уже говорилось, метод главных компонент в данном исследовании обнаружил высокую эффективность. Для различных классов абсолютных и относительных показателей выявлены устойчивые закономерности. Первые два фактора всегда охватывают не менее 55% совокупной дисперсии признаков, а доля дисперсии, приходящаяся на первые три фактора, всегда не менее 67%. Первый фактор объясняет, как правило, около 35% дисперсии, а второй – около 20%. Эти результаты говорят о том, что совокупность признаков допускает построение четкой системы факторов, т.е. она хорошо структурирована⁶.

Приступим теперь к анализу факторов, полученных на основе обработки массивов информации, имеющих разные классы абсолютных (исходных) и относительных показателей, рассчитанных путем соотношения исходных показателей с величиной

крестьянской и господской пашни, числом крестьянских и бобыльских дворов.

Для выявления наиболее глубоких фундаментальных основ, которые проявляются в сложнейшей системе комбинаций взаимоотношений 16 признаков (см. табл. 1) феодального хозяйства по светским владениям уезда, был проведен факторный анализ всей совокупности характеристик в их абсолютном выражении. Несмотря на то что оперирование абсолютными величинами всегда сопряжено с риском получения искажений, вызываемых резким выпадением отдельных объектов из общих рамок дисперсии признаков, в данном случае были получены вполне корректные результаты (см. перечень 1).

Перечень 1

Класс абсолютных показателей

I фактор. Общий уровень развития феодального хозяйства, 35% дисперсии

1. Величина крестьянской пашни	0,38
2. Тяглоспособность	0,37
3. Населенность владения	0,36
4. Численность крестьянских дворов	0,34
5. Численность бобыльских дворов	0,32
6. Площадь господской пашни	0,28

II фактор. Степень ликвидации запустевших пашенных угодий, 22% дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	−0,44
2. Суммарное выражение убыли из тягла и тяглоспособности	−0,44
3. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	−0,37
4. Площадь перелога при селениях	−0,31
5. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	−0,31
6. Численность покинутых и разрушенных дворов	−0,28

III фактор. Вычленение позднейших проявлений запустения от наиболее ранних, 10% дисперсии

1. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	−0,52
2. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,50
3. Площадь перелога при селениях	0,49
4. Частота встречаемости господских усадеб	−0,29

Четко определились три ведущих фактора (процент совокупной дисперсии равен соответственно у первого – 35%, у второго – 22 и у третьего – 10%). Они характеризуют наиболее общие чер-

ты развития светского феодального землевладения и хозяйства в конце 20-х годов XVII в. Первый фактор – «общий уровень развития феодального хозяйства». Его не отличают какие-либо специфические характеристики, которые были бы наиболее тесно связаны с фактором (по факторным нагрузкам), по сравнению с большинством других признаков. В фактор входят следующие показатели: 1) площадь крестьянской пашни (факторная нагрузка 0,38), 2) размер тягла «с живущего» (0,37), 3) степень населенности феодального владения, или число так называемых «людей» (0,36), 4) численность крестьянских дворов (0,34), 5) численность бобыльских дворов (0,32), 6) величина господской запашки (0,28). Таким образом, общий уровень развития феодального хозяйства определяется главным образом площадью реальной крестьянской и господской пашни и численностью крестьянского и бобыльского населения феодальных владений, в особенности числом реальных тяглецов (способных платить государственные налоги и нести тягло).

Второй фактор, по силе своего проявления заметно уступающий первому (22% дисперсии), – «степень ликвидации запустевших пашенных угодий». В него входят следующие показатели: 1) общая площадь хозяйственных угодий владения (факторная нагрузка – 0,44), 2) сумма «живого» (несущего тягло) и запустевшего (при полном преобладании доли последнего) в учете государством платежеспособности населения при взимании налогов и натуральных повинностей (–0,44), 3) площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах (–0,37), 4) площадь перелога при селениях (–0,31), 5) площадь пашни, поросшей лесом, при селениях (–0,31), 6) число пустых дворов и дворовых мест (–0,28). Все показатели находятся в обратно пропорциональной связи с самим фактором, так как входят в него с отрицательным знаком. Стало быть, чем сильнее проявление фактора, тем меньше величина всех названных показателей. Отсюда и определение существа фактора как степени ликвидации запустения.

Обратим внимание на то, что ведущий признак второго фактора – общая сумма площади всех хозяйственных угодий, т.е. практически величина земельного владения (поместья или вотчины). С точки зрения ликвидации последствий запустения обширность феодального земельного владения выступает как отрицательный момент: чем меньше по общей площади угодий то или иное владение, тем лучше для восстановления экономики. Между тем это принципиально важный показатель (и с ним мы встретимся еще не раз). В нем отражена социально-экономическая природа механизма восстановления хозяйства, а следовательно, и самого хозяйства. В экстремальной ситуации хозяйственного разорения

нет места преимуществам крупного землевладения, они здесь еще не проявляются. Это резко подчеркивает натуральный характер хозяйства в целом в тот период.

Третий фактор – «вычленение позднейших проявлений кризиса начала XVII в. от наиболее ранних его проявлений» (10% дисперсии) – представлен следующими показателями: 1) площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах (факторная нагрузка – 0,52), признак связан с фактором отрицательно, т.е. находится с ним в обратно пропорциональном отношении; 2) площадь пашни, поросшей лесом, при селениях (0,50); 3) площадь перелога при селениях (0,49); 4) число господских дворов (–0,29). Последний признак также отрицательно связан с фактором. Прямая связь с фактором второго и третьего признаков и обратная связь с фактором первого и четвертого позволяют сформулировать сложное содержание фактора: запустение пашен, находящихся в пустошах, не является позднейшим проявлением кризиса, равно как и слабая частота встречаемости господских усадеб. Это наиболее ранние явления кризиса. И наоборот, запущенные пашенные угодья при селениях выступают как позднейшие проявления кризиса начала XVII в. Они прямо связаны с числом опустевших крестьянских дворов, и именно они в конечном счете вызывают рост людских дворов, призванных восстановить господское хозяйство в целом.

Рассмотрим факторы, рассчитанные на основе относительных показателей, соотнесенных с десятиной крестьянской пашни (см. перечень 2). Анализируя признаки в расчете на единицу крестьянской пашни, мы тем самым должны оценивать получаемые итоги как бы с позиций крестьянского хозяйства.

Перечень 2

Класс показателей, соотнесенных с величиной крестьянской пашни

(расчет на 1 дес. крестьянской пашни)

1 фактор. Уровень запустения с точки зрения
крестьянского хозяйства, 42% дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,37
2. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	0,37
3. Площадь пашни, поросшей лесом, при селениях	0,35
4. Площадь перелога при селениях	0,35
5. Частота встречаемости господских усадеб	0,34
6. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,31
7. Численность крестьянских дворов	–0,26

II фактор. Первичное восстановление помещичьего хозяйства за счет разорения населения, 15% дисперсии

1. Число бобыльских дворов	0,45
2. Число крестьянских дворов	-0,40
3. Число покинутых и разрушенных дворов	-0,35
4. Площадь господской пашни	0,33
5. Число людских дворов	0,30
6. Площадь пашенного и непашенного леса	-0,29

III фактор. Развитие помещичьего хозяйства в условиях дефицита людских ресурсов феодальных владений, 10% дисперсии

1. Тяглоспособность	-0,60
2. Населенность владения	-0,53
3. Число людских дворов	0,44
4. Площадь господской пашни	0,26

Поэтому первый, ведущий фактор, вбирающий 42% всей дисперсии, мы квалифицируем как «уровень запустения с точки зрения крестьянского хозяйства». В фактор вошли следующие признаки (в порядке убывания величины факторной нагрузки). На первом месте два ведущих признака: общая площадь действующей и когда-либо запущенной пашни (в расчете на дес. крестьянской пашни) (факторная нагрузка 0,37). Учитывая, что в среднем «жилые» угодья составляли в уезде (по сравнению с запущенными) всего 23%, этот признак следует расценить как характеристику степени земельного запустения. Таким образом, мы вновь видим: чем больше площадь феодального владения, тем сильнее проявляется запустение. Практически о том же свидетельствует и второй признак (с той же факторной нагрузкой): суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла. Потом идут показатели, роль которых для фактора немногим меньше (0,35). Это угодья при селениях в виде пашни, поросшей лесом, и перелога. Интересно, что в фактор вошел такой признак, как частота встречаемости господского двора в феодальных владениях. В данном случае этот символ крестьянской эксплуатации выступает как составной социальный элемент фактора хозяйственного запустения. Тесно связан с ним и другой социальный признак – число крестьянских дворов в расчете на дес. крестьянской пашни. Причем признак имеет отрицательный знак – чем меньше крестьянских дворов в расчете на десятину крестьянской пашни, тем сильнее фактор запустения. Уточним, что факторная нагрузка признака -0,26. У пятого признака факторная нагрузка 0,34, т.е. роль его в указанном факторе выше. Шестой признак (площадь перелога и поросшей лесом паш-

ни в пустошах) также существен (0,31), хотя и уступает запустению пашен при селениях. Таковы отбор и значимость показателей запустения с позиций крестьянского хозяйства.

Второй фактор (15% дисперсии) обозначим как «первичное восстановление помещичьего хозяйства за счет разорения населения». Как видно из перечня 2, ведущим признаком в нем является число бобыльских дворов в расчете на десятину крестьянской пашни (0,45). Далее идут второй и третий признаки, отрицательно связанные с фактором: число крестьянских дворов в расчете на крестьянскую пашню, а также число пустых дворов и дворовых мест (соответственно $-0,40$ и $-0,35$). Следовательно, в факторе взаимосвязь этих признаков обратная: чем меньше пустых и крестьянских дворов, тем больше бобыльских, т.е. полуразоренного населения. А чем больше полуразоренного населения, тем сильнее проявляется фактор восстановления за счет отнюдь не роста хозяйственной состоятельности крестьян. Наконец, в фактор входят (при положительной с ним связи) два признака, имеющих прямое отношение к господскому хозяйству: площадь господской пашни и число людских дворов на единицу крестьянской пашни (0,33 и 0,30). Таким образом, в целом второй фактор фиксирует процесс восстановления господского хозяйства силами полуразоренного населения из бобылей (в этом черта первичности, начальной фазы данного процесса) и собственными людскими ресурсами господского хозяйства (холопами, задворными людьми, деловыми наемными работниками и т.п.). Восстановление происходит при остром и иногда возрастающем дефиците крестьянского населения. Не вполне ясна роль последнего признака, вошедшего в фактор: площадь пашенного и непашенного леса в расчете на крестьянскую пашню. Возможно, что здесь проявляется тенденция вовлечения в хозяйственный оборот (в действующую пашню) давным-давно заброшенных земель.

Очень интересен третий фактор, вбирающий в себя 10% общей дисперсии. Ведущий признак в нем – доля тягла, приходящаяся на единицу крестьянской пашни ($-0,60$). Особенно важно, что признак находится в обратно пропорциональной связи с фактором (чем меньше тягlosigkeit, тем существеннее это для фактора). Такой же характер связи с фактором и у второго признака (населенность в расчете на дес. крестьянской пашни), где факторная нагрузка $-0,53$. Два других признака положительно связаны с фактором и непосредственно отражают уровень развития господского хозяйства (число людских дворов на единицу крестьянской пашни 0,44; площадь господской пашни на десятину пашни крестьянской 0,26). Отсюда органично вытекает сущность самого фактора – «развитие помещичьего хозяйства в ус-

ловиях дефицита людских ресурсов феодальных владений». Представляется чрезвычайно важным, что соотношение признаков четко свидетельствует о применении холопского и наемного труда в господском хозяйстве в условиях острой нехватки крестьянского (и даже бобыльского) населения.

Таким образом, изучение феодального хозяйства в данном аспекте ярко выделяет наиболее характерные черты аграрного развития уезда: 1) оно происходило при сохранении тяжелого наследия хозяйственного кризиса начала века; 2) восстановление господского хозяйства увеличивало разорение крестьянского населения, способствуя дальнейшему сокращению крестьянского и возрастанию бобыльского населения и резкому обострению антагонизма между господствующим классом и непосредственными производителями.

Обработка комплекса относительных признаков, соотнесенных с десятиной господской пашни, позволяет вскрыть ряд других особенностей аграрного развития данного района уже, так сказать, с позиций феодального хозяйства (см. перечень 3).

Перечень 3

Класс показателей, соотнесенных с величиной господской пашни

(расчет на десятину господской пашни)

I фактор. Реальные условия восстановления господского хозяйства, 45% дисперсии

1. Число покинутых и разрушенных дворов	0,32
2. Общая площадь хозяйственных угодий	0,32
3. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	0,30
4. Площадь перелога при селениях	0,29
5. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,29
6. Площадь сенокосных угодий	0,29
7. Площадь крестьянской пашни	0,28
8. Населенность владения	0,28

II фактор. Восстановление крестьянских хозяйств как основы развития господского хозяйства, 17% дисперсии

1. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	-0,42
2. Число крестьянских дворов	0,38
3. Площадь крестьянской пашни	0,36
4. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	-0,34
5. Населенность владения	0,32
6. Общая площадь хозяйственных угодий	-0,31

III фактор. Степень вовлечения резервов пашни крестьянским хозяйством как фактор его эксплуатации феодалом, 9% дисперсии

1. Площадь пашни, поросшей лесом, при селениях	−0,50
2. Площадь перелога при селениях	−0,49
3. Площадь леса пашенного и непашенного	0,44
4. Число людских дворов	−0,28
5. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,26
6. Площадь крестьянской пашни	0,21
7. Частота встречаемости господских усадеб	0,20
8. Населенность владения	0,20

В этом плане очень характерен набор признаков в первом факторе (45% дисперсии). Их последовательность по степени значимости подтверждает, что «отбор» шел как бы с позиций господского хозяйства. В целом сущность фактора можно обозначить так: «Реальные условия восстановления господского хозяйства». На первом плане здесь число покинутых и разрушенных дворов в расчете на единицу господской пашни (0,32), т.е. убыль населения. Вторым стал признак: общая площадь действующей и когда-либо запущенной пашни (0,32). Далее идут показатели: суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла (0,30), затем площадь перелога (на единицу господской пашни), площадь поросшей лесом пашни (на единицу господской пашни) и, наконец, площадь сенокосных угодий (на единицу господской пашни) (у них факторные нагрузки 0,29). Седьмое и восьмое места в последовательности признаков данного фактора занимают такие показатели, как площадь крестьянской пашни (на единицу пашни господской) и населенность феодального владения (в расчете на единицу господской пашни). Следовательно, фактор отражает в равной мере как показатели разорения, так и развития. Причем в данном случае трудно выделить какой-либо ведущий для фактора признак, так как все они мало различаются по факторным нагрузкам. На наш взгляд, стержнем фактора является определение степени разорения и сохранения крестьянского хозяйства с позиций феодала.

Перейдем к рассмотрению второго фактора, основная направленность которого может быть сформулирована так: «Восстановление крестьянских хозяйств как основы развития господского хозяйства (17% дисперсии)». Последовательность тесноты связи признаков с фактором определена также сквозь призму господского хозяйства. Именно поэтому в качестве основного, веду-

щего признака с отрицательным знаком в фактор входит ликвидация перелогов и пашни, поросшей лесом, в пустошах (в расчете на господскую пашню).

Иначе говоря, чем меньше этих угодий, тем лучше для господского хозяйства. В то же время число крестьянских дворов в расчете на единицу господской пашни связано с фактором положительно (0,38), как и величина крестьянской пашни на единицу господской запашки (0,36). Следовательно, в факторе показатели роста или развития крестьянского хозяйства важны и сами по себе, и как условие ликвидации залежей в пустошах. Лишь только вслед за этими наиболее существенными признаками в фактор входит степень ликвидации общей убыли из тягла (признак под названием «Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла», отрицательно связанный с фактором $-0,34$) и населенность владения на единицу господской запашки (0,32). Далее следует такой существенно менее важный внутри фактора признак, как общая площадь действующей и когда-либо запущенной пашни в расчете на единицу господской запашки ($-0,31$). В целом направленность фактора выделяет восстановление именно крестьянского хозяйства с позиций расширения господской пашни. О бобылях речь может идти лишь очень косвенно (через рост общей населенности владений).

Наконец, третий фактор (9% дисперсии) практически начисто лишен каких-либо социальных моментов. В нем резко отражены сугубо земельные аспекты развития. Общая направленность фактора – ликвидация запущенных пашенных угодий при селениях, поскольку два признака, сильнейшим образом входящие в фактор (площадь пашни, поросшей лесом, при селениях в расчете на господскую запашку $-0,50$ и площадь перелога при селениях в расчете на господскую запашку $-0,49$), связаны с ним отрицательно. Очень примечательно, что показатель числа людских дворов в расчете на единицу барской пашни входит в фактор также со знаком «минус» ($-0,28$). Стало быть, чем меньше запущенных пашенных угодий при селениях (на единицу барской пашни), тем меньше численность холопского контингента, наймитов и т.п. элементов рабочей силы господского хозяйства. Возможно, это свидетельствует о том, что рабочая сила этого типа – мера, вынужденная вследствие разорения. Там, где восстановление реализовано, холопов становится меньше, а крестьян больше. При этом в фактор (правда, при очень слабой с ним положительной связи) входят: 1) частота встречаемости господских дворов в расчете на единицу барской пашни; 2) величина крестьянской пашни, соотнесенная с единицей барской пашни; 3) степень населенности владений в расчете на единицу господской пашни. Добавим, что факторная

нагрузка у всех трех не превышает 0,21, но весьма важен положительный характер связи с фактором. Это дает нам основание сформулировать основную сущность третьего фактора – «Степень вовлечения резервов пашни крестьянским хозяйством как фактор его эксплуатации феодалом». Вполне естественно, что при ликвидации запущенных угодий пашни при селениях выявляется тенденция, связанная с тем, что в этих случаях четче обнаруживается преобладание площадей «леса непашенного» (третий признак с факторной нагрузкой 0,44) и частично запустевших угодий пашни при пустошах (пятый признак, 0,26).

Таким образом, факторный анализ признаков, соотнесенных с площадью господской пашни, подчеркивает процессы, связанные исключительно с ликвидацией запустевших пашенных угодий в интересах восстановления господского хозяйства. Выясняется, что освоение запустевших земель, когда-то бывших пашен, наибольшим образом обусловлено восстановлением и развитием крестьянского хозяйства, когда речь идет о пустошах, и наименьшим, когда речь идет о восстановлении перелогов и заросших лесом пашен при селениях. В последнем случае важны сами крестьяне, их пашня и собственно господские усадьбы, т.е. просматриваются интересы самого господского хозяйства. Привлечение и рост людских контингентов собственно господского хозяйства (холопов и др.) прямым образом связаны с обширностью запустения хозяйственных угодий (чем обширнее запустение, тем больше холопов и т.д.).

Перейдем к факторному анализу признаков, соотнесенных с числом бобыльских дворов, т.е. рассмотрим явления аграрного развития с позиций полуразоренного крестьянского населения (см. перечень 4).

Перечень 4

Класс показателей, соотнесенных с численностью бобыльских дворов

(расчет на бобыльский двор)

1 фактор. Бобыльство как фактор разорения
и развития, 38% дисперсии

1. Общая площадь хозяйственных угодий	0,33
2. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	0,32
3. Число покинутых и разрушенных дворов	0,31
4. Величина крестьянской пашни	0,29
5. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	0,29
6. Площадь перелога при селениях	0,29

II фактор. Роль бобыльства в восстановлении крестьянского хозяйства и тяглоспособности населения, 21% дисперсии

1. Число крестьянских дворов	0,39
2. Площадь крестьянской пашни	0,35
3. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	-0,35
4. Тяглоспособность	0,35
5. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	-0,31
6. Населенность владения	0,31
7. Общая площадь хозяйственных угодий	-0,30
8. Число людских дворов	0,26

III фактор. Моменты, характеризующие бобыльство как ослабленный элемент господского феодального хозяйства, 10% дисперсии

1. Площадь пашенного и непашенного леса	0,44
2. Число людских дворов	-0,41
3. Площадь господской пашни	-0,41
4. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	-0,34
5. Площадь перелога при селениях	-0,30
6. Населенность владения	0,20
7. Число покинутых и разрушенных дворов	0,10

Первый фактор, учитывающий 38% дисперсии, как обычно, выбрал в себя все признаки, реально характеризующие уровень аграрного развития как с его положительными, так и с отрицательными моментами, последовательность значимости которых определена самим расчетом всех показателей на бобыльский двор. Сущность его сформулируем так: «Бобыльство как фактор разорения и развития».

Как следует из содержания перечня 4, первым признаком фактора является общая площадь действующей и когда-либо запущенной пашни в расчете на бобыльский двор. Иначе говоря, этот признак отражает величину земельного владения (факторная нагрузка 0,33). За ним идет суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла в расчете на бобыльский двор (0,32). Оба признака функционируют здесь, по существу, как признаки запустения и совпадают с ведущими показателями первого фактора при анализе признаков, соотнесенных с величиной крестьянской пашни (см. перечень 2). Далее идет другой показатель разорения: численность заброшенных и разрушенных дворов, соотнесенная с численностью бобыльских дворов (0,31). За ним следует показатель площади крестьянской пашни, соотнесенной с численностью бобыльских дворов (0,29). Наконец, идут призна-

ки, имеющие факторные нагрузки по 0,29 и фиксирующие площадь перелога и пашни, поросшей лесом, при селениях. Это вновь свидетельства запустения. Таким образом, данный фактор в целом существенно отличается от первого фактора, построенного на признаках, соотнесенных с величиной крестьянской пашни, хотя в обоих есть сходство по первым двум признакам. Обстоятельствами, углубляющими для бобыльства разорение, являются общая площадь владения, убыль тягла и дворов.

Перейдем к рассмотрению второго фактора (21% дисперсии). Мы его назвали «Роль бобыльства в восстановлении крестьянского хозяйства и тяглоспособности населения». Связь признаков с фактором как положительная, так и отрицательная, но их факторные нагрузки различаются более существенно, чем в первом факторе. Ведущий признак – число крестьянских дворов в расчете на бобыльский двор (0,39), вторым идет площадь крестьянской пашни в расчете на двор бобыля (0,35). Оба признака связаны с фактором положительно, как и четвертый признак (тяглоспособность в расчете на бобыльский двор 0,35), а также шестой и восьмой признаки (населенность владений в расчете на бобыльский двор 0,31 и число людских дворов, соотнесенное с числом дворов бобыльских, 0,26). Все они отражают реальные процессы роста крестьянского хозяйства, за исключением восьмого признака, показывающего развитие господского хозяйства в плане обеспеченности его рабочей силой. Суть последнего можно определить и так: вследствие преобладания бобыльского населения растет число холопов, деловых и задворных людей. Наконец, признаки, отрицательно связанные с фактором: третий – перелог и поросшая лесом пашня в пустошах в расчете на бобыльский двор (факторная нагрузка – 0,35), пятый – суммарное выражение убыли из тягла и тяглоспособности, соотнесенное с численностью бобыльских дворов (–0,31), седьмой – общая площадь действующей и запущенной пашни в расчете на бобыльский двор (–0,30). Все они находятся в отрицательной связи с фактором, т.е. фиксируется отражение в факторе процесса ликвидации этих явлений. Их отбор и значимость предопределены показателем числа бобыльских дворов. Следовательно, и трактовка внутреннего смысла фактора – восстановление крестьянского хозяйства – должна быть связана с ролью бобыльства.

Если во втором факторе отразился позитивный момент развития бобыльского хозяйства, то в третьем факторе (10% дисперсии) оттенены отрицательные следствия его существования. Чем меньше людских дворов в расчете на бобыльский двор (–0,41), чем меньше площадь господской пашни в соотнесении с численностью дворов бобылей (–0,41), чем меньше поросшей

лесом пашни (–0,34) и перелога (–0,30) при селениях в расчете на бобыльский двор, тем ярче проявление третьего фактора. Таким образом, сокращение запущенных угодий пашни при селениях сочетается в факторе с уменьшением площади господской пашни и даже уменьшением числа людских господских дворов, т.е. подобного рода восстановление хозяйственной жизни таково, что оно пока непосредственно не сказывается на росте барского хозяйства, хотя несомненно, что эти угодья по сути есть основной резерв господской пашни. Такое восстановление сопровождается тенденцией увеличения площади леса пашенного и непашенного (точнее, оно ярче заметно там, где его больше), и факторная нагрузка этого признака – самая высокая из всех остальных признаков (0,44). Наконец, восстановление идет там, где больше населенность владений в расчете на бобыльский двор (0,20) и вместе с тем больше покинутых и разрушенных дворов (0,10).

Обобщая столь сложное сочетание признаков, можно резюмировать следующее. Данный фактор выявляет моменты, характеризующие бобыльство как ослабленный элемент господского феодального хозяйства. Его участие в освоении угодий и восстановлении экономики в данном районе неизбежно сопровождается рядом отрицательных явлений.

Хотя крестьянское население составляло в Воротынском уезде меньшую по сравнению с бобыльским долю, факторный анализ признаков, соотнесенных с числом крестьянских дворов, дает необычайно интересные результаты с точки зрения выделения ведущих тенденций в развитии крестьянского хозяйства (см. перечень 5).

Перечень 5

Класс признаков, соотнесенных с численностью крестьянских дворов

(расчет на крестьянский двор)

- 1 фактор.* Основные моменты хозяйственного кризиса и экономического развития, реально определяющие положение крестьянского хозяйства 34% дисперсии
1. Суммарное выражение убыли тяглоспособности и из тягла	0,35
2. Общая площадь хозяйственных угодий	0,35
3. Площадь крестьянской пашни	0,32
4. Число бобыльских дворов	0,29
5. Площадь господской пашни	0,28
6. Населенность владения	0,26

II фактор. Условия, благоприятствующие восстановлению и развитию крестьянского хозяйства, 21% дисперсии

1. Число бобыльских дворов	0,37
2. Число покинутых и разрушенных дворов	-0,35
3. Населенность владения	0,34
4. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	-0,31
5. Тяглоспособность	0,30
6. Общая площадь хозяйственных угодий	-0,29
7. Площадь крестьянской пашни	0,29

III фактор. Степень и очередность вовлечения в хозяйственный оборот потенциальной пашни, 12% дисперсии

1. Площадь перелога при селениях	-0,58
2. Площадь поросшей лесом пашни при селениях	-0,56
3. Площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах	0,41
4. Площадь пашенного и непашенного леса	0,22

Первый фактор, вобравший в себя 34% дисперсии, назван нами «Основные моменты хозяйственного кризиса и экономического развития, реально определяющие положение крестьянских хозяйств». Как и в других случаях, первый фактор, выделяя те или иные признаки, как правило, дает положительную связь с ними независимо от того, являются ли они проявлением кризиса, запустения или показателями экономического развития. Таким образом, фактор характеризует лишь общий уровень, общие условия развития применительно к тому или иному избранному нами социально-экономическому аспекту. В факторе на первом месте наиболее общие признаки степени запустения: 1) суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла в расчете на крестьянский двор (0,35), 2) общая площадь хозяйственных угодий в расчете на крестьянский двор (0,35). Далее следуют показатели активного развития, наиболее важные для крестьянского хозяйства: 1) площадь крестьянской пашни в расчете на крестьянский двор (0,32), 2) число бобыльских дворов в расчете на двор крестьянский (0,29), 3) площадь барской пашни в расчете на крестьянский двор (0,28), 4) населенность владений, соотнесенная с числом крестьянских дворов (0,26). Таким образом, реальные условия развития крестьянского хозяйства определены (помимо факторов разорения) обеспеченностью пашней, уровнем развития господского хозяйства, числом крестьянских и бобыльских дворов, а также населенностью последних.

Второй фактор (21% дисперсии) характеризует условия, благоприятствующие восстановлению и развитию крестьянского хозяйства. В него не вошел ни один признак, связанный с господским сектором феодального хозяйства. И это особенно примечательно.

Ведущий признак – число бобыльских дворов, т.е. величина полуразоренного населения в расчете на крестьянский двор (факторная нагрузка 0,37). Признак положительно связан с фактором, из чего следует, что преобладание бобыльского населения – залог восстановления крестьянского хозяйства. Поэтому бобыльство расценивается здесь скорее как льготное население. Остальные признаки, соотнесенные с числом крестьянских дворов и прямо связанные с фактором, по своей значимости идут в следующей последовательности: 1) населенность крестьянских и бобыльских дворов во владениях (0,34), 2) тяглоспособность (0,30), 3) площадь крестьянской пашни (0,29). Все названные показатели действительно наиболее важные (из имеющихся в писцовых книгах) для развития крестьянского хозяйства. В качестве условий развития в фактор вошли и признаки, связанные с преодолением экономического запустения. Все они связаны с фактором обратно пропорционально. Это прежде всего число пустых дворов и дворовых мест в расчете на крестьянский двор (–0,35). Иначе говоря, речь идет о степени ликвидации «людской пустоты». Далее, отрицательно связана с фактором площадь поросшей лесом пашни и перелога в пустошах (–0,31). Этот показатель отражает процесс освоения заброшенных пашен в пустошах как наиболее реального резерва крестьянской пашни. Наконец, с фактором отрицательно связан признак, обозначенный нами как общая площадь хозяйственных угодий в расчете на крестьянский двор (–0,29). Видимо, здесь речь идет об оптимальной величине феодального владения в этих конкретных условиях. Причем чем меньше владение, тем лучшие возможности для восстановления крестьянского хозяйства.

Третий фактор (12% дисперсии) представляет, пожалуй, наибольшие трудности для интерпретации. Здесь два ведущих признака: 1) площадь перелога при селениях, соотнесенная с числом крестьянских дворов (–0,58), 2) поросшая лесом пашня, соотнесенная с числом крестьянских дворов (–0,56). Оба признака связаны с фактором отрицательно, т.е. чем меньше угодий такого вида, тем ярче проявляется его сущность. Вместе с тем положительно (прямо пропорционально) связан с фактором третий признак – общая площадь перелога и поросшей лесом пашни в пустошах (также в расчете на крестьянский двор; факторная нагрузка его составляет 0,41). Четвертый признак, положительно свя-

занный с фактором (0,22), – площадь леса пашенного и непашенного в расчете на крестьянский двор. Итак, чем больше площадь заброшенных угодий в пустошах, а также леса, тем значительнее проявление фактора. Отсюда можно вывести внутренний смысл фактора как «степень и очередность вовлечения в хозяйственный оборот резервов потенциальной пашни». Эта очередность выявляется в фактическом обратном соотношении, опосредованном фактором, между угодьями потенциальной пашни при селениях и аналогичными угодьями в пустошах. Чем больше распаханы перелог и поросшая лесом пашня при селениях, тем практически больше сохраняются резервы потенциальной пашни в пустошах (отчасти в виде леса).

Объективное выделение в качестве особого фактора механизма периодического восстановления плодородия пашни трехпольного севооборота за счет угодий заброшенных пашен при селениях и пустошах особо примечательно и важно. Дело в том, что в предыдущем исследовании проблем аграрного развития первой половины XVII в. на материалах ближайшего к Воротынскому – Лихвинского у. путем применения метода парной корреляции мы выявили аналогичный механизм взаимосвязи перелогов и запустевших угодий при селениях и в пустошах⁷. Таким образом, мы можем теперь более уверенно говорить о существовании масштабного и протяженного по времени, не осознаваемого современниками глубинного процесса хозяйственного круговорота угодий, периодически обновлявших массивы действующих пашенных земель. Третий фактор, рассматриваемый нами здесь, фиксирует таким образом реальную первоочередность распахивки перелогов и других аналогичных угодий при селениях, подчеркивая вместе с тем важность для крестьянского хозяйства нереализованных резервов пашни в пустошах.

Перейдем теперь к изучению поведения объектов – вотчин и поместий светского феодального землевладения Воротынского у. – в том или ином факторе. Помимо различия типов феодального землевладения по их юридическому статусу, нами учтен и размер владений. Все вотчины разбиты на три группы – крупные, средние и мелкие. Их реальные интервалы по площади «всей земли» следующие: 1) мелкие – 40,6–136,9 дес. (9 объектов), в среднем 93,7 дес.; 2) средние – 161,7–203 дес. (14 объектов), в среднем 172,15 дес.; 3) крупные – 221,7–334 дес. (7 объектов), в среднем 249,7 дес. Итого – 30 объектов. Поместья: 1) мелкие – 72,15–161,8 дес. (10 объектов), в среднем 116,3 дес., 2) средние – 163,35–196,5 дес. (6 объектов), в среднем 184,35 дес., 3) крупные – 220,2–580,6 дес. (21 объект), в среднем 361,5 дес. Итого – 37 объектов.

Степень проявления у того или иного объекта качеств, связанных с каждым фактором, иллюстрирована нами следующим образом (см. перечень 6).

Перечень 6

Распределение объектов типа «вотчина» и «поместье» по их факторным весам

а) класс абсолютных признаков

1 фактор. Общий уровень развития феодального хозяйства (35% дисперсии)

$B_{II} M_{MM} MMM_{MCK} M_{CK} C_{MKKKK} M_{CMC} C_{CC} CK_{CKM} K_{CC} MCC_{KKK} M_{CKKKMC} K_{KKKK} K_{CC}$

II фактор. Степень ликвидации запустевших пашенных угодий (22% дисперсии)

В_П КККККККККККККК КК_КСКС_С ССС_КССС_КМК СМС_{КМ}СКС_КСКММ_ММС_КК_{СМ}М_ММС_ММММ_ММСС

III фактор. Вычленение позднейших проявлений запустения от наиболее ранних 10%

В П К К К К С К К К М К К К С С М К С К М М К С С К М М К М М К С М К С М К К К С С С К М К М М М С С С М К К К К

б) класс относительных признаков
(соотнесение с крестьянской пашней)

1 фактор. Уровень запустения с точки зрения крестьянского хозяйства (42%)

В п $MMKM_C CC_MM_K C_K KMK_C K CKC_{MK} KK_K CK_K M_C C_C CC_K KM_{MK} C_K KCM C_K KCKM C M_K KKKK$

II фактор. Первичное восстановление помещичьего хозяйства за счет разорения населения (15%)

В П C₁ K K K M C₁ C₁ K M K K K K C C M K M C M C K K C C C K C M K K M K K M C K C C K C M M C M M K M M C M K M M

III фактор. Развитие господского хозяйства в условиях дефицита людских ресурсов феодальных владений (11%)

$$B_{\Pi} \quad \text{MK} \quad \text{CC}_K \quad \text{K}_{KC} \quad \text{C}_{KM} \quad \text{CK} \quad \text{CC}_{KM} \quad \text{CC}_M \quad \text{CM}_{KK} \quad \text{CK} \quad \text{KCM}_{KK} \quad \text{CKCKKKM} \quad \text{C}_{MM} \quad \text{M}_K \quad \text{KC}_M \quad \text{CKCMK}_K \quad \text{KCM}_{KK} \quad \text{M}_K \quad \text{M}_K \quad \text{K}_{CK} \quad \text{M}_M$$

в) класс относительных признаков
(соотнесение с господской пашней)

1 фактор. Реальные условия восстановления господского хозяйства (45%)

$B_{II} MM_M MKK_{KKM} C_{MMMM} KCKC_M CC_C MC_{KKMKKC} M_{KKK} CC_M MCC_K C_K KK_C C_{CKKC} MMK_{KM} C_C KKKKK$

II фактор. Восстановление крестьянских хозяйств как основа развития господского хозяйства (17% дисперсии)

$$B_{\Pi} \quad KKKKKK \quad C_{CKKM} \quad M_C \quad KMMMM \quad M_{KCKCM} \quad KCM_M \quad KCC_K \quad KCCM_M \quad C_{KMC} \quad KKCM_{KM} \quad MCC_{KKK} \quad CK_{CC_K} \quad M_K \quad KM$$

III фактор. Степень вовлечения резервов пашни крестьянским хозяйством как фактор его эксплуатации феодалом (9%)

$B_{\Pi} K^{\overline{MC}} K^{\overline{KM}} M^{\overline{KK}} K^{\overline{CCC}} K^{\overline{MKC}} C^{\overline{KKM}} C^{\overline{CM}} M^{\overline{CC}} K^{\overline{CMK}} K^{\overline{CC}} K^{\overline{CKMKMKMKM}} C^{\overline{CC}} M^{\overline{MCC}} C^{\overline{CM}} K^{\overline{KK}}$

г) класс относительных признаков
(соотнесенных с численностью бобыльских дворов)

1 фактор. Бобыльство как фактор разорения и развития (38%)

$$B_{\Pi} \quad M_{MK} \quad CC_{KM} \quad MCK_{MM} \quad CC_{MK} \quad M_{KC} \quad CC_{CK} \quad K_{KK} \quad MK_{CK} \quad MCK_{KK} \quad KC_K \quad M_{KK} \quad C_{KK} \quad CK_{KM} \quad CMKC_K \quad C_K \quad C_K \quad K_K$$

B_{II} KKKKKKKCKM₁KMKMK₂CK₃M₄KK₅CK₆CKMCK₇KK₈CKKMK₉CKM₁₀MCCCCCKCKMKM

$$B_{\Pi} K K_C M M_{MKM} K M_K M_{MK} M K C C K C_C C_K C K C M C M K K M K K_C K K_C M K K C_{KKK} K_K M K_C K M C C_{KK} C_K$$

ктор. Основные моменты хозяйственного кризиса и экономического развития, реально определяющие положение крестьянских хозяйств (34%)

B_{II} M M M M_C K C K_C M C_K C C_K M_M C_K K C K_K M K K C K_K C_C C_K M M K C_K K C K_K C_K

B_Π KK C_{KK} C_K M CC_{MCKKCK} MKCCCCM_{KK} C_{KK} KM_{CKK} KMKKMC_C MC_{CKC} MC_{MKM} KC

$$B_{\Pi} K K C_K M_K M_K C C C K K C_K C_K C K C M K K M K M_K K M_K M C C_K C C C M C K C M K C_K M K K K$$

Все вышеперечисленные нами факторы, рассчитанные на абсолютных и относительных показателях разных классов, можно разделить на два основных типа. Первый тип факторов имеет своего рода нейтральный характер, поскольку в них просто фиксируется общий уровень социально-экономического положения с равным учетом как показателей развития, так и показателей разорения или застоя. Как правило, для каждого класса показателей это первые факторы. «Нейтральность» факторов такого типа как к явлениям развития, так и к явлениям запустения сказывается на характере проявления факторов на отдельных объектах. Это видно на распределениях объектов по таким факторам, как: 1) «Общий уровень развития феодального хозяйства», 2) «Реальные условия восстановления господского хозяйства», 3) «Бобыльство как фактор разорения и развития» и 4) «Основные моменты хозяйственного кризиса и экономического развития, реально определяющие положение крестьянских хозяйств».

318

типов имений, так и в отношении их размеров можно назвать нормальным. Влево от центра строк преобладают мелкие, а вправо – крупные объекты. Лишь только вотчины в целом заметно смещены вправо. В целом (видимо, преимущественно в крупных имениях) показатели и разорения, и развития предстают резко, и они смещены вправо.

Возьмем распределение объектов по отношению к первому фактору, рассчитанному на классе показателей, соотнесенных с величиной господской пашни (см. перечень 6, раздел «в»). Здесь нет каких-либо четких отклонений от «нормы». Аналогична ситуация с первым фактором, рассчитанным на классе показателей, соотнесенных с численностью бобыльских дворов (см. перечень 6, раздел «г»). Смещение вправо, т.е. более сильное проявление фактора, заметнее у вотчин. Но эта тенденция не столь сильна. Наконец, та же ситуация и с первым фактором, рассчитанным на классе показателей, соотнесенных с численностью крестьянских дворов (см. перечень 6, раздел «д»). Здесь уже заметна явная тенденция сдвига вправо поместий. Вспомним, что у этого фактора ведущие признаки демонстрируют запустение. В крупных поместьях наблюдается более сильная степень проявления этого фактора. Исключением является первый фактор, рассчитанный на основе показателей, соотнесенных с величиной крестьянской пашни (см. перечень 6, раздел «б»). Сущность фактора уже не имеет «нейтрального» характера. Это – «Уровень запустения с точки зрения крестьянского хозяйства». Поэтому распределение поместий и вотчин имеет резко различный характер. Четко обнаруживается, что уровень запустения, оцененный сквозь призму крестьянского хозяйства, заметно выше в поместьях, причем преимущественно в крупных. Наоборот, в вотчинах проявление этого фактора весьма слабее. При этом в мелких вотчинах оно наиболее слабое.

Перейдем к анализу распределений объектов в пространстве второго фактора. Подчеркнем, что вторые факторы, рассчитанные по всем классам показателей, отражают обобщаемые ими тенденции в наиболее чистом виде. Поэтому распределение объектов по отношению к этим факторам является наиболее важным по своему значению. В классе абсолютных признаков второй фактор (см. перечень 6, раздел «а») отражает степень ликвидации запустения пашенных угодий. Распределение вотчин и поместий по степени проявления этого фактора резко различно. В вотчинах, особенно в мелких, его влияние явно сильнее, чем в поместьях. Крупные же поместья, наоборот, преимущественно концентрируются в левой части строки, иллюстрируя слабую степень проявления фактора, что характерно и для всех других

поместий уезда. Таким образом, темпы ликвидации запустевших пашен гораздо выше в вотчинах уезда, и прежде всего в мелких.

Второй фактор, рассчитанный в классе относительных показателей, соотнесенных с крестьянской пашней (см. перечень 6, раздел «б»), отражает первичное восстановление помещичьего хозяйства за счет разорения населения. Иначе говоря, это развитие феодального хозяйства за счет разорения непосредственных производителей в условиях сильнейшего обострения классового антагонизма. Впереди по этому фактору видим поместья, и притом мелкие. В крупных поместьях этот процесс заметно слабее (они концентрируются слева). Опережение в целом вотчин поместьями не столь очевидно – первые сосредоточены в центре, т.е. в этом типе феодальных имений названный процесс идет умеренно.

К классу вторых факторов принадлежит и фактор, рассчитанный на показателях, соотнесенных с величиной господской пашни (см. перечень 6, раздел «в»). Он называется «Восстановление крестьянских хозяйств как основа развития господского хозяйства». Напомним о принципиальном значении этого фактора для оценки жизнеспособности тех или иных типов феодальных владений.

Как видно из данных перечня 6, степень проявления этого фактора у вотчин и поместий также явно различна. Вотчины смещены резко вправо, что означает сильную степень проявления в них этого фактора (при этом справа сосредоточены в основном средние и мелкие имения). Наоборот, поместья смещены резко влево, т.е. степень проявления этого фактора в них гораздо ниже. Особенно важно, что слева находится основная часть крупных поместий. Процесс восстановления крестьянских хозяйств как основы развития господского сектора в них протекал наиболее вяло.

Следующий фактор этого класса – роль бобыльства в восстановлении крестьянского хозяйства и тяглоспособности населения. Он рассчитан на показателях, соотнесенных с числом бобыльских дворов (см. перечень 6, раздел «г»). Здесь, и это очередное подтверждение выявленной закономерности, снова наблюдается очень существенное смещение поместий влево с сосредоточением на левом конце строки преимущественно крупных по размеру объектов. Стало быть, роль бобыльства в восстановлении хозяйства и тяглоспособности в поместьях уезда ниже, чем в вотчинах, совокупность которых имеет четкую тенденцию сильного смещения вправо. В вотчинах этот процесс развивался интенсивнее (причем сильнее в средних по размеру объектах). Наконец, последний из факторов этого класса – условия,

благоприятствующие восстановлению и развитию крестьянского хозяйства (см. перечень 6, раздел «д»). Фактор рассчитан на показателях, соотнесенных с численностью крестьянских дворов. Материалы перечня и здесь демонстрируют обнаруженную нами закономерность. Фактор сильнее проявляется в вотчинах (преимущественно в средних и мелких) и слабее всего в поместьях (преимущественно в крупных).

Перейдем к анализу третьих факторов, рассчитанных на разных классах абсолютных и относительных показателей. Как уже говорилось, третьи факторы наиболее сложны для интерпретации и характер распределения объектов того или иного типа может иметь эвристическое значение.

В классе абсолютных показателей третий фактор (см. перечень 6, раздел «а») назван нами «Вычленение позднейших проявлений запустения из наиболее ранних его проявлений». Распределение вотчин и поместий существенно разное. В вотчинах данный фактор проявляется сильнее (объекты этого типа смещены резко вправо). Следовательно, вотчины уезда сравнительно недавно втянуты в кризис. Наоборот, смещение поместий в строке влево и сосредоточение на левом конце только крупных из них являются свидетельством того, что кризисные явления здесь (особенно в крупных) имеют очень давнее происхождение. Наблюдение, заслуживающее пристального внимания, так как вполне возможно, что в этом отражены кризисные процессы второй половины XVI в.

В классе показателей, соотнесенных с величиной крестьянской пашни, третий фактор назван нами «Развитие господского хозяйства в условиях дефицита людских ресурсов феодальных владений» (см. перечень 6, раздел «б»). Специфика распределения объектов по степени проявления этого фактора свидетельствует о том, что в целом в вотчинах он проявляется сильнее, т.е. развитие господского хозяйства в них идет успешнее, несмотря на острую нехватку людских ресурсов. В поместьях уезда тенденции развития выражены значительно слабее – они в целом смещены влево. Распределение вотчин по отношению к данному фактору таково, что справа стоят крупные и мелкие. Что же касается разных по величине поместий, то скольконибудь отчетливо выраженную тенденцию здесь трудно обнаружить.

В классе показателей, соотнесенных с величиной господской пашни, третий фактор – степень вовлечения резервов пашни крестьянским хозяйством как фактор его эксплуатации феодалом (см. перечень 6, раздел «в»). Здесь мы также встречаемся с существенными различиями в распределении объектов: в целом в вот-

чинах уезда этот фактор проявляется явно слабее, чем в поместьях. Последние же заметно смещены вправо. Но при этом нет существенной разницы между крупными и мелкими имениями. Нарушения содержательной логики в подобном распределении объектов нет, поскольку здесь степень освоения запущенных пашен дана лишь сквозь призму эксплуатации. Поместья лучше связаны с фактором, ибо в них сильнее развита эксплуатация непосредственных производителей (это неоднократно подтверждалось выше), а в вотчинах она выражена гораздо слабее.

Аналогичная ситуация с третьим фактором, рассчитанным в классе показателей, соотнесенных с численностью бобыльских дворов (см. перечень 6, раздел «г»). Сущность фактора передана в его названии: «Моменты, характеризующие бобыльство как ослабленный элемент господского феодального хозяйства». Смещение вотчинных объектов резко вправо вполне понятно, ибо бобыльство в них находилось в более благоприятных условиях, хотя и эксплуатировалось господским сектором феодального хозяйства. Положение бобыльства в поместьях необходимо скорее квалифицировать как полуразоренное население, составляющее действительно «ослабленный элемент господского хозяйства», сравнительно вяло участвующий в процессах восстановления. Именно это демонстрирует распределение поместных объектов по отношению к названному фактору. Проявление этого фактора у поместий ощутимо более ярко, чем у вотчин.

Наконец, в классе показателей, соотнесенных с численностью крестьянских дворов, третий фактор назван нами «Степень и очередность вовлечения в хозяйственный оборот резервов потенциальной пашни». Фактор, как уже говорилось, интерпретируется в самом общем плане применительно к господствующей системе земледелия, поэтому по поводу распределения объектов того или иного типа на оси фактора что-либо категоричное сказать трудно.

Единственное, что следует с очевидностью: в вотчинах больше резервов для пашни в виде перелогов и поросшей лесом пашни при селениях, чем в поместьях. С другой стороны, вероятно, в вотчинах меньше таких резервов в пустошах. Отсюда в поместьях данный фактор выражен сильнее, чем в вотчинах.

Та удивительная последовательность, с которой вотчины различаются по общим социальным и экономическим характеристикам от поместий, неизбежно приводит к следующему выводу. Отличные по своему юридическому статусу вотчины и поместья являются разными типами феодального землевладения и по своим социально-экономическим характеристикам. Особенно важно подчеркнуть, что вотчинный тип феодальной собственности по всем 15 факторам, рассчитанным на разных классах показателей,

предстает с существенно более оптимальными параметрами, чем тип поместного феодального землевладения. В вотчине кризис, видимо, не столь затяжной, поэтому для этого типа характерны в основном позднейшие проявления кризиса. В вотчине с точки зрения крестьянского хозяйства запустение было менее существенным, чем в поместье. В вотчине быстрее ликвидируются запустевшие угодья, быстрее восстанавливается пашня. В вотчине восстановление господского хозяйства было сравнительно с поместьями менее разорительно для непосредственных производителей и сопровождалось меньшим по своему накалу обострением социального антагонизма феодалов и крестьян в самых различных его аспектах. В вотчине быстрее шел процесс возрождения крестьянского хозяйства как основы хозяйства самого феодала. В вотчине бобыльство являлось менее ослабленным, чем в поместье, а его роль в восстановлении хозяйства и тяглоспособности проявлялась здесь сильнее. Наконец, в вотчине сумма условий, благоприятствующих развитию крестьянского хозяйства, была больше, чем в поместье. Отсюда с неизбежностью следует вывод о том, что вотчина в экстремальных условиях тяжелейших последствий хозяйственного кризиса начала XVII в. является более оптимальным социально-экономическим типом феодального землевладения, чем поместье.

Если до сих пор основой для расчета факторов, характеризующих те или иные наиболее существенные особенности аграрного развития, была вся совокупность объектов уезда, без предварительного разделения их на поместья и вотчины, то теперь целесообразно рассчитать факторы отдельно по совокупности объектов вотчинного и поместного типа. Если вотчина и поместье действительно разные социально-экономические типы феодального землевладения и хозяйства, то факторы, характеризующие их, неизбежно должны отличаться друг от друга, хотя сами факторы рассчитываются на абсолютно идентичных совокупностях признаков.

Перечень 7

Класс абсолютных показателей по вотчинам и поместьям

а) Вотчинный тип хозяйства

1 фактор. Общий уровень феодального хозяйства,

36% дисперсии

1. Населенность владения	0,39
2. Площадь крестьянской пашни	0,39
3. Тяглоспособность	0,37
4. Число бобыльских дворов	0,36
5. Число крестьянских дворов	0,35
6. Площадь господской пашни	0,34
7. Площадь сенокосных угодий	0,26

II фактор. Степень ликвидации запустения,
23% дисперсии

1. Площадь перелога, при селениях	–0,47
2. Площадь пашни, поросшей лесом при селениях	–0,47
3. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	–0,46
4. Общая площадь хозяйственных угодий	–0,42
5. Число покинутых и разрушенных дворов	–0,32

III фактор. Сокращение лесных массивов как
первичное проявление процесса восстановления
господского хозяйства, 10% дисперсии

1. Площадь пашенного и непашенного леса	–0,55
2. Частота встречаемости господских усадеб	–0,41
3. Число людских дворов	0,41
4. Число покинутых и разрушенных дворов	–0,39
5. Площадь господской пашни	0,24
6. Число крестьянских дворов	–0,19

б) Поместный тип хозяйства

I фактор. Общий уровень феодального хозяйства
(основные рычаги развития), 41% дисперсии

1. Площадь крестьянской пашни	0,35
2. Тяглоспособность	0,34
3. Число крестьянских дворов	0,32
4. Населенность владения	0,30
5. Площадь перелога при селениях	0,30

II фактор. Общие последствия запустения,
18% дисперсии

1. Площадь перелога и пашни, поросшей лесом, в пустошах	0,47
2. Общая площадь хозяйственных угодий	0,42
3. Суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла	0,41
4. Число бобыльских дворов	–0,29
5. Населенность крестьянских и бобыльских дворов	–0,27
6. Площадь господской пашни	–0,26

III фактор. Запустение помещичьего хозяйства
и рост переложных и аналогичных угодий
при селениях, 9% дисперсии

1. Частота встречаемости господских усадеб	–0,44
2. Площадь перелога и пашни, поросшей лесом в пустошах	–0,40
3. Площадь поросшей лесом пашни, при селениях	0,39
4. Площадь господской пашни	–0,39
5. Площадь перелога при селениях	0,36

В перечне 7 приведены итоги обработки на ЭВМ класса абсолютных показателей по вотчинам и поместьям. Из этих данных со всей очевидностью следует, что факторы, характеризующие поместный тип феодального хозяйства, и факторы, относящиеся к вотчинному типу, различны между собой. Впрочем, оба первых фактора названы нами одинаково – «Общий уровень феодального хозяйства (основные рычаги развития)», однако наполнение их существенно различается. В первый фактор, характеризующий основные рычаги в развитии поместного хозяйства (41% дисперсии), входят в качестве ведущих 2 признака: 1) величина крестьянской пашни (факторная нагрузка 0,35), 2) тяглоспособность населения (0,34). Чуть уступает по факторной нагрузке третий признак – число крестьянских дворов (0,32). Далее следуют такие показатели, как населенность крестьянских и бобыльских дворов (0,30) и перелог при селениях, т.е. резервы пашенных угодий (0,30).

Посмотрим теперь, каково наполнение первого фактора, характеризующего вотчинный тип хозяйства (36% дисперсии). Ведущих показателей здесь также два: 1) населенность крестьянских и бобыльских дворов (0,39), 2) площадь крестьянской пашни (0,39). К ним примыкает третий показатель – тяглоспособность населения (0,37). Далее идут показатели, отражающие роль: а) полуразоренных или льготных бобыльских дворохозяйств (0,36) и б) крестьянских дворохозяйств (0,35). Наконец, существенную факторную нагрузку имеет величина господской запашки (0,34). Наименее значима площадь сенокосных угодий (0,26). Следовательно, совокупность важнейших элементов, отражающих общий уровень развития, по вотчинам более многочисленна. Сюда, в частности, входит величина барской пашни как важный фактор развития, а в поместьях этот показатель не имеет существенного значения. В вотчинах заметное место занимают бобыльские дворохозяйства, чего нет в поместьях. Наконец, наиболее существенный момент: в вотчинном типе хозяйства ведущую роль в развитии играет наиболее динамичный элемент производительных сил – населенность феодальных владений. Вполне возможно, что вотчинный тип хозяйства быстрее ликвидировал острейший дефицит рабочих рук. Итак, первые факторы для поместного и вотчинного типа хозяйства, по существу, различные.

Особенно интересно сопоставление вторых факторов. Для поместного типа хозяйства второй фактор назван нами «Общие последствия запустения» (18% дисперсии), поскольку его ведущие признаки связаны с ним прямо пропорционально (т.е. положительно) и свидетельствуют лишь о запустении хозяйственных угодий: 1) площадь перелога и пашни, поросшей лесом, в пусто-

шах (0,47), 2) общая площадь хозяйственных угодий владения (0,42), 3) суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла (0,41). Вместе с тем показатели развития вошли в фактор со знаком «минус», т.е. они находятся в обратной, отрицательной связи с фактором. Это число бобыльских дворов (-0,29), населенность крестьянских и бобыльских дворов (-0,27), площадь господской пашни (-0,26). Такого рода взаимосвязи с фактором (чем меньше бобыльских дворохозяйств, чем меньше населенность имения, тем сильнее проявляются общие последствия запустения) четко раскрывают внутреннюю сущность фактора, отражающего лишь степень запустения.

Совершенно иной смысл у второго фактора, характеризующего вотчинный тип хозяйства (23% дисперсии). Ведущими показателями здесь являются четыре признака. Первый – площадь перелога при селениях (факторная нагрузка -0,47; связь с фактором обратная). Второй – площадь пашни, поросшей лесом, при селениях (-0,47). Третьим показателем, также отрицательно связанным с фактором, является суммарное выражение тяглоспособности и убыли из тягла (-0,46). Четвертым – общая площадь хозяйственных угодий, или величина владения (-0,42). Признак тоже находится в обратной связи с фактором (чем меньше владение, тем ярче проявление фактора). У пятого признака – число покинутых и разоренных дворов – факторная нагрузка меньше (-0,32). Таким образом, фактор собрал также, казалось бы, признаки запустения, но связь с фактором у всех обратная. Поэтому и смысл фактора совсем иной, чем в случае с поместьями: «Степень ликвидации запустения», фактор, отражающий динамику развития.

Третьи факторы для поместного и вотчинного типа хозяйств различны даже по составу признаков.

Третий фактор поместного типа хозяйства назван «Запустение помещичьего хозяйства и рост переложных и аналогичных угодий при селениях» (9% дисперсии). Здесь отрицательно связаны с фактором и частота встречаемости господских усадеб (-0,44), и площадь господской пашни (-0,39). В такой же по характеру связи с фактором находится площадь перелога и пашни, поросшей лесом, в пустошах (-0,40). В прямой связи с фактором площадь поросшей лесом пашни при селениях (0,39) и площадь перелога при селениях (0,36). Следовательно, фактор отражает запустение господского сектора хозяйства и соответственный рост залежей при селениях. Угодья при пустошах при этом сокращаются (выше была показана их преимущественная связь с крестьянским хозяйством).

Третий фактор, выявляющий специфику вотчинного типа хозяйства (10% дисперсии), имеет иные показатели. Ведущий

признак, отрицательно связанный с фактором, – площадь пашенного и непашенного леса (–0,55). Среди остальных признаков, также отрицательно связанных с фактором, – частота встречаемости господских усадеб (–0,44), число покинутых и разоренных дворов (–0,39), число крестьянских дворов (–0,19). С фактором положительно связаны: число людских дворов (0,41) и площадь господской пашни (0,24). Отсюда вполне логично конструируется основная характеристика фактора – сокращение лесных массивов как первичное проявление процесса восстановления господского хозяйства. Эта ранняя стадия восстановления отличается ростом людских дворов (холопов, деловых и т.д.) при отсутствии крестьянских дворохозяйств и даже господских усадеб.

Перечень 8

Распределение объектов по степени проявления в них факторов

а) Вотчинный тип хозяйства

- I фактор.* Общий уровень феодального хозяйства
ммсмсмсмсссксссссмсксмсмсмсксс
- II фактор.* Степень ликвидации запустения
кккксссксссссссмсмсмсмммсмсм
- III фактор.* Сокращение лесных массивов как первичное проявление процесса восстановления господского хозяйства
сссмсксмсксссксмсмсмсссмсмсмск

б) Поместный тип хозяйства

- I фактор.* Общий уровень феодального хозяйства
ммсмсмсмсккксксмсмсмсксккккккккк
- II фактор.* Общие последствия запустения
кмкмсмсссккмкмсмсссксккккккккккк
- III фактор.* Запустение помещичьего хозяйства и рост переложных и аналогичных угодий при селениях
ккккккскммккммскккккммкмсмкмсмскк

В перечне 8 показано распределение объектов (отдельно по поместьям и вотчинам) на оси того или иного фактора, что, как уже говорилось, обнаруживает силу проявления фактора в объектах разной величины (к – крупных, с – средних, м – мелких). Первые факторы, где сама их сущность – показатель общего уровня феодального хозяйства, – фиксируют простую статику положения (в крупных объектах фактор проявляется лучше, их факторные веса больше; в мелких объектах – хуже и т.д.). Во всех остальных факторах, отражающих явления либо прогресса, либо регресса, распределение и поместий, и вотчин выявляет единую закономерность: в крупных поместьях и вотчинах разви-

тие менее динамично и последствия запустения более существенны, чем в средних и мелких.

Таким образом, наиболее исчерпывающий метод изучения источников с применением факторного анализа (метод главных компонент) подтверждает, что вотчина и поместье являются разными (не только юридически, но и социально-экономически) типами феодального хозяйства, ибо характеризуются разными тенденциями и темпами развития, отраженными в разных для каждого типа хозяйства факторах⁸. Особенно важно подчеркнуть, что и вотчина, и поместье выступают здесь как типы натурального хозяйства. Это доказывается многократно продемонстрированными распределениями объектов по оси того или иного фактора. Как правило, оптимальные тенденции социально-экономического развития феодального хозяйства, выделяемые тем или иным фактором, сопряжены с более заметным их проявлением в мелких, а не в крупных хозяйствах. Характер изучаемой эпохи таков, что здесь нет преимуществ крупного феодального хозяйства, а, стало быть, в сфере феодального хозяйства еще не действуют законы товарного производства. Таким образом, сравнительно крупные размеры барской пашни и высокая норма барщины, приходящаяся на тягло, вопреки преобладающим в нашей историографии суждениям, не являются достаточным основанием для вывода о складывании так называемой барщинной системы хозяйства, т.е. системы, связанной с рынком, с товарным производством.

Из изложенного с очевидностью следует еще один вывод принципиального характера. Мы убеждаемся на фактах в том, что вотчинный тип хозяйства по всем параметрам развития имеет более оптимальные, чем поместный тип хозяйства, показатели; в экстремальных условиях экономического запустения именно этот тип хозяйства обеспечивает (по сравнению с поместьем) более благоприятные для непосредственного производителя условия производства. Отсюда следует, что оптимальность социально-экономического развития определяет лишь один решающий фактор – тип феодальной собственности на землю.

Таким образом, вотчинная форма собственности в конце первой трети XVII в. в условиях уже реально действующего режима крепостного права была еще способна создать условия развития, значительно более оптимальные, чем поместная форма феодальной собственности. Феодальная вотчинная собственность все еще выступает как более эффективный рычаг развития. Если это так, то следует пересмотреть распространенную в литературе оценку конца XVI в. как начала нисходящей стадии развития феодализма. Факт существования различных не только по юри-

дическому статусу, но и по своим социально-экономическим характеристикам типов феодального хозяйства (поместья и вотчины) – вполне достаточное основание для вывода о том, что феодальный способ производства не исчерпал себя; по крайней мере в первой половине XVII в. его развитие еще продолжалось.

¹ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М., Пушков В.П. О корреляционном анализе массивов писцовых книг XVII в. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). Кишинев, 1978; Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в.: (Опыт количественного анализа) // Россия на путях централизации. М., 1982.

² Компонентный анализ описан, например, в кн.: Андрукович П.Ф. Применение метода главных компонент в практических исследованиях. М., 1973; Жуковская В.М., Мучник И.Б. Факторный анализ в социально-экономических исследованиях. М., 1976; Болч Б., Хуань К.Дж. Многомерные статистические методы для экономики. М., 1979.

³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 84.

⁴ РО ГПБ. Основн. собр. IV. № 462.

⁵ Далее всюду под «крестьянской пашней» мы понимаем крестьянскую тяговую или регуляторную пашню.

⁶ Полученные факторы, выявляя весьма определенные особенности аграрного развития, тем не менее отражают преимущественно один-два класса явлений социально-экономического развития. Это обусловлено известным однообразием исходных показателей писцовых книг.

⁷ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Указ. соч.

⁸ Объективность выделения вотчинного и поместного типов феодального землевладения подтверждается и с помощью методов автоматической классификации объектов. Так, кластерный анализ группы вотчин и поместий выделил в изучаемом материале стабильные группы объектов, состоящие преимущественно из объектов одного типа (либо из вотчин, либо из поместий).

Опубл.: Математические методы и ЭВМ
в исторических исследованиях:
Сб. ст. М., 1985. С. 31–66.

СТРУКТУРА ЕДИНОГО АГРАРНОГО РЫНКА В РОССИИ КОНЦА XIX в. И ЯВЛЕНИЕ РЕЗОНАНСА КОЛЕБАНИЙ УРОЖАЙНОСТИ*

При исследовании процесса становления единого аграрного товарного рынка применение корреляционного анализа дает возможность построить ряд моделей механизма колебаний хлебных цен в тот или иной период истории страны или целого региона, включающего группу стран. Каждая такая модель, созданная на материалах хлебных цен того или иного периода, в частности истории России, позволяет понять степень проявления объективных законов развития товарного производства и обмена и в первую очередь закона стоимости.

Подобная возможность основана на том, что цены являются важным рычагом, посредством которого объективные экономические законы и, в частности, закон стоимости воздействуют на обмен товаров и их производство и в конечном счете регулируют их.

При исследовании процесса формирования единого рынка в центре внимания исследователя находится наиболее важный аспект поставленной проблемы: механизм создания единого рынка как сферы единого проявления закона стоимости. Единый механизм проявления закона стоимости обусловлен в свою очередь единством производственно-экономических и социальных факторов, воздействующих и влияющих в конечном счете на механизм колебания цен.

Исторически наиболее ранней стадией этого процесса является наличие в стране целой совокупности локальных более или менее миниатюрных рынков, каждый из которых представляет собой арену действия той или иной своеобразной совокупности факторов, воздействующих на механизм колебания цен в пределах данного локального рынка. С течением времени рост общественного разделения труда ведет к постепенному установлению единства факторов, влияющих на механизм колебания цен в рамках той или иной страны. Чем больше территория отличается единством факторов, оказывающих влияние на механизм колебания цен, тем больше становится сфера единого проявления закона стоимости. На место целой совокупности более или менее «автономных» механизмов колебаний цен заступает в конечном счете единый механизм движения этих цен. Критерием единства

* В соавторстве с И.Д. Ковальченко.

в динамике колебаний цен служит оценка степени синхронности к пропорциональности их колебаний в рамках той или иной локальной или региональной территории, измеряемая коэффициентом парной корреляции. Однако этот процесс формирования целостной сферы единого проявления закона стоимости идет постепенно, путем укрупнения локальных рынков, сокращения их числа, формирования немногочисленных, но весьма крупных региональных рынков и, наконец, их слияния в единый рынок. Реализация этого процесса завершается созданием единого для всей страны механизма колебаний, в данном случае хлебных цен, отличающегося высокой степенью синхронности и пропорциональности таких колебаний¹.

Исследование механизма колебаний цен на основные зерновые культуры (рожь и овес), а также на рабочий скот, землю и рабочую силу в сфере сельскохозяйственного производства России было предпринято авторами этой статьи.

Научные итоги данного исследования привели к выявлению факта завершения формирования единого рынка на основную продукцию земледелия к 80-м годам XIX в. Одновременно с этим было выявлено, что в Европейской России начала XX в. в целом завершалось формирование единого рынка на тягловый скот и было близко к завершению складывание единого рынка сельскохозяйственных наемных рабочих. Исследование показало, что капитализм в сельском хозяйстве Европейской России в начале XX в. достиг той стадии развития, когда совершался переход от регулирования цен на основную продукцию сельскохозяйственного производства их стоимостями к этапу регулирования их ценами производства, определявшимися издержками производства и средней прибылью. Вместе с тем формирование единого аграрного капиталистического рынка в России в начале XX в. не было завершено из-за резкого отставания процесса складывания единого рынка на землю. Земельный рынок в России этого периода был дворянским. Его формирование как единого рынка в силу этого шло резко замедленными темпами. Больше того, данное обстоятельство служило препятствием к завершению процесса возникновения в масштабе страны цены производства как основного рычага экономического регулирования сельскохозяйственного производства. Вместе с тем, как показало новейшее исследование И.Д. Ковальченко, резкое отставание в темпах развития единого земельного рынка не являлось непреодолимым препятствием для формирования в сельском хозяйстве России начала XX в. нормы прибыли².

Проделанная работа была основана, в частности, на применении первой корреляции местных среднегодовых хлебных цен, из

которых формировались динамические ряды цен протяженностью в десять лет.

Выбор десятилетнего цикла цен был обусловлен двумя обстоятельствами. Первое из них вкратце может быть сведено к тому, что в России к десятилетнему циклу были очень близки квазипериодические циклы колебаний урожайности. А необходимость корректного соотношения избранного цикла колебаний цен с режимом действий этого важнейшего фактора, влияющего на ценообразование, доказывать, пожалуй, излишне. Во-вторых, на ограничение протяженности временного ряда десятью годами повлияла угроза нежелательного эффекта так называемой автокорреляции, приводящей к искусственному завышению уровня получаемых коэффициентов корреляции.

Принципиально важным методическим моментом при построении корреляционной модели единого товарного рынка на основную продукцию земледелия явилась проверка показателей существенной тесноты взаимосвязей колебаний цен на рожь и овес как истинных показателей высокого уровня развития рыночных отношений, наличия единой сферы действия закона стоимости. В основу такой проверки лег теоретически вполне допустимый тезис о том, что высокая степень синхронности пропорциональности колебаний цен зависит не от единства проявления закона стоимости, а служит простым отражением синхронных колебаний урожайности в пределах какого-либо крупного региона (если речь идет об изучении регионального рынка) или даже в пределах всей страны (если речь идет об изучении всероссийского рынка).

В основе выдвинутой априорной гипотезы лежит допущение, что динамика урожаев губернии А тесно сопряжена с динамикой урожаев губерний В и С, а в каждой из этих губерний движение местных цен находится в очень тесной взаимосвязи с движением местных урожаев. Таким образом, динамика цен всех трех губерний должна быть взаимно сопряжена. Следовательно, колебания хлебных цен в этом регионе будут синхронны и пропорциональны, но не в силу единого проявления закона стоимости, а в силу простого отражения в движении цен единого механизма колебания урожайности.

При этом непременно проявятся следующие закономерности. Динамика цен каждой губернии должна быть тесно сопряжена с динамикой урожаев не только данной губернии, но и всех остальных. И наоборот, динамика колебаний урожайности каждой данной губернии должна быть тесно сопряжена с динамикой колебаний цен не только той же губернии, но и всех остальных губерний региона.

Если выдвинутая теоретическая гипотеза имеет место в реальной исторической действительности, указанные типы взаимосвязей должны непременно проявляться: 1) **одновременно** и 2) **без единого исключения**. Больше того, уровень тесноты всех взаимосвязей должен быть одинаковым по своей интенсивности³.

Фактический материал по колебаниям урожайности в Европейской России за начало XIX в., за 40–50-е и за 90-е годы XIX в. дал возможность проверить выдвинутую гипотезу. Изучение корреляции синхронных колебаний урожайности озимых показало, что в рамках того или иного десятилетия выявляются отдельные регионы, охватывающие по 10 и более губерний, где был высокий уровень синхронности в колебаниях урожайности. Однако наиболее существенным результатом этой работы выступает тот факт, что регионы синхронных колебаний урожайности во всех случаях были полностью поглощены более крупными регионами с высоким уровнем синхронности и пропорциональности колебаний цен. В свою очередь регионы с высоким уровнем корреляции хлебных цен охватывали не только регионы с высоким уровнем корреляции колебаний урожайности, но и обширные территории, где взаимосвязи в колебаниях урожайности не было совсем. Таким образом, в Европейской России XVIII–XIX вв. высокий уровень корреляции хлебных цен является истинным показателем развития рыночных отношений на той стадии, когда на основе крупных региональных товарных рынков завершается становление единого аграрного товарного рынка.

Обращение к изучению характера взаимосвязей колебаний урожайности и колебаний хлебных цен в конце XIX в. имеет и самостоятельный исследовательский интерес. Оно позволяет вскрыть специфику влияния колебаний урожайности на целостную структуру механизма колебаний цен в рамках единого все-российского рынка.

Исследование взаимосвязей колебаний цен и колебаний урожайности целесообразно провести, коррелируя не синхронные данные урожайности и цен одного и того же года, а материалы цен текущего года с материалами по урожайности предшествующего года. В основе такого выбора лежит простейшее соображение о наибольшем влиянии на среднегодовые цены в рамках календарного года (а это наиболее емкий показатель для нашей работы) лишь урожаев предшествующего года, поскольку среднегодовая цена впитывает в себя лишь очень небольшую часть ежемесячных, еженедельных и т.п. цен, формирующихся под влиянием прогнозов урожая текущего года и его фактического уровня.

Кроме того, представляется целесообразным оперировать не непосредственными показателями среднегодовых цен и урожай-

ности, а показателями, именуемыми в статистике «случайными отклонениями». Оперирование случайными отклонениями более эффективно по следующим соображениям. Любой временной или динамический ряд отличается важной особенностью, которая не свойственна обычным вариационным рядам тех или иных показателей, подвергшихся корреляционному анализу. В динамическом ряду, в данном случае ряду цен, каждый предыдущий член ряда определенным образом влияет на величину каждого последующего члена этого же ряда, либо увеличивая его, либо уменьшая. Такое влияние не только не даст возможности соблюдать элементарное требование математической статистики о независимости между собой всех компонентов коррелируемых вариационных рядов, но и способствует искусственному завышению получаемого в итоге коэффициента корреляции — r , создавая так называемую ложную корреляцию. Для того, чтобы избежать нежелательного результата, каждый динамический ряд натуральных показателей урожайности или цен был подвергнут процедуре аналитического выравнивания по прямой с последующим «вычитанием» выявленной таким образом линии тренда из кривой колебаний натуральных цен. Полученные в результате этой процедуры «случайные колебания» составляют разницу между величиной каждой годовой цены в ее натуральном виде и уровнем выровненного ряда. Следовательно, случайные колебания или отклонения от тренда представляют собой показатели, очищенные от влияния временного тренда, что в решающей мере освобождает получаемые в итоге коэффициенты корреляции от эффекта ложной корреляции.

В рамках предложенной методики были обработаны материалы по ценам и урожайности 16 губерний Европейской России за 1890–1900 гг.⁴

В табл. 1 систематизированы коэффициенты корреляции случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожайности предыдущего года за период 1890–1900 гг. Взаимосвязь случайных колебаний урожайности какой-либо одной губернии со случайными колебаниями цен во всех остальных губерниях отражена в горизонтальных рядах матрицы. Например, в первой горизонтали фиксируются коэффициенты корреляции, отражающие взаимосвязь случайных колебаний урожайности в Московской губ. со случайными колебаниями цен в этой губернии и во всех остальных: Владимирской, Нижегородской и т.д. Вертикали матрицы дают коэффициенты корреляции случайных колебаний цен в какой-либо одной губернии со случайными колебаниями урожайности во всех остальных губерниях. Первая вертикаль показывает взаимосвязь случайных колебаний

Таблица 1. Сопряженность случайных колебаний цен текущего года со случайными колебаниями урожая предыдущего года

№	Губернии	Коэффициент корреляции 0,...							
		1	2	3	4	5	6	7	8
1	Московская	22	26	23	34	21	39	16	20
2	Владимирская	34	32	24	36	33	41	34	34
3	Нижегородская	-57	-51	-57	-46	-50	-45	-52	-50
4	Костромская	10	01	-11	-01	05	17	11	13
5	Ярославская	67	65	62	61	61	70	66	69
6	Тверская	55	53	59	46	46	49	63	66
7	Калужская	-01	-06	-06	18	08	23	-16	-15
8	Тульская	-54	-45	-43	-32	-46	-41	-54	-52
9	Рязанская	-59	-50	-45	-39	-53	-51	-55	-54
10	Орловская	-52	-41	-43	-28	-41	-36	-59	-58
11	Тамбовская	-60	-49	-48	-41	-51	-49	-61	-61
12	Курская	-53	-46	-40	-38	-47	-53	-54	-57
13	Воронежская	-57	-46	-37	-39	-51	-53	-57	-58
14	Казанская	-79	-74	-76	-66	-73	-66	-73	-72
15	Пензенская	-79	-72	-68	-64	-75	-71	-74	-72
16	Симбирская	-68	-61	-63	-51	-62	-50	-64	-61

№	Губернии	Коэффициент корреляции 0,...							
		9	10	11	12	13	14	15	16
1	Московская	22	20	23	21	20	19	22	21
2	Владимирская	34	29	32	39	38	27	29	28
3	Нижегородская	-53	-45	-50	-51	-49	-55	-50	-56
4	Костромская	11	-02	-03	18	08	-07	-11	-06
5	Ярославская	68	62	60	65	58	58	56	59
6	Тверская	61	61	55	55	49	52	52	53
7	Калужская	-08	-11	-03	-04	-00	-03	-01	-02
8	Тульская	-51	-38	-38	-50	-41	-39	-32	-40
9	Рязанская	-55	-40	-42	-56	-48	-44	-36	-44
10	Орловская	-54	-45	-41	-53	-44	-40	-34	-40
11	Тамбовская	-60	-48	-49	-62	-55	-50	-43	-50
12	Курская	-55	-44	-41	-56	-46	-40	-34	-40
13	Воронежская	-57	-42	-43	-63	-54	-42	-35	-42
14	Казанская	-75	-66	-70	-74	-72	-73	-67	-73
15	Пензенская	-75	-63	-66	-75	-69	-68	-61	-69
16	Симбирская	-64	-53	-57	-63	-61	-61	-54	-61

цен в Московской губ. со случайными колебаниями урожайности в этой же губ., потом с урожайностью Владимирской, Нижегородской и т.д. Таким образом, здесь нет традиционного разделения наддиагональной и поддиагональной частей матрицы, хотя коэффициенты их различны. На пересечениях одноименных горизонталей и вертикалей помещены коэффициенты, отражающие взаимосвязь колебаний урожайности и цен внутри каждой губ.

Матрица отличается следующей, на наш взгляд, главной особенностью в расположении коэффициентов корреляции. Ряды коэффициентов каждой горизонтали очень близки друг к другу по своей величине. Коэффициенты вариации горизонтальных рядов показателей в большинстве своем очень низкие (за исключением лишь двух губерний, по всем остальным они находятся в интервале от 5,9% до 24%), хотя это чисто формальное наблюдение. Наоборот, вертикальные ряды коэффициентов отличаются резким разнообразием величин. Соответственно и коэффициенты вариации здесь, как правило, очень высокие (от 177% до 267,5%).

Это наблюдение отражает эффект резонанса колебаний урожайности в системе единого рынка. Опираясь на здравый смысл, можно было бы предположить, что колебания урожайности в какой-либо губ. влияют на динамику цен прежде всего внутри этой же губернии, затем ближайших к ней районов и т.д. Слабее всего это влияние должно было бы сказаться на наиболее отдаленных районах. Однако механизм колебаний цен в условиях сформировавшегося единого рынка дает совсем иную структуру проявления влияния на динамику цен со стороны колебаний урожайности. Вполне возможно, что проявление этого влияния колебаний урожайности первоначально сказывалось на ценах внутри данной губернии и ближайших к ней территорий. Однако при изучении корреляционных связей в масштабе годовых цен в рамках десятилетнего цикла мы видим, что колебания урожайности какой-либо губернии вызывают «мгновенный» резонанс сразу же во всей структуре единого рынка. Отсюда и удивительная монотонность в уровне коэффициентов корреляции. Особенно важно, что монотонность эта свойственна не только коэффициентам корреляции, отражающим влияние на динамику цен губерний взятого нами региона со стороны колебаний урожайности в наиболее плодородных, дающих максимальную массу товарного хлеба губерний. Эта монотонность свойственна и коэффициентам корреляции, отражающим связи колебаний урожайности в почти вовсе бесхлебных районах с колебаниями цен в других районах изучаемого региона. Естественно, что при этом величина самих коэффициентов в последнем случае будет очень мала. Так, случайные колебания уро-

жайности в Московской губ. связаны с динамикой цен в остальных губерниях на уровне коэффициентов корреляции: 0,26 (с Владимирской), 0,23 (с Нижегородской), 0,34 (с Костромской), 0,21 (с Ярославской), 0,39 (с Тверской), 0,16 (с Калужской), 0,20 (с Тульской), 0,22 (с Рязанской), 0,20 (с Орловской), 0,23 (с Тамбовской), 0,21 (с Курской), 0,20 (с Воронежской), 0,19 (с Казанской), 0,22 (с Пензенской) и 0,21 (с Симбирской).

Все эти коэффициенты практически означают отсутствие влияния колебаний московских урожаев на хлебные цены в других губерниях. Но в данном случае корреляционным анализом измерена степень отсутствия этого влияния. Эта степень практически одна и та же и в ближних, и в дальних районах (например, 0,21 – с Ярославской, 0,20 – с Воронежской, 0,21 – даже с Симбирской) независимо от того, хлебородны они или бесхлебны. Здесь, пожалуй, с наибольшей силой видна сущность явления резонанса, который существует только в качестве следствия функционирования единого механизма колебаний хлебных цен. Монотонно-равномерный отзвук во всем механизме одновременно с этой, довольно точно измеренной степенью влияния на движение цен со стороны урожайности Московской губ. реализуется только благодаря единой структуре товарного рынка. В этих условиях единый механизм цен как бы полностью ликвидирует разницу расстояний и разницу плодородия тех или иных районов.

Колебания урожайности во Владимирской губ. также практически не влияют на колебания цен как в этой губернии, так и в остальных. Правда, мера отсутствия этого влияния отмечена коэффициентами корреляции чуть большими, чем по Московской губ. (0,34 – с Московской, 0,21 – с Нижегородской, 0,36 – с Костромской, 0,33 – с Ярославской, 0,41 – с Тверской, 0,34 – с Калужской, Тульской и Рязанской, 0,29 – с Орловской, 0,32 – с Тамбовской, 0,39 – с Пензенской, 0,28 – с Симбирской губ.). И снова мы видим необычайную близость уровней всех 16 коэффициентов, снова эффект резонанса обусловлен функционированием единого механизма цен, снова определенная мера отсутствия влияния на цены 15 губерний владимирской урожайности единым эхом отдается в системе рынка⁵.

В хлебородных районах складывается та же ситуация, разумеется, с той разницей, что колебания урожайности той или иной губернии на этот раз находятся в очень тесной и реальной сопряженности с динамикой колебаний цен в других губерниях. Наиболее высокий уровень коэффициентов корреляции и вместе с тем их взаимная близость по величине наблюдаются по Казанской, Пензенской и Симбирской губ. (коэффициенты вариации 5,1% – 7,1%). Колебания урожайности, в частности Казанской губ., со-

пряжены с динамикой цен в других районах на уровне отрицательных коэффициентов: с Московской губ. $r = -0,79$, с Владимирской $r = -0,74$, с Нижегородской $r = -0,76$, с Костромской $r = -0,66$, с Ярославской $r = -0,73$, с Тверской $r = -0,66$, с Калужской $r = -0,73$, с Тульской $r = -0,73$, с Рязанской $r = -0,75$, с Орловской $r = -0,66$, с Тамбовской $r = -0,70$, с Курской $r = -0,74$, с Воронежской $r = -0,72$, с Пензенской $r = -0,67$, с Симбирской $r = -0,73$. Таким образом, высокий урожай губернии вызывает тенденцию к понижению цен в своем и других районах, и наоборот. Колебания урожайности соседней Пензенской губ. влияют на динамику колебаний хлебных цен в этой губернии на уровне $r = 0,61$, в остальных регионах на следующих уровнях: с Московской губ. $r = -0,79$, с Владимирской $r = -0,72$, с Нижегородской $r = -0,68$, с Костромской $r = -0,64$, с Ярославской $r = -0,75$, с Тверской $r = -0,71$, с Калужской $r = -0,74$, с Тульской $r = -0,72$, с Рязанской $r = -0,75$, с Орловской $r = -0,63$, с Тамбовской $r = -0,66$, с Курской $r = -0,75$, с Воронежской $r = -0,69$, с Казанской $r = -0,68$, с Симбирской $r = -0,69$. Несколько ниже уровень влияния урожайности в Симбирской губ. ($r = -0,60$). Однако близость уровней коэффициентов корреляции здесь, как в двух названных губерниях (Казанской и Пензенской), пожалуй, самая большая в изучаемом регионе. Таким образом, наибольшая монотонность уровней коэффициентов корреляции в сочетаниях с весьма высокой степенью влияния урожайности трех названных поволжских губерний на динамику цен в остальных губерниях позволяет расценить явление резонанса в данном случае как влияние урожайности названных губерний на конъюнктуру единого рынка в целом. Причем это влияние не может быть расценено как следствие воздействия наибольшей товарной массы хлеба, даваемой данными губерниями.

Особенность влияния поволжских губерний на рыночную конъюнктуру страны в целом как проявление специфичности эффекта резонанса помогает раскрыть данные табл. 1 по центрально-черноземным губерниям. Как следует из данных матриц, интенсивность связи случайных колебания урожайности со случайными колебаниями хлебных цен в остальных губерниях региона далеко не столь сильная, как в указанных выше поволжских губерниях (по Тульской $r = -0,43$, по Рязанской $r = -0,48$, по Орловской $r = -0,44$, по Тамбовской $r = -0,52$, по Курской $r = -0,46$, по Воронежской $r = -0,48$, по Нижегородской $r = -0,51$). Коэффициенты детерминации колеблются здесь от 18,5% до 27%. Иначе говоря, воздействие урожайности этих районов на динамику хлебных цен остальных губерний проявляется настолько, чтобы быть лишь заметным и ощутимым. Но ведь число

таких губерний в изучаемом регионе очень велико. Вместе с Нижегородской губ. они составляют почти половину территории региона. Таким образом совершенно очевидно, что три поволжские губернии имеют наибольшее влияние на конъюнктуру товарного рынка в целом отнюдь не в силу наибольшей товарной массы хлеба.

Таким образом, коэффициенты корреляции по центрально-черноземным губерниям вместе с Нижегородской губ. снова, с четкой закономерностью проявляют явление резонанса колебаний урожайности в структуре единого рынка при очень незначительном, но вместе с тем вполне реальном воздействии на рыночную конъюнктуру. Все коэффициенты корреляции здесь отрицательны и свидетельствуют о том, что понижение или повышение урожаев в каждой из них ведет соответственно к повышению или понижению цен в остальных районах.

Между тем корреляция случайных колебаний урожайности предыдущего года со случайными колебаниями цен текущего года по двум нечерноземным губерниям региона (Тверской и Ярославской) дала довольно высокие, но неинтерпретируемые положительные коэффициенты. Колебание урожайности Ярославской губ. коррелирует с колебаниями хлебных цен по Московской губ. на уровне $r = 0,67$, по Владимирской $r = 0,65$, по Нижегородской $r = 0,62$, по Костромской $r = 0,61$, по Тверской $r = 0,70$, по Калужской $r = 0,66$, по Тульской $r = 0,69$, по Рязанской $r = 0,68$, по Орловской $r = 0,62$, по Тамбовской $r = 0,60$, по Курской $r = 0,65$, по Воронежской $r = 0,58$, по Казанской $r = 0,58$, по Пензенской $r = 0,56$, по Симбирской $r = 0,59$. Все приведенные здесь коэффициенты положительны. Это формально означает, что повышение урожайности в Ярославской губ. довольно заметно влияет на повышение цен в остальных губерниях региона. И наоборот, снижение урожаев в Ярославской губ. ведет к снижению цен в остальных районах. Причем здесь почти идеально «работает» резонанс, так как все коэффициенты очень близки между собой по величине ($V = 6,6\%$). Конечно, подобные рассуждения абсурдны, и необходимо найти причины столь эффективной, но, видимо, ложной корреляции.

Думается, что причина ее для Ярославской губ., как, впрочем, Тверской и отчасти Костромской, кроется в характере соотношения синхронных колебаний урожайности названных губерний и всех остальных губерний региона (табл. 2).

Данные о корреляции синхронных случайных колебаний урожайности показывают, что в 90-е годы XIX к. природно-климатическая ситуация была следующая: снижение урожаев в каком-либо году десятилетнего цикла по Ярославской и Тверской

**Таблица 2. Теснота сопряженности случайных колебаний урожайности
(1890–1899)**

Губернии	Мо- сков- ская	Вла- димир- ская	Ниже- город- ская	Ко- стром- ская	Яро- слав- ская	Твер- ская	Ка- луж- ская	Туль- ская
	Коэффициент корреляции 0, ...							
Ярославская	54	22	–62	48	+	89	–03	–64
Тверская	33	–01	–57	28	89	+	–40	–63

Губернии	Ря- зан- ская	Ор- лов- ская	Там- бов- ская	Кур- ская	Воро- неж- ская	Ка- зан- ская	Пен- зен- ская	Сим- бир- ская
	Коэффициент корреляции 0, ...							
Ярославская	–73	–66	–76	–88	–69	–55	–74	–34
Тверская	–62	–75	–69	–80	–53	–54	–62	–37

губ. соответствовало повышению урожаев в том же году в большинстве губерний региона, и наоборот. Таким образом, создавалась основа для вышеуказанной ложной корреляции. Урожайные годы во всех поволжских и центрально-черноземных губерниях в разной степени влияли на снижение хлебных цен в текущем и следующем году. В то же время в Ярославской и Тверской губерниях это были годы снижения урожайности. Отсюда синхронное прямо пропорциональное совпадение спадов урожайности в этих губерниях со спадом цен вследствие повышения урожайности в поволжских и черноземных губерниях, и наоборот. Поскольку теснота сопряженности в случайных колебаниях урожайности была очень высокой, а в поволжских и центрально-черноземных губерниях была вполне определенная, хотя и не высокая сопряженность колебаний урожайности с ценами, в итоге прямая сопряженность колебаний урожайности Ярославской и Тверской губ. с динамикой цен остальных губерний получалась на значимом уровне (по Ярославской $r = 0,63$ и по Тверской $r = 0,55$).

Следует объяснить, почему же в матрице табл. 1 по двум названным губерниям прослеживается прямая сопряженность колебаний урожайности этих губерний с динамикой цен в таких губерниях, как Московская, Владимирская и Костромская. Ведь данные табл. 2 показывают, что почти всюду по Ярославской, Тверской, Московской, Владимирской и Костромской губ. наблюдалась

прямая, а не обратная сопряженность в колебаниях урожайности (с Ярославской и Московской $r = 0,54$, с Костромской $r = 0,48$ и т.д.). Причина этих явлений заключается в том, что динамика цен ни в Московской, ни во Владимирской, ни в Костромской, как, впрочем, ни в самой Ярославской и Тверской губ., не определялась динамикой местной урожайности (см. табл. 1). В 90-е годы XIX в. она определялась закономерностями действия механизма единого товарного аграрного рынка. Отсюда и парадоксальность положения, когда синхронные колебания урожайности в Ярославской и Тверской губ. достигают тесноты сопряженности на уровне $r = 0,89$, т.е. почти идеально синхронны, а колебания урожайности Ярославской губ. пропорционально влияют на изменения цен в Тверской губ. Это весьма выразительное подтверждение того, что рычаги, приводящие в движение хлебные цены в Тверской губ., находились далеко за ее пределами. Это рычаги единой структуры рынка.

Продемонстрированные нами явления резонанса колебаний урожайности в структуре механизма движения цен единого рынка позволяют сделать следующее предположение. В системе единого механизма движения хлебных цен влияние урожайности той или иной местности на колебания цен имеет всероссийский масштаб независимо от фактического объема урожая хлеба. Вместе с тем уровень этого влияния может быть самым различным. Резонансный характер влияния колебаний урожайности на движение цен многократно усиливает эффект этого влияния в сравнении с физическим объемом урожая или неурожая той или иной губернии. Второе предположение можно свести к тому, что, хотя нами был привлечен материал лишь 16 губерний Европейской России, характер закономерностей явления резонанса вероятнее всего свойствен всероссийскому аграрному товарному рынку в целом. Думается, что углубление степени развития рынка должным образом влечет за собой и усиление эффекта резонанса колебаний урожайности.

¹ См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. (Опыт количественного анализа). М., 1974.

² См. Ковальченко И.Д. О буржуазном характере крестьянского хозяйства Европейской России в конце XIX – начале XX века (по бюджетным данным среднечерноземных губерний) // История СССР. 1983. № 5. С. 50–81.

³ Подробнее об этом см.: Милов Л.В. Некоторые аспекты влияния урожайности на динамику хлебных цен. (К вопросу о корреляционной модели рынка) // История СССР. 1973. № 5. С. 49–72.

⁴ См.: Свод урожайных сведений за годы 1883–1915. М., 1928; Материалы о ценах, опубликованные по данным корреспондентов департамента земле-

делия и сельской промышленности министерства государственных имуществ см. по изданию: «...год в сельскохозяйственном отношении». СПб., 1890–1900.

- ⁵ В матрице корреляций табл. 1 две губернии (Костромская и Калужская) имеют влияние колебаний своих урожаев на динамику цен на уровне, близком к нулевому значению коэффициента корреляции во всех 15 случаях. Однако в силу чисто математической специфики разброс этих коэффициентов в оценке коэффициентной вариации (V) очень велик ($V = 280\%$ по Костромской и $V = 1000\%$ по Калужской).

Опубл.: Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк.
Обществ. науки. 1989. № 3(67). С. 69–76.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ

ОБ ИЗУЧЕНИИ РОСТА ОБРОКА В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.

Необычайное усиление эксплуатации помещичьих крестьян составляет, пожалуй, наиболее яркую и характерную сторону социально-экономического развития России во второй половине XVIII в. В связи с этим представляется несомненно важным и интересным изучение темпов роста оброчных платежей в этот период. Помимо самостоятельного интереса, изучение темпов роста оброка имеет немаловажное значение для успешного решения многих вопросов, связанных с проблемами разложения феодально-крепостнической системы хозяйства, первоначально-го накопления, становления капиталистического уклада и других. Однако разработка этого, казалось, важного вопроса до сих пор не привлекла должного внимания исследователей. В нашей литературе нет сколь-либо значительного собранного фактического материала до размеров оброка во второй половине XVIII в., не говоря уже о том, что постановка вопросов, связанных с изучением порайонных особенностей в темпах роста оброка, в литературе вообще отсутствует. В немалой степени на этом сказалось, конечно, и состояние источниковедческой базы, ибо вотчинная документация и ведомственный материал, как правило, очень скудно освещают подобные вопросы.

Наиболее значительным собранием фактического материала по этому вопросу до сих пор остается работа крупного историка народнического направления В.И. Семевского¹. Причем еще современники В.И. Семевского и, в частности, Н.П. Павлов-Сильванский указывали, что широкие выводы Семевского строятся «на основании очень ограниченного количества известий»². И действительно, всего в работе В.И. Семевского собрано около 200 известий о размерах оброка за 1760–1796 гг. Причем на все Поволжье и Черноземный центр дано около 20 примеров оброка, на 10 губерний Нечерноземного центра – около 70 примеров,

и лишь по Петрозаводской губ. собрано наибольшее число примеров (70). На основании этого материала В.И. Семевский дал примерную схему динамики роста оброка во второй половине XVIII в.: 1760-е годы – 1–2 руб., 1770-е годы – 2–3 руб., 1780-е – 4 руб. и 1790-е – 5 руб.³ На эту схему опираются многие исследования по экономике второй половины XVIII в. и крестьянскому движению этого периода, включая и новейшие работы⁴.

Однако эти немногочисленные данные нуждаются либо в дальнейшем подкреплении фактическим материалом, либо в проверке их правильности. В монографии Н.Л. Рубинштейна схема В.И. Севеvского подвергнута серьезной критике и наряду с прежними выдвинуты новые материалы и свидетельства по размерам оброка во второй половине XVIII в. Приводятся, в частности, данные крестьянских челобитий, сообщающих о 10–30-рублевом (на мужскую душу) оброке в конце 90-х годов XVIII в.⁵ В целом же данные Н.Л. Рубинштейна все-таки не являются сколько-нибудь исчерпывающими. В последние годы в ряде работ также сделаны подборки фактического материала по размеру оброка, серьезно корректирующие выводы В.И. Севеvского. Так, в монографии И.Д. Ковальченко собран сводный материал Экономических примечаний по оброку конца XVIII в. в Тамбовской и Рязанской губ. Интересные данные об оброке в 1796–1798 гг., охватывающие, однако, лишь около 40 имений, собраны в диссертации Е.И. Кореневой. Материалы по размеру оброка в конце XVIII в. на территории Нижегородской губ. собраны в диссертации Л.Ф. Захаровой⁶. Для большинства же работ по социально-экономической истории второй половины XVIII в. в отношении размеров оброка характерен лишь частный иллюстративный материал⁷.

В настоящей статье сделаны попытки суммировать новый, до сих пор не исследованный материал по размеру оброка второй половины XVIII в., который содержится в одном из важнейших источников по социально-экономической истории этого периода – Полных Экономических примечаниях Генерального межевания. При этом необходимо учитывать специфику данного источника⁸. Полные Экономические примечания дают материал о размере оброка, во-первых, не в расчете на тягло, а в условном расчете на мужскую душу, во-вторых, в масштабе целых так называемых «дач» (одного или нескольких селений). Подобная ограниченность источника, разумеется, сказывается и на проблематике нашей работы. Поскольку показатель оброка дается в среднем по селению, а иногда даже по ряду селений, то, опираясь на подобный материал, нельзя раскрыть полную картину распределения оброка и выяснить связанные с ним вопросы расслоения

крестьянства, разницу оброчного обложения отдельных прослоек и т.п. Кроме того, оброчные платежи составляют, как известно, лишь часть повинностей крестьян и поэтому не могут отразить всей тяжести помещичьей эксплуатации оброчного крестьянства. Однако данные Полных примечаний с их средним исчислением оброка на мужскую душу наиболее ярко и точно отражают рост оброка, что является важнейшим условием изучения степени усиления эксплуатации крестьянства. Причем эти данные уже не являются отдельными примерами по отдельным имениям, а при соответствующей обработке предстают как массовый сводный статистический материал.

Данные одного типа источника, естественно, не могут быть абсолютно надежными. Тем не менее, массовый статистический материал Экономических примечаний является единственным в своем роде и представляет поэтому несомненный интерес. Необычайное обилие однотипного фактического материала по оброку дает нам возможность проследить темпы роста оброчных платежей крестьян на протяжении 70–90-х годов XVIII в. и, что особенно важно, выяснить различие в уровне роста оброка по отдельным районам нечерноземных губерний России. Сочетание в Экономических примечаниях обширного материала по оброку с такими важными показателями, как обеспеченность крестьян угодьями, позволяет поставить вопросы темпов роста оброка в конкретную связь с важнейшими социально-экономическими изменениями, совершающимися в различных районах страны.

К сожалению, найденные тома Полных примечаний очень неравномерно распределяются как по десятилетиям второй половины XVIII в., так и по районам Европейской части России. Но в таких случаях «лучше получить, — как говорил В.И. Ленин, — немного сравнительно достоверных, полных и единообразных сведений, чем много сведений отрывочных, сомнительных и несравнимых»⁹.

* * *

Обзор материалов Примечаний по размерам оброка с ревизской души удобнее всего начать с Центрального промышленного района. В нашем распоряжении имеются данные пяти уездов этого района: Дмитровского, Клинского, Боровского у. Московской провинции за 1769–1773 гг. и Мосальского, Тарусского у. Калужской губ. за 1776–1779 гг.

Как известно, Московская провинция при общих неблагоприятных условиях для земледелия имела на барщине преобладающее количество крестьян (64%). Из рассматриваемых нами уез-

Таблица 1

Размер оброка с души м.п. (руб.)	1769–1773					
	Число крестьян (душ м. п.)					
	Клинский у.		Дмитровский у.		Боровский у.	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1–1,5	—	—	853	32	179	3
До 2	3203	89	1269	49	1898	33
До 2,5	93	3	120	4	1743	30,5
До 3	295	8	403	15	1864	33
Свыше 3	—	—	—	—	24	0,5
Итого:	3591	100	2645	100	5708	100

дов наибольшим числом оброчных крестьян выделялся Клинский у. (44%). Далее идет Боровский у. – 32% оброчных крестьян. И, наконец, северный Дмитровский у., известный своим промысловым характером развития, имел ничтожное число оброчных – 14%. Данные по размеру оброка распределяются следующим образом (см. табл. 1)¹⁰.

Как видно из таблицы, наиболее низкий в целом оброк характерен для Дмитровского у., где процент оброчных крестьян очень небольшой. От 1 руб. до 1,5 руб. здесь платило 32% всех крестьян, а 49% – не свыше 2 руб. Примерно такой же уровень оброка в Клинском у., где у 89% всех оброчных крестьян оброк не превышал 2 руб. Низких оброков (1–1,5 руб.) здесь нет совсем. Наконец, для Боровского у. характерен наиболее высокий оброк: 2 руб. 50 коп. здесь платило 30% крестьян, кроме того, у 33% оброчных крестьян был 3-рублевый оброк, что встречается лишь в наиболее крупных промысловых селах (в начале 70-х годов 4-рублевый оброк был в крупном приокском с. Дединово и приволжской слободе Городец)¹¹.

По восточным уездам Смоленской губ., соседним с Московской, материалы Полных Экономических примечаний уже относятся ко второй половине 70-х годов (1776–1779). Из оброчных крестьян Юхновского у., составляющих 75% всех помещичьих крестьян, оброк в 2 руб. платило 19 286 душ м.п., т.е. 78% оброчных крестьян уезда. До 2 руб. 50 коп. платило 17% крестьян (4085 душ м.п.). Наконец, 3-рублевый оброк был всего у 5% оброчных крестьян (1211 душ м.п.)¹². Для Сычевского у., расположенного на северо-востоке губернии, процент крестьян, платив-

ших 3-рублевый оброк, резко повышается до 18% (3834 душ м.п.). Однако у подавляющей массы крестьян (69%) был довольно низкий оброк, не превышающий 2 руб. (14 462 душ м.п.). Оброк в 2 руб. 50 коп. платило 13% крестьян (2828 душ м.п.)¹³. В Гжатском уезде в конце 70-х годов XVIII в. был, пожалуй, наиболее низкий по Смоленской губ. уровень оброка, ибо здесь у 97% крестьян оброк был не свыше 2 руб. с души. Оброк в 2 руб. 10 коп. – 2 руб. 50 коп. встречается всего у 3% крестьян (328 душ м. п.)¹⁴.

Восточная группа уездов Смоленской губ., как известно, была районом развития разнообразных крестьянских промыслов. Оброчные крестьяне составляли здесь подавляющее большинство помещичьих крестьян (Юхновский у. – 75%, Сычевский у. – 75%, Гжатский – 62%, Вяземский – 58%). Однако темпы роста оброчных платежей здесь явно отставали от районов, ближайших к Московскому центру. Исключением является лишь Вяземский у., где общий уровень оброка значительно выше, чем в окружающих районах. Достаточно отметить, что в конце 70-х годов XVIII в. здесь почти 40% крестьян (6449 душ м.п.) платило очень высокие 4-х и 5-рублевые оброки¹⁵.

За этот период (1776–1779) в нашем распоряжении имеются данные по Мосальскому и Тарусскому у. Калужской губ.¹⁶:

Таблица 2

Уезды	Размер оброка с души м.п. (в руб.)							
	2	2,5	3	3,5	4	5	свыше 5	Итого
Мосальский								
Число крестьян (душ м.п.)	10390	924	5919	–	86	731	–	18050
в %	58	5	32,5	–	0,5	4	–	100
Тарусский								
Число крестьян (душ м.п.)	1664	1168	2214	431	–	92	26	5595
в %	30	21	40	7	–	1,6	0,4	100

В Мосальском у., где оброчные составляли 77% всех помещичьих крестьян, общий уровень оброка значительно выше, чем в смежном с ним Юхновском и остальных уездах Смоленской губернии. Оброк в 3 руб. и выше здесь платило 37% оброчных крестьян. В Тарусском у., ближайшем к Московскому центру, уровень оброка повышается еще более значительно, не-

смотря на то, что общий процент оброчных крестьян здесь меньше (оброчные составляли лишь 30% помещичьих крестьян). Оброк в 2 руб. у 30% крестьян, в то время как 3-рублевый и более крупные оброки платила уже почти половина всех оброчных крестьян. Разница по уровню оброка со смоленскими уездами очень существенна.

По районам северо-запада за эти же годы в нашем распоряжении имеется лишь частный материал по двум уездам Новгородской губ. – Боровичскому и Валдайскому. Данные по обоим уездам можно датировать концом 70-х годов¹⁷. По Боровичскому у. отрывочные сведения дают представление об основном оброке в 2–3 руб.¹⁸ В Валдайском у. преобладает 2-рублевый оброк, хотя наши данные охватывают лишь 1880 душ м.п. (всего в уезде барщинных и оброчных крестьян 20 039 душ м.п.). Из них оброк в 2 руб. платило 1718 душ, 3-рублевый оброк – лишь 91 душа м. п. и, наконец, 71 душа м.п. – оброк в 5 руб.¹⁹

Наконец, перейдем к обзору материалов восточной окраины Центрального промышленного района. Здесь в нашем распоряжении также лишь частичный материал. За 70-е годы имеются данные по пограничным районам Шуйского и Нерехотского у. и Плесского и Шуйского у. Данные размеров оброка по компактной части территории, отошедшей в 1778 г. от Шуйского к Нерехотскому у., охватывают в общей сложности 3397 душ м.п., а вместе с дачей с. Писцова 7440 душ м.п. Оброк в 2 руб. из них платило лишь 367 душ м.п. (около 5%), 3-рублевый оброк – 2807 душ м.п. (а вместе с Писцовской дачей – 6850 душ м.п. или 92%). Наконец, у незначительной части крестьян был 4-рублевый (214 душ м.п.) и 7-рублевый оброк (9 душ м.п.)²⁰. Следовательно, здесь для 70-х годов уровень платежей оброка по существу наиболее высокий.

Однако к этим материалам необходим осторожный подход, поскольку возможно, что в них вкралась частица позднейших сведений 80-х годов XVIII в.

Правильность нашего предположения о том, что 3-рублевый оброк в этом районе в 1773–1776 гг. был уже основным, подтверждает частичный материал пограничной территории Плесского и Шуйского у., которая также в 1778 г. отошла в Костромскую губ. Данные из отрывка чернового экземпляра Экономического примечания к Генеральному плану дают по 3201 душе м.п. оброк в 3 руб.²¹

Любопытно отметить, что далее на северо-восток уровень оброка заметно снижался. Мы имеем в виду показания 125 «сказок» поверенных крестьян, охватывающих значительное число (44%) оброчных крестьян Кинешемского у. за 1773–1778 гг.

Из 6706 душ м.п., по которым имеются данные, у 33% крестьян оброк не превышал 1,5 руб. Причем 18% (1229 душ м.п.) платило оброк всего в 1 руб. Столь низким оброк не встречается, например, на территории Московской губернии даже в конце 60-х – начале 70-х годов XVIII в. Оброк в 2,5–3 руб. взимался в Кинешемском у. всего у 10% крестьян. Основным оброком на территории этого у. в 1773–1778 гг. был оброк в 2 руб. (3515 душ м.п. или 52%)²². Такой низкий оброк на территории центрального промышленного района (точнее, в междуречье Оки и Волги) встречается лишь в Юрьев-Польском у., где, как известно, преобладало земледелие. Единичные данные, имеющиеся у нас по этому уезду за 1771–1774 гг., показывают оброк в 1,5–2 руб. (в шести дачах оброки делятся поровну)²³.

Таким образом, рассматривая в целом данные за 70-е годы XVIII в., можно отметить следующее. Наиболее высокий уровень оброка наблюдается прежде всего в районе, ближайшем к Москве, где еще в начале 70-х годов он равен 2–3 руб. Для второй половины 70-х годов XVIII в. наибольший размер оброка наблюдается в районе сосредоточения, главным образом, ткацких промыслов и развивающейся текстильной промышленности (в уездах, ближайших к Шуге, оброк равен 3 руб.), а также вблизи некоторых торговых и промышленных центров (Вязьма).

С удалением от центра темпы роста оброка заметно снижаются. Уже для восточной части Смоленской губ. во второй половине 70-х годов наиболее характерный оброк равен 2 руб. Примерно на том же уровне оброчные платежи и на северо-западе (Новгородская губ.). Вместе с тем на территории центрального промышленного района независимо от преобладания в данном уезде оброчного или барщинного крестьянства встречаются отдельные очаги низких размеров оброка (1, 1,5 и 2 руб. в конце 70-х годов в Кинешемском и Юрьев-Польском у.).

По 80-м годам XVIII в. в нашем распоряжении имеется значительно менее удачно распределяющийся материал, основная часть которого падает на приволжские уезды. Начнем с материалов по Кинешемскому у. Костромской губ., данные за 70-е годы по которому уже приводились. Если для конца 70-х годов основной оброк крестьян этого уезда не превышал 2 руб. (его платило 90% крестьян), то в 80-е годы у 83% всех оброчных крестьян уезда взимался оброк в 3 руб., а у 15% – в 2 руб. 50 коп. с души м.п.²⁴ Имеющиеся в нашем распоряжении материалы по Ветлужскому у. свидетельствуют о том, что в 80-е годы XVIII в. уровень оброка здесь был значительно выше, чем в Кинешемском у. 3-рублевый оброк в Ветлужском у. также был широко распространен и его платило 67% оброчных крестьян у., но здесь уже значите-

лен процент крестьян с более высоким оброком. От 3,5 руб. до 4 руб. платило 25% крестьян (2672 души м.п.)²⁵.

Наконец, в Костромском у. общий уровень оброка еще выше. Оброк в 3 руб. здесь был всего лишь у 39% крестьян (4008 душ м.п.). 4-рублевый оброк должен был взиматься уже у 31% оброчных крестьян (3225 душ м.п.). А у 41% крестьян (4310 душ м.п.) оброк составлял в общей сложности от 4 до 6 руб. с души м.п.²⁶

В остальных у.х этого района основной для 80-х годов оброк был равен 3 руб. За 1784–1787 гг. такие же данные есть по Семёновскому у. Нижегородской губ., где отдельно обмежеванные помещичьи крестьяне платили 3-рублевый оброк²⁷. Такие данные, носящие частный характер, имеются и по Балахнинскому у. Материалы по 11 населенным дачам этого у. за 1784–1786 гг. в семи случаях дают оброк в 3 руб., в двух – 4 руб. и в двух – 2 руб. с души м.п.²⁸

Следовательно, для приволжских уездов Костромской и северной части Нижегородской губ. в качестве основного размера оброка характерен оброк в 3 руб. В отдельных районах он заметно повышается, достигая 4 руб. (Костромской у.). Оброки в 5–7 руб. единичны.

Тот же 3-рублевый оброк был распространен в 80-х годах и в южной части Нижегородской губ. Имеющийся в нашем распоряжении материал Полных примечаний по Сергачскому у. показывает, что из 16 069 душ м.п. оброчных крестьян уезда оброк в 3 руб. платило 14 656 душ м.п. или 91,2% оброчных крестьян. 2-рублевый оброк должны были взимать всего у 5,4% крестьян (870 душ м.п.), а 5-рублевый – всего лишь у 3,4% крестьян (543 душ м.п.)²⁹.

Наконец, за 80-е годы XVIII в. мы имеем данные по району севера, в частности, Вологодскому у., известному как район развитого земледелия, скотоводства и разнообразных крестьянских промыслов. Данные по размеру оброка в Вологодском у. следующие³⁰:

Таблица 3

Число крестьян (душ м.п.)	Оброк (в руб.)								
	2	2,5	3	3,5	4	5	6	8	Итого
Абсолютное число	474	238	4157	129	1956	704	83	30	7771
% к итогу	6	3	54	1,7	25	9	1,0	0,3	100

Как видно из таблицы, основная масса крестьян (63%) платила оброк не выше 3 руб. 4-рублевый оброк выплачивали 35% оброчных крестьян. Таким образом, общий уровень оброка здесь примерно такой же, как и в Костромском у.

Высокий процент 4-х и 5-рублевого оброка характерен для Новолadoжского у., близкого к Петербургскому порту и расположенного у оживленной водной артерии³¹.

Наконец, перейдем к Центральному промышленному району. По 80-м годам XVIII в. для этого района в нашем распоряжении небольшой, но очень выразительный материал двух уездов, расположенных по двум противоположным окраинам промышленного центра. Во-первых, это частичный материал Нерехотского у. Костромской губ. Во-вторых, это материал Экономического примечания по Егорьевскому у. Рязанской губ.

Полное примечание Нерехотского у. Костромской губ. при анализе обнаруживает два хронологически разных слоя материалов по оброку. Часть материала по территории, присоединенной к Нерехте от Шуйского у., датируется 70-ми годами XVIII в. (он приводился выше). Остальной же материал относится к 80-м годам XVIII в.³²

Таблица 4

Число крестьян (душ м.п.)	Оброк (в руб.)						
	2	3	4	5	6	7	Итого
Абсолютное число	669	2586	2246	3721	1589	15	10 826
% к итогу	5,5	24	21	34	15	0,5	100

К этим цифрам следует подходить осторожно, так как от материалов 70-х годов до конца освободиться не удастся. Поэтому отметим лишь самое главное и несомненное – повышение оброчных платежей по сравнению с соседними уездами Костромской губ. Причем 5-рублевый и более высокий оброк платили 5325 душ м.п. (почти половина крестьян, по которым имеются сведения).

Более надежны и точны материалы Примечания Егорьевского у. Расположенный к юго-востоку от Москвы этот уезд представляет собою район интенсивного развития разнообразных крестьянских промыслов. Оброчная эксплуатация крестьян была в уезде явно преобладающей (81%)³³. Почвенные условия уезда не способствовали развитию земледелия, особенно в восточной час-

ти уезда, примыкающей к Мещерской низменности. Данные за 80-е годы XVIII в. по 88% всех оброчных крестьян Егорьевского у. следующие³⁴:

Таблица 5

Число крестьян (душ м.п.)	Оброк (в руб.)						
	5	6	7	8	9	10	Итого
Абсолютное число	4490	3450	1369	2574	1609	2376	15 868
% к итогу	28	22	9	16	10	15	100

5-рублевый оброк в 80-е годы был минимальным размером оброка в уезде. Однако при определении среднего, обычного для уезда размера оброка следует учесть, что оброки в 8–10 руб. платили крестьяне крупных промысловых селений (Деднево, Белоомут, Любучь, Ловцы, Всесвятское), составляющие 41% крестьян уезда. Следовательно, учитывая обычные средние условия, которые, по всей вероятности, были в целом ряде соседних уездов промышленного центра, необходимо считать основным оброком 5–7-рублевый оброк. Этот уровень совпадает и с разобранными нами данными по северной окраине промышленного центра, Нерехотскому у. Костромской губернии. В наиболее промышленных районах или селениях оброк повышался до 10 руб.

Наши выводы согласуются и с уже известными в литературе частными примерами по размерам оброка в 80-х годах XVIII в. Так, например, в эти годы в суздальских вотчинах Куракиных взимался с крестьян оброк по 7–10 руб. с души м. п. Крестьяне В. Щереметева платили по 10 руб. 21 коп. В Нижегородской губ. средний оброк еще в 70-е годы XVIII в. был равен 5 руб. с души, а в 80-е годы в д. Монастырке он колебался от 6 до 10 руб., в с. Павлове был равен 8 руб. с души м.п.³⁵ Наконец, на фоне всего вышеприведенного материала можно по достоинству оценить глубокое и обобщенное наблюдение И. Болтина, который писал, что помещики в 80-е годы XVIII в. брали «с оброчных от 3 до 5 рублей с души, а в некоторых провинциях, лежащих поблизости столиц и судоходных рек, и по 10-ти рублей»³⁶.

В заключение вкратце коснемся вопроса об уровне оброка в 90-е годы XVIII в. За этот период в нашем распоряжении почти нет материалов Экономических примечаний. Единственным, что удалось найти по этому десятилетию, является черновик Экономического примечания к Атласу 1797 г. по Ардатовскому у. Ни-

жегородской губ. Материал черновика, составленного уездным землемером, датируется 1798–1800 гг., т.е. последними годами XVIII в. За этот период в литературе, так же как и за другие десятилетия, крайне мало данных по размерам оброка³⁷. Следовательно, данные даже одного уезда ввиду их массового характера имеют несомненный интерес. Собранные сведения охватывают 12 999 душ м.п., т.е. почти 100% всех оброчных крестьян уезда. Данные по оброку распределяются следующим образом³⁸:

Таблица 6

Число крестьян (душ м.п.)	Оброк (в руб.)							
	2	3	7	8	9	10	12	Итого
Абсолютное число	164	342	127	2639	19	9532	180	12 999
% к итогу	1,2	2,5	1	21	–	73	1,3	100

Сразу же видно, что у абсолютного большинства крестьян (73%) оброк достигал 10 руб. с души, а 20% крестьян платило лишь немногим меньше. Сведения о 2–3-рублевом оброке в этом случае не следовало бы принимать во внимание, так как, вероятно, они попали в черновик из Полного примечания 80-х годов XVIII в. Таким образом, подавляющее большинство крестьян уезда платило чрезвычайно высокий оброк в 10 и 8 руб. с души. Причем эти данные, вероятно, не являются чем-то исключительным. Скорее всего, это обычный уровень оброка к самому концу XVIII в. Это подтверждает прежде всего частный материал по самой Нижегородской губ. Так, в Симбилейской вотчине Орловых в 1799 г. взимался оброк по 10 руб. с души, а в Куриловской вотчине – по 13 руб. с души. В нижегородских с. Мухоедове и Долгой Поляне к концу века оброк достигал 15 руб. с души³⁹. По материалам крестьянских челобитий, приведенным в работе Н.Л. Рубинштейна, размер оброка в конце 90-х годов XVIII в. по вотчинам центрально-промышленных губерний колебался от 10 до 30 руб. с души. В диссертации Е.И. Кореновой, посвященной крестьянскому движению этих лет, также приводятся примеры наиболее тяжелой эксплуатации крестьян. В числе примеров преобладают 15- и 20-рублевые оброки с души. Встречаются даже оброки, доходящие до 30 и 50 руб. с души⁴⁰. Следовательно, данные по Ардатовскому у. являются, очевидно, наиболее умеренными для оброка конца XVIII в. Таким образом, на основании анализа вышеизложенного материала можно прийти к следующим выводам.

Район нечерноземной полосы России во второй половине XVIII в. в отношении уровня роста оброчных платежей представлял собой сложную и разнообразную картину. В пределах одного и того же района в размерах оброка можно наблюдать значительные отклонения. Так, например, в конце 70-х годов XVIII в. оброк в Вяземском у. Смоленской губ. был значительно выше, чем в окружающих районах. В 80-х годах XVIII в. Костромской и Нерехотский у. довольно резко отличались высоким уровнем оброка от смежного с ними Кинешемского у. и т.п. На фоне столь разнообразных данных об уровне оброка особенно ярко видна бесполезность и даже вредность «общероссийской схемы» роста оброка В.И. Семева, не раскрывающей никаких особенностей в росте оброчных платежей.

Однако при всей пестроте в размерах оброка, в конечном счете, можно смело выделять единый центральный промышленный район (главным образом, междуречье Оки и Волги), где уровень оброчных платежей значительно превышает уровень оброка в остальных частях нечерноземной полосы России. Материалы уездов, бывших в нашем распоряжении, к сожалению, не позволяют дать безупречную с точки зрения статистики динамику оброка во второй половине XVIII в. Однако, имея в виду, что поуездные данные имеют массовый характер и в целом распределяются в пределах одного и того же экономического района, можно предположить, что с 2-рублевого оброка в начале 70-х годов здесь в 80-х годах XVIII в. оброк возрастает до 5–7 руб. с души м.п., а во многих крупных промысловых селениях даже до 10 руб. В конце 90-х годов XVIII в. уровень оброка повышается здесь минимум до 10 руб. с души⁴¹.

Из сказанного вполне четко выявляется, что уровень оброчных платежей выше прежде всего в наиболее промышленно развитых районах, а также в районах, расположенных у оживленных торговых водных и сухопутных путей. Лучше всего это иллюстрирует материал по оброчным платежам Вологодского у. Выше уже приводились данные, что в 80-е годы XVIII в. оброк в 4 руб. платило 35% крестьян, а 3-рублевый оброк – 63% крестьян. Однако эти данные, охватывающие сведения по 45% оброчных крестьян, как, впрочем, и данные по уезду в целом, не отражают особенностей социально-экономического развития уезда. Дело в том, что на территории уезда наиболее развитым в экономическом отношении был юго-западный район, находившийся вокруг крупного торгового и промышленного центра – Вологды. Путем сопоставления данных Полного примечания с Атласом Вологодского у. выясняется, что на этот район приходится в основном дачи, рас-

полагающиеся приблизительно с № 1 по № 1145. Выделив материал по этим дачам в особую таблицу, получаем следующие результаты⁴²:

Таблица 7

Число крестьян (душ м.п.)	Оброк (в руб.)						
	2	3	4	5	6	8	Итого
Абсолютное число	29	957	1190	482	83	30	2771
% к итогу	1	35	43	17	3	1	100

Оброк в 4 руб. и более приходится уже на 65% оброчных этого района, т.е. подавляющее большинство крестьян. Следовательно, на этих материалах отчетливо видно, что усиление эксплуатации крестьян происходит быстрее всего там, где наиболее благоприятны условия для интенсивного вовлечения крестьянства в сферу товарно-денежных отношений. В Вологодском у. эти процессы концентрировались в южной части уезда, тяготеющей к крупному рынку. Именно здесь получают наиболее сильное развитие крестьянские промыслы, отходничество и т.п.

Что касается северной и северо-восточной частей уезда, то там преобладал более низкий оброк. Таков, например, район поселений по р. Большой Пучке, впадающей в Кубенское озеро. Эти поселения отделены от южной части уезда большим лесным массивом и широкими заболоченными пространствами. Размеры оброка в этих селениях – 3 руб., 2,5 и даже 2 руб. с души.

Таким образом, вполне очевидно, что темпы роста оброчных платежей неразрывно связаны с такими важными процессами перестройки крестьянского хозяйства, как развитие крестьянских промыслов, крестьянского отходничества и вытекающими отсюда изменениями роли земледелия в крестьянском хозяйстве. Больше того, изучение вопроса темпов роста оброка само играет немалую роль в исследовании такого важнейшего социально-экономического процесса, как изменение роли земледелия в хозяйстве оброчных крестьян. Предлагаемые наблюдения, косвенно характеризующие изменение роли земледелия в крестьянском хозяйстве, основываются на сопоставлении данных динамики роста оброка с однотипными массовыми данными об обеспеченности крестьянского хозяйства землей и, в частности, пашенными угодьями. Как те, так и другие материалы весьма удачно сочетаются в одном и том же источнике – Полных Экономических примечаниях к Генеральному межеванию. Новизна и несом-

ненная ценность этих, хотя и косвенных, показателей состоит в том, что на их оснований можно получить сводные, обобщенные характеристики роли земледелия у оброчного крестьянства тех или иных районов в целом.

Изучение этого статистического материала показывает, что во второй половине XVIII в. наряду с районами, где у оброчного крестьянства земледелие занимает основное место в хозяйстве, выделяются такие районы, где у основной массы оброчного крестьянства земледелие уже становится второстепенным занятием.

Для первой группы районов характерна следующая закономерность. Крестьяне, платившие самый низкий в уезде оброк, имели пахотной земли в размерах ниже средней обеспеченности пашней по уезду. Соответственно с этим крестьяне, платившие высокие оброки, имели пашни в размерах выше средней обеспеченности пашней. Что касается второй группы районов, то там в соотношении размеров оброка и обеспеченности пашней наблюдается совершенно обратная закономерность.

Для подтверждения этого нами привлечены наиболее выразительные примеры по уездам нечерноземной полосы. Причем для этого отобраны лишь те размеры оброка, которые платит сравнительно большой процент крестьян, так как чем больше этот процент, тем меньше будет отклонений от типичной для данной группы обеспеченности в пашне. Впрочем, нужно отметить, что при наличии в уезде очень крупных вотчинных хозяйств такие отклонения от типичной нормы могут сказаться и на сравнительно больших группах крестьян, не говоря уже о тех случаях, когда прямая зависимость размера оброка от обеспеченности пашней исчезает, уступая место другим важным факторам роста оброка.

Разбор материала по первой группе удобнее всего начать с тех районов, где оброчное крестьянство было в меньшинстве, составляя от 14% до 44% от всех помещичьих крестьян уезда. Таковыми районами являются Боровский у. Калужской губ., Клинский и Дмитровский у. Московской губ.⁴³

На материалах Боровского у., расположенного на стыке Калужской и Московской губ., вполне определенно выявляется закономерность в соотношении величины оброка и обеспеченности пашней. Минимальный оброк в 1 руб. 80 коп. платило 25% крестьян с обеспеченностью пашней в 2 дес. на душу м.п. Далее наблюдается строгая последовательность. В группе с obroком в 2 руб. 15 коп. на мужскую душу приходится 2,7 дес. пашни. В группе с obroком в 3 руб. — 3,6 дес. пашни. При этом средняя обеспеченность оброчных крестьян уезда равна 2,8 дес. пашни на душу м.п. Такая же картина и в уездах на севере Московской губ. В Клинском у. кре-

Таблица 8

Оброк с души м.п. (в руб.)	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
Боровский у.					
1,8	1437	25	2844	18	2,0
2,15	1367	24	3684	23	2,7
3	1588	28	5820	37	3,6
Всего	5708	100	15902	100	2,8
Клинский у.					
2	3203	89	5717	85	1,8
3	295	8	853	13	2,9
Всего	3591	100	6759	100	1,9
Дмитровский у.					
1—1,5	853	32	1855	30	2,2
До 2	1269	49	3503	52	2,7
До 2,5	120	4	383	5	3,2
До 3	403	15	968	13	2,4
Всего	2645	100	6709	100	2,5

стьяне с минимальным 2-рублевым оброком имели 1,8 дес. пашни на душу м.п. при средней по уезду обеспеченности пашней в 1,9 дес. на душу м.п. Еще более выразителен материал по Дмитровскому у. Здесь крестьяне с оброком от 1 до 1,5 руб. менее всего обеспечены пашней (2,2 дес. на душу м.п.). Группы же с более высоким оброком имели соответственно большее количество пашни (от 2,4 до 3,2 дес. на душу м.п.). Между прочим, при сравнении данных этого уезда с данными по Боровскому у. вполне наглядно видно преимущество показателей по большим группам крестьян (25%, 24%, 28% – Боровского у., 32%, 49% – Дмитровского у.), где действует так называемый закон больших чисел, по сравнению с группами крестьян, небольшими в процентном отношении, которые могут давать показатели, отклоняющиеся от наиболее типичных (например, подгруппа Дмитровского у. с оброком «до 3 руб.», составляющая 15% оброчных крестьян).

На основании вышеизложенного материала ясно видна закономерность в соотношении размеров оброка и обеспеченности пашней, свидетельствующая об определяющей роли земледелия в хозяйстве оброчного крестьянства тех уездов, где преобладала барщина. Как свидетельствуют материалы Примечаний, наиболее высокие оброчные суммы в состоянии было платить лишь то крестьянство, которое в итоге было лучше обеспечено пахотной землей.

Помимо барщинных районов во второй половине XVIII в. земледелие занимало определяющее место в крестьянском хозяйстве многих районов, где преобладала оброчная эксплуатация крестьян. Таков, например, Юхновский у. Смоленской губ., где оброчные крестьяне составляли 75% помещичьих крестьян у. Здесь минимальный оброк в 2 руб. платили крестьяне, наименее обеспеченные пашней (19 286 душ м.п., пашни 95 475 дес., т.е. 5 дес. на душу м.п.). Более высокий оброк платили лучше обеспеченные пашней крестьяне (оброк в 2 руб. 50 коп. платили 4085 душ м.п., пашни 27 476 дес., т.е. 6,7 дес. на душу м.п.)⁴⁴. Основную роль играло земледелие и в Сычевском у. той же губернии. 2-рублевый оброк здесь платили крестьяне (14 226 душ м.п.), имеющие меньше пашни (60 476 дес., т.е. 4,2 дес. на душу м.п.) по сравнению с теми, которые платили более высокие оброки (по 3 руб. платило 3834 души м.п., пашни 16 824 дес., т.е. 4,5 дес. на одну душу м.п.)⁴⁵. Примерно в таком же положении находилось земледелие в Кинешемском у. Костромской губ. Оброк в 2 руб. 50 коп. здесь платили 1883 крестьян м.п., имея 5774 дес. пашни (3 дес. на душу м.п.). Более высокий 3-рублевый оброк платили 13 229 крестьян м.п., имея 49 154 дес. пашни (3,5 дес. на душу м.п.)⁴⁶.

В результате изучения статистического материала Экономических примечаний можно заключить, что земледелие являлось основным занятием оброчного крестьянства вышеназванных уездов, в большинстве своем относящихся к промышленному центру. Немногочисленные крестьянские промыслы, имеющиеся, как известно, в этих районах, играли в крестьянском хозяйстве еще сравнительно небольшую, второстепенную роль.

Наряду с этим в губерниях промышленного центра во второй половине XVIII в. уже существует и вторая группа районов, где соотношение промысловой и земледельческой деятельности крестьянства коренным образом изменилось. В этих районах уже четко определились выдвигание промысловой деятельности крестьянства на первое место по сравнению с земледелием. Причем явление это уже настолько значительно, что накладывает отпечаток на весь характер социально-экономического развития того или иного района. В соотношении размеров оброка и обеспеченности пашней в этих районах наблюдается совершенно обратная закономерность. Крестьянство, платившее минимальные оброки, имело наибольшее количество пашни. Наоборот, крестьянство с высоким оброком имело наименьшее количество пашни. Вот данные по трем оброчным уездам центральных губерний⁴⁷.

Как следует из данных таблицы, крестьяне Костромского у., платившие 3-рублевый оброк⁴⁸, имели в среднем по 3 дес. пашни

Таблица 9

Оброк с души м.п. (в руб.)	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
Костромской у.					
3	4008	39	11 889	89	3,0
4	3225	31	8564	29	2,65
Всего	10 278	100	29 874	100	2,8
Вяземский у.					
2	7481	44	27 033	42	3,9
3	2711	16	9942	15	3,7
4	5008	29	16 325	25	3,2
Всего	17 086	100	64 065	100	3,75
Егорьевский у.					
5	4490	28	13 472	53	3,0
6	3450	22	7287	28	2,1
7	1369	8	4323	17	3,1
8	2574	16	294	1,0	0,1
9	1609	10	114	0,5	0,07
10	2376	15	20	0,1	—
Всего	15 868	100	25 510	100	1,6

на душу м.п. Крестьяне, уплачивающие наибольший в уезде оброк в 4 руб., имели пашни 2,65 дес. на душу м.п., т.е. меньше средней для уезда обеспеченности в пашне и значительно меньше, чем имело пашни крестьянство, платившее 3-рублевый оброк. Довольно последовательны материалы по Вяземскому у. Здесь крестьяне с 2-рублевым оброком имели пашни 3,9 дес. на душу м.п., т.е. больше средней по уезду обеспеченности пашней (3,75 дес. на душу м.п.). Те крестьяне, которые платили наивысший в уезде оброк в 4 руб., имели пашни лишь 3,2 дес. на душу м.п., т.е. значительно меньше средней по уезду обеспеченности и, тем более, меньше обеспеченности группы крестьян с минимальным 2-рублевым оброком. Наконец, материалы по Егорьевскому у. дают, так сказать, наиболее концентрированное выражение этого процесса активного вовлечения массы крестьянских хозяйств в разнообразную промысловую деятельность с одновременным падением былой роли земледелия для крестьянского хозяйства. На одном полюсе — крестьянство, платящее минимальный оброк в 5 руб. и имеющее пашенной земли много больше средней обеспеченности по уезду (3 дес. при 1,6 дес. в среднем на душу м.п.). На другом полюсе — крестьянство, платящее наивысшие оброки в 8—10 руб. и практи-

чески земледелием не занимающееся. Таков наиболее яркий пример прослеживаемой закономерности.

Разумеется, во второй половине XVIII в. этот процесс захватывал не все районы и притом не одновременно. Для района промышленного центра и, в частности, по Егорьевскому у. материалы Примечаний дают возможность определить время, с которого активизируется этот процесс. В нашем распоряжении имеются данные по обеспеченности пашней и оброчному обложению за 70–80-е годы XVIII в. Эти данные, охватывающие 24% оброчных крестьян уезда, образовались в результате очень редкого случая, когда в ходе Генерального межевания Экономические примечания были составлены дважды. Причем оба раза собирались материалы по размерам оброка⁴⁹.

Таблица 10

Оброк с души м.п. (в руб.)	1769–1773 гг.				
	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
1,2	82	2	53	–	0,65
1,5	223	6	571	6	2,6
2	2247	60	6266	59	2,8
2,5	102	3	239	2	2,4
3	1078	29	3387	32	3,1
4	27	–	126	1	4,7
5					
6					
7					
Всего	3759	100	10642	100	2,8

Оброк с души м.п. (в руб.)	80-е годы XVIII в.				
	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
1,2					
1,5					
2					
2,5					
3					
4					
5	588	16	2743	26	4,6
6	1956	52	5099	48	2,55
7	1215	32	2800	26	2,3
Всего	3759	100	10642	100	2,8

В этом сопоставлении почти все без исключения оброчные группы иллюстрируют коренное изменение в экономике уездов, происшедшее в 70–80-х годах XVIII в. Если для начала 70-х годов мы видим, что у всех рассматриваемых групп оброчных крестьян основой хозяйствования было земледелие, то в 80-х годах у тех же крестьян центр тяжести хозяйственной жизни перемещается в отходничество и неземледельческую деятельность. Если в начале 70-х годов наибольшие оброки платили крестьяне, наиболее обеспеченные землей (пашней), то в 80-х годов наивысший оброк платят крестьяне, наименее обеспеченные землей (пашней). Особенно примечательно то обстоятельство, что эти изменения произошли в необычно короткий срок.

Глубокие социально-экономические изменения крестьянского хозяйства в Егорьевском у. имеют свою не менее интересную предысторию. Приокская часть уезда была издавна известна промышленным характером развития, но основная часть Егорьевского у. в первой половине XVIII в. и ранее была сугубо сельскохозяйственным районом. Примерно к середине XVIII в. в земледелии этого района наблюдаются кризисные явления. Крайнее неплодородие земель Егорьевского у., как и всего района к северу от Оки, – факт общеизвестный. Сельское хозяйство этих районов развивалось путем сочетания трехпольной системы с переложной, а главное, с регулярной расчисткой под пашню лесных угодий. Вследствие этого к 60-м годам XVIII в. лесные массивы этого района резко сократились. Подтверждения этому мы находим в материалах секуляризации церковных земель, так называемых «офицерских описях» 1762–1764 гг., по обширной Высоцкой волости Егорьевского у. Если к концу XVIII в. в волости было свыше тысячи десятин различного рода лесных угодий («лес непашенный», «поверстный лес», «пашенный лес», «лесом поросло» и т. п.), то к 60-м годам XVIII в. на территории Высоцкой волости осталось 46,5 дес. леса и 85 дес. «мелкого кустарю»⁵⁰. В пределах дачи дер. Полбиной Егорьевского у. на конец XVII в. было около 900 дес. «непашенного леса». К 60-м годам XVIII в., по свидетельству «офицерских описей», уже «налицо лесу дровяного около 20 десятин»⁵¹.

При всех скидках на неточность данных писцовых межеваний неоспорим основной наш вывод – резкое сокращение лесных угодий в пределах Егорьевского у. за первую половину XVIII в. В Высоцкой волости расчистка леса под пашню привела к почти полному истреблению леса. В связи с этим последний резерв относительно плодородных земель исчез. Исчезли, очевидно, и возможности промышленного использования леса. Старопахотные песчаные земли пришли в полную непригодность. Это подтвер-

ждается убедительными свидетельствами источников. Так, «офицерские описи» сообщают нам, что огромное большинство населения Высоцкой волости (43 дер. 1800 душ м.п.)⁵² вынуждено прибегать к ежегодному найму пашенных земель, лесных угодий на громадную сумму 1646 руб. 20 коп. (по 90 коп. на душу м.п.)⁵³. В результате монастырское крестьянство волости было одно из беднейших. «Прикидки» будущего оброка при всех стараниях офицеров-переписчиков не поднимались выше 85 коп. с души м.п. Причем назначаемая сумма большею частью сопровождалась уточнением, что оброк может быть выполнен лишь «с отягощением». Все это служит красноречивым свидетельством тяжелого экономического положения крестьянского хозяйства этого района. Разумеется, этот своего рода кризис разразился не сразу в 1762–1764 гг. Состояние сельского хозяйства ухудшалось постепенно. Однако вплоть до 60-х годов XVIII в. крестьянское хозяйство не находило реальной возможности для своей перестройки.

С этой точки зрения очень важно и характерно свидетельство «офицерских описей» о полном отсутствии к 60-м годам XVIII в. в Высоцкой волости каких-либо подсобных крестьянских промыслов. В свидетельствах о соседних с волостью помещичьих селениях упоминания о промыслах также отсутствуют. Развитие крестьянских промыслов в крае получает известное значение, по всей вероятности, лишь с 60-х годов XVIII в. Возможно, что это связано с общими изменениями в социально-экономической обстановке в стране.

Что касается всего уезда в целом, то особенно бурное развитие промыслов происходит здесь в период с начала 70-х по конец 80-х годов XVIII в., и это четко отражается в наших статистических материалах. В восточной части уезда, примыкающей к Мещере, развивается обработка дерева. Многие селения специализируются по выделке брусьев, драни, теса, какор, воротных щитов. Вместе с тем в больших количествах отсюда вывозятся в крупные города полозья, колеса, оси, кадки, бочки и т.п. В Высоцкой волости и в самом Егорьевске быстро распространяется хмелеводство. Но главную роль в подсобных промыслах играл отход на заработки «по папшортам». Топографические описания 80-х годов XVIII в. сообщают нам о самых разнообразных видах отходничества. Здесь и работа на фабриках, и отход в Москву, и «плотничья работа по другим губерниям». В связи с ростом судоходства на Оке большие массы населения уезда были заняты в постройке и сопровождении различного рода судов и барок от Нижнего Новгорода до Москвы и Орла. Особенное место занимает отход «на Дон и в степные места»⁵⁴.

Сводный цифровой материал «Полных Экономических примечаний» дает нам возможность суммировать итог всех этих разнообразных экономических изменений, который выражается в том, что в необычайно короткий срок (10–15 лет) крестьянское хозяйство подверглось кардинальной перестройке. Центр тяжести перемещается в неземледельческую деятельность и отходничество.

Этот своего рода «промышленный переворот» заслуживает самого пристального внимания, ибо его, по всей вероятности, нужно связывать с началом общего процесса интенсивного разложения феодально-крепостнической системы хозяйства центральных районов. Процесс проникновения товарно-денежных отношений в крестьянское хозяйство, разумеется, имел место и ранее. Но с указанного нами периода тенденция отрыва крестьянских масс от земледелия стала ведущей, определяющей тенденцией развития для всего района в целом. Можно полагать, что для оброчной системы феодального хозяйства этот момент, когда крестьянство окончательно становится на путь отрыва от земледелия, является наиболее важным, ключевым моментом, определяющим начало активного разложения феодально-крепостнической системы хозяйства.

Это разложение, как и развитие капиталистических отношений, «совершается не разом и не повсюду...»⁵⁵. Поэтому, естественно, не все районы обширной территории России имели во второй половине XVIII в. одинаковый уровень социально-экономического развития.

В нашем распоряжении имеется материал по Кинешемскому у. Костромской губ., позволяющий также сравнить соотношение оброчных платежей и обеспеченности пашней за 70–80-е годы XVIII в. Однако эти данные имеют совершенно иной характер, чем по Егорьевскому у.⁵⁶

Из сравнения материалов таблицы отчетливо видно, что соотношение в обеспеченности пашней на протяжении 70–80-х годов не претерпело сколь-либо существенных изменений. Однородность процесса, отсутствие в рассматриваемый период коренных изменений в крестьянском хозяйстве Кинешемского у. сказываются и на темпах усиления эксплуатации крестьян. Обращает на себя внимание сравнительно медленный рост суммы оброчных платежей. У 60% крестьян Кинешемского у. оброк за этот период (около 15 лет) увеличился лишь в 1,5 раза и менее (4008 душ м.п., 11 977 дес. пашни).

Яркий контраст по сравнению с этим представляют материалы по темпам роста оброка в Егорьевском у. Примерно за тот же отрезок времени (10–15 лет) оброчные платежи совершают здесь необычайный скачок, возрастая приблизительно в три раза (с 2–3 руб. до 6–7 руб. с души м.п.).

Таблица 11

Оброк с души м.п. (в руб.)	70-е годы				
	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
1-1,3	1369	20	4179	20	3,05
1,5	828	13	2636	13	3,2
1,7-1,8	267	5	559	2,5	2,1
2	3515	52	10 570	52	3,01
2,5	614	9	2191	11	3,7
3	113	1	317	1,5	2,8
7	—	—	—	—	—
Всего	6706	100	20452	100	3,05

Оброк с души м.п. (в руб.)	80-е годы				
	Число крестьян (душ м.п.)		У них пашни (дес.)		Пашни на душу м.п.
	Абс.	%	Абс.	%	
1-1,3	—	—	—	—	—
1,5	—	—	—	—	—
1,7-1,8	—	—	—	—	—
2	—	—	—	—	—
2,5	1014	15	3148	15	3,1
3	5571	83	16 869	83	3,0
7	121	2	435	2	3,6
Всего	6706	100	20 452	100	3,05

Между охарактеризованными выше важными качественными изменениями в крестьянском хозяйстве Егорьевского у., знаменующими перемещение центра тяжести экономического развития в неземледельческую деятельность и отходничество, и одновременным резким скачком в темпах роста оброка существует самая тесная и не случайная связь. Сочетание этих важнейших показателей косвенно свидетельствует о глубоких качественных изменениях в экономическом развитии района, которые можно считать начальной гранью активизации процесса разложения оброчной системы феодального хозяйства.

Такое же сочетание показателей наблюдается и по районам, где на основании приведенных материалов можно считать этот переломный момент к 70-м годам XVIII в. уже пройденным (Костромской, Вяземский у. и др.). Здесь, помимо обратно про-

порционного соотношения размеров оброка и обеспеченности пашней, заметно выделяется более высокий, чем в окружающих районах, уровень оброка.

Было бы неверным считать Центральный промышленный район таким районом, где, в конечном итоге, должны были бы сплошь произойти указанные изменения. Естественно, внутри этого района были и остались вплоть до эпохи расцвета капитализма более или менее большие территории, экономика которых была основана главным образом на сельском хозяйстве⁵⁷. Но в данном случае не они, а именно те районы, где происходили вышеперечисленные коренные изменения в экономике крестьянского хозяйства, определяли основную тенденцию социально-экономического развития.

Наши материалы дали возможность обнаружить пока всего лишь три таких района, расположенных в различных областях промышленного центра (Костромской, Вяземский и Егорьевский у.). Причем самый момент коренных изменений удалось проследить лишь в одном из них – Егорьевском у. Можно предположить, что в 70–80-х годах XVIII в. на территории промышленного центра подобные районы не были единственными. Лишь недостаток источников не дает полных оснований включить в число этих районов Нерехотский у. Вполне вероятно наличие таких районов на территории Московской, Владимирской, Калужской и других губерний. Однако можно определенно считать, что вышеперечисленные районы были одними из самых первых, где получили развитие упомянутые явления. Коренное изменение в соотношении земледелия и промысловой деятельности крестьян в 60–70-е годы XVIII в., по-видимому, только начиналось, ибо в 70–80-е годы XVIII в. для такого района, как Кинешемский у., в XIX в. имеющего уже ярко выраженный промышленный характер, наблюдаются лишь только первые сдвиги в указанном направлении. Однако, начавшись в 60–70-х годах XVIII в., этот процесс продолжается до самого конца XVIII в., расширяясь при этом территориально. Одним из ярких подтверждений этого служит резкий скачок в росте оброка, наблюдавшийся в 80–90-е годы XVIII в. в районе Сергачского и Ардатовского у. Нижегородской губ.⁵⁸

¹ См.: *Семевский В.И.* Крестьяне в царствование имп. Екатерины. СПб., 1903. Т. II.

² *Павлов-Сильванский Н.П.* Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. // Соч. СПб., 1910. Т. II. С. 195–196.

³ *Семевский В.И.* Указ. соч. С. 49.

- ⁴ См.: Очерки истории СССР. Вторая половина XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 54.
- ⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 156–159.
- ⁶ *Ковальченко И.Д.* Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX в. М., 1959; *Коренева Е.И.* Крестьянское движение в России в 1796–1798 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1952; *Захарова Л.Ф.* Помещичьи крестьяне Нижегородской губ. и их классовая борьба во второй половине XVIII в. Дисс. ... канд. ист. наук. Горький, 1954.
- ⁷ См. *Трифилев Е.П.* Очерки из истории крепостного права в России в царствование имп. Павла I. Харьков, 1904; *Щенетов К.Н.* Крепостное право в вотчинах Шереметевых. М., 1947; *Дракохруст Е.И.* Расслоение крепостного крестьянства в оброчной вотчине XVIII в. // Исторические записки. Т. 4; *Сивков К.В.* К вопросу об имущественном расслоении крестьянства в XVIII в. // Там же. Т. 11; *Рубинштейн Н.Л.* К характеристике вотчинного режима и крестьянского движения в конце 70-х гг. XVIII в. // Там же. Т. 37; *Коган Э.С.* Волнения крестьян Пензенской вотчины А.Б. Куракина во время движения Пугачева // Там же; *Индова Е.И.* Крестьянство центрально-промышленных вотчин Воронцовых в первой половине XIX в. // Исторические записки. Т. 38; и др.
- ⁸ Экономические примечания уже подвергались источниковедческому разбору в наших работах. См.: *Милов Л.В.* О вариантах «Экономических примечаний» в второй половине XVIII в. // История СССР. 1957. № 2; *Он же.* «Сказки» крестьян как исходный материал для Экономических примечаний Генерального межевания // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960.
- ⁹ *Ленин В.И.* Соч. Т. 4. С. 29.
- ¹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф. Военно-ученого архива (ВУА). Оп. 3. Д. 18859. Ч. II, III; Д. 26442. Данные охватывают всех оброчных крестьян трех уездов. Материалы получены путем построчного подсчета данных Экономических примечаний.
- ¹¹ РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. Д. 18859. Ч. IV. Дача 325; Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Меж. отд. Нижегородская меж. контора. Мелочные дела. Кат. 398/1. Л. 113 об.
- ¹² РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Смоленской губ. Д. 113. Подсчеты сделаны на основании данных Экономических примечаний к Генеральному плану Юхновского у.
- ¹³ Там же. Д. 103. Подсчеты сделаны на основании данных Экономических примечаний к Генеральному плану Сычевского у.
- ¹⁴ Там же. Д. 35. Подсчеты сделаны на основании данных Экономических примечаний к Генеральному плану Гжатского у.
- ¹⁵ Там же. Д. 22. Подсчеты сделаны на основании данных Экономических примечаний к Генеральному плану Вяземского у.
- ¹⁶ Там же. Экономические примечания Калужской губ. Д. 30, 38. Таблица составлена на основании подсчета данных Экономических примечаний.
- ¹⁷ Там же. Меж. отд. Новгородская меж. контора. Межевые уездные книги. По Новгородской губ. сохранились межевые уездные книги, точно датирующие полное окончание межевания губ. в 1780–1781 гг.

- ¹⁸ Там же. Экономические примечания Новгородской губ. Д. 6; оброк 2 руб. (дачи № 5, 96, 62 и др.); оброк 3 руб. (дачи № 141, 168, 171, 175 и др.).
- ¹⁹ Там же. Д. 11. Подсчитано по неполному экземпляру Полного примечания Валдайского у. Данные о населении подсчитаны по графе «налицо».
- ²⁰ Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Костромское губернское правление. Чертежный отд. Писцовый архив (Ф. 138). Оп. 5. Д. 20. Подсчитаны данные дач Полного примечания Нерехотского у., материалы которых датируются 70-ми годами XVIII в. Датировка сведений по оброку выделяет две хронологически разные группы материалов, первая из которых датируется 70-ми, а вторая 80-ми годами XVIII в. Определение обеих групп материалов произведено с помощью картографирования данных по оброку на Генеральном плане Нерехотского у., в результате которого данные 70-х годов целиком пришлись на ту часть уезда, которая в 1778 г. отошла от Шуйского у. Владимирской губ.
- ²¹ См.: РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Владимирской губ. Д. 33. Здесь также вполне вероятен приближенный характер сведений, поскольку черновик очень плохого качества и 3-рублевый оброк является единственным.
- ²² Подсчеты проведены на основании данных следующих источников. РГАДА. Меж. отд. Костромская меж. контора. Полевые записки. Д. 6872. Л. 66; Д. 6887. Л. 67, 272; 68, 273; 87, 252; 88, 251; 125, 214; 145, 194; 146, 193; 149, 154; Д. 6903. Л. 17; Д. 6956. Л. 7; Д. 7009. Л. 2 об.; Д. 7016. Л. 3–4; Д. 7030. Л. 1 об.; Д. 7032. Л. 1 об.; Д. 7044. Л. 1 об.; Д. 7046. Л. 1; Д. 7077. Л. 1–2; Д. 7098. Л. 1 об.; Д. 7111. Л. 1, 8; Д. 7112. Л. 1 об.; Д. 7114. Л. 1; Д. 7130. Л. 4; Д. 7141. Л. 2 об.; Д. 7142. Л. 3 об.; Д. 7145. Л. 1 об.; Д. 7146. Л. 1 об.; Д. 7158. Л. 3–4; Д. 7161. Л. 1 об.; Д. 7174. Л. 35 об., 38 об.; 41 об., 111 об.; Д. 7179. Л. 1, 14; Д. 7183. Л. 1 об.; Д. 7203. Л. 1 об.; Д. 7207. Л. 1 об.; Д. 7208. Л. 1, 12; Д. 7209. Л. 1–2; Д. 7229. Л. 103 об.; Д. 7233. Л. 1 об.; Д. 7244. Л. 1 об.; Д. 7251. Л. 1 об.; Д. 7264. Л. 1 об.; Д. 7291. Л. 1 об.; Д. 7293. Л. 3 об.; Д. 7294. Л. 2 об.; Д. 7303. Л. 2 об.; Д. 7520. Л. 23 об., 24; Д. 6872. Л. 2; Д. 6887. Л. 148, 150, 152, 86, 253, 124, 235, 126, 213; 143, 144, 195, 85, 254, 49, 45, 38, 36, 27; Д. 6902. Л. 1; Д. 6903. Л. 12; Д. 6964. Л. 1; Д. 6993. Л. 1; Д. 6995. Л. 1; Д. 7017. Л. 2–3; Д. 7021. Л. 1 об.; Д. 7023. Л. 1 об.; Д. 7027. Л. 1; Д. 7034. Л. 1–2; Д. 7045. Л. 1 об.; Д. 7067. Л. 1 об.; Д. 7068. Л. 1 об.; Д. 7069. Л. 2 об.; Д. 7073. Л. 2 об.; Д. 7079. Л. 1 об.; Д. 7080. Л. 2 об.; Д. 7083. Л. 1 об.; Д. 7085. Л. 1 об.; Д. 7088. Л. 3 об.; Д. 7090. Л. 2 об.; Д. 7092. Л. 3 об.; Д. 7093. Л. 1 об.; Д. 7096. Л. 12 об.; Д. 7097. Л. 1 об.; Д. 7102. Л. 1 об.; Д. 7107. Л. 1 об.; Д. 7108. Л. 1 об.; Д. 7110. Л. 1 об.; Д. 7117. Л. 1 об.; Д. 7123. Л. 1 об.; Д. 7128. Л. 2 об.; Д. 7134. Л. 3 об.; Д. 7138. Л. 3 об.; Д. 7139. Л. 2–3; Д. 7149. Л. 1 об.; Д. 7167. Л. 1, 6; Д. 7170. Л. 1 об.; Д. 7172. Л. 1 об., 14; Д. 7174. Л. 47 об., 84, 91; Д. 7175. Л. 1 об.; Д. 7187. Л. 1 об.; Д. 7188. Л. 1 об.; Д. 7191. Л. 1 об.; Д. 7193. Л. 1 об.; Д. 7228. Л. 1 об.; Д. 7229. Л. 44, 163; Д. 7242. Л. 1 об.; Д. 7249. Л. 1 об.; Д. 7250. Л. 1 об.; Д. 7260. Л. 1 об.; Д. 7261. Л. 1 об.; Д. 7263. Л. 1 об.; Д. 7266. Л. 1 об.; Д. 7272. Л. 1 об.; Д. 7274. Л. 1 об.; Д. 7280. Л. 1 об.; Д. 7282. Л. 1 об.; Д. 7283. Л. 1 об.; Д. 7285. Л. 1 об.; Д. 7286. Л. 1 об.; Д. 7456. Л. 1–2; Д. 6887. Л. 8; Д. 7056. Л. 1; Д. 7225. Л. 1 об.; Д. 7248. Л. 1 об.; Д. 7266. Л. 1 об.; Д. 7276. Л. 1 об.;

- Д. 7406. Л. 1 об.; Д. 7520. Л. 40 об.; Д. 7437. Л. 1, 6; Д. 7010. Л. 1 об.; Д. 7119. Л. 1 об.; Д. 7284. Л. 1 об.; Д. 7411. Л. 1 об.; Д. 7250. Л. 42; Д. 7448. Л. 1, 8.
- ²³ Там же. Меж. отд. Владимирская меж. контора. Полевые записки. Д. 8323. Л. 3–3 об.; Д. 8388. Л. 2 об.; Д. 8240. Л. 3 об.; Д. 8391. Л. 6 об.; Д. 8385. Л. 7 об.; Д. 8386. Л. 23.
- ²⁴ ГАКО. Ф. 138. Оп. 5. Д. 14. Подсчеты сделаны по Полному примечанию Кинешемского у.
- ²⁵ Там же. Д. 3; РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Костромской губ. Д. 11. Подсчитано на основании данных Полного и Краткого экономических примечаний.
- ²⁶ ГАКО. Ф. 138. Оп. 5. Д. 17, 18. Подсчеты сделаны по Полному примечанию Костромского уезда.
- ²⁷ РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Нижегородской губ. Д. 58. Помещичьи крестьяне, отдельно обмежеванные, составляли лишь 3% всех крестьян уезда.
- ²⁸ Там же. Меж. отд. Нижегородская меж. контора. Полевые записки. Д. 1816. Л. 4 об.; Д. 1582. Л. 7 об.; Д. 1540. Л. 9 об.; Д. 1533. Л. 13 об.; Д. 1771. Л. 14 об.; Д. 1769. Л. 32 об.; Д. 1678. Л. 8 об.; Д. 1543. Л. 12 об.; Д. 1739. Л. 9 об.; Д. 1490. Л. 1 об.; Д. 1484. Л. 6.
- ²⁹ Государственный архив Горьковской области (далее – ГАГО). Нижегородская губернская чертежная контора (Ф. 829). Оп. 676 «б». Д. 9574. Подсчитано по Полному примечанию Сергачского у. В подсчет не вошло 245 душ м.п., смешанных с крестьянами адмиралтейского ведомства.
- ³⁰ РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Вологодской губ. Д. 22. Таблица подсчитана на основании данных Полного примечания Вологодского у. Данные охватывают 45% оброчных крестьян уезда.
- ³¹ См.: Там же. Меж. отд. Экономические примечания Петербургской губ. Д. 17. Дачи 18, 31, 32, 41, 47, 53, 88 и др. Эта территория занимает примерно 2/3 уезда за исключением его южной части.
- ³² ГАКО. Ф. 138 Оп. 5. Д. 20. Подсчитаны данные дач Полного примечания Нерехотского у., материалы которых датируются 80-ми годами XVIII в.
- ³³ РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Рязанской губ. Д. 10. Из 22 609 душ м.п. помещичьих крестьян оброчных – 18241 душ м.п. Подсчитано по данным Экономического примечания Егорьевского у.
- ³⁴ Там же. Экономические примечания Рязанской губ. Д. 10. Не учтено 2373 души м.п., по которым нет сведений. Подсчитано по Полному примечанию Егорьевского у.
- ³⁵ Захарова Л.Ф. Указ. дисс. С. 142–143.
- ³⁶ Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал майором Иваном Болтиным. 1788. С. 218.
- ³⁷ Еще Н.П. Павлов-Сильванский оценивал собранные Трифилевым 30 примеров за конец XVIII в. как большое достижение. См.: Павлов-Сильванский Н.П. Соч. Т. II. С. 156.
- ³⁸ ГАГО. Ф. 829. Оп. 676 «б». Д. 3, 267. Подсчитано по данным примечания к Атласу 1797 г.
- ³⁹ Захарова Л.Ф. Указ. дисс. С. 146–147.
- ⁴⁰ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 158; Коренева Е.И. Указ. дисс. С. 127–133.

- ⁴¹ Есть основание предполагать, что изучаемый источник дает сумму оброка в серебре, поскольку в это время большинство помещиков предпочитало исчисление оброка серебром (см. также: *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России по второй половине XVIII в. М., 1957. С. 158). Если даже допустить, что оброк исчислялся в ассигнациях, что маловероятно, то и в этом случае учет курса рубля внесет уточнение лишь в сотые доли рубля. Ведь курс ассигнационного рубля вплоть до 1788 г. достигал 97–99 коп. серебра, а курс серебра был твердым (См.: *Сперанский М.М.* О монетном обращении // Чтения в ОИДР. 1872. Кн. 4. С. 147, 154–155; *Шторх П.* Материалы для истории денежных знаков в России с 1653 по 1840 год // ЖМНП. 1868. Кн. 137. С. 828–829). Более значительной могла бы быть поправка на ассигнации 90-х годов: за этот период их стоимость опускалась в отдельные годы до 66 коп. серебра за рубль. (См.: *Шторх П.* Указ. соч. С. 829).
- ⁴² РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Вологодской губ. Д. 22. Подсчитано на основании данных дач № 1–1145 Полного примечания Вологодского у.
- ⁴³ Таблица составлена на основании подсчетов данных Экономических примечаний о всех оброчных помещичьих крестьянах трех уездов. Материалы всех трех уездов датируются 1769–1773 гг. При подсчетах количества пашенных угодий учитывались, как и во всех последующих случаях, лишь земли населенных дач. Земли отхожих пустошей на основании данного источника не поддаются учету. Впрочем, отхожие пашни в большинстве случаев не использовались оброчным крестьянским хозяйством и потому их практическое значение ничтожно. РГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. Д. 26442; 18869. Ч. III, II.
- ⁴⁴ РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Смоленской губ. Д. 113. Примечание датируется 1776–1779 гг. Подсчитано на основании данных Полного Экономического примечания Юхновского у.
- ⁴⁵ Там же. Д. 103. Примечание датируется 1776–1779 гг. Подсчитано на основании данных Полного Экономического примечания Сычевского у.
- ⁴⁶ ГАКО. Ф. 138. Оп. 5. Д. 14. Примечание датируется 1780-ми годами. Подсчитано на основании данных Полного Экономического примечания Кинешемского у.
- ⁴⁷ Там же. Д. 16, 18. Примечание датируется 1780-ми годами; РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Смоленской губ. Д. 22. Примечание датируется 1776–1779 гг.; Экономические примечания Рязанской губ. Д. 10. Примечание датируется 1780-ми годами. Подсчитано на основании данных Полных Экономических примечаний. Учтены данные по всем оброчным крестьянам указанных уездов.
- ⁴⁸ Из группы с оброком в 3 руб. исключены две дачи, имеющие необычно много пашни и поэтому искажающие общую картину (№ 212, с. Спасское с 4 дер., 304 души м.п., пашни 2370 дес., т.е. по 7,8 дес. на душу м.п.; № 726, селцо Голочелово (Тинкино) с 5 дер., 141 душа м.п., 1945 дес. пашни по 14 дес на душу м.п.). См.: РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Смоленской губ. Д. 22.
- ⁴⁹ Подсчитано на основании данных по одним и тем же дачам Примечаний Коломенского и Егорьевского у. ЦГВИА. Ф. ВУА. Оп. III. Д. 18859. Ч. IV; РГАДА. Меж. отд. Экономические примечания Рязанской губ. Д. 10. Следует оговориться, что в эту таблицу не вошли данные по при-

- окскому району уезда, где такие села, как Деднево, Белоомут, Ловцы с давних пор не имели пашенных земель.
- ⁵⁰ Подсчитано по угодьям 40 селений Высоцкой волости. РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 739. Ч. II. Л. 255 об.; 262, 271, 277, 583; Ч. III. Л. 1 об., 9, 16, 23, 32, 36 об., 44, 53, 79, 81 об., 88, 92, 99, 105 об., 112, 115 об., 121 об., 128, 134 об., 141, 146 об., 152 об., 158 об., 168, 174 об., 183 об., 191, 198, 205, 212, 218, 221 об., 227 об., 245 об., 252. «Офицерские описи» сравнивают писцовые данные о лесных угодьях с состоянием на 1762–1764 гг. Например, 1) «пашни паханья худые земли 16 четв., перелогом 4 четв., лесом поросло 13 четв. в поле, а в дву по тому ж, лесу непашенного 2 дес., а ныне дровяного лесу 0,5 дес., кустарю 1,5 дес.» (Там же. Л. 36 об.); 2) «пашни паханья худые земли 15 четв., перелогом 8 четв., лесом поросло 14 четв. в поле, а в дву по тому ж... лесу пашенного 2 дес.; лесу непашенного 5 дес., ныне кустарю 1 десятина» (Там же. Л. 88).
- ⁵¹ Там же. Д. 50. Л. 9–10. Непашенный лес размером 1,5 × 1,5 версты.
- ⁵² Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 739. Ч. II. Л. 250, 257, 267, 273, 537, 544, 550, 557; Ч. III. Л. 1, 8, 15, 23, 30, 36, 53, 43, 74, 81, 91, 98, 105, 115, 121, 127, 134, 140, 146, 152, 158, 167, 174, 183, 190, 197, 204, 211, 221, 227, 245, 251.
- ⁵³ Там же. Ч. II. Л. 255 об., 262 об., 271 об., 277 об., 542 об., 544 об., 555 об., 362 об.; Ч. III. Л. 6 об., 13 об., 20 об., 23 об., 34 об., 41 об., 47 об., 53 об., 79 об., 88, 96, 103, 109, 119, 125, 132, 138, 145, 150, 156, 163, 172, 178, 188, 195, 202, 210, 215, 225, 231, 249, 256.
- ⁵⁴ РГБ. Отд. рукописей. Муз. собр. № 4852. Л. 21–22. Уже в более позднее время в черноземных губерниях прозвище «егорьевец» стало нарицательным для любого наемного работника.
- ⁵⁵ Маркс К. Капитал. Т. III. М., 1955. С. 814.
- ⁵⁶ Таблица составлена на основании следующих источников: ГАКО. Ф. 138. Оп. 5. Д. 14; 125 «сказок» поверенных крестьян (см. ссылку на стр. 99).
- ⁵⁷ Кроме того, следует иметь в виду, что проявления процесса отрыва крестьянства от земледелия были весьма многообразны, и обеспеченность пашенными угодьями, конечно, не всегда может быть использована как показатель отрыва крестьян от земледелия.
- ⁵⁸ Если в середине 80-х годов XVIII в. основной оброк по Сергачскому у. был равен 3 руб. с души м.п., то в конце 90-х годов XVIII в. в пределах смежного Ардатовского у. основной оброк равнялся 10 руб. с души м.п. Таким образом, это может служить косвенным показателем резкого скачка в росте оброка (в 3 раза за 15 лет), аналогичного тому, который был в 70–80-х годов в Егорьевском у. Рязанской губ. ГАГО. Ф. 829. Оп. 676 «б». Д. 9574. Л. 267, 3.

О РОЛИ ПЕРЕЛОЖНЫХ ЗЕМЕЛЬ В РУССКОМ ЗЕМЛЕДЕЛИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII в.

Вопрос об изучении элементов переложной системы в земледелии России во второй половине XVIII в. в данной статье ставится прежде всего как вопрос источниковедческий, ибо он принадлежит к числу проблем, сложность изучения которых большей частью обуславливается скудостью источниковедческой базы.

Слабая разработка этого вопроса объясняется также важным обстоятельством историографического порядка – стремлением большинства авторов трактовать сведения о наличии в XVIII в. перелога и залежи лишь как факты, свидетельствующие о сохранении пережитков примитивной переложной системы земледелия, характерной для ранних этапов развития общества. Подобная трактовка, естественно, не стимулировала интерес исследователей к изучению этого якобы исчезающего явления.

Для решения вопроса о степени распространения перелога и залежи в русском земледелии второй половины XVIII в. прежде всего необходима тщательная источниковедческая критика имеющихся материалов, поскольку трудно надеяться на возможность открытия какого-то нового фундаментального источника, который представил бы в наше распоряжение исчерпывающий материал по этой проблеме.

Со времени В.И. Семевского наиболее важным источником, дающим сводную характеристику сельскохозяйственным угодьям в рассматриваемый период, считаются Экономические примечания к Генеральному межеванию. В этом источнике говорится о пашенных угодьях при традиционном упоминании о трехполье. Таким образом, судя по его данным, перелог и залежь во второй половине XVIII в. из земледелия как будто исчезают.

Однако в нашей литературе никто не изучал принцип классификации угодий в Экономических примечаниях, в то время как классификация эта явилась, по существу, переворотом в традиционных для России принципах описания земель и поставила немало затруднений перед теми, кто ее претворял в жизнь.

В самом деле, ведь вся предшествующая система писцовых описаний XVI – XVII вв. непременно включала в себя элемент хозяйственной оценки угодий с точки зрения системы земледелия («пашня паханая», «перелог», «пашня лесом поросла», «лес пашенный» и т.п.). Напротив, Экономические примечания дают совершенно иную классификацию угодий: «пашня», «сенокос», «лес», «неудобная земля» и земля «под поселением». Переход к

такой классификации угодий был вызван, очевидно, развитием экономгеографических знаний как в России, так и на Западе. Принцип составления ее неизвестен¹. Точнее сказать, мы не знаем, включает ли эта классификация земель какой-либо элемент хозяйственного определения вида тех или иных угодий, как это было в XVI–XVII вв. Если этот элемент в ней присутствует, тогда явления перелога или залежи ко второй половине XVIII в. исчезают (что, впрочем, противоречит другим свидетельствам). Если же этот элемент отсутствует, то встает важнейший вопрос о подходе составителей Экономических примечаний к залежным землям и перелогу, иначе говоря, вопрос о том, в какую рубрику зачисляли эти земли при межевании – в «пашню», «сенокос» или «лес».

Таким образом, огромный материал Экономических примечаний должен быть подвергнут изучению с точки зрения соответствия бытовавших в тот период в сельском хозяйстве России систем земледелия той классификации земель, которая принята в Экономических примечаниях. Это большой и длительный труд, который, конечно, не под силу одному исследователю, но который заслуживает самого серьезного внимания.

Источниковедческий анализ Экономических примечаний приводит к ряду интересных наблюдений в области изучения принципа классификации угодий. Оказывается, что отсутствие переложных земель в числе угодий, упоминаемых в этом источнике, вовсе не означает их исчезновения из земледельческой практики во второй половине XVIII в. Просто землемеры зачисляли их в другие угодья, причем принципы этих перегруппировок были отнюдь не едиными.

Интереснейшие материалы, сохранившиеся в РГАДА, позволяют проследить начальный этап этой большой и сложной работы. Дело в том, что принцип классификации угодий, которого придерживались составители ряда первых пробных экземпляров Экономических примечаний, резко отличался от принципов, на которых основывалась вся последующая практика Генерального межевания. Это прежде всего относится к Экономическим примечаниям по Рузскому, Волоколамскому, Можайскому, Минскому и Звенигородскому у. Московской провинции (конец 60-х – начало 70-х годов XVIII в.)². В них наряду с типичными для Экономических примечаний видами угодий упоминаются и такие угодья, как «пашенный лес» и «перелог». При этом следует подчеркнуть, что подобная классификация в пробных экземплярах Экономических примечаний не была простой данью традиции писцовой практики XVI–XVII вв., – это было отражением реальных явлений в земледельческой практике.

Касаясь существа вопроса, т.е. степени распространения перелога и его элементов, необходимо заметить, что переложные земли в упомянутых районах – не редкость. Это обстоятельство может свидетельствовать о довольно широком распространении эле-

ментов перелога в земледелии центра России во второй половине XVIII в. и позволяет оценить по достоинству известия такого источника, как топографические описания. Недаром в описании по Тверской губ. за 1783–1784 гг. утверждалось, что «в лесистых уездах леса расчищаются ежегодно *в немалом количестве* (курсив наш. – Л.М.). Нововычищенная земля... теряет после 3 или 4 хлебов свою плодородную силу и требует удобрения навозом. Почему обыватели, употребля неисчетные на расчистку труды, большею частию потом запускают оную под лес»³. Это наблюдение относится по крайней мере к десяти у. Тверской губ.⁴, причем далеко не везде пашни запускались под лес: в Вышневолоцком у., например, они отводились под сенокос⁵. Данные Экономических примечаний позволяют говорить о переложных землях и на Смоленщине, причем отнюдь не как о каком-то пережитке, а как о довольно распространенном явлении. Так, например, по Гжатскому у. перелог отмечен в 73 населенных дачах из 104⁶. При дальнейшей переделке Экономических примечаний по новой классификации переложные земли (будь то «пашенный лес» или «перелог»), как правило, зачислялись в рубрику «лес». Это подтверждается сопоставлением пробных черновиков с Примечаниями, утвержденными Сенатом в 1773 г. Вот ряд примеров по Рузскому уезду⁷:

Пробные черновики

Название селения	Пашня	Лес строевой	Лес дровяной	Лес пашенный
Сельцо Трохово	81 дес. 2398 саж.	—	—	3 дес. 1952 саж.
Село Покровское	676 дес. 198 саж.	250 дес. 122 саж.	124 дес. 2200 саж.	95 дес. 791 саж.
Сельцо Дьяконово	50 дес. 550 саж.	—	31 дес. 173 саж.	17 дес. 465 саж.
Село Брынково	962 дес. 1153 саж.	90 дес.	208 дес. 234 саж.	268 дес. 1200 саж.

Название селения	Сенокос	Неудобной земли	Итого
Сельцо Трохово	5 дес. 1300 саж.	6 дес. 1115 саж.	104 дес. 957 саж.
Село Покровское	112 дес. 1680 саж.	93 дес. 936 саж.	1396 дес. 2073 саж.
Сельцо Дьяконово	60 дес. 1200 саж.	10 дес. 1011 саж.	171 дес. 560 саж.
Село Брынково	154 дес. 1680 саж.	32 дес. 126 саж.	1840 дес. 474 саж.

Примечания 1773 г.

Название селения	Пашня	Лес дровяной	Сенокос	Неудобной земли	Итого
Сельцо Трохово	81 дес. 2398 саж.	3 дес. 1952 саж.	5 дес. 1300 саж.	6 дес. 1115 саж.	104 дес. 957 саж.
Село Покровское	676 дес. 198 саж.	470 дес. 713 саж.	112 дес. 1680 саж.	80 дес. 2156 саж.	1384 дес. 893 саж.
(включая строевой)					
Сельцо Дьяконово	50 дес. 550 саж.	48 дес. 638 саж.	60 дес. 1200 саж.	10 дес. 1011 саж.	171 дес. 560 саж.
Село Брынково	1207 дес. 1740 саж.	495 дес. 1290 саж.	96 дес. 658 саж.	133 дес. 1907 саж.	1970 дес. 15 саж.

Количество подобных примеров легко увеличить, так как аналогичным положение было буквально по каждой даче уезда. При этом не следует думать, что переложные земли в виде «пашенного леса» при переделке Примечаний причислялись к «лесу» механически, что это, следовательно, чисто канцелярская работа. Такое предположение отпадает, как только мы сопоставим и изучим цифры, относящиеся к соответствующим угодьям. Большинство цифр о количестве населения и о размерах отдельных угодий при переделке осталось без изменений, однако довольно часто встречаются дачи, где в силу тех или иных причин попутно с перераспределением переложных земель была выполнена дополнительная работа по перемереживанию дач. В приведенной таблице такие изменения можно видеть по даче с. Брынково. Иначе говоря, вся работа по изменению принципа классификации угодий производилась в полевых условиях.

Из анализа и сопоставления пробных черновиков и утвержденного варианта Экономических примечаний выявляется еще одно немаловажное обстоятельство. Отнюдь не всегда угодья, отнесенные прежде к «пашенному лесу», переводились в рубрику «лес». Встречаются случаи (их, правда, меньше), когда «пашенный лес» попадал в рубрику «сенной покос». Так, например, по Можайскому у. в даче сельца Опарина по черновикам числилось 135 дес. 2107 сажен «пашенного леса» при отсутствии строевого и дровяного леса и сенокоса, в Кратком же примечании 1782 г. находим «сенокос» в размере тех же 135 дес. 2107 сажен при отсутствии леса⁸. Этот факт подтверждает, что название «пашенный лес» строго соответствовало действительности, т.е. это была большей частью мелкая лесная поросль или кустарник, типичные для переложных земель⁹. В даче сельца Опарина эта поросль

была, очевидно, настолько мелкой или редкой, что ее решили квалифицировать как сенокос. В пользу мысли, что термин «пашенный лес» строго соответствовал действительности, свидетельствует и то обстоятельство, что в пробном Примечании этот тип угодий выделен наряду со «строевым лесом» и в особенности наряду с «дровяным».

Изучение источников наводит на мысль, что, во всяком случае в XVIII в., между терминами «пашенный лес», с одной стороны, и «перелог», с другой, вероятно, не было существенных различий¹⁰. Так, в частности, Примечание к Генеральному плану Гжатского у. 1781 г. строго придерживается термина «перелог», хотя в 80-х годах XVIII в. при создании так называемого краткого варианта Примечаний эти переложные земли зачислялись в равной мере как в «лес», так и в «сенокос»¹¹. Приведем ряд примеров¹².

Примечание 1781 г.		Краткое примечание	
№ 70, д. Клячина			
Пашня	162 дес. 1860 саж.	Пашня	162 дес. 1860 саж.
Перелог	672 дес. 1016 саж.	—	—
Сенокос	130 дес. 990 саж.	Сенокос	130 дес. 990 саж.
Строевой лес	250 дес. 120 саж.	Лес	1154 дес. 2156 саж.
Дровяной лес	232 дес. 1020 саж.	—	—
Итого	1786 дес. 1788 саж.	Итого	1786 дес. 1788 саж.
№ 75, сельцо Звездуново			
Пашня	79 дес. 1200 саж.	Пашня	70 дес. 1200 саж.
Перелог	42 дес. 1020 саж.	—	—
Сенокос	25 дес. 1480 саж.	Сенокос	25 дес. 1480 саж.
Строевой лес	24 дес. 30 саж.	Строевой лес	66 дес. 1050 саж.
Итого	172 дес. 1464 саж.	Итого	172 дес. 1464 саж.

Как в даче д. Клячина, так и в даче сельца Звездуново «перелог» объединяется со строевым и дровяным лесом, точно так же в вышеприведенных примерах поступали с «пашенным лесом». Вместе с тем в Примечании по Гжатскому у. часто встречается «перелог, по которому сенной покос». При изменении в классификации угодий этот вид перелога всегда попадает в графу «сенокос». Так, в пустоши Глухова по Примечанию 1781 г. было 40 дес. «перелогу, по которому сенной покос», а по Краткому примечанию стало 40 дес. «сенного покоса»¹³. Точно так же в сельце Дровнино с 25 деревнями в первом случае были 6762 дес. «перелогу, по которому сенной покос», а во втором случае стало

столько же десятин «сенного покосу»¹⁴ и т.п. Стоит подчеркнуть, что землемеры отличали переложные земли, «по которым сенной покос», от лесных зарослей с сенокосом, которые они зачисляли в «лес»¹⁵.

Таким образом, не трудно заметить, что, несмотря на разницу в терминах («пашенный лес», «перелог»), в обеих группах примеров имеются в виду одни и те же типичные переложные земли, поросшие травой, мелкой лесной порослью или кустарником.

В данном источнике возможность обнаружить явления перелога ограничивается лишь несколькими пробными экземплярами Экономических примечаний по Московской губ., но на их основе мы вправе сделать источниковедческий вывод принципиального характера: Экономические примечания к Генеральному межеванию скрыли от взора исследователя такое немаловажное для русского земледелия XVIII в. явление, каким является применение переложной системы и ее элементов. Выявить и изучить это явление можно лишь в результате весьма кропотливой работы по критике этого источника.

Очень сложно, в частности, обстоит дело с Экономическими примечаниями по черноземным и степным губерниям. Если до сих пор мы имели в основном дело с перелогом, который зачислялся либо в лес, либо в сенокос, то по этим губерниям вообще трудно определить, в какую графу занесены переложные или залежные земли, существование которых не подвергается сомнению. В литературе встречаются утверждения, подкрепленные фактами, что подобные земли включались в число пашенных угодий¹⁶. Однако источники дают пока слишком мало материала для того, чтобы это утверждение могло перерасти в обобщающий вывод. Все же в подготовительных материалах к Примечаниям есть некоторые новые факты на этот счет.

Прежде всего несколько слов о терминологии этих материалов. Очень большой фактический материал о названиях самых различных видов угодий дают так называемые межевые книги, которые составлялись землемерами. Их терминология шире и разнообразнее терминологии собственно Экономических примечаний. Но даже в межевых книгах, в частности по Харьковской и Орловской губ., совершенно не употребляются термины «перелог» или «залежь». Землемеры называют из основных угодий лишь «лес», «мелкую лесную поросль», «кустарник», «сенные покосы» и «пашенную землю». Если учесть, что в описании хода межи землемеры должны были в качестве постоянных ориентиров опираться лишь на постоянные уголья, отсутствие среди названных угодий перелога или залежи в конце концов станет понятным: это отнюдь не постоянные уголья, ибо они в той или

иной степени, все время вовлекаются в пашню. Именно поэтому вполне вероятно, что под «пашенной землей» землемеры имели в виду как поля трехпольного севооборота, так и переложную землю.

Эту мысль подтверждает сравнение терминологии землемеров с терминологией поверенных при межевании крестьян. Так, в частности, в «сказке» поверенных слободы Алешны Ахтырского у. Харьковской губ. «о полюбовном разводе и утверждении межи» встречаются следующие угодья: «...и малая часть леса и вокруг *пахотное поле переложное* (курсив наш. – Л.М.) и сенокосы з рощею дубовою»¹⁷. Таким образом, в межевой документации, составленной крестьянами, употребляется термин «перелог», а между тем в межевой книге, составленной на ту же самую дачу слободы Алешны землемерами, есть лишь «сенокосы» и «пашенная земля». Разумеется, нет термина «перелог» и в Экономическом примечании на эту дачу. Вполне допустимо, что землемеры включили перелог в пашенную землю, поскольку сами крестьяне характеризовали его как одно из «пахотных полей».

Над этим вопросом заставляют задуматься и некоторые другие факты, встречающиеся, в частности, в материалах межевой документации по малоосвоенным районам Воронежской губ. В некоторых межевых книгах Землянского, Острогожского, Калитвенского и Коротоякского у. к пашне причислялась целинная земля, или так называемая «степь, к хлебопашеству способная». Так, например, в межевой книге по слободе Белогорье Калитвенского у. в итоге значится: «по нынешней мере состоит пашенной земли и степи, к хлебопашеству способной, 33638 дес. 1631 саж., лесу строевого и дровяного 2708 дес., сенных покосов 1680 дес.» и т.п.¹⁸ Подобных примеров можно привести немало. На первый взгляд может, конечно, показаться, что такая практика является результатом недобросовестности, спешки и т.д., но это не так. Ведь размежевание по угодьям в районе, который во второй половине XVIII в. осваивался бурными темпами, было вовсе не столь простым делом. Не случайно поэтому при составлении готовых томов Экономических примечаний (что могло иметь место спустя 4–5 лет) правильность размежевания по угодьям вновь проверялась, и в обоих наших примерах пашенная земля в Примечаниях уже отделена от целины¹⁹.

Вместе с тем факты подобной практики землемеров должны насторожить, ибо исследователи отнюдь не гарантированы от того, что в итоге размежевания немалая часть целинных земель, а тем более земель переложных не попала в число пашенных угодий. Так, например, в межевой книге дер. Козынки Коротоякского у. значится: «по нынешней мере состоит пашенной земли и

степи, к хлебопашеству способной, 126 дес. 558 саж.»²⁰, в готовых же Примечаниях к пашне отнесена уже 251 десятина 2291 сажень. Ясно, что в «пашню» включена здесь не только распаханная земля, тем более что в Козынке было всего лишь 20 душ мужского пола²¹.

С другой стороны, запущенные переложные земли в черноземных и степных уездах могли быть и под сенокосными угодьями. Так, в обстоятельном описании А. Шафонского по Черниговскому наместничеству говорится о широко распространенном обычае, когда «по обыкновению по прошествии нескольких лет пахотные поля оставляются на некоторые годы под сенокос, а сенокосные обращаются в хлебопашество»²². В описании Харьковского наместничества подчеркивается, что из-за наличия перелогов «на украинских полях не бывает сплошного всех загонов засеvu, но на всех трех полях видим между хлебами облоговые (т.е. переложные. — Л.М.) полосы, дабы получить хорошее сено и пастбище»²³.

Таким образом, по отношению к южным районам трудности состоят не столько в принципиальном доказательстве существования переложных и залежных земель, сколько в том, что источники не обеспечивают возможности выявления реальных размеров переложных земель.

Из изложенного вполне ясно, что в ходе Генерального межевания и составления Экономических примечаний была проведена огромная и сложная работа по классификации угодий. При этом переложные и залежные земли постигла самая различная судьба. В Примечаниях по преимущественно нечерноземным губерниям переложные земли включались в состав лесных или сенокосных угодий, что же касается южных губерний, то в некоторых из них, наряду с зачислением в сенокосы, переложные земли были, очевидно, отнесены к пашенным угодьям.

Кроме того, необходимо отметить, что даже из столь краткого обзора фактического материала вполне отчетливо вырисовывается широкое распространение перелога в земледелии второй половины XVIII в. При этом переложные земли не появляются в виде отдельных островков, как какой-то пережиток прошлого, — в некоторых районах, особенно центра, а частично также запада и юга, такого рода земли встречаются почти повсеместно.

* * *

Несколько слов, в порядке предварительной постановки вопроса, о сущности явлений перелога в земледелии второй половины XVIII в. Как уже говорилось, одной из причин недооценки и даже замалчивания в исторической литературе фактов распространения перелога в земледелии XVIII в. послужила трактовка

этого явления как пережитка примитивной переложной системы земледелия, характерной для ранних этапов развития общества. Действительно, в источниках есть свидетельства о применении во многих лесистых районах нечерноземной полосы, не говоря уже о черноземных районах, настоящей переложной системы земледелия. Но в таких случаях речь идет чаще всего о всякого рода лесных нивах и заимках, на которых крестьянин, ввиду известной их выгоды, применял так называемые отсталые приемы земледелия. В громадном же большинстве случаев наличие переложных земель связано с явлениями, весьма далекими от переложной системы в собственном смысле этого слова. При этом в качестве решающих здесь могут быть выделены два момента.

Первым из них является то обстоятельство, что в изучаемый период соотношение площади переложных и распаханых земель не имеет ничего общего с соотношением этих земель при типичной переложной системе земледелия, когда перелог по крайней мере в четыре-пять раз должен превышать по площади распаханые земли. Во второй половине XVIII в. такое соотношение, характерное для переложной системы, встречается лишь на пустотных землях, отхожих пашнях, да и то не везде²⁴. В огромном большинстве случаев по Экономическим примечаниям можно констатировать существование переложных земель, которые составляют всего-навсего 20–40% от размера распаханной пашни, т.е. вместо $\frac{4}{5}$ общей площади перелог составляет здесь примерно лишь $\frac{1}{5}$ часть. Так, в частности, по Гжатскому у. в Новоолешинской волости, где было 87 селений, пашни числилось 21 407 дес., а перелога – 11 549 дес. (50% от площади пашни), в даче с. Савина со 107 селениями пашни было 71 216 дес., а перелога – 21 827 дес. (менее 30%), в дер. Ильячина с 3 деревнями пашни было 1787 дес., а перелога – 672 дес. (30%) и т.п. По Можайскому у. в целом перелога («пашенного леса») было 138 тыс. дес. при 175 тыс. дес. пашенных угодий²⁵. Увеличивать число примеров нет смысла, так как такое соотношение встречается в подавляющем большинстве дач.

Помимо материала по центру страны, можно привести яркие факты по другим районам, притом из источников иного типа, в частности из так называемых «офицерских описей». По 82 селениям Вобловицкой волости Слободского у. (3389 душ м.п.), входившим в вотчину Хлыновского Трифонова монастыря, перелог или запущенная пашня составляли 47% от распаханной земли (2272 чтв.)²⁶. В Кырчанской вотчине Хлыновского у. (2280 душ м.п.) перелог составлял всего 20% от распаханной земли (667 чтв.)²⁷.

Таким образом, исследователь стоит перед фактами, исключаящими возможность ведения переложной системы ввиду необычно малой доли переложных земель.

Вторым моментом, убеждающим нас в том, что наличие во второй половине XVIII в. массивов переложных земель вовсе не означает существования при этом переложной системы земледелия, является применение на землях, вышедших из-под перелогов и периодически забрасывавшихся в перелог, трехпольных севооборотов паровой системы земледелия.

Обратимся к фактам, которых достаточно как в источниках, так и в литературе. Можно начать с уже упомянутых материалов Трифонова монастыря, где переложные земли исчисляются по трем полям. Следует оговориться, что в данном случае намеренно взяты материалы «офицерских описей», не опирающихся на писцовые книги, «трехпольная» классификация которых послужила в свое время предметом спора. Материалы по вотчинам Трифонова монастыря за отсутствием данных писцовых книг собирались у крестьян и сопровождалась следующей формулировкой: «А счисление у крестьян бывает по одному севу хлеба, ржи, и не каждой год у всех генерально в той деревне пашенной земли на 30, да сверх того за неурожаем хлеба состоит в пуге на 11, — итого на 41 четверть в поле, а в дву по тому ж»²⁸. Предельно ясная формулировка источника, свободного от писцовой терминологии, которая носит иногда прямо-таки загадочный характер, делает вполне очевидным, что здесь забрасываются именно выпашанные поля парового трехполья.

Вероятно, так обстояло дело и во многих центральных районах. В Темниковском у. Тамбовской губ. было, например, в обычае, расчищая из-под леса пашни и луга, «оставлять прежние за выпашкою»²⁹. Такой же обычай описан у А.Т. Болотова для Калужской губ., когда дальние земли, обрабатывавшиеся по трехпольному севообороту, после ряда лет забрасывались в перелог³⁰. Крестьяне Семеновского у., по свидетельству В.И. Даля, «искони приняли за правило пахотные полосы... оставлять попеременно после непродолжительной распашки под залежь на 6–8 и даже до 10 лет»³¹.

Важно подчеркнуть, что забрасывание земель, обрабатывавшихся в режиме трехполья, происходило и в южных черноземных землях (где, между прочим, заметное распространение имела и собственно переложная система земледелия). Так, в описании по Харьковскому наместничеству подчеркивается наличие «на украинских полях» переложных («облоговых») полос «на всех трех полях»³².

Таким образом, во второй половине XVIII в. процент переложных земель по отношению к пашне в большинстве случаев

слишком мал для того, чтобы могла существовать переложная система земледелия. К тому же эти земли в период их использования обрабатывались по трехпольному севообороту. Следовательно, скорее всего мы имеем дело лишь с элементами переложной системы, которые неразрывно сочетаются с трехпольем. Иначе говоря, перед нами своего рода комбинированная система, сочетающая в себе достоинства как переложной, так и трехпольной системы³³.

Между прочим, подобные явления имели место как в более ранние, так и в более поздние хронологические периоды. По отношению к концу XV – началу XVI в. это отмечено в работе А.М. Гневушева, который обращает внимание на распространение в новгородских землях так называемой «лядинной» системы земледелия, предусматривавшей 3–4 трехпольных севооборота с последующим запуском под лес (1 – ячмень, 2 – овес, 3 – пар, 4 – рожь, 5 – овес, 6 – пар, 7 – рожь, 8 – овес, 9 – пар, с 10-го или позже – запуск в перелог)³⁴. По отношению к XIX в. сходные явления исследованы в работе А.С. Ермолова³⁵. На фундаментальный труд этого буржуазного ученого опирались в свое время такие крупные историки, как Н.А. Рожков, Ю.В. Готье, И.Н. Миклашевский, А.М. Гневушев и др. А.С. Ермолов отмечает распространение в XIX в. так называемой лесопольной системы земледелия, сочетающей паровое трехполье с запуском пашни под лес, причем лес определенный, содействующий плодородию (ольшаник, ельник, березняк)³⁶. Такого рода системы земледелия в XIX в. находили распространение и в Западной Европе (Франция, Германия, скандинавские страны и др.)³⁷.

Важность и значение подобных явлений в земледелии XVIII в. могут быть оценены должным образом лишь при уяснении значения и сущности парового трехполья, которые в литературе не всегда находят верное отражение. Во многих работах, посвященных феодальному периоду, трехпольный севооборот представляется чуть ли не как самая совершенная система земледелия, хотя трехпольный севооборот был далеко не совершенным и внутренние противоречия в трехполье общеизвестны. Трехпольный севооборот – важнейшее средство длительного, но отнюдь не вечного поддержания плодородия почвы (а именно таким его часто склонны считать).

Чистый трехпольный севооборот неизбежно сопровождается нарушением структуры почвы, ведущим к ее полному истощению. Органические удобрения (главным образом навоз), конечно, служат при трехполье важным средством повышения плодородия почвы, но источники свидетельствуют о практически ничтожной в рассматриваемый период роли навозного удобрения –

даже в помещичьем хозяйстве (лишь в очень немногих районах со значительным развитием скотоводства, каким был, например, район Архангельска, обилие удобрения играло важную роль в повышении плодородия почвы). При таком положении дел трехпольное паровое земледелие неизбежно должно было вести и вело к истощению почвы. На лесных почвах такое истощение наступало за каких-нибудь два десятка лет. Так, в частности, на «новороосистных» после ревизии 1744 г. починках Хлыновского у. уже к 1764 г. от 30 до 60% участков земли были истощены, лежали «в пусте»³⁸.

Если примерно до конца XVIII в. истощения почв в широком масштабе не наблюдается, то объяснение этому, на наш взгляд, следует искать в том, что при большом разнообразии почв (особенно в нечерноземных районах), вероятнее всего, находили широкое распространение различного рода комбинированные системы земледелия, сочетавшие трехпольный севооборот с периодическим забрасыванием пашни в перелог. Дело даже не в том, что в русском земледелии существовали какие-то особые, до сих пор не изученные системы земледелия³⁹, – в конечном счете речь должна идти о более или менее периодическом «обновлении» основного массива земель, обрабатывавшегося по трехпольному севообороту⁴⁰. В одних случаях к этому «обновлению» вела истощенность земель, в других – их засоренность. Быть может, было бы правильнее говорить просто об ином понимании парового трехполья, включая сюда не только собственно трехпольный севооборот, но и резервы переложных земель.

Все изложенное здесь может помочь объяснить то большое расхождение размеров пашенных угодий по Экономическим примечаниям и площади посевов по губернаторским отчетам, которое вызвало в литературе полемику⁴¹.

В своей интересной и глубокой работе о сельском хозяйстве Н.Л. Рубинштейн склонен видеть в этом расхождении свидетельство того, что повсеместно не использовалась вся площадь пахотных угодий⁴². Однако считать неиспользованной, иначе говоря, пустующей столь значительную часть земель (по данным Н.Л. Рубинштейна, 30–60% всех пашенных угодий) – это значит отрицать наличие такого широко известного для рассматриваемого периода явления, как малоземелье, проявившееся в острой борьбе крестьян за землю, в крестьянской колонизации южных районов и т.п.⁴³ В отношении ряда районов Н.Л. Рубинштейн допускает возможность того, что пашня не использовалась целиком из-за сокращения посевов в связи с «переходом крестьян от хлебопашества к промышленно-промысловой деятельности и ростом отходничества»⁴⁴. Но с такой постановкой вопроса нель-

зя согласиться, ибо сокращение посевов в Центрально-промышленном и Северо-Западном районах на 45–48%, т.е. почти наполовину, нельзя объяснить даже самыми бурными темпами отрыва крестьянства от земледелия⁴⁵. В полном противоречии с подобным объяснением находится, кстати, другой раздел книги Н.Л. Рубинштейна, где, изучая изменение площади посевов в конце XVIII – начале XIX в., он указывает на тенденцию роста этой площади по тем же Центрально-промышленному и Северо-Западному районам⁴⁶. Следовательно, установленный Н.Л. Рубинштейном факт громадной разницы между площадью пашенных угодий и площадью посевов остается у него необъясненным.

Одной из причин, объясняющих это явление, можно считать показанный выше сложный состав пашенных угодий, зафиксированных в Экономических примечаниях. Принцип классификации угодий в Экономических примечаниях не был единым для всей страны, в силу чего в ряде районов в состав пашенных угодий, как мы видели, иногда могли включаться переложные земли. Уместно заметить, что составители этого громадного и сложного описания, носящего в основном статистический характер, зачисляя порой в состав пашенных угодий не только одну распаханную землю, были по-своему правы. Исходя в конечном счете из соображений налогово-финансовой политики, землемеры, собирая сведения о пашне, могли учитывать и систему земледелия. Ведь примерно так же поступали и писцы XVI–XVII вв., выделявшие не только пашню, но и перелог как важнейшие факторы, отражавшие реальное состояние хозяйства и его возможности. Таким образом, вполне вероятно, что встречающийся в Экономических примечаниях сложный состав данных о пашенных угодьях был закономерным явлением.

Заключая в себе объяснение разницы в размерах посевов и пашни, факт наличия переложных земель в составе пашенных угодий приобретает важное значение, и вопрос этот должен быть подвергнут дальнейшему тщательному изучению. Такое объяснение вполне увязывается и с данной выше оценкой переложных земель как важнейшего, в конечном счете, элемента в самом трехполье. Н.Л. Рубинштейн пишет о пустующей, неиспользуемой пашенной земле, но не видит основную причину того, почему она не использовалась, – истощенность почвы. Более того, забрасываемые истощенные пашенные земли в итоге являются (и это непосредственно вытекает из изложенных выше взглядов на роль переложных земель) не чем иным, как необходимым средством поддержания режима трехполья, и именно поэтому их нельзя называть «пустующими». Из-за того, что такие земли су-

ществовали, и нарастали явления острого малоземелья, крестьянской борьбы за землю, крестьянской колонизации и т.п.

В соответствии с изложенными соображениями может несколько иначе выглядеть и проблема так называемого «кризиса трехполья». Вряд ли будет правильным сводить причину падения плодородия почв в первой половине XIX в. только к сокращению луговых угодий, уменьшению поголовья скота и, следовательно, количества основного удобрения, – ибо в таком случае остается слишком много неясностей. В самом деле, если подходить к названной проблеме лишь с точки зрения нарушения пропорциональности в соотношении угодий, то мы увидим, что в громадном большинстве губерний эти пропорции были глубоко нарушены еще в конце XVIII в. Об этом свидетельствуют данные приводимой ниже таблички, где указывается количество десятин сенокосов, приходившихся в соответствующих губерниях на 100 десятин пашни⁴⁷:

Архангельская	197,4	Тульская	10,9
Вологодская	50,9	Рязанская	16,9
Олонецкая	30,4	Орловская	15,2
Петербургская	32,2	Тамбовская	77,4
Новгородская	19,8	Курская	25,8
Псковская	15,1	Воронежская	133,5
Смоленская	11,9	Казанская	25,3
Витебская	7,0	Пензенская	28,9
Могилевская	9,8	Симбирская	60,8
Московская	25,5	Харьковская	76,2
Владимирская	23,1	Екатеринославская	325,1
Нижегородская	15,2	Саратовская	258,4
Костромская	20,3	Оренбургская	203,1
Ярославская	19,6	Вятская	18,6
Тверская	16,7	Пермская	65,1
Калужская	12,4		

Из каких бы норм соотношения угодий мы ни исходили, из максимальных (на единицу пашни – три единицы луга) или минимальных (1 : 1), – в любом случае мы видим, что в большинстве центрально-черноземных губерний, не говоря уже о нечерноземных, эти нормы⁴⁸ были полностью нарушены уже в конце XVIII в. Тем не менее общеизвестные явления так называемого «кризиса трехполья» со всей силой проявляются гораздо позже, и, таким образом, аргументы о роли соотношения угодий ничего не доказывают.

Кроме того, сводя причину падения плодородия почв лишь к сокращению луговых угодий, мы оставляем необъясненными явления падения урожайности в тех центрально-черноземных губерниях, где удобрение навозом не практиковалось.

Следовательно, корни так называемого «кризиса трехполья» нужно искать в иных явлениях. В свете всего сказанного относительно поддержания жизненности трехполья большей частью за счет постоянного вовлечения в оборот резерва пашенных земель в виде перелогов и залежей – истоки этого кризиса становятся очевидными. С исчезновением в конце XVIII – начале XIX в. резерва этих земель исчезают главные источники восстановления структуры пашни и ее плодородия, что и проявилось ярко спустя 30–40 лет. Корни кризиса являются глубоко социальными и заключаются в интенсивном расширении помещичьей запашки начиная со второй половины XVIII в. Последующее расширение барской запашки в XIX в. за счет луговых земель и сенокосов углубило этот кризис, сделало его более сложным и острым. В конечном счете «кризис трехполья» является неотъемлемой частью процесса разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.

¹ См. *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 326.

² РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 1842, 2322, 2407, 2035, 2207.

³ Генеральное соображение по Тверской губ., извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. Тверь, 1873. С. 5.

⁴ Там же. С. 37, 66, 74, 94, 106, 120, 129, 157 и др.

⁵ Там же. С. 94.

⁶ РГАДА. Меж. архив. Экономические примечания по Смоленской губ. Д. 35.

⁷ РГАДА. Ф. 1320. Оп. 7. Д. 1842. Л. 5 об.–6, 18 об.–19, 7 об.–8, 25 об.–26; РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 3. Д. 18859. Ч. 1. № 37₅, 50₁.

⁸ РГАДА. Меж. архив. Экономические примечания по Московской губ. Д. 40. Дача № 98; Ф. 1320. Оп. 7. Д. 2407. Дача № 43.

⁹ К сожалению, в литературе нередко встречается представление о переложной земле как о земле, непременно поросшей большим, чуть ли не строевым лесом. Между тем источники свидетельствуют как раз об обратном – оказывается, что переложные земли – это земли, поросшие либо кустарником, либо мелкой лесной порослью.

¹⁰ В какой-то мере это относится к терминам «перелог» и «залежь» для безлесных районов.

¹¹ См.: *Милов Л.В.* О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в. // История СССР. 1957. № 2.

¹² РГАДА. Меж. архив. Экономические примечания по Смоленской губ. Д. 35 и 32.

¹³ Там же. Д. 32. Дача № 78; Д. 35. Дача № 78.

¹⁴ Там же. Д. 32. Дача № 96; Д. 35. Дача № 96.

¹⁵ Там же. Д. 32. Дачи № 97, 98, 160, 240, 241 и др.; Д. 35. Дачи № 97, 98, 160, 240, 241 и т.п.

- ¹⁶ Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губ. в первой половине XIX в. (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства.) М., 1959. С. 30, 33.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 1351. Оп. 1. Д. 962. Л. 5.
- ¹⁸ Там же. Д. 957. Л. 58 об.–59; Д. 955. Л. 75.
- ¹⁹ Там же. Меж. архив. Экономические примечания по Воронежской губ. Д. 86.
- ²⁰ Там же. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 600. Л. 29, 29 об.
- ²¹ Там же. Меж. архив. Экономические примечания по Воронежской губ. Д. 93. Дача № 14.
- ²² Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание, 1786. Киев, 1851. С. 149.
- ²³ Топографическое описание Харьковского наместничества. М., 1788. С. 75.
- ²⁴ Например, по Экономическому примечанию Гжатского у., в даче 209 пашни было 15 дес., перелога – 40 дес.; в даче 260 пашни – 12 дес., перелога – 46 дес. (РГАДА. Меж. архив. Экономические примечания по Смоленской губ. Д. 35). Здесь, хотя и с большой натяжкой, можно предположить наличие переложной системы с периодом запуска земель в 10–15 лет.
- ²⁵ РГАДА. Меж. архив. Экономические примечания по Смоленской губ. Д. 35. Дачи № 1, 14, 70; Ф. 1320. Оп. 7. Д. 2407. Л. 353–354.
- ²⁶ Там же. Ф. 280. Оп. 3. Д. 690/710. Ч. 1. Л. 35–321.
- ²⁷ Там же. Л. 452 об.–660.
- ²⁸ Там же. Л. 35 и сл.
- ²⁹ Топографическое описание Тамбовской губ. // Собрание сочинений, выбранных из Месяцесловов на разные годы. Ч. 6. СПб., 1790. С. 400.
- ³⁰ Труды ВЭО. Ч. XI. СПб., 1769. С. 93.
- ³¹ Государственный архив Горьковской области. Ф. 2. Оп. 4. Д. 5076. Л. 1–3 (цит. по диссертации А.В. Седова «Удельные крестьяне Нижегородской губ. (1797–1863 гг.)». Горький, 1953 (рукопись). С. 132).
- ³² Топографическое описание Харьковского наместничества. С. 75.
- ³³ Подобные факты в земледелии, на наш взгляд, возможны лишь при относительно высоком уровне производительных сил.
- ³⁴ Гневушев А.М. Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Т. I, ч. 1. Киев, 1915. С. 215.
- ³⁵ Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. Системы земледелия и севообороты. 2-е изд. СПб., 1891.
- ³⁶ Там же. С. 92–112 и др.
- ³⁷ Там же. С. 62.
- ³⁸ Так, в Курчумской волости Хлыновского у. на освоенных после второй ревизии (1744) землях при населении 207 душ м.п. были 873 чтв. пашни, обрабатываемой по паровой трехпольной системе, и 456 чтв. пашни, лежащей «в пуге за неурожаем» (РГАДА. Ф. 280. Оп. 3. Д. 690/710. Ч. 1. Л. 325 об.– 394 об.).
- ³⁹ Ведь о какой-либо системе, особенно для нечерноземных районов, большей частью трудно и говорить, ибо последовательному применению определенной системы мешает изобилие участков пашни разного качества, т.е. неравнозначных по срокам возможной эксплуатации, и расположе-

- ние этих участков в самых различных местах. Кроме того, как справедливо отмечает А.С. Ермолов, лесопольная система не часто развивалась до уровня системы в собственном смысле этого слова, большей частью, «запуская участок вследствие его истощения, хозяин не спрашивает себя, на сколько времени он его запускает; расчищая участок из-под леса — не знает, обычно и не интересуется тем, как давно этот участок запущен» (Ермолов А.С. Организация полевого хозяйства. С. 112). Этим обстоятельством можно, пожалуй, в значительной мере объяснить отсутствие в источниках свидетельств именно о такого рода системе земледелия.
- ⁴⁰ Наблюдения такого порядка изложены в работе В.В. Дорошенко, который, отмечая быструю истощаемость почв в Латвии и недостаток навоза в XVI в., пишет о вытекающей отсюда необходимости «давать истощенным за многие годы участкам более длительный отдых, нежели, например, при обычном трехполье» (Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960. С. 111). В другом месте он прямо говорит о периодическом «обновлении» «главного земельного массива, который использовался в режиме трехполья» (Там же. С. 118).
- ⁴¹ См.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч.; Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства в России в первой половине XIX в. // История СССР. 1959. № 1; Яцунский В.К. Генезис капитализма в сельском хозяйстве России // Ежегодник по аграрной истории стран Восточной Европы 1959 г. М., 1961.
- ⁴² Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 231–240.
- ⁴³ См. об этом рецензию Н.М. Дружинина на книгу Н.Л. Рубинштейна (История СССР. 1958. № 3. С. 237).
- ⁴⁴ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 233.
- ⁴⁵ Там же. С. 209–210 (таблица).
- ⁴⁶ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 330–332.
- ⁴⁷ Данные взяты из статьи И.Д. Ковальченко «К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в.» (в кн.: Материалы по истории крестьянства и сельского хозяйства СССР. Вып. 4. М., 1960), где использованы в подсчетах данные Экономических примечаний, поскольку цифры К.И. Арсеньева неточны.
- ⁴⁸ Они фигурируют в экономических и агрономических работах XIX в. (см., напр.: Советов А. О системах земледелия. СПб., 1867. С. 169–181; Обзор действий департамента сельского хозяйства и очерк состояния главных отраслей сельскохозяйственной промышленности в России в течение 10 лет, с 1844 по 1854 г. СПб., 1855. С. XXVIII).

Опубл.: Ежегодник по аграрной истории
Восточной Европы за 1961 год.
Рига, 1963. С. 279–288.

ПАРАДОКС ХЛЕБНЫХ ЦЕН И ХАРАКТЕР АГРАРНОГО РЫНКА В РОССИИ В XIX в.

В системе всероссийского рынка особая роль принадлежит рынку аграрному, поскольку его основная продукция – хлеб – служит важнейшим компонентом в процессе создания единого рынка, являясь товарным эквивалентом для огромной массы продукции, выходящей на рынок. Вместе с тем аграрный рынок отличается рядом существенных специфических черт, одна из которых состоит в том, что зерновое производство дольше и больше, чем какое-либо другое, направлено главным образом на создание потребительных стоимостей, оно веками ведется в основном ради непосредственных средств существования¹. Следствием этого является длительное «равнодушие» зернового производства к продаже продукта по стоимости. Иначе говоря, натуральное хозяйство, вполне независимое от рынка, может без ущерба, время от времени выбрасывать часть своей продукции на рынок по любой цене, не считаясь с производственными затратами труда. Это обстоятельство служит одним из отправных моментов для вторжения в сферу обмена купца и купеческого капитала, которые создают на рынке сильные и длительные искажения в сфере действия закона стоимости². Монополия купеческого капитала на аграрном рынке приводит к тому, что купец покупает ниже стоимости, а продает выше ее³. Причем купеческий капитал грабит не столько феодала, сколько феодально-зависимого крестьянина. В условиях натурального хозяйства подобная ситуация является в сущности постоянным фактором⁴. Однако она сохраняется и тогда, когда крестьянское хозяйство втягивается в орбиту товарно-денежных отношений; она сохраняется и тогда, когда свободное мелкокрестьянское (парцеллярное) хозяйство является уже производством товарным. При этом к вышеуказанным обстоятельствам «равнодушия» крестьянского хозяйства к действию закона стоимости присоединяется ряд других. Суть их состоит в том, что земледельческому производству свойственно низкое органическое строение капитала с «преобладанием элемента живого труда»⁵. В силу этого стоимость продуктов труда крестьянина всегда выше цены производства. «Все те товары, стоимость которых, соответственно этому органическому строению, *превышает* цену издержек, этим самым показывают, что они созданы *относительно* менее производительным трудом, чем те, стоимость которых *ниже* цены издержек; ибо они требуют большего количества *непосредственного*

труда в сравнении с содержащимся в постоянном капитале *прошлым трудом*»⁶. Таким образом, продажа продукта крестьянского хозяйства ниже стоимости не разорительна для него, хотя иногда жестоко сказывается на его материальном уровне. «Следовательно, – пишет К. Маркс, – нет необходимости в том, чтобы рыночная цена повысилась до уровня ли стоимости, до уровня ли цены производства продукта парцеллярного крестьянина. Здесь – одна из причин того, что в странах с преобладающим мелким крестьянским землевладением цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства. Часть прибавочного труда крестьян, работающих при самых неблагоприятных условиях, предоставляется обществу даром и не принимает участия в регулировании цен производства или в образовании стоимости вообще»⁷. Ф. Энгельс относил к этому типу стран и Россию⁸, так как хозяйство помещичьих крестьян, а также хозяйство крестьян государственных и временнообязанных некоторыми чертами близки к так называемому парцеллярному хозяйству. В том и другом случае преобладание в земледельческом производстве элементов «живого труда» способствует продаже продукта труда ниже его фактической стоимости, соответствующей затратам труда, и даже ниже издержек производства. Крепостного (или государственного) крестьянина приводит к этому же положению и слабость развития товарного производства («равнодушие» к стоимости), и необходимость уплаты оброка и государственных податей. В том и другом случае «такая низкая цена есть следствие бедности производителей, а ни в коем случае не результат производительности их труда»⁹. Такая низкая цена, добавим от себя, есть одновременно и свидетельство отсутствия в подобных сферах труда капиталистического способа производства.

Этот предельно ясный в теоретическом отношении тезис довольно трудно увидеть в конкретно-историческом воплощении. Есть два направления, по которым могут идти исследовательские изыскания. Первый из них связан с сопоставлением российского аграрного рынка с аналогичными рынками важнейших капиталистических держав с точки зрения уровня цен на аграрную продукцию¹⁰, что в конечном счете привело бы к изучению рынка России в системе европейского рынка и выявлению уровня цен на российские товары¹¹. Однако подобный путь исследования не дал бы ответа на вопрос о фактическом соотношении рыночных цен на аграрную продукцию и ее стоимости. Более перспективным в связи с этим представляется второе направление исследования, связанное с изучением экономики крестьянского хозяйства с точки зрения выявления всех компонентов этого хозяйства, начиная с оценки основных средств производства, его издержек и

кончая вопросами сбыта продукции. Для этого необходим анализ сотен бюджетов крестьянских хозяйств, представляющих основные районы страны за целый хронологический период. В 80–90-е годы XIX в. предпринимался ряд попыток такого рода¹². Однако в ретроспективном плане это исследование, скорее всего, нереально даже для середины XIX в., так как отсутствуют столь необходимые для этого массовые источники.

В поисках путей решения этого вопроса наше внимание привлек один из аспектов соотношения хлебных цен в дореформенный период. Речь идет о сопоставлении уровня цен на рожь с уровнем цен на ржаную муку. Обычно в источниках фигурируют цены на оба продукта в несопоставимых единицах объема и веса (рожь в четвертях, а мука в 9-пудовых кулях), но даже при наличии цен на сопоставимые единицы веса (пуд на пуд) не улавливается одно весьма существенное обстоятельство. Дело в том, что если сопоставить по началу XIX столетия цены четверти ржи с ценами на тот объем муки, который получается из этой же четверти ржи, то результат будет весьма неожиданным (см. табл. 1).

Нормальный выход муки из 100 частей ржи составляет 80%¹³. Таким образом, из 8-пудной четверти ржи получается 6,4 пуда муки. Оцениваем это количество муки, исходя из реальной стоимости пуда муки. Последнее вполне осуществимо, так как мы имеем рыночную стоимость 9-пудного куля муки. Поскольку четверть – это мера сыпучих тел и по весу четверть ржи в зависимости от качества зерна могла быть разной, то для гарантии от ошибок были взяты в расчет минимальный и максимальный веса четверти ржи: 8 и 9 пудов¹⁴. Кроме того, наряду с 80-процентным выходом муки был принят в учет и выход муки в 85% с примесью отрубей (до 30%), т.е. более худшей по качеству¹⁵. Таким образом, подсчеты были сделаны по четырем вариантам. Однако в итоге всех этих расчетов получается, что мука в 1809–1819 гг. стоила значительно дешевле, чем эквивалентный ей объем ржи¹⁶. На первый взгляд, этот результат кажется нелепым. Разумеется, различные комбинации спроса и предложения в конкретной действительности могли приводить и приводили к тому, что в тот или иной момент, в том или ином пункте ржаная мука могла оказаться в цене более низкой, чем рожь. Но это всего лишь побочные моменты игры спроса и предложения.

Наши же материалы фиксируют совершенно иную ситуацию. Здесь взяты средние десятилетние уровни цен по пятнадцати губернским центрам, представляющим более или менее равномерно различные районы Европейской России. Следовательно, эти данные вполне представляют рыночную конъюнктуру в целом.

Таблица 1. Соотношение 10-летних уровней цен ржи и ржаной муки за 1809–1819 гг. (в коп. асс.)*

Города	10-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из 8-пудной чтв. ржи		Цена муки при 85% выхода из 8-пудной чтв. ржи	
	Рожь чтв.	Рж. мука куль (9 пуд.)	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи
Архангельск	1436	1608	1146	80	1217	85
Вологда	1222	1440	1024	84	1088	89
Петербург	1735	1955	1389	80	1476	85
Новгород	1735	1891	1344	76	1428	82
Рига	1844	2001	1421	77	1510	82
Тверь	1246	1421	1011	81	1074	88
Владимир	1039	1204	856	83	910	88
Калуга	848	978	696	82	739	87
Минск	1274	1430	1018	80	1081	85
Житомир	951	1208	858	90	911	96
Каменец-Подольск	1077	1233	877	81	932	87
Курск	661	796	566	85	601	90
Орел	680	864	614	90	653	96
Симбирск	656	754	539	82	570	87
Вятка	729	971	691	95	734	101
Итого в среднем по 15 городам	1143	1317	937	82	995	87

Принимая вес четверти ржи в 8 пудов, а выход муки в 80%, мы получаем 10-летний уровень цены ржаной муки в среднем по 15 губернским центрам на 18% ниже стоимости эквивалентного ей веса ржи и на 28% ниже действительного уровня стоимости муки (с учетом помола)¹⁷. При выходе муки в 85% получается, что мука в среднем дешевле на 13% ржи в зерне (фактически примерно до 23%, ниже уровня своей действительной стоимости). Наконец, если принять все четверти ржи в 9 пудов, то в итоге мы вновь получим цену муки на 8% дешевле ржи при 80% выхода муки (а фактически примерно на 18% ниже уровня своей стоимости) и цену муки, равную цене ржи (а фактически примерно на 10% ниже своей стоимости), при 85% выхода муки. Из всех пере-

Таблица 1 (окончание)

Города	10-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из 9-пудной чтв. ржи		Цена муки при 85% выхода из 9-пудной чтв. ржи	
	Рожь чтв.	Рж. мука куль (9 пуд.)	Абс.	В % к цене 9-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 9-пудной чтв. ржи
Архангельск	1436	1608	1287	90	1376	96
Вологда	1222	1440	1152	94	1232	100
Петербург	1735	1955	1562	91	1671	96
Новгород	1735	1891	4512	87	1617	93
Рига	1844	2001	1598	87	1709	93
Тверь	1246	1421	1138	91	1217	98
Владимир	1039	1204	965	93	1032	99
Калуга	848	978	785	93	850	100
Минск	1274	1430	1145	90	1224	96
Житомир	951	1208	965	101	1032	106
Каменец-Подольск	1077	1233	986	92	1055	98
Курск	661	796	636	96	681	103
Орел	680	864	681	100	739	109
Симбирск	656	754	605	92	645	97
Вятка	729	971	778	107	832	114
Итого в среднем по 15 городам	1143	1317	1053	92	1129	99,7

* Таблица составлена на основе публикаций о хлебных ценах: Северная почта. 1809. X–XII. № 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13, 15, 17; 1810. I–XII. № 19–69, 71–121 (нечетные номера); 1811. I–XII. № 1, 10, 15, 25, 27, 35, 41, 55, 68, 73, 92, 101; 1812. I–VI. № 4, 7, 10, 14, 28, 32, 34, 36, 42, 51; 1813. IX–XII. № 73, 75, 81, 85, 89, 93, 96, 99, 103; 1814. I–XII. № 2, 6, 12, 18, 22, 25, 32, 38, 42, 46, 50, 54, 58, 62, 68, 74, 81, 84, 88, 94, 100; 1815. I–XII. № 1, 6, 10, 16, 20, 28, 32, 38, 44, 48, 54, 62, 67, 74, 82, 86, 92, 98; 1816. I–XII. № 1, 6, 14, 20, 27, 30, 40, 52, 63, 70, 80, 85, 90, 100, 104; 1817. I–XII. № 5, 12, 19, 28, 33, 41, 49, 58, 67, 73, 85, 92, 102, 104; 1818. I–XII. № 17, 25, 27, 31, 40, 52, 60, 67, 76, 85, 93, 102; 1819. I–XII. № 4, 11, 17, 26, 32, 36, 47, 50, 58, 63, 76, 81, 89, 97, 105; 1812 и 1813 гг. идут за один год (неполные данные).

численных вариантов, на наш взгляд, наиболее вероятными следует считать те, в которых вес четверти ржи равен в среднем 8,5 пудам¹⁸, хотя для самого начала XIX в. это допущение условно, так как в большинстве случаев вес четверти ржи тогда был ближе к 8 пудам. Средний выход муки целесообразнее оставить в двух вариантах: 80% – как вполне допустимый, 85% – как наиболее вероятный¹⁹. В первом случае получаем, что уровень цен на ржаную муку в 1809–1819 гг. был в целом по 15 губерnskим го-

родам на 13% ниже цены на исходный продукт – рожь в зерне (а фактически примерно на 23% ниже своей стоимости). К тому же по большинству городов эта разница еще значительнее. По Риге и Новгороду – 18% (а фактически, около 25%), по Твери, Симбирску, Каменец-Подольску, Калуге и Владимиру – 12–13% (а фактически свыше 20%). Во втором случае (при выходе муки в 85%) уровень цен на муку будет лишь на 8% ниже уровня цен на зерно. Предположив, что отруби были баснословно дороги – примерно 55% цены на муку, мы получим баланс, где цена зерна совпадает с суммой цен на муку и отруби. Однако остаются расходы на помол, составляющие как минимум 10% от стоимости зерна. Итак, даже допустив в расчете абсолютно нереальное условие, что стоимость отрубей лишь вполровину дешевле муки, приходим, тем не менее, к общему выводу о резком нарушении стоимостных отношений на аграрном рынке России начала XIX в. Зная, что рожь в зерне составляет на рынке страны лишь небольшую часть по сравнению с ржаной мукой, можно с уверенностью утверждать, что в итоге общий уровень цен на рожь и ее производные был в целом по стране в этот период ниже уровня их стоимости. Имея в итоге цену полуфабриката ниже цены на исходный продукт, иной вывод сделать просто невозможно. Читателю может показаться, что, формулируя этот вывод, мы полагаем, что стоимость товарной массы ржи в зерне адекватна ее действительной стоимости. Однако вероятнее всего, что рыночная стоимость ее также не соответствовала уровню ее действительной стоимости и была ниже ее. Следовательно, подобная ситуация лишь усиливает обоснованность нашего вывода. Таким образом, мы получаем прямое подтверждение приведенным выше теоретическим положениям об уровне рыночной цены на хлеб в странах с преобладанием мелкокрестьянского (в нашем случае – крепостного) земледельческого производства. Факт существования рыночной цены аграрной продукции ниже ее стоимости может служить, как говорилось выше, и суммарным, обобщающим отражением известного «равнодушия» крестьянского хозяйства, слабо связанного с рынком, к действию закона стоимости, и вместе с тем отражением воздействия крепостнической эксплуатации помещиков, диктующих вынужденную продажу наиболее массовой продукции крестьянского хозяйства ниже ее фактической стоимости. Однако наши выводы этим не ограничиваются.

Существование на аграрном рынке страны подобной аномалии в стоимостных соотношениях означает слабое развитие регулирующей роли рынка в области производства. Если бы регулирующая роль аграрного рынка, не ограничиваясь сферой обмена, в полной мере проникала и в производство, то ситуация

1809–1819 гг., когда цена на полуфабрикат, вобравший в себя заметно большую долю затрат труда, оказывалась ниже цены на исходный сырьевой продукт, была бы невозможной. Подобная аномалия убедительно доказывает специфический характер формирующегося аграрного рынка прежде всего как рынка товарного, а не капиталистического²⁰.

Конъюнктура аграрного рынка может испытывать также воздействие еще одного фактора, влияющего на рыночную цену аграрной продукции в сторону ее понижения. Таким фактором является товарное производство хлеба представителями феодального класса, увеличивающее разрыв фактического уровня цен на рожь и ее производные от уровня стоимости. В литературе высказано, в частности, важное суждение о том, что в падении хлебных цен на внутреннем рынке России в 20–40-х годах XIX в. существенную (но не единственную) роль сыграл стремительный рост производства хлеба на продажу помещиками, в корне изменивший соотношение товарных объемов крестьянского и помещичьего хлеба²¹.

Убедительным подтверждением этому служат данные таблицы 1 по Вятке. В районе с почти полным отсутствием дворянского землевладения с отсутствием притока товарного хлеба из центральных районов уровень цен на муку гораздо выше уровня цен на рожь. При 80-процентном выходе муки он равен 101%, а при 85-процентном – 107%. Однако самым убедительным, на наш взгляд, доводом, подтверждающим активное суммарное воздействие на уровень хлебных цен фактора крепостнической эксплуатации и роста товарного помещичьего производства зерна, являются материалы по 40–50-м годам XIX в.

Рассмотрим сначала данные об уровне цен на рожь и ржаную муку, сопоставимые с началом века²² (см. табл. 2).

Как и в предыдущем случае, расчет здесь сделан по четырем вариантам. Причем всюду уровень цен на ржаную муку резко снизился по сравнению с уровнем цен на рожь в зерне (76%, 81%, 88%, 92% вместо 82%, 87%, 92% и 100%). Искомая разница должна была быть, видимо, немного большей, так как если среднегубернские данные фиксируют сравнительно равномерное снижение уровня цен на ржаную муку, поскольку учитывают и уровень цен на местных рынках, то уровень цен губернских городов должен фиксировать несколько завышенный уровень цен на ржаную муку²³. Однако даже с учетом некоторого приуменьшения в снижении уровня цен на ржаную муку четко прослеживается тенденция к повсеместному снижению этого уровня и серьезному увеличению разрыва уровней цен на рожь и ржаную муку. Ори-

**Таблица 2. Соотношение 7-летних уровней цен ржи и ржаной муки
за 1847–1853 гг. (в коп. серебром)**

№	Губернии	7-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из 8-пудной чтив. ржи		Цена муки при 85% выхода из 8-пудной чтив. ржи	
		Рожь чтив.	Рж. мука куль	Абс.	В % к цене 8-пудной чтив. ржи	Абс.	В % к цене 9-пудной чтив. ржи
1	Архангельская	379	437	311	82	330	87
2	Вологодская	347	403	288	82	306	88
3	Петербургская	552	539	383	69	407	73
4	Новгородская	419	436	310	74	329	78
5	Лифляндская	477	527	375	75	398	83
6	Тверская	375	384	273	72	290	77
7	Владимирская	316	319	224	70	238	75
8	Калужская	304	326	230	75	245	80
9	Минская	374	368	262	70	278	74
10	Волынская	261	303	216	82	229	87
11	Подольская	287	322	229	79	243	84
12	Курская	194	185	131	67	139	71
13	Орловская	216	241	172	79	182	84
14	Симбирская	218	242	173	79	184	84
15	Вятская	219	273	192	87	204	93
	Итого в среднем по 15 губерниям	329	354	251	76	267	81

ентируясь на вес четверти в 8,5 пудов и выход муки в 80%²⁴, мы видим, что в среднем по 15 губерниям семилетний уровень цен на ржаную муку составляет 81% от уровня цен на рожь, а фактическое отклонение от уровня действительной стоимости равно примерно минус 30%. Если же принять выход муки в 85%, то средний уровень цен на муку составит 88% от уровня цен на зерно (а фактическое отклонение – 22%)²⁵. При всей приближенности этих расчетов усугубление аномалий хлебного рынка России в предреформенный период очевидно. Причем в число ведущих факторов, создавших эту конъюнктуру, следует зачислить прежде всего рост товарного зернового производства помещиков и рост крепостнической эксплуатации крестьян (напомним, что данные охватывают 1847–1853 гг.²⁶). Возвращаясь к главной цели нашего исследования, мы с полным основанием можем утверждать, что формирующийся в дореформенную эпоху всероссийский

Таблица 2 (окончание)

№	Губернии	7-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из 9-пудной чтв. ржи		Цена муки при 85% выхода из 9-пудной чтв. ржи	
		Рожь чтв.	Рж. мука куль	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 9-пудной чтв. ржи
1	Архангельская	379	437	350	92	374	98
2	Вологодская	347	403	324	93	346	99
3	Петербургская	552	539	431	78	461	83
4	Новгородская	419	436	347	83	373	90
5	Лифляндская	477	527	422	88	451	94
6	Тверская	375	384	307	81	329	87
7	Владимирская	316	319	252	79	270	85
8	Калужская	304	326	259	85	277	91
9	Минская	374	368	294	78	315	84
10	Волынская	261	303	243	93	259	99
11	Подольская	287	322	258	89	276	96
12	Курская	194	185	148	76	158	81
13	Орловская	216	241	193	89	206	95
14	Симбирская	218	242	194	88	208	95
15	Вятская	219	273	216	98	231	105
				283	88	302	92

* См.: Егунов А.Н. О ценах на хлеб в России и их значении в сфере отечественной промышленности. М., 1855. Табл. VII, VIII. Нами использованы так называемые рыночные цены, полученные Егуновым путем снижения справочных цен на 10%.

аграрный рынок был рынком товарным. Он еще не выступал в полной мере регулятором аграрного производства, так как закон стоимости завоевывал сферу своей деятельности главным образом лишь в области обмена²⁷. Вместе с тем товарный рынок, формирующийся в стране с господством крепостнической системы, вступавшей в полосу своего кризиса, обладал яркими аномалиями в лице стабильной рыночной конъюнктуры, где, в частности, основная зерновая культура имела рыночную цену значительно ниже ее стоимости²⁸.

При учете этой специфики становится понятным, что даже при очень высоких торговых издержках, при наличии многозвеневой системы торговли и ряда других обстоятельств, хлебная торговля в России веками оставалась наиболее прибыльной²⁹.

Таким образом, предлагаемая в настоящей статье методика сопоставления уровня цен на исходное сырье и полуфабрикат представляется нам вполне реальным путем разработки проблемы соотношения рыночной стоимости аграрной продукции и ее действительной стоимости в масштабе страны в целом. Попытка же последовательного применения тем более привлекательна, так как традиционный путь изучения этой проблемы посредством прямого привлечения к анализу сколько-нибудь представительных данных по всем основным компонентам аграрной экономики неосуществим в силу отсутствия источников.

Ввиду этого, а также принципиального характера предложенных нами суждений необходимо знакомство с эволюцией анализируемых явлений в пореформенную эпоху, т.е. в период, когда уже не было крепостного права со всеми порожденными им воздействиями на аграрную экономику. Исходным материалом для такого анализа могут послужить, в частности, цены за 80-е годы XIX в. Правда, при этом мы не можем быть до конца уверены, что рыночная конъюнктура этих лет представляет конъюнктуру типичного аграрного капиталистического рынка, так как споры о степени развития аграрного капитализма ведутся в нашей литературе по отношению ко всему дореволюционному периоду. Тем не менее на материалах пореформенной России можно было бы проследить изменения, вызванные ликвидацией столь активных факторов, как крепостничество и помещичье барщинное зерновое товарное производство.

Для сопоставления рыночной конъюнктуры дореформенной и пореформенной России нами были выбраны данные о семилетних уровнях цен на рожь в зерне и ржаную муку за 1847–1853 и за 1881–1887 гг. по 34 губерниям, представляющим все основные районы Европейской России (см. табл. 3, 4).

Прежде всего обращает на себя внимание полное совпадение данных сводки по 34 губерниям за 1847–1853 гг. с вышеприведенными данными за эти же годы по 15 губерниям (отличия итоговых процентов минимальны: 77% вместо 76%, 82% вместо 81%, 87% вместо 86% и 93% вместо 92%). Таким образом, сведения, характеризующие 7-летний уровень цен на рожь и ржаную муку, в обоих случаях отражают их действительное соотношение на рынке Европейской России. В то же время материалы по 34 губерниям за 1847–1853 гг. позволяют уже более уверенно выделить ряд местных специфических особенностей в соотношении названных уровней. В частности, весьма симптоматично, что к числу губерний, где отставание уровня цен ржаной муки от уровня цен на рожь минимальное, относятся прежде всего районы с полным отсутствием помещичьего землевладения или с очень

Таблица 3. Соотношение 7-летних уровней цен ржи и ржаной муки за 1847–1854 гг.
(в коп. серебра)*

№	Губернии	7-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из 8-пудной чтв. ржи		Цена муки при 85% выхода из 8-пудной чтв. ржи		Цена муки при 80% выхода из 9-пудной чтв. ржи		Цена муки при 85% выхода из 9-пудной чтв. ржи	
		Рожь чтв.	Рж. мука куль (9 пуд.)	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 9-пудной чтв. ржи	Абс.	В % к цене 8-пудной чтв. ржи
1	Петербургская	552	539	383	69	407	73	431	78	461	83
2	Лифляндская	477	527	375	75	398	83	422	88	451	94
3	Курляндская	474	476	339	71	360	75	381	80	407	85
4	Эстляндская	457	486	346	75	367	80	389	85	416	91
5	Виленская	433	455	324	74	344	79	364	84	390	90
6	Минская	374	368	262	70	278	74	294	78	315	84
7	Витебская	410	485	345	84	367	89	388	94	415	101
8	Смоленская	354	379	269	75	286	80	303	85	324	91
9	Волынская	261	303	216	82	229	87	243	93	259	99
10	Подольская	287	322	229	79	243	84	258	89	276	96
11	Московская	342	368	262	76	278	81	294	85	315	92
12	Тверская	375	384	273	72	290	77	307	81	329	87
13	Владимирская	316	319	224	70	238	75	252	79	270	85
14	Ярославская	296	329	234	79	249	84	264	89	282	95
15	Костромская	299	329	234	78	249	83	264	88	282	94
16	Нижегородская	259	296	211	81	224	86	237	91	253	97

17	Калужская	304	326	230	75	245	80	259	85	277	91
18	Тульская	228	246	175	76	186	81	197	86	210	92
19	Рязанская	232	256	182	78	193	83	204	87	219	94
20	Орловская	216	241	172	79	182	84	193	89	206	95
21	Тамбовская	200	221	157	78	167	83	177	88	189	94
22	Курская	194	185	131	67	139	71	148	76	158	81
23	Воронежская	192	203	145	75	154	80	163	84	174	90
24	Казанская	230	264	188	81	199	86	211	91	226	98
25	Симбирская	218	242	173	79	184	84	194	88	208	95
26	Пензенская	191	206	147	76	156	81	166	86	177	92
27	Бессарабская	304	389	276	90	294	96	311	102	333	109
28	Черниговская	206	233	166	81	177	86	187	91	200	97
29	Архангельская	379	437	311	82	330	87	350	92	374	98
30	Вологодская	347	403	288	82	306	88	324	93	346	99
31	Пермская	191	211	150	78	159	83	168	87	180	94
32	Саратовская	184	185	132	71	140	76	148	80	159	86
33	Оренбургская	163	186	132	80	141	86	149	91	169	103
34	Вятская	219	273	192	87	204	93	216	98	231	105
	Итого в среднем по 34 губерниям	299	326	232	77	246	82	260	87	279	93

* См. Езунов А. Н. Указ. соч. Табл. VII, VIII.

**Таблица 4. Соотношение 7-летних уровней цен ржи и ржаной муки
за 1881–1887 гг. (в коп. серебра)***

№	Губернии	7-летние уровни цен		Цена муки при 80% выхода из пуда ржи		Цена муки при 85% выхода из пуда ржи	
		рожь (пуд)	ржаная мука (пуд.)	абс.	в % к цене пуда ржи	абс.	в % к цене пуда ржи
1	Петербургская**	105	113	90	85	96	91
2	Лифляндская	94	147	117	124	125	132
3	Курляндская	89	130	104	116	110	123
4	Эстляндская**	107	138	110	103	117	109
5	Виленская	85	99	84	98	85	100
6	Минская	79	91	73	92	77	07
7	Витебская	79	110	88	111	94	118
8	Смоленская	91	100	80	87	85	93
9	Волынская	72	93	74	102	79	109
10	Подольская	75	95	76	101	80	106
11	Московская	90	101	81	90	86	95
12	Тверская	85	100	80	94	85	100
13	Владимирская	83	99	79	95	84	301
14	Ярославская	77	94	75	97	80	103
15	Костромская	85	101	81	95	86	101
16	Нижегородская	74	87	69	93	74	100
17	Калужская	86	95	76	88	81	94
18	Тульская	68	81	65	95	69	101
19	Рязанская	64	82	66	103	70	109
20	Орловская	68	87	70	102	74	108
21	Тамбовская	63	73	58	92	62	98
22	Курская	61	80	64	104	68	111
23	Воронежская	61	80	64	104	68	111
24	Казанская	63	77	62	98	65	103
25	Симбирская	67	74	59	88	63	94
26	Пензенская	58	69	55	94	59	101
27	Бессарабская	72	103	82	113	88	122
28	Черниговская**	66	92	73	110	79	119
29	Архангельская	122	150	120	98	128	105
30	Вологодская	98	108	86	87	91	92
31	Пермская	66	79	64	96	68	103
32	Вятская	69	78	62	89	66	95
33	Оренбургская	52	70	62	119	66	126
34	Саратовская	62	79	63	101	67	109
Итого в среднем по 34 губерниям		78	96	77	100	82	105

* Цены на провиант и фураж по сведениям интендантского ведомства: Статистические таблицы, составл. И.И. Кауфманом // Временник ЦСК МВД. 1889. № 4; Цены на пшеницу, рожь, овес и ячмень в Европейской России в 1881–1887 гг. по местным сведениям // Временник ЦСК МВД. 1888. № 3.

** Нет цен за 1887 г.

небольшим удельным его весом. При первом варианте расчета (8,5 пудов вес четверти и 80% выхода муки) к ним можно отнести прежде всего Вятскую губ., где уровень цен на муку составляет 93% от уровня цен на зерно, а также Вологодскую (88%), Архангельскую (87%), Оренбургскую (86%) и Казанскую губ. (86%), т.е. районы с минимальным распространением помещичьего землевладения. Вместе с тем к числу таких районов относятся и некоторые западные губернии (Витебская – 89%, Волынская – 87%, Бессарабская – 96% и др.). Беря же в основу наиболее реальные расчеты с учетом веса четверти в 8,5 пудов и 85% выхода муки (см. графы 9, 10), мы снова видим в числе губерний, где уровень цен на ржаную муку составляет уже более 90% от уровня цен на рожь, Вятскую (98%), Вологодскую (93%), Архангельскую (92%), Казанскую (91%) и Оренбургскую (91%) губ. Подобная тенденция, разумеется, не случайна и убедительно подтверждает выводы, сделанные нами выше. Не противоречит этим выводам и тот факт, что в этой же группе мы вновь встречаем губернии Запада России, т.е. района, где внедрение капиталистических отношений в аграрное производство шло быстрее и раньше, чем в остальных районах Европейской России (Витебская губ. – 94%, Волынская – 93%, Черниговская – 91%). Это районы, где формировался так называемый прусский тип развития капитализма, опорой которого было фольварочное хозяйство, игравшее в хлебном производстве значительно большую роль, чем помещичье хозяйство Центральной России. Несколько особняком стоит Бессарабия, однако и здесь не было специфических черт крепостнических районов Центральной России. Из западных районов, характеризующихся эволюцией аграрного капитализма прусского типа, в нашей таблице фигурируют прибалтийские губернии (Лифляндская, Курляндская, Эстляндская и Виленская). Однако здесь разрыв в уровне цен ржи и ржаной муки приближается к типичным районам Центральной России. На наш взгляд, причиной этому могло явиться сильное воздействие на эти районы глубокого нарушения рыночной конъюнктуры центра страны, так как именно через эти губернии шли огромные потоки товарного хлеба за рубеж. Наоборот, результатом воздействия рыночной конъюнктуры Приуралья и Урала можно считать минимальный разрыв уровней цен ржи и ржаной муки по Нижегородской губернии (по обоим вариантам: 86% и 91%).

Изложенные выше наблюдения позволяют нам попутно коснуться некоторых аспектов активно обсуждавшейся в последнее десятилетие проблемы характера кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства³⁰. Речь идет прежде всего о концепции П.Г. Рындзюнского, развернутой им в ряде полемически острых

и весьма интересных работ. П.Г. Рындзюнский подверг сомнению ставшие традиционными в советской историографии представления о кризисе крепостничества, как о процессе, в котором в конечном счете преобладали явления застоя и упадка, ведущие систему крепостного хозяйства к гибели. «Вопрос о степени помещичьего нажима на крестьян, – пишет он, – вопрос существенный. От ответа на него зависит понимание причин отмены крепостного права: находились ли они в русле восходящих или нисходящих течений в деревенской экономике»³¹. По мнению П.Г. Рындзюнского, характер социально-экономического развития в западных районах России, «констатация в них регресса крестьянских хозяйств под давлением крепостников-предпринимателей не дает основания считать, что те же явления обязательно должны наличествовать и в Центральной России»³². В первой половине XIX в., пишет ученый, «разница между доходами и расходами возрастала, т.е. эксплуататорское рвение помещика не могло поспеть за растущей производительностью деревенского сельского хозяйства». Таким образом, в крепостной деревне преобладали не признаки упадка и «снижения хозяйственного уровня, а восходящие прогрессивные токи»³³.

Разумеется, выяснение соотношений двух тенденций развития крестьянского хозяйства в первой половине XIX в. представляет собой сложнейшую проблему, обусловленную прежде всего трудностями методического и источниковедческого характера. Вместе с тем предлагаемая в настоящей работе методика изучения хлебных цен, на наш взгляд, дает весьма важный и достоверный синтетический показатель, характеризующий общую тенденцию развития крестьянского земледельческого хозяйства страны в целом. Как явствует из всей совокупности данных об эволюции цен ржи и ее производных, господствующая тенденция развития в первой половине XIX в. сопряжена с явными признаками снижения уровня крестьянского хозяйства. Дальнейшее падение уровня рыночной цены по сравнению с уровнем ее действительной стоимости иначе трудно расценить. За этими фактами встают миллионы крестьян, вынужденных нести на рынок и продавать за бесценок продукцию, которая в иных условиях могла бы быть эффективным средством укрепления хозяйственных основ.

Перейдем теперь к последнему этапу нашего исследования – к анализу данных по пореформенному периоду (см. табл. 4). Здесь также мы имеем дело со средними семилетними уровнями цен на рожь и ржаную муку за 1881–1887 гг., собранными по тем же 34 губерниям Европейской России, что и за середину XIX в. Тем самым появляется возможность прямого сопоставления с итогами за 1847–1853 гг.³⁴

Методика при обработке данных за 80-е годы XIX в. была сохранена та же. Правда, заметным облегчением явилась регистрация в источниках объема ржаной муки в четвертях, а ржи в пудах. Это обстоятельство освободило нас от лишних подсчетов, поскольку вес четверти ржаной муки был всегда один (7 пудов 10 фунтов). Таким образом, рассчитывая цену пуда муки, мы легко получаем цены на объем муки, эквивалентный пуду ржи в зерне, при выходе муки в 80% и в 85%.

Из всей суммы данных этой таблицы следует сделать прежде всего вывод о правильном выборе методики исследования, ибо на этот раз фиксируются результаты прямо противоположные тому, что мы получали ранее. Следовательно, предлагаемая в данной статье методика не сводится к механическому занижению уровня цен на муку, а отражает изменения реального исторического процесса. Полученная картина отражает глубокие и весьма стремительные сдвиги в рыночной конъюнктуре. Общий уровень цен на ржаную муку в среднем по 34 губерниям стал выше уровня цен на рожь в зерне на 5% при 85-процентном выходе муки. Вспомним, что по тем же губерниям в середине века уровень цен на муку был на 13% ниже уровня цен на рожь в зерне. При ориентации на 80-процентный выход муки мы констатируем, что в 80-е годы XIX в. общий уровень цен на муку стал равным уровню цен на зерно по стране в целом (а в середине века при этих же параметрах он был на 18% ниже уровня цен на зерно). В аграрной экономике пореформенной России произошли, таким образом, кардинальные сдвиги. Аномалия, свойственная рынку крепостнической эпохи, стала исчезать, хотя в большинстве районов (в 19 губерниях) уровень цен на ржаную муку был все еще ниже уровня, характерного для капиталистического рынка. Прогресс в изменении рыночной конъюнктуры означал, что цены в значительной мере стали отражать действие закона стоимости не только в сфере обмена, но и в сфере производства, что является важным свидетельством серьезного втягивания аграрной экономики 80-х годов в русло развития капиталистических отношений. Иллюстрируя это положение, возьмем районы, в которых уровень цен на ржаную муку при 80% выхода был выше среднего показателя для взятых нами 34 губерний (102%). Это 12 губерний (35% нашей выборки) и среди них основное место занимают районы прусского пути развития аграрного капитализма (Лифляндская губ. – 124%, Курляндская – 116%, Витебская – 111%, Черниговская – 110%, Эстляндская – 103%, Волынская – 102%, Бессарабская – 113%). В эту же группу входят некоторые районы Центра (Рязанская губ. – 103%, Орловская – 102%, Курская и Воронежская – по 104%). Рассматривая

**Таблица 5. Соотношение средних уровней цен на рожь и ржаную муку
в Гамбурге в 1847–1885 гг.***

Годы	Средний уровень цен					
	На рожь (коп. за пуд)	На рж. муку (коп. за пуд)	На рж. муку при 80% выхода из пуда ржи		На рж. муку при 85% выхода из пуда ржи	
			Абс. (коп.)	В % к цене пуда ржи	Абс. (коп.)	В % к цене пуда ржи
1847–1850	62	75	60	97	64	103
1851–1855	90	119	95	106	101	112
1856–1860	81	123	98	121	95	117
1861–1865	75	101	81	108	86	115
1866–1870	92	118	94	102	100	109
1871–1875	89	119	95	107	101	114
1876–1880	83	118	94	113	100	120
1881–1885	77	101	81	105	86	112
1847–1885	81	109	87	107	93	115

* Сведения о международной хлебной торговле // Временник ЦСК МВД. 1889. № 5. С. 46–47. Есть также данные о соотношении этих цен по Берлину за 1879–1888 гг., где тонна ржи в зерне в среднем за 10 лет стоила 148,96 марок, а центнер муки – 20,58 марок, что при 80% выхода ржаной муки дает уровень цены на ржаную муку в 117% от уровня цены на рожь в зерне. См.: Федоров М.П. Обзор международной хлебной торговли. СПб., 1889. С. 336–338.

второй, наиболее реальный вариант расчета (при 85-процентном выходе муки), мы видим, что в группу губерний с показателем выше 105%, т.е. среднего показателя, входят уже 15 губерний. Самое же главное – уровень цен на ржаную муку при этом расчете значительно выше уровня цен на зерно. По Лифляндской губ. он уже равен 132%, по Курляндской – 123%, Бессарабской – 122%, Черниговской – 119%, Витебской – 118%, Эстляндской – 109%, Волынской – 309%, Подольской – 106%. По сравнению с серединой XIX в. эта группа существенно пополнилась за счет Прибалтики и Подолии. Наконец, самое существенное: резко увеличился по сравнению с серединой века и уровень цен на ржаную муку.

Для реальной оценки степени этих сдвигов мы прибегли к сопоставлению этих данных с данными по Гамбургу за 1847–1885 гг. (см. табл. 5). Из данных этой таблицы совершенно очевидно, что для конъюнктуры аграрного капиталистического рынка (а Гамбургский порт в этот период был неотъемлемой частью европейского аграрного капиталистического рынка) превышение уровня цен на ржаную муку над уровнем цен на рожь составляло в сред-

Таблица 6. Соотношение уровней цен на пшеницу и пшеничную муку в США в 1877–1888 гг.*

Годы	Цена пшеницы (долл. за бушель)	Цена пшеничной муки (долл. за баррель)	Годы	Цена пшеницы (долл. за бушель)	Цена пшеничной муки (долл. за баррель)
1877	1,169	6,479	1883	1,127	5,956
1878	1,338	6,358	1884	1,066	5,588
1879	1,068	5,252	1885	0,862	4,897
1880	1,243	5,878	1886	0,870	4,700
1881	1,110	5,669	1887	0,890	4,510
1882	1,185	6,149	1888	1,584	5,585

* В книге М.П. Федорова «Обзор международной хлебной торговли» вкралась опечатка: цена пшеничной муки указана «за бушель» вместо «за баррель» и получается бессмыслица, так как в этом случае мука будет в 4 раза дороже соответствующего ей объема зерна (см. *Федоров М.П.* Указ. соч. С. 343).

нем 15% с отклонениями от 10% до 20% (среднеквадратическое отклонение 5,3).

Подтверждают это соотношение уровней цен на муку и зерно и данные по США за 1877–1887 гг. (см. табл. 6).

Баррель пшеничной муки в переводе на зерно составлял 4,5 бушеля или 279 английских фунтов зерна, т.е., видимо, принят был 70-процентный выход муки³⁵. Поэтому мы цену за бушель пшеницы увеличиваем в 4,5 раза и получаем возможность сопоставить цены эквивалентных масс муки и зерна. За годы, указанные в таблице, уровень цен на пшеничную муку по отношению к уровню цен на зерно составлял соответственно (в процентах): 126, 106, 110, 105, 114, 115, 117, 117, 126, 120 и 113 процентов. В среднем за 11 лет уровень цен на муку был выше уровня цен на зерно на 14,5%. При обычной 80-процентной норме выхода пшеничной муки уровень цен на нее был примерно на 20% выше уровня цен на зерно. Можно, наконец, привести данные о соотношении цен на зерно и муку (правда, тоже пшеничную) по Франции. Квинтал пшеницы в среднем за 20 лет (1867–1886) стоил 28,45 фр. В то же время средняя цена квинтала пшеничной муки составляла 40,81 фр.³⁶ Перерасчет при условии 80-процентного выхода муки дает превышение уровня цены на муку над уровнем цены эквивалентного количества зерна на 15% (стоимость муки, получаемой из квинтала пшеницы составляла 32,65 фр.).

Таким образом, возвращаясь к нашим материалам, мы можем утверждать, что при условии 80-процентного выхода муки как наиболее вероятного, в 80-х годах XIX в. местная рыночная конъюнктура в таких губерниях, как Лифляндская, Курляндская,

Черниговская, Витебская, Бессарабская, ничем не отличалась от рыночной конъюнктуры капиталистического аграрного рынка. Больше того, к числу таких районов можно отнести и некоторые губернии Черноземного центра (Курская губ. – 131%, Воронежская – 111%), что свидетельствует о быстром прогрессе тенденции капиталистического развития и в этом районе³⁷. Близки к этому рубежу Волынская (109%), Подольская (106%), Орловская (108%), Рязанская (109%), Эстляндская (109%), Архангельская (105%) губ. Очень высок уровень цен на муку в Оренбургской губернии (126%)³⁸. Разумеется, наши показатели не следует абсолютизировать, так как они не являются отражением всей совокупности системы капиталистических производственных отношений в области сельского хозяйства. Поэтому подчеркнем лишь вывод о выявлении несомненной тенденции стремительного развития от конъюнктуры аграрно-товарного рынка Европейской России к нормальной конъюнктуре рынка капиталистического, убедительно свидетельствующей о втягивании аграрной экономики в русло развития капитализма.

Таким образом, именно характер эволюции соотношения уровней цен на рожь в зерне и ржаную муку на протяжении целого столетия позволяет нам расценивать аномалию в указанных стоимостных соотношениях как важнейшее свидетельство господства на аграрном рынке России, прежде всего дореформенного периода и отчасти после реформы, уровня цен на аграрную продукцию ниже уровня ее действительной стоимости. Тем самым известный марксистский тезис о том, что в странах с преобладанием мелкого крестьянского землевладения цена на хлеб стоит ниже, чем в странах с капиталистическим способом производства, находит наиболее обобщенное конкретно-историческое подтверждение. Не менее важен, на наш взгляд, и вывод о том, что факт существования аномалии в стоимостных соотношениях доказывает ограничение сферы действия закона стоимости в аграрной экономике России дореформенной поры главным образом областью обмена, т.е. сферой собственно рыночных отношений.

¹ В.И. Ленин писал, в частности, что «такой продукт, как хлеб... везде и всегда позже и всего медленнее втягивается в товарное обращение» (Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 113).

² Маркс К. Капитал. Т. III. М., 1950. С. 343.

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 365.

⁴ См.: Там же. Т. 26, ч. III. С. 345.

⁵ Маркс К. Указ. соч. Т. III. С. 818.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. II. С. 263.

⁷ Маркс К. Указ. соч. Т. III. С. 819.

⁸ Там же. С. 739.

⁹ Там же. С. 819.

¹⁰ Под уровнем цен мы разумеем среднюю арифметическую за тот или иной период времени.

¹¹ В экономической литературе особенно конца XIX в., когда в связи с аграрным кризисом, серьезно затронувшим Россию, интерес к проблемам аграрного рынка, и прежде всего к хлеботорговле, резко возрос, имеется довольно много исследований, посвященных этому аспекту. Для работ такого рода, выполненных преимущественно дворянско-буржуазными экономистами, характерна единодушная констатация крайне низкого уровня хлебных цен в России 80–90-х годов XIX в. Причем в качестве причин большинство из них помимо всякого рода «неустроенностей» приводят моменты, связанные с так называемой «нуждой в деньгах» сельских хозяев, разумея под последними задавленное эксплуатацией русское крестьянство. Вот одно из характернейших объяснений: «В общем почти все производители, связанные нуждой в деньгах и действующие тоже вразброд, в одиночку, в установлении цены обычно считаются отнюдь не с конъюнктурой хлебного рынка, которой большей частью не знают, а со степенью большей или меньшей зависимости от покупателя или нужды в деньгах. На расценку хлеба при продаже его производителем будет главным образом влиять выдача авансов, продажа хлеба на корню, задолженность покупателю, который является вместе с тем продавцом других продуктов, и т.п. За все это надо выделить из цены хлеба комиссию, проценты и пр., и, пониженная и без того на экспортном рынке и во всех стадиях внутреннего рынка, цена здесь доводится уже до своего конечного минимума». (Значение правильной организации хлебной торговли, условия, которым она должна удовлетворять, и меры к постепенному введению в России организованной хлебной торговли. СПб., 1902. С. 43; см. также: *Федоров М.П.* Хлебная торговля в главнейших русских портах и в Кенигсберге. Доклад съезду представителей железных дорог второй группы. М., 1888. С. 355; *Касперов В.И.* Очерк хлебной торговли на Юге России в связи с вопросом об элеваторах. СПб., 1889. С. 37).

¹² *Аленицын В.* Опыт расчета стоимости пшеницы, ржи, овса и ячменя в производстве и в отношении пользования сбором // *Временник Центрального статистического комитета*. МВД. 1889. № 12; *Сельскохозяйственные и статистические сведения по материалам, полученным от хозяев*. Вып. 3. Стоимость производства главнейших хлебов в Европейской России. СПб., 1890.

¹³ Точнее говоря, 80-процентный выход муки является максимальным биологически обусловленным выходом мучной массы, дальнейшее увеличение нормы выхода идет за счет засоренности муки отрубями. В литературе по экономике мукомолья в начале XX в. обычно ориентировались на расчеты Люгера, согласно которым «действительным эквивалентом за пуд муки является 1,28 пуда зерна», т.е. в обратном пересчете из 100 частей зерна могло получиться 78 частей муки (см.: *Селихов М.Н.* Русское мукомолье в борьбе с германской конкуренцией на международном рынке. Причины упадка нашего экспорта и меры к поощрению вывоза русской муки за границу. СПб., 1912. С. 49). Для поощрения германского экспорта муки эквивалент в начале XX в. был сильно завышен: за пуд муки первого класса, вывозимой за рубеж, засчитывалось как эквивалент

1,68 пуда ржи, ввозимой в страну в зерне (т.е. на 100 частей ржи приходилось 63 части муки). Транзитные перевозки хлеба в Германии были освобождены от пошлин при условии доказательства тождества ввоза и вывоза. Завышенный же эквивалент позволял германским экспортерам вывозить беспошлинно дополнительно примерно до 20% муки. (См.: *Федоров М.П.* Указ. соч. С. 325; *Селихов М.Н.* Указ. соч. С. 49–50 и др.). Подобной ситуации в России никогда не было и нормативы выхода муки были ближе всего к реальным соотношениям. П.И. Лященко считал для начала XX в. объем отрубей в 25% от общего производства, понижая, таким образом, средний выход муки до 75% (впрочем, по всей вероятности, здесь имелся в виду выход ржаной и пшеничной муки в целом). В той же работе П.И. Лященко о русской мукомольной промышленности фигурирует обычный выход муки при однократном помоле в 7 пудов – 7 пудов 10 фунтов на четверть зерна. (См.: *Лященко П.И.* Русская мукомольная промышленность и торговля мукою // Отд. отд. из «Ежегодника Деп-та земледелия». 1911. С. 13).

- ¹⁴ Вес четверти в 9 пудов характерен для ржи с крупным, налитым зерном.
- ¹⁵ Разумеется, подобное «засорение» муки мы принимаем во избежание преувеличений в расчетах, а также ввиду того, что практически крестьянская мука довольно часто была некачественной.
- ¹⁶ Не изменит положения даже учет стоимости отходов помола, т.е. отрубей, если допустить, что эти отходы возвращались вместе с готовой мукой.
- ¹⁷ Минимальный расход на помол принимается за 10% стоимости зерна. (В частности у П.И. Лященко фигурирует оплата помола в 17%, 14% и 10% от стоимости зерна. См.: *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 36).
- ¹⁸ Допущение подобного веса четверти реально для среднего многолетнего уровня, так как соотношение легковесной, щуплой ржи с рожью полновесной в этом случае было примерно равным.
- ¹⁹ Оба варианта не введены нами в табличный расчет, хотя фактически они там присутствуют, ибо итоги расчета соотношения уровней цен ржи и муки при весе четверти в 8,5 пудов и выходе муки в 80% (т.е. в 6,8 пуда из четверти) полностью совпадают с итогами расчета при весе четверти в 8 пудов и выходе муки в 85%, поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться в этом случае данными графы 6 и 7 табл. 1. Точно так же совпадают итоги расчетов при весе четверти в 9 пудов и 80% выхода муки (т.е. 7,2 пуда из четверти. См. графы 8 и 9).
- ²⁰ По отношению к более раннему периоду заслуживающим внимания обоснованием отсутствия регулирующей роли рынка в области аграрного производства могут служить наблюдения о затратах труда в земледелии середины XVIII в., демонстрирующие причудливый и весьма пестрый разбой в нормировке труда, диктуемый комплексом объективных и субъективных условий натурального хозяйства. См.: *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (По материалам монастырской барщины) // Ист. зап. Т. 85. М., 1970. С. 271–276.
- ²¹ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 340–341. Автор полагает, что роль помещичьего производства товарного хлеба сказывалась на рыночной конъюнктуре в 20–40-е годы XIX в., а само производство стало расти после Отечественной войны 1812 г.

- 22 Сопоставимость их приближенная, так как средние цены охватывают лишь 7-летний период (1847–1853 гг.) и притом они среднегубернские, в то время как средние десятилетние цены за начало века охватывают лишь губернские города.
- 23 Вместе с тем не следует преувеличивать значение этих нюансов, так как данные об уровне цен на рожь и ржаную муку по таким крупным портовым городам, как Архангельск, Рига и Петербург, ввиду их гигантского оборота в хлебной торговле, фиксируют ту же тенденцию, синтезируя конъюнктуру внутреннего рынка страны в целом.
- 24 Результаты подсчетов по этим исходным данным, как и в предыдущем случае, совпадают с итогами расчетов по весу четверти в 8 пудов при 85% выхода муки, поэтому мы снова используем данные графы 7 и 8 табл. 2.
- 25 Результаты расчета по этим исходным данным совпадают с итогами граф 9 и 10 табл. 2.
- 26 Что касается соотношения товарных масс крестьянского и помещичьего хлеба на рынке, то, согласно примерным расчетам И.Д. Ковальченко, доля помещичьего хлеба в начале XIX в. составляла приблизительно свыше 40%, а к середине века повысилась до 54% (см.: *Ковальченко И.Д. Указ. соч. С. 340–341*).
- 27 Необходимо, таким образом, строго различать два аспекта: соотношение уровней цен и соотношение динамики этих же цен. В последнем случае движение цен на рожь в зерне с очень высокой точностью совпадает с движением цен на ржаную муку на протяжении всего XIX в. Для проверки и подтверждения этого положения мы выявили тесноту взаимосвязей между колебаниями цен на рожь и колебаниями цен на ржаную муку (теснота взаимосвязи измерялась коэффициентом корреляции) по ряду городов Европейской России за 1809–1819 гг. и 1846–1855 гг. Так, по Калуге за 1809–1819 гг. теснота колебаний цен ржи и ржаной муки была максимально возможной ($r = 1,00$, что равносильно идеальному соответствию колебаний цен на рожь колебаниям цен на ржаную муку). По Витебску эта взаимосвязь чуть ниже ($r = 0,89$), а по Курску и Симбирску почти идеально синхронна (коэффициент корреляции соответственно 0,97 и 0,96). За 1846–1855 гг. по Вологодской губ. $r = 0,85$, по Московской губ. $r = 0,97$, по Саратовской губ. $r = 0,86$ и Екатеринославской губ. $r = 0,99$, т.е. теснота взаимосвязей также очень высока, а большей частью близка к идеальной. Это означает, что колебания цен на ржаную муку повторяют и почти все нюансы колебаний цен на рожь в зерне и наоборот. Таким образом, приведенные наблюдения служат весьма ярким и убедительным доказательством тому, что закон стоимости весьма четко реализовывал свои функции именно как регулятор обмена, и в этом случае рожь и ржаная мука выступают по отношению к нему в сущности в одном лице (т.е. если повышается цена на зерно, то точно так же и в той же пропорции повышается и цена на муку и т.д.). Следовательно, аномалия в соотношении уровней цен не влияла существенным образом на синхронность и пропорциональность динамики этих цен.
- 28 Есть основания предполагать, что подобная ситуация характерна и для других зерновых культур Европейской России. Весьма интересны, в частности, наблюдения А.Н. Егунова о том, что гречневая крупа в целом продается на рынках не дороже овса (*Егунов А.Н. О ценах на хлеб в России и их значении в сфере отечественной промышленности. М., 1855. С. 36*).

- ²⁹ Впрочем, что касается рынка ржи, то необходимо уточнение: и рожь в зерне, и ржаная мука были главным образом товаром крестьянским. Даже в конце XIX – начале XX в. при существовании мукомольной промышленности с паровыми мельницами перемол мелкими мельницами, где главной клиентурой было крестьянство, имел громадное значение для внутреннего рынка: ими обрабатывалось 75% ржи и 25% пшеницы (см.: *Лященко П.И.* Указ. соч. С. 11). Таким образом, убытки при обработке зерна идут в основном за счет непосредственного производителя.
- ³⁰ *Рындзюнский П.Г.* О мелкотоварном укладе в России XIX в. // История СССР. 1961. № 2; *Он же.* Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. // Там же. 1963. № 4; *Он же.* Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. (о статье И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова) // Там же. 1966. № 6; *Он же.* Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г. // *Вопр. истории.* 1967. № 7; *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1962. № 1; *Рубинштейн Н.Л.* О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX в. // История СССР. 1962. № 4; *Анфимов А.М.* О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2; *Кахк Ю.Ю.* О степени помещичьего нажима на крестьян (по поводу статьи П.Г. Рындзюнского «О мелкотоварном укладе в России XIX в.») // История СССР. 1963. № 3; *Ковальченко И.Д., Миров Л.В.* Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. 1966. № 4; *Ковальченко И.Д., Миров Л.В.* Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства // История СССР. 1967. № 2; см. также: *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967; *Сахаров А.Н.* О диалектике исторического развития русского крестьянства (проблемы историографии последних лет) // *Вопр. истории.* 1970. № 1; *Литвак Б.Г.* Русская деревня в реформе 1861 г. М., 1972.
- ³¹ *Рындзюнский П.Г.* О мелкотоварном укладе в России XIX в. С. 55–56.
- ³² *Он же.* Вопросы изучения мелкотоварного уклада в России XIX в. // История СССР. 1963. № 4. С. 102.
- ³³ *Он же.* Об определении интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. С. 64.
- ³⁴ То обстоятельство, что за 80-е годы XIX в. нами использованы данные об уровне цен на ржаную муку интендантского ведомства, а данные об уровне цен на рожь получены по обычным административным каналам ЦСК МВД, т.е. тем же, что и в середине века, может внести лишь несущественные неточности, так как нами берется в основу средняя цена за семь лет.
- ³⁵ См.: *Федоров М.П.* Обзор международной хлебной торговли. СПб., 1889. С. 73.
- ³⁶ См.: Там же. С. 333.
- ³⁷ Что касается бывших районов преобладания государственных крестьян, то к концу XIX в. прежнюю тенденцию в рыночной конъюнктуре сохранили далеко не все из них (Оренбургская губ. – 126%, Архангельская – 105%). Видимо, ликвидация таких факторов, как крепостничество и бар-

щинное товарное производство, поставили эти районы в положение, равное с большинством других, но вместе с тем на товарном хлебном рынке вошли в действие многие другие закономерности (диффрента, торговые пути и т.п.), которые изменили эту конъюнктуру.

- ³⁸ При условии 80% выхода муки все показатели снижаются на 5–6% и число губерний с уровнем цен на ржаную муку, приближающимся к 110% от уровня цен на зерно, заметно сокращается (это Лифляндская, Курляндская, Витебская, Черниговская, Бессарабская и Оренбургская губернии).

Опубл.: История СССР. 1974. № 1. С. 48–63.

ПОМЕЩИКИ И КРЕСТЬЯНЕ РОССИИ В XVII И XVIII вв.*

Период XVII–XVIII вв. в истории помещичьего и крестьянского хозяйства – один из наиболее интересных, так как в конце его уже довольно явственно обнаруживаются процессы, связанные с разложением феодального способа производства. Вместе с тем изученность как помещичьего, так и крестьянского хозяйства явно недостаточна. Исследователи до сих пор располагают отрывочными данными, как в плане территориальном, так и в хронологическом. Помимо этого, задачу выявления наиболее важных черт в развитии обоих типов хозяйства осложняет несопоставимость и разноречивый характер материала. Вследствие этого в данном докладе будут освещены лишь некоторые аспекты этой большой и сложной темы. В частности, мы избираем объектом изучения – помещиков, ведущих земледельческое хозяйство, и барщинных помещичьих крестьян.

Прежде всего коснемся структуры класса феодалов в XVII–XVIII вв., соотношения внутри него мелких, средних и крупных землевладельцев и душевладельцев, ибо помещики в России были владельцами крепостного населения.

Период XVII в. не обеспечен надежным статистическим материалом о феодальном землевладении. Единственный массовый источник от первой половины XVII в. – писцовые книги – не обработаны исследователями настолько, чтобы дать общую статистику. Кроме того, сам материал писцовых книг весьма своеобразен и не сопоставим с данными XVIII в. В XVII в. государство со всей тщательностью фиксировало обеспеченность дворянства землей, а в XVIII в. в центре внимания было душевладение. Правда, в первой половине XVII в. фиксировались во дворах и так называемые «люди», что, по мнению многих ученых, означало взрослое мужское тяглое население. Однако, пользуясь этими данными, трудно дать характеристику душевладения класса феодалов. Более точные сведения о населении поместно-вотчинного фонда земель дают переписные книги середины и второй половины XVII в., но вместе с тем они не дают сведений о земле и хозяйственных угодьях.

Приближенную характеристику структуры землевладения класса феодалов для XVII в. можно дать лишь на основе выборочных сведений. По сводным данным писцовых книг 20–40-х го-

* В соавторстве с А.Н. Чистозвоновым (перевод на франц. яз.).

дов XVII в. 12 уездов (Вологодского, Белозерского, Тверского, Дмитровского, Переславль-Залесского, Тульского, Лихвинского, Карачевского, Чернского, Рыльского, Нижегородского – двух станов, и Курмышского)¹, более или менее равномерно представляющих основные районы России XVII в., мы насчитываем на этой территории 2813 имений помещиков и вотчинников, в которых было 19 795 крестьянских и бобыльских дворов и 600 841 дес. «четвертной земли», куда входила действующая пашня, запущенная пашня, пригодные к пашне земли и сенокос. По данным Я.Е. Водарского, в первой половине XVII в. за помещиками и вотчинниками Московской, Новгородской, Архангелогородской, Белгородской, Воронежской и Нижегородской губ. (по административному делению на начало XVIII в.) было 6 млн 108 тыс. дес. «пашни» и сенокоса, т.е. той же «четвертной земли»². Следовательно, можно считать, что наша выборка из 12 уездов охватывала примерно 10% указанной территории.

Ориентируясь на данные писцовых книг о числе жилых дворов, по XVII в. можно сделать следующие подсчеты. В Дмитровском у. на 178 имений в среднем по уезду на имение приходилось 3,79 жилых двора. В Чернском у. (54 имения) – по 3,86 двора. В Карачевском у. (191 имение) – по 3,77 двора. Другая группа уездов имеет более высокую населенность поместий и вотчин. В Вологодском у. на 687 имений в среднем по уезду на имение приходилось 8,75 двора, в Белозерском у. (179 имений) – 6,22 двора, в Тверском у. (131 имение) – 4,8 двора, Переславль-Залесском у. (143 имения) – 4,96 двора, Тульском у. (251 имение) – 4,36 двора, Лихвинском у. (111 имений) – 5,22 двора, Рыльском у. (281 имение) – 4,73 двора. Один лишь Курмышский у. (166 имений), активно колонизируемый в XVII в., имел в среднем на владение 11,1 двора. В ряде районов мельчайшее душевладение преобладало. Так, по 1136 имениям Рязанского края (включавшего 4 будущих уезда XVIII в. – Переяславль-Рязанский, Пронский, Зарайский и Михайловский) приходилось в среднем на одно владение всего лишь 1,47 двора и только 333 имения насчитывали в среднем 3,3 жилых двора. С другой стороны, если в Ярославском у. 733 владельца имели в среднем каждый по 4,84 двора, то в Заволжской части уезда на 294 имения приходилось в среднем на каждое по 10,6 двора³. Эти дополнения к массовым сводным материалам 12 уездов, видимо, подтверждают, что на основной части территории России XVII в. господствовало мельчайшее и мелкое душевладение.

Наиболее надежные, охватывающие большую часть Европейской России данные о составе класса феодалов имеются по первой ревизии (по 27 губерниям по административному делению

70-х годов XVIII в.). Они обработаны Н.М. Шепуковой⁴. Численность привилегированных владельцев земли и крепостных крестьян составляла на 1719–1727 гг. 64 471 человек. Им принадлежало 2 987 281 душ м.п. крестьян. Численность помещичьих крестьян по всей стране достигала 3273 тыс. душ м.п., а все население – 6258 тыс. душ м.п. Более половины помещиков (38 310 человек или 59,5%) являлись мельчайшими душевладельцами (имели не более 20 душ м.п.). Им принадлежало 304 874 душ м.п. крестьян. Мелких душевладельцев вместе с мельчайшими, т.е. в целом имевших не более 100 душ м.п., было 58 835 человек, что составляло 91,3% всех помещиков Европейской России. Им принадлежало 1227 тыс. душ м.п. крестьян. Средних душевладельцев (имевших от 101 до 500 душ м.п.) было всего 7,9% (5019 человек), а крупных и крупнейших (свыше 500 душ м.п.) всего 0,8% (617 человек). Последним принадлежало 788 064 душ м.п., или 26,2% крестьян.

Мельчайшие помещики преобладали всюду, но особенно много их было в Курской, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Симбирской, Новгородской и Вологодской губ., т.е. на Северо-Западе, Севере и в Центрально-Черноземном районе. Крупные помещики заметно выделялись в Петербургской, Тверской, Нижегородской, Орловской, Пензенской и Харьковской губ.

Если по 12 уездам России XVII в. в среднем на владение приходилось по 7,03 двора, то в первой четверти XVIII в. по 27 губерниям в среднем на владельца приходилось примерно 12,2 двора (исходя из расчета Я.Е. Водарского по 3,8 душ м.п. на двор). Таким образом, за период около столетия населенность имения и, вероятнее всего, размеры самих имений увеличились вдвое.

В течение XVIII в. структура класса помещиков изменилась лишь в деталях. По данным 1777 г., по 31 провинции (губернии) Европейской России (население около 3,8 млн душ м.п.) 28,7% помещиков владели в пересчете на дворы (т.е. считая по 3,5 душ м.п. во дворе) крепостным населением до 3 дворов, 44,6% помещиков – до 17 дворов, 8,3% помещиков – до 29 дворов, 15,6% помещиков – до 143 дворов, 1,6% помещиков – до 286 дворов, 1,2% помещиков – свыше 286 дворов. Последняя группа крупнейших магнатов, владевших св. 1000 душ м.п. крестьян, насчитывала 251 человек и имела 621 250 душ м.п. крепостных крестьян. В начале XVIII в. душевладельцы, имевшие свыше 100 душ м.п. (более 29 дворов), составляли 8,7% помещиков, а к началу последней четверти XVIII в. их уже было 18,4%. Таким образом, приведенные материалы свидетельствуют о том, что главной особенностью развития привилегированного дворянского поместного землевладения в период XVII–XVIII вв. был преимуществен-

ный рост числа средних и особенно крупных и крупнейших владельцев.

Скупые данные статистики дворянского землевладения XVII в. можно дополнить более конкретными материалами по отдельным районам, в частности – Тверскому, Лихвинскому, Тульскому, Чернскому и Курмышскому у. (см. табл. 1).

Группировка поместно-вотчинных владений ориентирована на размеры поместных и вотчинных дач в 70, 200 и 300 четвертей в поле (или 210, 600 и 900 четвертей в трех полях)⁵. Из данных таблицы следует, что на практике в первой группе владения достигали в среднем 60–80 дес. в трех полях, во второй – в большинстве случаев были около 200 дес. в трех полях, а в третьей группе – 380–390 дес. в трех полях. Судя по Соборному Уложению 1649 г. (гл. XVI, § 22), дачи, т.е. поместья и вотчины до 100 чтв. (150 дес. в трех полях) считались «небольшими». Следовательно, вторая и третья группы нашей таблицы представляют не мелкое, а среднее землевладение. По всей вероятности, вторая и третья группы имели преобладающее значение. В пяти названных в таблице уездах они составляют 60% всех владений (из 629). Хотя в отдельных районах наблюдаются отклонения. Так, систематический материал по Рязанскому у. (по административному делению XVIII в. это четыре уезда) выявляет ведущую здесь тенденцию преобладания мелкого землевладения. Здесь на территории будущих Переяславль-Рязанского, Зарайского, Пронского и Михайловского у. было всего 2176 поместий и вотчин. Из них в первую группу вошло 1496 владений (69%) со средним размером четвертной земли 52,6 дес. в трех полях. Во вторую – 541 владение (25%) со средним размером 172,6 дес. и в третью – 139 владений (6%) со средним размером 428,8 дес.⁶ В высшую группу, видимо, вошли и отдельные дачи, далеко превосходившие рубеж в 300 чтв. в поле, так как средняя смещена к пределу в 450 дес.

С другой стороны, в районе Нижегородского Поволжья было существенным крупное землевладение. В частности, в 20 крупнейших владениях Нижегородского у. средний размер владения достигал 3597,3 дес. (301,7 крестьянских и бобыльских дворов).

В целом по стране земельные владения до 750 дес., до 1500 дес. и св. 1500 дес. встречались редко. Как правило, это земельные оклады бояр, окольничих, стольников, стряпчих, московских дворян и т.д., т.е. немногочисленной верхушки двора. По росписи 1638 г. всего 31 человек имел св. 160 дворов каждый. Из них свыше 500 дворов имело только 12–14 человек⁷. При этом важно подчеркнуть, что к тому же владения московской знати, как правило, не составляли единого территориального комплекса, а были разбросаны сравнительно небольшими частями по

всей стране. Так, владения Н.И. Романова были рассредоточены в 16 уездах, Б.И. Морозова – в 19 уездах, А.И. Безобразова – в 14 уездах. Собственно дворцовое хозяйство царя и его семьи в начале XVIII в. рассредоточивалось по 109 уездам. Это важнейшая специфическая особенность землевладения российского дворянства.

Основная же масса выборных и городских дворян имела единственное поместье в одном уезде. Из уездов, фигурирующих в табл. 1, по Тверскому у. к третьей группе (301–450 дес.) принадлежало 11 владений, к четвертой группе (451–750 дес.) – восемь владений, а к пятой группе (751–1500 дес.) – одно владение. По Лихвинскому у. к третьей группе относилось восемь владений, а к четвертой группе – три владения. По Тульскому у. в четвертую группу вошло семь владений, а в пятую группу – одно имение. По Курмышскому у. в третью группу вошло 20 владений, в пятую группу – одно имение. Итак, суммируя данные по пяти уездам, мы получаем в первой группе 223 имения (32% к итогу), во второй – 358 (52%), в третьей – 67 (9,7%), в четвертой – 38 (5,5%) и в пятой – 3 (0,8%). Разумеется, эти данные лишь выборка, к тому же эти цифры не сопоставимы с группировкой по размеру душевладения первой четверти XVIII в. И вместе с тем, там и здесь в группу крупнейших феодалов попадает 0,8%, мельчайшие и мелкие владельцы составляют в первой половине XVII в. 84%, а в первой четверти XVIII в. – 91,3% владельцев. Для XVII в. весьма важно, что группы владений, отличаясь весьма существенно по площади «четвертной пашни», не столь сильно различались по количеству крестьянских и бобыльских дворов. Число дворов всюду было незначительно. В первой группе владений, как правило, 2–3 двора, редко до 5 дворов; во второй – 3–5 дворов (а в Курмышском у. до 9 дв.); в третьей – 8–13 дворов. Если в Лихвинском у. первая группа от второй по населенности различается в 1,2 раза, то по «четвертной земле» – в 2,8 раза; в Курмышском первая и третья по населенности различаются в 3,7 раза, то по земле в 6,1 раза; в Тульском у. первая и третья группы по населенности различны в 2,7 раза, а по земле – в 4,4 раза и т.д. Видны, скорее, более четкие географические различия, ибо Лихвинский у. имеет вообще более населенные поместно-вотчинные владения, резко выделяется этим и Курмышский у. В первой половине XVII в. политика земельных дач была в разных районах разной, как и политика налогового обложения. В целом же характернейшей чертой поместно-вотчинного землевладения первой половины XVII в. является резкое снижение населенности владений, что свидетельствует о том, что даже в 20–30-е годы страна еще не вполне избавилась от последствий тяжелого хозяйствен-

ного и социального кризиса начала века. Если по размерам «четвертной земли» поместно-вотчинное землевладение отличается от позднейшей структуры дворянского класса XVIII столетия, видимо, долей крупного и крупнейшего землевладения (с точки зрения пропорциональности различных прослоек класса феодалов), то по населенности имений XVII век (как видно из приведенных материалов) резко отличен в целом от следующего столетия.

При общей вполне очевидной малонаселенности поместно-вотчинных владений в первой половине XVII в. можно выявить категорию феодальных владений, для которой характерно более динамичное развитие и, как следствие его, сравнительно большая населенность дачи (имения). Речь идет о категории вотчинных владений. Вот как выглядит соотношение средней доли жилых крестьянских и бобыльских дворов по рассматриваемым уездам (см. табл. 2).

Различия в населенности имений весьма существенные, к тому же добавим, что по числу «четвертной земли», т.е. по общей площади вотчины, как правило, были меньше поместий. Так, в Тверском у. средний размер поместья 237 дес. в трех полях, а вотчины – 191 дес., в Дмитровском у. соответственно 256 дес. и 184 дес., в Тульском у. – 192 дес. и 183 дес., в Лихвинском у. – 192 дес. и 163 дес., в Курмышском у. – 258 дес. и 220 дес. Крупнее поместий вотчины были лишь в Карачевском и Белоозерском у. Тот факт, что вотчины при меньшем общем земельном фонде в целом были более населены (и не только крестьянскими и бобыльскими, но и так называемыми «людскими» дворами), свидетельствует о более быстрых темпах преодоления хозяйственного разорения именно в этом типе феодального землевладения.

Как поместье, так и вотчина были формами условного землевладения, связанными со службой царю, т.е. государству. Однако поместье было лишь пожизненным владением, а вотчина – наследственным. Вотчинник имел гораздо более широкий круг прав в распоряжении вотчиной, чем помещик. Больше того, по Уложению 1649 г. поместье могло быть куплено своим же владельцем в вотчину. В вопросах наследования в середине XVII в. правительством был принят ряд мер по укреплению поместной категории землевладения. Уложением было введено, в частности, понятие прожиточного поместья для вдов и детей служилого человека. В целом в середине века наметился процесс сближения статусов поместья и вотчины. Вместе с тем разница была еще очень велика. Достаточно напомнить, что даже по Уложению 1649 г. вотчинник был волен отпускать своих крепостных на свободу составлением «отпускной» грамоты. Помещик же этого сделать не мог. Разумеется, названное различие имело скорее

психологическое, а не практическое значение. Однако в итоге в ряду других обстоятельств такой вид феодальной собственности, как вотчина, независимо от того была ли она родовой, выслуженной или купленной, была в целом более динамичной в хозяйственном отношении. Это видно из следующих данных (см. табл. 3).

Из десяти уездов только Белозерский у. демонстрирует отсутствие разницы в доле пашни поместий и вотчин (10% и 9%). В остальных девяти уездах распаханность в вотчинах в 1,5–2 и более раз больше, чем в поместьях (в Вологодском у. в 4 раза). Следует отметить, что увеличение доли пашни в вотчинах было пропорционально увеличению населенности имения, пожалуй, лишь по Карачевскому у., в других же случаях рост пашни обгоняет рост доли населения. В Лихвинском у. в вотчинах лишь в 1,5 раза больше крестьянских и бобыльских дворов, чем в поместьях, а пашня в среднем больше в 2,5 раза. Примерно то же можно видеть по Тверскому, Курмышскому и Тульскому у.

Видимо, неслучайно исследователи выявили в первой половине XVII в. ускоренный рост фонда вотчинных земель (особенно фонда выслуженных вотчин в период 1606–1618 гг.). Во второй половине XVII в. этот рост продолжался. Если фонд поместных земель соотносился с фондом вотчинных земель в первой половине века как 6:4, то во второй половине века уже как 4:6⁸. Таковы были в общих чертах процессы, происходившие в сфере поместно-вотчинного землевладения.

В XVIII столетии процесс сближения статуса поместья со статусом вотчины, четко проявившийся с середины XVII в., уже завершился. Серия указов, начиная с Петровского указа «О единонаследии» от 23 марта 1714 г. и кончая указами 30-х годов XVIII в., уравнила в правах оба типа феодального землевладения и оформила тип частной феодальной собственности. Отныне различия в темпах и характере развития помещичьего хозяйства зависели прежде всего от экономической конъюнктуры того или иного района.

По отношению к феодальному хозяйству XVII в. трудно применить все параметры, характерные для земледельческого производства, ибо и поместья и вотчины этого периода в массе своей имели весьма неразвитый господский сектор хозяйства. Львиная доля продукции поступала феодалу в форме феодальной ренты, а основной производственной ячейкой было крестьянское хозяйство. В XVII – начале XVIII в. в междуречье Оки и Волги, т.е. в центре страны по данным 365 имений соотношение форм ренты было следующим⁹. В первой половине XVII в. отработочная рента была в 2,9% имений, чисто денежная – в 14,7%, разные сочетания форм ренты с непременным присутствием барщины –

в 82,4% (28 имений). В третьей четверти XVII в. чистая барщина была в 4% имений, денежная – в 2,3% имений, в 94,7% имений (70 имений) было сочетание разных форм ренты с неременной барщиной. Наконец, в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. чистая барщина была в 11,6% имений, чистый денежный оброк – в 8,2%, а сочетание разных форм ренты (и непременно с барщиной) – в 80,2% имений. Эти наблюдения свидетельствуют о слабом развитии товарно-денежных отношений и господстве натурального хозяйства. Если учесть, что многие из 365 имений являлись лишь частью владений какого-либо феодала, а не единственным имением, то станет ясным, что в XVII в. еще не было дифференциации владений по форме изъятия прибавочного продукта, что могло быть продиктовано в основном экономической конъюнктурой того или иного района, а главное, приспособлением крестьянского хозяйства к этой конъюнктуре. Основным показателем потенции приспособления крестьянского хозяйства к этой конъюнктуре – наличие чисто денежной ренты, которая даже в конце указанного периода достигает лишь 8%. Что касается чистой барщины, то единичные имения, где она встречается, могли быть лишь глубоко натуральными по своему характеру хозяйствами.

Итак, господство феодальной ренты, сочетавшей разные формы изъятия прибавочного продукта крестьянского хозяйства, служит серьезным свидетельством натурально-потребительского в своей основе характера поместий и вотчин в XVII – начале XVIII в. Разумеется, сказанное не исключает выхода феодала на рынок для сбыта части продукции, поступавшей в виде ренты. Однако это явление традиционное для средневековья.

Вместе с тем со второй половины XVII в. появляются первые признаки феодального предпринимательства. Таким предпринимателем был боярин Б.И. Морозов – самый крупный землевладелец страны, имевший 330 сел, селец, деревень и починков с 9100 крестьянскими дворами и 45 тыс. десятин пашенной земли (без лугов и леса)¹⁰. Барщинный хлеб и предметы продуктовой ренты, вероятно, сбывались им на рынке. В начале XVIII в. такой фигурой был А.Д. Меншиков и некоторые другие.

Во второй половине XVIII в. общая ситуация в соотношении форм ренты кардинально иная. Так называемая смешанная рента, т.е. сочетание тех или иных видов ренты резко меняется по своей структуре. Натуральный оброк практически исчезает, составляя очень небольшую долю ренты в виде «столового запаса». Сохраняется, но также в ничтожном объеме, отработочная рента в виде натуральных повинностей (ремонтные работы и подводная повинность). Главное же, преобладающее место зани-

мает теперь либо денежная рента, либо барщинные земледельческие работы. Во второй половине XVIII в. современники считали эти виды феодальной ренты настолько важными и определяющими, что деление крестьян на барщинных и оброчных стало общепринятым. Тенденция к чистому виду ренты была обусловлена всем ходом экономического развития страны, развития товарно-денежных отношений. Внедрение товарно-денежных отношений в толщу феодального натурального хозяйства шло в двух, так сказать, взаимно противоположных направлениях. В первом случае, когда развивалась денежная рента как ведущая и почти единственная форма эксплуатации, основой ее было товарное развитие крестьянского хозяйства. Во втором случае, когда ведущей и почти единственной формой эксплуатации непосредственных производителей была отработочная рента, основой ее была уже предпринимательская деятельность самого феодала. Во второй половине XVIII в., особенно после издания манифеста «О вольности дворянской», барщинная эксплуатация крестьян принимает грандиозные масштабы, охватывая огромные пространства страны. Предпринимательская сущность такого вида эксплуатации крестьян позволяет назвать барщину в этих условиях фальсифицированной формой денежной ренты. Она уже не имеет ничего общего с простой первоначальной формой ренты, характерной для натурально-патриархального типа хозяйства.

Этот парадокс подтверждается целым рядом кардинальных фактов. В пределах нечерноземной полосы, т.е. там, где условия для земледелия были менее благоприятными, барщинная форма эксплуатации раньше всего достигает своих наиболее крайних форм. Причина этого кроется в складывании в нечерноземных районах с преимущественно промышленным характером экономики постоянно растущего массового спроса на зерновую продукцию сельского хозяйства. Эти условия благоприятной рыночной конъюнктуры способствовали быстрому развитию в ряде районов Нечерноземья, там, где условия для земледелия были минимально благоприятны, зернового товарного производства и вызвали резкий скачок в развитии барщинного помещичьего производства хлеба. В Московской губ. на барщине было 64% помещичьих крестьян, а в пределах губернии: в Московском, Клинском у. их было 70%, в Никитском у. – 74%, в Звенигородском у. – 78%, в Дмитровском у. – 88%, в Воскресенском у. – 91% и в Подольском у. – 92% крестьян. Пятьдесят и более процентов барщинных крестьян было во Владимирской, Новгородской, Тверской, Смоленской губ. нечерноземной полосы. В Петербургской губ. было 49% барщинных крестьян. В черноземных Орловской,

Тульской, Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Курской и Воронежской в среднем было 74% барщинных крестьян¹¹.

В силу отсутствия источниковой базы по XVII в. и особенно по первой половине этого столетия характеристика феодального хозяйства привилегированных землевладельцев крайне затруднена. Об основной массе таких хозяйств нет никаких сведений. В какой-то мере могут быть привлечены весьма косвенные данные писцовых книг о статистике господских усадеб. Поскольку «служилые люди по отечеству» (дворянство) имели, как правило, поместную дачу в счет земельного оклада и не покрывающую этот оклад, то многие из них имели вотчинные владения разного происхождения (родовые, выслуженные или купленные). В этой ситуации далеко не каждая поместная или вотчинная дача были хозяйством ее владельца, с усадьбой, постройками, дворовыми людьми и службами, пашней, сенокосами и т.д. Примечательна в этом плане гигантская вотчина Б.И. Морозова. По описи 1667 г., охватившей 198 селений с 4985 крестьянскими дворами (54,7% всех его крестьян), у феодала было всего 24 боярских двора, т.е. собственно хозяйственных комплексов помещика, а в них было семь конюшен, 13 скотных дворов. Следовательно, на все 330 селений могло быть примерно 40–50 боярских усадеб. У рядовых служилых дворян такого хозяйства часто могло и не быть, а основной опорой хозяйства являлись городские дома. Разумеется, в разных районах страны ситуация могла быть различной. В Угличском у. на 204 имения было 143 господских двора (70%), в Дмитровском у. из 178 имений господские дворы были в 143 имениях (80% имений). В Переславль-Залесском у. соответственно 115 из 143 имений (80% имений), в Вологодской половине Вологодского у. – в 431 из 775 имений (в 57% имений), а в Заозерской половине уезда – в 67 из 291 имения (в 23% имений). В южных и восточных районах положение иное. В Нижегородском у. на 450 имений было 383 господских двора (85% имений), т.е. частота встречаемости господских усадеб гораздо выше. В Тульском у. на 251 имение приходилось 209 господских дворов (встречаемость 0,86), т.е. положение близкое к положению центральных районов (Дмитрова, Переславль-Залесского). В Черном у. на 54 имения приходилось 54 двора (встречаемость 1,0). Южнее, в Карачевском у. на 191 имение было 126 дворов (встречаемость 0,66). Наконец, в Рыльском у. соответственно 281 имение и 251 господский двор (встречаемость 0,89).

Более четко выявляется закономерность различной встречаемости господских усадеб при разделении дворянского землевладения на поместное и вотчинное. В ряде уездов центра Русского государства соотношения эти следующие. В Дмитровском у. в по-

местях встречаемость господских дворов 65%, а в вотчинах 85%; в Тверском у. в поместьях – 49%, в вотчинах – 65%. Южнее Москвы, в Лихвинском у. в поместьях встречаемость господских дворов 73%, в вотчинах – 81%; в Карачевском у. в поместьях – 62%, в вотчинах – 100%; в Курмышском у. в поместьях – 70%, в вотчинах – 86%. Вместе с тем, столь сильная разница была не всюду. В Тульском у. частота встречаемости господских усадеб в поместьях и вотчинах примерно одинакова (81% и 86%). Точно также в Угличском у. (77% и 80%), Переславль-Залесском у. (75% и 86%) и т.д. Следует подчеркнуть, что в данном случае встречаемость господских усадеб в вотчинах намного выше при том, что площадь удобной земли в них, как правило, меньше, чем в поместьях. Здесь явное влияние на темпы хозяйствования юридического статуса вотчин.

Вместе с тем фактор размера вотчинной и особенно поместной дачи нельзя не учитывать. Так, по Лихвинскому у. в имениях первой группы (до 105 дес.) встречаемость господских дворов 76%, а во второй группе (до 300 дес.) – 89%; в вотчинах Тверского у. встречаемость в первой группе – 61%, во второй группе – 69%. В поместьях Карачевского у. в первой группе встречаемость господских усадеб 46%, а во второй группе – 71%. Наконец, в Курмышском у. в поместьях первой группы встречаемость 34%, во второй группе – 76%, третьей группе (до 450 дес.) – 92%.

В этой связи становится вполне понятным, что при наличии в каждой поместной или вотчинной даче (за редким исключением) господской запашки не всегда можно говорить о комплексном господском хозяйстве. В какой-то мере эти предположения подтверждают данные поместно-вотчинных книг XVII в., описывавших имение при конфискации его в казну, передаче в другие руки и т.д. По данным Ю.А. Тихонова, описание часто фиксировало господскую запашку лишь в одном поле (см. табл. 4)¹².

Разумеется, характер описания имений при отписке в казну связан был в первую очередь с фиксацией имущества и в качестве такового фигурировал посеянный хлеб. Вероятно, в значительной мере из-за этого и не фигурировали второе и третье поля как пустые, не засеянные. Вместе с тем вполне очевидно, что немало было и таких имений, где действительно существовал лишь один клин ярового или озимого, т.е. не было регулярного, четко налаженного комплексного земледельческого хозяйства. В пользу этого предположения свидетельствует тот факт, что в исследованных Ю.А. Тихоновым материалах встречается фиксация трех полей господского клина пашни. До 1648 г. это замечено в четырех имениях (203 крестьянских двора); в 1649–1679 гг. – в 14 имениях (2015 крестьянских дворов), а в

1679–1725 гг. вновь только в четырех имениях (46 крестьянских дворов). Если бы описывалось только имущество, то, строго говоря, таких фактов вообще не должно было быть, так как паровое поле всегда пустое. Следовательно, подход описчиков не был столь однозначен и факты запашек в одном лишь поле заслуживают внимания.

Абсолютные размеры господских пашен, по данным Ю.А. Тихонова, в первой половине XVII в. равнялись в среднем 27,18 дес. на имение (сведения по 29 имениям). Однако считать этот размер господских полей нормой рискованно, так как выборка нерепрезентативна (имения по Костромскому у. составляют 24%, по Московскому и Коломенскому у. по 17,2%). Средние данные по господским запашкам писцовых книг 1620–1640 гг. сильно отличаются. Так, в среднем на имение в Тверском у. господская пашня равнялась 10,7 дес., в Дмитровском у. – 10,6 дес., в Переславль-Залесском у. – 11,6 дес., в Чернском у. – 12,3 дес. В южных районах она была значительно меньше (в Карачевском у. – 7,6 дес., Рыльском у. – 4,5 дес.). Больше она была в Лихвинском у. (18,1 дес.) и в Нижегородском Поволжье (Нижегородском у. – 27,4 дес., Курмышском у. – 21,4 дес.). Отдельные факты за период 1649–1679 гг. дают по 69 имениям в среднем 44,2 дес. господской пашни на имение, но представляют они в основном Московский у. (35% имений), Рязанский у. (14,5%), Коломенский у. (11,6%) и Арзамасский у. (10%). В единичных случаях в крупнейших владениях, какими были вотчины Б.И. Морозова, запашка в 60-е годы XVII в. достигала 4,5 тыс. дес.¹³ Сведения по 226 имениям за 1679–1725 гг. показывают среднюю по имению барскую пашню в 18,8 дес. Хотя и здесь выборка нерепрезентативна (16% – Московский у., 8,8% – Рязанский у., 7,5% – Ярославский у., 5,7% – Коломенский у., 3–4% – Каширский, Новоторжской, Тверской, Кашинский, Пошехонский, Суздальский, Рязанский и Арзамасский у.). Однако даже эти приблизительные и ориентировочные сведения говорят о том, что размеры господской пашни в течение XVII столетия не росли. Прослеживается, правда, очень приближенно зависимость размера барской пашни от числа крестьянских дворов, хотя это наблюдается не всюду. В господском секторе феодального хозяйства XVII в. практически есть лишь отрывочные сведения о соотношении культур (см. табл. 5)¹⁴.

Материалы таблицы дают представление о структуре посевов в тех случаях, когда имеется собственно господское хозяйство (с двором, постройками, конюшнями, скотными дворами и т.д.). Эта структура отражает нужды собственного хозяйства помещика. Как видно, в ней явно преобладает традиция господ-

ства «серых хлебов» (ржи и овса). В северных районах заметен ячмень. В редких случаях помещик мог резко изменить структуру ярового поля (посевы пшеницы в с. Покровском). Однако чаще общий традиционный порядок был неизменен и в этом господский сектор мало отличался от крестьянского хозяйства.

Во многих случаях структура помещичьих полей была упрощенной. Так, в с. Печелок Ярославского у. у стольника И.Б. Пушкина за пять лет (с 1658 по 1683 г.) соотношение было следующим: 1) рожь – 46%, овес – 42%, ячмень – 12%; 2) рожь – 45,1%, овес – 36,1%, ячмень – 18,8%; 3) рожь – 59,4%, овес – 24,4%, ячмень – 16,2%; 4) рожь – 49,6%, овес – 31,3%, ячмень – 19,1%; 5) рожь – 48,8%, овес – 32,1%, ячмень – 19,1%. Таким образом, лишь неурожай меняли структуру посева (резкий скачок посева ржи в 1660 г.). Высокий удельный вес ячменя, видимо, традиционен для большинства районов Верхневолжья. В д. Серекуши Арзамасского у. (В.А. Измайлов) весь посев состоял из ржи (66%) и овса (33%)¹⁵. Наконец, весьма важно отметить, видимо, весьма распространенное использование помещиком лишь одного поля. В с. Ильинском Московского у. (боярина В.И. Стрешнева) была лишь господская рожь (60 дес.), в с. Пилюгино Арзамасского у. (В.А. Измайлова) тоже одна рожь (20 дес.). В с. Рождественское и Деево Городище Костромского у. (князя Ю.Д. Хворостинина) одна рожь (37 дес. и 25 дес.). В селах боярина Б.И. Морозова и вдовы его А.И. Морозовой были одни лишь посевы ржи (с. Богородское, Знаменское, Сергач, Уварово, д. Б. Кемарш Арзамасского у., с. Борок Рязанского у. и др.)¹⁶. Почти всюду посевы ржи были там, где существенную долю ренты занимал продуктовый оброк и была также денежная рента. В ряде случаев (в частности у Б.И. Морозова) такие посевы могут быть свидетельством вотчинного предпринимательства. В житницах Б.И. Морозова было зафиксировано описью 1667 г. свыше 66 тыс. чтив. разного хлеба (главным образом ржи и овса), т.е. свыше полумиллиона пудов¹⁷. Вместе с тем, вероятнее всего, запас этот многолетний, во многом обусловленный как накопительскими традициями натурального хозяйства, так и малой емкостью рынка. Однако в XVII в. такие вотчинники были большой редкостью. В основном господская запашка была невелика, хотя в особых условиях восстановления хозяйства в 20–40-е годы после тяжелого социального и экономического кризиса, приведшего к известному усилению натурализации экономики, доля ее к общему количеству действительной пашни была (особенно в вотчинах) очень большой. По Белозерскому у. она равнялась 22%, Тверскому у. – 40%, Переславль-Залесскому у. – 50%, Лихвинскому у. – 51%, Карачевскому у. – 40%, Нижегородскому у. –

40% и Курмышскому у. — 58%. Эти расчеты не учитывают пашню наездом, которая была как у помещиков, так и у крестьян, а также льготную крестьянскую пашню. Вместе с тем учет этих данных кардинальных изменений, видимо, не внесет. В поместьях господская запашка составляла в ряде районов несколько меньшую долю (в Белозерском у. — 16%, в Тверском у. — 35%, Переславль-Залесском у. — 53%, Дмитровском у. — 46%, Лихвинском у. — 40%, Карачевском у. — 33%, Нижегородском у. — 46% и Курмышском у. — 43%).

В XVIII в. положение резко меняется. Во второй половине века (особенно в конце столетия) во многих поместьях господская пашня достигает очень крупных размеров. В 70-е годы в Епифанском у. встречаются господские запашки в 1–3 тыс. дес. На Орловщине в имении С.С. Апраксина в конце 70-х годов запашка достигла 5 тыс. дес., в имении Долгоруковых — 1200 дес. В Корочанском у. Курской губ. нередко были запашки помещиков в 500, 1000 и 2000 дес. В Щигровском у. той же губернии были запашки до 4 тыс. дес. Даже в малозаселенных районах Воронежской губ. (Богучарский, Коротоякский, Острогожский у.) были запашки в 900–1200 дес.¹⁸ В с. Радогощ Севского у. Орловской губ. (М.М. Голицын) в 90-х годах барская пашня достигала 5 тыс. дес. В Серебрянопрудской вотчине Шереметева (Веневский у. Тульской губ.) господская пашня в 90-х годах достигала 1800–2400 дес. Братья Архаровы в с. Рассказове Тамбовского у. имели господскую пашню в 3 тыс. дес. Годовая продажа только по одним тульским вотчинам М.М. Голицына достигала около 10 тыс. чत्व. зерна (25–30 тыс. руб.). В 1804 г. общее количество ежегодной продажи зерна из Усольской вотчины в Нижнем Поволжье В.Т. Орлова достигало 43 тыс. чत्व. (123,3 тыс. руб.)¹⁹ и т.д. Барская запашка была существенной не только у крупных землевладельцев, но и у средних и мелких, хотя, естественно, мелкие помещики в основном сохраняли натуральный характер своего хозяйства, за исключением районов с благоприятной рыночной конъюнктурой. В разных районах страны доля господской пашни была разной и это зависело не от степени разорения или земельной и налоговой политики государства, как в XVII в., а обуславливалась исключительно рыночной конъюнктурой и природно-климатическими условиями. В ряде промышленно развитых районов доля барской пашни была, как правило, невелика. Так, в Гжатском у. Смоленской губ., где было 62% оброчных крестьян, господский клин пашни равнялся 20% пашни. В Вяземском у. той же губернии (оброчных крестьян 58%) он был равен 26% пашни. В Костромском у. (оброчных — 85%) доля господской пашни равнялась 22%. В Кинешемском у. (оброчных

примерно 65–70%) доля господской пашни 15%. В Мосальском у. (доля оброчных крестьян 77%) барская пашня составляла 46%. В Мышкинском у. (доля оброчных 58%) барская пашня равнялась 38%. В Клинском у. (доля оброчных 59%) барская пашня достигала 30% и т.д.²⁰

Из этого материала видно, что в промышленно развитых районах в некоторых случаях даже при явном преобладании оброчной формы эксплуатации крестьян доля господской пашни заметно выше, как, например, в Мосальском или Мышкинском у. Это означает, что при минимально благоприятном плодородии земли во второй половине века здесь возникают очаги товарного производства зерна помещиками. При благоприятных условиях барщинное хозяйство располагается непосредственно вблизи крупных городских центров, удобных транспортных путей и т.п. Так, в Вологодском околোগороде (сравнительно небольшой пригородной зоне) сосредоточена почти половина барщинных хозяйств уезда, а доля помещичьей пашни достигает 56%. Дмитровский у. Московской губ. насчитывал свыше 18 тыс. помещичьих барщинных крестьян (86%), а доля барской пашни в среднем по уезду составляла 50%. На юг от Москвы в Боровском, Малоярославецком, Серпуховском у. в условиях довольно острого малоземелья процент барской запашки был в 28%, 35% и 34%.

В районах черноземья, где не было такой плотности населения и обеспеченность пашней была выше, чем в промышленных районах, доля господского поля в общей площади пашенных угодий была, как правило, не столь велика. В Епифанском у. Тульской губ. при абсолютном господстве барщинной системы хозяйства (19 тыс. душ м.п. на барщине) доля барской пашни составляла 33% и была ограничена лишь ресурсами рабочей силы. Основная масса помещиков распахивала от 100 до 300 дес. В Ефремовском у. той же губернии (96,3% крестьян на барщине) доля господской пашни около 30%, хотя степень развития помещичьего предпринимательства была очень высока. В Земляном у. Воронежской губ., где помещичьих крестьян было около 30% и почти 85% из них были на барщине, господская пашня составляла 39%. Только в Щигровском и Корочанском у. Курской губ. (где барщинные крестьяне составляли 77% и 63%) господская пашня составляла в обоих уездах 48% всей пашни. Таким образом, лишь в районах с высокой плотностью населения доля барской пашни принимала поистине угрожающие размеры. В Каширском у., в непосредственной близости от Москвы (на барщине 84%), господская пашня составляла 44%, создавая острейшее малоземелье крестьян²¹.

Для XVII в. важно отметить, что существенным резервом рабочей силы (особенно в первой половине века) были холопы, задворные люди, а также так называемые «деловые люди», подрабатывавшие на жизнь наймом на сельскохозяйственные работы. Они не имели хозяйства и жили в особых «людских дворах». Данные писцовых книг 20–40-х годов XVII в. свидетельствуют о том, что этот контингент чаще присутствует в вотчинах. Так, в Твери, Карачеве и Нижнем Новгороде в вотчинах людские дворы встречаются в 4 раза чаще, чем в поместьях. В Переяславском у. людской двор встречается примерно лишь в каждом третьем поместье (в среднем по уезду на имение 0,27 двора), а в вотчинах почти в каждом имении (в среднем на уезд 0,86 двора). В Лихвинском у. в вотчине на каждые шесть имений приходится семь людских дворов, а в поместьях людской двор приходится меньше, чем на каждое второе имение (в среднем по уезду 1,16 дв. и 0,47 двора). Правда, в некоторых районах людские дворы имеются примерно равной пропорции и в поместьях и в вотчинах (например, в Тульском у.). Вместе с тем, очень сильна разница в обеспеченности людскими дворами имений разной величины. В мелких поместьях и отчасти вотчинах они почти не встречаются. В первой группе поместий (до 105 дес.) по Лихвинскому и Тверскому у. людской двор имеет лишь каждое десятое поместье (т.е. в среднем на имение 0,10 и 0,11 двора). В Карачевском у. в среднем на имение приходится 0,05 двора, людской двор имеет одно поместье из 20. Точно так же в Курмышском у. (0,06 двора). В поместьях второй группы (до 300 дес.) в Лихвинском и Тульском у. встречаемость 55%, в Карачевском у. – 23%, в Курмышском у. – 47%. В поместьях третьей группы (до 450 дес.) в среднем на имение в Тульском у. приходится 1,26 двора, в Курмышском у. – 1,72 людского двора и т.д. В поместно-вотчинных описаниях, особенно первой половины XVII в., упоминания о барщинных работах холопов довольно часты²². На холопа падало по 1,5–3 дес. барской пахоты и даже больше. Таким образом, их роль в этот период весьма существенна. В писцовой книге Нижегородского уезда систематически встречаются упоминания о вспашке барского клина деловыми наемными людьми. Наемный труд в условиях острой нехватки рабочих рук в ряде районов Русского государства 20–40-х годов XVII в. был заметным явлением. В XVIII в. основная рабочая сила на господских работах – крестьяне. Впрочем, во вновь осваиваемых во второй половине века районах (Воронежская губ. и др.) также встречается применение наемного труда. В условиях выгодной рыночной конъюнктуры мельчайшие землевладельцы, в частности, Смоленской губ., где их было ок. 50 тыс. человек, из-за отсутствия и недостатка рабочих рук прибегали к найму. Наймом здесь обрабатывалось около 14% пашни²³.

Важнейшим вопросом истории крестьянского хозяйства является практическая обеспеченность его земель и прежде всего пахотной землей. Применительно к XVII в. эта проблема почти не изучена. При этом все исследования, которые касаются этой проблемы, посвящены монастырским крестьянам. Обеспеченность пахотными угодьями помещичьих крестьян практически не исследована за неимением источников. Есть лишь данные писцовых книг за 20–30-е годы XVII в. Писцовые книги фиксируют, как правило, крестьянскую тяглую пашню, поэтому всегда остается вопрос – вся ли это пашня? Нет ли еще пашни льготной, не облагаемой тяглом (налогами). В разных случаях этот вопрос, видимо, должен решаться по-разному. Среднеуездные размеры крестьянской пашни, по данным писцовых книг, в Белозерском у. достигали 5,04 дес. на двор в трех полях, в Тверском у. – 7,52 дес. на двор в трех полях, в Лихвинском у. – 18,44 дес., в Чернском у. – 6,88 дес. и в Курмышском у. – 3,34 дес. Это данные по поместно-вотчинному землевладению. Черносошные крестьяне Орлова (Вятского) имели пашни паханой в среднем 7,1 дес. в трех полях. Мы можем сравнить эти цифры с выборочными данными по монастырским крестьянам конца XVII в. по 21 селению из трех уездов, расположенных в пределах Тверской, Ярославской, Владимирской и Московской губ. (по административному делению второй половины XVII в.). На 458 дворов здесь приходилось 3563,24 дес. пашни в трех полях или по 7,78 дес. на двор. В с. Григорьевском Солотчинского монастыря близ Рязани на двор приходилось в среднем 11,25 дес. (минимально 4,5 дес.)²⁴. Таким образом, данные писцовых книг, видимо, близки к реальным. Однако приведенные цифры учитывают лишь тяглые дворы крестьян, а в 20–40-е годы XVII в. было огромное число (иногда более половины всех крестьян) нетяглого разорившегося крестьянства (бобылей). Формально бобыли не имели тяглой пашни, но исследования показывают, что практически бобыли часто имели отношение и к тяглой земле крестьян. Так, по Лихвинскому у. по писцовой книге насчитывается ок. 70% бобылей, а пашня паханая крестьян очень велика (18,44 дес. на двор. Подсчет коэффициента корреляции показывает, что бобыли имеют прямое отношение к этой пашне, т.е. ее обрабатывают. Если учесть бобыльские дворы, то в среднем на двор в Белозерском у. придется 2,95 дес. в трех полях, в Тверском у. – 3,56 дес., в Лихвинском у. – 5,3 дес., в Чернском у. – 3,73 дес., в Карачевском у. – 3,78 дес., в Курмышском у. – 2,3 дес. Таким образом, обеспеченность пашенными угодьями в первой половине XVII в. очень низка, хотя следует учесть, что в ряде случаев бобыли действительно не имели отношения к тяглой пашне. Следовательно, вполне

очевидно, что часть пашни крестьян находилась на льготе и не зафиксирована писцовыми документами. Правда, многие писцовые книги фиксируют так называемый «наезд» – нерегулярную пашню, которая не была в тягле. В Белозерском у. в среднем на крестьянский и бобыльский двор приходилось 3,67 дес. «наезда», т.е. роль наезда огромна (это типично для Севера, где «наезд» включали в тягло). В Чернском у. на совокупный двор приходилось 0,75 дес., в Курмышском у. – 0,65 дес. (но часть наезда господская), в Тверском у. – 1,5 дес.

Таким образом, в целом среднеуездные показатели даже с включением бобылей достигают с учетом наезда в большинстве случаев минимально необходимого для крестьянского двора пашенного клина. В вотчине крестьяне в ряде уездов имели больше пашни паханой, чем в поместье. Например, в Тверском у. на совокупный двор в среднем приходилось в вотчине 3,8 дес., а в поместье – 3,04 дес., в Лихвинском у. – соответственно 5,67 дес. и 4,79 дес. и т.д.

Важно подчеркнуть роль переложных пашен, которые также использовались в крестьянском хозяйстве как нерегулярная пашня. Видимо, в XVII в., как и в более раннее время, низкий уровень агротехники не давал должного эффекта даже при условии удобрения полей навозом. Вследствие этого крестьяне очень часто прибегали к более плодородным нерегулярным пахотным землям (наезд, перелог, пашня, поросшая лесом), осуществляя огромную затрату труда. При этом следует учесть, что господский клин пашни обновлялся за счет новины и перелога гораздо чаще, чем крестьянский клин, а это усугубляло тяжелое положение крепостного крестьянства. В условиях земельной тесноты крестьяне вынуждены были прибегать к средневековой аренде земельных угодий. По данным Н.А. Горской, в конце XVII в. монастырские крестьяне Центра России имели примерно 22–24% оброчных земель. Этот же автор пришел к выводу, что на тягло (один взрослый мужчина) в Центре государства для нормального воспроизводства необходимо было 4,5 дес., т.е. 2,25 дес. на душу м.п. (считая в тягле 2 души м.п.). Однако у многих пахотные наделы были выше этой нормы (7,6 дес. и 6 дес. на тягло). Вместе с тем встречались и наделы пашни в 0,65–0,70 дес. на душу м.п. (при условии, если центр тяжести хозяйства сдвигался в другие отрасли)²⁵.

Рост плотности населения в XVIII в. осуществлялся на основе роста производительных сил страны. Улучшение орудий труда, улучшение агротехники и т.п. привели в конечном счете к тому, что крестьянское хозяйство осуществляло воспроизводство (и не только простое, а иногда и расширенное) на сравнительно меньших площадях пашни, чем в XVII в.

Общая обеспеченность пашней в 80–90-е годы XVIII в. в Промышленном центре страны была равна в среднем 3,2–3,5 дес. на душу м.п., по Северному промысловому – 2,4 дес., в Черноземном центре – от 4,2 дес. до 5,5 дес. на душу м.п., на Юго-Западе – 5,5 дес., в Среднем Поволжье – 5,7 дес. и Приуралье – 6 дес.²⁶ В целом господствовал довольно низкий уровень общей обеспеченности пахотными угодьями, если его адресовать не к оброчным, а барщинным крестьянам.

Дополним эту картину материалами об обеспеченности барщинных крестьян пашенной землей. По данным «Экономических примечаний» к Генеральному межеванию (конец 60-х–80-е годы XVIII в.) в 25 уездах Европейской России среднеуездная обеспеченность крестьян выглядела следующим образом (см. табл. 6)²⁷.

Смоленщина, северо-восток и юго-восток Промышленного центра, многие черноземные районы имеют среднюю обеспеченность крестьянского надела 2,8–3,8 дес. Но в ряде районов налицо уже критический минимум этого надела (2,0–2,4 дес. на душу м.п. в трех полях). Это Вологодский север, Подмосковье (Дмитровский, Боровский, Тарусский, Малоярославецкий и Каширский у.) и даже районы Черноземной полосы (Корочанский, Орловский у.). Больше того, в Дмитровском у. пахотный надел не более 1,5 дес. на душу м.п. в трех полях имели 70% барщинных крестьян, в Мосальском у. – 78,5%, в Серпуховском у. – 58%, в Вологодском у. – 55%, в Боровском у. – 38% и т.д. При всем учете роста производительных сил это уже явные признаки обезземеливания крестьянства.

Между тем, при всем этом историки сталкиваются с парадоксом. Крестьянское хозяйство, видимо, часто не использует (или не в силах использовать) даже эту, довольно малую площадь пашни. Н.Л. Рубинштейн, в частности, приводит, данные о том, что в Центрально-промышленном районе используемая пашня достигала в среднем 1,8 дес. на душу м.п. в трех полях (55% от средней обеспеченности пашней). По Северо-Западу соответственно 1,9 дес. или 52%, по Черноземному центру – до 3 дес. (50–67%), по Среднему Поволжью – 2,4 дес. (42%), по Северу – 1,0 дес. (50%), Приуралью – 3 дес. (50%)²⁸. Факты неиспользования пахотного надела и минимального высева зерновых подтверждаются и частными наблюдениями. В д. Камки Ярославского у. оброчные крестьяне высевали «не з большим» по одной четверти в поле, т.е. примерно в двух полях 1 дес. на душу м.п. В д. Грачиха того же уезда – менее 3 четвериков в поле, т.е. 0,75 дес. в двух полях. В с. Охотино Переславль-Залесского у. оброчные крестьяне пахут «на тягло в трех полях по 6 четвертей», т.е. 1,5 дес. посева в двух полях на душу м.п. В Кашинских дерев-

нях – Смутня, Спасское, Ермолино – высев не превышал 0,5 дес. на душу м.п. в двух полях. В Черemoжской волости Ярославского у. в с. Никольском с 52 деревнями в среднем высевали «на душу в волю по 6 четвериков 1 гарцу» в поле, т.е. 0,75 дес. в двух полях на душу м.п.²⁹

Видимо, надел пашни в 3 дес. на душу м.п. в трех полях был тем потолком, достичь которого при феодальном строе крестьянину позволяла его техническая вооруженность и экономическая мощь его хозяйства. В промышленных районах сказывалась вместе с тем и тенденция забрасывания земледелия и переноса центра тяжести в промыслы. Кроме того, вероятно, следует учитывать и специфичность применения в крестьянском хозяйстве паровой системы земледелия с трехпольным севооборотом. Экстенсивный характер трехполья, недостаток удобрений приводили в итоге к периодической выпашке и снижению плодородия. Итог этого – периодическое обновление полей, расчистка целины, залежей и перелогов. В XVIII в. (в отличие от XVII в.) практика государственного учета земель заброшенные залежи и перелог включала в число пахотных угодий, что отражено в Экономических примечаниях. Кроме того, пашня не засеивалась вся из-за хронической нехватки семян, позднего или неурочного сева и т.д. Описывая одну из своих поездок по стране, В.Н. Татищев заметил: «А от Муром до Нижнего я ни одного поля... не видел, чтоб все посеяно, а более таких, что половина и меньше рожью засеяно. Токмо и те посеянные редко которая полоса за среднюю почетесть может – наибольшая часть и семян не дает»³⁰.

В отличие от XVII в. использование нерегулярной пашни в крестьянском хозяйстве в XVIII в., помимо основной своей функции по воспроизводству (простому и расширенному) хозяйства как такового, приобретало социально новую роль приспособления крестьянского хозяйства к товарно-денежным отношениям, к рыночным условиям реализации продукции. Это реализовывалось в специализации крестьянского хозяйства на тех или иных видах продукции. Регулярные пахотные поля с закостеневшим севооборотом, при котором 70–80% сева составляли рожь и овес, не создавали условий для резкого увеличения объема производства какой-либо одной культуры. На новине, залежи и т.д. это было, хотя эпизодически, но возможно. Так постепенно росли посевы льна в Нечерноземных районах (особенно в Псковской губ.), пшеницы, проса, гречи, арбузов в Курской губ., конопли в Калужской, Орловской губ. и др., в северных районах – овса, ячменя. В Подмоскoвье в Боровском, Вереysком у. это исключение части земель из трехполья и возделывание огородных культур (это же было в ряде микрорайонов Ростовского у.)

и т.д. В Дмитровском у., а также во многих волостях Бронницкого у., в Корочанском у. Тверской губ. — это посевы репы в паровом поле, разведение хмельников в Егорьевском у. Рязанской губ. и т.д.

В черноземных степных районах, где в XVIII в. не сложилось жесткое трехполье, специализация была значительно сильнее. В Курской губ. посевы таких культур, как греча и пшеница, занимали до 14% всего сева, а греча — до 30%.

Несколько слов о степени эксплуатации крестьян в барщинном помещичьем хозяйстве. Сопоставить XVII в. и вторую половину XVIII в. с точки зрения степени эксплуатации представляется невозможным ввиду отсутствия данных. На нынешнем этапе изучения барщинного, крестьянского и помещичьего хозяйства возможны попытки выявления лишь основной тенденции.

Для XVIII в. общепринятым критерием интенсивности эксплуатации барщинного крестьянства служит установление площади барской пашни на ревизскую душу (душу м.п.), так как это даст возможность сопоставления с последующим периодом истории. Материалы первой половины XVII в. не дают такой возможности. Есть лишь примерные размеры запашки на двор. Массовых же данных о населенности двора нет. И все же, взяв в основу среднеуездные данные писцовых книг о помещичьей пашне и рассчитав ее на совокупный двор (объединяя крестьянские и бояльские дворы), мы можем, ориентируясь на населенность в 3 души м.п., сделать попытку некоторых сопоставлений со второй половиной XVIII в. Так, в XVII в. по Тверскому у. на душу м.п. приходилось 0,74 дес. в трех полях. Во второй половине XVIII в. в ближайших районах: Клинском у. господская запашка равнялась 1,1 дес. на душу м.п., а в Мышкинском у. — 1,36 дес. на душу м.п. (в среднем на уезд). В Дмитровском у. в первой половине XVII в. на душу м.п. было 0,93 дес., а во второй половине XVIII в. — 1,36 дес. В Рыльском у. в XVII в. на душу м.п. было 0,32 дес., а во второй половине XVIII в. в ближайшем Щигровском у. — 2,62 дес. В Карачевском у. в XVII в. на душу м.п. было 0,66 дес., а в ближайшем Трубчевском у. в XVIII в. на душу м.п. приходилось 1,03 дес. В Чернском у. в XVII в. на душу м.п. было 1,09 дес., а в XVIII в. в ближайшем Ефремовском у. в среднем на душу м.п. приходилось 1,8 дес. и т.д. Следует учесть при этом, что в первой половине XVII в. значительную долю (как минимум треть) барщины, рассчитанной здесь на совокупный крестьянский двор, надо адресовать холопам, деловым и задворным людям, так как факты свидетельствуют о том, что холопы выполняли подчас огромную долю работ на господском поле. Таким образом, за 120–140 лет интенсивность эксплуатации крестьян

ян выросла почти вдвое. Более дифференцированные сравнения можно предпринять, используя данные по 3141 двору с населением 14 852 души м.п. за 1679–1725 гг. Они представляют территорию главным образом междуречья Оки и Волги в центре страны, хотя большая доля дворов приходится на Московский у. (16%), Рязанский у. (9%), Ярославский у. (7,5%) и Коломенский у. (5,7%). Господская запашка не более 0,5 дес. в трех полях на душу м.п. приходилась на 5192 души м.п. (1094 двора); запашка 0,6–1,0 дес. – на 7348 души м.п. (1627 дворов); запашка 1,1–1,5 дес. – на 1049 души м.п. (245 дворов); запашка 1,6–2,0 дес. – на 87 душ м.п. (28 дворов); запашка 2,1–2,5 дес. – на 312 душ м.п. (87 дворов); запашка свыше 2,5 дес. – на 864 души м.п. (60 дворов). В процентном отношении названные группы составляли: 35%, 49,5%, 7,1%, 0,5%, 2,1% и 5,8%. До 1,0 дес. на душу м.п. в трех полях пахало барщину 84,5% всех крестьян³¹.

Во второй половине XVIII в. в нашем распоряжении данные по 207 794 душам м.п. барщинных крестьян 20 уездов разных районов Европейской России³². Из них имело господскую запашку до 0,5 дес. на душу м.п. в трех полях 36 874 души м.п. (17,8%); до 1,0 дес. – 60 158 душ м.п. (29%); до 1,5 дес. – 45 767 душ м.п. (22%); до 2,0 дес. – 28 754 души м.п. (13,3%); до 3,0 дес. – 28 548 душ м.п. (13,7%) и свыше 3,0 дес. – 7693 души м.п. или 3,7%. Разница гигантская. Примерно за 70 лет произошел резкий скачок в росте барщинной эксплуатации крестьян. Этот скачок был обусловлен кардинальными изменениями в экономике сельского хозяйства, происходившими в середине и, главным образом, во второй половине XVIII в. Поскольку данные по XVII – началу XVIII в. приходится главным образом на нечерноземные районы, произведем их сопоставление с данными второй половины XVIII в. примерно этой же территории (Мосальскому, Боровскому, Тарусскому, Малоярославецкому, Серпуховскому, Клинскому, Дмитровскому, Смоленскому, Вязниковскому, Сергачскому и Вологодскому у.). Из 94 149 душ м.п. барщинных крестьян этих уездов (сведения охватывают свыше 90% всех барщинных крестьян) запашку не свыше 0,5 дес. на душу м.п. в трех полях имели 22 091 душа м.п. (23,5%); запашку до 1,0 дес. – 32 118 душ м.п. (34,2%), до 1,5 дес. – 20 349 душ м.п. (21,6%), до 2,0 дес. – 10 225 душ м.п. (10,7%), до 3,0 дес. – 5629 душ м.п. (6%), свыше 3,0 дес. – 3737 душ м.п. (4%). Таким образом, данные по более или менее сопоставимому региону свидетельствуют о том, что если в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. не более 1,0 дес. на душу м.п. пахало на барина 84,5% крестьян, то во второй половине XVIII в. – только 57,7% крестьян этого региона. Остальные 42,3% крестьян несли гораздо более тяжелый гнет

Таблица 1. Размеры поместно-вотчинных владений (среднеуездные данные)*

	Тверской у.		Лихвинский у.			Тульский у.			Чернский у.			Курмышский у.						
	Владения																	
	до 105 дес.	до 300 дес.	до 450 дес.	до 105 дес.	до 300 дес.	до 450 дес.	до 105 дес.	до 300 дес.	до 450 дес.	до 105 дес.	до 300 дес.	до 450 дес.	до 105 дес.	до 300 дес.	до 450 дес.			
Число владений Жилых дворов на владение Четвертной зем- ли (дес.) на влад.	56	54	—	38	62	—	96	124	23	—	31	—	33	87	25			
	2,16	5,03	—	4,83	5,73	—	2,96	4,38	8,09	—	2,61	—	3,67	2,30	13,44			
	74	209	—	76	211	—	86	190	379	—	136	—	64	207	390			

* В таблице не учтены сведения о «людских дворах», где жили так называемые деловые и наемные люди, а также холопы. В среднем на владение людских дворов было в Тверском у. 0,34 двора, Лихвинском у. — 0,78 двора, Тульском у. — 0,66 двора и Курмышском у. — 0,73 двора (по Черному у. нет данных).

* В таблице не учтены сведения о «людских дворах», где жили так называемые деловые и наемные люди, а также холопы. В среднем на владение людских дворов было в Тверском у. 0,34 двора, Лихвинском у. — 0,78 двора, Тульском у. — 0,66 двора и Курмышском у. — 0,73 двора (по Черискому у. нет данных).

Таблица 2. Жилых дворов на владение (средняя по уезду)

Белозерский у.	Тверской у.		Лихвинский у.		Тульский у.		Курмышский у.		Карачевский у.	
	вотчины	поместья	вотчины	поместья	вотчины	поместья	вотчины	поместья	вотчины	поместья
6,12	5,97	4,32	5,08	4,13	5,52	3,75	12,57	10,89	5,00	2,74

**Таблица 3. Обеспеченность поместью-вотчинного землевладения
пашенными угодьями**

В среднем на владение	Уезды				
	Вологод- ский	Белозер- ский	Тверской	Дмитров- ский	Пере- славль- Залесский
Поместья					
Пашни паханой* дес.	22,5	18,54	20,2	16,92	10,03
Четвертной зем- ли дес.	259	184	237	256	204
% пашни к чет- вертной земле	9	10	9	7	5
Вотчины					
Пашни паханой дес.	65,82	21,96	31,96	20,19	25,21
Четвертной зем- ли дес.	171	238	191	184	202
% пашни к чет- вертной земле	38	9	17	11	12

В среднем на владение	Уезды				
	Тульский	Лихвин- ский	Карачевс- кий	Курмыш- ский	Ниже- городский
Поместья					
Пашни паханой* дес.	59,95	32,8	20,25	45,16	55,97
Четвертной зем- ли дес.	192	202	150	258	232
% пашни к чет- вертной земле	31	16	14	17	24
Вотчины					
Пашни паханой дес.	81,62	61,0	43,68	59,93	117,4
Четвертной зем- ли дес.	163	158	209	220	311
% пашни к чет- вертной земле	50	39	21	27	38
* Пашня «наездом», т.е. нерегулярная пашня здесь не учтена.					

Таблица 4. Поместья с запашкой в одном поле

Годы	Число имений	В них крестьянских дворов	Имений с запашкой в одном поле		В них число крестьянских дворов	
			абс.	%	абс.	%
До 1648	29	1324	16	29	802	61
1649–1679	69	4270	37	54	1722	40
1680–1725	226	3261	170	75	2277	70

**Таблица 5. Соотношение культур озимого и ярового
(в % к итогу)**

Культуры	С. Бараново Рузского у.	Д. Шатурово Московского у.	С. Андреевское Костромского у.	С. Решице Костромского у.
Рожь (озим.)	40	41	46	44
Овес	32	34,9	29	33
Рожь ярица	10,6	6,8	0,9	—
Ячмень	7,9	—	14,6	7,0
Пшеница	5,3	8,2	7,0	10
Греча	1,3	5,5	0,5	2,5
Горох	1,3	1,4	1,0	2,0
Лен	1,6	2,2	—	1,0
Конопля	—	—	1,0	0,5

Культуры	С. Шуман Костромского у.	С. Косяево Каширского у.	С. Покровское Нижегородского у.	С. Единово Тверского у.
Рожь (озим.)	56	61,3	51	60
Овес	25	34,8	7,0	30
Рожь ярица	—	—	—	—
Ячмень	17	—	1,3	5,0
Пшеница	2,0	—	37,8	5,0
Греча	—	2,6	—	—
Горох	—	—	—	—
Лен	—	—	—	—
Конопля	—	1,3	2,9	—

Таблица 6. Среднеуездные размеры пашни

Уезды	Пашни в барщинных селениях (дес. на душу м.п. в трех полях)		
	всего пашни	в т.ч. крестьянской	
		абс.	% к итогу
Вологодский	3,6	1,6	44
Смоленский	4,3	3,0	70
Гжатский	5,3	4,3	80
Вяземский	4,6	3,4	74
Костромской	3,8	3,0	78
Кинешемский	3,7	3,1	85
Нерехтский	4,2	3,2	76
Дмитровский	2,8	1,4	50
Клинский	3,6	2,5	72
Боровский	2,9	2,1	72
Малоярославец.	3,1	2,0	65
Тарусский	3,0	2,2	73

Уезды	Пашни в барщинных селениях (дес. на душу м.п. в трех полях)		
	всего пашни	в т.ч. крестьянской	
		абс.	% к итогу
Мосальский	3,3	2,2	54
Сергачский	3,5	2,8	80
Каширский	3,7	2,1	56
Епифанский	4,5	3,0	67
Ефремовский	5,6	3,8	70
Орловский	2,8	2,0	72
Луганский	4,9	4,1	84
Трубчевский	3,2	2,2	68
Щигровский	5,5	2,8	52
Корочанский	4,8	2,5	52
Землянский	5,5	3,3	60

барщины. При этом 10% крестьян пахали свыше 2,0 дес. на душу м.п. в трех полях, что не могло не вести к прямому подрыву крестьянского хозяйства, ибо барщина в 1,5 дес. уже подрывала его основу. Наконец, в черноземных районах тяжесть барщины существенно больше, чем в нечерноземных. Из 128 259 душ м.п. барщинных крестьян Каширского, Елифанского, Ефремовского, Трубчевского, Луганского, Орловского, Корочанского, Щигровского и Землянского у. доля господской пашни не более 0,5 дес. на душу м.п. в трех полях приходилась на 14 783 души м.п. (11,5%), от 0,6 дес. до 1,0 дес. – на 28 040 душ м.п. (21,8%), от 1,1 дес. до 1,5 дес. – на 25 558 душ м.п. (19,9%) и т.д. В итоге сравнительно небольшая по тяжести барщина (до 1,0 дес.) охватывала здесь всего лишь 33,3% крестьян.

Такова в целом картина резкого изменения в положении барщинного крестьянства Европейской России, изменения, знаменующего пору разложения феодально-крепостнической системы хозяйства.

¹ РГАДА. Ф. 1209. Поместный приказ. Писцовые книги № 64, 63, 591–592, 871–875, 627–628, 812–813, 489–491, 1044, 9181, 525, 10554–10555, 292–293, 227, 6454. Книги по Угличу № 892–898. Далее в тексте использованы материалы данных книг. В обработке статистических материалов писцовых книг принимали участие М.Б. Булгаков и И.М. Гарскова.

² Водарский Я.Е. Численность населения и количество поместно-вотчинных земель в XVII в. (по писцовым и переписным книгам) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964 год. Кишинев, 1966. С. 220.

³ Шватченко О.А. Светское феодальное землевладение и хозяйство Российского государства конца XVI – первой трети XVII века (по материалам писцовых книг центральных уездов). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 19.

⁴ Шепукова Н.М. Об изменении размеров душевладения помещиков Европейской России в первой четверти XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963 год. Вильнюс, 1964. С. 402–407.

⁵ В Соборном Уложении 1649 г. (гл. XVI, § 40) минимальный оклад детей боярских равен 70 чтв. в поле, а поместная дача в 200 чтв. была максимальной нормой для Московского у. (гл. XVI, § I).

⁶ Шватченко О.А. Светское землевладение Рязанского у. в 90-е годы XVI – 20–30-е годы XVII в. (По материалам писцовых описаний 1595–1599 и 1628–1640 гг.) // Проблемы истории СССР. Сб. ст. М.: Изд-во МГУ, 1973. С. 354–360.

⁷ Яковлев Ал. Служилое землевладение по данным Приказа сбора ратных людей (1638г.) // Сб. ст., посвященных С.Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 451–453.

⁸ Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 80.

- ⁹ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне в России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974. С. 292.
- ¹⁰ Петрикеев Д.И. Крупное крепостное хозяйство XVII в. По материалам вотчины боярина Б.И. Морозова. Л., 1967. С. 32.
- ¹¹ Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (Историко-экономический очерк). М., 1957. С. 102, 101.
- ¹² Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 125, 128, 129, 183–189, 241–260.
- ¹³ Петрикеев Д.И. Указ. соч. С.84–85.
- ¹⁴ Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 123–126, 176–181, 187. Первые четыре селения принадлежали М. Поздееву, пятое – боярину Н.А. Зюзину, остальные – Б.И. Морозову.
- ¹⁵ Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 176, 129.
- ¹⁶ Там же. С. 187, 126, 176, 178, 181.
- ¹⁷ Петрикеев Д.И. Указ. соч. С. 98.
- ¹⁸ Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства II половины XVIII в.). М., 1965. С. 200–202, 206, 209, 214 и др.
- ¹⁹ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 165, 168, 171 и др.
- ²⁰ Милов Л.В. Указ. соч. С. 269 и др.
- ²¹ Там же. С. 180–218.
- ²² Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 120, 121, 122, 171, 173 и др.
- ²³ Милов Л.В. Указ. соч. С. 236.
- ²⁴ Горская Н.А. Монастырские крестьяне Центральной России в XVII в. О сущности и формах феодально-крепостнических отношений. М., 1977. С. 188, 44, 73–74.
- ²⁵ Там же. С. 188, 37, 83.
- ²⁶ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 209–210.
- ²⁷ Милов Л.В. Указ. соч. С. 269.
- ²⁸ Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 209–210.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 280. Оп. III. Д. 520. Ч. 1. Л. 327, 317 об.; Д. 376. Л. 297; Д. 683. Л. 273, 275, 188 об.; Д. 520. Ч. 1. Л. 428.
- ³⁰ Кузьмина М.П. В.Н. Татищев о крестьянстве. Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964. С. 220.
- ³¹ Подсчет сделан по данным Ю.А. Тихонова (см.: Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 243–260).
- ³² Милов Л.В. Указ. соч. С. 180–260. Подсчет наш.

Опубл.: Proceedings of the VIII International Economic History Congress.
Budapest, 1982. P. 339–357.

ОСНОВНЫЕ ТОВАРНЫЕ ГРУЗОПОТОКИ В РОССИИ XVIII в.

Изучение соотношения основных товарных грузопотоков в России XVIII столетия упирается в острый дефицит и разобщенность информации источников. Поэтому лишь по второй половине века, точнее даже по последней трети можно выявить более или менее достоверную структуру системы перевозок. Причем, бо́льшая точность касается лишь водных перевозок, в то время как о перевозках гужевым транспортом (зимним и летним) сведений очень мало.

Движение товаров в значительной мере обусловлено структурой торговых операций, а их, как известно, можно разделить на два обширных типа – розничная торговля и торговля оптом. Удел розничной торговли – прежде всего торговля в рядах, в лавках, полулавках и т.п. стационарных мелких городских торговых точках, действующих более или менее постоянно. Вторая важная разновидность розничной торговли долгое время не развивавшаяся и запрещенная – торговля приезжих крестьян с возов, чаще всего это все-таки мелкая оптовая торговля, широко представленная на ярмарочных эпизодических торгах. Оптовая торговля в России имела сложную иерархию операций по скупке и не менее сложную иерархию операций по продаже. При изучении движения товарных потоков на территории страны исследователь имеет дело практически лишь с оптовой торговлей того или иного масштаба с большей или меньшей специализацией торговца-купца.

Наиболее крупными оптовиками были купцы-поставщики крупных партий товаров на экспорт и агенты посреднической международной торговли. Среди них редко, но встречались торговцы, специализирующиеся на каком-либо одном виде продукции. Так, среди торгующих с Рижским портом были «крамщики», а в порту специальный краморный пакгауз¹. Это были купцы, специализирующиеся на мелочном «красном товаре» (шелковые, шерстяные и хлопчатобумажные ткани, платки, ленты, гарус, кисея, кружева, мелкая металлическая галантерея, кольца, перстни, серьги драгоценных и простых металлов, бусы, кресты, наперстки, иглы, ножницы и т.п.). На внутренних российских рынках их звали щепетинниками. Были торговцы, специализирующиеся на москательном товаре, преимущественно импортном (краски, канифоль, квасцы, ртуть, бура, гумми разных сортов, клей, сандалы красные и синие и т.д.). Однако эта специализация

неопределенна и с ростом торговых оборотов купца исчезала. Другой вид специализации характерен не для купца, а для движения товаров и обусловлен крупным размером оптовой торговли. Так, на Волго-Камском водном пути характерно формирование караванов судов с однородной продукцией. Это диктовалось прежде всего местом их формирования. В верховьях Камы начинали путь соляные караваны, для которых делали специальные суда. На р. Чусовой формировались «железные караваны», состоящие из судов, предназначенных только для перевозки железа. Были специальные суда-дровяники, шедшие с р. Вятки и р. Камы. На р. Суре формировались хлебные караваны судов и т.д.² По Вышневолоцкой водной системе суда, идущие в Петербург, загружались, как правило, одним видом товара или товарами с близким удельным весом. Делалось это из-за ввода с 2 декабря 1743 г. особой пошлины с судов на Ладожском канале³.

Во второй половине XVIII в. соотношение специализации разных уровней осталось прежним. Так, в частности, в Зарайске 63 купца вели торговлю скотом. Наряду с ними 74 чел. вели торговлю москательным товаром и красками, 26 чел. специализировались на скупке-продаже меда, воска и вошины. Наконец, 40 купцов торговали кожами, салом и проч.⁴ В одном из крупнейших торговых городов – Калуге, купцы, ведущие торговлю «к портам» (Петербургу, Риге и Архангельску), разделялись на: а) скупающих пеньку, конопляное масло, воск, сало, щетину и шерсть для отправки к портам; б) торгующих парусным и иными сортами полотна; в) ведущих хлебный торг; г) занимающихся пушной торговлей и китайскими товарами и, наконец, д) специализирующихся на закупке рыбы в Саратове и Астрахани⁵. Разумеется, это была всего лишь примерная специализация.

Необходимо отметить, что крупная оптовая торговля мало влияла на структуру основных грузопотоков, так как их главный профиль диктовался факторами, обуславливающими территориальное разделение труда, а в их числе было и общественное разделение труда, т.е. локализация основной части той или иной отрасли хозяйства и природно-географические факторы.

В течение XVIII столетия картина территориального соотношения отраслей хозяйства претерпевает кардинальные изменения. Самое сильное из них относится к металлургии. В конце XVII – начале XVIII в. основной центр металлургии и обработки металлов находился в районе Тула–Кашира (на юг от Москвы), другие центры были в Нижегородском Поволжье и в районе Верхней Волги и Северо-Запада. В начале века многие серпуховские купцы развозили по дальним и ближним городам заготовки железа («укладь»)⁶. На Южный Урал (в район Уфы) купцы везли

«железный припас» для соляных промыслов из северной Соли Галицкой⁷. В район Великих Лук железо везли из Польши, а в Брянск – из украинских городов⁸.

С конца первой четверти века происходят резкие изменения: на Урале появляется крупнейший комплекс железоделательных и медных заводов. Во второй половине века так называемое сибирское железо везли не только в большинство городов Европейской России, но и в старые традиционные центры металлообработки, где из уральского железа делали сошники, топоры, косы и т.п. Необходимо напомнить и о том, что примерно с середины XVIII в. резко возрос объем продукции мануфактурной промышленности, особенно в производстве грубых, в том числе солдатских сукон. Чрезвычайно бурно развивалась парусно-полотняная мануфактура и другие отрасли текстильной промышленности, работавшей на экспорт и т.д.

Наконец, еще одно обстоятельство, существенно влиявшее на систему товарных грузопотоков, – изменения границ государства и таможенная политика. В частности, это постоянное для первой половины XVIII в. (с указа от 8 июня 1717 г.) сдерживание развития Архангельского порта в пользу расширения потока товаров в Петербург⁹. В первой четверти века были неоднократные запреты на вывоз за рубеж таких товаров, как юфть воловья, пенька, поташ, смольчуг, сало, воск, конопляное масло и льняное семя, ревень, икра, клей, щетина, серебро в ломе и в деле, и т.д., через все таможни кроме российских пристаней (указ от 6 апреля 1714 г.). Иначе говоря, весь западный и юго-западный регионы должны были резко изменить всю систему товарных грузопотоков. В дальнейшем круг запрещенных товаров сокращался, но основные товары (лен, юфть, пенька, сало и проч.) оставались длительное время под запретом. Частично ситуация изменилась после Северной войны, когда основные товары сельскохозяйственного экспорта стали вывозить через Ригу и Ревель (Таллинн)¹⁰. Лишь примерно с середины столетия (например, указ от 18 ноября 1754 г.) отпуск этих товаров был разрешен во все порты и через пограничные таможни¹¹.

Таким образом, практически лишь во второй половине XVIII в. юго-западный и южный регионы Европейской России стали обретать стабильную систему товарных грузопотоков. А открытие после русско-турецких войн ряда черноморских портов (Одесса, Николаев и др.) внесли в эту систему последние дополнения.

Левобережная Украина, а также степные и лесостепные районы Курской и Воронежской губ. и некоторые другие районы не имели удобных и экономичных водных путей сообщения с Цент-

ром страны. Поэтому в основе экономических связей был гужевой транспорт, главным образом зимний тележно-санный путь. Из степного и отчасти лесостепного юга был мощный отгон рогатого скота в города Орловской, Тульской, Калужской, Рязанской губ., которые поглощали и перерабатывали значительную часть скота и давали выход гуртам живого скота в промышленные губернии и прежде всего в Московскую, Владимирскую, Тверскую и, конечно, в Петербург.

На торгах и ярмарках Черниговщины, Киевщины, Харьковской, Воронежской губ. и Дона скот скупали скотопромышленники из южных городов Белоруссии, ряда новгород-северских городов, а также Курска, Орла, Тулы, Рыльска, Волхова, Козлова, Венева, Мещовска, Зарайска, Рязани, Серпухова, Коломны и Суздаля. Основным примерным направлением передвижения скота были Воронеж – Задонск – Орел – Тула – Коломна (далее на Москву), а также Орел – Волхов – Мещовск – Козельск – Юхнов (далее на Осташков с общей ориентацией на Петербург). Часть скота по маршруту Гадяч – Ромны – Конотоп – Короп – Стародуб – Мглин – Рославль перегонялась в белорусские города. В Киевской округе скот и лошадей скупали торговцы главным образом из Орла, Курска, Тулы, Волхова, Рыльска, Калуги, Стародуба и других городов¹². В пределах Воронежского края действовали купцы главным образом из Воронежа, Острогожска и Харькова, а также Орла, Тулы, Курска, Коломны и других городов¹³.

Довольно четко выделялся и огромный товарный грузопоток – пенька. Он формировался на уездных и городских ярмарках севера Левобережной Украины, Орловской, Курской и особенно Калужской губ., где выращивание конопли было основным средством крестьянского хозяйства для выхода на рынок. Достаточно сказать, что только из двух небольших городков (Козельска и Одоева) отправлялось в 80-х годах до 30 тыс. пудов пеньки¹⁴.

Общее направление движения этой продукции вело к важнейшим западно-двинским пристаням в Белоруссии (Бельской и Порецкой) и далее к Риге, а также к Гжатской пристани, через р. Вазузу, дающей выход на Волгу и в Петербург. Объем перевозок пеньки во второй половине XVIII в. резко возрос. В 1786 г. с Гжатской пристани в Петербург было отправлено свыше 22,8 тыс. пудов пеньки, а с соседних пристаней на р. Гжать – 410 тыс. пудов (свыше 6,5 тыс. т). На Бельской и Порецкой пристанях для Риги было отгружено свыше 204 тыс. пудов пеньки¹⁵. А ведь кроме того пенька шла и на парусно-полотняные мануфактуры.

Из Стародуба, Почепа, Погар, Новгород-Северского, Мглина, Кролевца и других городов Черниговщины пенька шла через Брянск и Рославль большей частью зимним путем к Бельской и иным двинским пристаням¹⁶. Скупкой пеньки в этих районах занимались и русские купцы из Карачева, Крапивны, Венева, Тулы, Алексина, Калуги, Одоева, Козельска, Каширы, Боровска, Малоярославца, Серпухова, Рузы и других городов¹⁷, отправляя ее на Гжатскую пристань большей частью зимним путем¹⁸ и лишь частично на Бельскую пристань. От Калуги значительная доля пеньки шла в Москву. В Ригу пенька лучшего качества шла из Орла, Трубчевска, Карачева, Дмитриевска и Брянска (толстопрядная и длинноволоконная)¹⁹.

В пределах Орловской, Курской, Воронежской, Рязанской губ. скупка таких массовых товаров, как сало, сырые кожи, шерсть, мед, воск, была практически повсеместной. Из городов Левобережной Украины воск, мед и шерсть везли в Москву и Петербург, причем сухим путем, и лишь некоторые товары до Гжатской пристани и в Тверь²⁰. Эти товары, а также сало, щетину, юфть и конопляное масло закупали в украинских городах тульские купцы, орловские закупали там же овчины, шерсть, воск и мед; в южнорусских городах орловские торговцы скупали конопляное масло, сало, щетину и кожи²¹. Из Орла этот товар гужом доставляли до Гжати, иногда до Калуги водой. Из Ельца мед, воск и сало шли в Москву сухим путем, из Каширы – в Москву и Петербург и т.д.²² Воронежское купечество скупало эти товары, а также шкуры зайцев-русаков по всем уездам губернии для дальнейшей отправки их к портам и в Москву. Овчины, шерсть и сало особенно активно скупали купцы Острогожска, а также ряда других городов. Наконец, даже из Тамбова мясо и кожи, а также, вероятно, мед везли сухим путем в Тулу, Москву и Петербург²³.

Целый ряд уездов Левобережной окраины был крупным производителем табака (Борзненский, Романский, Березнинский и другие уезды). Этот товар шел в Могилев, Вязьму, Великие Луки, Торопец, Трубчевск, Польшу и Прибалтику. Роменский у. давал табаки лучших сортов (виргинский, амасфорский) и отправлял их в Москву и на крупнейшие ярмарки. По первому санному пути партии табака везли на февральско-мартовскую Ирбитскую ярмарку на Урале²⁴.

Из приведенного материала видно, что местом пересечения многих товарных грузопотоков были такие центры, как Орел, Калуга, Коломна, Гжатск. Главным товаром Орла, а также Донской пристани на р. Оке был хлеб. В 1737 и 1779 гг. из Орла водой в Москву ушло около 134 тыс. чтв. (около 16 тыс. т) разных

хлебов, а в 1784 г. из Орла и Мценска – около 266 тыс. чत्व. (около 34 тыс. т)²⁵. Однако в 1789 г. в Москву гужевым транспортом было доставлено около 84% всего зерна²⁶. Следовательно, несмотря на резкое увеличение товарной массы зерна, по р. Оке и р. Москве преобладающее значение в перевозках имел гужевой транспорт. В Москву преимущественно подводами и на санях везли хлеб из Калужской, Тульской, Рязанской, некоторых районов Владимирской и других губерний²⁷. Только в одной Калуге скапливалось привезенного на подводах и судах до 200 тыс. чत्व. (свыше 25 тыс. т) разного хлеба.

До 80-х годов XVIII в. из Левобережной Украины вывоз хлеба был, очевидно, невелик, а хлебный грузопоток шел только к Риге и Ревельскому порту²⁸. Так, в 1786 г. с Гжатской пристани в один лишь Петербург было отправлено около 30 тыс. чत्व. разного хлеба, круп и т.п., а с окрестных пристаней по р. Гжать – свыше 66 тыс. чत्व. (всего около 8,4 тыс. т). С Бельской и Порацкой пристаней к Риге в тот же год ушло свыше 218 тыс. чत्व. (около 28 тыс. т). И это несравненно меньше объема всех перевозок в Петербург, не говоря уже о Москве²⁹.

Даже во второй половине XVIII в. хлеб из Воронежской губ. вывозился сравнительно мало, хотя на этот счет есть и иные мнения³⁰. По р. Дон хлеб в небольшом количестве на судах шел в Черкасск и донские станицы, крепость Дмитрия Ростовского (г. Ростов), Азов, Таганрог и иногда в Керчь и Еникале. В пределах самой губернии товарный хлеб концентрировался в Воронеже, Острогожске, Ельце, Липецке, Лебедяни, транспортировался в Козлов и даже Тамбов. Из названных городов хлеб также гужом попадал в Орел, Тулу, Москву и другие города³¹.

Для южного и юго-западного регионов характерны были не только меридиальные движения товаров, но и широтные. Важный зимний грузопоток шел с Дона и Волги (от Астрахани до Царицына). Это рыба (в основном вяленая) и икра. Их перевозили воронежские торговцы не только в пределы своей губернии, но и в города и на ярмарки Левобережной Украины, попадали эти продукты и в Орел, Тулу, Калугу и, конечно, Воронеж. Икра шла на экспорт в Таганрог. Жители ряда уездов сочетали перепродажу рыбы с перевозкой эльтонской соли в Воронежскую губ. Донская вяленая рыба закупалась огромными партиями купцами украинских городов³². Соль же в эти края возили с Бахмута и главным образом из Таврии. В города Киевщины, Харьковщины, Черниговщины соль с Таврии возили летом на подводах³³.

С севера на юг шли лесоматериалы, в которых остро нуждались степные районы. Важнейший их грузопоток шел по р. Оке вверх по течению. Формировался он в калужских притоках Оки

и в районе Мещеры. Множество судов, привозивших в Калугу, Коломну, Юхнов и т.д. хлеб, загружалось на обратный путь в Калужской губ. лесом, тесом и изделиями из дерева. Из Карачевского и Болховского у. по Оке поднимали суда с лесом, тесом, досками, санями, колесами, дранью, бочками, кадками и т.п. и переправляли эти товары в Курскую, Воронежскую, Харьковскую губ. и некоторые районы Левобережной Украины. Водой по Оке и гужом на юг везли хмель, железо и железные изделия, как с Урала, так, видимо, и местного производства. Вверх по Оке шла соль в барках с низовьев Волги³⁴.

В конце XVIII в. для донского судостроения лес закупали в далекой Вятке, где он славился особым качеством, а также по Суре. Вниз по течению Дона в Черкасск и Ростов шли суда с паюсной икрой, коровьим маслом и рыбой. А от Таганрога вверх по течению Дона везли фрукты, виноградные «беломорские» вина, фарфор, хрусталь, разного рода ткани и т.д.³⁵

Сплав по Днепру был более многообразным. Здесь были и лесоматериалы, и изделия из дерева. Их грузили на суда в верховьях Днепра и его притоках – Икуте, Соже, Друти, Березани, Припяти и Тетерева. Из Орловской, Смоленской, Минской губ. и ближайших к бассейну Днепра районов Белоруссии везли в степные районы смоляной и чистый деготь, рогожи, канаты, бечеву, смолу, деревянную посуду, строевой и дровяной лес, мачтовый лес, стропила, колеса, ободья, зимние и летние повозки, конские и воловь телеги и т.д. Крупные партии аналогичных товаров грузили близ Чернигова, в Городницком у., где, кроме того, на судах отправлялась глиняная и стеклянная посуда, оконное стекло и т.д. Из северных районов Левобережной Украины на юг сплавляли холст, лен, парусину, свечи, сало, железо, уголь, известняк и известь, стародубское мыло³⁶. Везли вниз хлеб (муку и крупу), воск, мед. По р. Десна сплавляли чугун, мел, дикий камень, мельничные жернова. Из Брянска шли суда с пенькою, кожами, железом, чугуном, вином и др. Основная часть судов разгружалась в Градижске, а частично в Кременчуге. В этом речном порту происходила загрузка на суда крымской солью, которая распродавалась в Градижске и других «верховых» городах. Ниже Кременчуга суда спускались по течению Днепра «не в большом количестве» до Херсона, а в конце XVIII в. до Николаева и Одессы. Туда на судах везли якоря, смоляные канаты, деготь, уголь и проч. Кроме того, в порты шел мед, воск, коровье масло, юфть, мыло, сало и т.д.³⁷ В 90-х годах XVIII в. наметилось резкое увеличение вывоза через Херсон хлеба (в 1792 г. – 14 812 чтв. или около 2 тыс. т, а в 1793 г. – 29 399 чтв. или около 4,6 тыс. т). С 1796 г., когда были сняты ограничения вывоза хлеба из Одессы, оттуда к

началу века ежегодно стали вывозить до 78 тыс. чтив. (около 10 тыс. т)³⁸.

В движении грузопотоков так называемого «красного товара» в лесостепных и степных районах юго-запада и юга страны важнейшим моментом было налаживание ко второй половине XVIII в. регулярных связей нежинского, киевского, харьковского, курского, тульского и калужского купечества и торговцев других городов с пограничными странами (Турцией, Австрией, Польшей и др.). До тех пор, видимо, ведущую роль в транзите товаров этого типа для названных регионов играло московское купечество и отчасти купечество прибалтийских портов России.

К 80-м годам крупнейшими центрами перераспределения импорта были здесь Киев, Курск (коренная ярмарка), Харьков, Сумы и Нежин. В частности, в Нежин из Кенигсберга шли шелковые и шерстяные ткани, немецкие и французские тканые товары (тафта, «гродетур», атлас, бархат, кисея, батисты, голландское и немецкое полотно, камлот и др.). Из Лейпцига привозили саксонский фарфор, голландские сукна и шелк, из Бреслава – сукна и полотна, из Италии – венецианский шелковый товар, а также товары из Мореи, Македонии, Тырнова, Адрианополя, Константинополя и других районов Европы (шелк сырец и вареный, кумач, хлопчатая ткань, жемчуг, ладан, фрукты, пряности, венгерские, молдавские вина и др.)³⁹.

В Нежине был крупный торг российскими мануфактурными тканями. Везли их прежде всего из Москвы. Через Москву и непосредственно из Сибири везли пушнину, выделанные и невыделанные меха, шитые шубы и т.д. Из Петербурга транзитом через Москву в Нежин шел сахар, кофе, пряности и проч.

Из Нежина и из других центров импортной торговли товары попадали на все крупнейшие ярмарки (Сумская, Роменская, Кролевецкая, Харьковская и Коренная близ Курска). На этих ярмарках выделяется уже «российский» товар⁴⁰.

На главнейшую в Левобережной Украине ярмарку в Ромнах стягивался «красный товар» и другая продукция из Киева, Чернигова, Харькова, Стародуба, из Белоруссии, Курска, Воронежа, Орла, Волхова, Тулы, Калуги, Москвы и Астрахани.

В южнорусских губерниях транзитная роль украинских ярмарок в доставке импорта слабеет. Так, в Воронежскую губ. «красный товар» шел главным образом из Москвы гужом и лишь отчасти с Левобережной Украины и Таганрога. Из Петербурга, видимо, шли немногие и дорогие товары. В Воронеже большая часть сукон была местного производства и их помимо губернии везли еще и в Тамбовскую губ., казачьи слободы, в Сибирь,

Оренбургскую крепостную линию. Дорогие сукна везли в Нежин и другие города Украины. «Железный товар» шел в Воронежскую губ. из Москвы, Ярославля, а также Тулы и Ельца сухим путем, часть его была местного производства⁴¹.

На запад от Москвы помимо Гжатской пристани и Смоленска интенсивные грузопотоки шли через Рославль, Дорогобуж, Минск, Вязьму и другие города. Активный торг с сопредельными и другими западными государствами шел через Торопец, Великие Луки, Псков, Белый, Дорогобуж, Смоленск, Вязьму во второй половине века. Из обширного региона, занимавшего восточную Белоруссию, Калужскую, Орловскую, Курскую, Новгород-Северскую и Черниговскую губ., за рубеж шли не только пенька, сало, кожи, мед и воск, но и деготь, мыло, железо связанное и прутковое, проволока, гвозди, жечь, медь плотная и проволока, посуда, стекло оконное, различные ткани, среди которых «московские» узкие и широкие полотна, крашенина толстая, скатертная, полотно салфеточное, камчатое, пестреди, сукно серое, меха, бухарские и «татарские» овчинки, пуговицы, позумент, кисея, бахмутская соль, конопляное и коровье масло и др.⁴²

Самый мощный и наиболее сложный грузопоток товаров шел в Петербург по водным путям, особенно через Вышневолоцкую систему и Ладожский канал. В конце 60-х годов ежегодно здесь проходило свыше 4 тыс. судов, включая мелкие, а в 80-х годах число только крупных судов возросло до 3–3,5 тыс.⁴³

Важнейший компонент этого товарного потока – хлеб. В 1768 г. в Петербург доставлено 786 673 четверти (свыше 100 тыс. т) хлеба разных сортов, муки, круп и фуражного зерна, а в 80-х годах только через Вышневолоцкий канал проходило в год по 15–17 млн пудов (около 240–270 тыс. т)⁴⁴. Водный грузопоток в Петербург был самым изобильным по разнообразию товаров, поскольку он был вызван и нуждами огромного растущего города и экспортом товаров через морской порт.

Среди продукции текстильного производства, доставленного в 1768 г., отметим наиболее крупные партии: парусное полотно – 2665 кусков (около 91,5 тыс. метров), ревендук – 11 328 кусков (около 396 тыс. м), «фламское» полотно – 6110 кусков (около 214 тыс. м), каламенок суровый (не беленый) – 15 744 куска (около 547 тыс. м) и др. Вес доставленных в Петербург металлов был огромен: железа полосового – 1 млн 447 тыс. пудов (свыше 23 тыс. т), кроме того, железо дощатое, листовое, луженое, крышечное, «белое железо», чугун и т.д. Лесные материалы представлены пильным тесом (88 тыс. шт.), бревнами сосновыми (около 200 тыс. шт.), дубовыми (около 40 тыс. шт.), дровяными поленьями и т.д. Был доставлен и мрамор, и известняк, и известь (свы-

ше 1,3 млн пудов – около 21 тыс. т). Наконец, 1,3 млн пудов пеньки и 117 тыс. пудов льна⁴⁵.

Со временем объем поставок в Петербург резко возрастает. Уже в 1783 г. хлебной зерновой продукции ввозилось 11,6 млн пудов. А с Урала в Петербург в 1792 г. доставлено водой свыше 3 млн пудов железа (около 48 тыс. т)⁴⁶.

В обратный путь по Вышневолоцкой системе шли товары, являвшиеся мелкими остатками от непроданной продукции и буквально крохотные партии отдельных предметов импорта, скорее всего, поглощавшиеся ближайшей округой. Часть пустых судов (около 900 шт.) также возвращались, видимо, в район Новгорода и Старой Русы⁴⁷.

Главный поток импорта и предметов петербургской промышленности устремлялся в глубь страны по сухопутью зимним путем, дающим меньшие издержки. Крупные обозы, шедшие по Московской дороге, имели по 100 саней и более в одной связке. Товары импорта были разнообразны. Это, во-первых, золото и серебро в слитках и изделиях, а также в иностранной монете, алмазы, жемчуг, во-вторых, галантерейный товар широкого ассортимента. Везли в глубь страны пряности, кофе, сахар, огромные партии европейских вин, пиво, французскую водку, ром и др. Наконец, это некоторые меха, большие партии немецких, английских, голландских и других тонких сукон, шелковые и хлопчатобумажные материи некоторых сортов, фарфор, табак, ладан, москательный товар и т.д.⁴⁸

Основная масса их попадала в оптовые обороты московских купцов. Часть их шла в города Северо-Запада и Верхневолжья.

Товарные потоки Северо-Запада были ориентированы на Петербург, Нарву и Ревель (Таллинн). Лен, пенька, кожи и рыба (снетки) транспортировались водой из Пскова в Нарву, частью в Юрьевец (Тарту) и по сухопутью в Ревель и даже в Петербург. В Нарву из Пскова и Опочки везли, кроме того, железо. Из г. Холм по Ловати сплавляли суда в Новгород и Петербург с овсом, дровами, сеном, а также пенькой и кожами⁴⁹. Из Великих Лук в Петербург водой сплавляли пеньку, лен, красную юфть, а также табак и конопляное масло, привозимое из новгород-северских краев. Из посада Солыцы в Петербург шел судами чистый лен, а купцы г. Опочки, закупая лен и пеньку в уездах Острова, Пскова, Опочки, Новоржева, везли их гужом в Псков и Нарву. Зимой из Псковского и Смоленского наместничеств в Петербург везли хлеб, крупы и т.п. Кроме того, в Нарву со всего Северо-Запада шел лес и лесоматериалы⁵⁰, туда же в большом объеме шла продукция российских центральных текстильных мануфактур. Импорт из Нарвы расходился по городам Северо-Запада, Белоруссии и Верхневолжья.

На Верхней Волге и в междуречье с р. Окой сеть товарных грузопотоков ввиду обилия больших дорог была очень сложна, а наличие здесь разнообразных отраслей промышленности увеличивало эту сложность.

Крупнейшим промышленным центром этого региона и всей страны в целом была Москва. Как уже говорилось, сюда буквально со всех сторон устремлялся поток продуктов сельского хозяйства и продукты их первичной обработки, а также продукция мануфактур. Эти товары частью потреблялись в этом огромном городе. Вместе с тем, большая часть их была предметом крупной оптовой торговли на московском гостином дворе. Грубо обозначенный здесь круг товаров, поступающих в Москву из ближайшего региона, вывозился из городских центров не только в Москву, так как система товарных взаимосвязей уже в этот период не могла быть однозначной. Так, из Серпухова, где, в частности, в 80-х годах производилось около 23 тыс. штук парусин (около 800 тыс. м), продукция шла в Москву, но также в Петербург, Ригу и южные порты⁵¹. Однако красную юфть и иные выделанные кожи везли в Москву. Из Каширы в Москву шло говяжье сало, кожи, мясо и т.п., но вместе с тем и часть сукна (всего вырабатывалось около 350 тыс. м), кумача (всего около 70 тыс. м), парусины (всего около 350 тыс. м). Черную и белую юфть из Каширы везли в Москву, а красную – в Петербург и т.д. Из Боровска, Вереи вывозили огромные партии чеснока и лука и большая часть этой продукции шла в Москву. В Дмитрове ежегодно производилось около 32 тыс. аршин сукна (около 22 тыс. м), а также свыше 2 тыс. м мишуры, большое количество набойки, фарфоровой посуды, не уступающей по качеству саксонской. Все это поступало только в Москву и т.д.⁵² Из Звенигорода, Можайска, Дмитрова, других городов западной и северной округи Москвы, а также из Мещерских краев шла огромная и разнообразная продукция лесоматериалов и деревянных (в основной крупногабаритных) изделий (воротные щиты, брусья и т.д.)⁵³.

Города Верхневолжья находились под многообразным влиянием экономических связей, и связь с Москвой не часто была ведущей. Так, Углич давал Москве крестьянский холст (и это главный товар), а также другие товары. Одновременно из Углича целый ряд изделий шел в Ярославль, в Тверь, в Новгород, Торжок и даже в далекую Казань. Из Углича в Петербург отправлялся скупленный в уезде холст, хлеб, юфть, мясо, поярочная шерсть, русские овчинные тулупы, пестредь, ревендук, «фламское» полотно и другие товары⁵⁴. Из г. Шуи партии юфти везли не только в Москву, но и в Петербург, Астрахань и Сибирь. Рубашечное полотно, полотно на штаны, а также пестредь, платки

везли гужом и водой и в Москву, и в города Левобережной Украины, на Дон, в Астрахань и Сибирь. Из Костромы, где в 80-х годах производилось свыше 2 млн аршин (около 1,4 млн м) полотна различных сортов, текстильные товары шли во все основные районы страны, а из Нерехты около 300 тыс. аршин полотна (свыше 210 тыс. м) отправляли в Петербург, а льняная пряжа и холст шли в города Левобережной Украины. Естественно, часть пряжи шла на местные мануфактуры⁵⁵.

Основная ярмарка Ярославской губ. была в Ростове Великом. Скупленный здесь холст ростовские торговцы везли в степные края, сырые кожи – в Ярославль, Юрьев-Польский, сало – в Архангельск и Петербург (как и воск, мед, мыло, масло). На ярмарку привозились огромные массы свежей и коренной (крепкого засола) рыбы, закупаемой ростовчанами в Казани. Из Ярославля везли сюда полотно, шелк, из Кинешмы, кроме того, еще и ювелирные поделки⁵⁶.

В Рыбинске караваны судов, идущие с низовьев Волги, делали перегрузку в более мелкие суда. Здесь скапливались огромные массы товаров для Петербурга, Севера и Северо-Запада. Хлебные караваны для Петербурга формировались на пристанях по Цне, Мокше, Волге, Каме и Суре (Нижний Новгород, Орел, Пронск, Кадом, Моршанск, Тамбов, Лысково, Чебоксары, Свияжск, Казань, Спасск, Чистополь, с. Алексеевское, Сарапул, Елабуга, Вятка, Сингилей, Промзино, Вольск и др.). В 1782 г. в Петербург через Нижний Новгород прошло свыше 500 тыс. чтв. хлеба. В целом же хлебный грузопоток в нечерноземные регионы был намного больше. В 80–90-х годах только в пределы Костромской губ. ввозилось до 150 тыс. чтв. (около 20 тыс. т), а в Ярославскую губ. в начале следующего XIX столетия около 360 тыс. чтв. (свыше 46 тыс. т) зерна⁵⁷.

Чрезвычайная краткость навигации в Вышневолоцком канале и проблема конкуренции вызвала в Волжском бассейне резкую активизацию зимних перевозок хлеба вдоль Волги и из глубинных районов к пристаням, стоящим вверх по течению. Именно этим объясняются большие объемы зерновой продукции, груженной на суда в Лыскове и Нижнем Новгороде. В Балахну, например, стоящую выше Нижнего Новгорода, завозили зимой хлеб из Тамбовской и даже из Симбирской губ.⁵⁸

В Рыбинске выделялась местная торговля рыбой (стерлядью), партии которой расходились по округе. Зимой из Рыбинска в Вологду (и до Архангельска) везли партии льняной пряжи, мыла, алебастр, канаты, рыбу и т.д. Из городов Верхней Волги зимой отъезжали в Казань и другие города для скупки мяса, рыбы, видимо, сырых кож и даже для закупки лошадей⁵⁹.

Ярославль был крупнейшим в середине и второй половине XVIII в. производителем текстильной продукции, прежде всего знаменитых полотен разных сортов и шелковых тканей. Эта продукция шла прежде всего в низовья Волги, на Макарьевскую ярмарку, в степные районы, а также судами вверх – в Петербург, а гужом – в Москву. В Ярославле концентрировалась торговля одеждой (шляпы, рукавицы, сапоги, шерстяные чулки и т.д.). Этот товар также главным образом шел вниз по Волге вплоть до Астрахани⁶⁰.

Традиционная для Ярославля кожевенная торговля на экспорт через Архангельск приходит в 60-е годы в упадок. Если еще в 1764 г. в городе было 53 кожевни, то в 80-х годах их осталось лишь пять (а товар шел уже в Петербург)⁶¹.

К Архангельскому порту основной товарный грузопоток шел от Вологды по р. Сухоне и Северной Двине. В связи с появлением Петербургского порта его роль резко снизилась. Вплоть до 70-х годов торговый оборот его был примерно не более 1,5 млн рублей (а Петербург с середины века более 4 млн руб.). В конце XVIII в. в Архангельск почти не везли шелк, ремень, икру, поташ, смольчуг, меньше везли кож. Вместе с тем увеличилось количество текстильной продукции (парусные полотна, ревендук, мануфактурные широкие гладкие и салфеточные полотна, а также узкие полотна и холст ручной, «уездной работы» и т.д.). Через Архангельск стали вывозить полосное железо (с Урала), гвозди и т.п. По-прежнему в этот порт везли лен и льняную пряжу, а также пеньку и пеньковую пряжу, сало, масло, щетину, меха, сермяжное сукно и чирковое (на обувь), холст-хрящ (грубый, пеньковый), канаты, рогожи, смолу, лесоматериалы и т.д. Расширился ассортимент продукции северных морских промыслов (ворванное сало, моржовые и тюленьи кожи и т.д.)⁶². Хлебный экспорт через этот порт был небольшим и за столетие практически не вырос (в 1710 г. примерно 104 тыс. чत्व., а в начале XIX в. около 118 тыс. чत्व., т.е. около 15 тыс. т)⁶³.

Многие товары для Архангельска давала Макарьевская ярмарка, часть их шла от Рыбинска, Вологды и других городов. Но большая масса разнообразной продукции (в том числе рогожи, воск, мед, хлеб, юфть, железо, пенька, сало, масло, щетина и т.п.) транспортировалось через Устюг с Вятки и через Вятку из Пермской и Казанской губерний⁶⁴.

По свидетельству М.Д. Чулкова, в 70–80-х годах основная масса экспорта из Европы, куда входил более или менее типичный ассортимент товаров, поглощалась Макарьевской ярмаркой близ Нижнего Новгорода на Волге⁶⁵. Однако, видимо, часть товаров через Вологду шла не только в северные города и города

Верхневолжья, но и в Москву как центр оптовой торговли. Отсюда, «обрастая» местным «щепетинным» товаром (в основном это металлическая галантерея), крупные партии импорта развозились по огромнейшему центральному региону⁶⁶.

Макарьевская летняя ярмарка стягивала товары с огромной территории, в то время как приобретенные на ярмарке товары шли главным образом на Урал, Среднюю и Нижнюю Волгу, Оренбург, Троицкую крепость, Сибирь и т.д. Туда с ярмарки везли продукцию Промышленного центра – текстиль, некоторые предметы металлообработки, продовольствие, бакалейный товар, щепетинье (галантерея), кожевенные изделия и выделанные кожи, канаты, бечеву, предметы импорта (причем не только из Архангельска, но и Астрахани, Оренбурга, Кяхты и т.д.).

Главная магистраль, по которой товар шел как на Макарьевскую ярмарку, так и в значительной мере с нее – это среднее и нижнее течение Волги и Кама с притоками. Большой вклад в формирование грузопотоков этой зоны вносили города и уезды Казанской губернии. Ряд хлеботорговых районов давал очень крупные караваны судов с хлебом для Петербурга и Нечерноземной зоны (Свияжский, Чебоксарский, Казанский, Цивильский, Ядринский, Спасский, Козмодемьянский и другие уезды). Кроме того, немало товаров, включая и хлеб, везли санным путем в города Промышленного центра. Так, из Казани скупщики сала, кож, мыла, воска везли их зимой в другие города. Цивильские торговцы также зимним санным путем везли красную юфть, сало, воск и мед в Петербург. Из Козмодемьянска, в уезде которого выращивали «лучший хмель», развозили его подводами по городам и на зимнюю Ирбитскую ярмарку. Крупные партии юфти отправлялись не только в Петербург, но и сухим путем в Оренбург⁶⁷.

По Каме осуществлялась самая тесная экономическая связь страны с Уралом. Достаточно напомнить, что в 1764 г. только к Петербургу с Урала было доставлено водой свыше 1 млн пудов железа, а в 1792 г. свыше 3 млн пудов железа, чугуна и изделий из них. В общей массе соль, которая водным путем шла с низовьев Волги и с Камы в основные районы страны (около 12 млн пудов, т.е. 192 тыс. т), доля соликамской соли равнялась примерно 4 млн пудов. Однако Зауралье (Екатеринбург, Ирбит и др.) снабжалось солью из Тобольска, откуда ее везли водой до Ирбита и развозили по городам и заводам. Из Вятской и Казанской губ. шел лесосплав особо качественного для кораблестроения леса в Петербург, Астрахань и на Дон. Корабельный дубовый лес шел также из Свияжского, Цивильского, Ядринского у. Больших масштабов достигла заготовка на Каме дров для Астра-

хани (с Большой и Малой Кокшенги и Плети)⁶⁸. Из Вятского и Уфимского наместничеств, а частично и из Тобольского, хлеб шел в Пермскую губ. Из Кунгура кожи и сало шли в Архангельск и Петербург, а хлеб – в Соликамск и Чердынь. Из Сарапульского и Елабужского у. Вятского наместничества хлеб зимним путем везли также в Соликамск, а в Чердынь хлеб шел с нижнего течения Камы, а рыба и пушной товар – с р. Печеры из Пустозерска. В крупнейший заводской центр Урала Екатеринбург хлеб везли из Долматовского, Шадринского и Камышловского у., а скупка говяжьего и бараньего сала велась екатеринбургскими купцами по всей Пермской губ. вплоть до Троицкой и Петропавловской крепостей на границах с казахскими жузами. Торговцы из Екатеринбурга активно скупали коровье масло, которое везли на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, Казань и даже Таганрогский порт. Купечество этого города активно окупало у владельцев металлургических заводов штыковую медь, полосовое железо, медную и железную посуду и другие изделия. Часть их шла на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки, а «знатное число» везли для меновой торговли с казахами в Троицкую и Петропавловскую крепости, получая взамен рогатый и мелкий скот, лошадей, сырые кожи, а от бухарцев и ташкинцев (т.е. узбеков) шелковые и хлопчатобумажные товары и даже серебро в слитках. Часть товара обменивалась на пушнину. Купцы Екатеринбурга вели операции в Тобольском краю по скупке рыбы, которую вывозили не только на уральские заводы, но и в российские города.

Ирбитская зимняя (февраль–март) ярмарка была одной из крупнейших в России и собирала торговцев всех основных регионов России. Здесь концентрировались огромные партии европейского импорта, «российских» мануфактурных изделий, китайские, персидские, бухарские товары⁶⁹.

Важнейший грузопоток в центр страны шел из Оренбурга и наоборот. В этом крупном торговом центре скапливались самые разнообразные товары для экспорта в среднеазиатские страны. Это хлеб, мука, крупа и т.п., различные российские ткани (каразея, каламенок, бархат, китайка, кисея, мишура, пестредь, ленты, салфеточные холсты, тик ярославский и т.д.). В Оренбург торговцы привозили множество изделий из металлов с уральских заводов и из старых центров металлообработки (например, Павлово на р. Оке). Это замки, ножи павловские, ножи охотничьи, топоры, косы, ножницы, иглы, жестяные воронки, жестяные табакерки, удила, узды, стремяна, тебенки, бритвы, огнивы, ларцы кованные и т.д. Широко здесь были представлены москательные товары, которые частью шли из других стран, мелкая галантерея и т.п. Внутрь страны ввозили среднеазиатские и пер-

сидские товары (меха, одежду, ковры, оружие, одеяла, войлоки, ткани, фрукты и т.д.). И, конечно, огромное количество лошадей, крупного и мелкого скота⁷⁰.

Наконец, еще один весьма мощный товарный грузопоток был ориентирован на г. Астрахань в устье Волги. Во-первых, здесь были сосредоточены огромные рыбные промыслы. В 80-х годах здесь ежегодно купцами приобреталось и отвозилось вверх по Волге свежей и соленой рыбы разных сортов (белуга, осетр, севрюга, сом, сазан, судак, а также икра зернистая и паюсная) примерно на 600 тыс. руб.

Астрахань была крупным центром текстильной промышленности, особенно в производстве шелка и других материалов, но главная роль этого города заключалась во внешней торговле. Отсюда через полуостров Мангышлак шли товары из России в Среднюю Азию (Бухару, Хиву и др.), в Персию, в Кизляр, а оттуда на Северный Кавказ. Вследствие этого привоз товаров был огромным. Во-первых, это «российский» текстиль, особенно шелковые ткани (бархат, гротетур, тафта, атлас, плис, голь, объяр, шелковые платки, кушаки), шерстяные (грезет, стамед), сукна, полотна, холст, сетки и др. Во-вторых, это мука, просо, овес, солод, горох, масло и т.п., пряности, бакалея, сахар, чай, мед, брусника, клюква, орехи, лук, чеснок, грибы, хмель, конопляное семя, веники березовые, угли сосновые, яйца куриные и т.п. В-третьих, это металлы: свинец, медь, медная проволока, олово прутковое и проволока, сталь, чугун, железо полосное, изделия из железа, меди, изделия из жести. В-четвертых, это янтарь, хрустальные изделия (кальяны), часы, стеклянная посуда, муравленая посуда, окованные железом сундуки, подголовники, трубки глиняные, табакерки и т.д. В-пятых, это лесоматериалы, деревянные изделия (стулья) и посуда, смолы, деготь, свечи, известь. Через Россию в Астрахань шли европейские вина. Общий объем торговли на экспорт более 1,2 млн руб.

Такова сжатая картина соотношения основных товарных потоков в стране. В этой системе четко выделяются три группы товаров, к первой из которых принадлежат продукты сельского хозяйства, являвшиеся объектом экспортной торговли. Сюда же можно отнести и некоторые продукты переработки сельскохозяйственного сырья. Поскольку эта продукция была более или менее распространенной во многих районах страны, то концентрация ее в мощные грузопотоки обусловлена направлением выхода ее за рубеж или ориентацией на крупные центры оптовой торговли. Ко второй группе можно отнести испытывавшую стремительный рост своего объема и ассортимента продукцию текстильной (хлопчатобумажной, полотняной, шелко-

вой и шерстяной) мануфактуры и металлургических и металло-обработывающих предприятий того же мануфактурного уровня. Грузопотоки этой группы товаров были больше ориентированы на потребности населения страны, хотя в ряде случаев формировались отдельные мощные ориентации на главные морские порты. К третьей группе можно отнести импорт, который имел равномерную сеть распределения по территории страны.

- ¹ Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. М., 1787. Т. VI, кн. IV. С. 136.
- ² Там же. СПб., 1782. Т. I, кн. II. С. 73–83; Истомина Э.Г. Водные пути России во II половине XVIII – начале XIX в. М., 1982. С. 115.
- ³ Чулков М.Д. Указ. соч. М., 1786. Т. VI, кн. I. С. 334–337.
- ⁴ РГВИА. Ф. ВУА. № 18860. Л. 81 об. (Далее ссылки, если нет специальных оговорок, даются только на этот фонд РГВИА).
- ⁵ Там же. Л. 98 об.
- ⁶ Сказки торговых людей о торгах и промыслах 1704 г. М., 1984. Ч. I. С. 83, 87–89, 93.
- ⁷ Там же. Ч. II. С. 264–265.
- ⁸ Там же. Ч. I. С. 174; Ч. II. С. 298.
- ⁹ Чулков М.Д. Указ. соч. СПб., 1782. Т. II, кн. II. С. 66.
- ¹⁰ Там же. Кн. I, вторая половина. С. 372.
- ¹¹ Там же. С. 369–370.
- ¹² Шафонский А.Ф. Черниговского наместничества топографическое описание. Ч. 1–2. Киев, 1851. С. 408, 441, 519, 562, 601, 630 и др.
- ¹³ РГВИА. № 18668. Л. 39, 51, 64 об., 68 об., 72, 83, 93 об., 105, 137, 138, 146 об., 147, 148, 155, 160 об., 175.
- ¹⁴ Там же. № 18860. Л. 112, 117.
- ¹⁵ Там же. № 19039. Л. 12 об.
- ¹⁶ Там же. № 18752. Л. 14; Чулков М.Д. Указ. соч. СПб., 1785. Т. IV, кн. I. С. 517–519; Т. II, кн. I. С. 114–117.
- ¹⁷ РГВИА. № 18860. Л. 127–128 об., 123–124; № 18903. Л. 18; № 18860. Л. 14, 33 об., 25, 30–31, 117; № 18752. Л. 39, 112, 127 об., 128, 131–132, 97 об.–98 об., 119.
- ¹⁸ Чулков М.Д. Указ. соч. М., 1786. Т. VI, кн. I. С. 435.
- ¹⁹ Там же. Т. IV, кн. II. С. 651; РГВИА. № 18905. Л. 133 об.
- ²⁰ Зуев В. Путешественные записки Василия Зуева от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 гг. СПб., 1787. С. 105.
- ²¹ РГВИА. № 18860. Л. 119 об.; № 18903. Л. 6.
- ²² Там же. № 18666. Л. 22 об.–23; № 19119. Л. 1–1 об.
- ²³ Там же. № 18668. Л. 32.
- ²⁴ Шафонский А.Ф. Указ. соч. С. 394–395, 408, 560, 574; РГВИА. № 18964. Л. 45 об., 35 об.
- ²⁵ Хафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М., 1958. С. 255; Рубинштейн Н.Л. Сельское хозяйство России во II половине XVIII в. М., 1957. С. 403; Чулков М.Д. Указ. соч. Т. II, кн. II. С. 270.

- 26 Ковальченко И.Д. О товарности земледелия в России в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1963. Вильнюс, 1964. С. 474.
- 27 Кафенгауз Б.Б. Указ. соч. С. 232–234, 251.
- 28 РГВИА. № 18752. Л. 13 об.–14; Чулков М.Д. Указ. соч. М., 1785. Т. V, кн. II. С. 76–83.
- 29 РГВИА. № 19039. Л. 12 об.
- 30 См.: Рубинштейн Н.Л. Указ. соч. С. 405.
- 31 РГВИА. № 18668. Л. 31 об., 68, 139, 143 об., 186 об.; № 18903. Л. 14 об., 46 об.
- 32 Там же. Л. 30 об., 32, 125, 162; Шафонский А.Ф. Указ. соч. С. 519, 555, 560, 562, 441, 408, 424, 394, 395, 294, 601; РГВИА. № 18351. Л. 3 об., 8 об., 18 об.
- 33 РГВИА. № 18351. Л. 45, 47 об.; Шафонский А.Ф. Указ. соч. С. 562.
- 34 Зуев В. Указ. соч. С. 115; РГВИА. № 18977. Л. 20 об., 23 об.; № 18860. Л. 81–82, 33 об.; № 18752. Л. 13 об.
- 35 РГВИА. № 18668. Л. 30 об., 32.
- 36 Там же. № 18351. Л. 47 об., 47; Шафонский А.Ф. Указ. соч. С. 204; РГВИА. № 18351. Л. 3, 45, 316–317.
- 37 РГВИА. № 18351. Л. 45, 43, 17, 47, 47 об., 8 об., 45; № 18727. Л. 1 об., 146.
- 38 Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в. Ростов, 1963. С. 27; Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 г. Одесса, 1954. С. 61 (данные на 1801 г.).
- 39 Шафонский А.Ф. Указ. соч. С. 478–479.
- 40 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. II, кн. I. С. 114–116.
- 41 РГВИА. № 18668. Л. 32, 30 об., 110, 35, 105, 100 об.
- 42 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. II, кн. I, вторая половина. С. 467; РГВИА. № 18960. Л. 20; Чулков М.Д. Указ. соч. Т. II, кн. I. С. 103–106.
- 43 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. VI, кн. I. С. 412–413; Сорина Х.Д. Очерк социально-экономической истории г. Вышний Волочок во II половине XVIII – начале XIX в. // Учен. зап. Калнинского гос. пед. ин-та. Т. 35. Калинин, 1963. С. 89; Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 163.
- 44 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. VI, кн. I. С. 412–421; Сорина Х.Д. Указ. соч. С. 89.
- 45 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. VI, кн. I. С. 412–421.
- 46 Истомина Э.Г. Указ. соч. С. 143 (примерно 185 тыс. т), 124.
- 47 Чулков М.Д. Указ. соч. Т. VI, кн. I. С. 412–421.
- 48 РГВИА. № 18998. Л. 6.
- 49 Там же. № 18964. Л. 25 об.; № 18960. Л. 24; № 18964. Л. 32; № 18960. Л. 20 об., 8 об.–9; № 18964. Л. 26 об.; № 18960. Л. 6; № 18999. Л. 79–79 об., 90 об.
- 50 Там же. № 18860. Л. 25 об.; № 18864. Л. 16 об.
- 51 Там же. № 18861. Ч. II. Л. 17; № 18860. Л. 33 об.
- 52 Там же. № 18753. Л. 1–3 об.; № 18866. Л. 6.
- 53 РГБ. Отд. рукописей. Муз. собр. № 4852. Л. 21–22; РГАДА. Межевой архив. Экономическое примечание Дмитровского у. Л. 1–167 об.; РГВИА. № 18860. Л. 14 и др.
- 54 РГВИА. № 18860. Л. 140–141 об.; № 19178. Л. 31–33 об.
- 55 Там же. № 18860. Л. 71–72, 163–168.
- 56 Там же. № 18860. Л. 50–50 об.; Чулков М.Д. Указ. соч. Т. VI, кн. IV. С. 138–139.

- ⁵⁷ *Сорина Х.Д.* Указ. соч. С. 79–80; *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. II, кн. I, вторая половина. С. 544; *Клеянкин А.В.* О хлебной торговле на Сурских пристанях в XIX в. // Тр. НИИ яз., лит., ист. и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 34. Саранск, 1968. С. 160.
- ⁵⁸ Государственный архив Горьковской обл. Ф. 829. Оп. 676-б. № 6. Л. 119–120.
- ⁵⁹ РГВИА. № 19178. Л. 57, 45 об.–46.
- ⁶⁰ Там же. Л. 3, 13.
- ⁶¹ *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. I, кн. II. С. 63; РГВИА. № 18860. Л. 15 об.
- ⁶² *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. I, кн. II. С. 59; Т. VI, кн. IV. С. 45; *Истомина Э.Г.* Указ. соч. С. 173, 178.
- ⁶³ *Чулков М.Д.* Указ. соч. М., 1787. Т. V, кн. II. С. 76–83; *Золотов В.А.* Указ. соч. С. 28; *Истомина Э.Г.* Указ. соч. С. 177.
- ⁶⁴ *Истомина Э.Г.* Указ. соч. С. 173–175, 180 и др.
- ⁶⁵ *Чулков М.Д.* Указ. соч. М., 1785. Т. II, кн. II. С. 550.
- ⁶⁶ РГВИА. № 18743. Л. 8 об., 9, 13–14, 16–19.
- ⁶⁷ *Истомина Э.Г.* Указ. соч. С. 125, 115; РГВИА. № 18920. Л. 123; № 18743. Л. 9 об., 2 об., 16 об., 19 об.; *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. VI, кн. I. С. 432–433.
- ⁶⁸ РГВИА. № 18920. Л. 18, 55–56, 81, 93–93 об., 123, 119 об.
- ⁶⁹ *Чулков М.Д.* Указ. соч. Т. II, кн. III. С. 266–269.
- ⁷⁰ РГВИА. № 18570. Л. 39–39 об.

Опубл.: *Милов Л.В.* Основные товарные грузопотоки в России XVIII в.: К IX Международному конгрессу по экономической истории. М., 1986. С. 1–28.

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ АГРАРНОГО РЫНКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

Дорогие коллеги! Я хочу вернуть вас в далекое прошлое. Речь пойдет о нашей совместной с Иваном Дмитриевичем Ковальченко работе, которая вышла в 1974 г. Это «Всероссийский аграрный рынок». Судьбе было так угодно, чтобы даже первый наш доклад по этой теме уже сопровождался докладом нашего оппонента – молодого тогда ученого, почти еще аспиранта Бориса Николаевича Миронова. На пленуме ленинградской сессии аграрного симпозиума мы сделали доклад, а потом на секции сделал доклад Борис Николаевич. И так случилось, что в докладах и методика, и конкретная методология изучения рынка путем применения корреляционного анализа резко различались. В чем суть этих различий? Коротко перечислю следующее...

Речь идет о том, что ход создания единого механизма движения цен можно изучить путем анализа парной взаимозависимости колебаний двух динамических рядов цен, или сезонных или годовых, взятых за n -ый ряд лет. Если существует взаимозависимость, значит существует некая система «сообщающихся сосудов», конкретно – либо это влияние на цены вполне материальных транспортно-грузовых потоков, либо это действие так называемой рыночной конъюнктуры. Такова основная идея методологии, но пути воплощения этой идеи не столь просты. В процедуре расчета корреляции, в данном случае парной корреляции (r), употребляется так называемый «динамический ряд». Что такое динамический ряд, мы с вами, современники рыночного кризиса, прекрасно понимаем. Вчера батон стоил рубль, сегодня он стоит полтора, а завтра он будет стоить два, послезавтра – три рубля, и так далее. На макроуровне цена каждого текущего года зависит от цены предыдущего года. Это явление, если оно ярко выражено в «динамическом ряду», при обработке путем вычисления парной корреляции дает побочный ложный эффект, который в статистике называют автокорреляцией. Теоретики современной математической статистики требуют, чтобы этой автокорреляции не было. Конкретно-историческое исследование с применением этого метода практически производится таким образом, что оно, хотим мы или нет, по сути основывается на теоретико-вероятностных положениях. Реальность такой ситуации объясняется чис-

то технической причиной: в архивах до нас от прошлых веков дошли так называемые справочные цены. Справочные цены с точки зрения статистики – это выборочный материал, это выборка. Иначе говоря, реально на рынке фигурировали миллиарды сделок, а, скажем, за каждый день в ведомость попадает одна обобщенная цифра, т.е. производится выборка из некоей однодневной генеральной совокупности. Значит, дальше мы уже из ежедневных выборок делали обобщенную недельную цену, из недельной – делали месячную, из месячной – делали трехмесячную, полугодовую и годовую. Все зависит от возможности источника. Процедура агрегирования цен не отвергает вывод о том, что материалы, которые подвергаются анализу, это выборка. А если это выборка, то обобщенные выводы на основе выборки можно сделать только тогда, когда генеральная совокупность однородна.

Что такое однородность применительно к «динамическому ряду»? Этот вопрос мы с Иваном Дмитриевичем очень долго прорабатывали и, в конце концов, пришли к следующему: речь должна идти о том, что если «динамический ряд» представляет собой единую монотонную повышательную тенденцию или монотонную понижательную тенденцию, то можно, в известном смысле, принимать эту «генеральную совокупность» как однородную, так как тенденция динамики цен неизменна. Если же выбранный нами «динамический ряд» представляет собой сочетание понижательной и повышательной тенденций (а они противоположны!), то такую «генеральную совокупность» в качестве однородной квалифицировать нельзя. Вот это первое, очень важное, условие.

Второе важное условие: как избавиться от автокорреляции? Ведь если один из постулатов теории вероятностей гласит: «каждое случайное событие не зависит от другого случайного события», а в динамическом ряду, как вы только что видели, если просто был рубль, то при повышательной тенденции, скажем, следующий компонент 1 руб. 23 коп., 1 руб. 30 коп. и так далее, а при понижательной, соответственно – снижение, то каждый предыдущий год в известной мере, а иногда в очень существенной мере, определяет уровень каждого последующего года. Таким образом, нужно от этого, так называемого временного тренда избавляться. Поэтому нами были использованы на этот счет обычные приемы матстатистики. Они достаточно банальны и заключаются в том, что по отношению к натуральным рядам цен выполняется процедура так называемого аналитического выравнивания. В результате этого выравнивания мы получаем эволюторную компоненту. Ее и называют временным

трендом. Затем временные тренды вычитаются из натурального ряда цен. И когда мы вычтем эволюторную тенденцию, то получим так называемые случайные отклонения от тренда. Случайные отклонения и являются исходным материалом для вычисления парной корреляции (коэффициент r). Аналитическое выравнивание можно проводить разными способами (выравнивание по прямой, по параболе и т.п.). Выбор правильного варианта выравнивания определяется критерием минимизации сумм квадратов случайных отклонений. А так как эти отклонения могут быть положительные (с плюсом) и отрицательные (с минусом), то для того, чтобы избавиться от знака, проводится процедура возведения в квадрат. В конечном итоге получаем так называемую сумму квадратов отклонений от тренда. Эта сумма квадратов отклонений должна быть минимальной величиной. В данном же сообщении мы возьмем материалы выравнивания по прямой, придерживаясь, так сказать, щадящей методики доказательств.

Итак, мы должны динамические ряды натуральных цен выровнять и получить случайные отклонения. Наш оппонент выступил с другой позиции. Она заключается в следующем: никаких случайных отклонений получать не надо, надо просто взять натуральные цены и с ними работать. Почему? Потому что цены развиваются под влиянием каких-то могучих факторов, если это факторы общие, то, обрабатывая натуральные цены, мы получим то, что надо. С таким утверждением можно согласиться лишь с той точки зрения, что такого рода оперирование данными помогает уяснить действительные тенденции общего экономического развития, но тенденции экономического развития и тенденции развития самого рынка – это вещи разные. Вот тут и обнаруживается одно из важнейших расхождений: получать случайные отклонения или оперировать исходными данными как таковыми?

И, наконец, второе расхождение, которое сводится к следующему. А сколько лет брать для обработки временных рядов цен с точки зрения учета особенностей динамики? Если это годовые цены, то сколько нужно взять: 5 лет, или 10 лет, или 15 лет, или 20 лет, или 50 лет?! Так вот, первый доклад Бориса Николаевича Миронова был сделан таким образом, что корреляции подвергались пятидесятилетние и тридцатилетние ряды. На материалах XVIII в. Борис Николаевич прекрасно показал, что когда коррелируются пятидесятилетние ряды (цены первой половины века и цены второй половины века), то результаты и в первом и во втором случае одинаковы. Но, конечно, автор понял, что тут что-то не то, и скоррелировал тридцатилетние ряды и получил блестя-

щие результаты: в первых двух тридцатилетиях XVIII в. рынка нет, а в последнем – есть.

Мы с Иваном Дмитриевичем взяли десятилетние ряды. Почему? Для этого есть целый ряд оснований. Прежде всего в основу такого отбора цен легли реальные аграрные условия России. А они таковы, что почти каждые три года в России был неурожай, но неурожай был разной степени и разного масштаба. Вся палитра урожаев и неурожая разных степеней в течение столетий примерно умещалась в десять лет. Конечно, конкретные циклы за этот длительный период колебались от восьми до тринадцати лет, а если ориентироваться на среднюю продолжительность, то можно остановиться на периоде в десять лет. Б.Н. Миронов, полемизируя с нами, в конечном итоге уступил нам, согласившись, что минимальным можно считать период в 15 лет.¹ И только! Но и на этом мы разошлись: он в дальнейшем как будто бы оперировал пятнадцатилетними, а мы – десятилетними рядами цен².

А теперь я позволю себе сказать вот что. После появления в 1985 г. книжки Бориса Николаевича «Хлебные цены в России» появилась возможность «играть на его поле»³. Б.Н. Миронов, как высококвалифицированный ученый, был педантичен и дал в Приложении годовые цены за двести лет: весь XVIII и весь XIX век. Но между материалами XVIII и XIX вв. есть различие. Оно заключается в том, что по XVIII в. цены даны в ассигнациях, а по XIX в. – в золотом исчислении (до 1899 г.). С этим приходится считаться. Но об этом позже.

Надо сказать, что весь материал к моему докладу был рассчитан И.М. Гарсковой и я, как автор, выражаю ей величайшую благодарность. Сама же работа была сделана еще 10 лет тому назад. Ивана Дмитриевича нет уже три года. Но при жизни он решительно настаивал на публикации итогов проделанной работы. А теперь, когда я уже вступил в возраст, в котором «каждый день – подарок», я понял, что откладывать больше нельзя.

Итак, первая таблица – это корреляционный анализ. «Динамические ряды», по методу Б.Н. Миронова, взяты за 15 лет, период взят с 1757 по 1771 г. Все коэффициенты матрицы (а она включает итоги корреляции цен по 34 городам) выше 0,72, а некоторые еще выше. Общий (средний) коэффициент по матрице: r 0,83. Таким образом, Б.Н. Миронов вроде бы прав. Если брать длину рядов 15 лет, то по существу мы получаем единый рынок, ибо к числу общих факторов, определяющих синхронность и пропорциональность колебаний цен, принадлежит более 64% всех факторов (из 100%). Ведь действительно: 34 губернии –

это почти вся Европейская Россия. Однако напомним, что обработаны всего лишь натуральные цены, а если соблюдать все те теоретические положения, о которых я говорил, то результат будет несколько иной.

Посмотрим на таблицу № 2. Выпрямление динамических 15-летних рядов по прямой и последующий подсчет парной корреляции дал в итоге три региона. Причем два из них имеют большое «общее пространство», т.е. они сопряжены. Но первый включает в себя Северо-Запад: Вологду, Новгород, Смоленск и Тверь, а второй эти губернии не включает, но зато включает Черноземье и часть Поволжья. Первый регион же никакой территории Поволжья не включает. Третий регион частью территорий входит в оба предыдущих, но при этом включает еще Тамбов, Воронеж, Харьков и Вятку. Итог совсем отличный от Б.Н. Миронова: единого рынка нет, хотя обработаны 15-летние ряды цен (с выравниванием по прямой). Однако заметим, что все регионы «наезжают» друг на друга, т.е. налицо созревание единой макроконъюнктуры.

Но, как я говорил, мы с Иваном Дмитриевичем ориентировались в монографии на 10-летние ряды. Корреляция таких рядов дает снова большой регион в 24 губернии, по сути на тот же самый, хотя и укороченный, период с 1757 по 1766 г. (см. табл. № 3). Легко, правда, заметить, что в сплошной единой конъюнктуре макрорынка не фигурирует Курск, так как средний коэффициент тесноты его связей низок ($r = 0,64$). Думается, что в данном случае причина кроется в неточности материалов по ценам Курска. Однако единый регион огромен, хотя и с «дырой». В чем здесь дело? На наш взгляд, причина кроется в том, что 60-е годы для части Европейской России были страшными годами. С 1762 г. в течение пяти лет были затяжные дожди, вся почва промокла на большую глубину, гумус исчез, урожайность падала, никакой навоз не действовал, естественно, начали резать скот, перерезали скот, а значит, прекратилось поступление даже минимальных доз навоза, и так далее, и так далее. Все это еще совпало с переводом монастырских крестьян на положение государственных (в виде особой категории экономических крестьян). А, по свидетельству М.М. Щербатова, это в итоге привело к тому, что многие крестьяне бежали со своих земель. В конечном счете это повлияло на всплеск цен, они за три – пять лет выросли в три, четыре и даже пять раз. Т.е. речь идет о том, что в «динамическом ряду» в силу такой стремительной динамики цен, даже при условии «выпрямления ряда» и использования «случайных отклонений», мы от автокорреляции не можем избавиться. Видимо, выход из этой ситуации может быть в «выравнивании по парабол

ле», хотя для нас в данном случае важна фиксация резкого уменьшения так называемого единого рынка.

Переходим к XIX в. (см. табл. № 4). Это корреляция цен с 1814 по 1828 г., т.е. снова взят период 15 лет, по согласию с Б.Н. Мироновым. Больше того, снова взяты средние натуральные цены по 48 губерnskим городам. Что же получилось в итоге? Налицо явное отсутствие единого рынка, а ведь это период, на много десятилетий позже конца 50-х и начала 70-х годов XVIII в. Корреляционная матрица позволяет выделить три региона разной протяженности своего пространства. Первый, наиболее крупный регион – 17 городов (средний итоговый коэффициент: $r = 0,81$), второй – семь городов (средний итоговый коэффициент: $r = 0,73$), а третий – восемь городов (средний итоговый коэффициент: $r = 0,75$). Таким образом, из трех регионов два совершенно обособлены, а третий имеет четыре губернии, которые одновременно принадлежат первому региону. Таким образом даже корреляция натуральных цен, которыми пользовался Б.Н. Мионов по XVIII в., взятых в динамических рядах годовых цен за 15 лет, не дает никакого единого рынка даже в первой трети XIX в.

Если же мы, не изменяя длину динамического ряда, прибегнем к обработке не натуральных цен, а случайных отклонений (от тренда), полученных путем выравнивания по прямой, то результат будет следующий (см. табл. № 5). Сводка средних коэффициентов матрицы, превышающих величину r , равную 0,72, включает лишь 16 губерnskих городов. Они довольно причудливо образуют некий регион единой ценовой макроконъюнктуры ($r = 0,84$). Это более низкий уровень, чем в XVIII в.!

Наконец, сделаем еще одну уступку, идя навстречу принципам Б.Н. Миронова, и увеличим динамический ряд до 18 лет (1809–1828). И снова коррелируем натуральные цены ржи, взятые из таблиц Миронова (см. табл. № 6). Из матрицы можно выделить лишь один регион из 16 губерnskих городов. Он включил в себя Центр, Черноземье и часть Малороссии ($r = 0,79$). Иначе говоря, даже увеличение динамического ряда натуральных цен почти вдвое, по сравнению с 10-летними, никакого эффекта не дает. Единого рынка Европейской России по-прежнему нет. Применительно к этому периоду нет очевидной необходимости прибегать к данным корреляции случайных отклонений, так как они дают еще менее благоприятный (с точки зрения нашего оппонента) результат.

В заключение принципиально важно продемонстрировать обработку данных по годовым ценам на рожь за 1809–1819 гг., ибо за этот период и Б.Н. Мионов, и автор этих строк исполь-

зовали один и тот же источник и, стало быть, одни и те же цены. Разница состоит в том, что Б.Н. Миронов перевел цены на золотой эквивалент, а мы брали цены в ассигнациях. При этом, беря период в 10 лет, снова согласимся с позицией Б.Н. Миронova и обработаем так называемые натуральные цены, взятые из его книги. Сразу же сообщим, что средний коэффициент по корреляционной матрице, включившей цены по 48 городам (с искусственным объединением цен за первое полугодие 1812 г. и второе полугодие 1813 г., так как других данных нет), достиг лишь ничтожной величины ($r = 0,3056$). Это практически пустая матрица. Из ее «толщи» можно выделить лишь три небольших региона (см. табл. № 7). Первый включил 12 губернских центров ($r = 0,83$). Это Северо-Запад и Верхняя Волга (без Петербурга и Твери), Прибалтика и Витебск. Второй очень небольшой регион состоит из восьми губернских центров ($r = 0,82$), представляющих часть Черноземья и часть Нечерноземья. Наконец, третий регион включил также восемь губернских городов ($r = 0,74$). Однако коэффициенты по Ковно, Житомиру и Каменцу-Подольскому ниже 0,72 и, по сути, в регион не должны быть включены. Так что речь должна идти о небольшом макроконъюнктурном образовании из пяти центров. Таков более чем скромный итог явно некорректной обработки данных.

В то же время напомним, что в монографии «Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX вв.» корреляционный анализ случайных отклонений цен, т.е. более корректный по методике, дает в итоге три региона (первый включает 16 городов с $r = 0,71$; второй – девять городов с $r = 0,80$; третий – 14 городов с $r = 0,75$)⁴. Причем два из них включают общую территорию Поволжья. В то же время корреляция натуральных цен за 1809–1819 гг. дала три гораздо более обширных региона (27, 13 и 13 губернских городов)⁵.

В чем же дело? Почему столь поражающая разница в результатах? В наблюдениях, касающихся цен первой трети XIX в., разница в результатах, на наш взгляд, объясняется тем, что Б.Н. Миронов пересчитал данные цен в ассигнациях на золотой курс петербургской биржи. Для грубых обобщений динамики цен за весь XIX век это, может быть, и подходит, хотя это и заслуживает специального обсуждения. Кстати, в книге о хлебных ценах Б.Н. Миронов оговаривается, что расчет на петербургский курс влечет за собой «неточности». Вот эти, мягко говоря, «неточности», вероятно, и явились причиной приведенных выше результатов применения корреляционного анализа. Условно выведенные цены дают искаженные итоги, хотя при этом все-таки заметно,

что в ценах 1814–1828 гг. влияние этих искажений начинает чуть-чуть уменьшаться.

Какой вывод я хочу сделать? Ну, во-первых, я хочу добрым словом помянуть Ивана Дмитриевича, который вместе со мной трудился над решением проблемы формирования единого рынка и в последующие годы неоднократно просил, чтобы я подверг проверке материалы Б.Н. Миронова. В итоге вполне очевидно, что реализация нашей методики дает возможность отразить более реальный процесс развития рынка.

Вместе с тем, надо подчеркнуть, что вокруг проблемы степени развития аграрного капитализма в литературе много разногласий. Некоторые авторы не вполне корректно оценивают наши с И.Д. Ковальченко итоги изучения аграрного рынка России. Ведь мы изучали процесс формирования макроструктуры рынка, а не процессы, способные влиять на все группы крестьянских хозяйств, не говоря уже об отдельных хозяйствах. Речь идет о том, что в книге коррелируются годовые и сезонные цены за десятилетний период, взятый в целом. Выявление тех или иных структур единых крупномасштабных механизмов движения цен – это элемент макроэкономики. И нельзя понимать так, что если средний коэффициент по матрице – 0,85 (по пятидесяти губерниям), то, значит, каждый крестьянин прочно связан с рынком. Ничего подобного, впереди был еще долгий путь развития. И последний момент. Работа, которую мы сделали с Иваном Дмитриевичем, позволила нам, и я считаю это большой удачей в жизни, реально «пощупать» общие закономерности исторического развития, как бы «потрогать» эту гигантскую и неодолимую макроструктуру, постоянно пульсирующую и меняющую в какой-то мере свои условные границы (об этом в свое время я писал в Заключении к книге).

А сейчас мы в какое время живем? Вот, недели три назад была статья Александра Огановича Чубарьяна с его размышлениями по поводу кризиса исторической науки. В ней, в частности, зафиксировано: «молодежь недоверчиво относится к общим закономерностям исторического развития». И на данной конференции предыдущий докладчик ярко и убедительно говорил насчет угрозы экспансии постмодернизма, о преувеличении роли случая и т.п. Я надеюсь, что настоящий доклад подтверждает надежность системно-структурного подхода. Он не исчез и выдерживает испытание.

Спасибо за внимание.

**Таблица 1. Взаимосвязь колебаний натуральных цен ржи в 1757–1771 гг.
(15 лет), 34 ряда**

1. Ревель	0,75	18. Тамбов	0,81
2. Санкт-Петербург	0,87	19. Курск	0,86
3. Архангельск	0,84	20. Воронеж	0,80
4. Вологда	0,80	21. Орел	0,85
5. Новгород	0,86	22. Харьков	0,87
6. Псков	0,78	23. Симбирск	0,86
7. Рига	0,72	24. Саратов	0,82
8. Смоленск	0,75	25. Пенза	0,81
9. Тверь	0,86	26. Казань	0,89
10. Ярославль	0,89	27. Самара	0,88
11. Кострома	0,87	28. Уфа	0,82
12. Владимир	0,86	29. Пермь	0,74
13. Москва	0,83	30. Вятка	0,83
14. Н.Новгород	0,87	31. Киев	0,76
15. Калуга	0,87	32. Полтава	0,81
16. Рязань	0,85	33. Чернигов	0,70
17. Тула	0,84	34. Екатеринослав	0,77
			$r = 0,83$

**Таблица 2. Взаимосвязь случайных колебаний цен в 1757–1771 гг.
(15 лет), 34 ряда**

1. Петербург	0,86	1. Петербург	0,83
2. Ярославль	0,89	2. Вологда	0,73
3. Кострома	0,82	3. Новгород	0,74
4. Владимир	0,88	4. Смоленск	0,77
5. Москва	0,83	5. Тверь	0,86
6. Н.Новгород	0,88	6. Ярославль	0,89
7. Калуга	0,89	7. Кострома	0,87
8. Рязань	0,88	8. Владимир	0,87
9. Тула	0,87	9. Москва	0,86
10. Орел	0,85	10. Н.Новгород	0,85
11. Курск	0,83	11. Калуга	0,88
12. Казань	0,87	12. Рязань	0,83
13. Симбирск	0,84	13. Тула	0,83
14. Пенза	0,74	14. Орел	0,79
15. Самара	0,83	15. Казань	0,85
$r = 0,849$			$r = 0,829$

1. Калуга	0,813	7. Воронеж	0,751
2. Рязань	0,844	8. Харьков	0,694
3. Тула	0,845	9. Пенза	0,744
4. Тамбов	0,792	10. Вятка	0,719
5. Орел	0,819	11. Санкт-Петербург	0,770
6. Курск	0,813		r = 0,782

**Таблица 3. Взаимосвязь случайных колебаний цен ржи 1757–1766 гг. (прямая),
10 лет, 34 ряда**

1. Петербург	0,78	13. Рязань	0,82
2. Вологда	0,75	14. Тула	0,88
3. Новгород	0,79	15. Тамбов	0,90
4. Псков	0,88	16. Воронеж	0,80
5. Смоленск	0,86	17. Орел	0,82
6. Тверь	0,91	18. Казань	0,88
7. Ярославль	0,92	19. Симбирск	0,90
8. Кострома	0,90	20. Самара	0,78
9. Владимир	0,83	21. Саратов	0,87
10. Москва	0,82	22. Пенза	0,84
11. Н.Новгород	0,89	23. Полтава	0,83
12. Калуга	0,91	24. Чернигов	0,71
			r = 0,81

**Таблица 4. Взаимосвязь колебаний натуральных цен ржи в 1814–1828 гг.
(вторые 15 лет)**

1. Воронеж	0,82	1. Минск	0,57
2. Курск	0,86	2. Могилев	0,80
3. Орел	0,86	3. Киев	0,80
4. Рязань	0,83	4. Полтава	0,73
5. Тамбов	0,81	5. Чернигов	0,77
6. Тула	0,86	6. Житомир	0,64
7. Харьков	0,79	7. Херсон	0,72
8. Владимир	0,82		r = 0,73
9. Калуга	0,87		
10. Москва	0,78	1. Митава	0,78
11. Нижний Новгород	0,66	2. Ревель	0,80
12. Смоленск	0,82	3. Рига	0,83
13. Витебск	0,82	4. Витебск	0,80
14. Могилев	0,87	5. Гродно	0,78
15. Киев	0,72	6. Ковно	0,67
16. Полтава	0,83	7. Житомир	0,58
17. Чернигов	0,80	8. К-Подольск	0,73
	r = 0,81		r = 0,75

**Таблица 5. Взаимосвязь случайных колебаний цен ржи (прямая) в 1814–1828 гг.
(15 лет)**

1. Москва	0,79	9. Курск	0,88
2. Владимир	0,84	10. Воронеж	0,83
3. Смоленск	0,87	11. Харьков	0,79
4. Калуга	0,89	12. Витебск	0,76
5. Рязань	0,86	13. Могилев	0,87
6. Тула	0,84	14. Киев	0,75
7. Тамбов	0,84	15. Чернигов	0,82
8. Орел	0,89	16. Полтава	0,83
			r = 0,84

**Таблица 6. Взаимосвязь колебаний натуральных цен ржи в 1809–1828 гг.
(18 лет)**

1. Москва	0,77	9. Курск	0,86
2. Владимир	0,81	10. Воронеж	0,76
3. Смоленск	0,83	11. Харьков	0,74
4. Калуга	0,86	12. Витебск	0,71
5. Рязань	0,80	13. Могилев	0,84
6. Тула	0,79	14. Чернигов	0,79
7. Орел	0,86	15. Киев	0,69
8. Тамбов	0,78	16. Полтава	0,78
			r = 0,79

**Таблица 7. Взаимосвязь колебаний натуральных цен ржи в 1809–1819
(без 1812 г.)**

1. Новгород	0,87	1. Курск	0,79
2. Псков	0,83	2. Орел	0,87
3. Вологда	0,81	3. Рязань	0,85
4. Кострома	0,83	4. Тула	0,83
5. Н. Новгород	0,80	5. Владимир	0,84
6. Смоленск	0,78	6. Калуга	0,89
7. Ярославль	0,87	7. Смоленск	0,78
8. Витебск	0,88	8. Москва	0,71
9. Митава	0,85	r = 0,82	
10. Ревель	0,78		
11. Рига	0,85	1. Митава	0,78
12. Вильно	0,76	2. Ревель	0,80
r = 0,83		3. Рига	0,83
г для всей матрицы	0,3056	4. Витебск	0,80
		5. Гродно	0,78
		6. Ковно	0,67
		7. Житомир	0,58
		8. Каменец-П.	0,64
		r = 0,74	

- ¹ См.: *Миронов Б.Н.* О методике обработки источников по истории цен (к исследованию проблемы образования всероссийского национального рынка) // *Археографический ежегодник за 1968 год.* М., 1970.
- ² См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. (Опыт количественного анализа). М., Наука, 1974.
- ³ *Миронов Б.Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII и XIX вв.). Л., 1985.
- ⁴ См.: *Ковальченко И.Д., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 136–139.
- ⁵ Там же. С. 131–134.

Опубл.: Проблемы источниковедения и историографии.
Материалы II Научных чтений
памяти акад. И.Д. Ковальченко. М.: РОССПЭН, 2000. С. 30–43.

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕПОСТНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ В XVII–XVIII вв.

(Некоторые проблемы теории)

Проблемы классовой борьбы занимают в советской историографии одно из ведущих мест. Изучение классовой борьбы крестьян России в феодальную эпоху получило особенно широкий размах в последние 20 лет. Много интересных и серьезных работ посвящено классовой борьбе в XI–XVI вв. Интенсивно исследуется история классовой борьбы крестьян в период позднего феодализма (и локальные волнения крестьянства и крестьянские войны). Особенно широко изучается классовая борьба первой половины XIX в. В научный оборот вошла большая серия фундаментальных публикаций источников по истории крестьянского движения.

Кроме традиционной разработки конкретной истории борьбы крестьян, последний период в историографии отмечен тем, что активно обсуждаются вопросы методики статистического изучения крестьянского движения, проблемы периодизации классовой борьбы в первой половине XIX в. Справедливо поставлен вопрос о преувеличении влияния на классовую борьбу крестьян этой поры процесса социального расслоения, так как он иногда лишь усложнял эту борьбу, но не менял ее антифеодальной направленности. В ряде работ выявлена обусловленность роста крестьянского движения не столько усилением феодальной эксплуатации, сколько стремлением крестьян добиться свободы экономической деятельности. В связи с этим замечено, что в первой половине XIX в., особенно с 30-х годов, наиболее активно в крестьянском движении не обязательно выступают самые бедные и угнетенные. Ряд широких выступлений связан прежде всего с государственными крестьянами, со слоями торгово-промышленного крестьянства. Пристальное внимание ученых привлекает канун реформы 1861 г., период складывающейся рево-

люционной ситуации (новые черты крестьянского движения, новые формы борьбы, эволюция крестьянских требований и т.д.). Таким образом, в советской историографии налицо весьма серьезные и глубокие успехи в изучении проблем классовой борьбы феодального крестьянства России. Вместе с тем на страницах журналов и других изданий на протяжении многих лет обсуждаются дискуссионные вопросы истории классовой борьбы крепостного крестьянства (о движущих силах, роли отдельных прослоек феодального общества в крестьянских войнах, уровне сознательности повстанцев, роли организационных мероприятий руководителей восстаний, субъективных и объективных целях крестьянских войн и др.). В последнее двадцатилетие наметились два основных взгляда на некоторые теоретические аспекты классовой борьбы феодального крестьянства в XVII–XVIII вв.

В центре дискуссий стоят проблемы объективной сущности крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. Взгляды представителей одной точки зрения суммарно, в общей форме были выражены в коллективном докладе на всесоюзной дискуссии «Переход от феодализма к капитализму в России», где, в частности, было отмечено, что XVII–XVIII века не являлись принципиально новым этапом классовой борьбы крестьянства, что объективное содержание крестьянских войн не выходило еще за пределы феодальных отношений, что борьба за установление капиталистического строя в них еще не присутствовала¹. Докладчики отражали при этом не столько особую, сколько общую, присущую нашей философской, исторической, политической, а вслед за ней и учебной литературе точку зрения².

На той же дискуссии была сформулирована и другая точка зрения, наиболее четко выраженная в выступлениях Е.С. Компан и С.М. Троицкого. В основе ее находится утверждение, что XVII–XVIII вв. – это качественно новый период в классовой борьбе феодального крестьянства, «объективно выступавшего за буржуазный путь развития», что каждая крестьянская война являлась важным этапом в борьбе за победу буржуазного строя³. Эта точка зрения отразилась и в коллективной работе, вышедшей накануне названной дискуссии⁴. В ходе дискуссии обращалось внимание на то, что подобная позиция «фактически воспроизводит распространенный в ранней советской историографии и затем отвергнутый в ходе теоретических дискуссий конца 20-х – начала 30-х годов взгляд на крестьянские войны под руководством Болотникова, Разина и Пугачева как на ранние буржуазные революции»⁵.

В последние полтора десятилетия расхождения ученых в понимании ряда теоретических аспектов истории крестьянских войн не уменьшились. Позиция историков, усматривающих в

крестьянских войнах XVII–XVIII вв. объективную борьбу за капиталистический путь развития, усложнилась за счет ряда новых моментов, и в частности своеобразной трактовки идеологических аспектов крестьянских войн в России. В последние годы некоторые спорные положения, вызванные преувеличением уровня борьбы крепостного крестьянства, были подвергнуты критике в статьях И.Д. Ковальченко, А.М. Сахарова, М.Т. Белявского, П.Г. Рындзюнского, М.А. Рахматуллина и др.⁶ В настоящей статье предпринята попытка анализа некоторых спорных трактовок истории классовой борьбы крепостного крестьянства и крестьянских войн в России.

Как известно, крестьянские войны в России были одними из наиболее грандиозных битв в истории борьбы угнетенного крестьянства. Несомненно и огромное значение их как актов, способствующих ускорению исторического прогресса. Необычайный размах и длительность борьбы, обширность территорий, охваченных движением, многочисленность повстанческих отрядов, ожесточенность сражений характерны для большинства крестьянских войн и главным образом для войны 1773–1775 гг. Эти особенности в последние годы были переосмыслены и обобщены рядом ученых, определяющих крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. как высшую форму классовой борьбы, направленной на ликвидацию феодально-крепостнической системы в целом. Вот одно из таких, наиболее полных определений: «Крестьянские войны, согласно современным представлениям, – это гражданские войны, высшая форма классовой борьбы угнетенного класса крестьянства феодальной России (можно добавить: и других категорий, слоев трудящихся, угнетенных масс) против всего класса феодалов (а также союзников из среды верхушки незакрепощенного крестьянства, торгово-ремесленного, служилого населения) и выражавшего его интересы крепостнического государства, против всей крепостнической системы. В ходе крестьянских войн происходит борьба за власть в общегосударственном масштабе, за ниспровержение феодально-крепостнического строя, за “землю и волю”, т.е. объективно за новый в исторической перспективе общественный строй»⁷. Приведем еще одно определение: «Любая крестьянская война является гражданской войной. Она направлена против всей крепостнической системы, против всего класса феодалов и выражающего его интересы крепостнического государства. В ходе ее ставится вопрос о самом существовании феодального строя»⁸. Сходна в главном с приведенными определениями и формулировка задач крестьянской войны 1773–1775 гг.: «Борьба в конечном счете была направлена против феодальной системы в целом»⁹.

Если вдуматься в предлагаемые определения, то можно увидеть, что в них включены такие объективно-исторические задачи крестьянской борьбы, которые логически неизбежно отождествляют крестьянские войны феодальной эпохи с революцией, точнее, с аграрной революцией. В самом деле, ведь крутая, насильственная ломка средневековых форм землевладения и землепользования всей страны не может быть ни чем иным, как революцией. Только революции свойственна объективная постановка задачи такого масштаба, как ликвидация класса феодалов, феодально-крепостнической системы и захват государственной власти¹⁰. Именно так в свое время ставил вопрос М.Н. Покровский, полагая, что «бунт феодальных крестьян... мог при известных условиях превратиться в восстание против всего феодального режима – в буржуазную революцию»¹¹. Следовательно, если придерживаться трактовок крестьянских войн, подобных упомянутым выше, то мы встанем перед необходимостью констатировать, что в России уже с начала XVII столетия объективно назрела задача ликвидации феодального строя.

Каким же образом в современной историографии появились формулировки, логически ведущие к отождествлению объективных задач и целей крестьянских войн с задачами и целями буржуазной революции? Вероятно, одной из предпосылок такой ситуации служат вполне искренние стремления ученых подчеркнуть историческое значение крестьянских войн в России.

В связи с указанной выше оценкой крестьянских войн чрезвычайно важно напомнить о концепциях историографии 20-х – начала 30-х годов. Многие историки той поры считали крестьянские войны в России революциями (Г.Е. Меерсон, С. Пионтковский, С. Симонов, отчасти М.Н. Покровский и др.). С. Пионтковский, например, утверждал, что «все четыре войны были революциями, в которых крестьянство пыталось своими собственными силами открыть путь к капиталистическому развитию и опрокинуть диктатуру крепостника». С. Симонов о крестьянской войне под предводительством Пугачева, которую он считал крестьянской революцией, писал: «Движение ставило перед собой национальные задачи..., движение было направлено против всей системы. Да иначе и нельзя понять такого широкого массового движения»¹². В целом по отношению ко всем крестьянским войнам в России в этих работах проявилась прежде всего идеализация степени классового единства феодального крестьянства, общности его интересов, степени его консолидации. Особенно четко это отражено в работах С. Пионтковского. Характеризуя консолидацию феодального крестьянства как класса, переход к так называемому единству движения, он утверждал,

что «у крестьянства оно (единство. – Л.М.) сказывается прежде всего в создании национального единства, в переходе от замкнутой локальности, какой отличалось крестьянское движение в начале XVII в., к общероссийскому движению, каким стала крестьянская война в эпоху разинщины и особенно в пугачевщину», в «эпоху крестьянских войн крестьянство переживает процесс роста национального единства. Оно выступает против господствующего класса все целиком»¹³.

В сущности в наше время повторяются иногда эти же положения: «Крепостное право оформилось тогда в масштабах страны и таким образом противопоставило не владимирских крестьян владимирским феодалам, не новгородских сирот новгородским феодалам, а весь класс крестьян всему классу феодалов России... Крестьяне осознают себя не тверичами, новгородцами, псковичами, рязанцами и т.п., а русскими, при этом именно эксплуатируемым... людом»¹⁴. «Крестьянская война... вспыхивает только в XVII в. Лишь в “новый период русской истории”, с XVII в. крестьянство начинает осознавать свои социальные чаяния, социальные стремления в масштабах всей страны, в масштабе складывающейся русской нации»¹⁵.

Вполне справедливо, что крепостническая система реально воздействовала на классовый антагонизм феодалов и крепостного крестьянства именно с XVII в. Вместе с тем преувеличена сама возможность осознания всем крестьянством в XVII–XVIII вв. своих социальных чаяний и стремлений в масштабе страны, т.е. проявления, иначе говоря, необычайно зрелого самосознания крестьянства как класса. А попытка представить процесс зарождения русской нации как важный компонент в становлении классового единства крестьянства выглядит очень проблематично, так как не способствует разграничению таких отличных понятий, как национальное единство и единство классовое.

Потенциям классового самосознания и классового единства феодального и мелкобуржуазного крестьянства четкая оценка дана была классиками марксизма-ленинизма. Так, характеризуя Германию конца XVIII в., К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Земледелие велось способом, который не был ни парцелляцией, ни крупным производством и который, несмотря на сохранившуюся крепостную зависимость и барщину, никогда не мог побуждать крестьян к эмансипации, – как потому, что самый этот способ хозяйства не допускал образования активно-революционного класса, так и ввиду отсутствия соответствующей такому крестьянству революционной буржуазии»¹⁶. Напомним характеристику, данную Марксом французскому крестьянству: «Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одина-

ковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг с другом. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними... Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин... Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, – они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, – они не образуют класса. Они поэтому неспособны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени... они не могут представлять себя, их должны представлять другие»¹⁷. Было бы, разумеется, неверным механически переносить все без исключения положения характеристики французского крестьянства середины XIX в. на русскую почву. Но тем не менее в своей основе она отражает и специфику крестьянства, вообще как класса мелких производителей, а следовательно, и русского крестьянства.

В.И. Ленин, отмечал, что «при самых “уравнительных” переделах крестьянин в одиночку хозяйничает на своей полосе, следовательно, является изолированным, обособленным производителем»¹⁸. В силу этого Ленин (имея в виду приведенную выше марксову характеристику французского крестьянства) указывал, что, «несмотря на различие форм землевладения, к русскому крестьянину вполне приложимо то, что говорит Маркс о мелком французском крестьянине»¹⁹. В «Тетрадах по империализму», цитируя послесловие Энгельса к статье «О социальном вопросе в России», Ленин обращает внимание на оценку Энгельсом значения грядущей революции для крестьянства: «Она (революция в России)... уничтожит разобщенность деревень, в которых живет главная масса нации, крестьяне, и которые составляют их “мир”, их вселенную,... выведет крестьян на широкую арену, где они познают внешний мир, а вместе с тем себя самих, поймут собственное свое положение и средство избавления от теперешней нужды»²⁰.

Из этих положений основоположников научного коммунизма следует, что и российское крестьянство в силу исторически определенного способа производства на протяжении многих столетий было классом мелких производителей, раздробленным, распыленным, со слабым чувством классовой солидарности, неспособным осознать свои классовые интересы, а следовательно, неспо-

собным на сознательную (политическую) борьбу против угнетателей. «Простое большинство мелкобуржуазных масс, – писал Ленин, имея в виду пореформенное крестьянство, – еще ничего не решает и решить не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев только руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата»²¹. К крестьянству феодальной эпохи это имеет не меньшее отношение. Отсюда ясно, что отнесение к целям крестьянских войн объективной задачи борьбы против всей феодально-крепостнической системы, всего класса феодалов вносит существенное искажение в понимание закономерностей исторического развития классов вой борьбу.

Если исходить из задач именно такого масштаба, то крестьянские войны, в силу логики, расцениваются прежде всего как борьба бескомпромиссная. Данное качество, согласно некоторым мнениям, неперемненное свойство, суть крестьянской войны, ее отличие от крестьянского восстания. Но подобное определение крестьянской войны не охватывает такие широко известные крестьянские движения средневековья, как восстание Уота Тайлера, Жакерия, Гуситские войны и др., так как в ходе этих движений нередко возникали переговоры с правящим лагерем и вставал вопрос об уступках эксплуататоров²². Энгельс, как известно, не усматривал принципиальных различий между крестьянскими восстаниями и крестьянскими войнами. В «Крестьянской войне в Германии» он называет указанные восстания крестьянскими войнами: «Англичане, французы, чехи, венгры уже успели проделать свои крестьянские войны к тому моменту, когда немцы стали совершать свою»²³. Иначе говоря, крестьянские войны конкретным ходом своего развития могут вести и к переговорам, но от этого они не перестанут быть крестьянскими войнами. Следовательно, их отличает от восстания не уровень объективно-исторических задач, а главным образом форма борьбы. Как форму классовой борьбы крестьянские войны отличает прежде всего наличие военной организации, армии восставших, ведение более или менее упорядоченных регулярных военных действий. А длительность борьбы, ее упорство, уровень организованности отдельных отрядов, наличие каких-либо центров движения и даже размах этой борьбы – все эти моменты придают лишь индивидуальные черты и свойства той или иной крестьянской войне.

Между тем, например, наличие единого военно-политического центра считается одним из моментов, образующих самое понятие крестьянской войны²⁴. В Крестьянской войне в Германии

XVI в. подобного момента не было, однако от отсутствия его она не перестала быть крестьянской войной. Думается, что справедливо писала много лет назад акад. М.В. Нечкина, анализируя работы историков 20-х – начала 30-х годов: «Решающее значение в сопротивлении восстания Пугачева правительственным военным силам имели, конечно, не хорошая организация пугачевской армии и не превосходная артиллерия, а массовость и сильнейший натиск восставшей крестьянской стихии»²⁵. В равной мере это имеет отношение и к остальным крестьянским войнам. По сравнению с крестьянскими восстаниями крестьянские войны, безусловно, являются более острой формой классовой борьбы, но и те и другие составляют единый этап классовой борьбы крестьянства. Не случайно Ленин в статье «О конституционных иллюзиях» в равной мере оперирует понятиями «крестьянская война» и «крестьянское восстание» как равнозначными, имея в виду события в Германии в 1525 г.²⁶.

Немалую роль в появлении вышеприведенных определений крестьянской войны, а также трактовки ее целей и задач сыграла односторонность в понимании такого исторического явления, как гражданская война. А ведь термином «гражданская война» в историографии обозначают сложные, разнообразные и далеко не равнозначные явления. В средневековье и античное время эксплуатируемые массы, задавленные гнетом, в периоды крайнего обострения социального антагонизма, движимые гневом и отчаянием, начинали гражданские войны, но эти гражданские войны были преимущественно проявлением лишь необычайной остроты стихийной классовой борьбы, решимости и отчаяния наиболее активных слоев эксплуатируемых масс. Ленин неоднократно подчеркивал, что классовая борьба может при ее крайних обострениях превратиться в гражданскую войну. Он писал о «доведении классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращения в гражданскую войну»²⁷, о «классовой борьбе в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны»²⁸, о том, что «классовая борьба при известных условиях выливается в формы вооруженной борьбы и гражданской войны»²⁹, что «противопоставлять восстание, т.е. гражданскую войну, «междоусобной войне», смешно»³⁰, что «восстание есть гражданская война»³¹ и т.д. Во всех этих высказываниях Лениным выдвинута на первый план именно острота классовой борьбы, доведение ее «до точки кипения»³². В силу именно этого накала гражданской войне как форме борьбы имманентно свойственно субъективное стремление угнетенных к уничтожению угнетающего класса. Как раз эту сторону дела и имел в виду Ленин, когда писал, что «только в гражданской войне угнетенный класс направляет уси-

лия к тому, чтобы уничтожить угнетающий класс до конца, уничтожить экономические условия существования этого класса»³³.

Однако объективная реальность этого стремления свойственна лишь той гражданской войне, которая ведется революционным классом. В этой связи огромное значение имеет известное положение Ленина: «Рабы, как мы знаем, восставали, устраивали бунты, открывали гражданские войны, но никогда не могли создать сознательного большинства, руководящих борьбой партий, не могли ясно понять, к какой цели идут, и даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»³⁴. Таким образом, если классовая борьба в силу необычайной вспышки классового антагонизма сразу же переходила в высшую свою стадию, то это не значит, что она реально ставила в повестку дня вопрос о власти и о ликвидации всей системы угнетения господствующего класса. Крестьянские же войны – это особая разновидность гражданских войн, демонстрирующих лишь крайнюю, наивысшую степень остроты классового антагонизма в феодальную эпоху. Устремления к ниспровержению всего феодального строя – лишь субъективные устремления восставших.

Только тогда, когда гражданская война является закономерным итогом и развитием экономической и политической борьбы угнетенного класса, она ставит задачу взятия власти, задачу ликвидации существующей системы эксплуатации и уничтожения господствующего класса. Такие гражданские войны неотделимы от революции. В них действительно логикой самих событий ставится вопрос о власти: «Либо победа в гражданской войне над эксплуататорами, либо гибель революции. Так стоял вопрос во всех революциях, и в английской XVII в., и во французской XVIII в., и в немецкой XIX в.»³⁵, – писал Ленин. Говоря об опыте русской революции, он подчеркивал в 1917 г.: «Этот опыт, в полном соответствии с опытом всех европейских революций, начиная с конца XVIII в., показывает нам, что гражданская война есть наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»³⁶. Из этих ленинских строк с полной ясностью следует, что гражданская война ставит вопрос о власти, о ликвидации всей системы эксплуатации, лишь вырастая на основе борьбы экономической и политической. Разумеется, такой ситуации не было и не могло быть в России ни в XVII, ни в XVIII в. Из сказанного очевидно, что гражданские войны средневековья и античности – явления особого рода и весьма рискован-

но смешивать их с гражданскими войнами более поздних эпох, являющимися неотъемлемой частью революции³⁷.

Одним из принципиально важных является вопрос об общественно-экономической сущности крестьянских войн как исторического явления. Как известно, Ленин выделил «понятие крестьянской революции, как одного из видов буржуазной революции», как революции, которая «революционизирует специально касающиеся крестьянства поземельные отношения», «выдвигает крестьянство в число... активных общественных сил, творящих революцию»³⁸.

Считая крестьянские войны XVII–XVIII вв. революциями, историки 20-х – начала 30-х годов были по-своему логичны, одновременно квалифицируя эти войны либо как буржуазные революции, либо как явления, тесно связанные с буржуазной революцией³⁹. Высказывались и более умеренные оценки. Так, С.И. Тхоржевский считал, что восстание 1773–1775 гг. «по своей объективной тенденции... было буржуазное движение»⁴⁰. С.Г. Томсинский утверждал, что «крестьянские движения, не являясь буржуазными революциями, были ее провозвестниками, борясь за капиталистический путь развития России»⁴¹. В основе всех этих мнений лежит одна и та же квалификация общественно-экономической сущности этого явления как борьбы за буржуазный, капиталистический способ производства, т.е. они совпадают в главном. Г.Е. Меерсон формулирует экономическую программу восстания Пугачева как «расчистку в России пути для свободного от монополий на землю и труд капиталистического развития»⁴². С.И. Тхоржевский считает это движение буржуазным, «потому что, разрушая крепостной строй и таким образом расчищая дорогу капитализму, она (пугачевщина. – Л.М.) раскрыла вместе с тем в рядовом крестьянстве, в среде мелких зависимых хозяйчиков тяготение к превращению в настоящих независимых хозяев, эксплуатирующих наемный труд»⁴³. С. Пионтковский практически вел речь о задачах той же буржуазной революции: «Пугачевщина ставила вопрос... об обеспечении отношений собственности, буржуазной эксплуатации и всеобщего равенства»⁴⁴. А. Шестаков еще в 1933 г. на совещании по проблемам истории крестьянских войн говорил о спорности характеристики С.Г. Томсинским «крестьянства феодально-крепостнической России как носителя буржуазных отношений». А. Шестаков полагал, что С.Г. Томсинский «недостаточно отражает мысль Маркса о феодальном крестьянстве как особом носителе хозяйственных функций феодализма»⁴⁵.

Концепция «ранней буржуазной революции» снова появилась в нашей историографии 60-х годов в монографии Д.П. Маковского с той лишь разницей, что автор в силу присвоения нового ка-

чества развитию экономики России XVI в. пришел к тому же утверждению уже относительно Первой крестьянской войны, которая у него «выступает как буржуазная революция на ее раннем этапе», а основной ее целью является уничтожение всех форм феодального гнета, переход земли в руки эксплуатируемого класса⁴⁶. Подобно тому, как крайняя концепция Г.Е. Меерсона, с одной стороны, и умеренные концепции С.И. Тхоржевского и С.Г. Томсинского – с другой, в конечном счете сходились в одном – в утверждении общественно-экономической сущности крестьянских войн как борьбы непосредственно за капиталистический путь развития, так и крайняя концепция Д.П. Маковского совпадает с позицией ряда исследователей в том же пункте – оценке общественно-экономической сути крестьянских войн как борьбы за уничтожение феодализма, за буржуазный путь развития.

Один из важных компонентов этой позиции можно сформулировать в качестве своего рода презумпции предопределенности характера крестьянских движений. Невольное обоснование этой предопределенности наиболее наглядно выступает в размышлениях одного из известных и крупных советских историков. При всех колебаниях, естественно сопровождавших поиски этого ученого, в конечном счете верх берет основная линия его рассуждений, где постоянно подчеркивается, что «крестьянские войны в России начались лишь в «новый период» ее истории», т.е. обращается внимание на значение для крестьянских войн таких моментов, как «начало складывания всероссийского рынка и развития буржуазных связей в стране»⁴⁷. При допущении феодального типа развития как итога войн, все-таки постоянно делается акцент на «буржуазной сущности крестьянского лозунга «черного передела» и «земли и воли», на «буржуазной природе крестьянства»⁴⁸. Обращается внимание и на степень развития капитализма: «Конечно, степень развития буржуазных элементов различна на разных этапах истории крепостной России XVII–XVIII вв. Накануне Первой крестьянской войны в России в начале XVII в. они были неизмеримо слабее, нежели перед последней крестьянской войной»⁴⁹. Общий вывод гласит: «Поскольку средневековое крестьянство и горожане являются предшественниками современной буржуазии... поскольку мелкое крестьянское хозяйство имело тенденцию к превращению в мелкое товарное производство, в крестьянских войнах проявлялась борьба за буржуазные тенденции в развитии крестьянского хозяйства»⁵⁰. Даже тогда, когда ученый задумывается над действенностью тезиса предопределенности, в конечном счете это положение берет верх: «В каком направлении стали бы в дальнейшем развиваться

социальные отношения на земле, освобожденной от крепостников, в сторону ли своеобразного варианта феодализма... или в сторону развития буржуазных отношений, сказать трудно. Но в любом случае Крестьянская война, сокрушая существующую феодальную систему, объективно создавала условия для роста и развития буржуазных отношений»⁵¹. Таким образом, поскольку крестьянские войны совершались в период генезиса капиталистических отношений, постольку эти войны объективно ставили задачей борьбу за капиталистический путь развития. Так как период позднего феодализма является в принципе периодом формирования капиталистического уклада, то «все пути ведут в Рим», т.е. к капитализму.

Однако в действительности все было не столь жестко предопределено. От зародившейся тенденции до реального необратимого процесса проходит огромный период. Ленин писал, что «владение крестьянством орудиями производства является – и исторически, и логически – исходным пунктом именно капиталистического производства»⁵². Вместе с тем это не означает, что там, где мы находим крестьянское хозяйство, владеющее орудиями производства, есть уже зародыши капитализма. Видимо, вряд ли необходимо столь прямолинейно трактовать и буржуазную природу крестьянства, ибо крестьянская земельная собственность, послужившая основой буржуазной земельной собственности, вырабатывалась, по словам Ленина, в течение всей феодальной эпохи⁵³.

Думается, что ликвидация крепостничества в эпоху господства феодализма еще отнюдь не означала бы открытие путей развития капитализма. Интересны размышления Маркса на этот счет, содержащиеся в «Нищете философии». Суть их сводится к тому, что именно режим антагонизма порождает новый класс буржуазии и развивает его до того момента, когда он преобразует социальный строй. Преждевременная ликвидация этого антагонизма чревата и гибелью растущего класса, ибо антагонизм, «порождая борьбу, создает движение, которое образует историю». «Если бы в эпоху господства феодализма экономисты» поставили задачу «устранить все то, что является теневой стороной» феодализма – «крепостное состояние, привилегии, анархию», то «все элементы, порождающие борьбу, были бы уничтожены, развитие буржуазии было бы пресечено в самом зародыше»⁵⁴. Оценка общественно-экономической сущности крестьянских войн XVII–XVIII вв. в целом как борьбы за уничтожение феодального строя и расчистку пути для развития капитализма означает присвоение им задачи ликвидации режима антагонизма как раз в тот момент, когда буржуазии как класса в России еще

не существует. Это еще раз показывает, что подобная постановка вопроса по сути своей повторяет давнишние рассуждения о крестьянских войнах как разновидности буржуазной революции.

В литературе постановка вопроса об общественно-экономической сущности крестьянских войн применительно к классовой борьбе крестьянства феодальной эпохи в целом иногда тесно увязывается с весьма условной альтернативой: борьба «за» или борьба «против». Б.Ф. Поршнев в свое время высказал мысль о том, что антифеодальная борьба несет в себе главным образом идею отрицания существующего строя, это борьба не столько «за», сколько «против»⁵⁵. Такая оценка вполне справедлива, ибо отражает закономерности многовековой борьбы эксплуатируемых масс трудящихся, в которой элемент отрицания, элемент разрушения господствующих порядков всегда преобладал, и в этом одно из отличий классовой борьбы феодального крестьянства от революционного движения. Однако в качестве возражения Б.Ф. Поршневу приводятся следующие доводы: «Но за что борется восставшее крестьянство? Ведь всякая борьба против чего-то является одновременно борьбой за что-то»⁵⁶. Борьбой «за» считается лозунг «земли и воли», а целью восставших – установление порядков казачьего круга. Но лозунг «земля и воля», согласно ленинской оценке, даже в период буржуазно-демократической революции нес в себе преимущественно отрицание. «Крестьянская масса требует земли стихийно, – писал Ленин, – будучи угнетаема крепостническими латифундиями и не связывая никаких сколько-нибудь точных экономических представлений с переходом земли к народу. У крестьянина есть только вполне назревшее, выстраданное, так сказать, и закаленное долгими годами угнетения требование обновить, укрепить, упрочить, расширить мелкое земледелие, сделать его господствующим, и только. Крестьянину рисуется только переход помещичьих латифундий в его руки; крестьянин облекает смутную идею единства всех крестьян, как массы, в этой борьбе словами о народной собственности на землю... Экономическая необходимость уничтожить помещичье землевладение, *уничтожить также “путь” надельного землевладения*, – вот какие отрицательные понятия исчерпывают *крестьянскую* идею национализации. Какие формы землевладения окажутся необходимыми впоследствии для обновленного мелкого хозяйства, переварившего, так сказать, помещичьи латифундии, об этом крестьянин не думает»⁵⁷. Так Ленин ставил вопрос о крестьянской борьбе «за» в ноябре – декабре 1907 г.

Вот почему в гораздо более ранние времена, в эпоху крестьянской войны под предводительством Болотникова в конечном итоге четко наметился процесс возрождения форм феодального

землевладения и правопорядка⁵⁸. И в восстании под предводительством Пугачева проступали те же тенденции (тителатура, церемониал, структура управления). В манифесте 31 июля 1774 г. Пугачев жаловал крестьян «быть верноподданными рабами собственной нашей короне», что означает перевод на положение государственных крестьян⁵⁹. Все это были реальные исторические тенденции, обусловленные как уровнем стихийной классовой борьбы крепостного крестьянства, так и отсутствием в России той эпохи буржуазии. Вряд ли правы ученые, которые утверждают: «Было бы ошибочным полагать, что повстанческие учреждения являлись простым сколком с органов царской власти», это «сходство было чисто формальным»⁶⁰. Отсутствие класса буржуазии, еще не взращенного режимом антагонизма, преобладание в крестьянском сознании стремления к разрушению существующего строя, невозможность для крепостного крестьянства найти самостоятельно выход из положения – все это в конечном счете закономерно приводило к появлению тенденций феодального перерождения. Это была борьба против феодализма, ведущаяся в конечном счете средствами того же феодального общества.

Остановимся на интерпретации в историографии ленинской оценки крестьянского лозунга «земли и воли» как буржуазного⁶¹. Аргументируя буржуазность этого лозунга и буржуазность аграрного переворота в России начала XX в., Ленин прежде всего исходил из существования в России конца XIX – начала XX в. капиталистического строя, из того, что всем ходом экономического развития в эпоху буржуазно-демократической революции поставлен вопрос не о развитии капитализма вообще, а «другой, высший вопрос»: об «американском» или «прусском» пути развития капитализма⁶². Исходным моментом классовой сущности крестьянства в то время являлось господство в экономике всей страны товарного производства, рынка, капитализма. Именно этим фактом была продиктована задача крутой ломки старого средневекового земледелия.

Буржуазный характер этой ломки Ленин мотивировал прежде всего реальным ходом экономического развития: «Ломка во всяком случае и во всех ее формах не может не быть, по своему содержанию, буржуазной, так как вся хозяйственная жизнь России уже буржуазна, и землевладение непременно подчинится ей, непременно приспособится к велениям рынка, к давлению всемогущего в нашем теперешнем обществе капитала»⁶³. Это определило оценку Лениным крестьянства России как буржуазного (мелкобуржуазного). К крестьянству феодальной эпохи это никакого отношения не имеет. Суть ошибки меньшевиков была в том, что они «просмотрели, прозевали исторически реальное и

прогрессивное историческое содержание народничества, как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего»⁶⁴. «Крестьянин потому и борется так энергично против крепостнических латифундий, что он является в настоящий исторический момент представителем свободной капиталистической эволюции земледелия». В этих условиях, писал Ленин, «наша задача – уяснение себе и народу действительного демократического и революционного содержания, которое кроется за всеобщим, но туманным стремлением к земле и воле»⁶⁵. Таким образом, речь шла о революционно-демократическом содержании лозунга «земли и воли» в условиях развивающегося капитализма. «Реально в этом понятии не то, что крестьяне думают или народники говорят, а то, что вытекает из экономических отношений данного общества», «борьба за землю, борьба за свободу есть борьба за условия существования буржуазного общества»⁶⁶.

Можно ли механически переносить буржуазный характер лозунга «земля и воля» в XVII и XVIII вв.? Вероятно, правильнее здесь говорить лишь об «инстинктивном, первобытном демократизме», который «не может выразиться иначе как в наложении руки на помещичью землю»⁶⁷. Но ведь целый исторический период отделяет туманные демократические стремления крестьян от реализации аграрного переворота. Была ли «крестьянская линия» экономически возможна в XVII–XVIII вв. – в ту эпоху, когда буржуазия не сложилась как класс, когда купечество, представив наказы в Уложенную комиссию, вкупе с дворянством и духовенством огласило страну, по словам С.М. Соловьева, «дружным и страшно-печальным криком: «рабов»⁶⁸? Ленин в период русских буржуазно-демократических революций подчеркивал, что «крестьянская линия» экономически возможна лишь как «победа одного элемента буржуазного общества над другим»⁶⁹, т.е. что непременным условием реализации «крестьянской линии» является наличие буржуазного общества и крестьянства как одного из его элементов.

Когда же самим ходом экономического развития вопрос о «земле и воле» был поставлен как вопрос буржуазного развития? Ленин отвечал на это так: «Вся история XIX века в России, весь “ход русской жизни” выдвинули этот вопрос, сделали его злободневным и злободневнейшим, это отразилось и на всем законодательстве России»⁷⁰. Иначе говоря, это период кризиса феодально-крепостнической системы; в этот период стихийное крестьянское движение, порожденное режимом антагонизма производственных отношений, объективно совпадает с потребностями экономического развития страны, и не случайно, что в это время в

России и зарождается буржуазно-демократическое, революционное движение.

Упрощенным подходом к социальной природе исторических явлений объясняется и тезис об объективном существовании в повседневной борьбе крестьян XVII–XVIII вв. такого направления, как борьба за гражданские права⁷¹. В обоснование данного тезиса приводятся такие факты, как выход крестьянских общин из-под контроля властей дворцового ведомства, включая и вотчинные управления, действия крестьян, направленные на переход из одной группы в другую (помещичьи и монастырские крестьяне XVIII в. старались стать дворцовыми или государственными)⁷². Но ведь борьба в защиту сословных прав и за переход из одной феодальной категории в другую феодальную же категорию практически целиком ограничена сферой феодальных производственных отношений.

Ставя вопрос об объективной общественно-экономической сущности повседневной борьбы крестьян против эксплуатации и гнета, т.е. ставя его в теоретическом, общеисторическом, абстрактно-логическом аспекте, некоторые авторы, видимо, неправомерно используют терминологию совершенно иной системы измерений, беря на вооружение конкретно-исторические формы буржуазной борьбы против феодализма, формы, порожденные конкретными политическими теориями. Объективно это ведет к утрате историзма при изучении явлений классовой борьбы крестьянства XVII–XVIII вв. Оно оценивается при этом, в сущности, как класс уже буржуазный (мелкобуржуазный), как класс, способный объективно, ходом самой стихийной борьбы ставить назревшие в обществе конкретные вопросы политической борьбы. Только исходя из таких представлений, можно считать, что крепостное крестьянство России XVII–XVIII вв., по сути дела, боролось за гражданские, политические свободы: право выбора, право голоса, т.е. практически мало чем уступало французской буржуазии кануна революции 1789 г.⁷³ Получается, что реальный ход этой борьбы неизбежно приведет к завоеванию подобных прав крестьянством, независимо от того, сознают это сами крестьяне или нет. Здесь снова своего рода предопределенность хода исторического развития: раз был генезис капиталистических отношений (даже в зачатках), то классовая борьба сама собой («объективно») приобретает буржуазный характер. В итоге она из движущей силы превращается в следствие.

Вместе с вышеприведенным тезисом борьбы за гражданские права в отдельных работах проступают и тенденции к преувеличению уровня сознательности массы крестьянства России XVII–XVIII вв. В такой документации, как крестьянские челоби-

тия, содержались, по мнению некоторых исследователей, «не только жалобы на тяжелую жизнь, но разбирались вопросы политического и правового положения крепостных», в наказах в Уложенную комиссию 1767 г. «по существу формировалась экономическая и политическая программа крестьянства», «крестьянство выступало в Комиссии со своей весьма определенной программой, которая как бы подводила итог борьбе за предшествующее время и одновременно намечала и направление будущих требований»⁷⁴. Вспомним в связи с этим оценки, которые Ленин давал крестьянской массе эпохи первой буржуазно-демократической революции. «Эта революция, – писал он, – впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу», «на смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся “начальства” крепостному крестьянину выросло новое поколение крестьян»⁷⁵. Ленин писал, что весну 1905 г. о знаменовало «пробуждение первого крупного не только экономического, но и политического крестьянского движения в России»⁷⁶.

В ряде случаев в литературе крестьянское движение в России XVII–XVIII вв. фактически отождествляется с демократическим (буржуазно-демократическим)⁷⁷. Особенно четко это обнаруживается в тезисе, выдвинутом в последние годы, что крестьянским войнам присуща идеологическая борьба⁷⁸. Не касаясь общих проблем крестьянской идеологии, заметим, что в контексте вопросов классовой борьбы тезис об идеологической борьбе, по существу, понимается здесь как осознанная и реализованная крестьянством способность политического противостояния господствующему классу, как форма проявления политической сознательности крестьянства. Ленин же, как известно, писал, что «демократическое движение отличается от простого “бунта” как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей»⁷⁹, т.е. демократическое или буржуазно-демократическое движение является движением политическим; в отличие от стихийного крестьянского восстания оно обладает революционной идеологией. Если крестьянским войнам XVII–XVIII вв. также свойственна идеологическая борьба, то в таком случае и они являются движением демократическим, точнее, буржуазно-демократическим. Такова логика.

В эпоху первой буржуазно-демократической революции в России Ленин специально подчеркивал: «В крестьянском движении масса темноты, бессознательности, и было бы крайне опасно строить себе на этот счет какие-либо иллюзии. Темнота мужика выражается прежде всего в непонимании политической стороны

движения, – в непонимании, например, того, что без коренных демократических преобразований во всем политическом строе всего государства совершенно невозможны никакие прочные шаги по пути расширения землевладения»⁸⁰. О какой идеологической, т.е. политической, борьбе могла идти речь в XVII–XVIII вв., когда, по словам Маркса, в России «сами крепостные предпочитали простейшее толкование проблемы освобождения. В их понимании освобождение означало старый порядок вещей за вычетом их старых господ»⁸¹. Такое понимание борьбы Ленин называл пониманием «по-юродивому»⁸².

Невольно подняв крестьянство второй половины XVII–XVIII в. до уровня буржуазного (мелкобуржуазного), а его стихийное движение той поры до уровня демократического (буржуазно-демократического), ряд авторов неизбежно приходит и к преувеличению классового антагонизма в среде крестьянства. Как известно, Ленин писал, что «неразвитость классовых противоречий в народе вообще, в крестьянстве особенно, есть неизбежное явление в эпоху демократической революции»⁸³. Причина этого кроется в необычайном накале противоречия между феодализмом и капитализмом. А между тем иногда (когда речь идет о второй половине XVII–XVIII в.) некоторые авторы находят возможным считать, что «зарождение буржуазных отношений усложняло классовые противоречия в стране. Наряду с антифеодальной, “первой” социальной войной в деревне проявляется начальная фаза “второй” социальной войны – против новых форм эксплуатации». «Борьба внутри крестьянского “мира” проходила повсеместно, охватывая не только районы, населенные государственными крестьянами». «Борьба между угнетенными и трудовыми слоями деревни усилилась в XVIII столетии. Гнев крестьян направляется не только против господствующего класса, но и против эксплуататоров из своей же среды»⁸⁴.

В Западной Европе в конце указанной эпохи, по словам Энгельса, «конфликты, возникающие из нового общественного порядка, еще только зарождались», там в конце XVIII – начале XIX в. «капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты». Маркс в «Классовой борьбе во Франции с 1848 по 1850 гг.» отмечал, что «борьба против капитала в ее развитой, современной форме, в ее кульминационной фазе, борьба промышленного наемного рабочего против промышленного буржуа, является во Франции не повсеместным фактом»⁸⁵. Эти глубокие исторические оценки уровня классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией в Западной Европе конца XVIII – первой половины XIX в. расходятся с утверждениями, аналогич-

ными приведенным выше. Разве достаточно одного лишь «появления» или «усиления» «буржуазных элементов», чтобы возникла начальная фаза «второй социальной войны»? При этом даже не ставится вопрос о неразвитости противоречий эксплуататоров и эксплуатируемых на первых, самых начальных стадиях развития капиталистического способа производства.

По этому поводу Ленин писал, что «с классом может бороться только другой класс, и притом непременно такой, который вполне уже “дифференцирован” от своего врага, вполне противоположен ему». Уместно вспомнить, что он считал четкую поляризацию эксплуататоров и эксплуатируемых характерной лишь для мануфактурной стадии развития промышленности. До этого «зависимость от капитала и работа по найму... ни в какую прочную форму еще не отливались», а «разница между хозяином и рабочим сравнительно мала»⁸⁶. Таким образом, если принять мнения, приведенные выше, то мы столкнемся с невероятной ситуацией, когда в конце XVIII столетия в промышленности России лишь формируется капиталистический уклад (что означает далеко не повсеместное распространение мануфактуры), а в сельском хозяйстве уже существует четкая «дифференциация» сельского пролетария от сельской буржуазии, поскольку налицо начальная фаза «второй социальной войны». Если в XVII–XVIII вв. (и даже в более поздний период) социальные конфликты между богатыми крестьянами и деревенской беднотой и возникали, то они еще не были той классовой борьбой, которая именуется начальной фазой «второй социальной войны», так как не вычленились из общего потока борьбы крепостных против крепостников. Логически и исторически XVII, XVIII и XIX столетия – это эпоха антифеодальной борьбы. Ленин даже период первой буржуазно-демократической революции в России назвал «эпохой крестьянских восстаний против феодализма»⁸⁷. Он акцентировал внимание на том, что «в конкретной исторической обстановке переплетаются элементы прошлого и будущего... Наемный труд и его борьба против частной собственности есть и при самодержавии, он зарождается даже при крепостном праве. Но это нисколько не мешает нам логически и исторически отделять крупные полосы развития»⁸⁸. Таким образом, при исследовании классовой борьбы и социально-экономического развития России XVII–XVIII вв. отдельные факты наемного труда и капиталистических отношений не должны мешать правильному выделению (логически и исторически) «крупных полос развития», основных исторических этапов. Иначе мы рискуем впасть в неверное понимание закономерностей исторического развития.

Охарактеризованные выше высказывания о крестьянских войнах в России и классовой борьбе крестьянства в XVII–XVIII вв. чреваты переоценкой крестьянства как самостоятельной общественной силы, детерминирующей переход от одной формации к другой. Думается, что это обусловлено как преувеличением уровня социально-экономического развития страны в XVII–XVIII вв., так и упрощенной однозначной трактовкой классовой борьбы. Социально-экономическая природа крестьянина, его двойственность диалектически связаны с соответствующими чертами, характеризующими его классовую борьбу: распыленностью и раздробленностью, отсталостью и темнотой, классовой ограниченностью его солидарности в борьбе, неспособностью идти в этой борьбе до конца, стремлением ограничить ее достижением узких, локальных целей и т.д. С этими чертами по-разному коррелируют разные формы классовой борьбы.

Здесь уместно напомнить, что российское крестьянство дольше, чем какое-либо другое в Европе, обладало таким фактором защиты своих классовых интересов, как община. Класс феодалов, заинтересованный в общине, прежде всего как в «форме земледельческого производства», вынужден был принять общину и как осколок первобытного коммунизма с его развитым началом коллективизма. Эта неизбежная в условиях России «уступка» непосредственным производителям позже была, так сказать, компенсирована крепостным режимом. Энгельс указывал, что «осколок настоящего родового строя в форме общины-марки» дал «угнетенному классу, крестьянам, даже в условиях жесточайших крепостнических порядков средневековья, локальную сплоченность и средство сопротивления»⁸⁹.

В числе многих аспектов проявления своей роли община в эпоху феодализма выступала и как инструмент классовой борьбы. Отсутствием в феодальной России пауперизированного крестьянства как крупного исторического явления мы обязаны именно общине – инструменту классовой борьбы и классового сопротивления. Поэтому центр тяжести классовой борьбы российского крестьянства (как феодального сословия) вплоть до 1861 г. был более или менее ограничен сферой влияния главным образом общины и общинных интересов. Поскольку община была формой компромисса двух форм собственности, здесь двойственная природа крестьянина была как бы нейтрализована, а это обуславливало активность борьбы крестьян на основе общины. Эта борьба была многовековой, преимущественно локальной (и территориально и в плане сплоченности) борьбой крестьян в разных ее проявлениях за землю, против феодальной ренты, повинностей и налогов. Неизменной ее целью было отстаивание

крестьянского хозяйства как основной ячейки производства. Поступательное развитие крестьянского хозяйства, в наиболее широком его значении, и обеспечение исторически приемлемых условий его воспроизводства – важнейший объективный итог классовой борьбы крестьянства в эпоху феодализма. Этот аспект наиболее существен в реализации классовой борьбы как двигателя исторического развития, поскольку эта борьба является «фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов»⁹⁰.

Превращение такой борьбы в массовое явление объективно приводило к кризисам национального масштаба. По словам Энгельса, «война между классами происходит независимо от того, ведутся или нет действительные военные действия, и она не всегда нуждается в баррикадах и штыках для своего ведения»⁹¹. Вероятно, именно эту стихию локальной классовой борьбы и непрерывного классового сопротивления крестьянства феодальной эпохи прежде всего имели в виду создатели «Манифеста Коммунистической партии», давая общую оценку классовой борьбы как ведущей силы исторического процесса⁹². Именно эту стихийную лавину локальной борьбы, сочетающейся с массовым пассивным сопротивлением, имел в виду Ленин, когда писал о высшей ступени стихийной борьбы крестьян. «Неплатеж податей, беда рекрутов, бойкот властей», по его словам, неизбежно несут в себе «хаотичность». «Но этот хаос создает порядок – порядок революции, эту высшую ступень хаотических, стихийных народных взрывов»⁹³. Не случайно, имея в виду необузданность революционной стихии крестьянства, Энгельс называл его «боевой армией» буржуазных революций («восстаний буржуазии») ⁹⁴, армией, на которую буржуазия возложила миссию разрушения феодализма.

Вместе с тем в России в период позднего феодализма наступали моменты, когда реальный антагонизм классов достигал своего крайнего предела и перерастал ограниченные формы локальной борьбы крестьян, вызывая к жизни новые, более совершенные и самые острые формы борьбы и прежде всего крестьянские войны. Крестьянские войны – явления особого рода: это гражданские войны средневековья, выражавшие наивысшую, доведенную до точки кипения остроту классового антагонизма при низком политическом уровне классовой борьбы, когда стремление к разрушению господствующего строя объективно-исторически суть лишь субъективные устремления составших. В крупнейших сражениях народных масс остро проявлялась неукротимая вражда крестьян к помещикам, те «горы ненависти, злобы и отчаянной решимости»⁹⁵, о которых писал

Ленин. Эти движения были проявлением грозной стихии социального антагонизма классов⁹⁶.

Следует заметить, что во многих работах по истории классовой борьбы средневековья проблема стихийности трактуется лишь как альтернатива сознательности. Однако Ленин, как известно, придавал огромное значение стихийному характеру движения независимо от уровня его сознательности. «Стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости»⁹⁷. Несмотря на всю очевидность огромной и грозной силы стихии крестьянских движений, диалектика развития (и это важно подчеркнуть) была такова, что при переходе к более резким, к более острым формам открытой, вооруженной классовой борьбы сильнее всего и глубже всего проявлялась двойственная природа крестьянства и черты исторической ограниченности его борьбы. Думается, что именно это имели в виду основоположники марксизма-ленинизма в многочисленных оценках крупных выступлений крестьянства в эпоху феодализма.

Крестьянские войны в России – территориально обширном государстве, объективно создававшем условия для периодической аккумуляции и последующего взрыва гигантской социальной энергии протеста, отличались необычайным масштабом, силой и буквально потрясали существующий строй. Это были выдающиеся события мировой истории, и в этом их огромное историческое значение. Невиданный размах, чрезвычайная острота, ожесточенность борьбы и беспримерное мужество крестьян в этих войнах оказывали решающее влияние на формирование крестьянской психологии, способствуя вызреванию в ней черт антифеодального характера. Крестьянские войны сами по себе и обусловленные ими процессы формирования самосознания крестьянства давали мощный толчок развитию в любых исторических обстоятельствах непрерывного пассивного сопротивления крестьянских масс гнету феодалов и различного рода локальных форм борьбы. Иначе говоря, крестьянские войны, несмотря на необычайно длительные периоды их вызревания, были постоянным импульсом в активизации энергии классового сопротивления народных масс. Они являлись тем маяком, который давал нередко целым поколениям крестьян заветную надежду на свободу и силы для сопротивления. Отсюда ясно, почему в сознании крестьянства, в самых скрытых уголках народной памяти веками не угасали воспоминания о легендарных крестьянских вожаках. Таково диалектическое единство грандиознейших, но отдаленных друг от друга на десятилетия и даже века крестьянских войн и повседневной многотрудной борьбы и сопротивления крестьян гнету феодалов-крепостников. Несмотря на присущие крестьянству как классу внутренние проти-

воречия, двойственность социальной природы мелкого производителя, на то, что каждая попытка вырвать свободу, как правило, кончалась неудачей, режим классового антагонизма вновь и вновь вызывал на историческую арену антифеодальные выступления крестьянства, образуя в рамках феодальной формации непрерывный процесс то скрытой, то открытой и ожесточенной классовой борьбы. Разумеется, воздействие классовой борьбы крестьянства не было однозначным и меньше всего выражалось в каких-либо непосредственных уступках угнетенному классу. Это воздействие идет сложнейшими путями. Оно проявлялось, в частности, в том, что эта борьба вынуждала господствующий класс «к более активному движению возглавляемого им общества»⁹⁸, способствуя интенсивной отдаче потенциальных ресурсов господствующего способа производства и доводя поляризацию основных классов общества до его логического завершения. В этом плане даже реакция после крестьянских поражений опосредствованно приближала исторический крах феодального общества. Говоря о крестьянских войнах в России, следует особо выделить огромное историческое значение последней войны 1773–1775 гг.⁹⁹ Страх «пугачевщины» стал поистине грозной социальной силой, оказывая существенное влияние не только на политику, но и на психологию господствующего класса. Отчаянную решимость, героизм и беспощадность мужицкого войска Пугачева помещицыя Россия не могла забыть вплоть до падения крепостного права. Необычная длительность этого социального воздействия объясняется тем, что в XIX в. отголоски последней крестьянской войны накладывались на стихийную локальную борьбу и пассивное сопротивление крестьянства в период разложения и кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства. Именно стихия массового пассивного и активного крестьянского сопротивления и борьбы многократно усиливала социальное воздействие этой крестьянской войны на общество. В этом отчетливо сказывается то, что крестьянское движение в эпоху феодализма, различаясь по формам и остроте, в целом составляло единый этап классовой борьбы. Классовая борьба крестьянства и особенно крестьянские войны, как известно, были и той основой, на которой формировалась революционная общественная мысль и в конечном счете вызревало революционное движение.

¹ Переход от феодализма к капитализму в России: Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 33. (Коллективный доклад, подготовленный И.Ф. Гиндиным, Л.В. Даниловой, И.Д. Ковальченко, Л.В. Миловым, А.П. Новосельцевым, Н.И. Павленко /ответств. ред./, М.К. Рожковой, П.Г. Рындзюнским.)

- ² Такое понимание нашло отражение и в статье «Крупный вопрос исторического материализма», где отмечается, что «даже в периоды наивысшего подъема борьбы эксплуатируемых против рабовладельцев и феодалов-крепостников подлинно исторические по своим масштабам и значению действия не имели ни ясной общей цели и перспективы, ни продуманной программы и большей частью не выходили за рамки тех общественных отношений, которые порождали их протест» (Коммунист. 1979. № 18. С. 27).
- ³ Переход от феодализма к капитализму в России. С. 156–158, 250, 408–409 и др.
- ⁴ Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России // Вопр. истории. 1964. № 12.
- ⁵ Переход от феодализма к капитализму в России. С. 333.
- ⁶ Рындзюнский П.Г., Рахматуллин М.А. Некоторые итоги изучения крестьянской войны в России 1773–1775 гг. (К выходу в свет завершающего тома трехтомника «Крестьянская война в России в 1773–1775 годах. Восстание Пугачева». Т. 1–3. Л., 1961–1970) // История СССР. 1972. № 2; Ковальченко И.Д., Сахаров А.М. Итоги и задачи изучения аграрной истории России в современной советской историографии // Сельское хозяйство и крестьянство СССР в современной советской историографии (Материалы XVI сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Кишинев. 1976). Кишинев, 1977; Белявский М.Т. Некоторые итоги изучения идеологии участников Крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // Вестн. МГУ Сер. История. 1978. № 3.
- ⁷ Буганов В.И. Советская историография Крестьянской войны под предводительством Е.И. Пугачева // Вестн. АН СССР. 1974. № 9. С. 79.
- ⁸ Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачева. Т. 3. С. 457; см. также: Мавродин В.В. Основные проблемы Крестьянской войны в России 1773–1775 гг. // Вопр. истории. 1964. № 8. С. 65–67; Он же. Ленин о классовой борьбе крестьянства в феодальной России // В.И. Ленин и историческая наука. Л., 1970. С. 10; Он же. По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974. С. 36; Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. М.; Л., 1966. С. 308.
- ⁹ Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения. С. 269.
- ¹⁰ В цитируемых формулировках слом феодального строя фигурирует как объективная функция, объективная задача крестьянских войн, независимо от того, желали ли авторы определений придать им такой смысл, и вместе с тем для аргументации привлекаются и факты субъективных устремлений восставших.
- ¹¹ Покровский М.Н. К вопросу о пугачевщине // Историк-марксист. 1932. N 1/2. С. 75.
- ¹² Пионтковский С. Историография крестьянских войн в России // Историк-марксист. 1933. № 6. С. 115; Симонов С. Пугачевщина. Третья крестьянская революция в России. М., 1931. С. 140.
- ¹³ Пионтковский С. Указ. соч. С. 116.

- ¹⁴ Мавродин В.В. Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII веков // *Вопр. истории*. 1961. № 5. С. 46.
- ¹⁵ Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В. Указ. соч. С. 311; см. также Мавродин В.В. Историческое значение крестьянских войн в России // *Методологические вопросы общественных наук*. Л., 1968. С. 199–200.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 182–183.
- ¹⁷ Там же. Т. 8. С. 207–208.
- ¹⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 451. Примеч.
- ¹⁹ Там же. Т. 3. С. 312. Примеч.
- ²⁰ Там же. Т. 28. С. 484.
- ²¹ Там же. Т. 34. С. 41.
- ²² Мавродин В.В. Основные проблемы крестьянской войны в России 1773–1775 гг. С. 61–62; *Он же*. Крестьянские войны в России. М.; Л., 1966. С. 290; *Он же*. Историческое значение крестьянских войн в России. С. 201; *Он же*. К характеристике крестьянской войны 1773–1775 гг. в России // *Вестн. ЛГУ*. № 14. История. Яз. Лит. 1974. Вып. 3. С. 30. В перечисленных работах В.В. Мавродин повторяет и развивает мысли С.Г. Томсинского: «Борьба велась не во имя облегчения налогового бремени, не за уменьшение размеров эксплуатации, а за радикальное изменение системы общественных отношений» (*Томсинский С.Г. Крестьянские движения в феодально-крепостнической России*. М., 1932. С. 88; см.: *Он же*. Очерки по истории феодально-крепостнической России. Ч. I. Крестьянские войны в эпоху образования империи. М.; Л., 1934. С. 197, 281).
- ²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 437.
- ²⁴ Мавродин В.В. Основные проблемы Крестьянской войны в России 1773–1775 гг. С. 62; Буганов В.И. Указ. соч. С. 79.
- ²⁵ Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. I. С. 274.
- ²⁶ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 40–41.
- ²⁷ Там же. Т. 35. С. 192.
- ²⁸ Там же. Т. 34. С. 40–41.
- ²⁹ Там же. Т. 16. С. 454.
- ³⁰ Там же. Т. 19. С. 140.
- ³¹ Там же. Т. 11. С. 205.
- ³² Там же. Т. 27. С. 127.
- ³³ Там же. Т. 38. С. 366.
- ³⁴ Там же. Т. 39. С. 82.
- ³⁵ Там же. Т. 35. С. 230.
- ³⁶ Там же. Т. 34. С. 215.
- ³⁷ «Революция есть самая острая, бешеная, отчаянная классовая борьба и гражданская война. Ни одна великая революция в истории не обходилась без гражданских войн» (Там же. С. 320–321).
- ³⁸ Там же. Т. 16. С. 332–333, 331.
- ³⁹ Меерсон Г.Е. Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина) // *Вестн. Коммунистической академии*. 1925. Кн. XIII. С. 106; Симонов С. Указ. соч. С. 5, 8; Исторический сборник. Т. I. Л., 1934. С. 299.
- ⁴⁰ Тхоржевский С.И. Крестьянство и пугачевщина. К вопросу о социальном содержании пугачевщины // *Зап. науч. об-ва марксистов*. 1928. № 4. С. 73.
- ⁴¹ Исторический сборник. Т. I. С. 286–287.

- 42 *Меерсон Г.Е.* Указ. соч. С. 106.
- 43 *Тхоржевский С.И.* Пугачевщина в помещичьей России (восстание на правой стороне Волги в июне – октябре 1774 года). М., 1930. С. 177.
- 44 *Пионтковский С.* Указ. соч. С. 118.
- 45 Исторический сборник. Т. I. С. 290.
- 46 *Маковский Д.П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967. С. 468, 470–472, 477, 482.
- 47 *Мавродин В.В.* Советская историческая литература о крестьянских войнах в России XVII–XVIII вв. С. 46.
- 48 Там же; см. также *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 316.
- 49 *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 311; см. об этом же *Пионтковский С.* Указ. соч. С. 116.
- 50 *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 312; см. также *Мавродин В.В.* Историческое значение крестьянских войн в России. С. 204.
- 51 *Смирнов И.И., Маньков А.Г., Подъяпольская Е.П., Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 290.
- 52 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 204.
- 53 Там же. Т. 20. С. 334; Т. 15. С. 228; Т. 1. С. 281.
- 54 *См. Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 4. С. 143.
- 55 *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 313.
- 56 *Мавродин В.В.* Историческое значение крестьянских войн в России. С. 204.
- 57 *См. Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 272. Весьма важными представляются также мысли Ленина о соотношении позитивных и негативных сторон идеологии у народников (Там же. С. 273).
- 58 *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 272–273, 275, 277.
- 59 Пугачевщина. Т. I. М.; Л., 1926. С. 40.
- 60 *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. С. 268.
- 61 *Мавродин В.В.* Историческое значение крестьянских войн в России. С. 204; *Он же.* Основные проблемы Крестьянской войны в России 1773–1775 годов. С. 65; *Он же.* По поводу характера и исторического значения крестьянских войн в России. С. 43.
- 62 *См. Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 47. С. 228.
- 63 Там же. Т. 21. С. 310.
- 64 Там же. Т. 47. С. 228–229.
- 65 Там же. Т. 16. С. 239; Т. 9. С. 345.
- 66 Там же. С. 274; Т. 15. С. 205.
- 67 Там же. Т. 9. С. 357.
- 68 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. 3-е изд. СПб. Т. XXVII, кн. 6. С. 378.
- 69 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 16. С. 255.
- 70 Там же. Т. 23. С. 86.
- 71 Критику такой постановки вопроса см. *Ковальченко И.Д., Сахаров А.М.* Указ. соч. С. 85.
- 72 *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России. С. 47–49.

- ⁷³ *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Основные направления классовой борьбы русского крестьянства в XVII–XVIII вв. Тез. докл. и сообщ. шестой сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе (сентябрь, 1963 г.). Вильнюс, 1963. С. 150.
- ⁷⁴ *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России. С. 48; *Они же.* Народные движения в России XVII–XVIII вв. и абсолютизм // *Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.).* М., 1964. С. 77; *Они же.* Лозунги и требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. С. 260, 262.
- ⁷⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 20. С. 141.
- ⁷⁶ Там же. Т. 30. С. 315.
- ⁷⁷ При обсуждении статьи «Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России» в редакции «Вопросов истории» Е.В. Чистякова и П.Г. Рындзюнский отмечали, что в статье крестьянское движение в XVII–XVIII вв. трактуется как имеющее «мелкобуржуазный, даже буржуазный и крупнобуржуазный характер» (см. *Вопр. истории.* 1965. № 1. С. 166).
- ⁷⁸ *Буганов В.И.* Прокламация С.Т. Разина и его сподвижников – памятник идеологической борьбы в годы второй Крестьянской войны в России // *Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения.* С. 287–288.
- ⁷⁹ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 171.
- ⁸⁰ Там же. Т. 9. С. 357.
- ⁸¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 15. С. 185.
- ⁸² *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 211.
- ⁸³ Там же. Т. 11. С. 284.
- ⁸⁴ *Индова Е.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Классовая борьба крестьянства и становление буржуазных отношений в России. С. 29, 51, 53.
- ⁸⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 268; Т. 7. С. 17.
- ⁸⁶ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 364; Т. 3. С. 435.
- ⁸⁷ Там же. Т. 19. С. 361.
- ⁸⁸ Там же. Т. 11. С. 74.
- ⁸⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 155.
- ⁹⁰ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.
- ⁹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 8. С. 233.
- ⁹² Там же. Соч. Т. 4. С. 424.
- ⁹³ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 14. С. 40.
- ⁹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 308.
- ⁹⁵ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 211.
- ⁹⁶ Наивысшее обострение антагонизма классов, на наш взгляд, необязательно связано с однозначным усилением эксплуатации непосредственных производителей. География и периодичность возникновения крестьянских войн позволяют высказать предположение, что их вспышки вызваны главным образом экспансией феодализма на новые территории. Острейший социальный антагонизм возникал там, где народные массы оказывались под гнетом феодализма вторично. Острота конфликта обуславливалась именно тем, что они познали свободу. Разумеется, эта линия, эта тенденция обнаруживается довольно приблизительно и нуждается в дальнейшем исследовании.

⁹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.

⁹⁸ Ковальченко И.Д., Сахаров А.М. Указ. соч. С. 85; см. также Ковальченко И.Д. Крестьяне и крепостное хозяйство Рязанской и Тамбовской губерний в первой половине XIX века (К истории кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства). М., 1959. С. 261.

⁹⁹ Моменты, связанные с историческим значением крестьянских войн, и особенно последней войны 1773–1775 гг., всесторонне освещены в работах В.В. Мавродина (см. Мавродин В.В. Историческое значение крестьянских войн в России; и другие работы).

Опубл.: Вопр. истории. 1981. № 3. С. 34–52.

О ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ

Как известно, крепостничество в России существовало в течение многих столетий, составляя одну из коренных особенностей русского феодализма. Поэтому причины возникновения крепостничества, скорее всего, следует искать не столько в рамках тех или иных конкретно-исторических ситуаций (хотя их роль несомненна), сколько в факторах наиболее фундаментального характера, связанных с особенностями становления и развития феодальных отношений, в частности, феодальной земельной собственности и феодального хозяйства.

Формирование классового общества в Восточной Европе проходило под существенным воздействием специфичных природно-климатических условий, следствием чего явилось многовековое существование в России общины маркового типа. Основной причиной жизнеспособности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства. Именно в этом кроются ее большая внутренняя прочность и влияние.

В земледельческой общине маркового типа хозяйственные угодья (прежде всего пашня) первоначально были выделены общиной каждому крестьянскому хозяйству как надел, т. е. земля находилась лишь во владении крестьянина, срок которого мог быть либо ограниченным, либо безграничным.

Древнерусской общине в раннефеодальный период, а также в значительной мере в период развитого феодализма были присущи свои особенности. Небольшая плотность населения, усугубленная обширностью земельных просторов, обусловила вплоть до XIV–XV вв. преобладание малодворных деревень, где землепользование вполне еще обходилось без чересполосной организации полей, а следовательно, без земельных переделов. Вместе с тем в раннефеодальный период и даже позже в земледелии был сравнительно низкий уровень производительных сил, и гарантией успеха земледельца было одно лишь естественное плодородие почвы и благоприятные биоклиматические условия. Большая часть территории Древнерусского государства отличалась невысоким плодородием почв, а условия континентального климата восточноевропейских равнин были отнюдь не благоприятными. Это систематически вело к негативным последствиям, которые, помимо нестабильности урожаев, проявлялись либо в форме сильного засорения полей, либо быстрого их истощения. При об-

щем довольно низком уровне урожайности естественным и единственным реальным компенсационным актом была частая, если не регулярная смена участков пахотной земли. Отсюда вытекала необходимость постоянного подъема новой пашни, использования залежей и перелогов. Практика такого рода, видимо, на целые столетия отодвинула в древнерусском земледелии общинные земельные переделы, точнее, эквивалентом этих переделов была естественная нивелировка качества участков пахоты при выборе общинниками новых земель.

Постоянный подъем целины или перелогов сохранялся и при паровой системе земледелия. Подъем целины или залежи, или сведение леса были тяжелым и трудоемким видом сельскохозяйственного производства и требовали объединенных усилий нескольких хозяйств, а то и всей общины, т.е. кооперации¹.

Чрезвычайно важно отметить, что такие трудоемкие работы, как расчистка леса, лесных порослей, кустарников, должны были выполняться в максимально сжатые сроки ввиду необычайно напряженного бюджета рабочего времени земледельца Европейской России. В силу природно-географических условий этого региона так называемый рабочий период земледелия был существенно короче, чем у земледельца Западной Европы. Русский крестьянин не мог себе позволить длительное, растянутое на годы освоение целины или лесной поросли, как бывало много позже при несравненно более высоком уровне агрикультуры, в частности, в XVIII в. Это и диктовало целесообразность применения большой массы труда в ограниченный промежуток времени.

Таким образом, несмотря на то, что почти весь цикл земледельческих работ был объектом индивидуального, парцелльного труда крестьянского двора или малой семьи, ключевые моменты этого цикла (например, подъем целины) были связаны с производственными усилиями, по крайней мере, нескольких хозяйств.

Вероятнее всего, именно эти факторы, обусловленные прежде всего природно-географической спецификой, и объясняют жизнестойкость древнерусской общины, просуществовавшей многие столетия (отнюдь не только в силу одной лишь социальной традиции).

Сравнительно большая производственная роль древнерусской общины, в отличие от германского варианта марки, давала лишь простор развитию имущественной дифференциации, основывающейся главным образом на накоплении движимого имущества. Пауперизация, вероятно, была вызвана сравнительно низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве, а также в земледелии, когда крестьянское хозяйство могло погибнуть в силу множества факторов, в частности, от неблаго-

приятных проявлений природной стихии. Размах пауперизации сдерживался силами той же общины, а пауперизированный контингент поглощался другим мощным процессом, а именно, общественным разделением труда, отделением промышленности от земледелия и т.д. В Древней Руси вследствие этих причин аллод как исторически значимое явление не состоялся.

Процессы классообразования в древнерусском раннефеодальном обществе характеризовались по преимуществу не разложением общины, а развитием господствующего класса, опосредованным через рычаги государственного аппарата (например, в лице дружинного компонента), поскольку государственность в Древней Руси, по всей вероятности, развивалась как внутренняя потребность жизнедеятельности «нации», т.е. совокупности восточнославянских племен в период завершения разложения первобытнообщинного строя².

Эволюция господствующего класса древнерусского общества – это трансформация «слуг народа» в корпорацию господ над народом³, процесс необычайно медленный, занимавший многовековой период. По гипотезе академика Б.А. Рыбакова, элементы государственности в Среднем Поднепровье, на территории будущего ядра Киевского государства, могли возникнуть примерно в VI в.⁴ Лишь в завершающей фазе этот процесс был осложнен и ускорен волнами завоеваний соседних союзов племен и государственных образований, шедшими из исторического ядра Киевского государства.

В силу этого и феодальная эксплуатация в Древней Руси зародилась как эксплуатация земледельцев-общинников прежде всего государством. Наиболее ярким выражением этого было полюдь*, практика которого к X в., вероятно, имела уже давнюю традицию.

Важнейшим следствием названных процессов стал феномен очень сильной государственной власти, а отсюда – и весьма раннее обладание атрибутом верховной собственности на землю в пределах государственной территории. Личная зависимость крестьян-общинников в тот период проявлялась лишь в актах перераспределения земельных пространств вместе с населением из рук государства в руки тех или иных представителей господствующего класса.

Верховная собственность на землю находила свое реальное воплощение прежде всего в отчуждении определенной части со-

* Термин «люди» в Древней Руси в одном из своих значений был синонимом термина «государство». Отсюда «полюдь» может быть раскрыто как поездка по государству с государственными делами.

вокупного прибавочного продукта общинного крестьянства, что постепенно закреплялось обычно-правовыми традициями (и в этом, на наш взгляд, одно из отличий централизованного взимания ренты от взимания дани). Вместе с тем обычно-правовые отношения отражали и пределы господства класса эксплуататоров, опосредованного господством государственной власти. Это проявлялось, в частности, в том, что, получая феодальную ренту, государственная власть практически оставляла (была вынуждена оставлять) в руках общин всю полноту прав фактического владения (обладания) всеми земельными угодьями. Отсюда понятно, что единственно возможной формой феодальной ренты была рента-налог, или централизованная рента. Ее реальным выражением, как и всюду в раннефеодальных государствах, была валютно-денежная форма, в качестве же специфичных древнерусских форм централизованной ренты выступали валютно-натуральные формы (меха и т.п.).

Таким образом, на этой стадии развития реализовывался лишь формационно необходимый минимум компонентов феодальных производственных отношений. Видимо, поэтому данная фаза обычно квалифицируется в историографии как раннефеодальная.

Как известно, фундаментальным признаком феодальных отношений являются рентные отношения. К. Маркс писал в свое время, что в эпоху феодализма «земельная рента есть единственная господствующая и нормальная форма прибавочной стоимости или прибавочного труда»⁵. Причем непосредственный производитель доставляет земельную ренту «собственнику того условия труда, которое в этом состоянии охватывает все, т.е. собственнику земли». Происходит это только в силу того, как подчеркивает Маркс, что земля и «только земля и противостоит ему как находящееся в чужой собственности условие труда, обособившееся по отношению к нему и олицетворенное в земельном собственнике»⁶.

Из этого тезиса можно вывести весьма важный критерий наиболее развитой стадии феодальных отношений. Эта стадия становится действительностью лишь тогда, когда, с точки зрения социальной, земля, на которой трудится непосредственный производитель, в его сознании «обособляется по отношению к нему». Больше того, это обособление олицетворено «персоной земельного собственника». Иначе говоря, в глазах непосредственного производителя земля уже олицетворяется фигурой феодала-собственника, т.е. стала условием труда, обособившимся по отношению к нему самому.

На наш взгляд, конкретно-исторически эта стадия превращается в реальность с того момента, когда земельный собственник

обладает практической возможностью извлекать ренту в любой форме: отработочной, продуктовой или денежной. Подчеркнем, что речь идет о развитой стадии феодальных отношений. В исторической действительности тех или иных государств или регионов в большинстве случаев преобладает практика одновременного применения всех форм ренты. Тенденция последовательной смены докапиталистических форм ренты (низших, какой была барщина, высшими – в виде денежной ренты) выступает преимущественно лишь как тенденция к преобладанию той или иной формы ренты над остальными в общем объеме совокупного прибавочного продукта.

Впрочем, марксова схема смены форм докапиталистической ренты, как известно, есть лишь логико-историческая последовательность смены форм – от примитивной барщины к продуктовой ренте с последующим превращением ее в денежную как высшую форму ренты, ставшую одновременно и формой ее разложения.

В частности, на стадии разложения феодальных отношений практически могут господствовать разные виды чистых форм ренты, что в наибольшей мере зависело прежде всего от той роли, которую экономика той или иной страны играет в складывающейся мировой системе общественного разделения труда. В странах с развитой промышленностью и торговлей, занимавших в эпоху разложения феодализма господствующее положение на мировом рынке, это могла быть денежная рента в чистом виде (например, Англия). А в феодальных странах, оказавшихся в положении аграрных придатков в системе зарождающегося мирового капиталистического рынка, это могла быть чистая барщина (например, страны так называемого «второго издания» крепостного права) и т.д.⁷

На стадии становления и развития феодализма превалирование той или иной формы ренты в совокупном прибавочном продукте, охватывающем все формы ренты, было продиктовано также чисто конкретно-историческими обстоятельствами. Чаще всего преобладала в долевым отношении продуктовая форма ренты. К. Маркс и Ф. Энгельс особо оговаривали невозможность в период зарождения и становления феодальных отношений существования барщины в чистом виде⁸. Ф. Энгельс прямо подчеркивал: «Как мало было возможности навязать такому обществу крупное хозяйство с барщинным трудом, доказывают... эксперименты Карла Великого с знаменитыми императорскими виллами»⁹. Причина неуспеха кроется, видимо, прежде всего в низком уровне развития производительных сил. Чистая сельскохозяйственная барщина (особенно полевая), как это ни странно, была

возможна лишь при относительно высоком уровне общественно-го разделения труда, поскольку она неизбежно приобретает товарный, а не натуральный характер. Барщина же в натуральном хозяйстве непременно сочетается с другими формами ренты (продуктовой и денежной).

Определенную роль в выдвижении на первый план той или иной формы ренты может сыграть способ ее изъятия и способ распределения прибавочного продукта в господствующем классе. Здесь имеются в виду различного рода централизованные формы изъятия и распределения ренты, что обычно выдвигает на первый план продуктовую, а в период позднего феодализма – денежную форму ренты. Генезис самой примитивной, но отнюдь не земледельческой барщины также связан с централизованными формами изъятия ренты. Об этом писал К. Маркс, считая, что уже на заре классового общества необходимые родовой общине работы по строительству дорог, мостов, храмов и т.п. были по своей потенциальной сути разновидностью барщинного труда – будущей отработочной рентой.

Специфичность древнерусского феодализма заключается в отсутствии полевой барщины как исторически значимого явления. Причем речь не идет о барщине как превалирующей доле совокупной ренты. Вплоть до XVI в. крестьяне-земледельцы почти не знали полевой барщины. Для выяснения этого феномена необходимо вкратце охарактеризовать некоторые специфические моменты эволюции феодальной земельной собственности.

В Древнерусском государстве становление государственного феодализма довольно рано дало импульс развитию частновотчинного владения. Но боярское землевладение в силу вышеназванных особенностей генезиса древнерусского феодализма развивалось не за счет захвата общинных земель путем внедрения в крестьянскую общину на основе скупки аллодов, а за счет интенсивной (как и во Франкском королевстве) раздачи земель вассалам князей, а также активизации системы служебных ленов и их дальнейшей трансформации в вотчинные владения различных рангов. Поэтому феодальные отношения внутри таких вотчин проявлялись в подчинении общины *in согроге* путем постепенной феодализации («окняжения», по выражению академика Л.В. Черепнина), в данном случае – «обояривания»¹⁰ общинных земель через развитие рентных отношений. Сами рентные отношения на уровне вотчины, разумеется, не могли иметь прежнюю форму налога-ренты в ее валютном проявлении (как было на уровне государства). Тем не менее преемственность была, и выразилась она в продуктовой ренте, как явно преобладающей форме.

Естественно, что продуктовая рента как главный компонент прибавочного продукта, идущего в руки феодалов, сохранялась не во имя этой преемственности. Дело, видимо, в том, что ранние формы государственного феодализма в Древней Руси исключали наиболее грубое внеэкономическое принуждение крестьянского земледельческого населения; это была лишь «личная несвобода в какой бы то ни было степени»¹¹. Как писал К. Маркс, «при таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»¹². Разумеется, речь идет здесь только об основном населении – о крестьянах-земледельцах.

Кроме того, хотя по сути рентных отношений номинальному собственнику земли каждый непосредственный производитель противостоял самостоятельно¹³, феодал-вотчинник, как до него – княжеская власть, имел дело в социальной практике прежде всего с общиной *in corpore*, что, видимо, в условиях Древней Руси, только повышало самостоятельность крестьянского хозяйства. Вотчиннику противостоял крестьянин, за спиной которого была сплоченная община, осколок первобытного коммунизма.

Это не мешало, впрочем, становлению самих феодальных отношений. Они, в частности в лице вотчинного землевладения, уже на ранней стадии своего развития получают ярко выраженную целостную определенность. Юридически, а главное – практически, феодал обладал всеми правами земельного собственника, вплоть до права отчуждения земель вместе с их населением. Но даже при очевидном господстве отношений феодальной зависимости переход к наиболее грубой форме эксплуатации крестьян ввиду всех взятых в совокупности обстоятельств был делом далеко не простым¹⁴. Крестьянин-общинник в это время еще не воспринимал феодала-вотчинника как «олицетворение собственника земли», которую он пахал. Таким образом, господство продуктовой ренты обусловлено было отнюдь не тем, что отработочная рента была социально и экономически изжита.

На Руси наблюдается почти исключительное развитие продуктовой ренты, в то время как реальные условия для укрепления феодальной собственности на землю, как экономические, так и социальные, постоянно обнаруживали потребность прежде всего в отработочной ренте, не исключая и чисто практическую потребность в получении продукции лучшего качества, чем продукция крестьянского хозяйства.

Немногочисленные, но все же весьма убедительные факты свидетельствуют, что эта потребность (прежде всего в господской барской запашке) в Древней Руси все же удовлетворялась.

Подчеркнем, что, как правило, барская пашня обрабатывалась холопами, а не крестьянами-общинниками. Иначе говоря, господствующий класс феодальной Руси удовлетворял свои нужды в собственной пашне, во-первых, минуя крестьянский мир и неизбежные в этом случае сложности общинного землеустройства, и, во-вторых, компенсируя неизбежный дефицит рабочего времени крестьянина холопым земледельческим трудом, т.е. трудом пауперизированных элементов и пленников.

Общеизвестно, что отработочная рента с точки зрения политэкономической является наиболее примитивным и грубым способом изъятия прибавочного продукта у непосредственного производителя. В Древней Руси вплоть до начала XVI в. господствующий класс при получении ренты в форме натуральных оброков имел дело прежде всего с мирской организацией общины, а не с личностью каждого крестьянина. Поскольку община как средство классового сопротивления и локальной сплоченности крестьян была неискоренима в силу прежде всего экономических условий, реализация укрепления личной зависимости крестьян была всегда желанной целью для господствующего класса. Социальное противостояние (не политэкономическое!) феодала-вотчинника общине *in concreto* не придавало производственным отношениям земельного собственника и непосредственного производителя нужной прочности (гарантии) внеэкономического принуждения, поскольку феодал в социальной практике должен был постоянно чувствовать сплоченность крестьянского мира. На Западе эта проблема на разных этапах решалась либо объективно-исторически (путем естественного, а стало быть, более или менее замедленного разложения общины), либо субъективно-исторически (путем разгрома общины). На Руси одним из возможных практических решений подобной задачи стало внедрение отработочной ренты, независимо от ее размера неизбежно ставящей крестьянина-общинника в условия самой грубой формы внеэкономического принуждения.

Специфичность развития феодальных отношений в условиях существования общины маркового типа наиболее ярко, хотя и опосредованно, проявилась в XIV–XV вв., а отчасти и в первой половине XVI в. в системе сельского расселения. Исследователь истории сельского расселения до XVII столетия А.Я. Дегтярев пришел к выводу о полном господстве в Русском государстве вплоть до конца XVI в. мелких одно- и двухдворных поселений. По обработанным А. Я. Дегтяревым данным, по 17 149 поселениям в Северо-Западной Руси было 70,6% одно- и двухдворных поселений. Видимо, вплоть до конца XV в. этот тип сельского расселения был характерен и для центра страны. Однако уже с

конца XV в. в центральных районах эта система сельского расселения постепенно сменяется другой, с преобладанием более крупного поселения (шесть дворов и более)¹⁵.

Причиной господства самых мелких поселений А.Я. Дегтярев считает главным образом политику класса феодалов и феодального государства, выразившуюся в массовом распространении в XIV–XV вв. налоговых льгот для новопоселенцев, сажающихся на новые, неокультуренные земли. Освобождение от различного рода государственных налогов и повинностей, а также повинностей и платежей в пользу феодала-землевладельца достигало пяти – десяти лет, а в отдельных случаях и более длительного срока. Это служило сильнейшим стимулом для заведения новых поселений. Такой ход рассуждений автора представляется в целом вполне убедительным.

Следует отметить, что социально-экономические факторы, в частности политика льгот, непосредственно стимулировали лишь сам процесс расселения, процесс возникновения все новых и новых поселений, но отнюдь не определяли их размеры. «Льготчику», а отчасти и землевладельцу в принципе было безразлично, будет ли новое поселение одно-двухдворным или четырех-пятидворным. А.Я. Дегтярев здесь несколько недооценил природно-географический фактор, воздействующий на тип поселения, хотя приводит в своей работе довольно убедительный материал, доказывающий весьма существенное влияние качества почв на размер поселений¹⁶. Заметим, что природно-географические условия, вероятно, уже в XIV–XV вв. в принципе допускали сосуществование разных типов поселений.

В исследовании А.Я. Дегтярева важнейшим для нас является не столько наблюдение о господствующем типе поселения, сколько убедительные факты о стремительности роста новых поселений. Тип расселения на Руси свидетельствует о постоянном мощном форсировании этого процесса (поселения заводились при первой же возможности, а потому и были только мельчайшими). Нарастание лавины новых поселений служит самым твердым обоснованием именно этой особенности.

Отсюда, на наш взгляд, можно сделать заключение, что политика массового насаждения новых льготных поселений была конкретно-исторической формой проявления процесса укрепления феодальной собственности на землю в условиях существования крестьянской общины. Данная форма, на наш взгляд, равноценна по своей объективно-исторической сути существенно значимому в основных западноевропейских странах варианту развития и укрепления феодальной земельной собственности путем разложения общины и превращения аллода в конечном сче-

те в крупную земельную собственность. По словам Энгельса, именно на основе аллода возник феодальный общественный и государственный строй с господством феодальной аристократии¹⁷. Разница состоит в том, что если в Западной Европе этот процесс протекал на стадии вызревания феодализма как способа производства и общественного строя, то на Руси – уже в период укрепления и развития феодализма.

Само укрепление и развитие феодальной земельной собственности в условиях неизбежного сохранения крестьянской общины было чрезвычайно сложным и многогранным процессом. Одним из средств такого укрепления было превращение исконного общинного крестьянского населения в «новоприходцев», сажившихся на чужую землю, на землю феодала. При этом крестьянин воспринимал феодала уже не как внешнюю силу, которой он вынужден был покоряться, а как подлинного земельного собственника, собственника, отчужденного от непосредственного производителя основного условия труда. Вероятно, только с этого момента входит в действие вся совокупность законов феодального способа производства. С этой точки зрения режим насильственного введения феодальной ренты путем внеэкономического принуждения, а также элементов политической неполноправности можно, пожалуй, назвать лишь раннефеодальной стадией развития. Думается, что именно в этой связи Ф. Энгельс в письме К. Марксу от 22 декабря 1882 г. писал: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него землю, – в Фессалии, например, это имело место очень рано. Факт этот даже сбил меня и кое-кого другого с толку в вопросе о средневековом крепостничестве; слишком легко склонялись к объяснению его простым завоеванием, это так легко и просто решало дело»¹⁸. Как известно, во Франкском государстве с момента прихода германцев до становления собственно феодальных отношений прошло четыре столетия, а в центре процессов этой эпохи было превращение служилой знати и др. в подлинных земельных собственников, так или иначе дающих крестьянам землю на условиях выполнения повинностей и платежей.

На наш взгляд, серьезным доказательством того, что политика массового насаждения новых поселений была попыткой расшатать общину, нейтрализовать обычно-правовые убеждения исконности общинного землевладения, сломить сопротивление общины и превратить феодалов в подлинных земельных собственников, служит актовый материал о так называемых старожильцах.

Традиция старой историографии, рассматривавшей старожильцев только в аспекте вызревания крепостничества (работы М.Ф. Владимирского-Буданова, М.А. Дьяконова, Ф.И. Леонтовича и др.), была воспринята и советской историографией. С этих же позиций подходили к изучению старожильцев академики Б.Д. Греков и Л.В. Черепнин. По Б.Д. Грекову, старожильцы были первой категорией крестьянского населения, увязшей в путах зарождавшегося крепостничества: «Старожильство определяется не сроком прожитых за землевладельцем лет, а характером отношений между старожильцем и землевладельцем, либо старожильцем и государством»¹⁹. Сам термин «старожильцы», по мнению ученого, появился тогда, когда возникла потребность отмежевать категорию старых, зависимых от землевладельцев тягловцов от увеличивавшейся массы «новоприходцев» (термин, предложенный Б.Д. Грековым)²⁰.

Л.В. Черепнин обратил внимание на весьма важное обстоятельство: «Крестьяне-старожильцы, ушедшие из феодальных владений, не перестают рассматриваться как старожильцы, и если они возвращаются на те участки, где жили раньше, то феодалы не смешивают их с крестьянами, приходящими из других княжений»²¹. Это наблюдение послужило автору основой для более широких выводов. Их сущность сводится к тому, что «основная часть крестьян – “старожильцы” – начинает рассматриваться как крепкая земля, связанная с определенными земельными участками. Возврат старожильцев считается приходом на свои “старые места”. Это... понятие “старое место” крестьянина-старожильца сыграло большую роль в дальнейшем юридическом оформлении крепостнических отношений... Закон постановил, что ушедшие из феодальной вотчины старожильцы не перестают рассматриваться в качестве крестьян-старожильцев своего феодала»²².

Концепции старожильства Б.Д. Грекова и Л.В. Черепнина были оспорены Г.Е. Кочинным и И.Я. Фрояновым. Г.Е. Кочин, подробно разобрав взгляды Б.Д. Грекова, на основе актового материала пытался (и безуспешно) доказать, что «старожилец» – термин (равно как и явление) чисто житейский, бытовой. «Старожильцем» называли человека, издавна жившего в данной местности²³. Был подвергнут критике и тезис Л.В. Черепнина о связи старожильца со «старым местом», причем, связи, видимо, хозяйственной и житейской²⁴.

На наш взгляд, эти критические замечания в целом справедливы, так как действительно старожильство – явление чисто житейское, что и отразилось в термине. Это не означает, что на материалах о старожильцах нельзя выявить процессы, имеющие прямое отношение к развитию феодализма. Именно это имели в

виду и Б.Д. Греков, и Л.В. Черепнин. Правда, на наш взгляд, в этом случае точнее говорить не о развитии крепостничества, а о развитии феодальных отношений.

Думается, что дело не в том, что ушедшие из своих сел и деревень старожильцы продолжают рассматриваться как старинные крестьяне своего прежнего феодала, как полагал Л.В. Черепнин²⁵, а в изменении самого статуса крестьян, вернувшихся на свои «старые места». Б.Д. Греков вполне справедливо объясняет появление термина «старожилец» необходимостью отличать старых, исконных жителей феодального владения от вновь пришедших и севших на льготу крестьян. Однако, когда речь идет о «новоприходцах» особого рода, т.е. крестьянах-возвращенцах, то квалификация их как «старожильцев» связана с необходимостью фиксировать их более низкий по сравнению с новыми перепоселенцами социальный статус.

По условиям льгот в налогах и повинностях старожильцы-возвращенцы резко отличаются от новопоселенцев. Если новопоселенцы, пришедшие из других районов («инокняжцы»), получали льготу, как правило, на 10, иногда на 15 лет, то «пришлые старожильцы», «которые будут и переже того... живали», имели льготу лишь на три-пять, изредка на семь лет. Разница в сроках льготы между новопоселенцами и старожильцами иногда была пятикратной²⁶. Л.В. Черепнин считает эту разницу естественной: «Ведь у них, — пишет ученый, — как старых поселенцев, было больше возможности наладить заброшенное хозяйство»²⁷. Думается, что ситуация была сложнее, и далеко не всегда меньшая льгота была прямо обусловлена меньшими трудностями в восстановлении хозяйства. Меньшая льгота чаще отражает более низкий социальный статус «пришлых старожильцев»²⁸.

В актовом материале этой поры главное внимание акцентировано на том, кем является новопоселенец: «инокняжцем», «пришлым старожильцем» или собственно «старожильцем». Вместе с тем фиксация хозяйственной специфики мест поселения неопределенна. Наоборот, в более поздних материалах начала XVII в., в частности в писцовых наказах, при рассмотрении заселения запустевших в течение 10–15 лет земель главный упор был сделан на учет специфики хозяйственных трудностей и условий заселения и совсем не обращалось внимание на происхождение некрепостных, «охочих людей»: приходят ли они «со стороны» или являются «тутошними», здешних волостей людьми²⁹. Разницы в податной льготе между «тутошними», волостными и «охочими» людьми «со стороны» как таковой не существует. Все зависит от конкретных хозяйственных условий. Напротив, актовый материал XV в. рисует совсем иную ситуацию. Здесь часто льго-

та отнюдь не столь определенно зависит от условий хозяйствования новопоселенцев. Так, в жалованной льготной тверского великого князя Михаила Борисовича 1483 г. сказано: «А кого перезовут людей, а посадят на лесе на стари. И тем льгота на 20 лет. А на пустошах посадят людей, и тем льгота на 20 лет»³⁰. Хозяйственные условия различны (девственный лес и заросшая пашня), а срок льготы одинаков. В грамоте великого князя Василия Ивановича 1497 г., в частности, говорится о поселении «на лес на старь»: «а льгота... на 15 лет»³¹, а в грамоте 1493 г. грамотчикам дана просто пустошь, при этом срок льготы – «под двор на 15 лет»³² и т.д.

Следовательно, главная особенность состоит в том, что в актах XV в. при явно одинаковых хозяйственных условиях для разных новопоселенцев льготы были резко различны по срокам. Наиболее убедительный пример – льготная великого князя Василия Васильевича вдове Копнина (1442 г.)³³. Здесь на землях, пустовавших десять лет, т.е. поросших молодым лесом «в кол» толщиною, льгота тем, «кого к себе перезовут людей на те пустоши тутошних старожильцов, которые прежде того туто жили», всего пять лет. В то же время льгота пришлым «инокняжцам» – десять лет, т.е. соответствует реальным по срокам возможностям полного освоения земель под пашню.

Во многих сохранившихся актах хозяйственные условия и для пришлых «старожильцев» и для «инокняжцев» примерно одинаковы, а сроки льгот различны. «Называют» людей преимущественно в частично запустевшие села и деревни, в запустевшие после мора селения, либо просто на пустоши. Кроме того, сами пришлые старожильцы, если они возвращаются непременно на свои старые места, могли прийти и 10, и 15, и 20 лет спустя, и в этом случае для них задачи хозяйственного восстановления «старых», запустевших мест были не менее сложными, чем создание нового хозяйства, расчистка под пашню девственного леса и т.п.

На наш взгляд, резкое уменьшение льготных сроков для «пришлых старожильцев» означало полное отчуждение у них «старых мест» феодалом, конец иллюзиям бывших исконных жителей на право владения «старыми местами». У обычных новопоселенцев, пришедших «из иных княжений», таких иллюзий не было, они садились на чужую для них землю и приходили специально на льготу, хотя несомненно, что с течением времени в силу экономической необходимости они снова врастали в систему общинного землепользования. Но это другой вопрос.

Стало быть, стержнем политики создания массовых новых поселений на льготных основаниях было не столько стремление привлечь «из иных княжений» рабочие руки для освоения новых

земель (хотя такая задача в какой-то мере имела место), сколько стремление укрепить положение феодалов как полных земельных собственников во имя завершения процесса отчуждения от непосредственного производителя основного условия труда – земли³⁴. Старожилыцы вовсе не прикреплялись к земле («они часто срывались с места»)³⁵. Однако явление старожильства позволяет вскрыть указанный нами сложный глубинный процесс.

Изменение подхода к проблеме старожильцев позволяет иначе, чем прежде, оценить и сущность явления крестьянских переходов. Совсем не обязательно для столь ранней поры, как XIII–XIV вв. и даже первая половина XV в., рассматривать их в жесткой альтернативе «свобода–крепостничество»³⁶. Крестьянские переходы (от одного землевладельца к другому) часто зависели от инициативы феодалов-землевладельцев. Очевидно, нецелесообразно вследствие этого расценивать переходы как неприменимый атрибут крестьянской свободы.

Расселения в рамках маркового строя свободных общин – явление обычное, но они исторически и социально не равнозначны переходам, так как механизм подобных миграций был совсем иным. Расселения крестьян-общинников лишь укрепляли такие основы обычного права, как принципы наследования и трудового права, на которых покоились крестьянские общинные представления о земельной собственности. Между тем цель инициативы феодалов в отношении крестьянских переходов была противоположной – борьба за уничтожение или сокращение сферы действия крестьянского общинного наследственного права и сужение сферы действия принципа общинного трудового права до уровня одних лишь межкрестьянских отношений. Разумеется, в конкретно-исторической действительности все это проявлялось не столь однозначно, но общая тенденция, на наш взгляд, именно такова.

Традиционный подход к крестьянским «перезывам» как элементу крестьянской исконной свободы лишает историков возможности не только определить их начало, но и объяснить социальный механизм их возникновения. Л.В. Черепнин прямо заявлял: «Мы не знаем, как и когда возникло это право» (крестьянских переходов)³⁷. В свое время И.И. Смирнов писал о том, что «Киевская Русь не знала права крестьянского перехода. Этот вывод вытекает... прежде всего из наличия такого социального института, как “изгойство”»³⁸. Иначе говоря, община сама по себе как институт не создавала условий для крестьянских переходов. Процессы пауперизации и отрыва от земледелия были обусловлены, как говорилось выше, иными факторами. Думается, что возникновение «перезывов» было следствием сопротивления

крестьянской общины становлению вотчины как полнокровной ячейки феодального общественного производства, когда развитие рентных отношений в ней миновало свою простейшую стадию повторения отношений института кормлений. Не исключено, что трактовка крестьянских переходов как элемента исконной свободы крестьян в нашей историографии является, в сущности, пережитком взглядов дореволюционной историографии на крестьянство Древней Руси как свободных колонистов (арендаторов), не организованных в общину.

«Перезывы» возникали, таким образом, как орудие борьбы феодалов с общиной, хотя само явление переходов – «перезывов» на практике оказалось значительно сложнее. Со временем переходы стали препятствием укреплению феодального способа производства. Больше того, на заключительном этапе своего развития они действительно стали и элементом крестьянской свободы. Хотя, если взглянуть в сущность процессов более поздней поры, конца XV и XVI вв., то придется признать, что и в это время крестьянские «перезывы» все еще оставались в значительной мере порождением прежней потребности расшатывания общины и укрепления права собственности феодала на землю. Поэтому, соглашаясь с тем, что «едва ли возникновение переходов означало закрепощение крестьян»³⁹, вместе с тем необходимо подчеркнуть социальный смысл «перезывов» как орудия укрепления феодальной собственности на землю.

Следует иметь в виду, что конкретно-исторически явление переходов обрастало и рядом сопутствующих функций. Историки прежде всего увидели в нем борьбу за рабочие руки. Однако наиболее важное значение эта функция приобретает много позже, примерно с середины XVI в., но и тогда она остается производной.

Приблизительно к середине XV в. в некоторых районах страны интенсивность переходов уже была, видимо, высокой. В оборот массовых переселений на льготу в конечном счете были вовлечены широкие массы крестьянского населения, хотя в каждый данный момент «льготчики» не были в большинстве. Представляется существенным уточнить понимание терминологии актового материала, касающейся определения группы крестьян-«льготчиков», фигурирующих под названием «инокняжцев». Л.В. Черепнин склонен к буквальной трактовке термина «инокняжцы»: крестьяне, вышедшие «из иных княжений»⁴⁰. На наш взгляд, этот термин в значительной мере условен и имеет более узкое значение. Его социальная функция подобна термину «государь» Псковской судной грамоты и ряда других документов. «Иное княжение» – это территория, не входящая в пределы кня-

жеской юрисдикции и фискального обложения системы «государственного феодализма». Сюда не входят территории частновладельческих вотчин, где вотнич был «государем», а следовательно, «князем». Данную интерпретацию, на наш взгляд, подтверждает формуляр актов великого князя тверского Михаила Борисовича. В жалованной льготной и несудимой грамоте Троицкому Калязину монастырю 1483 г. на устройство новой слободки на Верхней Жабне, в частности, сказано: «Звати ему людей из зарубежья и из-за бояр здешних, а не з выти моее, великого князя»⁴¹. Понятие «великое княжение» уточнено здесь не в смысле государственного образования как политического организма, а лишь в фискально-юридическом плане («моя выть»). Следовательно, формула грамот московских великих князей и ряда княжений Северо-Восточной Руси, носящая негативный аспект: «не из моее вотчины, великого княжения», может допускать право перезыва «из иных вотчин». Такой ход рассуждений подтверждается и формуляром грамот великого Рязанского княжения⁴². Их формуляр по своей сути идентичен тверскому и в какой-то мере московскому и иным формулярам грамот Северо-Восточной Руси. «Перезываются» крестьяне двух категорий: 1) жители «иных княжений» в буквальном смысле этого слова и 2) крестьяне «тутошние», «здешние», местных вотничей-бояр. Формуляр грамот князей Северо-Восточной Руси представляется наиболее разработанным и детальным, поскольку из «здешних» и «тутошних» выделялись, как было показано выше, еще и крестьяне, вернувшиеся на свои «старые места». Но вместе с тем этот формуляр путем «негативных» конструкций («а не из моее вотчины, великого княжения») допускал, на наш взгляд, «перезыв» тех же категорий крестьян, что и в рязанских и тверских актах. В правомерности такой трактовки убеждает текст жалованной грамоты вологодского князя Андрея Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю на с. Ивановское Вологодского у. Здесь обычно лаконичная негативная формула «а не из моего княжения» передана следующим образом: «Или кого к себе в то село перезовут людей и в деревни из-ыного княжения, а не из моих волостей, ни ис сел»⁴³.

Таким образом, крестьяне-«льготчики», «перезываемые» от владельца к владельцу, вовсе не ограничивались числом пришедших «из иных княжений» (в буквальном смысле этого слова), а потенциально охватывали большую массу крестьян внутри каждого княжения. И, что очень важно, они отнюдь не исчезали по мере образования единого Русского государства, как полагал Л.В. Черепнин.

Объективная логика развития процессов «перезывов» крестьян привела к тому, что стал нарушаться другой, параллельно

протекавший процесс в общем потоке противоборства феодалов с общинным крестьянством – а именно: привлечение крестьян к выполнению полевой земледельческой барщины.

Вопрос о характере и темпах развития полевой барщины крестьян имеет принципиальное значение для оценки роли общинного землепользования и землеустройства в период до появления первых юридических актов, связанных с упорядочением крестьянских переходов⁴⁴.

Б.Д. Греков, а до него А.И. Никитский и некоторые другие историки считали, в частности, что «ни в XV в., ни в некоторой части XVI в. собственной запашки у крупных и средних землевладельцев Новгородской области еще нет»⁴⁵. Однако в последние десятилетия положение в историографии резко изменилось. О существенном значении отработочной ренты в системе феодальной эксплуатации крестьянства в Древней Руси XIV–XV вв. собран довольно большой фактический материал в работах А.П. Пьянкова, А.Д. Горского и Л.В. Черепнина⁴⁶. Авторы этих работ с большей или меньшей уверенностью утверждают тезис о распространении в этот период полевой крестьянской барщины. Против этого тезиса выступил Г.Е. Кочин⁴⁷. Он пришел к выводу о том, что «производство зерновых хлебов в собственном хозяйстве феодалов-землевладельцев в изучаемое... время занимало скромное место», а полевой барщины в собственном смысле еще не было⁴⁸. Л.В. Черепнин согласился с этим замечанием и признал, что факты о барщине в XIV–XV вв. действительно отражают практику десятинной пашни, близкой к издольщине⁴⁹.

Наиболее раннее и обстоятельное свидетельство о практике жеребьевой или десятинной пашни – уставная грамота 1391 г. митрополита Киприана Цареконстантинову монастырю⁵⁰. В ней отражен немаловажный момент: «игуменов жеребей весь рольи орать взгоном». Поголовное участие крестьян в обработке пашни («взгоном», «згоном») в эту эпоху могло означать лишь одно: очень небольшой размер «игумнова жеребия». Видимо, в XIV в., да и в значительной мере в XV в., такая запашка была очень невелика. Только ее мизерность позволяла монастырям просить крестьян в порядке зачета в круг их повинностей обрабатывать ее на монастырь. Отголосок именно таких отношений можно видеть в одном из нормативных хозяйственных документов второй половины XVI в., т.е. времени, когда господская запашка стала уже повсеместным явлением, а величина ее постепенно становилась заметным бременем для крестьян. Из жалованной грамоты царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю вытекает, что господская запашка заводилась в обмен на льготы крестьянам в государственных налогах и повинностях. Запашка

была еще весьма скромной по своим размерам. Тягловое распределение барщины организовывалось по вытям (по 1 дес. запашки на выть). Самое же главное для нас заключено в оговорке: «А изоидутся в котором поле за десятинами пашня, и им бога ради спашати згоном» (т.е., если в каком-либо селе размеры господского поля не уложатся в повытный расклад по одной дес. на выть и окажется лишний участок, то крестьянам предлагается вспахать его на добровольных началах «во имя бога»)⁵¹.

Итак, небольшой участок господского «жеребия» в крестьянских полях можно было обработать «згоном», т.е. без раскладки по тяглам, а стало быть, вне фиксированного рентой объема повинностей. Думается, что это самый ранний этап генезиса господской запашки именно в монастырях⁵².

На основании уставной грамоты 1391 г. Цареконстантинову монастырю можно сделать и другое интересное наблюдение: в отношениях с феодалом с точки зрения организации хозяйственной связи община выступала *in corpore*. Огромная часть работ велась крестьянским коллективом в целом под руководством представителей крестьянского мира. В особенности это относится к пахоте (и всем видам работ, к ней примыкающих). Г.Е. Кочин проводит важную параллель уставной грамоты 1391 г. и «рядной грамоты» крестьян Робичанской волости с новгородским Юрьевым монастырем 1460 г.⁵³ И в том, и в другом случае перед нами – договорные отношения феодала с общиной *in corpore* о норме и характере крестьянских повинностей. Именно эти факты с наибольшей убедительностью выявляют главное препятствие, которым была общинная организация крестьян, для полного торжества феодального способа производства. Это обстоятельство в первую очередь обусловило трудный, растянутый во времени путь генезиса полевой барщины крестьян, первым этапом которой были лишь переходные к собственно барщине формы.

Во многих актах XV в. указания на крестьянскую барщину слишком неопределенны и могут быть оспорены. К ним прежде всего относятся свидетельства правых грамот различных монастырей (в первую очередь Троице-Сергиева и Симонова). Протоколы разбирательств земельных споров содержат материалы и факты о принадлежности спорной земли (пашни или луга) монастырю или черным крестьянам («земля великого князя»). Поэтому язык правых грамот весьма специфичен в том смысле, что многие выражения в их текстах настолько «ориентированы» на проблему принадлежности, что их нельзя понимать буквально⁵⁴. Лишь в редких случаях они говорят о господской пашне⁵⁵. Число свидетельств о неопровержимом существовании господской за-

пашки и полевой барщины сокращается при более внимательном чтении текстов различного рода меновных, данных, купчих, а также духовных грамот. Думается, что практикой «жеребьевого» или долевого выделения господского посева вызвана к жизни формула, имевшаяся в грамоте от 1494 г. волоцкого князя Бориса Васильевича в с. Шарапово на Клязьме. Интересующий нас фрагмент текста гласит: «А которые земли пахали мои крестьяне изстарины, сена косили на меня и на себя»⁵⁶. Так повествовать, на наш взгляд, можно лишь об общих полях, в которых каждый раз выделяется доля посевов для господина-феодала. Поэтому о пашнях и говорят, что их пашут «и на меня и на себя».

Пожалуй, предполагать наличие господского поля по материалам данного типа можно лишь в тех редких случаях, когда наряду с запасами хлеба и зерновыми посевами есть сведения о семенах как элементе господского имущества. Если феодал продает в числе прочего или оставляет себе семена на посев, то это действительно может быть доказательством существования господского поля и господской запашки (иногда, правда, в другом владении данного землевладельца). Встречаются и иные достаточно ясные факты конца XV в. о существовании особых господских полей⁵⁷.

Таким образом, более или менее уверенно говорить о существовании господской запашки в виде особых массивов полей, вычлененных из общей системы крестьянского общинного землепользования и землеустройства, можно лишь в очень немногих случаях. Точно так же крайне малочисленны и случаи «жеребьевых» запашек на феодала.

Необычайно замедленное развитие господской запашки, обрабатываемой крестьянами в порядке полевой барщины, доказывается тем, что только в масштабе очень больших временных периодов можно уловить какие-то изменения, фиксирующие сколько-нибудь заметную эволюцию от стадии «жеребьевой» пашни, очень близкой к издольщине, к стадии господской пашни, где семена и навоз для пашни крестьяне берут из господского же хозяйства, от стадии пашни «взгоном» в силу крайне незначительных ее размеров к солидной господской пашне, разверстанной десятинами (или ее долями) на каждую крестьянскую выть.

В селах великой княжны Софьи Витовтовны (1451), вполне вероятно, был господский фонд семян и существовала десятинная пашня. По сотной грамоте 1543–1544 гг., на дворцовое с. Буйгород и Буйгородскую волость (67 деревень и с. Палкино) «сельчане» и «деревеньщики» пашут на каждые 6 дес. «хрестьянской пашни» 1 дес. на великого князя. Наказ сотной грамоты: «а навоз ... возити на великого князя пашню своих дворов»⁵⁸ — дает основания

предполагать, что великокняжеский «жеребей» уже выделен из общего массива полей, хотя твердой уверенности в этом нет.

Процесс выделения господской запашки из общего массива крестьянских полей прослеживается лишь только примерно с середины XVI в., когда в формуляре послушных, ввозных и ряда других актов, выдаваемых новым помещиком, появляется очень многозначительная оговорка: «И вы б все крестьяне... пашню его пахали, где себе учинит и оброк платили, чем вас изоброчит» (разрядка моя. – Л.М.)⁵⁹. Но даже по второй половине XVI в. имеются данные о господской пашне, позволяющие думать, что и в это время далеко не повсюду господские поля стали обособленными, все еще входя отдельными участками в крестьянские поля. Так, в жалованной грамоте царя Ивана Васильевича Кирилло-Белозерскому монастырю от 19 мая 1577 г. предписывается крестьянам «по вся лето монастырское дело делати: пашня им пахати... и навоз возити... и пожни косити по прежнему». Но когда речь заходит об огораживании изгородями пашенных монастырских полей, грамота предлагает: «и около пашни изгороду самим городити, где хто пашет»⁶⁰, т.е. огораживать монастырский клин пашни каждый крестьянин, вероятно, должен на участке «своей выти». При существовании единого господского поля сделать это так, как предписывает грамота, невозможно. Но вместе с тем здесь – важный момент; участки монастыря твердо закреплены за ним (их огораживают).

Наиболее завершенный этап выделения господской пашни из «жеребьевого» крестьянского землепользования можно видеть на примере жалованной уставной грамоты 1590 г. нижегородскому Благовещенскому и Цареконстантинову монастырям Владимирского уезда. Она, в частности, рекомендует: «А пашня монастырская пахати на выть по полуторы десятине ржи и овса, а сеять семена монастырскими и жати и класти и молотити и в житницы сыпати и навоз на пашню возити с монастырских конюшенных и з животинных дворов... А как крестьяне монастырскую пашню пахут и изделье всякое монастырское делают – и крестьяном свои хлеб ести»⁶¹. Здесь настолько все обособлено от элементов крестьянского хозяйства, что можно предполагать и выделение пашни, поскольку монастырские поля расположены в селах, где есть монастырские хозяйства.

Таким образом, перед нами двухвековая, чрезвычайно замедленная эволюция такого барщинного хозяйства, где холопский труд, столь широко распространенный в светской вотчине, не применялся.

Наиболее вероятное преобладание в этот двухсотлетний период долевого господской запашки свидетельствует о громадной

роли общинной корпорации в определении характера отношений крестьянина с феодалом. Больше того, этот факт свидетельствует о явном бессилии феодала преодолеть сильные традиции общинного землепользования и землеустройства и, наконец, о практической невозможности при данном уровне соотношения классовых сил ввести в хозяйственную практику отработочную ренту в ее наиболее грубой форме – форме полевой барщины.

Полагаем, что обычные мотивировки историков о том, что такая форма эксплуатации еще «не созрела», что феодал не был заинтересован в заведении собственно господского хозяйства, в свете приведенных доводов и соображений могут быть поколеблены. Нужда феодала в собственном хозяйстве подтверждается существованием в вотчинах, «боярщинах», «волостках» господской пашни, обрабатываемой холопами⁶². Желание феодала расширить круг своих потребностей, выйти за рамки потребительных стоимостей, создаваемых в крестьянском хозяйстве, косвенно отражают формуляры кормленых грамот, где очень рано появляется клаузула: «А не люб будет волостелем корм, и они емлют за полоть мяса 10 денег», «А не люб будет доводчикам корм, и они емлют за ковригу деньги» и т.д.⁶³

Этот столь мучительный и многовековой путь развития полевой крестьянской барщины, видимо, не был, да и не мог быть стимулирован такими факторами, как развитие внутреннего или внешнего рынка. Кроме того в случае воздействия такого фактора, как рынок, барщина неизбежно должна была бы приобретать характер господствующей формы ренты. Однако резкое увеличение господских запашек (в том числе и монастырских), правда, в связи с кризисом и натурализацией хозяйства, отмечено исследователями лишь примерно с середины XVI в. Стало быть, до XVI в. указанная эволюция не была обусловлена этими причинами. В данный период, вероятно, действовали лишь механизмы укрепления феодальной собственности на землю. И чрезвычайно медленные темпы эволюции полевой барщины, помимо природно-географической специфики, обусловлены существованием именно общинного строя частновладельческой деревни.

Данное положение, на наш взгляд, находит подтверждение в выявлении взаимоотношений феодала с крестьянским населением своих владений в связи с полевыми барщинными работами. Эволюция и трансформация «жеребьевой» пашни – это лишь хозяйственный аспект проблемы укрепления феодальной собственности на землю.

Актовый материал позволяет уяснить некоторые моменты и социальной стороны этой проблемы. Обратимся к интереснейшему тексту купчей 1483/84 гг. на деревню в Белозерском у., где

говорится: «Се яз ... купил есми... деревню... с хлебом и с семяны, опрочь половничьи половины да их собины, и с пустошми, и с лесы, и с пожнями»⁶⁴. Помимо довольно твердого свидетельства существования здесь господского поля как элемента собственно господского хозяйства, в тексте грамоты есть чрезвычайно интересный материал о путях привлечения рабочей силы для обработки этих полей. Продавец оговаривает, что запасы хлеба продаются за исключением «половничьей половины». Последнее означает, что поле было действительно целиком господским, поскольку оговорена «половничья половина», а не господская. Тот факт, что половники упоминаются наряду с господскими семенами дает нам возможность предположить, что половники работали здесь на господском поле. По материалам XVI–XVII вв., половники всегда отдавали семена господину, а остальное делили «на полы»⁶⁵. Наконец, упоминание так называемых «собин», на наш взгляд, доказывает, что перед нами половники, сеющие именно на господском поле и имеющие в данной деревне не земельные наделы полевой пашни, как полагал Л.В. Черепнин, а лишь нерегулярную пашню в рощистях, займищах и т.п. Оговаривать в грамоте, представляющей акт купли деревни как хозяйственного комплекса, непричастность к объектам этой купли крестьянских наделов полевой пашни, по нашему мнению, бессмысленно. И вот почему.

В этой грамоте речь идет о местных половниках, т.е. живущих именно в этой деревне, но, вероятно, продавших свои участки феодалу. Если бы половники сохранили свои наделы, то они бы на них и выращивали господскую долю хлеба, но тогда грамота не говорила бы о господских семенах, так как в крестьянском хозяйстве они и так должны быть (здесь нет речи о господской ссуде семенами).

Такие половники, лишившиеся своей земли, фигурируют и в других актах⁶⁶. Новгородские писцовые книги конца XV в. упоминают их в деревнях своеземцев близ г. Орешка⁶⁷. Видимо, о таком же безземельном половнике идет речь в известном судном списке 1495–1499 гг. Троице-Сергиева монастыря с крестьянами во главе со Степаном Панафидиным, где, в частности, говорится: «На том Маткове жил Федор слободчик, а половничал на монастырь Троицкой, и жито делил на гумне с ключники монастырскими»⁶⁸. Здесь половник по бывшему, или точнее, постоянному месту жительства «слободчик», т.е. черный крестьянин, хотя живет на монастырской земле, а, следовательно, и пашет «исполу» монастырское поле. Количество таких примеров можно увеличить.

Если Б.Д. Греков, пользуясь в основном материалами второй половины XVI и XVII в., был склонен видеть в половниках совер-

шенно определенную категорию сельских жителей, что для этого периода в целом, видимо, справедливо, то Л.В. Черепнин для эпохи XIV-XV вв. обосновал социальную неопределенность и расплывчатость половников как категории. Их название обусловлено лишь размером отчислений от полученного урожая в пользу «работодателя». Это и крестьяне, потерявшие земельный надел, однако попавшие в силу обстоятельств во временное положение половника к соседнему феодалу⁶⁹. Состояние половничества по длительности могло быть самым различным – от наследственного и пожизненного до краткосрочного, в один-три года. Некоторые вариации половничества были сопряжены с потерей тех или иных прав и обязанностей в общине и т.д.

Вместе с тем к половникам принадлежала, пожалуй, наибольшая по численности группа крестьян-издольщиков, т.е. крестьян, уплачивающих натуральный зерновой оброк, равный половине чистого урожая (т.е. без семян)⁷⁰. Наиболее важно, что такие половники были полноправными крестьянами⁷¹. Они имели все права и обязанности общинника и, что самое главное, владели земельным наделом.

В документах эта категория половников по общему положению стоит в одном ряду с третниками, т.е. с крестьянами, платящими оброк хлебом «из третьего снопа», и, очевидно, с другими группами крестьян. Во всяком случае, в духовной митрополита Алексея сказано: «А все те села дано с серебром и с половники и с третники и с животиною»⁷². Такие крестьяне-общинники, платившие зерновой оброк «ис половья», многочисленны в Водской, Шелонской пятинах, в Шунгском погосте Заонежья и др., что выявляется по материалам новгородских писцовых книг конца XV в.⁷³

Из сказанного можно сделать весьма существенный вывод. В XIV-XV вв. обязать крестьянина-общинника пахать господское поле было необычайно трудно. Можно было довести размер продуктовой ренты до максимума, т.е. изъять в форме оброка 50% «приполонного» хлеба, не считая других компонентов ренты, но заставить крестьянина работать на господском поле при такой же норме эксплуатации реально было лишь при потере им земельного надела или иных чрезвычайных экономических обстоятельствах. В условиях напряженного короткого цикла земледельческих работ сила и характер внеэкономического принуждения должны были быть кардинально иными. Это, видимо, главная пружина всего механизма укрепления и развития феодальной собственности на землю. Крестьянин-общинник, за спиной которого стоял сельский мир с солидарностью его членов, должен был лишиться его поддержки, должен был посредством

политических рычагов стать непосредственно зависимым от феодала. Следовательно, полевая барщина была теснейшим образом связана с коренной перестройкой внеэкономического принуждения.

Итак, помимо прямого, хотя и слабого внедрения, в частности в монастырских владениях Северо-Восточной Руси, полевой барщины в виде переходной к собственно барщине формы «жеребьевой» пашня, мы можем проследить и окольные пути ее развития. Одним из них, как было показано выше, был генезис крестьянской полевой барщины в виде одной из разновидностей половничества. Другим окольным путем было серебреничество, или путь экономического закабаления.

Наиболее активно вопрос о серебреничестве в последние два десятилетия обсуждался И.И. Смирновым и Л.В. Черепниным. И.И. Смирнов пришел к выводу, что серебреничество – «определенная форма феодально-крепостнической зависимости крестьянства XV века»⁷⁴. Причем, «серебро» никогда, по мнению ученого, не означало ренту, это исключительно кабальная ссуда. Серебреничество как разновидность долга служило мощным инструментом втягивания в сферу феодальной зависимости новых слоев крестьянства⁷⁵. Л.В. Черепнин подходил к серебреничеству крестьян как к более широкому и многообразному явлению, которое означало не только кабальные отношения на основе денежной ссуды, но и их обязанность вносить денежный оброк⁷⁶. Г.Е. Кочин в целом занял позицию, которая близка к концепции И.И. Смирнова. Вместе с тем он сделал более существенное уточнение сущности серебреничества. Он считал отношения серебреничества отношениями крестьян и феодалов, «вышедшими за пределы обычного круга отношений: выплаты оброков и отбывания отработочной ренты», т.е. не касающимися «новых слоев крестьянства»⁷⁷.

Думается, что в оценке серебреничества ближе к искомой истине И.И. Смирнов и Г.Е. Кочин. Вплоть до конца XV в. денежный оброк был лишь незначительной частью феодальной ренты. Это прекрасно видно на материалах новгородских писцовых книг, а ведь этот регион, видимо, отличался более активным развитием товарно-денежных отношений. Кроме того, «серебро оброчное» не связано с уплатой процентов, и в этом глубоко принципиальное отличие от кабальной ростовщической ссуды. Вряд ли социальная функция терминологий актов была настолько не развита, чтобы не отличать в квалификации один вид платежа от другого. Полагаем, что неправ был Л.В. Черепнин, сочтя возможным интерпретировать упоминания о серебрениках как о крестьянах, обязанных денежным оброком. Для этого нужна со-

циально значимая практика существования денежной ренты в чистом виде, т.е. как самостоятельного явления, а это противоречит данным источников.

Серебренничество, во всяком случае в XV в., было довольно широко распространено. Упоминание о серебре как «серебре в людях» присутствует не только в духовных и данных грамотах⁷⁸. О нем говорят жалованные, льготные, тарханские грамоты. В XVI в. оно проникает в инструктивно-типовой материал (монастырские уставные грамоты)⁷⁹, что особенно важно, так как именно в этих актах серебренничество отражается как общественно значимое явление. Наиболее выразительным подтверждением распространенности серебренничества служат крупные размеры сумм, находящихся «в людях»⁸⁰.

В практике серебренничества особое внимание привлекает «издельное серебро». Упоминания актов об «издельном серебре» широко известны в нашей литературе⁸¹. Типологически комплекс терминов («серебро издельное», «серебро дельное» и «серебро ростовое») выступает лишь в функции детализации понятия «серебро в селах» и «серебро в людях». Больше того, общие представления о характере эпохи XIV–XV вв. да и ряд фактических данных позволяют предполагать, что в серебренничестве крестьян-земледельцев основной формой займа было не «ростовое серебро», когда проценты выплачиваются деньгами, а именно форма «дельного серебра», или, что точнее, «издельного серебра», когда процент, или «рост», оплачивается трудом крестьян⁸². То, что под «серебром в людях» чаще всего разумеется «дельное серебро» в качестве оплаты «роста» каким-либо видом земледельческих работ, особенно четко видно из данной Степана Окулова сына Теврюкова Спасо-Евфимьеву монастырю на с. Борисовское в Новгородской земле⁸³. У этого феодала была своя господская запашка, что явствует из данных о размере высева ржи, пшеницы, овса, проса и гороха. В перечне имущества Степана в селе указано, в частности: «да в селе на людях 200 алтын денег», т.е. в займах под проценты. Но в конце документа эти займы характеризуются более подробно («а што будь моего серебра долгу – по моем животе половина людем тем, хто его косил, а половина великому Спасу»). Таким образом, общая безличная формула «на людях 200 алтын» (т.е. «серебро в людях») фактически подразумевает целиком «издельное серебро». Степан половину суммы долга («исто», «истина») прощает крестьянам, а половину завещает взыскать монастырю. Главное же – из текста видно, что «рост» (проценты) погашался трудом крестьян: они косили на феодала. Косьба за «рост» называлась «некое». Отсюда прямая аналогия к «изделью» как работам за проценты по обработке пашни, жатвы и обмолота зерна⁸⁴.

Дефицит денег из-за недостаточного развития товарно-денежных отношений сказывался даже на форме уплаты процентов по займам, совершаемым феодалами. Проценты по таким займам они платили не только деньгами, но и натурой – хлебом. Даже в актах XVI в. встречаются заклады вотчин под «хлебные кабалы»⁸⁵. В рязанской заемной кабале Ф. Богдановой с внуком князем И.И. Мещерским заложена вотчина за 40 руб. Заимодавцу были отданы в залог купчие грамоты на село и селище, «а за рост Якову та наша деревня ведати со всем и земля пахати и косити»⁸⁶. Иначе говоря, проценты компенсировались прямой эксплуатацией вотчины. Очень часты были заклады («закупы») различного рода пожней, лугов, пустошей и т.п.⁸⁷

Таким образом, предположение, что в серебреничестве крестьян преобладала «издельная форма» уплаты процентов («роста»), имеет серьезные основания.

Самым частым видом работ за «рост» были косьба сена и пахота⁸⁸. Из уставной митрополичьей грамоты монастырям, по характеру материала являющейся как бы типовой инструкцией, можно заметить, что господская пашня (монастырская в данном случае) была только двух видов: 1) «жеребьевая» или десятинная и 2) пашня «на серебро»⁸⁹.

Не менее важным выводом, вытекающим из наблюдений над актовым материалом такого рода, является утверждение, что пахота земли на феодала и весь комплекс работ по севу, жатве и уборке урожая были основным содержанием серебреничества. Сведения о «серебрениках-половниках» наиболее четко отражают эту практику⁹⁰. Но это относится и ко всем «надельным серебреникам».

Наиболее доказательные аргументы в пользу большого удельного веса в отработках за рост земледельческих работ по севу, жатве, уборке и обмолоту хлебов содержатся в хорошо известной серии актов, касающихся ограничений сроков «перезыва» крестьян-серебреников Юрьевым днем (двумя неделями до Юрьева, т.е. 26 ноября, дня и недель после него)⁹¹. Приурочивание права перехода крестьян-серебреников ко времени, когда кончается поздняя осень и наступает зима, связано с окончанием земледельческих работ. Расплата серебреников не «издельных» приурочивалась также к этому сроку⁹².

На наш взгляд, «издельное» серебреничество было вызвано к жизни явной неудовлетворенностью стремлений духовных феодалов выйти из тупика, который создавало взимание продуктовой ренты, с помощью ничтожных по размерам «жеребьевых пашен», а светских феодалов – ограниченными возможностями расширения сферы холопского земледельческого труда. Сереб-

реничество также, как и политика льгот, своей объективной целью имело укрепление феодальной собственности на землю и власти над крестьянами.

Следовательно, нужда в расширении сферы барщинного земледельческого труда была продиктована отнюдь не только и не столько хозяйственными мотивами, сколько социальными. Именно этим обстоятельством можно лучше всего объяснить явное несоответствие между реальной возможностью широко практикующегося получения феодальной ренты в виде оброчного хлеба («треть», «четверть», а часто и «половье») и настойчивым, скарредным внедрением «изделия» на пашне.

При господстве общинного землепользования, а главное, корпоративных традиций общинного владения землей, превратить «жеребьевый» участок запашки, который был лишь модификацией издольщины, в прямую барщину было далеко не просто. Поэтому полевая барщина в своем непосредственном виде как акт феодальной эксплуатации в наиболее грубой форме появилась лишь как итог долговой кабалы⁹³. Это был не столько процесс втягивания в сферу феодальной зависимости слоев крестьянства, как полагал И.И. Смирнов⁹⁴, сколько процесс установления полного господства феодального собственника над трудом непосредственных производителей, сидящих на его земле. Подобные процессы, вероятнее всего, проходили вне и сверх обычного круга повинностей крестьян, что очень тонко было отмечено Г.Е. Кочиним.

Таким был чрезвычайно сложный, окольный путь развития господского хозяйства с помощью не рабочих рук холопов, а дополнительного труда крестьян, попавших в денежную кабалу.

Свое логическое завершение этот путь получает в тех случаях, когда общинник-серебреник, работавший на своего господина, «сажался» феодалом заново на какую-либо землю⁹⁵. По-видимому, в таких случаях сумма «роста» могла быть в новых условиях трансформирована в земельное соотношение крестьянской пашни и пашни, обрабатываемой в пользу феодала. В этой связи чрезвычайно знаменательно, что фактические данные о размерах монастырской и вообще господской феодальной запашки в конце XV – начале XVI в. соотносятся с крестьянской запашкой точно в такой же пропорции (или очень близкой к ней), как «рост» соотносится с «исто», т.е. сумма процентов за займ с основной суммой займа. В документах центральных районов страны это соотношение передается обычно как «на пять – шестой», т.е. 20% к 100% основной суммы займа (1 : 5)⁹⁶.

Размеры господских запашек в названной пропорции (1 : 5) к крестьянской пашне встречаются в конце XV в. в грамоте митро-

полита Симона Юрке Масленицкому (1495–1511 гг.), а также в целом ряде документов XVI в.⁹⁷

Следовательно, на начальных этапах заведения барской запашки в центральных районах страны ее величина, как правило, соотносилась с величиной процентов по займам. Этот факт может указывать на типичный генезис господской запашки из «издельного» серебреничества. Так зарождался один из видов отработочной ренты – полевая барщина.

Подобная сложность, а главное, длительность генезиса полевой барщины крестьян на протяжении целых столетий, думается, может быть объяснена прежде всего спецификой природно-климатических условий и как следствие этого существованием общинной организации крестьянства, что делало переход к низшим формам феодальной ренты необычайно трудным.

Объективная потребность укрепления феодальной собственности на землю и полновластного господства над земледельческим трудом крестьян нашла пути своей реализации в перемещении крестьян на новые, чужие для них земли. Олицетворением земельной собственности на землю при этом становился сам феодал. Но по сути это была борьба лишь со следствием, а не с причиной. Поэтому феодалы-землевладельцы не достигли желаемых результатов в приобретении всей полноты власти как над землей, так и над трудом непосредственных производителей.

Не случайно, что логика процесса укрепления феодальной собственности на землю и на подвластное население при осуществлении политики «перезывов» крестьян заставляет феодалов, в конечном счете, вовлекать в орбиту «переходов» и слои крестьянства, экономически попавшие в чрезвычайные обстоятельства временной долговой кабалы.

В актовой документации это находит отражение в виде появления в качестве «перезываемых» таких групп крестьянства, как серебреники, «половники», а также так называемые «окупленные люди». Они четко отделяются от основной массы крестьян. Л.В. Черепнин прав, когда видит в источниках различие этой группы людей от так называемых «рядовых людей юрьевских», понимая под последними обычных крестьян, переход которых от одного землевладельца к другому не был осложнен выплатой долгов и иных обязательств⁹⁸.

Примерно с середины XV в. в обстановке, когда «перезывы» стали перерастать в «отказы», т.е. в практику расчета с вотчичем по общему крестьянскому «ряду» и долгам за уходящего крестьянина новым вотчичем, резко проявилась тенденция к общему запрету переходов. На это обращали внимание почти все советские исследователи истории крепостного права (Б.Д. Греков,

Л.В. Черепнин, И.И. Смирнов, А.Д. Горский и др.). В этой ситуации традиционная формула о «тутошних людях», «становых» или «волостных» или «тяглых» становится формулировкой, означающей общий запрет перехода великокняжеских крестьян, хотя поначалу эти запреты детализируются⁹⁹.

Говоря о развитии политики «перезывов» крестьян, следует отметить вообще особую специфичность позиции князя в отношении черных и даже собственно княжеских (будущих дворцовых) волостей. Проблема расшатывания и ослабления общины во имя укрепления статуса феодального земельного собственника не была столь актуальна, как в частновладельческом секторе, ибо княжеская собственность в эту эпоху все еще развивалась главным образом в русле государственного феодализма, для которого общинная организация крестьян была естественной и традиционной социально-экономической опорой. Это проявлялось, в частности, в отсутствии у княжеской власти (исключая какие-либо чрезвычайные обстоятельства) острой заинтересованности в перетасовке людских ресурсов путем крестьянских «перезывов». Отсюда проистекают и ранние проявления политики князей, препятствующей переходам черных и княжеских крестьян. Однако это отнюдь не было проявлением каких-либо закрепостительных тенденций.

С середины XV в. политика перемещения крестьянских масс на новые земли, видимо, начинает приходить в противоречие со своей конечной целью – появлением непосредственного производителя, сидящего на земле феодала и вырванного из среды общинного крестьянства личным экономическим закабалением сверх нормативных рентных платежей и повинностей.

С этого момента и даже несколько раньше появляются попытки полного отказа от практики переходов. О проявлении этой тенденции свидетельствуют запреты великого князя московского и некоторых других «перезывать» в равной мере так называемых «письменных» и «неписьменных» людей. В отдельных случаях и феодалы (в первую очередь, духовные) получают такие санкции от великого князя московского¹⁰⁰. Другая тенденция связана лишь с целью ограничения сроков переходов¹⁰¹.

Упорядочение в юридических документах практики «перезыва» серебреников, а особенно трансформация «перезыва» в «отказ» крестьян-серебреников были принципиально важным шагом в укреплении феодальной собственности на землю и власти боярина и вотчина над крестьянством. Тем самым феодал приобретал возможность увеличения численности зависимых крестьян, находившихся к тому же в состоянии чрезвычайной экономической задолженности. «Отказ» крестьян-серебреников позволял феодалам путем уплаты за серебреника его долга и вы-

воза его на свои земли сразу же поставить бывшего серебреника перед неизбежностью выполнения (помимо обычного круга крестьянских повинностей) полевой земледельческой барщины в соотношении 1 : 5, т.е. господская запашка была «ростом» (процентами) за предоставленную бывшему серебренику новую землю. Ситуация с «посаженными серебрениками» и «окупленными людьми» как будто бы распространяется на новый круг крестьян.

Вместе с тем в грамотах, вводящих срок перехода в Юрьев день, почти сразу же появляется тенденция к ограничению этим сроком переходов и остального крестьянства¹⁰².

Судебником 1497 г. было, как известно, установлено общее ограничение крестьянских переходов одним сроком – в Юрьев день (за неделю до 26 ноября и в течение недели после него). Таким образом, у господствующего класса и государства еще не было реальной силы и могущества, чтобы пойти на решительное наступление и на черную, и на владельческую общину.

А субъективно осознанная классом феодалов необходимость дальнейшего ослабления, расшатывания или нейтрализации общины была вполне очевидной. Первая половина XVI столетия, сопровождавшаяся относительно благоприятными экономическими и внутривнутриполитическими условиями развития страны, показала сравнительную слабость процесса социальной дифференциации крестьянства, ограниченные масштабы разложения общины. Для класса феодалов это оборачивалось слишком малыми возможностями вовлечения крестьянства в путы чрезвычайной кабальной (личной) зависимости, полновластного маневрирования любыми формами ренты. Больше того, начатая когда-то самим господствующим классом практика крестьянских переходов стала теперь еще более ощутимой угрозой подрыва основ взимания феодальной ренты.

Таким образом, все, так сказать, частные методы борьбы с владельческой общиной были исчерпаны. Для подавления активизации и сопротивления общинного крестьянства нужна была весьма сильная, реальная власть господствующего класса в целом. Иначе говоря, на первый план исторически выдвигались задачи укрепления и консолидации феодального класса.

В Западной Европе могучим рычагом консолидации класса феодалов была система сложной феодальной иерархии. К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Иерархическая структура землевладения и связанная с ней система вооруженных дружин давали дворянству власть над крепостными. Эта феодальная структура была ассоциацией, направленной против поработщенного, производящего класса»¹⁰³.

В условиях Древней Руси ограниченный размер совокупного прибавочного продукта общества делал нереальным создание

сколько-нибудь сложной многоступенчатой феодальной иерархии в качестве ассоциации, направленной против производящего класса. Однако исторически эквивалентом этому был путь консолидации господствующего класса посредством усиления центральной власти, путем резкого возрастания вассальной (служебной) зависимости от нее каждого феодала. По сути это разновидность феодальной иерархии.

Как известно, такая цель была достигнута созданием московской великокняжеской властью статуса служилой вотчины, а главное, учреждением широкой системы поместных держаний. Немалую роль сыграли при этом внешнеполитические и оборонные задачи складывающегося единого Русского государства.

Итак, развитие поместной системы и установление статуса служилой вотчины имели своей целью создание монолитного могущественного господствующего класса, способного в процессе повседневной эксплуатации крестьянства обескровить или нейтрализовать защитные механизмы общины.

В данной работе мы пытались показать, что глубинной основой закрепостительных тенденций был процесс развития и укрепления феодальной собственности на землю и на труд непосредственных производителей. В силу неблагоприятных природно-климатических условий социальным препятствием этого явилось существование сильной общинной организации крестьянства с ее землеустройством и землепользованием. Необходимость укрепления феодальной собственности на землю и эволюция рентных отношений уже к концу XV в. объективно толкали господствующий класс на меры закрепостительного характера. Однако реализация их стала фактом лишь после длительных усилий государства по укреплению своего могущества и консолидации господствующего класса.

Если стремление немецкого (прусского) дворянства изъять обширные земли у крестьян-чиншевиков с целью резкого расширения барского хозяйства можно было осуществить, по словам Ф. Энгельса, лишь превратив этих крестьян в крепостных¹⁰⁴, то стремление феодалов Древней Руси к полновластному распоряжению землей и трудом крестьян-общинников также привело к необходимости превратить их в крепостных.

Подчеркнем, что в подобном способе нейтрализации защитных функций общины нуждалась прежде всего вотчина, причем вотчина того статуса, который был ей свойствен до конца XV в.

Сравнительное исследование социальной и экономической структуры поместья и вотчины 30-х годов. XVII в. показало, что они даже в это время представляли собой разные типы хозяйства¹⁰⁵. Причем в условиях уже свершившегося первичного закре-

пощения крестьян вотчина обнаруживает гораздо более мощные потенции развития, чем поместье. Это, на наш взгляд, является сильнейшим подкреплением той трактовки развития событий, которая предложена данной работой.

Эта схема происхождения крепостничества в России отнюдь не исключает роли тех факторов, которые наиболее тщательно изучены в нашей историографии¹⁰⁶. Однако широкое развитие поместной системы, создавшее предпосылки к резкому повышению нормы эксплуатации, стремительный рост налогов, хозяйственный кризис и борьба за рабочие руки служили конкретно-историческими факторами, лишь форсировавшими процесс закрепощения. Основной же, глубинной причиной была борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю, выразившаяся в стремлении разрушить общинный строй крестьянства. Экономическая необходимость функционирования при феодализме социального организма, генетически восходящего к первобытному коммунизму, заставила господствующий класс искать путь нейтрализации этого мощного оплота крестьян. Этим путем и явилось крепостничество. История дала его феодалам в качестве «компенсации» за неизбежность существования остатков первобытного коммунизма¹⁰⁷. Создалось своеобразное единство противоположностей. В то же время исходным моментом, породившим это единство противоположностей, был комплекс специфичных природно-географических условий, серьезно осложнявший социальный механизм извлечения совокупного прибавочного продукта.

Таким образом, мы можем полагать, что на всем протяжении развития феодализма, вплоть до XVI столетия, имела место напряженнейшая борьба господствующего класса за укрепление феодальной собственности на землю. Обусловленный как природно-климатическими, так и конкретно-историческими факторами, процесс укрепления феодальной земельной собственности на землю шел одновременно разными, но параллельными путями. По всей вероятности, и практика крестьянских «перезывов», и попытки заведения «жеребьевой» запашки, и попытки заставить крестьян обрабатывать господскую пашню путем экстраординарной экономической кабалы и т.д. имеют весьма древние истоки и своими корнями уходят, вероятнее всего, в эпоху Древнерусского государства.

Все эти своего рода «санкции» субъективно были направлены на ослабление, если не на разрушение крестьянской общины как фактора организации сельскохозяйственного производства и социальной организации мелких производителей.

Своеобразным воплощением завершенности процесса укрепления феодальной собственности на землю была практика введе-

ния полевой барщины крестьян. Именно она была той последней мерой, которая превращала феодала в олицетворение земельной собственности, заставляла крестьянина-общинника забыть о «своих» исконных правах на землю.

Многовековое развитие данной исторической тенденции тем не менее оказалось практически бесплодным. Больше того, развязанная по инициативе господствующего класса практика крестьянских «перезывов» с течением времени превратилась в свою противоположность, т.е. стала в значительной мере фактором так называемой крестьянской свободы. Кроме того историческая неизбежность существования крестьянской общины маркового типа кардинальным образом ослабляла процессы социальной дифференциации крестьянства и ограничивала феодальную практику долговой кабалы крестьян социально малосущественными масштабами.

Таким образом, исторически назревала необходимость резкого изменения характера и силы внеэкономического принуждения в целях окончательного укрепления собственности феодалов на землю и на труд непосредственного производителя. То и другое дала эпоха XVI столетия с ее стремительным развитием помещичьей системы, резким сокращением числа вотчин, трансформацией самой вотчины в вотчину служилую и, наконец, системой заповедных лет и указом царя Федора об отмене крестьянских переходов и крестьянской «крепости земле».

В этой связи становится более понятным, даже при источниковедческой незавершенности, здравый историзм реконструкции В.И. Корецким указа 1592–1593 гг. об отмене крестьянских переходов в Юрьев день, явившегося ключевым моментом в становлении крепостничества.

Так называемые «безуказные» концепции утверждения крепостничества в целом основаны на оценке крепостничества как итога массового крестьянского закабаления в тех или иных формах. Предложенная в данной статье интерпретация фактического материала, на наш взгляд, показывает необедительность таких суждений. Неудача многовековых попыток постепенного, «практического» осуществления мер по укреплению феодальной собственности на землю и труд непосредственного производителя диктовала потребность резких, кардинальных изменений, в которых активная роль отводилась государству. Отсюда акт прикрепления крестьян к земле мог быть лишь актом юридическим.

Подчеркнем, что объективная необходимость существования в России сильной общественной организации крестьян стала серьезнейшим субъективным стимулом углубления и развития крепостничества на протяжении последующих столетий.

- ¹ Мы здесь не останавливаемся на других факторах, обусловливавших широкую кооперацию крестьянских хозяйств даже в условиях полной автономизации парцелльного хозяйства, таких, как строительство дорог и мостов и уход за ними, создание на основе совместной эксплуатации ряда угодий различного рода страховых и общественных фондов, строительство и содержание культовых зданий и т.п.
- ² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 496.
- ³ Там же. Т. 21. С. 164–165.
- ⁴ *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 92–107.
- ⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, Ч. II. С. 352–358.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Господство натуральной ренты в ее наиболее чистом виде К. Маркс относил, в частности, лишь к феодальным обществам с наиболее застойным характером экономики (См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 359–360).
- ⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 74.
- ⁹ Там же. Т. 21. С. 153.
- ¹⁰ Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв. (далее – АФЗХ). М., 1959. Ч. I. № 122.
- ¹¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. С. 354.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же. С. 353.
- ¹⁴ В этой связи надо отметить, что данные аспекты проблемы мало исследовались. Основное внимание историки уделяют борьбе господствующего класса и государства с так называемой черной общиной, оценка которой в разных работах различна. Одни историки (Л.В. Черепнин, А.Д. Горский, С.М. Каштанов и др.) считают черные волости XIV–XV вв. феодально зависимыми от государства, другие – свободными от феодальной эксплуатации (И.И. Смирнов, Г.Е. Кочин, А.И. Копанев, Ю.Г. Алексеев и др.). Частновладельческая община до сих пор мало изучена. Можно указать такие работы: *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965; *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966; *Данилова Л.В.* О внутренней структуре сельской общины Северо-Восточной Руси // Россия на путях централизации. М., 1982. Некоторые исследователи считают, например, что мирская община сохранялась лишь в крупных феодальных владениях, «в мелких же она вовсе исчезла» (*Шаниро А.Л.* Проблемы генезиса и характера русской общины в свете новых изысканий советских историков // Ежегодник по аграрной истории. Вып. VI. Проблемы истории русской общины. Вологда, 1976. С. 39).
- ¹⁵ *Дегтярев А.Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 49, 38, 103–107, 108, 111, 112, 116, 120–121, 128–130 и др.
- ¹⁶ Там же. С. 103, 116, 120–121, 128–130, 144, 162–163. Б.А. Романов, считая, что размер поселения зависел от уровня развития производительных сил, ввел даже особый термин «вместимость поселения», означающий крайний предел рационального размера деревни и т.п. См.: *Романов Б.А.* Изыскания о русском сельском поселении эпохи феодализма (По поводу

- работ Н.Н. Воронина и С.Б. Веселовского) // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII веков. М.; Л., 1960. С. 440.
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 497–498.
- ¹⁸ Там же. Т. 35. С. 112–113.
- ¹⁹ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Изд. 2. М., 1954. Т. II. С. 95.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 211.
- ²² Там же. С. 247.
- ²³ Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 416. О том, что «старожилец» – термин чисто житейский, писал еще В. Сергеевич в «Древностях русского права» (Т. III. СПб., 1903. С. 461).
- ²⁴ Фроянов И.Я. Старожилы на Руси XV в. // Вестн. ЛГУ. История. Яз., Лит. 1981. № 2, вып. 1. С. 21–22.
- ²⁵ В более поздней работе Л.В. Черепнин отстаивал эти взгляды. См.: Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В. Пути развития феодализма. Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика (далее – Черепнин Л.В. Спорные вопросы). М., 1972. С. 231.
- ²⁶ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ). Т. I. М., 1952. № 224, 243; Т. II. М., 1958. № 152, 452; Т. III. М., 1964. № 34, 239, 296; АФЗХ. Ч. I. № 145, 198.
- ²⁷ Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 246.
- ²⁸ В этой связи необходимо заметить, что Г.Е. Кочин не прав, подчеркивая, что «нет оснований... усматривать резкую грань в правах и социальном положении между пришлыми и старожильцами» (Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 406). Льгота – это отражение правового положения.
- ²⁹ Акты писцового дела. Т. I. М., 1913. С. 119, 186. Термин «со стороны» идентичен термину «иное княжение», поскольку в рязанских грамотах вместо «иное княжение» фигурирует «с иных сторон» (АСЭИ. Т. III. № 333, 354).
- ³⁰ АСЭИ. Т. III. № 158.
- ³¹ Там же. № 164. См. также № 165.
- ³² Там же. Т. II. № 293.
- ³³ Там же. Т. I. № 224.
- ³⁴ Можно высказать предположение, что теми же мотивами отчасти была продиктована и практика раздачи в вотчины вообще пустых, неосвоенных земель. Здесь названные задачи совпадали с внутренней колонизацией.
- ³⁵ Фроянов И.Я. Указ. соч. С. 24.
- ³⁶ Договоры Великого Новгорода косвенно отразили развивавшиеся крестьянские переходы, начиная с XIII столетия. (См.: Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России // Вестн. ЛГУ. Истор. яз. Лит. 1978. № 14, вып. 3. С. 32–33; См. также: Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 251.)
- ³⁷ Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 243–244.
- ³⁸ Смирнов И.И. Проблемы крестьянства и феодализма в советской исторической литературе // 25 лет исторической науки в СССР. М., 1942. С. 102. См. также: Смирнов И.И. Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв.

- (По поводу исследования Л.В. Черепнина «Образование Русского централизованного государства в XIV–XV вв.») // История СССР. 1962. № 3. С. 148.
- ³⁹ Фроянов И.Я. О возникновении крестьянских переходов в России. С. 34.
- ⁴⁰ Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 252. В связи с этим подходом ученого его концепция влияния процесса централизации государства на размах крестьянских переходов выглядит несколько прямолинейно и упрощенно («С объединением русских земель и образованием централизованного государства таких «иных княжений» оставалось все меньше. Так подготавливалось стеснение права перехода крестьян в масштабе всего государства» // Там же).
- ⁴¹ АСЭИ. Т. II. № 158.
- ⁴² Там же. Т. III. № 361, 362, 369, 388, 389.
- ⁴³ Там же. Т. II. № 199. Вероятнее всего, в эту эпоху так называемые верные и княжеские (дворцовые) волости были еще слабо отличимы друг от друга.
- ⁴⁴ В литературе это упорядочивание расценивается, как правило, в русле мер, генетически связанных с крепостничеством.
- ⁴⁵ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 47–53.
- ⁴⁶ Пьянков А.П. Формы феодальной ренты в Северо-Восточной Руси в XIV–XV веках // Учен. зап. Могилев. гос. пед. ин-та. Вып. 1. Минск, 1955. С. 3–30; Горский А.Д. Очерки экономического положения крестьян Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М., 1960. С. 234–243; Черепнин Л.В. Образование Русского централизованного государства. С. 227–232.
- ⁴⁷ Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 349–355.
- ⁴⁸ Там же. С. 313, 352–353.
- ⁴⁹ См.: Черепнин Л.В. Спорные вопросы. С. 239–240.
- ⁵⁰ АФЗХ. Ч. I. № 21. Мнение Г.Е. Кочина об отражении в грамоте 1391 г. практики жеребьевой или десятинной пашни было поддержано и развито Л.В. Даниловой (см.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 15).
- ⁵¹ Цит. по: Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52. В архаичной символике «во имя бога» можно видеть и подтверждение мысли Л.В. Даниловой о том, что княжеская «десятинная пашня этого времени непосредственно вырастала из коллективных работ, практикуемых на общественных полях черной волости» (см.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 15).
- ⁵² Эти остатки архаичных порядков в барщинной эксплуатации крестьян во второй половине XVI в., видимо, были еще нередки. Судя по уставной грамоте Новинскому монастырю 1590 г., для дальних монастырских сел была характерна именно запашка господского клина «згоном» (АФЗХ. Ч. II. № 23).
- ⁵³ Кочин Г.Е. Указ. соч. С. 337–338. На это сопоставление ученого обратила внимание и Л.В. Данилова. (См.: Данилова Л.В. Указ. соч. С. 16–17).
- ⁵⁴ АСЭИ. Т. I. № 534, 564, 586, 590, 591, 594 и др.
- ⁵⁵ Там же. № 400.
- ⁵⁶ Там же. № 576.
- ⁵⁷ Там же. № 328, 576; Т. II, № 11, 349; ДДГ. М.;Л., 1950. № 87; АФЗХ. Ч. I. № 40, 54, 166.
- ⁵⁸ АФЗХ. Ч. II. № 178.
- ⁵⁹ Самоквасов Д.Я. Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Ч. 2. С. 12. В.И. Корецкий приводит данные о формуляре по крайней мере пяти послушных

- грамот 50-х годов XVI в. по центру страны, где четко выделена указанная нами особенность («И мы б крестьяне... пашню его пахали, где себе учинит по сей грамоте»). См.: *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 23.
- ⁶⁰ Цит. по: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52.
- ⁶¹ АФЗХ. Ч. II. № 24.
- ⁶² Думается, что немногочисленность таких фактов мотивирована лишь ограничением возможности роста холопского контингента.
- ⁶³ АСЭИ. Т. III. № 114 и др.
- ⁶⁴ Там же. Т. II. № 328.
- ⁶⁵ См.: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Т. II. С. 141–142.
- ⁶⁶ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 233. См.: ГВНП. № 164.
- ⁶⁷ Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 202.
- ⁶⁸ АСЭИ. Т. I. № 584. См. также: *Кочин Г.Е.* Указ. соч. С. 336.
- ⁶⁹ Мы не касаемся той категории половников, которая бытовала в среде черносошного крестьянства XVI–XVII вв. Это вопрос особый. (См.: *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Т. II. С. 137–147).
- ⁷⁰ Историографию половничества см.: *Шапиро А.Л.* Историография половничества // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7. Генезис и развитие феодализма в России (Проблемы историографии). Л., 1983.
- ⁷¹ Правда, в новгородской грамоте первой половины XV в. на «черный бор» отмечено налоговое послабление половнику, сидящему на наделе («...в соху два коня да третье припряж... Плуг да две сохи... четыре пешцы за соху... а кто сидит на исполовьи, на том взяти за полсохи». См.: ААЭ. СПб., 1836. Т. I. № 32). Однако, вероятнее всего, такая практика была временным явлением, и размер налоговых послаблений мог уменьшаться или они могли вообще отсутствовать. Л.В. Черепнин привел ряд примеров несения монастырскими половниками государственных повинностей и налогов. См.: *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 235.
- ⁷² АСЭИ. Т. III. № 28. Л.В. Черепнин согласен с тем, что в данной духовной имеется в виду под половниками и третниками «основное вотчинное крестьянство», уплачивающее зерновой доход «ис половья» и «ис трети» (См.: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы. С. 237).
- ⁷³ Аграрная история Северо-Западной России. Т. I. С. 141, 158, 277 и др.
- ⁷⁴ *Смирнов И.И.* Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. С. 152.
- ⁷⁵ Там же. С. 153.
- ⁷⁶ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 245; *Он же.* Спорные вопросы. С. 235–236, 241.
- ⁷⁷ *Кочин Г.Е.* Указ. соч. С. 358–359.
- ⁷⁸ См.: АФЗХ. Ч. I. № 125, 192; АСЭИ. Т. I. № 70, 90, 100, 108, 130, 155, 175, 181, 342, 448, 501, 513, 536, 539, 612; Т. II. № 29, 44, 99, 153-а, 361; Т. III. № 28, 53, 59 и др.; ДДГ. № 68, 74, 86 и др.
- ⁷⁹ АСЭИ. Т. II. № 192, 193.
- ⁸⁰ Там же. Т. III. № 53; Т. I. № 562.
- ⁸¹ Там же. Т. I. № 90, 108; Т. II. № 153-а, 361; ДДГ. № 68, 74; СГГД. Ч. I. М., 1813. № 122.

- ⁸² С.Б. Веселовский считал «издельное серебро» очень древним и распространенным явлением. См.: *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 16–17.
- ⁸³ АСЭИ. Т. II. № 490.
- ⁸⁴ В наиболее ранний период комплекс барщинных работ крестьян на «жеребьевой» господской пашне чаще назывался «дело», а не «изделье» («села делати», «землю делати», «монастырское дело делати»), и только в последующем они начинают сливаться и выступают как синонимы.
- ⁸⁵ АФЗХ. Ч. II. № 319, 254.
- ⁸⁶ АСЭИ. Т. III. № 368.
- ⁸⁷ Там же. № 465; Т. II. № 261.
- ⁸⁸ АФЗХ. Ч. I. № 125.
- ⁸⁹ Русская историческая библиотека (далее – РИБ). Т. VI. Стб. 887–888. И.И. Смирнов считает этот текст наиболее важным свидетельством существования «пашни на серебро» (*Смирнов И.И.* Заметки о феодальной Руси XIV–XV вв. С. 158). В споре с И.И. Смирновым по поводу этого фрагмента уставной грамоты Л.В. Черепнин трактует конец фразы «или на серебро монастырское пашуть» как выражение способа получения денежной ренты, что источниковедчески слишком произвольно (См.: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы. С. 241). Тут же Л.В. Черепнин высказывает общее свое сомнение в возможности существования «пашни на серебро», впрочем, никак не аргументируя это сомнение (Там же. С. 241).
- ⁹⁰ С.Б. Веселовский писал об этих указах, что они «должны были изменить юридическую природу «издельного» серебреничества в смысле лишения должника права ликвидировать свои отношения во всякое время года» (*Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 17).
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Генезис ее очень древний. Здесь можно вспомнить хотя бы закупов Русской Правды.
- ⁹⁴ См.: История СССР. 1962. № 3. С. 153.
- ⁹⁵ АСЭИ. Т. II. № 192. См. также: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы. С. 234. Видимо, довольно близки к посаженным серебреникам «окупленные люди». В жалованной льготной и несудимой грамоте верейского и белозерского князя Михаила Андреевича 1472 г. Кирилло-Белозерскому монастырю на пустоши на р. Ирдме о них говорится: «И кого к себе игумен... призовет на те пустоши людей жити из-иных княженей... или кого окупив посадит, и тем людем окупленным и пришлым не надобе моя дань на 5 лет» (АСЭИ. Т. II. № 218; см. также: ГВНП. М.; Л., 1949. № 294.) По истечении льготного периода такие крестьяне оказываются в неизмеримо большей зависимости от феодала, чем «рядовые люди». Напомним, что Л.В. Черепнин и И.И. Смирнов, соглашаясь в основном («окупленные люди» это крестьяне, долги которых другим феодалам были выкуплены землевладельцем, посадившим их на свою землю), расходились между собой в деталях по поводу понимания статуса «окупленных людей». (См.: *Черепнин Л.В.* Спорные вопросы. С. 233.)
- ⁹⁶ АСЭИ. Т. I. № 513, 536; Т. III. № 350, 355. См. также: № 370, 378, 379, 380, 380–384, 366 и др. В новгородских землях ростовой процент был, видимо, ниже. В писцовых книгах конца XV в. есть формулы: «А росту на рубль одна гривна и 2 денги» (НПК. СПб., 1868. Т. III. С. 601, 803; Т. IV. 1885.

- С. 160; Т. V. 1905. С. 37, 47, 50, 51–52, 57–58 и др.). Правда, Г.Е. Кочин считает, что данный размер процента был установлен писцами (См.: *Кочин Г.Е.* Указ. соч. С. 363), т.е. не отражает обычной практики.
- ⁹⁷ АФЗХ. Ч. I. № 205. См. также: *Корецкий В.И.* Закрепощение крестьян. С. 19, 25, 26; АФЗХ. Ч. II. № 178; Акты писцового дела. Т. I. М., 1913. С. 4; *Греков Б.Д.* Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52; Известия Русского генеалогического общества. Вып. 3. СПб., 1909. С. 292–307.
- ⁹⁸ *Черепнин Л.В.* Образование Русского централизованного государства. С. 250.
- ⁹⁹ АСЭИ. Т. II. № 359; см. также: АФЗХ. Ч. I. № 210 (1464 г.), 212 (1474 г.).
- ¹⁰⁰ Там же. Т. I. № 264, 265.
- ¹⁰¹ Там же. Т. II. № 177, 276, 326 и др.
- ¹⁰² Там же. № 101, 138, 193.
- ¹⁰³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 23.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 21. С. 248–249.
- ¹⁰⁵ *Милов Л.В., Гарскова И.М., Булгаков М.Б.* Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России I-й половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
- ¹⁰⁶ Из наиболее поздних работ по этой проблеме см.: *Данилова Л.В.* К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 г. М., 1970; *Шапиро А.Л.* О причинах закрепощения в России XVI в. // Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972. С. 130–135; *Корецкий В.И.* Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 7–8; Аграрная история Северо-Запада России. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Рук. авт. коллектива. А.Л. Шапиро. Л., 1978. С. 184–199 (здесь же см. историографию проблемы); и др.
- ¹⁰⁷ Это положение было сформулировано нами в статье: *Милов Л.В.* Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. (Некоторые проблемы теории) // Вопр. истории. 1981. № 3. С. 50.

Опубл.: История СССР. 1985. № 3. С. 178–201.

**О СПЕЦИФИКЕ
ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ НА РУСИ**
(По поводу книги В.А. Кучкина
«Формирование государственной территории
Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.» М.: Наука, 1984)

Монография В.А. Кучкина посвящена исследованию историко-географических аспектов одного из наиболее сложных, трудно поддающихся изучению этапов отечественной истории – периоду феодальной раздробленности. Актуальность такой книги вполне очевидна, ибо решение ряда как общих, так и частных проблем, включая изучение конкретного хода политических событий, до сих пор упирается в слабую разработанность именно пространственного (территориального) аспекта исторических процессов периода X–XIV вв.

В работе исследован огромный комплекс самых разнообразных проблем истории Северо-Восточной Руси X–XIV вв. Монография – итог многолетнего кропотливого труда автора. Круг ее источников чрезвычайно обширен и разнообразен, поэтому во Введении охарактеризованы лишь типы источников, а конкретные источниковедческие разработки перенесены в текст самого исследования. Автором тщательно проверен буквально каждый факт, ставший достоянием предшествующей историографии – явление в исследовательской практике не столь уж частое.

Первая глава книги включает большое количество тем: «Ростовская земля – часть территории Древнерусского государства», «Образование Суздальского княжества, его территория и границы», «Владимирское княжество в XII – начале XIII в. и феодальное дробление». Автор характеризует историю заселения края и его феодализацию, прослеживает формирование территории названных княжеств вплоть до времени нашествия монголо-татар.

Границы Суздальского княжества, как показал автор, четко определяются лишь с 30–40-х годов XII в., т.е. с момента его явственного политического обособления от влияния киевских князей. Автор детально фиксирует, опираясь частично на своих предшественников, рубежи Суздальского княжества с Черниговским, Смоленским княжествами, а также с Новгородом и др. В главе много важных наблюдений. Исследователю удалось установить названия городов, упомянутых летописью как взятых в боях Изяславом и Ростиславом (Тверь, Шоша, Дубна, Углич, Кснятин и Молога).

Интересны изыскания автора о деятельности Юрия Долгорукого и особенно Андрея Боголюбского, весьма убедительны

суждения о расширении границ Суздальского княжества на север и на северо-восток. Четко представлены в работе итоги политики Всеволода Большое Гнездо и процесс дробления княжеств после его смерти.

Во второй главе прослежены территориальные изменения княжеств Северо-Восточной Руси в XIII в., т.е. после нашествия монголо-татар. Наиболее важным выводом этой главы и одним из основных итогов всей книги является мысль о кардинальном изменении политической географии Северо-Восточной Руси. Автор обоснованно считает, что в результате усиливавшегося в течение XIII в. разорения наиболее населенная и экономически развитая часть Волго-Окского междуречья стала своеобразным вакуумом. Интенсивные процессы развития государственности наиболее четко выражены теперь на периферии Суздальщины, куда шел миграционный поток. Таким образом, по-новому обосновываются причины политической активизации во второй половине XIII в. таких центров, как Тверь, Москва, Кострома и Городец.

Третья глава посвящена территориальному расширению Владимирского княжества в XIV в. В середине века в его владения входят Владимир, Ярополч, Кострома, Переяславль, Юрьев, половина Ростова, части Торжка, Волока Ламского и Вологды. В книге показаны перипетии борьбы за великокняжеский владимирский стол тверских и московских князей, выясняется состав и границы уделов Владимирского княжества. Особенно интересны изыскания о Костромском уделе, о Переяславском княжестве, включенном в конце концов во Владимирское.

Четвертая глава – «Территория Тверского великого княжества в XIV в.». Автор столкнулся с большими трудностями при уяснении примерных границ этого государственного образования. Они определены им лишь в общем плане для этого периода: южные и юго-западные рубежи – на основе послания Ольгерда константинопольскому патриарху от 1371 г., западные – по Отводному списку 1476 г. Удачей автора является уточнение восточных рубежей – кашинско-углических и клинских. (Заметим, что при этом автор использовал ретроспекции по источникам начала XVI в.) Убедительно реконструированы В.А. Кучкиным удельные территории Тверского княжества (Зубцов, Холм, Городок или Старица, Микулин, Кашин и особенно Клин).

В пятой главе рассмотрено развитие территорий Суздальского и Нижегородского княжеств в XIV в. Здесь отражены результаты большой и тщательной работы автора по выявлению ядра Суздальского княжества, в частности, реконструирован район Суздальского ополья в XIV в.

Примечателен очерк о Нижегородском княжестве. Здесь новые материалы и наблюдения буквально на каждой странице главы. Существенно важны суждения автора о том, что в начале века центром княжества был Городец, а лишь с 1311 г. им стал Нижний Новгород. Блестяще «реабилитирован» тверской князь Михаил Ярославич, которому приписывалось ранее избиение нижегородских вечников. Как доказал В.А. Кучкин, в действительности это было делом рук «своего же» нижегородского князя – Михаила Андреевича. В главе умело обрисованы сложные хитросплетения политических акций московских и тверских князей, с одной стороны, и Орды – с другой, – в пределах Нижегородского княжества. Доказательно локализованы и рубежи этого государственного образования.

Большое внимание автор уделил процессам второй половины XVI в. Им четко воссозданы границы уделов, образовавшихся после 1355 г., убедительно доказана аналогия удельных делений более ранним образованиям, выявлена традиционность обособленности некоторых территорий. Здесь же показан общий стремительный рост территории княжества на восток и юго-восток. Интересно проведено автором исследование отношений нижегородских князей с московскими. В.А. Кучкин с тонким психологизмом сумел передать вынужденные колебания Дмитрия-Фомы между Ордой, которая угрожающе нависла над княжеством, и Москвой.

В шестой главе монографии рассмотрены малоизвестные в историко-географическом отношении княжества (Юрьевское, Дмитровское, Галицкое и Стародубское). По существу в главе представлены четыре очерка, из которых два – о Дмитрове и Галиче – тесно переплетаются, поскольку эти образования имели общих князей (до 1334–1335 гг.). Эта глава также содержит много свежих авторских наблюдений. Сильное впечатление оставляет очерк о Стародубском княжестве и его судьбе в конце XIV в.

Последняя глава книги посвящена сложнейшим проблемам локализации территории и изучению политических судеб в XIV в. таких княжеств, как Ростовское, Углицкое, Ярославское, Моложское и Белозерское. Наиболее плодотворными представляются разыскания автора о Ростовском княжестве; добротна сделана работа по установлению его рубежей. Искусно проведена реконструкция по более поздним сведениям первоначальной территории Ярославского княжества, выявлен процесс его дробления, определены ареалы уделов, в том числе удела старейшего князя этого княжеского дома. Детально выяснена территория Белозерского княжества и фазы его феодального дробления.

Основательная фактическая база книги позволила В.А. Кучкину внести существенные дополнения и коррективы в историче-

скую концепцию процесса феодальной раздробленности в Древней Руси XI–XIV вв. В частности, он считает, что специфика процесса раздробленности в XIV в. заключается в практически повсеместном распространении политических тенденций центростремительного характера. Это вполне четко прослеживается на местах (вплоть до удельных княжеств). По мнению автора, в XIV в. потребность объединения осознается не только частью государственных и политических деятелей той эпохи (прежде всего Московского и Тверского княжеских уделов), но и более широким кругом класса феодалов.

Другой важный итог книги – выявление того временного рубежа, до которого прослеживаемые тенденции центростремительного характера развивались практически повсеместно. Это – примерно середина XIV в.; позднее первенствующая роль носителей объединительной политики закрепляется лишь за немногими государственными образованиями, и прежде всего за Москвой. С этого момента, полагает автор, в мелких удельных (и не только удельных) княжениях процессы дробления снова усиливаются.

Важнейшим практическим итогом исследований В.А. Кучкина служат составленные им ценнейшие карты политической географии Северо-Восточной Руси в XI–XIV вв.

В целом рецензируемую монографию можно расценивать как весьма крупное, глубокое, высококвалифицированное исследование, которое займет достойное место в отечественной историографии Древней Руси.

Новая работа В.А. Кучкина вызывает ряд размышлений, касающихся природы наиболее общих процессов феодальной раздробленности в Древней Руси. Эти процессы, как известно, были вызваны рядом закономерностей общесоциологического характера. К их числу в литературе традиционно относят, в частности, такие факторы, как натуральный характер хозяйства и колониационные процессы в стране. Это неоднократно отмечает и автор книги. Думается, однако, что весьма важную роль в механизме, вызывавшем к жизни феодальные дробления, играли и специфические особенности социально-экономического развития страны, заключавшиеся вкратце в следующем.

Становление древнерусского феодализма совершалось в форме так называемого государственного феодализма. Последнее означало, что ведущую роль в механизме рентных отношений играла рента-налог, т.е. изъятие и перераспределение совокупного прибавочного продукта в пользу господствующего класса носило централизованный характер. На первых порах это обстоятельство определяло особую роль государства и обеспечивало политическое единство громадной по своей территории Древней Руси.

В основе развития такого типа был определенный уровень развития производительных сил в земледелии и фактор существования сильных традиций общинного землепользования и землеустройства. Существенная роль общины маркового типа в конечном счете скорректировала процессы классообразования как процессы, связанные прежде всего с активным воздействием на них рычагов государственной машины. Феодалное землевладение в Древней Руси, вероятнее всего, формировалось как итог трансформации кормлений, а также раздач земельных пространств представителям служилой знати главой государства. Вместе с тем вотчинное землевладение еще не могло служить господствующему классу раннефеодального государства основным источником ренты. Поэтому рента-налог по-прежнему имела весьма существенное значение как для господствующего класса вообще, так и для его верхушки в особенности. Последнее в значительной мере определило развитие господствующего класса как класса, необычайно тесно связанного с государственной машиной и ее рычагами. Численный рост его был, таким образом, в определенной мере обусловлен ростом и усложнением государственного механизма.

Однако, в отличие от целого ряда регионов мира, в Древней Руси рост государственного механизма был существенно ограничен размерами совокупного прибавочного продукта. Кроме того, процесс этого роста и усложнения меньше всего мог выступать в виде увеличения числа должностей и т.п. Государственный механизм, как известно, растет, усложняется, обретает новые формы прежде всего лишь в большем или меньшем соответствии с задачами эпохи, с качественным изменением уровня развития производительных сил вообще и экономики страны в частности. Но это весьма длительный многовековой процесс.

Поэтому в раннефеодальный период элементы приращения совокупного прибавочного продукта в наиболее упрощенных формах создавали предпосылки роста государственной машины лишь как процесса, так сказать, «простого деления клеток». Вместо качественного усложнения этой машины реальностью было деление единого государства на ряд мелких государственных образований – княжеств того или иного ранга. Такой ход политического развития в конечном счете отвечал интересам господствующего класса в целом. Однако особую заинтересованность в нем имела верхушка феодального класса – князья.

В Древней Руси князья наделяли своих наследников прежде всего рентой-налогом, а не комплексом обширных вотчин, территориально объединенных или разрозненных. Необходимость наделения наследников рентой-налогом, причем, в отличие от

бояр и дружинников, непременно с полной гарантией (т.е. наследник должен быть в ранге суверенного главы государства), приводила к тому, что в разные периоды эпохи феодальной раздробленности и в разных ситуациях наряду с действительно подлинными государствами появлялись их многочисленные подобию; а их формирование подчинено было целиком обстоятельствам не объективного, а субъективного свойства¹. Политические комбинации взаимоотношений князей, которые в нашей литературе трактуются как отношения сюзеренитета-вассалитета, являются вместе с тем логическим завершением именно указанной специфики развития рентных отношений. Этой же спецификой, пожалуй, отчасти можно объяснить и весьма упрощенную феодальную иерархию господствующего класса Руси и многочисленность людей княжеского достоинства вплоть до XVI в. На наш взгляд, фактический материал монографии В.А. Кучкина подтверждает предлагаемую гипотезу.

Остановимся лишь на некоторых примерах из книги. Как известно, Северо-Восточная Русь после смерти Ярослава Мудрого управлялась непосредственно его сыновьями, княжившими в Киеве, Чернигове, Переяславле Южном². После смерти Святослава Ростовской землей владел лишь Всеволод. Однако Владимир Мономах, его сын, уже сажает в качестве ростовских князей своих сыновей (с. 67–69). В.А. Кучкин справедливо полагает, что вплоть до конца первой четверти XII в. «верховным собственником северо-восточных земель были южнорусские князья» (с. 71), непосредственно ведавшие судом, налогами, не говоря уже о руководстве военно-политическими акциями. Следовательно, перед нами лишь фиктивные княжения, главы которых были, видимо, только лишь кормленщиками и всю полноту власти и контроль за рентой-налогом имели лишь в перспективе. Однако в середине XII в. Юрий Долгорукий уже при жизни наделяет княжениями своих сыновей, распределив между ними южные земли при одновременном наделении их «волостями» на Северо-Востоке Руси. При этом Андрей получил Владимир, а Василий – Суздаль. В борьбе за ренту-налог с князьями иных ответвлений большинство наследников Юрия Долгорукого теряет свои княжения.

Наиболее крупная фигура на Северо-Востоке в конце XII – начале XIII в. – Всеволод Большое Гнездо снова начинает расчленять созданное им сильное и обширное государство на четыре княжества. А в конечном счете во второй четверти XIII в. вместо единого государства стало семь княжеств, включая и самые карликовые по своему размеру. Однако все они выполняли основную для господствующего класса и его княжеской верхушки функцию – давали ренту-налог князьям и княжеским аппаратам

управления, шедшую прежде всего с черных государственных земель.

Далеко не все из этих территориальных обособлений были образованиями, способными стать суверенными государствами. Поэтому не случайно, что все семь княжеств объединялись в политическую корпорацию во главе с Владимирским княжением (и князем). Владимирский князь выступал как глава дипломатии и военной политики. Ему принадлежало право наследования выморочных княжений. В.А. Кучкин пишет, что все княжества имели «суверенные границы», но это, добавим, не означало, что все они были суверенными государствами. Следовательно, это вынужденная форма политической организации, в основе которой лежали специфичные формы изъятия и распределения господствующим классом прибавочного продукта, составлявшего ренту-налог.

Как известно, монголо-татарское нашествие усилило процесс феодальной раздробленности. Во второй половине XIII в. Восточная Русь насчитывала уже не семь, а тринадцать княжеств.

Новые государства образовались, как подчеркивает В.А. Кучкин, на периферии комплекса старых княжеств, причем не только на западной периферии, как отмечали в свое время С.М. Соловьев и М.К. Любавский, но и на восточной (Тверское, Московское, Галицко-Дмитровское, Белозерское, Костромское, Городецкое и два восстановленных вновь княжества – Стародубское и Суздальское).

В новой исторической ситуации, лишенное Ордой права наследования собственного княжеского стола, Великое Владимирское княжество продолжало осуществлять политическую функцию главного, ведущего княжества. Однако на данном этапе феодальная раздробленность достигает своего расцвета. Обессиленное и постоянно находящееся под жестким контролем Орды Владимирское княжение практически теряет прежние prerogatives в области дипломатии и военной политики северо-восточных княжеств, хотя формально они, видимо, существовали и в ряде конкретно-исторических ситуаций вновь становились реальностью.

Новая политическая ситуация способствовала превращению многих новых «периферийных» княжеств в подлинно суверенные государства (в первую очередь это Тверское и Московское великие княжества). Больше того, тенденции дробления сменяются, как справедливо считает В.А. Кучкин, тенденциями к объединению, основными носителями которых были региональные великие княжества. Разумеется, сильнейшим стимулом к этому была борьба с тягчайшим иноземным игом. Не случайно, что эти тенденции резко усиливаются с момента кризиса ордынской власти в середине XIV в.

Думается, что в этот период, несмотря на развитие вотчинного землевладения, роль ренты-налога все еще сохраняет свое значение, хотя, быть может, в основном для более тонкого слоя господствующего класса. Следовало бы назвать теперь этот фактор «архаичным», но все же он еще существенно влиял на некоторые особенности политического устройства целого ряда княжеств и в XIV в.

Михаил Ярославич Тверской в 1318 г. традиционно завещал уделы своим четырем сыновьям – как получателям ренты-налога. Однако в новых условиях политическое и хозяйственное значение уделов резко различно. Старший сын, великий князь Дмитрий, получает основное ядро – Тверь, обладание которой, как отмечает В.А. Кучкин, давало ему экономическую и военно-политическую силу, а главное – служило залогом политического единения всех тверских уделов (В.А. Кучкин считает это «залогом централизации», с. 185). Значение и вес остальных князей-наследников уменьшаются в соответствии с их возрастом. Младший сын Василий получает совсем небольшое – Кашинское – княжество.

Принципиально новым моментом политического объединения тверских князей, отражающим экономическое и политическое значение в новую эпоху вотчинного землевладения, является наличие в Тверской столичной округе сел и слобод всех без исключения сыновей Михаила Ярославича.

Таким образом, диалектическое единство центростремительных тенденций и процесса дробления все еще допускает воздействие выделяемого нами фактора ренты-налога на механизм появления своего рода «политических симбиозов» региональных великих княжений с удельным окружением. Гарантией существования для князя того или иного удела является теперь не прямая уступка суверенных прав дипломатической и военной политики, а факт совместных владений князьями одного дома в округе близ основного стольного града³.

Ослабление Орды сделало возможным «собираание» тверских земель Михаилом Александровичем. В новой ситуации традиционный раздел Михаилом только что объединенных земель между наследниками носит уже иной характер. Старший сын получает в удел огромную, основную территорию Тверского княжества, остальным же сыновьям достаются лишь карликовые уделы как получателям ренты-налога (думается, что именно с этим связана необходимость сохранения внешней формы княжеств-государств). Из литературы известна и аналогичная практика московских великих князей.

Сосредоточение земельных вотчинных владений князей одного дома на территории, непосредственно окружающей глав-

ный стольный город, было, как выяснил В.А. Кучкин, широко распространенным явлением. Одним из таких примеров является, в частности, наличие в округе Ярославля владений князей разных родственных линий (с. 301).

Наиболее ярко эти же закономерности раскрывает впервые столь тщательно изученная в книге политическая судьба территорий Белозерского и Стародубского княжеств в XIV в. Старший по роду белозерских князей обладал наибольшим и экономически важнейшим уделом, что уже само по себе заставляло остальных удельных владетелей быть в русле его политики. Однако в XIV в. стремление к единству белозерского княжеского рода и здесь подкрепляется новым дополнительным фактором – совместным владением всем княжеским родом территорией вокруг Белоозера (с. 304–314).

Независимое Стародубское княжество к концу XIV в. дробится на четыре удела между сыновьями Стародубского великого князя Андрея Федоровича. И снова старший из них получает наибольшей удел, в котором тем не менее имеют свои села все остальные братья, обеспечивая таким образом «единачество» в политических делах (с. 262). В.А. Кучкин считает, что объединение Дмитрием Донским Московского и Владимирского великих княжений создало все условия для исчезновения Стародубского «политического симбиоза» – комплекса удельных карликовых княжений. В XV в. это множество дробится вновь и вновь, а многочисленные князья переходят на положение служилых князей Москвы.

В некоторых случаях в XIV в. в условиях интенсивной борьбы за политическое объединение русских земель все еще есть княжества, существование которых обусловлено исключительно лишь функцией реализации ренты-налога как основного дохода князя – получателя этой ренты. Примером тому может служить малоизвестное в литературе и четко локализованное В.А. Кучкиным сверхкарликовое Бохтюжское княжество (с. 281–282), представлявшее собой в XVII в. маленькую волость. Впрочем, экономическое значение фактора ренты-налога как средства приобретения тем или иным князем экономического могущества ярко иллюстрируют и так называемые «купли» Ивана Калиты, остроумно интерпретированные В.А. Кучкиным как денежные приобретения ярлыков на княжения в Белоозере, Галиче и Угличе без права наследования этих территорий (с. 147–255). Однако тут же следует отметить, что не менее важным инструментом в борьбе за соби́рание земель был уже новый фактор: постоянное увеличение сети вотчинных владений. Так, В.А. Кучкин выяснил, что Дмитрий Донской, опасаясь реставрации со стороны Орды

Юрьевского княжества, роздал на его территории вотчины всем своим наследникам (с. 237). Дед Дмитрия, Иван Калита, еще раньше стремился упрочить свои политические позиции в других суверенных княжествах, развивая там сеть вотчинного землевладения. Так, не имея возможности превратить территорию великого Владимирского княжества в наследственную для московского великокняжеского дома, он приобретает вотчины близ Владимира, Переяславля, Костромы, Юрьева, а также на территории Дмитровского и Ростовского княжеств. В.А. Кучкин справедливо считает, что цель этих приобретений московскими князьями — не только экономический доход, но и «распространение и упрочение их власти в княжествах, которые им не принадлежали»⁴.

Так сочетались традиционные и новые факторы, действующие на механизм процессов феодального дробления и централизации.

В заключение отметим, что учет специфичности развития формы рентных отношений может прояснить довольно многие политические особенности в судьбах многочисленных княжеств Северо-Восточной Руси, а анализ некоторых моментов интересной монографии В.А. Кучкина, на наш взгляд, вполне подтверждает такую возможность.

¹ Там, где не было княжеской формы государственности (в частности, с 1136 г. в Великом Новгороде), такие факторы, как натуральный характер хозяйства и колонизационные процессы, оказались недостаточными для развития крайних форм феодального дробления.

² За рамками исследования В.А. Кучкина остался период княжения Владимира Святославича, который еще при жизни роздал своим 12 сыновьям не вотчинные комплексы, а города — в качестве полузависимых княжений. Это привело уже в начале XI в. к первым ярким вспышкам феодальной усобицы. Они были обусловлены прежде всего борьбой за ренту-налог, поскольку в то время вотчинное землевладение стояло лишь на заре своего развития. Поход Новгородского князя Ярослава Владимировича против своего отца на Киев был вызван главным образом его нежеланием делиться рентой-налогом.

³ На наш взгляд, наиболее ярко выраженные примеры экономико-политических гарантий политического содружества удельных и великих князей одного дома уже широко известны в литературе. Это совместные (в частности, «третние») владения Москвой и коллективное владение Рязанью с управлением наместниками от каждого из князей и делением доходов. Последнее является, пожалуй, наиболее ярким доказательством жизненности экономической и политической роли ренты-налога.

⁴ Кучкин В.А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва. Сб. ст. М., 1980. С. 31.

О РОССИЙСКОМ ТИПЕ ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

В статье Т.М. Исламова и В.И. Фрейдзона, открывшей дискуссию по вопросам перехода от феодализма к капитализму¹, поставлена на обсуждение целая серия вопросов по генезису и становлению капиталистических отношений. Проблемы, поднятые авторами, в связи с изучением процессов, происходивших в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, – периодизация и становление капиталистического уклада, место крепостной мануфактуры, существование и переплетение феодальных и капиталистических методов эксплуатации – весьма актуальны и для России.

В то же время ряд моментов, фигурирующих в историографии генезиса капитализма названных регионов Европы как решенные, применительно к России еще нуждаются в обсуждении. Главный из них – разработанность далеко не всех конкретно-методологических аспектов перехода от феодализма к капитализму². В отечественной историографии используется ограниченный понятийный аппарат, отсутствуют теоретические разработки специфических механизмов зарождения капитала, складывания рынка труда; до сих пор не уточнено, как следует раскрыть понятие «элементы капитализма». В данной статье ввиду многообразия вопросов, нуждающихся в обсуждении, выделены лишь некоторые, касающиеся главным образом оценки роли и места экономики России XVII в. в историческом процессе зарождения капитализма, особенностей, отличающих этот процесс от западно- и центральноевропейского.

Н.М. Дружинин считал, что для XVII в. характерна «борьба двух противоречивых тенденций: с одной стороны, усиливалось крепостное право... с другой стороны, создавались предварительные условия для возникновения капиталистического хозяйства – углублялось общественное разделение труда, росло количество торговых городов, усиливалось влияние денежного оборота»³. В этих условиях спорадически возникают «ростки», «элементы» капитализма, при условии «безраздельного преобладания» «феодальной системы» подвергавшиеся неизбежной деформации и приспособлению к господствующему типу производственных отношений⁴. Неустойчивость капиталистических форм организации предприятий – основная черта этой эпохи. Поэтому «слабые ростки капиталистического предпринимательства в форме кооперации и мануфактуры» имели (добавим от себя) обратимый характер и не влияли на социально-экономический строй фео-

дальной России⁵. В.И. Буганов, А.А. Преображенский и Ю.А. Тихонов в работе «Эволюция феодализма в России» находят «возможным говорить о необратимости процесса генезиса капитализма уже с XVII в.»⁶, сопровождая данный тезис другим не менее спорным утверждением об одновременном развитии двух способов производства (феодалного и капиталистического). Названные авторы непоследовательно дополняют его рядом оговорок («крепостное право можно расценить в качестве кульминации феодального строя лишь в определенных пределах»), а также квалификацией крепостничества как «крайнего резерва феодализма», связанного с подрывом «возможности даже простого воспроизводства рядового крестьянского хозяйства»⁷.

Между тем, если крепостничество является «крайним резервом» феодализма, неспособным к простому воспроизводству, то перед нами должна быть фаза разложения старого способа производства. Иначе быть не может. Но в таком случае нелогичен тезис об одновременном развитии феодализма и капитализма.

В.И. Ленин при определении исторической эпохи ставил, как известно, прежде всего вопрос о том, «какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание, главное направление ее развития, главные особенности исторической обстановки»⁸. Как только мы поставим этот вопрос по отношению к XVII – первой половине XIX в., являющихся, по мнению названных выше авторов, единым периодом, то увидим, что в него включены исторические эпохи, качественно различные между собой. XVII столетие уже в самом своем начале было отмечено острой борьбой определенных слоев феодального общества за место в господствующем классе-сословии, что можно расценить как показатель незавершенности его социальной структуры⁹. История дает нам примеры такого же рода и для конца XVII в. (движение московских стрельцов). Есть и другие свидетельства того, что XVII в. еще не являлся нисходящей стадией феодального общества.

В.И. Ленин определял прогрессивность того или иного класса антагонистического общества сквозь призму основного критерия: степени исчерпанности его борьбы со старыми социальными силами, а стало быть, и со старыми, отживающими институтами. В частности, в истории европейской буржуазии основной общей чертой времени с 1789 по 1871 г., т.е. «эпохи подъема буржуазии», «восходящей линии буржуазии», была «именно прогрессивность буржуазии, то есть нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом», «с пережившими себя феодально-абсолютистскими учреждениями»¹⁰. В XVII в. прогрессив-

ность феодального господствующего класса (под которой вполне правомерно разуметь «нерешенность, незаконченность» борьбы с остатками предшествующих способов производства и социальных институтов прошлого) не была исчерпана. Подтверждением тому может служить хотя бы продолжающееся в XVII в. развитие института холопства¹¹. Для XVII в. характерна существенная роль холопов в господском хозяйстве¹².

В XVII в. сложные трансформации происходят и с черносошной общиной, статус которой еще в недавнем прошлом (в XVI в.) свидетельствовал о незавершенности процесса становления «государственного феодализма». Ученым, видимо, еще предстоит оценить степень ее включенности в XVII в. в эту систему. Особенно сложен вопрос о владельческой (крепостной) общине — этом характернейшем элементе феодального строя. Поиски рубежа, с которого крепостная община утрачивает свой статус непосредственного целостного пережитка первобытнообщинного строя, являются наиболее важными для определения времени утраты феодализмом последних элементов исторической прогрессивности. По всей вероятности, уже с 30–40-х годов XVIII в. реально ощущается своеобразная «эволюция вспять» крепостной общины: резкая, исторически консервативная гипертрофия демократизма, попрание интересов индивидов. Крупномасштабным в земледельческой крепостной общине этот процесс, видимо, становится со второй половины XVIII в., когда наряду с налоговым гнетом государства резко возрастает земельная теснота в результате развития барщины¹³.

Наконец, для XVII в. остается характерным сосуществование двух форм феодальной земельной собственности (поместья и вотчины). Однако самое важное заключается в том, что им соответствовали разные типы феодального господского хозяйства¹⁴. На наш взгляд, это важнейший показатель незавершенности развития собственно феодальных производственных отношений даже в период формирования крепостного права. Факты свидетельствуют о том, что, начиная с первого десятилетия XVII в., происходит медленный, но неотвратимый обратный поворот господствующего класса к вотчинно-служилой форме феодального землевладения и хозяйства как наиболее оптимальному типу хозяйствования, дающему наибольший по сравнению с поместьем простор для развития производительных сил страны.

Думается, что лишь после внедрения системы рекрутских наборов и окончания формирования феодальной армии крепостнического типа было завершено создание предпосылок для ликвидации феодально-служилого статуса земельной собственности. Конкретный ход событий сложился так, что почти сразу же пос-

ле юридического уравнивания статуса поместной формы владения со статусом вотчины (с 30-х годов XVIII в.) началось массовое поощрение служебных отставок дворянства из армии и государственного аппарата. Этот процесс был завершен известным указом 1762 г. о «вольности дворянства». К этому важнейшему акту полностью приложима марксова характеристика изменения статуса феодальной земельной собственности в Англии в период реставрации Стюартов. К. Маркс писал об английских земельных собственниках, что «они уничтожили феодальный строй помещельных отношений, т.е. сбросили с себя всякие повинности по отношению к государству, “компенсировали” государство при помощи налогов на крестьянство и остальную народную массу, присвоили себе современное право частной собственности на поместья»¹⁵. Феодальная земельная собственность российских помещиков при сохранении ее монопольного характера так же освободилась от повинностей (службы) перед государством. Отныне центр тяжести помещичьих доходов целиком переходил на имение, и это было началом длительного процесса его перестройки с производства потребительных стоимостей на производство стоимостей меновых (как в собственно земледелии, так и в переработке продукции сельского хозяйства)¹⁶. Этот процесс был уже разложением феодализма.

Таким образом, оценка «главных процессов эпохи» показывает, что XVII в. был качественно отличным от последующих эпох. Борьба феодализма с дофеодальными институтами была исчерпана примерно к 20–30-м годам XVIII в. Тогда же в самой структуре феодальных отношений проступают признаки разложения. Причем, весьма важно, что, подобно Германии, Россия переживала в те годы период «пассивного разложения»¹⁷, когда «ростки» нового не обрели своей качественной определенности.

Несколько слов о попытках датировать XVII столетием начало мануфактурного периода в России¹⁸. Споры в литературе велись главным образом вокруг определения общего числа мануфактур (например, не 20–30 предприятий, а 65 и т.п.). Тот факт, что исчезновение одних предприятий, в конце концов, сменялось возникновением других, рассматривается порой как свидетельство необратимости процесса становления мануфактурной формы промышленности¹⁹, впоследствии обретающей «более отчетливое выражение»²⁰. Еще более существенно в данном случае определить, насколько развитие так называемых мануфактур было продиктовано логикой развития производительных сил страны. Исходя из этого, следует, очевидно, внимательнее оценивать уровень развития феодализма в стране и в особенности – уровень развития ее экономики. Примерно с 60-х годов XVI в. шли (с не-

значительной паузой) волны многочисленных социальных потрясений и, что для нас сейчас особенно важно, хозяйственных разорений. В стране стал реальностью глубокий упадок земледелия, резко сократилась численность населения (особенно крестьянства), о чем свидетельствуют массовые данные писцовых книг. В ряде районов к 20–40-м годам XVII в. населенность была ниже уровня XVI в. Сплошной подсчет данных по пяти уездам России (Тверскому, Чернскому, Тульскому, Лихвинскому и Курмышскому) показал, что на 100 дес. бывшей и действующей пашни в 358 поместно-вотчинных владений среднего для 20–40-х годов XVII в. размера (100–300 дес. «четвертной земли») приходилось максимум семь–восемь душ м.п.²¹. Это в 4–5 раз превышало необходимый для более или менее нормального воспроизводства крестьянского хозяйства душевой размер площади пашенных угодий и втрое превышало максимально возможный для крестьянина размер обрабатываемой площади (пять десятин в трех полях).

Такова была глубина спада и земледелия, и плотности населения. Ориентировочные подсчеты показывают, что даже к концу первой четверти XVIII в. населенность имений в России увеличилась лишь вдвое. Напомним в этой связи известные слова К. Маркса: «Чтобы разделение труда внутри общества могло надлежащим образом развиваться, оно предполагает известную плотность населения. Еще более предполагает эту плотность населения развитие разделения труда внутри мастерской»²². Думается, что условий, необходимых для появления мануфактуры, ни в первой половине, ни в середине XVII в. в России еще не было. Они стали создаваться лишь в конце XVII – начале XVIII в.

Глубокий упадок земледелия и резкое уменьшение земледельческого населения страны не могли не сказаться на уровне и темпах развития городов. В первой половине XVII в. они несли тягчайшее бремя регулярных налогов и повинностей, к которым систематически добавлялись чрезвычайные поборы. Это вызвало в середине века волну городских восстаний, направленных главным образом на борьбу за восстановление равномерности тяглового обложения черносошной общины и так называемых беломестцев. Лишь к середине XVII в. истощенная страна стала постепенно восстанавливать феодальную экономику. Правда, уже в 20-е годы XVII в. единичные районы, в определенной мере избежавшие опустошительных разорений в «смутное время», стабилизировали и развивали хозяйство. К ним частично можно отнести районы торгового пути от Ярославля на Вологду и далее водного пути до Архангельска. Но главным образом это было Нижегородское и Казанское Поволжье. Здесь активизировался процесс отделения промышленности от земледелия, на базе до-

машинных промыслов развивалось мелкотоварное производство, формировались неземледельческие торгово-промышленные поселения. Однако развитие отдельных регионов еще не могло компенсировать общего упадка экономики. Более того, формирование торгово-промышленных поселений этого края в значительной мере было стимулировано перемещением в них посадского населения городов, бежавшего от фискального гнета.

Во второй половине XVII в. восстановление экономики не привело еще к сколько-нибудь существенным сдвигам в натурально-патриархальном характере сельскохозяйственной экономики. Об этом, в частности, свидетельствует соотношение форм феодальной ренты в XVII – начале XVIII в. по данным о 365 имениях главным образом междуречья Оки и Волги²³. В первой половине XVII в. отработочная рента была здесь в 2,9% имении, чисто денежная – в 14,7%, сочетания разных форм ренты с непременным элементом барщины – в 82,4% (28 имений). В третьей четверти XVII в. чистая барщина была в 4% имений, денежная всего лишь в 2,3% имений, а в 94,7% имений (70 владений) было сочетание разных форм ренты с непременной барщиной. Наконец, в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в. чистая барщина была в 11,6% владений, чистый денежный оброк – в 8,2%, а сочетание разных форм ренты – в 80,2% имений. Следовательно, в XVII в. и даже в начале XVIII в. еще не было дифференциации владений по формам изъятия прибавочного продукта, которая могла быть продиктована лишь крутыми сдвигами в системе общественного разделения труда.

В условиях России, где от шести до восьми месяцев в году жители были свободны от непосредственных занятий земледелием, основная масса крестьянства издавна занималась домашними промыслами. Их разнообразие, а главное продажа на рынке излишков были не менее важным фактором в развитии процесса общественного разделения труда, чем ремесленная промышленность в городах. Это – одно из важнейших отличий развития экономики России от экономики Западной Европы. В данном контексте распространение денежной ренты есть отражение не столько потребности феодала в деньгах, сколько реальной возможности удовлетворить эту потребность. Период хозяйственного упадка второй половины XVI – первой четверти XVII в. не мог не вызвать натурализации всего хозяйства. К концу XVII в. не произошло качественных сдвигов в системе общественного разделения труда, хотя стремительное развитие городов ряда районов страны дает нам примеры перерастания городского ремесла в мелкотоварное производство.

Капитал появляется главным образом в формах крупного производства только при особо благоприятных обстоятельствах,

какие, например, сложились в конце XV – начале XVI в. в некоторых странах Западной Европы. Там же, где таких условий не было, его появление связано прежде всего с необычайно медленным разложением ремесла и развитием мелкотоварного производства. Однако это вело к зарождению почти исключительно так называемых неадекватных форм капитала, «в которых он выступает не в противоположность к труду: в *мелком капитале* и в промежуточных половинчатых формах... между прежними способами производства... и классическим, адекватным способом производства самого капитала»²⁴. Формы мелкого капитала крайне неустойчивы и слабы прежде всего в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяина возможности капиталистического накопления, т.е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего.

Именно такой характер развития, видимо, был свойствен России со второй половины XVII в. И здесь можно увидеть некоторое сходство процесса зарождения неадекватных форм капитала в России с аналогичным процессом в Англии второй половины XIV–XV в., т.е. того времени, когда Англии еще не были присущи основные черты процесса первоначального накопления, обусловленного главным образом резким расширением рынка, интенсивным развитием экспорта, массовым развитием мануфактуры и т.п. В указанные нами периоды в той или другой стране зарождение капитализма носило спорадический, а следовательно, «более или менее подчиненный» характер. Такая квалификация обусловлена тем, что неадекватные формы капитала не обладали качественной определенностью, «т.е. самый способ производства еще не обладал специфически капиталистическим характером»²⁵. Иными словами, он еще не породил адекватные ему законы капиталистического производства. Поэтому названные формы отношений в силу отсутствия их качественной определенности являются «еще неразвитыми (средневековыми) формами»²⁶. Спорадическое появление их в толще феодальной системы производственных отношений не сказывается сколько-нибудь существенно на развитии старого способа производства; они вполне уживаются с ним. Долгое время на этой стадии находится и так называемая «рассеянная мануфактура».

Разложение «старых экономических отношений земельной собственности» происходит лишь на своего рода микроуровне. По выражению К. Маркса, это было разложение, «совершающееся в отдельных точках»²⁷. Именно вследствие названных свойств, неадекватные формы капитала вели к тому, что «как в

деревне, так и в городе хозяева и рабочие стояли социально близко друг к другу... Значительная часть национального продукта, превратившаяся позднее в фонд накопления капитала, в то время (т.е. в Англии второй половины XIV–XV в. *Л.М.*) еще входила в фонд потребления рабочего²⁸.

Начало капиталистической эры К. Маркс связывал лишь с появлением крупного производства в форме централизованной мануфактуры, ибо именно эта форма в конечном счете вызвала к жизни основные законы капиталистического способа производства, которые сначала были исторически ограничены и лишь с переворотом в механизме ценообразования получили полный простор действий.

Обращение к фактическому материалу по стоимости поденного и краткосрочного найма, сопоставление их с ценами на основные продукты питания, жилье, транспортные средства индивидуального пользования и т.п. свидетельствуют о том, что в XVII в. тенденция к высокому уровню оплаты наемного труда проявлялась весьма четко. Это обнаруживается по данным оплаты и неквалифицированного и квалифицированного труда. Последнее обстоятельство представляется наиболее важным в анализе тенденций развития мелкого капитала в его неадекватных или промежуточных формах, ибо центральной фигурой свободного найма в мелких предприятиях (не говоря уже о первых предприятиях мануфактурного типа) оставался квалифицированный работник. Высоко оплачивался поденный и краткосрочный труд ремесленников-наймитов самых различных специальностей (от сапожника, каменщика до кузнеца).

Однако высокий уровень поденной оплаты и данные о реальной заработной сумме какого-либо квалифицированного наймита за продолжительный срок (например, за год) часто не соответствуют друг другу. Реальные заработки оказываются во много раз ниже, чем расчетные годовые показатели, основывающиеся на данных обычного уровня поденной оплаты.

Этот разрыв был обусловлен многими причинами. Среди них важнейшая, видимо, состоит в неполной занятости и ремесленника и мелкого товаропроизводителя. Существенную роль в неполной занятости играло непостоянство спроса на труд той или иной специальности. В XVII в. это вело к тяжелой зависимости ремесленников-наймитов от торгово-ростовщического капитала. Следовательно, в этот период далеко не во всех городских центрах страны ремесло (с точки зрения продолжительности и регулярности ежедневного труда) стало «подготовительной школой для капиталистического способа производства, для непрерывности и постоянства труда»²⁹.

Итак, отсутствие непрерывного производства в мелкотоварном производстве в сочетании с высоким уровнем оплаты свободного наемного труда создавало неблагоприятные условия для самого важного процесса – накопления мелкого капитала. Низкая прибыль в мелкотоварном производстве, в свою очередь, вела не к вложению торгового капитала в производство, а лишь к закабалению разного рода мелких ремесленников и промышленников торгово-ростовщическим капиталом³⁰.

Исходя из вышеизложенного, можно определить широко известные железоделательные, стекольные, бумажные и прочие мануфактуры XVII в. как явление спорадического характера, понимая под спорадичностью не столько их численность, сколько изолированность их появления от общего уровня экономики страны. Они не были органическим порождением процесса общественного разделения труда внутри данного общества. «Кузнечная мельница» («самоков») на Пушечном дворе, созданная в 1624 г. иноземными мастерами, а также железоделательный доменно-молотовый комплекс Андрея Виниуса (1632) возникли еще в разоренной стране. Завод А. Виниуса, как и другие крупные доменно-молотовые комплексы XVII в., были основаны на капиталы иноземцев-концессионеров Петра Марселиса, Андрея Бутенанта и Филимона Акемы при мощной финансовой и государственной поддержке правительства. В.И. Ленин в «Развитии капитализма в России» в главе о капиталистической мануфактуре, изучая мануфактурную организацию самоварного и гармонного промысла XIX в., упоминает завод А. Виниуса (равно как и демидовский завод) лишь в связи с древностью промыслов в районе Тулы: «Начало их восходит к XV в. Особенное развитие они получили с половины XVII в... В 1637 г. был построен первый чугунолитейный завод (голландцем Виниусом). Тульские оружейники образовывали особую кузнечную свободу, составляли особое сословие, с особыми правами и привилегиями. В 1696 г. возникает в Туле первый чугунолитейный завод, устроенный выдающимся тульским кузнецом, и промысел переходит на Урал и в Сибирь... Мастера стали заводить свои заведения, обучая ремеслу и окрестных крестьян. В 1810–1820-х годах возникли первые самоварные фабрики... Здесь, следовательно, мы видим непосредственное преемство и связь между старыми цеховыми мастерами и принципами позднейшей капиталистической мануфактуры»³¹.

Таким образом, заводы иностранцев-концессионеров, появившиеся в силу хозяйственно-политических потребностей страны при энергичном и определяющем содействии государства, по сути своей были явлением особого рода. В связи с этим для оцен-

ки причин их появления возможен подход, отличный от традиционного. Остановимся на этом вкратце.

Применительно к XVII в. уже можно говорить о деятельности государства в области экономики. В принципе такого рода деятельность свойственна любому государству, начиная с эпохи рабства. К. Маркс определял ее, как создание *«всеобщих условий производства»*³². В первую очередь, это строительство дорог, каналов, оросительных систем. Гигантская затрата рабочей силы и материальных средств при таких работах под силу только государству, которое ведет их *«при помощи государственных подрядчиков... посредством барщинного труда или налогов»*³³, т.е. путем траты государственного дохода. В последнем случае наемные работники не олицетворяют собой наемный труд как выражение капиталистических производственных отношений, а представляют собой так называемый обмен услугами. Названный вид работ способствовал развитию средств сообщения и тем самым содействовал развитию экономики в целом, либо непосредственно увеличивал производительные силы страны.

В условиях России XVI–XVII вв., где государство являлось не только продуктом социального антагонизма феодалов и крепостных, но еще и завершающим звеном в системе *«государственного феодализма»*, функции правительства по созданию *«всеобщих условий производства»* были весьма многообразны; к ним, в частности, относилось строительство правительством оборонительных сооружений (городских крепостей, детинцев и т.п.).

Особенно большие людские и материальные ресурсы в XVII в. были затрачены на создание гигантских засечных черт и нескольких десятков городских крепостей и городов для защиты южных границ государства. Это способствовало быстрому экономическому освоению обширных пространств к югу от Оки и в Среднем Поволжье. Созданием *«всеобщих условий производства»* было и оснащение пограничных сооружений, укрепление армии.

В условиях истощения экономики и финансов в XVII в. эта деятельность проявилась в создании иностранцами-концессионерами заводов, работающих на нужды казны. Позже, в начале XVIII в., государство непосредственно через *«государственных подрядчиков»* создает металлургические, военные заводы в центре страны, на Урале и в Сибири, а также заводы по добыче меди, служившей главным образом сырьем для монетных дворов. В XVIII в. феодальное государство вело и другие крупномасштабные работы по созданию *«всеобщих условий производства»*. Прежде всего здесь следует упомянуть строительство водных путей из Волги в Неву и гигантские по масштабу работы по соору-

жению порта на Балтике – Петербурга. Все эти требовавшие громадного количества людей работы велись либо на средства казны, за счет дохода от налогов (т.е. в форме обмена дохода на живой труд), либо, наконец, в форме барщины, т.е. подневольных работ в порядке феодальной повинности.

Что касается сезонных работ, то они приобретают подлинно капиталистический характер (по степени эксплуатации труда) лишь в последнюю очередь, когда в стране, по крайней мере, сложился промышленный капитализм, когда налицо развитая система конкуренции: рабочих на рынке труда. Именно последнее обстоятельство делало возможным создание столь низкого уровня максимальной заработной платы, что это позволяло осуществлять капиталистическое накопление и в этих отраслях хозяйства. Совсем иная ситуация складывалась в большинстве районов страны в тот период русской истории, когда капиталистические отношения только зарождались. В этих условиях предприятия сезонного типа менее всего были подвержены проникновению зрелого капитализма, а тем более его специфических законов.

Возьмем, к примеру, наиболее важный и массовый тип сезонных работ – речной транспорт. Существует мнение, что именно в этой отрасли хозяйства страны очень рано появляются капиталистические отношения, создается капиталистическое транспортное предприятие³⁴, иногда определяемое как предприятие мануфактурного типа³⁵.

Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс, изучая генезис промышленной капиталистической прибыли, относили транспорт к тем отраслям, где она появляется еще в средние века³⁶. Однако Ф. Энгельс подчеркивал, что промышленная прибыль в этой отрасли была в среднем равна (т.е. не выше) торговой прибыли той или иной страны³⁷. Иными словами, размер этой промышленной прибыли не давал предпринимателю преимуществ для капиталистического накопления и экономической экспансии в этой отрасли хозяйства. Следовательно, зарождение промышленной капиталистической прибыли в этой отрасли экономики не имело реального исторического значения для судеб генезиса капитализма, ибо не вело к перевороту в механизме ценообразования³⁸.

Главное же состоит в том, что промышленная капиталистическая прибыль впервые зарождается лишь в регулярном морском судоходстве, а не в сезонном речном транспорте. К. Маркс писал в связи с анализом процесса зарождения промышленной прибыли на транспорте, что «капиталист не может заставлять рабочего работать дольше, чем это требуется для перевозки продукта. В противном случае капиталист понапрасну израсходовал бы рабочее время, а не использовал бы его, т.е. не объективиро-

вал бы его в виде потребительной стоимости»³⁹. В речном же судоходстве работные люди нанимались как раз чаще всего на один лишь рейс⁴⁰. Поэтому в речном сезонном судоходстве фактор присвоения прибавочного труда появляется, во-первых, лишь в условиях острой конкуренции среди рабочих, т.е. в условиях громадного избытка свободной рабочей силы, во-вторых, при уровне оплаты труда ниже его стоимости, т.е. когда часть затраченного рабочим труда не находит стоимостного вознаграждения. Это означает, что «часть времени, затраченного рабочим на перевозку продукта, ему *не оплачивается*, так как эта часть *превышает* труд, необходимый для существования рабочего, представляет собой прибавочное время»⁴¹. Необходимый труд (необходимое рабочее время) охватывает, как известно, лишь ту сумму потребительных стоимостей, которая нужна для сохранения рабочей силы⁴². Следовательно, человек, работающий, к примеру, на подъеме судов в XVII в. от Астрахани до Нижнего Новгорода в течение 80 дней⁴³, должен заработать средства для своего существования на этот период в 80 дней за гораздо меньшее время (например, за 40 или 50 дней) и вследствие этого значительную часть названного срока, т.е. 40 или 30 дней, работать по существу даром. В практике сезонного судоходства в XVII и, по крайней мере, начала XVIII в. этого не существовало, да и не могло существовать, так как неоплаченное прибавочное рабочее время в период генезиса и развития капитализма было реально-стью лишь в регулярном морском судоходстве, в условиях, так сказать, непрерывного производства. К. Маркс писал по этому поводу следующее: «Моряку, перевозчику и т.д. требуется только полгода рабочего времени (если таково вообще отношение необходимого для существования труда [к общему количеству труда]) для того, чтобы прожить год; таким образом, капиталист пользуется их трудом целый год, а оплачивает полгода»⁴⁴. В конце XVII в. ситуация была прямо противоположной. Расчеты показывают, что на деньги, заработанные наймитом на трассе Астрахань – Нижний Новгород, он мог питаться не только 80 дней рейса, но и еще примерно 300–320 дней. Таким образом, в данном случае действительно не было времени, которое рабочий человек отработывал бы на купца-судовладельца даром.

Таким образом, в XVII в. работа на судах была настолько высоко оплачиваема, что не приходится сомневаться в отсутствии на водном транспорте (за исключением мелких перевозок местного характера) системы капиталистической эксплуатации свободного наемного труда. Разумеется, спорадически встречались и случаи, когда купец присваивал прибавочный труд транспортно-го рабочего, но они чаще связаны с различными формами каба-

лы. Как правило, транспортный рабочий получал оплату труда по его стоимости и, возвращаясь домой, мог даже завести мелкую торговлю или промысел⁴⁵.

В условиях колоссальных транспортных издержек на водных путях России выгоду для купца-судовладельца составляло не прибавочное рабочее время наемных судовых работников (для присвоения которого в сезонном режиме плавания не было условий), а неэквивалентный обмен в торговле. «Средства сообщения и транспорт сами могут быть сферой увеличения стоимости, сферой труда, применяемого капиталом, только при наличии массового обмена»⁴⁶. А массовый обмен был необходим для сокращения транспортных издержек и для рентабельности средств сообщения. Эпоха массового обмена, как известно, это эпоха капитализма.

Особое внимание в работах о генезисе капитализма в России обращается на сезонное производство по выделке кож-юфтей. Это производство в конце XVII – начале XVIII в. было сезонным не столько в силу специфичности его технологии, сколько в силу обстоятельств, связанных со строгой определенностью времени сбыта этого товара через Архангельский порт, а позднее в Петербург, в Европу. В этой отрасли хозяйства ряд исследователей также находят капиталистическую мануфактуру (где были предприятия с числом рабочих до 100–120 человек)⁴⁷.

Специфика этого производства была обусловлена резким несоответствием в технологии кожевенного промысла, с одной стороны, необычайно продолжительной «фазы производства», а с другой стороны, очень короткого периода собственно «рабочего времени», т.е. времени применения живого труда, частичками вкрапленного в «фазу производства»⁴⁸. Видимо, именно вследствие этих причин кожевенное производство становится непрерывным производством в собственном смысле слова (т.е. непрерывности применения живого труда) лишь в период общего высокого уровня капитализма в стране. В сложном ремесле кожевника-юфотника в технологии обработки кож до стадии заключительного выглаживания и крашения кож существовало еще свыше 20 операций химической и «механической» обработки⁴⁹. Вместе с тем внутрипроизводственного разделения труда у ремесленников не существовало, хотя на трудоемких операциях иногда практиковался наем дополнительной рабочей силы⁵⁰.

Появление «частичных» рабочих, нанимавшихся на более или менее краткие сроки, не было вызвано развитием внутрипроизводственного разделения труда (ведь технология целиком осталась той же, что была у ремесленников), а диктовалось специфичностью производства.

Резкое несоответствие длительности общей «фазы производства», с одной стороны, и рабочего времени, т.е. времени применения живого труда, с другой, создавало ситуацию, крайне невыгодную владельцу кожевни. Длительные фазы химической обработки, чередующиеся с применением живого труда, приводили при наличии постоянной рабочей силы к необходимости искусственно завышать долю «необходимого труда» за счет прямой потери возможности присвоить прибавочный труд наемного работника. Об аналогичной ситуации К. Маркс писал следующее: «В тех отраслях производства, где требуются специальные рабочие, которые, однако, могут быть заняты только в течение части года, так как продукты их труда имеют сбыт лишь в течение определенного времени года, — этим рабочим пришлось бы заплатить за целый год»⁵¹. Иначе говоря, капиталист делился здесь с рабочими частью прибавочной стоимости.

В конце XVII – начале XVIII в. русские купцы приспособились к требованиям технологии кожевенного дела другим способом. Они, как и ремесленники, прибегали к более или менее краткосрочному, но уже массовому найму на определенный вид работ. Так работали «топтали», «строгали», «гладильщики» и т.д. Однако с точки зрения экономической, краткосрочный наем означал лишь эпизодическую связь работника с хозяином кожевни, а в условиях XVII в. это способствовало оплате не только необходимого живого труда, но и существенной доли труда прибавочного. Поденная, понедельная и даже помесечная форма труда эффективны для капиталиста лишь в условиях острой конкуренции на рынке труда и, как следствие этого, низкого уровня оплаты труда. Купец, скорее всего, присваивал лишь часть прибавочного труда, обусловленного феноменом кооперации рабочей силы. При этом рабочий-специалист крупной кожевни должен был зарабатывать не меньше квалифицированного ремесленника. Преобладание краткосрочного найма в купеческих кожевнях не дает оснований квалифицировать их как мануфактуры. Форма капиталистической кооперации выступала здесь реальной лишь на отдельных этапах производственного цикла, причем характер этих работ способствовал кратковременному найму, а это создавало неблагоприятные условия для капиталистического накопления. Перед нами тот же тип отношений «средневекового» капитализма с той лишь разницей, что хозяин кожевни был одновременно представителем крупного торгового капитала.

Указанные особенности были характерны и для такой весьма специфичной отрасли хозяйства, как винокурение, социальная организация которого практически не влияла ни на процесс общественного разделения труда, ни на механизм ценообразования.

В XVII в. казенные винокурни в большинстве своем работали на 10% мощности, т.е. потенциального объема продукции при условии бесперебойной непрерывной работы в течение года⁵². Нерегулярность производственных циклов, неравномерность загрузки оборудования вели к господству краткосрочных форм найма не только в XVII в., но и в более поздний период. Купцы, владевшие винокурнями в Казанской губернии, в одной из челобитен начала XVIII в. специально оговаривали, что «у них на тех заводах с крепосми (т.е. с оформлением найма на длительный срок. – Л.М.) работных людей держать невозможно, понеже бывают у них в найме, в работе человек по неделе и дни по три, и по два, а по последней мере (т.е. в крайнем случае. – Л.М.) самое малое число (таких работников. – Л.М.), что по месяцу (работают. – Л.М.)... годовые (же. – Л.М.) никогда не нанимуютца...»⁵³. В XVII в. краткосрочный наем одновременно сопровождался здесь также высокой по своему уровню оплатой⁵⁴.

Сезонное производство в России XVII – начала XVIII в. было представлено не только винокурением, обработкой кож. К нему относились также многочисленные солодовенные, салотопенные, свечные и т.п. заведения. В них также господствовали неадекватные формы капитала. Будучи типично «средневековыми», они не оказывали существенного влияния на старый способ производства, не вели к перевороту в механизме ценообразования, т.е. не способствовали образованию промышленной прибыли. Поэтому их появление, как в равной мере и исчезновение, sporadически могло происходить и, видимо, происходило и в более ранний период, хотя сам процесс их генезиса был несомненно процессом спонтанным.

Практическое стремление к интенсификации эксплуатации наемного труда и тем самым увеличения прибавочной стоимости, присваиваемой капиталистом, впервые было вызвано к жизни и отражено в российском законодательстве известным указом о плакатных ценах, т.е. максимума почасовой оплаты вольного труда, лишь в конце первой четверти XVIII в., в то время как в Англии и во Франции постановка этой проблемы относится еще к середине XIV в. Что же касается борьбы предпринимателей за удлинение рабочего дня, то законодательство России не только в XVII, но и в XVIII в. еще не знало этой проблемы.

Причина тому не только в господстве сезонного производства, отсутствии рынка рабочей силы и емкого товарного рынка, краткосрочности найма и высокого уровня его оплаты, иначе говоря, в отсутствии процесса капиталистического накопления и развития адекватных форм капитала. Причина тому в существовании и господстве в России, начиная с конца XVII в., особого ук-

лада производственных отношений в промышленности, известного как «крепостная мануфактура».

В последнее время наметились попытки полностью отказаться от сложившейся в литературе традиции особого вычленения в рамках проблемы генезиса капитализма специального вопроса о крепостной мануфактуре. В частности, В.И. Буганов, А.А. Преображенский и Ю.А. Тихонов вслед за С.Г. Струмилиным считают одним из критериев мануфактуры внутривидовое разделение труда, т.е. технику организации производства⁵⁵, квалифицируют «крепостную мануфактуру» и мануфактуру, основанную на вольнонаемном труде, как буржуазное, капиталистическое производство, приводя в качестве решающего аргумента производство продукции на рынок и получение так называемой прибыли. Авторы характеризуют мануфактуру как элемент складывавшейся буржуазной системы хозяйства, а в другом месте – как уклад капиталистического общества в недрах феодализма⁵⁶. По мнению А.А. Преображенского, она противостоит натурально-потребительскому (по преимуществу) облику феодальных форм хозяйства, выражает один из ведущих процессов генезиса капитализма в России, а распространение принудительного труда мастеровых людей и приписных крестьян принципиально не может изменить этого вывода⁵⁷.

Представляется невозможным определять социальную сущность явлений в период разложения феодализма и зарождения капитализма только двумя альтернативными квалификациями: либо – феодализм, либо – капитализм. В конкретно-историческом развитии имеет место и отступление от логического, т.е. от «общего», проявление развития «только в особенной форме»⁵⁸. «Особенными формами» наиболее богаты переходные стадии развития. Эпохи «переворота в общественном способе производства», как писал К. Маркс, протекают «среди пестрого хаоса переходных форм»⁵⁹. При исследовании специфики генезиса капитализма в России важнейшее значение имеет учет фактора так называемого межформационного влияния. О нем в свое время напоминал К. Маркс в одном из набросков письма к В. Засулич⁶⁰. Развивающиеся с конца XV – начала XVI в. в Западной Европе капиталистические отношения и мировой рынок, хотя далеко не сразу, но в конечном счете оказали влияние на развитие России. Итог этого влияния в XVII–XVIII вв. сказался в том, что в России был исключен вариант повторения того механизма зарождения капитализма и разложения феодализма, который испытали на себе страны спонтанного развития капитализма. В коллективном докладе на дискуссии, посвященной проблемам перехода России от феодализма к капитализму (1965), главный итог межформаци-

онного влияния был сведен к тому, что «крепостничество утилизировало формы производства, возникшие в другой социальной среде, чтобы устоять перед напором передовых капиталистических стран»⁶¹. В более обобщенной форме итог этого влияния может быть сформулирован шире: появление массового промышленного труда на крепостной основе⁶². Особенно важно подчеркнуть, что появлению промышленного труда, в частности, в античное время могло способствовать даже одно лишь влияние торговли и развития купеческого капитала (т.е. появление рабовладельческой системы, направленной на производство прибавочной стоимости)⁶³.

Для эпохи разложения феодализма важнейшим моментом, исключая капиталистические отношения, К. Маркс считал, в частности, нерасчлененность ренты и прибыли: «А. Смит показывает, что в его время (т.е. в XVIII в. – Л.М.)... рента и прибыль еще не обособились, потому что земельный собственник есть в то же время и капиталист... Но это обособление – как раз предпосылка капиталистического способа производства, самой сущности которого вообще противоречит такой базис, как рабство»⁶⁴. В.И. Ленин в свою очередь особо подчеркивал, что прямое отношение к указанному синкретизму имеет не только земельная рента, но и феодальная рента, основанная на владельческом праве. Говоря о крепостной промышленности Урала и ее пережиточных чертах в пореформенное время, В.И. Ленин особо выделял тот факт, что заводовладельцы одновременно являются «помещиками и заводчиками», акцентируя внимание на их привычке «к безраздельному и неограниченному господству, к положению монополистов, основывающих свою промышленность на своем владельческом праве, а не на капитале и конкуренции»⁶⁵. Очевидно, что формационная принадлежность такого рода явлений исключена, они могут быть оценены лишь как «оригинальные», особенные формы развития, а в общем контексте перехода от феодализма к капитализму как промежуточные, переходные способы производства.

По мнению А.А. Преображенского, «применение труда рабов на плантациях юга США не исключало буржуазного характера этого производства и его связей с мировым рынком»⁶⁶. Напомним, что К. Маркс и Ф. Энгельс многократно обращались к феномену плантационного рабства, характеризуя это явление с самых разных сторон. Однако во всех характеристиках четко разделены два основных аспекта оценки: а) социальная сущность явления, оценка характера производственных отношений, б) причины, вызвавшие это явление к жизни, и роль его в мировом рынке, в системе общественного разделения труда. Оценивая по-

следнее, К. Маркс всегда подчеркивал, что при «кругообороте промышленного капитала» создается ситуация, когда он «перекрещивается с обращением товаров, произведенных при самых разнообразных способах общественного производства, поскольку эти способы производства представляют собой в то же время товарное производство»⁶⁷. Выделяя в мировой системе общественного разделения труда важнейшую экономическую роль хлопка, получаемого в плантационном хозяйстве, К. Маркс в «Нищете философии» писал: «Подобно машинам, кредиту и т.д. прямое рабство является основой буржуазной промышленности. Без рабства не было бы хлопка; без хлопка немыслима современная промышленность. Рабство придало ценность колониям, колонии создали мировую торговлю, мировая торговля есть необходимое условие крупной промышленности. Таким образом, рабство представляет собой в высшей степени важную экономическую категорию.

Без рабства Северная Америка, страна наиболее быстрого прогресса, превратилась бы в патриархальную страну»⁶⁸.

Диалектика конкретно-исторического развития такова, что старый способ производства в силу сложившегося мирового разделения труда сыграл важнейшую роль в становлении и развитии собственно капиталистической промышленности. Однако это отнюдь не означает капиталистическую природу самого способа производства на хлопковых плантациях США. *«Рабство негров – это чисто промышленное рабство, которое неминуемо исчезает с развитием буржуазного общества и несовместимо с ним, – предполагает буржуазное общество, и если бы рядом с рабовладельческими штатами не существовало других, свободных штатов с наемным трудом, если бы рабовладельческие штаты были изолированы, то тотчас же все общественные порядки этих штатов превратились бы в формы, характерные для такой ступени, которая предшествовала цивилизации»*⁶⁹. Конкретная экономическая роль промышленного рабства, его включенность в «буржуазную систему производства» не меняет оценки собственно социальной сути производственных отношений как отношений рабства, однако в той форме, которая порождена развитием капитализма. Когда Поль Лафарг под впечатлением органичной спаянности плантационного хозяйства с буржуазной экономикой назвал рабовладельцев капиталистами, Ф. Энгельс внес коррекцию в эту оценку: «Ваш рабовладелец, производящий товары для рынка в Новом Орлеане, не является капиталистом, так же как не является таковым румынский боярин, эксплуатирующий барщинных крестьян. Капиталистом является только такой собственник средств труда, *который эксплуатирует с в о б о д н о г о р а -*

б о ч е г о»⁷⁰. В этом отношении краеугольным камнем остается тезис К. Маркса: «Только та форма, в которой... прибавочный труд выжимается из непосредственного производителя, из рабочего, отличает экономические формации общества»⁷¹.

Следует особо остановиться на характере разделения труда внутри мастерской (речь идет о первых шагах развития так называемых предприятий мануфактурного типа). В железоделательных заводах XVII в. главным элементом было не подетальное разделение труда и применение девалифицированного труда частичных рабочих, а применение примитивных машин, «приведение... инструментов в действие силами природы»⁷². Именно это определяло резкий скачок в качестве металла («переделочный процесс», чугунолитейное дело), а также громадную производительность в его первичной обработке (механическая ковка, сверление и т.д.). Что же касается кадров, то здесь по-прежнему сохранилось домануфактурное деление на высококвалифицированных мастеров-кузнецов и малоквалифицированных работников. К. Маркс подчеркивал, что в Западной Европе на ранних этапах зарождения капитализма «отличительным свойством мануфактуры было скорее соединение многих работников и многих ремесел в одном месте, в одном помещении, под командой одного капитала, а не разложение труда на его составные части и приспособление специальных рабочих к очень простым операциям... В конце XVI и в начале XVII в. голландская мануфактура была еще едва знакома с разделением труда»⁷³. Однако в той ситуации, которая сложилась с конца XV в. в Западной Европе, процесс простого укрупнения производства был форсирован резким расширением рынка и увеличением масштаба торговли до мирового и тем самым достигнут был качественно новый этап в развитии промышленного производства. Своего же адекватного технического базиса мануфактура достигает лишь позже. Даже в собственно мануфактурный период, т.е. когда мануфактура является уже господствующей формой производства среди капиталистических предприятий, «ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен независимого от самих рабочих объективного скелета»⁷⁴. В условиях России технический уровень внутрипроизводственного разделения труда в первых крупных предприятиях XVII–XVIII вв. не мог определять их социальную сущность. Важно в этой связи напомнить принципиальную формулировку Ф. Энгельса: «Стоящая перед производством цель – производить товары – не придает орудию производства характера капитала»⁷⁵. Более того, «обладание деньгами, жизненными средствами, машинами и другими средствами производства еще не делает че-

ловека капиталистом, если отсутствует такое дополнение к этому, как наемный рабочий»⁷⁶.

При всем конкретно-историческом различии между плантационным рабством США и крепостной, а тем более вотчинной мануфактурой XVIII – первой половины XIX в., есть одно типологическое сходство: оба они представляют прежние докапиталистические способы производства, включенные в «буржуазную систему производства»⁷⁷. Основная же причина, порождающая их, заключается в отсутствии рынка свободного наемного труда.

Впрочем, А.А. Преображенский считает, что массовое распространение подневольного, крепостного промышленного труда в России не связано с отсутствием рынка свободного труда⁷⁸. Однако названная им цифра свободных людей (200–300 тыс. человек), лишенных средств производства, может квалифицироваться лишь как «случайно незанятое население»⁷⁹. Если же «узости рынка труда» нет, то неизбежно должен быть в реальности такой процесс экспроприации, который создает избыток свободной рабочей силы или, по крайней мере, ее воспроизводство. Как известно, классическим примером форсирования процесса экспроприации служат английские огораживания и ряд иных явлений XVI–XVII вв., известные как фундаментальные проявления процесса первоначального накопления. В России же аналогичного процесса не было вплоть до отмены крепостного права. Экспроприация шла здесь крайне медленно, а пауперизированный элемент на рынке труда был лишь временным явлением, поскольку его поглощал другой процесс – процесс заселения и освоения новых земель⁸⁰. В силу этого «наемный рабочий... исчезает с рынка труда, но только не в рабочий дом»⁸¹. Думается, что в России XVII – первой половины XVIII в. суть проблемы найма была именно в этом. Та или иная отрасль промышленности, исчерпав на первых порах «случайно незанятое население», прибегала в конце концов к промышленному труду на крепостной основе.

В связи с этим необходимо еще раз затронуть неоднократно обсуждавшийся вопрос о сущности так называемого принудительного найма. В рамках господствующего феодального способа производства так называемый «домашний ремесленный и мануфактурный труд»⁸² всегда имел место в качестве побочного при земледелии производства. В России XVI–XVII вв. существовали, в частности, дворцовые казенные предприятия домашнего мануфактурного труда (Хамовная и Кадашевская слободы, Тверская-Константинова слобода, Бархатный двор, Царицына палата, Оружейная палата и т.д.), бывшие простым придатком к натуральному земледельческому хозяйству страны, удовлетворявшие исключительно потребности дворца и казны.

Рабочая сила на таких производствах была либо наемной (и тогда этот наем был внешним проявлением обмена услуг), либо феодально-зависимой. В последнем случае кадры рекрутировались принудительно по государеву указу. Тем не менее государственные ткачи («пряльи», «ткальи», «бральи» и т.п.), оружейники, иконописцы и иные мастера получали денежное и натуральное жалованье, иногда имели некоторые привилегии. Когда мы имеем дело с принудительным, хотя и квалифицированным ремесленным трудом, отношение обмена услуг в этом случае отсутствует. Основная причина такого положения состоит в том, что «здесь *отношение господства* выступает как существенное отношение присвоения», а «предпосылкой отношения господства является присвоение чужой *воли*»⁸³. Между тем необходимо отличать этот труд от рабского труда. Как известно, феодальный (крепостнический) способ производства подразумевает непосредственного производителя в качестве неопосредованного собственника жизненных средств. Поэтому изъятие прибавочного продукта сопровождается внеэкономическим принуждением. Но если крестьянин в силу самой сути феодального способа производства имеет необходимый продукт в виде жизненных средств уже изначально, в рамках своего хозяйства, то крепостной ремесленник лишен его. Между тем при феодализме ремесленник также является собственником своих жизненных средств, хотя эта собственность предстает не в непосредственном виде (как у крестьянина), а в опосредованном и выступает в качестве собственности на орудие труда, собственности на мастерство, собственности «на самый труд как определенную ремесленную сноровку»⁸⁴.

Такая форма собственности исключает возможность наступления крепостной зависимости только тогда, когда достигает своей высшей стадии развития в виде корпоративной организации ремесла. Это получило широкое развитие в странах Западной Европы, в городах-коммунах. Когда же исторические условия для создания такой формы защиты собственности ремесленника на мастерство неблагоприятны, то он может и утратить свою свободу. Однако его собственность на мастерство, на способность владеть орудием ремесленного труда не исчезает и в крепостном состоянии (точно так же, как и крепостной крестьянин, он остается собственником своих жизненных средств).

Становится ясной и ситуация, когда крепостной ремесленник получает жалованье (денежное или натуральное). Оно является здесь средством реализации особой формы его собственности. Поскольку квалифицированный ремесленник в качестве феодально-зависимого, крепостного работника крупной мастерской не имеет необходимого продукта в его изначальной натуральной

форме, то он получает его в виде «корма», в виде городского участка земли, в виде дома и хозяйственных построек.

При развитии промышленного труда на крепостной основе образуется аналогичная ситуация. Если участие в промышленном труде позволяет непосредственному производителю не отрываться от ведения крестьянского хозяйства, то он остается владельцем жизненных средств в их изначальной форме и обрабатывает в форме промышленного труда лишь свои феодальные повинности. Это классическая форма крепостного промышленного труда, отражающая экономическое равновесие между крестьянскими занятиями и промышленным трудом, была широко развита в текстильной и некоторых других отраслях хозяйства России. Если же характер промышленного труда нарушает эту связь с крестьянским хозяйством или совсем отрывает от него в силу необходимости достижения высшего мастерства, то рабочий человек получает свои жизненные средства (как их собственник) в виде оплаты труда (годовое, месячное и т.п. жалованье, повременная оплата «корма» и т.д.). Чем искуснее мастерство, чем ценнее и дефицитнее промышленная специальность, тем прочнее реализуется собственность на мастерство. Высококвалифицированные ремесленники и мастера, естественно, имели гораздо больший объем жизненных средств (а, стало быть, и оплату), чем малоквалифицированные. Иногда оплата их труда не отличалась от оплаты наемных работников такой же квалификации. Крепостное состояние не может элиминировать этот момент, хотя в рядовых случаях низводит жизненные средства крепостного промышленного мастера до минимума. Мастер же высокой квалификации мог иметь и больший размер оплаты и большую свободу распоряжения временем, возможности частичной работы в качестве свободного ремесленника и т.д. и т.п. Думается, что именно в этом, а не в так называемой эволюции в сторону капиталистических отношений заключалась суть проблемы принудительного найма.

Итак, в силу того, что экономическое развитие России в XVII–XVIII вв. проходило уже в условиях существования европейского и мирового капиталистического рынка и мануфактурной промышленности, генезис ее капитализма не имел той формы, которая была свойственна, например, Голландии, Англии и т.д. Россия, как отмечал К. Маркс, не проходила «через долгий инкубационный период развития машинного производства»⁸⁵.

В условиях отсутствия сколько-нибудь заметного процесса массовой экспроприации непосредственных производителей в России второй половины XVII – начала XVIII в. спонтанно зарож-

дались лишь неадекватные формы мелкого «средневекового капитала». Такого рода отношения имели спорадический, подчиненный характер⁸⁶, лишены были качественной определенности и поэтому не оказывали существенного влияния на развитие старого способа производства.

Гораздо более мощным было влияние, выразившееся в интенсивной деятельности государства по созданию так называемых «всеобщих условий производства», приведшей в конечном счете к резкому росту производительных сил страны. Важнейшим социальным следствием такого пути развития был пассивный процесс разложения способа производства, выразившийся в широком распространении промышленного труда на крепостной основе.

Реальное воздействие системы крепостного промышленного труда на уровень развития производительных сил страны не только в том, что она способствовала углублению общественного разделения труда, становлению товарного рынка, созданию новых меновых (товарных) стоимостей и т.п. Система крепостного промышленного труда существенно повлияла на процесс развития рынка рабочей силы.

Поскольку крепостной рабочий как собственник жизненных средств, как обладатель особой формы собственности, т.е. собственности на сноровку, на мастерство, получал компенсацию за свой квалифицированный труд в форме, напоминающей внешне заработную плату, то ее сравнительно низкий уровень при массовом масштабе признания этой формы труда в промышленности стал постоянным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда, т.е. в конечном счете способствовал ее снижению, непропорциональному самим размерам сравнительно узкого рынка рабочей (свободной) силы. Этот фактор стал проявляться, видимо, к периоду 50-х – начала 60-х годов XVIII в., когда крепостная мануфактура стала массовым повсеместным явлением, а главное, когда в ней экономически важное место стал занимать малоквалифицированный рабочий. Думается, что именно к этому моменту уровень оплаты вольнонаемного труда снизился столь существенно, что позволил, хотя лишь мало-мальски, создавать условия, благоприятные капиталистическому накоплению. Вероятно, этим и объясняется тот факт, что после двукратного закрепощения (в 30-х и 50-х годах XVIII в.) свободных рабочих мануфактурных предприятий примерно с конца 50-х годов XVIII в. доля вольнонаемного труда стала вновь расти.

Вторым важным фактором давления на уровень оплаты вольнонаемного труда стал существенный рост крестьянского промышленного отхода. Феномен этого явления можно свести к

тому факту, что крестьянин имел свое хозяйство и в силу этого был собственником жизненных средств. Отходничество было призвано компенсировать лишь нехватку этих средств. Поэтому крестьянин как продавец рабочей силы мог продавать ее ниже ее действительной стоимости, создавая конкуренцию предпроектарским слоям города.

Поэтому период «социальной близости» рабочего и хозяина в России был намного короче, чем в Англии, где он насчитывал примерно два столетия (XIV–XV вв.).

Охарактеризованные нами процессы создали в итоге предпосылки для переворота в механизме ценообразования. Имея возможность получать приемлемую по размерам прибавочную стоимость за счет снижения оплаты труда вольнонаемного рабочего, мануфактурист мог делать теперь ставку на товарном рынке на понижение продажной цены товара и как минимум быть конкурентоспособным владельцу крепостной мануфактуры. Именно так появились, в частности, первые централизованные капиталистические мануфактуры в текстильной промышленности. Здесь, как и в Западной Европе, капиталисты-текстильщики, создавая дешевые товары, в конечном счете завоевали российский рынок. Это были уже формы промышленного производства, адекватные капиталу и его законам (законам конкуренции, прибавочной стоимости, противоположности труда и капитала, капиталистического накопления и т.д.).

Этот процесс в целом может быть грубо датирован 30–60-ми годами XVIII в. С этого момента в промышленности России оформляется капиталистический уклад. Вместе с тем развитие этого уклада долго осложнялось широкой практикой применения промышленного труда на крепостной основе, отсутствием, в противоположность Западной Европе, широких внешних рынков сбыта, а также узостью рынка рабочей силы. Дефицит рабочей силы, в свою очередь, был одной из главных причин, породивших преобладание сезонных типов производства, что ослабляло темпы и уровень развития капиталистического накопления и на длительный исторический период обеспечивало подчиненную роль промышленной прибыли. Думается, что прежде всего этим и были обусловлены господствующие позиции торгового капитала и торговой буржуазии в дореформенной экономике России.

¹ Исламов Т.М., Фрейдзон В.И. Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе. Некоторые решенные и дискуссионные проблемы // Новая и новейшая история. 1986. № 1.

² Подробнее см.: Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы Всесоюзной конф. М., 1969.

- ³ Дружинин Н.М. Особенности генезиса капитализма в России в сравнении со странами Западной Европы и США // Новая и новейшая история. 1972. № 4. С. 30.
- ⁴ См. Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. М., 1955. С. 19.
- ⁵ См. Он же. Особенности генезиса капитализма в России. С. 30.
- ⁶ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. М., 1980. С. 9.
- ⁷ Там же. С. 9.
- ⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 142.
- ⁹ См. Станиславский А.Д. Русское казачество в первой четверти XVII в. (Автореф. дис. ... докт. ист. наук). М., 1984.
- ¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 143–144.
- ¹¹ См.: Воробьев В.М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII – начала XVIII века? // История СССР. 1983. № 4; Панеях В.М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 229–231.
- ¹² См., напр.: Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в. (опыт количественного анализа) // Россия на путях централизации. М., 1982.
- ¹³ Основные механизмы этого процесса см. Александров В.А. Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX в. М., 1984.
- ¹⁴ Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России первой половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1985.
- ¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 734.
- ¹⁶ Прямым следствием перестройки помещичьего хозяйства была ликвидация феодальным государством купеческого винокурения и передача помещикам монопольного права производства вина и водки в 50-е годы XVIII в. См. Волков М.Я. Очерки истории промыслов России. Вторая половина XVII в. – первая половина XVIII в. Винокуренное производство. М., 1979. С. 322.
- ¹⁷ Ф. Энгельс считал, что в эпоху, предшествующую правлению Бисмарка, в Германии было «не что иное, как растянувшийся на столетия, пассивный, большей частью подгоняемый ударами извне и до сих пор еще не завершившийся процесс разложения остатков средневековья» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 475–476.
- ¹⁸ Кафенгауз Б.Б. Некоторые вопросы генезиса капитализма в России // Вопросы генезиса капитализма в России. Л., 1960. С. 7; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 202.
- ¹⁹ О критериях обратимости см.: Чистозвонов А.Н. Генезис капитализма: проблемы методологии. М., 1985. С. 122–139.
- ²⁰ Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Указ. соч. С. 202, 204.
- ²¹ РГАФА. Ф. 1209. Кн. 871–875, 525, 489–491, 1044, 227. Данные получены путем сплошной обработки материалов книг на ЭВМ. В обработке статистических материалов принимали участие М.Б. Булгаков и И.М. Гарскова.
- ²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. III. С. 279.
- ²³ Тихонов Ю.А. Помещичьи крестьяне России. Феодальная рента в XVII – начале XVIII в. М., 1974. С. 292.

- 24 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 504.
- 25 Там же. Т. 23. С. 748.
- 26 Там же. Т. 46, ч. I. С. 229.
- 27 Там же. С. 228.
- 28 Там же. Т. 23. С. 748.
- 29 Там же. Т. 26, ч. III. С. 451.
- 30 *Сербина К.Н.* Очерки из социально-экономической жизни русского города. Тихвинский посад XVI–XVIII вв. Л., 1951. С. 123–124 и др.
- 31 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 423–424.
- 32 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 22.
- 33 Там же. С. 21.
- 34 *См. Волков М.Я.* Хозяйство капиталиста-купца Среднего Поволжья И.А. Микляева в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. М., 1970. С. 214, 217, 229, 240–241.
- 35 *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С. 204.
- 36 *См. Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. I. С. 422; Т. 25, ч. II. С. 479–480.
- 37 Там же. Т. 25, ч. II. С. 480.
- 38 *См. там же.*
- 39 Там же. Т. 46, ч. II. С. 13.
- 40 Подробнее см.: *Волков М.Я.* Хозяйство капиталиста-купца.... С. 230.
- 41 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 13.
- 42 *См. там же.* С. 25.
- 43 *Бакланова Н.А.* Судовые работники в предприятии Калмыковых // О первоначальном накоплении в России XVII–XVIII вв. М., 1959. С. 136.
- 44 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 13.
- 45 *Бакланова Н.А.* Указ. соч. С. 135, 137, 140. Иное мнение см.: *Родин Н.* Бурлачество в России. М., 1975. С. 47.
- 46 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 15.
- 47 *Волков М.Я.* Рынок рабочей силы Ярославля в 20-х годах XVIII в. // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1959. № 1; *Он же.* Купеческие кожевенные предприятия первой четверти XVIII в. // История СССР. 1966. № 1; *Преображенский А.А.* Развитие мануфактуры в России (конец XVII – первая половина XVIII в.) // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. Материалы II советско-финского симпозиума по соц.-экон. истории. 13–14 декабря 1972 г. Л., 1975. С. 52–53.
- 48 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 175–176.
- 49 *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. 1768–1769 гг. Ч. I. СПб., 1771. С. 38–39.
- 50 *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство Т. I, вып. II. СПб., 1910. Прил. XXVIII, XXX, XXV.
- 51 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 32.
- 52 *Волков М.Я.* Очерки истории промыслов в России. Вторая половина XVII – первая половина XVIII в.: Винокурное производство. М., 1979. С. 139–140, 134. *См. там же.* С. 48–52.
- 53 *Волков М.Я.* Хозяйство капиталиста-купца.... С. 236.
- 54 *Он же.* Очерки... С. 142, 149, 152, 154.
- 55 *Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.* Указ. соч. С. 199–218.
- 56 Там же. С. 215.
- 57 *Преображенский А.А.* Указ. соч. С. 59.

- ⁵⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 41.
- ⁵⁹ Там же. Т. 23. С. 484.
- ⁶⁰ Там же. Т. 19. С. 413. А.А. Преображенский также признает этот фактор, интерпретируя его как учет и использование в России опыта мануфактурной промышленности других стран. См.: Преображенский А.А. Указ. соч. С.49.
- ⁶¹ Переход России от феодализма к капитализму. Коллективный доклад // Переход от феодализма к капитализму в России. Материалы всесоюзной дискуссии. М., 1969. С. 24.
- ⁶² См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 247; Т. 24. С. 126.
- ⁶³ Там же. Т. 25, ч. I. С. 364–365.
- ⁶⁴ Там же. Ч. II. С. 349.
- ⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 417.
- ⁶⁶ См. Преображенский А.А. Указ. соч. С. 59.
- ⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 24. С. 126.
- ⁶⁸ Там же. Т. 4. С. 135.
- ⁶⁹ Там же. Т. 46, ч. I. С. 169–170.
- ⁷⁰ Там же. Т. 36. С. 167.
- ⁷¹ Там же. Т. 23. С. 229.
- ⁷² Там же. Т. 4. С. 156.
- ⁷³ Там же. С. 155.
- ⁷⁴ Там же. Т. 23. С. 380.
- ⁷⁵ Там же. Т. 36. С. 167.
- ⁷⁶ Там же. Т. 23. С. 775.
- ⁷⁷ Там же. Т. 46, ч. I. С. 453. См. также т. 23. С. 769.
- ⁷⁸ Преображенский А.А. Указ. соч. С. 59–60. При обсуждении этого доклада А.Г. Маньков и Л.Н. Семенов подвергли взгляды автора критике. См. Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике. С. 142–143.
- ⁷⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 21.
- ⁸⁰ Там же. Т. 23. С. 777–778.
- ⁸¹ Там же. С. 779.
- ⁸² Там же. Т. 25, ч. II. С. 349. См. также: Т. 21. С. 148–149; Т. 23. С. 369; Т. 26, ч. III. С. 450–451.
- ⁸³ Там же. Т. 46, ч. I. С. 491.
- ⁸⁴ Там же. С. 493.
- ⁸⁵ Там же. Т. 19. С. 401, 405, 413.
- ⁸⁶ См. там же. Т. 26, ч. II. С. 434; Т. 46, ч. I. С. 229.

Опубл.: Новая и новейшая история.
1987. № 2. С. 78–95.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НЕКОТОРЫХ ФОРМ СОБСТВЕННОСТИ (к характеристике труда в духовном производстве)

В основе радикальной перестройки современного общества лежит, в частности, стремление к реализации государственной собственности посредством владения и аренды, принимающих как коллективные, так и частные формы. Этот процесс охватывает как материальное производство, так и непроизводственную сферу. Нетрудно предвидеть, что в связи с этим многие положения экономической науки, в том числе о сфере нематериального производства, будут пересмотрены. Ниже предпринимается попытка поставить вопрос о некоторых аспектах социальной специфики труда в области духовного производства. Для этого весьма полезен небольшой экскурс в прошлое для выяснения судеб некоторых особых форм собственности, получивших развитие, в частности, в области духовного производства.

К. Маркс, характеризуя первичные формы собственности, выделял для докапиталистических обществ особую форму собственности, связанную с ремесленным трудом. Он подчеркивал, что в период господства индивидуального характера труда «особый вид труда, мастерство в нем и соответственно с этим собственность на орудие труда равнозначны собственности на условия производства»¹. Особая роль мастерства, «ремесленной сноровки» является главным средством утверждения ремесленника собственником орудия труда². В свою очередь и само мастерство является особым видом собственности («собственность на самый труд как на определенную ремесленную сноровку») ³. Высшей стадии развития эта форма собственности достигает в корпоративной форме средневековых цехов⁴. Наоборот, ее отрицание может состояться, когда собственность на орудия труда и собственность на мастерство могут быть поглощены, как указывает Маркс, такими отношениями, как рабство или крепостничество, т.е. присвоением, порабощением самой личности носителя мастерства⁵.

В частности, в России в эпоху крепостничества многие виды труда были представлены крепостными мастерами, особенно в области производства предметов роскоши, произведений искусства и т.п. Свободный носитель такого рода потребительной стоимости в пределах городской организации ремесла часто не находил себе места (кроме, пожалуй, ювелиров по серебру, иконописцев и других) и, следовательно, поглощался, точнее, присваивался как личность каким-либо вельможей и т.п. Особняком

здесь стоят лишь монастырские корпорации монахов и так называемые гулящие люди (правда, последние поставляли преимущественно кадры лишь для поденного труда).

Процесс разложения феодализма и развития капитализма приводил к тому, что цеховой и свободный ремесленный труд поглощался мануфактурным, а потом и машинным трудом. При этом ряд сравнительно немногочисленных, но необходимых обществу ремесленных специальностей, продолжал существовать преимущественно в форме свободного индивидуального труда в силу специфичности самой профессии. Это разного рода строительные и ремонтные работники, многие работники, трудившиеся по изготовлению предметов роскоши и бытовых, необходимых вещей, изготовлению продуктов питания и т.д. В разряд профессиональных занятий, не поглощенных мануфактурой и машинным производством, входили также профессии музыканта, художника, актера, поэта, ученого, учителя, танцовщика и т.п. К этому же разряду занятий принадлежали, как известно, чиновники, военные, священнослужители и т.п.

В эпоху, когда господствующий капиталистический способ производства стал основой существования общества, представители этих, а также ряда иных профессий стали составлять, по определению А. Смита, класс «слуг общества», т.е. людей, оказывающих услуги обществу и живущих за счет дохода общества. Независимо от того, производят ли они материальные или духовные ценности, их продукция не является товаром. Для владельца денег, покупателя результатов их труда, он выступает как потребительная стоимость. А продажа потребительных стоимостей является лишь формой оказания личной услуги покупателю, тратящему на это свой доход⁶. Весь класс «слуг общества» Маркс вслед за Смитом относил к числу так называемых непроизводительных работников, т.е. таких работников, которые не включены в орбиту капиталистического способа производства, где труд противостоит капиталу.

Однако нас в данном случае интересует иной вопрос: сохраняется ли при капитализме у этого класса индивидуальных работников статус «работающих собственников», т.е. представителей свободного ремесленного труда, обладающих особой формой собственности, собственностью на орудие труда и ремесленную сноровку как на условия производства, или, быть может, все они превращаются в наемных рабочих.

Маркс при анализе экономической сущности труда в сфере услуг делает упор на его непроизводительный характер, т.е. на констатацию того, что обмен труда на доход ничего общего не имеет с капиталистическим способом производства. При этом

в первую очередь и вполне закономерно обращается внимание на то, что носители услуг являются работниками, тружениками, что они обменивают свой живой труд на доход, выступающий в натуральной форме при феодализме и в денежной в эпоху капитализма. Маркс писал, что «с развитием капиталистического производства все услуги превращаются в наемный труд и все оказывающие их превращаются в наемных рабочих, следовательно имеют эту общую с производственными рабочими черту»⁷. Однако это вместе с тем не означает, что труд, оказывающий услуги, также, как производительный труд, сводится к тому, что мы имеем здесь дело с рабочей силой, являющейся товаром. Положение носителей услуг, как индивидуумов, совпадает с положением производительных рабочих лишь потому, что те и другие работают по найму.

Важно подчеркнуть и другое. В эпоху капитализма, как и до нее, носители услуг являются участниками простого обмена живого труда на доход, представляющего собой обмен эквивалентов. Оказывающий услуги может овладеть принадлежащими владельцу дохода потребительными стоимостями только при условии, если дает ему взамен эквивалент, который в конечном счете всегда сводится к его собственному живому труду⁸. «Ведь здесь, как и при всяком обмене товара на товар, эквивалент дается за эквивалент, следовательно одна и та же стоимость имеется в наличии вдвойне: один раз на стороне покупателя и один раз — на стороне продавца»⁹. Таким образом, в данном отношении отсутствует факт эксплуатации. Иначе говоря, носитель личных услуг, работающий в одиночку, является свободным работником и продает он не столько рабочую силу, сколько живой труд, вернее такие его разновидности, которые точно так же, как и товары, покупаются для непосредственного потребления, т.е. «только из-за присущих им определенных вещественных свойств, из-за их потребительной стоимости, из-за тех услуг, которые они в своей вещественной определенности оказывают своим покупателям и потребителям»¹⁰.

Следовательно, если носитель услуг является обладателем потребительной стоимости в виде необыкновенного мастерства, таланта, редчайших качеств, способных в той или иной форме быть полезными их потенциальным покупателям, то он выступает в роли работающего собственника. В этом качестве он, как и ремесленник, обладает собственностью на орудие труда или на ремесленную сноровку; как и ремесленник, он может относиться к орудию труда как к своему собственному, несмотря на то, что носитель услуг вступает в обмен с владельцем дохода, с покупателем потребительных стоимостей, «для производителя этих ус-

луг они (потребительные стоимости. – Л.М.) – товары»¹¹, так как имеют совершенно определенную потребительную и столь же определенную меновую стоимость. Экономически реальным полем деятельности носителей услуг является рынок. Маркс, полемизируя со Смитом, заметил, в частности: «Разве в любой момент, наряду с пшеницей, мясом и т.д., нет на рынке также проституток, адвокатов, проповедей, концертов, театров, солдат, политических деятелей и т.д.»¹²

Продажа подлинным наемным рабочим своей рабочей силы в качестве товара полностью передает труд в распоряжение покупателя рабочей силы, а распоряжение трудом, как известно, дает ее покупателю возможность извлечения прибавочного труда, т.е. возможность капиталистической эксплуатации наемного рабочего. В акте индивидуальной услуги это невозможно, ибо здесь происходит лишь взаимный обмен услугами (с одной стороны, труд, строго ограниченный реально создаваемой носителем услуги определенной потребительной стоимостью, с другой – доход в виде либо так же определенной потребительной стоимости, либо той же потребительной стоимости, представленной в виде денег, как мимолевой своей форме).

Именно это обстоятельство позволяет считать носителя услуг особого рода собственником, хотя и не товаропроизводителем, т.е. таким производителем, который создает стоимости, материальные ценности. Вместе с тем хорошо известно, что Маркс даже в современную ему эпоху отчетливо видел, что капиталистический способ производства неумолимо подчиняет себе и сферу нематериального производства, так называемую сферу услуг. Эта тенденция была затем отмечена и В.И. Лениным: «Капитализм все более и более отнимает самостоятельное положение у интеллигента, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить его жизненный уровень»¹³.

Современный капитализм создал мощную индустрию в сфере услуг, в которой непосредственный носитель потребительной стоимости превращен в наемного рабочего, эксплуатируемого капиталистически. Предприниматель, оплачивая такому работнику (бывшему носителю услуг) так называемый необходимый труд, присваивает результаты прибавочного труда. Как известно, капиталистическая прибыль такого предпринимателя может идти на расширение производства, будь то частные клиники или киностудии, фабрики химчистки или рестораны, профессиональные спортклубы или театры и т.п. Современные технические средства резко увеличили возможности отчуждения потребительных стоимостей от их непосредственных носителей почти во всех областях духовного производства. Это неизмеримо расши-

рило возможности превращений тех или иных потребительных стоимостей в форму товаров, имеющих меновую стоимость.

Наука, как известно, давно уже разрабатывает экономические аспекты сферы нематериального производства, определяет критерии эффективности труда в этой области. Тем не менее экономическому анализу, стоимостному учету в этой сфере поддаются лишь так называемые массовые услуги, т.е. те, где процесс труда и его результаты воспроизводимы. Не говоря о том, что наибольшие трудности для стоимостного учета представляет так называемый творческий труд, следует отметить, что немалую трудность составляет также и качественная оценка труда представителей массовых услуг.

Как указывал Маркс, при капитализме цена на индивидуальные услуги «первоначально скорее условная и традиционная, постепенно все более и более начинает определяться экономически, сначала – посредством соотношения между спросом и предложением, а в конце концов – теми издержками производства, с помощью которых можно создать самих продавцов подобного рода живых услуг». При всем этом само отношение обмена услугами по существу не меняется, так как определение их цены «остается всего лишь формальным моментом», оно выступает всего лишь как метазакон, а собственно законы капитализма находятся, выражаясь словами Маркса, лишь «за спиной этого особенно-го менового акта»¹⁴.

Данная закономерность в прошлом и настоящем имеет реальное значение главным образом для индивидуальных работников, для «работающих собственников». Чем уже рынок для той или иной даже неповторимой потребительной стоимости, тем более подвержена случаю его меновая стоимость. Яркий талант, не востребованный рынком сиюминутно, может влачить жалкое существование в течение всей своей жизни. Таковы, в частности, судьбы многих художников. Разумеется, может быть и обратная ситуация. Объективно научные оценки изобразительной продукции такого художника могут и не коррелировать с его рыночным успехом.

Экономически соотношением спроса и предложения и издержками производства регулируются меновые стоимости главным образом на массовые услуги (включая, например, бытовые услуги, услуги чиновников, военных и т.п.). Поскольку индустрия услуг в области духовного производства превратила носителей услуг в наемных рабочих, то законы капитализма регулируют в конечном счете оплату и этих работников. Однако это не вполне касается так называемых искусных слуг, которых Маркс выделял в особую категорию¹⁵. Оплата предпринимателем труда

одаренного мастера остается «особенным меновым актом», поскольку сохраняет яркую специфику в измерении уникальных форм полезности той или иной потребительной стоимости, что до сих пор представляет трудности для экономистов. Нередко такой «искусный слуга», отличающийся «природным особенным качеством»¹⁶, даже экономически подчиняясь нанявшему его предпринимателю, остается тем не менее наемным работником особого рода.

Так, в той или иной киноъемочной группе внезапно или постепенно открывается яркий талант, носитель уникальной потребительной стоимости. Спрос на него в конечном счете вырастает настолько, что именно он становится непосредственной основой для заметной, а иногда и весьма значительной доли прибыли импресарио, продюсера и т.п. В этой ситуации он становится экономически не только работником высшей квалификации, но и потенциальным собственником своего мастерства как условия производства. В этом случае размер его гонорара зависит не только от его таланта, но и от степени его знатности¹⁷, от рыночного спроса именно на его потребительную стоимость. Это обстоятельство делает его статус качественно отличным от положения рядового носителя услуги, подчиненного капиталу. В итоге предприниматель выделяет ему, условно говоря, значительную часть совокупной прибыли, получаемой от деятельности всей труппы, группы и т.п. Носитель же уникальной потребительной стоимости постепенно становится богачом и, стало быть, потенциальным капиталистом. Он лишь формально остается наемным работником. В России в области капиталистического производства к этой группе были близки представители «рабочей аристократии». В частности, одаренные мастера-модельщики, мастера-лекальщики и т.п. являлись подчас поистине уникальными специалистами. Их оклады могли в десятки раз превышать заработок рабочего средней и даже высшей квалификации.

При капитализме, помимо естественного стихийного процесса выдвижения «звезд» и «суперзвезд» в искусстве, существует и специальный механизм создания таких «звезд». И часть из них действительно пополняет класс капиталистов. Оплата труда в этой сфере отличается огромными контрастами именно потому, что капиталистический способ производства часто не может превратить носителя особой потребительной стоимости в простого наемного рабочего, даже в рабочего высшей квалификации. Особый статус актера, певца, музыканта приводит здесь к тому, что форма найма чаще приближается к аккордному типу оплаты – контрактам, создающим отнюдь не самые благоприятные

условия для присвоения предпринимателем прибавочного труда этих работников. Что же касается носителя яркой, неповторимой потребительной стоимости, имеющего огромный рынок, то для него является реальностью возможность прекращать неустойку, невыгодные контракты, обеспечивая таким образом реализацию своей собственности на мастерство. В поисках более благоприятного рынка такая «звезда» может покинуть родину, если условия реализации его собственности на мастерство находятся там в неудовлетворительном состоянии, идеал такой «звезды» – мировой рынок. Прошрое капиталистической России (и не только оно) дает немало примеров таких судеб.

Отдаленной аналогией поведения некоторых представителей духовного производства, обладающих уникальными потребительными стоимостями, могут служить рассуждения Маркса о судьбах искуснейших ремесленников, в период разложения ремесленной деятельности вовлекаемых в мануфактурный труд: «Так как ремесленное искусство остается основой мануфактуры и функционирующий в ней совокупный механизм лишен независимого от самих рабочих объективного скелета, то капиталу постоянно приходится бороться с нарушением субординации со стороны рабочих». Маркс цитирует Э. Юра: «Чем рабочий искуснее, тем он своевольнее, тем труднее подчинить его дисциплине». «Начиная с XVI столетия, – пишет далее Маркс, – и вплоть до эпохи крупной промышленности капиталу не удавалось подчинить себе все то рабочее время, каким располагает мануфактурный рабочий... мануфактуры недолговечны и вместе с эмиграцией или иммиграцией рабочих покидают одну страну, чтобы возникнуть в другой, – уже одни эти факты говорят нам не меньше, чем целые библиотеки»¹⁸.

Процессы, характерные для «звезд», в принципе присущи и таким профессиям, как адвокаты, отчасти врачи и т.п. Разница, пожалуй, лишь в том, что потенциальный рынок для выдающихся представителей этих профессий как обладателей неповторимых потребительных стоимостей неизмеримо меньше, чем, скажем, эстрадных «звезд». Отсюда и меньшие возможности в накоплении богатства, хотя в капиталистическом мире завоевавшие деловую популярность адвокаты нередко становятся крупными держателями акций и т.п., а выдающиеся хирурги и т.п. – владельцами частных клиник.

В период господства капиталистического способа производства ряд интеллигентных профессий прочно остается вне этого способа производства. Среди них следует упомянуть техническое изобретательство. Правда, число профессиональных изобретателей, выступающих как свободные работники, собственники сво-

его мастерства, являющегося средством производства, очень невелико. Тем не менее их функционирование имеет огромное общественно-экономическое значение. Чаще встречается иное явление – изобретатели как представители высококвалифицированной прослойки рабочего класса и инженерного персонала на производстве. Несмотря на то, что изобретательство выступает здесь как побочное, непрофессиональное занятие, по существу оно является для носителей потребительной стоимости такого рода высшей точкой проявления их как потенциальных собственников своего мастерства. Владелец крупного изобретения либо продает его на рынке, либо, получая кредит под свое изобретение, становится бизнесменом, основателем фирмы и т.п.

Сложнее обстоит, видимо, дело с наукой. Современная наука – крупная, технически насыщенная отрасль хозяйства, а центральная фигура – ученый – стала лишь компонентом «совокупного ученого» (аналогия с «совокупным рабочим» Маркса). В этом смысле в современной науке нет или почти нет «работающих собственников», занятых сугубо индивидуальным трудом. И тем не менее особо выдающиеся ученые, уникальные специалисты, «генераторы идей» и т.п., видимо, сохраняют положение «потенциальных собственников». Носители услуг такого уровня имеют размах творческой деятельности, часто выходящий за рамки той корпорации или предприятия, в рамках которых они работают. Итог этой деятельности он может продать или реализовать самостоятельно. Кроме того, многие представители зарубежной науки, работая в университетах, колледжах и т.п., занимаются творчеством в качестве «хобби». Это относится ко многим представителям фундаментальных наук, к представителям гуманитарных наук. Успех их деятельности на «рынке» потребительных стоимостей – их личный успех. Нельзя забывать и такое явление, как «утечка мозгов». Это удел многих капиталистических и развивающихся стран. Если непосредственные производители эмигрируют под тяжким гнетом безработицы, то ученые «слуги общества» делают это в немалой степени из-за стремления реализовать свою личность, свою потребительную стоимость и, конечно, увеличить свою долю дохода, которую они получают от владельца дохода в обмен на свои услуги. Существенную роль при этом играет и общественная ситуация, затрудняющая на родине реализацию той или иной уникальной потребительной стоимости.

К числу «слуг общества», практически остающихся за рамками капиталистического способа производства, относятся такие свободные профессии, как литератор и художник. Маркс, приводя в пример экономическую организацию труда при подготовке литератором-предпринимателем энциклопедического издания,

указывает, что «в большинстве случаев здесь дело ограничивается переходной к капиталистическому производству формой, заключающейся в том, что люди, занятые различными видами научного и художественного производства, ремесленники или же мастера своего дела, работают на совокупный торговый капитал книготорговцев, – отношение, не имеющее ничего общего с капиталистическим способом производства в собственном смысле слова и еще не подчиненное ему даже формально»¹⁹.

В литературе встречаются мнения, что подчинение такого вида интеллигентного труда лишь торговому капиталу в ту пору связано с неразвитостью самого этого вида труда (он «не созрел для теоретического экономического анализа»²⁰). Думается, что дело не в этом. Причина такого положения заключается в том, что в данного рода деятельности на первом плане находятся не исполнительские функции, освященные творчеством (как у актера, музыканта и т.п.), а собственно индивидуальное творчество как таковое. Непосредственный носитель творчества – тот самый собственник орудия труда как средства производства – не может быть втянут в орбиту производственного процесса, организуемого капиталом. Поэтому капитал относится к носителю этой услуги как к самостоятельному производителю²¹.

Следовательно, и в наше время капитал может овладеть им лишь в своей древнейшей ипостаси – в форме торгово-ростовщического капитала. Хорошо известны примеры того, как талантливые и даже гениальные писатели всю свою жизнь были связаны кабальным договором с издателем как представителем торгового капитала. Единственная негативная альтернатива этому – порабощение самой личности писателя (либо ученого) (рабство, крепостничество и иные формы физического насилия). Это весьма важный, принципиальный момент, обнаруживающий глубокую специфику творческой, будь то художественная или индивидуальная научная, деятельности, обнаруживающий экономическую «самостоятельность» носителя функции создания особого рода потребительной стоимости, являющийся в то же время «службой общества», существующего на доход последнего.

Парадокс истории состоит в том, что, хотя эта сфера услуг, как и другие услуги, представляет «такой способ производства, который не имеет ничего общего с капиталистическим и при котором невозможно все то развитие производительных сил труда, какое приносит собой капиталистическое производство»²², сам же капиталистический способ производства не способен поглотить сферу сугубо творческих индивидуальных услуг. Больше того, вся сфера индивидуальных личных услуг представляет прояв-

ление такой формы собственности, такого «способа отношений», который, как утверждает Маркс, «неизменно повторяется при различных формах общественной организации труда»²³, нигде не являясь системообразующим. Иначе говоря, он проходит сквозь века и формации.

Если массовое подчинение нематериальной сферы производства капитализму сопровождается все-таки подчинением ценообразования законам господствующего производства, то национализация средств производства в сфере услуг и их огосударствление лишили многие виды услуг традиционного механизма их оплаты в соответствии с критериями спроса и предложения или цены производства. Абсолютный и относительный рост духовного производства и сферы общественного обслуживания, «вторжение производственных процессов, функций производительного труда в сферы непроеизводственной деятельности»²⁴ поставило задачу экономического анализа этих процессов.

Советскими учеными сделано немало теоретических и конкретно-экономических разработок, выявляющих закономерности и специфику развития непроеизводственной сферы при социализме²⁵. Несмотря на это, спорными остаются как теоретические оценки политико-экономической сущности процессов, протекающих в нематериальном производстве, так и конкретные подходы к оценке труда в этой сфере (стоимостный учет услуг, создание системы синтетических показателей услуг и т.п.). Есть такие разработки и применительно к области духовного производства (наука, художественное творчество, культура и образование). Прежде всего они представлены философскими исследованиями духовного производства, сформировавшими основные категориальные понятия этой сферы нематериального производства²⁶. В последнее время появились и специальные политико-экономические исследования духовного производства²⁷.

На концепцию экономики нематериального производства при социализме сильнее всего воздействует постулат нетоварной сущности социалистического производства. Считается, что развитие непроеизводительных отраслей при социализме, удовлетворение ими личных и общественных потребностей «не опосредовано отношениями товарного производства и не связано с ними»²⁸. Хотя некоторые авторы и признают, что в областях духовного творчества существует авторское право, правда, не совпадающее с понятием собственности, хотя признается также, что духовные блага могут быть в личной и групповой собственности, однако «нетоварный характер продукта духовного производства» сводит по существу на нет проблему собственности (и личной и групповой)²⁹. Больше того, поскольку ведущей формой собст-

венности является государственная, а это в литературе все еще означает, что право владения, пользования и распоряжения средствами производства непосредственно принадлежит государству³⁰, то главная черта этой собственности – всеобщность труда, непосредственно-общественный характер труда.

В этих условиях главная задача экономистов, разрабатывающих вопросы управления духовным производством, состояла лишь в поиске подходов к оценке труда, создающего духовные блага, стоимостный учет услуг. Вполне реальные сдвиги сделаны здесь в области оценки массовых услуг, т.е. там, где процесс труда и его результаты воспроизводимы. Правда, и здесь остается много проблем в оценке качества услуги. Некоторые авторы трезво сознают, что «экономический анализ не посягает на раскрытие специфических закономерностей самой творческой деятельности»³¹, хотя есть при этом и попытки теоретических разработок экономики творчества³². Между тем в практической деятельности творчество так или иначе находит экономическую оценку как вид духовного производства.

Распространен и такой взгляд на творческий, в частности, научный труд, согласно которому в условиях всеобщности труда «духовные способности человека должны быть и в общественной собственности... в той мере, в какой государство участвует в их формировании и развитии»³³. На практике эту меру обладания способностями и потенциями творческого работника определить пока невозможно, поэтому любой итог деятельности такого работника теоретически, согласно этим концепциям, принадлежит государству. Если, скажем, артист выступает с концертом, то «с точки зрения экономической он всегда выступает как представитель театра или другого какого-либо творческого объединения»³⁴.

Такого рода взгляды вполне согласуются с прошлой практикой нашего государства, когда носители личных услуг, оставшиеся на уровне труда индивида, просто исчезали в общем процессе ликвидации «кустарной промышленности». Уцелели лишь те разряды «слуг общества», индивидуальные услуги которых оставались абсолютно необходимыми обществу (например, композиторы, художники, писатели, адвокаты и т.п.). Тем самым сфера нематериального производства на долгие десятилетия была резко сужена в многообразии своих функций.

Коренная перестройка экономических отношений, предпринятая по инициативе партии и отраженная решениями XXVII съезда КПСС, XIX Всесоюзной конференции КПСС и последующими решениями, подтверждает нереальность и бесперспективность существовавшей до сих пор и практики и теории. Перспектива

резкого расширения индивидуальной трудовой деятельности, в частности, в сфере нематериального производства, показывает, что категория «работающих собственников», владельцев мастерства как условия производства, объективно существует и при социализме.

Стало быть, представители свободных профессий (композиторы, художники, писатели, адвокаты и т.д.) и при социализме являются «работающими собственниками», ибо простым переходом средств производства в общенародную собственность этого явления не устранить. Работающий собственник, представитель свободной профессии, так же неустраним, как неустранима пока и противоположность физического и умственного труда. Именно о ней Ленин говорил как об одном «из важнейших источников современного общественного неравенства», как о таком источнике, «которого одним переводом средств производства в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя»³⁵. Трезвая оценка роли и места в сфере нематериального производства «работающих собственников» позволяет иначе подойти и к статусу тех творческих работников, которые включены в орбиту тех или иных предприятий.

Думается, что приведенные выше постулаты некоторых экономистов о распространении общественной собственности на творческие потенции и духовные способности художника и ученого приводят к полному парадоксу. Ведь специфика подлинно творческого работника (например, ученого) состоит в том, что его рабочее время практически не нормировано. Больше того, процесс творчества поглощает всю жизнь человека, пронизывает весь его быт, все его существование. И если действуют указанные постулаты, то любые итоги творчества такого работника принадлежат не ему, а институту, предприятию и т.п.³⁶ Получается, что социализм полностью подчинял производству личность ученого, т.е. сделал то, что не удастся сделать капитализму, относящемуся к индивидууму творческого труда лишь как к самостоятельному производителю³⁷. Абсурдность такого рода логики вполне очевидна. Отсюда следует вывод, что яркая, творческая индивидуальность, даже будучи включена в систему крупного (научного или художественного) производства, все же остается потенциальным собственником и в условиях социализма.

Волюнтаризм названного выше подхода в прошлом в течение десятилетий весьма существенно компенсировался таким мощнейшим фактором, как общественные умонастроения жертвенности и бессребреничества, являвшиеся органическим порождением высочайшего революционного подъема духовных сил наро-

да, искренне строящего основы неизведанного, но желанного нового общества. В этой ситуации проблема критерия оплаты представителей творческого, умственного труда и всей сферы массовых услуг не была сколько-нибудь актуальной. Больше того, молодое советское общество было избавлено и от необходимости корректного решения проблемы вознаграждения тогда еще сравнительно немногочисленных категорий «искусных слуг», обладающих уникальными в тех или иных отношениях потребительными стоимостями. Здесь также действовали механизмы, порожденные великим революционным подъемом духовных сил общества. Единственным исключением был слой собственников особого рода, известных под именем «буржуазных специалистов» («заплатить им лишка за науку, – писал Ленин, – не только стоит, а и обязательно и теоретически необходимо»)³⁸.

Как правило, то, что в пользу «искусных слуг» поступала минимальная доля дохода, компенсировалось «знатностью» носителя той или иной уникальной потребительной стоимости (широкая популярность в народе, правительственные награды, почетные звания). Институт разного рода государственных премий был довольно длительный период вполне приемлемым в тех условиях денежным эквивалентом при обмене носителя уникальной потребительной стоимости с государством как распорядителем народного дохода.

В последние десятилетия прежние механизмы, поддерживавшие обмен государственного дохода на уникальные (и, по всей вероятности, отчасти и массовые) потребительные стоимости, оказались уже не столь эффективными. Следствием подобных явлений стало общее снижение профессионального уровня ряда услуг. Вызванные к жизни компенсационные механизмы стали включать многие услуги в общий поток исподволь растущей «теневой экономики». Самое «безобидное» следствие этого – массовое распространение «чаевых» в сфере массовых услуг. Владелец той или иной потребительной стоимости, непосредственно контактируя с рынком клиентов, стремился таким образом к восстановлению традиционной для него системы обмена эквивалентами. Более серьезным частным проявлением этих компенсационных процессов явились прямые денежные доплаты высококвалифицированным врачам со стороны больных, выступающих в данном случае как частные владельцы дохода, остро нуждающиеся в потребительных стоимостях данного типа. Там же, где носитель услуг по роду своей профессии непосредственно не соприкасался с рынком клиентов, снижалась общая активность (например, в науке и т.п.). Только сейчас через рычаги кооперации это «общение» с рынком клиентов начинает восстанавливаться отчасти и для науки.

Представители различного рода исполнительных искусств, обладающие высокой степенью «знатности», находились в сравнительно более благоприятных условиях, так как не были намертво скованы режимом работы своего основного предприятия и практически могли увеличивать свое рабочее время путем договорных работ.

В период предстоящего развития новых принципов хозяйствования при глубоком проникновении в сферу услуг товарно-денежных отношений посредством хозрасчета и самофинансирования положение носителей услуг, обладателей потребительных стоимостей станет более благоприятным, поскольку вновь в полную силу сможет проявить себя закон соотношения спроса и предложения как основной регулятор цены услуг.

Можно предположить, что изменится и положение «искусных слуг», обладателей уникальных потребительных стоимостей, имеющих обширный деловой рынок, а поэтому и высокую степень «знатности». Оплата трудовой деятельности этих «потенциальных собственников», наконец, будет соответствовать экономической роли «природного особенного качества оказываемой услуги»³⁹.

В современной публицистике идет борьба за реализацию этих давно существующих законов развития под лозунгами ликвидации уравниловки, достойной материальной оценки труда высокого качества и т.д. Речь же должна идти об осознании того факта, что в нашем обществе в сфере услуг имеет место проявление элементов функционирования особенных, свойственных всем классовым обществам особых форм собственности: собственности на мастерство как ремесленную сноровку, на орудие труда как на условие производства. Несомненно, что приведение политики в этой сфере в соответствие с объективными закономерностями будет иметь следствием резкое повышение уровня жизни отдельных представителей слоя «искусных слуг». Возможны и спорадические проявления накопления. Но это реальность самой жизни и ее противоречий.

Сказанное выше позволяет сделать вывод, что система господства товарно-денежных отношений является наиболее благоприятной средой существования носителей так называемых услуг. В связи с этим немаловажны психологические и идеологические следствия развития в нашем обществе названных процессов. В современном обществе психологическое влияние выдающихся актеров, певцов, писателей и т.п., имеющих общенациональную трибуну, поистине огромно. Это влияние вполне соответствует привычным для нас высоким идеологическим и нравственным эталонам облика интеллигенции, обладательницы опыта и зна-

ний, составляющих «высшее человеческое достоинство»⁴⁰. Без интеллигенции нет прогресса. Интеллигенция способна воплотить лучшие духовные силы народа и бескорыстно служить ему. Правда, не следует забывать и о сложности, многообразии групп населения, объединяемых понятием «интеллигенция», ее междуклассовое положение, ее способность переходить на позиции того или иного класса, что только и делает интеллигенцию реальной политической силой. Еще в начале века Ленин писал: «Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»⁴¹.

Между тем, сказанное не исключает и тенденцию проявления сути экономического статуса интеллигента как обладателя потребительной стоимости, как особого рода собственника или потенциального собственника, за исключением, пожалуй, тех групп интеллигенции, которые превратились в наемных рабочих. А это означает отличие психологии интеллигенции как прослойки буржуазного общества от психологии рабочего класса, тяготение ее к иным полюсам. Недаром Ленин подчеркивал «коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще мелкого буржуа, от психологии пролетария»⁴².

Наша, рабоче-крестьянская по своим основным корням интеллигенция выросла в специфических условиях, перекрывших практическую возможность развития в сколько-нибудь существенных масштабах психологии мелкого буржуа. Основной опорой ее жизнедеятельности является социалистический уклад жизни; неизбежна и ее зависимость от социалистического государства. Вместе с тем не нужно закрывать глаза и на то, что реализация современных экономических реформ, усиление роли индивидуальной трудовой деятельности, рост доли дохода граждан, непосредственно идущей на обмен потребительными стоимостями, – все это может укрепить экономический статус некоторых категорий интеллигенции как обладателей потребительных стоимостей, как особого рода собственников или потенциальных собственников. Последнее может послужить почвой для проявления собственнической психологии у отдельных представителей интеллигентного труда в сфере услуг в широком смысле этого слова. Отдельные представители творческой интеллигенции могут переоценивать идеалы буржуазной демократии с ее стандартами формальных свобод, многопартийной системой и т.п. Они могут тяготиться и опекой государства, проявляющейся не только в виде бюрократических извращений, но и в поощрениях в форме государственных премий, почетных званий и т.п., они мо-

гут дойти и до крайних позиций – вплоть до отказа от профессиональных объединений типа творческих союзов и т.д.

Условия для таких тенденций в умонастроениях интеллигенции были и при капитализме. Остаются они отчасти и в наше время, ибо сохраняется в статусе многих интеллигентных профессий соответствующая для них почва. Ленин в дореволюционное время цитировал меткие, справедливые и не теряющие актуальности наблюдения К. Каутского о «стихийной анархичности» интеллигенции, о том, что оружие интеллигента – «это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению»⁴³.

Таким образом, перед нами сложное противоречивое явление, познать которое можно лишь с позиций историзма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 491.

² Там же. С. 490.

³ Там же. С. 493.

⁴ Там же. С. 507, 490.

⁵ Там же. С. 454, 456–457, 491.

⁶ Там же. С. 223.

⁷ Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII). М., 1933. С. 133–135.

⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 455.

⁹ Там же. Т. 26, ч. I. С. 151.

¹⁰ Там же. С. 140.

¹¹ Там же. В другом месте Маркс развивает ту же мысль: «Носильщику требуются деньги, и так как того, кто дает деньги, интересует товар, носильщика же, доставляющего товар, интересуют деньги, то оба они представляют по отношению друг к другу лишь две стороны простого обращения» (Там же. Т. 46, ч. I. С. 223).

¹² Там же. Т. 26, ч. I. С. 151.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 209.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 457.

¹⁵ Там же. Ч. II. С. 21.

¹⁶ Там же. Ч. I. С. 458.

¹⁷ См. там же.

¹⁸ Там же. Т. 23. С. 380.

¹⁹ Там же. Т. 26, ч. I. С. 420; см. также: Архив Маркса и Энгельса. Т. II (VII). С. 138–139, 144–145.

²⁰ Прохоренко И.Д., Курегян С.В. Духовное производство при социализме. Минск, 1987. С. 6, 116.

²¹ Для художественного творчества (в его литературной или изобразительной форме), выполняющегося на его низшем, ремесленном уровне, пожа-

- луй, могут быть и исключения. В частности, и Маркс замечал, что «лейпцигский литератор-пролетарий, фабрикующий по указке своего издателя те или иные книги (например, руководства по политической экономии), является производительным работником, так как его производство с самого начала подчинено капиталу и совершается только для увеличения стоимости этого капитала» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26, ч. I. С. 410).
- ²² Там же. С. 289.
- ²³ Там же. Т. 46, ч. I. С. 457.
- ²⁴ Кронрод Я.Л. Актуальные проблемы исследования экономического базиса // Вопросы философии. 1979. № 12. С. 24.
- ²⁵ См., напр., Медведев Вл.Аф. Общественное воспроизводство и сфера услуг. М., 1968; Агабабян Э.М. Экономический анализ сферы услуг. М., 1968; Он же. Экономические основы воспроизводства нематериальных благ при социализме. М., 1983; Шнейдер И.М. Статистика услуг (сводные показатели). М., 1974; Рутгайзер В.М. Ресурсы развития непроизводительной сферы. М., 1975; Солодков М.В. Непроизводительная сфера при социализме. М., 1978; Козак В.Е. Непроизводительная сфера: вопросы теории. Киев, 1979; Непроизводственная сфера СССР. М., 1981; Нематериальное производство в условиях интенсификации экономики. М., 1981; и др.
- ²⁶ Напр., Сюземская И.Н. Диалектика материального и духовного производства. М., 1978; Духовное производство. Социально-философский аспект духовной деятельности. М., 1981; Наука как вид духовного производства. Новосибирск, 1981; Левичева В.Ф., Щербина В.Ф. Материальное и идеальное в общественном производстве. Л., 1984; и др.
- ²⁷ Прохоренко И.Д., Курегян С.В. Духовное производство при социализме.
- ²⁸ Там же. С. 129.
- ²⁹ Там же. С. 94, 46.
- ³⁰ Чичинская И.И. Собственность в системе экономических отношений социализма. М., 1986. С. 67.
- ³¹ Непроизводственная сфера СССР. С. 7.
- ³² Глязер Л.С., Зинде В.М., Левушкин П.Л. Социально-экономические оценки науки. М., 1980.
- ³³ Прохоренко И.Д., Курегян С.В. Указ. соч. С. 95–96.
- ³⁴ Медведев Вл.Аф. Указ. соч. С. 128.
- ³⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 96.
- ³⁶ Пример такой ситуации был приведен в выступлении известного офтальмолога С.Н. Федорова на XIX Всесоюзной конференции КПСС.
- ³⁷ Напомним, что присвоение личности носителя услуг было свойственно лишь докапиталистическим формациям – рабству и феодализму.
- ³⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 168.
- ³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 46, ч. I. С. 458.
- ⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 452.
- ⁴¹ Там же. Т. 7. С. 343.
- ⁴² Там же. Т. 23. С. 256.
- ⁴³ Там же. Т. 8. С. 310.

ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ РОССИЙСКОГО ФЕОДАЛИЗМА (постановка проблемы)

Исследовательские итоги коллективного труда «История крестьянства в Европе»¹ — крупного достижения советской исторической науки — позволяют заключить, что крепостничество, появившись в Европе в качестве составной части многообразия складывающихся феодальных отношений, довольно быстро исчезает и как широкомасштабная практика феодальной эксплуатации крестьянства выступает лишь в Центральной и Восточной Европе (исключая Россию) вследствие межформационного влияния. Ф. Энгельс называл этот процесс «вторым изданием крепостничества». Отсюда складывается общее впечатление, опирающееся, впрочем, и на литературу, что собственно крепостничество, возникшее на заре феодализма, тем не менее не входит в число понятий, составляющих системообразующие признаки феодальных производственных отношений, ибо большинство специалистов трактуют крепостничество просто как специфическую форму феодализма. Следовательно, европейская историческая система феодальных отношений является как бы классической, эталонной.

Эти положения давно воспринимались как аксиома и советскими исследователями российского средневековья. В дореволюционной историографии при острых расхождениях ученых в вопросе о конкретном ходе закрепощения большинство историков тем не менее не сопоставляли крепостничество с феодализмом, а само закрепощение, в сущности, объясняли исторической бесперспективностью собственно крестьянского хозяйства. Многие исследователи представляли себе процесс развития так: масса индивидов, самостоятельно и в одиночку ведших свое хозяйство, рано или поздно попадала в кабалу, а потом в крепостную зависимость к феодалу. Наиболее выразительна в этом отношении позиция В.О. Ключевского в его исследовании «Происхождение крепостного права в России»².

Крепостничество в России было расценено как закономерный этап социально-экономического развития в концепции Б.Д. Грекова³. Вместе с тем в ней ощущалось огромное влияние взглядов Ф. Энгельса на причины «второго издания крепостничества» в регионах «к востоку от Эльбы». По сути своей эта концепция так же, как и тезис о «втором издании крепостничества», базировалась на оценке развития товарно-денежных отношений

и рынка как источниках крепостничества. Именно товарно-денежные отношения порождают, по Б.Д. Грекову, ответную реакцию феодальных отношений и их трансформацию в отношения крепостничества. Правда, в концепции Б.Д. Грекова влияние западноевропейского капиталистического рынка на феодальную экономику стран к востоку от Эльбы заменено для России влиянием внутреннего рынка на феодальный базис. Последнее положение вызвало замечание С.Д. Сказкина, полагавшего, что «развитие барщинно-фольварочного хозяйства в своей экономической сущности противоречит развитию внутреннего рынка»⁴. Чисто теоретически Б.Д. Греков прав – при высоком уровне общественного разделения труда в стране феодально-барщинный уклад хозяйства мог работать и на внутренний рынок, что имело место в реальной действительности во второй половине XVIII – первой половине XIX в. Другое дело, что с точки зрения конкретно-исторической этот тезис Б.Д. Грекова был гипотетичным. Это был серьезный изъян его интересной концепции, который впоследствии стал очевиден и привел к необходимости поиска иных толкований механизмов возникновения крепостного состояния.

Следовательно, в целом концепция закрепощения, развитая в работах Б.Д. Грекова, по существу была вариантом «ост-эльбского» развития барщины, т.е. объясняла возникновение крепостничества влиянием принципиально иных, не свойственных типичному феодализму явлений. Поэтому неизбежным следствием развития этой концепции было выдвижение положения о крепостничестве как таком этапе в общей эволюции феодальных отношений, который связан с так называемой «нисходящей» фазой развития феодализма. Этот широко известный и утвердившийся в литературе гипотетический тезис был выдвинут М.В. Нечкиной⁵. Отталкиваясь от него, основная масса исследовательских поисков, предпринятых в 50–70-х годах нашего столетия, была направлена на изыскание явлений, связанных с «нисходящей» стадией феодализма (поиск предпосылок «всероссийского рынка» в XVI в., а самого «всероссийского рынка» – в XVII в., попытки трактовки имущественной дифференциации крестьянства как дифференциации сугубо социальной, средневекового найма вненадельной земли как предтечи капиталистической аренды, а иногда и выдвижение прямых ее оценок как капиталистической аренды, поиск производителей товарного хлеба и т.д.). Довольно популярные версии так называемого «раннего капитализма» в России объективно вытекают из концепции М.В. Нечкиной, по которой «нисходящая» фаза начинается в конце XVI – начале XVII в., с момента отмены «Юрьева дня», т.е. запрета крестьян-

ских переходов. Отсюда широко распространенная оценка крепостничества как реакции феодализма на «новые явления», как «последнего резерва» феодализма. Общая оценка крепостничества сводилась, таким образом, к определению его как специфического явления, порожденного конкретно-историческими условиями России второй половины XVI – середины XIX в. Отсюда еще одна характеристика крепостничества – как символа торможения и отсталости и т.п.

Такой подход был доведен до логического конца выдвиганием версии о существенном развитии капиталистических явлений задолго до отмены «Юрьева дня» (с конца XV – первой половины XVI в.) в среде черносошного крестьянства. По этой версии, причина крепостничества сводилась фактически к волюнтаризму государственных деятелей.

Вместе с тем неудача поисков в XVI столетии внутреннего хлебного рынка, выяснение того факта, что внедрение системы поместного землевладения в конце XV – первой половине XVI в. не привело к сколько-нибудь заметному росту помещичьей барщины (не говоря уже о товарной барщине), а также ряд других обстоятельств привели к необходимости новых поисков исторического механизма возникновения крепостничества. Среди исследователей, четко осознавших эту необходимость, следует назвать, в частности, Л.В. Данилову и А.Л. Шапиро. Так, Л.В. Данилова склонна полагать, что отнюдь не барщина была причиной крепостничества. Ее следует искать в целом комплексе внутренних закономерностей развития феодального способа производства. Здесь влияние и естественногеографического фактора, и исторической среды (например, древней практики холопства), и уровня жизни господствующего класса в более развитых странах Европы, которые подчас стояли уже в преддверии капитализма, здесь, наконец, учет факторов сравнительно раннего формирования мощного государственного аппарата принуждения, золотоордынского ига и т.п.⁶

А.Л. Шапиро в своей работе «О причинах закрепощения в России XVI в.»⁷ также исходит из того, что крепостничество было вызвано целым комплексом причин. Он также считает, что историко-географические условия страны в течение веков замедляли социально-экономическое развитие России, что развитие капитализма в ряде стран Западной Европы усугубило эту отсталость. Но вместе с тем А.Л. Шапиро полагает, что причину закрепощения «следует искать не столько в исторических событиях, предшествовавших XVI в., сколько в истории XVI–XVII вв.» Автор выделяет главное, по его мнению, обстоятельство: «...В повышении в XVI в. нормы эксплуатации следует... искать

общую для всех лежащих к востоку от Эльбы стран причину закрепощения»⁸. По сути дела, для стран Центральной Европы, Прибалтики, части Белоруссии, Украины закрепощение было следствием международного разделения труда, вовлечения этих стран и регионов в систему европейского рынка, иначе говоря, следствием развитого товарного зернового и т.п. производства, промышленного труда на крепостной основе. А.Л. Шапиро включает в эту систему и Россию. Правда, основанием для этого служит не уровень товарного аграрного производства, а резко возрасставшее в XVI в., особенно во второй его половине, бремя налогов и крестьянских повинностей⁹. Однако, если товарное производство на барщинной основе действительно является следствием прямого воздействия межформационного влияния, то почему таким следствием является рост налогов в России, автор не объясняет.

На наш взгляд, глубинные истоки крепостничества – в другом. Чем меньше максимально возможный совокупный прибавочный продукт общества, тем сложнее изъять его, хотя при этом уровень потребностей господствующего класса должен быть также низким. Таким образом, в принципе речь должна идти не о том, что крепостничество является в конечном счете следствием увеличения нормы эксплуатации. Ведь при господстве натурального хозяйства это фактор сугубо временный. На заре цивилизации прибавочный продукт был настолько невелик, что были необходимы максимальные усилия для его собственной концентрации. Недаром при зарождении классов в период так называемой военной демократии и в раннеклассовом государстве основным способом изъятия прибавочного продукта были война и военные экспедиции.

Автор этих строк в поисках причин зарождения крепостничества пришел к мысли о необходимости разработки такого подхода, который бы при учете целого ряда уже отмеченных в литературе предпосылок выделил наиболее фундаментальную его причину¹⁰. Вкратце сущность ее сводится к тому, что изъятие прибавочного продукта, в качественном и количественном отношениях отвечавшего дальнейшему развитию классового (феодалного) общества, в конечном счете потребовало введения наиболее жесткого механизма внеэкономического принуждения.

Фундаментальной основой этого явления служит географический фактор, роль которого на ранних ступенях развития классового общества К. Маркс подчеркивал особо. При этом речь идет не только о том, что возможность получения прибавочного продукта появляется в разных регионах мира при различных уровнях производительных сил¹¹. Главное в том, что природно-

географические условия определяющим образом влияют и на сам размер, и на качество получаемого прибавочного продукта. «Различные естественные условия труда приводят к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах неодинаковые массы потребностей, следовательно, к тому, что при прочих равных условиях необходимое рабочее время оказывается различным. На прибавочный труд они влияют лишь как естественная граница, т.е. определяют лишь тот пункт, за пределами которого может начаться работа на других. Эта естественная граница отодвигается назад в той мере, в какой прогрессирует промышленность»¹². «Чем меньше число естественных потребностей, которые абсолютно необходимо удовлетворять, чем больше природное плодородие почвы и чем благоприятнее климат, тем меньше рабочее время, необходимое для поддержания и воспроизводства жизни производителя. Тем больше, следовательно, может быть избыток его труда, идущий на других, по сравнению с трудом на самого себя»¹³.

В восточноевропейском регионе природно-географические условия существенно сдерживали развитие производительных сил. В необходимый для данного региона минимум простого воспроизводства входил существенно больший круг самых примитивных потребностей, необходимых непосредственному производителю, чем в целом по Европе. Следовательно, естественная граница необходимого труда располагалась так, что на прибавочный труд оставалось существенно меньше рабочего времени. Более того, в земледельческой стране, какой была Древняя Русь, цикл сельскохозяйственных работ был настолько сжат по времени, что делал невозможным для отдельно взятого индивида удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Это обстоятельство в той или иной степени сказывалось на деятельности непосредственного производителя в рамках всей территории Европы, но в Восточной Европе оно проявлялось значительно сильнее. Поэтому, если повсюду в Европе действие этого фактора приводило к необходимости объединения индивидов в сообщества определенного типа (родовая община и пришедшая ей на смену земледельческая или сельская община), то в Восточной Европе такое сообщество играло существенно большую роль.

Природно-климатические условия определяющим образом влияли и на сам тип общества в лице общины. Если германская марка конституировалась как союз мелких земельных собственников, т.е. была, скорее, остатком общины в собственном смысле слова, то община восточных славян сохранилась даже в классовом обществе в значительной мере как коллективный земельный собственник. «...Различные формы отношения членов общи-

ны или племени к земле зависят частью от природных задатков племени, частью от тех же экономических условий... последнее, в свою очередь, само будет зависеть от климата, физического состава почвы, физически обусловленного способа ее эксплуатации...»¹⁴.

Таким образом, если на Западе Европы народы «вступают в историю» «с весьма заметными остатками» «сельской общины с общей собственностью на землю», то в Восточной Европе они вступили в нее с собственно сельской общиной¹⁵. Существеннейшая роль сельской общины как мощного фактора в развитии земледельческого производства делала ее вместе с тем и оплотом защиты интересов крестьянства от натиска феодальных распродаж¹⁶.

Вместе взятые, эти обстоятельства стали важнейшим препятствием на пути, во-первых, укрепления и развития феодальной земельной собственности, во-вторых, развития собственно господского хозяйства. Круг потребностей владельца этого хозяйства всегда неизмеримо шире круга потребностей простого крестьянина. В Восточной Европе этот разрыв в потребностях был усугублен очевидной необходимостью существования для крестьянина необычайно широкого круга так называемых естественных, т.е. самых необходимых, хотя и примитивных потребностей, что на протяжении многих столетий влияло на качественное разнообразие (точнее, однообразие) необходимого и прибавочного продукта.

В раннефеодальный период эти господские хозяйства, будучи еще примитивными в своей производственной основе, могли опираться на труд разного рода холопов и близких к ним категорий. Однако с течением времени стала неизбежной перспектива развития господского хозяйства на основе труда крестьян. Последнее было возможно только при сохранении и вместе с тем централизации общины, т.е. посредством введения более жесткого механизма изъятия прибавочного продукта, что было достигнуто в первую очередь прикреплением навечно крестьян к земле.

Представляется принципиально важным, что данное объяснение наиболее общих причин возникновения крепостничества в России позволяет расценить крепостничество как исторически закономерную форму проявления и развития собственно феодальных отношений. А это заставляет поставить более общий вопрос: если крепостничество есть стадия внутренне обусловленная, а не результат так называемых межформационных влияний (т.е. это стадия, органично свойственная феодализму как типу производственных отношений), то как ее соотнести с западноев-

ропейским вариантом феодальных отношений, с так называемым «классическим» феодализмом?

Прежде чем вплотную рассмотреть этот вопрос, затронем некоторые общие моменты соотношения феодальной земельной собственности и собственности общинной.

* * *

Как известно, крестьянское хозяйство в эпоху феодализма имеет в своей основе натуральный, а следовательно, «многоотраслевой», универсальный характер. В свою очередь, это ведет к необходимости существования сложной и разносторонней сферы приложения труда. Сфера этого труда представлена прежде всего как земледельческая (в условиях Европы). Следовательно, основой ее служат п о л е в ы е з е м л и (пашня). Вторым важнейшим компонентом являются сенокосы. Третьим – такие угодья, как выгоны, пустоши, леса, реки и т.д., также играющие немалую роль в крестьянском хозяйстве¹⁷. Вместе с тем далеко не все хозяйственные угодья пригодны (в силу ограниченного, низкого уровня развития производительных сил) для парцелльного способа хозяйствования, т.е. индивидуального труда. Как известно, раньше всего объектом такого парцелльного хозяйства и крестьянской собственности стали усадебные земли (огороды, гумна, неполевые участки). Из других угодий объектом индивидуального труда становится пашня – важнейший, главный вид хозяйственных угодий. Поэтому именно пашенная земля, а стало быть, и луга раньше всего и стали аллодом¹⁸. Однако остальные сферы приложения труда, остальные виды угодий веками были в совместном, коллективном пользовании, элементом общности (Gemeinwesen), а если осваивались и индивидуально, то шли под ту же пашню и т.п.

Примерно те же закономерности наблюдаются и в зарождении и развитии хозяйства самого феодала. В эпоху господства натурального хозяйства феодалу как земельному собственнику необходимы были прежде всего пашенные угодья в качестве объекта приложения труда и присвоения его продуктов. Опосредованно это имело отношение и к луговым угодьям. Что же касается земель, еще не освоенных, а также лесных угодий, рек, озер и т.п., то большинство их становится сферой земледельческого или промышленного труда лишь в эпоху сильного развития товарного производства и высокого уровня общественного разделения труда, т.е. в эпоху разложения феодального способа производства. Только тогда они и становятся объектом исключительного владения феодала. До тех пор феодальный владелец осуществ-

лял как максимум лишь право верховной собственности над этим видом земель, реально проявляющееся либо как монопольное право охоты, либо как право сбора различного вида платежей за пользование этими угодьями и т.д. Не случайно, например, в Русском государстве XVI–XVII вв. служилое феодальное землевладение обеспечивалось правительством земельным окладом, исчислявшимся только в так называемой «четвертной земле», т.е. земле, состоявшей из разных типов пашенных угодий. Поэтому по отношению к остальным типам хозяйственных угодий феодал фактически, а иногда и юридически выступал лишь как совладелец. «Долевое» же участие крестьянства в промысловом и хозяйственном использовании этих угодий юридически выступало как традиционное право на них, ставшее феодальным правом.

Следовательно, уже в самом уровне развития производительных сил в период становления и развития феодализма заложена предпосылка к сосуществованию и даже взаимному переплетению феодальной собственности и собственности общинной. Вероятно, имея в виду эту специфичность, К. Маркс в конце черновой рукописи «Капитала» дает сильную формулировку: «Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма. Однако целый ряд экономических систем, в свою очередь, занимает промежуточное положение между современным миром, где меновая стоимость господствует над производством во всю ширь и глубину, и такими общественными формациями, основу которых составляет общинная собственность, хотя уже разложившаяся...»¹⁹. Несмотря на то, что мысль К. Маркса осталась здесь незаконченной, вполне очевидно, что под общественными формациями, основанными на различных формах разложения общины, имелись в виду рабство и крепостничество.

Процесс своего рода поглощения феодализмом общинной собственности проходит несколько стадий, протяженность которых в разных регионах Европы была различной. Однако всюду феодальная собственность кристаллизуется как частная собственность, сохраняющая «большей частью форму общности (Gemeinwesen)»²⁰.

Прежде всего – это стадия существования независимой сельской (соседской) общины в рамках раннефеодального государства, реализующего практически лишь право верховной собственности на общинные земли, в то время как реальную власть имела сама община. Существование самостоятельных общин в этом случае обусловлено тем, что феодальные отношения находились лишь в стадии своего становления. «...Народ растворился в союзе мелких сельских общин, – пишет Ф. Энгельс о становлении

раннефеодального Франкского государства, – между которыми не существовало никакой – или почти никакой – экономической связи... Обмен между ними был поэтому почти невозможен. Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковы, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования нации становится государственная власть, возникшая не из их среды, а враждебно противостоящая и все более их эксплуатирующая»²¹. Это – ф о р м а л ь н а я с т а д и я образования феодальных отношений. Здесь нет еще экономических предпосылок изъятия ренты, ибо крестьянин еще не сидит на чужой земле, т.е. земле феодала, и поэтому действуют исключительно политические мотивы и рычаги изъятия ренты.

Подобное раннефеодальное государство эволюционирует альтернативно: либо на основе консервации общины и общинной собственности, либо на основе более или менее динамичного распада этой собственности, но сохранения общины в целом как социального коллектива и превращения ее в типичную организацию деревенской формы хозяйства с некоторыми минимальными функциями организации землепользования, поддержания коммуникаций и т.п. Такая форма общины ведала и альмендой, но только альмендой, уже ставшей лишь придатком к парцелльному хозяйству. В качестве примера первого типа эволюции Ф. Энгельс приводит ирландские кланы, где вплоть до XVII в. земля была в Айриши «общей собственностью клана или рода, если только она не была уже превращена вождями в их частные домениальные владения»²². Второй тип эволюции характерен, как известно, для севера Франкского государства, где примерно с конца V по IX в. шел процесс разложения общинной собственности и выделения отчуждаемой частной собственности «свободного крестьянина» в виде аллода. В его состав входили пашенные земли и луга²³. «Эта форма свободной парцеллярной собственности крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство в качестве преобладающей, нормальной формы... образует экономическое основание общества в лучшие времена классической древности...»²⁴. Эпоха расцвета парцеллярного хозяйства свободного франкского крестьянина характерна тем, что он (крестьянин) «не знал другого господина кроме короля, а еще раньше вообще не знал никаких господ, и короля в том числе»²⁵, поскольку собственно общинные отношения не были отношениями господства и подчинения.

Вместе с тем важно отметить, что природа аллода как формы частной собственности была весьма ограничена и экономически, и в известной мере социально. «Община передала свои земли, –

пишет Ф. Энгельс, – отдельным лицам только с целью использования их в качестве пашен и лугов, но не для какой-либо другой цели»²⁶. Контроль общины за хозяйственным использованием аллодиальных земель был четко обусловлен уровнем развития производительных сил, что вообще породило «марковое устройство для земледелия»²⁷. Не менее важным было и то обстоятельство, что леса, пастбища, пустоши, болота, реки, пруды, озера, дороги, места охоты и рыбной ловли оставались в общинном владении²⁸. Аллод в экономическом отношении оставался по-прежнему органично связанным с общиной, хотя в определенном смысле в социальном плане он был свободен абсолютно, т.е. мог стать объектом собственности представителя любого слоя общества²⁹. Вместе с тем К. Маркс неслучайно особо подчеркивал, что «даже там, где дело доходит до частной собственности, отношение индивида к ней выступает как обусловленное его отношением к общине. Эта собственность выступает как всего лишь лен общины и т.д. и т.п.. Поэтому земля, даже там, где она стала частной собственностью, лишь в ограниченном смысле является меновой стоимостью. Меновая стоимость возникает в обособленном, отдаленном от земли и индивидуализированном посредством трудовой деятельности (или посредством простого присвоения) природном продукте»³⁰.

Из этих положений неизбежны два следствия. Первое из них сводится к тому, что выделение в частную (отчуждаемую) собственность важнейших хозяйственных угодий (пашен и лугов) создало предпосылку для перенесения центра тяжести хозяйства свободного крестьянина на аллод. Иначе говоря, в рамках аллода стало возможным создание основной доли необходимого и прибавочного продукта в его **к о н е ч н о м** **в и д е**. Это была ключевая позиция всего хозяйственного комплекса земель. Появление возможности отчуждения аллода создало ситуацию, когда «возникновение крупной земельной собственности стало лишь вопросом времени»³¹. Суть второго следствия в том, что крупное феодальное землевладение, возникшее на основе аллода, в хозяйственном отношении оказалось на весьма длительный исторический период целиком в руках «маркового устройства... земледелия»³². Таким образом, феодальный строй поземельных отношений, выросший на основе концентрации аллодиальных земель в руках крупных земельных собственников, был органически переплетен с общинным устройством земледелия и скотоводства и остатками общинной собственности. Этот тип поземельных отношений охарактеризовал, в частности, Ф. Энгельс в работе «Марка», заметив, что, захватывая аллоды и ставя крестьян в отношения коммэндации, а потом и в отношения, переходя-

дящие в способ производства, свойственный феодализму, крупный земельный собственник вступал в общину (марку) и «приобретал... связанные с этим владением (аллодом. – Л.М.) права в марке». Самое же существенное состоит в том, что «новые землевладельцы становились членами марки и первоначально пользовались в пределах марки только равными правами наряду с остальными свободными и зависимыми общинниками, даже если это были их собственные крепостные»³³. Отсюда следует вывод о том, что права верховной собственности на общинные земли (альменду) оставались за общиной и в условиях формирования и развития крупной земельной собственности на основе аллода. Развитие рентных отношений сочеталось со сложным переплетением форм земельной собственности.

С развитием феодальных отношений право верховной собственности на альменду постепенно переходило в руки феодалов. Последнее, однако, не исключало сохранения совладельческих прав на эти земли со стороны общины, подкрепленных совместным фактическим хозяйственным использованием общинных земель³⁴. Следует подчеркнуть, что такое соотношение форм собственности могло существовать вплоть до достижения феодальным способом производства стадии своего разложения. Причины столь сложного переплетения форм собственности на стадии развитого феодализма коренятся, как уже указывалось, прежде всего в низком уровне производительных сил, слабом развитии товарно-денежных отношений и т.п.

В принципе те же процессы протекали в пределах другой формы феодального землевладения, ведущей свое начало от дарений (бенефиции, бокленды и т.п.). Вместе с тем феодал сразу же становится здесь верховным собственником общинных земель при правах совладения и совместного хозяйственного использования со стороны общины. Таким образом, «марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения в о з д е л а н н о й (разрядка моя. – Л.М.) землей, пока еще существовали общие угодья марки, а также к разнообразнейшим правам собственности на них, когда марка перестала быть свободной»³⁵.

Эта необычайная гибкость марки была обусловлена почти исключительно тем, что уровень развития производительных сил требовал именно маркового устройства земледелия, ибо в основе феодального способа производства лежало мелкое крестьянское хозяйство. В общинных хозяйственных распорядках нуждалось даже свободное парцелльное хозяйство (не говоря о хозяйстве самих феодалов).

В эпоху феодализма для большинства регионов Западной Европы, на наш взгляд, характерна такая стадия трансформации

первобытной общины, при которой крестьяне-аллодисты нуждались не столько в самой общине, сколько в общинных распоряжениях. Таким образом, позднейшая марка – это свидетельство наиболее сильного разложения общины как коллективного земельного собственника, ее трансформации в общинную организацию крестьян-собственников, где в центре внимания были такие хозяйственные распоряжения, как система открытых полей, система эксплуатации пастбищ, лесов, рек, практика устройства дорог, мостов и т.д.³⁶

Правда, в последнее время медиевисты подвергают настойчивой критике марковую теорию и ее создателей (Маурера и др.). Отчасти эту критику разделяют и некоторые авторы первого тома «Истории крестьянства в Европе», считающие, что община периода Меровингов была всего лишь «рыхлой и слабо оформленной организацией», что нет достаточных оснований считать ее непосредственной преемницей древнегерманской общины³⁷.

Разумеется, было бы неверным ставить знак равенства между родовой и сельской общиной, и это справедливо отмечают сами авторы тома. Но было бы, на наш взгляд, ошибочным не видеть в сельской общине периода Меровингов, т.е. общине крестьян-собственников, определенный этап разложения древней общины как коллективного собственника.

Причиной пересмотра марковой теории послужили новые археологические материалы о так называемых «древних полях», представляющих системы неравных пахотных участков длительного пользования, огражденных широкими каменными межами-оградами (Г. Хатт). По справедливому замечанию авторов первого тома «Истории крестьянства в Европе», этот факт явно недостаточен для выводов социального характера. В то время как Г. Хатт на основе свидетельств широкого распространения у древних германцев и даже у кельтов систем «древних полей» говорит о господстве в раннем железном и железном веках индивидуальной собственности на землю³⁸, авторы первого тома справедливо подчеркивают, что периоду раннего железного века соответствуют жилища типа «длинных домов», которые, по мнению целого ряда археологов, служили местом обитания так называемых больших семей (домовых общин)³⁹. Кроме того, добавим от себя, мы действительно не знаем истинных мотивов устройства широких меж из камней на участках разного размера и разной конфигурации. А ведь объяснения могут быть отнюдь не только социальными по своему характеру.

Почему бы, например, не допустить, что широкие межи из камней⁴⁰, вывороченных при пахоте, были просто остроумным способом постоянной очистки полей. Как известно, поля, засо-

ренные камнем, нельзя очистить одним разом. Камни выпаживаются постоянно – из года в год, из века в век. Если их собирать в кучи, то неизбежна и последующая процедура их постоянной транспортировки с полей. Устройство каменных широких меж, по которым могли проезжать даже упряжки с плугом, повозками и т.п., делало тяжкий труд очистки полей наиболее оптимальным по затратам времени и вместе с тем создавало удобства в землепользовании. Что касается размеров и конфигурации полей, то они, во-первых, всегда диктуются рельефом местности, качеством почв и т.п. В данном же случае размер и конфигурация поля могли быть обусловлены степенью засоренности его камнями. Следовательно, разные размеры полей, обусловленные чисто техническими причинами, лишь затрудняли переделы, но не устранили возможности их осуществления. Конечно, при низкой плотности населения, при разреженной сети поселений сравнительно небольшого размера переделов могло и не быть. Но мы не можем исключить существования экстенсивных систем земледелия с периодическим забрасыванием выпажанных полей, а следовательно, не можем исключить и периодическую концентрацию усилий общинников по вовлечению запущенных пашен в оборот и другие моменты совместного труда, предпосылкой которых является общность владения землей или какие-нибудь пережитки этого института. Ведь в том перечне функций общины при Меровингах, которые, по предположению авторов «Истории крестьянства в Европе», существовали в древней общине, есть функции, являющиеся прямыми компонентами статуса общей собственности на угодыя и пашню. В частности, речь идет о коллективных расчистках и раскорчевках леса под пашню⁴¹. Периодичность этих работ не снимает их систематичности, а коллективное участие в них членов общины неизбежно реанимирует эффект верховной собственности общины. Именно из непреложного факта существования верховной собственности общины на землю проистекает обычай передачи в распоряжение общины выморочных и бесхозных земель⁴². Элементы верховной собственности как пережитки коллективной общинной собственности на пахотные земли сохранились и в более позднюю эпоху, а именно в VIII–IX вв., когда в средневековой германской общине укрепились чересполосица и выделение конов⁴³. Система конов есть средство уравнивания различий в качестве плодородия земель, что является прямым следствием равенства прав общинников на землю, стремлением элиминировать преимущество одних индивидов перед другими. Такого рода стремления, на наш взгляд, отнюдь не являются порождением интересов простого соседского общежития, они имеют более глубокие корни. Иначе

говоря, генетически подобные стремления к равенству прав у общинников, несомненно, восходят к изначально общей собственности на землю. Таким образом, конь, хотя и новое явление для средневековья, но оно есть отголосок старых распорядков. Ведь К. Маркс называл эти формы «развития» общины видоизменением и и з в р а щ е н и е м «первоначальных форм всех общин» на базисе рабства и крепостной зависимости. Поскольку «демократизация» общинных распорядков шла вспять историческому прогрессу, К. Маркс считал, что эта «простая организация» приобретала «негативное определение»⁴⁴. Следовательно, чересполосица, принудительный севооборот и выпас по жнивью появились не сами по себе как проявление интересов простого общежития соседей-землевладельцев; они суть лишь определенный этап в, так сказать, «э в о л ю ц и и вспять» общины. Социальной отправной точкой подобной «эволюции вспять» была тем не менее коллективная собственность на землю древней общины, лишь дополнявшаяся тягой к всеобщей корпоративности в эпоху средневековья.

В связи с этим некоторые формулировки в первом томе «Истории крестьянства в Европе» могли бы быть подвергнуты сомнению. В частности, слишком, на наш взгляд, категорично заявляют авторы, что «община отнюдь не является реликтом архаического строя»⁴⁵. Со столь масштабным утверждением трудно согласиться. Ведь община как институт, несомненно, является осколком архаической формации (первобытнообщинного строя), правда, осколком в сильно искаженном виде. И принцип ретроспективного анализа остается важнейшим методом исторического анализа. Напомним известное выражение К. Маркса: «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны»⁴⁶. Ведь по поводу путей и методов изучения общины К. Маркс прямо писал, что если «буржуазное общество само есть только антагонистическая форма развития, то отношения предшествующих формаций встречаются в нем часто лишь в совершенно захиревшем или даже шаржированном виде, как, например, общинная собственность»⁴⁷.

Зафиксированные авторами «Истории крестьянства в Европе» итоги новейших исследований в области древнегерманской марки и выяснение того факта, что чересполосица и система «открытых полей» не были свойственны древнейшему периоду общины, не дают, на наш взгляд, достаточных оснований для утверждения, что средневековая «дальнейшая история общины заключалась не в “разложении” ее, а напротив, в развитии... в постепенном медленном оформлении и укреплении общинных порядков»⁴⁸. Такое развитие – частный момент общего процесса

разложения поземельных отношений. Эти явления доказывают только гибкость хозяйственных распорядков общины, развитие общины лишь как социальной организации крестьян-собственников в условиях мобилизации аллодиальной собственности. Такая община есть дополнение (придаток) к парцелльному хозяйству. Поскольку в ней существуют пережитки древней общины, хотя и весьма ограниченные, как коллективного собственника, постольку средневековая община является этапом разложения первой. Задача состоит лишь в том, чтобы не понимать «разложение» и так называемый «перерыв континуитета» общинного института слишком упрощенно. Социальная структура общины имела в основе своей один тип эволюции – от стадии, когда именно община являлась основным условием деятельности каждого индивида, т.е. когда община есть коллективный собственник, к стадии, на которой община становится лишь организацией мелких собственников, когда община существует во взаимоотношениях индивидуальных земельных собственников⁴⁹. Если германская марка доримского и римского времени уже успела сложиться в земледельческую общину индивидуальных собственников, то это не означает отсутствия в ней более древних корней. Если в древнегерманской общине не было верховной собственности на пахотные угодья, то это вовсе не означает изначального ее отсутствия.

Таким образом, позднейшая марка является свидетельством глубокого разложения первобытной общины, разложения, приведшего к сохранению единения крестьян-собственников. Их общинные хозяйственные распорядки – лишь тень существовавшей когда-то общины как коллективного собственника⁵⁰.

Все сказанное позволяет нам в поисках специфичности древнерусской общины по-прежнему исходить из марксовой схемы эволюции и разложения общины и пользоваться ретроспективным подходом.

Тип древнерусской общины в наиболее ранний период ее существования из-за отсутствия необходимых источников реконструируется на основе совокупности фактов, характеризующих ее развитие на более позднем этапе. Не входя в детали, отметим наиболее общую тенденцию последующего, т.е. позднейшего развития поземельных отношений внутри общины. Оно привело, по-видимому, с конца XVI в. к практике земельных переделов в виде поравнений, а иногда и полных переделов, которые с течением времени развились до вовлечения в переделы не только пашенной, но и усадебной земли вплоть до дворовых ее участков, чего никогда, вероятно, не было в Западной Европе. Естественно предположить, что столь феноменальная «демократизация»,

будучи стимулирована новым статусом общины, т.е. включенностью в механизм налогообложения и изъятия феодальной ренты, не могла не иметь кардинальных исторических предпосылок, не могла возникнуть, так сказать, на пустом месте или исходя только из одних потребностей чисто соседского общежития (последнее предполагало бы изначальную идею равенства по типу так называемых «естественных прав» человека). Одной из таких существеннейших предпосылок было отсутствие аллода – крестьянская пахля оставалась во временном владении. Таким образом, чем менее интенсивно проходил многовековой процесс разложения общины как коллективного собственника, тем энергичнее протекали «эволюция вспять» и «демократизация» общины. Если сами по себе земельные переделы в соседской общине могли быть явлением поздним, то на этом основании они не перестали быть всего лишь поздним проявлением изначального свойства общины – коллективной земельной собственности⁵¹. Этот фундаментальный признак древнейшей общины в Восточной Европе (восточнославянской общины), надо думать, был системообразующим, определившим многие свойства позднейших вариантов ее развития.

Характер или тип общины, как известно, в существенной мере определял облик государственности как на ранних, так и на более поздних этапах развития докапиталистических обществ. «Форма этой государственной власти... обусловлена той формой, которую имеют к этому времени общины. Там, где она (государственная власть. – Л.М.) возникает... в период, когда община обрабатывает землю еще сообща или, по крайней мере, передает только во временное пользование отдельным семьям, где, таким образом, еще не образовалась частная собственность на землю, – там государственная власть появляется в форме деспотизма»⁵². У истоков этого процесса лежит общность интересов групп общин и необходимость отпора «противодействующим интересам». Со временем в примитивных государствах или государственных образованиях, где, смотря по типу общин, а также в силу иных обстоятельств, во главе стоял или «восточный деспот или сатрап», или «греческий родовой вождь», или «кельтский глава клана и т.д.», «отдельные господствующие лица сплотились в господствующий класс»⁵³.

В восточноевропейском регионе тип общины в конечном счете определил складывание так называемого «государственного феодализма».

Поскольку государство является орудием в руках господствующего класса, инструментом для эксплуатации угнетенного класса, можно квалифицировать тип феодального государства с некоторыми оговорками как форму внеэкономического при-

нуждения. Таким образом, перед нами система сложных соотношений: тип земледельческой общины обусловлен природно-климатическими условиями труда непосредственных производителей, итогом которого является оптимальное соотношение необходимого и прибавочного труда. Разложение общины и общность интересов ее групп ведут к формированию государства, тип которого зависит от стадии в эволюции общины. Кроме того, на развитие государства, его форму и политическую структуру влияет та форма внеэкономического принуждения, которая дает необходимый объем прибавочного продукта для прогресса «усиленного разделения труда». Это происходит в тех случаях, когда сохранение за общиной существенных компонентов верховной власти на землю и сохранение общины как социального коллектива в конечном счете становятся тормозом в механизме изъятия господствующим классом феодальной ренты – этой «единственной господствующей и нормальной формы прибавочной стоимости или прибавочного труда»⁵⁴. Тогда возникает крепостничество.

Следовательно, в Западной Европе и в России община занимала существеннейшее место в системе зарождающихся феодальных отношений и вариантов государственного развития, но в различных естественногеографических условиях возникли кардинально различающиеся типы общин Востока и Запада Европы, что привело к формированию разных типов феодальной государственности. Механизм реализации этих типов государственности проявлялся в преобладании того или иного вида феодальной ренты. В свою очередь, разные формы внеэкономического принуждения («от крепостничества с барщинным трудом... до простого оброчного обязательства»)⁵⁵ вели к сильным различиям в надстройке, в том числе и к многообразию типов феодального хозяйства, типов организации господствующего класса, т.е. форм феодальной иерархии, и, наконец, различных форм организации государственной власти.

Таким образом крепостничество как крупномасштабное явление органически вливается в широкий поток исторической многовариантности феодализма, будучи образцом наиболее глубокого и жесткого механизма внеэкономического принуждения.

Переворот в отношениях земельной собственности на основе аллодиального разложения общины в Западной Европе, усугубленный частнособственническими традициями позднеантичных структур, способствовал созданию сложных и разветвленных вассально-корпоративных отношений в господствующем классе, отразившихся в политической надстройке в таких вариантах, которые наиболее близки адекватному образцу теоретической мо-

дели феодализма. Что же касается производственных отношений, то в Западной Европе крестьянин в основном был свободен от личной феодальной зависимости. Больше того, судя по итогам такого фундаментального исследования, как «История крестьянства в Европе», степень внеэкономического принуждения в целом здесь почти никогда, за исключением некоторых регионов в период раннего средневековья, не достигала (в исторически существенных масштабах) своей высшей точки развития⁵⁶. Между тем ведь крепостничество было всегда желанной мечтой господствующего класса, ибо являлось, по словам Ф. Энгельса, «идеальным для феодального землевладения состоянием»⁵⁷. Причина кроется, видимо, в том, что прибавочный продукт исторически оптимального размера присваивался в этих странах путем отнюдь не максимальных усилий механизма классового давления. Неизбежно возникая на ранней стадии развития феодализма, «крайние формы серважа» быстро (иногда очень быстро) исчезали. В период же наивысшего развития феодальных обществ в Европе «крайние формы серважа» в заметных масштабах появлялись лишь там, где, по мнению авторов, создавались «особые экономические, политические и даже естественногеографические условия»⁵⁸. Одним из таких условий авторы называют слабое развитие городов, поскольку «доходы сеньоров от обложения городов и торговли здесь были меньшими и не могли компенсировать сокращение поступлений от эксплуатации сервов»⁵⁹. Вторым условием была возможность создания сильной центральной власти, т.е. основных рычагов внеэкономического принуждения⁶⁰. Эти наблюдения весьма важны, ибо прямо подтверждают предлагаемый тезис о том, что крепостничество появляется там, где нет объективных условий для получения исторически оптимального объема прибавочного продукта. «В общем там, где общественное развитие шло обычными путями – без особого раннего усиления центральной власти (т.е. без нужды в усилении этой власти. – Л.М.), без отставания городов... там, при прочих равных условиях, проблема людских ресурсов решалась европейской сеньорией без использования крайних форм серважа. Его широкое применение представляло на первом этапе зрелого феодализма, по большей части, отклонение от магистрального пути развития»⁶¹.

Итак, за исключением периода, с которым связано зарождение новых капиталистических отношений и появление так называемого «второго издания крепостничества», вся история европейского феодализма связана с крепостничеством («крайними формами серважа»), скорее, в порядке исключения из правила. «Магистральный путь – это путь эксплуатации лично свободного феодального крестьянина»⁶².

Вполне естественно для авторов «Истории крестьянства в Европе», что они даже не ставят вопрос: а не является ли сам европейский путь развития феодализма плодом «особых политических, экономических и... естественногеографических условий»?

Между тем предложенная трактовка причин возникновения крепостничества в России, объяснение этих причин внутренне обусловленной закономерностью многовариантности феодальных отношений заставляет поставить вопрос о степени близости тех или иных типов феодальных производственных отношений к логической модели этих отношений.

* * *

На наш взгляд, крепостническая форма эксплуатации, будучи «более низкой формой живого труда»⁶³, тем не менее максимально соответствует логической модели феодального способа эксплуатации, хотя она может проявляться как преимущественная, господствующая ее форма в зависимости от характера и темпов развития феодального способа производства в различные исторические периоды. В равной мере она может и вообще не состояться⁶⁴.

Итак, что же представляет собой крепостное состояние с точки зрения отношений собственности, а точнее, в интервале взаимосвязей: непосредственный производитель – феодал? Как уже упоминалось, вопрос о собственности – это вопрос об отношениях к объективным условиям труда⁶⁵, т.е. к средствам производства. В эпоху феодализма эти отношения – комплекс сложных в своих взаимосвязях компонентов. В отличие от капиталиста, непосредственно владеющего (на правах собственности) всеми средствами производства, отношение к средствам производства феодала отличается тем, что в его собственности находится лишь основное средство производства – земля. Отсутствие других слагаемых производительных сил порождает ситуацию, когда на этой земле должен находиться непосредственный производитель, в свою очередь «владеющий условиями труда, необходимыми для его собственного воспроизводства»⁶⁶. Таким образом, сидя на чужой земле, непосредственный производитель ведет тем не менее самостоятельное хозяйство. Но для собственника земли этого мало. Чтобы земля давала ее собственнику полезный эффект, между ним и непосредственным производителем непременно нужны такие отношения, которые обеспечили бы первому получение прибавочного продукта как итога избыточного труда непосредственного производителя (над трудом необходимым). Низкий уровень развития производительных

сил, отсутствие существенного уровня общественного разделения труда, слабая роль товарно-денежных отношений – все это обусловило тип отношений собственника земли и сидящего на этой земле крестьянина как тип отношений п о л и т и ч е с к о - г о господства и подчинения. Только такой тип отношений давал возможность для реализации внеэкономического принуждения, для извлечения прибавочного труда в виде ренты в пользу земельного собственника. «...Ясно, – писал Маркс, – что во всех формах, при которых непосредственный работник остается “владельцем” средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель – как несвободный»⁶⁷.

Степень господства и соответствующего ему подчинения, т.е. личная несвобода, может быть разной. Наиболее идеальным для земельного собственника является положение, когда степень личной несвободы максимальна настолько, чтобы упростить и облегчить изъятие прибавочного продукта, и вместе с тем минимальна настолько, чтобы она могла действительно стимулировать непосредственного производителя для ведения собственного самостоятельного хозяйства. Исторически эта ситуация известна как крепостная зависимость, крепостное состояние крестьянина. При такой зависимости крестьянин прикреплен к земле «в качестве придатка последней»⁶⁸, крайне ограничен в сфере гражданской дееспособности, причем личная зависимость от феодала достигает своего пика или логического предела в практике продажи крестьян без земли. Феодал как господин крепостного крестьянина в полном смысле слова «присваивает» непосредственного производителя как одно из средств производства. Следовательно, «живая рабочая сила сама является собственностью другой стороны»⁶⁹, хотя собственностью ограниченной, т.е. неполной. К. Маркс подчеркивает, что здесь «сам работник выступает как одно из природных условий производства», «сам труд причисляется к объективным условиям производства»⁷⁰. В другом месте К. Маркс выражает эту мысль еще сильнее: «Сам работник и в форме раба и в форме крепостного ставится в качестве неограниченного условия производства в один ряд с прочими существами природы»⁷¹. Вместе с тем положение крепостного качественно отлично от положения раба. «Раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно»⁷². Крепостной же, как мы выше подчеркивали, ведет самостоятельное хозяйство. Отсюда следует, что «собственность на условия труда, отличные от земли, земледельческие орудия и прочую

движимость, сначала фактически, а потом и юридически превращается в собственность непосредственных производителей»⁷³. Тем самым он является собственником и жизненных средств, т.е. обладает «собственностью (хотя бы даже и в крепостной форме)». В другом месте эта мысль передана Марксом с тем же акцентом. При этом подчеркивается, что отношения крепостной зависимости приковывают «работника к земле и к хозяину земли, но фактически» предполагают – его «собственность на жизненные средства»⁷⁴.

В литературе примерно последних полутора десятилетий ведутся споры по проблемам крестьянской собственности и владения в эпоху феодализма, а также по вопросу так называемой верховной собственности.

Как было подчеркнуто выше, специфика в уровне развития производительных сил в период генезиса феодализма и его расцвета была такова, что земля как объект труда, как основное его условие неизбежно должна быть в фактическом владении непосредственного производителя. Отсюда некоторая сложность в понимании таких категорий, как «п о л ь з о в а н и е», «в л а д е н и е» и «с о б с т в е н н о с т ь». Вкратце остановимся на них.

Хозяйствовать на земле на правах пользователя может, например, докапиталистический арендатор. Единственный аспект его отношений с землей как существеннейшим условием труда является его практический контакт с землей как с чужим условием труда. При этом он лишен всяких прав на землю. «Возделыватель-владелец»⁷⁵ резко отличен от докапиталистического арендатора, хотя он также имеет дело с землей как с чужим условием труда. Ведь даже в качестве крепостного он владеет, обладает этой землей. Как владелец земли он имеет на нее п р а в о, определяемое К. Марксом и Ф. Энгельсом как право ф е о д а л ь н о е⁷⁶. Прежде всего это не только право хозяйствования на отведенной ему земле, но и право ее наследования, развившееся в конечном счете до завещательного права и права отчуждения этой земли, т.е. ее продажи. Простой пользователь земли таких прав не имеет.

Права крепостного крестьянина на землю появляются и закрепляются обычаем и традицией, берущими начало еще в те времена, когда крестьяне смотрели на господскую землю как на б ы в ш у ю с в о ю з е м л ю. Таким образом, права крепостного на землю формируются как элемент обычного феодального права. К. Маркс писал об этом следующее: «Если форма просуществовала в течение известного времени, она упрочивается как обычай и традиция и, наконец, санкционируется как положительный закон»⁷⁷. Чисто исторически (т.е. не с точки зрения по-

литэкономии) такой ход дела складывался стихийно и объективно. Стало быть, феодал должен был, хотел он того или нет, с ним считаться. «Урегулированность и порядок, – подчеркивал Маркс, – являются именно формой общественного упрочения данного способа производства и потому его относительной эмансипации от просто случая и просто произвола»⁷⁸. Следовательно, обычай и традиция, возведенные обычным правом в закон, существовали как практическая реализация фактической собственности крепостных на землю.

Степень проявления этой фактической собственности зависела в первую очередь от степени личной несвободы, а также от степени и форм эксплуатации крестьянства. К. Маркс, в частности, отмечал, что при отработочной ренте «непосредственный производитель одну часть недели работает на земле, фактически принадлежащей ему, при помощи орудий производства (плуга, скота и пр.), принадлежащих ему фактически или юридически»⁷⁹. При этом минимальная степень эксплуатации крестьянина может в принципе превратить собственность феодала на землю в юридическую фикцию⁸⁰. Непременный сопутствующий этому фактор – личная свобода или минимальная степень несвободы. И наоборот, резкое возрастание эксплуатации в сочетании с усилением личной несвободы трансформируют крестьянина в пользователя земли.

Вообще говоря, при крепостном состоянии личная несвобода была максимальной, и поэтому возможность реализации фактической собственности крестьян на землю как ее возделывателей была минимальной. Но она тем не менее была. Помимо естественногеографических условий различного рода социальные моменты (наличие общины, т.е. маркового строя земледелия, классовая борьба крестьян) практически могли сделать и делали положение крестьян как ф а к т и ч е с к и х с о б с т в е н н и к о в земли более прочным и т.д.

Следовательно, соотношение категорий «в л а д е н и е» и «с о б с т в е н н о с т ь» наиболее строго различается лишь с точки зрения политэкономической, т.е. они строго различаются лишь в модели развитого классического феодализма. С точки зрения конкретно-исторической соотношение этих категорий не столь строго, оно подвижно. Владение землей феодально-зависимого крестьянства в зависимости от стадии развития феодальных отношений, степени и форм эксплуатации, степени личной несвободы может сближаться с ф а к т и ч е с к о й с о б с т в е н н о с т ь ю на землю, неполной собственностью, но может быть идентично и понятию простого пользования⁸¹. За этой конкретно-исторической подвижностью содержательной сущности поня-

тия владения скрыто постоянное противоборство феодала и крепостного, собственника земли и непосредственного производителя, противоборство, имеющее глубоко антагонистический характер.

Для феодала понятие феодальной собственности на землю, на наш взгляд, в большинстве случаев (и даже в идеальных для эксплуатации условиях крепостничества) не может трактоваться как полная собственность, т.е. частная собственность в буржуазном ее смысле. При всей полноте присвоения земли посредством эксплуатации крестьян и получения ренты собственность феодала на землю исторически ограничена⁸².

Ее ограниченность, если и компенсируется, то только системой внеэкономического принуждения, т.е. в конечном счете системой личной, крепостной зависимости. Именно поэтому, на наш взгляд, производственные отношения крепостничества наиболее адекватны логической модели феодальных производственных отношений.

Такого рода рассуждения находят подтверждение и в работах основоположников марксизма. Чтобы вкратце продемонстрировать это, необходим экскурс в понятийный аппарат основоположников марксизма, применяемый ими на разных уровнях формационных сопоставлений и характеристик.

* * *

Как известно, уже в 40-х годах XIX в. К. Маркс открыл закон смены общественно-экономических формаций, выделив логически последовательную очередность их как: первобытнообщинный строй, рабство, феодализм, капитализм, коммунизм. Предпринимая во многих своих работах различного рода сопоставления на уровне формаций, К. Маркс терминологически определяет их, т.е. формации, как правило, либо с точки зрения общего, чисто символического обозначения способа производства, либо обозначает их, подчеркивая вместе с тем специфику способа эксплуатации, свойственного той или иной формации. Так, в «Немецкой идеологии» фигурируют следующие терминологические определения формаций: «патриархализм, рабство, сословия, классы»⁸³. Особенно много таких мест в экономических рукописях К. Маркса 1857–1858 гг. В части их терминология определения тех или иных аспектов формации этимологически носит конкретно-исторический характер, т.е. каждая формация у Маркса обозначена тем или иным термином конкретно-исторического характера, но вместе с тем термином, отражающим тот из конкретно-исторических способов производства, который был наи-

более адекватен логике истории, т.е. максимально воплощает теоретически обоснованную Марксом обобщенную модель того или иного способа производства и имеет тем самым всемирно-историческое значение. Так, французский «феод» стал общепринятым обозначением феодального строя, термин «античный» адекватен классическому рабству Древней Греции и Рима и т.д. В этом значении К. Маркс употребляет и термин «восточный», имея в виду патриархальный, первобытнообщинный строй. Правда, в последнем случае терминология у Маркса наиболее неустоявшаяся. Он часто наряду с термином «восточный» употребляет термин «патриархальный», «азиатский» и т. д.

Объяснение функционального значения этой группы терминов (наиболее исчерпывающее) К. Маркс дал в письме Ф. Энгельсу от 14 мая 1868 г., где писал о «выдвинутой мной (т.е. Марксом. – Л.М.) точке зрения о том, что азиатские или индийские формы собственности повсюду в Европе были первоначальными формами...»⁸⁴. Приведем ряд подобных мест из работ Маркса.

В работе «Экономические рукописи 1857–1859 гг.», объясняя способность содействия христианской религии пониманию прежних мифологий, он, в частности, замечает: «Так и буржуазная политическая экономия лишь тогда подошла к пониманию феодальной, античной, восточной экономики, когда началась самокритика буржуазного общества»⁸⁵. В той же работе, размышляя о роли денег и богатства в докапиталистических формациях, Маркс пишет: «Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости*, в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних»⁸⁶. Далее Маркс, подчеркивая противоречия частного обмена всех продуктов труда с распределением их, основанном на господстве и подчинении между индивидами, отмечает разный характер господства и подчинения – «патриархальный, античный или феодальный»⁸⁷. В той же работе Маркс, рассуждая о степени развития обмена, пишет: «Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом – патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй»⁸⁸. В разделе «Превращение купца в промышленного капиталиста» работы «Экономические рукописи 1857–1859 гг.», рассматривая вопрос о купеческом торговом капитале, Маркс отмечал, что «купеческое имущество... существует и существовало как посредник между

народами, стоящими на самых различных ступенях экономического развития, а в самом торговом городе (например, в древнеазиатском, греческом или же итальянском и т.д. в средние века) производство может продолжать существовать в цеховой и тому подобной форме»⁸⁹. Здесь совершенно очевидно, что первобытнообщинное общество разумеется под термином «древнеазиатский», рабовладельческое – под термином «греческий», феодальное – под оборотом «итальянский и т.д. в средние века». В той же рукописи (в конце ее) Маркс четко трактует суть древних общин Индии как осколков первобытного коммунизма. Он пишет: «...Более основательное историческое исследование обнаруживает эту общину как исходный пункт у всех культурных народов. Система производства, основанная на частном обмене, первоначально есть историческое разложение этого первобытного коммунизма»⁹⁰. В написанной чуть позднее (1862–1863) работе «Теории прибавочной стоимости» Маркс проводит еще более точное отождествление азиатской общины с первобытным коммунизмом: «Первоначальное единство между работником и условиями труда имеет... две основные формы: азиатская община (первобытный коммунизм) и мелкое семейное земледелие... того или иного типа»⁹¹. Наконец, в знаменитом «Предисловии “К критике политической экономии”» Маркс писал: «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁹². Именно это высказывание, взятое без терминологического контекста, послужило, так сказать, внешней основой для построения ряда концепций в дискуссиях о так называемом «азиатском способе производства». Между тем только в терминологическом контексте становится наиболее очевидным, что все эти термины одноплановы и имеют «этимологически» конкретно-историческую основу («азиатский» – патриархальный, «античный» – рабовладельческий, «феодальный» – крепостнический, «буржуазный» – капиталистический).

В свете высказанных выше соображений думается, что все эти годы Маркс привлекал азиатские общины как конкретно-исторические формы, наиболее адекватные теоретически обоснованному им патриархальному или первобытнообщинному строю непосредственно предшествовавшему европейскому рабству и феодализму. В той же работе Маркс формулировал аналогичную мысль так: «Более тщательное изучение азиатских, особенно индийских, форм общинной собственности показало бы, как из различных форм первобытной общинной собственности вытекают различные формы ее разложения. Так, например, различные,

оригинальные типы римской и германской частной собственности могут быть выведены из различных форм индийской общинной собственности»⁹³. Азиатская община долгие годы служила Марксу моделью строя, предшествующего рабству и феодализму в Европе. Это вполне очевидно из вышеприведенного письма от 14 мая 1868 г. Даже в первом томе «Капитала», законченного в 1867 г., Маркс, обсуждая судьбы крестьянского хозяйства и независимого ремесленного производства, т.е. нецехового, отмечал: «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют экономическую основу классического (т.е. античного. — Л.М.) общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени»⁹⁴. И только работа Л.Г. Моргана «Древнее общество», конспект которой был сделан Марксом, видимо, в 1880–1881 гг., в корне изменила ситуацию. Выполняя завещание К. Маркса, Ф. Энгельс в «Происхождении семьи, частной собственности и государства» для создания модели той стадии развития человеческого общества в Европе, которая предшествовала античному рабовладению и германскому феодализму, взял конкретно-исторический материал не азиатских общин, а социального строя американских индейцев как наиболее соответствующий, наиболее адекватный материал для логической модели этой фазы первобытнообщинного строя. Азиатская община, таким образом, перестала играть роль исторического образца такой модели⁹⁵. Ф. Энгельс в своей позднейшей работе «К истории первобытной семьи» прямо писал: «Греческий и римский род, являвшийся до того загадкой для всех историков, получил свое объяснение в индейском роде, и тем самым была найдена новая основа для всей первобытной истории»⁹⁶. Да и сам К. Маркс в набросках письма к Вере Засулич в марте 1881 г. уже под влиянием Л.Г. Моргана для обозначения древнейшей общественно-экономической формации употребляет исключительно термины: «общество архаического типа», «архаическая формация» и, наконец, «архаическая общественная формация»⁹⁷.

Сложная история выработки терминологии для древнейшей общественно-экономической формации особо четко подчеркивает устойчивость употребления К. Марксом и Ф. Энгельсом терминов: «средние века», «феодализм», «античность», принципиально точно и исторически обозначающих последующие общественно-экономические формации.

Вторым важнейшим аспектом анализа терминологии Маркса, обозначающей способы производства различных формаций, является разбор той терминологии, где на первый план выдвинут способ эксплуатации. В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» К. Маркс неоднократно прибегает к терминам: 1) «п а т р и а р - х а л ь н ы й т р у д», т.е. отношения патриархально-общинного типа, при которых производитель относится к объективным условиям труда как к своим благодаря членству в коллективе; 2) «р а б с к и й т р у д», означающий низведение производителя, лишенного всех условий человеческого существования, до роли говорящего орудия, когда он сам (непосредственный производитель) выступает как одно из объективных условий труда; 3) «крепостной труд», т.е. труд непосредственного производителя, владеющего своим хозяйством, но тем не менее также низведенного до роли одного из объективных условий труда, производителя, являющегося в данном типе отношений «моментом самой земельной собственности», «придатком к земле»⁹⁸ и т.д.; 4) «н а е м н ы й т р у д» – труд свободного человека, лишенного средств производства и продающего лишь свою живую способность к труду, обладающего особым товаром – «рабочая сила». Во всех этих терминах Марксом отражен наиболее а д е к в а т - н ы й тому или иному способу производства с п о с о б э к с - п л у а т а ц и и. Приведем несколько примеров. Разбирая проблемы необходимого труда, Маркс, в частности, замечает: «Например, раб, крепостной, наемный рабочий – все они получают известное количество пищи, которое дает им возможность существовать как рабу, как крепостному, как наемному рабочему»⁹⁹. Анализируя взаимосвязь роста процесса разделения труда с превращением продукта в чистую меновую стоимость, Маркс пометил для себя в скобках: «Разобрать подробнее влияние превращения всех отношений в денежные отношения: натурального налога в денежный налог, ренты натурой в денежную ренту, военного ополчения в наемное войско, вообще всех личных повинностей в денежные, патриархального, рабского, крепостного, цехового труда в чисто наемный труд»¹⁰⁰. Отмечая в «Экономических рукописях 1857–1859 гг.», что на определенном этапе капиталистические отношения становятся преградой для развития производительных сил, Маркс пишет далее: «Достигнув этого пункта, капитал, т.е. наемный труд, вступает в такое же отношение к развитию общественного богатства и производительных сил, в каком оказались цеховой строй, крепостничество, рабство, и как оковы сбрасывается с необходимостью»¹⁰¹.

В приведенной нами выдержке Маркс уже характеризует терминами «р а б с т в о», «к р е п о с т н и ч е с т в о» каждую

формацию в целом как формацию, основанную на том или ином способе эксплуатации. В «Экономических рукописях 1857–1859 гг.» (второй части) Маркс употребляет еще более четкие формулировки. Так, характеризуя форму прибавочного труда, выступающего как абсолютная прибавочная стоимость. Маркс пишет: «... Эта форма прибавочного труда выступает... в способах производства, основанных на рабстве, крепостничестве и т.д.»¹⁰²

Вообще в текстах этого цикла при сравнительном анализе рабовладельческого и феодального способов производства наблюдается очень жесткая закономерность терминологической сопряженности. Там, где фигурируют термины «рабство» (Sklaverei), «раб» (Slave) и т.д., непременно употребляются термины «крепостной» (Leibeigne), «крепостничество», «крепостное право», «крепостной строй», «крепостное состояние» (Leibeigenschaft)¹⁰³. Вообще постоянство в употреблении К. Марксом термина «Leibeigenschaft» позволяет некоторым исследователям считать, что этот термин в работах К. Маркса имеет широкое значение, обозначая подчас феодализм вообще. Проведенные нами наблюдения позволяют не согласиться с этим. Ведь в работах К. Маркса встречается немало мест, где четко различаются «крепостничество» (Leibeigenschaft) и другие формы личной зависимости. Так, в 24-й главе первого тома «Капитала» у Маркса мы читаем, что «частная собственность работника на его средства производства есть основа мелкого производства... Правда, этот способ производства встречается и при рабовладельческом и при крепостном строе (в оригинале – Leibeigenschaft. – Л.М.), и при других формах личной зависимости»¹⁰⁴. Еще в ранних «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс писал: «Точно так же феодальная земельная собственность дает имя своему владельцу, как королевство дает имя своему королю... Точно так же и те, кто обрабатывает его земельное владение, находятся не в положении наемных поденщиков, а частью сами, как крепостные, являются его собственностью, частью же состоят к нему в отношениях почитания, подданства и определенных повинностей»¹⁰⁵. Вместе с тем, когда в 1-й главе первого тома «Капитала» Маркс дает общую характеристику общественных отношений в феодальном обществе, то он явно опускает «другие формы личной зависимости» как нехарактерные, не вполне адекватные феодальной формации отношения. («Но оставим светлый остров Робинзона и перенесемся в мрачное европейское средневековье. Вместо нашего независимого человека мы находим здесь людей, которые все зависимы (в оригинале – jedermann abhängig – Л.М.) – крепостные (в оригинале – Leibeigene – Л.М.) и феодалы (в оригинале – Grundherren – Л.М.),

вассалы и сюзерены, миряне и попы»¹⁰⁶). Здесь угнетенный класс феодальной формации представлен крепостными, а не лично свободными держателями, поскольку суть феодальных производственных отношений состоит в том, что «личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни», «общественные отношения лиц в их труде проявляются, во всяком случае здесь, именно как их собственные личные отношения». Поэтому не случайно отношения лиц в материальном производстве в рамках феодальной формации Маркс характеризует барщиной, барщинным трудом: «непосредственно общественной формой труда является здесь (в европейском средневековье. — Л.М.) его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как в обществе, покоящемся на основе товарного производства»¹⁰⁷.

В выделении крепостничества как системообразующего признака производственных отношений феодальной формации с К. Марксом, на наш взгляд, полностью солидарен Ф. Энгельс. В «Анти-Дюринге», выделяя основные классы рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, он писал: «... совершенно очевидно, что крупное земледелие всегда обуславливает совсем иное распределение, чем мелкое; что крупное предполагает или создает противоположность классов — рабовладельцев и рабов, помещиков и барщинно-обязанных крестьян (в оригинале — Grundherren und Fronbauern. — Л.М.), капиталистов и наемных рабочих»¹⁰⁸. В «Происхождении семьи, частной собственности и государства» Энгельс заключает: «Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наемный труд в новое время»¹⁰⁹.

Итак, мы можем утверждать, что, так сказать, «классическую» основу феодального способа производства составляет труд крепостного и отношения крепостной зависимости выступают как наиболее адекватные этому способу производства. Иные разновидности феодальных производственных отношений отражают лишь своеобразие конкретно-исторической вариантности производственных отношений феодализма.

Весьма принципиальным является понимание и того, что под крепостничеством и К. Маркс и Ф. Энгельс разумели целую совокупность вариаций личной несвободы. Иначе говоря, крепостничество это не только отработочная рента, хотя это прежде всего отработочная рента. При всех формах ренты необходимо внеэкономическое принуждение, т.е. «присвоение... людей», следовательно, «несвобода»¹¹⁰. К. Маркс писал: «... Ясно, что во всех формах, при которых непосредственный работник остается

“владельцем” средств производства и условий труда... отношение собственности должно в то же время выступать как непосредственное отношение господства и порабощения (разрядка моя. – Л.М.), следовательно, непосредственный производитель – как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»¹¹¹. Иначе говоря, крепостничество может быть при продуктовой и денежной ренте, а не только при отработочной. Коренной принцип крепостничества – положение крепостного прежде всего как «придатка к земле». «Крепостной есть принадлежность земли и приносит плоды собственнику земли»¹¹². Другим компонентом является личная несвобода. Это отчетливо сформулировано К. Марксом: «Итак, необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле в качестве придатка последней, необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов» (разрядка моя. – Л.М.)¹¹³. Следовательно, в наиболее развитую структуру системы этих отношений не включен лично свободный крестьянин, несущий повинности в пользу феодала, но имеющий права перехода от одного владельца к другому.

Правда, в литературе встречаются попытки и иных прочтений только что приведенного текста К. Маркса. Так, Ю.Л. Бессмертный, рассматривая правомерность отождествления термина «серваж» с термином «крепостничество» (*Leibeigenschaft*), в частности, считает, что перевод разбираемого нами текста К. Маркса во 2-м издании неверен; термин «*Hörigkeit*» следует переводить «зависимость», а не «крепостная зависимость»¹¹⁴. В доказательство ученый приводит фрагмент письма Энгельса Марксу от 22 декабря 1882 г.: «Радуюсь, что в отношении истории крепостного права (в оригинале – *Leibeigenschaft* – Л.М.) мы “единодушны”... Несомненно, крепостное право и зависимость (в оригинале – *die Leibeigenschaft und Hörigkeit*. – Л.М.) не является какой-либо специфически средневеково-феодальной формой...»¹¹⁵. Отсюда Ю.Л. Бессмертный считает, что у Маркса речь идет о необходимости не «крепостной зависимости в подлинном смысле этих слов», а, видимо, феодальной (ибо автор подчеркивает, что у Маркса обозначена только «зависимость»). В итоге у Ю.Л. Бессмертного появляется возможность «расширить» марксово понимание сути адекватных производственных отношений феодальной формации не как «всеобщую необходимость крайней формы прикрепления к земле»¹¹⁶, а как всей совокупности исторических вариаций отношений крестьянина и феодала, включая «даже самые “свободные” формы феодальной зависимости»¹¹⁷.

Попытаемся возразить Ю.Л. Бессмертному, хотя вопрос о терминологии в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса далеко не прост. Начнем с того, что Ю.Л. Бессмертный оборот Ф. Энгельса «die Leibeigenschaft und Hörigkeit» переводит как «крепостное право» и «обычная феодальная зависимость» (Hörigkeit), но ведь в контексте, скорее, следует читать «крепостное право и (крепостная) зависимость». Этот вариант ученый почему-то во внимание не принимает. Далее. Хотя К. Маркс редко прибегает к термину «Hörigkeit», но в ряде мест можно видеть, что он означает «к р е п о с т н у ю зависимость». Так, касаясь проблем первоначального накопления капитала в Англии, К. Маркс пишет о том, что когда арендаторы крупных земельных собственников «изгоняли безземельных крестьян и т.д., то тем самым масса живых рабочих сил... оказывалась выброшенной на рынок труда, масса, которая была свободна в двояком смысле – свободна от старых отношений клиентелы или отношений крепостной зависимости и феодальной повинности (в оригинале – frei von den alten Klientel- oder Hörigkeitsverhältnissen und Dienstverhältnissen. – Л.М.)...»¹¹⁸. Поскольку термин «Dienstverhältnissen» может означать просто «феодальную зависимость» (речь идет ведь только о крестьянах)¹¹⁹, то термин «Hörigkeitsverhältnisse» означает «к р е п о с т н у ю зависимость». В том же разделе черновых набросков «Капитала» (рукописи 1857–1858 гг.) мы снова находим аналогичное употребление термина «Hörigkeitsverhältnisse». «Подобные исторические процессы распада, – пишет К. Маркс, – ...являются разложением отношений крепостной зависимости, приковывающих работника к земле и к хозяину земли (в оригинале – Auflösung der Hörigkeitsverhältnisse, die den Arbeiter an Grund und Boden und den Herren des Grund und Bodens fesseln. – Л.М.), но фактически предполагающих его собственность на жизненные средства...»¹²⁰. Для нас чрезвычайно важно, что Маркс здесь же недвусмысленно раскрывает значение термина «Hörigkeitsverhältnisse» именно как «крепостнические отношения».

Что касается Ф. Энгельса, то, как известно, в его работах не всегда сохраняется строгая последовательность терминов. Так, во «Франкском периоде» Энгельс часто употребляет сильное выражение «Knechtschaft» (рабство) для обозначения скорее всего именно крепостной зависимости. Например, «erblicher Knechtschaft» – «наследственная зависимость»¹²¹. В «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс употребляет этот термин также и для обозначения зависимости. Например, он пишет: «Добровольное вступление в подневольное состояние проходит через все средневековое» (в оригинале – Freiwilliger Eintritt in die Knechtschaft geht durch ganze Mittelalter. – Л.М.)¹²². Однако есть в «Анти-Дюринге» и та-

кие пассажи, где термин «Knechtschaft» означает, безусловно, «крепостную зависимость», как, впрочем, и термин «Hörigkeit». Так, в частности, Энгельс пишет следующее: «Когда в Пруссии, после военных поражений 1806 и 1807 гг., была отменена крепостная зависимость (в оригинале – die Hörigkeit. – Л.М.), а вместе с ней и обязанность всемилостивейших господ заботиться о своих подданных в случае нужды, болезни и старости, то крестьяне подавали петиции королю с просьбой оставить их в подневольном состоянии (в оригинале – in der Knechtschaft. – Л.М.), иначе кто же будет заботиться о них в случае нужды?»¹²³ Поскольку реформами Штейна и Гарденберга в 1807 г. в Пруссии действительно была отменена личная крепостная зависимость, в значении термина «Hörigkeit» у Ф. Энгельса также не приходится сомневаться. Правда, в том же «Анти-Дюринге» есть фрагменты довольно сложные для перевода. Так, характеризуя исторические судьбы бюргерства, Энгельс пишет: «Этот ход вещей, выраженный исторически, есть история развития буржуазии... Первоначально представляя собой угнетенное сословие, обязанное платить оброк господствующему феодальному дворянству и пополнявшее свои ряды выходцами из крепостных и зависимых всякого рода (в оригинале – aus Hörigen und Leibeignen aller Art. – Л.М.), буржуазия отвоевывала в непрерывной борьбе с дворянством одну позицию за другой...»¹²⁴. Переставив местами термины, переводчики, видимо, сочли их синонимами, что вполне вероятно (ведь буквальный перевод: зависимых и крепостных всех видов). Вместе с тем, не исключено, что под «Hörigen» здесь у Ф. Энгельса имеются в виду «феодально-зависимые люди».

Для нас более важным представляется оборот «Leibeignen aller Art», что свидетельствует о фиксации разной степени развития крепостного состояния. В этой связи целесообразно вновь вернуться к цитированному выше письму Ф. Энгельса К. Марксу от 22 декабря 1882 г. Ведь в нем речь идет о том, что крепостничество как форма производственных отношений не является «специфической средневеково-феодальной формой». Она спорадически встречается в более ранние эпохи. Не останавливаясь сейчас на этом сюжете по существу, заметим лишь, что к крепостничеству, по К. Марксу, вели прежде всего завоевательные акции¹²⁵. Иначе говоря, именно крепостничество, а не феодальная зависимость, которая была вызвана к жизни так называемым «аграрным переворотом» при Меровингах и Каролингах, имело исторических предшественников. Поэтому в разделе 47-й главы «Об отработочной ренте» К. Маркс имел в виду «Hörigkeit» – «крепостную зависимость в подлинном смысле этих слов»¹²⁶. Причем еще раз подчеркнем, что Маркс имел в ви-

ду разные вариации собственно крепостничества. В этом смысле термин «*Leibeigenschaft*» – действительно обобщающий.

На наш взгляд, такой подход может быть подтвержден одной из выдержек из «Анти-Дюринга». Говоря об исторически прогрессивном лозунге революционной буржуазии, о равенстве, Ф. Энгельс замечает, что этого же равноправия «приходилось требовать и для громадной массы крестьян. Крестьяне, находясь на всех ступенях порабощения, вплоть до полного крепостного состояния (в оригинале – *die in allen Stufen der Knechtschaft, von der vollen Leibeigenschaft.* – Л.М.), принуждены были большую часть своего рабочего времени отдавать... феодальному сеньору...»¹²⁷. Следовательно оттенок «полное крепостное состояние» подчеркивает обобщающий характер термина «*Leibeigenschaft*», т.е. возможностей разных ступеней развития самого состояния крепостничества.

Думается, что трактовка крепостнических производственных отношений как отношений, составляющих наиболее развитую структуру системы феодальных отношений, как отношений наиболее адекватных феодальному способу производства, объясняет, почему К. Маркс и Ф. Энгельс постепенное исчезновение крепостничества в странах Западной Европы (разумеется, по данным, характеризующим уровень исторических знаний в эпоху жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса) рассматривали как проявление элементов разложения феодального способа производства. Во всяком случае, они подчеркивали, что капитализм рождается лишь тогда, когда исчезает крепостное право. Так, в «Капитале», в главе 24-й «О первоначальном накоплении капитала» К. Маркс писал: «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию. Там, где она наступает, уже давно уничтожено крепостное право» (в оригинале – *Leibeigenschaft.* – Л.М.)¹²⁸. В частности, «в Англии крепостная зависимость (в оригинале – *Leibeigenschaft.* – Л.М.) исчезла фактически в конце XIV столетия». «В Италии, где капиталистическое производство развилось раньше всего, раньше всего разложились и крепостные отношения» (в оригинале – *findet auch die Auflösung der Leibeigenschaftsverhältnisse am frühesten statt.* – Л.М.)¹²⁹. Относительно Германии примечательно замечание о Лютере, «жившем в эпоху разложения средневекового гражданского общества...»¹³⁰.

Разумеется, речь не шла о крушении феодализма. Поскольку «феодализм есть политическая форма средневековых отношений производства и о б щ е н и я» (разрядка моя. – Л.М.)¹³¹, поскольку

ку существовала система политической организации земельной собственности как феодальной собственности и соответствующая ей феодальная иерархия, постольку феодализм исторически был реальным. Но его производственные отношения лишились наиболее адекватной логической модели этих отношений. В связи с этим особенно важным представляется следующее суждение К. Маркса: «... Исторические процессы распада, с одной стороны, являются разложением отношений крепостной зависимости, приковывающей работника к земле и к хозяину земли... с другой стороны, здесь происходит разложение таких отношений земельной собственности, которые делали работника йоменом, свободно работающим мелким собственником земли, или арендатором (колоном), свободным крестьянином...»¹³². В этом перечне категорий непосредственных производителей, порожденных разложением крепостничества и сопутствующих ему отношений земельной собственности, привлекает внимание, конечно, йомен (йоменри). Общеизвестно, что в Англии йоменри как лично свободные крестьяне-держатели появляются примерно в XIV в. Они пришли на смену крепостным крестьянам, по Марксу, в итоге процессов разложения крепостничества, т.е. наиболее адекватного способа эксплуатации в эпоху феодализма.

Разумеется, такой ход рассуждений может встретить много возражений, он непривычен и, конечно, нуждается в обсуждении.

* * *

Думается, что все вышеприведенные размышления позволяют поставить вопрос о соотношении феодализма западноевропейского типа с таким крепостническим обществом, ярким примером которого была Россия.

Учитывая бесспорность положения о том, что феодальный базис дает основу для конкретно-исторической многовариантности феодальных обществ, можно было бы сформулировать это соотношение следующим образом. В пределах Европы в процессе становления и развития феодальных обществ прокладывают себе дорогу две основные тенденции, обусловленные главным образом различием природно-климатических условий. Первая из них сопряжена с необходимостью (и возможностью) создания идеального механизма внеэкономического принуждения для изъятия прибавочного продукта, с возможностью обуздать основной социальный антагонизм (нейтрализуя общину) при отсутствии (или несущественной) роли экономических рычагов эксплуатации. Эта тенденция олицетворяет становление крепостничества. Вторая тенденция связана с возможностью перенесения центра

тяжести с механизма внеэкономического принуждения на экономические рычаги. Эта возможность обусловлена мобилизацией земель, доведением угнетенного класса до идеального состояния «держателей»-несобственников земли. Здесь нет необходимости развития механизма внеэкономического принуждения до сколько-либо максимальных масштабов. Экономические рычаги эксплуатации настолько сильны, что только такой социальный организм, как остаточные формы общины, на протяжении веков были сдерживающим моментом. Отсюда преобладание нетипичного для адекватной модели феодальных производственных отношений положения крестьянства как лично свободного, имеющего право перехода от одного господина к другому и т.д.

Образно говоря, модель последнего типа является своего рода «мутацией», однако такой мутацией, которая имела всемирно-историческое значение, поскольку создала в весьма раннюю пору условия для развития новых капиталистических отношений.

Такая классификация не может быть сколько-нибудь жесткой, поскольку и во времени, и в пространстве были и смешение этих типов, и заменяемость одного другим и т.п. Однако оба эти типа есть продукт спонтанного, внутреннего становления феодальных обществ. Они не учитывают явлений межформационных влияний, сыгравших в истории Европы (и не только Европы) огромную роль.

Развивая эти положения, следует подчеркнуть своего рода обратное соотношение в эволюции надстроек обществ этих типов. Во втором типе процессы, связанные с переворотом в отношениях земельной собственности, приводят к созданию сложной и разветвленной феодальной иерархии. Аллодиальный (парцелльный) тип общины в конечном счете лег в основу государственного строя, суть которого Ф. Энгельс обозначил как «аристократический строй» («форма политического господства» «крупных землевладельцев»)¹³³.

Второй тип, поскольку мы прорабатываем его на примере России, олицетворен так называемым самодержавием. Не вдаваясь в сколько-нибудь обстоятельный анализ этого понятия, имеющего богатую историографию, отметим лишь два наиболее важных в данном случае обстоятельства. Первое из них связано с фактом сильной центральной власти, которая существенно проявляет себя не только в момент зарождения государственности, но и в период формирования единого Русского государства. Второе обстоятельство связано с тем, что наиболее совершенная форма централизации государственной власти – абсолютизм (за исключением нескольких десятилетий периода своего становления) – суть символ консервативного режима, превратившего

крепостничество в наиболее одиозную, жесточайшую форму эксплуатации непосредственного производителя. Именно этим последним периодом существования крепостного режима объясняется распространеннейшая в литературе общая характеристика крепостничества как символа отсталости и реакции «с молодых ногтей».

Пытаясь вкратце прокомментировать эти оценки, отметим следующее.

В нашей историографии, исследующей судьбы российского исторического процесса традиционно мало внимания уделяют стагнациям и кризисам в динамике общего развития. Среди исключений наиболее ярким примером глубокого исследовательского интереса является, пожалуй, лишь кризис, приведший к отмене крепостного права и буржуазным реформам 60–70-х годов XIX в. Даже эпоха монголо-татарского владычества изучается почти исключительно под углом зрения накопления русским народом экономической потенции и политической энергии в борьбе с игом, что само по себе справедливо, так как было ведущей исторической перспективой. Между тем еще В.И. Ленин писал, что «в каждой эпохе бывают и будут отдельные, частичные движения то вперед, то назад, бывают и будут различные отклонения от среднего типа и от среднего темпа движений»¹³⁴.

На наш взгляд, образцом такого сложного периода, в котором наряду с движением вперед был огромный и своеобразный зигзаг в темпах и типе исторического развития, является эпоха примерно с середины XVI в. по середину XVII в., включающая в себя экономический упадок 70–80-х годов XVI в. и «Смуту» как политический кризис. Столь масштабный «зигзаг истории» был связан, на наш взгляд, с появлением и форсированным развитием такой формы феодального землевладения и хозяйства, как поместье. Еще двадцать лет назад вопреки точке зрения большинства специалистов, полагавших, что помещная система, экономически более оптимальная, прогрессивная по сравнению с вотчинной формой землевладения, Л.В. Данилова высказала мнение о том, что утверждение помещной системы «сопровождалось такой перестройкой аграрных отношений, которая пагубно отразилась на экономике страны»¹³⁵. Автор этих строк стремился доказать, что спонтанно зарождающееся крепостничество в России было вызвано к жизни потребностями развития не помещья, а прежде всего вотчины¹³⁶. Этот тезис подтверждает, на наш взгляд, весь ход развития форм эксплуатации непосредственного производителя начиная с конца XIV по вторую половину XVI в. Именно вотчинная форма землевладения и хозяйства была наиболее оптимальной и исторически перспективной даже в

условиях крепостнического режима. Сравнительные достоинства обеих форм хозяйствования проверялись нами, так сказать, в экстремальных условиях, когда неизбежно обнаруживались все потенциальные возможности и поместья, и вотчины, в обычных ординарных условиях «средневекового благополучия» никогда не проявлявшиеся. Это сделано было нами по материалам конца 20-х – начала 30-х годов XVII в., когда страна стала выходить из глубочайшего и длительного экономического упадка и застоя, усугубленного острейшими социально-классовыми конфликтами начала века¹³⁷. Вотчина в этих условиях оказалась формой хозяйства не только наиболее сильной экономически, но и более благоприятной в конечном счете для непосредственного производителя.

Между тем с конца XV в. в России усиленно насаждалась условная форма феодального землевладения – поместье. Распространившееся по всей Новгородской земле поместье с середины XVI в. стало проникать и в центральные, и в окраинные районы. В итоге в первой половине XVII в. фонд поместных земель относился к фонду вотчинных земель, как 6:4¹³⁸. Между тем уже с начала XVII в. снова начинается укрепление и расширение вотчинного землевладения. Причем почти в течение столетия поместье мало-помалу подтягивали до уровня вотчины, пока указом о единонаследии 1714 г. поместье не было окончательно уравнено в правах с вотчиной (впрочем, реализация его практически осуществилась лишь в 30-х годах).

Почему же понадобилось более столетия, чтобы вновь вернуть землевладению в целом статус служилой вотчины? Это весьма сложный вопрос. Для его объяснения требуется материал чуть ли не всего исторического процесса начиная с Киевской Руси. Наметим лишь самое, на наш взгляд, существенное. Борьба с монголо-татарским игом и ее исторический опыт потребовали, в конечном счете, резких изменений в политической надстройке русского общества. С этим процессом совпал и ход развития феодальной собственности на землю; иначе говоря, более или менее четко выявились потребности создания жесткого механизма внеэкономического принуждения. Составной частью его, как и составной частью политического механизма сильной центральной власти, была новая разновидность феодальной иерархии. Консолидация сил господствующего класса реализовывалась только через небывало возросшую роль самодержца; больше того, она существовала благодаря этой небывало возросшей роли самодержца, делающего «шаг в сторону деспотического режима»¹³⁹. Правда, государству в силу этой специфики в значительной мере стали свойственны черты раннефеодальной надстройки. Нема-

ловажным обстоятельством для этого был все еще большой удельный вес черных земель, что давало уже в середине XVI в. силу и независимость центральной власти. Еще К. Маркс по поводу политики Ивана IV в известном конспекте книги Г. Мейна «Лекции по истории институтов» заметил, что, «впадая в ярость против бояр и московской черни, он пытался и должен был пытаться вести себя как представитель интересов крестьян»¹⁴⁰. Несомненно, что речь шла об опоре на проведенные реформы земств, но об опоре чисто тактической, служившей усилению центральной власти и созданию новой системы феодальной иерархии.

Новый тип феодальной иерархии создавался на основе всемерного развития служилого землевладения, опорой которого была система поместий. Довольно упрощенные взгляды на противостояние в XVI в. вотчинного и поместного землевладения (служилые князья, бояре-вотчинники и дворяне-помещики) были убедительно рассеяны А.А. Зиминим, который доказал, что и дворяне, и бояре были одновременно и вотчинниками, и помещиками, т.е. владели землей и на том и на другом праве¹⁴¹. Тем не менее действенность системы собственно поместных владений как наиболее сильного средства консолидации феодалов путем усиления их зависимости от личности самодержца неоспорима. Думается, что политическая консолидация была (по мысли реформаторов) тем сильнее и эффективнее, чем шире и прочнее была расползающаяся повсюду система феодального поместного землевладения. Именно это обусловило столь медленный возврат поместья к статусу служилой вотчины. Тем временем совершенствовался и сам механизм государственной власти, проявляя все более четкие (для второй половины XVII в.) тенденции к абсолютизму «с отчетливыми чертами восточной деспотии»¹⁴², ибо собственно деспотией он и быть не мог. К тому времени, когда своего рода «эволюция вспять» поместья стала фактом, наступило время качественно иной государственной машины, ибо политическое развитие России с начала XVIII столетия стало подвергаться все более и более нарастающему межформационному влиянию.

Однако к этому моменту Россия сумела лишь вполне оправиться от следствия одного из наиболее глубоких экономических спадов, начавшегося с 70-х годов XVI в. и сопровождавшегося грандиозными и драматическими политическими потрясениями. К моменту формирования абсолютистского государства уже остро обнаружилась промышленная отсталость России. На наш взгляд, именно стремление преодолеть промышленную отсталость, осуществлявшееся под сильным межформационным влия-

нием, вызвало в конечном счете резкое расширение поля действия крепостнических отношений. Настала эпоха прогрессирующего развития «промышленного труда на крепостной основе» (так называемых крепостных мануфактур)¹⁴³. Столь оригинальный метод развития производительных сил мог создать условия для противостояния натиску политических противников России, поскольку в капиталистических странах Запада развитие экономики все еще основывалось на ведущей роли абсолютной прибавочной стоимости, т.е., говоря словами К. Маркса, способы производства различались формально (т.е. типом производственных отношений). Однако с момента промышленного переворота в основных странах капитализма (т.е. примерно с конца XVIII в.), когда ведущую роль стала постепенно приобретать относительная прибавочная стоимость, отсталость России становилась все более глубокой.

Введение «промышленного труда на крепостной основе» оказало громадное воздействие на всю систему крепостничества. Это был тот фермент, или катализатор, который привел ко второй половине XVIII в. к резкому усилению крепостного режима в целом, реакционно-консервативная сущность которого уже проявлялась в полной мере. Осталось совсем немного для общего формационного кризиса, который был так или иначе преодолен в итоге реформы 1861 г.

¹ История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Т. I. Формирование феодально-зависимого крестьянства. М.: Наука, 1985; Т. II. Крестьянство Европы в период развитого феодализма. М.: Наука, 1986; Т. III. Крестьянство Европы в период разложения феодализма и зарождения капиталистических отношений. М.: Наука, 1986.

² Ключевский В.О. Соч. М., 1959. Т. VII.

³ Греков Б.Д. Крестьяне на Руси. 2-е изд. М., 1954. Т. II. С. 95, 127, 232 и др.; Он же. Краткий очерк истории русского крестьянства. М., 1958. С. 136, 143–146, 153–155.

⁴ Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе // Вопр. истории. 1958. № 2. С. 112.

⁵ Нечкина М.В. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации // Вопросы истории. 1958. № 7.

⁶ Данилова Л.В. К вопросу о причинах утверждения крепостничества в России // Ежегодник аграрной истории Восточной Европы. 1965 г. М., 1970. С. 138.

⁷ См.: Проблемы развития феодализма и капитализма в странах Балтики. Тарту, 1972.

⁸ Там же. С. 142–143.

⁹ Там же. С. 149–151. А.Л. Шапиро в своей недавно вышедшей работе «Русское крестьянство перед закрепощением (XIV–XVI вв.)» (Л., 1987) еще

более конкретизирует этот тезис, утверждая, что с усилением эксплуатации в XVI–XVII вв. при относительно медленном росте производительности труда (так!) крестьянину приходилось отдавать не только весь прибавочный, но и часть необходимого (так!) труда (С. 233).

¹⁰ Милов Л.В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3.

¹¹ Общеизвестно, что для формирования любого классового общества должна быть налицо способность общества создавать минимум прибавочного продукта как предпосылки так называемого «усиленного разделения труда» (Ф. Энгельс), реализуемого в форме существования господствующего класса. Вместе с тем получение прибавочного продукта в зависимости от географических (природно-климатических) условий происходит в разных регионах при различных уровнях производительных сил. Последнее обстоятельство имеет решающее значение для возникновения того или иного способа производства. Возможность получения прибавочного продукта при относительно низком уровне развития производительных сил способствует появлению рабовладельческого общества, что было в тропических и субтропических регионах мира. В то же время в зонах умеренного климата возможность накопления прибавочного продукта появляется при сравнительно более высоком уровне развития производительных сил, что лежит в основе появления классового общества сразу же как общества феодального. Иначе говоря, центральной фигурой производства здесь мог быть только крестьянин, труд которого носил не только физический, но и умственный характер, что обуславливало особую заинтересованность непосредственного производителя в успешном развитии своего хозяйства.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 523.

¹³ Там же. С. 521.

¹⁴ Там же. Т. 46, ч. 1. С. 474.

¹⁵ Там же. Т. 20. С. 151.

¹⁶ Индивид в ней был сильно зависим от коллектива, его хозяйственные возможности были в значительной мере опосредованы и обусловлены хозяйственными возможностями общины. Отсюда необычайная живучесть и сила общины как верховного собственника земельных общинных угодий. В период развития феодализма эта функция общины, уже поглощенной или разобщенной феодальным землевладением, сохранялась de facto, главным образом через хозяйственную взаимопомощь членов общины, корпоративную тягловую ответственность. Реальные подтверждения такой роли общины в России есть лишь по более позднему периоду феодализма (XVII – начало XIX в.). Это факты полных и частичных земельных переделов, земельных отчуждений в пользу общины (работы Н.А. Горской, Л.Н. Вдовиной, В.А. Александрова). Причем переделы как более позднее конкретно-историческое проявление силы и влияния общины на земельные распоряжки не отрицают, а наоборот, усиливают убеждение в существовании такого же влияния общины на хозяйственную деятельность ее членов и в более раннюю историческую эпоху, хотя конкретных свидетельств на этот счет в распоряжении науки нет. Уверенность в правомерности такого предположения опирается на общую теорию К. Маркса об эволюции земельной собственности. (В последнее время ряд медиевистов внесли в эту тео-

рию, и в частности в историю марки, весьма существенные поправки. Но об этом несколько ниже.)

- 17 Лесные угодья не рассматриваются в данном случае как средство расширения пашенных и луговых угодий путем создания рощистей, заимок и т.п.
- 18 В регионах, находившихся под решающим влиянием позднеантичной структуры, частнособственническая тенденция развивалась более быстро, чем в регионах общинного уклада.
- 19 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 394.
- 20 Там же. Т. 3. С. 66.
- 21 Там же. Т. 19. С. 496.
- 22 Там же. Т. 21. С. 132.
- 23 Там же. С. 150.
- 24 Там же. Т. 25, ч. II. С. 371.
- 25 Там же. Т. 21. С. 152.
- 26 Там же. Т. 19. С. 334.
- 27 Там же. С. 339.
- 28 Там же. С. 417.
- 29 См.: История крестьянства в Европе. Т. I. С. 145.
- 30 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 254.
- 31 Там же. Т. 19. С. 497.
- 32 Это обстоятельство прекрасно показано в первом томе «Истории крестьянства в Европе». Вместе с тем необычайная дробность и мозаичность крупного землевладения подтверждает, на наш взгляд, генезис его на чисто аллодиальной основе.
- 33 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 338. Например, так называемые «смешанные деревни».
- 34 История крестьянства в Европе. Т. I. С. 253–254.
- 35 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 337.
- 36 «Не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности. То есть их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом. Au fond экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 471).
- 37 История крестьянства в Европе. Т. I. С. 131, 558. Иное мнение см.: С. 138–139.
- 38 Там же. С. 134.
- 39 Там же. С. 105.
- 40 Там же. С. 102.
- 41 Там же. С. 134.
- 42 Там же.
- 43 Там же. С. 133.
- 44 *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1861 гг. М., 1980. Ч. I. С. 486.
- 45 История крестьянства в Европе. Т. I. С. 136.
- 46 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 42.
- 47 Там же. Т. 12. С. 732.
- 48 История крестьянства в Европе. Т. I. С. 136, 559.
- 49 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 472.

- ⁵⁰ Там же. Т. 21. С. 150.
- ⁵¹ В общинах так называемого подворно-наследственного типа, в частности на Севере, сильнейшим пережитком древнего коллективизма явилась скрупулезнейшая практика деления полей разного качества на коны. См.: *Копанев А.И.* Крестьянство русского Севера в XVI в. Л., 1978.
- ⁵² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 496–497.
- ⁵³ Там же. Т. 20. С. 184.
- ⁵⁴ Там же. Т. 25, ч. II. С. 357.
- ⁵⁵ Там же. С. 353.
- ⁵⁶ История крестьянства в Европе. Т. I. С. 560.
- ⁵⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 248.
- ⁵⁸ История крестьянства в Европе. Т. II. С. 513.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 514.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 453.
- ⁶⁴ Вопрос о логической модели феодальной формации, естественно, здесь нами не затрагивается.
- ⁶⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 481.
- ⁶⁶ Там же. Т. 25, ч. II. С. 357–358.
- ⁶⁷ Там же. С. 353.
- ⁶⁸ Там же. С. 354.
- ⁶⁹ Там же. Т. 46, ч. I. С. 453.
- ⁷⁰ Там же. С. 485, 490.
- ⁷¹ Там же. С. 478.
- ⁷² Там же. Т. 25, ч. II. С. 353–354.
- ⁷³ Там же. С. 361.
- ⁷⁴ Там же. Т. 46, ч. I. С. 493.
- ⁷⁵ Там же. Т. 25, ч. II. С. 362.
- ⁷⁶ Там же. Т. 21. С. 247; Т. 23. С. 730.
- ⁷⁷ Там же. Т. 25, ч. II. С. 357. Реальное использование условий и орудий труда, отношение к ним как к своим создают владельческие права не только у крестьянина. К. Маркс проанализировал положение подмастерья-ремесленника, который пользовался фондом потребления мастера и по цеховым законам и обычаю был его совладельцем (Там же. Т. 46, ч. I. С. 488).
- ⁷⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 356–357.
- ⁷⁹ Там же. С. 352.
- ⁸⁰ В связи с этим можно привести одно из утверждений К. Маркса, заслуживающее глубокого размышления: «В Англии крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия. Огромное большинство населения состояло тогда – и еще больше в XV в. – из свободных крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, за какими бы феодальными вывесками ни скрывалась их собственность» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 728–729).
- ⁸¹ См. об этом: *Поршнев Б.Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964. С. 36. Не вдаваясь в полемику, отметим, что некоторые из указанных категорий обсуждаются в интересной статье С.М. Каштанова «Феодальный иммунитет в свете марксистско-ленинского учения о земельной ренте» (В сб.: Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 155–180 и др.

- ⁸² Ее ограниченность в данном случае не расценивается как разделенная собственность, т.е. юридически признанные ограничения, диктуемые отношениями вассалитета-сюзеренитета в рамках феодальной иерархии (это лишь проявления монопольной, сословно-корпоративной собственности на землю при феодализме). В данном случае принимается во внимание лишь аспект отношения феодала с крестьянином.
- ⁸³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 20.
- ⁸⁴ Там же. Т. 32. С. 36.
- ⁸⁵ Там же. Т. 46, ч. I. С. 43.
- ⁸⁶ Там же. С. 101.
- ⁸⁷ Там же. С. 102.
- ⁸⁸ Там же. С. 100–101.
- ⁸⁹ Там же. Т. 46, ч. II. С. 373.
- ⁹⁰ Там же. С. 394; см. также: Т. 25, ч. II. С. 355.
- ⁹¹ Там же. Т. 26, ч. III. С. 438–439.
- ⁹² Там же. Т. 13. С. 7.
- ⁹³ Там же. С. 20. Примеч.
- ⁹⁴ Там же. Т. 23. С. 346. Примеч.
- ⁹⁵ Что, впрочем, не лишило ее роли конкретно-исторического феномена, иллюстрирующего особый, застойный вариант раннегосударственных (скорее, раннефеодальных) образований. Эти вопросы подробно изучены в обстоятельной монографии В.Н. Никифорова «Восток и всемирно-исторический процесс» (М., 1975; 2-е изд. М., 1977), где автор весьма убедительно показывает сложный путь развития взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на ранние восточные общества и доказывает закономерность отказа их от концепции так называемого азиатского способа производства.
- ⁹⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 22. С. 223.
- ⁹⁷ Там же. Т. 19. С. 402–404, 413, 418, 419; см. также: Т. 45. С. 422.
- ⁹⁸ Там же. Т. 46, ч. I. С. 454.
- ⁹⁹ Там же. С. 23.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 88–89.
- ¹⁰¹ Там же. Ч. II. С. 263.
- ¹⁰² Там же. С. 283–284.
- ¹⁰³ Там же. Т. 25, ч. II. С. 184; Т. 46, ч. I. С. 478, 482, 491, 496; Экономические рукописи 1857–1861 гг. Ч. I. С. 458, 486, 488, 494, 498, 509, 510.
- ¹⁰⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 771.
- ¹⁰⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. М., 1956. С. 554–555. См. также: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. II. С. 284 и др.
- ¹⁰⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 87. См. также: *Marx K., Engels F. Werke.* Bd. 23. S. 90.
- ¹⁰⁷ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 87–88.
- ¹⁰⁸ Там же. Т. 20. С. 151. См. также: *Marx K., Engels F. Werke.* Bd. 20. S. 137.
- ¹⁰⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 21. С. 175. См. также: Т. 6. С. 433.
- ¹¹⁰ Там же. Т. 25, ч. II. С. 353.
- ¹¹¹ Там же.
- ¹¹² Там же. Т. 6. С. 433.
- ¹¹³ Там же. Т. 25, ч. II. С. 354.
- ¹¹⁴ История крестьянства в Европе. Т. II. С. 514–515. Примеч.
- ¹¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 35. С. 112.

- ¹¹⁶ История крестьянства в Европе. Т. II. С. 515. Примеч.
- ¹¹⁷ Там же. В предшествующий период автор, видимо, придерживался иной точки зрения. Во всяком случае, считать так позволяет примечание на с. 511, где автор фигурирует в числе ряда историков (например, Л. Макаи, Р. Фоссье, Р. Хилтон), рассматривающих статус сервов «как выражающий суть феодальной зависимости вообще».
- ¹¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 498. См. также: *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*. 1857–1858. Berlin: Dietz, 1953. S. 406.
- ¹¹⁹ Для феодальной службы вассального характера К. Маркс применяет термин «persönlichen Dienstleistung» (личная феодальная служба). См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 491; см. также: *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*. 1857–1858. Moskau, 1939. S. 400.
- ¹²⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46, ч. I. С. 493. См. также: *Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)*... S. 401.
- ¹²¹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 517.
- ¹²² Там же. Т. 20. С. 100; см. также: *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 20. S. 92.
- ¹²³ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 100–101; см. также: *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 20. S. 92–93.
- ¹²⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 167; см. также: *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 20. S. 152.
- ¹²⁵ «После завоевания страны ближайшей задачей для завоевателей всегда становилось присвоение людей» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. С. 353. Примеч.); «Если вместе с землей завоевывают самого человека как органическую принадлежность земле, то его завоевывают как одно из условий производства, и таким путем возникают рабство и крепостничество» (Там же. Т. 46, ч. I. С. 480).
- ¹²⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25, ч. II. С. 354.
- ¹²⁷ Там же. Т. 20. С. 107; см. также: *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 20. S. 98.
- ¹²⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 728; *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 23. S. 743.
- ¹²⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 728; см. также: *Marx K., Engels F. Werke*. Bd. 23. S. 744. Bemerkung; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46., ч. I. С. 493 и др.
- ¹³⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26, ч. III. С. 555.
- ¹³¹ Там же. Т. 3. С. 164.
- ¹³² Там же. Т. 46, ч. I. С. 493.
- ¹³³ Там же. Т. 19. С. 498.
- ¹³⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 142.
- ¹³⁵ Данилова Л.В. Указ. соч. С. 140.
- ¹³⁶ См.: Милов Л.В. О причинах возникновения крепостничества в России.
- ¹³⁷ Автор эту работу выполнил в соавторстве с М.Б. Булгаковым и И.М. Гарсковой. См.: Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в. (Опыт количественного анализа) // Россия на путях централизации. М., 1982; Они же. Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России 1-й половины XVII в. (Многомерный анализ писцовых книг) // Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях. М., 1984;

- Они же.* Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Источники, компьютер, методы исследования. М., 1986.
- ¹³⁸ Маньков А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 80.
- ¹³⁹ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 105.
- ¹⁴⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 45. С. 423.
- ¹⁴¹ Зимин А.А. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 340–341 и др.
- ¹⁴² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 105.
- ¹⁴³ См.: Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

Опубл.: История СССР. 1989. № 2. С. 39–67.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР И ОСОБЕННОСТИ РОССИЙСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Историками уже немало сделано для изучения истории сельского хозяйства и крестьянства. Однако на ряд существенных ее особенностей практически обращалось мало внимания. Прежде всего это касается процессов, характерных для территорий, составивших историческое ядро Русского государства, ставшего единым с конца XV – начала XVI в.

Хорошо известно, что на всем пространстве этой территории были малоплодородные, главным образом дерново-подзолистые, подзолистые и подзолисто-болотные почвы. Лишь изредка в долинах пойменных рек встречаются сравнительно небольшие площади аллювиальных, да к югу от Белого озера есть небольшой массив дерново-перегнойных почв. Большинство же почв – это суглинки, тяжелые в обработке глинистые, отчасти иловатые грунты, перемежающиеся с супесями. Встречаются и песчаные почвы. К югу от Оки, в непосредственной близости от нее преобладали серые лесные почвы и отчасти деградированные и оподзоленные черноземы.

Мы не касаемся того периода, когда господствовала подсечная система земледелия и урожаи доходили до сам-10, т.е. около 15 ц с га и даже больше. Но такой крайне экстенсивный способ земледелия помимо затрат труда на обработку почвы требовал постоянных и громадных усилий целого коллектива людей (общины) для рубки больших массивов леса при почти ежегодной смене участков обрабатываемой земли. Регулярное паровое трехполье явилось переворотом в земледелии, оно дало крестьянину огромную экономию труда, изменив весь уклад его жизни, оно сделало возможным перенесение центра тяжести хозяйственной деятельности с общины на индивидуальное крестьянское хозяйство. Правда, переворот этот имел существенные издержки, ибо он повлек за собой снижение урожайности, изменение структуры посевов (стали преобладать так называемые серые хлеба).

Поскольку индивидуальное хозяйство стало на ноги лишь ценою потерь в уровне производства, то сама самостоятельность этого хозяйства не стала подлинной самостоятельностью. Дело в том, что при паровом трехполье скудные почвы стремительно «выпахивались» и теряли плодородие. Практика же восстановления его связана была исключительно со старой архаической традицией – применением подсеки и перелога. А это вновь требова-

ло больших затрат труда и помощи общины, которая, потеряв свое абсолютное господство, все-таки продолжала оставаться важным элементом не только быта и жизнеустройства крестьян, но и его земледельческого производства.

Только прибегая периодически к дополнительному возделыванию земли с помощью перелого или подсеки, т.е. к коллективной расчистке леса, подъему целины, создавая «излишние» временные пашни, русский крестьянин более или менее сводил концы с концами. Периодически обновлялась и сама регулярная пашня, так как через 20–30 лет, как правило, и она теряла свое плодородие («у нас земли старые и почти везде выпахались, отчего и хлеб родится худо», — отмечается, например, в инструкции управляющему имением В.А. Волынского, составленной в 1724 г.)¹. Все эти меры в конечном счете лишь поддерживали плодородие, хотя и на весьма низком уровне.

Вот ряд фактов, наиболее надежно отражающих основную тенденцию в динамике урожайности. Первые такие сведения изредка встречаются в корпусе новгородских писцовых книг конца XV в. В Вотской и Шелонской пятинах нам известны лишь примеры очень низкой урожайности ржи (от сам-1,7 до сам-2,3)². Порайонные ориентировочные оценки по Обонежской пятине достигают уровня сам-3, по Деревской — сам-2 и сам-3, по Новгородскому у. — сам-2 и сам-3 и т.д.³ Разумеется, в пределах этой территории иногда встречались и земли, дающие урожай в сам-4 и сам-5, но этот уровень не типичен.

Следующий пласт данных относится к концу XVI в. Это, в частности, сведения о полях Иосифо-Волоколамского монастыря. В его селах во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Рузском, Волоцком и Дмитровском у. за отдельные годы (с 1592 по 1604) урожайность ржи была в пределах от сам-2,45 до сам-3,3, овса — от сам-1,8 до сам-2,56, пшеницы — от сам-1,6 до сам-2,0, ячменя — от сам-3,7 до сам-4,2 и т.д.⁴

В наиболее плодородном, в пределах Нечерноземья, Белозерском районе в 1604–1608 гг. урожайность ржи колебалась от сам-2,3 до сам-4,5, овса — от сам-1,6 до сам-2,6, ячменя — от сам-4 до сам-4,3⁵. Причем на тех же полях спустя почти полтора века (в 1743–1750 гг.) урожайность в среднем стала даже ниже (по ржи от сам-2,7 до сам-3,7, по овсу — от сам-2 до сам-3, по ячменю — от сам-3 до сам-4,25)⁶.

За счет вовлечения новых участков подсечной пашни урожайность на ряд лет могла резко повышаться. Так, в селениях Кирилло-Белозерского монастыря в 70–80-е годы XVII в. урожай ржи доходил до сам-10, овса — сам-5, ячменя — сам-6 и более⁷. Но преобладающим в XVII в. был все же низкий уровень урожайно-

сти (в Ярославском у. рожь от сам-1 до сам-2,2, овес – от сам-1 до сам-2,7, ячмень – от сам-1,6 до сам-4,4; в Костромском у. – рожь от сам-1 до сам-2,5 и т.д.). В плодородных земледельческих вкраплениях таежного Севера рожь имела урожай до сам-3,6, а овес – до сам-2,7. В Новгородской и Псковской землях урожай ржи колебался от сам-2,4 до сам-5,3, овса – от сам-1,8 до сам-8,2 и т. д.⁸

В XVIII в. общая картина практически не меняется. По вологодскому Северу рожь давала от сам-2 до сам-2,7, иногда до сам-4,2, овес – от сам-1,5 до сам-2,8, ячмень – от сам-1,3 до сам-6, иногда до сам-10⁹. Со второй половины XVIII в. появляются сводные данные по урожайности на больших территориях – в масштабах губернии. Так, по Тверской губ. в 1788–1791 гг. урожайность ржи и овса в среднем колебалась от сам-1,9 до сам-2,8, по пшенице – от сам-1,9 до сам-2,7. В те же годы в Новгородской губ. рожь и овес давали от сам-2,1 до сам-3,2, ячмень и пшеница – от сам-2,4 до сам-3,1. В Московской губ. в 1782 г. и 1795 г. урожайность овса была на уровне от сам-2 до сам-2,5, ячменя – около сам-2,3, пшеницы – от сам-1,8 до сам-2,6. В Ярославской губ. 1796 год дал очень низкий урожай (рожь – сам-1,4, овес – сам-2,2). В Костромской губ. в 1788 г. рожь дала сам-2,3, а овес, ячмень и пшеница – по сам-2,1. Наконец, в Нижегородской губ. в 1792–1794 гг. рожь имела урожай от сам-2,1 до сам-3,1, овес – от сам-2,3 до сам-4,6, ячмень – от сам-1,9 до сам-3,1. К югу от Оки, там, где преобладали деградированные и оподзоленные черноземы (Калужская, Рязанская, частично Орловская, Тамбовская и др. губернии), в 80–90-х годах XVIII в. урожайность была немногим выше, чем в Нечерноземье (рожь от сам-1,9 до сам-4,4, овес – от сам-0,9 до сам-5,4, ячмень – от сам-1,5 до сам-5,3 и т. д.)¹⁰.

Мало что изменилось и в XIX в. В 1802–1811 гг. средняя урожайность зерновых культур достигала в Северном регионе – сам-3,4, Северо-Западном – сам-2,7, Западном – сам-3,6, в Смоленской губ. – сам-2,6, Центрально-Нечерноземном регионе – сам-2,6, Средне-Волжском – сам-3, Приуральском – сам-3. За 50 лет урожайность этих культур практически не изменилась и в 1851–1860 гг. в Северном регионе она составляла сам-3,4, Северо-Западном – сам-2,7, Западном – сам-2,7, в Смоленской губ. – сам-2,3, Центрально-Нечерноземном – сам-2,7, Средне-Волжском – сам-3,6, Приуральском – сам-3,4¹¹. В конце XIX в. в 13 губерниях Нечерноземной зоны чистый душевой сбор составил всего 14 пудов (224 кг)¹².

Таким образом, в историческом центре Российского государства в течение, по крайней мере, 400 лет уровень урожайности был необычайно низок. Хотя не следует забывать, что и он был достигаем путем громадных затрат труда.

Первой причиной стабильно низкой урожайности в основных регионах России была худородность почв. Однако низкое их плодородие объясняет далеко не все. Ведь во многих странах Европы почвы были отнюдь не самые лучшие, но благодаря тщательной обработке и обильным удобрениям урожайность там, особенно в новое время, постоянно росла. Почему же иначе было в России? Почему повышение плодородия здесь связывали только с обновлением пахоты за счет залежи или росчистей, а не прибегали к обильному удобрению?

Одной из причин такого положения, особенно для второй половины XVIII в. и более позднего времени, казалось бы, могла быть возрастающая плотность населения и в связи с этим нехватка пашенной земли и распашка лугов, а следствием этого – сокращение скотоводства и в конечном счете дефицит удобрений. Но это не совсем так. Ведь урожайность была низкой и в более ранние времена. Кроме того, во второй половине XVIII в. в центральных районах России еще оставались пространства с хорошей базой для скотоводства. Тем не менее и там урожайность держалась на уровне сам-3. В чем же дело?

Основная причина кроется в специфике природно-климатических условий исторического центра России. Ведь здесь, при всех колебаниях в климате, цикл сельскохозяйственных работ был необычайно коротким, занимая всего 125-130 рабочих дней (примерно с середины апреля до середины сентября по старому стилю). В течение, по крайней мере, четырех столетий русский крестьянин находился в ситуации, когда худородные почвы требовали тщательной обработки, а времени на нее у него просто не хватало, как и на заготовку кормов для скота.

Для подтверждения этого положения используем уникальные сведения так называемых офицерских описей конца 50-х годов XVIII в. Их материал дает нам близкое к реальности представление об уровне затрат труда в земледелии крупного господского (монастырского) хозяйства. Поскольку монастырская барщина была в то время невелика и вполне обеспечена рабочей силой, здесь имелись условия для более или менее тщательной обработки земли, реального выполнения минимально необходимых требований агрикультуры. В нашем распоряжении есть выборочные данные по 100 монастырским владениям, сравнительно равномерно расположенным в разных зонах Нечерноземья, а также зоне деградированных черноземов¹³. При условии нормальности статистического распределения наших выборок (а исследуемые материалы, с точки зрения статистики, случайная, суть бесповторная выборка) их данные могут быть подвергнуты интервальной оценке параметра μ с использованием распределения Стьюдента¹⁴.

В итоге можно констатировать, что средняя наших выборок отклоняется (с вероятностью 90%) от средней генеральной совокупности в следующих пределах:

1) по нечерноземным губерниям (кроме района опольев) 72,6–73,6 человеко-дней при 33,0–34,4 коне-днях; 2) по Владимиро-Суздальскому ополью 45,3–46,7 человеко-дней при 18,9–20,7 коне-днях; 3) по черноземным регионам 41,3–43,4 человеко-дней при 21,9–22,5 коне-днях. Приведенные выше интервальные оценки затрат труда резко выделяют небольшой район Владимиро-Суздальского ополья, где было много песчаных и супесчаных почв, дававших при условии унавоживания вполне сносные урожаи. Однако весь остальной гигантский комплекс земель Нечерноземья был с точки зрения плодородия гораздо менее благоприятным и здесь затраты труда были очень высоки.

Для упрощения дальнейших расчетов примем за основу по Нечерноземью единую среднюю характеристику затрат труда — она составит около 60 человеко-дней при 26,7 коне-днях на десятину в двух полях посева. Таким был уровень трудозатрат в господском хозяйстве, где существовала реальная возможность концентрации на полях массы рабочих рук (иногда даже с излишком) и где применялось и «двоение» озимых, и «троение» некоторых яровых культур, и многократное боронование и т.п. Для оценки же производственных возможностей собственно индивидуального крестьянского хозяйства, где был минимум рабочих рук (семья из четырех человек, из них двое детей), за неимением прямых данных необходим расчет потенциального времени для земледельческих работ. Из 130 рабочих дней приблизительно 30 дней идет на сенокос. Таким образом, крестьянин от посева до жатвы включительно имел лишь примерно 100 рабочих дней.

По данным Генерального межевания и губернских отчетов второй половины XVIII в., средняя обеспеченность пашней в Нечерноземье достигала 3–3,5 дес. во всех трех полях на мужскую ревизскую душу (в средней крестьянской семье из четырех человек таких ревизских душ было приблизительно две)¹⁵. Таким образом, на «тягло» (взрослые мужчина и женщина) приходилось 6–7 дес. пашни. Из них под ежегодный яровой и озимый посевы шло 4–4,7 дес. Практически в семье из четырех человек пашню пахал один работник. Имея 100 рабочих дней, он мог на вспашку, боронование и сев потратить в расчете на 1 дес. (без жатвы и обмолота) 21,3–25 рабочих дней. Что же касается аналогичных затрат в господском (монастырском) хозяйстве, то факты свидетельствуют, что при общей трате труда на десятину в 59,5 человеко-дней без учета обмолота (минимум 12 дней) и жатвы (мини-

мум 8 дней) это составит 39,5 человеко-дней. Разница с возможностями крестьянина, как видим, огромная (в 1,58–1,85 раза).

Находясь в столь жестоком цейтноте, пользуясь довольно примитивными орудиями, крестьянин мог лишь с минимальной интенсивностью обработать свою пашню, и его жизнь чаще всего напрямую зависела только от плодородия почвы и капризов погоды. Реально же при данном бюджете рабочего времени качество его земледелия было таким, что он не всегда мог вернуть в урожай даже семена. Выход из этой по-настоящему драматической ситуации был один. Русский земледелец должен был в 21–25 рабочих дней реально вложить в землю такой объем труда, который в более благоприятных условиях господского хозяйства на барщине занимал около 40 рабочих дней. Практически это означало для крестьянина неизбежность труда буквально без сна и отдыха, труда и днем и ночью, с использованием всех резервов семьи (труда детей и стариков, на мужских работах женщин и т.д.). Крестьянину на западе Европы ни в средневековье, ни в новом времени такого напряжения сил не требовалось, ибо сезон работ был там гораздо дольше. Перерыв в полевых работах в некоторых странах был до удивления коротким (декабрь–январь). Конечно, это обеспечивало более благоприятный ритм труда. Да и пашня могла обрабатываться гораздо тщательнее (4–6 раз).

В этом заключается фундаментальное различие между Россией и Западом, прослеживаемое на протяжении столетий. Еще в XVIII в. агроном И.И. Комов писал: «У нас... лето бывает короткое и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью в октябре, в ноябре сеять... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно»¹⁶. За этими скупыми, сдержанными оценками скрывается колоссальное различие с Западом не только в возможностях земледелия, но и в укладе жизни крестьянина, во всей его культуре в целом и т.п.

Разумеется, указанный путь резкого увеличения затрат труда в ограниченный отрезок времени был реальным далеко не для всех крестьян. Только зная это, можно понять, например, почему даже в XVIII в. при земельном просторе, отсутствии скученности населения в Нечерноземье и заокских землях обеспеченность пашней достигала всего-навсего 3 дес. на мужскую душу, а фактически обрабатывал русский крестьянин и того меньше. Еще в конце 50-х годов Н.Л. Рубинштейн выяснил на основе статистики Генерального межевания и губернских отчетов, что во второй половине XVIII в. при среднем наделе пашни в Нечерноземье в

3–3,5 дес. на душу мужского пола фактический посев и пар составляли всего 53,1% от этого не слишком большого надела. Остальная пашня просто не использовалась. Это означает, что реальный посев в двух полях на мужскую душу был равен 1,24 дес., а на семью из четырех человек – 2,48 дес.¹⁷ В.И. Крутиковым убедительно доказано, что начиная, по крайней мере, со второй половины XVIII в. и вплоть до середины XIX в. посев не занимал всей пашни. В 1788 г. доля посева в Тульской губ. составляла ко всей пашне всего 46,7%¹⁸.

В четком соответствии с этими выводами находятся и данные так называемых хлебных бюджетов крестьянского хозяйства.

Примерный расчет хлебного бюджета сделан Л.С. Прокофьевой по вотчинам Кирилло-Белозерского монастыря для 30-х годов XVIII в.¹⁹ Исходные данные здесь весьма добротны (книги «пятинного сбора» 1730 г.). По каждому из 232 крестьянских дворов зафиксирован высев по каждой культуре и валовой сбор. Подсчитав средний высев на двор (1 чтив. ржи, 3 чтив. овса, 0,14 чтив. ячменя и 0,13 чтив. пшеницы) и среднюю реальную урожайность (рожь сам-6,1, овес сам-2,4, ячмень сам-4,1 и пшеница сам-4,2), Прокофьева получила реконструкцию усредненного валового урожая на крестьянское хозяйство: 54,9 пуда ржи (6,1 чтив.), 50,4 пуда овса (7,2 чтив.), 4,8 пуда ячменя (0,6 чтив.) и 5,4 пуда пшеницы (0,6 чтив.). Зная нормы высева и натурального оброка, она восстанавливает и площадь посевов (ок. 2,5 дес.), и полные хлебные расходы двора при среднем составе семьи – 6 человек обоего пола. За норму потребления зерновых берется 12 пудов на человека. Таким образом, итоговая сумма – 72 пуда на семью, и, оценивая общий расход на семью (с учетом семян и уплаты оброка) в 125,4 пуда (69,5 пудов ржи, 49,4 пуда овса, 2,1 пуда ячменя и 4,4 пуда пшеницы), Прокофьева констатирует дефицит хлебного бюджета в 10 пудов.

Обычная для XVIII в. норма находит свое обоснование в обеспеченности питанием дворового человека. В «Учреждении» графа П.А. Румянцева есть указание расходовать «на всякого человека в году: муки ржаной по 3 четверти, крупы по 1 четверику с половиною, толокна и гороху на посты по 1 четверику» (четверик равен в XVIII в. пуду)²⁰. Такая же месячина была и в имении П.П. Львова²¹. В XIX в. именно эта норма в 3 чтив. стала нормой годового армейского содержания солдата. В основу расчетов кладут эту цифру и историки. Так, Т.И. Осьминский, опираясь на данные А.В. Чаянова, а также нормы месячины в имении П.М. Бестужева-Рюмина и другие материалы, берет расход зерновых на взрослого человека в 25 пудов в год²². Та же цифра фиксирует и у П.И. Кеппена²³.

Исходя из этих расчетов, результаты Прокофьевой могут быть скорректированы: на 4,2 полных едока потребуется уже 100,8 пуда. С учетом расхода зерна на корм скоту дефицит хлебного бюджета среднего крестьянского хозяйства (6 душ) возрастает до 60,3 пуда. К тому же и сама Прокофьева, опираясь на свои расчеты, замечает, что дополнительный учет расхода зерна на одну лишь лошадь так влияет на уровень состоятельности крестьянских хозяйств, что 70% дворов оказываются не обеспеченными зерном²⁴.

Обработывая данные хлебного бюджета середины XVIII в., исследованные А.М. Шабановой по вотчинам Александро-Свирского монастыря²⁵, можно прийти к следующим итогам. По Кондужской волости беднейшая группа дворов (74% хозяйств волости) сводила хлебный бюджет с дефицитом в 74,3 четверика (пуда). Во второй группе дворов (17% хозяйств) средний излишек составлял всего 14 четвериков. Лишь третья группа, к которой относились самые зажиточные крестьяне, имела значительный излишек хлеба – до 214 четвериков (но они составляли всего лишь 9% хозяйств). Однако, приведя все подворные доходы в соответствие с удельным весом той или иной группы дворов, мы получим в итоге в среднем по волости дефицит хлебного бюджета в 33,4 четверика. По другой волости, Лоянской, где земледелие было основой существования крестьян Приладожья, беднейшая группа (47,5% дворов) имела дефицит в среднем на двор 29 четвериков (пудов). Во второй группе (33% дворов) излишки достигали всего 12,2 четверика. И только в третьей, зажиточной группе (19,5% дворов) излишки были солидны – 124 четверика. Общий баланс (взвешенный по каждой группе) дает всего 14,4 четверика хлебных излишков. В целом же по всем свирским владениям Александрова монастыря хлебный баланс был дефицитным.

Напомним, что в основе общего низкого процента товарных излишков или их отсутствия были малые посевные площади и низкая урожайность. В частности, в большинстве уездов Тверской губ. во второй половине XVIII в. «на соху» приходилось не более десятины земли в поле, т.е. на тягло 3 дес. пашни; в ряде же уездов – чуть более десятины, следовательно, на тягло 4–4,5 дес. пашни. Данные такого рода по уездам Тверской губ. позволяют сделать некоторые расчеты²⁶.

Берем максимальный вариант – на «венец» (тягло) в поле по 1,5 дес. При высеве 1 чтв. ржи и 3 чтв. овса (в обоих полях по 2400 кв. саж.), урожайности ржи сам-4, а овса сам-2,5 валовой сбор равен примерно 17,25 чтв., а с учетом посева ячменя, пшеницы и т.п. – примерно 19 чтв. (чистый сбор – 12,5 чтв.). На семью

из четырех человек, т.е. 2,8 полных едока, расход зерна достигает 8,5 чत्व., а излишек – около 4 четвертей. Если же урожай ржи и овса сам-3, а полных едоков 3,3 (трое взрослых и один ребенок), то и тогда остаток для рынка равен примерно 3 чत्व.

Но такая площадь посева встречалась не часто. При более распространенном варианте, когда крестьянин имел (как, в частности, в Ржевском у.) «на соху не более десятины в поле», а урожайность сам-3, ситуация складывалась иная. При посеве четверти ржи и 2,5 чत्व. овса чистый сбор составлял всего 7,7 чत्व. При 2,8 полных едока излишков хлеба совсем нет (на едока приходится всего 2,96 чत्व.). Расчет наш подтверждается свидетельством источника. В Ржевском у. в XVIII в. крестьяне хлеб «продают лишь в лучшие годы»²⁷. При увеличении густоты высева (ржи – до 10 чत्व., а овса – 3 чत्व.) и хорошем урожае (сам-4) чистый сбор, увеличится до 13,45 чत्व. Товарный излишек достигнет в этом случае 3–5 чत्व. Но при урожае сам-3 он сократится до 0,45 чत्व.

Таким образом, для крестьянина разница урожая всего лишь в один «сам» имела в России громадное значение, ибо давала возможность иметь хотя бы минимум товарного зерна. Однако достигнуть урожая в сам-4 в целом по Нечерноземью не удавалось на протяжении многих веков. Крестьянину оставался один выход – резко снижать свое потребление и таким образом «получать» товарный хлеб, но такой выход был, конечно, иллюзорным, так как не мог создать серьезных товарных запасов.

Иллюстрируя эти рассуждения, приведем расчет крестьянского бюджета, сделанный современником, описавшим типичное хозяйство Новоторжского у. Тверской губ. в 80-х годах XVIII в.: «Примерно полагая на каждую долю (т.е. 2 тягла или венца. – Л.М.), высевается здесь ржаного и ярового хлеба до 10 четвертей. С того в средний год урожаяется 26 четвертей. На расходы употребляется до 12-ти. К предбудущему году оставляется на семена 10. Остальные 4 четверти – продаются»²⁸. В данном случае густота высева оценена несколько выше, чем в данных нами расчетах, и весь посев на тягло составит 1,5 чत्व. ржи, 3 чत्व. овса и 0,5 чत्व. ячменя и пшеницы. А вот урожайность реальная, на круг, гораздо ниже, чем в наших расчетах (сам-2,6!), и дана она, видимо, с учетом потерь от погоды, перевозки и т. п. Это очень важное свидетельство!

За вычетом семян на два венца (4 работника, или 8 человек обоего пола) чистый сбор составит 16 чत्व. Если считать в венце 2,8 полного едока, то на каждого из них придется по 2,86 чत्व. Это практически почти совпадает с нормой потребления, и товарного излишка нет! Однако современник «оставляет» крестьянам на

питание и корм скоту... по 1,5 чтв. (!) на душу (12 пудов). И только за счет этого появляется товарный «излишек»: по 2 чтв. на венец. Естественно, в реальной жизни были отклонения от этой «модели», но отклонения и вправо и влево, а общая тенденция показывает крайне незначительные возможности получения товарного зерна при сохранении «средственного» (нормального) уровня жизни. Заметим, что в случае с типичным хозяйством Новоторжского у. примерная площадь посева на тягло (или венец) составляет около 2,4 дес., а в расчете на душу мужского пола – 1,2 дес. Это полностью совпадает с данными Рубинштейна.

Отсюда правомерен главный вывод: крестьянское хозяйство коренной территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, и эти ограничения обусловлены именно неблагоприятными природно-климатическими условиями.

Кроме того, как уже говорилось, стабильная низкая урожайность была в прямой зависимости от плохого качества удобрения полей. Норма вывоза навоза на десятину (га) – примерно 1500 пудов (24 т)²⁹ – практически никогда не соблюдалась. В Центрально-промышленных районах в середине XVIII в. на монастырские поля вывозили в 60% случаев лишь половину этой нормы, т.е. полному удобрению земля подвергалась один раз в 6 лет³⁰. В Звенигородском у. Московской губ. «не токмо, чтобы вся земля в поле (паровом. – Л.М.) каждый раз была унавожена, но у редкого земледельца и половина унавоживается», т.е. редко и один раз в шесть лет земля получает удобрение³¹. Чаше этот срок гораздо больше.

По свидетельству А.Т. Болотова, в Каширском у. Тульской губ. Удобрляли пашню один раз в 9 и даже в 12 лет³². И это при том, что в XVIII в. хорошо знали, сколько надо было иметь навоза для регулярного, раз в три года, удобрения пара. И. Елагин, в частности, считал, что на десятину пара (или 3 дес. пашни) следует иметь двух лошадей, двух коров, двух овец и двух свиней, т.е. примерно шесть голов крупного скота³³. Но реально подходя к делу, тот же граф П.А. Румянцев соглашался, что в его имениях «на десятину посева [следует] держать одну корову и две молодых от приплода», т.е. около трех-четырех голов крупного скота на десятину пара³⁴.

Еще хуже было в XIX в. По расчетам В.И. Крутикова, в Тульской губ. в первой половине XIX в. посевная площадь удобрялась раз в 15 лет. Этот расчет основан на оценке количества скота, потребного для нормального удобрения (по данным В.И. Вильсона, для этого нужно было иметь на десятину пара, по крайней мере, 6 голов крупного рогатого скота)³⁵. В Тульской губ. на десятину

пара было 1,2 головы крупного скота³⁶. Во второй половине XIX в. во многих уездах Московской губ, на десятину пара приходилось 1–1,5 головы крупного скота, т.е. пашню удобряли (по норме) раз в 12–18 лет. В Орловском у. Вятской губ. пар унавоживали раз в 12 лет, а всю землю раз в 36 лет(!)³⁷.

Практика XVIII в. и первой половины XIX в. продолжала давнюю традицию, ибо столь же мало удобрялись, например, монастырские поля в конце XVI – начале XVII в. Так, в Иосифо-Волоколамском монастыре, по данным Н.А. Горской, пашня удобрялась примерно один раз в 24 года (данные 1592 и 1594 гг.), а земли Кирилло-Белозерского монастыря – один раз в девять лет (данные 1604–1605 гг.)³⁸.

Острый дефицит удобрений на крестьянских и даже на господских полях имеет свое объяснение. При необычайно длительном стойловом содержании скота, равном примерно 200 суткам и усугубленном суровым режимом зимы, срок заготовки кормов в Нечерноземье был очень ограниченным. Обычно сенокос продолжался 20–30 дней и за это время нужно было запасти огромное количество сена.

В 60-х годах XVIII в. Елагин полагал нормальными следующие рационы кормления скота сеном. На семь месяцев стойлового содержания для лошади – 160, для коровы – около 107, для овцы – около 54 пудов. Следовательно, на 2,25 головы крупного скота (лошадь, корова и овца) нужно было около 323 пудов сена. А среднее однокотловое хозяйство, имея примерно двух лошадей, двух коров и двух-четырех овец, накашивало обычно около 300 пудов сена³⁹.

Чтобы получить даже такой запас корма, косяк-мужчина должен был иметь 18–20 дней для чистой косьбы, скашивая ежедневно по 0,2 дес. При этом мы исходим из среднего урожая трав примерно в 80 пудов с десятины, поскольку суходольные луга нередко давали лишь по 30–40 пудов, а заливные – до 150 пудов. Укосы в 200–400 пудов были редкостью (такие бывали лишь по рекам Оке, Лопасне, Наре и др.)⁴⁰. Если считать расход времени на сушку сена равным, как минимум, неделе, а время на стогование и возку в три-четыре дня, то весь сенокос как раз и составит 29–30 дней. Итог такого сенокоса неутешителен – в среднем на голову крупного скота он давал 66,7 пуда.

Реально на лошадь, видимо, шло около 75 пудов, на корову и овцу – каждой около 37–38 пудов. При минимуме запасов корма корове и овце сена давали практически одинаково, поскольку овца питалась только сеном (не считая веников), а корова вполне могла есть и солому. Именно с этим связан, между прочим, обычай крестьян основной территории России держать минимум

овец: «Многие люди рассуждают чтоб овец меньше иметь, будто оне весьма неприбыльны, потому что оне содержатся на сене»⁴¹. Таким образом, нормальных запасов сена (ориентируясь на нормы Елагина, на двух лошадей, двух коров и двух овец нужно было 622 пуда) практически никто не имел, ибо для этого одно-тяговое хозяйство должно было иметь около 50 дней сенокоса и примерно 8 дес. лугов. Об этом в течение всей многовековой истории русский крестьянин мог лишь мечтать.

Правда, в XIX в. он скашивал больше (около 0,3 дес., иногда 0,4 дес. в день), но в эту пору в России настало малоземелье и не хватало уже самих сенокосов. В конце XVIII в. в таких губерниях, как Московская, Тверская, Ярославская, Владимирская, Костромская, Нижегородская и Калужская, в расчете на душу мужского пола приходилось всего 0,4–0,7 дес. сенокоса, что на крестьянское одно-тяговое хозяйство (4 души обоего пола) составит примерно 0,8–1,5 дес. сенокоса⁴². При укосе в 100 пудов это даст лишь 100–150 пудов сена, а даже при голодной норме 60–70 пудов на голову для 4,5–5 голов крупного скота необходимо 280–350 пудов сена. Значит, нужно либо докашивать его вплоть до сентября по лесам, оврагам и т.д., либо изыскивать иные корма.

Конечно, такой наименее благоприятный режим кормления был более характерен для крестьян (прежде всего помещичьих). В дворцовом ведомстве государев скот кормили лучше. Так, в 1763 г. документы зафиксировали полную норму сена в расчете на одну лошадь (примерно 180 пудов на голову или по 14,4 кг в сутки). Но и в этом ведомстве бывали худые времена, когда даже племенные жеребцы имели в достатке лишь солому. На «стоялого», «караванного» жеребца по инструкции 1731 г. шло 18 возов соломы. Считая на воз по 100 снопов, а сотня их весила в пересчете на овсяную 5,8 пуда, на 18 возов приходилось 104,4 пуда. Это заменяло примерно 62,6 пуда сена. Самого же сена (считая в мерной копне 15 пудов) было лишь 40,5 пуда. В итоге в пересчете на сено племенной жеребец получал на девять месяцев 103,1 пуда, или около 6 кг в сутки. Обычные же лошади и 2- и 3-летние жеребята получали в пересчете на сено всего 37,4–38,6 пуда на семь месяцев (по 2,9 кг и по 2,8 кг в сутки)⁴³. Норма, пожалуй, рассчитанная только на выживание животного да и то с большим риском!

В крупных барских имениях сенной корм лошадям, которые были в работе в период стойлового содержания, давали по полпуда на сутки, или на семь месяцев (212 суток) по 106 пудов на голову. Это в 1,5 раза лучше крестьянских нормативов. Однако неработающие лошади получали вдвое меньше – от 45 до 50 пудов на семь месяцев. Чаще режим кормления был неоднозначным: во

время работы – по полпуда на сутки, нет работы – и лошадь переводилась на голодный режим – по 10 фунтов сена на ночь. В среднем при таком режиме за семь месяцев уходило около 80 пудов сена на голову, что очень близко к крестьянской норме. Лишь жеребят кормили щедро – 148,5 пуда на 198 суток (данные имений Львова за 1755–1757 гг.)⁴⁴.

Сверхэкономный режим кормления скота сеном к XVIII в. уже имел давние корни и был традицией. Больше того, этот обычай стал характерным для материальной культуры сельского жителя России.

Весьма красноречивыми на этот счет являются подробнейшие сведения о содержании скота в хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря за 1592–1594 гг. С момента уточнения Г.В. Абрамовичем размера «двусаженной» веревки для обмера запасов сена (4,79 м) стало возможным точно фиксировать нормы кормления сеном. В 1592 г. полагалось «на корову на одну копну сена мерная на 12 недель» (а на овцу – на 10 недель). Считая в мерной двусаженной копне 15 пудов, получим расход сена на корову на 28 недель (196 суток) 34,5 пуда (по 2,9 кг в сутки), на овцу – 42 пуда. Что касается монастырских лошадей, то на 385 голов в 1592 г. выделили 2 тыс. мерных копен, т.е. на лошадь в среднем 5,2 копны, или 77,9 пуда сена⁴⁵. Как видим, нормы расхода сена очень близки к крестьянским и даже барским XVIII в. Больше того, рацион сенного кормления 1592 г. отнюдь не худший.

В том же Иосифовом монастыре в 1594 г. скот кормили сеном буквально в мизерных дозах. Как зафиксировано в монастырской росписи, полагалось «на корову на одну копна сена мерная на двадцать на восемь недель» (!), а «на овцу на одну копна сена мерная на двадцать недель». На 541 корову, быка и теленка, а также на 936 овец было выделено всего лишь 1878 мерных копен «двусаженных», что в среднем составило по 1,24 копны, или по 19 пудов (!) сена на голову. Следовательно, в 1594 г. и без того голодная норма была снижена почти вдвое. Если в 1592 г. корова получала в сутки вместо полной нормы в 12 кг – 2,9 кг сена, то в 1594 г. она довольствовалась охапочкой в 1,2 кг (!). Для овцы норма с 3,4 кг снизилась до 1,7 кг в сутки. Невероятно!? Но это так. В росписи 1594 г. монастырские власти неукоснительно подчеркивали: «Бережи того накрепко: тем свое приказное стадо кормити, что ему написана в сей росписи. А лишняго ему сена мимо сей росписи отнюдь не довати». Конечно же, скотники нарушали этот запрет, но если и прибавляли скотине сена, то увеличивая указанную дозу не более чем в 1,5 раза, что в итоге почти всемерно меньше нормы. На солому же особой надежды не было, так как ее также не хватало.

С содержанием лошадей в монастыре в 1594 г. было немногим лучше. На самый скудный рацион в три мерных копны на семь месяцев были посажены «служние», т.е. привилегированные лошади (видимо, возившие седоков из монастырской братии и управленцев). Это 45 пудов на сезон, или по 3,4 кг на сутки (эта голодная норма компенсировалась очень приличной дозой овса). Остальным 304 лошадям полагалось 60 пудов каждой на семь месяцев, или по 4,5 кг в сутки⁴⁶. Таким образом, рабочий скот монастыря был в 1594 г. на том же положении, что и «неработные» кони барских усадеб XVIII в., т.е. имел сена в 2,7–3,5 раза меньше полной нормы. Итак, мало сена скоту на зимний корм выделялось отнюдь не потому, что скудны были заготовки. И в 1592 г., и в 1594 г. ежегодно заготавливалось свыше 9 тыс. мерных копен. Сено шло на самые разные нужды обширного хозяйства монастыря, часть его даже продавалась (!). Стало быть, дело не в каких-то экстраординарных обстоятельствах. Так было принято!

И как это похоже на ситуацию с крестьянской лошадей, фиксированную украинским наблюдателем в 70-х годах XIX в. в Подолии: «Ест эта лошадака при... тяжелой работе очень мало: две горсти овса, несколько гарнцев резаной соломы и всякий сор (остатки после очистки ржи, ячменя и т.п.) составляют обыкновенную ежедневную порцию этой труженицы. В свободное же время крестьянская лошада пасется на выгоне, то есть ходит по улице и объедает крыши, грызет плетни и т. п., так как хозяин считает непроизводительным расходом кормить лошада, когда она не работает»⁴⁷.

Заготовка сена на корм скоту во все времена была для российского крестьянина практически неразрешимой проблемой. Сено было крайне дефицитным кормом, и малоземелье XVIII–XX вв. лишь усугубило эту проблему. Это один из величайших экономических парадоксов для страны со столь огромными пространствами. Острый дефицит сена приводил к тому, что основой кормовой базы скота у крестьянина и у барина была солома. Практически урожай зерновых культур испокон века оценивался двояко: какова солома и каково зерно? В хозяйственной терминологии документов бытовали термины «ужин» и «умолот». Первый относился к соломе, а второй к зерну (например, «хлеб ужинист, но мелкоколосен» и т.д.). Но солома была кормом, лишенным витаминов, имеющим умеренную калорийность, кормом вредным для животных (особенно если солома прокоптилась в дыму овинов). Наиболее грубая и тяжелая пища – ржаная солома. Средневековые животноводы предпочитали ячменную солому («а овсяной и гороховой, что у них зубы крошиться и животныя болезни бывают – не давать»)⁴⁸. Но ведь

ячменной соломы у крестьянина было очень мало и в ход шел весь «гуменный корм» – солома яровая и озимая, пустой колос, мука из «охвостного семени», т.е. бросового легкого зерна и т.д.

В Олонецком крае сено и мелкую солому (сечку) давали коровам лишь только для «поманки», главным же кормом была солома. В Переяславль-Залесском уезде Ярославской губ. рогатый скот получал лишь яровую солому, мелкий скот и лошади – смесь соломы и сена. В Кашинском у. Тверской губ. на корм коровам шла яровая солома, отчасти сено, ячменная мякина, обваренная кипятком. А в Новоторжском у. мякину для лошадей берегли «к тому времени, когда пахать начинают», чтобы ее давать, облитую водой. В Калужском у. коровам давали обваренную ячменную солому, ржаной и ячменный колос, ржаную сечку с «осыпкой», т.е. обсыпали мукой и заливали кипятком. Овцам же давали сено и солому (!), а лошадям – сено, ячневую и овсяную солому. Овсом лошадей кормили лишь перед дорогой. В Каширском у. основным кормом коров была яровая солома. Сеном же кормили лишь в большие морозы⁴⁹. И так практически было повсюду.

Кормление скота соломой крестьянин считал нормой, мало того, заготовляя на одно тягло более 300 пудов сена, мог «излишки» его и продать(!). Особенно часто продавали сено там, где было много поемных, заливных лугов и укосы на них достигали 200–250 пудов с десятины (например, в Воскресенском, Бронницком, Подольском, Клинском у. Московской губ.)⁵⁰. Но мест, где обилие сена вело к товарному животноводству, почти не было. Скотину продавали и там, где кормов было в обрез. Например, в Корчевском, Зубцовском у. Тверской губ. и др.⁵¹

Отношение к сену как к роскоши, без которой можно и обойтись, весьма глубоко укоренилось в сознании русского человека. Например, виднейший хозяйственный деятель России XVIII в., европейски образованный В.Н. Татищев искренне полагал, что «скотина ж без всякой нужды без лугов продовольствоваться может одним полевым кормом», т.е. соломой, ухвостьем, мякиной и т.п. Татищев считал возможным рекомендовать на корм коровам (правда, «по нужде»!) даже лошадиный кал, т.е. так же, как племенным хрякам, которых всегда кормили кое-как⁵².

В России, однако, не всегда хватало и соломы. В тяжелые годы даже в дворцовом хозяйстве обычной рабочей лошади давали лишь 46,5–49% полагающегося рациона соломой, хотя основной корм (сено) был в величайшем дефиците (20 пудов на голову на семь месяцев)⁵³.

Для того, чтобы отчасти прояснить эту ситуацию, проведем небольшой расчет. По Чаянову, с десятины ярового посева (овса)

в России получали в среднем около 70 пудов соломы. Каждые 100 снопов весили 5,8 пуда. На каждые 6 пудов сена замена соломой (по калорийности) должна составить 10 пудов⁵⁴. В типичной среднерусской губернии (данные по семи уездам Тверской губ.) на десятину ярового посева (в пересчете на овес) получали в среднем 1214 снопов соломы, т.е. те же 70 пудов⁵⁵. Если в однопольном хозяйстве яровые посевы в среднем составляли бы 2–2,5 дес., то в пересчете на овес можно было получить чуть более 180 пудов яровой соломы. А сколько ее было нужно? Если практическая норма на корову составляла примерно 40 пудов, то до полной нормы (107 пудов) его не хватало около 67 пудов. Эквивалент в соломе составил бы 111,7 пуда. При практической норме сена для лошади в 75 пудов до полноценной нормы не хватало 85 пудов сена. Эквивалент в соломе должен быть равен 141,7 пуда. Итак, для лошади и коровы нормальная добавка к селу составила бы 253,4 пуда соломы. Но, как мы видели, в среднем на однопольное хозяйство яровой соломы могло быть примерно 180 пудов. Дефицит существен – 30%. Но ведь и это лишь расчет, ибо реальный посев был намного меньше. А как быть, если в среднем хозяйстве умудрялись держать двух коров и двух лошадей? В этих ситуациях на корм шла (прежде всего лошадям) наиболее грубая, тяжелая для скота ржаная солома, но ведь ее надо было беречь на подстилку скоту, на крыши изб и сараев и т.д. В итоге скот держали впроголодь – лишь бы давал навоз, реально же не хватало и навоза,

И как бы ни сдобривали крестьяне грубую, прокопченную в овине солому (мелкой и мельчайшей сечкой, обвариванием, посыпкой муки и т.п.) – это был малопитательный, тяжелый, почти лишенный витаминов корм. В итоге столетиями крестьянин имел малорослый, слабый, малопродуктивный скот. Падеж его был очень высоким. К весне при таком уровне кормовой базы «без жалости, – как писал Болотов, – на скотину взглянуть не можно. Тут она обыкновенно и мрет»⁵⁶. Бескормица особенно тяжело отражалась на состоянии рабочего скота. Российские лошади по существу были лишены такого корма, как овес. Если, по свидетельству М. Ливанова, изучившего в конце XVIII в. земледелие и скотоводство в Англии, рабочая лошадь обычно получала там в год от 22 до 25 чтив. овса (примерно 120–130 пудов, в день по 5,7 кг)⁵⁷, то рацион лошадей даже в господском хозяйстве России не шел с этим ни в какое сравнение.

К подобным нормам кормления в России прибегали лишь в редких случаях. Например, по росписи 1592 г., в Иосифо-Волоколамском монастыре по близким к уровню Англии нормам кормили лишь «иноходцев», «санников», т.е., вероятно, породистых

рысаков. Они получали в течение всего года по 4,3 кг в сутки, а за год 98,2 пуда на голову. Еще одна группа лошадей (кошковые, жеребцы-четырёхлетки и др.) имели по 4,3 кг в сутки лишь на период стойлового содержания (212 суток). Правда, им давали мало сена. Остальные же получали на семь месяцев в среднем на лошадь всего лишь по 28,6 пуда (по 2,16 кг в сутки). Интересно отметить, что лошади для пахоты «перед сохой и в сошную пору» (а это 56 суток) получали почти английскую норму (по 4,3–4,7 кг)⁵⁸. В остальное же время рацион овса для них был, видимо, минимальным.

Очень близки к нормативам конца XVI в. рационы кормления овсом рабочих лошадей в крупных и средних поместьях середины XVIII в. В пошехонском имении канцлера П.М. Бестужева-Рюмина (1733), в кашинском имении П.П. Львова (1755–1757) и в имениях графа П.А. Румянцева (1751) нормы овса поразительно точно совпадают – 2,66 кг в сутки стойлового содержания (198–212 суток)⁵⁹. Иначе говоря, на каждую голову по 35,2 пуда. Это, конечно, не жесточайшие нормы Иосифова монастыря, но тоже норма, по сути, голодная.

Столь точно совпадающие или очень близкие рационы, скорее всего, отражают вполне четкие прочные традиции, которые нарушались в годы бескормиц. В частности, уже упоминавшаяся инструкция управителям дворцовых волостей, видимо, созданная в тяжелые времена (1731), еще жестче уменьшает расход овса. «Развозным» лошадям, «большим кобылам» и двухлеткам, и трехлеткам давали в сутки стойлового содержания всего по 1,38–1,65 кг овса⁶⁰. Наконец, о неработающих животных. В имении П.П. Львова «неработным» лошадям давали овса через сутки (!) по 1,3 кг. За 198 суток каждая из них съедала всего 8,2 пуда⁶¹. Если лошадь брали в работу – режим кормления менялся.

Из ряда работ можно составить представление и о рационе овса у крестьянских лошадей. В частности, по сведениям Т.И. Осминского, на рабочую крестьянскую лошадь в среднем шло не более 15–20 пудов овса⁶².

Естественно, что крестьянские лошади были мелкими, слабыми, а весной буквально падали от бескормицы. В помещичьих инструкциях XVIII в. это находит прямое отражение (лошади «весною от бескормицы тощи и малосильны»)⁶³. Для русского крестьянина ранний весенний сев всегда составлял трудную проблему: надо сеять, а лошадь еле стоит на ногах. Только побыв на подножном корму, животное становилось пригодным к пахоте. А время упущено: поздний сев ставил урожай (особенно овса) под угрозу от ранних осенних заморозков. Кроме того, резкий переход к зеленому корму нередко вызывал у лошадей бо-

лезни. Глубокий знаток современного ему сельского хозяйства Болотов писал, что многие крестьяне, «имея одну негодную или две лошади, с нуждою землю свою вспахать могут»⁶⁴. Причина все та же: полуголодная норма кормления, болезни скота и т.д. Подобная ситуация сохранилась и в XIX в., и в начале XX в. Недаром уже в пору развития капитализма в России в 70–80-х годах XIX в. в центральных ее районах число безлошадных хозяйств достигало четверти всех крестьянских дворов, а к 1912 г. в 50 губерниях страны насчитывалось уже до 31% безлошадных хозяйств. Число же безлошадных и однолошадных достигало в конце XIX – начале XX в. 55–64% всех дворов⁶⁵.

В силу тех же обстоятельств на протяжении примерно четырех столетий в Нечерноземье практически не было товарного скотоводства. Оно было «навозным», ибо основное назначение его – удобрение полей. Как сказано в одной из инструкций помещика приказчику: «У нас не столько масло, сколько скотина нужна»⁶⁶. Положение со скотоводством не менялось буквально веками. Даже в начале XX в. Чайнов, характеризуя современную ему деревню, писал: «В большинстве русских губерний мы встречаемся с... наличием кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормовыми ресурсами хозяйства»⁶⁷.

Итак, необычайно низкая урожайность, ограниченность размеров крестьянской запашки, слабая база скотоводства на основной исторической территории России вели к тому, что российскому обществу был присущ относительно низкий объем совокупного прибавочного продукта. А это имело громадное значение для формирования определенного типа государственности на территории исторического ядра России, вынуждая господствующий класс создавать жесткие рычаги государственного механизма, направленного на изъятие той доли совокупного прибавочного продукта, которая шла на потребности развития самого государства, господствующего класса, общества в целом. Именно отсюда идет многовековая традиция деспотической власти российского самодержца, отсюда идут в конечном счете и истоки режима крепостного права в России, суровость которого не имела аналогии в мире.

Речь тут не идет о возникновении крепостничества в силу развития барщинного производства товарного зерна, как полагали раньше. В формирующемся господском хозяйстве XIV–XV вв. весьма проблематичной была сама возможность появления полевой барщины просто как элемента натурального хозяйства, где в равной мере функционировали бы все формы феодальной ренты

(в том числе продуктовая и денежная). В крестьянском хозяйстве, которое в силу развития парового трехполья смогло стать, хотя и не полностью, ведущей формой земледельческого производства, уровень агрикультуры был очень низок, что сказывалось и на качестве продуктов, собираемых в пользу феодала в виде натурального оброка. Это стимулировало возникновение полевой барщины и обособление господских полей даже в натуральном хозяйстве. В период феодальной раздробленности господское хозяйство, еще сравнительно редко встречающееся, опиралось главным образом на холопский труд. Однако с момента формирования единого Русского государства таким работником мог быть только крестьянин. История закрепощения свидетельствует о том, что полевая барщина в России прошла очень долгий и сложный путь эволюции. В условиях, когда русскому крестьянину едва хватало времени, чтобы обеспечить семью, заставить его еще дополнительно работать на поле помещика было задачей почти невыполнимой.

При неизбежности существования и большом хозяйственном значении русской общины решить проблему путем простого усиления эксплуатации оказалось невозможным. Нейтрализовать влияние общины и ослабить ее защитную функцию можно было только введением режима жесткой личной зависимости путем навечного прикрепления крестьянина к земле, путем создания машины насильственного принуждения. В итоге прибавочный продукт в России из хозяйства русского крестьянина буквально «выдирали».

Конечно же, господские поля, обрабатываемые крестьянином, могли появиться только там, где естественное плодородие земель позволяло резко снизить интенсивность обработки полей. Расширение пахотного клина добавлением барщинного поля в свою очередь вело к дальнейшему неизбежному снижению качества обработки земли. А в итоге урожаи типа сам-2 и т.д.

Резкое увеличение объема земледельческих работ путем введения полевой барщины, создавая для крестьянина воистину невыносимые условия жизни, обуславливало вместе с тем и усиление жизнедеятельности общины как защитного механизма, действующего в интересах крестьян уже в условиях крепостничества. С этого момента община развивается как бы вспять. Вместо постепенного ее разложения примерно с конца XVI в. возрастает демократизм приспособленной к крепостничеству общины, развиваются уравнивательные тенденции, направленные прежде всего на защиту бедных, на помощь им за счет зажиточных крестьян. Защита крестьян от чрезмерной эксплуатации – это не только реакция на крепостничество. Эволюционируя как чисто земле-

дельческое, при слабом развитии городов и промышленности вообще, российское общество было крайне заинтересовано в сохранении жизнедеятельности буквально каждого крестьянского двора, ибо разорение крестьянина не переключало его в иную сферу производственной деятельности, а ложилось бременем на общество.

Многовековой опыт общинного сожительства крестьян-земледельцев помимо чисто производственных функций выработал целый комплекс мер для подъема хозяйств, по тем или иным причинам впадших в разорение. Земельные переделы и поравнения, различного рода крестьянские «помочи» сохранились в России вплоть до 1917 г. Причем они уцелели, несмотря на энергичное втягивание крестьянского хозяйства, начиная со второй половины XIX в., в систему капиталистических отношений.

И не только в этом проявились громадное влияние и сила крестьянского общинного землепользования. Эта сила веками стояла прочным заслоном на пути зарождения частной собственности крестьян на землю. Ведь в XVII–XIX вв. спорадическое развитие элементов частной собственности на землю имело место лишь на окраинах государства. В центре же максимум его развития – это лишь частичная практика наследственного закрепления наделных участков за крестьянским двором.

Общинные принципы землепользования стояли камнем преткновения даже на пути развития частной феодальной собственности. Огромное количество помещиков вплоть до реформы 1861 г. владели землей совместно, имея общую документацию на «дачу» Генерального межевания. Лишь с 30-х годов XIX в. началось «специальное межевание», целью которого было устройство и оформление единоличных владений на месте «совместных дач». Этот процесс шел очень медленно и, не закончившись, слился со столыпинскими земельными преобразованиями.

Земельный рынок в России стал зарождаться лишь после реформы, а в канун первой мировой войны его развитие было лишь в начальной стадии.

Общинные уравнивательные традиции сохранились и после первой мировой войны, они существовали и в 20-е годы вплоть до коллективизации. Причиной этому были отнюдь не только сложившиеся за многие столетия социально-психологические стереотипы, хотя они, разумеется, сыграли важнейшую роль в формировании основ российской цивилизации, в формировании национального характера и т.п. Более чем тысячелетнее существование общины в России является фактором, кардинально отличающим способ ведения сельского хозяйства от западной традиции. И решающим обстоятельством, объясняющим необычно-

венную живучесть в России этого древнейшего института, является извечный для крестьянина дефицит рабочего времени. Ведь в Прибалтике, где сезон сельскохозяйственных работ больше чем в России всего лишь на четыре-пять недель, общинный фактор давным-давно утратил свое значение.

Существование крестьянской общины в России отнюдь не делало производство коллективным, хотя оно было таковым в кризисные моменты, которых было немало. Нестабильность существования индивидуального крестьянского хозяйства в России хорошо понимали и помещики, которые, руководствуясь также интересами фиска, периодически помогали крестьянину ссудами, всячески стимулировали уравнительно-демократические функции общины.

А. Волынский приказывал своим управленцам (1735), чтобы они всячески сдерживали процесс расслоения крестьянства («чтоб... была всем в равенстве пашня моя и их собственная крестьянская, и чтоб подати и доходы с них могли уравнительно плачены быть, дабы от неуравнения некоторые не приходили в скудость») ⁶⁸. Граф И.И. Шувалов приказывает управителю своего владимирского имения, села Мыт (1795), «землю уравнивать так, чтобы одна деревня против другой не имела в излишестве» ⁶⁹. В инструкции П.П. Львова, пожалуй, самая выразительная запись: «И смотреть накрепко, чтоб все в земле, в работе, в житье, достатке и исправности были равны, друг от друга безобидны» ⁷⁰. В начале XVIII в. кн. А.М. Черкасский предписывает крестьянам своих деревень помогать соседям, попавшим в беду и лишившимся скота или лошадей («велено... всеми крестьяны вспахать и собрать... на семена и посеять тех скудных [крестьян] землю») ⁷¹. Ту же практику поддерживал и во второй половине XVIII в. его преемник по имениям граф П.Б. Шереметев ⁷². Граф П.А. Румянцев предписывает оказывать крестьянам-погорельцам коллективную помощь, поясняя, что ее «всякому взаимно ожидать надлежит» ⁷³.

Важно то, что помещики, понимая неустойчивость индивидуального хозяйства в России, всегда стремились укрупнить крестьянское хозяйство, свести число малосемейных дворов к минимуму. В XVIII в. помещичьи инструкции, указы, уставы и т.п. полны постоянных запрещений хозяйственных семейных разделов («крестьянам сыну от отца и брату родному от брата делиться не велять», «от раздела семей крестьяне приходят часто в упадок и разорение»). «Крестьянин, не имеющий в своей семье работников, никогда не мог засеять свою пашню в способное время и для этого у него всегда был недород», «незажиточному крестьянину недоставало времени вспахать все свое поле» – так высказывались современники о крестьянах XVIII в. ⁷⁴

Постоянный дефицит рабочего времени, до крайности обостривший спрос на рабочие руки, приводил подчас к весьма уродливым явлениям крестьянской жизни. И дело не только в том, что за соху бралась женщина и доля женского труда была в России необычайно велика. Тягло, хотя и в половинном размере, подростки тянули уже с 15 лет. Голод на трудовые руки проникал и в сам уклад крестьянской семьи. Ради лишних рук крестьяне нередко женили сыновей в возрасте восьми-десяти лет, дабы в семье был лишний работник. Это уродовало семьи, способствовало таким явлениям, как снохачество и т.п.

Оценивая в целом возможности крестьянского хозяйства к концу XVIII в., Болотов писал: «Крестьянство едва успевало исправлять как собственные свои, так и те работы, которые на них возлагаемы были от их помещиков, и им едва удавалось снабжать себя нужным пропитанием»⁷⁵.

Некоторые помещики даже держали под постоянным контролем режим питания крестьян. Их приказчики следили, чтобы беспечные крестьяне («лакомцы», «моты» и «плуты») не съели за зиму семенной фонд (именно они «не рассудные» и «дают волю бабам брать и стряпать без разбору») ⁷⁶. Ведь общепринятая и утвердившаяся, как уже говорилось, на столетия норма расходов зерна и круп в 3 чтв. (24 пуда) в год на взрослого человека по калорийности не превышала 3 тыс. килокалорий в день, а норма в 1,5 чтв. — всего лишь 1500 килокалорий. Причем последняя, буквально полуголодная норма питания едва ли могла быть существенно дополнена овощами.

В первой половине XIX в. благодаря совершенствованию агротехники затраты труда на земледельческих работах постепенно сокращались (по Северу России на 25–30%, по Центру — на 20–25% и т. д.)⁷⁷. Появившийся ресурс времени сразу же использовался. Если, например, в Тульской губ. в конце XVIII в. озимое, яровое и пар составляли лишь 47% всей пашни, то к концу первой четверти XIX в. эта доля возросла до 77%, а к 60-м годам XIX в. — до 99% всей пашни⁷⁸. Иначе говоря, к реформе 1861 г. крестьянин уже справлялся на уровне традиционной агрикультуры с пашней, равной в среднем 3 дес. на муж. душу (около 6 дес. на семью из четырех человек). Но не более того! Поэтому объем товарной продукции в рамках территории исторического ядра России был по-прежнему невелик.

Если в 50-х годах XIX в. расчетная потребность в продовольственном зерне достигала 138 млн чтв. (15,456 тыс. т), то реальный сбор в среднем за 10 лет достигал всего 141 млн чтв. (15,792 тыс. т). Причем этот расчет основан был на заниженной норме потребления зерна и круп (около 17,4 пудов на взрослого

едока, или 278,4 кг), составляющей без расхода на корм скоту чуть более 2 тыс. килокалорий. И этот хлебный баланс страны не включал в себя расходы на винокурение и экспорт зерна. С учетом их общий баланс был с большим дефицитом⁷⁹. Разумеется, это не означало, что в стране не было винокурения или товарного зерна⁸⁰. То и другое имело место, но за счет дальнейшего снижения нормы питания. Крестьянин шел на рынок из нужды и экономил на питании. Так было и во второй половине XIX – начале XX в.

Расчеты С.Г. Струмилина показывают, что даже в конце XIX – начале XX в. затраты труда на десятину озимого достигали по Северному, Приозерному и Центрально-Промышленному регионам примерно 30–44 человеко-дней (без жатвы и обмолота), т.е. практически мало изменились по сравнению с первой половиной века⁸¹. Правда, прогресс в технике позволил делать это уже на более высоком агротехническом уровне, и благодаря интенсификации труда стала расти, хотя и немного, урожайность. Это вело к некоторому росту объема зерновой продукции, хотя кардинальных изменений по-прежнему не было. Сборы хлебов на душу сельского населения с 70-х по 90-е годы XIX в. выросли: по Северному региону с 9,5 пуд. (152 кг) до 13 пуд. (208 кг); по Северо-Западу с 13 пуд. (208 кг) до 14 пуд. (224 кг); по Центрально-Промышленному региону с 13 пуд. (208 кг) до 15 пуд. (240 кг); по Приуралью – с 21 пуд. (336 кг) до 28 пуд. (448 кг); а всего по Нечерноземью – с 16 пуд. (256 кг) до 18 пуд. (288 кг). Лишь по Западному региону сборы не увеличились. С учетом же дохода от картофеля (в переводе на зерно) душевой сбор в Нечерноземье вырос с 17 пуд. (272 кг) до 20,4 пуд. (326,4 кг), а в целом по Европейской России – с 21 пуд. (336 кг) до 25 пуд. (400 кг). Душевой сбор для всего населения Европейской России вырос с 19 (304 кг) до 21,5 пуд. (344 кг)⁸².

При таких сборах Россия тем не менее имела товарное зерно внутри страны и вывозила хлеб за рубеж, но вывозила лишь за счет суровой экономии потребления. На рынок – как продавца хлеба – крестьянина гнала нужда. Правительственная комиссия 1888 г. фиксировала, что и крупные, и мелкие хозяйства «вынуждены продавать свои продукты в искусственно больших размерах, не руководствуясь ни положением цен, ни уровнем собственных потребностей»⁸³.

Такова была общая тенденция развития земледельческого производства в нечерноземной зоне России. Современный кризис земледельческого производства Нечерноземья имеет глубокие исторические корни. Дефицит зернового производства уже четко наметился в ряде районов с конца XVIII в. В это время во Влади-

мирской губ. лишь один уезд (Покровский) давал излишки зерна (по сравнению с расчетом нужд на собственное потребление). В четырех уездах зерна хватало лишь на шесть-восемь месяцев. В Ярославской губ. лишь три уезда обходились «своим хлебом» и в случае хорошего урожая могли иметь некоторый товарный излишек. Средний крестьянский двор в случае урожая давал на рынок примерно от одной до трех четвертей зерна (8–24 пуда).

Прибыль от такой продажи не покрывала даже расходов на хозяйство. Так, в Тверской губ. в 80-х годах XVIII в. при минимуме годового расхода на нужды хозяйства среднего крестьянина в 25–27 руб. от самого хозяйства получали от 5 до 10 руб., включая продажу не только зерна, но и скота, холста, масла, творога, грибов, ягод и т.д. Та же картина характерна и для 70-х годов XIX в. В Тверской губ. не хватало собственного хлеба на семь месяцев и два дня, в Московской – на девять месяцев и 16 дней, а во Владимирской – на пять месяцев и семь дней⁸⁴.

Итак, российское общество на протяжении многих столетий развивалось главным образом как земледельческое. Пауперизация была губительна для такого общества. Вместе с тем зерновое производство даже на самых худших землях являлось производством общественно-необходимым. Совокупный прибавочный продукт, хотя и медленно, увеличивался практически почти целиком за счет роста численности рабочих рук, т.е. за счет прироста земледельческого населения и освоения новых пространств при экстенсивном характере земледелия. Отсюда – вызванный жестокостью необходимостью постоянный процесс колонизации все новых и новых территорий, миграция населения на юг, восток и юго-восток страны.

Будучи изначально (в силу географических условий) малоземельным, российское общество в XVIII – начале XX в. испытывает зловещее нарастание этого малоземелья, развивающегося в силу тех же природных условий и при слабом оттоке населения в города и сферы промышленного производства. В XVI–XVII вв. продвижение на юг и юго-восток было крайне опасно из-за реальной угрозы со стороны Казанского и Крымского ханств. Кроме того перманентная опасность исходила и с Запада от сопредельных европейских государств. Полная драматизма политика русских государей по отношению к своим соседям отнюдь не была вызвана какой-то изначально свойственной России особой агрессивностью, а диктовалась неумолимыми тенденциями внутреннего развития, стремлением увеличить и площадь пашен, и людские ресурсы. Этим, между прочим, объясняется и отсутствие в российской политике тенденций геноцида в отношении при-

соединяемых народов, что объясняет длительность их совместной с русским народом жизнедеятельности в рамках единого государства. Больше того, далекий от оптимума совокупный прибавочный продукт – явление, свойственное в Восточной Европе отнюдь не только русскому обществу. В таких условиях находились и многие другие народы. Это обстоятельство сыграло далеко не последнюю роль в становлении единой российской государственности.

Нетрудно заметить, что построение в XVI в. первых русских крепостей и городов к югу от Оки тесно взаимосвязано с активной внешней политикой в Среднем и Нижнем Поволжье. Присоединение Казанского и Астраханского ханств к России открыло также и возможность развития народной колонизации Урала, Сибири и т.д. Освоение же южнорусских степей и Украины неразрывно связано с активной политикой XVI–XVIII вв. по отношению к Ливонии, Речи Посполитой, Турции и Крыму.

Плодородие черноземов давало возможность резкого упрощения приемов обработки земли, сокращения трудозатрат и тем самым – существенного увеличения площади пашни, обрабатываемой одним человеком. Урожайность же при этом могла быть значительно выше, чем в Нечерноземье. Правда, все вновь осваиваемые регионы очень часто подвергались жесточайшим засухам, а это приводило к резким колебаниям объема товарной зерновой продукции. Итогом этого была относительно скромная по своим размерам средняя многолетняя урожайность и средний многолетний объем товарной продукции.

Всероссийский зерновой рынок имел чрезвычайно долгий путь развития – около двух столетий⁸⁵. Развитие экономики России как по преимуществу земледельческой обусловило замедление здесь отделения промышленности от земледелия, что непосредственно отразилось и на специфике процесса горообразования. Конечно, отсутствие интенсивных процессов горообразования связано было еще и с континентальным, вялым характером торговли (морская крупномасштабная торговля на Западе Европы способствовала развитию городов).

Типичные российские города XVI–XVIII вв. практически не имели улиц со сплошной застройкой городскими домами. Наши города всегда были раскидистыми, они включали в себя большие пространства «аграрного назначения». За всем этим в конечном счете стояло и специфичное развитие ремесла. Русский ремесленник XVI–XVIII вв. весной часто мог быть рыболовом или огородником, летом косил сено, осенью собирал урожай и лишь зимой, да в интервалах сезонных занятий был непосредственно ремесленником.

Не случайно те виды аграрной деятельности, которые не могла на себя взять деревня русского Нечерноземья, спокойно и безболезненно нашли свое место в городе. В частности, острый дефицит времени, предназначенного на паровое трехполье, обусловил полное прозябание в деревне такой отрасли, как огородничество. Его продукции крестьянину едва хватало на пропитание своей семьи. Поэтому издавна в Нечерноземье и заокских землях данную хозяйственную отрасль взяли на себя города. Уже во второй половине XVIII в. здесь имелось довольно мощное торговое огородничество и садоводство, корнями уходящее в глубь веков⁸⁶. А продукты огородничества шли в деревню. Столь необычное развитие русского города в свою очередь отвлекало ресурсы рабочей силы от промышленной специализации, что в конечном счете сдерживало процессы урбанизации в России.

Слабость развития города, низкий уровень отделения промышленности от земледелия способствовали сохранению ряда звеньев государственной структуры, глубоко архаичных по своему характеру. У некоторых народов (Польша, Чехия, Русь, а также Венгрия) на заре государственности низкий уровень производительных сил общества заставил нарождающуюся государственную надстройку создавать «служебные организации», предназначенные снабжать не только княжескую верхушку, но и господствующий класс в целом всем необходимым (оружие, одежда, предметы быта, питание и т.п.)⁸⁷. Занимались этим специальные группы людей, организованные тем или иным путем (рабство, наследственные формы службы и ремесла, находящиеся под прямой властью государства и т.д.)⁸⁸. Однако если с развитием экономики и хозяйства такие «служебные организации» в Польше, Чехии, Венгрии стали исчезать уже в XIII в., то на Руси они, трансформируясь и деформируясь, существовали еще долгие столетия.

Именно таковы корни традиционного вмешательства русской государственной машины в сферу организации экономики⁸⁹. Это не только царские производства в виде Пушечного двора, Оружейной палаты, Царицыной палаты, Хамовной, Кадашевской, Тверской-Константиновой слобод и т.д. Это и развитие казенных производств XVIII–XIX вв. Это, наконец, необычайно мощная, широкая и активная (по сравнению с европейской в целом) деятельность государства по созданию так называемых всеобщих условий производства.

Наконец, сравнительно низкий объем совокупного прибавочного продукта повлиял в России и на характер, и на пути становления капитализма. Упомянем здесь лишь одно обстоятельство. Необходимость постоянного участия в земледельческом произ-

водстве практически всех рабочих рук крестьянской семьи обусловила еще с петровских времен узость рынка рабочей силы, определила в конечном итоге сезонный характер деятельности многочисленных промышленных заведений. Многие мануфактуры основывались в сельской местности, ближе к ресурсам рабочей силы. Узость рынка наемной рабочей силы обусловила более чем полуторавековое существование крепостного труда в промышленности. Сезонный, краткосрочный наем создавал крайне неблагоприятные условия для капиталистического накопления. Этим объясняется обилие так называемых неадекватных форм капитала, т.е. таких форм производства, где капитал не противостоял труду. С этим связаны общий крайне замедленный, растянутый на столетия генезис промышленного капитализма и длительное господство в России торгового капитала, ибо торговая прибыль веками была выше промышленной. Поэтому у нас чаще, чем где-либо, торговец и промышленник выступали в одном лице.

Не следует забывать и историко-культурного аспекта развития России. Ведь низкий объем совокупного прибавочного продукта определил упрощенную структуру не только государственного механизма. Он обусловил и общую малочисленность и поздний генезис светской культуры, класса «слуг общества» (А. Смит, К. Маркс), живущих за счет общества (в частности, художники, актеры, ученые и т.п.). Многие века функции этих «слуг» выполняла церковь, поскольку в обществах с низким уровнем совокупного прибавочного продукта именно церкви свойствен синкретизм социокультурных, религиозных и даже идеологических функций. И только в ту пору, когда на более зрелой стадии государство преодолело гипертрофию церковно-монастырского земле- и душевладения, мощное влияние церкви пошло на убыль (примерно с петровских времен), светский аспект культуры стал развиваться гораздо интенсивнее. И тем не менее резкий контраст уровня развития культуры по сравнению с Западом все еще оставался. Ведь первые университеты появились там в XII–XIII вв., а у нас лишь в середине XVIII в.

Фундаментальные особенности ведения крестьянского хозяйства в конечном счете наложили неизгладимый отпечаток на русский национальный характер. Прежде всего речь идет о способности русского человека к крайнему напряжению сил, концентрации на сравнительно протяженный период времени всей своей физической и духовной потенции. Вместе с тем вечный дефицит времени, веками отсутствующая корреляция между качеством земледельческих работ и урожайностью хлеба не выработали в нем ярко выраженную привычку к тщательности, аккуратности

в работе и т.п. Экстенсивный характер земледелия, его рискованность сыграли немалую роль в выработке в русском человеке легкости к перемене мест, извечной тяге к «подрайской землице», к «беловодью» и т.п., чему не в последнюю очередь обязана Россия ее огромной территорией, и в то же время умножили в нем тягу к традиционализму, укоренению привычек («хлебопашец есть раб навычки»). С другой стороны, тяжкие условия труда, сила общинных традиций, внутреннее ощущение грозной для общества опасности пауперизации дали почву для развития у русского человека необыкновенного чувства доброты, коллективизма, готовности к помощи, вплоть до самопожертвования. Именно эта ситуация во многом способствовала становлению в среде «слуг общества» того типа работника умственного труда, который известен как тип «русского интеллигента». В целом можно даже сказать, что русское патриархальное, не по экономике, а по своему менталитету, крестьянство капитализма не приняло.

Такова краткая характеристика парадоксов русской истории. Вывод здесь однозначен. Природно-климатический фактор имеет огромное влияние на формирование типа общества. Причем разницу в проявлении роли этого фактора можно выявить не только в случае наиболее ярких природных различий (например, условия Средиземноморья и севера Европы), но и при не столь заметных и очевидных (центр и восток Европы).

В силу различия природно-географических условий одно и то же для Западной и Восточной Европы количество труда удовлетворяет отнюдь не одно и то же количество «естественных потребностей» индивида. В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность самых «естественных потребностей» индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения хуже. Следовательно, меньшим оказывается тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребности «самого себя». Иначе говоря, объем совокупного прибавочного продукта обществ Восточной Европы был значительно меньше, а условия его создания хуже, чем в Западной Европе.

Отсюда и резкие конкретно-исторические различия; между Западом и Востоком Европы в типе собственности, в форме хозяйствования, в типе государственности и в характере развития капитализма. Наиболее же ярко контрастируют между собой политические структуры запада и востока Европы. Думается, что и ныне, на исходе XX в. необходимо учитывать роль географического фактора и его многообразных влияний на жизнь общества.

- ¹ Москвитянин. 1854. № 3–4, кн. 1, отд. IV. С. 21.
- ² См. *Кочин Г.Е.* Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского централизованного государства. Конец XIII – начало XVI в. М.; Л., 1965. С. 185.
- ³ *Горская Н.А., Милов Л.В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 75–76, 71, 74.
- ⁴ *Горская Н.А.* Урожайность зерновых культур в Центральной части Русского государства в конце XVI – начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее – Ежегодник). 1961 г. Рига, 1963. С. 161–163. Прил.
- ⁵ Там же. С. 154–157, 158.
- ⁶ *Прокофьева Л.С.* Урожайность зерновых культур Белозерского края в первой половине XVIII в. // Ежегодник. 1968 г. Л. 1972. С. 129.
- ⁷ Там же. С. 130; *Лохтева Г.Н.* Развитие производительных сил в земледельческом хозяйстве Троицкого Гledenского монастыря Поморья XVII в. // Ежегодник. 1962 г. Минск, 1964. С. 198–199.
- ⁸ Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1. С. 44–45.
- ⁹ *Прокофьева Л.С.* Указ. соч. С. 131.
- ¹⁰ *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М., 1957. С. 444–449. Прил. II.
- ¹¹ *Ковальченко И.Д.* Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 77.
- ¹² *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 290.
- ¹³ *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. // Исторические записки. Т. 85.
- ¹⁴ *Янко Я.* Математико-статистические таблицы. М., 1960. С. 30.
- ¹⁵ *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 209–210.
- ¹⁶ *Ковов И.* О земледелии. М., 1788. С. 1–2.
- ¹⁷ *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 209.
- ¹⁸ *Крутиков В.И.* Посевы и урожай на землях Тульской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Ежегодник. 1968. С. 164.
- ¹⁹ *Прокофьева Л.С.* Хлебный бюджет крестьянского хозяйства в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в 30-е годы XVIII в. // Вопр. аграрной истории (материалы науч. конф.). Вологда, 1968.
- ²⁰ Университетские известия. Киев, 1904. № 7. Прибавления. С. 68. См. также с. 3–4.
- ²¹ Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755–1757 гг. (далее – Инструкции 1755–1757 гг.) // Науч. б-ка МГУ. Отд. редких книг и рукописей. № 279-6-90. Л. 17. Автор выражает глубокую признательность Е.Б. Смилянской, ознакомившей его с рукописью, обнаруженной ею в одной из археографических экспедиций.
- ²² *Осьминский Т.И.* Бюджет крестьян пошехонской вотчины П.М. Бестужева-Рюмина (1731 г.) // Вопр. аграрной истории. С. 214.
- ²³ *Кеппен П.И.* О потреблении хлеба в России. СПб., 1839. С. 3; см. также: *Янсон Ю.Э.* Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1877. С. 292.
- ²⁴ *Прокофьева Л.С.* Хлебный бюджет крестьянского хозяйства... С. 352–353.

- 25 *Шабанова А.М.* Бюджеты крестьянских хозяйств Александро-Свирской вотчины в середине XVIII века // Ежегодник. 1970 г. Рига, 1977. С. 104–113.
- 26 Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. (далее – Генеральное соображение). Тверь, 1875. С. 40, 97, 131, 143, 151, 160 и др.; см. также: Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ). Ф. 445. Д. 128. Л. 58, 181, 305.
- 27 Генеральное соображение. С. 119.
- 28 Там же. С. 160.
- 29 См. *Горская Н.А., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 176.
- 30 Там же. С. 187–189.
- 31 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. М., 1787. С. 190.
- 32 *Горская Н.А., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 190.
- 33 Журнал земледельцев. М., 1859. № 21. С. 142–143.
- 34 Университетские известия. Киев, 1904. № 6. Прибавления. С. 53.
- 35 *Вильсон В.И.* Объяснения к хозяйственно-статистическому атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 70.
- 36 *Крутиков В.И.* Указ. соч. С. 164–165.
- 37 *Рындзюнский П.Г.* Крестьянская промышленность в пореформенной России. М., 1966. С. 49.
- 38 *Горская Н.А., Милов Л.В.* Указ. соч. С. 177.
- 39 Журнал земледельцев. 1859. № 21. С. 142–143, 144–145; Труды Вольного Экономического общества (ВЭО). 1767. Ч. VII. С. 85; 1769. Ч. XII. С. 97–101; 1770. Ч. XIII. С. 12–13; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами... С. 301, 325; Генеральное соображение. С. 28, 40, 48, 59, 78, 131, 132, 144, 161; *Рубинштейн Н.Л.* Указ. соч. С. 282 и др.
- 40 *Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVI wieku.* Т. 1. Kraków, 1915. S. 106, 190; см. также: *Скребицкий А.* Крестьянское дело в царствование императора Александра II // Материалы для истории освобождения крестьян. Бонн. 1855–1866. Т. III. С. 366–367. Данные об укусах см., напр., Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С. 84, 278–279, 301, 319, 347, 360 и др.; Генеральное соображение. С. 83–85, 94, 120, 140, 144, 157, 194, 215, 233, 252 и др., а также: Очерки русской культуры XVIII в. М., 1985. Ч. 1. С. 107. *Абрамович*, делая расчеты объема «мерной копны» сена в XVI–XVII вв. использует цифру среднего укуса в 60 пудов с десятины, опираясь на сведения середины XX в.
- 41 *Татищев В.Н.* Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник Московского общества истории и древностей Российских. М., 1852. Кн. 12. С. 12–13.
- 42 См. *Скребицкий А.* Указ. соч. С. 366–367; *Федоров В.А.* Крестьянские наделы в Центрально-Промышленных губерниях дореформенной России // Ежегодник. 1968 г. С. 155.
- 43 *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России. Первая половина XVIII в. М., 1964. С. 244; *Волков С.И.* Инструкция управителям дворцовых волостей // Исторический архив. 1951. Т. VI. С. 180–181; *Петровская Н.Ф.* Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Там же. 1953.

- Т. VIII. С. 228; *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 116–117.
- 44 Университетские известия. Киев, 1903. № 12. Прибавления. С. 14; Инструкции 1755–1757 гг. Л. 23 об.
- 45 *Абрамович Г.В.* Несколько изысканий из области русской метрологии XV–XVI вв. (коробья, копна, обжа) // Пробл. источниковедения. М., 1963. Т. XI. С. 365–367; Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ужинные и умолотные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 1590–1600 гг. М.; Л., 1976. Ч. 1. С. 84–85, 86.
- 46 Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ч. II. С. 266–291, 293, 294, 298 и др. (подсчет наш. – *Л.М.*).
- 47 Цит. по: *Рындзюнский П.Г.* Указ. соч. С. 51.
- 48 Инструкции 1755–1757 гг. Л. 23 об.
- 49 Очерки русской культуры XVIII в. Ч. 1. С. 108–109; Генеральное соображение. С. 161.
- 50 Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С. 140, 157, 177, 233 и др.
- 51 Генеральное соображение. С. 56; ГИМ. ОПИ. Ф. 445. Д. 128. Л. 275.
- 52 *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 12–13, 16.
- 53 *Волков С.И.* Указ. соч. С. 180–181.
- 54 *Чаянов А.В.* Указ. соч. С. 116–117.
- 55 Генеральное соображение. С. 74, 83, 94, 105, 129, 141; ГИМ ОПИ. Ф. 445. Д. 128. Л. 53; Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами. С. 294.
- 56 *Болотов А.Т.* Замечания о неравенстве в нашем отечестве, а больше в Карачевских местах, скотоводства с земледелием // Экономический магазин. 1787. Ч. XVIII. С. 36–44.
- 57 *Ливанов М.* О земледелии, скотоводстве и птицеводстве. Николаев, 1799. С. 143.
- 58 Вотчинные хозяйственные книги XVI в. Ч. 1. С. 32–35.
- 59 Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье // Русский архив. 1904. Кн. 1. С. 29–30; Инструкции 1755–1757 гг. Л. 23 об.; Университетские известия. Киев, 1903. № 12. Прибавления. С. 14.
- 60 *Волков С.И.* Указ. соч. С. 180–181.
- 61 Инструкции 1755–1757 гг. Л. 23 об.
- 62 *Осьминский Т.И.* Указ. соч. С. 362.
- 63 Университетские известия. Киев, 1909. № 7. Прибавления. С. 240.
- 64 Труды ВЭО. 1766. Ч. II. С. 157.
- 65 *Лященко П.И.* История народного хозяйства СССР. М., 1948. Т. II. С. 275; *Ковальченко И.Д.* Столыпинская аграрная реформа. Мифы и реальность // История СССР. 1991. № 1. С. 66.
- 66 Инструкции 1755–1757 гг. Л. 25 об.
- 67 *Чаянов А.В.* Указ. соч. С. 115.
- 68 Университетские известия. Киев, 1909. № 7. Прибавления. С. 220.
- 69 Там же. С. 227–228.
- 70 Инструкции 1755–1757 гг. Л. 10.
- 71 *Петровская Н.Ф.* Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Исторический архив. Т. VIII. 1953. С. 260.
- 72 Университетские известия. Киев, 1904. № 7. Прибавления.
- 73 Там же. № 6. Прибавления. С. 45.

- ⁷⁴ Петр Михайлович Бестужев-Рюмин и его новгородское поместье. С. 32; Университетские известия. Киев, 1910. № 11. Прибавления. С. 263; см. также: Университетские известия. Киев, 1904. № 7. С. 79; Труды ВЭО. 1770. Ч. XVII. С. 115, 125–126.
- ⁷⁵ ЛН. М., 1933. № 9–10. С. 175.
- ⁷⁶ Инструкции 1755–1757 гг. Л. 8.
- ⁷⁷ Милов Л.В. Указ. соч. С. 265.
- ⁷⁸ Крутиков В.И. Указ. соч. С. 166.
- ⁷⁹ Нифонтов А.С. Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М. 1974. С. 140–142.
- ⁸⁰ По расчетам И.Д. Ковальченко, объем хлебного рынка в России в 50-х годах XIX в. достигал примерно 37 млн чтв., по другим расчетам – 43–49 млн чтв. (см. Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М. 1967. С. 97; Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 143).
- ⁸¹ Струмилин С.Г. Очерки экономической истории России и СССР. М., 1966. С. 185.
- ⁸² Нифонтов А.С. Указ. соч. С. 286–287.
- ⁸³ Там же. С. 268.
- ⁸⁴ Государственный архив Владимирской области. Ф. 14. Оп. 1. Д. 108. Л. 27; ГИМ ОПИ. Ф. 96. № 63507. Арх. 1035. Л. 3 об.; Генеральное соображение. С. 26–27, 50, 59, 122, 131 и др.; Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С. 48.
- ⁸⁵ Подробнее об этом: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XIX в. М., 1974.
- ⁸⁶ См. Милов Л.В. О так называемых аграрных городах в России XVIII в. // Вопр. истории. 1968. № 6.
- ⁸⁷ См. Тржештик Д. Средневековая модель государства периода раннего средневековья // Этно-социальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; Флоря Б.Н. «Служебная организация» у восточных славян // Там же.
- ⁸⁸ Флоря Б.Н. «Служебная организация» и ее роль в развитии раннефеодального общества у восточных и западных славян // История СССР. 1992. № 1.
- ⁸⁹ Милов Л.В. О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. 1987. № 2. С. 93.

Опубл.: Вопросы истории. 1992. № 5. С. 37–56.

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР И МЕНТАЛИТЕТ РУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Огромное влияние природно-климатического фактора на жизнедеятельность человека и различных форм общественного бытия признано наукой еще со времен французского Просвещения в лице энциклопедистов, Ж.-Ж. Руссо и др. Русская историческая наука особенно много уделила внимания этому фактору в лице С.М. Соловьева и его последователей. Специфика дальнейшего развития русской и особенно советской историографии, в частности, была сопряжена с заметным ослаблением внимания ученых к конкретным проявлениям этого фактора в жизни государств. Более того, в советский период в оценке этого фактора были явно некорректные подходы, заложенные в «Кратком курсе истории ВКП(б)» и сводившиеся, по существу, к отрицанию сколько-нибудь серьезного влияния географического фактора на жизнедеятельность тех или иных социумов. Это привело, в конечном счете, к длительному периоду полного игнорирования советской историографией существенной разницы в природно-климатических условиях экономического и социального развития на Западе и в Центре Европы, с одной стороны, и в Восточной Европе (речь идет о России) – с другой.

По сути дела нашей историографии еще предстоит задача уделить серьезное внимание влиянию природно-климатического фактора на российский исторический процесс.

Исходя из перспективы исследования ментальности русского крестьянства, необходимо подчеркнуть лишь следующие моменты.

На востоке Европы располагается обширнейшая зона с весьма коротким сельскохозяйственным сезоном, отнюдь не оптимальной суммой накопленных температур и господством малоплодородных и неплодородных почв. Это основная историческая территория Российского государства, называемая Нечерноземьем, а также зона деградированных черноземов в бассейне среднего и нижнего течения Оки. Худые и малоплодородные почвы требовали здесь как минимум тщательной и многократной обработки полей, но для этого требовалось огромное количество рабочего времени. А российский сезон земледельческих работ длился лишь с конца апреля по середину сентября (по старому стилю) или примерно 100 рабочих дней, не считая сенокоса и обмолаота снопов. За такое время при трехпольном севообороте паровой системы земледелия одנותягловый крестьянин (муж, жена

и двое детей) мог обработать лишь очень небольшую площадь ярового и озимого полей (2,48 дес.), соблюдая при этом минимум агрикультурных требований для получения необходимого для поддержания жизни семьи урожая. При возделывании гораздо более обширной площади обработка пашни неизбежно становилась настолько примитивной и скоропалительной, что судьба даже минимального урожая полностью зависела от погоды.

Поэтому в России на протяжении многих столетий урожайность зерновых культур была на крайне низком уровне и не имела почти никаких шансов на увеличение (3–5 центнеров с га, в редких случаях до 10–12 ц с га). Более того, весьма часто на российские земли обрушивался голод.

Практически нулевой была и вероятность резкого повышения урожайности за счет внесения в почву удобрений. Единственный реальный вид удобрения – скотский навоз во все времена был в российской деревне крайним дефицитом. Обычно его хватало на удобрение земли один раз в 9–12 лет, а иногда и гораздо реже. Причины такой ситуации заключены в остром недостатке корма в период стойлового содержания скота (а этот период в основных регионах России длился от 180 до 212 суток, т.е. был необычайно большим). Заготовить на такой срок полноценный доброкачественный корм для однопастбищного крестьянина было делом совершенно нереальным. Те примерно 300 пудов сена, которые он заготавливал в очень короткий период сенокоса, хватало лишь для эпизодического кормления скота. Основным же кормом для животных было яровая солома с поля, охвостье и мякина, оставшиеся от молотбы хлеба. Иногда же в пищу животных шла и грубая ржаная солома. От такого кормления скот едва был жив, часто болел и погибал. Таким образом, хотя скотину в России держали почти исключительно для удобрения полей, «навозное» скотоводство практически не справлялось со своей ролью, ни в средневековье, ни в XIX–XX вв. Единственным способом поддержания плодородия земли, дававшим возможность временного повышения плодородия, был запуск пашни в перелог и в лес, с последующей его расчисткой под пашню чаще всего уже новым поколением семьи.

Этот крайне архаичный и экстенсивный способ восстановления плодородия многие столетия, по существу, был единственно возможным средством поддержания сельского хозяйства на уровне, обеспечивающем существование и жизнедеятельность общества, однако лишь как общества с минимальным объемом прибавочного продукта.

Иначе говоря, такого рода социум обладал низким уровнем общественного разделения труда и резким преобладанием земле-

деля. Здесь была слабая, чрезвычайно медленно развивающаяся промышленность, низкий уровень урбанизации страны, преимущественное развитие вялой, внутриконтинентальной торговли.

Вместе с тем, это общество с ярко выраженным экстенсивным характером земледелия, требующим постоянного расширения пашни, занимая новые и новые территории; это общество, где дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве был постоянным и неутолимым в течение многих веков, несмотря на более или менее стабильный прирост населения страны.

Под определенным влиянием вышеперечисленных особенностей развития русского общества развивалась и государственная машина России. Постоянная необходимость жесткого, насильственного изъятия государством у крестьян прибавочного продукта в размерах, далеко превосходящих то, что русский крестьянин мог бы отдавать без ущерба для себя, привела к появлению весьма сурового и жесткого механизма политического принуждения крестьянства со стороны государственной власти. Отсюда как следствие деспотическая, самодержавная форма государственного правления, сочетание системы «государственного феодализма» с суровым и страшным режимом крепостничества в сфере помещичьего землевладения и хозяйства. Кроме того, важнейшим следствием неблагоприятных природно-климатических условий было неизбежное развитие миграции крестьянского населения в более благоприятные для жизни сопредельные территории, в районы с более плодородными землями и т.д., что имело своим следствием усиление военных рычагов российской государственной машины и т.д.

Как уже говорилось, российские крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками Природы, ибо она в первую очередь создала для крестьянина трагическую ситуацию, когда он не мог ни существенно расширить посев, ни выбрать альтернативу и интенсифицировать обработку земли, вложив в нее и труд, и капитал. Даже при условии тяжкого, надрывного и спешного труда в весенне-летний период он чаще всего не мог создать почти никаких гарантий хорошего урожая. Многовековой опыт российского земледелия, по крайней мере, с конца XV по начало XX в., убедительно показал практическое отсутствие сколько-нибудь существенной корреляции между степенью трудовых усилий крестьянина и мерой получаемого им урожая. Точнее говоря, мера трудовых усилий подтверждалась не всегда, а часто далеко не всегда, соответствующей прибавкой урожая.

Все это способствовало формированию в огромной массе русского крестьянства целого комплекса отнюдь не однозначных

психологических поведенческих стереотипов. Разумеется, скоротечность рабочего сезона земледельческих работ, требующая почти круглосуточной тяжелой и быстрой физической работы, за многие столетия сформировала русское крестьянство как народ, обладающий не только трудолюбием, но и быстротой в работе¹, способностью к наивысшему напряжению физических и моральных сил. Русские крестьяне период весенне-летних работ всегда называли «страдой», «страдной порой», т.е. периодом физических страданий: «где пахарь плачет, там жнея скачет», «день летний год кормит», «не сможешь – не осилишь, не надорвешься – не поможешь» и т.п.²

Однако для крестьянина и весь год работы «невпроворот», он всегда «в трудах и в работе»³. Об этом убедительнее всего свидетельствует обычная длительность крестьянского рабочего дня. Типичным примером здесь могут быть сведения о режиме дня в уездах Тверской губ. во второй половине XVIII в. В Старицком у. крестьяне традиционно летом и зимой просыпались и вставали «в три и четыре часа пополуночи»⁴, в Краснохолмском, Корчевском и Тверском у. вставали в четвертом часу пополуночи⁵. Вечерами же мужчины ложились спать не ранее 11 (зимой – в 10), а женщины за рукоделием засиживались за полночь⁶. Столь долгий рабочий день лишь после обеда (полудни во втором часу) прерывался часовым (иногда чуть больше) сном.

Хотя трудолюбию русских крестьян сопутствовали такие черты характера и психологии, как «проворность», «расторопность», «поворотливость», «переимчивость»⁷, сжатые сроки сельских работ вынуждали крестьян прибегать к помощи не только стариков, но и детей. В обычае крестьян, сложившемся веками, был труд мальчиков «по девятому и десятому году» на возке навоза, бороновании. На крестьянке и ее детях целиком лежали работы на огороде. Вся семья трудилась на сенокосе и жатве. Зимними вечерами девочек приучали к работе на ткацком стане, прядению ниток, мальчики же участвовали в ремесленных подделках и т.п.

Разумеется, основой основ был труд по обработке земли, и именно этим трудом соизмерялся успех всей работы, от коей зависела жизнь и благополучие семьи («какова пашня – таково и брашно», «держись за сошеньку, за кривую ноженьку», «наездом хлеба не напашешь», «земля – тарелка, что положишь – то и возьмешь», «не поле родит, а нивка» (т. е. возделанное поле), «не жди урожая: сей жито – хлеб будет» и т.д.)⁸.

Вместе с тем господство на большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных климатических условий, нередко сводящих на нет результаты тяжелого надрыв-

ного крестьянского труда, порождали в сознании русского крестьянина идею всемогущества в его крестьянской жизни Господа Бога. Труд – трудом, но главное зависит от Бога («Бог не родит, и земля не дает», «Бог народит, так и счастьем наделит», «Не земля родит, а год», «Не земля хлеб родит, а небо», «Лето родит, а не поле», «Бог – что захочет, человек – что сможет», «Бог полюбит, так не погубит», «Не конь везет, Бог несет», «Даст Бог день, даст Бог и пищу», «Всяк про себя, а Господь про всех», «Человек гадает, а Бог совершает», «Все от Бога. Всяческие от творца», «С Богом не поспоришь», «Божье тепло, Божье и холодно», «Бог вымочит, Бог и высушит», «Бог отымет, Бог и подаст», «Все под Богом ходим» и т.д.⁹

В крестьянском мироощущении могучая и таинственная природа отражается с исключительной рациональностью. Русский селянин накапливал опыт познания природы почти исключительно с точки зрения влияния ее на свою жизнь и жизнь своих домочадцев, на здоровье семьи, на свое благополучие, на судьбу своего хозяйства со всеми многочисленными его элементами. Многообразие и реальность этого влияния неизбежно вели к тому, что общая емкая формула всеохватного господства над миром и людьми Высшего существа, Бога, Вседержителя совмещается в крестьянском миропонимании с тягой к архаичным дохристианским трактовкам Природы («Огонь – царь, вода – царица, земля – матушка, небо – отец, ветер – господин, дождь – кормилец, солнце – князь, луна – княгиня»). Главные (для крестьянина) компоненты Природы предстают как силы Добра или Зла («С огнем не шути, с водой не дружи, ветру не верь», «Огню да воде Бог волю дал. С огнем, с водой не поспоришь», «С огнем, с водой, с ветром не дружи, а с землей – дружи», «Где вода, там и беда»)¹⁰.

Крестьянское восприятие Природы – это прежде всего постоянное, бдительное и сторожкое отслеживание изменений природы, фиксация работы разнообразных природных индикаторов, сигнализирующих селянину о грядущих изменениях, о грозящей или возможной опасности благополучию крестьянской семьи, дома, хозяйства.

Глубочайшее и доскональное знание разнообразных природных явлений в целом позволяло крестьянину приспособливаться к тем или иным годовым, сезонным и сиюминутным изменениям климата, погоды и т.п. Многочисленные приметы поведения животных (волков, зайцев и др.), птичьего мира (журавлей, гусей, чибисов, дятлов, сычей, филинов, сов, выпей, кукушек, уток, ворон, галок, скворцов, ласточек, голубей, воробьев), различного рода мотыльков, муравьев, лягушек, комаров, паучков-тенетни-

ков, речных рыб, червей, мышей и т.п. дают крестьянину сигналы о характере грядущей смены сезона, о самом сезоне (характер зимы, весны, лета, осени), о степени благоприятности условий и времени посева и сбора урожая, прогнозов на сам урожай, урожай отдельных культур; они же «предсказывают» болезни и смерть близких, пожары и т.п.

В окружающем крестьянина растительном мире, помимо того, что он дает пищу, кров, топливо, материал для орудий труда, утвари и т.д., селянин также различает различного рода «датчики», сигнализирующие ему о характере сезона, о сроках сева различных культур (время распускания почек, листочков, время цветения дуба, березы, осины, рябины, калины, вербы, черемухи, можжевельника, ольхи и т.п.). Нет необходимости напоминать о многочисленности примет, основанных на оценке внешнего вида солнца, различных фаз луны, имеющих существенное значение в определении погоды, сроков сева полевых и огородных культур, посадки в землю луковиц, корневищ и т.п.

Необходимо заметить, что природные условия лесных просторов Нечерноземья и лесостепной зоны часто способствовали формированию множества локальных и микролокальных пространств со своеобразием протекания общих погодных процессов. А это приводило к разнице урожайности отдельных полей и даже участков полей. Пестрота почвенных условий усиливала этот эффект.

Не исключено, что в крестьянском восприятии это как бы дробило всеобщую единую силу Высшего Божества на отдельные его компоненты. Вполне возможно, что именно эти явления постоянно пробуждали в крестьянском менталитете чисто языческие эмоции локального поклонения объектам Природы (типа архаичных обрядов моления у овина, у воды, у дерева и т.д.). Это способствовало причудливому переплетению многих праздничных ритуалов господствующего в России христианского вероучения с языческими суевериями и обрядами. Думается, что масштабы подобного синкретизма для христианской страны, какой была Россия, беспрецедентны. И суть дела заключена не в необыкновенной силе традиции язычества, к которому изначально приспособилась христианская православная церковь, а в живучести языческого менталитета русского крестьянина, в том, что силу этой живучести питали могучие природно-климатические факторы.

Приведем лишь несколько примеров из бесконечной череды проявлений такой уживчивости разноплановых празднеств и обрядов. Хорошо известен языческий обычай колядования накануне Рождества Христова и гадания на святах. В Благовещение

крестьянки купали просvirки и берегли их до весны, когда, раскрошив, сеяли их с яровую пшеницею¹¹. В Вельегонском у. Тверской губ. в Великий четверг крестьяне, как пишет наблюдатель в 80-х годах XVIII в., по древнему обычаю «встают очень рано, окуриваются можжевельником, и мушны, а с ними несколько женщин, идут в лес и тамо рубят из сосновых сучьев мутовки и делают помела. Будучи в сем упражнении, аукаются. Некоторые в тот же день купаются»¹².

В XVIII в. в России на Святую неделю не только зовут священника во ржаное поле, где поют молебны, но и «отправляют сверх того и суеверные обряды: по погребении умерших родственников женщины в течение шести месяцев ходят во всякое воскресенье плакать на могилу покойника, приносят с собой блины, пироги»¹³. В других же уездах России во время общего молебна на Святой неделе в ржаном поле ставили образ Богоматери и под него «лукошко с ячменем или пшеницей и тем засевают первоначально яровое поле»¹⁴. Нередко же встречался и обычай катать по пашне священника, дабы получить добрый урожай.

В Георгиев (Егорьев) день, как известно, выгоняли впервые в поле скотину. В некоторых районах «каждый хозяин перед выпуском берет в руки образ, а хозяйка горшечик и, положи в него уголья горячие и ладон, обходят на дворе своим всю скотину трижды, потом спускают со двора вербою, которую хранят с Вербного Воскресенья». Завершает обряд угощение в поле пастухов пирогами¹⁵. В некоторых же районах при выгоне скота бросают через коров яйца с приговорами, чтобы скот был «кругл и полон»¹⁶. Во многих случаях стадо объезжают на лошади¹⁷ или обходят¹⁸. В Вознесение крестьянки и молодые мужчины собираются в ржаном поле и каждый на своей полосе «при пляске и песнях втыкают березки с желанием, чтобы рожь так высоко росла, как воткнутые березки»¹⁹.

Известен обычай, когда на Рождество Иоанна Предтечи молодежь собиралась в яровые поля «и тамо на своих полосах, засеянных льном, втыкают рябиновые сучья, желая, чтобы лен вырос так высоко, как воткнутые рябины. Между тем пляшут, поют, играют хороводами до самой зори»²⁰.

В Петровское заговение молодежь некоторых мест выходила вечером на улицу с крапивой и бегала друг за другом и жглась крапивой, а потом они «льются у колодцев водою»²¹. В других районах в Петровское и Успенское заговение собирались «толпами в некоторые рощи и луга, где время в разных веселостях, как то в пении песен, в пляске, в игриании хороводов и в борьбе препровождают»²². В Троицын день согласно широко распространенному обычаю молодежь собиралась в рощах и завивала вен-

ки, «которые, положив потом на голову, выносят на берега рек или ручейков и бросают в воду, имея суеверие думать, что не потонувший венок означает долголетнюю жизнь. Весь обряд сопровождается песнями и плясками, оканчивается полдником, состоящим из пирогов и яичниц»²³. В Вышневолоцком у. Тверской губ. 15 сентября (в день Никиты мученика) был обычай ходить в овинные ямы-печи (подовины) и «пировать там пирогами и прочими яствами»²⁴. Здесь нет необходимости упоминать о чисто языческих праздниках русских крестьян типа масленицы и т.п.

Явлений, демонстрирующих необычайную живучесть языческого менталитета, многообразие своеобразных контактов и анти-контактов русского селянина с Природой, особенно много в домашнем быте крестьян. Его «окружают» в быту буквально многие сотни различного рода примет, поверий. Православные иконы в красном углу избы и ежедневные молитвы, и даже посещение церкви не мешают ему питать многочисленные суеверия и соблюдать языческие обряды, за которыми стоит могучая вера в силы Природы.

Если совет рубить строевой лес в новолуние (на ущербе луны — он сгниет) основан на каком-то народном опыте, то, скажем, честные договорные отношения крестьян с плотниками, строящими им избу, мотивируются возможностью дурного заговора против избы со стороны строителей²⁵. При закладке избы, по поверью, под углы кладут деньги, шерсть и ладан. Таков обычай, соединивший и язычество, и христианство. Под пристальным вниманием крестьянина находилась и сама изба, но не только с точки зрения ухода за ней, устранения появившихся дефектов, а в плане чисто мистического восприятия («Передний угол или матица трещит — к худу», «Смола вытопилась из избы на улицу — к худу» и т.д.)²⁶.

Закладка печи в новолуние, по поверью, обеспечит более теплую топку²⁷. От вора вокруг двора обносят человеческий череп²⁸. В крестьянской ментальности большое место занимают суеверия, связанные с выпечкой хлеба: «Если под печью лежит голик или сидит лягушка, то хлебы испортятся», «Поколе хлеб в печи, не садись на печь: испортится», «Когда один хлеб вынут раньше прочих и разрежут, то все хлебы испортятся», «Хлеб в печи раздвоился — к отлучке одного из семей» и т.д.²⁹

Заговоры для сохранности домашнего скота глубоко архаичны. Подкладывая под горшок камень, чтобы волк не съел корову, произносят заговор: «Гложи, волк, свои бока!». «Если при первом выгоне скота в поле кто-нибудь бос, то волки будут». «Первое яйцо от черной курицы спасет скот в поле от волка».

«Защити мою коровушку, святые Егорий, Власий и Протасий». Таковы причудливые обычаи, сочетающие язычество и христианство. То же самое просматривается и в обычае с Иванова дня ставить в кринках молоко «под три росы», т. е. на ночь наружу избы, что, по поверью, сулит прибавку молока³⁰. «Чтобы стельная корова принесла телку, хозяйка едет доить ее в последний раз верхом на сковороднике»³¹. Это, разумеется, ничего общего с христианством не имеет, как, впрочем, и многие другие обычаи. Например, «если принесет корова двойней одношерстных – к добру, разношерстных – к худу»³². Это наблюдение В. Даля дополняется ранним наблюдением А.Т. Болотова: «Когда корова отелит двойни, будет беда, ежели одново теленка не убьешь и не зароешь в землю» (видимо, это случай с разношерстными телятками)³³. «Теленка по спине не гладь – захилеет»³⁴. «Когда корова твоя дает мало молока или молоко жидко: это бывает не от того, что худо ее кормишь, а от того, что подшутила ведьма. Собери в горшок коровьей мочи, взболтай голиком и выплесни в печь»³⁵.

Не менее интересны приметы, связанные с лошадьёю. «Лошадь от кошки сохнет, от собаки добреет». «Чтоб лошади были здоровы и сыты, повесь в стойло медвежьё лапу»³⁶. «Двужильную лошадь зарывай во дворе: не то выпадет за нее еще 12 лошадей»³⁷. Видимо, это поверье бытовало в разных вариантах, так как тот же В. Даль дает и другое: двужильная лошадь – служащая на домового, и потому не годная в работу; если же она падет во дворе, то все лошади передохнут³⁸. Наконец, А.Т. Болотов сообщает более раннее поверье: «У кого умрет двужильная лошадь, надень на нее хомут, и свези так со двора. Без этого еще лошадь издохнет»³⁹. В. Даль сообщает поверье о злодействе «завидующего продавца скота»: он «выщипывает клочок шерсти из продаваемой по нужде скотины, кладет шерсть в трубу или за печь и говорит: сохни как эта шерсть. И скотина не поведется»⁴⁰. Интересно и другое поверье: «Проданную скотину веди со двора в задние ворота (задом со двора)»⁴¹.

«Чтобы кикимора кур не воровал, вешают над насестью на лыке отбитое горло кувшина». «Если найти камень с дырой и повесить в курятнике, то куры будут целы»⁴². А.Т. Болотов, издеваясь над суевериями, отметил удивительное поверье: «Ежели курица запоеет петухом: великая беда! Схвати ее и меряй от себя до порога: чем придет головой или хвостом, – то отруби на пороге. Этим беду отворишь»⁴³.

В. Даль в свое время зафиксировал бытование, видимо, необычайно архаичных обычаев и суеверий, назначение которых – борьба со страшной бедой крестьян – скотским падежом. «В праздник огня из дому не давай – скотина будет дохнуть»⁴⁴.

«В мор вытирают из дерева огонь (т.е. трением – Л.М.) и раздают на всю деревню». «За паханую черту смерть коровья не ходит». Отсюда обычай во время мора опаживать двор. А нагие женщины опаживают целую деревню. В мор надо «прогонять скот через живой огонь», (т.е. огонь, полученный от трения). «Нагие бабы собираются в полночь искать и бить коровью смерть» (первого встречного человека или животное)⁴⁵.

Особенно богат опыт крестьянина в наблюдении над домашними животными и птицей. Странности в поведении птиц и животных оцениваются с точки зрения грядущей беды или удачи, хорошей или плохой погоды, видов на урожай и т.д. Масса поверий связана с кошками и собаками («Не пинай собаку: судороги потянут», «Не бей собаку: и она была человеком» и т.д.)⁴⁶.

Наконец, немалую роль в мироощущении крестьян играют поверья в лесных духах, в лешего, в русалок, ведьм, кикимор и особенно в домовых, которого в разных краях называют вторичными именами (суседко, батанушко, дедушка, хозяин, доможил, постень, постень и т.д.). Существовали наговоры-обращения на новоселье к домовому («Дедушка домовый! Прошу твою милость с нами на новожитье; прими нашу хлеб-соль, мы тебе рады, только мы пойдем дорогой, а ты стороной». В. Даль поясняет, что при переходе в новую избу хозяин говорит это, держа в одной руке икону, а в другой ломоть хлеба с солью⁴⁷. Домовой – и хранитель дома и обидчик, стучит, возится по ночам, душит, проказит и т.д. Особенно многочисленны следы деятельности домового в конюшне: нелюбую лошадь вгоняет в мыло, надсаживает крестец, разбивает параличом и даже «протаскивает в подворотню». В знак дружбы заплетает гриву лошади и т.д.⁴⁸ В. Даль пишет, что домовые различны по месту обитания: «есть домовый сараюшник, конюшник, баенник..., волосатка; все это нежить, ни человек, ни дух»; это «жилыцы стихийные». И снова (в который раз!) языческие поверья, порожденные общением с Природой, причудливо сплетаются с христианскими элементами веры: «На Иоанна Лествичника домовый бесится», «На Ефрема Сирина домового закармливают, покидая ему каши на загнетке». «Домового можно увидеть в ночи на Светлое Воскресение в хлеву» и т.п.⁴⁹ «Домовой лешему враг, а полевой знается и с домовым и с лешим»⁵⁰. Особенно поражает покорность русского крестьянина XVIII–XIX вв. бедам, вызываемым грозой и молнией. А.Т. Болотов сообщает о широко бытующем поверье, что «разбитого громом дерева не должно ни во что употреблять, а загоревшагося от молнии дома не надобно тушить»⁵¹. В. Даль наблюдает те же психологические установки: «Божий огонь грешно гасить», «Гроза – милость Божья», «Загорелись от милости

Божьей», т.е. кара Божья одновременно есть жестокая милость⁵². Если, по А.Т. Болотову, в виде исключения гасить пожар от молнии можно козьим молоком, то, по В. Далью, круг этих причудливых «противопожарных» средств расширяется: можно тушить пожар квасом, пивом, молоком от черной коровы⁵³. Пожар не гасят, но обходят иконами, становятся с иконами по углам. Можно в пожар бросить белого голубя или яйцо, которым впервые христосовались и т.д. Но за всем этим кроется суровая покорность Царю-Огню. А.Т. Болотов еще сумел подметить, что завораживающая душу крестьянская покорность перед пожаром от грозы имеет древнейшие корни. Он пишет, что селяне из уважения к Перуну «не смели дотрагиваться до той вещи, в которую ударил гром, как до такой, которую избрал он себе в жертву»⁵⁴. Эта покорность, видимо, была столь неременной, что В. Даль подметил парадокс в отношении крестьян к противопожарным подсобным средствам: «Держать в исправности противопожарные средства – искушать Бога»⁵⁵.

Количество же причудливых обрядов и примет, связанных со смертью и похоронами члена крестьянской семьи просто поражает воображение.

Наконец, следует вспомнить и о неременном элементе крестьянского быта – ворожеях, знахарях, шептунах и т.п., наговаривающих воду, хлеб и т.д. Шептуны и ворожеи, сообщает А.Т. Болотов, по поверью знают с темными силами. Их, из страха, приглашают на свадьбы («чтоб лихие люди молодых не испортили... боятся не звать на пир, чтоб они за это не отомстили», ибо на свадьбах могут обернуть всех волками и т.п.)⁵⁶ И действительно, в описании свадебного обряда Калязинского у. Тверской губ. сказано: «На свадьбу собираются поезжаня: тысяцкой, боярин большой, боярин меньшей, дружка и подружье, и ворожея, кои вместе с женихом ездят к церкви, недоезжая до невестина двора»⁵⁷.

Весь этот, хотя и краткий перечень основных контактов русского крестьянина с Природой и рожденных ими психологических установок и стереотипов, на мой взгляд, характеризует весьма важное обстоятельство: включенность сельского жителя в орбиту многообразного окружения природы порождает не только неиссякаемую веру в сверхъестественные силы природы и локальные проявления ее, не только способствует глубокому функциональному познанию «механизма», своего рода «сигнальной системы» Природы, диктующей логику крестьянского поведения, но и способствует активности самого крестьянина в контактах со светлыми и темными силами Природы.

Поэтому христианизация на Руси в конечном счете весьма своеобразно отразилась на крестьянском менталитете. Как уже

говорилось, в русском крестьянине, так сказать, поселился не только христианин, но и сохранился язычник. Может быть, даже в большей степени язычник, чем христианин. Это не означает, что русский крестьянин не принял основные догматы православного христианства. Нет, он их безусловно принял. Многочисленные свидетельства XVIII–XIX вв. говорят о том, что русский народ искренне исповедывал христианство. Однако необычайно суровые климатические и природные условия, вечная сверхнапряженная ситуация ожидания хоть мало-мальски приемлемого результата сверхтяжелого труда, обилие воздействия разного рода факторов на этот результат порождали, на наш взгляд, «языческую самодеятельность», погружая русского крестьянина в бездонный мир суеверий, примет и обрядов.

Реальным итогом всего этого было весьма слабое приобщение русского крестьянина к церкви, его минимальное внимание к церкви как к посреднику между ним и Богом. Об этом весьма откровенно писал один из наблюдателей крестьянской жизни в 50-х годах XVIII в.: «Едва все (т. е. едва ли не все. – *Л.М.*) холопы и крестьяне должности (т. е. должного почтения. – *Л.М.*) к Господу Богу не знают и в церковь для молитвы не только в свободное время, но и в великие праздники, воскресный и торжественные дни ходить, в положенные посты говеть и исповедываться не любят»⁵⁸. Столь антицерковное поведение имеет давние корни. С.М. Соловьев пишет о том, что Алексей Михайлович постоянно требовал от воевод, чтобы они в походах заставляли ратных людей исповедываться. В 1659 г. вышел приказ всякого чина людям, включая дьяков, подьячих и детей боярских, говеть на Страстной неделе. В 1660 г. на неговевших составлялись списки для Монастырского приказа с угрозой жестокой опалы. А перед Филипповым заговеньем вновь особым приказом предписано всем поститься и каждый день ходить в церковь. Еще в первые годы царствования Алексея Михайловича был указ о запрете работ в воскресенье и праздничные дни и т.д. В начале XVIII в. ситуация практически была та же. Вот, в частности, наблюдения И.Т. Посошкова: «Я таких стариков много и в Москве видал, что лет им под 60 и больше, а у отцов духовных на исповеди не бывали, не ради раскольниковства, но ради непонуждения пресвитерского». В 1716 г. был введен указом штраф за нехождение на исповедь. В 1718 г. «велено было также ходить в церковь в воскресные дни и в господские праздники»⁵⁹. В XVIII в. множество помещичьих инструкций приказчикам имений непременно имели строжайшие наказания заставлять крестьян в воскресные и праздничные дни ходить в церковь. Приведем лишь несколько примеров. 1718 год, наказ Д.А. Шепелева приказчику дворцового села Глинки Ми-

хайловского у.: «Приказчику ж смотреть накрепко, чтоб глинные крестьяне и их жены и дети... по воскресным дням и по праздникам господским для моления приходили к церкви Божий, также и отцем духовным исповедывались по вся годы и по достоинству причащались Святых тайн». В противном случае должны были виновных «бить батоги на мирском сходе нещадно»⁶⁰. 1727 год, инструкция Артемия Волынского дворецкому Ивану Немчинову: «Накрепко приказчикам смотреть, чтоб дворовые люди, крестьяне и жены их и дети их всегда в воскресенье и в праздничные дни ходили в церковь... чтоб всякой десяцкой объявлял о своем десятке, кто был и кто не был»⁶¹. 1751 год, «Учреждение» графа П.А. Румянцева: «В страхе Божию... в праздничные, воскресные, а особливо в высокие дни ея императорского величества тезоименитства, рождение... молебствие понуждать и чрез десятичных с вечера приказом оповещать», «есть ли в праздничные дни без законной нужды на молитве церковной не являясь, с такового брать по 10 копеек штрафа без всякого послабления... а неимущих сажать в цепь на сутки»⁶². Подобные жесткие установления были практически обязательным элементом почти каждой инструкции. В некоторых из них декретировались и общепринятые символические молебны при начале пашни и сбора хлебов⁶³.

Налет отчуждения от церкви несут даже некоторые расхожие приметы и пословицы («Кто поедет, а навстречу попадется ему священник: возвратись домой»⁶⁴, «В полах сидеть – кашу есть, а в сотских – оплеухи», «И поп новину любит», т.е. новую плодородную ниву, и др.)⁶⁵.

Думается, что своеобразие подобного менталитета российского крестьянства имело немалые политические следствия. Одно из них: максимальная контактность с народами иных конфессий, в том числе язычниками, что имело громадное значение в практике масштабных миграционных подвижек и проникновении русского населения. Вполне очевидным становится и то, что без государственного статуса, без поддержки государственной машины российская православная церковь не имела бы серьезных перспектив всепоглощающего влияния на крестьянство (и это было сделано с частичным успехом в первой половине XIX в.).

Вкратце коснемся еще одной специфической черты русской крестьянской ментальности.

Необычайно сложные природно-климатические условия основной исторической территории России, диктовавшие необходимость громадных трудовых затрат на сельскохозяйственные работы, сопряженных с высоким нервно-психологическим стрес-

сом («страда») имели своим следствием не только необычайное трудолюбие, поворотливость и проворность как важнейшие черты русского менталитета и характера, но и многие особенности, противоположные этим чертам.

Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса к собственным усилиям, хотя эти настроения затрагивали лишь часть населения («На авось мужик и пашню пашет», «Уродится не уродится, а паши», «Не родит, да не бросать пашни», «Нужда не ждет ведряной погоды. Нужда не ждет поры» и т.д.). Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и трудолюбивой.

В литературе XIX в. не принято было писать и говорить о таких поведенческих особенностях российского крестьянства, как небрежность в работе, отсутствие пунктуальности и тщательности в ней и т.п. Между тем эти ментальности были заметным явлением. И прежде всего в крепостную эпоху они были свойственны барщинному крестьянству, т.е. той категории населения страны, которая в условиях жесточайшего цейтнота рабочего времени вынуждена была в первую очередь работать на барина: и на поле, и в его усадьбе.

Приведем в пример интересную, хотя и резкую и тенденциозную характеристику менталитета этой группы российских пахарей, созданную в середине XVIII в.: «Должности (т.е. должного уважения. – Л.М.) к государю (помещику. – Л.М.) и общей пользе не только не внимают, но и подумать не хотят. Лениость, обман, ложь, воровство будто наследственно в них положено... Господина своего обманывают притворными болезнями, старостию, скудостью, ложным воздыханием, в работе – лениостию. Приготовленное общими трудами – крадут, отданного для збережения прибрать, вычистить, вымазать, вымыть, высушить, починить – не хотят. В приплоде скота и птиц от неприсмотру поморя, вымышляя разные случаи – лгут. Определенные в начальство, в расходах – денег, а (в расходах. – Л.М.) хлеба – меры, не знают. Остатков к предбудущему времени весьма не любят и, будто как нарошно, стараются в разорение приводить. И над теми, кто к чему приставлен, чтоб верно и в свое время исправлялось – не смотрят. В плутовстве за дружбу и почести – молчат и покрывают. А на простосердечных и добрых людей нападают, теснят и гонят. Милости, показанной к ним в награждении хлебом, деньгами, одеждою, скотом, свободою, не помнят и вместо благодарности и заслуг в грубость, в злобу и хитрость входят»⁶⁶.

Разумеется, В.И. Ленин в свое время весьма емко охарактеризовал эти многообразные явления как «социальные проявления антагонизма производственных отношений». Но здесь помимо проявлений антагонизма ярко представлены и эмоции, и восприятие, и оценки крестьян и дворовых холопов.

Самое же существенное, на наш взгляд, состоит в том, что в этой среде становилось заметным явлением и безразличное отношение к своему собственному хозяйству, безразличие к удручающей перспективе своей собственной жизни и жизни членов своей семьи. Столь крайняя и болезненная реакция крестьянина-труженика зарождается в условиях, когда вместо 1–1,5 десятин (в двух полях) более или менее тщательной вспашки он вынужден (и барин понуждает к этому!) пахать вдвое-втрое больше, но там, где нужно вспахать 3–4 раза, он вынужден пахать 2 раза, а то и вовсе единожды. Там, где как минимум тщательная подготовка к севу возможна при 5–6-кратном бороновании, он вынужден бороновать 1–2 раза. Одно осознание столь вынужденной небрежности может привести, в конце концов, к нервному срыву, ожесточению, отчаянию и т.п. В итоге такие крестьяне «Божия наказания, голоду, бед, болезней и самой смерти не чувствуют», «О воскресении мертвых, о будущем Суде и о воздаянии каждому по делам подумать не хотят и смерть свою за покой (!) считают»⁶⁷. На наш взгляд, именно отсюда идет тот крестьянский «атеизм» о котором писал В.Г. Белинский в знаменитом письме к Н.В. Гоголю («годится – молится, не годится – горшки покрывать!»). Только это в действительности не атеизм, а трагическая апатия и к жизни, и к Богу.

В тех же инструкциях управителям имений помимо забот о ведении помещичьего хозяйства немало тревожных слов и о таких крестьянах. В инструкции Ив. Немчинову читаем о наказе управителям следить за тем, чтобы после барских уроков крестьяне во время управлялись с работой на своих наделах, «не отговаривались тем, что посеять нечем или не на чем пахать, понеже на то им определяется ссуда... И тако всеми мерами ленивцев принуждать и накрепко того за ними следить»⁶⁸. В 1742 г. В.Н. Татищев, создавая свои «Краткие экономические... записки», отмечал: «В худых эконсмиях то не смотрят за крестьянскою работою, когда они обращаются в собственной своей работе, понеже от лености в великую нужду приходят, а после произносят на судьбу жалобу»⁶⁹. В «Учреждении» П.А. Румянцева (1751) та же мысль: «за нерачительными о себе крестьянами первостатейным, соцким и пятидесяцким и десяцким накрепко смотреть, чтоб оные земель своих без посеvu не покидали, или исполу посторонним не сеяли и в протчем свои дом не разоряли»⁷⁰. Артемий Во-

лынский обращает внимание не только на отчаявшихся и опустивших руки, но и на тех, как он их называет, «плутов», «что нарочно, хотя бы он мог и три лошади держать, однако ж держит одну, и ту бездельную, чтоб только про себя ему самую нужду вспахать, без чего прожить нельзя, и хотя бы и невейной хлеб есть, только меньше ему работать»⁷¹.

Такова была реальность. Таковы были косвенные следствия влияния на ментальность природно-климатического фактора. Приходится только удивляться, что категория равнодушных, не верящих в свои силы людей, да и просто опустившихся была не столь влиятельной. Что в целом народ русский даже в годину жестоких и долгих голодных лет, когда люди приходили в состояние «совершенного изнеможения»⁷², находили в себе силы и мужество поднимать хозяйство и бороться за лучшую долю.

Разумеется, важнейшую роль в этом играли могучие психологические стереотипы традиционной крестьянской общинности. Тяжкие природно-климатические условия заставляли российского крестьянина в течение долгих столетий дорожить такой организацией как община. Сам тип русской общины на протяжении весьма длительного периода истории отличался явным приматом «общественного» по сравнению с «частным». Уж слишком неустойчивым в России даже в сравнительно поздний период истории было индивидуальное крестьянское хозяйство, часто гибнущее именно под ударами суровой природной стихии. В земледельческом обществе со слабым разделением труда климатические невзгоды грозили не просто обеднением землепашца, а его полным разорением, превращением в паупера. В этих условиях помощь крестьянского мира, помощь общины имела громадное значение для поддержки жизнедеятельности индивидуального крестьянского хозяйства. Отсюда не только сознательная, но даже подсознательная тяга русского крестьянина найти защиту от губительных проявлений Природы не только у Всевышнего Божества, но и у общины с ее разнообразными «помочами», с ее вынужденной «уравниловкой» в виде перераспределения тягла и т.п. При вполне естественном желании земледельца вести личное хозяйство в русском крестьянине диалектически уживалась тенденция к коллективизму, взаимовыручке, взаимопомощи и т.п. Это свойство менталитета русского крестьянства пронизывало многие стороны не только его труда, но и быта, включая обрядность, празднества, народное творчество и т.д. Одним из важнейших проявлений коллективистских, общинных традиций была извечная «эмбриональность» частнособственнических устремлений. Важнейший тому свидетель – идея общинного землевладе-

ния (идея «божьей земли», земли «великого князя» или «ничейной земли» и т.п.).

Эта способность признавать «Общее» более важным, чем «Частное» (отнюдь не отвергая последнее), имела, на наш взгляд, громаднейшее значение в многострадальной истории русского народа. Пожалуй, это, наряду с такими производными качествами, как доброта, отзывчивость, готовность к самопожертвованию, долготерпение, трудолюбие, отчаянная храбрость и т.п., составляло на протяжении столетий главную особенность русского менталитета и главную черту его национального характера.

¹ Историческое и топографическое описание городов Московской губернии с их уездами (далее: Описание Московск. губ.). М., 1787. С. 141, 301, 326; Генеральное соображение по Тверской губернии, извлеченное из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. (далее: Генеральное соображение...). Тверь, 1875. С. 50, 121, 130 и др.

² Пословицы русского народа. Сб. В. Даля: В 3 т. М., 1993. Т. 3 (Далее: Сборник В. Даля. Т. 3). С. 541–542, 558–559, 400.

³ Описание Московской губ. С. 327, 227–228.

⁴ Генеральное соображение. С. 144.

⁵ Там же. С. 77, 59, 27.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 130. Петербург. отд. Ин-та российской истории РАН.Ф. 31. Д. 497. Л. 78; Описание Московской губ. С. 301 и др.

⁸ Сборник В. Даля. Т. 3. С. 541–542.

⁹ Там же. С. 541–542 и др.

¹⁰ Там же. С. 579 и др.

¹¹ Генеральное соображение... С. 111.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Там же. С. 100.

¹⁴ Там же. С. 78.

¹⁵ Там же. С. 161–162.

¹⁶ Там же. С. 52.

¹⁷ Там же, С. 42.

¹⁸ Там же. С. 88, 133.

¹⁹ Там же. С. 42, 60.

²⁰ Там же. С. 88.

²¹ Там же. С. 52.

²² Там же. С. 45.

²³ Там же. С. 133.

²⁴ Там же. С. 99–100.

²⁵ Деревенское зеркало или общенародная книга. СПб., 1799. Ч. 3. С. 615.

²⁶ Сборник В. Даля. Т. 3. С. 584–585.

²⁷ Там же. С. 615.

²⁸ Там же. С. 611.

²⁹ Там же. С. 610–611.

- 30 Там же. С. 625, 628–629.
- 31 Там же. С. 626.
- 32 Там же.
- 33 Деревенское зеркало. Ч. 1. С. 66.
- 34 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 626.
- 35 Деревенское зеркало. Ч. 1. С. 66.
- 36 Там же.
- 37 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 604.
- 38 Там же. Т. 1. С. 420.
- 39 Деревенское зеркало. Ч. 1. С. 64.
- 40 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 623.
- 41 Там же.
- 42 Там же. С. 604, 632.
- 43 Деревенское зеркало. Ч. 1. С. 64.
- 44 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 627.
- 45 Там же. С. 628–629.
- 46 Там же. С. 629.
- 47 Там же. С. 602.
- 48 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1955. Стб. 467.
- 49 Там же.
- 50 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 603.
- 51 Деревенское зеркало. Ч. 3. С. 11.
- 52 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 592–593.
- 53 Там же.
- 54 Деревенское зеркало. Ч. 3. С. 11.
- 55 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 592–593.
- 56 Деревенское зеркало. Ч. 3. С. 24–25.
- 57 ГИМ. ОПИ. Ф. 445. № 128. Л. 109 об. – 110 об.
- 58 Науч. б-ка МГУ. Отд. редких книг и рукописей. № 279-6-90. Инструкции об управлении помещичьим хозяйством. 1755–1757 гг. (Далее: Инструкции 1755–1757 гг.). Л. 7 об. Открытие этого источника принадлежит Е.Б. Смилянской.
- 59 Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб.: Общественная польза. Т. XI–XV, кн. 3. С. 749–750; Т. XVI–XX, кн. 4. С. 267–268.
- 60 Петровская И.Ф. Наказы вотчинным приказчикам первой четверти XVIII в. // Исторический архив. М.; Л., 1953. Т. VIII. С. 238.
- 61 Инструкция Артемия Волынского дворецкому Ив. Немчинову... 1727 г. // Москвитянин. 1854. Ч. 1, кн. 1–2. Отд. IV. С. 12.
- 62 “Учреждение” графа П.А. Румянцева 1751 г. / Публ. М.В. Довнар-Запольского // Университетские известия. 1903. № 12. Дек. Киев, 1903. Прибавления. С. 5–6, 2.
- 63 Там же. С. 8.
- 64 Деревенское зеркало. Ч. 1. С. 64.
- 65 Сборник В. Даля. Т. 3. С. 584, 616.
- 66 Инструкции 1755–1757 гг. Л. 7 об.
- 67 Там же.
- 68 Инструкция Артемия Волынского дворецкому Ив. Немчинову... 1727 г. С. 23.

⁶⁹ *Татищев В.Н.* Краткие экономические до деревни следующие записки // Временник Импер. Моск. Об-ва истории и древностей российских. М., 1852. Кн. 12. С. 21.

⁷⁰ «Учреждение» графа П.А. Румянцева. С. 44.

⁷¹ Инструкция Артемия Волынского дворецкому Ив. Немчинову... С. 24.

⁷² Инструкция Г.И. Шипову, приказчику с. Любашевки 1794 г. // Университетские известия. 1909. № 7. Июль. Киев, 1909. Прибавления. С. 238. Публикация М.В. Довнар-Запольского.

*Опубл.: Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX вв.
Материалы международной конференции. Москва,
14–15 июня 1994 г. М., 1996. С. 40–56.*

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

История человечества имеет в своем багаже опыт функционирования разных форм собственности, но ряд из них не привлекал особого внимания в нашей литературе. Вместе с тем еще К. Маркс, характеризуя первичные формы собственности, выделил для докапиталистических обществ особую форму собственности, связанную с ремесленным трудом. В период господства индивидуального характера труда, писал он, «особый вид труда, мастерство в нем и соответственно с этим собственность на орудия труда равнозначны собственности на условия производства»¹. Подробнее о теории этого явления жизни автор этих строк писал, в частности, в 1989 г.² В свою очередь, и само мастерство является особым видом собственности («собственность на самый труд как на определенную ремесленную сноровку»)³. Своей высшей стадии развития эта специфическая разновидность собственности достигает в корпоративной форме, в особенности в средневековых цехах и т.п.⁴ Наоборот, ее отрицание может состояться тогда, когда собственность на орудия труда и на мастерство поглощается такими отношениями, как рабство или крепостничество, т.е. путем присвоения, порабощения *самой личности* носителя того или иного мастерства⁵.

В период становления и развития капитализма в России ряд сравнительно немногочисленных, но необходимых обществу ремесленных специальностей продолжал, на мой взгляд, существовать преимущественно в форме свободного индивидуального труда не только в сфере производства, но и в так называемой сфере услуг. Это разного рода строительные и ремонтные работники, изготовители предметов роскоши и бытовых, обиходных предметов, продуктов питания и т.п. В разряд профессиональных занятий, не поглощенных мануфактурой и машинным производством, входили также профессии музыканта, художника, артиста, поэта, ученого, учителя и т.п. К этому же разряду занятий принадлежали, как известно, чиновники, военные, священнослужители и т.п. А. Смит, а вслед за ним и К. Маркс, относили этих работников к так называемым «слугам общества», т.е. людям, оказывающим услуги и живущим за счет обмена своих услуг (потребительных стоимостей) на доход общества (или доход индивида).

К. Маркс писал в свое время, что «с развитием капиталистического производства все услуги превращаются в *наемный труд* и все оказывающие их превращаются в *наемных рабочих*»⁶. Этот

тезис абсолютно справедлив и верен применительно к так называемым *массовым услугам*. Капитализм создал мощную индустрию в сфере услуг (а некоторые страны, перенесшие в той или иной мере свою тяжелую промышленность и вредные производства в государства, экономически от них зависимые, превратились в социумы, где сфера услуг занимает чуть ли не ведущее место в совокупном бизнесе страны). В этой разновидности бизнеса носитель той или иной потребительной стоимости оказывается на более или менее длительный срок вовлеченным в деятельность предприятия, специализирующегося в сфере услуг. Это работники государственных или частных клиник, театров, спортивных клубов, киностудий и т.п. Все они в этом случае становятся обычными наемными работниками.

Современные технические средства резко увеличили возможности отчуждения потребительных стоимостей от их непосредственных носителей почти во всех областях «духовного производства». Это неизмеримо расширило возможности превращения тех или иных потребительных стоимостей в форму товаров, имеющих меновую стоимость.

В капиталистическом обществе, как известно, цена на индивидуальные услуги на первых этапах развития рынка услуг «первоначально скорее условная и традиционная» (К. Маркс). На более развитых стадиях она «все более и более начинает определяться экономически», в частности, соотношением спроса и предложения⁷. Соотношением спроса и предложения, также, как и «издержками производства» на создание носителя той или иной потребительной стоимости, регулируются меновые стоимости главным образом на массовые услуги (включая, например, бытовые услуги, услуги учителей и т.д.). Проследив процесс превращения носителей услуг в эпоху капитализма в наемных работников, К. Маркс, вероятнее всего, потерял интерес к дальнейшей судьбе «собственников своего мастерства», сосредоточившись на роли пролетариата и буржуазии.

Однако и в более поздние эпохи в акте индивидуальной услуги по-прежнему происходит однократный взаимный обмен услугами (потребительной стоимости, с одной стороны, и дохода в виде натуроплаты или в денежной форме – с другой). Именно это обстоятельство и позволяет считать носителя уникальных и весьма ценных *услуг особого рода собственником* (хотя и не товаропроизводителем, и, разумеется, не наемным работником). Больше того, на общем фоне массовых услуг выделяются так называемые *искусные слуги*⁸. Оплата предпринимателем труда такого одаренного мастера остается «особенным меновым актом», поскольку сохраняет яркую специфику в измерении уникальных форм полезности той или

иной потребительной стоимости, что до сих пор составляет немалые трудности для экономистов (а в наши дни решается введением «тарифной сетки», где даже высшие разряды убогой зарплаты отличаются друг от друга почти копейками).

Чем уже рынок для той или иной даже неповторимой потребительной стоимости, тем более его меновая стоимость подвержена влиянию случая. Яркий талант, невостребованный рынком сиюминутно, но в отдаленной перспективе все-таки весьма ценный для общества, может влачить жалкое существование в течение всей жизни, если социум в лице государства не сочтет возможным поддержать его. В большинстве же случаев такой «искусный слуга», даже экономически подчиняясь нанявшему его предпринимателю, остается, тем не менее, наемным работником особого рода. Размер его вознаграждения зависит не только от его таланта, но и от степени его «знатности» (общественного признания его предыдущих заслуг, открытий и т.п.), хотя часто сиюминутный интерес выдвигает на первый план фактор рыночного спроса на его потребительную стоимость. Логика же жизни чаще всего приводит к такой ситуации, когда носитель уникальной потребительной стоимости получает, условно говоря, и значительную часть совокупной прибыли (примером тому служит, в частности, судьба американских кинозвезд, а также крупнейших изобретателей и т.д.). Часть таких носителей уникальной потребительной стоимости, «собственников своего мастерства», пополняет класс капиталистов (в особенности это касается таких талантов, в частности, в области исполнительского искусства, которым удается выходить на мировой рынок).

Таким образом проблема становления и функционирования такого, казалось бы, не системообразующего феномена, как «собственность на свое мастерство» носителя уникальной потребительной стоимости, имеет весьма важное значение.

В частности, в последние три десятилетия советской власти произошел важнейший и уникальный в истории цивилизованных социумов перелом в развитии сферы массовых услуг. Такие носители важных, но воспроизводимых и повторяемых услуг, как чиновники в системе советских органов власти и партийной иерархии, в лице своего верхнего звена были превращены в особую категорию *номенклатурных работников*, т.е. в своего рода *касту*, постоянной функцией членов которой являлась «функция руководства» безотносительно к объекту руководства. Следовательно, рядовые носители услуг управления (не говоря о первых лицах), т.е. носители потребительной стоимости массового (и поэтому воспроизводимого) характера, были превращены в *незаменимых*, а потому уникальных носителей той или иной потреби-

тельной стоимости. Стало быть, они сделались «собственниками своего мастерства», а в конечном счете представителями буржуазной ментальности. Дальнейшее же было, как говорится, «делом техники»... Подобное развитие сферы услуг особого рода, в свою очередь, привело (для партийного и государственного чиновника) к расцвету институции «власти-собственности», при которой носитель власти становится привилегированным пользователем государственной собственности в ее самых различных проявлениях. Отныне оставался лишь маленький шаг к тому, чтобы стать собственником в подлинном смысле этого слова. И он, как все знают, был сделан...

Это лишь одна из линий эволюции верхов советского общества в 60–80-х годах XX в., хотя линия и чрезвычайно важная, позволяющая увидеть всю силу, всю потенцию такого явления как «собственность на свое мастерство», собственность, не фиксируемая какими-то правовыми нормами (об интеллектуальной собственности, как юридически зафиксированном продукте мыслительной деятельности, здесь речи нет).

Как уже говорилось, массовое подчинение нематериальной сферы производства капитализму сопровождается, хотя и опосредованно, подчинением ценообразования законам господствующего способа производства, хотя эти законы действовали всего лишь «за спиной этого особого менового акта»⁹, между владельцем дохода и владельцем собственного мастерства. Следует иметь в виду, что когда в прошлом произошла сплошная национализация средств производства в сфере услуг и их огосударствление, то это лишило многие виды услуг традиционного механизма их оплаты в соответствии с критериями спроса и предложения или стоимости издержек на создание и становление того или иного носителя услуг. К этому нужно добавить и суровый режим идеологического контроля над социумом.

В советское время был распространен и такой взгляд на творческий труд, согласно которому в условиях так называемой «всеобщности» труда «духовные способности человека должны быть и в общественной собственности... в той мере, в какой государство участвует в их формировании и развитии»¹⁰.

И это все пытались применить к «потенциальным собственникам своего мастерства», к тонкому слою творческой элиты общества, носителям уникальных знаний, таланта и способностей. В то же время такой фактор как органически свойственная этому слою собственническая ментальность, его естественное тяготение к идеалам буржуазной демократии оставались без внимания и серьезного анализа. А ведь в свое время К. Каутский давал меткие характеристики «стихийной анархичности» творческой

интеллигенции, заявляя, в частности, что оружие интеллигента – «это его личное знание, его личные способности, его личное убеждение. Он может получить известное значение только благодаря своим личным качествам. Полная свобода проявления своей личности представляется ему поэтому первым условием успешной работы. Лишь с трудом подчиняется он известному целому в качестве служебной части этого целого, подчиняется по необходимости, а не по собственному побуждению»¹¹. Именно эти особенности ментальности творческой интеллигенции наиболее отчетливо проявились в последние десять-пятнадцать лет.

Итак, еще раз подчеркнем, что обмен потребительной стоимости «слуг» особого рода, «искусных слуг» на чей-либо доход реализует особую форму «собственности на мастерство», на сноровку, на знание и т.п., которая, не являясь системообразующей в рамках того или иного социума, тем не менее характерна для всех (или почти всех) стадий исторического развития общества.

Это специфическое проявление «собственности на свое мастерство» имело место и в эпоху советской власти, но в разные периоды, при смене той или иной группы правителей претерпевало разную судьбу.

В 20–30-е годы XX в. руководящие круги СССР четко осознавали буржуазную природу «старой» дореволюционной интеллигенции, но вместе с тем ставили задачу создания «своей», рабоче-крестьянской, не менее талантливой, трудовой интеллигенции. Грандиозная культурная революция (а она, так или иначе, но все же была!) и массовое создание вузов действительно способствовали рождению новой многочисленной, вышедшей из народа советской интеллигенции (возможно, что ввиду кажущейся реальности такой перспективы власти и шли на репрессии по отношению к представителям «старой» интеллигенции, хотя и вполне лояльным к новому социальному строю).

Эта «новая» интеллигенция в своем первом поколении по своей ментальности во многом была связана с ментальностью людей «сохи и станка». Прежде всего это касается представителей массовых «интеллигентных» профессий, для которых «собственность на свое мастерство» остается лишь прекрасной иллюзией, идеалом, к которому всякий добропорядочный интеллигент, являясь по сути наемным работником, всегда стремится. (Одним из вариантов реализации таких устремлений явилось создание в 90-е годы огромного числа всякого рода партий и академий и т.п.) Говоря же о творческой элите, т.е. действительно о «потенциальных собственниках своего мастерства», то осознание ими своей объективной сущности как обладателей или носителей уникального мастерства, таланта или знания в *этом, первом по-*

колении существенным образом еще не проявлялось. Способствовал тому ряд обстоятельств, связанных с политикой властных структур государства. Прежде всего, несмотря на нищету тогдашнего российского социума, для творческой элиты в области науки, искусства и литературы были, тем не менее, созданы материальные условия, заметно отличающиеся по своей комфортности от условий типичного представителя массового интеллектуального труда (это, разумеется, не мешало властям прибегать и к репрессиям). Другим немаловажным фактором явилась совокупность мер по формированию так называемой новой «знатности» (и это касалось прежде всего людей литературы и искусства). Создание вокруг таких людей ореола славы и любви народа (и даже ореола властителя дум этого народа) в значительной мере гасило у представителей творческой элиты элементы буржуазной природы ментальности собственника уникального мастерства, таланта, знаний и т.п. (Парадоксом является усиленное использование нынешней властью этого феномена «знатности» в политической агитации, хотя, в частности, артисты, как правило, слабо разбираются в этих вопросах.)

Рано или поздно, отсутствие теоретических разработок, в частности, по анализу социальной сути такого слоя как «интеллигенция» ослепило властные круги и во многом способствовало рождению нелепой политики (я здесь не имею в виду крайности тотальной цензуры и т.п.) по отношению к этому особому, хотя и довольно тонкому слою «собственников своего мастерства», уникальных талантов, которые в целом не имели конкурентов в том или ином виде деятельности.

Это особенно сильно сказалось с конца 50-х годов XX в., с хрущевских времен, когда безграмотный руководитель страны объявил о близости коммунизма (и никто не осмелился указать на это заблуждение), и начался процесс уравнивания (эгалитаризма) неравных по самой сути своей страт социума. Творческие слои интеллигенции стали постепенно «прижимать» прежде всего в материальном отношении (запрет совместительства, ликвидация и уменьшение гонораров за внеплановые работы и т.д.). Если в обобщающей шкале оплаты труда в разных отраслях народного хозяйства в довоенный период ученые и профессора занимали место в верхней части этой шкалы, то в конечном счете они оказались на одном из последних мест этой шкалы. Да и народный артист СССР имел более чем скромную оплату (правда, иногда имея все-таки шанс заработать на периферии на «левых» концертах). Наблюдалась и медленная инфляция разного рода премий.

Для элиты творческой интеллигенции (прежде всего речь идет об искусстве и литературе) оставались в силе лишь прелес-

ти стимулирования «знатности» (почетные звания, широкие публикации об их творчестве, выступления на телевидении, у артистов – встречи со зрителями и т.д.).

Одновременно с этим странным стремлением к «уравниванию» всех страт социума пробивал себе дорогу процесс обретения тонким слоем творческой интеллигенции своей подлинной буржуазной ментальности как «потенциальных собственников своего мастерства», которым нет реальной конкуренции. К этому следует добавить, что этот слой с точки зрения менталитета для представителей массовых профессий в области умственного (интеллектуального) труда на фоне вульгаризации и искажения официальных социальных доктрин все более выполнял роль «референтной группы».

Послевоенная интеллигенция третьего и четвертого поколений, в той ее части, которая представлена собственно потенциальными «собственниками своего мастерства», являлась, на мой взгляд, уже буржуазной по своей ментальности, что было неизбежным в силу социальной природы этого феномена. Доля в этом слое выходцев из рядов тружеников материальной сферы производства была еще заметна, но уже уменьшалась, хотя возобновлялись в вузах рабфаки и т.п. С этим, как говорится, ничего поделать было нельзя, ибо таков был (и, видимо, будет) объективный ход процесса развития социума. Для «минимизации» этих тенденций и постановки его в определенное русло нужна была теоретическая прозорливость «руководящих кругов» и гибкая политика государства. Но ни того, ни другого не было (работать в аппарате ЦК КПСС шли больше «во имя благ», а не разработки трудных и острых проблем).

Начиная с времен Н.С. Хрущева, среди многомиллионной массы трудящихся творческая элита уже мало, за редчайшим исключением, выделялась (особенно это касается молодежи). Больше того, в 60–70-х годах XX в. в ряде случаев рабочему высшей квалификации, бригадиру, мастеру и т.д. (при том, что не баловали и их) давали гораздо большее вознаграждение, чем инженеру и т.п. (и люди с дипломом инженера шли в бригадиры, мастера и т.д.).

Особо необходимо выделить весьма важный, хотя и довольно тонкий социальный строй носителей уникальных дарований, высочайшего мастерства и таланта в области науки и высшего образования. В целом этот слой (особенно молодое пополнение, влившееся в него за последние 10–20 лет) оказался в сугубо угрожающем положении, его материальная обеспеченность вошла в острое противоречие с жизненно необходимыми потребностями минимального комфорта для нормальной реализации своих творческих потенций. Ведь специфика подлинно творческого работника (в частности, ученого) в ее логической модели состоит в том,

что его рабочее время практически не нормировано. Больше того, процесс творчества поглощает всю жизнь человека, пронизывает весь его быт, все его существование. Однако в последние десятилетия советской власти подход к научному творчеству как к некоему материальному производству становится все ощутимее (и этому, видимо, способствовало примитивное понимание лозунга: «Наука стала отныне производительной силой общества»).

Ярким примером такой политики служит история Академии наук СССР, этого инструмента концентрации и координации творческих усилий потенциальных «собственников своего мастерства», в лучшую пору бытия Академии превращавшихся в реальных «собственников своего мастерства», ибо высокие оклады и пособия были способом осуществления их естественного права на некую долю прибыли, получаемой при помощи сложной многозвеньевой процедуры материального воплощения и реализации идей членов Академии наук и ее ведущих ученых.

Однако в последние десятилетия жизни СССР и особенно в новой России в сферах власти возобладал простодушно-вульгарный, примитивный подход к проблеме творческого поиска и исследовательского труда. На членов Академии наук СССР (Российской Академии наук) и других государственных академий стали смотреть как на неких баловней судьбы, а на научный труд как на обыкновеннейшее материальное производство, критерием которого до сих пор служит основание классической трудовой теории стоимости (выдал изделие – получи вознаграждение, не выдал – сокращаем, увольняем и т.д.). Платят главным образом не за статус уникального дарования, творческие потенции которого доказаны открытиями и признаны научной общественностью, а преимущественно за плановые работы (а они часто банальны и ординарны, хотя и необходимы). Но ведь следовало бы, наоборот, с лихвой вознаграждать открытия... Вклад в науку – это всегда риск, особенно если вклад сделан со стратегической целью. Ведь связь фундаментальной науки с качественными сдвигами в прогрессе производительных сил всегда опосредована (и это даже в том случае, когда речь идет о прогрессе человечества в целом). Ныне некоторые политики роль государства, являвшегося в течение тысячелетий своеобразным многофункциональным инструментом самоорганизации общества, по всей видимости, уподобляют роли чуть ли не своего рода «сторожа социума», отнимая у него экономические функции и лишая государственного сектора экономики. Может быть, где так сложилось исторически, это и возможно. Но государственный сектор экономики был свойственен российскому социуму во все эпохи цивилизации и часто избавлял этот социум от разрушительного

во многих ситуациях стихийного действия закона стоимости. В этом, а не в непременном извлечении максимальной прибыли и погоне за ней состоят, на мой взгляд (взгляд историка), важнейшие функции государства в России.

На Российскую Академию наук, эту корпорацию уникальных «слуг общества», в течение уже трех веков обладающих «собственностью на свое мастерство» и обменивающих плоды своего мастерства на доход государства, стали смотреть как на некую архаическую систему, оставшуюся от советских времен структуры, которую, по мнению некоторых, необходимо «минимизировать», а, может быть, и вовсе от нее избавиться... Если Н.С. Хрущев стремился перевести ВАСХНИЛ в деревню, поближе к полям, к коровам и овцам, наивно полагая, что он этим поможет активизации процесса научного творчества (впрочем, отзвук такого мышления чувствуется в наши дни, в частности, в упрямом желании осуществить в средней школе раннюю узкую специализацию, при этом остается без внимания то обстоятельство, что в любом творчестве огромную роль играет ассоциативное мышление, базу для которого дает знание основ главного спектра фундаментальных наук: ведь важны не формулы как таковые, а повышение уровня интеллекта). Ныне же, видимо, есть настоятельное желание сделать и Российскую Академию наук некоей рыночной структурой и поставить условия творчества в прямую зависимость от рыночной реализации его итогов.

Разумеется, элементы этого подхода наших «руководящих кругов» были и ранее, и совсем обойтись без них, вероятно, нереально. Однако опасность все обрушить и, в конечном итоге, загубить (как загублены в 90-е годы важнейшие отрасли производства) очень велика.

Здесь уместно вспомнить один момент из интервью недавно ушедшего из жизни великого физика XX столетия академика А.М. Прохорова, данного им в связи с вручением ему Демидовской премии. А.М. Прохоров, в частности, признался, что на первых порах работы по проблемам индуцированного излучения «саму идею новых генераторов считали бредовой, неосуществимой в принципе». «Нам (с Н.Г. Басовым – Л.М.) говорили, что мы хотим утолить любопытство за государственный счет». А что из этого «любопытства» получилось – знает теперь весь мир.

В случае реализации намечающейся жесткой радикализации структуры РАН и, неизбежно, ее институтов счастливейшие случаи «удовлетворения своего любопытства» «собственниками своего мастерства» и аналогичными «потенциальными собственниками» за счет государства, по-видимому, будут невозможны в принципе (ожидать же спонсорских шагов от «младенческого», с точки

зрения исторической, и притом мизерного в рамках грозящей нам глобализации частного капитала, по меньшей мере, наивно).

Платить не за *работу*, а за вполне серьезные потенциальные возможности «собственника своего мастерства» нынешняя власть, вероятно, не хочет. А ведь РАН являлась (и история ее это подтверждает) одной из наиболее удачных организационных структур, обеспечивающих развитие науки в обществе с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта (а таким общество новой России вновь стало за последнее десятилетие), структур, объединивших в сообщество огромное количество ценных для социума уникальных «собственников своего мастерства» и «потенциальных собственников». Это сообщество, если ничего не изменить, явно ожидает судьба, имеющая трагические примеры в историческом прошлом: «усвоение», «порабощение» носителей своего уникального мастерства при рабстве, крепостничестве (а отчасти и при советской власти). Порабощение же гуманитарных наук со стороны частного торгово-ростовщического капитала, за редчайшим исключением, уже стало явлю, ибо, если и платят гонорар за книги, то буквально – гроши. Государство же уходит от этих проблем.

Добавим, что проблема потенциальных «собственников своего мастерства», имеющих источник вознаграждения в виде отчислений из доходов государства, будет со временем обостряться, так как в отдаленном будущем, вероятно, в России, если она уцелеет, наступит эра постиндустриального информационного общества, где ведущую роль будут играть именно они – носители уникальных по своей ценности потребительных стоимостей в области интеллектуального труда.

¹ Маркс К. Экономические рукописи 1857-1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 490–491.

² Милов Л.В. Исторические судьбы некоторых форм собственности (к характеристике труда в духовном производстве) // Вопр. истории. 1989. № 3. С. 134–145.

³ Маркс К. Указ. соч. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 493.

⁴ Там же. С. 507, 490.

⁵ Там же. С. 454, 456–457, 491.

⁶ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. II (VII). М., 1933. С. 133–135.

⁷ Маркс К. Указ. соч. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 457.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. II. С. 21.

⁹ Маркс К. Указ. соч. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. I. С. 457.

¹⁰ Прохоренко И.Д., Курегян С.В. Духовное производство при социализме. Минск, 1987. С. 6, 116.

¹¹ Kautsky K. Franz Mehring // Neue Zeit, XXII, I, S. 100. 1903. N 4. S. 100.

ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ

Проблема изучения особенностей исторического процесса в России отличается многоплановостью. В данном сообщении хотелось бы уделить внимание одному из важнейших, на наш взгляд, моментов, составляющих специфику исторического процесса России, причем не только ее социума, но и истории российской государственности. Речь пойдет о роли природно-климатического фактора. Причем не в плане общей постановки вопроса (об этом писал в XIX в. еще С.М. Соловьев), а с целью выявления механизма его влияния на развитие общества.

При констатации господства на территории Восточной Европы преимущественно умеренного континентального климата следует подчеркнуть, что на итоги земледельческой деятельности населения исторического ядра России в течение многих столетий губительнейшим образом влияли весенние и осенние заморозки (чего нет, в частности, в Скандинавии). В дополнение к этому следует отметить и переменчивый характер летней погоды (то жара и засуха, то холодно-дождливое ненастье). В том и другом случае это влекло за собой неурожаи. В более южных районах постоянной угрозой была и существует доныне жестокая засуха (за исключением, быть может, западной части Предкавказья).

Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. Так называемый «беспашенный» период длится в средней полосе России семь месяцев. Еще в XVI в. эту печальную истину подтвердил секретарь английского посольства Джордж Турбервилль, побывавший в Москве в 1568–1569 гг.: «Семь месяцев в году здесь холод так велик, что только в мае свой надел идет пахать мужик» (перевод В.С. Давиденковой-Голубевой. – Л.М.). Это период, когда в поле нельзя вести никакие работы. В южных районах эта пора немного короче (6 месяцев).

Данное обстоятельство означает, что столетиями русский крестьянин для выполнения земледельческих работ (с учетом запрета на работы по воскресеньям) имел примерно 130 суток. Из них около 30 суток тратилось на сенокос. В итоге одנותягловый хозяин, имеющий семью из 4 человек, располагал для всех видов работ на пашне (исключая обмолот снопов) временем всего лишь около 100 суток.

Следовательно, в расчете на десятину (около одного га) обычного крестьянского надела пашни на все виды обработки

пашни (включая боронование) одנותягловый пахарь имел примерно лишь 22–23 рабочих дня (а если он выполнял полевую барщину, то – почти вдвое меньше).

Для более четкого уяснения данной ситуации заметим, что в таких странах Запада, как Англия и Франция, «беспашенный» период составлял всего лишь 2 месяца (декабрь–январь). Известный русский агроном И.И. Комов еще в XVIII столетии подчеркивал: «У нас... лето короткое бывает и вся работа в поле летом отправляется... В южных странах Европы, например, в Англии (!) под ярь и зимою пахать могут, а озимь осенью, в октябре, в ноябре сеять ... Поэтому у нас еще больше, нежели в других местах, работою спешить должно»¹. За этими скупыми, весьма сдержанными оценками скрывается колоссальное различие с Западом. Возможность интенсификации земледелия и сам размер обрабатываемой пашни на Западе были неизмеримо больше, чем в России. Это и 4–6-кратная пахота, и многократное боронование, и длительные «перепарки», что вело к чистоте всходов от сорняков, к достижению почти идеальной рыхлости почвы и т.д. Больше того, на Западе крестьянин в силу этих обстоятельств мог вести размеренный образ жизни, успевая помимо полевых работ производить множество других трудовых, бытовых операций и т.п.

На западе Европы данное обстоятельство обусловило еще на заре цивилизации интенсивный процесс трансформации общины как формы производственного сотрудничества коллектива индивидов в общину – всего лишь как социальную организацию мелких земельных собственников-земледельцев. Раннее упрочение индивидуального крестьянского хозяйства стимулировало появление частной собственности на землю, появление возможности концентрации земельной собственности, формирования слоя крупных феодальных землевладельцев.

Конечным итогом подобной эволюции было становление своеобразного типа государственности, которому практически не были свойственны хозяйственно-экономические функции по созданию и поддержанию всеобщих условий производства или они были сведены к минимуму. При подобном варианте эволюции центр тяжести развития всегда был «внизу»: в крестьянском хозяйстве, в хозяйстве горожанина-ремесленника и купца. Феодальной сеньории и городской коммуне была присуща максимальная активность их административной, социальной и социокультурной функций.

Отсюда проистекало удивительное богатство и разнообразие форм индивидуальной деятельности, бурное развитие культуры, искусства, раннее развитие науки и т.п. Нет необходимости упо-

минать о фундаментальном основании этих процессов: быстром и широком развитии ремесла и торговли, раннем формировании капитализма и т.д.

В России же складывался кардинально иной уклад жизни; больше того – иной тип государственности.

Поскольку рабочий сезон в земледелии был вдвое короче, чем в основных странах Западной Европы, то о возможностях Запада не могли мечтать даже крупные землевладельцы. В середине XVIII в. только монастырское хозяйство могло достигать затрат труда на обработку земли, равных 39–41 человеко-дням в расчете на десятину в 2 полях (яровом и озимом). При этом общие затраты труда составляли примерно 70 человеко-дней². Достигалось это путем концентрации на сравнительно небольших по тому времени монастырских пашнях большого количества рабочих рук, что было не по силам большинству дворянских поместий. Благодаря этому монастыри по затратам труда в какой-то мере не уступали Западу. Знакомство с данными по семи северным регионам Франции примерно того же времени показывает, что, в частности, в Парижском регионе на крупных «фермах» затраты труда в человеко-днях на десятину поля под пшеницу составляли также около 70 человеко-дней. Из них на обработку земли шло так же, как и в русских монастырях, примерно 40 человеко-дней³. Разница состояла лишь в том, что во Франции работать с землей можно было в два раза дольше, чем в России, а это означало и разный уровень агрикультуры, и разную интенсивность труда.

Что же касается обычного крестьянского хозяйства, то в российских условиях Нечерноземья наш земледелец, как уже говорилось, мог затратить на обработку земли в расчете на десятину всего 22–23 дня (а для барщинного крестьянина времени было вдвое меньше). В таких условиях, если крестьянин стремился получить урожай на уровне господского, то он должен был вложить в эти 22–23 дня массу труда, равную 40 человеко-дням. Добиться этого было невозможно даже путем чрезвычайного напряжения всех сил семьи, включая стариков и детей, сокращения сна и т.п.

Ведь чтобы вспахать сохой десятину, нужно потратить на отнюдь не «тяжелой» почве в среднем четыре дня. Это всего лишь легкая вспашка с заглублением на вершок (4,5 см) при желательной глубине в 15–20 см. Если «удвоить», т.е. вспахать дважды эту пашню, нужно пройти с лошадью и сохой по полю примерно 100 км. Если же «троить» пашню, то потребуется проделать путь примерно в 160 км. То есть это был огромный и тяжкий труд в условиях постоянного дефицита времени. А в период уборки темпы работ также должны были быть предельно высоки.

Конечно, редко кому удавалось сохранить в течение многих лет подряд такое напряжение труда, поэтому для большинства реальным был путь поддержания относительно качественной обработки полей за счет уменьшения количества возделываемой пашни. По обобщенным данным статистического описания России второй половины XVIII в. – так называемых «Экономических примечаний к Генеральному межеванию», обеспеченность пашней в историческом центре России в пересчете на мужскую (ревизскую) душу достигала всего лишь 3,0–3,5 дес. в трех полях, а на тягло, т.е. на две души м.п., – около 7 дес. Когда же мы обращаемся к сведениям из губернаторских отчетов о размерах посевов, то выясняется, что посевы составляли в среднем на мужскую душу около 1,25 дес. в яровом и озимом поле, т.е. на крестьянскую семью в четыре человека весь посев в озимом и яровом полях был около 2,5 дес.⁴ Таким образом, весьма суровые объективные обстоятельства, и прежде всего чрезвычайно сжатый во времени рабочий сезон, давали возможность обработать с соблюдением минимальных норм агрикультуры лишь очень небольшой надел земли. В последующее столетие увеличение этого надела не привело к принципиальному изменению ситуации, а чаще всего существенное увеличение его в более южных районах, на черноземах, сопровождалось резким падением качества обработки почв.

Ввиду вышеизложенного не покажется удивительным, что в течение многих веков и урожаи в России были очень низкими. По более ранним временам сведения о них очень скудны и фрагментарны. Однако встречаются факты весьма впечатляющие. Так, в Пространной редакции Русской Правды, – юридическом памятнике, относящемся к началу XII в., в списках, имеющих дополнения, относящиеся, по некоторым оценкам, к XIII–XIV вв., есть «юридические» статьи, которые представляют собой своего рода арифметические упражнения по поводу того, как вырастет некое хозяйство в течение 12 лет, если ничего из получаемого не тратить, а только копить. В литературе эти расчеты известны и сколько-нибудь серьезного интереса они не вызывают (в них много грубых ошибок, а логику подсчета нарастающей численности приплода, например, скота уловить довольно трудно). Однако в числе этих статей встречаются важные свидетельства типичной урожайности основных культур (ржи, овса, полбы, ячменя). Средняя за 12 лет исходная для расчета цифра урожайности этих культур ошеломляюще низка: всего сам-1,5. К сожалению, мы не знаем плотность высева в XII–XIV вв., но в реалиях XVIII–XIX вв. такая урожайность, при средней плотности высева в 12 пудов на десятину (192 кг), составит по ржи 288 кг валового сбора, а чистый сбор составит всего 96 кг с десятины.

В России на протяжении веков в сельской местности на пропитание взрослого едока в год требовалось 24 пуда зерновых. Значит, «сам-1,5» с десятины, если весь посев на тягло (четыре человека обоего пола) занимает 2,5 дес., чистый сбор составит всего около 18 пудов, чего даже на одного едока не хватит. По-видимому, в реальности XII–XIV вв. посев должен бы быть сильно увеличен, а обработка поля упрощена до максимума.

Буквально единичные данные по новгородским «волосткам» можно получить, анализируя сведения новгородских писцовых книг конца XV – начала XVI в. По зерновым культурам они колеблются в пределах сам-1,5, сам-2,2, сам-2,7⁵.

Чуть более утешительные, хотя и отрывочные сведения есть по концу XVI в. (1592–1604 гг.). Это данные по селам Иосифо-Волоколамского монастыря во Владимирском, Суздальском, Тверском, Старицком, Волоцком и Дмитровском у. за отдельные годы. Урожайность ржи держалась в пределах от сам-2,4 до сам-3,3, овса – от сам 1,8 до сам-2,56, пшеницы – от сам-1,6 до сам-2,0 и т.д. Если допустить среднюю плотность посева в 12 пудов на десятину, то урожай сам-2,4 будет означать чистый сбор около 29 пудов или 4,6 ц и т.д.

В конце XVII в. на основной территории преобладали очень низкие урожаи и лишь иногда – высокие. В Ярославском у. рожь давала от сам-1,0 до сам-2,2, овес – от сам-1,0 до сам-2,7 и т.д. В Костромском уезде урожайность ржи колебалась от сам-1,0 до сам-2,5. В северо-западных уездах урожайность ржи была выше (от сам-2,4 до сам-5,3). В районах Кирилло-Белозерского монастыря, там, где плодородные почвы были существенно выше, в 70–80-х годах XVII в. урожаи иногда были очень высоки: рожь – сам-10,0, овес – сам-5,0 и т.д.⁶

К сожалению, все это только отрывочные данные, так сказать, «точечного» характера.

Более надежная статистика урожайности есть по отдельным годам конца XVIII в.; это сводные погубернские показатели, т.е. репрезентативность их вполне корректна.

В Московской губ. в 1788, 1789, 1793 гг. средняя общая урожайность была сам-2,4. В Костромской губ. в 1788, 1796 гг. – сам-2,2, в Тверской губ. в 1788–1792 гг. – средняя по ржи – сам-2,1, в Новгородской губ. – сам-2,8. По Калужской губ. средняя по ржи за девять лет в интервале 1782–1796 гг. сам-3,3. По Рязанской губ. средняя общей урожайности за четыре года в интервале 1786–1790 гг. сам-2,5. По Тульской губ. средняя по ржи за 1781–1789 гг. была сам-2,5, а в 90-е годы – до сам-4,9. В Тамбовской губ. в интервале 1782–1796 гг. сам-2,8. По Орловской губ. за семь лет в интервале 1782–1796 г. урожайность ржи была сам-3,7.

По Курской губ. средняя урожайность за восемь лет в интервале 1782–1797 гг. сам-4,2. Наконец, по Воронежской губ. средняя урожайность ржи за 1785–1792 гг. составляла сам-4,37.

Сопоставление ориентировочных данных по размеру посева на тягло, урожайность в «самах» и величине чистого сбора на душу населения за эти же годы позволяет, хотя и в первом приближении, увидеть эффективность мер по увеличению посева в условиях действия природно-климатического фактора⁸. Так, в Нижегородской губ. в 1795 г. при высеве в расчете на тягло 5,6 чтв. (около 7 ц) и в условиях сильного неурожая (сам-2,5, т.е. всего 17,9 ц с 2,5 дес. пашни) чистый сбор был очень мал: 2 чтв. на душу населения или 16,4 пуда (норма питания –2,4 пуда). В следующем 1796 г. при том же высеве урожай был обычным (сам-3,3) и чистый сбор оказался благополучным – в 3,2 чтв. (25,6 пуда). В Рязанской губ. в 1781 г. при посеве в 5,7 чтв. на тягло (7,3 ц) и приличном урожае в сам-3,7 (27 ц) чистый сбор составил 3,8 чтв. на душу населения (30,4 пуда). В 1782 г. при том же посеве (5,4 чтв.) и более высоком урожае (сам-4,3) чистый сбор был заметно больше (36 пудов). А в конце 90-х годов были сильные неурожаи, но размеры посевов резко увеличились. В 1794 г. посев в среднем по губернии вырос до 9 чтв. на тягло (11 ц), но урожаем составил всего сам-2,8 (30,8 ц). В итоге чистый сбор, несмотря на огромные усилия по увеличению посева, оказался всего сам-4 (32 пуда). То же самое произошло в 1796 г. Посев был 10 чтв. на тягло (около 13 ц), урожай всего сам-2,7 (около 35 ц) и чистый сбор 4,1 чтв. (около 33 пудов). Можно предположить, что рост посевной площади шел за счет резкого ухудшения качества обработки почв. Та же ситуация просматривается и по Тамбовской губ. В 1781 г. при яровом малом посеве 4,6 чтв. на тягло (около 6 ц) и «средственном» урожае в сам-3 (около 18 ц) чистый сбор был очень скуден (около 18 пудов на душу населения). В 1794 г. посев был резко увеличен (7 чтв. на тягло или ок. 9 ц), но год оказался неурожайным (сам-2,5 или на тягло 22,5 ц). Больше того, чистый сбор оказался очень низким (18,4 пуда на тягло, т.е. на 4 человека). Вывод мог бы быть один: резкое расширение посевов приводило к крайне примитивной обработке пашни, что усугубляло неурожаи. В 1795 г. история повторилась в ухудшенном варианте: посев 6,6 чтв. (ок. 8,5 ц), урожай сам-2,0 (17 ц), а чистый сбор – катастрофичен (около 13 пудов).

Думается, что динамика изменения взаимосвязи приведенных здесь показателей довольно четко свидетельствует о трагическом тупике российского земледелия. В первой половине XIX в. мало что изменилось. Расчетная потребность страны в продовольственном зерне по официальной статистике достигала

138 млн чтив. (15 456 тыс т.), но реальный сбор зерновых в среднем за 10 лет составлял всего лишь 141 млн чтив. (15 792 тыс. т.). Казалось бы, налицо четкое соответствие сборов и продовольственной потребности. Однако заложенная в этих расчетах норма потребления зерна и круп явно занижена (около 17,4 пуда на едока или 278,4 кг.)⁹. Ведь в Древнем Риме, по свидетельству Катона Старшего (II в. до н.э.), рабу при тяжелых физических работах давали в день 1,6 кг хлеба. Даже если взять припек в 50%, то в зерне эта норма будет равна около 1 кг. В нашем случае суточная норма зерна 762 г, а суммарная калорийность хлеба и круп чуть более 2 тыс. ккал. Кроме того, в приведенном расчете не учтен прикорм скота, не учтены необходимые расходы на продажу зерна с целью покрытия потребностей в одежде, хозяйственных нужд, уплаты налогов и податей. Не учтены расходы на винокурение, экспорт зерна и т.д.

Во второй половине XIX в., после реформы 1861 г., душевой сбор по Нечерноземью существенно вырос (с 17 пудов до 20,4 пуда). Однако этот рост был реализован главным образом за счет роста посадок картофеля. Зерновой сбор вырос лишь до 18 пудов на душу населения. В целом же для всего населения России чистый сбор на душу населения вырос к концу XIX в. до 21,5 пуда (с учетом сборов картофеля)¹⁰.

Аграрное развитие России в первые полтора десятилетия в силу серии необычайно высоких (и не только в России) урожаев существенно улучшили положение в Европейской России. Однако в рамках Империи в целом валовой сбор в период 1911–1915 гг. составлял ежегодно 4725 млн пудов, а чистый сбор – 4537 млн пудов. С учетом картофеля эта цифра возрастет до 5105 млн пудов. Используя расчетные данные численности населения Империи на 1914 г. (а это около 179 млн душ об. пола), можно рассчитать величину чистого сбора на душу населения. Она равна 27,1 пуда. Если при этом удалить долю ежегодного экспорта (а за 1909–1915 гг. он составлял в среднем за год около 728 млн пудов), то в конечном счете чистый сбор зерновых с учетом картофеля на душу населения составит 23,1 пуда, а без картофеля – 28,1 пуда¹¹.

В 80-х годах XVIII в. князь М.М. Щербатов впервые в России составил хлебный баланс страны и вывел примерную величину чистого сбора на душу населения в 28 пудов. Фиксируя излишек в 4 пуда сверх нормы питания в 24 пуда на человека в год (а ведь это те же экспортные пуды в 1911–1915 гг.), князь заметил: «В случае хотя бы незначительного недорода должен наступить голод»¹². События конца XIX – первой трети XX в. неоднократно подтверждали это наблюдения М.М. Щербатова.

Таков парадоксальный итог многовекового и многострадального труда великорусского и в целом российского крестьянства.

В этой связи может возникнуть закономерный вопрос: почему же долгие столетия крестьянство не выработало более или менее эффективные методы интенсификации земледелия? Неужели элементарным удабриванием пашни нельзя было добиться хороших урожаев хотя бы в благоприятные по погоде годы?

Отвечая на подобные вопросы, сразу же ответим, что русский пахарь накопил огромный опыт выживания, однако все это кардинально не меняло ситуации. Коснемся вкратце особенностей развития скотоводства в историческом ядре России, в ее Черноземье. Начнем с того, что для нормального ежегодного удобрения парового клина по нормам XIX в. необходимо было иметь 6 голов крупного скота на десятину пара¹³. Поскольку стойловое содержание скота на основной территории России имело необычайно большой срок в 198–212 суток, то, по свидетельствам современников (XVIII – XIX вв.), необходимо было иметь запас сена на лошадь – 160 пудов, на корову – около 108 пудов, для овцы – около 54 пудов¹⁴. При пашенном наделе в 3–3,5 дес. на муж. душу одנותягловый крестьянин обладал наделом около 6–7 дес. пашни, а ежегодный пар в этом случае составлял бы 2–2,3 дес. Тогда, имея 12 голов крупного скота, точнее в пересчете на крупный скот, крестьянин мог бы вносить на каждую десятину пашни один раз в 3 года по 24 тонны навоза. Именно это сулило высокие при благоприятной погоде урожаи.

Однако заготовить за 20–30 суток сенокоса 1244 пуда сена для одנותяглого крестьянина – пустая фантазия. Выше уже указывалось, что, имея семью в 4 человека, земледelec мог более или менее использовать пашню величиною примерно в 3,75 дес. в трех полях, а пар в этом случае был равен 1,25 дес., а норма скота 7,5 голов. За 30 суток косец с помощниками мог заготовить примерно 300 пудов сена. Этого едва хватало на одну лошадь, одну корову и одну овцу, что, конечно, не обеспечивало пар «наземом», ибо на десятину пара приходилось 1,8 головы крупного скота. Больше того, такое поголовье означало гибель хозяйства. «Средственный» крестьянин должен был иметь минимум две лошади, две коровы и три-четыре овцы (не считая свиней). Как же при 300 пудах сена кормить такой скот?

Факты свидетельствуют, что фактически крестьянская лошадь в сезон стойлового содержания получала около 75 пудов сена, корова, наравне с овцой, – 38 пудов. Таким образом, вместо 13 кг в сутки лошади давали 6 кг, корове вместо 8 или 9 кг – 3 кг и столько же овце. А чтобы скот не сдох, его кормили в основном соломой. От такой кормежки удобрений было, мягко говоря,

маловато. Да и скот часто болел и издыхал. В итоге в лучших, в частности, в монастырских хозяйствах, земля удобрялась раз в шесть лет. В крестьянских хозяйствах – раз в девять лет («Добрая земля назов раз путем примет – до 9 лет помнит» – гласит пословица). В XIX в. в Тульской губ. пашня удобрялась раз в 15 лет. В Орловском у. Вятской губ. пар унаваживали раз в 12 лет, а всю землю в итоге в три раза реже и т.д. Вплоть до начала XIX в. воспроизводству скота в Нечерноземье помогали южнорусские регионы, дававшие притом и мясное поголовье на рынки центра страны. Распашка плодородных степей ликвидировала этот ресурс. Даже в начале XX в. А.В. Чаянов, характеризуя современную ему деревню, писал: «В большинстве русских губерний мы встречаемся с... наличием кормового голода, когда абсолютно необходимое количество скота, требуемое иногда только для тяги и навозного удобрения, не может быть обеспечено кормовыми ресурсами»¹⁵.

Общий итог данного обзора можно сформулировать так: земледельческая Россия практически на всем протяжении своей истории была социумом с минимальным совокупным прибавочным продуктом.

Если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, то она никогда бы не состоялась как великая держава.

В этой связи целесообразно вычленить важнейшие особенности российского социума и хотя бы некоторые специфичные моменты развития государственности.

Начнем с того, что в суровых природно-климатических условиях Восточно-Европейской равнины индивидуальное парцелльное хозяйство так и не смогло порвать с общиной. Наоборот, его крайняя слабость была компенсирована громадной ролью крестьянской общины на протяжении почти всей тысячелетней истории русской государственности. Многие столетия великорусский пахарь мог сводить концы с концами только прибегая время от времени к восполнению быстро нарастающей «выпаханности» полевых земель путем разного рода лесных росчистей, сжигая на них срубленный лес и получая эпизодически высокие урожаи. Нужда в постоянном сведении лесов и в целом ряде других хозяйственных функций укрепляла потенции традиционной общинной организации, делали ее и необходимой и неистребимой. В свою очередь, неизбежность существования общины влияла, отчасти непосредственно, а отчасти и опосредованно, на характер русского этноса и российской государственности.

Касаясь наиболее раннего периода истории России, важно подчеркнуть, что сложившийся в ранней фазе древнерусской го-

сударственности механизм изъятия и концентрации княжеской властью совокупного прибавочного продукта возник не в силу необходимости баланса и сдерживания противоречий общества, расколотого на бедных и богатых. Наоборот, ведущими силами этого процесса были потребности политической самоорганизации множества общинных микромиров. В таком обществе еще не было социально и политически значимой верхушки крупных землевладельцев. «Великое переселение народов» приводило к ослаблению, а иногда даже к исчезновению местной знати, и к резкому усилению военных вождей и дружины. Военно-дружинные элементы социумов, осваивающих или ищущих новые жизненные пространства, исторически были призваны форсировать устройство неких структур, необходимых для обеспечения жизни и быта этой военно-политической верхушки.

В новейшей литературе появилась логически целостная и довольно аргументированная концепция существования на раннем этапе развития государственности так называемых «служебных организаций» (Польша, Чехия, Венгрия). Речь идет о создании властной элитой целой сети поселений, в каждом из которых жители из поколения в поколение специализировались на каком-либо определенном виде ремесла. Поселенцы такого рода имели особый статус, хотя вовлекались в эту сферу либо по принуждению, либо добровольно.

«Служебные организации» подобного типа как бы обгоняли эволюционное развитие и компенсировали отсутствие в том или ином социуме необходимого уровня развития производительных сил, обладание которым не делало бы проблематичным удовлетворение нужд господствующего класса. Есть вполне очевидные свидетельства существования подобной структуры и в Древней Руси. Это, в частности, люди, содержащие станы для объезда князем своей территории и заготавливающие «корм» и конские запасы, это довольно большая сеть поселений бортников, бобровников, сокольников, рыболовов и многих других. Есть основание полагать, что подобные структуры функционировали у нас долгие столетия и сохранялись вплоть до XVII в., получив в этом столетии новый мощный импульс развития.

Своеобразным вариантом развития структур подобного типа было и функционирование государственной власти как «власти-собственности», уходящей корнями в порядки и способы обеспечения материально-бытовой и военной силой дружинной среды. Особую, хотя и неоднозначную роль этот институт играл в статусном обеспечении наследников-княжичей, получавших «власть-собственность» в виде «удела»—«государства». Получив его, наследник становился главой «государства» с правом сбора и

пользования, делясь при этом с дружиной рентой-налогом и всеми имущественными прерогативами, ибо иных путей восполнения материальной базы наследников великого князя еще не было.

Следствием этих особенностей был и слишком рано начавшийся процесс так называемой феодальной раздробленности. В качестве некоей «тяги к единению» и невозможности создания полноценных суверенных княжеств можно расценить и сохранение особого статуса великого княжения Киевского, общего для всех законодательства и складывания своеобразной иерархии княжеских столов в рамках единой династии Рюриковичей. Действительная раздробленность наступила значительно позднее. Как известно, эта раздробленность сыграла зловещую роль, приведя древнерусский этнос в зависимость от Золотой Орды. Для социума с минимальным совокупным прибавочным продуктом ордынское иго было тягчайшим бременем не только в социально-экономическом плане. Оно явилось, в частности, тормозом в процессе развития государственности. К моменту падения ига, к 1480 г. управление государственной территорией все еще совершалось, как и в раннефеодальную эпоху с помощью традиционного архаичного механизма личных временных поручений (в частности, система наместников и др.). И только в середине XVI столетия, в конце концов, оформляются постоянные центральные органы управления.

Формирование единого Московского государства шло в рамках резкого усиления государственной власти. Объективное содержание этого процесса состоит в реакции социума на реальную опасность разделить судьбы отсталых примитивных земледельческих обществ и быть раздавленными любой внешней силой. Выстраданный опыт золотоордынского ига стимулировал энергию социума к выживанию путем «оптимизации» объема совокупного прибавочного продукта, выразившимся в формировании мощных рычагов государственной машины, способных преодолеть локальное сопротивление общинных микромиров на пути резкого увеличения роли насилия в изъятии налогов и ренты.

Задолго до установления режима крепостного права великие и удельные князья активно использовали для государственных и даже домениальных нужд особый вид трудовой повинности населения – «посошной» службы. Периодически великие князья «велели сохами своими», т.е. по поземельной разнарядке, производить в государстве самые разнообразные работы в объемах, существенным образом превышающих обычный объем государственных повинностей. Посредством организации «посохи» осуществлялись любые работы, причем не только с помощью на-

сильственной мобилизации «посадских» (городских) и «черных» (волостных) людей, но часто, используя рабочие руки и из селения бояр, детей боярских, владельцев поместий, а также из селений церковных иерархов и монастырей. Из числа посадских людей и волостных крестьян выбирали целовальников «к нашему (княжескому) делу», «к денежным сборам». Эта система получила дальнейшее развитие в XVI–XVIII вв. в виде взятия на государственную службу в финансовые органы и для торговли «казенными» товарами людей купеческого звания («гостей», членов «гостиной и суконной» сотни, гильдейского купечества и т.п.).

Становление светского землевладения в Северо-Восточной Руси неизбежно привело, в конечном итоге, к необходимости увеличения ренты продуктами и особенно отработочной ренты. Тем самым была незримо вызвана к жизни тенденция к ликвидации общины как средства защиты и локального сопротивления крестьянства. Этот стихийный нажим на общину шел одновременно разными путями, часть из которых оказалась исторически бесперспективной.

В конечном итоге реальным оказался путь нейтрализации влияния общины путем ограничения в рамках всей страны права переходов крестьян из селения в селение с последующим навечным прикреплением крестьян к земле (а тем самым и к владельцам земли). Решающую роль в этом сыграло государственное законодательство и создание наиболее грубых и жестоких механизмов изъятия налогов и ренты. Период XV–XVII вв. был временем непростого становления крепостничества как наиболее реальной в условиях Восточной Европы формы функционирования феодальной собственности на землю, порожденного не только ситуативными моментами (хозяйственное разорение, борьба за рабочие руки и т.п.), но и фундаментальным фактором природно-климатических условий. Иного способа заставить крестьянина при крайне сжатом в России рабочем периоде увеличить земледельческое производство до уровня, необходимого для более или менее оптимального развития социума, не было. В свою очередь, режим крепостничества в России стал возможным лишь при развитии наиболее деспотичной формы государственной власти – российского самодержавия, имеющего, как было означено выше, глубокие исторические корни.

Исключительно экстенсивный характер земледелия страны и невозможность при тогдашнем уровне цивилизации развивать интенсивный тип земледельческого производства вели не только к постоянному поглощению людских ресурсов сферой земледелия, но с неизбежным постоянством выдвигали проблему освоения все новых и новых территорий для увеличения валово-

го продукта земледелия. Острая нужда общества в хлебе стимулировала этот процесс. К тому же основная территория России в этот период, видимо, не выдерживала чрезмерного увеличения плотности населения. Пути миграции русских, а отчасти и украинцев, были исторически определены: это Юг, Юго-Восток и Восток Евразийского континента, куда волны переселенцев двигались из века в век, плавно обходя, а иногда и вторгаясь на территории иных этносов. Миграционные процессы шли бок о бок с усилением самодержавного государства, сумевшего держать под защитой огромные просторы страны. Длительное существование и выживание многих народов в рамках единой российской государственности в немалой степени связано с тем, что практически все они принадлежали к единому типу социумов с минимальным объемом совокупного прибавочного продукта.

Характерной особенностью российской государственности помимо жестокого политического режима власти является необычайно сильное развитие ее хозяйственно-экономической функции. Ведь помимо функции изъятия прибавочного продукта и усиления эксплуатации земледельца «государственная машина» была вынуждена форсировать процесс общественного разделения труда и прежде всего процесс отделения промышленности от земледелия.

Отсюда необычайная активность Русского государства в области создания так называемых всеобщих условий производства. Это и строительство огромных оборонительных сооружений в виде засечных полос, рвов, валов, пограничных городков-крепостей, а несколько позднее, строительство и организация крупных металлургических производств, водных каналов, сухопутных трактов, возведение фабрик и заводов, верфей, портовых сооружений и т.д. Без принудительного труда сотен тысяч государственных и помещичьих крестьян, без постоянных своего рода «депортаций» в те или иные районы страны целых бригад и групп мастеров-металлургов, оружейников, мастеров каменного дела, плотников, купцов и т.п., наконец, без особого, обширного государственного сектора экономики совершить все это было бы просто невозможно. При этом следует подчеркнуть, что в условиях России, и в частности, с учетом ее огромной, исторически сложившейся территории, функционирование многих отраслей экономики без важнейшей роли государственного сектора, элиминировавшего безжалостные механизмы стоимостных отношений, было бы невозможно на всем протяжении российской истории.

Историческая реализация всех этих функций в земледельческой стране с ничтожной долей городского населения (а в 20-х го-

дах XVIII в. число городов с населением более 4 тыс. человек не превышало трех десятков) феноменальна сама по себе, ибо минимальный объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования так называемой надстройки над элементами базисного характера. Господствующий класс и неподатное сословие в целом на протяжении всего XVIII столетия составлял не более 6–7% от населения страны (к 1861 г. – около 12%). Основная часть этой группы являлась своего рода несущей конструкцией всей структуры самоорганизации общества, которая неизбежно носила упрощенный характер. И неслучайно, что в силу этой упрощенности из публичных функций социума, реализуемых государством в начале XVIII в. и в более ранние эпохи, резко всего помимо организационно-экономической проявляли себя военная, карательная и религиозная функции. При этом во многом государственные рычаги управления уходили в толщу многочисленных структур общинного самоуправления города и деревни.

Вместе с тем управленческая функция общины еще более усиливала саму общину как фактор господства общинных традиций в землепользовании, что, в конечном счете, необычайно сильно тормозило развитие частнособственнических тенденций в феодальном землевладении. Другим не менее сильным тормозом были все те же крайне неблагоприятные природно-климатические условия, одним из опосредованных конечных следствий которых явилось господство в земледелии полурабского труда: количество крепостных душ, «крещеной собственности», было главным мерилем богатства феодалов, а не земля. В итоге сложный и длительный процесс становления и укрепления феодальной собственности так и не довел статус земельного владения дворянина до уровня полноправной частной собственности.

Вместе с тем важная роль государства в промышленном развитии страны способствовала гигантскому скачку в развитии производительных сил, хотя заимствование в XVII–XVIII вв. «западных технологий» архаическим социумом дало вместе с тем и чудовищный социальный эффект в лице появления массы рабочих, навсегда прикрепленных к фабрикам и заводам (так называемые «вечно отданные»), что способствовало сползанию общества к рабству.

В то же время идущее как бы параллельно, чисто эволюционное, стихийное развитие процесса отделения промышленности от земледелия в российских природно-климатических условиях давало в течение столетий лишь слабые ростки так называемых неадекватных форм капитала с присущим им сезонным характером производства, относительно высоким уровнем оплаты труда, со-

считающимся с господством поденной и краткосрочной форм найма и ничтожной возможностью капиталистического накопления. В I период XVII — начала XVIII в. и много позже роль неадекватных форм капитала была весьма существенна. В силу этих обстоятельств уровень промышленной прибыли на протяжении длительного исторического периода уступал по своим размерам торговой прибыли. А удачливые предприниматели-промышленники были, как правило, прежде всего купцами.

И только резкая активизация оптовой торговли, ставшей реальностью благодаря строительству системы каналов, а также ликвидация при Екатерине II монополии города на ремесленное и промышленное производство, кардинально расширили участие крестьян в промышленности и удешевили за счет крестьянского отхода на заработки рынок наемного труда. Именно это, скорее всего, привело к развитию в XVIII–XIX вв. уже вполне адекватных форм капитала в виде мануфактурного производства.

Когда же во второй половине XIX в. капитализм в России стал быстро (по сравнению с прошлым) развиваться при активнейшем содействии государства, мелкое производство так и не получило широких масштабов развития. В стране в силу высокой стоимости всей инфраструктуры народного хозяйства весьма стремительно стало развиваться прежде всего крупное капиталистическое производство, на начало XX в. составлявшее более 700% всех предприятий. Больше того, оно через какие-то два-три десятилетия уже было охвачено процессами монополизации. Думается, что природно-географический фактор, и, в первую очередь, необъятное пространство России, сыграли в данной ситуации далеко не последнюю роль.

Вместе с тем и в новейший период своей истории, в период механизации и химизации сельского хозяйства, внедрения достижений генной инженерии Россия в области аграрного производства (при том, что существенно повысили свою роль аграрные технологии) остается в крайне невыгодной ситуации именно из-за краткости рабочего периода на полях. В силу той же причины российский крестьянин лишен и свободы маневра, компенсировать которую может только мощная концентрация техники и рабочей силы, что, однако, с необходимостью будет приводить к удорожанию продукции. В благополучной, но едва ли реальной ситуации производительность на полях России должна была бы весьма и весьма превышать производительность на полях западных стран.

В заключение следует подчеркнуть, что в силу различия природно-климатических условий на протяжении тысяч лет одно и то же для Запада и Востока Европы количество труда всегда удо-

влетворяло не одно и то же количество «естественных потребностей» индивида. В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность этих самых необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе, а условия для их удовлетворения были гораздо сложнее и хуже. Стало быть, меньшим оказывался и тот избыток труда, который мог идти на потребности «других» индивидов, по сравнению с массой труда, идущего на потребность «самого себя». Следовательно, объем совокупного прибавочного продукта в Восточной Европе был всегда значительно меньше, а условия для его создания существенно труднее, чем в основных западноевропейских странах. В значимой мере эта ситуация актуальна и ныне. Это объективная закономерность, которую человечество пока отменить не в состоянии.

- ¹ *Комов И.* О земледелии. М., 1788. С. 1–2.
- ² *Милов Л.В.* О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (по материалам монастырской барщины) // Исторические записки. М., 1970. Т. 85.
- ³ *Grantham George.* The Growth of Labor Production of Wheat in the «Cing Grosses Fermes» of France. 1750–1929 // *Bruce M.S. Campbell and Mark Orierton.* Land, Labor and Livestock. Manchester: Manchester U. Press, 1991.
- ⁴ *Рубинштейн Н.Л.* Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. (историко-экономический очерк). М., 1957. С. 202.
- ⁵ *Горская Н.А., Милов Л.В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 75–76.
- ⁶ *Милов Л.В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вopr. истории. 1992. № 4–5. С. 38–39.
- ⁷ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 1998. С. 395–397.
- ⁸ Там же. С. 395–396 (подсчет наш. – Л.М.).
- ⁹ Там же. С. 410.
- ¹⁰ *Нифонтов А.С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М. 1974. С. 143.
- ¹¹ Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917. С. 66–83, 330–331 (подсчет наш. – Л.М.).
- ¹² *Щербатов М.М.* Неизданные сочинения. ОГИЗ, 1935. С. 5–7.
- ¹³ *Вильсон И.* Примечание к сельскохозяйственному Атласу Европейской России. СПб., 1869. С. 78.
- ¹⁴ *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. С. 388.
- ¹⁵ *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. С. 116–117.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ МИЛОВА ЛЕОНИДА ВАСИЛЬЕВИЧА

1957

О вариантах «Экономических примечаний» второй половины XVIII в. // История СССР. — 1957. — № 2. — С. 96–121.

1959

Рец.: Журнал «Исторический архив» за четыре года // История СССР. — 1959. — № 3. — С. 168–177. (В соавт. с З.В. Крайской, Н.В. Мансветовым, А.Л. Смоктунович).

1960

Публ.: Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV века / Под ред. М.Н. Тихомирова. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 735 с. (В соавт. с М.Н. Тихомировым, А.И. Роговым).

«Сказки» крестьян как исходный материал для «Экономических примечаний» Генерального межевания // Археографический ежегодник за 1959 год. — М., 1960. — С. 164–177.

1961

Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII в. // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. — 1961. — № 1. — С. 95–114.

Об элементах перелого и залежи в земледелии России XVIII в. // IV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы в г. Риге. Тез. докл. и сообщ. — Рига, 1961. — С. 99–101.

Публ.: Закон Судный людем Краткой редакции / Под ред. М.Н. Тихомирова. — М., Изд-во АН СССР, 1961. — 178 с. (В соавт. с М.Н. Тихомировым).

Публ.: Закон Судный людем Пространной и Сводной редакций / Под ред. М.Н. Тихомирова. — М., Изд-во АН СССР, 1961. — 286 с. (В соавт. с М.Н. Тихомировым).

Рец.: Новое исследование о Законе Судном людем (Венелин Ганев. Историко-правни... поучвания. София, 1959) // Славянский архив: Сб. ст. и материалов. — М., 1961. — С. 51–63.

1962

К истории создания «Экономических примечаний» конца XVIII – начала XIX вв. // Проблемы источниковедения. – Т. X. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 104–133.

Материалы Генерального межевания // Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. – Вып. 1. – М., 1962. – С. 424–427.

1963

К истории древнерусского права XIII–XIV вв. // Археографический ежегодник за 1962 год. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 55–59.

О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 год. – Рига, 1963. – С. 279–288.

Из истории древнерусской книжной письменности XIV в. (палеографические наблюдения) // Вест. МГУ. – Сер. 9, История. – 1963. – № 3. – С. 23–33.

К постановке вопроса о расслоении крестьянства в России в XVII в. (По поводу статьи Е.И. Индовой, А.А. Преображенского и Ю.А. Тихонова «О буржуазном расслоении крестьянства России в XVII–XVIII вв.» в журнале «История СССР», 1962, № 3) // История СССР. – 1963. – № 3. – С. 111–126.

Из истории производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. // Тез. докл. и сообщ. VI сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы в г. Вильнюсе. – Вильнюс, 1963. – С. 130–134.

Рец.: Буганов В.И. Разрядные книги последней четверти XV–XVII вв. М., 1962 // Вопросы истории. – 1963. – № 6. – С. 132–133.

1964

Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII – второй половины XVIII в. // Тез. докл. и сообщ. VII сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы в г. Кишиневе. – Кишинев, 1964. – С. 31–35. (В соавт. с Н.А. Горской).

1965

Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (к истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). – М.; Изд-во МГУ, 1965. – 312 с.

«Комиссия об Уложении» 1767 г. // Советская историческая энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1965. – Т. 7. – С. 562–563.

1966

Опыт сопоставления некоторых сторон агротехнического уровня земледелия Центральной России начала XVII – второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1964 год. – Кишинев, 1966. – С. 173–192. (В соавт. с Н.А. Горской).

Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII – первой половине XIX в. // История СССР. – 1966. – № 4. – С. 55–80. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

Межевание // Сов. ист. энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – Т. 9. – С. 285.

Межевая канцелярия // Там же. – С. 286.

1967

К истории текста Закона Судного людем Пространной редакции // Новое о прошлом нашей Родины: Сб. ст. памяти М.Н. Тихомирова. – М., 1967. – С. 65–78.

Еще раз о методике изучения интенсивности эксплуатации оброчного крестьянства (ответ П.Г. Рындзюнскому) // История СССР. – 1967. – № 2. – С. 223–230. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

Наказ Екатерины II // Сов. ист. энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 10. – С. 878.

1968

О так называемых аграрных городах России XVIII в. // Вопр. истории. – 1968. – № 6. – С. 54–64.

1969

К вопросу о нормах высева во второй половине XVIII в. (по материалам Курской губернии) // Материалы по истории земледелия СССР. – Сб. VII. – Из исторического опыта сельского хозяйства СССР. – М., 1969. – С. 70–83.

Переход России от феодализма к капитализму. Колл. доклад // Переход России от феодализма к капитализму: Материалы Всесоюзной дискуссии. – М., 1969. – С. 5–103. (В соавт. с И.Ф. Гиндиным, Л.В. Даниловой, И.Д. Ковальченко, А.П. Новосельцевым, Н.И. Павленко, М.К. Рожковой, П.Г. Рындзюнским).

Выступление на дискуссии «Переход России от феодализма к капитализму» // Там же. – С. 348–352.

О некоторых вопросах первоначального накопления и генезиса капитализма в России // Вопр. истории. – 1969. – № 7. – С. 89–108.

О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII–XX вв.) // История СССР. – 1969. – № 1. – С. 27–57. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

1970

К вопросу об эволюции барщинных отношений в монастырском хозяйстве в середине XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма: Сб. ст. к Междунар. конгр. экон. истории в Ленинграде в 1970 г. – М.: Наука, 1970. – С. 291–300.

К истории создания Географического словаря Аф. Шекатова // Археографический ежегодник за 1968 год. – М., 1970. – С. 166–183.

О производительности труда в земледелии России в середине XVIII в. (По материалам монастырской барщины) // Исторические записки. – Т. 85. – М.: Наука, 1970. – С. 207–267.

1972

Некоторые аспекты методики изучения формирования единого аграрного рынка (XVIII – начало XX вв.) // Симпоз. по актуальным пробл. источниковедения: Материалы к обсуждению. – Таллин, 1972. – С. 1–9. (В соавт. с И.Д. Ковальченко.)

Рец.: Математические методы в исторических исследованиях. Сб. статей. М., 1972 // Вопр. истории. – 1972. – № 10. – С.137–140. (В соавт. с И.М. Промахиной.)

1973

Писцовое делопроизводство (XV–XVII вв.) // Источниковедение истории СССР: Учебник для исторических факультетов / Под ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Высш. шк., 1973. – С. 125–140.

Экономико-географические и статистические описания // Там же. – С. 241–256.

Некоторые аспекты влияния урожайности на динамику хлебных цен (к вопросу о корреляционной модели рынка) // История СССР. – 1973. – № 5. – С. 49–72.

1974

Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX вв. Опыт количественного анализа. – М.: Наука, 1974. – 413 с. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России в XIX в. // История СССР. – 1974. – № 1. – С. 48–63.

Методы изучения формирования единого аграрного рынка в России XVIII – начала XX вв. // Междунар. конгресс экон. истории. Ленинград, 10–14 августа 1970 г. – М., 1974. – С. 1–11. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

Ред.: Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. – М.: Изд-во МГУ, 1974. (Титульный ред.).

1975

Выступление в прениях // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии, Прибалтике: Материалы II советско-финского симпоз. по соц.-экон. истории. – М., 1975. – С. 139–141.

Ред.: Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории: Сб. ст. – М.: Наука, 1975. – 320 с. (Член редколлегии).

1976

О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.

1977

Вопрос о формальном анализе авторских особенностей стиля в произведениях Древней Руси // Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях: Сб. ст. – М.: Наука, 1977. – С. 298–325. (В соавт. с Л.И. Бородкиным, Л.Е. Морозовой).

О некоторых аспектах автоматизации текстологических исследований (Закон Судный людем) // Там же. – С. 235–279. (В соавт. с Л.И. Бородкиным).

Рец.: Источниковедческие исследования по истории Кубани. Краснодар, 1975 // История СССР. – 1977. – № 4. – С. 192–193.

Ред.: Математические методы в историко-экономических и историко-культурных исследованиях: Сб. ст. – М.: Наука, 1977. – 383 с. (Член редколлегии).

1978

О корреляционном анализе массивов писцовых книг XVII в. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). – Кишинев, 1978. – С. 230–243. (В соавт. с М.Б. Булгаковым, И.М. Гарсковой, В.П. Пушковым).

Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского) // История СССР. – 1978. – № 2. – С. 127–142.

Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись // История СССР. – 1978. – № 6. – С. 76–94.

К истории текста Закона Судного людем Краткой редакции // Советское славяноведение. – 1978. – № 6. – С. 97–101.

1979

Проблема репрезентативности в источниковедении // Актуальные пробл. источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавания в вузах: Тез. докл. III Всесоюзной конф. – Новороссийск, 1979. – М., 1979.

Рец.: Дон и степное Предкавказье (XVIII – первая половина XIX вв.). Ч. 1. Заселение и хозяйство; Дон и степное Предкавказье (XVIII – первая половина XIX вв.). Ч. 2. Социальные отношения, управление, классовая борьба. Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1977 // Вопр. истории. – 1979. – № 8. – С. 133–137.

Ред.: Массовые источники по социально-экономической истории советского общества: Сб. ст. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 374 с. (Член редколлегии).

Ред.: Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма: Сб. ст. – М.: Наука, 1979. 415 с. (Член редколлегии).

1980

О древнейшей истории Кормчих книг на Руси // История СССР. – 1980. – № 5. – С. 105–124.

Дорожник И. Глушкова (к вопросу о прижизненном отклике на «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева) // Русская литература. – 1980. – № 3. – С. 150–160.

1981

Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. (некоторые проблемы теории) // Вопросы истории. – 1981. – № 3. – С. 34–552.

Делопроизводственные материалы XVI–XVII вв. // Источниковедение истории СССР: Учебник для исторических факультетов / Под ред. И.Д. Козовальченко. – 2-е изд. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 106–124.

Писцовое делопроизводство (XV–XVII вв.) // Там же. – С. 120–134.

Экономико-географические и статистические описания // Там же. – С. 207–221.

1982

Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в. (опыт количественного анализа) // Россия на путях централизации. – М.: Наука, 1982. – С. 125–146. (В соавт. с И.М. Гарсковой, М.Б. Булаковым).

Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. – 1982. – № 2. – С. 66–85. (В соавт. с Н.А. Горской).

Помещики и крестьяне России в XVII и XVIII вв. / *Les propriétaires fonciers et les paysans de Russie aux XVII et XVIII siècles* (доклад Международному конгрессу экономической истории. Август 1982 г.) // *Proceedings of the VIII International Economic History Congress*. – Budapest, 1982. – С. 339–3557. (В соавт. с А.Н. Чистозвоновым).

On the so-called agrarian towns of eighteenth-century Russia // *Soviet Studies in History*. – 1982. – Summer. – Vol. XXI. – N 1. – P. 10–31.

1983

Генезис и развитие древнерусского государства. О книге Б.А. Рыбакова «Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв.» // История СССР. – 1983. – № 2. – С. 105–121.

О «Слове о полку Игореве» (палеография и археография рукописи, чтение «русичи») // История СССР. – 1983. – № 5. – С. 82–106.

Некоторые аспекты применения количественных методов и ЭВМ в изучении нарративных источников // Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979, г. Таллине, 1981. – М., 1983. – С. 363–3993. (В соавт. с Л.И. Бородкиным).

1984

Древнерусский перевод Эклоги в кодификационной обработке конца XIII в. // Вестн. МГУ. – Сер. 9, История. – 1984. – № 3. – С. 56–65.

Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного) // Древнерусское искусство XIV–XV вв. / Под ред. О.И. Подобедовой. – М.: Наука, 1984. – С. 118–127.

Количественные методы в изучении социально-экономических явлений и процессов // Количественные методы в исторических исследованиях: Уч. пособие. – М.: Высш. шк., 1984. – С. 306–344. (В соавт. с Н.Б. Селунской).

Количественные методы анализа социально-политических и историко-культурных явлений // Там же. – С. 345–369. (В соавт. с Н.Б. Селунской).

Some aspects of the application of quantitative methods and computers in the analysis of narrative texts // *Soviet Quantitative History*. Ed. by Don K. Rowney. Sage Publications. – Beverly Hills, London; New Delhi, 1984. – P. 169–208.

Ред.: Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин: Статьи и материалы. – М., Наука, 1984. – 280 с. (Член редколлегии).

1985

О причинах возникновения крепостничества в России // *История СССР*. – 1985. – № 3. – С. 178–201.

Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России первой половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (многомерный анализ писцовых книг) // *Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях*: Сб. ст. – М.: Наука, 1985. – С. 31–66. (В соавт. с И.М. Гарсковой, М.Б. Булгаковым).

Культура сельскохозяйственного производства // *Очерки русской культуры XVIII века*. – Ч. I. – М.: Изд-во МГУ, 1985. С. 39–125. (В соавт. с Л.И. Вдовиной.)

Ред.: Математические методы и ЭВМ в исторических исследованиях: Сб. ст. – М.: Наука, 1985. – 342 с. (Член редколлегии).

1986

Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 301 с. (В соавт. с М.Б. Булгаковым, И.М. Гарсковой).

О специфике феодальной раздробленности на Руси (по поводу книги В.А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Западной Руси X–XIV вв.») // *История СССР*. – 1986. – № 2. – С. 140–147.

Основные товарные грузопотоки в России XVIII в. // *Национальный комитет историков Советского Союза. К IX Междунар. конгр. экон. истории*. – М., 1986. – С. 1–28.

Некоторые вопросы истории культуры Древней Руси (о книге Б.А. Рыбакова «Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки») // *Вестн. МГУ*. – Сер. 8, История. – 1986. – № 6. – С. 25–38.

Устав Ярослава (к проблеме типологии и происхождения) // *Руско-български връзки през вековете*. – София, 1986. – С. 82–90.

Предисловие // *Число и мысль*. – Вып. 9. – М.: Знание, 1986. – С. 3–5.
Russischer Feudalismus: Entstehung der Leibeigenschaft // *Gesellschafts Wissenschaften*. – 1986. – № 3(47). – P. 142–160.

Рец.: *Александров В.А.* Обычное право крепостной деревни России XVIII – начала XIX вв. М.: Наука, 1984 // *Вопр. истории*. – 1979. – № 8. – С. 1133–1137.

1987

К вопросу о зарождении так называемых кожевенных мануфактур в России конца XVII – начала XVIII вв. // Становление капитализма в Европе. – М., 1987. – С. 46–61.

О российском типе генезиса капитализма // Новая и новейшая история. – 1987. – № 2. – С. 78–95.

1988

Языческая Русь и ее праистория (о книге Б.А. Рыбакова «Язычество Древней Руси») // История СССР. – 1988. – № 6. – С. 92–112. (В соавт. с А.И. Роговым).

A typology of feudal estates in Russia in the first half of the XVII-th century (factor analysis) // The Russian Review: An American Quarterly devoted to Russia Past and Present. – 1988. – October. – № 4. – P. 375–390.

Ред.: Вдовина Л.Н. Крестьянская община и монастырь в Центральной России в первой половине XVIII в. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 213 с. (Титульный ред.).

1989

О происхождении Пространной Русской Правды // Вестн. МГУ. – Сер. 8, История. – 1989. – № 1. – С. 3–29.

Общее и особенное российского феодализма (постановка проблемы) // История СССР. – 1989. – № 2. – С. 39–67.

Исторические судьбы некоторых форм собственности (к характеристике труда в духовном производстве) // Вопр. истории. – 1989. – № 3. – С. 134–145.

Структура единого аграрного рынка в России конца XIX в и явление резонанса колебаний урожайности // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки. – 1989. – № 3(67). – С. 63–76. (В соавт. с И.Д. Ковальченко).

Die wichtigsten güterströme im Russland des XVIII Jahrhundert // Das Binnenhandel und die wirtschaftlichen Entwicklung. Herausgegeben von Sandor Gyimesi. – Budapest, 1989. – P. 108–134.

Ред.: Математические методы и ЭВМ в историко-типологических исследованиях: Сб. ст. – М.: Наука, 1989. – 269 с. (Член редколлегий).

1990

Частновладельческие и монастырские крестьяне России первой половины XVII в. // История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. – Т. 2. Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма. – М.: Наука, 1990. С. 349–368. (В соавт. с Н.А. Горской).

Рец.: Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси. М.: Наука, 1988. // Средние века. – М.: Наука, 1990. – С. 269–272.

Рец.: О книге Н.И. Павленко «Полудержавный властелин»: Историческая хроника. М.: Современник, 1988. // История СССР. – 1990. – № 1. – С. 202–204.

Ред.: Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тез. докл. V всесоюзной конф. – Киев, 1990. – (Член редколлегии).

1991

К истории домоводческого отношения к природе // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения памяти А.Л. Станиславского. Тез. докл. и сообщ. – М., 1991.

Типология феодальных хозяйств России первой половины XVII в. (факторный анализ) // Аграрная эволюция России и США в XIX – начале XX в. Материалы советско-американских симпозиумов. – М., Наука, 1991. – С. 67–86. (В соавт. с И.М. Гарсковой).

А.Т. Болотов – автор крестьянской энциклопедии конца XVIII в. // Вопросы истории. – 1991. – № 7–8. – С. 13–25.

Natural and climatic factor and peculiarities of Russian historic process // Historical Social Research. Historische Sozialforschung: The Official Journal of Quantum and Interquantum. – Köln. – 1991. – Vol. 16. – № 2. P. 40–59.

Ред.: Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тез. докл. и сообщ. Свердловск, 24–27 сентября 1991 г. Ч. 1–2. М., 1991. (Отв. ред.).

Ред.: Византия. Средиземноморье. Славянский мир: К XVIII международному конгрессу византинистов. – М.: Изд-во Московского университета, 1991. – 189 с. (Член редколлегии).

1992

Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопр. истории. – 1992. – № 4–5. – С. 37–56.

Природу нельзя отменить, как бы этого ни хотели политики. О прошлом и будущем русского крестьянина // Независимая газета. – 1992. – 22 мая.

A typology of feudal estates in Russia in the first half of the XVII-th century (factor analysis) // Quantitative Studies in Agrarian History. Ed. by M. Rothstein, D. Field. – Iowa State Univ. Press/ Ames, 1992. (В соавт. с И.М. Гарсковой).

The peculiarities of the genesis of Ancient Russia as the Euro-Asiatic state // Ancient Cultures of North-East Asia: Their Origins and Development. The XI-th International Academic conference. Wonkwang University. – Korea, 1992. – P. 173–176.

Le Moujik et la Perestroika // La Revue Tocqueville. – Vol. XIII. – 1992. – № 2. – P. 163–174.

Ред.: Россия и США на рубеже XIX–XX вв. Математические методы в исторических исследованиях: Сб. ст. – М.: Наука, 1992. – 394 с. (Отв. ред. – совм. с В.Л. Мальковым).

Ред.: Флоря Б.Н. Отношения государства и церкви у восточных и западных славян (эпоха средневековья). – М., 1992. – 157 с. (Отв. ред.).

1993

Если говорить серьезно о частной собственности на землю... Россия. Климат. Земельные отношения и национальный характер // Свободная мысль. – 1993. – № 2. – С. 77–88.

Природу нельзя отменить, как бы этого ни хотели политики (о прошлом и будущем русского крестьянина) // Социум. – 1993. – № 25. – С. 26–33.

Выступление в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. – 1993. – № 2. – С. 18–19, 21.

Выступление в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. – 1993. – № 6. – С. 103–104, 106.

Рец.: Петр Бориславич – вероятный автор «Слова о полку Игореве». О книге Б.А. Рыбакова «Петр Бориславич. Поиск автора «Слова о полку Игореве»» // Литература в школе. – 1993. – № 5. – С. 70–73.

1994

Милов Л.В., Бородин Л.И., Неберекутина Е.В. и др. От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства. Под ред. Л.В. Милова. – М.: Прогресс, 1994. – 445 с.

Выступление в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. – 1994. – № 6. – С. 25–27.

Condizioni ambientali e sviluppo del settore agricolo e del mondo rurale in Russia // Sociologia Urbana e Rurale. Quadrimestrale diretto da P. Guidicini. – 1994. – D. XVI. – № 45. – P. 23–31.

1995

Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 76–87.

Выступление в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. – 1995. – № 4. – С. 24–25.

Applying Quantitative Methods: the Formation of the National Agrarian Market in Russia, 1746–1900 // Research in Economic History. – 1995. – Vol. 15. – JAI Press Inc., Greenwich, Connecticut, London, England. – P. 37–69.

The Problem of the Old and the New in the Old Russian System of Punishment // 18-th International Congress of Historical Sciences. Acts, Proceedings, Reports, Abstracts and Introductions to Round Tables. – Montreal, 1995. – P. 359.

Рец.: Горский А.А. «"Слово о полку Игореве" и «Задонщина»: источниковедческие и историко-культурные проблемы». М., 1992 // Отечественная история. – 1995. – № 1. – С. 190–192.

Ред.: Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. XXIV сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – М., 1995. – 294 с. (Отв. ред.).

Россия при Петре I; Россия при преемниках Петра I и в правление Екатерины II // История России с древнейших времен до конца XX в.: В 3 т. Т. 2. История России с начала XVIII в. до конца XIX в. / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: АСТ, 1996. – С. 9–296.

Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX вв. Материалы междунар. конф. Москва, 14–15 июня 1994 г. – М., 1996. – С. 40–56.

Предисловие // Там же. – С. 5–6.

Академик РАН И.Д. Ковальченко (1923–1995). Труды и концепции // Отечественная история. – 1996. – № 6. – С. 85–109.

Иван Дмитриевич Ковальченко (1923–1995) // Историки XVIII–XX вв. – Вып. 3. – Архивно-информационный бюллетень. – № 14. (Приложение к журналу «Исторический архив»). – М., 1996. – С. 155–165.

Легенда или реальность? (О неизвестной реформе Владимира и Правде Ярослава) // *Ius Antiquum*. Древнее право. – 1996. – № 1. – С. 201–218.

The Problem of Byzantine Law in Old Russia // *Revue des Études Sud-Est Européennes*. Civilisations-Mentalités. – Т. XXXIV. – 1996. – № 3–4. – Juillet-Décembre. P. 201–207.

Ред.: Аграрный рынок в историческом развитии. – Екатеринбург, 1996. (Отв. ред.).

Ред.: Аграрные технологии в России IX–XX вв. XXV сессия симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. Арзамас, 10–13 сент. 1996 г. – М., 1996. (Отв. ред.).

Ред.: Менталитет и аграрное развитие России. XIX–XX вв. Материалы международной конференции. Москва, 14–15 июня 1994 г. – М.: РОССПЭН, 1996. – 440 с. (Отв. ред.).

1997

И.Д. Ковальченко: Труды и концепции // Материалы науч. чтений памяти академика И.Д. Ковальченко: Москва, МГУ, 2–3 дек. 1996 г. – М., 1997. – С. 12–20.

К вопросу о фундаментальных факторах в русском историческом процессе // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии / Междунар. симпоз. 17–19 янв. 1997 г. – М., 1997. – С. 48–58.

Природно-климатический фактор и некоторые особенности развития российской государственности // Российская государственность: история и современность. Материалы научно-практического семинара «Российская государственность и внешняя политика». – М.: МГИМО, 1997. – С. 63–70.

Ред.: Яковлева В.П. Рынок и сельское хозяйство. Структура помещичьего и крестьянского хозяйства кануна отмены крепостничества в России. – Йошкар-Ола, 1997. – 214 с. (Отв. ред.).

Ред.: Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко: Москва, МГУ, 2–3 дек. 1996 г. – М., 1997. (Член редколлегии).

Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М., РОССПЭН, 1998. – 574 с.

Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава // Культура славян и Русь: Сб. ст. к 90-летию акад. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1998. – С. 196–202.

Б.А. Рыбаков – исследователь «Слова о полку Игореве» // Русский исторический вестник. История. Цивилизация. Культура. Текст. // Международный ежегодник. 1998. – М., 1998. – С. 8–17.

Византийская Эклога и Пространная Правда (проблемы рецепции) // Ius Antiquum. Древнее право. – 1998. – № 1(3). – С. 113–119.

Выступление на теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития» // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 116–117.

Some Questions of Russian Transition from Feudalism to Capitalism (an interview taken by Zhang Guangxiang) // Journal of Northeast Normal University. – Philosophy and Social Sciences. – № 5 (175). – 1998. – P. 22–25. (КНПР; на кит. яз.).

Ред.: Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. – СПб., 1998. (Отв. ред.).

Ред.: Особенности российского земледелия и проблемы расселения. IX–XX вв. / XXVI сессия симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. Тез. докл. и сообщ. Тамбов, 15–18 сент. 1998 г. – М., 1998. (Отв. ред.).

1999

Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (К рецепции византийского права на Руси) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина: Сб. ст. – М.: Индрик, 1999. – С. 129–142.

«Не поле кормит, а нива» (о роли архаичных элементов агрикультуры в русском земледелии XVIII в.) // Аграрные технологии в России IX–XX вв. / Материалы XXV сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999. – С. 7–24.

Академик РАН И.Д. Ковальченко. К характеристике творчества. // Исторические записки. – Т. 2. – М., 1999. – С. 28–61.

Публ.: Ковальченко И.Д. Проблемы многомерной периодизации хода экономического развития (1861–1913) // Там же. – С. 11–27.

2000

К вопросу об истории церковного устава Владимира // Florilegium. К 600-летию Б.Н. Флори: Сб. ст. – М.: Индрик, 2000.

Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси // Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв. – М., 2000. – С. 97–107.

К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи. (О так называемой версии А.Т. Фоменко) // Сб. Русского исторического общества. № 3(151). – М.: РИО, Русская панорама, 2000. – С. 31–46.

То же // Новая и новейшая история. – 2000. – № 3. – С. 12–27.

RUZZI «Баварского географа» и так называемые «русичи» // Отечественная история. – 2000. – № 1. – С. 94–101.

О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII – первой трети XIX в. // Пробл. источниковедения и историографии. Материалы II науч. чтений памяти акад. И.Д. Ковальченко. – М.: РОССПЭН, 2000. – С. 30–43.

К характеристике российской государственности // *Azərbaycan tarixinin çağ'aş probleməri*. – Bakı, 2000.

Н.А. Горская: двадцать три сессии Аграрного симпозиума // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов, 2000. – С. 358–361.

Проблемы многомерного анализа параметров крестьянского хозяйства в работах академика И.Д. Ковальченко // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 12–16 сент. 2000 г. – М., 2000. – С. 225–227.

Ред.: Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов, 2000. (Отв. ред.).

Ред.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе (Землевладение, землепользование, производство, менталитет). XXVII сессия симпоз. по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Вологда, 12–16 сент. 2000 г. – М., 2000. (Отв. ред.).

2001

К вопросу о социальной сути крестьянских переходов на Руси XV–XVI вв. // Восток – Россия – Запад. Исторические и культурологические исследования. К 70-летию акад. В.С. Мясникова. – М., 2001. – С. 62–64.

К вопросу о подлинности Радзивилловской летописи. (О так называемой версии А.Т. Фоменко) // «Так оно и оказалось!» Критика «новой хронологии» А.Т. Фоменко (ответ по существу): Сб. ст. – М.: АНВИК К, 2001. – С. 130–153.

Из истории аграрного рынка России // Независимая газета. – 2001. – Февраль.

Ред.: Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессии симпоз. по аграрной истории Восточной Европы. – Вологда, 2001. (Отв. ред.).

2002

К вопросу о социальной природе творческой интеллигенции // Вест. РАН – 2002. – Т. 72. – № 9. – С. 800–804.

Обездоленный интеллект. «Собственники своего мастерства» полезны неистребимой буржуазностью // Лит. газ. Научная среда. – Вып. 7(23). – 2002. – 17 апр.

Природно-климатический фактор и тип российского социума // Российская цивилизация. Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. – М., 2002.

Из истории формирования аграрно-товарного рынка // VI Плехановские чтения. Россия. Путь в сто лет (1900–2000). 30.05 – 01.06. 2002: Тез. докл. – СПб., 2002.

Нет уз святее товарищества // Югославянская история в новое и новейшее время. Материалы науч. чтений, посвященных 80-летию профессора В.Г. Карасева. – М., 2002.

Ред.: Землевладение и землепользование в России. XXVIII сессия симпоз. по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Калуга, 20–28 сент. 2002 г. – М., 2002. (Отв. ред.).

2003

Особенности исторического процесса в России // Вест. РАН – Т. 7/3. – № 9. – Сент. 2003. – С. 771–778.

Природа и общество: природно-климатический фактор и тип российского социума // Российская цивилизация / Под ред. М.П. Мchedлова. – М., 2003.

Ред.: Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты): Материалы XXVIII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга, 2003. (Отв. ред.).

2004

Ред.: Динамика и темпы аграрного развития России: инфраструктура и рынок. XXIX сессия симпоз. по аграрной истории Восточной Европы: Тез. докл. и сообщ. Орел, 21–25 сент. 2004 г. – М., 2004. (Отв. ред.).

Ред.: Степанова Л.Г. Новгородское крестьянство на рубеже XV–XVI столетий (уровень развития хозяйства). – М.: Древлехранилище, 2004. (Отв. ред.).

2005

Опыт реконструкции материальной базы древнерусской семьи XIII–XIV вв. // Неисчерпаемость источника. К 70-летию В.А. Кучкина. – М., 2005. – С. 124–127.

Палеография и написание «роськая» // Ad Fontem / У источника: Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. – М.: Наука, 2005. – С. 183–186.

Особенности исторического процесса в России // Comisia bilaterala a istorieiilor din Romania si Federatia Rusa. Двусторонняя комиссия историков Румынской Федерации и Румынии. Sesiunea IX (9-го обслуживания). Constantia, 2005. Констанца, 2005. Centrul de studii și cercetări ale istoriei și civilizației zonei Marii Negre (sec. XIX–XXI). Румынская Академия, Российская Академия наук. – Constantia: Muntenia, 2005. – С. 47–69.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (академик В.Л. Янин).....	3
---------------------------------------	---

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Об «изводе пред 12 человека» Правды Ярослава.....	7
О «Слове о полку Игореве» (палеография и археография рукописи, чтение «русичи»).....	16
Тверская школа книжного письма второй половины XIV в. (из истории Троицкого Мерила Праведного).....	51
<i>RUZZI</i> «Баварского географа» и так называемые «русичи»	74
Византийская Эклога и «Правда Ярослава» (к рецепции византийского права на Руси).....	87
Проблемы рецепции византийского права в Древней Руси	100
О происхождении Пространной Русской Правды	112
Татищевские портреты-характеристики и «Симонова» летопись.....	149
Методологические проблемы источниковедения писцовых книг (о концепции С.Б. Веселовского)	176
Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России.....	197
«Сказки» крестьян как исходный материал для «Экономических примечаний Генерального межевания»	225
А.Т. Болотов – автор крестьянской энциклопедии	245

КЛИОМЕТРИЯ

Некоторые аспекты влияния урожайности на динамику хлебных цен (к вопросу о корреляционной модели рынка)	265
Системно-структурный подход к изучению аграрного развития России первой половины XVII в. и проблемы типологии феодального хозяйства (многомерный анализ писцовых книг)	295
Структура единого аграрного рынка в России конца XIX в. и явление резонанса колебаний урожайности	330

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ

Об изучении роста оброка в России во второй половине XVIII в.	343
О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в.	371
Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России в XIX в.	388
Помещики и крестьяне России в XVII и XVIII вв.	412
Основные товарные грузопотоки в России XVIII в.	440
О некоторых методологических аспектах изучения аграрного рынка второй половины XVIII – первой трети XIX в.	459

ВОПРОСЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

Классовая борьба крепостного крестьянства России в XVII–XVIII вв. (некоторые проблемы теории)	472
О причинах возникновения крепостничества в России	500
О специфике феодальной раздробленности на Руси. (По поводу книги В.А. Кучкина «Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв.» М.: Наука, 1984)	539
О российском типе генезиса капитализма	549
Исторические судьбы некоторых форм собственности (к характеристике труда в духовном производстве)	576
Общее и особенное российского феодализма (постановка проблемы)	593
Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса	638
Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства	670
К вопросу о социальной природе творческой интеллигенции	689
Особенности исторического процесса в России	699

ПРИЛОЖЕНИЕ

Список печатных трудов Милова Леонида Васильевича	715
--	-----

Научное издание

**Милов
Леонид Васильевич**

**ПО СЛЕДАМ
УШЕДШИХ ЭПОХ**

Статьи и заметки

*Утверждено к печати
Отделением историко-филологических наук
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректор *Р.В. Молоканова*

Подписано к печати 27.06.2006
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 46,1. Усл.кр.-отг. 46,1. Уч.-изд.л. 49,0
Тираж 700 экз. Тип. зак. 3407

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52 www.LitRAS.ru E-mail:
info@litrass.ru

197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 76; (код 812) 235-40-64

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и
"Книга-почтой"**

690088 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232)
45-27-91 antoli@mail.ru

620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3433)
50-10-03 kniga@sky.ru

664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
aknir@irlan.ru

660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@krasmail.ru

220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by

117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@nm.ru; (Бук. отдел
125-30-38)

117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; 932-74-79

127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96 (Бук. отдел)

113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33,
737-03-77 (доб. 50-10)

117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; 334-72-98 akademkniga@naukaran.ru

630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru

630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 3833)
30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru

142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 277)
3-38-80

191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65
ak@akbook.ru (Бук. отдел)

194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий проспект, 4; (код 812) 297-91-86

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812)
323-34-62

634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru

450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-62 akademkniga@ufacom.ru

450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Коммерческий отдел, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: 241-03-09
www.LitRAS.ru
E-mail: info@litrass.ru
zakaz@litrass.ru
Склад, телефон 291-58-87
Факс 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

ISBN 5-02-035129-6

9 785020 351295